КОНАН

ДУГЛАС БРАЙАН

ПУТЬ ВОИНА

КОНАН

ДУГЛАС БРАЙАН

ПУТЬ ВОИНА

KOHAH

КОНАН

ДУГЛАС БРАЙАН

ПУТЬ ВОИНА

Конан и кхитайский мудрец
Конан и неунывающая воровка
Конан и двое заблудившихся
Конан и искатели приключений

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ МОСКВА «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС» Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Б12

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Компьютерный дизайн *С.В. Шумилин*

Брайан, Дуглас
Б12 Путь воина / Дуглас Брайан. — М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2009. — 893, [3] с. — (Конан).

ISBN 978-5-17-048926-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-93698-122-7 («Северо-Запад Пресс»)

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2007

КОНАН И КХИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ

В своих путешествиях Конан то и дело встречается с самыми разными людьми - бродягами, авантюристами, наемниками, разорившимися аристократами... Некоторые из них не раз оказывались спутниками киммерийца, и в этом нет ничего удивительного: ведь мир, по большому счету, довольно тесен, и на широкой дороге, по которой ходят искатели приключений, то и дело происходят самые неожиданные встречи.

Одним из таких приятелей Конана стал кхитайский мудрец, забавный, хитроумный человек по имени Тьянь-По. Вместе с варваром кхитаец пережил немало приключений, и в конце концов они даже сделались друзьями.

Читателю этой книги предстоит узнать несколько забавных, увлекательных и в какой-то мере поучительных историй, связанных с этой своеобразной дружбой между двумя столь непохожими людьми: громадным варваром-северянином и крошечным кхитайским каллиграфом...

Тайна замка Амрок

Хорошо бы перековать обе задних ноги, — сказал кузнец, почесывая черным пальцем лоб под широким ремешком. — И, конечно, правую переднюю. Иначе ты погубишь лошадь, не добравшись до замка Амрок. Камни здесь злые. Превращают в лохмотья даже самые крепкие сапоги, да и подковы не жалеют. К тому же, погляди сам — дождь не уймется еще много дней. Дорога скользкая.

Конан слушал вполуха. Он уже смирился с тем, что кузнец сдерет с него по возможности больше. Кузнецы в этом весьма похожи на лекарей. Стоит невзначай попасться на глаза практикующему шарлатану с какой-нибудь пустяковой царапиной, как он найдет у тебя по меньшей мере пять смертельных хворей и примется их лечить самыми новейшими (и дорогими) снадобьями, толку от которых не больше, чем от старых и дешевых. Наиболее зловредны в этом отношении зубодеры. По счастью, Конан научился обходиться без услуг медикусов всех мастей и пород. Но лошадь, потерявшая подкову на каменистой дороге, обречена. Губить без толку живую тварь, к тому же умную и послушную, — непозволительная роскошь. Раз уж она служит, как умеет, хозяин должен о ней позаботиться. Поэтому варвар обратился к помощи кузнеца, чья хижина, кстати сказать, была первым жильем, обнаруженным за два дня пути.

Она стояла на перекрестке большака и узкой дороги, поднимающейся в горы. Дорога эта и вела в замок Амрок, о котором Конан только что услышал.

— Почему ты решил, что я еду в замок? — спросил он у кузнеца.

— Да вид у тебя чудной, — отвечал кузнец.

В горне загудело, и красноватые отблески забегали по потолку и стенам кухни. Сам кузнец, и без того чумазый и страшный, сделался похож на подземного демона, выпрыгнувшего из жерла вулкана.

— Ты находишь, что я чудно выгляжу! — расхохотался варвар. — Посмотри сначала на себя!

По счастью, он был в хорошем настроении.

— Конечно, — молвил кузнец невозмутимо. — Ты — форменный чудак, и при этом — чужак.

— А кого ты считаешь своим? — начал сердиться Конан. — Твоя мазанка торчит здесь в одиночестве, будто прыщ на носу!

— Любой, приехавший сюда, — чужак, — рассудительно произнес кузнец.

Возразить на это было нечего. Варвар поворчал себе под нос и решил не продолжать беседы.

Ухватив щипцами раскаленную железную полосу, кузнец бросил ее на наковальню и принялся колотить молотом, рассыпая окрест длинные искры. Ему-то как раз хотелось поговорить и видно было, что случай к этому выпадает нечасто.

— Вчера! Тоже! Проехали! К замку! — начал он, вставляя слова между ударами молота. — Как есть! Чудаки! Книжники!

Конан пожал плечами. Увидев, что его сообщение не произвело никакого эффекта, кузнец добавил:

— Из города! Ясное! Дело!

С этим он снова подцепил щипцами уже готовую подкову и бросил ее в ведро, полное грязноватой воды. В ведре страшно зашипело.

— Ну и что? — пренебрежительно пожал плечами варвар. — Если хозяин замка пригласил к себе ученых людей, так это его дело.

— Хозяин помер зим десять тому, — хмыкнул кузнец, закладывая в горнило новую заготовку. — Нет, эти господа приехали не по приглашению. А сегодня еще трое — но уже не ученые. Больше похожи на прощелыг, искателей наживы. Наглые, пустоголовые и все при мечах. Что им понадобилось, как не деньги?

— Замок пуст? — спросил Конан, постепенно заинтересовываясь.

— Там живут слуги покойного графа. Джокс — мажордом, Грателло — лакей, кухарка, два конюха, псарь и шут Баркатрас, самый большой олух на триста лиг вокруг.

— Целая армия, — заметил варвар. — Им нечего опасаться грабителей.

— При чем тут грабеж? — покачал головой кузнец. — Дело в другом. Замок битком набит чудесами. О них ходят легенды. Пяток зим назад, пока кабачок старого Уинтера был открыт, там только и говорили, что о тайнах замка Амрок.

— Так уж водится у вас в Бритунии. Был бы замок, а уж всяких небылиц про него мужланы навыдумывают сами, — сказал варвар.

Кузнец сделал вид, что оскорбился, и вторую подкову ковал молча, ударяя молотом с яростью. Иногда он делал паузу и присматривался к пышущему жаром железу. Подкова, наверное, казалась ему живым существом, из которого следовало вышибить дух. Всякий раз она вела себя подозрительно, и кузнец с наскока атаковал ее, бранясь сквозь зубы. Наконец он решил, что одолел подкову, и спровадил ее в ведро к остывающей товарке.

— Я знаю, что говорю, — произнес он сердито. — Замок Амрок — чудное место, чудным был его хозяин, и ездят туда одни только чудаки. Вроде тебя.

— Похоже, разговор зашел в тупик, — решил варвар и широко зевнул. В кузнице было душновато, но тепло, а главное — сухо. От этого ощущения Ко-

нан успел отвыкнуть, скитаясь под беспрерывным дождем. Теперь его слегка даже разморило.

— И что же чудного было в хозяине замка? — вопросил он лениво.

Кузнец будто того и ждал.

— Это будет целая сага. Если ты готов слушать, то я, впридачу к ней, угощу тебя капелькой спиртного. Что скажешь?

Капелька оказалась объемом в добрую кружку и была такой суровой крепости, что луковица, поданная в качестве закуски, показалась слаще груши. Но дорожная усталость испарилась, словно ее и не бывало. Конан расположился на изрубленном чурбачке, а кузнец выволок из груды хлама увечный табурет и, балансируя на нем, повел рассказ.

— Сколько зим мне — я точно не скажу, но всяко больше полувека. Это я к тому, что последний граф Амрок прибыл в наши края, когда я был совсем ребенок, то есть очень давно. Я хорошо помню тот день — дождь, как и сейчас, лил и лил, а вершины скал все были затянуты тучами. Там, в этих тучах, и стоит замок. Иногда его видно и отсюда — когда грозовая молния попадает в шпиль главной башни, все строение начинает светиться мертвенным зеленоватым светом, наподобие гнилушки. Какая судьба постигла предыдущего графа, отца последнего, доподлинно неизвестно. В замке он почти никогда не жил, предпочитая пышный дворец своего сюзерена, герцога этих земель. С одной стороны — арендаторам было как-то спокойнее, с другой же — неуютно. Всегда приятно знать, что хозяин и покровитель где-то поблизости.

Сказывали, что предпоследний граф упал на охоте с лошади, да так неудачно, что тут же и умер. Стряпчие долго разыскивали наследника, который проживал в городах уйму денег, нигде и никому не служил, ничему не учился — словом, жил, как и подобает богатому наследнику. Местные жители все ждали — кому и почем он продаст родовое поместье, а он возьми да и объявись!

Мой отец как раз сидел за кружкой пива в заведении Уинтера, а с ним — несколько почтенных работорговцев, считавших за благо иметь в приятелях единственного кузнеца в округе. Папаша редко выпивал на свои. Никем не узнанный, граф Амрок вошел в кабачок, оглядел всех весело, спросил самого крепкого вина, и как бы невзначай распахнул свой мокрый плащ. На груди его висела тяжелая золотая цепь с фамильным гербом. Посетители вскочили, как ошпаренные.

— Да, я ваш хозяин, и я вернулся, — сказал им граф. — Жить я буду в замке. Завтра можете там же поздравить меня с приездом. А теперь — брысь отсюда! Я хочу отдохнуть.

Папаша с приятелями оказались под дождем, сами не понимая как.

— Оно, конечно, как бы и хорошо, — глубокомысленно заявил арендатор Гвилл. — Но все же как будто и не совсем.

— Гм, — сказал мой папаша. — Его милость дал понять, что завтра он уже будет в замке. А это странно — ведь туда больше дня пути, да еще по такой погоде. Как же его милость успеет добраться за жалкий остаток ночи?

— Воистину, странно! — подтвердили все арендаторы.

— Может, у его милости — хороший конь? — предположил Гвилл, человек в высшей степени трезвомыслящий даже в подпитии.

Но отец с большим сомнением покачал головой.

Через пару дней делегация арендаторов с традиционными дарами достигла замка. Джокс, в ту пору — зеленый юнец — встретил их в своей манере, напыщенной и чванной.

— Граф ожидал вас вчера, — сказал он. — Не знаю даже, примет ли он гостей теперь.

— Но ведь мы вышли рано поутру после того, как его милость объявили о своем возвращении, — возразил отец. — Неужто он так сильно нас обогнал?

Джокс насупил брови.

— Граф прибыл третьего дня, — изрек он. — Это так же бесспорно, как и заплата на твоих штанах.

Спорить с ним было бесполезно, и отец погрузился в молчаливые расчеты, из которых следовало, что граф Амрок умел летать по воздуху со скоростью вихревого демона.

— А верно лошадь его милости очень хороша, — встрял арендатор Гвилл.

Джокс на это повел бровями и ответствовал:

— Граф прибыл пешком.

Все очень удивились такому обстоятельству. Особенно странно было, что его милость шел пешком, как последний батрак, хотя даже у самых бедных крестьян водился в хозяйстве какой-нибудь пони или, на худой конец, мул. Джокс сурово отказался обсуждать это. Ему ясно было, что хозяин волен ездить верхом, ходить пешком или даже скакать на метле — это его господское дело.

Граф однако ж принял делегатов, усадил их по обычаю на почетные места и выслушал с должным вниманием все заверения в верности, преданности и прочая. Папаша впоследствии рассказывал, что сразу отметил насмешливый и недобрый огонек в глазах его милости. Но товарищи его, сердясь, говорили, что он врет. Каждый в отдельности приписывал открытие этого недоброго огонька лично себе, но все вместе соглашались — толку от этого было немного.

— Кое-что изменится в нашей земле, — произнес граф. — И вам лучше бы принять это как есть. Жизнь ваша была скучна и однообразна — дождь с утра до вечера, сплетни да выпивка — вот и все радости. Я же намерен забавляться. Знаю, о чем вы подумали! Выбросьте это из ваших голов. Я не буду портить девок и устраивать глупые попойки. Это скучно, непроходимо скучно! Нет, я буду забавляться по-другому. Ха, ха, ха!

Он рассмеялся очень ненатурально. Но не это было странным. К ужасу моего отца, огромная кабанья голова, лежавшая на серебряном блюде, обложенная яблоками, вдруг распахнула свою клыкастую пасть и тоже сказала: «Ха-ха-ха!» Причем из пасти выпал пучок приправ.

Больше никто этой странности не заметил.

«Да не пьян ли ты, старина?» — спросил отец сам у себя, но отрицательного ответа дать не мог, не покривив душою, ибо перед этим выпил шесть или семь кружек.

Изрядно угостились арендаторы в замке и всех полегоньку разобрало. А дело шло к ночи, и очень не хотелось им выбираться под дождь и спускаться вниз, в темноте и слякоти. Тешила их надежда, что добрый господин уложит спать гостей где-нибудь в замке, чтобы поутру со свежими силами... Надобно сказать, что в наших краях в гости хаживали дня на три запросто, а бывало, что и седмицами застревали. Арендатор Гвилл набрался нахальства и довольно прозрачно намекнул графу, что время позднее, что его милость, вероятно, устал, и что хорошо бы его отпустить на покой.

— Ах, окажите такую любезность! — сказал граф. — Пора и вам по домам, чай, жены заждались.

— Так-то оно так, но ведь путь-то неблизок, — растерялся Гвилл.

— Что? Вздор. Чихнуть не успеете, как окажетесь внизу, в кабачке, — рассмеялся граф. — Нуте-ка, садитесь все рядком вон на ту длинную скамью и держитесь за нее крепче.

Арендаторы — народ сговорчивый. «Хочет господин подшутить, — решили они, — что ж, пусть его шутит, лишь бы оброка не поднимал». Подумав так, садятся гости на скамью, и папаша мой со всеми вместе. «Никогда не чувствовал себя глупее», — говаривал он впоследствии.

Граф Амрок посмотрел на эту честную компанию, хмыкнул, щелкнул пальцами... В тот же миг скамейка взлетает в воздух, опрокидывая огромный подсвечник, и летит к окну, которое в самое последнее мгновение успевает раскрыться!

Арендаторы кричали от ужаса. Один только мой папаша сохранил лицо, хоть хмель и выскочил из его головы. Скамья летела с ужасной скоростью — только ветер свистел в ушах загулявшихся гостей. Скалы, тучи, хлещущие струи дождя — все перемешалось и мелькало перед глазами. Спуск происходил не по прямой линии, а по спирали вокруг горы, при этом на поворотах дух захватывало и в головах устрашающе шумело.

Но, как и обещал граф Амрок, скоро показался кабачок Уинтера. Скамейка плюхнулась в центре огромной лужи, подняв тучи брызг. Арендаторы еще какое-то время судорожно держались за нее, а потом разжали хватку и один за другим повалились в грязь.

— Что вы скажете на это, почтенные? — спросил папаша.

— Сдается мне, чудные дела творятся в замке Амрок, — ответил арендатор Гвилл.

— Воистину так, — согласились остальные.

Некоторое время в кабачке обсуждалось это происшествие, но никто толком не сумел его разъяснить. Скамейка несколько дней простояла в луже,

не двигаясь с места. В конце концов старина Уинтер не выдержал и забрал ее себе.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Теперь не делают таких скамеек.

Ее поставили в залу и показывали проезжающим, как большое диво. Немногие отваживались на ней сидеть. Но однажды один чудак из города, воображавший себя очень ученым человеком, дотошно осмотрел скамейку, попрыгал на ней задом, огладил руками и молвил:

— Ваши россказни — пустые басни. От этой трухлявой лавки ничуть не пахнет колдовством. Уж я бы почуял! Неужели вы хотели надуть меня при помощи этой рухляди, траченной червями?

Только он так сказал, как скамейка взвилась кверху, толкнула в грудь степенного мастера-бочара, отчего тот упал, и вылетела в открытую дверь. Больше ни ее, ни ученого путника в наших краях не видели.

Много произошло странного. Так, однажды коза сиротки Джилл заглянула в окно общинного старосты и человеческим голосом поздравила его с добрым утречком. А на огороде нашей тетушки Эммы вырос мальчик, из головы которого торчал пучок ботвы. Он давно уже взрослый и служит в городе, в управе. Бывали и неприятные случаи, даже прискорбные. Арендатору Бибоди явился однажды скелет в одежде акцизного чиновника, и бедолага Бибоди до самой смерти заикался и тряс головой.

Граф жил затворником, никуда не ездил и никого из местных не принимал, да и мало нашлось бы желающих проведать его. Джокс аккуратно собирал подати, и сейчас собирает в пользу графской казны. Надобно сказать, что на днях исходит срок — наследник, если таковой имеется, обязан объявиться, иначе все добро перепишут в пользу герцога.

— С кого же собирают подати? — удивился Конан. — Разве во круге, кроме тебя, остался кто-нибудь?

— Это верно, почти все разбрелись кто куда. Четыре семьи не захотели покидать этих краев, а прочие решили, что страшная погибель графа — предостережение, и хорошего ждать не приходится, — ответствовал кузнец.

— А что случилось с графом?

— Однажды Джокс спустился вниз... Я очень хорошо помню этот день. Лил дождь, прямо как сегодня...

— И все было затянуто тучами, — догадался Конан. — Давай дальше без подробностей!

— Без подробностей неинтересно, — надулся кузнец, помолчал немного, разлил по стаканам остатки спиртного и все-таки продолжил: — Джокс сразу прибежал в заведение Уинтера. Там, в компании соседей и приятелей, отдыхал после дня трудов некто Лерон, коновал, способный врачевать и двуногую скотину, то есть людей. Лечил он их все больше перцовой настойкой и кровопусканиями. Джокс обратился к нему:

— Господину нашему срочно требуется твоя помощь! — сказал он. — Мешкать нельзя.

Лерон высказался, что неплохо бы перед дальней дорогой пропустить еще стаканчик-другой, но Джокс и слушать его не стал — ухватил за ворот и вытащил из кабачка.

Утром Лерон появился в поселке — совершенно седой, оборванный и без одного башмака. Арендаторы окружили несчастного и стали расспрашивать: что ввергло его в такое горестное положение? Лерон жестами показал, что ему непременно надо выпить. Принесли бутылочку, и поседевший коновал высосал ее одним махом, словно в ней было молоко.

— Нынче ночью я был в замке Амрок! — проговорил он, когда отдышался.

— Но как же ты, почтенный, успел туда и обратно? — вопросили присутствовавшие. — Никак, лежал на скамейке?

— То не скамейка была, о нет! — возразил Лерон. — Увы, я — пожилой, всеми уважаемый человек — летел верхом на управляющем, а тот, в свою очередь, оседлал бронзовую кочергу. Пока мы летели, из меня вытряхнуло все мои познания в сложном искусстве врачевания, и перед скорбным ложем больного я предстал совершенным профаном. Но не это ужасно, почтеннейшие! То, что я увидел, заставило меня застонать от ужаса. На кровати лежала... половина графа Амрок, словно его рассекли надвое вдоль острым мечом. При всем этом граф оставался вполне жив, двигал рукой, ногой, ухмылялся половиною рта и щурил глаз. Ни крови, ни торчащих внутренностей — срез на вид был гладким, черным, и когда я захотел потрогать его рукой, она провалилась почти по локоть в пустоту.

— Полегче! — прикрикнул граф. — О, небеса! В этой распроклятой дыре нет даже врача, один только пьяный живодер!

— Но как это случилось с вами, ваша милость? — спросил я.

— Я ставил один очень интересный опыт, — ответил мой половинчатый пациент. — И сделался жертвой собственной неосторожности.

— Расскажите подробнее, — настаивал я. — Как же я смогу оказать помощь, если мне неясна причина болезни? Будьте откровенны — от лекарей не держат секретов.

Граф рассмеялся:

— Я могу быть с тобой откровенным только наполовину, — сострил он. — Я, видишь ли, занимаюсь наукой. Не глупой, напыщенной магией, а серьезным изучением сути вещей и их трансформацией, то есть — изменением. Понятно ли тебе это, простофиля?

Я отвечал, что понятно. Когда сахар и хлебные дрожжи превращаются в напиток, украшающий жизнь, это тоже выходит трансформация. Уж не знаю, почему мне захотелось пошутить... Я тут же пожалел об этом, глядя, как половина графа Амрок извивается в конвульсивном смехе.

— Хорошая шутка — половина исцеления! — выдавил он сквозь хохот. — Половина... Ха-ха-ха!

Неожиданно вторая его часть проступила рядом с первой там, где ей и положено быть. Сначала она оставалась какой-то рассеянной, нечеткой, но дово-

льно скоро сгустилась и сделалась вполне реальной. Зато первая половина расплылась, подернулась дымкой и... исчезла!

— О! О-о! — простонал граф. — Это мучительно!

На его лице проступила испарина.

— Пусть ваша милость простит бедного профана, — заговорил я. — Но все же непонятно...

— Чего тут непонятного! — воскликнул несчастный. — Совершенно случайно я открыл существование другого мира. И находится этот мир не где-то там, за тридевять земель, а здесь, рядом. Мы живем сквозь него и даже не замечаем этого! Иногда, правда, отдельные картины или образы попадают оттуда к нам и исчезают, никем не понятые, не разгаданные... Таинственные и прекрасные существа обитают там, неслыханные сокровища хранятся, недоступные людской алчности. Я дерзнул отодвинуть завесу, но мне показалось мало — и, никем не званный, я вторгся туда. И жестоко наказан. О-о! Мне не выбраться целиком!

— Чем же я могу помочь вашей милости? — совсем растерялся я.

— Я велел позвать тебя, потому что мне страшно... — признался граф Амрок. — Я не доверяю никому из своих домочадцев, кроме Джокса. Он — образцовый слуга, но глуп... Очень глуп. Я долго не протяну, это ясно. Хотелось перед смертью поговорить с кем-нибудь... Какая жалость, но я не смогу расплатиться с тобой за беспокойство — кошелек остался в другом кармане халата. Ха-ха-ха!

Так он пошутил в последний раз. Вскоре после этого оставшаяся половина тела подернулась облаком, и граф исчез целиком. Не успел я отойти от скорбного ложа, как с легким хлопком тело вернулось, все целиком. Большого прока от этого не было, потому что тело было мертвым. Беглый осмотр привел к удивительным результатам — я заключил, что граф скончался не от естественных причин. На его шее имелись следы удушения, как будто чья-то сильная, не ведающая жалости рука сдавила горло бедняги. Труп был еще теплым.

Я позвонил в колокольчик у изголовья. Явились Джокс и Грателло. Странно, но мне показалось, что развязка была известна заранее. Джокс деловито осмотрел тело своего господина, а Грателло показал мне лезвие кинжала, прижал меня к стене и спросил:

— О чем он рассказал тебе? Говори, и не вздумай ничего скрывать, иначе тебе не выйти живым отсюда!

— Мне скрывать нечего, — оторопело пробормотал я и пересказал содержание нашей с графом беседы. Меня разобрал страх, на этот раз — настоящий, страх за свою жизнь.

— И что ты думаешь обо всем этом? — осведомился Грателло.

— Ничего.

— Болван! Олух! Ладно, я напишу за тебя, перескажу твои слова, а ты распишешься. Это называется «свидетельские показания». Мы не хотим, чтобы нас обвинили в убийстве графа.

— Конечно, вы его не убивали, и я могу это подтвердить, — сказал я. — Вам нечего бояться.

Тут оба переглянулись и хмыкнули похожим образом, а я подумал, что касательно своего слуги граф здорово просчитался. Джокс совсем не глуп. Почему-то это открытие испугало меня еще сильнее.

В соседней комнате мажордом долго и сердито корябал пером пергамент. Конечно, он мог написать туда все что угодно. Но читаю я лучше, чем пишу. Перед тем, как поставить свою подпись, я прочел написанное — там все соответствовало истине. Это меня успокоило, и я расписался.

— А теперь — убирайся! — рявкнул Грателло.

Я направился к выходу, но Джокс остановил меня.

— Жаль тебя, старик, — сказал он. — Промокнешь, замерзнешь, умрешь, чего доброго. А нам нужен живой свидетель. Садись-ка на кочергу.

— Нет уж, я спущусь пешком, как и подобает людям, — возразил я с достоинством, но проклятый мажордом хлопнул в ладони, и кочерга сама протиснулась мне между колен. Не успел я даже вскрикнуть, как уже летел стремглав, иногда разворачиваясь в воздухе, словно перепуганная ворона.

Однако мерзкая кочерга явила гнусный норов — она все время взбрыкивала, угрожая обрушить меня в ущелье. Наконец кочерга выскользнула из-под меня, да еще и наподдала прямо в воздухе. Я полетел кувырком и оказался здесь...

Выслушав этот удивления достойный рассказ, все пожали плечами и разошлись по своим домам, — продолжал кузнец. — Мы решили, что Лорен перебрал на ночь глядя и ему все померещилось. Однако стряпчий, оформлявший завещание, подтвердил весть о кончине графа. Тогда-то все и призадумались.

Никто в этих краях не верил в науку. Старая, привычная магия как-то ближе нам, неотесанным мужланам.

— Это действительно очень похоже на магию, — с презрением в голосе прервал его Конан. — От таких историй смердит колдовством.

— Так или иначе, почти все разъехались, о чем я уже говорил, — закончил кузнец свой рассказ. Огонь в его горне давно погас, заготовка остыла, некованный конь стоял в загончике под навесом, с хрустом пережевывая лежалое сено.

— Но я в толк не возьму, — проговорил варвар. — Ты же сказал, что в замок редко кто захаживал, а потом заявил, что туда ездят одни чудаки. Чудаков-то много было?

— Порядком, — усмехнулся кузнец. — После смерти графа они зачастили туда, никому не объясняя — зачем. Понятно, что в замке Амрок хранится такое, чем хотелось бы поживиться. Но мы, здешние, — народ не слишком любопытный.

— И ленивый, — заметил Конан. — Хватит прохлаждаться. Я не хочу осесть здесь на веки вечные. Пошевеливайся!

Кузнецу не слишком понравился такой конец беседы, но делать ему больше ничего не оставалось, кроме как вернуться к работе. Пока он, поругиваясь,

разжигал и раздувал горн, наполня воздух кузни запахом горячего металла, Конан вышел под дождь.

Дорога, уводящая прямо к тайне замка Амрок, лежала перед ним. А опыт подсказывал: чего-чего, а приключений там будет предостаточно. Но добровольно связываться с магией варвару вовсе не хотелось, в науку он верил еще меньше, чем местные жители.

«Что там может быть? Какой-нибудь колдовской талисман или свиток с могущественным заклинанием. Мне это неинтересно, — размышлял он. — Вот если бы драгоценный камень или гора золота... Или хотя бы женщина, достойная внимания... Тогда бы я еще подумал, стоит ли лезть туда.»

В тот самый момент, когда он подумал о женщине, на большаке появилась всадница. Вороной жеребец под ней заметно прихрамывал на обе передние ноги — злой камень здешних дорог не пощадил его подков. Даже издали она показалась Конану прекрасной — из-под капюшона выбивались мокрые пряди золотистых волос, осанка женщины была горделивой и говорила о хорошей фигуре. Когда она приблизилась, варвар не удержался и причмокнул. Глаза незнакомки оказались темно-синими, с янтарными искрами. Пунцовые губы обиженно припухли, а румянец на щеках свидетельствовал об отменном здоровье. Незнакомка грациозно спешилась, вручила поводья остолбеневшему Конану и спросила:

— Ты — кузнец?

— Кузнец в хижине, — ответил варвар, глупо ухмыляясь. — Я — путник.

Женщина оглядела черноволосого великана и в ее удивительных глазах загорелся интерес. Она произнесла что-то негромко, и Конан не смог расслышать, что именно, потому что в этот момент кузнец загромыхал своим молотом по наковальне.

— Если тебе нужен попутчик, то я готов, — заявил Конан, широко улыбаясь. — Поверь, лучшего компаньона еще поискать.

— О, да! — улыбнулась в ответ неизвестная. — Это мы обсудим. Ты — наемник?

— Иногда.

— Свободный меч?

— Более-менее.

— И с деньгами у тебя сейчас не густо?

— Бывало и гуще.

— Дорого берешь за услуги?

— Не всегда деньгами.

— Нахал, — сказала женщина, и осталось неясным: ругнулась она или выразила восхищение. Впрочем, она любила мужчин.

Ее звали Альвенель. Мужчинам, которые понравились ей больше других, она рассказывала, что родителей своих не знает, что была воспитана другими людьми, что замуж ей пока не хочется, а хочется повидать мир и узнать побольше о себе самой. Все это было чистой правдой.

— Я еду в замок Амрок, — сказала она Конану, когда кузнец, выразительно бормоча, подковывал ее коня. — У меня там важное и серьезное дело. Возможно, потребуется крепкое мужское плечо. Об оплате поговорим особо.

— А что тебе нужно в замке? — поинтересовался Конан. — На колдунью ты совсем не похожа.

— С чего ты решил, что я колдунья? Я скажу тебе, в чем мое дело. Вполне возможно, что мне принадлежит и замок, и деньги, и земли графства. Если получится доказать это, я здорово поправлю свои обстоятельства.

— У тебя есть конкуренты, — отметил варвар. — Наверное, доказать будет непросто.

— Это уж как водится, — произнесла Альвенель. — Претендентов набьется полный замок. И некоторые из них очень самоуверенны. Мое появление они запросто сочтут серьезной угрозой для своих собственных планов. Что ж, они окажутся правы. Смекаешь, что от тебя потребуется?

Конан кивнул.

— Мне случалось быть телохранителем, хотя такого красивого тела я еще не охранял.

— Можно подумать, ты умеешь видеть сквозь одежду!

— Если нужно, я могу видеть даже сквозь стены, — заявил варвар.

Кузнец с недовольной миной принял плату, одну монету попробовал на зуб, сплюнул и удалился, думая про себя: «Кого этот верзила хотел надуть? Я же сразу понял, что он едет именно в замок! Нет, надо было спорить. Дело тут нечисто, ясен перец. И женщина эта... Очень подозрительна!»

С одной стороны, ему было любопытно — да так любопытно, что все чесалось внутри. А с другой стороны, кузнец точно знал: что бы ни случилось, большак останется большаком, кузня — кузней, молот — молотом, а подкова — подковой. Поэтому он вытащил из-под вороха прелой соломы очередную бутылку, присел на чурбан и быстро очистил луковицу.

Дорога, ведущая к замку, петляла, подчиняясь капризам рельефа. Сначала она сама лежала на дне ущелья, но постепенно выбралась из него, изогнулась и прошла по самой скальной кромке. Трое или даже четверо могли проехать по ней плечо к плечу без большого риска свалиться в пропасть, но все равно было жутковато. Туча, плотная, словно комок мокрой ваты, все приближалась и приближалась. Дождь то сеял, как из мелкого решета, то вдруг принимался хлестать тяжелыми струями. Ветер, стихая на краткий миг, набирал дыхание и, передохнув, начинал выть и рычать.

Спутники успели подняться достаточно высоко — у Конана дважды закладывало уши. Это не причиняло ему неудобства, только свидетельствовало о подъеме на высоту приблизительно в полторы лиги над уровнем моря.

Была глубокая ночь, и Альвенель выразила желание сделать привал до утра. Вдвоем они отыскали углубление в скале — там было сухо и почти не чувствовался ветер. К сожалению, развести костер не представлялось возможным — не было никакого топлива. Ничего не росло в этих горах за исключе-

нием скального мха и редких, жестких травинок. Даже лошадей привязать было не к чему. Оставалось только крепко стреножить их и оставить подальше от обрыва.

Расстелив сырые одеяла прямо на камнях, компаньоны расположились на отдых.

— Не подумай, что я жалуюсь, — сказала Альвенель, — но все же дорога не из приятных.

— Лучше ползти по скале, как муравьи, чем лететь верхом на скамейке. Кром великий! — прорычал Конан. — Если бы кто-нибудь сыграл со мною этакую шутку, я заставил бы его пожалеть!

— Летающие скамейки? А, это один из фокусов покойного графа, — догадалась его спутница. — Ты даже не подозреваешь, сколько еще интересного в том же роде осталось в замке.

— Зато, похоже, ты недурно осведомлена. Расскажи, мне ведь полезно знать, что нас ожидает, — предложил варвар, потягиваясь.

— Хорошо, — откликнулась Альвенель. — Только подвинься ко мне поближе. От тебя так и пышет жаром, словно от печки. Раз ты — мой телохранитель, так и охраняй меня, хотя бы от простуды.

Ей не пришлось просить дважды.

— Раз ты знаешь о летающих скамейках, можно тебе и не говорить, что граф был большим оригиналом при жизни, — заговорила она, устраивая голову на широкой груди Конана. — Однако же самую забавную свою выходку он приберег, что называется, под занавес. «Я оставил после себя некоторое количество потомков, и ни одного законного, — написал он в своем завещании. — Однако в течение ближайших десяти зим любой человек в возрасте от двадцати семи до сорока вполне может сделаться моим преемником. Для этого ему потребуется прочитать надпись, оставленную в моем замке таинственным существом из сопредельного мира. Надпись эта находится на дубовой обшивке стены в замке графской короны. Истина, которая откроется прочитавшему, сама по себе равноценна огромному состоянию. А к ней впридачу смекалец получит мой титул и все, что к оному прилагается. Я верю — талант и острота ума передаются по наследству. В свое время мне удалось понять значение этой надписи. Значит, и мой истинный потомок сможет то же самое. Если же повезет какому-нибудь искателю чужих сокровищ — что ж, пусть будет так. Передаю все дальнейшее в мудрые руки Провидения».

Конан фыркнул:

— Вот уж на что не следует полагаться во всем! Верный способ не дожить до старости! Кстати, откуда тебе стало известно завещание старого шутника?

— Стряпчий графа Амрок — старинный приятель моего опекуна, — отвечала Альвенель. — Так что текст завещания я услышала через три луны после кончины графа.

— А почему сразу не попытала счастья?

После недолгой паузы она произнесла:

— Я, как и ты, не доверяю Провидению и предпочитаю действовать наверняка. Мне потребовалось время, чтобы кое-что разузнать.

— Играешь подпиленными костями? — прищурился Конан.

Альвенель не видела его лица, но догадалась, что губы варвара искривлены усмешкой.

— А ты никогда так не поступал?

— В том, что касается игры в кости, — нет. Но мне случалось жульничать и даже воровать. Читать нравоучения я тебе не стану.

— То-то же, — молвила Альвенель и осторожно просунула руку под рубашку на груди варвара. Грудь была горячей, бугрилась налитыми мышцами. Пальцами она ощутила биение мощного, здорового сердца.

— Граф воображал, будто бы он первый открыл существование сопредельного мира, — продолжала она. — Но он здорово заблуждался. В глубокой древности некоторые избранные хорошо знали пути в неведомое. Однажды в сопредельный мир ушел целый народ, спасаясь от орд кочевников. И напротив, племя существ оттуда перебралось к нам, в свою очередь спасаясь от преследования, а может — из-за того, что равновесие между мирами не должно нарушаться. Обо всем этом есть упоминания — в ученых книгах, бесстрастные и сухие, в людских преданиях — приукрашенные до неузнаваемости. Истина где-то между. Теперь мне кажется, что я обнаружила ее.

— Понятно, — солгал Конан. Он не понял почти ничего, но это его не сильно заботило. Главное он ухватил — роскошная куколка нашарила где-то в пыльных книжных хранилищах верный способ обскакать конкурентов и оставить их с носом. Отлично! Большего ему знать не требуется.

Конан приобнял свою спутницу и вдохнул запах ее мокрых волос. Кром победительный! Вот что достойно его внимания. Почувствовав ласки его сильных рук, Альвенель не удивилась. «Пусть! — сказала она себе, поддаваясь их страстному жару. — Пусть! Каждый должен получить то, на что надеется...»

Когда утомленные, оба застыли, переводя дыхание, сон утяжелил их веки. Шум дождя, убаюкивающий, монотонный, заполнил собою весь мир.

Альвенель проснулась, ощутив, как неожиданно напряглось тело варвара.

— Что ты? — спросила она, но он мгновенно зажал ее рот ладонью и прошептал:

— Тихо... Не шевелись...

Плащ, которым она была укрыта, сполз, и обнаженной спиной Альвенель вдруг почувствовала чье-то присутствие — там, в непроглядном и мокром мраке. Ей стало страшно.

Испуганно всхрапывали лошади, и еще слышалось свистящее тяжелое дыхание. Донесся явственный запах гниющих водорослей.

— Осторожно переползи через меня и прижмись к стене, — велел варвар, нащупывая в темноте рукоять меча. Потом он неслышно скользнул к самому выходу из маленькой пещеры и замер, вглядываясь во что-то.

— Не поверил, если бы не увидел сам! — пробормотал он, и в этот же миг оглушительный, визгливый крик неизвестного чудовища оглушил Альвенель.

Издав ответный боевой вопль, Конан выскочил наружу. Крик повторился, сопровождаемый на этот раз отвратительным звуком, будто стальными крючьями скребли по мокрому камню. Послышались также звуки ударов.

Не утерпев, Альвенель выглянула на дорогу. Там было светлее, чем в пещере, и она без труда разглядела варвара и его противника.

Толстое змеиное тело, свитое в тугую спираль, заканчивалось огромной рыбьей мордой с вытаращенными глазами. По бокам головы топорщились перепончатые крылья, слишком маленькие для такой крупной твари. По спине до кончика хвоста тянулся гребень, массивные плавники, украшенные когтями, скрежетали по камню. Чудовище источало запах моря.

Оно атаковало — выбросив голову с ощеренной пастью навстречу Конану, неожиданно остановило движение и коварным маневром ударило его хвостом сбоку, откуда варвар не подозревал опасности. Удар сбил его с ног. Метнувшись к упавшему, монстр изготовился уже вонзить кривые, острые зубы в поверженного врага. Но варвар только притворился оглушенным. В последнее мгновение он вскочил и вонзил меч прямо в оскаленный хищный рыбий рот. Пасть захлопнулась с лязгом, а из ноздрей чудовища хлынула черная холодная кровь.

Альвенель подбежала к Конану, который переводил дыхание. Несмотря на свою победу, он выглядел озадаченно.

— Ты спас нас обоих! — сказала она. — Я вижу, что не ошиблась в выборе спутника.

— Конечно, ты не ошиблась, — произнес Конан. — И я понимаю, что другого такого, как я, ты не нашла бы никогда. Неясно другое — ты знаешь, как называется это пугало? Это герпедонт. Он живет в море. Понимаешь, в море. В горах ему нечего делать. Сам бы он ни за что не забрался бы сюда. Без соленой воды герпедонт протянет не больше одного дня. Как он сюда попал? Ты не знаешь?

Альвенель ничего не ответила. Она, как зачарованная, смотрела на змееподобное чудище, чей хвост бился в последней судороге.

— Что-то подсказывает мне, что неожиданностей будет еще много, — заключил варвар. — Хорошо, что лошади с перепугу не бросились в пропасть. Идем, до рассвета есть время. Нужно отдохнуть.

Расположив свое тело на одеялах, Конан скоро уснул, словно ничего существенного не произошло. Альвенель слушала его храп с завистью. Сон оставил ее. Шорох дождевых капель больше не убаюкивал. От мертвого герпедонта воняло тухлой рыбой.

— Ты прав, — проговорила она шепотом. — Неожиданностей будет еще много. По крайней мере, для тебя...

Ченси допил вино, капнув два раза на скатерть, оглядел Фаэрти и Тью, своих кузенов, подмигнул им и произнес:

— Это большое паскудство, что дядя так с нами поступил, не правда ли, друзья?

Они сидели, развалясь на дорогих стульях с высокими резными спинками, за длинным столом, уставленным по преимуществу винными кувшинами. Час для усердного винопития был еще ранний — едва только перевалило за полдень. Фаэрти и Тью, к тому же, неважно выглядели после ужина — их вытянутые физиономии украшались всеми оттенками бледности.

Стряпчий Фаррел, старик шестидесяти зим, стоявший перед ними навытяжку, поглядывал на кузенов с осуждением.

— Конечно, вы — родственники покойного графа, но столь отдаленные, что ваше наличие не может отменить его завещания, — кашлянув, проговорил стряпчий. — Как я уже сказывал вам вчера — никто не помешает вам изучить надпись и попытаться разгадать ее.

Кузен Фаэрти весь искривился при звуке его голоса, а Тью мучительно икнул и в замешательстве заглянул в свой бокал. Ченси, старший среди них, пил вчера наравне с обоими, но наутро оказался свеж, бодр и насмешлив.

— Как насчет одной десятой части наследства, старичок? — спросил он у Фаррела, постукивая ногтями по столешнице.

— Простите? — стряпчий поднял брови.

— Уверен, никто не предлагал тебе столько. — Ченси снова подмигнул. — Что делать, все стали жадными, все гребут под себя — нет чтобы поделиться с ближним... Одну десятую часть от общей суммы наследства, включая земли, — и ты сообщаешь нам содержание этих демонских каракуль. Идет?

Стряпчий снисходительно улыбнулся.

— Господа не вполне верно понимают ситуацию, — проговорил он. — Ни я, ни кто другой не знает, что написано на стене!

— Вот так бессмыслица! — Ченси удивленно округлил глаза. — Как же тогда определить, верно ли разгадана надпись? Этак можно с умным видом сказать все, что в голову взбредет, — поди докажи, что написано что-то другое!

— Если надпись будет прочтена верно, немеделнно произойдет нечто. И прочитавший первым заметит это, — возразил Фаррел. — Есть еще одно условие, о котором претендентам следует знать. А именно: изучать надпись, производить расчеты и прочее каждый волен, когда и как ему вздумается. Но оглашать результаты своих попыток нужно в присутствии свидетелей, в зале графской короны, не раньше вечерних сумерек и не позже первой ночной стражи.

— Здесь есть ночная стража? — поразился Тью.

— Стражи нет, зато есть колокол. Особый механизм, сконструированный графом, заставляет его звонить через равные промежутки времени. Вы разве не слышали?

— Да... — припомнил Фаэрти, оживляясь. — Действительно... А я думал — что за идиот трезвонит посреди ночи?

— Конечно, ты не знаешь, к чему это условие? — прищурился Ченси.

Фаррел важно кивнул.

— Мне это неведомо. Должен сказать, что стряпчему и не обязательно интересоваться причудами своих клиентов. Моя должность предусматривает только скрупулезное их выполнение.

— Очень удобно, — хмыкнул Ченси.

— Но не слишком умно, — встрял Тью. — Защищать интересы дурака, к тому же еще и мертвого!

— Если повезет вам, то я с тем же тщанием буду защищать и ваши интересы, — сказал стряпчий. — Вы вряд ли обратитесь к другому. Не забывайте, я служу этому дому уже много зим. Мне знакомы обстоятельства многих дел, в том числе и финансовых. Два поколения владетелей графства вполне были довольны моими услугами. Будет довольно и третье. А теперь я оставлю вас — мне нужно переговорить с другими претендентами.

И Фаррел вышел из столовой.

— Какой же ты, братец, осел, — сказал Ченси, адресуясь к Тью. — Нужно тебе было грубить старику? Нам необходимы союзники!

Тот поморщился и отвечал:

— Если ты такой канальский дипломат, дорогой кузен, то почему тебя с позором выставили с должности посланника?

— Потому что мне даром не нужна эта должность! — отрезал Ченси. — Я люблю, когда у меня много свободного времени.

— А может, потому, что ты на пиру попал персиком в глаз ванахеймскому гонцу? Умничаешь много, дорогой кузен.

— Да, попал. С десяти шагов. А ты и с трех промахнулся бы. Ты носом в собственный бокал не попадешь, братец!

Кузен Фаэрти, не принимавший участия в перепалке, неожиданно закатил глаза и, медленно поднявшись, бочком устремился прочь. Он неестественно прямо держался, хотя ноги слушались скверно.

— Ты куда? — спросил Тью. Фаэрти в ответ замычал, мотнул головой, как лошадь, и выбежал. Тью икнул и задержал дыхание.

— Что за родственничков послали мне боги! — вздохнул Ченси.

Гаспар и Тьянь-По пили травяной отвар в библиотеке. Они поглядывали друг на друга иронически и держались оба с преувеличенной вежливостью, какая заменяет обычно хамство в ученых кругах.

— Все же сомнительно, чтобы ты, любезный Тьянь-По, мог быть наследником графа, — говорил Гаспар. — Судя по своему портрету, граф являлся явным представителем северной расы. Строение черепа указывает на ярковыраженное британское происхождение, а разрез глаз исключает возможность присутствия юго-восточной крови.

— Я подошел к данной проблеме с точки зрения языкознания, — учтиво перебил его кхитаец. — В завещании сказано: «Любой». Сколько значений в британском диалекте имеет слово «любой»? Нет среди этих значений, напри-

мер, такого: «любой, кроме бедного кхитайского каллиграфа Тьянь-по»? Сдается мне, что такого значения нет.

— Не обижайся, дружище, — лицемерно улыбнулся Гаспар. — Я просто дурно спал, вот мне и нездоровится. Проклятые молокососы, прибывшие ночью, страшно шумели.

— Мудрец должен быть снисходительным к шалостям юности, — сказал кхитаец. — Ибо истинному мудрецу известна природа этих шалостей. Пусть молодежь развлекается. Чем больше они выпьют, тем меньше способны будут составить нам соперничество.

— О чем ты говоришь? — Гаспар даже поперхнулся отваром. — Какую конкуренцию? Эти олухи, я уверен, на родном-то языке читают с трудом. Типичные современные аристократы-вырожденцы, ослабленные внутриродовыми браками и фамильным алкоголизмом. Они способны только на глупую спесь и на бесчинства всякого рода. Даже когда их кошельки пусты, они держатся так, словно весь мир принадлежит им. Посмотрите только на эти скошенные лбы, на эти глубоко посаженные глаза, на лошадиные челюсти!

— Однако женщины, особенно — молодые находят в них определенную прелесть, — заметил Тьянь-По. — Не так ли? Довольно часто они предпочитают именно таких вот спесивых юнцов мудрым и степенным мужчинам. Это загадка природы.

Гаспар покраснел. Это был полный, очень солидной внешности мужчина, старательно ухаживавший за своей окладистой бородой и обширной лысиной на макушке. Лысина отражала блеск свечей, горевших несмотря на дневное время, а борода, завитая кольцами, лоснилась и переливалась. Мантия, сшитая из добротного сукна и подбитая мехом енота, сидела на нем очень хорошо. В довершение образа Гаспар носил на шее тяжелую серебряную цепь с символикой своего университета. Он очень ее любил и начищал каждое утро бархатной тряпочкой.

Тьянь-По, напротив, выглядел вовсе не солидно — его сухопарая фигура напоминала кхитайский иероглиф. Одежда из хлопковой ткани не отличалась изяществом, а бородка росла чахлая и не производила хорошего впечатления. Тьянь-По совсем не походил на ученого, а смахивал, скорее, на бродячего фокусника из не очень искусных. Только живой и умный взгляд делал этого человека приемлемым в обществе образованных людей, где, как и везде в подлунном мире, прежде всего смотрят на внешность.

Встретились они несколько дней назад на большаке и остаток пути совершили вместе. Уважая друг в друге достойных соперников, ученые мужи сблизились и подолгу общались на разные темы — все равно в дороге больше нечем заняться.

Конечно, они редко соглашались между собой — слишком различными были у них взгляды. Гаспар, занимавшийся различными отклонениями в человеческой природе, любую беседу сводил к процессу вырождения, весьма вол-

новавшему его воображение. Еще он очень нападал на смешанные браки, уверяя, что боги, создавшие людские расы, не одобрят нарушения их замысла.

Тьянь-По, в свою очередь, был склонен к обобщениям в отвлеченном, философском духе и обожал рассказывать притчи. Вот и теперь, посмотрев на Гаспара из-под пушистых, седоватых бровей, кхитаец поведал историю о черепахе, которая бранила зайца за его излишнюю торопливость, и о змее, упрекавшей аиста за то, что он летает и вьет гнезда на высоких крышах. Гаспар покраснел еще больше. Ему очень хотелось тоже рассказать какую-нибудь басню, уместную в данном случае, но на ум ничего не приходило.

Но тут появился стряпчий и поведал им то, что уже стало известно трем непутевым кузенам. Ученые мужчи выслушали и призадумались.

— А что произойдет, если пренебречь указанием о времени? — поинтересовался осторожный Гаспар.

Фаррел пожал плечами.

— Ничего хорошего, — сказал он. — Три зимы назад некий жрец из Аквилонии поступил весьма неосторожно. Он заперся в зале графской короны и провел там около трех дней. Слуги оставлялиему еду у дверей и слышали, как он бродил и бормотал себе под нос. Он не выходил даже по надобности, осмелюсь заметить. Очень упорный был человек.

— Был? — переспросил Гаспар.

— Увы. Однажды завтрак остался нетронутым, обед — тоже. Никаких звуков из залы не доносилось. На следующий день, обеспокоенный, я велел взломать дверь. От жреца остались одни только уши. Они лежали на полу возле стены, вырванные, что называется, с мясом. Подозреваю, что ему удалось прочесть надпись... невовремя.

— У одной женщины был злой муж и знатный любовник, — начал Тьянь-По скрипучим голосом. — Однажды муж решил узнать, кто ходит к его жене. Он притворился, что уехал в город, а сам, выждав несколько цу, вернулся и застал супругу в объятиях вельможи. «Глупый человек! — сказал вельможа. — И уходить, и приходить нужно своевременно!»

— Очень интересно, — сказал Фаррел. — Кстати, должен напомнить. У соискателей наследства, а значит — и у вас, осталось только пять дней. Сегодня вечером мы начнем.

Джокс следил, как кухарка режет лук. Слезы текли у нее ручьем, она почти ничего не видела, и оставалось непонятным — почему она до сих пор не отхватила себе палец.

Слуги низшего разряда давно уже привыкли, что молчаливый мажордом, возникая из темного коридора, словно призрак, часами наблюдает за их работой. Это сделалось в порядке вещей. Постоянное присутствие Джокса стало как бы непременным условием жизни. Если по какой-то причине его не было при чистке серебра или вытряхивании ковров, все шло наперекосяк. Грателло,

формально имевший больше привилегий, — и тот не решался начинать что-либо без благословения Джокса.

Кухарка шептала себе под нос — жаловалась на злой лук, тупой нож и отвратительную погоду, от которой ноют ее старые кости. Джокс слушал все это молча. Мыслями он был где-то совсем в другом месте. Несколько зим назад та же самая кухарка, имевшая на мажордома известные виды, пыталась его разговорить, но тщетно. Обозлившись, она какое-то время бранила его вполголоса совершенно непотребными словами, а он и на это не обратил внимания — стоял у двери, сложив руки на груди, и смотрел оловянными глазами.

— Высокомерный очень, — говорил про него конюх. — Важничает, что твой нобиль, только потому, что каждый день ходит в нарядном камзоле, а мы — лишь по праздникам. Да и когда здесь были праздники? Я и не упомню. Вот при графе, хвала богам, мы веселились...

Шут, существо бесполезное, но не вредное, пользовался куда большей популярности. Женщину он умел ущипнуть особым образом, после чего она целый день ходила веселая, да и с мужчинами не чинился, выпивал с ними очень охотно. В прошлом он был барабанщиком при своре каких-то наемников. В пьяной драке ему обезобразили лицо, и оно стало похоже на дурно вылепленную маску — одно ухо выше другого, нос, переломанный в трех местах, доставал до подбородка, а нижняя челюсть с левой стороны выпирала так, будто шут держал за щекой половину вареного цыпленка.

Пока внизу, в поселке у большака, кипела жизнь, шут частенько наведывался туда и числился хорошим клиентом Уинтера. Несколько пригожих девиц, бесчинно затяжелев, говорили на него, но добродушные арендаторы им не верили — кто же прельстится такой рожей? Вероятно, они все-таки ошибались, хотя — какая разница?

В последние дни шут Баркатрас был несколько уныл — предчувствия тяготили его. Он сидел на сыром чердаке и возился там со всяким хламом, читая старым совам бесконечные монологи из старых баллад. Оживился шут только когда узнал, что в замке остановились пятеро гостей. Потихоньку присматриваясь к ним, он решил: скоро будет случай позабавиться. Предчувствие беды не исчезло совсем — только притупилось, но это только раззадорило его.

— В нашем замке все помешаны, даже те, кто здесь впервые, — рассуждал он.

К тому же Баркатрас был человеком не без расчета. Очень может статься, среди гостей находится сейчас будущий граф Амрок. Нужно понравиться ему, удачно разыграв его конкурентов. Но как бедный шут определит наследника? Баркатрас слонялся по галерее и изобретал. Жаль, что никто не видел, какие уморительные гримасы он при этом выделывал!

До обеда оставалось совсем немного, когда Грателло с озабоченным лицом появился на кухне.

— Еще двое прибыли, — сообщил он Джоксу.

Мажордом неожиданно отверз уста и проговорил:

— Несет и несет нелегкая, словно замок превращен в постоялый двор!

От неожиданности кухарка подскочила, уронила шумовку и, не веря своим ушам, уставилась на мажордома с благоговейным ужасом.

— Кто они? — осведомился Джокс.

— Мужчина и женщина, — отвечал лакей. — Без посторонних ведут себя как любовники. Мужчина — варвар из Киммерии, силач и хвастун. Женщина походит на леди-горожанку.

— Значит, обед подавать на семерых, — распорядился Джокс.

Конан и Альвенель проделали остаток пути без приключений. Дорога увела их прямо в тучу, которая расползлась в воздухе, превратилась в свинцового цвета туман, сочащийся дождем.

К воротам замка вел каменный мост через узкое, но глубокое ущелье. Опоры моста, замысловатой конструкции сооружения, словно врастали в скалы.

— Им сотни и сотни зим, — заметил варвар. — Так давно уже не строят. Секрет утерян.

— Это любопытно, — откликнулась его спутница. — Но, если ты не возражаешь, давай все-таки войдем в замок. На мне нет сухой нитки.

Когда они проезжали по мосту, колокол на башне звякнул два раза, коротко и тускло, и звук его, тоскливо-пронзительный, отразился от скал.

— Прямо мороз по коже, — сказал Конан, прислушиваясь.

Альвенель молчаливо согласилась с ним.

Грателло встретил их за воротами. Варвару никогда не нравились люди такого типа — скользкие, бесцветные, обладающие умением косить глазами в любом направлении, лишь бы только не встречаться взглядами с собеседником. Лакей был худ, сутул и длиннорук, однако с полным лицом, двумя подбородками и мясистым, круглым носом, которым он беспрестанно шмыгал, будто вынюхивал что-то.

— Нам нужна одна комната на двоих, — распорядилась Альвенель. — Однако с просторной кроватью. Разожги камин, чтобы можно было обсохнуть и согреться. И принеси сухих полотенец.

— И кувшин красного вина, — добавил Конан, — с хорошим куском жареного мяса.

— Скоро обед, — растерянно произнес Грателло. Он не ожидал такой прыти. Трое кузенов, явившихся вчерашней ночью, тоже распоряжались и требовали, но делали это бестолково. А эти точно знают, чего хотят, и держатся слишком уж уверенно.

Думая об этом, он пошел предупредить мажордома. Конюх принял лошадей. Свою отсыревшую поклажу новоприбывшие бросили прямо в холле. Явился мажордом — седой, как лунь, воплощение чопорности и скуки. Его ка-

дык торчал, как зоб болотной цапли, а из носа росли пучки черных курчавых волос.

— Ты — Джокс? — спросил у него Конан. — Я наслышан о тебе. Не вздумай предложить мне прокатиться на кочерге!

Джокс сухо улыбнулся и поклонился.

— Следующий удар колокола предваряет начало обеда, — объявил он. — Стол накроют в зале графской короны, там, где надпись. Это на третьем этаже. Ваша комната — на втором. Позвольте отнести ваши вещи.

— По крайней мере, здесь нет сквозняков, — сказала Альвенель, осмотрев комнату. Окно выходило на однообразный, в сером тумане, скальный пейзаж.

— У меня такое чувство, — произнесла она, глядя в окно и улыбаясь, — что это я уже видела. У тебя не бывает так?

— Бывает, — отвечал киммериец. — Как по-твоему, скоро зазвонит колокол?

Туман за окном медленно пришел в движение, и сразу же завыло и забормотало в каминной трубе.

— Не хватало еще и бури, — пробормотала Альвенель про себя.

Они едва успели высушить одежду, когда, на радость варвару, раздался призыв колоколу. На этот раз он звучал куда менее тоскливо.

За длинным обеденным столом все, кроме стряпчего, постарались усесться так, чтобы видеть надпись перед глазами. Бедовые кузены несколько пришли в себя и сидели, высоко вздернув подбородки. Их камзолы отличались друг от друга только расцветкой, волосы тоже были уложены одинаковым способом, очень модным в городах, — коротко остриженные спереди торчали ежовыми иглами и длинные на затылки — курчавились, завитые щипцами. Законодателем моды у них явно был Ченси. Фаэрти и Тью, незаметно подглядывая, копировали его жесты и развязно-взвинченные движения.

Ученые мужи сидели чинно. Впрочем, Тьянь-По все время улыбался с лукавым видом. Гаспар созерцал надпись и бормотал себе под нос — это была привычка, выработанная в университете. Когда он, бормоча таким образом, прохаживался по аллее, никто не смел отвлекать его от «размышлений».

На почетное место уселся Баркатрас, разодетый в лучшее свое шутовское платье и рогатую шапочку, обшитую бубенчиками. Время от времени он встряхивал головой, и по зале разносился нежный, хрустальный перезвон.

Альвенель дважды улыбнулась ему на это, и шут преувеличенно заважничал. Сложив хитрым образом полотняную жесткую салфетку, Баркатрас изготовил из нее подобие бумажной игрушки в виде куропатки, уложил ее на пустое блюдо перед собой и принялся терзать салфетку ножом.

Конану очень хотелось есть. Выходку шута он принял на свой счет и ухмыльнулся. Чинная обстановка угнетала его. Наконец подали первое блюдо. Это был бульон. От разочарования киммериец едва не замычал. К счастью, сразу за бульоном принесли сыр. Варвар отхватил себе почти половину сырной головы,

распластал ее неудобным серебряным ножом и поглотил в считаные мгновения. Ему совершенно было безразлично, как поглядят на это остальные. Впрочем, когда подали наконец жаркое, все вздохнули с облегчением. Волнения способствуют хорошему аппетиту, а им было из-за чего волноваться.

— Не просто будет нам разгадать ребус графа, — заметил Гаспар сытым голосом. — Как вы полагаете, Фаррел?

Стряпчий вежливо пожал плечами.

— Уважаемый судейский чиновник останется поверенным хозяина замка, даже если им станет герцог? — спросил Тьянь-По.

Фаррел глубоким кивком подтвердил его слова.

— Мудрым человеком был граф, — сказал кхитаец. — И мудрость эта — государственного уровня. Четыреста зим назад великий Хон Пу Си сказал: «Хочешь, чтобы твой исполнитель был честен, — сделай так, чтобы он ничего не терял от своей честности».

— Разве так бывает? — усомнилась Альвенель.

— Как все мы видим — бывает, — улыбнулся Тьянь-По.

— Граф действительно был умен, — глубокомысленно заявил Гаспар. — Я вижу в этой надписи комбинации из письменных значков по меньшей мере восьми языковых групп... Древние, так называемые «ледяные» руны соседствуют с «коралловыми завитками» островитян и «кубическим» шрифтом северо-востока. Очень любопытно...

— Мы так и не поняли, как эта мазня попала на стену! — высказался Конан. — Что за существо ее оставило?

— Да! — рявкнул Фаэрти. — Пусть нам расскажут!

Тью тоже хотел высказаться по этому поводу, махнул рукой, перевернул соусник и сконфузился.

— Мы можем позвать очевидца, слугу Грателло, — предложил стряпчий. — И расспросить его.

— Слушать за обедом слугу? — Ченси скривил рот. — Что ж, это в духе всего остального. Зовите его!

— Ты даже не поинтересовался, хотят ли этого остальные, — брезгливо проговорил Гаспар.

— А что, разве не хотят? Вот, к примеру, единственная дама среди нас. Разве она будет возражать? — Ченси посмотрел на Альвенель и изысканно сложил губы, словно смаковал пирожное.

— Я бы охотно послушала. — Альвенель решила ему подыграть. Ее происходящее сильно забавляло.

Гаспар надулся и сердито заглянул в свой кубок. Фаррел позвонил в колокольчик. Во время всей этой сцены Конан не издал ни звука, только рассматривал всех ее участников, бросая на них короткие взгляды. Ему казалось, что он наблюдает за интересным поединком на длинных мечах, в которых несколько противников сражаются все против всех. Между людьми, вроде бы мирно со-

седствующими за столом, происходило напряженное выяснение отношений, внешне не очевидное, но острое и жесткое.

Грателло сделал вид, что не сразу понял, чего от него хотят, хотя с его стороны было глупо так старательно извиняться за свою несообразительность. Что-то фальшивое дребезжало в этом человеке, одетом в камзол слуги с гербом на груди. Мельком заметив усмешку Тьянь-По, варвар догадался, что кхитаец тоже так считает.

— Хватит ныть, Грателло! — прикрикнул шут. — Господам хочется послушать самого косноязычного рассказчика в Бритунии, а ты изображаешь вовсе немого. Валяй, начинай!

Слуга подождал, пока затихнут наконец колокольчики на шутовской шапочке, и произнес:

— История эта поучительна и печальна...

— Скверное начало! — фыркнул Тью. — Мы не хотим, чтобы нас поучали и печалили.

Ченси толкнул его локтем в бок, а Баркатрас поклонился Тью со словами:

— Нехорошо отбирать хлеб у глупца!

Грателло продолжил:

— Его милость, как вам известно, вел жизнь уединенную, и соседи часто судачили о его воздержанности по части прекрасного пола. Он так никогда и не женился, ни за кем не ухаживал и не интересовался дамами. Одни объясняли это благочестивым образом жизни, в которой нет места слабостям. Другие приписывали его милости пороки гораздо более постыдные. И те, и другие ошибались. Им было неведомо, что наш господин хранил в своем сердце подлинное чувство к прекрасной особе.

— Кем же была эта особа? — поинтересовался Гаспар, неприятно выделив голосом слово «особа», и оно зазвучало почти как «шлюха». Альвенель при этом нахмурилась.

— Она была знатной женщиной, но ее имени и титула не нашлось бы ни в одном гербовнике Бритунии, — проговорил Грателло. — Она жила в сопредельном мире.

В ту ночь, когда она впервые появилась в замке, гремела гроза. Я спал у себя в комнате, на людской половине, когда в главную башню ударила молния. Грохот был очень сильный, и я проснулся. Казалось, замок заходил ходуном и сейчас рассыплется на камни. Воздух гудел. Когда я прикоснулся к своему камзолу, чтобы надеть его, он вдруг затрещал, уколол мои пальцы и прилип к ним.

— Так бывает во время сильных гроз, — подтвердил кхитаец.

— В мои обязанности входит следить за механизмом, который отмеряет время в замке. Из-за гроз механизм этот иногда останавливается. Я засветил свечу и направился к винтовой лестнице, чтобы по ней взобраться на верхнюю галерею, а уже оттуда пройти в башню.

Когда я проходил мимо графских покоев, мне послышался голос его милости — он говорил с кем-то взволнованно, как мне показалось, и испуганно. Я

подумал: а вдруг в замок проникли грабители и захватили его милость врасплох? Оказавшись у его дверей, я приложил ухо к замочной скважине и сразу понял, что ошибся. Граф Амрок разговаривал с женщиной. И не он был испуган, а она, причем его милость старался утешить ее и произносил всякие ласковые слова. Голос женщины был мне совершенно не знаком, да и разобрать, что она отвечала графу, я тоже не смог.

В подобных делах господину не нужна помощь слуги, даже самого преданного, и я со спокойной душой проследовал дальше. Механизм, как я и предполагал, не работал. Мне пришлось провозиться с ним довольно долго. Когда же он наконец наладился и я брел обратно, предвкушая сон в теплой постели, навстречу мне появился его милость. Он был в приподнятом настроении и говорил со мной приветливо. Я осмелился спросить, не нужно ли чего его гостье?

— Какой гостье, дурак? — рассердился он.

— Прошу прощения, господин. Верно, я задремал, и мне приснилось, — отвечал я.

— Смотри у меня, сновидец! — Он пригрозил мне кулаком, и я поскорее убрался восвояси, решив держать язык за зубами.

Спустя несколько седмиц как-то поутру кухарка обнаружила пропажу сладких лепешек, приготовленных на завтрак. Все подумали на Баркатраса, дурака его милости, но он заявлял, что в краже невиновен.

— И сейчас заявляю! — кивнул шут так важно, что Альвенель снова не удержалась от улыбки.

— Две булочки по особому рецепту, которые испекались только для его милости ежедневно, — продолжил слуга. — Украсть их — большая дерзость! Мы, слуги, пребывали в растерянности и страхе. Граф мог разгневаться! Из остатков теста, кое-как, кухарка состряпала что-то похожее на сдобу, а его милость все не выходил к завтраку и не требовал воды для умывания. Я не выдержал и постучался к нему.

— Что тебе нужно, болван? — спросил он из-за двери. — Я тебя не звал. Оденусь сам и выйду позже.

В этот раз я опять расслышал женский голос. Если бы его милость обнаружил, что я подслушиваю, не сносить мне головы! Однако риск вполне оправданный. Образцовый слуга должен знать о своем хозяине больше, чем тот знает сам.

Только после полудня граф вышел из опочивальни.

— Ваши булочки на этот раз не вполне удачны, — сказал ему я.

— При чем тут булочки! — весело и удивленно воскликнул его милость. — Что ты понимаешь, тупица!

Было видно, что ему очень хорошо. Он даже подарил мне серебряную монету.

Пусть простит меня леди за такую подробность, но спальня, особенно — кровать его милости — хранила немало свидетельств тому, что граф проводил время не один. Во-первых, блюдо со злосчастными украденными булочками

стояло на прикроватном столике, рядом с кувшином из-под вина. Одна булочка была недоедена и сохранила на себе следы маленьких, аккуратных зубов.

— Кром великий! — не выдержал Конан. — Хватит о булочках!

— Во-вторых, на подушке мною был найден женский волос — длинный, золотистого цвета. В-третьих...

— Достаточно! — перебил слугу Ченси. — Мы верим тебе. Была женщина. Не стоит перетряхивать при всех дядиной постели!

— Я никогда бы не решился рассказывать об этом, — дрогнувшим голосом сказал Грателло. — Если бы это не имело значения в настоящий момент! Замку нужен хозяин, а мой рассказ, возможно, поможет разгадать тайну надписи.

— А возможно, и нет, — спокойно произнесла Альвенель. — Говори дальше.

Выдержав приличную паузу, слуга возобновил рассказ. Конана не оставляла мысль о том, что Грателло только изображает обиду, так же, как недавно изображал непонятливость. Кроме того, было очевидно, что он получает большое удовольствие от рассказа.

— Прошла еще луна. Настала пора снегов. Вершины гор занесло, и даже дорога, вырубленная в скале, была малопригодна для подъема и спуска. Живущих в замке это мало беспокоило — припасов в леднике было достаточно даже для самой долгой зимы, в дровах и угле мы тоже не испытывали нужды. К тому же, если бы его милости вздумалось развеяться, он воспользовался бы одним из своих изобретений, способных переносить его по воздуху. Но граф не покидал замка. Вставать он начал поздно, вечера проводил в своей мастерской или в библиотеке. А по ночам довольно часто общался с таинственной незнакомкой, которая — я готов был поклясться, замка не покидала и обычным путем в него не проникала. Я сделал единственно возможный для меня вывод: она просто прячется в одной из потайных комнат. Их в замке множество.

За несколько дней до зимнего солнцеворота, по времени — ближе к полудню, ко мне явился наш конюх.

— Хорошо бы тебе взглянуть на эти следы! — сказал он. — Я никогда такого не видел.

Со внешней стороны крепостной стены, у самого моста действительно были следы, оставленные на снегу... Я решил, что это проделки шута, который от безделья из дурака сделался недоумком. Видели ли вы, господа, когда-нибудь следы курицы?

— Что за чушь? — удивился Тью.

— Ты увидел на снегу следы курицы? — расхохотался Фаэрти.

— Да, господин. Следы курицы величиной с хороший сельский дом. Они были глубокими, что не удивительно при таких размерах.

— Гм... А откуда вели эти следы и где они заканчивались? — спросил кхитаец, прищурившись.

— Начинались они сразу перед мостом со стороны ворот, но на самом мосту их не было и за мостом — тоже. Казалось, что исполинская курица спорхну-

ла с неба. Кто бы ни был это... оно обошло замок дважды и исчезло у края пропасти.

Я взял на себя смелость доложить об этом его милости.

— Это удивительно, — сказал он рассеянным голосом. — Удивительно.

— Ваша милость не желает взглянуть? — спросил я.

— Не теперь... после... — проговорил граф, и кое-что новое вдруг увидел я в лице своего господина. Не страх, не волнение перед неизвестным — то была тоска, глубокая внутренняя боль.

— Может, вашим слугам лучше устроить засаду на это чудище? — предложил я. — Тогда мы смогли бы понять хотя бы, с чем имеем дело.

— Не думаю, — отвечал он. — Понять это вам не удастся.

На свой страх и риск две ночи кряду я, конюх и мажордом Джокс дежурили на крепостных стенах в надежде подкараулить чудовище. Но оно не появлялось. Не было его и на третью ночь, когда мы бросили нашу вахту — уж больно холодно было на стене! А следующей ночью произошло нечто неслыханное. Грохот и ужасный вой разбудили меня и прочих слуг в замке. Доносились эти звуки со стороны ворот. Мигом мы вооружились и, прихватив пылающие факелы, бросились на стену. То, что мы увидели оттуда, испугало даже безмозглого шута!

— Воистину так, — вставил Баркатрас.

— Чудовище, огромное, на птичьих лапах, с длинным хвостом, усеянным роговыми шипами, стояло у ворот. Зверь был покрыт крупной зеленоватой чешуей, голова его напоминала голову жабы, если бы у жаб бывали клыки. Из ноздрей валил пар, глаза горели злобой. Конюх закричал, как ребенок, и повалился без чувств.

Чудовище пыталось ударами своего хвоста высадить ворота, и они уже начали поддаваться. Хочу заметить, ворота эти не сломать самым крепким тараном! Как ни велика была ярость этого зверя, не она им управляла, о, нет. На спине его, в особом седле сидел человек — очень большого роста, повыше господина из Киммерии. С головы до ног всадник был закован в молочно-белые доспехи. На плече его висел щит с изображением падающей звезды, а в руках он держал боевое рыцарское копье.

Всадник, приподнимаясь на стременах, кричал злые слова, а наш господин — он стоял прямо над воротами, на смотровой площадке, — отвечал ему.

— Ты не уйдешь от моего гнева, вероломный похититель чужих невест! — раздавался громовой голос неизвестного рыцаря.

— Откуда ты знаешь язык этих мест? — насмехался его милость. — Выучил, пока шлялся по пустошам?

— Я научился твоему языку, чтобы ты понял смысл проклятий, которые я обрушу на твою голову! — отвечал пришелец. — Принимай мой вызов, иначе я похороню тебя под обломками твоих стен!

— Убирайся восвояси! — воскликнул граф Амрок. — Ты сам виноват в том, что случилось. Она больше не принадлежит тебе.

— Трус! Ночной вор!

— Глупец! Проваливай, пока цел!

Мы не стали мешкать и принялись обстреливать чудовище и всадника из луков и арбалетов. Стрелы не причиняли вреда обоим, отскакивая, как от камня. Но зверь хотя бы перестал ломать ворота. Он рычал и выл, размахивая передними лапами, — несообразно маленькими для такой большой туши.

Его милость жестом подозвал меня к себе. От моего факела от поджег фитиль, торчавший из небольшого туго набитого мешочка.

— Получай! — вскричал он и метнул мешочек под ноги чудовищу. Раздался взрыв, и зверь, испугавшись, метнулся прочь. Его вой, потрясающий стены, донесся издали и вдруг стих.

— Может, он упал в пропасть? — предположил я.

Его милость с сожалением покачал головой. Он был бледен, и руки его тряслись, хоть он и держался с великим достоинством.

— Он еще вернется, — сказал граф. — Но, надеюсь, не сегодня. А сейчас отправимся в тепло и отпразднуем нашу победу.

Его светлость весь переполнялся лихорадочным возбуждением. В холле он приказал Джоксу, чтобы тот немедленно подал лучшего вина на всех.

— Граф не пьет со слугами, но полководец может выпить со своими солдатами! — заявил он.

Мы были в смущении и растерянности. Еще бы — пробуждение посреди ночи, встреча с чудовищем, а теперь еще и пир! Кроме того, мы постепенно осознали, что оказались в осажденном положении. Одно дело, когда стихия не пускает вас из дома, совсем другое — когда чья-то неведомая агрессивная мощь пытается ворваться извне. Должно быть, уныние при этих мыслях отразилось на моем лице.

— Не хмурься, старина! — воскликнул хозяин. — У меня еще много чудесного порошка, произведенного по старому кхитайскому рецепту. Его действие ты только что видел. Он отпугнет от замка любую нечисть!

— Да, это замечательный порошок, — молвил Тьян-по. — У меня на родине его используют для праздничных огней, фейерверков. Очень красиво!

— Интересно, — полюбопытствовал Ченси, — а в военных целях его можно применять? Должно быть, порошок обладает большой разрушительной силой.

— Весьма большой! — подтвердил кхитаец. — Однажды, во время праздника риса, целое селенье взлетело на воздух из-за неосторожного обращения с порошком. Хорошо, что его не используют в сражениях.

— Согласен, — буркнул варвар. — В битве главное — не победа любой ценой, а доблесть. Однако граф молодчина. Может, он и испугался чудища, но сообразил взорвать свою детскую хлопушку!

— Не думаю, господин, что граф боялся чудовища, — мягко возразил Грателло. — Скорее, его милость испытывал чувство неловкости перед его хозяином...

— Что ты болтаешь? — ухмыльнулся Ченси. — Мы уже смекнули, что дядя увел женщину из-под носа какого-то чудака, разъезжавшего на драконе или гиппопотаме. При чем тут неловкость? Обычное дело.

Фаэрти и Тью расхохотались, покачнувшись на стульях.

— Если господа все время будут перебивать и без того медлительного рассказчика, — вставил шут, — то мы все, исключая даму, обзаведемся седыми бородами до полу, пока он закончит.

Грателло стоял, подобный неудачно сработанной статуе. Зимы, проведенные без хозяина, сказывались: былая выдержка начинала изменять ему. Он испугался, что случайно выдаст присутствующим то, что на самом деле о них думает. Чтобы этого не произошло, лакей торопливо подбежал к столу, распечатал два полных кувшина с вином и наполнил кубки гостей.

— Рассказывай дальше, — велел Тью, взмахнув полуобъеденной индюшачьей ногой, причем брызги жира пролетели в опасной близости от лица стряпчего.

Тот и бровью не повел.

— Мы вошли в залу. Вот в эту самую залу, — продолжал Грателло, вернувшись на место. — И в объятия его милости кинулась прелестная молодая леди. Я видел ее в неровном свете нескольких свечей — их было слишком мало, и тут царил полумрак. Но и он не мог скрыть красоты незнакомки. Ее полупрозрачные одежды переливались — они тоже источали свет, призрачный и чарующий, похожий на мерцание светлячка. Она быстро говорила на неведомом мне языке и покрывала лицо его милости поцелуями.

— Можете идти, — сказал граф нам, — пейте за мое здоровье.

И лично затворил двери за нами.

До утра никто из нас не сомкнул глаз. Все гадали — откуда взялась в замке эта женщина?

С того дня она перестала таиться. Ее часто можно было видеть рядом с его милостью. Понемногу она освоила британское наречие и распоряжалась нами, как госпожа. Нам оставалось только принять все как есть.

Долго ревнивый рыцарь, хозяин чудовища, не беспокоил нас. Но мы помнили о его угрозах. Починили ворота, установили на стенах котлы со смолою и навалили туда тяжелых камней. Каждую ночь один из нас дежурил, готовый поднять тревогу в случае нападения.

Но беда выбрала другой путь в замок Амрок.

Я прислуживал хозяину и загадочной госпоже за ужином. Ничто не предвещало несчастья, напротив — его милость был доброжелателен, и дама его сердца весело переговаривалась с ним. Но внезапно все горевшие свечи погасли, и зала погрузилась в темноту. Женщина вскрикнула от неожиданности, граф привстал, и тут в стене осветился прямоугольник, словно распахнулась дверь, которой там на самом деле никогда не было. В светящемся проеме стоял уже виденный мною великан в латах, а за ним — десяток отвратительных человекоподобных существ, поросших шерстью. Они сжимали в своих лапах

кривые сабли и щерились в зверских гримасах. Латник отдал им короткий приказ, и дикари окружили господина. Один из них приложил острую кромку сабли к его горлу, готовый отрезать голову его милости. Великан закричал на чужом языке — он обращался к женщине. Она поднялась, заломив руки и опустив голову, и направилась в эту, невесть откуда взявшуюся дверь.

— Не ожидал! — сказал латник хозяину. — Пусть это будет тебе уроком. Не буду убивать тебя в твоем же доме. Я не разбойник и не вор, вроде тебя.

— Почему ты называешь меня вором? — хладнокровно спросил его милость. — Я ничего не крал у тебя. Она сама пришла ко мне, потому что ты ей омерзителен.

Великан сжал кулаки, так что латные рукавицы заскрипели.

— Хочешь вывести меня из себя, чтобы я оборвал твою жалкую жизнь? — спросил он.

— Вовсе нет, — отвечал граф. — Я только говорю правду, ничего кроме. Но не лги — ты оставляешь меня в живых только потому, что обещал ей. Если я умру, тебе нечем будет ее запугивать, и она захочет отомстить. Знай, господин Неизвестность, я найду ее во что бы то ни стало, отыщу даже в сопредельном мире. Не будет тебе покоя!

— Ты прав! — загрохотал пришелец. — Я поклялся не убивать тебя. Но не злоупотребляй этим, жалкий воришка. Следующая наша встреча закончится по-другому. Я приму меры, чтобы ты не попадался мне на глаза!

Отвратительные слуги великана один за другим вернулись обратно, в светящуюся пустоту. Латник взмахнул рукой, и его не стало. Провал исчез.

Когда свечи вновь зажгли, на том месте, откуда явился грозный великан, снова была стена — ровная, крепкая какой и была прежде. Но теперь на ней проступили письмена, те самые, которые вы видите.

— Он запечатал вход! — воскликнул его милость. — Глупец! Дешевой магией он пытается встать на пути науки!

Граф рассмеялся, но нервное напряжение оказалось сильнее его на этот раз. Он слег в горячке и два долгих дня не приходил в себя. Поправившись, его милость заказал через господина Фаррела много ученых книг, бумажных, пергаментных и даже папирусных из Стигии.

Это стоило больших денег, но хозяин не поскупился. Больше зимы он корпел над ними, ставил опыты, один из которых, в конечном итоге, послужил причиной его безвременной гибели... На этом, с позволения господ, я умолкаю.

— Все это чистая правда, — подтвердил шут, и в его голосе не было насмешки. — По крайней мере, я знаю столько же.

— Господин Неизвестность, — произнес Тьянь-По после недолгой паузы. — Любопытное прозвище. Как жаль, что я не слышал его на языке сопредельного мира... В имени этом и поэзия, и неумолимость судьбы, и вызов.

— Все это демонщина какая-то, — сказал Ченси. — Не понимаю, как подобные истории вообще могут происходить здесь, в Бритунии, в стране здравого смысла и простого подхода к жизни!

— Не вполне согласен с этим, — молвил Гаспар. — Наши предки оказались подпорчены общением с пиктами, гаэльцами и прочими темными народами, вся культура которых сводится к разнузданным пляскам и страшным сказкам, лишенным морали. Вот с нами теперь и происходит, как вы выразились, демонщина.

— Разве народные предания лишены морали? — удивился кхитаец. — Я знаю многие из них и уверяю, морали в них хоть отбавляй.

— О чем они говорят? — неожиданно разозлился Фаэрти. — При чем здесь мораль? Уж не собираются ли они читать нам нравоучения? Они мне надоели. Эй, Тью, Ченси, давайте перебьем их всех, красотку только оставим, и заживем здесь господами!

— Осел! — коротко отозвался Ченси.

— Крайне неразумно, — сказал стряпчий. — Мое исчезновение повлечет за собой расследование. Герцог не поощряет убийств судейских чиновников.

— Еще одно слово про леди Альвенель, и я выброшу тебя в окошко, — заявил варвар.

— А я не буду ему препятствовать, — добавил Ченси.

Фаэрти, заклеванный со всех сторон, злобно сверкнул глазами.

— Он пошутил! — сказал Тью. — Он всегда так шутит.

— Мы все так и подумали, — заверил его Фаррел. — Однако не угодно ли вам приступить к разгадке надписи? Время настало. Если у кого-нибудь есть соображения на этот счет, пусть он произнесет их вслух.

— У меня нет соображений, — с легким вздохом признался кхитаец. — Но сегодня, слава небесам, не последний вечер. Я подумаю еще.

— А мне так и вовсе не по себе, — задумчиво произнес Гаспар. — Возможно, я догадался. Но вот произнесу я это заклинание, дверь в сопредельный мир откроется, а оттуда на нас набросится какая-нибудь тварь... Мы ведь даже безоружны! Лучше завтрашним вечером, когда мы примем меры предосторожности.

— Вы напрасно опасаетесь, — голос Альвенель прозвучал с легкой насмешкой. — Никто не набросится, и дверь не откроется. Ни о чем вы не могли догадаться и надписи этой не прочтете никогда!

— Откуда такая уверенность? — оскорбленно надулся Гаспар. — Это возмутительно! Какая-то авантюристка осмеливается сомневаться в учености магистра наук, преподавателя, автора трудов...

— Ученые труды не помогут, — сказала Альвенель. — Эту надпись нельзя прочесть.

— Почему? — В глазах Ченси вспыхнули огоньки острого интереса.

— В самом деле, почему? — осведомился стряпчий и, обернувшись, взглянул на письмена, покрывавшие стену.

— Потому что это подделка. Надувательство.

Все вскочили и заговорили разом в сильнейшем возбуждении. Тью, который ничего в надписях не понимал и совершенно ими не интересовался, был

ужасно рад случаю погорланить. Он разразился потоком ругани и остановился только тогда, когда Ченси дал ему подзатыльник.

— Смелое заявление, — сказала Фаррел, перекрикивая общий шум. Странно, но в его голосе, спокойном и холодном, оказались вдруг такие железные нотки, от которых многим стало не по себе. Гул затих как по волшебству.

— Смелое заявление, — повторил стряпчий. — Не угодно ли госпоже подтвердить чем-либо свою версию?

— Еще как угодно, — Альвенель улыбнулась, и весьма уверенно. Ченси глядел на нее во все глаза. — В рассказе слуги я заметила одну неувязку. Судите сами. Граф Амрок, как подобает хозяину, наверняка сидел на почетном месте, там, где теперь восседает его шут. Оно удобно еще и тем, что возле него находятся два настенных подсвечника, то есть там светлее. Теперь прикиньте, какое значительное расстояние отделяло графа от открывшейся двери в сопредельный мир. Пока страшные уроды с саблями добрались бы до хозяина замка, он успел бы вскочить, принять бой — кстати, на стене рядом висит меч, настоящее оружие хорошего качества. На худой конец граф убежал бы из залы, входная дверь буквально в двух шагах. «Нет, — сказала я себе, — это подозрительно». Но где же истинная надпись? Где появлялся светящийся портал? Там, за спиной графа. Вот почему он ничего не предпринял. Просто не успел. Пусть слуга снимет этот гобелен, который, кстати, совершенно здесь неуместен. Ну?!

Грателло, белый, как мрамор, стоял неподвижно. Одним ловким движением Ченси вскочил со своего места, подошел к указанному гобелену на стеке, схватился за его края и рванул. Пыльная ткань упала к его ногам.

— Поразительно! — воскликнул стряпчий. — Еще одна надпись!

— На этот раз подлинная, — утвердительно произнесла Альвенель.

— Вынужден взять свои слова обратно, — процедил Гаспар. — Вы неглупы, это ясно.

— Любопытное письмо, — произнес Тьян-по. — Больше похоже на орнамент из цветов и вьющихся побегов. В Хореазме находили подобные. Интересна также и манера письма — сильная, твердая рука, штрихи устремлены вверх — так пишут на выдохе...

Конан наблюдал за происходящим очень внимательно. Он не привык разгадывать загадки усилиями ума, но обожал всякие головоломки, требующие решений, действий и хитрости.

— Пусть слуга сознается, почему он скрыл настоящую надпись, — предложил он.

Сидящие за столом посмотрели на Грателло, а тот уставился себе под ноги.

— Милейший, отвечай! — «железным» тоном велел стряпчий и нахмурился. Слуга молчал.

Конан бегло оглядел присутствующих: Шут пропал, отметил он про себя.

— Ты вынуждаешь меня принять меры, — сказал Фаррел. — Последний раз советую тебе...

Тяжелый, долгий грохот, донесшийся снаружи, прервал его. Шум перекрыл голос бури.

— Что это? — испуганно спросил Гаспар.

— Похоже на обвал, — ответил Конан, прислушиваясь. — Большой обвал.

Ченси подошел к окну, отодвинул гардину и выглянул.

— Ничего не разобрать, одна чернота, — молвил он.

— А вдруг это чудовище на куриных лапах штурмует замок? — Гаспар заметно побледнел. Он сильно жалел, что ввязался в это предприятие. Мысль о наследстве перестала возбуждать его.

— Чего гадать? Всего и делов — пойти да посмотреть, — заверещал Тью. — Если пришел этот гад, мы его подзорвем. Дядин порошок-то, небось, остался цел. Лежит где-нибудь в кладовой. А?

Очевидно было, что ему хотелось что-либо «подорвать».

На пороге залы появился Джокс. Он ступал торжественно, словно собираясь объявить о прибытии важной персоны, никак не ниже герцога по достоинству.

— Господа! — провозгласил он. — Спешу сообщить, что мост обрушился. Мы заперты в замке.

— Казался таким надежным, крепким, простоял сотни зим — и бесславно развалился, чтобы упасть на дно ущелья, — сказал Тьянь-По. Ветер раздувал его одежды и уже унес в неизвестность смешную коническую шапочку из рисовой соломки. — Как это верно и символично напоминает мне историю о вековом дубе, который...

— Вы бы подумали, как отсюда выбраться, — мрачно произнес Гаспар.

— Тут и думать нечего, — кхитаец пожал плечами. — В замке оставались летающие механизмы, созданные покойным хозяином. Они и перенесут нас через пропасть.

— Вы готовы лететь верхом на табуретке? Вы, почтенный человек?

— Вряд ли полет на табуретке причинит ущерб моему имени, — отвечал Тьянь-По.

Конан, цепляясь за страховочную веревку, которую держали Ченси и Тью, выбрался из пропасти.

— Не похоже, чтобы мост упал сам, — произнес он. — Ему помогли. Раствор, которым были скреплены камни, держит прочно.

— Очень возможно, — сказал Гаспар, ежась на ветру. — Слуга скрыл подлинную надпись, другой — свалил мост, оставив нас в западне... Может, они людоеды? Может, они питаются теми, кого им удается заманить в этот проклятый замок?

— И каждый раз при этом они ломают мост, — улыбнулся кхитаец. — Думаю, мокнуть здесь дальше бессмысленно.

— Но в замке опасно находиться! — не унимался Гаспар.

— Зато там сухо и много вина! — возразил Тью. — Предпочитаю промочить горло, а не одежду!

У самого входа они услышали звон колокола.

— Ночная стража! — объявил Тьянь-По. — Первый вечер прошел.

— Нельзя сказать, чтобы впустую! — хмыкнул Ченси. — По сравнению с нашими предшественниками мы хотя бы не бьемся над разгадкой чепухи!

Фаррел встретил их у порога.

— Негодный слуга исчез! — воскликнул он. — Воспользовался суматохой и скрылся.

— Думаете, он покинул замок по воздуху? — осведомился Тьянь-По.

— Джокс клянется, что летательный механизм остался только один, и тот неисправен, — отвечал стряпчий. — Положение наше неутешительно.

— Прохвост прячется где-то здесь, — оскалился варвар. — Он сам говорил, что тут полно потайных комнат.

Тью поддержал его:

— Надо все обыскать, найти мерзавца и развязать ему язык!

— В самом деле, — сказал Гаспар. — Должен же кто-то объяснить, наконец, что все это значит?

— Лично я никого искать не собираюсь, — произнес Ченси и зевнул. — Ночь. Темно, как у черномазого за шиворотом. Надо дождаться утра и заодно отдохнуть.

— Это разумно, — кивнул кхитаец. — Давайте разойдемся по спальням. Пусть каждый из нас как следует присмотрит за собой.

— Но ведь мы так и не узнали толком, что случилось! — Гаспар снова заговорил истерическим голосом.

Тьянь-По, усмехнувшись тонкими губами, ответил:

— Дорогой мой! У нас будет еще много времени, чтобы разобраться.

И кхитаец легкой походкой удалился по коридору. Гаспар, втянув голову в плечи, устремился следом за ним. Их комнаты располагались рядом.

— Ты идешь? И где этот осел Фаэрти? — спросил Ченси у Тью.

Тот неожиданно взорвался:

— Я не знаю, где Фаэрти! Я не помню, чтобы меня нанимали в няньки человеку, который старше меня! Да, старше, и на целую зиму! Я спать не собираюсь. И пусть эта кхитайская гусеница мне не указывает!

— Нас с тобой, к несчастью, поселили в одной комнате, — напомнил Ченси. — И если ты среди ночи припрешься и помешаешь мне спать, произойдет нечто ужасное. Имей это в виду и делай, что хочешь. А вы, господин варвар, передайте вашей приятельнице пожелания доброй ночи. Я хотел бы поутру потолковать с ней по делу.

Ченси отобрал у Тью подсвечник и ушел вверх по лестнице.

— Сильно волноваться не стоит, — мягко произнес Фаррел. — Если через седмицу я не объявлюсь при дворе у герцога, меня начнут искать и первым делом направятся сюда. Увидят, что стало с мостом, и приведут все в порядок. Спокойной ночи, господа.

— Ну так что? — Тью с надеждой посмотрел на киммерийца. — Начнем поиски?

— Пожалуй, только позже, — отозвался Конан. — Прежде я должен поговорись с женщиной. Дождись меня в зале, где мы обедали.

— Но ведь ты ненадолго?

— Если у тебя нет терпения, займись чем-нибудь, — отрезал варвар. Уходя, он совсем не подумал, в каком положении оставил своего добровольного помощника. Сам Конан прекрасно видел в темноте и хорошо запоминал расположение комнат и направления коридоров. А Тью остался один в холле без света.

— Где же демонская зала? — бормотал он, шаря в темноте, натыкаясь на стены и бранясь. Отыскав наощупь перила лестницы, Тью стал подниматься наверх, оступился и расквасил себе нос. Его ругань долго разносилась эхом по пустым переходам. Поднявшись неизвестно на какой этаж, Тью вышел в один из коридоров и побрел наугад. Здесь было светлее, но ненамного. Свернув наудачу три или четыре раза, Тью понял, что безнадежно заблудился.

Альвенель, обнаженная, при свете двух свечей сидела перед большим зеркалом и расчесывала свои густые волосы.

— Мог бы и постучаться, — сказала она. — Впрочем, я по звуку шагов догадалась, что это ты.

— Ты удивительно догадлива, — ответил варвар. — И красива. Редкое сочетание.

— Почему даже очень хорошие мужчины так глупо устроены и всегда говорят скучные, пошлые вещи? — искренне удивилась она.

Конан пожал плечами.

— Я и в самом деле признаю, что ты умна, — сказал он миролюбиво. — Сегодня ты произвела на всех впечатление. Только знаешь, мне показалось, что ты сразу отнеслась к рассказу слуги без особого доверия. Тебе известно что-то еще...

— Если ты такой внимательный, признайся, что Грателло не похож на человека, которому можно доверять.

— Это верно. — Киммериец присел на край кровати и стянул с себя через голову тунику и рубаху из грубого полотна. Женщина с удовольствием рассматривала его тело, отраженное зеркалом.

— Я насторожился, — продолжал он, — когда слуга описывал происходящее в зале, после того, как погасли свечи. Может, он видит в темноте? Тогда у него опасное преимущество перед многими из нас.

— Меня больше занимает другое, — голос Альвенель прозвучал неожиданно зло, — что он делал, когда латник-великан и его слуги угрожали графу? Почему он ничего не предпринял? Из его повествования не следует, что к его горлу был приставлен меч. Ему ничто не угрожало.

— Он попросту трус, — с презрением сказал варвар.

— Если бы он был только трусом... — Женщина отвернулась, и Конан заметил слезы на ее глазах.

— Брось, — проговорил киммериец. — Тебе ничего не угрожает, я же с тобой. Иди ко мне. Я знаю хороший способ отдохнуть.

Альвенель поднялась со стула, подошла к нему и положила руки на плечи варвара. От запаха ее тела у Конана закружилась голова. Он крепко обнял Альвенель и уже собирался повалить ее на кровать рядом с собой, как она вдруг напряглась, вскрикнула и попыталась вырваться.

— Да что с тобой? — воскликнул Конан, но осекся.

Лицо женщины было искажено брезгливостью и страхом.

— Посмотри, что у тебя за спиной, — сказала она. — Только осторожно.

Оборачиваться варвар не стал — он бросил взгляд на зеркало, в котором отражалась вся кровать целиком.

— Лучше спать с равнодушной женщиной, чем с таким отродьем, — усмехнулся киммериец. Сзади и левее его, на подушке, покачиваясь на лапах, стоял огромный скорпион, ярко-красный, с черным хвостом.

— Знаешь, откуда эта тварь? — спросил Конан, не двигаясь с места.

Альвенель посмотрела на него расширенными глазами и отрицательно мотнула головой.

— Из Стигии, — сказал он. — Его яд убивает мгновенно. Скорость и быстрота реакции намного больше человеческой. Он опаснее самой опасной змеи. Осторожно вынь из ножен мой меч и протяни его мне рукояткой вперед. Медленно...

Пока Альвенель выполняла приказ, Конан наблюдал за скорпионом в зеркало. Тот заподозрил угрозу, хвост его задрожал, а на загнутом, остром жале показалась капелька яда.

Не вытягивая руки, варвар раскрыл ладонь, и когда рукоять меча оказалась в ней, плавно сжал пальцы.

— У меня есть только жалкая доля мгновения, — сказал он. — До чего приятное ощущение. Только доля мгновения между жизнью и смертью...

Испугавшись еще больше, Альвенель заглянула в его синие глаза — в них проснулось какое-то удивительное веселье, словно не было для этого человека ничего приятнее, чем находиться на краю гибели. Потом ослепительной молнией сверкнул в воздухе клинок, и целое облако перьев взметнулось кверху.

Тьянь-По пожелал Гаспару хорошо выспаться и юрко шмыгнул в свою комнату. Гаспар представил с тоской, как будет сейчас ворочаться на холодной кровати и думать над своим печальным положением, и его передернуло. Проклятый кхитаец! У всех узкоглазых, вследствие вырождения их расы, нервы устроены таким образом, что узкоглазые не испытывают никаких волнений. Они слишком примитивны для этого.

Подозрительный и недоверчивый, ученый еще вчера вытребовал у мажордома ключи от своей комнаты. Красть у него было решительно нечего, но осторожность никогда не помешает!

К тому же, в дорожной сумке лежит толстый свиток пергамента — черновик трактата о слабоумии среди Зимбабвийских негров. А в черновике много помарок и исправлений, а также ошибок, еще не замеченных автором, и потому неисправленных. Если проклятый кхитаец засунет в рукопись свой нос, у него будет возможность посмеяться над Гаспаром, а этого представитель передовой расы никак не может допустить.

Ключ, как это свойственно всем ключам вообще, провалился на самое дно кармана, и ученый извлек его не без труда. Потом выяснилось, что он забыл, как надлежит вставлять его в скважину. Бороздкой влево? Или вправо? Гаспар положился на удачу и прогадал — ключ застрял и теперь не желал вылезать обратно.

Пока ученый боролся с замком, на него накатил страх. С ним такое бывало в детстве в похожей ситуации. Ему казалось, что за ним гонится людоед, он приближается, он все ближе и ближе, а дверь все не открывается, и счет уже ведется даже не на мгновения, а еще меньше... Гаспар застонал от ужаса и весь вспотел.

— Как глупо, — сказал он себе. — Надо взять себя в руки.

Он отпустил ключ, торчащий из скважины, прижался спиной к стене, глубоко вздохнул и сосчитал до двадцати пяти. Стало полегче. Тогда он снова повернулся и едва не потерял сознание, даже не успев испугаться. Его напряженные нервы сократились сами по себе, и солидный ученый подпрыгнул от неожиданности, увидев перед собой бледное, перекошенное лицо.

— Господин ученый? — произнес шут (а это был он). — Вам до сих пор не спится?

— Ты чуть не убил меня, — шепотом сказала Гаспар. — Бродишь тут, точно привидение...

— Забавно, правда? — спросил Баркатрас. — Но ваша ученость так говорит, потому что никогда не видел настоящего привидения. Так вот, я на него совершенно не похож.

— А почему твои колокольчики не звенели?

— Потому что я не прокаженный и не обязан предупреждать о своем появлении, — парировал шут. — Я залепил их язычки воском. У меня дело лично к вам, и мне не хотелось, чтобы о нем знали посторонние.

— Какое еще дело? — грубо осведомился успокоившийся Гаспар.

— Я подумал, что если мы с вами разыграем вашего ученого коллегу, вам будет приятно.

— Глупости! — Гаспар начинал закипать. — Что значит — разыграть?

— Выставить дураком.

— До того ли мне, шут! — в сердцах сказал ученый. — Оставь меня в покое. Тут и без тебя хватает чепухи!

— Как скажете. — Баркатрас поклонился и исчез в темноте.

— Это неслыханно! — пробормотал Гаспар и снова взялся за ключ. На сей раз он поддался. Ученый перевернул его и снова вложил в скважину. Замок со скрипом открылся. Гаспар толкнул дверь и вошел.

В его руке горела всего одна свеча, но на прикроватном столике, в золоченом подсвечнике, их было целых три. Он торопливо зажег их все, одну за другой, а ту, что принес с собой, прилепил прямо к полированной столешнице. Бороться за наследство он не будет, значит, мебель перейдет к другому, стало быть, нечего ее жалеть.

Зола в камине еле теплилась, но ученый все равно развесил перед ним свой сырой плащ и стал снимать манитю. Он запутался головой в ее широких складках, а когда наконец освободился, взгляд его упал на подоконник.

И Гаспар закричал во все горло.

На подоконнике лежала голова Тьянь-По, отделенная от тела, со всклокоченными волосами и вздыбленной бородке. Раскосые глаза блестели, как кусочки мозаичного стекла.

Не помня себя, Гаспар вылетел в коридор.

Он продолжал кричать. Дверь за ним захлопнулась сама по себе, и ученый оказался в полной темноте. Послышался какой-то шум и, как показалось Гаспару, прямо из стены возник кхитаец со свечой в руке, живой и здоровый. Голова его была на месте!

— Это вы? — спросил он. — Что случилось?

— Там, там! — орал Гаспар. — У меня на окне... Ваша голова!

— Моя голова? — переспросил Тьянь-По спокойно. — Но это абсурд. Одно и то же тело или же часть его не может пребывать в двух местах одновременно. Если моя голова со мной, а я надеюсь, что это так...

— Пойдемте, посмотрим, — перебил его Гаспар. — Вы как жрец науки должны будете поверить своим глазам! Она там, говорю я.

— Может быть, вы ошиблись?

— Совершенно исключено.

— Может, это чья-то другая голова? — настаивал Тьянь-По.

— Это голова ваша, уверяю вас! — восклицал Гаспар. — Те же наклон лба... и борода!

Тьянь-По пощупал свою бороду, пожал плечами и сказал:

— Ну, хорошо. Давайте взглянем.

Гаспар открыл свою дверь и пропустил кхитайца вперед. Сам он заходить не спешил.

— Ну как, убедились? — крикнул он.

— Друг мой, здесь нет никакой головы, — отвечал Тьянь-По. — Попросту вы переутомились и съели за обедом много тяжелой пищи.

Гаспар робко вошел в комнату.

Действительно, головы не было. На том месте, где она находилась, стоял кувшин для умывания, синий, с отбитой ручкой.

В полной тишине, при погашенных свечах, Ченси лежал на кровати и размышлял: сделаться ли ему негодяем или продолжить игру честного человека. В создавшихся условиях можно было рискнуть — вернуться к предложению Фаэрти, а убийства свалить на Грателло, тем более, что последний оказался и в самом деле нечист на руку. Для человека, который с пятнадцати до двадцати пяти зим почти ежедневно слышал в свой адрес обвинения в беспутстве, никчемности, для которого каждая подачка от богатых родственников сопровождалась унизительными сценами, это было соблазнительно. Но... Во-первых, для такого дела нужно найти хорошего союзника. Положиться на маменькиных сынков, Фаэрти и Тью, значит изгадить все дело. А где его найти, хорошего союзника? Альвенель умнее других, но уж очень бойка. Только на правах любовника с ней можно сосуществовать, а при сообразительной леди уже находится в этом качестве мрачный длинноволосый громила... Кхитаец не годится — его, похоже, не деньги интересуют, а сама загадка как таковая. Второй ученый — трус. Предаст при любой возможности.

А во-вторых — как-то это непривычно и... скверно. Одно дело — проломить кому-нибудь голову табуреткой в кабаке или проткнуть мечом на перекрестке из-за глупой, вздорной куртизанки, а другое, совсем другое — вот так, расчетливо, одного за другим извести несколько человек из-за титула и замка, который все равно скоро будет проигран в кости.

— Проклятая слабость! — выругался Ченси.

Те, кто думают, что заниматься подобными размышлениями легче, чем действовать, — глупцы. Мысли, изнуряющие, будоражащие, выматывают не хуже каторжных работ.

Когда стена, обтянутая гобеленом, над самой кроватью Ченси внезапно вздулась пузырем и в темноте, к которой успели привыкнуть глаза, промелькнуло что-то живое, подвижное и бесшумное, молодой человек решил, что это его собственные черные мысли неожиданно облеклись плотью. Через миг Ченси ощутил на себе посторонний взгляд. Два огромных круглых глаза, оранжевых, с черными вертикальными зрачками, следили за ним из темноты.

— Кто ты? — спросил Ченси. — Демон, пришедший за моей душой? Тварь из сопредельного мира? Впрочем, все равно. Проваливай.

Ворчание, похожее на дробный рокот маленького барабана, послышалось в ответ. Глаза вдруг сделались больше. Они все росли и росли, пока Ченси не понял, что они приближаются. На самом деле все произошло в одно мгновение, но для Ченси мгновение это растянулось почти до бесконечности.

Уже ощущая дыхание незваного гостя, пахнущее загустевшей кровью, Ченси перекатился к краю кровати и упал на пол. На кровать сразу опустилось что-то грузное и коротко взрыкнуло. Ченси не стал терять времени — вскочил, выхватил из ножен свой меч, лежавший на сундуке, и принял оборонительную позу. Он был в одной рубашке, трутница осталась в кармане куртки — зажечь

свечу было нечем, да и вряд ли обладатель страшных глаз позволил бы ему возиться с огнем. Ченси видел его плавный силуэт, почти неотделимый от темноты.

— Откуда же ты взялся? — спросил Ченси. — Прятался в комнате? Сидел под кроватью?

Визитер снова отреагировал на звук человеческого голоса — заворчал, как и в первый раз, очевидно, сгруппировался и опять прыгнул. Ченси рубанул его в воздухе и попал, но его самого хлестнуло чем-то горячим по плечу и щеке и толкнуло так сильно, что он потерял равновесие. Черное тело каталось, извивалось по полу. Ворчание сменилось рыком, в котором слышались ярость и боль. Ченси вскочил, примерился и ударил, целясь между горящих глаз. Что-то опять толкнуло его, и горячее потекло по бедру. Но рык превратился в визг, и скоро все стихло.

Ченси бросил меч, полез в карман за трутницей — руки у него тряслись, а правая к тому же сделалась тяжелой и плохо слушалась. Но свечу ему удалось зажечь.

— О боги! — прошептал он, оглядев комнату. Все, что возможно, было забрызгано кровью. Зверь, похожий на очень большую кошку, лежал на полу — его бока еще поднимались и опадали, а передние лапы скребли половицы когтями. Он был густо-черного цвета, красивая шерсть его лоснилась и переливалась даже в скудном освещении.

Глянув на себя, Ченси сразу почувствовал слабость — он истекал кровью. Всхлипнув от накатившей дурноты, молодой человек отворил дверь и, пошатываясь, вышел в коридор.

Прямо перед его дверью стоял шут Баркатрас.

— Меня нужно перевязать, иначе я сдохну, как поросенок на бойне, — сказал Ченси и рухнул. Шут еле успел его подхватить.

Тью заметил свет, горевший где-то бесконечно далеко в темном коридоре.

— Уже кое-что, — сказал он себе и бросился туда. Темноты он не боялся, но ему непременно хотелось найти что-нибудь такое, что прояснило бы ситуацию. Или натknуться на Грателло и схватить его. Тью хорошо понимал, что додуматься до разгадки ему не хватит мозгов, зато у него было много энергии и рвения. Эти ценные качества не раз выручали Тью в разных щекотливых ситуациях.

Источником света оказалась масляная лампа, висевшая на крюке, вбитом в стену. Не раздумывая, Тью снял ее и зашипел: медная дужка, служившая ручкой, раскалилась, резервуар — тоже. Нести лампу в руках было немыслимо. Поставив ее на пол, Тью поплевал на обожженные пальцы, потом снял с пояса кинжал в ножнах, поддел дужку его перекрестьем и довольно засмеялся.

— Вот что значит очень захотеть! — сказал он. — Пора пролить свет на это темное дело!

И он пошел дальше. Теперь выражение «куда глаза глядят» к нему подхо-

дило — глазам было куда глядеть. По левую руку в коридор выходило видимо-невидимо дверей, и каждая была заперта. Вероломный слуга мог хорониться за любой.

— Значит, будем ломать, — решил Тью и приступил к делу не откладывая. У первой двери замок оказался хлипким — он вылетел после первого же толчка. За дверью обнаружилась скучная комната без окон, в которой лежали горой поломанные стулья и старые, облезлые метлы. Со сторой дверью пришлось повозиться дольше, но и она не выстояла. В этой комнате, на сей раз — большой и нарядно убранной, — стояли два окованных сундука, совершенно не нужные здесь. Они были не заперы. В каждом лежала гора истлевшего, заплесневелого тряпья. Следующие две двери были прочными, высадить их не удалось, хоть Тью и отбил себе плечо.

— Обидно, — проговорил он. — Но дверей еще полно.

Потом нашелся склад негодного оружия и заржавленных, худых кирас и шишаков. Поразмыслив, Тью перевесил лампу на острое навершие алебарды с щербатой рубящей плоскостью, а кинжал вернул на пояс.

Так было удобнее идти, правда, лампа все время раскачивалась. А алебарда пригодилась при взломе очередной комнаты — в ней было полно странной посуды из зеленоватого стекла, покрытой пылью и мышиным пометом.

Таким образом Тью прошел почти весь коридор, пока сильнейший запах тления не остановил его перед последней дверью.

— Похоже, тут фамильный склеп, — предположил Тью. — Вряд ли это правильно — держать мертвецов под крышей. Отвратительный запах.

Проникать в эту комнату он не собирался и уже было двинулся дальше как ему послышался внятный шорох, который донесся из-за двери.

— Пожалуй, посмотреть все-таки стоит, — решил Тью. — Возможно, этот проныра специально выбрал себе укрытие, куда ни один нормальный человек не сунется добровольно!

Зажав нос свободной рукой, Тью толкнул дверь плечом — она неожиданно легко распахнулась, ибо была не заперта.

— Разрази меня гром! — вскричал он, рассмотрев то, что эта дверь скрывала.

В комнате действительно было двое мертвецов. Один совсем свежий, с разодранным животом, лежал вытянувшись на столе. В его внутренностях копался другой мертвец, сгнивший почти до костей, однако не утративший способности двигаться. Жирные белые черви сыпались с него дождем.

Услышав восклицание Тью, он поднял безжизненное лицо, обезображенное разложением. Мертвец на столе был никто иной, как Фаэрти. Это открытие заставило Тью растеряться. Совсем еще недавно молодой и сильный, кузен Фаэрти лежал, словно какой-нибудь неодушевленный предмет. В представлении Тью смерть была уделом старых и слабых.

— Вот так штука! — только и смог сказать Тью.

Тем временем живой мертвец, все с тем же бессмысленным выражением

лица, широко растопырив руки, обошел стол и двинулся на Тью. Ноги у него не сгибались, и он переставлял их, словно циркуль землемера. Тью неожиданно ясно осознал, что сейчас его — тоже молодого и сильного — постигнет печальная участь кузена. Это показалось ему дикой нелепостью, жестокой и несправедливой. И Тью решил сражаться. С воинственным криком он взмахнул алебардой, которая погрузилась в череп мертвого противника с чавканьем, будто в гнилую тыкву. При этом лампа перевернулась, ее содержимое вылилось на упыря и воспламенилось.

Выпустив алебарду, Тью побежал по коридору. Живой труп шел за ним тяжелыми, неловкими шагами и освещал коридор, подобно живому факелу. Вонь стояла чудовищная. Пройдя шагов двадцать, мертвец рухнул лицом вперед и зачадил. Тью остановился. Его вывернуло.

— Кого это вы спалили? — раздался голос у него за спиной, и Тью подскочил на месте.

— Это ты, дурак! — сказал он, успокоившись. Перед ним стоял шут и разглядывал его бесцеремонно и насмешливо.

— Странный способ развлекаться, — заметил Баркатрас. — Я бы не додумался.

— Там, в комнате, лежит мой кузен Фаэрти, — сообщил Тью. — Он умер. Его убили.

— Должен сказать, что с другим вашим родственником тоже случилась беда, — проговорил шут. — Его сильно ранила пума. К счастью, он жив.

— Откуда Ченси взял пуму? — удивился Тью, на что Баркатрас только развел руками.

— Решительно отказываюсь спать на этой постели, — произнесла Альвенель. Перья все еще плавали в воздухе. Разрубленный вместе с подушкой скорпион залил простыню и покрывало черной липкой кровью. Конан завернул убитую тварь в испачканное белье и выбросил сверток за дверь.

— Давай-ка обшарим всю комнату, — предложил он. — Вдруг здесь есть еще что-нибудь в том же роде.

Но тщательный и дотошный обыск ничего не дал.

— Любопытно, кто из моих конкурентов подбросил мне этот сюрприз? — гадала Альвенель вслух.

— Возможно, они тут и ни при чем, — молвил киммериец.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Вспомни герпедонта в горах, — продолжал варвар. — Стигийский скорпион — тоже диковина в этих местах. Ему нужно жаркое солнце и растрескавшаяся, сухая земля. Тут, по-моему, не обошлось без колдовства!

— А если кто-нибудь из претендентов — тайный колдун? — предположила Альвенель, но Конан с сомнением покачал головой.

— Скрыть принадлежность к проклятому колдовскому племени очень трудно, — сказал он. — Колдун — это не только магия, это способ жить. Колду-

ны по-другому говорят, по-другому держат себя, везде ищут символы и кичатся своим знанием. Из-за этого они еще более отвратны!

— Но ведь маг может притвориться обычным человеком, — настаивала Альвенель. — И втайне посмеиваться над окружающими.

— На кого ты думаешь?

— На кхитайца!

— Нет, — возразил варвар. — Кхитаец — по-настоящему мудрый человек. Такой не будет возиться с колдовством.

— А как ты отличаешь мудрого от не-мудрого? — спросила женщина.

Киммериец нахмурился.

— Не знаю, — наконец признался он. — Отличаю и все.

— Хорошо, — сказала Альвенель. — А как по-твоему, я мудра или нет?

— Нет, — ответил Конан категорически. — Ты умна, но не мудра.

— Почему? Я ценю твою откровенность, но объясни, почему ты так думаешь?

Варвар увидел, что она задета.

— Если бы ты была мудра, — сказал он, как мог, мягко, — то давно вышла бы замуж и родила бы своему мужчине кучу красивых, здоровых детей. Не обижайся — я тоже не мудрец.

— Хватит об этом, — холодно произнесла Альвенель. — Я хочу спать.

Киммерийцу вдруг показалось, что у этой красивой, обнаженной женщины, для которой нагота — самые крепкие латы — что-то сломано внутри. Киммериец слабо разбирался в душевных страданиях, но знал, что они бывают иногда сильнее телесных.

Женщина легла на голый тюфяк и закрыла свое лицо волосами. Варвар закутал ее высохшим плащом, задул свечи и тихо вышел из комнаты.

В зале графской короны шут Баркатрас пил вино.

— Где крикливый молокосос? — осведомился у него Конан.

Шут покачнулся на стуле, вскинув ноги на стол, и заговорил:

— При покойном графе в замке выдавались веселые ночки, но такой я не упомню!

После чего он рассказал про пуму, убитого Фаэрти и ожившего мертвеца, сожженного в коридоре.

— А у нас в спальне был скорпион, — кивнул Конан. — И сбежавший лакей до сих пор не объявился... Кстати, где ты сам был в тот момент, когда обрушился мост?

— Я? — переспросил Баркатрас. — Ах, да! Выходил за надобностью. Все дело в белом вине. От него пучит живот. Тебе нужны доказательства?

— Что-то я не вижу в вас вчерашнего пыла! — проворчал стряпчий, усаживаясь за стол.

Завтрак и без этого замечания проходил в атмосфере невеселой. Тью покосился на Фарреля сердито, но промолчал.

Ченси взял бокал левой рукой — правая находилась на перевязи — и произнес:

— Давайте выпьем за то, чтобы не все погибли в этом распроклятом замке!

— Я бы воздержался на вашем месте от всяких речей, — сухо хмыкнул судейский. — Наша общая задача состоит в том, чтобы выжить. Скорее всего, это будет непросто.

— Вы очень крепко держите себя в руках, — не выдержал Тью. — С чего бы это? Почему вы так спокойны? Вы — единственный, с кем ночью ничего не случилось! Это подозрительно.

— Не единственный, — молвил Тьянь-По, входя в залу и церемонно кланясь. — С бедным кхитайским каллиграфом тоже ничего не случилось. Он спал, как младенец.

— Младенцы спят крайне беспокойно и все время кричат, — язвительно заметил Фаррел. — Вы уж поверьте. У меня трое детей и восемь внуков. А ваш многоученый сосед — с ним все в порядке?

— Ночью ему привиделось, будто бы моя голова, отделенная от тела, находилась у него на окне, — поведал Тьянь-По, устраиваясь на стуле. — А потом он заснул. Во всяком случае, затих. Наверное, проваляется в постели до вечера.

Варвар завтракал без аппетита, что бывало с ним нечасто. Он то и дело смотрел на надписи — на фальшивую, нанесенную поверх шлифованного камня кладки, и на подлинную, словно выжженную в толстой дубовой панели. Альвенель, в глубокой задумчивости, стояла у окна и высматривала в сером ненастном небе что-то, заметное ей одной.

— Джокс! — обратился стряпчий к мажордому, прислуживающему за столом. — Ты знал Грателло много зим. Объясни, как он мог выкинуть с нами такую шутку?

— Не могу знать, — медленным, скрипучим голосом отвечал Джокс.

— В нем не было никаких странностей?

— Странностей? — Мажордом взглянул с недоумением и оставил вопрос стряпчего без ответа.

— До сих пор непонятно, как он сломал мост, — заметил Ченси.

— Ну, это просто, — ответил ему кхитаец. — Он сам рассказал нам, что у графа хранились запасы порошка для праздничных огней. Достаточно было мешка весом в пять лян и длинного фитиля, которы тлел бы долгое время. А потом — бум! И моста нет.

— Действительно, просто! — рассмеялся Ченси. — Неужели лакей мог додуматься до такого? А вот вы, который много знает о свойствах этого порошка...

— Понимаю, куда вы клоните, — улыбнулся Тьянь-По. — Но я-то здесь, среди вас. А лакей исчез. Почему?

— Простите, леди, — Ченси повернулся к Альвенель. — Вы, бесспорно, самая светлая голова в этом замке. Что вы думаете по этому поводу?

— Ничего, — ответила она. — Я разгадала надпись и сегодня в указанное время оглашу результат.

— Много вам будет толку с этого! — фыркнул Тью. — Неужели вы не понимаете, что нас всех убьют, поодиночке. И вас тоже, если, конечно, не вы организовали все это.

— Мы занимаемся ерундой. — Кхитаец тактично сказал «мы» вместо «вы», и это все заметили. — Прошедшей ночью случились вещи, не объяснимые порядком вещей нашего мира. Значит, нужно понять логику мира сопредельного. Это гораздо интереснее, чем слоняться по замку в поисках коварного Грателло. Лично я устроюсь в библиотеке и тщательно изучу личные записи графа.

— В одиночестве? — спросил стряпчий, устремив на Тьянь-По проницательный взгляд.

— Если многоученый Гаспар не составит мне компании, то в одиночестве.

Сказав так, кхитаец доел тушеную морковь, выпил стакан воды и, торжественно поклонившись, вышел. Однако скоро он вернулся. Веселая легкая улыбка исчезла с его лица, теперь оно выражало тревогу и озабоченность.

— Я никак не могу его разбудить, — сказал он. — Господин Гаспар не подает признаков жизни.

В постели, пропитавшейся кровью, лежало обезглавленное тело Гаспара. А голова вытаращенными глазами смотрела с подоконника, одним глазом на вошедших, другим — в стену.

— Получается, вы последний, кто видел его живым, — сказал стряпчий, адресуясь к Тьянь-По.

— Последним его видел убийца, — бесстрастно ответил кхитаец.

Ченси расхохотался. Фаррел взглянул на него сурово.

— То есть, вы его не убивали?

— Дверь была заперта изнутри, — молвил Тьянь-По.

— Значит, убийца, кем бы он ни был, вылез через окно, — уверенно произнес судейский.

Кхитаец покачал головой.

— Жизненно важная часть моего бедного друга стоит на подоконнике, — заметил он. — Если бы окно открывали, она бы упала на пол.

Ченси обошел тесную комнату и оскалился.

— Значит, здесь есть потайная дверь! — сказал он и принялся стучать по стенам, сначала кулаком, а потом тяжелым подсвечником, который оставлял в побелке глубокие вмятины.

Стряпчий внимательно осмотрел мертвое тело. Правая рука покойного, сжатая в кулак, сильно заинтересовала его. С усилием судейский чиновник разогнул окоченевшие пальцы.

— Ого! — сказал он. — Кажется, несчастный помог нам изобличить убийцу.

Фаррел подошел ближе к окну, чтобы получше разглядеть свою находку. На его ладони блестела золотая брошь с небольшим красивым опалом.

— Я видел похожую на вашем вчерашнем камзоле, — произнес он, глядя на Ченси.

— Да, — отвечал тот с вызовом. — А еще такая же есть у Тью и у Фаэрти, убитого этой ночью. Если вы думаете, что это моя, то мне остается пойти в свою комнату и принести вам опровержение.

— Поспешите, — посоветовал Фаррел.

Скоро Ченси стоял на пороге и демонстрировал свою брошь, которая не покидала камзола. Так же поступил и взволнованный Тью.

— Странная получается картина, — проговорил кхитаец. — Ваш родственник убил Гаспара, потеряв при этом украшение, после чего перенесся неизвестным образом на четвертый этаж, где был, в свою очередь, убит ожившим мертвецом двухлунной свежести...

— Вы, кажется, хотели уединиться в библиотеке? — напомнил ему стряпчий. — Теперь вас никто не держит. Постарайтесь найти ответ в научных опытах графа. Но это не означает, что вы свободны от подозрений.

— Здесь никто не свободен от подозрений. — Тьянь-По поклонился и ушел.

— Зачем ты объявила о том, что смогла прочесть надпись? — спросил варвар у Альвенель. — Теперь твоя жизнь в еще большей опасности. Злоумышленник попытается добраться до тебя.

— На это я и рассчитываю, — улыбнулась женщина. — Мы будем начеку. Я знаю, что это непросто, но уж точно — не скучно.

Они стояли на галерее и смотрели вниз. Тучи застилали небо, тучи клубились у подножия замка и тяжелыми, лохматыми тушами опускались в ущелье. Совершенно непонятно было, как солнечный свет проникает сюда сквозь эту пелену.

Буря миновала, но шквальный ветер не утихал — он приносил откуда-то издалека маленькие ледяные крупинки.

— Должно быть, ты думаешь — зачем человек забирается в такое страшное место, строит в нем жилье, оседает на всю жизнь, когда есть зеленые равнины, леса, морские побережья? — поинтересовалась Альвенель.

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Мне здесь нравится. Я тут как дома. Это настоящая красота, которая может существовать сама по себе. К тому же злой ветер не собьет меня с ног, острые камни не отведают моей плоти — я сильнее. Чувствовать это очень приятно.

— Мне кажется, граф Амрок тоже так думал. Иначе он не поселился бы здесь.

— А как думаешь ты? Если у тебя получится задуманное, ты станешь хозяйкой всего этого. Тебе будет здесь хорошо? — спросил киммериец.

— Не уверена, — отвечала она. — Но замок Амрок для меня — очередная точка на линии пути. Я обязана ее пройти. Чего здесь удивительного? Разве ты, варвар, живешь иначе?

— Я просто живу, — был его ответ.

Последующее время до ужина он не отходил от нее ни на шаг. Каждый выступ скалы, каждый темный участок коридора мог таить опасность. Конан не очень-то верил в злой умысел какого-то конкретного человека. Он хорошо знал, что зло может существовать и само по себе. Часто оно селится в душе какого-нибудь слабого существа и управляет им, но бывает, что и само, во плоти, появляется в свете, в облике демона, кровожадного чудовища или стихии.

Фаррел тем временем развел кипучую деятельность. Перво-наперво он, при помощи Джокса и конюха, перенес в холл убитую пуму, дохлого скорпиона и полуобугленный, чудовищно пахнущий труп неизвестного. Предосторожности ради труп разрубили на несколько частей. Если однажды он ожил, чтобы совершить убийство, может, ожить и во второй раз. Каждый из уже неодушевленных предметов стряпчий снабдил аккуратным ярлыком с пометкой.

— Это на случай, если нас всех поубивают, и следствию понадобятся улики, — объяснил он.

— Вы так спокойно говорите об этом! — скривил губы Ченси.

— Что делать, я занимаю должность уже много зим, — молвил Фаррел. — И кому, как не мне, знать, что жертвой убийцы может стать любой. Даже судейский чиновник.

Тьянь-По ненадолго появился из библиотеки.

— В этом трактате, — сообщил он, показывая внушительный свиток, — содержится описание научного способа оживления мертвецов. Большинство людей считают, что оживление достигается только при помощи некромантии. Но оказывается, существуют особые препараты, позволяющие проделать эту штуку. Двести зим назад были открыты мельчайшие живые организмы, незаметные глазу. Они живут колониями, захватывая мертвое тело, и заставляют его передвигаться и совершать простые действия. Разума в них нет, один только инстинкт. Встречая живое существо, они при помощи своего носителя убивают его и заселяют труп.

— О боги! — воскликнул Тью. — Это значит, что бедняга Фаэрти скоро тоже начнет двигаться и душить всех подряд!

— Придется выкинуть его в ущелье или сжечь, — обронил Ченси.

— Как ты можешь так говорить! Он же был твоим другом, собутыльником, родственником, в конце концов! — изумился Тью, на что Ченси хмыкнул и ответил:

— Ты так переживаешь, словно я предложить бросить в пропасть живого Фаэрти. Но мертвому Фаэрти это все равно, как было бы все равно и мне.

— Есть какой-нибудь способ приостановить заражение? — спросил стряпчий.

— Для того, чтобы мертвец сделался послушным орудием, маленьким существам нужно много времени. Их должно образоваться в достаточном количестве, а размножаются они весьма забавным образом...

— Ну и что же?

— Холод заставляет их спать, — проговорил Тьянь-По, огорченный тем, что его прервали.

— Господин Фаррел, — подал голос Джокс, — в подвале замка есть ледник, в котором хранятся припасы. Мы могли бы положить усопшего господина Фаррела в пустую бочку и оставить там. Он чудесно сохранится.

— Хорошая мысль, — одобрил стряпчий. — Туда же можно спрятать и тело Гаспара. Вы найдете две пустые бочки, Джокс?

— О, у нас в хозяйстве много пустых бочек, — отвечал мажордом с достоинством.

Ченси рассмеялся так, что у него открылась рана, и ему стало дурно.

Тью вызвался проконтролировать перенос тел в подвал. Особой нужды в этом не было, но молодого человека глодала любознательность. К тому же он почему-то был уверен, что преступный лакей спрятался в подвале. Эта мысль крепко застряла у него в голове. Довольно часто убежденность в чем-либо захватывала Тью, и спустя время он сам уже не мог понять, на чем эта убежденность основывалась. Но привычки рассуждать у него не было.

Вооружившись до зубов, он спустился в подвал следом за носилками, на которых покоилось тело его кузена.

Из ледника веяло стужей. Дверь, обитая железными полосами, вся была покрыта инеем, мягким, как плесень. Ледник не запирался на замок — только на массивный засов. Тью отметил, что засов опущен. Потом он подумал, что вряд ли кто-либо смог долго прятаться в таком холодном помещении, и побрел по подвалу, между штабелей пустых ящиков, поломанных бочек и всякого другого хлама.

Однажды Тью довелось прятаться на чердаке постоялого двора от докучных и агрессивных кредиторов. Ему удалось переправить на чердак два бурдюка с вином, четыре окорока, шесть колбас и два огромных каравая хлеба. Он забаррикадировался так, что рассерженный лавочник, которому Тью был должен шесть серебряных монет, изорвал на себе чулки, ободрал щеку о доску с гвоздем и вынужден был отступить. Три дня провел Тью на чердаке. Большую часть этого времени он проспал, а все остальное время пил, ел и создавал вокруг себя некоторое подобие уюта, необходимое всякому человеку.

Теперь он искал следы этого подобия здесь, в подвале, среди гниющей рухляди. Свеча в его руке чуть подрагивала, и горячий воск обжигал пальцы, капая из переполненной плошки подсвечника. Внезапно Тью вскрикнул от радости — он обнаружил огороженное ящиками пространство, ни дать ни взять — маленькую комнатку. В центре ее, накрытый старой салфеткой, бочонок играл

роль круглого стола, на котором в гнутой медной миске лежало крупное ябло ко, надкушенное с одного бока. Продолговатый ящик изображал скамью, а углу лежал тяжелый и сырой тюфяк.

Тью взял в руку яблоко, подбросил его на ладони и с неожиданной злостью швырнул в темноту. Яблоко лежало тут совсем недолго, в противном случае до него добрались бы крысы, которые во множестве шныряли по подвалу. Про клятье! Подлый убийца был настороже и успел скрыться, уйти прямо из-по носа! А может, его предупредили? Джокс не вызывает большого доверия Слишком уж рьяно он корчит из себя образцового мажордома... Он в сговоре Грателло!

— Молодой господин! Подойдите пожалуйста сюда! — послышался голо Джокса.

Тью, стараясь ничем не выдать охватившего его подозрения, напустил на себя безразличный вид и вышел из укромного убежища.

Бочка с кузеном Фаэрти, уже закрытая, стояла у входа в ледник. Рядом топ тался конюх. Его туповатое, недоумевающее лицо в свете масляного фонар выглядело зловеще. Джокс, с неподвижной, как у статуи, вежливой улыбкой стоял навытяжку.

— Не угодно ли молодому господину посмотреть на то, что мы нашли кладовой? — спросил он и вытянул руку в приглашающем жесте.

«Ага! — подумал Тью. — Я зайду внутрь, и ты закроешь дверь, поймаешь меня, как в крысоловку. Ну уж дудки!»

Однако тут же ему сделалось стыдно при мысли, что мажордом поймет его испуг. Нужно было выкручиваться.

— Мне надоело держать это! — с напускным раздражением он сунул свеч конюху. — А ты посвети мне. Что вы там откопали?

— Грателло, молодой господин, — отвечал Джокс и слегка наклонил голову

— Что ты болтаешь? — изумился Тью. — А ну, вперед!

Грателло точно был там. Он висел на железном крюке между говяжьими тушами, такой же холодный и твердый, как они. В голове его торчал мясниц кий секач.

— Мы не продвинулись вперед ни на шаг! — сказал Фаррел. — Напротив, де ло только запутывается.

— Он так злится, потому что кто-то покусился на его полномочия, — заме тил Баркатрас. — Обычно запутыванием дел занимаются судейские.

Они снова, как вчера, сидели за обеденным столом, правда, теперь в другом порядке. Почетное место занимал стряпчий, Тью демонстративно уселся спи ной к фальшивой надписи, слева от Альвенель находился Конан, а справа – Ченси. Тьянь-По и шут расположились друг против друга. Кхитаец с улыбкой наблюдал, как Баркатрас вылепляет из хлебного мякиша разнообразных чудо вищ, а потом сражается с ними при помощи вилки и ножа.

— Может, это и неважно, — произнес Ченси, — но все-таки любопытно: кем был оживший мертвец и как он оказался в замке?

Джокс, стоявший у двери, выразительно кашлянул.

— Пусть господа простят меня, но сдается мне, что это никто иной, как господин Шарлез, путешественник. Несколько лун назад он напросился в замок с целью, как он уверял, осмотреть его и зарисовать настенные барельефы в центральной башне. Я впустил его, и с тех пор от него не было никаких известий. Он исчез. Но мне показалось, что господин Шарлез просто покинул замок, никого не беспокоя. Теперь, кажется, его судьба прояснилась. Он из любопытства пробрался в лабораторию его милости и, должно быть, нечаянно заразился маленькими существами, о которых говорил господин Тьянь-По.

— Поучительно, — вставил шут. — Я бы посыпал этими тварями всех любителей шататься и глазеть на чужие замки!

— Удалось ли вам, господин ученый, постичь тайны сопредельного мира? — с некоторой насмешкой осведомился Фаррел у Тьянь-По.

Кхитаец прищурил свои и без того узкие глаза и произнес:

— За такой короткий срок вряд ли можно что-нибудь постичь. Но кое-что я узнал.

— Что именно? — спросил стряпчий, впиваясь взором в лицо ученого.

— Например, такую вещь. Для человека, умеющего попадать в сопредельный мир, в нашем мире не существует замков, стен, крепостных рвов и оград. Перепрыгивая из одного пространства в другое, такой человек может обойти любое препятствие. В свете этого заявление госпожи Альвенель о том, что она разгадала тайну надписи, приобретает невыгодный для нее характер...

— Ах ты ведьма! — вскочил Тью. — Это ты убила Фаэрти и всех остальных тоже! Хватайте ее, пока она не просочилась сквозь стену!

Он замахал руками и подался через стол, чтобы схватить Альвенель за плечо. Конан перехватил его руку и слегка сдавил, отчего юноша вскрикнул и сразу обмяк.

— К порядку! — рявкнул стряпчий. — Почему в обществе благородных людей я должен напоминать о приличиях? Если женщина — подозреваемая, она не перестает быть женщиной!

— Благодарю вас, — улыбнулась Альвенель.

— Но она — убийца! — прошипел Тью, потирая кисть правой руки.

— И что с того? — Фаррел надулся и заговорил торжественно: — Даже если и так, что с того? Хвала богам, мы в Бритунии, в стране, где даже на мучительную казнь женщину ведут с уважением и вежливостью.

— Об этом говорить еще рано, — напомнил Конан.

Ченси взял со стола бокал, пригубил вина, немного поморщился и произнес:

— Кому-то выгодно сеять среди нас подозрительность и страх. Возможно даже, что сейчас он сидит за этим столом и насмехается над нами. Проклятье! Ему удалась его шутка. Он не дурак, и я первый признаю это. Но убийца совер-

шил одну ошибку, и мне удалось разглядеть его промах. Дело в том, что... — Ченси внезапно закашлялся, расплескав вино на одежду. Он кашлял все сильнее и сильнее, его глаза выкатились из орбит и остекленели. Приподнявшись, Ченси судорожно мотнул головой и вдруг упал. Мертвый.

— Ничего нельзя сделать, — грустно произнес кхитаец, попытавшись нащупать у него пульс. — Это яд. Очень сильный.

— Как ты это объяснишь, Джокс? — строго спросил Фаррел.

Мажордом посмотрел на него оторопело.

— Я здесь ни при чем, господин Фаррел, — сказал он. — Это вино я взял из погреба...

— Я ни слова не сказал о вине, Джокс! Ты сам выдал себя! Почему ты решил, что яд был в вине?

— Но это же очевидно! — Голос Джокса зазвучал уверенно и твердо. — Несчастный молодой господин выпил вино и умер. Я видел, как он пил...

— Яда в вине нет, — изрек варвар. — Иначе и мне бы не поздоровилось. Я пил из того же кувшина.

— Отравленным был сам бокал, — сказал Тьянь-По. — Посмотрите...

Он осторожно взял бокал и приблизил его к свету.

— У него острые, будто заточенные края. Ченси поцарапал губу, когда пил, и яд попал в кровь.

— Но как убийца узнал, что Ченси хочет его разоблачить? — спросил стряпчий.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— Убийца об этом даже не догадывался. Отрава предназначалась мне. Бедный Ченси схватил по ошибке мой бокал. По счастью, я из него не пила.

— Но почему? — вопросил Тью. Он был бледен и дрожал самым жалким образом. — Почему вас хотели отравить?

— Когда я объявила во всеуслышанье, что могу прочитать надпись, то солгала. Намеренно, чтобы меня попытались убить. Я думала, это будет нападение, и мы с моим спутником были к этому готовы. Но убийца перехитрил меня. Знайте, господин Тью, я от всего сердца жалею, что послужила косвенной причиной смерти вашего кузена...

— Я попросил бы вас, сударыня, да и всех остальных — тоже, впредь воздерживаться от таких выходок, — сказал Фаррел. — Это безответственно, по меньшей мере.

Шут, стоя над трупом, печально звякнул колокольчиками.

— Испортить такой монолог... — пробормотал он с явным сожалением.

— Вы, госпожа, сильно меня разочаровали, — молвил кхитаец. — А я думал, что нынче вечером мы узнаем тайну замка Амрок!

Обойдя мертвое тело, Конан выглянул в окно. Начинались вечерние сумерки.

Киммериец был в бешенстве. Еще несколько зим назад он бы с огромным удовольствием сломал бы какую-нибудь мебель или же бил бы кулаками о стену. Но теперь Конан только ходил из угла в угол по спальне и время от времени взрыкивал. Альвенель, скинув одежду, сидела на кровати, поджав ноги и, прикусив губу, следила за ним.

— В конце концов, это невежливо, — произнесла она, потянувшись за покрывалом. — Я готова расплатиться с тобой, а ты даже не смотришь в мою сторону.

— Расплатиться? За что? — сердито сказал варвар. — Я ничего не могу сделать, и это выводит меня из себя. Я будто кролик, угодивший в силки, не понимаю, что происходит, и не ведаю, что будет дальше.

— Как любой в этом замке. — Женщина пожала плечами. — Что бы ни было, оно произойдет. Тогда и посмотрим. А теперь — иди ко мне. Доверься женской мудрости и выброси из головы все неприятные мысли.

Конан послушался ее, хоть избавиться от гнетущих раздумий так до конца и не смог. К счастью, это никак не сказалось на его мужской силе. В его объятиях Альвенель трижды достигла самых высот наслаждения. Она принадлежала к тому типу женщин, что в момент экстаза затихают, будто прячутся от кого-то и утаивают свою радость, лишь изредка позволяя легкому стону вырваться из груди.

Когда киммериец сам уже был готов испытать блаженство, неожиданная яркая мысль пронзила его сознание. Все вдруг стало ясным для него, яснее белого дня. Варвар громко рассмеялся. Альвенель посмотрела на него с удивлением.

— Что-нибудь не так? — спросила она.

— Напротив, все прекрасно! — заявил Конан, улыбаясь. — Лучше не бывает...

Отдохнув, киммериец потянулся за одеждой.

— Оставляешь меня? — Женщина приоткрыла один глаз и сонно потянулась.

— Предосторожности ради я запру тебя на ключ, — отвечал он. — Скорпионов в комнате нет. Если ты не будешь выходить, тебе ничто не угрожает.

— А если убийца свалится с потолка или выйдет из стены?

— Если ему действительно нужно убить тебя, он сделает это даже в моем присутствии, — произнес Конан. — Я же не могу вечно обходиться без сна, например. Нет, мне кажется, нынче ночью у него другая цель, и я попробую нанести упреждающий удар. От этого выйдет больше толку, чем от пустого ожидания. Спи и ни о чем не беспокойся.

Одевшись, он вышел, затворил за собою дверь и пошел по коридору. Теперь на всех обитаемых этажах в настенных подсвечниках горели свечи — так распорядился Фаррел.

Самую опасную тайну замка Амрок Конану удалось раскрыть. Но теперь он должен был придумать, как остановить зло.

Джокс чистил столовое серебро. Давным-давно, когда он только начинал службу в замке, процедура эта была священным ритуалом, осмысленным и точным. С годами осмысленность только усугубилась. А в настоящий момент мажордом подозревал, что сей сакральный обряд — единственное, что удерживает мир от полета в бездны Зандры.

Закончив с ножами, Джокс разложил перед собою двузубые вилки. Тут следовало выдержать паузу, а после нее внимательно пересчитать столовые приборы.

— Откуда за столом мог взяться отравленный бокал? — спросил Джокс сам у себя и замер, потрясенный звуками собственного голоса. Никогда прежде ему не доводилось беседовать с самим собой. Он был смущен, словно его поймали на краже хозяйских чулок. Но способность рассуждать, зимами дремавшая в его голове, вдруг пробудилась и утихомирить ее было непросто.

— Бокалы я подал при сервировке, — продолжал мажордом. — Их было шесть, по числу гостей. И это были те же бокалы, из которых они пили накануне. Следовательно, ни один из них не отравлен. Ага... Убийца приносит отравленный бокал с собой, ставит его на стол перед леди, а ее бокал убирает. Куда он его денет? Выбросит в камин? Спрячет в своей одежде? Нет, в одежде неудобно. Камин вернее всего... но он был растоплен, и бокал лопнул бы от жара... — Тут Джокс прервал сам себя и заговорил горячо и торопливо: — Нет, Джокс, старина, все неверно. Господин Фаррел забрал отравленный бокал в качестве улики, а грязные бокалы — вот они, на столике. И их шесть...

Мажордом торопливо снял с себя фартук, набросил на плечи куртку и торопливо, бормоча под нос, зашагал в залу. Там он зажег все свечи и встал у дверей. События последнего ужина вновь промелькнули у него перед глазами. Слуга должен быть внимательным, очень внимательным... Кто-то из господ только подумал о вине, а слуга уже обязан знать, белое или красное нужно налить... По движению руки слуге приходится судить, хочет ли господин жаркого или подать ему сыр...

Джокс вспомнил, перед кем стояло два бокала. Этот человек пил из обоих, не делая слуге замечания, не выясняя, кому не досталось бокала. Он держал перед собою оба бокала, у всех на виду, так нахально, так дерзко, что никто не обратил на это внимания.

Никто, кроме слуги.

— Не может быть... — прошептал мажордом. — Не может быть! Но зачем? О боги, зачем?

— Это же очевидно, глупец! — раздался голос у него за спиной.

Джокс поднял голову и истошно закричал.

Того, кто стоял перед ним, нельзя было назвать человеком, о нет. Человеческой, хоть и уродливой, была фигура, но голова напоминала собачью. Черный, влажный нос со свистом втягивал воздух, желтоватые клыки врезались в верхнюю губу. На загривке торчком стояла жесткая шерсть, похожая на пучки игл.

Коротким прыжком чудовище преодолело расстояние, разделяющее их

Густой звериный запах обдал мажордома, он снова закричал и кинулся прочь, налетев при этом на угол стола. Удар получился сильный, и Джокс рухнул на пол, визжа от ужаса. Клыкастая пасть склонялась над ним. Джоксу показалось, что она ухмыляется.

Неожиданный громкий оклик, раздавшийся от входных дверей, заставил человекообразное существо подскочить на месте и клацнуть зубами. На пороге стоял Конан с мечом наизготовку.

— Теперь тебе не уйти, господин Неизвестность, — произнес он. — Ты был слишком самонадеян.

— Ты думаешь? — ухмыльнулся собакоголовый и облизал клыки. — Попробуй, возьми меня!

— Стой! — закричал киммериец и замахнулся мечом, но было поздно. Чудовище крутанулось на месте и... растаяло.

— В чем дело? Что случилось? — послышалось из дверей.

Тью и Тьянь-По, наспех одетые, стояли в коридоре. Тью был вооружен. Скоро появился и Фаррел с недовольным лицом. Джокс лежал в глубоком обмороке.

— Его надо перенести в людскую, — сказал стряпчий.

— Тогда утром мы найдем его мертвым, — ухмыльнулся варвар. — Ну уж нет. Я посторожу его тут. Бедняга здорово напуган. Еще бы! Его пытались сожрать. Только почему? Он не является претендентом на наследство. Он всего лишь мажордом.

— Должно быть, он увидел кого-то или что-то при любопытных обстоятельствах, — проговорил кхитаец. — И догадался, в чем дело.

— Я тоже догадался, — произнес Конан весело. — Присаживайтесь и слушайте, если вам интересно.

Последней в залу вошла Альвенель.

— Крики разбудили меня, — сказала она. — Вижу, что не меня одну.

Варвар нахмурился, вынул из поясного кармана ключ от спальни и подбросил его на ладони. Альвенель при этом слегка покраснела.

— Если вы хотите что-то объяснить нам, то теперь — самое время, — хмуро сказал судейский.

— Рассказчик из меня плохой, но лучше не расскажет никто, — ответил Конан. — Я начну. Когда мы вдвоем с госпожой поднимались в замок, она поведала мне о завещании и о надписи, начертанной на дубовой панели. А надпись, которую нам показали сначала, сделана по голому камню. Та, что под гобеленом, подлинная, — действительно на доске. Я удивился.

Фаррел бросил на Альвенель быстрый взгляд и многозначительно хмыкнул.

Конан продолжал. Действительно, говорить он был не великий мастер, и некоторые фразы давались ему с трудом, от чего он, и так сердитый, злился еще больше.

— Тьянь-По вычитал в манускрипте, что пришелец из сопредельного мира может перемещаться сквозь стены. Мы были свидетелями некоторых стран-

ных вещей, которые иначе не объяснишь. Но почему господин Неизвестность штурмовал замок, о чем нам поведал убитый Грателло? Почему он просто не возник из стены, как во второй раз?

— Это в самом деле странно, — согласился стряпчий.

— Графа Амрок предали, — пояснил киммериец. — Надпись на стене вовсе не запечатывает вход в сопредельный мир. Напротив — она и есть этот вход. Грателло нанес узор на стену и получил за предательство достойную плату, в конечном итоге — смерть.

— И кто же его убил? — спросила Альвенель.

— Ты, — отвечал Конан.

Воцарилось молчание.

Потом Тью поднял голову.

— Значит, это все-таки она извела Ченси и натравила на Фаэрти оживший труп?

— Нет, — покачал головой варвар. — Не она. Кое-кто другой.

— Как ты узнал? — Альвенель смотрела ему в глаза так, словно никого не было в зале, кроме них двоих. — Из-за того, что я оговорилась про дубовую панель?

— Просто я догадался, кто ты такая. Ты — возлюбленная графа, существо из сопредельного мира. В тот вечер господин Неизвестность не захватил тебя, ты успела уйти. Граф, изучив рисунок на стене и догадавшись о его назначении, стал разыскивать свою возлюбленную. Эти поиски привели его к гибели.

— Ты совершенно прав. — Женщина улыбалась, но глаза ее помертвели от тоски и давнего горя. — Я могу рассказать, как все случилось, если вам интересно.

— Да уж сделайте милость, — кивнул стряпчий. — А я подумаю, предъявлять ли вам официальное обвинение.

— Чур без меня не начинать! — вскричал шут, появляясь в дверях. Он быстро уселся за стол, звякнул бубенцами и скривил лицо, изображая внимательное ожидание. Увидев, однако, что дурачества его никого не развеселили, он ухмыльнулся и откинулся на спинку стула, уподобясь при этом кукле-марионетке с порванными веревочками.

— Раз я не на суде, вставать не буду, — произнесла Альвенель. — Но скажу сразу: я готова отвечать перед законом вашего мира. Своей цели я не достигла и уже, наверное, не достигну. Подлого предателя мне удалось покарать, но убийца моего избранника попрежнему недостижим. Если мне не случится уничтожить его, господин Фаррел обвинит в случившемся меня одну. Я могла бы улизнуть в любой момент, но не стану этого делать.

— По всей видимости, держать ответ придется по всей строгости, — молвил стряпчий. — Вам угрожает колесование в лучшем случае.

Женщина нетерпеливо повела плечом.

— Не будем пока возвращаться к этому. Итак, Грателло предал своего господина. Тайно сговорившись с его врагом, он нанес на стену письмена, откры-

вающие коридор между мирами. Господин Неизвестность — так его имя переводится на ваш язык — вероломно напал на графа, но я, из страха перед этим жестоким ревнивцем, сбежала. Много зим я проклинала себя за это! Лучше было бы погибнуть. Но в тот момент мое бегство спасло графу жизнь. Господин Неизвестность кинулся за мной в погоню и оставил его в покое. Я тогда еще не знала, кто был предателем. Это выяснилось здесь, третьего дня. Грателло переврал подлинные события и этим выдал себя.

— Как случилось, что он не узнал вас? — спросил Тьянь-По.

— В каждом мире есть свои обязательные условности, — ответила Альвенель. — В вашем такой условностью является внешность...

— То есть, вы не та, за кого себя выдаете? — насторожился Фаррел.

— А вам бы хотелось увидеть меня такой, какая я есть от рождения? Подумайте, может быть, не стоит?

Стряпчий задумался и кивнул.

— Возможно, вы правы, — сказал он. — Оставим это. Скажите лучше, при каких обстоятельствах вы познакомились с покойным графом Амрок?

— Согласно закону своего народа, я была сосватана еще до рождения, — поведала Альвенель. — Согласно другому закону, мой супруг имел право убить меня после первой брачной ночи, если его не удовлетворит состояние моей целомудренности. Так вышло, что до свадьбы я увлеклась другим. Господин Неизвестность узнал об этом и угрожал мне. «Брачное ложе станет ложем твоей смерти», — заявил он. Отказаться от брака со мною он, однако, не желал. Ему нравится убивать. Он пьянеет от безнаказанности. В нашем мире за ним известны такие преступления, рядом с которыми убийство — детская шалость.

Я решила убежать от него. Мне посчастливилось обнаружить один из коридоров — он ведет в укромную пещеру недалеко отсюда. Там граф и нашел меня, после чего тайно привел в замок. Этим же коридором воспользовался господин Неизвестность, когда пытался взять замок штурмом. По счастью, он находится слишком далеко от замка и не имеет над ним силы. Поэтому ревнивому убийце и понадобилась помощь Грателло. Итак, я скрылась, уводя за собой погоню.

Граф пытался разыскать меня. Он решил, что я вернулась в сопредельный мир и однажды отправился туда. Но вероломный слуга предупредил жестокого нобиля, и произошла катастрофа. Человек, которого я любила, попался в ловушку и был хладнокровно убит. Я же в это время находилась далеко от него... Спасаясь, я попала в большую переделку и чуть не погибла, но судьба помогла мне выжить. Скажу только, что перенесенная мною болезнь и душевное расстройство отняли у меня память.

Один добрый человек вывез меня из зачумленного города и взял под свою опеку. Несколько зим кряду я всерьез считала себя его дочерью. Однако воспоминания постепенно вернулись ко мне. Я решила отомстить и воспользовалась завещанием графа как предлогом. На самом деле оно меня не интересует.

Мой враг оказался хитрее. Он освоился в вашем мире и считал замок своим

пограничным поместьем. Его устраивало отсутствие законного хозяина. Я уверена, что придумывая жестокости, которые он обрушил на вас, господин Неизвестность получал удовольствие.

— Получается, что любой из нас на самом деле может оказаться им? — кхитаец поморщился. — Ведь он не может оставаться невидимым, не так ли? Для того, чтобы действовать среди нас, ему нужно принять чей-то облик.

— Совершенно верно, — подтвердила Альвенель. — Теперь он точно знает, что я — это я. А мне до сих пор неизвестно, под чьей личиной он скрывается.

— Зато мне известно, — сказал Конан. — То есть, разгуливая по замку он представлялся каждым из нас, по очереди. Уличить его было невозможно. Но я знаю, под чьим обличьем он прячется сейчас. Пора и вам узнать.

С этими словами киммериец трижды хлопнул в ладоши, и по этому сигналу из-за занавеса выпрыгнул... шут Баркатрас.

— Гоп-ля! — вскричал он. — Два дурака в одной комнате — это слишком!

— Полегче, куманек! — воскликнул его двойник, сидевший за столом. — Количество дураков можно сократить, никто и не заметит!

— Хватит! — рявкнул Конан, поднимаясь. — Ты попался в мою западню. Я подговорил настоящего Баркатраса затаиться, предположив, что ты заметишь его отсутствие и выберешь именно его обличье.

— Тебе — конец! — закричал Тью, обращаясь к мнимому шуту. Он вскочил, схватил свой стул и, замахнувшись, обрушил страшный удар на шутовского двойника, который ломался и приплясывал в жуткой пантомиме.

Однако в самый последний момент лже-шут увернулся. Ловкость и быстрота его движений превосходили возможное. В следующий миг двойник стал выше ростом, а уродливая его голова у всех на глазах стала вытягиваться, преображаться. Загривок взъерошился колючей шерстью, желтый огонек заплясал в глазах. Собакоголовый ощерился и одним ударом когтистой лапы повалил Тью навзничь.

— Вам все равно не поймать меня, — прорычал он. — А я по очереди убью вас всех, и это меня позабавит. А тебя, распутная дрянь, я убью с особым удовольствием.

— Нет-нет-нет, — проговорил кхитаец, качая головой, словно фарфоровая игрушка. — Удрать у вас не получится. Попробуйте, если хотите.

Собакоголовый клацнул зубами, развернулся, заворчал и на короткую долю мгновения сделался прозрачным, но неожиданно, с сильным хлопком, отлетел к противоположной стене.

— Понимаете, — пояснил Тьянь-По, — мне удалось прочитать эти письмена.

— Почему же вы раньше не сказали? — поразился стряпчий.

— Мне не улыбалось владеть таким наследством, — вздохнул кхитаец. — Бедному каллиграфу ни к чему соседство с сопредельным миром. Слишком много суеты. Ну так вот — если прочитать значки в обратном порядке, что я только что и сделал про себя, коридор между мирами закроется. Чтобы от-

крыть его, вам придется разгадать шифр. Это несложно, но потребует времени...

— А его у тебя нет! — с этими словами варвар выхватил свой меч. — Поднимайся и дерись, гадина.

Собакоголовый не заставил повторять вызов дважды. Он встал на ноги, встряхнулся, сделался еще больше ростом, причем обрывки шутовской одежды на нем пропали, словно втянулись в плоть, а вместо них заблестели белые латы с шипами на наручах и поножах.

— Мелкие гнусные твари! — изрыгнул он. — Сначала я уничтожу вас, а потом пойду войной на ваш гнусный мирок!

И белый латник бросился на Конана, с убийственной силой молотя закованными в броню руками. От соприкосновения доспехов с клинком Конана посыпались в стороны яркие искры. Меч не мог причинить собакоголовому никакого вреда — на латах не оставалось даже царапины. Альвенель закричала, когда господин Неизвестность нанес киммерийцу удар по голове. Конан пошатнулся, но устоял на ногах. Кровь из рассеченного лба заливала ему глаза.

— Крепкая голова, — оскалился белый латник. — Интересно, с какого по счету удара она лопнет?

Варвар сделал вид, будто с трудом переводит дыхание. На самом деле он в уме рассчитывал свои дальнейшие действия. Когда собакоголовый кинулся на него, киммериец чуть подался в сторону, одним прыжком вскочил на пиршественный стол и оттуда рубящим ударом дотянулся до незащищенной головы противника.

Господин Неизвестность яростно зарычал, но рык его перешел в визг и поскуливание. Он зашатался и рухнул в агонии.

К завтраку Джокс настолько пришел в себя, что мог прислуживать за столом. Тью тоже чувствовал себя недурно, но глядя на него Конан подумал: «Нескоро этот юнец вернется к своей беззаботности».

— Подумать только, — разглагольствовал Фаррел, — этот мерзавец вчера так хорошо исполнял свою роль, что никто из вас не догадался, в чем дело. Я мирно спал в своей комнате, а он сидел за столом и вещал о законе от моего имени!

— И даже вел следствие, — хмуро подтвердил Тью.

— Как же ему это удалось? Должно быть, вместе с моей внешностью он позаимствовал и мой здравый смысл.

— Очень возможно. — Тьянь-По улыбнулся. — Есть такая притча. На старости зим достопочтенный Ю повредился в уме. Ему казалось, что он — журавль. Старика поместили в дом призрения, но однажды его увидели гуляющим по улице. Тогда у него спросили: «Почтенный Ю, как вы выбрались оттуда? Там ведь стража у ворот и очень высокий забор. Неужели вы

перелезли через него?» Ю отвечал: «Я перелетел. Для журавля это совсем несложно».

— Хорошо бы и нам так повредиться в уме, — хмыкнул стряпчий. — Впереди — несколько седмиц плена. Помощь раньше не подоспеет.

— Может быть, я смогу починить один из летающих механизмов, — молвил кхитаец. — Но мне бы не хотелось, честно говоря. Изобретения графа, возможно, и хороши, но человечество до них еще не доросло. Если всякий начнет летать по воздуху, нарушая законы природы, такая поднимется суета, что страшно и подумать.

— А зачем Грателло взорвал мост? — вдруг спросил Тью.

— По приказу белого латника, я полагаю. Тому хотелось вдоволь поиграть нами, прежде чем убить. Для этого нужно было отрезать нас от мира. Следующему владельцу придется вводить в употребление голубиную почту, — сказал Фаррел.

— А почему граф так четко указал время, в которое можно было расшифровывать надпись? — Тью мрачно оживился, в нем проснулось любопытство.

На этот вопрос ответила Альвенель.

— В указанное время коридор между мирами размывается, — сказала она. — Графу не хотелось, чтобы кто-нибудь случайно пострадал. Вот и все. Если бы он знал...

— Я потороплю помощь, — неожиданно произнес киммериец. — Мне надоел этот замок и его тайны. Жаль, что науку и магию нельзя запретить. Все эти летающие скамейки и прочее не сделают жизнь лучше. Я ухожу.

— Как вы преодолеете пропасть? — удивился Фаррел.

— Спущусь на дно, а потом поднимусь на другую сторону. Это займет пару дней. Жаль только, что коня придется оставить. Ничего, добуду нового.

— Ты ведь мог уйти раньше, — молвила Альвенель, заглядывая в его глаза.

— Не мог. Я иногда нарушаю обещания, но это был не тот случай.

— Я иду с тобой. — Альвенель решительно поднялась из-за стола. — Мне тоже нечего здесь делать. Месть свершилась. Законный наследник — Чан Тьянь-По. А господин Фаррел не предъявил мне обвинения. Значит, ничто меня тут не держит.

Их действительно никто не удерживал. Собрав в дорогу свои нехитрые пожитки, оба без сожаления покинули замок Амрок. Пройдя в пути через множество опасных приключений, они расстались у границ Британии. Никто из них не знал, доведет ли судьба свидеться еще раз, и они попрощались навсегда.

Замок Амрок стоит и поныне. В найденных документах значится, что Тьянь-По уступил его Тью, а тот, в свою очередь, продал замок герцогу. Слуги дожили свой век, и теперь в голых мрачных стенах обитают только сумерки, дождевая сырость и воспоминания.

Отдай мне свою молодость

Роскошный караван медленно двигался из царственного Султанапура в Шадизар. Десять верблюдов везли поклажу, тщательно увязанную и украшенную кистями. Далее, запряженная четверкой лошадей, катила по дороге повозка. И какая это была повозка! На крыше колыхался белый пышный султан, окна были забраны тонкими занавесками, полупрозрачными, но непроницаемыми для дорожной пыли. Несколько погонщиков, оборванных, смуглых, низкорослых, напоминающих, скорее, разбойников, гарцевали на конях вокруг повозки и верблюдов. Это были заморанцы, которые предпочитали голодать сами, лишь бы сыты и ухожены оставались их лошади. Кем бы ни был хозяин этого каравана, он умел подбирать людей для ухода за животными.

Двое сонных пышнотелых и богато разодетых стражника покачивались в седлах по обе стороны повозки. Эти люди, родом из Турана, служили за плату и были совершенно равнодушны к нуждам своего работодателя. Впрочем, тот, надо полагать, хорошо знал, что делал, нанимая их. Они служили ему не столько для охраны, сколько для представительства, и всякий, увидевший этих великолепных воинов в расшитых халатах, вооруженных длинными пиками, подумал бы: «Да, вот, должно быть, важный господин едет в этой красивой повозке!».

Именно такая мысль и мелькнула в голове у предводительницы разбойников, что пробиралась горными тропами в пустынной местности между Заморой и Тураном. Эта женщина была не слишком молода — ей уже минуло двадцать, а для здешних краев, да еще при таком образе жизни, который она вела с юных зим, это много. Банда досталась ей «по наследству» — от любовника. Сказать по правде, то была весьма жалкая шайка оборванцев, которые промышляли тем, что отнимали зерно и припасы у крестьян, отправлявшихся в город, чтобы заплатить налоги.

Акме — так звали женщину — была рабыней в Заморе. Смуглая, черноволосая и тощая, она ценилась дешево на невольничьем рынке и потому прежний хозяин, торговец тканями, всегда брал ее с собой, когда отправлялся из

Аренджуна в Султанапур со своим товаром. Девушка готовила для него лепешки на плоских раскаленных камнях и обслуживала его прихоти. Если ее и украдут, рассуждал купец, то невелика будет потеря.

В конце концов, так и произошло, когда Большой Пузан со своей шайкой встретился ему на караванной дороге. Только потери оказались куда больше, чем рассчитывал купец: все ткани забрали, повозку разломали, а самого хозяина всего этого добра убили, потому что он пытался торговаться, требовать «справедливости», совал какие-то жалкие монеты в попытках откупиться и страшно надоел Большому Пузану. «Назойливый был человек» — так он выразился, вытирая саблю об одежду убитого.

Девушка осталась с грабителями. Им не было дела до того, что она почти черна, худа и костлява. Пузану наоборот нравились худенькие. А она оказалась к тому же сметлива, дерзка и не боялась крови. Ее стали брать с собой в дело...

Теперь нет Пузана, нет и большинства прежних его лихих товарищей. Сброд, а не воинство грабителей, но других ей не найти. Акме носила просторные черные шаровары, длинную рубаху, перехваченную поясом, и синий шарф, которым закрывала лицо до самых глаз. Из-под шарфа спадали на спину четыре тонких, длинных смоляно-черных косы, похожих на хлысты. Только по этим косам и можно было угадать женщину, так мало женственного оставалось в худой, гибкой фигурке.

Акме подняла руку. Пятеро грабителей замерли в седлах.

— Пора! — выдохнула предводительница, и они помчались вниз, в долину. Лошади умело выбирали дорогу, ступая по знакомой тропе, которая, если глядеть на нее, не зная, выглядела просто убийственной.

В караване заметили неладное. Роскошные туранские толстяки забеспокоились, зашевелили копьями. Повозка остановилась. Погонщики схватились за ножи, кони их ржали и вертелись на месте, вздымая пыль.

Один из охранников пал на месте, не успев даже вытащить копье из держателя. Разбойник, проносясь мимо него, отмахнул на всем скаку мечом, и голова с выпученными глазами покатилась по песку.

Второй ощерился и выставил копье. Всадник, который убил первого охранника, не успел повернуть коня, и со всего маху насадил себя на копье. Длинное древко словно бы выросло у него из груди.

Конь убитого заржал и поднялся на дыбы, выдергивая копье из рук туранца. Тот ахнул... и остался безоружным. Исход схватки казался предрешенным. Бандиты окружили четверых заморанцев и начали теснить их.

— Сдавайтесь! — звенящим, как медь, голосом выкрикнула Акме.

Заморанцы молча отбивались. И вдруг натиск на них стал слабеть. Кто-то врезался в нападавших с тыла. Двое повалились на песок, не успев издать ни звука, третий с мечом в руке развернулся навстречу неожиданному противнику.

На него глядели два пронзительных синих глаза.

Синие глаза в этих краях считаются дурными. Может быть, потому, что очень редко встречаются. Это на севере матери суеверно скрещивают пальцы

и плюют через плечо ребенка, чтобы его ненароком не испортил черноглазый незнакомец. А здесь, на востоке, такую же реакцию вызывают светлоглазые люди.

Особенно такие — огромного роста, дочерна загорелые, мускулистые, с растрепанными черными волосами. Похожие на дикого зверя.

Зубы блеснули на красивом лице чужака.

— Хочешь один на один? — спросил он на туранском.

Разбойник молча замахнулся саблей. Он не успел пожалеть о своей дерзости. Длинный меч северянина легко отбил удар сабли. Сила этого чужака была неодолимой. Следующий удар длинного меча раскроил голову разбойника вместе со шлемом.

При виде этой неожиданной поддержки заморанцы осмелели и решительно пошли в наступление. Разбойники, которых вместе с Акме оставалось всего трое, начали отходить, стараясь держаться так, чтобы опасный чужак не смог зайти им в тыл.

Один из заморанцев метнул нож. Лезвие вонзилось бандиту между лопаток, и он упал на спину своей лошади. Испуганное животное потащило его прочь. Последний припал к шее коня и стал нещадно погонять его, но тут случилось неожиданное: конь споткнулся о труп стражника, лежащий поперек тропы, и упал.

Разбойник забился, как рыба, выброшенная на берег, в попытках освободить ногу, придавленную боком лошади. Галдя и крича, словно морские птицы, заморанцы подбежали к нему, и один из них пронзил лежащего мечом.

Незнакомец, прищурив синие глаза, наблюдал за расправой. По его лицу невозможно было сказать, как он к этому относится. По его лицу вообще трудно было что-либо сказать.

Предводительница разбойников почему-то медлила. Наконец она решилась и подъехала поближе к чужаку.

— Кто ты? — спросила она повелительно.

Он молча смерил ее взглядом с головы до ног.

Она сняла шарф с лица. Он продолжал смотреть на нее, неподвижно и безмолвно, словно оценивал прежде чем приступить к торгу. Лошадь заплясала под ней, и девушка машинально погладила ее по шее.

— А ты кто? — спросил чужак.

— Акме.

— Чья ты женщина? — Он кивнул, показывая на трупы разбойников.

— Ничья! — гордо выкрикнула она. — Я была их предводительницей.

Он насмешливо прищурился и покачал головой с шутливым укором.

— Очень некрасиво, — сказал он.

— Как ты можешь осуждать меня! — вспыхнула Акме.

— Некрасиво врать взрослому мужчине, — пояснил незнакомец.

— Это кто здесь взрослый мужчина? — донесся голос из повозки.

Оба как по команде повернулись на звук. Незнакомец прикусил губу, словно досадуя на себя за то, что не догадался заглянуть в повозку.

А голос между тем продолжал:

— Это ты взрослый мужчина? Ну-ну-ну, очень глупо! Я мог перестрелять вас из лука, пока вы таращили друг на друга глаза и разбирались, кто из вас страшнее! Ну, Конан, отвечай! Ведь это ты?

Голос начал казаться Конану очень знакомым. Он приблизился к полупрозрачному окну и проговорил:

— Да, это я. А это... неужели ты, Тьянь-По?

Занавеска отодвинулась, и из окна высунулась круглая физиономия ученого кхитайца. С тех пор, как Конан расстался с ним в замке Амрок, прошло несколько зим. За эти зимы киммериец приобрел несколько новых шрамов и стал ощутимо тяжелее, крепче — он входил в возраст зрелости. А кхитаец остался таким же, каким и был, — похожим на подростка, щупленьким и в то же время мудрым какой-то древней, вековечной мудростью, которая всегда оставалась для Конана непостижимой.

— Ну и ну! — сказал Тьянь-По. — Вот это встреча!

— Ты теперь важный господин, — засмеялся киммериец. — Путешествуешь как богач. Немудрено, что на тебя напали. Почему ты взял только двоих охранников?

— А сколько ни возьми — если уж нападут грабители, то беда! — пояснил кхитаец. — Возьмешь пятерых — убьют пятерых. Лютые люди в этих горах. Мне, Конан, жаль пятерых. Чем меньше людей погибнет, тем лучше.

— Взял бы хоть стоящих, — продолжал Конан. — А то от этих никакого проку! Я все видел. Я был неподалеку, когда началось это безобразие.

Он посмотрел в упор на Акме, которая прикусила губу и ответила дерзким взором.

— А тех, от которых есть прок, — тех жалко, — сказал кхитаец.

— У тебя удивительная логика, — фыркнул варвар.

— Кхитайская, — скромно потупился Тьянь-По. — Я стал богат.

— Почему ты не живешь в замке? Он ведь достался тебе по праву!

— Мне дали за него хорошие деньги. Там отвратительная погода, знаешь? — Кхитаец засмеялся. Глаза его превратились в две тоненькие щелочки. — Правда, перед тем, как уехать, я забрал оттуда кое-какие книги и записи покойного графа Амрок. Изучал их на досуге, кое-что построил.

— Ты же не хотел строить летательные механизмы! — вспомнил Конан. — Боялся за законы природы или что-то в этом роде.

— Зато я построил очень точную клепсидру, которые умеют замедлять время. Незаменимы для любовников, которым хочется побыть наедине подольше.

Конан поднял брови, но ничего не сказал. Как он уже признавался, логика кхитайца так и осталась выше его разумения.

— Что будем делать? — спросил наконец Конан. — Так и будем здесь стоять и ждать, пока солнце нас расплавит?

— Это было бы слишком по-философски, — согласился кхитаец. — Я направлялся в Шадизар. А ты?

Конан призадумался. Он тоже собирался навестить этот город, который считался раем для воров, город богатых бездельников, голодных и жадных авантюристов, роскошных женщин, томящихся от скуки, — а главное, город несметных богатств, которые тоже любят приключения и охотно переходят из рук в руки. Но рассказывать обо всем этом кхитайцу, человеку преуспевающему и обладающему странным складом ума, не хотелось. Поэтому киммериец в конце концов проговорил:

— Почему бы и нет? Составлю тебе компанию.

— Отлично, — молвил кхитаец и хотел было задернуть занавески, но Конан остановил его:

— Погоди. Последний вопрос — насчет этой женщины.

Узкие глаза равнодушно скользнули по лицу Акме, чуть зацепили шелк у нее на груди. Потом Тьянь-По проговорил:

— Оставь ее себе, если хочешь. Мне она не нужна.

— Может быть, кто-то из твоих людей захочет предъявить на нее права? — полюбопытствовал киммериец.

Тьянь-По наморщил лицо.

— Умоляю тебя, Конан! Перестань. Мне совсем не хочется, чтобы ты перебил моих чудных заморанцев. Они так хорошо заботятся о лошадях и верблюдах! Где еще я найду себе таких слуг? Нет уж, скажешь им, что женщину я отдал тебе — и все.

Акме смолчала. Это молчание сказало Конану куда больше, чем слова. В том, как держалась поверженная предводительница разбойников, ощущалась давняя привычка к подчинению.

— Ты ведь была рабыней, не так ли? — обратился к ней Конан.

Она сверкнула угольно-черными глазами.

— Может быть!

— Останешься пока со мной, — примирительным тоном сказал ей киммериец.

— Если ты думаешь, что я... — начала она сквозь зубы, но Конан оборвал ее:

— Никогда в жизни, ни одну женщину я не взял против ее воли. В конце концов, я не так уж дурен, чтобы не найти себе подругу. Но если ты не останешься со мной, этим воспользуются бравые ребята из свиты нашего кхитайца.

Акме молчала. Конан похлопал ее по плечу, как будто она была пареньком:

— Это совет, Акме.

Она молча тронула коня и поехала рядом с киммерийцем.

В Шадизаре у Тьянь-По было интересное дело. Один из тамошних ученых по имени Малогай работал над эликсиром вечной молодости и, как он писал своему ученому другу, сильно продвинулся на пути к успеху. В ответном письме Тьянь-По выразил сильное сомнение в этом. Малогай прислал посыльного,

который ворвался в роскошный дом кхитайца и выкрикнул: «Мой господин говорит, что он — не хвастун, а ты, уважаемый, — чванливый невежда!» — после чего упал без чувств от усталости. Выполняя волю своего хозяина, он скакал к его ученому оппоненту день и ночь, загнал коня и остаток пути пробежал пешком, лишь бы побыстрее сообщить ему порученное.

Тьянь-По осмотрел лежащего, молвил: «Какая преданность!» и распорядился ухаживать за ним получше. А сам начал собираться в дорогу. Что-то не понравилось ему в сообщении Малогая. Слишком уж тот самоуверен. Как бы и в самом деле не оказалось, что эликсир найден.

«Это было бы катастрофой, — размышлял Тьянь-По. — Конечно, такое снадобье стоило бы очень дорого. Оно было бы по карману только богачам и правителям, большая часть из которых заслуживает не вечной молодости, а скорейшей кончины. Очень-очень плохо».

Однако, будучи настоящим ученым, Тьянь-По предпочел явиться в Шадизар лично и разобраться во всем на месте. Поэтому он взял несколько книг, незаконченный трактат «О свойствах времени», над которым время от времени работал, прихватил в подарок коллеге чистых пергаментов и связку кхитайской рисовой бумаги, погрузил все это на верблюдов — и отбыл.

Нападение разбойников не обескуражило его. Он знал, что в любом случае отнять у него могут только его жизнь. А жизнь кхитайца, с точки зрения грабителей, стоила очень мало. К тому же он верил, что не умрет раньше, чем иссякнет отпущенный ему богами срок. Эта идея подробно была разработана им в трактате «О свойствах времени». Появление Конана, столь своевременное и как будто случайное, лишний раз доказывало, что кхитаец прав: никто не может присвоить твое время, если оно твое (таков был один из тезисов его сочинения).

Шадизар предстал перед путешественниками в лучах заката — прекрасный город с высокими разноцветными башнями. Солнце окрашивало позолоченные шпили в кровавый цвет, играло на золотых бусинах, обвивающих круглые купола, бросало отблески там, где в окна были вставлены хрустальные пластины. Великолепие Шадизара каждый раз поражало путника — независимо от того, как часто это зрелище открывалось его глазам. И Конан, который видел Шадизар далеко не впервые, остановился, завороженный. Город, как распахнутая шкатулка с драгоценными камнями, пылал в ярких красках пышного заката.

Акме смотрела на него, полуоткрыв рот, как ребенок. Конан увидел, что в ее расширенных блестящих зрачках отражаются городские башни. Девушка показалась ему колдуньей, так странно горели ее глаза. Впрочем, он тотчас отбросил эту мысль как заведомо глупую. Будь она колдуньей, она не стала бы связываться с этими жалкими грабителями. Нашла бы себе что-нибудь поинтереснее.

«А может быть, и нашла», — мелькнуло у него в голове. Но размышлять на эту темы было сейчас некогда. Маленький караван становился на ночлег, что

бы войти в город утром. Тьянь-по был состоятельным и важным человеком, ему совершенно не хотелось пробираться по темным улицам и расспрашивать прохожих о том, где здесь дом ученого Малогая. К тому же он хотел произвести впечатление на коллегу своей повозкой, эскортом и верблюдами, а в темноте все это великолепие просто пропадет.

Тьянь-По остался ночевать в повозке. Там у него имелось шелковое одеяло, маленькое полено, которое он подкладывал себе под голову, и колючая плетеная циновка. Конан не представлял себе, как человек может спать в таких условиях, однако маленький кхитаец преспокойно подсунул полено под шею, вытянулся на циновке и тотчас мирно заснул.

Акме не отходила от Конана ни на шаг. Она снова замотала лицо шарфом, но глаза ее так и двигались, следя за заморанцами. Когда киммериец устроился возле костра, девушка молча легла рядом с ним. Конан хозяйски сгреб ее за плечи и прижал к себе. Так они и проспали всю ночь.

Прикосновение к Акме не понравилось киммерийцу. Она была костлявой и горячей — слишком горячей, как будто ее снедает внутренний жар. Однако девушка ничем не хворала. Конану показалось, что он обнимает какое-то животное, маленькое, верткое, молчаливое. Утром он поскорее встал и отошел от нее подальше.

— Ты изменился, — заговорила она, приближаясь к нему. — Почему ты изменился ко мне, господин?

— Для начала, я тебе не господин, — сказал киммериец. — Избави меня Бэлит от такой рабыни! Кто ты такая, Акме?

— Не знаю, — сказала девушка и заплакала под своим покрывалом.

Ее слезы вызвали у Конана отвращение. Он попытался скрыть это, отвернувшись, однако Акме что-то почувствовала и больше к нему не приближалась.

Шадизар встретил их праздничным шумом. Здесь всегда царило веселье. Ревели быки и верблюды, ржали лошади, вопили упрямые ослы. Люди кричали, смеялись, бранились, расхваливали свой товар, шумно требовали денег, вина, справедливости, восхищались походкой и взглядом проходящей мимо красотки, статями лошади, искусной огранкой драгоценного камня... А запахи! Запахи пряностей, жареного мяса, раскаленных углей, свежевытканного полотна, сладкого женского пота, густых и тягучих благовоний, конского навоза, розовой воды... Чем только не пахнет в Шадизаре! Этот город оглушал и опьянял. Тьянь-По, сидя в повозке, нюхал высушенную лилию, обладающую тонким, легким, изысканным ароматом, а уши заткнул тряпочками.

— Здесь все для меня слишком пряно, — пояснил он, когда Конан заглянул к нему в окно. — Попроси возницу, чтобы поскорее доставил нас к дому Малогая.

Но «поскорее» не получалось, и повозка с верблюдами медленно тащились по запруженным улицам.

Дом Малогая стоял в восточной части города. Из окон верхних этажей открывался прекрасный вид на башни, зато нижние комнаты смотрели прямо

на мусорную свалку и глухую стену соседнего дома. «Что поделаешь, — оправдывался Малогай, — мы живем в большом городе. Где много людей, там много мусора».

Конан не мог с ним не согласиться.

Малогай был полной противоположностью Тьянь-По: рослый, грузный, вечно потеющий лысый человек в засаленном парчовом халате. Чистенький и скромный Тьянь-По рядом с ним как-то терялся.

Но только до тех пор, пока они не начинали разговаривать. Как хорошо было известно Конану, кхитаец никогда не лез за словом в карман и спорить с ним было опасно. Тут уж внушительный Малогай терялся и даже как будто становился меньше ростом.

Правда, из их ученых споров киммериец не понимал ровным счетом ничего...

Малогай очень обрадовался гостям, велел слугам, чтобы те разместили их на верхнем этаже, подали фруктов, вина и сладких булочек с изюмом, а также принесли благовонные палочки и розовую воду. Все это было доставлено. Слуги, сгорающие от любопытства, входили к гостям по очереди. Один принес корзину с яблоками, поглазел украдкой на пришельцев — странную пару представляли собой рослый киммериец и маленький кхитаец — и удалился. Но не успел опуститься за ним тяжелый бархатный занавес, как на пороге комнаты робко возник второй — с персиками на блюде и вином в кувшине. Третий слуга доставил ароматические угольки и палочки.

Конану надоело это паломничество. Он схватил слугу за плечо.

— Приходите уж сразу все. Сколько вас тут?

Слуга чуть дернулся, словно пытаясь высвободиться, но хватка у киммерийца была железная, и слуга обмяк.

— Нас, господин? — переспросил он, глупо моргая. — Нас тут... десять. То есть... если считать женщин. А конюхи...

— Никаких конюхов! — велел Конан. — Пусть придут сразу десять слуг. Быстро!

Для внушительности он взревел страшным голосом и выпустил плечо. Слуга мгновенно скрылся. Кхитаец смеялся, беззвучно трясясь и щуря глаза. Он сидел на стопке ковров у стены, под нишей, где стоял медный кувшин — единственное украшение этой комнаты, — и прихлебывал холодное вино из широкой плоской чашки. Конан мрачно сжевал персик, подошел к окну и выплюнул туда косточку.

Тем временем у занавески послышалось шуршание и тихое перешептывание. Конан повернулся в ту сторону и гаркнул:

— А ну, все вошли! Живо!

Слуги один за другим показались в комнате. Конан прошелся перед ними, как полководец перед строем солдат перед битвой.

— Итак, — заговорил он громким, рыкающим голосом, — вы явились сюда для того, чтобы поглазеть на гостей своего господина. На огромного великана

и крошечного карлика. Оба — страшные уроды. Так вам сказали? — Он повернулся к слугам, выпучил глаза и оскалил зубы. — Признавайтесь, жалкие недомерки!

Вперед на подгибающихся ногах вышел пожилой слуга в дорогом халате — куда более чистом и новом, чем у Малогая.

— Нет, господин, — заговорил он, кланяясь. — Нам сказали, что к нашему хозяину приехали диковинные чужеземцы.

— Увидели? — вопросил Конан.

— Да, господин, — трясущимися губами вымолвил пожилой слуга.

— Вон отсюда! — крикнул Конан так, что кувшин в нише зазвенел и долго еще не мог успокоиться. Любопытных слуг как ветром сдуло.

Конан обернулся к Тьянь-По, страшно довольный своей шуткой. И тут только он увидел, что ученый кхитаец скорчил невообразимо ужасную рожу, широко растянув длинный рот, сузив глаза и раздув ноздри.

И ученые коллеги с наслаждением погрузились в свои многочасовые споры о сущности времени и способах воздействия на последнее. Малогай полагал, что сумел подобрать состав эликсира, который позволяет изменить состав тела человека настолько, что этот человек начинает жить как бы в индивидуальном времени и поэтому не стареет. Тьянь-По для начала выдвинул множество возражений, основанных на глубоком знании свойств времени. В частности, утверждал кхитаец, время может быть замедлено, но очень ненадолго, на колокол или два. И состав человеческого тела тут ни при чем, важна реакция окружающей среды на данное человеческое тело...

Конан был не в состоянии и нескольких мгновений выслушивать эти разговоры. Для себя он определял проблему так: толстяк в грязной парче придумал шарлатанское зелье и хочет продавать его подороже, а кхитаец отказывается состряпать для этого пойла наукообразную книгу, которую можно было бы распространять среди глупых шадизарских богатеев...

Конечно, рассуждал сам с собой Конан, надуть здешних толстосумов — святое дело. Но, с другой стороны, у Тьянь-По имелось собственное понятие о чести. И это понятие не позволяло маленькому ученому идти против совести. Он служил науке, как умел, и делал это совершенно честно.

Киммериец счел за благо не вмешиваться в отношения двух ученых мужей. В конце концов, у киммерийца и собственных дел по горло. И первое из них — Акме.

Чем больше он думал об этой девушке, тем больше она его настораживала. А она, как назло, не отходила теперь от него ни на шаг. Проведя ночь на кухне, у порога комнатки, где спала стряпуха, она выбралась во двор и подстерегла Конана возле конюшни.

— Я еду в город, — предупредил киммериец. — У меня там дела. И мне не нужны провожатые.

— Возьми меня с собой, господин! — взмолилась Акме.

— Сиди дома! — велел Конан грозно. Он заметил в дверном проеме Тьянь-По, который делал ему какие-то таинственные знаки и усиленно гримасничал, кивая круглым сморщенным в ухмылке лицом.

Киммериец бросил Акме и быстрым широким шагом приблизился к Тьянь-По.

— Что? — спросил он шепотом.

— Важный разговор! — отозвался ученый кхитаец и поднял вверх тонкий палец, измазанный тушью.

Они прошли во внутренний дворик — гордость апартаментов Малогая. Там имелся небольшой сад, за которым тщательно ухаживали, а в центре, орошая зеленую клумбу, бил небольшой фонтанчик.

— Лучшего места для секретов не найти, — молвил Тьянь-По. — Послушай-ка меня, Конан, я наткнулся на очень неприятное дело...

— Куда ни погляди в этой бренной жизни, повсюду отыщется неприятное дело, — заметил Конан.

— О! — воскликнул Тьянь-По, изобразив удивление. — Неужто и тебя поразила мудрость высокоученого Лу Ку, который написал в своем трактате «Увядающий цветок»: «Один человек купил обезьяну, чтобы она скрасила дни его старости, — но что же?..»

— К делу! — перебил Конан, которому совершенно неинтересно было слушать про кхитайскую обезьяну. — Я хочу выбраться в город. Что ты там обнаружил?

— Мне кажется, ты мог бы помочь мне...

И они углубились в разговор. Поначалу говорил один кхитаец, быстро, отрывисто, нанизывая слово на слово, точно бусинки на нитку, а Конан слушал и делался все мрачнее и мрачнее. Потом Тьянь-По замолчал, и тогда настал черед киммерийца. Он произнес всего одну фразу, но эта фраза заставила Тьянь-По расплыться в улыбке. Ученый похлопал Конана по плечу и быстрыми шажками удалился в дом, а Конан вернулся к конюшне.

Акме все же увязалась следом. Когда он смерил ее грозным взглядом, она украдкой показала ему кинжал, спрятанный в одежде.

— Я могу быть тебе полезной, — тихо сказала она одними губами, но он ее понял и махнул рукой:

— Ладно.

Особенных «дел» в Шадизаре у Конана как будто не было. Для начала он побродил по рынку, ненароком поспрашивал о знакомых ворах. Кто-то давно покинул Замору, кое-кого колесовали на площади. Несколько человек погибли в схватках с городскими стражниками. О новых личностях, процветающих ныне в Шадизаре, Конану рассказывали скупо и неохотно. Побаивались. Однако киммериец выглядел силачом-простофилей, поэтому в конце концов ему выложили почти все.

Среди местных воров сейчас заправляет некий Сардар, личность темная и мрачная. Поговаривали, будто он умеет связываться с духами умерших. И будто бы эти духи, под воздействием разного колдовства (а Сардар знает много

заклинаний), выкладывают грабителю все, что знают, о семейных сокровищах. Где хранятся реликвии, где сделаны тайники, какие драгоценности имеют очень большую цену, а какие представляют собой дешевую поделку. Сардар — так сказали Конану — наносит удары редко, но всегда попадает точно в цель, и если уж он решится кого-нибудь обокрасть, то берет всегда наилучшее и действует безошибочно.

Все это очень не понравилось Конану. Такие люди, как этот Сардар, терпеть не могут чужаков, орудующих в «их» городе. Они присваивают себе всю добычу и ревниво ее охраняют от посторонних. А Конан не отказался бы сейчас от хорошего фамильного ожерелья. Или от десятка золотых браслетов. Деньги никогда не задерживались в руках киммерийца, какими бы крупными и сильными ни были его ладони.

Акме, которая повсюду следовала за ним, ежилась и плотнее куталась в свой шарф, когда киммериец заговаривал с шадизарскими ворами. Вероятно, кое-кто из местных грабителей знавал ее по лучшим временам, подумал Конан, и ей не хочется, чтобы знали о ее поражении. Разузнав все, что хотел, Конан зашел в маленькую таверну на краю рыночной площади и взял вина для себя и своей спутницы.

— Тебе все равно не удалось бы удержать при себе банду, — сказал ей Конан, желая утешить девушку. — Ведь после смерти твоего мужчины разбежались почти все, не так ли?

— Трусы, — прошептала она. — Он собирал себе отряд не так, как другие предводители. Он брал только тех, кто от него зависел. Тех, кому спас жизнь, кого купил на невольничьем рынке или кого пощадил во время набега. Он думал, что они будут ему преданы. А потом, умирая, взял с них слово, что они станут служить мне.

— Никогда не предполагал, что Большой Пузан был столь наивен, — вздохнул киммериец.

Акме сверкнула глазами.

— Он связывал их заклятием, — сказала она тихо. — Поэтому они и подчинялись ему. Ну, теперь ты услышал все, что хотел, не так ли? Когда его убили, сила заклятия постепенно ослабла...

— Ясно, ясно, — прервал киммериец. — Избавь меня от подобных разговоров. Если бы Большой Пузан был жив, я лично прикончил бы его. Ненавижу, когда является какой-то умник и при помощи чар забирает у тебя волю.

Девушка промолчала.

Конан сердито выпил свое вино и заказал еще. Он обдумывал, как ему лучше встретиться с Сардаром.

Но, как выяснилось, Сардар уже все решил за них обоих, и вскоре к Конану за стол подсели двое. Оба обладали неприметной внешностью и к тому же прятали свои лица в тени.

— Ты спрашивал о человеке по имени Сардар, — тихо проговорил один из них. — Мы можем познакомить тебя с ним.

— Еще есть время остановиться, — добавил второй. — Если сегодня до закрытия ворот ты исчезнешь из города, то Сардар забудет о том, что ты интересовался его делами.

— Нет, нет, — неспешно отозвался Конан. — Мне очень интересно, не сомневайтесь. Сейчас допью вино, и пойдем.

— А это кто? — кивнул бандит в сторону Акме.

— Мой слуга. Молчаливый парнишка. По правде сказать, совсем молчаливый — у него отрезали язык.

Бандит взял в руки одну из кос Акме и выразительно цокнул:

— А это что?

— Волосы, — сказал Конан. — А ты что подумал?

— Женская прическа.

— Говорю тебе, это парень! — рассердился Конан. — И у него НЕТ ЯЗЫКА. — Последние слова он особенно подчеркнул, адресуя их, скорее, Акме, чем своим собеседникам.

Все четверо встали и направились к выходу из таверны.

— Вероятно, существует возможность усиливать воздействие эликсира молодости на личное время каждого человека за счет личного времени другого человека, — говорил Малогай.

Узкие глаза Тьянь-По вдруг округлились.

— Ты хочешь сказать, что... нашел способ забирать время у одного и отдавать другому? — прошептал он, словно не веря услышанному.

— Приблизительно так, — важно кивнул Малогай.

— Но ведь это безнравственно, — сказал кхитаец очень спокойным тоном.

— Возможно. Пользуемся же мы услугами рабов, — возразил Малогай. — Мы забираем личное время у наших слуг и за счет этого увеличиваем собственное свободное время. Более того. Нанимая стражников, мы отдаем себе отчет в том, что они обязаны умереть вместо нас в случае нападения разбойников.

Тьянь-По, который совсем недавно пережил именно то, о чем говорил Малогай, молча кивнул. Однако в рассуждениях своего ученого оппонента он ощущал нечто крайне неприятное.

— Все-таки эти люди живут свою жизнь, — сказал Тьянь-По наконец. — Даже если они тратят ее на то, чтобы обслуживать нас. А забирать молодость — даже у никчемного, глупого раба... Нет, как хочешь, но это безнравственно. И кроме того, чужое добро никогда не приносит пользы. Послушай одну притчу, которая тебе все объяснит. Два человека делили наследство и никак не могли решить, кому взять большой горшок, а кому — маленький. Оба, разумеется, хотели получить большой. Когда они пришли к правителю, он велел: «Следует разделить наследство пополам. Разбейте оба горшка и раздайте обоим наследникам черепков поровну». Возможно, так получится и с разделенной молодостью.

— Чисто механистический подход! — возмутился Малогай. — Механистический и умозрительный. Я предлагаю поставить эксперимент!

— Согласен, — медленно кивнул кхитаец. — Кто участвует?

— Между прочим, у меня длинный список шадизарских вельмож и богачей, — хвастливо заметил Малогай. — Все они умоляют меня продлить им жизнь. Любой из них готов попробовать эликсир хоть сегодня.'

— А у кого ты намерен забирать время?

— Найдем, — уверенно сказал Малогай. — Главное — начать. Я хотел бы, друг мой, чтобы ты вел записи.

— Моим наилучшим каллиграфическим почерком, — заверил его Тьянь-По.

Сардар обитал в убогой покосившейся лачуге, стоявшей на окраине Шадизара, среди мусорных куч и дешевых притонов.

Однако стоило Конану переступить порог, как он поневоле зажмурился от яркого света. Внутри лачуга выглядела совершенно иначе, чем снаружи. Ее стены оказались каменными. Снаружи их облепляла грязная солома, но это оказалась просто маскировка. С потолка на тонких цепочках свисали медные лампы, заправленные лучшим маслом. Отполированные бока ламп отбрасывали яркие искры, все блестело и переливалось. Чисто выбеленные стены были украшены золотыми кувшинами и кальянами для курения, стоявшими в многочисленных нишах, а под нишами стопкой лежали красивые султанапурские ковры.

Полуобнаженные девушки подбежали к гостям и принялись виться вокруг них, одаряя Конана обольстительными улыбками. Киммериец ласково щипнул одну из них за бедро, она рассмеялась, закрыла лицо в притворном смущении и убежала.

Навстречу посетителям встал Сардар. Это был жилистый невысокий человек, такой смуглый, что казался плохо умытым. В его ушах качались массивные золотые серьги, курчавые волосы перехватывала головная повязка, украшенная золотыми подвесками в виде маленьких лошадей и быков.

Он сделал приветственный жест. Конан не заставил повторять дважды — уселся на ковры, скрестив ноги. «Немой мальчик» встал за спиной у своего «хозяина». Сардар лишь бегло смазал его взглядом и устремил все свое внимание на огромного киммерийца.

— Вина? Фруктов? — любезно проговорил он. Холодный изучающий взгляд странно контрастировал с приветливым тоном его голоса.

— Благодарю, — неопределенно ответил Конан. — Ты хорошо живешь, Сардар, — добавил он, выразительно осматриваясь в жилище бандита.

Тот пожал плечами.

— На меньшее не согласился бы никто, — сказал Сардар. — Меньшее не достойно человека.

— Шадизар — прекрасный город, — уклончиво произнес Конан.

— Мне доводилось видеть другие города, но лучше Шадизара я не встречал, — согласился Сардар.

— В Шадизаре человек может позволить себе хорошее жилье, — сказал Конан.

— Еда может быть скудной, одежда — простой, но жилье должно радовать, — сказал Сардар.

В таком духе они обменивались любезностями еще некоторое время, а потом Сардар решил перейти к делу.

— Я слышал, ты прибыл в город вместе с ученым кхитайцем?

— Не могу отрицать, — произнес Конан.

— И этот кхитаец, как говорят, остановился в доме ученого Малогая? — продолжал Сардар.

— И это невозможно опровергнуть, — молвил Конан.

Сардар рассмеялся, сверкнув зубами, и ударил киммерийца жилистой рукой по плечу.

— Вот это речь учтивого человека! Однако скажи мне, незнакомец, наверное, ты слышал нечто, что поможет украсить мое жилище и создать твое?

Конан посмотрел прямо в глаза заправиле шадизарских воров.

— Эликсир вечной молодости, — произнес он.

Они посмотрели друг другу прямо в глаза и начали улыбаться.

Вечером этого дня Конан и Тьянь-По имели продолжительный разговор. Маленький кхитаец рассказывал об открытии своего шадизарского коллеги и его грандиозных планах, а огромный киммериец повествовал о Сардаре и его «скромном жилище».

— Ты можешь обокрасть какого-нибудь богача, — говорил Тьянь-По, очень волнуясь, — и если ты не попадешься на краже и не будешь повешен, то ничего в мире не изменится, ни для тебя, ни для богача. Ты обеднеешь так же быстро, как богач опять обогатится. Но этот эликсир вечной молодости будет отбирать у людей то, что никогда не сможет к ним вернуться. Нет-нет-нет, это следует остановить.

— Как? — спросил Конан. — Я знаю только один способ: Малогая убить, его зелье вылить, а книги сжечь. Я всегда так поступаю с колдунами.

— Малогай — не колдун, а ученый, — возразил Тьянь-По. — И есть другой способ. Вот послушай.

Жил один слепец, который хотел попасть на небо. Однажды над ним решили подшутить и сказали: «Мы только что побывали на небе — как там хорошо! Там журчит вода, поют женщины, топают небесные лошади. Там очень красиво. Жаль, что ты не можешь этого увидеть». — «Но я хотя бы услышу все это», — сказал слепец, и шутники, взяв его под руки, повели его куда-то. Они привели его на высокий холм. Под холмом женщины стирали белье, пели и

стучали вальками. «Вот там — небесное царство», — сказали шутники. Слепец слушал и говорил: «Какие удивительные звуки я слышу на небе!»

— К чему ты это рассказал? — спросил киммериец.

— К тому, что человек верит в то, во что хочет верить, — ответил Тьянь-По. — Главное — половчее его обмануть.

Они долго обсуждали детали своего плана и разошлись по кроватям, когда было уже далеко за полночь, и белая луна высоко стояла в роскошном бархатном небе над Шадизаром.

Первый эксперимент Малогай решился провести над самим собой, а в качестве человека, который отдаст ему свою молодость, был избран Сардар. Малогай считал, что затеял дело одновременно и полезное — ибо что может быть полезнее, чем избавить общество от такого головореза, как Сардар? — и выгодное, поскольку вечная юность оставалась недостижимой мечтой человека на протяжении многих тысячелетий. А когда в Шадизаре увидят, к чему привели эксперименты Малогая, богачи валом повалят к нему в дом и принесут ему огромные, несметные сокровища. «Я буду юн, прекрасен и богат!» — заключил он, глядя на Тьянь-По блестящими, счастливыми глазами. Малогай так увлекся своими мечтами, что даже не удивился тому, что кхитаец не проявляет ни малейшей зависти и не пытается ухватить хотя бы малую толику счастья, выпавшего на долю коллеги.

Что касается Сардара, то он лелеял совершенно иные планы. Он намеревался представиться вымышленным именем и явиться в дом ученого под личиной богатого торговца солью — так он условился с Конаном. С собой он брал всего трех своих людей, полагаясь на собственную силу и ловкость. Когда глупый Малогай поделится с ним своим открытием (а Сардар справедливо полагал, что вид больших денег развяжет ученому язык), главарь шадизарских воров завладеет орудием беспредельной власти. Ради эликсира вечной молодости сильные мира сего лягут к его ногам, как покорные овечки. И тогда... При одной мысли об этом «тогда» у Сардара начинала кружиться голова, и губы его растягивались в пьяной улыбке.

Визит «торговца солью» происходил ночью, под покровом таинственности. Несколько темных теней произнесли несколько условленных фраз, после чего двери в дом Малогая приотворились, и тени проникли внутрь. И вновь воцарилась тишина на улицах спящего Шадизара.

Трое бандитов остались внизу, среди слуг Малогая. Сардар, закутанный в белое просторное покрывало, медленно поднялся по витой лесенке и оказался на втором этаже. Молчаливый слуга проводил его в господские покои. По пути Сардар быстрым, цепким взглядом осматривался по сторонам, но ничего стоящего не обнаруживал. Судя по всему, Малогай жил не бедно, но сокровищ не накопил и все свои деньги тратил на еду и содержание дома.

Комната, где ученый ждал своего посетителя, была обтянута войлочными драпировками, так что внутри напоминала шатер кочевника. Сардар мгновен-

но понял, для чего это сделано: ни один звук не доносился отсюда наружу. Умно, подумал вор. И недальновидно со стороны Малогая. Потому что никто не придет ему на помощь, когда настанет время Сардару завладеть ключом к безграничной власти.

Малогай встретил своего гостя сидя на подушках в углу. Он даже не поднялся, поскольку был занят последними приготовлениями. Маленький кхитаец в скромной черной одежде смирно сидел за плечом ученого — Сардар заметил его, но решил не принимать во внимание. Кхитаец держался очень тихо и производил впечатление слуги или помощника. Убить щуплого коротышку не составит труда.

В другом углу комнаты на коленях стояла молодая женщина, закутанная в прозрачный голубой шелк. Сардар плохо понимал, для чего здесь нужна женщина. Возможно, для того, чтобы клиент, завладевший вечной молодостью, мог сразу по достоинству оценить полученный дар.

— Приступим, уважаемый, — начал Малогай торжественно. — Времени мало. Луна вступила в свою полновесную фазу и скоро начнет терять жизненную силу.

Сардар кивнул, приняв важный вид. Он уселся, скрестив ноги, на маленьком коврике, расстеленном прямо в центре комнаты, расслабился, как ему порекомендовали, и принял из тонких рук женщины плоскую чашу из очень простого фаянса. В чаше плескалась какая-то жидкость, на вид напоминающая ячменное пиво.

— Прошу тебя, уважаемый, выпей, — прошептала женщина.

Сардар медленно провел по ней взглядом. Она вдруг показалась ему знакомой. Не то чтобы он знал ее когда-либо — нет, скорее, он видел ее, причем совсем недавно. Но размышлять над этим не было времени. Ни одна женщина не играла важной роли в жизни Сардара.

Малогай прикоснулся к какому-то прибору, похожему на водяные часы, и перевернул колбочку. Вода, окрашенная красным, медленно потекла по узкой трубке. Кхитаец зажег благовонную палочку, и комната наполнилась странным запахом. Улыбаясь, Сардар поднес к губам чашу. Кинжал, спрятанный под одеждой, приятно холодил кожу. Его прикосновение радовало, как рукопожатие верного друга.

Тепло пробежало по жилам Сардара. Он закрыл глаза, откинул голову назад и стал ждать. Что-то происходило с его телом. Монотонно напевал Малогай, вода капала в клепсидре — громко, слишком громко падали капли, красные и тяжелые. В висках оглушительно стучала кровь. Кожа на лице то растягивалась, то вдруг сморщивалась. Сардар чувствовал, как жизненная сила течет по его телу... течет... вытекает!

Он открыл глаза. Свет в комнате как будто потускнел. Женщина, которая вызывала у него хищный интерес, теперь показалась ему скучной, как досадное недоразумение. А Малогай вдруг раздулся и сделался очень розовым и

гладким. Пухлые его руки сильно тряслись, губы приоткрылись, как у слабоумного, покрасневшие глаза наполнились жидкими слезами.

Сардар вскочил на ноги и вдруг понял, что его ноги, прежде такие сильные и крепкие, не желают его слушаться. Он сделал шаг и едва не упал. «Я слишком быстро омолодился, — подумал он в смятении. — Я еще не владею собственным телом. Вот в чем дело».

С Малогаем явно творилось нéладное. Кряхтя и задыхаясь, он приподнялся над подушками и упал. Кхитаец наблюдал за происходящим с бесстрастным лицом, похожий не на человека, а на маленькую бесчувственную обезьянку. Малогай забарахтался на полу, выкрикивая бессвязные проклятия.

— Что ты сделал? — разобрал Сардар. Он вдруг понял, что ученый обращается к этому неприятному кхитайцу. — Что ты натворил, а? Почему?

Кхитаец молчал. Молчала и женщина. Что-то странное происходило и с ней. Она делалась выше ростом, лицо ее непрерывно менялось, в глазах вспыхнуло пламя... Настоящее пламя!

Сардар видел, как они сделались красными и провалились в орбиты. Волосы женщины взметнулись, покрывало упало на пол, и она наступила на него босой ногой. Черное худое тело женщины больше не было человеческим. Его лизали языки пламени.

Она раскинула руки в стороны. Огонь свисал с ее рук, словно плащ, но ничто в доме не загорелось. И вдруг женщина засмеялась.

Это был звонкий счастливый смех свободного существа.

— Так вот ты кто! — послышался голос, и в комнате показался киммериец. Сардар метнул взгляд в его сторону: Конан, скрывавшийся за занавесом, выступил на середину комнаты и приблизился к пылающей женщине. — Ты — огненный дух!

А она глядела на него пламенными очами и смеялась, смеялась.

— Как вышло, что тебя поймали и заточили в теле невольницы?

— Не знаю! — хохотала огненная дева. — Не помню! Не хочу знать!

— Это сделал Большой Пузан?

— Нет! Тот человек умер! Не хочу помнить!

— Конан, — громко произнес кхитаец, вмешиваясь в разговор варвара с освобожденным духом. — Погляди-ка на наших друзей. Кажется, они сильно недовольны друг другом.

Действительно, Сардар наконец обнажил кинжал и шатаясь приблизился к Малогаю, а тот сжал в кулаки жирные слабые руки и принял угрожающую позу.

— Ты обманул меня! — сипло проговорил Сардар. Теперь, когда процесс завершился, он превратился в дряхлого старца. Не добравшись до Малогая, он остановился и закашлялся, тряся длинными седыми волосами.

— Что... что ты сделал? — обратился Малогай к кхитайцу. Он выговаривал слова, странно булькая. Малогай сделался теперь немощным и расплывшимся, и было видно, что за эти несколько мгновений он постарел на два десятка зим.

— Я? — изумился кхитаец. — Почти ничего. Кое-чем воспользовался, кое-что подкрутил, изменил состав... Ты не имел права забирать молодость у одного человека и передавать ее другому! Я предупреждал тебя об этом. А Конан и его горячая подруга мне чуть-чуть помогли. Вот и все.

Пока старцы пытались убить друг друга, еле двигая слабыми руками, Конан, Тьянь-По и огненный дух покинули комнату.

— Вещи я уже собрал, — сообщил кхитаец. — Времени у нас нет.

— Вы — мои друзья, — произнесла огненная дева. Ее звонкий голос исходил не из губ, но доносился изнутри языков пламени, как бы зарождаясь в самом сердце костра. — Что я могу для вас сделать?

— Это обязательное условие полного освобождения духа, — пояснил Тьянь-По. — Прежде я только читал об этом в одном ученом трактате... Кажется, «Дух воздуха превращается в госпожу».

— Ясно, — перебил Конан.

— Ты очень тороплив, — укорил его кхитаец. — Следует внимательно относиться к наследию прошлого. Освобожденный дух должен помочь своим освободителям. Милая Акме! — обратился он к духу. — Просим тебя: перенеси меня, Конана, все наши вещи и верблюдов...

— И повозку, — вставил варвар.

— Не перебивай! — возмутился Тьянь-По. — И повозку... Перенеси нас со всеми этими вещами в мой дом в Султанапуре!

И не успел он закончить последнее слово, как все вокруг завертелось, и исчезло, словно они с киммерийцем провалились в глубокий, обморочный сон.

Дом Тьянь-По в Султанапуре был просторным, но убранным очень скромно. Большую часть имущества кхитайца составляли книги и различные приборы. Кроме того он питал настоящую страсть к посуде, однако позволял себе держать в доме лишь несколько чрезвычайно ценных чаш. «Чем меньше у тебя сокровищ, тем более ценны они для тебя, — объяснил он. — Я могу созерцать их часами, и они позволяют мне поддерживать дух в должной чистоте».

Конан ничего не понял из этих объяснений. Дух огня весело разгуливал по всему дому, то вылетая из окон, то развлекаясь с растопленной жаровней.

— Осторожней, — беспокоился Тьянь-По. — Тут везде книги!

— Нужно покончить с нашими желаниями, — сказал Конан. — Она, вероятно, исчезнет после того, как выполнит определенное количество наших желаний.

— В таком случае, — произнес Тьянь-По, — милая Акме, достань мне, пожалуйста, трактат кхитайского ученого Бу Пу «Устройства для обжига фарфора». Тот, что со схемами и тысячью рисунками. Он хранится во дворце императора... Все равно никто не читает эту книгу, а мне она необходима.

Пламенеющая дева рассмеялась откуда-то из садика, где Тьянь-По держал не клумбы с цветами, а... камни. Впрочем, там рос и какой-то искривленный

кустик, который, по уверению хозяина дома, весной покрывался белыми цветами. «Он напоминает мне о скорой преходящести земной жизни», — сказал кхитаец.

Книга хлопнулась откуда-то с потолка. Она была горячей, почти раскаленной, и кхитаец обжегся, когда схватил ее в жадном нетерпении.

— Боги! — застонал он. — Это она! Много зим я вожделел ее, много зим я не спал ночей, мечтая о том, чтобы прикоснуться к ней хотя бы на миг!

— А если сюда явятся люди императора, чтобы отобрать ее у тебя, а тебя предать казни? — спросил Конан.

Кхитаец поглядел на своего спутника хитро.

— Вряд ли они догадаются, куда она подевалась, — сказал он, пожевав губами. — Кроме того, ее давно никто не читает. Прежде чем они хватятся пропажи, пройдет очень много зим. Нет-нет-нет, эта книга останется здесь и никто не отберет ее у меня.

Конан пожал плечами. Он никогда не понимал подобного отношения к книгам. Книги, конечно, могут содержать полезный или забавный текст, но сама рукопись, вся эта выделанная телячья кожа, покрытая письменами... Почему ученые приходят в священный трепет при виде всего этого?

Тьянь-По, ликуя, извлек с полки маленькую бутылочку, полную мутноватой белой жидкости.

— Отпразднуем! — провозгласил он, разливая напиток по микроскопическим чашечкам.

Конан глотнул с опаской. Напиток оказался крепким, и киммериец неожиданно для себя опьянел.

— Что это?

— Ничего страшного, — пробормотал Тьянь-По. — Изредка можно выпить. Просто пьяная вода.

— У меня тоже есть желание! — сказал вдруг Конан заплетающимся языком. — Ты свои исполнил, а я? А я... я хочу... я желаю...

Огненная дева появилась в комнате и склонилась над плечом варвара, обдавая его жаром.

Конан поднял голову и взглянул в ее узкое прекрасное лицо.

— Акме! — произнес он важно. — Я хочу такие же туфли, как у туранского премьер-министра!

Звенящий смех наполнил дом Тьянь-По. На мгновение оранжевая вспышка освобождающегося пламени ослепила обоих сотрапезников, а затем Акме исчезла — свободная навеки.

Конан потягивал «пьяную воду», изготовленную кхитайцем, и время от времени поглядывал на свои ноги. Парчовые туфли с красными кисточками выглядели на могучих ступнях киммерийца сконфуженно.

Иероглиф желаний

1

Краденая мудрость

Всякий, кто увидит пагоду, выстроенную мудрецом и чародеем Тин-Фу на склоне горы Размышлений, поймет, почему Тин-Фу считается одним из величайших мыслителей Кхитая. Все в этой пагоде обладает глубочайшим смыслом. Три ее яруса подобны трем возрастам жизни, так что первый выкрашен веселой желтой краской, второй — деятельной красной, а третий — созерцательной голубой. Колокольчики, повешенные под кровлей, все обладают различной формой, уподобляясь небесным животным, что шествуют один за другим, знаменуя смену времен года.

Тин-Фу не всегда был мудрецом, хотя в это трудно поверить. В незапамятные времена он пас овец на склонах этой самой горы, у которой в те годы даже не было имени — была она такой же дикой и неосмысленной, как и сам Тин-Фу. Родители его происходили из знатного рода, однако вследствие несчастий, что обрушивались на злополучную семью на протяжении нескольких десятков зим, очень обеднели. Поэтому свою дочь они продали купцам, а сына отдали в услужение некоему господину Дэхаю в уплату одного из многочисленных своих долгов. Господин Дэхай приставил юношу к овцам и надолго забыл о нем.

У Дэхая имелись куда более важные дела. Он пытался утвердиться при дворе кхитайского государя в качестве Первого Советника (ну, на худой конец — Второго), для чего ему требовалось непрерывно вести интриги против своих врагов и умащивать лестью своих союзников. И тех, и других у Дэхая было много, и ему пришлось нанять особого мудреца, который за умеренную плату подсказывал своему повелителю: кто именно из окружающих его людей в данный момент является его другом, а кто уже сделался врагом. Ситуация менялась каждый день, так что Дэхай едва успевал следить за ее ходом.

До того ли ему было, чтобы следить, как живет-поживает юноша, сын его должников, которому поручено пасти овец на склоне безымянной горы, лохматой и неосмысленной, подобно самому этому юнцу!

Раз в луну Тин-Фу навещал отца и мать и каждый раз видел, что они все больше стареют, что беды все больше угнетают их; однако, сострадая им всем

сердцем, сын не мог избавить их и от малой толики несчастий. У них в доме болели куры и дохли утки, которых мать выращивала, надеясь прокормить семью зимой. То и дело обрушивалась крыша, и у отца не хватало сил починить ее. Кредиторы забирали все деньги, какие только удавалось выручить. То один, то другой из стариков принимался кашлять, и Тин-Фу знал, что любая болезнь может оказаться для его родителей последней.

И вот однажды глубокой ночью на дом стариков был совершен набег. Кто-то, невидимый в темноте, спустился с горы и налетел на убогое строение. Запылали стены, огонь охватил крышу. С криком выбежали старики наружу, и тотчас зарубили их бандиты. Немногочисленный скарб — все, что осталось от этих разорившихся аристократов, — так и остался нетронутым. Но все-таки имелось нечто, что бандиты захватили и вывезли с собой.

Когда Тин-Фу в очередной раз приехал навестить родителей, он увидел их непогребенные тела, сожженную хижину, а посреди нее — ямку, выкопанную уже после того, как пепел остыл. Так он узнал о том, что в доме его стариков родителей хранилось некое бесценное достояние.

Долго думал юноша, как ему поступить, и наконец решился взять на себя священное право мести за убитых. Он распустил волосы — а они были у него длинные, вымазал лицо грязью и поклялся не есть ничего, кроме травы, покуда не свершится отмщение.

Неизвестно, смотрели ли на него боги, покуда он давал свою клятву. Ничто вокруг не шелохнулось, даже лягушки сидели в траве неподвижно. И стал Тин-Фу бродить по стране, точно утративший рассудок, тряся разлохмаченными грязными волосами, ворочая чумазым лицом и блестя горящими глазами. Многие уже узнавали его на улицах кхитайских городов и говорили друг другу:

— Это безумный Тин-Фу, у которого убили родителей. Он ищет тех, кто сделал это.

И многие прятались, когда он появлялся, потому что боялись, как бы он не принял их за убийц и не вздумал мстить невиновным. Однако Тин-Фу никого не трогал. Бродил среди людей и вглядывался в их лица, как будто хотел разобрать на них письмена. И вот однажды на рыночной площади маленького городка Го остановил его весьма уважаемый старик. Этот человек с длинной седой бородой и извивающимися, точно два угря, усами, бесстрашно взял сумасшедшего за руку и повел за собой. О, чудо, — Тин-Фу пошел за ним послушно, точно дитя! Многие дивились, глядя на эту картину. Мудрец отвел молодого Тин-Фу на склон горы, необжитой и страшной, и показал ему на овец, что разбрелись кто куда.

— Чьи это овцы?

— Господина Дэхая, — ответил Тин-Фу и удивился тому, как трудно сходят с его губ человеческие слова. За время своего безумия он почти разучился говорить по-человечески.

— Кто этот господин? — продолжал вопрошать мудрец.

— Некогда наша семья попала от него в зависимость, и он отобрал все наши имения, — стал рассказывать Тин-Фу.

— Я спрашивал не это, — произнес мудрец.

— Господин Дэхай — придворный, который хочет стать Первым Советником, — сказал Тин-Фу. — Я думал, это все знают.

— Это все знают, — согласился мудрец, — но не все это осмыслили как следует. И ты, произнеся это вслух, должен был кое-что понять.

— Что? — спросил Тин-Фу, который ровным счетом ничего не понял.

— Твоя семья мешала господину Дэхаю, — объяснил мудрец. — Господин Дэхай внимательно следит за всеми, кто мог бы стать препятствием на его продвижению к цели.

— Далек ли он от своей цели? — спросил Тин-Фу.

Мудрец тихо рассмеялся.

— Ты тоже умеешь задавать вопросы! — воскликнул он. — Пожалуй, я мог бы взять тебя в свои ученики.

Тин-Фу медленно провел рукой по своему грязному лицу и задумался: хочет ли он расставаться со своим новым образом жизни, чтобы переменить его на прямо противоположный? Желает ли он отныне проводить свои дни в созерцании, заучивании и слушании?

Мудрец смотрел на него и посмеивался, но ничего больше не говорил.

Тогда Тин-Фу сказал:

— Когда я осматривал пепелище родительского дома, я заметил ямку — как будто оттуда забрали нечто небольшое, глубоко зарытое под землю.

— У твоих родителей имелось нечто, чего жаждал Дэхай, — сказал мудрец. — Поэтому он устроил так, что они утратили все свое богатство. Он хотел, чтобы они отдали ему в уплату долга то, чем обладали, и то, чем он столь отчаянно стремился завладеть.

— Стало быть, это господин Дэхай — мой заклятый и кровный враг! — произнес Тин-Фу. — Я должен был сразу это понять и не бродить по городам людей, утратив рассудок. Но как я мог догадаться? Ведь он единственный относился к нашей семье по-доброму, когда нас постигли все наши несчастья! Он дал мне работу и не отбирал у нас последнего, позволяя кое-как существовать в убогой хижине...

— Зато другие кредиторы были к вам чрезвычайно суровы, — напомнил мудрец. — Скажи, откуда тебе известно, что это не господин Дэхай подговаривал их проявлять такую нечеловеческую жестокость? И кто были те разбойники, что убили твоих мать и отца? Не подосланные ли Дэхаем?

Тин-Фу заскрежетал зубами. Несколько мгновений он только и делал, что тряс головой, скрипел зубами и мотал волосами. И пока он это делал, грязь отваливалась с его тела высохшими кусками, так что он становился все чище и чище. И когда наконец Тин-Фу успокоился, мудрец увидел перед собой вполне благообразного молодого человека, готового внимать рассуждениям и зада-

вать правильные вопросы — те, которых ожидает учитель, дабы дать на них правильные ответы.

Они поселились на склоне безымянной горы и построили там небольшую хижину из тонких стволов бамбука. Тин-Фу жил на пороге хижины, а его учитель — внутри. Все свое время они проводили в рассуждениях и разговорах. Иногда Тин-Фу уходил в лес, чтобы набрать для учителя съедобных трав и плодов. Сам же он время от времени ставил силки, ловил птиц или вытаскивал, насадив на острогу, рыбу из горного ручья, однако учителю об этом не рассказывал. Мудрец строго осуждал убийство любого живого существа и даже старался не выходить из хижины летом, дабы случайно не раздавить жука или муравья.

Учитель рассказывал ученику о медленном ходе звезд по небу и о смене правителей Кхитая; обучил его сложной придворной иерархии и родословным знатных родов, которые сплетались сложнее, чем нити в ковре. Постепенно Тин-Фу начал понимать, что его семья действительно представляла угрозу для честолюбивых замыслов Дэхая. Но что же хранилось в доме его родителей? Чего домогался Дэхай?

— Поняв это, ты поймешь и все остальное, — сказал ему учитель. — К несчастью, это — единственная вещь, которую нельзя постичь одним лишь созерцанием. Тебе придется отправиться в путь и разобраться в этом не в духе, но в телесной оболочке. Увы! Этот путь и труднее, и дольше, и таит в себе больше опасностей совершить ошибку, но другого выхода нет.

— Но я вернусь сюда? — спросил Тин-Фу.

Мудрец кивнул.

— Со временем этот дом станет твоим, как стали твоими мои познания.

И Тин-Фу, одевшись странствующим торговцем, отправился в долгий путь, а его учитель остался один на склоне безымянной горы.

* * *

И вот перед путником открылся город Небесных Властителей. Еще издалека увидел Тин-Фу позолоченные крыши с изогнутыми карнизами — такие формы препятствуют проникновению злых духов внутрь помещения.

Перед воротами он заметил скопление народа и смешался с толпой. Там явно происходило нечто чрезвычайно важное. Действительно, вскоре из ворот выбежали стражники в ярко-желтых шелковых халатах, вооруженные огромными кривыми саблями. Громко крича, они принялись расталкивать толпу, чтобы люди расступились и освободили место перед воротами. Оттесненный вместе со всеми, Тин-Фу терпеливо ждал. Впереди он видел только сверкающие на солнце желтые спины солдат императорской гвардии.

Затем на площадь перед воротами начали выходить знатные люди. Глазам больно было смотреть на шелка всех возможных цветов, вышитые и украшенные драгоценными камнями. На высоких головных уборах также блистали са-

моцветы. Некоторые носили в прическах цветы. Все эти люди выстроились по обе стороны от ворот. Наконец важный человечек, низкорослый и кривногий, выбежал из ворот, держа на вытянутых руках деревянный поднос, имевший форму облака. Этот поднос он поставил на паланкин, украшенный изображениями драконов. Паланкин подняли к верхней площадке ворот, где уже ждал специальный человек. Этот человек развернул длинный лист бумаги и громко прочитал:

— Указ Владыки! Верный наш слуга Дэхай своими заслугами заслужил любовь и доверие нашего сердца! По этой причине он назначается Вторым Советником! Его семья получает земли вокруг города Го! Он награждается алмазом «Мизинец Несравненной»! Он будет награжден личным поцелуем Владыки в присутствии всех придворных!

Затем глашатай торжественно вложил свернутый лист в клюв позолоченного деревянного феникса.

Феникс был изготовлен с величайшей тщательностью, ведь деревянному подобию выпала величайшая в мире честь изображать самую красивую и самую почитаемую птицу среди пернатого племени. У нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, расцветка перьев дракона, спина черепахи. Перья этой птицы имеют пять цветов, которые означают пять основных добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание и верность. Феникс редко летает и при полете ее сопровождает стая маленьких птичек. Эта великая птица милосердна, она не клюет насекомых и не питается живыми существами и травами: пищей ей служит бамбук, а жажду она утоляет только из самого чистого родника. Поэтому самые важные указы владык объявляли не иначе, чем через феникса, и Тин-Фу прибыл в столицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как это происходит.

Раскрашенную деревянную птицу осторожно спустили с башни на площадь, и кривоногий коротышка принял ее и поставил на паланкин. Процессия медленно втянулась в ворота.

— Куда они теперь? — спросил Тин-Фу у своего соседа, изогнувшегося под невероятным углом, чтобы хоть что-то разглядеть между плечами солдат.

— В Палату церемоний, — сказал горожанин. — Там с указа снимут копии и разошлют по всей стране... Эх! Уже второй раз этот Дэхай оказывается героем императорского указа, изданного с помощью феникса! А это, брат, не шутки.

— Кто такой Дэхай? — спросил Тин-Фу, притворяясь незнающим. — За что ему оказывают подобные почести?

— Ах ты, бедный глупый деревенщина! — сказал горожанин. — По всему видать, что пришел издалека, и не могу предсказать тебе счастливую судьбу в этом городе, где не жалуют дураков!

— Так кто такой Дэхай? — повторил свой вопрос Тин-Фу.

— Он нашел способ укрепить прическу государыни, которая укладывает волосы в форме облака. Малейшего дуновения ветерка достаточно, чтобы это

совершенство было нарушено, — ответил горожанин. Как всякий житель столичного города, он был в курсе всех дворцовых сложностей и сплетен. — А Дэхай изобрел жесткий каркас, который не портит внешнего вида прически и придает ей прочность.

Из услышанного Тин-Фу сделал совершенно правильный вывод о том, что Дэхай имеет своих людей в окружении государыни и что эти люди представили капризной, занятой исключительно своей внешностью женщине Дэхая в качестве человека совершенно незаменимого. Такая новость огорчила Тин-Фу. Теперь будет труднее подобраться к Дэхаю. Однако он не терял надежды.

Поблагодарив соседа, он начал пробираться к другим воротам, ведущим в город, — к воротам для простонародья.

Город Небесных Властителей был роскошным и многолюдным. Несколько дворцовых строений отделялись от шумных улиц высокими стенами. А на улицах кипела настоящая давка. Прохожие не шли, а бежали — кто туда, кто сюда; на прямых коромыслах раскачивались корзины с рыбой, зеленью, домашней утварью. Кто покупает, кто продает, все кричат, шумят, размахивают руками. Двухколесные запряженные маленькими косматыми лошадками тележки тянутся нескончаемыми вереницами. Движение то и дело задерживается. На рыбных, мясных, овощных, посудных рынках собираются толпы народа. Холпают на ветру холщовые рубахи и штаны, соломенные шляпы оживленно вертятся во все стороны. Под четырехугольными зонтиками прямо на мостовой сидели занятые своим делом бродячие ремесленники, цирюльники, харчевники. Огонь в маленьких медных плошках горел перед ними жарко и весело, исправно совершая предназначенную ему работу: плавить, жарить, кипятить, коптить. А между прочими повсеместно располагались бесчисленные нищие отвратительного вида — слепые, паралитики, покрытые зияющими ранами.

Город весь был изрезан узкими переулками, застроенными одноэтажными глинобитными домами с окнами, обращенными во двор.

В этих строениях дворики были точно пчелиные соты: со всех сторон они замыкались главным домом и флигелями. Юго-восточная сторона — счастливая — обычно была занята жилищем хозяев, а юго-западная, несчастливая, — хозяйственными пристройками.

Тин-Фу долго бродил по городу, плутая в лабиринтах улочек. Здесь было столько народу, что для еще одного человека, казалось, попросту не находилось места. Ему негде было даже сесть на мостовой.

В конце концов, отчаявшись найти выход из своего бедственного положения, Тин-Фу решил обратиться к учителю, который остался далеко отсюда, на склоне безымянной горы. Отыскав место на углу двух забитых людьми улочек, Тин-Фу вбил в землю свой дорожный посох, а поверх него надел свою же дорожную шапку — и так получилось у него некое подобие тощего человека с немного искривленной спиной. Этот «человек» из посоха совершенно напо-

минал учителя. Тин-Фу склонился перед ним в почтительном поклоне и вопросил:

— О, многомудрый наставник, вот я и очутился в городе Небесных Владык! Но нет здесь для меня даже малого клочка земли, куда я мог бы примостить свою тощую задницу!

Затем он выпрямился и сделал вид, будто слушает. Несколько нищих, сидящих поблизости на земле, зашевелились, но вставать не спешили. Остановилось несколько прохожих. У одного из корзины высовывался еще живой угорь. Он разевал рот и пучил глаза, как будто его в высшей степени изумляло увиденное. Тин-Фу зашел за палку и, выглядывая оттуда, скрипучим стариковским голосом ответил сам себе:

— О заднице ты печешься, неразумный! Подумал бы лучше о том, куда пристроить свою голову! А если голова будет пристроена, то и для задницы место найдется, — уж голова-то надумает, куда ее примостить!

Низко поклонившись палке с надетой на нее шапкой, Тин-Фу снова превратился в ученика.

— О, многомудрый наставник! Я положу твою речь прямо в мое сердце! Но скажи, куда мне деть мою голову, если она здесь нужна не больше, чем иные части моего тела?

И снова отвечал за наставника:

— Употреби ее для размышлений!

Несколько женщин хихикали, прикрывая лицо пестро расшитыми рукавами. А Тин-Фу разошелся. Он то кланялся посоху, то сурово отчитывал сам себя за глупость, а затем принимался униженно благодарить «учителя» за урок.

Вдруг общий смех замолк. Толпу зевак растолкали слуги, и в переулок медленно, важно вполз паланкин, лежащий на спинах дюжих носильщиков-северян. Из паланкина показалось круглое красное лицо. Черные глаза сердито щурились. Он высунул руку и вяло шевельнул толстым указательным пальцем. В то же мгновение к Тин-Фу подбежал верткий человечек — до этого он вился возле дверцы паланкина, готовый выполнить любое поручение находящегося внутри господина.

— Мой повелитель желает знать, что здесь происходит? — вопросил он у Тин-Фу строго.

Тот вежливо поклонился сперва в сторону паланкина, а затем и верткому человечку.

— Я всего лишь беседую с моим наставником! — ответил он, и ни один мускул на его лице не дрогнул, предательски намекая на возможность улыбки.

Верткий человечек сердито огляделся по сторонам.

— Но я не вижу здесь никакого наставника! — воскликнул он наконец. — Это всего лишь дорожный посох, сбитый и кривой!

— Но поверх него надета шапка, — возразил Тин-Фу, — а эта шапка принадлежала великому мудрецу! Разве не сказано: «Надлежит воздавать почести сану и титулу, невзирая на внешность носящего сан и титул»?

Сбитый с толку, доверенный слуга важного господина обернулся к паланкину. Он явно не знал, что ему надлежит делать. Не то проучить наглеца, не то посмеяться над ним и дать ему пару монет.

Но важный господин в паланкине решил по-своему.

— Ты остроумный малый, — вымолвил он. — Чтобы найти ответ, тебе не приходится лазить к себе за пазуху.

— Это так, — с низким поклоном отозвался Тин-Фу, — я предпочитаю извлекать слова из-за чужих пазух, поэтому-то меня и называют вором и бьют палками везде, где только ловят на воровстве.

Господин засмеялся.

— Я хочу видеть тебя в своем дворце, — сказал он. — У меня сегодня был хороший день. Властелин пожаловал меня званием Второго Советника, и я намерен поделиться моей удачей, дабы она не вздумала меня покинуть, сочтя скупердяем.

У Тин-Фу захватило дух. Перед ним был сам господин Дэхай! Естественно, они не узнали друг друга. Прошло слишком много времени с тех пор, как они виделись в последний раз. Дэхай с тех пор стал одеваться в разноцветные шитые шелка, растолстел, сделался красен и одышлив, да и годы взяли свое — он постарел. А Тин-Фу превратился из мальчика в молодого мужчину. И если мальчик был вечно голоден, с озлобленным взглядом и тощими слабенькими руками, то молодой мужчина обрел уверенность в себе, осанку мудрого человека и взгляд того, кто знает себе цену.

Низко-низко поклонился Тин-Фу господину Дэхаю.

— Это счастливейший день в моей жизни, — проговорил он дрогнувшим голосом. С этими словами он выдернул свой посох из земли, нахлобучил шапку опять себе на голову и, ни слова больше не сказав, зашагал вслед за паланкином.

* * *

Так вышло, что Тин-Фу поселился во дворце Дэхая и получил бесценную возможность наблюдать за своим кровным врагом вблизи. Он смешил Дэхая, и тот считал его забавным и совершенно не опасным малым. Слуги дома по-разному относились к новому любимчику господина. Большинство — с полным равнодушием: время от времени Дэхай жаловал своим вниманием то одного, то другого человека, играя с людьми, как с куклами, но с течением времени новые забавы приедались ему, и Дэхай забывал их. Бывшие любимцы, получив некоторое количество благ — кто сколько успел ухватить, — отправлялись кто куда: одни уезжали, и след их терялся, другие находили себе работу в большом доме, третьи, обвиненные в каком-нибудь вздорном преступлении, заканчивали свои дни в водной тюрьме. Тюрьма эта была особенно ужасна своей сыростью: заключенные жили в ней, погруженные по колено в воду. Их

кости страшно ныли, их плоть гнила, и они умирали в темноте и страшных мучениях.

Естественно, Тин-Фу рассчитывал избежать подобной участи. Ему требовалось узнать секрет своих родителей, похищенный Дэхаем, причем сделать это надо было прежде, чем господину Дэхаю надоест слушать шутки и поучения своего нового домочадца.

Единственным настоящим, открытым врагом Тин-Фу в его новом доме сразу стал управляющий. И вовсе не потому, что почтенный слуга опасался влияния нового человека, нет. Просто управляющий обладал склонностью к выпивке, о чем все знали, но никто не говорил. Это считалось простительной слабостью почтенного слуги.

Даже господин Дэхай не решался сделать замечание столь заслуженному человеку, хотя тот и стоял много ниже его на иерархической лестнице, потому что управляющий служил еще его отцу и обладал определенным «теневым влиянием»: говорили, будто некоторые из наложниц Небесного Владыки были его дочерьми или внучками. Впрочем, это сохранялось в тайне.

Как бы то ни было, Тин-Фу скоро заметил, что господину Дэхаю чрезвычайно хочется сделать своему управляющему выговор относительно злоупотребления горячительными напитками, но, учитывая некоторые «теневые возможности», он не решается это сделать. И тогда Тин-Фу прилюдно рассказал следующее:

— Один молодой человек пристрастился к вину настолько сильно, что даже ночью не мог обойтись без него. Когда он ложился спать, то рядом с кроватью на земляной пол ставил бутыль с вином. Проснувшись ночью, он протягивал руку к бутылке, отпивал немного и вновь засыпал. Однажды с ним произошло невероятное: когда он по привычке протянул руку к бутылке, злой дух схватил его и стал тащить под землю. Услышав отчаянный крик, родственники молодого человека поспешили к нему в комнату, но было поздно: они увидели только его голову, погружавшуюся под землю, будто в воду...

Все кругом засмеялись, и громче всех веселился господин Дэхай. А управляющий стал мрачнее ночи и заскрипел зубами. Услышав этот звук, Тин-Фу понял, что нажил себе смертельного врага. Однако он не счел это опасным, поскольку ему важнее было войти в доверие к своему господину и угодить ему так, чтобы его вечная бдительность заснула крепким и сладким сном, как если бы она накурилась порошка черного лотоса.

На следующий день Тин-Фу увидел, что управляющий ходит вокруг дома и что-то говорит работникам. Прислушавшись, Тин-Фу понял, чего хочет старый почтенный слуга: он решил установить прямо перед воротами во двор прочную стену. Известно, что духи летают чрезвычайно стремительно, но двигаются они только по прямой. Если один из таких духов захочет покарать управляющего за его пристрастие и утащить под землю, он налетит на стену, ударится о нее и возвратится вспять, так что управляющий сможет жить (и пьянствовать) совершенно спокойно.

Посмеявшись над стариком, Тин-Фу ушел.

Господин Дэхай был назначен Вторым Советником по делам иероглифов при дворе Небесного Владыки, а это означало, что в его обязанность входило следить за иероглифами по всей столице и за ее пределами. У него имелся целый штат сотрудников, которые ходили по улицам и собирали клочки исписанной бумаги, которая была уже не нужна. Ибо сказано: «Письменность священна, и знающие письменность — священны». Ни в коем случае нельзя бросать исписанную бумагу в грязь. Некоторые считают, что это может привести к слепоте, хотя господин Дэхай в своих указах утверждал, что подобные святотатцы бывают убиты громом. Он даже возил с собой урну, украшенную изображениями сплетенных между собой драконов, золотого и зеленого, и выставлял ее на видном месте везде, куда ни прибывал по своим делам. В этой урне хранился прах одного вельможи, который совершил однажды ужасное злодеяние. Однажды он получил письмо от своей матери, которая в немногих словах выражала свои нежные чувства к отпрыску и выказывала озабоченность распутным образом жизни, который тот ведет в столичном городе, вдали от родительского пригляда. Прочитав это письмо, молодой вельможа так разгневался, что бросил бумагу в грязь, наступил на нее сапогом и разорвал, не прикасаясь к ней руками. И тотчас с неба сошел огонь, послышался громовой раскат — и вот от молодого человека осталась лишь кучка дымящегося пепла.

Несколько благочестивых слуг собрали этот пепел в урну, и теперь она передается от одного Советника по делам иероглифов к другому — в знак назидания и наглядного примера того, как не следует относиться к иероглифам и исписанной бумаге.

Подчиненные Советника подбирали любые клочки, даже самые ничтожные, если на них виднелись следы иероглифов, и складывали их в специальные корзины.

Один раз на Новолуние, по улицам шествовала особая процессия в сопровождении музыкантов. Слуги, одетые в черные одежды с большим вышитым иероглифом на спине, несли большие корзины с пеплом от сожженной бумаги. Они доходили до реки, в которую опускали этот пепел при громком пении красивых похоронных гимнов, и темные воды реки расступались, оттуда высовывались черные пальцы Речной Богини, которая бережно принимала пепел и уносила его в глубину. Лишь пепел от нечестивых писаний (а имелись и такие) плыл дальше по поверхности реки, чтобы затем осесть на берегах грязноватой пеной и исчезнуть в безднах земли, не оскверняя речных глубин.

Затем собравшиеся посмотреть на процессию — а таких всегда находилось очень много — слушали Наставления о сохранении иероглифов. Их зачитывал особый глашатай, одетый также в черное, — освещенные факелом, видны были только кисти его рук и лицо, а все прочее терялось во мраке:

— Тот, кто готовится собирать, очищать и сжигать бумагу с написанными иероглифами, будет обладать тысячью добродетелями и продлит себе жизнь на двенадцать зим! — возглашал этот человек, и, судя по самодовольной улыб-

ке, блуждавшей по его лицу, он ощущал внутри себя всю тысячу добродетелей, каждая из которых напоминала по вкусу сладкий пирог. — Очищающий бумагу станет почитаемым и богатым! Его дети и внуки будут добродетельными! Тот, кто будет разрезать бумагу с написанными на ней иероглифами на полоски и раздавать населению для защиты от злых духов, тот приобретет пятьсот добродетелей и будет любим без порицания!

Тин-Фу, который участвовал в подобном ритуале впервые, слушал этот перечень не без удивления. Он тоже был приучен относиться к слову с почтением, особенно к написанному, но увиденное в городе Небесных Владык его поразило. Назначение господина Дэхая было по-настоящему важным, если принимать все, что здесь происходило, всерьез.

Глашатай перешел к более низким добродетелям, связанным с бумагой. Голос его зазвучал тише и сделался менее торжественным, более сердечным. Совершенно очевидно, что теперь он говорил о вещах, доступных практически каждому из слушающих:

— Тот, кто будет запрещать кому-либо уничтожать грязную бумагу с написанными иероглифами, приобретет пятнадцать добродетелей и станет преуспевающим и разумным человеком.

«Странно, — подумал Тин-Фу, — ведь запретить кому-либо что-либо сделать куда труднее, чем не сделать или сделать это самому... А добродетелей меньше. Впрочем, в жизни всегда так. Завтра нужно будет рассказать господину Дэхаю притчу на эту тему...»

Тем временем голос глашатая изменился еще раз. Теперь он гремел гневно. Глаза метали молнии в собравшихся. Не оставалось никаких сомнений — вот теперь он имел в виду не себя и своих собратьев, но тех, кто топтался перед ним на берегу медленно текущей реки:

— Тот, кто будет произвольно сжигать бумагу с написанными иероглифами, пострадает от десяти пороков и десяти заболеваний! Тот, кто будет в гневе бросать на землю бумагу с написанными иероглифами, пострадает от пяти пороков и утратит разум! Тот, кто будет бросать бумагу в грязную воду, будет наделен двадцатью пороками и постоянно страдать от болезней глаз!

Толпа внимала и, казалось, испытывала неподдельное удовольствие от собственного страха. Это удивляло Тин-Фу. Впрочем, как говорил ему учитель, один человек никогда не устает удивлять другого.

А глашатай замолчал ненадолго, после чего принялся яростно размахивать вокруг себя ревущим факелом:

— Вон! Все убирайтесь отсюда вон, жалкие нечестивцы! Священная река не желает видеть вас на своих берегах!

И люди начали разбегаться, исчезая в темноте по одному.

* * *

Одним из увлечений господина Дэхая было разведение золотых рыбок. В прудах в его дворце плавало множество крошечных очаровательных созданий. Одни были красноватые, другие — почти желтые, встречались и белые с коричневыми пятнами на боках. Поначалу Тин-Фу считал, как и все, что это увлечение было лишь прихотью богатого и знатного вельможи.

Но один случай полностью изменил его представление об этом.

Управляющий дома господина Дэхая не оставлял мысли отомстить новому слуге. Ради этого он входил в дружбу с такими низкими людьми, как конюхи, убиральщики, мойщики посуды. Всем им он нашептывал, что Тин-Фу слишком чванится своей украденной мудростью, которую он похитил у своего прежнего наставника. «Он оставил беднягу ни с чем! — уверял управляющий, и низшие слуги слушали его с полным доверием. — Этот бедный бывший мудрец теперь совершенно нищ! Ни одной мысли не приходит в его голову, ни одна идея больше не посещает его разум. Лишь беды, пороки и болезни преследуют его по пятам с тех самых пор, как Тин-Фу украл его мудрость!»

С некоторых пор Тин-Фу стал находить в своей одежде насекомых, а в миске с лапшой и супом — грязь и камушки, о которые легко сломать зубы. Однако он решил не придавать этому значения. Скоро он подберется к тайне покойных родителей, завладеет ею — и тогда сможет в полной мере отомстить кровному врагу своей семьи.

И вот настал день, когда управляющий зашел в своей злобе слишком далеко. Он выловил из бассейнов несколько рыбок и подложил их в миску к Тин-Фу. Во время трапезы господин Дэхай призвал Тин-Фу и повелел развлекать себя забавными рассказами, покуда он сам наслаждается пищей.

Тин-Фу сказал:

— Одна рыба не верила в бессмертие и перерождение душ. Она была так упряма, что не слушала наставления других рыб, которые были старше, опытнее и мясистее, чем она.

— Какая же это была рыбка? — спросил господин Дэхай, поливая рис соусом и заранее посмеиваясь.

— Золотая рыбка, вроде тех, что плавают в прудах посреди садов моего господина, — невозмутимо ответил Тин-Фу. — Она была легкомысленной, потому что у нее вырос длинный прозрачный хвост. Общеизвестно, что рыбки с такими хвостами уподобляются красивым женщинам и становятся чрезвычайно легкомысленными... Об этом можно прочитать в летописях, — добавил он.

— В каких? — удивился господин Дэхай.

— В летописях рыбьих царств, разумеется, — с самым серьезным видом отвечал Тин-Фу. — Итак, наша рыбка не верила в переселение душ и упорствовала в своем убеждении. Наконец, ее выловили из пруда и отправили в кастрюлю с супом. И что же? Плавая среди овощей и вареной лапши, она ворчала: «До чего же отвратительные водоросли в этой проклятой луже!»

Господин Дэхай посмеялся, отодвинув от себя миску, а затем спросил, желая продолжить шутку:

— Откуда же тебе известна эта история?

— Мне рассказали ее другие рыбы, — сказал Тин-Фу. — Когда сегодня утром я гулял в садах моего господина.

— Неужели одна из моих рыб попала в суп? — нахмурился господин Дэхай.

— Да, — сказал Тин-Фу, перестав улыбаться. — Кто-то из ваших слуг выловил ее и подсунул мне в миску, даже не сварив хорошенько.

Господин Дэхай вскочил. Лицо его побагровело от ярости.

— Кто это сделал? — спросил он. — Разве не ты сам — любитель лакомиться рыбой?

— Я люблю рыбу в похлебке, но я этого не делал, — сказал Тин-Фу. — Потому что если бы я осмелился употребить в пищу одну из золотых рыбок моего повелителя, я сперва сварил бы ее; а тот, кто подсунул мне бедняжку в похлебку, даже не потрудился этого сделать, так что я съел ее сырой.

— Отвратительно! — закричал господин Дэхай. — Я не желаю больше слушать!.. Или... нет. Скажи, кого ты подозреваешь в совершении этого преступления?

— У меня и в мыслях нет подозревать кого-либо из преданнейших слуг моего господина, — ответил Тин-Фу. — Меня лишь огорчает огорчение моего господина. И я не хочу, чтобы господин считал меня причиной этого.

— Перестань путать меня своими мудрыми речами! — сказал Дэхай. — Я знаю, что вся твоя мудрость — краденая!

— Это правда, — согласился Тин-Фу.

— Я должен немедленно осмотреть моих рыбок, — объявил господин Дэхай. — Ты пойдешь со мной. Если случится так, что ты проглотил одну из самых ценных моих рыбок, я отрублю тебе голову.

— Но ведь я сделал это не нарочно! — возразил Тин-Фу.

— Ты будешь наказан! — отрезал Дэхай. — Мне нет дела до того, почему ты это сделал и кто на самом деле виновен в твоем преступлении.

— Мы все виновны в преступлениях друг друга, — согласился Тин-Фу.

Дэхай с подозрением покосился на своего «придворного мудреца», но тот замолчал и больше не произнес ни слова.

Они вместе начали обходить пруды. Управляющий вместе с несколькими своими приспешниками следил за господином Дэхаем и Тин-Фу. Они замерли, надеясь на то, что им удалось нанести Дэхаю удар достаточно чувствительный, чтобы тот, разгневавшись, уничтожил выскочку и изгнал его из дома.

Однако Дэхай перевел дыхание с облегчением.

— Все самые ценные рыбы целы и невредимы! Молись духам своих предков, Тин-Фу, ибо они уберегли тебя от страшной участи!

Тин-Фу склонился перед господином Дэхаем и только тогда решился спросить его:

— Но чем же ценны те рыбки, что сохранились? Уверяю вас, мой господин, что та бедняжка, которой я откусил голову — по злодейскому умыслу ка-

ких-то тайных недоброжелателей — была весьма хороша собой, с ровной красноватой чешуей.

— Ценны не красные рыбки и не золотые, — отвечал, отдуваясь, Дэхай, — но те, что несут на своей чешуе некоторые знаки, напоминающие иероглифы... — Он осекся, как человек, который внезапно сообразил, что разоткровенничался и зашел слишком далеко, а затем проговорил совершенно другим тоном: — Я как хранитель иероглифов обязан следить за такими вещами.

Однако Тин-Фу понял, что господин Дэхай заботился совершенно о другом.

* * *

Пользуясь случаем, Тин-Фу заглядывал в господские комнаты. Иногда он якобы искал какой-нибудь свиток, в другой раз его как будто интересовала некая одежда, забытая им или его господином. И всякий раз он ухитрялся осмотреть одну из комнат обширного жилища господина Дэхая. Ему повезло только на пятый раз. Недаром говорят, что пять — счастливое число! В одной из гардеробных стоял небольшой ларец с изображениями львов по четырем углам. Быстро заглянув внутрь, Тин-Фу увидел, что в ларце хранится маленькая нефритовая рыбка с иероглифами, вырезанными на искусно сделанной чешуе. Точнее, эти знаки напоминали иероглифы, потому что они не складывались ни в какое из известных Тин-Фу слов. Вероятнее всего, это было некое заклинание. Настолько важное, что некий мастер вырезал его на чешуе нефритовой рыбки, а важный вельможа поместил в ларец...

Тин-Фу внимательно осмотрел ларец. Это была очень старая вещь. Бродячий мудрец провел ногтями по стыкам между досочками, а затем поднес ногти к глазам. Да, он увидел то, что ожидал: ногти почернели от земли! Эта вещь долго хранилась, закопанная в землю. И хотя ее тщательно очистили и отмыли прежде, чем поместить в эти роскошные покои, частички почвы сохранились в почти незаметных щелках.

Жаркая волна захлестнула Тин-Фу. Не тот ли это ларец, что хранился закопанным в земляной пол, в убогой хижине его несчастных родителей? Не то ли это сокровище, за котором охотился господин Дэхай?

Он забрал нефритовую рыбку и быстро выскользнул из покоев.

Ему предстояло совершить несколько важных поступков. Следовало собраться с силами и хорошо все продумать, иначе его постигнет неудача, и смерть его будет так ужасна, что, умирая, он позавидует демонам, поедающим собственные внутренности.

Для начала Тин-Фу утащил большой медный кувшин с плотной крышкой. Эта пропажа осталась незамеченной — кухарка почти не пользовалась кувшином, находя его слишком некрасивым и неудобным. В доме господина Дэхая полагали, что пищу следует готовить используя лишь красивые вещи, дабы их изящество передавалось блюдам и превращалось в изысканный вкус.

Затем он выловил несколько пестрых рыбок, украшенных узором, отдаленно напоминающим тот, что имелся у нефритовой рыбки.

И наконец Тин-Фу угнал самого быстрого скакуна из конюшни своего господина. С кувшином, в котором плавали рыбки, с нефритовым талисманом за пазухой, на прекрасном коне, он несся по бескрайним кхитайским степям, плутая и запутывая следы.

За ним была погоня. Сразу десяток слуг господина Дэхая преследовали дерзкого вора. Сам господин Дэхай с обильным кровотечением из носа лежал в глубине своих покоев на прохладных шелковых подушках, а две наложницы курили перед ним порошок черного лотоса, выпуская изо рта узорные дымы, представляющие различных животных.

Тин-Фу недаром был пастухом и обучался у мудреца — он ушел от погони. Один за другим возвращались в столицу сконфуженные слуги. Самые дальновидные предпочли скрыться в лесах, потому что господин Дэхай отправил всех остальных в водную тюрьму.

* * *

Настал день, когда Тин-Фу достиг старого домика из стеблей бамбука. Здесь он некогда жил со своим наставникам и внимал его мудрым поучениям. Завидев издали это хрупкое строение, притулившееся на склоне горы, Тин-Фу внезапно постиг, что отныне эта гора больше не считается безымянной, но носит название горы Размышлений. Это понимание наполнило его радостью, и он погнал вперед коня.

Затем, когда подъем стал слишком крутым, Тин-Фу спешился и повел коня в поводу, а возле порога хижины снял с него седло и узду и, похлопав животное по шее, сказал:

— Беги прочь, прекрасный конь, ибо ты отныне свободен!

И конь, заржав, поспешил воспользоваться своей свободой.

Мудрец находился в хижине. Он слабо дышал, но, завидев вернувшегося ученика, успел ему улыбнуться.

— Нашел ли ты то, что искал? — спросил наставник.

— Да! — воскликнул Тин-Фу.

— Очень хорошо, — сказал наставник и скончался.

2

Варвар в пагоде

— Дружба с кхитайцем может далеко завести, — сказал Конан и огляделся по сторонам.

Со старым своим приятелем Тьянь-По он сидел в саду и угощался. Впрочем, эту пищу иначе, чем кошмарной, киммериец назвать не мог: белый рис почти без соли, какая-то черноватая жижа («соус», как ему пояснили) и сырая рыба, нарезанная ломтиками толщиной с бумагу.

— Коровьей ляжки, конечно, нет? — на всякий случай спросил Конан.

Маленький ученый кхитаец тихонько посмеялся.

— Наша еда тоже сытная, — сказал он. — Надо только привыкнуть.

На загорелом лице варвара отразился неподдельный ужас, и Тьянь-По засмеялся громче.

— Не вижу ничего смешного! — объявил Конан. — Ты — злобная кхитайская обезьяна. Впрочем, я рад тебя видеть, Тьянь-По.

— Я тоже, — отозвался кхитаец, становясь серьезным.

— Сказать по правде, я забрел так далеко по одному важному делу... — начал Конан и остановился, заметив, каким внимательным сделался взгляд его приятеля.

Варвар насторожился:

— Что?

— Ничего, — заверил Тьянь-По. — Ты всегда чем-то занят, Конан.

— Это правда, — он самодовольно хмыкнул и тут же погрустнел. — Деньги исчезают из моих кошелей быстрее, чем если бы их украли. И самое обидное — это я сам их у себя ворую!

— Ты их тратишь, — успокаивающе проговорил Тьянь-По. — На себя.

— На женщин и разные глупости, которые на первый взгляд кажутся вполне достойными моего внимания, — вздохнул Конан едва ли не с раскаянием. — Иногда я скучаю по ним.

— По кому? — не понял кхитаец.

— По деньгам! И тогда снова пускаюсь в приключения. Вот и сейчас... Мне предложили привезти из Кхитая живую птицу Феникс. Обещали хорошо заплатить.

— Кто? — спросил Тьянь-По.

— Солидный человек. И очень богатый. Первый министр при султанапурском дворе.

— Интриги! — Тьянь-По нахмурился. — Все-таки ты варвар.

Конан не на шутку обиделся.

— По-твоему, я не разбираюсь в интригах?

Маленький кхитаец быстро покачал головой.

— Совершенно! Султанапурский министр выражался иносказательно, но ты не догадался, о чем он говорит. Думаешь, он отправил тебя в безобидную экспедицию по ловле забавных и диковинных животных?

— Однажды я поймал диковинное животное! — сообщил Конан. — Называется «ип-туип»! Свистит презабавно, а лопает зерно и фрукты.

— Птица? — не понял кхитаец.

— Нет, пушистый зверек такой... Как-нибудь расскажу. Это была удивительная экспедиция. Попутно я уничтожил чудовище в женском обличии по прозванию Красная Гиена. Но это так, между делом. Главное — ловля пушистого зверька.

— В случае с фениксом ты никакого зверька не найдешь, — предупредил кхитаец. — Султанапурец имел в виду похищение одной из жен Небесного Владыки.

— Что? — Конан поперхнулся и почувствовал, как зернышко риса попало ему в дыхательное горло. Несколько мгновений варвар оглушительно кашлял, затем, весь красный, пробормотал: — Объясни!

— Фениксом в Кхитае называют императрицу, — сказал Тьянь-По, посмеиваясь, по обыкновению, в длинные тонкие усы. — В Султанапуре затевают какую-то сложную игру. Видимо, нечто связанное с продажами шелка и бумаги. В опасную игру затеял играть министр, если подсылает человека похитить важную персону! Пахнет войной...

Конан сердито схватил кувшин и выхлебал почти половину его содержимого. Тьянь-По схватился за голову:

— Это нельзя пить так! Это не вино! Тебе будет дурно!

— Водичка, — фыркнул Конан, и тут у него перед глазами все поплыло, а лоб схватило так, словно какой-то невидимый палач перетянул его веревкой. — Что это? — выдавил он с трудом. Глаза его полезли на лоб, рот непроизвольно раскрылся.

— Рисовая водка, — маленький кхитаец выглядел искренне огорченным. — Я же угощал тебя в прошлый раз, когда ты учил моих учеников раздумьям о человеческом пути!

— Забыл, — прохрипел Конан. — Буду я еще помнить всякие мелкие подробности про эту вашу... рисовую...

Он хватал ртом воздух и тяжело вздыхал. Тьянь-По вскочил с места и засуетился рядом, то просовывая маленькие прохладные ладошки ему под рубаху, то прикладывая пальцы к вискам варвара. Наконец боль отпустила, и Конан перевел дух. Его могучая грудь поднялась и опустилась, как кузнечный мех.

— Уф! — вскричал Конан. — Блаженство! Теперь я понял, для чего вы пьете эту гадость!

— Надеюсь, ты отказался от мысли похищать Феникса? — осторожно осведомился Тьянь-По.

— Проклятый министр еще намекал, мол, только такому великому вору, как я, это под силу... — вспоминал Конан, мрачнея.

— Как вообще вышло, что министр завел с тобой подобные речи? — не переставал удивляться Тьянь-По.

— Ну... Возможно, я находился в тюрьме... В Султанапуре, — нехотя пояснил Конан. — Я только предполагаю это, учти. Это... как там ты учишь своих учеников?

— Неважно, — Тьянь-По быстро махнул рукой.

— Ну вот... Он захотел меня видеть. Я, возможно, утащил нечто... очень ценное. И пропил это. За одну ночь. Министр был поражен моими способностями. Он поил меня *вином*, — Конан особенно подчеркнул последнее слово и глянул на своего приятеля с легкой укоризной, — угощал виноградом и *мясом*, — еще один недовольный взгляд, — а после завел речь о Фениксе...

— Может быть, я не угощаю тебя *вином* и *мясом*, — парировал Тьянь-По, — но и на верную погибель не посылаю. Впрочем, если тебе хочется чем-то занять время, могу предложить тебе кое-что занятное. И как раз связанное со зверюшками, коль скоро ты у нас такой великий охотник на пушистых зверьков.

— О, — сказал Конан и начал ковырять в зубах.

— Да, — продолжал кхитаец. — Правда, это нечто мокрое и скользкое.

— Змея или министр? — уточнил Конан.

— Рыбки, — сказал кхитаец.

Наступила тишина, и собеседники услышали, как где-то в густой листве верещат обезьянки.

— Зачем тебе, Тьянь-По, какие-то рыбки? — спросил наконец Конан, решив, видимо, выяснить, уж не сошел ли с ума его собеседник.

— Я тебе расскажу всю историю, — обещал Тьянь-По, — а ты уж решишь, стоят ли эти существа нашего внимания.

В двух днях пути отсюда есть гора, которую называют горой Размышлений. На ее склоне находится пагода, выстроенная мудрецом и колдуном по имени Тин-Фу. Он очень стар, этот Тин-Фу. Никто не знает, сколько ему зим. О нем рассказывают разные чудеса. Я и сам рассказываю о нем одну притчу. Весьма поучительную. Все мои ученики знают ее. Хочешь услышать?

— Если она имеет отношение к делу, — проворчал Конан.

— Собственно, в ней и заключается наше с тобой дело, — заверил приятеля Тьянь-По. — Слушай.

Жил некогда человек, у которого имелся кровный враг. Человек этот был молод, беден и неизвестен, а враг его был, напротив, богат и знатен и занимал важный пост при дворе Небесного Владыки.

— Давай сразу с именами, чтобы я потом не запутался, — попросил Конан.

— Имена здесь не важны, — заверил его кхитаец. — Не перебивай. Долго думал молодой человек, как отомстить кровному врагу.

— Убить — и нечего думать! — фыркнул варвар. — Вы, кхитайцы, вечно разводите церемонии.

— Убить его было очень непросто, ибо он жил в роскошном доме, окруженный множеством слуг и охраны. Кроме того, как я уже сказал, его хорошо

знали при дворе Небесного Владыки. Поэтому молодой человек поступил иначе. Он похитил у своего врага нечто очень ценное, а затем скрылся.

— Так, так, — Конан заметно оживился, — кажется, мы подходим к сути нашей задачи.

— Именно, — кивнул Тьянь-По. Он уже смирился с тем, что киммериец непрерывно его перебивает. — Это были золотые рыбки.

— Из золота?

— Нет, живые золотые рыбки.

— Я тебе в любой луже этих рыб наловлю хоть ведро, — сказал Конан и насупился. — Ты за дурака меня держишь, Тьянь-По?

— Никогда! — заверил его кхитаец. — Я не настолько глуп, чтобы считать дураком человека с такими кулачищами, как у тебя, любезный Конан!

Конан счел за лучшее промолчать. Кхитаец продолжал:

— Узор на чешуе этих рыбок напоминает некий иероглиф. На самом деле это — заклинание, и тот, кто завладеет такой рыбкой и прочитает заклинание, тот исполнит любое свое желание. По одному на рыбку.

— А она, что ли, от этого дохнет? — опять уточнил Конан.

— Не знаю, — отмахнулся Тьянь-По. — Я еще не пробовал. Итак, наш молодой человек выкрал несколько рыбок и нефритовое изображение, на котором был вырезан заветный значок. Теперь ему предстояло выводить рыбок — до тех пор, пока он не добьется нужного узора на их чешуе. А это занятие, требующее времени. Нужно скрещивать определенные виды рыбок, отбирать самое удачное потомство, опять скрещивать...

Шли зимы. Наш молодой человек старел. Он не оставлял надежды вывести нужную разновидность рыбок и с их помощью отомстить своему врагу. Зиму за зимой он повторял свои опыты. Зиму за зимой терпел неудачу, но не оставлял работы... И вот наконец он узнал, что его кровный враг умер.

«Я потратил почти целую жизнь на то, чтобы услышать эту весть! — воскликнул он, когда ему сообщили об этой смерти. — И вот я добился своего!»

— Не понимаю, — сказал Конан. — Можно получить удовлетворение, отправив в Серые страны своего врага лично, собственными руками перерезав его горло. Но прожить жизнь в ожидании, пока он умрет... Не понимаю!

— Он поступил как настоящий мудрец, — пояснил Тьянь-По. — Настоящий мудрец никогда не будет мстить лично. Нет, он сядет у реки и будет ждать, пока воды пронесут мимо него труп его врага. Так и случилось с нашим бывшим молодым человеком. И когда он осознал это, он осознал также, что сделался мудрецом. Он перестал быть мстителем.

Поэтому он построил пагоду на склоне горы Размышлений. Затем обзавелся стражей, потому что тотчас нашлось немало охотников обокрасть его пагоду.

— А там есть что красть? — хищно поинтересовался Конан и зачерпнул горстью рис. От любопытства у него разыгрался аппетит, и он готов был теперь поглощать даже этот безвкусный, похожий на резаную бумагу рис.

Тьянь-По энергично покивал головой, сделавшись похожим на фарфоровую игрушку.

— О, да! Поверь мне. Тин-Фу...

— Кто это? — перебил Конан.

— Настало время для имен, — объявил Тьянь-По. — Мудреца с горы Размышлений зовут Тин-Фу. Он накопил некоторые богатства, из которых самым великим являются золотые рыбки с иероглифом желаний на чешуе. Они хранятся в пагоде, в большом хрустальном шаре, наполненном водой.

— Их там много? — спросил Конан.

— По слухам, три, но может быть и больше, — сказал кхитаец.

— Ты предлагаешь мне украсть их?

— Разумеется! — Тьянь-По прищурился. — Во-первых, так мы будем уверены в том, что никто не загадает недостойного желания и не вынудит рыбку исполнить его.

— Какие желания ты считаешь недостойными? — осведомился Конан. И добавил поспешно: — Мне просто интересно.

— Человек может пожелать другому смерти. Может захотеть кого-нибудь обокрасть так, чтобы об этом не узнали. Или вызвать землетрясение в соседнем королевстве. Да мало ли скверных мыслей водится у людей! А мы с тобой ничего подобного не пожелаем. Немного достатка, чуть больше соображения и усердия для нерадивых и тупых учеников... Ну, может быть, изящная девушка для досуга... И много-много-много... — Тут глаза Тьянь-По загорелись огнем поистине дьявольским, так что Конан даже насторожился.

— Чего много? — уточнил он, потому что друг его впал в мечтательную полудрему.

— А? Много-много отличной плотной бумаги! — сказал каллиграф. — Я мечтаю об этом уже не первую зиму. Я обожаю хорошую плотную бумагу с прелестной шероховатостью, созданную для того, чтобы впитывать в себя чернила подобно тому, как земля впитывает влагу дождя...

— Ладно, — сказал Конан, оставив свои желания при себе, — я помогу тебе утащить этих рыбешек. Только мне потребуется помощь.

* * *

Одного из доверенных учеников Тьянь-По звали Гун, а другого — Инь-Тай. Оба явились на зов учителя и склонились перед ним в поклоне. Конан с интересом рассматривал своих будущих помощников.

Гун был невысок, толст, но, несмотря на свои жиры, весьма подвижен. У него было круглое лицо с множеством подбородков и маленькие, заплывшие глазки. Он напомнил Конану кхитайского божка счастья, из тех, что продают на улицах торговки амулетами. Инь-Тай представлял полную противополож-

ность своему товарищу: тощий, верткий, как ящерица, с плоским, перебитым носом, который свистел при каждом вдохе.

— Они выглядят так, словно тот парень съедает всю еду у этого, — заметил Конан.

— На самом деле все обстоит ровно наоборот, — засмеялся Тьянь-По. — Толстяк ест очень мало, а тощий лопает за троих.

— Учту, — сказал Конан.

Тьянь-По обратился к своим ученикам:

— Перед вами — великий учитель Конан. Он из Киммерии. Он владеет мудростями различных стран и умеет сочетать несочетаемое. Вам предстоит отправиться с ним на гору Размышлений. Там вы вступите в схватку со стражниками горы Размышлений и победите их в честном бою. Если вам придется для этого применять нечестные приемы, не спрашивайте особого разрешения у учителя Конана. Просто применяйте их! Учитель Конан должен забрать у Тин-Фу хрустальный шар. Если учитель Конан случайно погибнет, хрустальный шар должен забрать один из вас.

Конан метнул на своего приятеля сердитый взгляд. «Случайно погибнет»! Этого только недоставало. Неужели Тьянь-По совершенно в него не верит?

Маленький кхитаец шепнул ему на ухо, словно угадав, какие мысли тревожат киммерийца:

— Это я нарочно сказал. Чтобы они ощущали всю глубину своей ответственности.

Конан нахмурился еще больше, но промолчал. Он давно понял, что его споры с ученым кхитайским каллиграфом чудодейственным образом неизменно заходят в тупик.

— До горы Размышлений — два дня пути, — продолжал Тьянь-По. — Вы отправляетесь пешком. Гун возьмет с собой съестные припасы. Инь-Тай — воду и одеяла. Учитель Конан пойдет налегке. Ему предстоит думать, а это достаточно тяжелый груз для одного человека.

Кхитаец хлопнул в ладоши.

— Отправляйтесь!

Ученики снова поклонились ему и разбежались.

— Ну вот и все, — сказал Тьянь-По, улыбаясь Конану. — Теперь они в полном твоем распоряжении. Надеюсь, ты их не угробишь. Они неплохие ребята и умеют работать в команде. Выполняют приказы, не задумываясь, но потом всегда спрашивают о смысле содеянного. Это правильный взгляд на жизнь, пока человек учится.

— Как все сложно! — сказал Конан.

Они отправлялись в путь пешком. Все трое неплохо бегали, так что долгая дорога никого не смущала. Гора Размышлений все время была видна впереди, погруженная в дымку бледно-фиолетового тумана. К вечеру первого дня солнце коснулось ее багровыми лучами, на миг облив всю удивительным розовым светом, а затем зашло за вершину. Туман стал гуще, трава под ногами по-

крылась влагой. Равнина, расстилавшаяся перед путниками, как будто отдыхала после долгого дня.

— Учитель Конан, — заговорил Гун, — сейчас время для вечерней медитации и сна.

— Для ужина, — добавил Инь-Тай. — Учитель Тьянь-По всегда созывал нас на ужин, когда солнце притрагивалось лучами к вершине горы Размышлений.

— Не будем нарушать того, что заведено учителем Тьянь-По, — согласился Конан, который и сам был не прочь передохнуть и закусить.

Насчет своих учеников Тьянь-По оказался совершенно прав: они действительно слаженно работали в команде. Пока один расстилал одеяла, другой сноровисто готовил ужин: расставлял крохотные плоские глиняные тарелки, раскладывал по ним хлебцы, соленую рыбку и какую-то зелень, выловленную из моря и вымоченную в уксусе. Конан поглядывал на эту трапезу с большим сомнением, а Инь-Тай просто истекал слюной. Мудрость Тьянь-По проявилась также в том, что все съестные припасы он доверил Гуну. Поглядывая на Инь-Тая, Конан начал не на шутку опасаться: как бы прожорливый ученик не отгрыз у него во сне ляжку. Киммериец впервые в жизни видел человека, который постоянно испытывает голод.

Наконец трапеза, превратившаяся для Конана в настоящее испытание, была позади. Все зеленые водоросли съедены, тарелки облизаны и вытерты пучком травы, хлебцы поглощены до последней крошки. Путники расстелили одеяла.

— Учитель Конан, — сквозь сон услышал киммериец, — разве вы не будете медитировать?

— Настоящий учитель всегда медитирует, — ответил Конан, почти не просыпаясь. — Даже во сне.

И громко захрапел.

* * *

Пагода на склоне выглядела удивительно красивой. И деревья рядом с ней росли так, словно нарочно желали подчеркнуть ее изумительную архитектуру с изогнутыми крышами, колокольчиками, резьбой, драконами-водостоками и фениксом на крыше. Притаившись в зарослях, Конан со своими помощниками наблюдал за пагодой.

По мнению обоих учеников, следить было не за чем: возле пагоды ничего не происходило. Деревья мирно шелестели листвой, птицы изредка перелетали с ветки на ветку. Было очень тихо. Позванивали на ветру колокольчики, но скоро и ветер улегся.

Так продолжалось довольно долго. Ученики начали уставать от бездействия и скучать, однако нарушить приказ учителя не решались. А Конан с истинно варварским терпением продолжал таиться и смотреть.

Наконец его усилия были вознаграждены: на ступенях показались два человека, одетые в длинные халаты ярко-синего цвета. Вышивка желтым шел-

ком на спине изображала рыбку с длинным пышным хвостом. Они остановились, обменялись двумя-тремя короткими фразами, затем один, усмехнувшись, куда-то ушел, а второй остался и обвел взглядом окрестности пагоды. У него был такой вид, словно эта гора и все, что находится на ее склоне, принадлежат лично ему.

— Двое, — пробормотал Конан. — Но их, возможно, больше...

— И нас двое, — быстро шепнул Инь-Тай. — Мы одолеем их, учитель!

— Если их двое, — повторил Конан, — а не больше... Я не хотел бы здесь никого убивать. Это означало бы нарушить красоту.

И сам удивился собственным словам. «Все это — влияние Тьянь-По, — подумал варвар сердито. — Я начинаю выражаться как он. Если я проведу в этой стране хотя бы несколько лун, то начну думать как кхитаец. А еще через зиму у меня сделаются раскосые глаза, и я уменьшусь в росте. Буду сухонький и жилистый... Ужас!»

— Учитель Тьянь-По сказал, что хрустальный шар находится где-то наверху пагоды, — напомнил Гун.

— Ты очень шумишь, — сказал ему Конан одними губами. — Ты большой.

— Вы больше, учитель Конан, — напомнил Гун.

— Учитель Конан больше ученика Гуна не только телом, но и духом, — заявил Конан. — Поэтому он умеет ждать и оставаться неподвижным.

В этот момент стражник, стоявший на ступеньках пагоды, перестал зевать и насторожился.

— Кто здесь? — проговорил он, вытягивая шею и глядя точнехонько в ту сторону, где за кустом прятались шпионы Тьянь-По.

Конан скроил угрожающую гримасу, которую его спутники совершенно верно истолковали как знак молчать и никак не комментировать случившееся.

Затем, по знаку Конана, оба ученика выскочили вперед и принялись за стражника. Первым же ударом Гуна он был опрокинут и покатился по ступенькам прямо под ноги к Инь-Таю. Быстрый и тощий, Инь-Тай подпрыгнул и приземлился обеими босыми пятками на поверженного врага. Он метил ему в голову, чтобы тот потерял сознание и не смог причинить неприятностей непрошеным гостям, однако промахнулся и угодил в бок. Босая ступня Инь-Тая налетела на выпирающую бедренную кость. Тонкий шелк халата отнюдь не смягчил удара. Оба противника одинаково взвыли от боли и сплелись в объятии. Стражник норовил придушить Инь-Тая, а тот, в свою очередь, старался угодить острым локтем тому под дых или в горло. Ни один не преуспел в своем намерении. Подумав, Конан неспешно вышел из своего укрытия и оглушил стражника аккуратным ударом кулака в висок.

Инь-Тай выбрался из-под своего соперника, поднялся на ноги и принялся кланяться Конану:

— Благодарю, учитель Конан. Это было своевременно, а ведь сказано у древних мудрецов: «Своевременная помощь — драгоценность, в то время как опоздавшая — прокисшее молоко и тухлое мясо...»

— Еще у этих мудрецов сказано: «Поторопись, не то схлопочешь от того, кто только что спас твою никчемную жизнь!» — проворчал Конан. — Вперед! Нам нужно забраться на самый верх пагоды и вытащить оттуда хрустальный шар. Надеюсь, ты догадываешься, как это сделать.

Оба побежали вперед. Гун уже скрылся за резными деревянными колоннами пагоды, выкрашенными в темно-красный и золотой цвета.

Все трое оказались в маленьком помещении, со всех сторон открытом свежему воздуху. Колонны поддерживали низкий потолок. Балки в виде драконов, сплетенных хвостами, с позолоченными мордами и красными извивающимися усами, скрещивались над головами вошедших. У каждой из шестнадцати колонн на невысоких столиках стояли кувшины и пузатые круглые сосуды с какими-то веществами. Конан решил, что нет времени выяснять это. Если обитатель пагоды — настоящий колдун, то лучше не прикасаться к его имуществу.

В этот миг Инь-Тай споткнулся и рухнул на пол. Стараясь удержать равновесие, он взмахнул руками и задел кончиками пальцев один из столиков. В последнем усилии не повалиться, он уцепился за край столика.

Это оказалось роковой ошибкой. Столик покачнулся, и кувшин, стоявший на нем, опрокинулся. С оглушительным грохотом кувшин разлетелся на кусочки. Только тут Конан понял, что материал, из которого был сделан этот сосуд, — не глина, а камень. Алебастр или нефрит. Очень тонкая работа. Была.

Теперь весь пол оказался усеян острыми осколками, и, что еще хуже, залит содержимым кувшина. А содержал в себе кувшин, убитый неловким учеником, ничто иное, как масло.

Не успел Конан крикнуть: «Берегись!» и поделиться со своими спутниками последним открытием, как массивный Гун медленно разинул рот и протяжно, басовито заорал:

— А-а-а!..

Его толстые ноги поехали по маслу, расползаясь в стороны, и спустя миг Гун грянулся об пол. Инь-Тай попытался встать и снова упал.

Привлеченные шумом, сюда уже бежали стражники. Их оказалось не двое, а гораздо больше. Как и предполагал Конан. Впрочем, киммериец полагался на свою силу и длинный двуручный меч. Как ни гордятся кхитайцы своей борьбой, против меча им не устоять. Что бы там они ни говорили о чудо-бойцах, способных порвать мечника голыми руками, — киммериец отказывался верить в подобную нелепость.

Зарычав, как дикий зверь, Конан выдернул из ножен меч и ринулся в атаку.

И... неведомая сила притянула его к земле!

Конан обнаружил себя барахтающимся на полу среди учеников. Впрочем, и стражникам пришлось нелегко. Каждый раз, когда они пытались атаковать, их ноги отказывались слушаться и вели их совершенно не в ту сторону.

Повалилась небольшая каменная статуя, изображавшая божество неба, флегматичного голого толстяка, восседавшего на облаке и созерцавшего жиро-

вые складки на собственном животе. Голова божества откатилась в сторону и больно ударила Гуна под колено. Тот завопил, махнул кулаком, чтобы отразить атаку скользящего к нему стражника, но промахнулся мимо цели. Стражник проплыл дальше, не в силах удержаться на месте, и врезался в стену. Обрушился еще один сосуд. Новая порция масла щедро выплеснулась на пол.

Конан понял, что настала пора скрываться с места происшествия. Что бы там ни случилось дальше, незачем киммерийскому воину барахтаться в луже масла вместе с кучей вопящих кхитайцев.

Он осторожно поднялся на четвереньки и пополз к выходу.

— Учитель Конан! — возопил Гун. — Куда вы?

— Учитель удаляется для осмысления действия, — ответил Конан. — Ученик продолжает действовать. Истинная мудрость — в созерцании.

«Что я несу! — в ужасе подумал он. — Они поймут, что я удираю!»

Однако ученики приняли это объяснение без рассуждений и продолжили свою бесславную битву. Что касается Конана, то он поступил согласно старой воинской мудрости: отошел с поля проигранной битвы, чтобы обдумать, как быть с результатами неминуемого поражения и прийти на помощь тем, кого еще можно спасти.

Иными словами, киммериец спасся бегством и засел в чаще леса, покрывавшего склоны горы Размышлений, некогда дикой и лохматой.

* * *

Стайка разноцветных птиц заполнила воздух. Затем показался человек. Он шагал, окруженный птицами, и был похож на какое-то сказочное существо. Это был старик с длинной белой бородой и белоснежными волосами, заплетенными в косу. Просторный халат до пят, расшитый изображениями цветов и птиц, облекал его худое, но крепкое тело. Коричневое узкое лицо казалось почти черным в обрамлении сплошной белизны волос и пестроты светлой одежды. В руках старик держал только что срезанные живые цветы. Цветы были прикреплены к его плечам, локтям, они украшали его прическу и висели за ушами. Крохотные птички, щебеча, зависали над этими цветами, садились человеку на руки, осторожно касались клювиками его ушей и щек.

Завидев его, стражники прекратили барахтаться на масляном полу и застыли в почтительных позах. Точнее — в тех позах, какие им удалось принять при сложившихся обстоятельствах. Каждый из них в душе надеялся, что учитель вникнет в обстоятельства и не станет наказывать их слишком сурово.

Инь-Тай и Гун последовали примеру своих недавних противников. Они замерли и прижались лбами к доскам. Тин-Фу приблизился и несколько мгновений задумчиво созерцал открывшуюся ему картину. Видимо, он находил ее достаточно забавной, потому что несколько раз улыбка появлялась на его лице. Затем он широко развел руками. Птицы взлетели в воздух, оглашая беседку шумным чириканьем.

— Так, — выговорил Тин-Фу, — кто решится объяснить мне, что здесь происходит?

Один из стражников приподнялся и заговорил:

— Господин учитель, эти двое решились войти в пагоду Размышлений, дабы украсть отсюда масло...

— Масло? — удивился Тин-Фу. — Для чего каким-то бродягам красть у меня масло?

— Должно быть, — вмешался другой, — они прослышали о том, что учитель хранит здесь в алебастровых сосудах благоуханное и душистое масло.

— Никто не ответил на мой вопрос, — повторил Тин-Фу, — для чего бродягам масло?

— Они проникли сюда, — сделал попытку третий стражник, — и разлили масло. Мы пытались задержать их, но сражение затянулось...

— В любом случае, они в наших руках, — заключил первый стражник. — И учитель может делать с ними все, что пожелает.

— С ними был еще третий, — добавил второй стражник. — Рослый, черноволосый тип. Гора мышц. Настоящая горная горилла!

— Горилла... — Тин-Фу ненадолго задумался. По его лицу медленно блуждала улыбка. Это была улыбка мудреца и созерцателя, который уже успел увидеть, как по реке мимо него проплывает труп его кровного врага.

Наконец некая мысль осенила Тин-Фу. Он хлопнул в ладоши.

— Немедленно поднимитесь и приведите беседку в порядок! Я не желаю видеть здесь все эти осколки! Пленников связать и оставить здесь, на моих глазах!

Это повеление было исполнено. Оба незадачливых ученика Тьянь-По были скручены веревками и брошены на землю, к ногам Тин-Фу. Мудрец разглядывал их некоторое время, затем спросил:

— Кто вы?

— Мы не ответим тебе, великий учитель Тин-Фу! — выпалил Гун. — Потому что наш учитель, тоже великий человек, запрещает нам рассказывать о...

— Мы будем молчать! — добавил Инь-Тай.

— Кто был тот третий, которого видели с вами? — спросил Тин-Фу. И добавил угрожающе: — Учтите, если вы будете продолжать дерзить или упорствовать в своем молчании, я прикажу пытать вас! Я срежу с ваших ушей тонкие полоски кожи! Затем я надрежу ваши пятки и натру их солью! Я настрогаю тонким ножом ваши спины и бедра и оставлю вас лежать под палящим солнцем!

Пленники обменялись быстрыми взглядами. Наконец Инь-Тай сказал:

— Наш учитель ничего не говорил нам о том, что мы должны молчать насчет нашего спутника. Его зовут учитель Конан. Он обладает нечеловеческой мощью. Он сильнее горной гориллы, если вас это интересует. И он наделен чрезвычайной мудростью.

— Никогда не было учителя более образованного, — добавил Гун. — Если, конечно, не считать нашего первого и главного учителя. И вас, господин, — заключил он после короткой паузы. На всякий случай.

К его удивлению, великий учитель Тин-Фу самодовольно улыбнулся, из чего Гун сделал совершенно правильный вывод: Тин-Фу до сих пор подвержен некоторым слабостям, вроде тщеславия, и, следовательно, не достиг надлежащего просветления. Это давало определенную надежду пленникам. С человеком, достигшим просветления, трудно иметь дело. У него нет слабостей, которыми можно было бы воспользоваться.

Плохо одно: у пленников совершенно не было времени. И пока они раздумывали над тем, как им выбраться из своего затруднительного положения, не нарушив при этом ни одного из запретов учителя Тьянь-По, колдун и мудрец Тин-Фу успел принять собственное решение.

— Коль скоро вы оказались в моей власти, захваченные на месте преступления, во время вторжения в мой дом, — объявил он, — я воспользуюсь моим правом сильного.

И удалился, оставив обоих пленников недоумевать — какую же участь он им уготовил.

* * *

Конан ворвался в домик Тьянь-По, расположенный на окраине города Пу-И, в тенистом саду. Варвар был верхом на совершенно замученной косматой лошадке. Эти животные, хоть и славные своей выносливостью, совершенно не приспособлены к тому, чтобы возить на себе тяжелых киммерийских варваров. Да еще на большие расстояния. Да еще с такой скоростью. Конан проделал весь путь верхом на угнанной лошади меньше чем за день. Он ехал всю ночь и на рассвете уже потревожил мирный сон своего давнего приятеля-мудреца.

— Сперва лошадь, — проворчал Конан, — она оказалась надежнее и вернее иных людей. Так что для начала я займусь ею.

Лошадку поводили по саду, дав ей успокоить дыхание. Тьянь-По взялся сам чистить ее, называя при том «Верным Облаком» и «Прекрасной из Преданных». Лошадка дергала ушами и косила глазами. По всему было видно, что прозвища ей нравятся.

— Вы, кхитайцы, всегда держитесь так, словно у вас впереди вечность, — сказал Конан. — Ты так и не спросишь, почему я вернулся один?

— Зачем спрашивать о том, что рвется у собеседника с языка? — осведомился Тьянь-По. — Я вижу, ты готов рассказать мне сам, без всяких вопросов.

Конан махнул рукой.

— Оба этих болвана попались колдуну. Теперь он, вероятно, поджаривает их на вертеле. Меня видели его стражники, но я успел удрать.

— Интересно, — сказал Тьянь-По. — Ты не вступил с ним в схватку?

Конан поморщился.

— Мне пришлось бы убить с десяток человек. Кровь и трупы нарушили бы неповторимую гармонию пагоды на горе Размышлений.

Тьянь-По засмеялся.

— Я знаю, что гармония не имеет для тебя никакого значения, Конан! Передо мной можешь не притворяться «великим учителем».

— Ну да, — проворчал Конан, ничуть не смутившись, — я не хотел там никого убивать. Я ненавижу колдунов, ты это знаешь, но этот Тин-Фу не производит впечатления настоящего колдуна. Просто старик, который много знает. Я встречал таких. Вы, умеющие рисовать замысловатые каракули на бумаге, полагаете, будто варвару только того и надобно — размахнуться пошире да срубить кому-нибудь голову...

Тьянь-По отвел глаза. Он не хотел говорить своему другу, что тот, в принципе, угадал.

А Конан продолжал:

— Украсть золотых рыбок, умеющих исполнять желания, — дело по мне. А резать дураков, поскользнувшихся на разлитом масле, — нет уж, уволь. Я не мясник. Это ты обратился не по адресу.

— На масле? — не понял Тьянь-По.

Конан досадливо поморщился.

— Твои доблестные ученики уронили и разбили сосуд с маслом. Все растеклось по полу. Любоваться на битву дураков с дураками, скользящих по маслу, — истинное удовольствие для человека с крепкой душой. Я едва не лопнул со смеху.

— А где ты сам-то находился? — чуть прищурил и без того узкие глаза Тьянь-По.

Конан ничуть не смутился. Недаром он был вором со стажем.

— Поблизости. Я руководил битвой. В результате... мы проиграли. — Он вздохнул. — Я едва унес ноги. Твои ученики в руках старика. Я не оставил бы их там, если бы не был уверен в том, что им не грозит опасность.

Тьянь-По приподнялся. Костяными щипчиками взял с подносика засушенную розочку, осторожно положил ее в чай. Напиток сразу стал испускать новый, тонкий аромат. Конан раздул ноздри, как будто запах неприятно тревожил его.

— Ты уверен, что им не грозит опасность? — переспросил Тьянь-По и отхлебнул чая.

— Да. Я посмотрел на этого Тин-Фу, — сказал Конан. — Цветочки, птички, борода белая... Больше похоже на сказку, чем на страшную историю с убийствами. Он любит загадки, искусство... каллиграфию...

— Каллиграф каллиграфу глаз не выколет, — сказал Тьянь-По задумчиво. — Хотя... как знать! Что ты предлагаешь делать дальше, Конан?

— Попробую подобраться к нашему мудрецу с воздуха, — сказал Конан. — Пока я уносил ноги, у меня в голове появилось несколько свежих мыслей.

— Должно быть, ветром надуло, — сказал Тьянь-По.

В этот момент в сад вбежал человек. Он был весь покрыт потом, халат на его спине потемнел, по лбу катились крупные капли.

— Кто ты? — спросил Тьянь-По, приподнимаясь на подушках.

Конан тревожно коснулся рукояти меча. Хоть они и сидели в саду, окруженные карликовыми деревьями, цветами, крошечными прудами и красиво выложенными камнями, в мире тишины, созерцания и безопасности, с мечом варвар не расставался. Тьянь-По давно привык к этой особенности своего приятеля, и его она не смущала.

Человек, загнанно дыша, уставился на Тьянь-По.

— Я — один из учеников великого учителя Тин-Фу, — объявил он. — Мой господин отправил меня сюда, к учителю Тьянь-По, дабы передать ему послание.

— Ты, должно быть, долго бежал, — сказал Тьянь-По.

— Я был верхом на лошади, но она пала незадолго до рассвета, когда город был уже виден, — признался ученик.

— Ты — скверный ученик, если допустил, чтобы твоя лошадь пала! — сказал Тьянь-По. — Я не желаю разговаривать с подобным ничтожеством!

Человек поклонился и ответил:

— Учителю Тьянь-По и не потребуется разговаривать со мной, ибо я привез письмо от моего учителя.

С этими словами он подал Тьянь-По бумагу.

Тьянь-По развернул послание и прочитал вслух:

— «Твои ученики — настоящие обезьяны!»

Несколько мгновений он размышлял над прочитанным, а затем отправился в дом и вынес оттуда в сад набор письменных принадлежностей. Расположившись удобнее, он вывел на листке бумаги своим изящным почерком каллиграфа:

«Любая мартышка ближе к состоянию просветления, чем жадный глупец».

Он вручил послание ученику и выпроводил его вон.

Когда тот скрылся из сада, Тьянь-По перевел взгляд на Конана.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил Тьянь-По.

— Ты ведь прочитал письмо и написал остроумный ответ, — молвил Конан. — Разве ты не понял, о чем написал тебе Тин-Фу?

— Нет, — признался Тьянь-По. — Я ответил ему наугад. А у тебя есть предположения?

Конан медленно покачал головой.

— Никаких, — сказал он. — Разве что одно: Тин-Фу совершенно прав. Твои ученики — сущие обезьяны. Хотя и презабавные ребята. Мне было с ними интересно.

* * *

Ни у Тьянь-По, ни у Конана не возникло даже мысли о том, что смысл послания Тин-Фу следует понимать буквально. А между тем это было именно так.

Инь-Тай недолго оставался в неведении относительно своей будущей судьбы. Неожиданно он почувствовал, что веревки, стягивающие его руки, ослабли. Он пошевелился, и это ему удалось. Что за чудеса! Никто не приближался к пленникам, никто не освобождал их от пут. Неужели колдун опоил их каким-то зельем или одурманил чарами и, пока оба находились в забытьи, решил их освободить?

Странно.

Инь-Тай шевельнул руками, и веревки упали. Он хотел было окликнуть своего товарища, но язык не повиновался ему. А совсем рядом послышался радостный крик обезьянки. Инь-Тай повернулся. Гуна поблизости не было.

На том месте, где совсем недавно корчился связанный Гун, сидела на корточках толстая лохматая мартышка и увлеченно гримасничала.

Инь-Тай протянул руку, чтобы коснуться ее. С ужасом он увидел, что его рука покрыта густой рыжей шерстью. Вторая мартышка мрачно закивала головой и обхватила себя длинными руками. Затем медленно двинулась вперед, приволакивая ноги. Ее хвост поднялся в воздух и несколько раз качнулся из стороны в сторону.

На деревьях при виде новых двух мартышек громко завопили другие обезьянки. На головы чужаков посыпались орехи, листья, палки.

Инь-Тай крикнул. Он хотел сказать своему товарищу: «Давай вздуем этих нахалов!», но человеческих слов у него не нашлось. Вытянутые губы исторгли странные пронзительные крики. Тем не менее Гун понял его и осклабился, показывая желтоватые клыки.

Миг — и обе новых мартышки взлетели на деревья. Может быть, ученики Тьянь-По и сделались обезьянами (как любезно сообщил их учителю Тин-Фу), но своих боевых навыков они не утратили. И это очень обрадовало Гуна и Инь-Тая.

С громким боевым кличем они ринулись в битву. Жертвой их первой атаки стал крупный самец с черноватой шерстью и нахальной мордой. Новички безошибочно узнали в нем лидера и решили сокрушить его. Другие обезьяны пытались поначалу защищать лидирующего самца, однако против бешеного вихря рук и ног (новообретенная одинаковая ловкость верхних и нижних конечностей восхищала Гуна и Инь-Тая) устоять не смогла ни одна обезьяна. И вскоре они начали отступать.

Лидирующему самцу приходилось теперь плохо. Его лупили и дубасили с обеих сторон. Он верещал, озирался по сторонам, а затем обхватил голову обеими длинными руками и заплакал, прося пощады.

Гун остановился первым. Инь-Тай еще раз наподдал противнику, но затем перестал бить и он. Самец с глубоким вздохом убрал с морды одну руку. На приятелей уставился круглый желтоватый глаз, в котором дрожала слеза.

Инь-Тай почувствовал сострадание к этому несчастному существу, которое совсем недавно было чем-то вроде императора в стае злонравных мартышек. Он решил выказать свою симпатию к поверженному лидеру. Будь они

оба людьми, Инь-Тай предложил бы ему чаю или рисовой водки, а потом отправился бы с ним в квартал Красных Фонарей. Но в стае обезьян он принял другое решение. И повел себя с исключительной любезностью: обнаружил за ухом у самца крупную вошь, снял ее и раздавил черными ногтями.

Самец убрал от морды и вторую руку, а затем осторожно перелез на соседнюю ветку.

Самки-мартышки, вереща, окружили новых лидеров стаи. Инь-Тай обнаружил себя окруженным лохматыми и хвостатыми прелестницами, каждая из которых норовила обыскать его шерсть или потереться мордой о его плечо. Гун пользовался не меньшим вниманием.

Друзья осознали, что им происходящее очень нравится. Живя в мире людей, они никогда не пользовались таким беспредельным уважением, такой искренней и пылкой любовью!

3

Взмах крыльев

Конану несколько зим назад довелось встретить странных существ, которые не являлись людьми в полном смысле этого слова. Обычно для чудовищ подобные встречи с киммерийцем заканчивались плачевно — Конан обладал здоровым чувством прекрасного и не находил удовольствия в созерцании оскаленной клыкастой пасти или развернутых на полгоризонта кожистых черных крыл. Не любил он когтистых лап, норовящих выпустить кишки всему, что движется и не деревянное.

Однако эти существа были иными. Они появились на свет от заколдованной матери. Несчастная девушка, полюбившая колдуна настолько, что полностью предалась в его власть, постепенно превращалась в птицу, а трое ее отпрысков родились крылатыми карликами. Утратившая рассудок их мать умерла, а карлики-крыланы некоторое время собирали сокровища, желая отыскать своего отца и заставить его расколдовать их, превратив в обыкновенных людей.

Встреча с Конаном полностью перевернула жизнь крыланов. Сокровища, украденные карликами, обрели... как бы это поделикатнее выразиться? — нового хозяина. Впрочем, крыланов киммериец тоже не обидел. Чего нельзя сказать об их отце — злой колдун был уничтожен. Братья-крыланы расстались с надеждой превратиться в обыкновенных людей. Следуя совету Конана, они перебрались в Кхитай, страну, где полным-полно странностей. Так охарактеризовал родину своего друга Тьянь-По киммериец.

Действительно, в Кхитае никто не смотрел косо на трех низкорослых братьев-горбунов, которые купили небольшой чайный домик на окраине города Пу-И и открыли свое маленькое дело. Постепенно все трое женились и даже завели детей. Крылатой родилась только одна девочка; впрочем, она оказалась

прехорошенькой и очень послушной, так что ее отец был вполне ею доволен. Прочие дети выглядели совершенно обыкновенными.

Когда на пороге очаровательного чайного домика появился чужестранец, первой его заметила именно крылатая девочка по имени Фэй. Она сидела на ветке дерева и таращилась на улицу, когда перед ней внезапно вырос гигант с мечом за плечами. Синие глаза гиганта были как раз вровень с глазами девочки. Фэй никогда не видела таких светлых и ярких глаз. Она тихонько вскрикнула, взмахнула крыльями и взлетела. Гигант рассмеялся.

— Вижу, я пришел куда следует, — крикнул он в спину улетающей девочке. — Передай своему отцу, что здесь Конан-киммериец! Я хотел бы поговорить с ним! И с твоими дядьями — тоже!

Фэй уже скрылась в саду. Некоторое время ничего не происходило. Конан, посмеиваясь, разгуливал по дорожкам и разглядывал многочисленные крохотные мостики, перекинутые через тонкие, как ниточка, ручейки, пруды, где резвились зеркальные карпики, каждый размером с монетку, выложенные камнями клумбочки с пахучими белыми цветами, малюсенькие искривленные деревца. По кхитайским меркам, дом был богатый и изящный, Конан мог судить об этом по ухоженному саду.

Вскоре навстречу к нему поспешили крыланы. Они окружили его и захлопотали, как это делают все кхитайцы. Киммериец еще раз подумал о том, что кхитайские манеры весьма заразны и прилипчивы, и дал себе слово поскорее покинуть эту страну, покуда он и сам не превратился в хлопочущего, суетящегося кхитайца.

— Это же Конан! — радовались крыланы. — Он решил навестить нас! Нам очень приятно видеть тебя! Ты еще не видел наших жен! У нас прекрасные дети! У нас прекрасный чайный дом! У нас проводят время прекрасные люди! Они нам прекрасно платят!

— Я понял, понял, — отбивался варвар. — Чайный дом и все прекрасно.

Он сел прямо на землю и расхохотался до слез. Крыланы глядели на него немного озадаченно.

— Вы больше не хотите расстаться со своими крыльями? — спросил киммериец. Он знал, что полагается сперва поговорить о погоде, затем — о новостях при дворе Небесного Владыки, затем — о достоинствах женщин, затем — о достоинствах чая... и только после этого, может быть, гость сочтет возможным перейти к цели своего визита. Однако Конан спешил.

Крыланы растерялись. Потом один из них неуверенно выговорил:

— При дворе Небесного Владыки почти нет перемен... Все по-старому, только у первого министра благорастворения воздухов опять болит поясница...

Все облегченно закивали головами. Маленькая Фэй пронеслась над взрослыми, громко чирикая на лету. Видимо, она пела.

Конан прищурился.

— У вас все детки с крыльями?

— Только дочка, — сказал отец Фэй не без гордости. — Ее наверняка бра-

тья подослали — посмотреть, что происходит в саду. Сами-то прийти боятся. За любопытство их наказывают.

Конан вздохнул.

— Если вы не хотите расстаться с крыльями, то, может быть, у вас есть какие-нибудь другие заветные желания?

Опять сгустилась неловкая пауза. После этого еще один крылан произнес:

— Облака в форме совокупляющихся драконов сулят дождь, однако засуха в этом году может затянуться...

— А кто видел облака в форме совокупляющихся драконов? — оживился его брат, вдохновленный перспективой перевести беседу в приличное русло.

— Пришло сообщение с границы, — сказал крылан. — Доставила красивая женщина, которая прискакала на Небесном Коне.

— А, — молвил крылан.

И снова все замолчали.

— Колдун и мудрец Тин-Фу с горы Размышлений захватил в плен учеников моего старого друга Тьянь-По, — сказал Конан. — Не знаю уж, что он с ними сделал. Конечно, мы и сами виноваты. Я и эти ребята. Ученики. Нельзя было соваться в пагоду без предварительной подготовки... Но кто знал, что у Тин-Фу хранится в кувшинах не что-нибудь, а масло?

— Этого никто не мог знать, — согласились крыланы, совершенно не представляя себе, о чем идет речь.

Конан пригладил растрепанные черные волосы.

— Я бы хотел обсудить с вами достоинства того прекрасного чая, которым вы потчуете своих прекрасных гостей, — объявил он. — Надеюсь, я веду себя достаточно по-кхитайски?

— Вполне, — неуверенно отозвались крыланы.

Обступив своего рослого гостя, они потащили его в глубину сада, где находился очаровательный чайный домик, выстроенный из дерева и разрисованный цветами розового лотоса и резвящимися рыбками.

Конан покорился неизбежному. Его устроили на плоских жестких подушках, подали в плоской чашечке нечто бесцветное, со странным привкусом, больше всего напомнившим Конану лежалую солому, и уставились на варвара в ожидании восторгов. Конан выразил полное удовлетворение. Ему нужна была помощь крыланов. И коль скоро трое братьев решили изображать из себя законченных кхитайцев, Конану придется играть в их игры и участвовать в их церемониях. Он рассказал, потягивая чай, что недавно побывал на западе, где видел Дерево-Мать. Это дерево растет совершенно одиноко посреди голой пустыни. Каждое утро на рассвете на его ветвях появляются пищащие младенцы, а когда солнце клонится к закату, младенцы обрываются с веток и убегают под землю. И там они становятся подземными карликами.

В ответ крыланы рассказали об одном полководце с востока, у которого был целый ящик бумажных солдатиков. Когда этот полководец видел перед собой неприятеля, он попросту ставил ящик на землю и дул на него. Бумаж-

ные солдатики превращались в настоящих и бесстрашно шли в атаку. А после окончания битвы полководец обходил поле сражения и дул на всех своих солдат, которые становились опять бумажными. Поэтому он не проиграл ни одной битвы.

— Кстати, о битвах, — сказал Конан, решив, что потратил достаточно времени на обмен вежливостями. — Тут у вас в Кхитае обитает замечательный колдун Тин-Фу, так вот, он вывел удивительных золотых рыбок...

Крыланы внимательно выслушали всю повесть: об иероглифе желаний на чешуе рыбок, о позорном поражении Конана с двумя товарищами во время попытки обокрасть колдуна, об опасности существования таких рыбок...

— Ты прав, — сказал Конану один из братьев. — Мало ли что придет в голову какому-нибудь злонамеренному человеку, который может по случайности завладеть такими рыбками!

— Да и нам не помешало бы исполнить несколько наших желаний, — добавил второй. — Лично я хотел бы обновить стену вокруг нашего садика и украсить ее изнутри изразцами. А это дорого стоит, трудоемко и займет много времени. То ли дело — рыбки!

— Наверное, у нашего киммерийского друга тоже найдется пара-тройка заветных мыслей, — проговорил третий. — И я уверен, что все эти мысли достойны великодушного человека!

Среди мыслей Конана по крайней мере одна не являлась таковой. Она была, напротив того, крайне невеликодушной, поскольку касалась султанапурского министра со всеми его интригами, заговорами и далеко идущими планами. Но киммериец не стал посвящать своих маленьких крылатых друзей в эти соображения. Он хлопнул себя по коленям.

— Итак, вы согласны заняться этим делом?

— Мы поможем тебе, Конан.

— В таком случае, я подожду вас здесь, — объявил Конан. — Собирайтесь. Нам предстоит довольно долгая дорога.

И Конан растянулся на полу чайного домика. Братья разбежались по саду, каждый к своему павильону, который он делил с супругой и детьми. Конан прикрыл глаза. Он очень устал. Некоторое время вокруг царила тишина. Негромкие голоса и быстренький топоток женских ножек, обутых в смешные деревянные туфельки, похожие на скамеечки, не нарушали общего покоя, охватившего этот садик.

Затем Конан ощутил на себе чей-то взгляд и открыл глаза. Прямо перед ним в воздухе висела крылатая девочка Фэй. Она бесцеремонно рассматривала киммерийца, поэтому он счел возможным столь же прямо и нахально уставиться на нее.

Да, Фэй, несомненно, была очаровательной. Вероятно, подумал Конан, она унаследовала многое из внешности своей бабушки, несчастной матери троих крыланов. Ведь та была чрезвычайно красива — до того, как колдун своими злыми чарами изменил ее естество. Кхитайская кровь придала ей почти фар-

форовую хрупкость. У девочки было белое лицо с нежным румянцем, раскосые глаза — как будто нарисованные кистью каллиграфа, пухлые губы. Тонкие шелковые черные волосы отливали синевой. Она убирала их в хвост, но прическа выглядела небрежной. Впрочем, Конан догадывался о том, что эта небрежность была нарочитой и являлась результатом долгих посиделок перед зеркалом. Кхитайские женщины тщательно вытягивают из прически пряди, дабы подчеркнуть свое настроение: прядь на левом виске означает, кажется, грусть, на правом — веселье, а с обеих сторон... э... Конан всерьез задумался над этой проблемой.

— Что означают выпущенные пряди с обеих сторон? — неожиданно спросил он вслух.

— Желание участвовать в приключении! — выпалила Фэй.

— Ты шустрая малышка, — одобрительно проговорил Конан. — Что думает об этом твой отец?

— О том, что я шустрая? — уточнила Фэй. — Или о том, что я хочу участвовать в приключении?

— Первое, — сказал Конан.

— Ну... — Она задумалась. — Он говорит: «Разрази меня гром, если бы я был девочкой, я сидел бы дома!»

— Стало быть, одобряет, — сделал вывод Конан. — Возможно, мне удастся замолвить за тебя словечко.

— И меня возьмут с собой? — Она подпрыгнула в воздухе. — И мне не придется следовать за вами тайно?

— А ты собиралась сделать это?

— Ну конечно! — Она чуть надула губы. — Как бы я иначе участвовала в приключении, которое мне запретили?

— Смотри, как бы твой отец не лишил тебя крыльев! — предупредил Конан.

— Он не сможет этого сделать! Он разговаривал об этом с мамой, — сообщила Фэй.

— А ты подслушивала? — Конан попытался нахмурить брови и выглядеть строго. Варвару редко доводилось беседовать с девочками такого возраста. Обычно его собеседницы бывали чуть постарше. Впрочем, большинство из них были старше лишь телом, но не умом, как не раз замечал Конан.

— Я подслушивала, это уж несомненно, — сказала Фэй, ничуть не смущаясь. — Отец говорил, что может пригласить врача, который отрезал бы мне крылья. Но эта операция крайне опасна. Он уже советовался. И кроме того, это было бы жестоко по отношению ко мне, так он сказал. Он знает, как я люблю летать.

— Но если твоему жениху это не понравится, Фэй? — спросил Конан. Он потянулся и зевнул.

— Что не понравится? Что я летаю? — Фэй чуть задумалась. — Ну так мы найдем такого, которому это понравится, только и всего! В Кхитае всегда сы-

щется странный человек, охочий до необычного. И кроме того, это ведь изысканно!

Она пролетела перед чайным домиком вперед-назад несколько раз.

В этот момент вернулись братья-крыланы. За ними семенили их жены, застенчивые маленькие женщины в очень простой домашней одежде. Из их причесок выглядывали только что сорванные цветы. Женщины несли походные сумки с припасами.

— Отправляемся немедленно, — объявил Конан, садясь. — Здравствуйте, дамы.

Жены крыланов захихикали, прячась за спинами своих мужей. Как ни были они малы ростом, но крыланы были еще ниже, поэтому попытка спрятаться удалась лишь отчасти. Конан ухмыльнулся.

— У меня есть лошадка, а вам, я полагаю, лошади не потребуются... Да, еще одна проблема. С нами отправляется Фэй.

Одна из женщин ахнула и всплеснула руками, а отец Фэй сделал вид, что очень недоволен. На самом деле, как видел Конан, он испытывал тайную гордость за свою крылатую дочку.

— Я прослежу за тем, чтобы с ней ничего не случилось, — обещал Конан.

Фэй радостно завизжала и вылетела из-за дерева, куда скрылась при виде родителей. Конан в сопровождении своих крылатых спутников выбрался из садика, и вскоре уже все пятеро тронулись в путь.

* * *

Быть мартышкой оказалось куда приятнее, чем таскать на себе громоздкое человеческое обличие. Инь-Тай говаривал, что завидует одной фее, которая за один день умела входить во все семьдесят своих воплощений, по личному выбору и в зависимости от обстоятельств.

— Вот это женщина! — восхищался Инь-Тай. — Вот бы и нам так! Лично мне понравилось быть разным. То ты человек, то ты обезьяна... Необыкновенно!

— Ее считали оборотнем и однажды вызвали на суд богов, — напомнил ему Гун. — Она еле сумела доказать обратное.

— Что она не оборотень? — уточнил Инь-Тай.

Гун задумался.

— Не помню, — признался он.

Они разговаривали, обмениваясь короткими пронзительными криками, однако превосходно понимали друг друга. Некоторые звуки, бессвязные для человеческого уха, оказались прекрасно приспособленными для передачи довольно отвлеченных понятий.

Иногда бывшие ученики Тьянь-По видели внизу, возле пагоды, учителя Тин-Фу или его учеников. Тогда они принимались вопить и подскакивать на

ветках, швыряя в своих недругов плодами и палками, но редко попадали в цель.

Мартышкам вовсе не хотелось снова становиться людьми — и теперь уже навсегда. Человеку приходится непрерывно учиться, в поте лица работать, постоянно быть вежливым и следить за своим поведением. Этикет в стае мартышек куда более прост. Можно, например, есть руками, засовывать в рот целые плоды и брызгать соком, визжать и верещать, ходить без одежды, неограниченно наслаждаться любовью и знаками внимания со стороны особ женского пола... И, между прочим, обезьяна — ничуть не менее почтенное живое существо, чем человек. Словом, в своем теперешнем состоянии Гун и Инь-Тай находили множество преимуществ. Но это отнюдь не означало, что они утратили неприязнь по отношению к тем, кто захватил их в плен и поступил с ними по собственному усмотрению. Поэтому они всячески пакостили мудрецу Тин-Фу. В меру своих обезьяньих способностей, разумеется.

И вот их осенила гениальная идея.

— Мы научим нашу стаю всему, что знаем сами, — объявил Гун. — Рукопашному бою, атакам и уклонению, ловким подножкам, ударам и захватам.

Деревья огласились радостными визгами и воплями.

— Это ты сам придумал? — спросил товарища Инь-Тай, когда восторг немного поутих.

— С твоей помощью, — подумав, ответил Гун. — Я созерцал твой хвост и размышлял о том, что имея четыре руки вместо двух и хвост в качестве подмоги, мы сможем сражаться куда более ловко, чем некогда. А затем я посмотрел на остальных наших собратьев по стае и подумал, что обучив их нашим умениям мы получим непобедимое войско и сумеем нанести великий ущерб нашим врагам!

И оба бывших ученика Тьянь-По обнялись и пустились в пляс по веткам, причем оборвались и едва не упали, но в последний миг уцепились хвостами и повисли вниз головой. Это привело их в бешеный восторг, и они вопили и верещали на все лады почти час.

Наконец, успокоившись, друзья решили донести первые крупицы своей мудрости остальным обезьянам.

Поначалу мартышки совершенно не хотели учиться правильному рукопашному бою. Они то и дело норовили вцепиться друг другу в шерсть и укусить. Но гневные вопли и щедрые оплеухи со стороны новых вожаков обезьяньей стаи довольно быстро принесли хорошие результаты: обезьянки стали слушаться. Вскоре они дружно вскрикивали по сигналу и одновременно делали выпад одной из рук. Попутно друзья усовершенствовали приемы хорошо известного им боя, учитывая хвост.

Обезьянки оказались отличными учениками. Они не спрашивали — «почему», «для чего». Хотя считается, что ученики и не должны задаваться подобными вопросами, но все же люди — существа любопытные и своевольные. Таковы уж они от природы. Поэтому время от времени учителю приходится лу-

пить своих учеников палкой по голове, дабы отбить у них охоту лезть с ненужными расспросами. Обезьянки таким недугом не страдали. Довольно было единственный раз объяснить им, кто главенствует в стае. Большего им не требовалось.

Несколько раз Тин-Фу выходил на порог своей пагоды, садился там и поглядывал на деревья. Не нравилось ему почему-то то, что там происходило.

— Почему так расшумелись обезьянки? — спрашивал он себя. — Неужели эти ничтожные болваны, которые разбили мои сосуды с маслом, мутят там воду? Нет, это исключено! Обезьяны — почтенные существа, но с рассудком у них гораздо хуже, чем у людей. Вряд ли моим бывшим пленникам удастся их облапошить. Для того, чтобы быть обманутым, существо должно обладать достаточно развитым рассудком. У обезьян этого нет.

И все же шум тревожил его. То и дело с деревьев падали ветки. С хрустом обламывались сучья. Пронзительные выкрики животных становились все более ритмичными. В конце концов это начало напоминать пляску дикарей, готовых выйти на тропу войны. Тин-Фу никогда не бывал в Черных Королевствах и не видел, как негры готовятся пойти в атаку, как они вопят, бьют в барабаны и приплясывают, топчась по земле жесткими босыми ногами. Но если бы он побывал там, он понял бы, что дело плохо: с мартышками действительно что-то случилось.

«Возможно, они не могут поделить какое-нибудь лакомство, — размышлял мудрец. Затем он встал. — Слишком много внимания я уделяю каким-то мартышкам! — решил он. — Вместо этого следует получше заниматься с моими учениками. Я мог бы загадать желание с помощью рыбки и превратить этих тупиц в светочи премудрости, но боюсь, что такое деяние будет иметь дурные последствия».

Однажды Тин-Фу уже пытался сделать самого тупого из своих учеников самым сообразительным и остроумным. Он призвал того в комнату, расположенную на самой вершине пагоды, и подвел к хрустальному шару, наполненному водой. Там плавали золотые рыбки. На их красноватых чешуйках были отчетливо заметны иероглифы. Те самые значки, что были вырезаны на боку нефритовой рыбки, наследия родителей Тин-Фу. Он потратил почти всю жизнь на то, чтобы вывести рыбок с этим значком. И теперь настало время испробовать волшебство.

Глупый ученик смотрел на рыбки, и в углу его рта скапливалась слюна. Он был голоден и думал о еде. О том, как эта рыбка будет разрезана на тонкие ломтики, пересыпана пряностями, подана на свежем листе...

— Сейчас произойдет великая вещь, — провозгласил Тин-Фу, созерцая своих рыбок. Он избрал взглядом одну из них и взмахнул рукой: — Заклинаю иероглифом... — Тут он закрыл глаза и прошептал несколько тайных слов, которых никто не расслышал.

А затем произошло нечто непредвиденное.

— А я есть хочу! — проговорил тупой ученик. — Она может сама засолиться и быть подана с копченым молодым бамбуком?

И в то же мгновение перед ним в воздухе появился свежий лист, на котором были разложены тонко наструганные ломтики молодого копченого бамбука, а наверху аккуратной кучки лежала засоленная золотая рыбка.

— Ух ты! — восхитился тупой ученик и сунул все в рот вместе с листом.

Тогда учитель Тин-Фу понял, что возможности иероглифа желаний ограничены умственными способностями тех, на ком должны сбыться эти желания. Это открытие серьезно обеспокоило его, и несколько лун он размышлял над тем, что сумел узнать. Глупого ученика он превратил в камышового кота и выгнал из дома. По слухам, кот удалился в Иранистан. Согласно другим слухам, он вернулся к себе домой, где родители тупицы охотно приняли сына, даже не заметив разницы.

* * *

Пагода на горе Размышлений производила великолепное впечатление в любое время суток, но ночью, облитая светом полной луны, она выглядела как хрупкий пришелец из страны богов. Вроде одного из тех дворцов, что непрестанно плавают по небу и время от времени опускаются на землю, чтобы передохнуть и дать возможность своим обитателям побродить среди людей и узнать новости.

Колокольчики под кровлей тихо позванивали в ночном ветерке, позолоченные части деревянной резьбы посверкивали таинственно. Каждый завиток на колоннах был виден отчетливо. Змеились полоски на тщательно подметенных песчаных дорожках перед самой пагодой, а кусты и деревья темнели мрачными купами. Несколько лягушек решили почтить ночь своими радостными воплями, от которых, казалось, дрожали на черном небосклоне самые звезды.

Крыланы, бесшумно взмахивая крыльями, поднялись в воздух и облетели пагоду. В лунном свете они были похожи на огромных летучих мышей. Девочка Фэй приплясывала на месте от нетерпения. Конан держал ее за тоненькую ручку, чтобы она не увязалась вслед за старшими.

— Там может быть опасно, — прошептал ей Конан одними губами. — Будь благоразумна.

— Ай! Хочу с ними! Отпусти! — она дергала руку и кривила губки. — Мне же интересно!

Конан накрыл ее рот своей ручищей. Сказать по правде, его ладонь заслонила почти все ее личико. Остались на воле только глаза, которые поблескивали от любопытства.

Наконец крыланы вернулись.

— Хрустальный шар там, — сообщил один из них. — И рыбки внутри плавают. Три или четыре, мы не разглядели.

— Всего? — изумился Конан.

— Если они в состоянии исполнить любое желание, то в них заключено практически всемогущество, — заметил один из крыланов.

— Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы, — объявила Фэй. — И еще туфельки как у Феникс, императрицы Кхитая, — такие, из золотой проволоки, с драгоценными камнями, с жемчужинами и бархатной стелечкой... Как на картине в доме у папы.

— Тебя не спрашивают! — оборвал ее крылан-отец. Несмотря на ночную темноту, Конан заметил, что он смутился и даже покраснел.

— Но ты же обещал... — заныла Фэй.

— Глупый ребенок! — прошипел крылан. — Молчи!

— Действуем так, — заговорил Конан, делая вид, что ничего не произошло. — Вы, ребята, поднимаете меня наверх и ждете, а я заберу шар и вместе с ним выйду к вам. Как увидите меня с шаром на карнизе пагоды, сразу хватайте под руки и опускайте.

— Шар тяжелый, и ты тоже не пушинка, киммериец, — возразили крыланы. — Сперва мы заберем рыбок. Потом вернемся за тобой.

— Это мне нравится меньше, но ничего не поделаешь, — согласился Конан. — Начали!

Крыланы обступили его и обхватили цепкими холодными руками. Конан почувствовал, как его отрывают от земли и вздымают в воздух. Тяжелое дыхание крыланов звучало хрипло. Крылья со свистом медленно рассекали воздух. Летуны миновали первый этаж пагоды, второй... Конан мимолетно разглядел спальню мудреца на втором этаже — скромные циновки, несколько листов хорошей бумаги с написанными на них изречениями (работа превосходного каллиграфа, подумал варвар, успевший научиться ценить красивый штрих, оставленный кистью)... Третий этаж был отдан ученикам — эти храпели на растрепанных циновках, причем кое-где стояли бутыли, явно не с водой. Четвертый этаж был пуст. На пятом, самом маленьком, находился хрустальный шар. Здесь крыланы опустили Конана на карниз, и ловкий горец быстро скользнул внутрь помещения.

Снять шар с подставки ничего не стоило, хотя весил он немало — как и предупреждали крыланы. В мудреце Тин-Фу Конан не ошибся: злой колдун непременно окружил бы свое сокровище чарами, но здесь никаких чар не было и в помине. Ни демонов, выскакивающих неизвестно откуда, ни ядовитого тумана...

Конан подтащил шар к краю и высунулся.

— Я здесь! — окликнул он своих сообщников.

Крыланы — Конан успел заметить, что их четверо, — схватили шар и изо всех сил взмахивая крыльями полетели с ним прочь. Киммериец остался в пагоде один. Он уселся на пол, скрестив ноги, на том месте, где только что находился шар, и стал думать: не выбраться ли ему, не дожидаясь крыланов, старым привычным способом — по стене?

Киммериец встал, решив воспользоваться собственным советом и унести ноги из пагоды как можно скорее. Но не успел.

Внезапно ночь взорвалась. Из темноты на пагоду обрушился настоящий дождь из живых тел, косматых, горячих, вопящих. Отовсюду к Конану тянулись жадные руки, длинные пальцы хватали его за волосы, за руки, за лицо, дергали за нос и уши, пытались порвать на нем одежду.

— Обезьяны! — вскрикнул варвар. Он начал отбиваться от обезумевших животных, расшвыривая их в разные стороны ударами могучих кулаков.

Однако обезьяны не сдавались. Вереща и скаля зубы, они снова и снова атаковали могучего варвара.

Шум пробудил остальных обитателей пагоды. Замелькали факелы, затопали ноги, послышалась ругань. Один за другим в тесное помещение, кишащее разъяренными мартышками, врывались ученики Тин-Фу. И тут перед глазами Конана развернулось поразительное зрелище.

Мартышки выстроились в боевой порядок и пошли в атаку. Ученики пытались отбиваться. Сражение закипело с переменным успехом. Мартышки совершенно явно владели приемами человеческой борьбы! Тогда у Конана и появилось первое подозрение насчет того, какой смысл вкладывал Тин-Фу в свою записку, отправленную Тьянь-По: «Твои ученики — настоящие обезьяны».

Потому что мартышки никак не овладели бы наукой кхитайской борьбы, если бы у них не было подходящих учителей. А какая мартышка годится на роль учителя? Вывод возможен лишь один.

Конан захохотал и схватился за голову.

Сражающиеся не обращали на варвара почти никакого внимания. Лишь время от времени какой-нибудь из увлекшихся бойцов пытался нанести удар оказавшемуся поблизости киммерийцу. Тот добродушно отшвыривал незадачливого драчуна и только посмеивался, глядя, как бедняга кувыркается.

Затем Конан ступил на карниз и начал спускаться.

Ему совсем не хотелось встречаться с учителем Тин-Фу. Неизвестно, какие еще трюки в запасе у этого мудреца.

* * *

Ужас! Ужас! В пагоде — полный разгром! Половина учеников лежит и стонет, их царапины и укусы кровоточат, их конечности сломаны, их пальцы распухли, их глаза подбиты, их носы испускают неприятную с виду жидкость... Драгоценные свитки изорваны в клочья, как будто по ним прошлись острыми ножами. Превосходная кхитайская тушь разлита по циновкам, ею обрызганы стены, и вряд ли теперь удастся отмыть ее — ведь это кхитайская тушь, да еще наилучшего качества! Кисти переломаны и разгрызены острыми обезьяними зубами. Масло опять разлито по всему первому этажу, только на сей раз некому вытирать его.

Тин-Фу глядел на то, во что мартышки превратили его красивое, изысканное жилище, и размышлял о своем предназначении. И, поскольку он больше не был мстителем, но сделался мудрецом, то в конце концов Тин-Фу рассмеялся.

— Я должен был догадаться, что родители мои явили великую мудрость, спрятав нефритовую рыбку и никому не желавшие показывать иероглиф желания. Чего достиг я, завладев этой тайной? Враг мой умер без моего участия. А все желания, которые мне удалось исполнить, — глупы и ничтожны и в конце концов едва не погубили мою собственную жизнь! Я превратил дурака в камышового кота — и он, по счастью, покинул эти земли. А затем я из двух неудачливых бойцов сделал двух обезьян — и что же? В качестве обезьян они преуспели куда больше, нежели в качестве бойцов! И вот уже моя пагода разгромлена, и все мои свитки изорваны, а мои ничтожные ученики превращены в прах... Воистину, я недостаточно мудр, чтобы владеть этими рыбками!

Сказав так, Тин-Фу немедленно удалился в лес и там занялся самосозерцанием, предоставив своим ученикам приводить пагоду в порядок без учительского надзора.

* * *

Тем временем крыланы удалялись от пагоды. Каждый взмах крыльев уносил их от горы Размышлений. Тяжелый хрустальный шар делался все тяжелее. Его стенки намокли, потому что при полете вода выплескивалась из него и брызгала во все стороны. Хрусталь стал скользким.

Даже помощь Фэй немногим улучшала положение крыланов, хотя девочка старалась изо всех сил.

Тем не менее они летели и летели, не желая подводить своего друга, человека, который помог им избавиться от злого колдуна, отомстить за мать и наконец обрести полноценное бытие в далеком Кхитае. Возможно, Конан и сам не понимал, как много он сделал для «горбатых старичков» — таковыми считали крыланов в те дни, когда киммериец впервые свел с ними знакомство. Но сами крыланы вполне отдавали себе в том отчет.

Рыбки, перепуганные происходящим, метались внутри шара и время от времени подпрыгивали, как будто хотели выскочить.

— Сидите смирно! — уговаривала их Фэй. — Сидите тихонько, не то вы разобьетесь! Вы упадете вниз, на сухую землю, и погибнете! Ах, бедные, бедные золотые рыбки!

От постоянного мелькания золотых тел, дробящихся в беспокойной воде, в глазах у крыланов прыгали искры.

— Давайте передохнем, — предложил один из них.

Они осторожно опустились на землю и поставили шар. Рыбки понемногу успокаивались. Теперь было очевидно, что их четыре. Они вытягивали хрящеватые губы и как будто удивлялись чему-то.

— Наверное, голодные, — предположила Фэй. — Кушать просят. Давайте покрошим им хлеба.

Отец Фэй хлопнул ее по руке.

— Такие волшебные рыбки не едят хлеба и того, что едят люди! Должно быть, они питаются особенными червячками, с рубиновыми телами, гладкими и блестящими, особенной породы.

— Напрасно мы их не захватили, в таком случае, — объявила Фэй. И наклонилась над шаром: — Ах вы, бедненькие! Как перепугались! Ничего, скоро мы добудем для вас рубиновых червячков, и вы будете кушать, как привыкли!

Рыбки, казалось, молчаливо соглашались с девочкой. Она приблизила лицо к самой кромке воды. Тотчас одна из рыбок, как будто привлеченная этим, подплыла ближе и почти высунулась наружу. Девочка ощутила, как крохотный беззубый рыбий ротик прикасается к ее подбородку, и тихонько засмеялась от удовольствия.

— Мы с тобой подружимся, — прошептала она одними губами, чтобы старшие не слышали.

Впрочем, старшим было не до проделок Фэй. Они едва дышали. Они улеглись на земле, раскинув крылья и прижав их к почве так, чтобы ночная прохлада, исходящая от остывшей земли, пропитывала воспаленную кожу. Руки у них ныли.

— Ты знаешь мои заветные желания, рыбка? — нашептывала Фэй своей новой «подруге». Та как будто кивала и водила чуть выпученными глазами, словно показывая — «да, да, да». Фэй ощущала, как волны удовольствия бегают по ее телу. У нее прямо ладони зачесались от удовольствия! — Ты ведь не погибнешь после того, как исполнишь мою просьбу?

Рыбка глянула на Фэй с непонятным лукавством.

— Я умею читать, — гордо сообщила Фэй. — Меня отец научил. Он считает, что женщина должна выходить в жизнь во всеоружии. Ей не обязательно признаваться в том, что она умеет читать, но лучше уметь, чем не уметь... Кроме того, я ведь все равно крылатая. То есть, я хочу сказать, одной странностью больше, одной странностью меньше...

Рыбка пробормотала в маленькое ушко Фэй:

— Уметь писать для кхитайской женщины — не такая уж странность... Не морочь мне голову, девочка.

— Ты умеешь разговаривать?

— Не такая уж это странность для кхитайской рыбы, — прошелестела рыбка. Фэй показалось, что она смеется. По поверхности воды пробежали пузырьки.

— Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы! — выпалила Фэй.

— Настоящее золото? — удивилась рыбка. — Это тяжело. Будет болеть голова.

Фэй показала пальцем на рыбью чешую.

— Такого цвета, как ты.

— Это называют золотом? — рыбка выглядела пораженной. — Ну надо же!

— Мы находим этот цвет очень красивым, — пояснила Фэй. — В Кхитае у женщин не бывает таких волос. Я хочу быть единственной.

— Это нетрудно исполнить, — сказала рыбка. — Что-нибудь еще?

— Да, — кивнула девочка. — Туфли как у Феникс... Я мечтаю о них всю жизнь.

— Мечты детства должны сбываться, — согласилась рыбка. — И лучше, когда они сбываются в детстве... Потому что иначе приходится ждать старости. В старости человек становится достаточно мудрым, чтобы вспомнить о тех мелочах, которые были желанны для него в детстве, и вновь пожелать их от всего сердца. Это настоящее искусство.

— Во-первых, я уже не ребенок, — начала Фэй. — А во-вторых, я не хочу ждать старости... Я хочу туфли, как у Феникс!

И она начала читать иероглиф на боку у рыбки.

Когда крыланы наконец перевели дух, они увидели, что солнце восходит. Первые лучи, простершиеся над равниной, залили гору Размышлений розоватым светом. Туман быстро исчезал, открывая для взора причудливо изогнутые деревья, растущие по склонам, и их листву, дрожащую на утреннем ветру. А затем нечто золотое метнулось в глаза и едва не ослепило крыланов.

Это была Фэй, золотая крылатая девочка. Волна длинных, ниже пят, волос цвета огненного золота лежала рядом с ней на земле. Фэй спала и счастливо улыбалась во сне. Рядом с ее щекой на земле стояла пара туфелек — точно таких, как были нарисованы на картине, изображающей императрицу Феникс.

А в хрустальном шаре по-прежнему плавали золотые рыбки. Только одна из них была обыкновенной, без иероглифа желаний на боку. Время от времени эта рыбка приближалась к той стенке шара, что была обращена к Фэй, и любовалась девочкой.

Отец Фэй схватился за голову.

— Что я скажу ее матери!

Остальные братья тихо засмеялись.

— Ничего страшного не случилось. Просто твоя дочь добилась своего... Чего нельзя сказать о нас. Впереди еще долгий путь. Как ты думаешь, нам стоит доставить этот шар в Пу-И, в дом, где мы живем?

— Хорошая мысль, — согласился отец Фэй. — В таком случае — в путь.

— А как же Конан? Мы ведь не можем бросить его! — возразил другой крылан.

— Конан вполне в состоянии позаботиться о себе сам. Жил ведь он как-то без нас все эти зимы! А вот рыбки нуждаются в нашей помощи. Не забудьте, нам еще предстоит разыскать червячков...

— Они согласны кушать раскрошенные лепешки, — пробормотала Фэй в полусне.

— Откуда ты знаешь? — строго вопросил ее отец.

— Она мне сказала... — Фэй открыла глаза и улыбнулась. — Какое прекрасное утро, папа! Как тебе нравятся мои новые волосы?

* * *

Пока пагода и стонущие ученики оставались во власти мартышек, а Тин-Фу размышлял о своих ошибках и новом пути к совершенству, Инь-Тай и Гун покинули стаю.

— Мне надоело верещать и бесноваться, — признался Гун. — Мне хочется опять погрузиться в изучение иероглифов. Как хорошо жилось нам у учителя Тьянь-По! Он показывал нам разные стили написания иероглифов, объяснял значение мудреных значков, рассказывал, как много смыслов может передать единственный штрих кисти! Разве это не было изысканным?

— Ты прав, — соглашался с ним Инь-Тай. — Конечно, ласки прелестных мартышек очень хороши, но хочется иногда, чтобы к тебе прикасался кто-нибудь гладкий, безволосый... с шелковистой кожей... Хотя иные и обладают приятной шерсткой, но она все же сальная... Я понимаю, это нужно для того, чтобы отталкивать от кожи влагу, но все-таки...

— Ты думаешь только о женщинах! — упрекнул товарища Гун. — Разве ты не скучаешь по мудрости?

Инь-Тай глубоко вздохнул.

— Конечно, скучаю!

— В таком случае, нам следует оставить животных и вернуться к людям! — решительно произнес Гун.

— Но как мы это сделаем, коль скоро мы — мартышки? — удивился Инь-Тай.

— Мы подберемся к золотым рыбкам с иероглифом желаний и попробуем прочитать его, чтобы вернуть себе человеческое обличье! — объявил Гун. — Уверен, у нас это получится!

И две мартышки отделились от бесчинствующей стаи и стали разыскивать хрустальный шар. Они обошли всю пагоду, заглянули повсюду, но везде их ждало ужасное разочарование. Шара с волшебными рыбками здесь не оказалось.

— Где же он? — бормотал Гун.

— Должно быть, Конану удалось похитить его, — предположил Инь-Тай.

— Либо его унес с собой учитель Тин-Фу, — добавил Гун.

И они, убитые печалью, ушли в лес, чтобы отыскать там учителя Тин-Фу и попробовать выведать у него — где находятся волшебные рыбки.

Учитель Тин-Фу обнаружился на склоне горы совсем недалеко от пагоды. Он сидел на куче опавших листьев и рассматривал нескольких жучков. Жучки ползали по земле, явно преследуя некие цели. Учитель пытался постичь — какие.

Когда перед ним возникли две обезьяны, он поднял на них печальные глаза.

— Полагаю, вы — те самые дураки, что разлили масло в моей пагоде? — спросил их учитель Тин-Фу.

Обезьяны закивали головами и принялись верещать на разные лады, то вскидывая руки, то хлопая ладонями по земле и подскакивая.

— Да, это вы, нет сомнений, — заключил Тин-Фу. — Хотел бы я превратить вас обратно в людей. Так вы принесете ощутимо меньше вреда.

Обезьяны изобразили неописуемый восторг. От их ликующих воплей у Тин-Фу заложило уши, и он поднес к вискам ладони, чтобы спастись от шума.

— Нет, нет, ведите себя потише, иначе я не стану разговаривать с вами! — воскликнул Тин-Фу. — Глупые обезьяны. Вы разгромили мою чудесную пагоду! Вероятно, вы желали отомстить мне? Какое глупое желание! Поверьте мне, я — великий мститель. Я взял себе в союзники время и мудрость, и мой враг мертв, а мои желания исполнились.

Обезьянки выразили глубокую озабоченность. Одна из них даже попыталась изобразить на земле рыбу.

— Да, да, вы хотели бы знать, где мои волшебные золотые рыбки! — продолжал Тин-Фу. — Но спросим себя, для чего нам эти золотые рыбки? Для того, чтобы исполнять наши ничтожные, глупые, опасные желания? Это приносит вред! Не следует пользоваться рыбками для исполнения желаний! Терпение и самосовершенствование — вот истинный путь. Всякий раз, когда я пытался ускорить ход событий, прибегая к волшебству, происходило нечто неприятное, имеющее печальные последствия. Итак, глупые обезьяны, садитесь на землю и займитесь созерцанием.

«Конечно, созерцание не превратит их обратно в людей, — размышлял про себя Тин-Фу, — однако утихомирит, по крайней мере, на некоторое время. А я пока придумаю, как мне поступить с ними дальше...»

Обезьянки послушно уселись, обхватили себя длинными руками и насупились. Время от времени они принимались искать на себе насекомых, и тогда их сосредоточенность делалась особенно углубленной. Тин-Фу вновь погрузился в свои невеселые мысли. Ему казалось, что он потерпел полное поражение. Теперь весь Кхитай будет над ним смеяться. Великий учитель, овладевший тайной иероглифа желаний, стал жертвой стаи рассвирепевших мартышек! Ученики больше не станут уважать его. Они оправятся от своих ран и покинут Тин-Фу. Пагода обветшает, некому будет чинить ее и ухаживать за ней. О, это ужасно! Это очень печально. Возможно, следует совершить самоубийство?

Во власти таких мыслей Тин-Фу провел еще несколько часов. Обезьянки усердно подражали ему. Они сидели неподвижно и только время от времени косили глазами. А затем произошло нечто невероятное. Сперва Инь-Тай, а затем и Гун начали терять шерсть. Их лица изменились, руки стали короткими, хвост исчез... Еще несколько мгновений — и вот уже перед пораженным учителем Тин-Фу сидят те самые два молодых человека, которые разлили масло.

Они переглянулись и с радостным криком бросились друг другу в объятия.

— Гун! — верещал Инь-Тай. — Ты вернулся! Ты снова человек!

— Инь-Тай! — гудел Гун, гулко хлопая приятеля по тощей спине. — Ты опять здесь, со мной!

— Я всегда был с тобой, — напомнил Инь-Тай.

— Да, но в каком ты был виде! Вспомнить страшно! — возразил Гун.

Оба они уставились на учителя Тин-Фу и дружно упали ему в ноги.

— Вы — великий учитель! — провозгласил Гун.

— Более великий, чем наш учитель Тьянь-По! — добавил Инь-Тай.

— Нашему учителю Тьянь-По потребовались бы золотые рыбки с иероглифом желаний, чтобы превратить нас обратно в людей! — кричал Гун в полном восторге.

— А вам оказалось довольно одной медитации! — вторил товарищу Инь-Тай. — Вы воспользовались исключительно силой своего духа! Вам повинуется природа, потому что вы совершеннее природы!

Учитель Тин-Фу вновь обрел веру в себя. Он снизошел до улыбки и отогнал от себя печаль.

— Теперь я вижу, в чем состоит истинная мудрость, — проговорил он. — И охотно беру вас к себе в ученики. Идемте, ученики. У нас есть важное дело — мы должны привести пагоду в порядок. И уговорите обезьян уйти в лес. Иначе нам никогда не будет покоя.

Он поднялся и зашагал к своему разгромленному жилищу.

* * *

— В конце концов, я оказался в выигрыше, — объявил Тьянь-По Конану, когда оба они почтили своим присутствием чайный домик крыланов.

Фэй, прекрасная, как весенняя фея, медленно скользила по воздуху. Ее крошечные ножки, обутые в туфельки Феникс, лукаво ступали по пустоте. Длинные золотые волосы плыли, как облако. Это удивительное видение в окружении цветов и деревьев представлялось Конану чем-то вроде грез, вызванных курением порошка черного лотоса.

Он даже стал раздумывать над аферой по торговле фальшивым дурманящим порошком. Положим, предложить покупателю на пробу какой-нибудь ерунды, вроде толченой степной травы. Он покурит и поначалу ничего не почувствует, а потом увидит Фэй — и все, готов: вообразит себя в саду фей. Охотно купит всю партию за любые деньги!

Можно неплохо заработать...

Но потом Конан подумал о самой Фэй и отказался от своего плана. Незачем впутывать это очаровательное дитя в сомнительные приключения.

В пруду плавали золотые рыбки. Теперь только у двух был на боку иероглиф желаний, но скоро пропадет и он. У братьев-крыланов имелись некоторые планы касательно улучшения некоторых пород деревьев, растущих в саду; а Тьянь-По наконец-то осуществит свою мечту касательно бумаги. Много-много хорошей бумаги для каллиграфии.

— Не понимаю, о каком выигрыше ты говоришь, — проворчал варвар. — Половина Кхитая болтает о том, что Тин-Фу — более великий учитель, чем

Тьянь-По, потому что Тин-Фу удалось превратить обезьянок в людей без всякого вмешательства чар, одним только созерцанием и этим... само...

— Самосовершенствованием, — подсказал Тьянь-По. — О, каким глупым он на самом деле стал! Как далеко зашло его самодовольство, если он поверил в эти разговоры! Но я знаю тайну, и этого мне довольно. Я знаю, почему ученики Гун и Инь-Тай снова стали людьми!

Он указал на рыбок, резвящихся в пруду, и рассмеялся.

— Конечно, жаль, что одной из них пришлось расстаться с иероглифом ради недоумков Гуна и Инь-Тая, но ничего не поделаешь! Если они были рождены людьми, следовательно, таково их предназначение — быть людьми и существовать в этом облике до самой смерти. Не мне изменять их предназначение.

Конан фыркнул.

— Представляю, как удивился Тин-Фу, когда они перестали быть обезьянами!

— Если он вообще заметил разницу, — проворчал Тьянь-По и осторожно взял чашку с чаем. Чашка была почти прозрачной и казалась сделанной из бумаги, хотя на самом деле это был фарфор. — Твои крылатые друзья готовят превосходный чай.

— Я бы предпочел превосходное вино, буркнул Конан. — Впрочем, скоро у меня появится возможность насладиться вкусом настоящего напитка.

— Ты уезжаешь? — спросил маленький каллиграф.

Киммериец кивнул.

— Хватит с меня кхитайских чудес и кхитайских церемоний! Жаль, конечно, что я уезжаю с пустыми руками. Как я уже говорил тебе, время от времени я начинаю сильно скучать по желтеньким кружочкам, которые называются деньгами.

— Кстати, об этом, — деланно спохватился кхитаец и полез к себе за пазуху. — Я написал письмо властителю Небесного Спокойствия...

— Это еще кто такой? — с подозрением осведомился киммериец.

— В других странах его бы назвали министром безопасности... Он следит за тем, чтобы никто не покушался на особу Небесного Владыки... — пояснил Тьянь-По. — Я рассказал ему о замыслах султанапурцев... В самых общих чертах. Я написал, что один преданный человек донес мне — своему другу — о плане похищения Феникса. И вот что прислал тебе властитель.

С этими словами Тьянь-По подал Конану небольшой бумажный листок с несколькими иероглифами и маленький мешочек. Конан быстро развязал тесемки. В мешочке обнаружился крупный алмаз.

— На листке написано одно из драгоценных изречений, — сказал Тьянь-По, но Конан отмахнулся от своего приятеля:

— Изречение можешь оставить себе и изучать его на досуге, — сказал киммериец. — Камень весьма недурен. Пожалуй, я не жалею о том, что отправился в Кхитай!

— Знаешь, Конан, что самое интересное и поучительное в этой истории с золотыми рыбками? — задумчиво проговорил Тьянь-По.

Конан поднял на него глаза. Он совершенно не думал о том, что из случившегося с ним в Кхитае можно извлечь какую-то мораль.

— Поучительное? — переспросил Конан и подбросил на ладони алмаз. — Есть вполне ощутимая выгода! Вот что поучительно!

— Почти все наши желания исполнились без всякого волшебства, — сказал Тьянь-По. — Над этим стоит поразмыслить. Мы добились своего, не прибегая к помощи иероглифов желаний. Мои глупые ученики не в счет — они сперва были заколдованы, а потом расколдованы. Нет, человек в состоянии получить желаемое сам, без магии!

— Кроме Фэй, — напомнил Конан. — Ее золотые волосы...

— Но Фэй — сама по себе волшебное существо, — возразил Тьянь-По. — Впрочем, как всякая прекрасная женщина!

Друзья дружно вздохнули, и Конан одним залпом прикончил жиденький желтоватый чай.

Смерть в саду золотых масок

Дворянин Форез был поглощен тяжелыми раздумьями. Причин для мрачного настроения имелось у него предостаточно. Сумеречное состояние, в которое была погружена душа молодого господина, отнюдь не являлось той обычной для уроженца Британии легкой и беспричинной меланхолией, которая нападает то и дело, — от дурной ли погоды, от скверной ли встречи на улице, а то и просто от некрасивого лица служанки, имевшей неосторожность встретиться нобилю, пока тот, облаченный в туранский халат с прорехой на локте, проснувшись поздно, бродит по дому в тщетных поисках выпивки.

Нет, дурное настроение господина Фореза имело давнее и прочное обоснование. И заключалось оно именно в том, что Форез имел несчастье уродиться дворянином.

— Был бы я, скажем, просто каким-нибудь селянином, — говорил он своему отражению в плохо отполированном медном зеркале, купленном у старьевщика. Отражение брезгливо, с омерзением кривилось. — Да, да, — Форез наставительно грозил ему пальцем, — и копался бы себе в земле, выращивая какую-нибудь репу... Тьфу!

Он плюнул, попал отражению в глаз и заботливо отер плевок рукавом.

— Прости. Или, положим, если бы мои родители были торговцами тряпьем. Вроде того бедолаги, который всучил мне тебя за два ломаных гроша. Большего ты, впрочем, и не стоишь... Жил бы себе в чумазой лавчонке, не умел бы читать, только подсчитывал бы денежки, медяшку к медяшке — и так доковылял бы себе до старости. Никаких забот, никакой печали!

Он демонстративно вздохнул, поправил на груди рубашку из шитого атласа. У плеча рубашки красовалась прореха, зашить которую не представлялось возможным: ветхая ткань расползалась под иглой.

— Нет, — продолжал господин Форез, — меня угораздило родиться именно нобилем! И именно у моих родителей! Как будто богам охота была посмеяться... Впрочем, их коварство широко известно. Я даже говорить об этом не буду. И вот мой достопочтенный родитель, вместо того, чтобы продать меня

кочевникам в жестокое и невыносимое рабство, отдает в обучение дяде Эмбриако. Превосходно!

Мой милый дядюшка, богатый, как кхитайский император, и с такими же причудами, охотно берет к себе племянничка. Растит его. Кормит отборным зерном, точно призового голубка в своей любимой голубятне. Воспитывает... Тьфу! Обучает владеть мечом и все такое. А книги... Великие боги, какие у достопочтенного Эмбриако есть книги! В богатейших окладах. С рисунками. Даже с позолотой, кажется. И любую из этих книг я в состоянии прочесть, ибо дядюшка — чтоб его сожрали духи! — обучил меня грамоте.

А дядин сад! Как истинный пожилой чудаковатый британец дядя Эмбриако — коллекционер. Каких только диковинных деревьев нет него в саду! Для него специально привозят растения со всего света. Да на одних только садовников он тратит больше, чем иной земледелец — на свои поля вкупе с рабами, их обрабатывающими. Развел оранжереи, чтобы его драгоценные кустики, видите ли, не мерзли. А другие растения, ну надо же, привезены из суровых северных краев, так дядюшка нарочно держит двух рабов, чтобы те в жаркие дни обмахивали их листики опахалами. Было бы ради чего... Какие-то облезлые, чахлые, кривобокие деревца с маленькими листьями и крохотными цветочками. Но нет, они — важная часть дядиной коллекции, и он беспокоится о них больше, чем о родном племяннике.

Среди деревьев у него выстроены беседки. Не для бесед, понятное дело. Там у дядюшки собрание диковин. Статуэтки, фигурки, маски, ритуальные ножи и копья, какие-то набедренные повязки, снятые с убитых людоедов и проданные дядюшке за бешеные деньги пришлыми авантюристами. Все это расставлено по хрустальным полкам, развешано по стенам, инкрустированным костью и драгоценными породами деревьев... Ля-ля-ля... Словом, дядюшкин сад — это нечто. Туда даже водят гостей его величества, когда в Британию прибывает особо важная делегация. От короля приходят специальные люди и просят дядюшку устроить у себя прием. Ну, каково?

И вот, после всего этого... меня выдворяют в родительский дом. Потому что матушка моя, извольте видеть, испустила дух. От горя, как утверждают соседи, но лично мне кажется, что от беспробудного пьянства. Что до отца...

Тут Форез сжимает кулаки, не в силах продолжать. Ибо Форез-старший покончил с собой, когда понял, что окончательно спустил все свое состояние. И добро бы он его, скажем, проиграл какому-нибудь отдельному, заранее известному нобилю. Тогда оставалась бы надежда. Отыграться, выкупить имущество — убить этого господина, в конце концов! Но нет, судьба распорядилась иначе.

Деньги Фореза уходили постепенно, к разным людям, по мелочам. Он проигрывал их, он покупал совершенно ненужные вещи, которые потом ломались. Затем у него сгорел дом, и вся семья вынуждена была перебраться в маленькую лачугу на окраине Пайрогии. Остатки денег они пропили. В свое время бездетный Эмбриако охотно взял к себе маленького племянника. Форез-стар-

ший и его супруга наивно полагали, будто дядя обеспечит их сына и устроит хотя бы ему безбедное существование. Плохо же они знали своего родственника! У дядюшки Эмбриако, кроме Фореза, имелось еще несколько племянников. И все они так или иначе претендовали на наследство. А у Фореза, кроме всего прочего, был скверный нрав, так что в один далеко не прекрасный день между юным Форезом и дядей Эмбриако произошел весьма неприятный разговор.

Призвав к себе племянника (сына двоюродной сестры, чтобы быть уж совсем точным), Эмбриако произнес:

— Я хотел бы знать, дорогой Форез, правда ли то, о чем говорили вчера в доме графа Сабрана.

— Что именно? — потягиваясь с нарочито нахальным видом, вопросил Форез. — Обо мне рассказывают самые разные вещи...

Тогда эта рубашка из шитого атласа была совершенно новая. Она сверкала и переливалась в свете масляной лампы, которая горела на столе, освещая стакан вина, блюдо с фруктами и кольцо с дорогим камнем, несомненно, женское, ибо предназначалось для очень тонкого пальчика.

— Ты знаешь, о чем я! — рассердился Эмбриако. — Ты соблазнил дочь графа.

— Она сама соблазнилась, дядюшка, — при воспоминании о девушке Форез невольно облизал губы. — Ты даже не представляешь себе, как испорчены бывают эти так называемые невинные юные аристократки.

— Граф имел со мной весьма неприятную беседу, — продолжал Эмбриако.

— Если он хочет, чтобы я женился на его дочери, то я согласен, — тотчас сообщил Форез. — Она премилая штучка. Такая сладенькая!

Он засмеялся.

— И приданое у нее тоже весьма сладенькое, — добавил Форез после паузы. — Так что передай графу, что я завтра же готов...

— Граф велел сказать, — перебил дядюшка Эмбриако, — чтобы ты не приближался к его дому и на три полета стрелы!

— Не может быть! — Форез даже подскочил от неожиданности. — Я ведь ее обесчестил! Дядя! Это несправедливо... Я обихаживал ее больше луны. Потратил на нее кучу денег, которые ты так милостиво выдавал мне... Я находил для нее разные заморские диковины. Я даже нашел способ уложить ее в постель. Клянусь всеми богами, я лишил ее невинности и теперь готов жениться!

— Милый мой Форез, — сурово ответил Эмбриако, — ты плохо представляешь себе ситуацию. Ты — сын дурных родителей, которые поспешили избавиться от тебя, чтобы не испытывать беспокойства за твою судьбу. Они препоручили тебя мне...

— Ну да, — охотно поддержал Форез. — Что тут непонятного? Ты обеспечишь мое будущее. Разве это не так, дядя?

Эмбриако пожал плечами.

— Ты не единственный мой родственник. Кроме того, пока я жив, — а я еще долго буду жив, учти это, — я могу прекратить давать тебе деньги в любой момент.

— Но ведь ты не сделаешь этого? — пробормотал Форез.

— Еще как сделаю! — заявил Эмбриако.

— Но дядя... Я же сказал, что обесчестил...

— Можешь не носиться с этим подвигом. У девушки такое приданое и такое безупречное происхождение, что она найдет себе выгодного мужа при любых условиях. Даже если останется с целым выводком маленьких бастардиков, которых ее отец, граф Сабран, не успеет утопить в реке.

— Клянусь Бэлит! О чем ты говоришь, дядя?

Дядя схватил племянника за плечо и сильно толкнул.

— О том, что ты сейчас же соберешь свои вещи и покинешь мой дом! Не пытайся убить меня. Я предполагаю, что ты совершишь несколько покушений в надежде получить наследство.

— Ну, дядя... — беспомощно промямлил Форез. Однако глаза его горели ненавистью, и Эмбриако хорошо понимал значение этого взора.

— Я сообщил городским властям, и правителю, и начальнику сыска, о наших с тобой отношениях. Если я умру при подозрительных обстоятельствах, ты будешь первым, кого повесят. Мне обещали, что виселицу установят прямо на моей могиле.

— Боги! Дядя! Ты жесток.

— Всего лишь предусмотрителен, — сказал Эмбриако.

И вот Форез с двумя сундуками, набитыми под завязку красивой одеждой, покинул дядин дом и перебрался в жилище своих покойных родителей.

— Если бы я не был дворянином, — бормотал он, — если бы у меня не было богатого дядюшки, который не собирается умирать и наделять меня наследством... А ведь существуют еще и другие наследники! И ни одного из них я и пальцем тронуть не смею.

Это печалило его больше всего. Голодая, отказывая себе во всем, Форез поначалу старался держаться молодцом. Он по-прежнему бывал в обществе и посещал прежних знакомых. Это продолжалось недолго — пока его роскошная одежда не пообносилась. После этого он перестал показываться в богатых кварталах и стал избегать людей, с которыми прежде водил знакомство.

Единственная мысль засела у него в голове: как извести дядю и наследников-конкурентов таким способом, чтобы никому не вздумалось заподозрить в покушении Фореза?

Часами бродил он по Пайрогии, заходя иной раз в самые опасные воровские кварталы. Там его не трогали — многие знали опустившегося нобиля и если не сочувствовали ему (вряд ли обитатели воровского дна были способны на сострадание), то, во всяком случае, понимали: с этого человека взять нечего.

А Форез присматривался к встреченным головорезам. Те хлебали скверное пойло прямо из бутылей или из битых кружек в грязных тавернах, бахвалились друг перед другом, затевали стычки и задирали безобидных с виду прохожих — иной раз нарываясь на еще более жутких убийц, нежели они сами.

Казалось, ни одно дело, даже самое отвратительное, не вызвало бы у них затруднения. Но... Как убить Эмбриако и двоих других претендентов на его наследство? Зарезать из-за угла? Кто бы это ни сделал, подозрение в любом случае падет на Фореза. Отравить? Задушить? Сжечь вместе с домом? Выманить дядюшку в загородную поездку и организовать «несчастный случай» — скажем, с обезумевшей лошадью, которая ни с того ни с сего понесет и сбросит всадника в подходящую пропасть?

Нет, нет, нет...

Форез был близок к отчаянию, когда в трущобах Пайрогии встретил одного кхитайца. Это был очень старый, очень оборванный кхитаец. Он сидел на обочине и уныло, безнадежно просил милостыню. Ему почти не подавали. И не потому, что жители Пайрогии такие уж бессердечные скоты, вовсе нет! Большинство из них попросту не замечало крохотного старичка в серых штанах и серенькой рваной рубахе, с плоской шляпой, привязанной к голове веревочкой, и погасшей тонкой трубкой в редких желтых зубах. Казалось, этот человечек слился с мостовой.

Форез обратил на него внимание потому, что споткнулся о его ноги. Выругавшись, неудачник наклонился и вдруг встретился взглядом с пристальным взором очень узких раскосых глаз. В первое мгновение Форез испугался: кхитаец показался ему каким-то демоном, порождением тумана и болезненного воображения. Затем «демон» заговорил.

— Ты опрокинул моя чашка, — сообщил он. — Ты рассыпал моя деньга.

Форез действительно вывалил на мостовую те три или четыре медяка, что лежали на донышке плоской чашечки, стоявшей у ног нищего. Он поддал ногой по чашке, и она разбилась.

— Ты разбил моя чашка, — бесстрастно сказал кхитаец.

— Ну и плевать! — объявил Форез.

Он вознамерился было идти дальше, но крохотный нищий подпрыгнул, вскочил на ноги и вдруг оказался прямо перед Форезом, загораживая ему дорогу.

— Ты уходишь от моя, — сказал он. — Так не годится.

Форез попытался отшвырнуть его, но не тут-то было. Старичок словно прирос к мостовой. Он показался обнищавшему дворянину чугунным, так он был тяжел.

— Что тебе надо? — сдался Форез.

— Я хочу деньги, — сказал нищий.

Форез подбоченился, запрокинул голову и оглушительно расхохотался. Его безрадостный смех прозвучал глухо. Были уже сумерки, и туман быстро сгущался на улицах города. Даже эхо, казалось, оглохло здесь, в узком, точно ущелье, переулке.

— Что тут смешная? — осведомился нищий.

— Смешная тут то, что у меня самого нет денег, — ответил Форез. — Позволь мне идти своей дорогой.

— Нет, так не годится, — кхитаец покачал головой. — Почему у такая важная господин нет деньга?

— Потому что дядя Эмбриако выгнал важная господин из дома, а родители этого важная господин — жалкие неудачники и пьяницы, и я надеюсь, что теперь, когда они умерли, все демоны преисподней терзают их плоть! — взорвался Форез.

— Так не годится, — сказал кхитаец. — Нельзя так говорить о родители. Родители надо почитать. Умершие надо почитать.

— Если бы они оставили мне приличное наследство, я почитал бы их от всей души, — заверил Форез своего странного собеседника.

Тот качал головой, точно заведенный.

— Нет, нет. Такие, как ты, никого не почитать. Даже если бы было наследство.

— В любом случае, его нет, так что и говорить не о чем.

— Всегда есть о чем, — сказал кхитаец. — Расскажи мне о дядюшке.

И Форез, сам не зная, почему это делает, привел нищего старика-кхитайца в свой нищий дом, усадил там на единственный стул, а сам устроился на полу. Хотя, если подумать, умнее было бы сделать все наоборот: кхитайца, привыкшего сидеть на циновках, следовало бы разместить на полу, а самому сесть на стул. Но Форез хотел быть гостеприимным, и кхитаец оценил это. Он стоически сидел, выпрямившись на стуле, хотя к концу разговора у него страшно разболелась спина.

А разговор получился весьма примечательный.

— Для начала расскажи, кто ты такой, — потребовал Форез. — А то ты все обо мне знаешь, а я о тебе — только самую малость.

Кхитаец прищурился, хотя поначалу казалось, что его глаза не смогут сузиться еще больше.

— А что ты про меня знаешь?

— Ну, что ты — кхитаец. Что ты — нищий.

— Почему нищий? — удивился кхитаец.

— Разве ты не просил милостыню? — удивился, в свою очередь, Форез.

— Может быть, — сказал кхитаец. — Но я не нищий. Я очень-очень богатый. — Он приложил палец к виску. — Вот здесь. Я имею много знания.

— Отлично! — воскликнул Форез не без яда. — Что-то я не вижу, чтобы это знание тебя кормило или давало тебе кров над головой!

— Сейчас увидишь, — обещал кхитаец.

— Кроме того, ты — старик, — продолжал Форез.

— Это точно, — на сей раз кхитаец не стал возражать.

— Что еще я должен знать о тебе?

— Что я могу тебе помочь...

Форез напрягся.

— Каким именно образом?

— Я знаю, как убить несколько человек. И никто не поймет, почему это случилось, — сказал кхитаец бесстрастно. — Все будут только недоумевать.

— Невозможно! — воскликнул Форез. — Я размышлял над проблемой день и ночь несколько зим, и все без толку. Ни один наемный убийца...

— Ты глуп! — вскричал кхитаец, ерзая на стуле.

Форез пропустил оскорбление мимо ушей. Он видел, что кхитаец очень возбужден. И это волнение поневоле передавалось молодому человеку. Неужели нашел? Неужели сейчас он услышит о способе устранить и дядюшку, и кузенов?

— Ты должен ехать в Кхитай, — сказал после паузы старик.

Форез поперхнулся. Многое он ожидал услышать, но только не это!

— Должно быть, ты выжил из ума, — сказал Форез устало. — Как я поеду в Кхитай? У меня нет денег.

— Будешь обольщать женщин, — старик гаденько хихикнул. — Говорят, ты это умеешь.

— Кто говорит?

Форез огляделся по сторонам, словно ожидая увидеть сплетника прямо здесь, в своей маленькой убогой комнатушке.

— Твои вещи, — пояснил старик. — Ты считаешь себя красавцем. Если тебя умыть, причесать и одеть, то так, наверное, и покажется многим глупым женщинам. Мне неважно, как ты поедешь в Кхитай. Я расскажу тебе, какую вещь ты должен там найти.

Они проговорили почти до рассвета. Форез то верил старику вполне и принимался рыдать от счастья, то вдруг его охватывали сомнения, и тогда он метался по комнате и рвал на себе волосы. Старый кхитаец наблюдал за ним с тихой улыбкой. Что-то забавляло нищего в том, как ведет себя молодой, вспыльчивый нобиль, которого угораздило родиться бедным.

Наконец солнце пробило туман лучами-копьями, и на улицах стало светло. Заглянул отважный маленький лучик и в хибару Фореза. Старик-кхитаец дремал на стуле, свесившись набок и уронив голову на грудь, а молодой дворянин сверлил его взглядом и грозно кусал себе губы.

В конце концов он заговорил:

— Ну, хорошо, положим, я поверю тебе и соглашусь... Но тебе-то какая польза от всего этого?

Кхитаец дернулся на стуле, встрепенулся, как птица, которую потревожили, и заморгал.

— Я только глупая старая кхитаец, — сообщил он. — Я хочу жить твой дом, есть твой пища и просить мой милостыня на улицах Пайрогии.

* * *

Форез покинул Пайрогию пешком и двинулся на восток. В небольшом городке на самой границе Британии он нанялся охранником в караван, направ-

ляющийся к Турану. Его охотно взяли. Охранников не хватало, а время поджимало. Купцы торопились доставить товар в Туран, где их уже ждали; в случае опоздания хорошая партия туранских ковров могла уйти к конкурентам. И как на грех накануне вечером двое охранников передрались, и один убил другого. Разумеется, убийца был передан городским властям, так что теперь караванщиков охраняло всего три человека.

Фореза наняли охотно, но... за половинную плату. Молодой нобиль на собственной шкуре убедился в том, что среда наемников обладает такой же строгой иерархией, что и аристократическая. Может быть, даже более строгой. Человека со стороны, без рекомендаций и знакомств, принимают крайне неохотно, ему не доверяют и задирают — до тех пор, пока ему не представится случай доказать свою компетентность. Однако выхода не было. Форезу требовалось попасть на восток. Молодой, сильный, обученный владению оружием, он вполне полагался на собственные силы. Жизнь вскоре преподнесла дворянину первый урок. На первом же ночлеге Форез, следуя давней привычке, забрал себе самый удобный матрас из всех, что имелись в телеге с припасами и пожитками странников, и устроился на ночлег под телегой. Вдруг дождь? Форезу совершенно не хотелось промокнуть.

Его разбудили, едва он смежил веки, причем сделали это самым грубым образом: сперва спящего вместе с тюфяком выволокли из-под телеги, а затем отдубасили палками и отпинали сапогами. Форез мог только слабо отмахиваться руками и вскрикивать:

— Вы что? Почему?

Начальник стражи каравана схватил его за шиворот и подтащил прямо к своим глазам. Оскалившись, он прорычал в лицо ошеломленному Форезу:

— Это — мой тюфяк! Это — мое место! А ты — никто, и спать будешь на голой земле под открытым небом!

С этим он швырнул Фореза на землю. И тот, поплакав и поворочавшись, заснул прямо на камнях.

Следующая седмица превратилась для него в пытку. Избитое тело болело, и Форез не мог даже позволить себе миг отдыха. Ему приходилось ехать на лошади или идти пешком. В телегу его не пускали — из опасения, что он сожрет припасы, предназначенные для долгого пути. К голоду молодой господин привык давно, но к такому обращению, как он полагал, привыкнуть невозможно.

С этим караваном Форез расстался без всякого сожаления на самой туранской границе. Чуть позже он нанялся в следующий, где к нему относились гораздо лучше. Во-первых, теперь он мог назвать имена некоторых наемников, а во-вторых, весь его вид свидетельствовал о том, что Форез — тертый калач. Он загорел, одежда на нем пропиталась потом. На барахолке, где продавалось краденое и снятое с убитых, Форез прикупил себе кожаную безрукавку и кожаные же штаны, а также модные среди наемников сапоги с тяжелыми носками. Это повысило ему жалованье почти в полтора раза.

До Кхитая он добрался через полгода уже бывалым воином. На его счету был даже один убитый разбойник, так что вскоре некоторые молодые наемники начали ссылаться на свое знакомство с нобилем Форезом. Его так и называли — «дворянин Форез», как бы в насмешку. Потому что Форез, не оставляя надежды когда-нибудь завладеть наследством и войти в высшие слои общества, продолжал щеголять аристократическими манерами. Они сделались его отличительной чертой — подобно тому, как другие наемники носили серьгу или разукрашивали себе щеки татуировкой.

* * *

Кхитай открылся ему поначалу в виде бескрайних полей, залитых водой. По колено в воде бродили маленькие желтолицые люди, и у каждого к голове была привязана веревочкой плоская шляпа, соломенная, с растрепанными краями. Совсем как у нищего, который завладел теперь лачугой Фореза в Пайрогии.

Форез с интересом рассматривал поля и работающих там людей. Неужели эти крестьяне, довольствующиеся такой жалкой участью, принадлежат к тому же самому народу, который породил мудрых колдунов и удивительных каллиграфов? Форезу доводилось видеть работу кхитайских художников — такую тонкую, что она, казалось, не под силу была грубой человеческой руке. Вероятно, таким художникам помогают духи их народа.

А может быть, продолжал раздумывать Форез, у кхитайцев все разделено: вся тяжелая работа досталась одним, а все изящество — другим?

Впрочем, он скоро изменил свое мнение, поскольку любой из крестьян, как оказалось, в состоянии был нарисовать удивительный значок с причудливыми очертаниями и объяснить, что этот значок обозначает.

Фореза интересовало, как выглядят вывески таверн и борделей. «Чтобы не перепутать и не спросить где-нибудь на таможне девочку для услуг», — объяснил он на ломаном кхитайском, помогая себе бурной жестикуляцией. Когда кхитайские крестьяне поняли, чем интересуется этот рослый человек с круглыми глазами и для чего ему знать смысл некоторых иероглифов, их веселью не было границ.

Они охотно обучили Фореза нескольким значкам, заставили десятки раз повторить звучание незнакомых ему прежде слов, а заодно напоили крепкой рисовой водкой и накормили пресным рисом.

Ошалевший от их гостеприимства, Форез отправился дальше. С собой у него была теперь горстка риса и свежая вода в маленькой фляжке.

Бывалый путешественник и бравый солдат-наемник, господин Форез чувствовал себя как нельзя лучше. Он нигде не пропадет! То и дело он посматривал на табличку, где для него нарисовали иероглифы, чтобы получше их запомнить.

Город, который он искал, назывался Ло Фо. Небольшой городок совсем недалеко от границы, объяснил Форезу старик кхитаец. Там встречаются иностранцы, так что Форез не обратит на себя слишком большого внимания.

Нужно остановиться в любом трактире. Нужно платить чуть больше, чем спрашивают, за еду и крышу над головой, тогда хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну и ответят на любые его вопросы. Прожив день или два в полном безделье, надлежит узнать, где можно найти человека по имени Хань Ду. У Хань Ду дурная репутация, потому что он содержит очень плохой бордель. Но если хозяева трактира отнесутся к постояльцу как к родному сыну, они расскажут ему даже про Хань Ду.

Оказавшись в чужой стране, Форез решил в точности следовать инструкциям своего наставника, и потому действительно остановился в трактире и начал сорить там деньгами.

Кроме нескольких чиновников невысокого ранга, которые путешествовали по важным поручениям своих начальников, в трактире обитал еще один круглоглазый. Это был рослый детина с копной черных волос и ярко-синими глазами. Не такими уж и круглыми, кстати, вечно прищуренными, словно их обладатель пытался рассмотреть чуть больше, чем открывалось простому взору.

Детину звали Конан, и выглядел он точно таким же наемником, каким был и господин Форез. Знакомство они свели тем же вечером. Иначе и быть не могло: двое иностранцев в далеком Кхитае, в одном трактире... Да еще оба — наемники!

Форез назвал свое имя, слабо надеясь на то, что до Конана уже доходили рассказы о том, как он, Форез, храбро убил целого одного бандита.

Однако Конан только фыркнул:

— Форез? Впервые слышу.

— Меня называют «нобиль Форез», — добавил наемник вкрадчиво.

— А почему? — удивился Конан. — Вот меня называют киммериец, это потому, что я из Киммерии. А ты что, настоящий нобиль?

— Может быть, — скромно пожал плечами Форез.

— А может быть, и нет! — захохотал варвар оглушительно и потребовал еще рисовой водки.

Водку подавали подогретой в крошечных чашечках. Конан проглатывал содержимое этих чашечек, одну за другой в страшных количествах точно устриц, и совершенно не хмелел. Зато у Фореза все плыло перед глазами. Киммериец заметил это и дружески посоветовал:

— Ты, приятель, много этой дряни не пей. С непривычки может стать очень плохо.

Форез только двинул бровями. Оказалось, что киммериец прав. Скоро дворянин уже плохо соображал, где находится и с кем разговаривает.

— Мне нужно отыскать бордель, — лепетал он.

— Ну, не сейчас же! — резонно возражал ему варвар. — Да и к чему тебе какой-то бордель? Я могу познакомить тебя с чудесными девушками без вся-

кого борделя. Они охотно примут в объятия такого мужчину. Им нравятся мужчины с запада.

— Не какой-то бордель, а совершенно определенный, — пьяно настаивал на своем Форез. — Который содержит этот... как его... урод один... кхитаец...

Он замолчал, мучительно припоминая имя содержателя. Наконец сказал, как будто выплюнул:

— Хань Ду!

— Хань Ду? — удивился Конан. — Но у него очень плохой бордель!

— А чем он плох, а? — поинтересовался Форез.

— Женщины старые, в комнатах грязно. Угощение никудышное, — начал перечислять варвар. — Да еще и цены высокие. Бывают такие места — ни одного достоинства.

— Но ведь как-то он существует? — не унимался Форез.

— В этом сокрыта самая большая кхитайская тайна, — согласился Конан. — А для чего тебе такое место, как заведение Хань Ду?

— Мне его... рекомендовали, — сообщил Форез. И погрозил Конану пальцем: — Только т-сс!

— Рекомендовали? — удивился варвар. И вдруг насторожился. Что-то почудилось ему в облике Фореза. Хоть тот и плохо соображал, но говорил весьма связно. Имелась определенная логика во всех этих высказываниях. И очень эта логика варвару не понравилась. Нутром он чуял: неспроста разыскивает британец этого Хань Ду.

— Ну да, — продолжал Форез. — Мой друг и рекомендовал... У меня есть друг кхитаец.

— У меня тоже есть друг кхитаец, — сказал Конан, — и он мне решительно не советовал...

— А мой кхитаец, наоборот, очень даже советовал... Как ты думаешь, если твой кхитаец против моего кхитайца... то кто победит?

Конан подумал о своем друге, кхитайском каллиграфе Тьянь-По, с которым познакомился при довольно странных обстоятельствах, в замке, полном колдовства и загадок. С тех пор им не раз доводилось вместе переживать различные приключения, и маленький каллиграф успел по-настоящему подружиться с рослым верзилой варваром.

Однако ни о чем из этого Конан не успел рассказать своему новому знакомцу, потому что Форез, упав лицом на стол, крепко заснул.

* * *

Наутро выяснилось, что стремление Фореза оказаться в борделе, пользующемся скверной репутацией, ничуть не угасло. Напротив, проспавшись и окончательно придя в себя после вчерашнего, господин Форез был бодр и полон планов.

— Что ты там забыл? — недоумевал Конан.

— Определенного представления о том, что именно мне требуется, пока что нет, — честно признался Форез. — Впрочем, могу намекнуть. Я проделал весь путь из Бритунии до Кхитая специально для того, чтобы повидаться с этим Хань Ду. Ну как? Что скажешь?

— Загадочно, — признал Конан. — Нельзя ли побольше узнать о том твоем кхитайце? Ну, о том, который присоветовал встретиться с Хань Ду...

— Отчего же... — Форез пожал плечами. — Впрочем, многого о нем я тоже сообщить не смогу. Обычный старый нищий.

— Где вы познакомились? — настойчиво продолжал расспросы киммериец.

— В Бритунии...

— Обычный нищий! — Варвар уставился на Фореза ярко-синими глазами. Усмешка расползлась по загорелому лицу варвара. — Просто старенький кхитаец в Бритунии. Такое ведь на каждом шагу встречается, не так ли?

Форез густо покраснел.

— Я хочу сказать, что в самом нищем ничего странного не было. Может быть, судьба забросила его слишком далеко от родной земли, и это обстоятельство можно счесть не вполне обычным. Согласен. Ты ведь знаешь этих попрошаек, которые прикидываются мудрецами, чтобы только разжалобить богатеньких господ!

Перед киммерийцем — даром, что тот был необразованным варваром, неотесанной дубиной, грубым наемником и пьяницей к тому же, — господин Форез чувствовал себя глупым мальчишкой. Изысканное образование и аристократическое воспитание подмогой ему сейчас никак не служили. Это не могло не раздражать.

— Итак, он пытался разжалобить богатеньких господ своей псевдо-мудростью, — безжалостно сказал Конан. — Кто у нас богатенький? Ты? — Киммериец смерил своего собеседника с ног до головы критическим взглядом. — Не думаю! — заключил Конан таким тоном, как будто завершил врачебный осмотр и нашел пациента не вполне здоровым.

— Ну... — замялся Форез. — Я, конечно, не...

— И много он получил от тебя?

— Весь мой дом, — признал Форез. — Правда, домик так себе...

— А ты по его совету потащился в Кхитай! Не такая уж она ложная, мудрость твоего нищего кхитайца!

— Ты покажешь мне, где находится заведение Хань Ду? — рассердился наконец Форез. — Или я буду разыскивать его сам!

— И наткнешься, пожалуй, на чей-нибудь нож, — пробормотал Конан. — Здесь гораздо больше негодяев, чем ты предполагаешь, дружище. Кхитайцы только с виду народ смиренников. На самом деле разбойного люда они породили ничуть не меньше, чем бритунцы.

— Или киммерийцы, — попытался пошутить Форез.

Но Конан не улыбнулся.

— Киммерийцы, возможно, и превосходят их, — вполне серьезно заметил он, — но в том, что касается всех прочих... Ладно. Провожу тебя.

Они вместе покинули таверну и отправились бродить. Фореза поразило, как легко ориентируется Конан в лабиринте узеньких улочек, словно бы нарочно сплетенных в тесный клубок, как умело и вежливо разговаривает с местными. Конан был выше их на две головы самое малое, но они охотно вступали с этим великаном в беседу. Более того! Какой-то приезжий кхитаец, чиновник невысокого ранга, заблудившийся среди лавочек, торгующих креветками, пресным рисовым хлебцем и подслащенной водой, обратился к Конану с вопросом о том, как ему выбраться к Дворцу Присутствия — месту, где заседают чиновники. Это просто потрясло Фореза. Конан показал чиновнику дорогу. Кхитаец, благодарно поклонившись, поспешил по своим делам, а Форез обратился к Конану:

— Он что, принял тебя за местного жителя?

— Возможно. — Конан пожал широченными плечами. — Меня почти везде принимают за местного.

— Боги! Как тебе это удается? Ты не похож ни на что из встреченного мною прежде!

— Это-то и подкупает, — хмыкнул Конан. — Скажу тебе больше. Некоторые чернокожие из Черных Королевств полагают, что я — негр по имени Лев Амра, жуткий пират и гроза морей.

— Негр? Боги, помогите мне! Уж не оборотень ли ты?

Выпалив это, Форез тотчас пожалел о сказанном. Гигантская ручища варвара схватила его за горло. Синие глаза блеснули у самых выпученных глаз Фореза.

— Я — Конан из Киммерии, — тихо сказал варвар. — И это все. Никогда — слышишь ты? — никогда не предполагай, что я буду дружить с духами, демонами, колдунами, оборотнями и прочей нечистью! Я их ненавижу. Ясно тебе?

— Ясно, — прохрипел Форез. — Отпусти же меня.

Конан разжал пальцы и пробурчал:

— Ладно.

Заведение Хань Ду предстало перед ними в конце переулка, стиснутого лотками и прилавками. Здесь пахло рыбой и водорослями, хотя до моря было далеко. Рыбу привозили издалека, обложив ее льдом с горных ледников. Однако эта мера предосторожности помогала не всегда. Рыба попадала в городок чуть подпорченная, и оттого острый морской запах становился еще сильнее. Два круглых фонарика тихо покачивались над входом. В окне маячила толстая женщина с обиженно надутыми губами. Замученная худышка шваркала тряпкой по крыльцу, видимо, пытаясь придать заведению сколько-нибудь приличный вид. Удавалось ей это плохо.

Конан остановился.

— Ты по-прежнему уверен, что желаешь видеть Хань Ду?

Форез нерешительно кивнул и шагнул вперед. Киммериец смотрел ему в спину и покачивал головой. Затем крикнул:

— Учти, вызволять тебя отсюда я не буду!

Форез обернулся, махнул ему рукой и исчез за обтрепанной занавеской, сплетенной из тростника.

Он очутился в небольшом помещении, где тускло чадила масляная лампа. Здесь пахло странными благовониями и дымом ароматических курильниц. Любой знаток сказал бы Форезу, что все благовония — самого дурного качества, но для бритунийца это было не очевидно, поскольку он вообще в этих тонкостях не разбирался.

Толстая женщина — та, что была видна с улицы, — пошевелилась у окна. На ней был неряшливый шелковый халат, наброшенный прямо на голое тело. Форез увидел жировые складки уставшей немолодой плоти, и ему сделалось противно.

— Ну? — сипло спросила женщина. — Ты принес что-нибудь покурить старой доброй Фу?

— Насчет Фу — определенно, — вздохнул Форез.

Женщина, не поняв его, склонила голову набок. После короткого молчания она повторила вопрос:

— Так ты принес покурить для старой доброй Фу?

— Нет, — сказал Форез. — Я хочу видеть Хань Ду. У меня к нему важное дело. И если старая добрая Фу проводит меня к хозяину...

— А... — Женщина глубоко вздохнула, отлепилась от окна и двинулась к Форезу. — Ладно. Я провожу тебя.

Она зашлепала по нечистому полу босыми пятками. Форез скользнул за ней. Молодой человек старался двигаться осторожно, но все равно то и дело задевал выступающие из темноты предметы: то полочка с какими-то сосудиками окажется на пути и возмущенно задребезжит, то кованый сундук вцепится в лодыжку твердым углом. Когда Форез добрался до господских покоев, он был уже весь избит и покусан, как ему казалось. «Старая добрая Фу», естественно, не обращала никакого внимания на страдания бритунца.

— Господин! — крикнула она хрипло, обращаясь к циновке, загораживающей дверной проем. — К тебе пришел какой-то глупый верзила.

Оттолкнув женщину, Форез нырнул за циновку и остановился, изумленный. В крохотной комнатке с низеньким потолком горели сотни миниатюрных ламп. Светильники были сделаны в виде раскрытых цветков лотоса. Их алебастровые лепестки источали бледное сияние. По всей комнате бегали матовые пятна света.

Некоторые из ламп, как почудилось Форезу, висели прямо в воздухе. Должно быть, они прикреплены к потолку тонкими цепочками, смятенно подумал бритунец. Он был так увлечен этими лампами, что не сразу заметил сидящего в комнате человека. А человек этот был не менее примечательным, чем светящиеся лотосы. Это был маленький кхитаец, гораздо меньше обычного человека — карлик со сморщенным раскосым и плоским лицом. Его глаза то-

нули в складках, зато ноздри, короткие и вывороченные, глядели с лица двумя округлыми отверстиями. Коричневые губы в окружении морщин шамкали.

Он сидел прямо на полу, где не было никакой мебели, если не считать мятого и совершенно вытертого ковра. Когда Форез присмотрелся, он не без удивления заметил остатки узоров: давным-давно ковер был изготовлен в Туране. С тех пор прошло, наверное, несколько сотен зим.

— Садись, — прошептал Хань Ду.

Форез подогнул ноги, опустился на колени, а затем устроился, как умел, на пятках. Он приготовился рассказывать Хань Ду свою историю — о нищем, о странном совете отправиться в Кхитай, о своем путешествии... Но Хань Ду слабо махнул рукой, словно отметая подробности как нечто излишнее.

— Оставим все, — зашелестел его голос. — Говори о главном.

— Главное? Ну... — Форез замялся. — У меня есть богатый дядя и двое кузенов. Я хочу получить дядины деньги так, чтобы они, во-первых, достались только мне, а во-вторых, чтобы никто не заподозрил меня в покушении на жизнь достопочтенных родственников. Вот и все. Это — если в общих чертах.

— Большего знать и не требуется, — захихикал Хань Ду.

Форез не верил своим ушам.

— И ты готов помогать мне? — переспросил он изумленно. — Вот так, ни о чем больше не спрашивая?

— Конечно, — заявил кхитаец.

— Но... ты ведь назовешь свою цену? — продолжал Форез. — Я не могу ведь просто так взять у тебя какой-нибудь яд или... — Он нервно огляделся по сторонам. Теперь два или три светильника раскачивались в воздухе, и Форез ясно видел, что никакие цепочки или ленты не крепят их ни к стенам, ни к потолку. Они попросту плавают в воздухе. — Или заклинание, — сглотнув, выговорил Форез.

— Заклинание? — Кхитаец затрясся от смеха. — Ну нет! Я еще не настолько стар и выжил из ума, чтобы отдать в руки глупого бритунца заклинание! Ты все испортишь. Ты ничего не смыслишь в магии.

— Это правда, — не стал отпираться Форез. — Но я... ни перед чем не отступлю.

— Хорошо, хорошо... Я дам тебе одну вещицу. Тебе ничего не придется делать. Просто возьми ее и спрячь. Никому не рассказывай. Никому не показывай. Ты меня понимаешь?

Форез кивнул. Его руки прыгали от жадности. И все же он нашел в себе силы спросить:

— Но ведь ты потребуешь что-нибудь взамен?

— А как же! — произнес кхитаец и затрясся от беззвучного смеха. — Но ты узнаешь об этом после. Да, после... — Он призадумался, как будто что-то взвешивал в уме.

Форез пристально следил за ним, покусывая в нетерпении губу. Больше всего на свете молодой человек боялся, что Хань Ду вдруг передумает и отка-

жется ему помогать. Он уже видел, как это бывает. Человек вдруг напрягается, лицо у него делается отсутствующим, и изменившимся тоном он объявляет, что никакого обещания он не давал и вообще никакого разговора не было. Так, например, повела себя с ним дочь графа Сабрана. Еще вчера умильно улыбалась при виде Фореза, а сегодня уже изображает, будто они едва знакомы.

Но об этой лицемерке лучше и не думать. Стоило совращать ее с пути истинного, чтобы тебя потом выставили из дома! Форез скрипнул зубами и тут заметил, что кхитаец наблюдает за ним. Наблюдает с застывшей улыбкой на сморщенном личике.

— Я дам тебе кое-что, — повторил он. — Мне нужно, чтобы это оказалось в Британии. Только и всего. Ты меня понял? Ты сделаешь так, как я тебе повелю: возьмешь это и подаришь дядюшке. Ни о чем не рассказывай. Никому.

— Но я...

Форез хотел сказать, что не слишком доверяет вещам, достающимся бесплатно.

Кхитаец приподнялся и вдруг сделался гораздо выше ростом.

Теперь его седенькая лысеющая макушка почти доставала до потолка.

— Ты сделаешь, как я сказал! — проговорил он совсем другим голосом, звучным и гремящим.

Форез съежился. Под пронзительным, пылающим взглядом кхитайца он почувствовал себя совсем маленьким, ничтожным.

Вместе с тем в глубине души Фореза зародилась досада. Как так! Почему он, дворянин Форез, трепещет перед каким-то Хань Ду, содержателем плохого борделя на кхитайской границе?

Но это было правдой. Хань Ду пугал Фореза. Молодой человек ощущал, что в этом сморщенном карлике скрывается какая-то непонятная сила.

— Я согласен, — пробормотал он, глядя на своего собеседника снизу вверх. — Я сделаю все, как ты повелишь, Хань Ду.

Кхитаец моргнул с таким видом, словно впервые слышал это имя. Затем вдруг расплылся в широкой улыбке.

— А! — вымолвил он. — Хань Ду. Ну конечно. Да. Хань Ду. А ты будешь меня слушаться, верно?

Он уселся, снова сделавшись маленьким и беспомощным старичком со съеженным личиком, и несколько раз звучно хлопнул в ладоши.

Форез удивленно оглядывался по сторонам. Пока кхитаец нависал над ним, в комнате произошли изменения. Светильники прижались к стенам, как будто были испуганы не меньше, чем посетитель, и помаргивали оттуда. Циновка, висящая в дверном проеме, шевелилась, словно за нею кто-то прятался.

Затем чья-то невидимая рука отодвинула плетеную циновку в сторону, и в комнату медленно вплыла золотая маска. Это была старинная кхитайская ритуальная маска, изображавшая, должно быть, самую прекрасную девушку на свете. Удлиненный овал лица, пухлые губы, длинные глаза, чуть раскосо посаженные, но достаточно большие, чтобы понравиться не только кхитайцу,

изящные, чувственные ноздри, — девушка была совершенством. И только если приглядеться более пристально, можно уловить едва ощутимое выражение жестокости, словно бы спящее в углах ее рта.

Маска, казалось, висела в воздухе, никем не поддерживаемая. И хотя господин Форез успел убедить себя в том, что он готов к любым чудесам и загадкам, эта вещица поразила его до глубины души.

Покачиваясь перед его лицом, маска прошла сперва в одну сторону, потом в другую. Затем кто-то невидимый резко сдернул ее — и тотчас перед Форезом оказалась жуткая уродина. Он отпрянул и больно прикусил себе язык, чтобы не закричать. Еще одна женщина из заведения Хань Ду, на сей раз тощая, изможденная, со сломанным носом, торчащим чуть вбок и приплюснутым, с гноящимися глазками и длинным подбородком, на котором — о ужас! — росла редкая жесткая щетина.

— Боги! — вырвалось у Фореза. — Для чего ты держишь у себя этих пугал?

Хань Ду хохотал, держась за бока и встряхивая головой.

— У некоторых людей странное представление о возбуждающем, — сказал наконец кхитаец-карлик. — Большинство предпочитает полногрудых, молодых женщин. Некоторым нравятся худые, похожие на мальчиков. Иным вообще нравятся только мальчики, но сейчас мы говорим не о них. И есть особые клиенты. Особые! Такие, что обожают грязь, старость, разложение, смерть. Они стыдятся признаться в этом своим домашним. Любой поймет мужчину, который захочет повеселиться в обществе красивой девушки. Но кто поймет тайное желание мужчины провести ночь в объятиях безобразной старухи? Мое заведение — для очень немногих. Для избранных. Для несчастных, которые мнят себя отверженными. Для тех, кто не похож на всех остальных. И их, кстати говоря, гораздо больше, чем ты предполагаешь, глупый бритунец...

— Я уже ничего не предполагаю, многочтимый Хань Ду, — сдался Форез. — Как только я сделал первый шаг за порог родного дома, мир предстал передо мной совершенно иным, нежели представлялся прежде...

— Ты мудр, — сказал Хань Ду. — С зимами ты, быть может, научишься понимать многие вещи. О, да. Многие... — Он задумался, пожевал губами, поразмыслил. Нашел свою фразу пустой и ничего не значащей и засмеялся. — Не всякому вздору верь, бритунец, даже если его изрекают уста старика!

— Ладно, — сказал Форез. — Так я и сделаю. Но как получилось, что до тех пор, пока твоя женщина не сняла маску, я не видел ее?

— Она пряталась за маской, — объяснил кхитаец.

— Я не видел не только лица, но и всего тела, — настаивал Форез.

— Всего лишь потому, что смотрел лишь на маску.

— Нет! — Форез покачал головой. — Ты хочешь одурачить меня, не так ли? Я достаточно глуп для этого. Но все же недостаточно, чтобы не замечать, помимо лица, рук и ног. Не забывай, я — наемник, воин, я всегда слежу, не грозит ли мне опасность.

— Ну, если ты такой наблюдательный... — протянул кхитаец. — Да, это особенная маска. Не вздумай надевать ее! Опасность велика. Просто возьми ее, заверни в шелк и спрячь в свой мешок. Отвези в Британию и преподнеси своему дядюшке. Дальнейшее предоставь случаю. Рано или поздно он исчезнет, и никому не придет в голову заподозрить в этом происшествии тебя.

— Разве что кто-нибудь припомнит, что я возвращался из Кхитая и дарил дяде странные предметы для его коллекции.

— А ты устрой так, чтобы эти предметы преподнес ему кто-нибудь другой, — сказал кхитаец. И вдруг зевнул, показав беззубый рот. — Уходи. Ты меня утомил. Забирай вещь и уходи. Понял?

— Ты так и не сказал, что ты хочешь в обмен на эту маску, — напомнил Форез.

— Я свое уже получил, — объявил кхитаец. — Так что бери — пока я не передумал.

* * *

Конан застал своего друга Тьянь-По за работой: тот собирал вещи и укладывал их в дорожную корзину. Завидев варвара, кхитаец обрадовался:

— Поверишь ли, Конан, я хотел искать тебя! Мне говорили, что ты в стране...

— Для чего ты хотел меня искать? — ворчливо удивился варвар и устроился на циновках.

Маленький каллиграф взял в руки очередной письменный прибор, повертел, проверил, остро ли заточены палочки, кольнув себе палец и сморщившись.

— Не уходи от ответа, — сказал Конан.

— Для чего один друг ищет другого? — проговорил наконец Тьянь-По. — Повидаться, поболтать. Может быть, сходить в какое-нибудь симпатичное заведение, пропустить стаканчик...

— Я так не думаю, — объявил Конан. — Только не в нашем случае.

— Почему? — лукаво склонил голову набок Тьянь-По.

— Потому что я — наемник, — сказал Конан. — И если меня ищут, то обычно по делу.

— Ну, не думаешь же ты... — начал Тьянь-По, притворяясь обиженным.

— Думаю! — перебил Конан. — Так что говори, какое у тебя ко мне дело, иначе я уйду. И не скажу, какое дело у меня к тебе.

— Вот так, сразу... — огорчился Тьянь-По. — Нет чтобы сперва выпить чаю, поговорить на разные отвлеченные темы. Я рассказал бы тебе о своих впечатлениях. Я ведь путешествовал до озера Порхающих Бабочек и видел, как восходит солнце над розовыми лотосами... Сразу за озером высится гора, на вершине которой выстроена пагода, где висят десять хрустальных колокольчиков. Если совершить правильное восхождение на эту гору, то можно достичь просветления.

— А можно не достичь, — сказал Конан. — Или свернуть себе шею. Во всяком случае, поздравляю тебя с успешным возвращением, Тьянь-По. Ну как? Мы достаточно помололи языками без толку и теперь можем переходить к важному? Или ты хочешь поведать мне еще о чем-нибудь?

— Ты безнадежен, — сдался маленький каллиграф. — Ладно, слушай. Мне нужен компаньон для поездки в Британию.

— А при чем тут я? — спросил Конан.

— Ты — сильный, проницательный... — начал Тьянь-По, лукаво кося глазами.

— Угу. А ты — хитрая обезьяна. Говори, что надо!

— Надо охранять хитрую льстивую обезьяну, потому что она боится доверять свою драгоценную жизнь незнакомым наемникам, — сдался Тьянь-По. — Еще она не хочет присоединяться к торговым караванам, на что есть целых две причины: во-первых, следующий торговый караван на запад отправляется только через полгода, как я выяснил, а я тороплюсь... А во-вторых...

— Довольно и первой причины, я полагаю, — хмыкнул Конан.

Тьянь-По умолк и заморгал почти виновато.

— Ладно, — заявил киммериец великодушно, — продолжай. Для чего тебе Британия? Неужели и там появились желающие изучать каллиграфию? Что-то сомнительно. Для того, чтобы рисовать всех этих козявок, которые у вас, кхитайцев, обозначают буквы, слова и целые фразы, нужно иметь пальцы как у насекомого.

— У насекомых нет пальцев, — возразил Тьянь-По.

Конан махнул ручищей.

— Ты меня понял, не притворяйся глупее, чем ты есть.

— Ладно. Нет, речь не идет об уроках каллиграфии, хотя некоторые женщины даже на западе имеют определенные задатки для постижения этого искусства... — Глазки Тьянь-По блеснули, но тут же погасли. — Не отвлекай меня, варвар! — закричал он, размахивая рукавами. — Ты нарочно завел разговоры о женщинах, чтобы сбить меня с толку!

— О женщинах заговорил ты, — возразил Конан. — Я всего лишь спрашивал, для чего тебе ехать в Британию, да еще так срочно.

— Наш правитель получил послание от короля Британии, — сказал Тьянь-По. — Ты понимаешь, как это важно?

— Для него, может быть, и важно, — беспечно отозвался Конан, — а для киммерийца Конана это безразлично.

— У тебя нет чувства долга, — сказал Тьянь-По укоризненно. — А у меня есть. Британский король просит нашего правителя прислать к его двору специалиста по праздникам Золотых Масок.

— То есть тебя? — уточнил Конан.

— Ну, — Тьянь-По скромно потупился, — возможно, британский король не вполне хорошо знает мое имя... Или вообще его не знает...

— Для чего британскому королю все эти ваши церемонии? — продолжал

удивляться Конан. Он вполне поверил своему приятелю — Тьянь-По не стал бы ему врать, но мотивы, коими руководствовался король Британии, оставались для него загадкой.

А загадок киммериец не любил.

Тьянь-По пожал плечами и привычным движением поддернул рукава своего халата.

— Он хочет произвести впечатление на посольство Аквилонии, кажется, так он написал в письме. Сейчас в закатных странах мода на все кхитайское. А если учесть, что в Пайрогии живет самый известный на западе коллекционер кхитайских диковин... Тебе доступна моя логика, или рассказать подробнее?

— Логика доступна, — проворчал Конан, — но подробности тоже не помешают. Что за коллекционер?

Тьянь-По сморщился.

— Просто богатый чудак, я полагаю. Собирает у себя в саду различные растения, которые ему привозят со всего света. Покупает за большие деньги разные диковины у авантюристов, которые, опять же, приезжают к нему со всего света. Держит в своем имении художника, который составляет для него каталоги его коллекций.

— Что делает? — уточнил Конан.

— Рисует и подписывает. Вещь такая-то, привезена из такой-то страны, таким-то убийцей туземцев, продана за такую-то сумму и теперь хранится у нашего нобиля.

— Понятно. Ты тоже хочешь что-нибудь нарисовать?

— Если придется. Но вообще-то, как я уже говорил, я должен заняться церемонией. Посмотреть, какие у нашего дворянина есть вещи и каким образом эти предметы могут быть использованы для создания кхитайской церемонии. Подчеркиваю: это будет не настоящая церемония. Поскольку истинная реальна только в Кхитае. Но имитация должна быть по возможности полной.

— Я думаю, тебе следует не столько воссоздавать кхитайскую церемонию при помощи имеющихся под рукой предметов, — сказал Конан, — сколько имитировать ее, предварительно изучив представление людей закатных стран о том, каковы должны быть кхитайские обычаи.

Тьянь-По засмеялся и забил в ладоши.

— Ты очень хитроумен, Конан.

— Это свойство любого варвара. Нас напрасно считают тупыми. Нет никого хитрее, чем варвар.

— Разве что кхитаец... — сказал Тьянь-По. — Теперь твоя очередь. Ты знаешь обо мне все, а я о тебе — лишь самую малость.

— Я был здесь по делу, — начал Конан. — Точнее, в сам Кхитай меня занесло случайно. Я... э... уносил ноги от одного назойливого типа, который... э... считал, что я обошелся с ним не вполне справедливо. В общем, тип теперь удобряет кхитайскую почву, а я оказался здесь. Чему, в принципе, даже рад, ибо у меня появилась возможность повидаться с тобой.

— Превосходное начало для повести, — произнес Тьянь-По, одобрительно кивая. — Однако продолжай! Умоляю тебя, не останавливайся.

— Ладно, ладно... — Конан хмыкнул. — Вчера я встретил здесь еще одного человека из закатных стран. По странному совпадению, британца. Он уверяет, будто служил наемником, охранял караваны. Может, и не врет, вид у него действительно бывалый и несколько потрепанный, как у всякого наемника. Но вот что я тебе скажу, Тьянь-По: если он и охранял караваны, то совсем недолго. Шрамов нет, руки гладкие, ладонь не похожа на лопату. Он, в отличие от меня, — тут Конан с удовольствием глянул на собственную руку, твердую, точно деревяшка, — расставался с мечом.

— Что делал здесь этот британец? — Тьянь-По выглядел теперь немного встревоженным. — Его тоже занесло в Кхитай по случаю? Спасался от назойливых типов?

— Нет, мне так не показалось... Он хотел найти заведение Хань Ду. Сказал, что нарочно приехал повидать этого самого Хань Ду.

Тьянь-По даже подскочил, едва заслышав это имя.

— Что ты говоришь! — вырвалось у маленького каллиграфа. — А сам ты бывал у Хань Ду?

Конан покачал головой.

— Еще чего не хватало! Всем известно, что у него очень плохой бордель. Посмотри на меня, дружище. Разве я похож на человека, который захочет посещать плохой бордель? Да я вообще, если охота знать, не люблю бордели! У меня полно знакомых девушек, и если я пожелаю, то...

— Знаю, знаю! — Тьянь-По сморщился. — Не продолжай. Я имел в виду не девушек, а самого Хань Ду.

Конан залился багровой краской.

— Что ты сказал?

— Не то, что ты подумал, — отмахнулся кхитаец. — Хань Ду ворочает темными делишками. И если какой-то человек приезжает из Британии нарочно для того, чтобы повидаться с Хань Ду, значит, дело очень и очень нечисто.

— Скорее всего, торговля порошком черного лотоса, — отмахнулся Конан. — Весьма дорогостоящий способ самоубийства. Но меня это не касается. Если господин Форез намерен купить черного лотоса у господина Хань Ду, а потом продать его еще какому-нибудь господину, то это их личное дело.

— Так-то оно так, — вздохнул Тьянь-По, — но если речь идет не о дурмане?

— А о чем? — удивился Конан. — Что еще можно вывезти отсюда — нелегального, экзотического, типично кхитайского да еще такого, чтобы дорого стоило?

— Существует много разных вещей, о которых ты даже не подозреваешь.

— Для того, чтобы хорошо спать, вкусно питаться и дожить до старости, совершенно не обязательно знать все, — сообщил Конан. — Кстати! — вспомнил он. — Этот Форез говорил, будто к Хань Ду направил его один кхитайский нищий. Очень странный нищий. Форез встретил его в Пайрогии...

Друзья призадумались. Теперь, когда Конан перечислил все, что было ему известно о Форезе, предприятие британского наемника начало выглядеть более чем подозрительным.

— Как ты думаешь, — сказал наконец Тьянь-По, — имеет его приезд какое-то отношение к празднику, который наш император помогает устраивать британскому королю?

— Возможно, — сказал Конан.

— Прямое или косвенное? — настаивал Тьянь-По.

— Возможно, — повторил Конан. — Интересы людей могут сплетаться самым различным образом. Иногда настолько причудливо, что распутать этот клубок не под силу никому, кроме разве что богов.

Друзья помолчали немного.

— Знаешь что, — промолвил наконец Конан, — я отправлюсь в Британию вместе с тобой.

Кхитаец несказанно удивился:

— А разве это не было уже решено?

— Нет. Ты меня попросил — это правда, но я не успел дать согласие...

— Теперь даешь?

Конан кивнул.

— Не нравится мне Форез. Не нравится мне Хань Ду. Мне даже этот британский коллекционер кхитайских диковин не нравится. Хорошо бы их всех одним махом прихлопнуть! — высказался варвар. — И вот что, Тьянь-По... Налей-ка мне чаю да расскажи подробнее про порхающих бабочек.

* * *

Маленький караван состоял из трех человек — двух охранников и каллиграфа, — и пяти лошадей, из которых две были вьючные. Они выступили в путь через два дня после встречи Конана с Тьянь-По. Форез попросился к ним в попутчики, когда узнал, что киммериец со «своим кхитайцем» направляются в Британию. Ему не стали отказывать. С одной стороны, лишний человек не помешает: мало ли что может случиться в дороге. Путь предстоит неблизкий, местами довольно опасный, так что второй охранник будет кстати. С другой стороны, Конан чувствовал, что Форез впутался в какую-то странную историю. Весьма странную. И, возможно, довольно пакостную. Так что стоит держать его в поле зрения.

Каллиграф знай себе делал таинственное лицо и помалкивал. Конан знал, что за внешностью простака скрывается человек проницательный, но Форезу совершенно незачем знать о выдающихся качествах личности Тьянь-По. Британскому наемнику сообщили лишь, что перед ним — знаменитый каллиграф, а также знаток обычаев и церемоний, приглашенный к британскому двору в качестве консультанта.

На всякий случай Конан дополнительно нашептал своему компаньону кое-какие подробности касательно Тьянь-По:

— Ты думаешь, Форез, что он просто кхитаец и все? Ошибаешься! Характер у него — бешеный! Двух помощников, которые ему не угодили, он лично превратил в полевых мышей!

— Во-первых, не двух, а трех! — подал голос Тьянь-По, который, как оказалось, прекрасно все слышал. — А во-вторых, не в мышей — тьфу! нечистое животное! и опасное! — а в обезьян.

— Разыгрываешь, — недоверчиво протянул Форез, поглядывая на Конана.

— Вовсе нет, — сказал варвар с самым серьезным видом. — Кроме того, он, — тут Конан опять покосился на Тьянь-По и понизил голос до еле слышного шепота, — большой охотник до женщин! Иной раз за ночь ублажает десяток и все ему мало!

— Враки! — сказал Тьянь-По.

Конан выпрямился.

— Только не притворяйся, что ты слышал.

— Конечно, слышал. Ты врал, что я охотник до женщин.

Конан махнул рукой, а Форез поневоле глянул на маленького кхитайца с уважением. Этот важный человечек, восседавший на лохматой выносливой лошадке с таким видом, будто готовится начать очередной урок каллиграфии у себя в храме, где жили, трудились и обучались ученики, понемногу начинал вызывать у Фореза странные чувства. Молодому человеку казалось, что его дурачат, и в то же время он догадывался о том, что его спутники — не простые люди. Далеко не такие простые, какими хотели бы выглядеть.

Позднее, на привале, Конан тихо спросил у Тьянь-По:

— Неужели ты действительно слышал, как я говорил о твоей ненасытности с женщинами?

Каллиграф покачал головой.

— Конечно, нет. Я догадался.

— Как?

— Ну... Ты всегда об этом говоришь, когда хочешь произвести впечатление.

Конан сжал кулак и занес его над головой кхитайца, одновременно с тем скорчив ужасную рожу. Тьянь-По засмеялся.

— Изумительно, Конан! Я никогда не пожалею о том, что пригласил тебя охранять мою персону.

* * *

У моря Вилайет начинался самый опасный участок пути. Здесь давно хозяйничает банда Аббаза. В последний раз Конан сталкивался с Аббазом и его людьми чуть севернее, однако хитрый гирканец никогда не нападает дважды на одном и том же месте.

— Хорошо бы нам проскочить незамеченными, — проворчал Конан, когда впереди показались небольшие, убогие селения солеваров. — Не знаю, где теперь промышляет мой приятель, но встречаться с ним я определенно не желаю.

Однако этому благому пожеланию не суждено было сбыться.

Купцы из Хоарезма прибыли к солеварам почти одновременно с кхитайцем и его спутниками. Конану это обстоятельство не понравилось с самого начала. Где соль — там и кровь, рассуждал киммериец и оказался убийственно недалек от истины.

На большие плоскодонные баржи грузили соль в бочках. Одну за другой переносили ее костлявые, жилистые грузчики, обнаженные по пояс, в широченных штанах. За их работой надзирало двое хоарезмийцев с бичами. Грузчики, надо заметить, не были рабами — они получали плату за свой труд. Однако этот факт не мешал им оставаться ленивыми и вечно недовольными. Поэтому надсмотрщики, бранясь на чем свет стоит, подгоняли их бичами.

Конан поглядел на картину, представшую его взору, хмуро, без удовольствия. Ему вообще не нравилось, когда кого-либо подгоняют бичом. Независимо от того, заслужил ли человек дурного обращения или просто сделался случайной жертвой чужой жестокости.

— Пойдем, — сказал своему другу Тьянь-По. — Эти люди сами нанялись на работу. Они в состоянии отвечать за себя.

— Я и не собирался за них вступаться, — фыркнул Конан. — Еще чего не хватало! Нет, мне не нравится другое... Они слишком долго копаются. Как будто ждут чего-то.

— Ну да? — усомнился кхитаец.

Третий участник похода, господин Форез, подъехал ближе, чтобы слышать, о чем говорят его товарищи. Конан не стал делать тайны из своих наблюдений.

— У меня складывается такое впечатление, будто грузчики нарочно долго возятся с работой. Вероятно, ждут, пока подойдут их сообщники.

— Какие сообщники? — не понял Форез.

— Полагаю, грабители, — сообщил Конан, не моргнув глазом. — Я знаю по крайней мере три банды, что разбойничают в здешних краях. Полагаю, есть и еще. Но скорее всего скоро мы увидим самого Аббаза.

— Мы ведь не станем выручать хоарезмийских купцов? — спросил Форез. — Мне кажется, у нас для этого маловато сил.

— Хоарезмийские купцы — вполне взрослые и ответственные люди, — согласился Конан. — Они шли на риск сознательно. И если они так глупы или так скупы, что не обзавелись подходящей охраной, то это их беда. Не моя. И не наша, — добавил варвар.

Он поднял голову и прищурил глаза.

— Ага! — воскликнул он. — А вот и наши друзья. Легки на помине.

Степь покрылась облаками, которые быстро приближались. Конан прикидывал, сколько врагов может насчитываться в банде, и в конце концов объявил:

— Человек пятьдесят, не меньше.

Он ударил лошадь пятками и поскакал к причалу. Грузчики как раз побросали бочки и потянулись за кинжалами, которые прятали на поясе. Размахивая мечом, варвар на коне влетел на причал и снес голову ближайшему из бандитов. Надсмотрщики закричали. Один из них растерялся и бросился бежать, и бандит успел метнуть кинжал ему в спину, так что надсмотрщик споткнулся и рухнул лицом в воду. Однако второй широко размахнулся бичом и выбил нож из руки третьего из бандитов. Конан подоспел вовремя, чтобы отсечь нападающему руку.

— Беги! — крикнул он человеку с бичом. — Предупреди своих! Аббаз! Это Аббаз!

Дважды просить не пришлось. Человек бросил бич и помчался в поселок, где находились купцы.

Банда между тем приближалась. Из поселка навстречу разбойникам уже скакали охранники купеческого каравана. Конан быстро окинул их взглядом. Да, купцы из Хоарезма хорошо знали, куда отправляются и кто им может повстречаться. В охране находилось не менее сорока человек, и все — очень хорошо вооружены.

Конан без колебаний встал в их ряды.

Стычка началась сразу, едва только кони столкнулись грудью. Никто не остановился даже для того, чтобы выстрелить из лука. Размахивая мечами и дико визжа, гирканцы набросились на солдат. У бандитов имелось небольшое превосходство в численности, однако солдаты, несомненно, обладали куда более крепкими доспехами. Гирканские сабли скользили по тяжелым кирасам.

Впрочем, бандитам не впервой сталкиваться с подобным врагом. Они целили удары не по людям, а по лошадям. Оказавшись на земле, тяжеловооруженный всадник делался беспомощным. Ему предстояло высвободиться из стремян, выбраться из-под грузного коня, упавшего набок и придавившего седока. Да и поднявшись на ноги кавалерист не чувствовал себя вполне уверенно. Доспех мешал ему, сковывал движения.

Конан, одетый, как и люди Аббаза, в куртку из твердой вываренной кожи, двигался куда быстрее, чем солдаты из купеческого каравана. Он носился среди врагов, как молния, и разил без устали налево и направо. Казалось, невозможно уйти от удара длинным прямым мечом, сверкающим в руке варвара, как молния. Форез вместе с Тьянь-По приблизились к месту схватки.

— Хочешь участвовать? — спросил кхитаец своего спутника.

Форез покачал головой.

— Меня почти наверняка убьют, — признался он. — Я не слишком хороший боец. В отличие от твоего друга. Никогда не видел, чтобы человек так владел мечом! Он непобедим.

— Надеюсь на это, — вздохнул Тьянь-По. — Вероятно, не было другого способа проехать мимо озера Вилайет, если Конан ввязался в схватку... Вообще-то он весьма миролюбив.

Последнее заявление каллиграфа заставило британца посмотреть на него с изумлением и передернуть плечами. Господин Форез сильно сомневался в том, чтобы могучий, самоуверенный и довольно раздражительный варвар мог быть «миролюбивым». Впрочем, всегда остается возможность того, что кхитаец вкладывает в это понятие какой-то совершенно особенный, кхитайский смысл, недоступный для сознания человека закатных стран.

Схватка заканчивалась. Аббаз, как всякий разбойник, не стремился пасть со славой и сберечь свою честь.

Увидев, что перевес на стороне солдат, он попросту гикнул и пустил своего коня вскачь, спасаясь бегством. Уцелевшие разбойники поскакали за ним. Несколько солдат вздумали было преследовать Аббаза, но скоро вернулись обратно. Не имело смысла забираться далеко на территорию врага, где бандиты, несомненно, нападут снова.

Конан тяжело переводил дыхание. Не такой уж он непобедимый, как это могло показаться со стороны. Меч Аббаза задел его по ребрам, и рана на боку обильно кровоточила. Она не была опасной, но сильно болела.

Несколько солдат были убиты, пятеро — ранены. Прочие устроились отдыхать — попадали на землю, кто где стоял, и потянулись за флягами. Двое или трое бродили по полю битвы и рассматривали погибших разбойников. Большинство из людей Аббаза были одеты в настоящие лохмотья, и только оружие у них было превосходным. Солдаты собирали сабли и кинжалы, чтобы затем разделить их между всеми по справедливости.

Командир отряда наемников отправил четверых солдат копать могилы для их погибших товарищей, а сам приблизился к Конану.

— Нужна ли тебе помощь? — спросил он, глядя, как киммериец зажимает рану.

— Как ты думаешь? — фыркнул Конан.

— Подними руки, я гляну, сильно ли тебя порезали.

Конан послушно развел руки в стороны. Командир солдат, бывалый воин, отвел в сторону полу кожаной крутки, обнажил бок варвара, осторожно прикоснулся пальцами.

— Как ты и думал, — сказал он киммерийцу. — Порез сильный, но кость не задета.

— Ага, — сказал Конан. — Именно так я и думал. У тебя в отряде есть врач?

— У нас каждый сам себе врач, — сурово сообщил командир.

— Ладно, попрошу своих, — сквозь зубы процедил Конан.

— Я не поблагодарил тебя, — молвил командир отряда.

— Ну так поблагодари! — взорвался варвар. — Проклятье! Мне больно, я устал, хочу есть, я спас вашу шайку от Аббаза — во всяком случае, так мне представляется, — а здесь полным-полно чудесного оружия... Например, вон та пара сабель...

— Они твои, — без колебаний произнес командир.

Конан протянул руку, и командир наемников вложил ему в пальцы рукояти сабель. Затем хлопнул киммерийца по ладони и ушел.

— Ну как ты, Конан? — подбежал к другу Тьянь-По.

— Останови мне кровь. Потом я хочу есть. Потом — спать. Наутро едем, — отрывисто сказал Конан.

Ему подвели лошадь и помогли забраться в седло. Трое спутников отъехали от селения солеваров на десять полетов стрелы и там устроили лагерь. Форез привез свежей воды в большом бурдюке и недавно выловленной в озере рыбы.

— Кто это был? — спросил Форез у варвара, когда тот, с тугой повязкой на боку, умытый, с хрустом поглощал рыбу, перемалывая крепкими челюстями не только кости, но и плавники и хвосты.

— Просто Аббаз, — сказал Конан. — Плюгавая гроза здешних мест. Разбойник. Ничего интересного. Нам просто не повезло. Надо было сразу дать деру, едва мы заметили купцов. Это как с рыбной ловлей: где косяк всякой мелюзги, там и хищники...

— Не такой уж он и плюгавый, — возразил господин Форез. — Кажется, он убил человек пять.

— И потерял пятнадцать! — возразил Конан. — Так не сражаются. А теперь скажи мне, господин Форез, ты действительно дворянин?

— По происхождению — да, — признал Форез.

— А по образу жизни — босяк, не так ли? — Конан прищурился. — Ты ведь трус! Почему ты не вступил в битву?

— Ну... справились ведь без меня, — уклончиво ответил Форез.

— Справиться-то справились, но разве тебе не хотелось обнажить меч и пустить кому-нибудь кровь? — осведомился варвар, чуть шевеля верхней губой, точно волк, почуявший добычу.

— Нет, не хотелось, — честно признал Форез. — Я человек миролюбивый. Если там ядом кого-нибудь или хотя бы удавкой... Но бросаться в битву...

Его передернуло.

— Боишься крови?

— Скажем так, не люблю, — Форез вздохнул. — Да, я испорченный нобиль. Говорят, знатные люди постепенно вырождаются. Должно быть, я из тех, которые уже выродились. Но что поделать! Я ведь жив! Народился для чего-то на свет, хожу вот по миру... Хочу быть счастливым. Разве я виноват, что не люблю битвы?

— Наверное, не виноват, — проворчал Конан, — но только меня от этого тошнит.

Он улегся удобнее и сразу же захрапел, чуть приоткрыв рот.

— Мало ли от чего меня тошнит, — прошептал Форез.

— Ты не в том положении, дружок, чтобы оповещать остальных о том, что тебе нравится, а что — нет, — напомнил ему Тьянь-По. — Пока здесь Конан, помалкивай. Конан-варвар — будущий король. Даже если сейчас это будущее и представляется слишком отдаленным, почти нереальным.

— Король? — поразился Форез.

Тьянь-По кивнул несколько раз.

— Именно, дружочек. Король. Он верит в то, что рано или поздно завоюет себе трон. А ты? Каким ты видишь собственное счастье?

Форез криво пожал плечами.

— Свой дом. Сад... Женщины. Возможно, одна женщина. Супруга. Слуги. Вкусная еда. Никаких забот. Никаких дел. Никаких усилий. Мягкое ложе. Полный дом домашних животных. Слуги...

— Слуг ты уже называл, — сказал Тьянь-По.

— Я хочу быть бездельником, — подытожил Форез. — Жить без забот и умереть стариком.

Тьянь-По махнул рукой.

— Ты был прав, господин Форез, аристократия вырождается! Даже мои стремления простираются гораздо выше, а ведь я — простой каллиграф.

— Да? — переспросил Форез. — И каковы же твои высочайшие стремления, каллиграф?

— Я хотел бы стать старшим каллиграфом при императорском дворе! — объявил Тьянь-По победоносно. — Признайся, Форез, ты на такое не замахивался даже в самых дерзновенных своих мечтах!

* * *

Возвращение в Бритунию разлучило троих спутников. Тьянь-По отправился прямиком в королевский дворец, и Конан, проследив за тем, чтобы его кхитайского друга приняли там как следует, нашел себе приличную гостиницу.

Денег, полученных им от Тьянь-По (точнее, от кхитайского императора, который снабдил своего посланца немалыми средствами), было довольно для того, чтобы обеспечить себе пару лун беззаботного существования в Пайрогии.

Форез, с которым кхитаец расплатился куда более скромно, буркнул пожелание, которое можно было бы счесть «добрым» и «дружеским» только при наличии очень сильно развитого воображения, и отправился к себе в лачугу. Господин Форез понятия не имел о том, чего стоило ожидать от старика-нищего, которому он оставил свой дом.

Однако то, что предстало его взору, превосходило любые, даже самые смелые фантазии.

Снаружи лачуга выглядела такой же убогой, как и всегда. Но после долгого путешествия, во время которого Форезу довелось повидать самые разные города, «родовое гнездо» показалось ему особенно жалким и отвратительным.

Если старик кхитаец и был дома, то никаких признаков жизни он, во всяком случае, не подавал. Это показалось Форезу немного странным. Конечно, днем кхитаец мог бродить по улицам, но сейчас был уже вечер, и старику следовало отдыхать. В конце концов, разве не для того он попросил у Фореза раз-

решения пожить в его доме, покуда хозяин лачуги путешествует? Скрипнув зубами, Форез наконец решился заглянуть внутрь.

Обычно дверь лачуги запиралась на хлипкий замок, а то и вовсе стояла нараспашку. Но на сей раз Форезу не удалось открыть ее сразу. Что-то держало ее изнутри.

Он дернул сильнее. Никакого результата.

— Проклятье! — взревел Форез, разбегаясь и стукаясь о дверь всем телом.

Послышался треск, как будто кто-то разрывал прочную ткань, и дверь наконец распахнулась. Форез ворвался в комнату. Однако, против всех ожиданий, он не пролетел через всю комнату и не стукнулся о противоположную стену.

Он как будто упал лицом в тюфяк, поставленный торчком. Мягкая шелковистая ткань коснулась его щеки. Пружинистая перина приняла на себя удар.

Форез пробормотал невнятное проклятие и отпрянул. Ему почему-то не слишком понравился этот «тюфяк». К тому же «ткань» была хоть и гладкой, но чуть влажной и к тому же слегка прилипала к коже. Он пошарил в темноте руками, пытаясь найти границы «тюфяка». Бесполезно. Вся комната была перегорожена.

Наконец Форез выбрался наружу и сделал факел из палки и собственного рукава, в спешке оторванного от ветхой рубахи. То, что осветило пламя, было поразительным: вся комната оказалась заполнена паутиной.

Тонкие, поблескивающие в свете факела сероватые нити, тянулись во всех направлениях, сплетались, скрещивались, свивались в клубки и свисали прядями. Их было так много и они были настолько прочны, что человек мог повиснуть в этой паутине без риска упасть (что несколькими мгновениями раньше и продемонстрировал господин Форез).

— Проклятье! — пробормотал он. — Как такое могло случиться?

Он отступил на шаг, держа факел, как меч, наготове. Если попытаться сжечь паутину, то вместе с нею, несомненно, загорится и лачуга, и тогда Форезу негде будет ночевать. Кхитаец, конечно, дал ему денег...

Ах, этот кхитаец! Хитрая бестия. Форез попытался было заключить союз с Конаном против косоглазого. Отвел как-то раз киммерийца в сторону — это произошло в самом начале их совместного пути обратно в Бритунию, — и предложил:

— Кхитаец везет с собой деньги и подарки от своего императора. Что если двум белым людям объединиться и отобрать у этого малыша все сокровища? Уверен, в его мешках окажется добра довольно для нас обоих. Что скажешь, Конан?

Конан молчал, изучающе поглядывая на своего спутника.

А Форез даже раскраснелся, представляя себе, какое богатство его ждет.

— Нет, ты подумай, Конан, подумай хорошенько! — настаивал он. — Мы завладеем сокрови...

Завершить фразу он не успел. Пудовый кулак варвара обрушился ему на голову и прервал поток красноречия.

Затем, дождавшись, чтобы британец перевел дыхание, проморгался, откашлялся и вообще обрел разумный вид, Конан проговорил:

— Нет.

И больше к этой теме не возвращался.

Зато удвоил бдительность. Впрочем, эта предосторожность оказалась излишней — британец был человеком понятливым и дважды одной и той же ошибки не совершал. Нет так нет. В отличие от многих и многих, нобиль Форез умел понимать отказы.

Одно время дворянин опасался, что Конан расскажет об их разговоре Тьянь-По. Но нет. По крайней мере, отношение кхитайца к наемнику ничуть не изменилось. Тьянь-По оставался все тем же: сдержанным, веселым, с детской улыбкой, ослиным упрямством и выносливостью обозной шлюхи.

Правда, заплатил он своему второму охраннику гораздо меньше, чем Конану. Но и это имело свое объяснение: ведь Конан сделал для Тьянь-По гораздо больше, чем Форез!

Эти денежки Форез хотел приберечь. Жаль будет потратить их на гостиницу в своем же родном городе! Ему необходима приличная одежда. Та, что хранится дома в сундуках, давно уже истрепалась. Не говоря о том, что она вышла из моды.

Нет, сжигать паутину вместе с домом он не станет. Воткнув факел в землю перед порогом, господин Форез извлек из ножен меч. Размахнулся.

И изо всех сил рубанул по паутине.

Послышался адский скрежет, как будто сталь коснулась не тонких ниток, а железных цепей. Несколько нитей оказались обрублены, и Форез, приободренный, нанес второй удар.

— Эй ты! — возмущенно заорал хозяин хижины, прилепившейся по соседству. — Какого дьявола ты тут делаешь? Все приличные люди давно уже спят!

Форез, не отвечая, продолжал рубить.

Проснулись и в других лачугах и везде принялись вопить:

— Дайте поспать!

— Перестань скрежетать!

— Что он там делает? Перережьте ему глотку!

— Замолчите, я спать хочу!

— Сами замолчите, я тоже спать хочу!

Следующий удар Фореза сопровождался не только скрежетом, но и диким криком. Кричало явно живое существо. Хуже того — из паутины хлынула кровь.

Форез в ужасе отскочил. В свете факела видно было, как черная густая кровь широкой струей вытекает из хижины и разливается вокруг.

— Что это? — пробормотал Форез, отходя в сторону. Он поднял голову и увидел перепуганные лица своих соседей — ничтожных нищих людишек, с

которыми никогда не общался. — Боги мои, расскажите мне, люди, что здесь произошло?

Большинство довольствовались тем, что шум прекратился, и скрылись в своих домах. Остался лишь один человек неопределенного возраста, весь покрытый бородавками. Форез помнил его: это был один из прежних событульников его отца.

Встреч с этим человеком Форез избегал с особой тщательностью. Меньше всего на свете ему хотелось слушать рассказы старого забулдыги о том, как проводил свои дни и ночи его ничтожный, заблудший отец-неудачник.

Но — делать нечего! Других собеседников на этот поворот клепсидры у Фореза не было.

Забулдыга икнул, попросил денег на выпивку и сообщил:

— Жил здесь старик-кхитаец. Мы все гадали, как такое вышло. То ли ты, друг милый, до того перепился, что всю рожу у тебя перекосило, то ли продал свой дом этому кхитацу, а сам подался в чужие края... Выходит, я ошибался, а вот жена моя была права, ха-ха!

Форез не стал входить в эти подробности. Он снабдил своего собеседника еще одной монеткой, и вид блеснувшего в свете факела кругляшка взбодрил того настолько, что повествование продолжилось:

— Словом, жил тут этот кхитаец. Днем ходил куда-то, а вечером дома сидел. Иногда вроде пел. Или выл. Словом, испускал различные звуки. А потом перестал выходить из дома. Ну, мы думали: может, подался в чужедальние края. А жена моя полагала, что он помер. Выходит, жена моя опять была права, хе-хе!

— Не женщина, а сокровище и кладезь премудрости, — сказал Форез. — Дальше.

— Будь она сокровищем, я бы давно ее продал, — сказал забулдыга. — Но насчет премудрости ты совершенно прав.

Он помолчал немного, но новой монетки не последовало.

— Это все? — спросил Форез, когда молчание затянулось.

— Ну... Вроде бы, да, — неуверенно ответил забулдыга. — Так помер старик или как? Мы-то входить не решились. Мало ли что. Посадят потом в тюрьму и отрубят голову за убийство.

— Ясно, — сказал Форез. — Ну, спасибо.

Он повернулся к соседу спиной и шагнул в сторону окровавленного крыльца. Что делать? Войти в дом и посмотреть, чья это кровь? Ждать рассвета? Все-таки сжечь тут все и забыть о случившемся?

Неожиданно из темноты вынырнула огромная тень, и знакомый низкий голос проговорил:

— Что тут случилось, господин Форез?

— Конан! — Форез вдруг понял, что невероятно рад появлению киммерийца. Во время путешествия именно Конан принимал все важнейшие решения,

и теперь, оставшись наедине с собой и своей жизнью, Форез немного растерялся.

— Конан, Конан... — проворчал варвар. — Воплей тут — на весь квартал.

— Разве ты поселился по соседству? — удивился молодой нобиль. — Я думал, тебе достаточно заплатили, чтобы ты нашел себе комнаты в центре Пайрогии.

— Можно найти вполне приличные комнаты на окраине. Плата меньше, а удовольствия больше, — заявил Конан. — К тому же тут у меня полно знакомых... Ты напугал мою приятельницу. И она, вместо того, чтобы провести со мной приятный вечерок, удрала к себе, замотала голову шарфом и наотрез отказывается выйти из-под кровати. Как ты думаешь, почему такое случилось? У тебя есть объяснение?

Вместо ответа господин Форез выдернул из земли факел и посветил в сторону своей лачуги. Конан присвистнул.

— Кого ты здесь зарезал, мясник?

— Если бы я только знал...

Форез выглядел таким беспомощным, что Конан поневоле развеселился.

— Идем, — сказал киммериец, — выпьем у меня в гостинице, а с рассветом вернемся сюда и посмотрим вместе, что ты натворил.

Форез позволил себя увести. Он так устал и перепугался, что напился после первой же кружки и заснул прямо за столом. Конан не потрудился отнести его в комнаты. Сам он отправился к себе и превосходно выспался на тюфяке, брошенном прямо на пол. Тюфяк был набит свежей соломой, в нем не водилось клопов и блох, а в окно, выходящее прямо на восток, солнце заглядывало первым делом, едва только успев подняться над горизонтом. И, пощекотав тонкими золотыми лучами лицо спящего варвара, пробуждало его веселым: «Пора, Конан! Впереди еще один день, полный неожиданностей, приключений, доброй выпивки и веселых подруг!»

Конан проснулся с рассветом, спустился вниз и, обнаружив своего приятеля в той же позе, в какой оставил его накануне, беспощадно разбудил. Облитый холодной водой, Форез фыркал и стонал, он едва не плакал. Конан ухмыльнулся.

— Вот и утро, мой господин, пора отправляться к лачуге и...

В глазах Фореза появился ужас.

— Не бойся, малыш, я с тобой, — сказал Конан. — Разве тебе не интересно, что ты там наворотил? Мне — ужасно интересно. Я просто всю ночь чесался от любопытства.

Он схватил дворянина за руку и потащил за собой, не позволив даже глотнуть воды.

Возле лачуги все оставалось по-прежнему. Дверь стояла нараспашку, темная лужа крови запеклась на пороге. Факел давно прогорел, и тряпка на нем источала отвратительный запах. Комната была сплошь затянута паутиной. Не все нити, как выяснилось, были одинаковы. Часть из них представляла собой

сильно удлиненные и деформированные пальцы рук. В самом центре паутины, скрестив ноги и раскрыв залепленные серой липкой массой глаза, сидел старик кхитаец. Он был, несомненно, мертв. Его руки были раскинуты в стороны и покоились на нитях. Из пальцев исходили густые пучки, которые затем расходились по всей комнате. Такие же охапки нитей вылезали из его головы, из плеч, из коленей. Мертвый кхитаец словно пророс мириадами паутинок, став одновременно и жертвой их, и родителем.

— Что это? — пробормотал Форез.

Конан схватил его за плечо и развернул к себе.

— Вот именно! — сказал он резко. — Что это, а? По-моему, настало время нам с тобой, Форез, поговорить серьезно. Рассказывай, где ты встретил старика и что он тебе говорил!

— Клянусь, ничего особенного... — начал было Форез.

Конан встряхнул его, как лисица встряхивает пойманную мышь.

— Не ври!

— Просто нищий.

— Почему ты пустил его жить в свой дом?

— Он попросил...

— А если бы я тебя попросил?

— Мне нужно было, чтобы за лачугой приглядели, — извернулся Форез. — Старикан показался мне безобидным. Вот и все. Да, еще забавно было, что он кхитаец.

— И еще забавно, что он отправил тебя в Кхитай искать этого отвратительного Хань Ду, не так ли? — продолжил киммериец.

— Я хотел заработать торговлей наркотиками... — нашелся Форез.

Это объяснение показалось варвару вполне правдоподобным. Конан еще раз смерил британского аристократа подозрительным взглядом и отошел в сторону.

— Может быть, ты и не врешь, — проворчал киммериец. — Но в любом случае, выглядит все это очень некрасиво.

— Мне теперь негде жить, — пожаловался Форез.

— У тебя есть деньги, наймешь комнату, а потом подберешь себе работу по вкусу, — безжалостно сказал варвар. — Можешь, к примеру, устроиться охранником в богатый дом. В такой дом, где водятся хорошенькие дочки. Этим ремеслом можно промышлять не хуже, чем любым другим.

— Ты предлагаешь мне заняться работорговлей? — спросил Форез.

— Обычным шантажом, — поправил киммериец. — Мне не нравится, когда женщин крадут и продают на сторону, каким-нибудь грубым типам, которые будут делать с ними, что захотят. Женщина должна отдаваться мужчине по доброй воле, с охотой, ради удовольствия. Иначе во всем этом нет никакого смысла. Ну а потом всегда можно получить деньги от отца девушки или от ее брата.

— Или дубиной по голове, — сказал Форез, вспомнив свою неудачную историю с дочерью графа Сабрана.

— Это уж как повезет, — согласился Конан и поглядел на Фореза с насмешливым сочувствием: — Полагаю, у тебя нет ни таланта, ни везения. Бедняга!

* * *

«Напрасно он так ко мне относится! — думал Форез, глядя в широкую спину удаляющегося варвара. — Значит, таланта у меня нет? Насчет везения он, может быть, и прав... Хотя — тоже как посмотреть. Встретил же я этого кхитайского нищего...»

При воспоминании о том, во что превратилось «удачное знакомство» со стариком кхитайцем, Фореза передернуло. Тем не менее он упорно продолжал считать это удачей.

«И до Кхитая я добрался, и там с кем надо переговорил, а после вернулся домой. И вот я в Пайрогии. Берегись, дядюшка! Еще никому не было позволено презирать Фореза безнаказанно! Если бы боги хотели, чтобы другие люди могли вытирать об меня ноги и не опасаться при том за свою судьбу, то они сотворили бы меня, скажем, садовником. Или продавцом угля. Но я родился с титулом, а это кое к чему обязывает!»

Он гордо вскинул голову.

«И пусть хитроумный варвар считает меня глупцом. Так даже лучше. Пусть все воображают, будто я ни на что не способен. То-то будет удивления!»

Золотая маска, полученная от Хань Ду, тщательно завернутая в шелк и запакованная в прочный пергамент, перевязанная тесьмой, была почти плоской и удобно хранилась под курткой Фореза. Он пришил ее с изнаночной стороны, под мышкой. Время от времени Форез проверял, на месте ли маска: для этого ему было достаточно опустить руку и прижать ее плотнее к туловищу. Он сразу ощущал локтем прикосновение золотого носа, который ухитрялся покалывать даже сквозь обертку и плотную куртку.

Ни Конану, ни Тьянь-По Форез и словом о своем приобретении не обмолвился. Он не слишком доверял компаньонам. И не то чтобы эти двое — особенно киммериец — представлялись Форезу «омерзительно честными» (как он выражался о людях, вроде дядюшки Эмбриако); просто цели у них были немного различны. Неизвестно, как отнесется тот же киммериец к желанию господина Фореза при помощи колдовства убить богатого и неуместно принципиального дядю. Вроде бы, Конан несколько раз высказывался в том смысле, что всем колдунам неплохо бы поотрезать головы и сварить их в котле, а варево вылить в отхожее место.

Тьянь-По на сей счет ничего не говорил, но кто может наверняка знать мысли кхитайца! Боги нарочно создали их с такими узкими глазами — чтобы другие люди ничего не могли в этих глазах прочитать.

Итак, Форез решил действовать один. Для начала он отыскал подходящего человека.

Подходящий человек обретался там же, в гостинице, и вид имел самый бывалый. Потрепанный и потасканный. Сразу видно, побродил этот воин по большим и малым дорогам, помахал мечом из довольно скверной стали во всех войнах и стычках, что затевались на просторах Хайбореи, попил вина во всех тавернах, не пропуская ни одной. Словом, это был немолодой и сильно пьющий наемник, который пытался отойти от дел.

Звали его Ангадди, и был он из Хоарезма.

Когда господин Форез подсел к нему за столик, Ангадди мутно поглядел на него налитыми кровью глазами, раскрыл рот, чтобы попросить нежелательного соседа «уб-браться отсюда к Неграду и подальше», но Форез, хорошо зная подобную породу людей, чрезвычайно ловко подсунул ему стакан с выпивкой, и Ангадди отвлекся.

— Я желал бы побеседовать с тобой, уважаемый, по очень интересному вопросу, — сказал Форез. — Не возражаешь?

Поскольку Ангадди был занят выпивкой, то времени и возможности возражать у него не оставалось.

— Вот и хорошо, — невозмутимо продолжал Форез. — Я вижу, ты человек бывалый. Везде побывал, ко всему руку приложил.

— И к тебе приложу, если не уберешься, — прохрипел Ангадди между глотками.

Форез чуть отстранился и тронул кинжал, висящий на поясе. Вообще-то в таверне принято было снимать оружие, но кинжалы за таковое не считались.

— Сперва выслушай, а после убивай, — назидательно молвил Форез.

Ангадди отставил стакан и уставился на непрошеного собеседника налитыми кровью глазами.

— Где ты такую глупость слышал, а? Я тебе вот что скажу! Если ты сперва будешь лясы точить, а уж потом браться за оружие, то...

— Друг, — проникновенно произнес Форез, — война ведь закончилась. Мы с тобой в Пайрогии, в уютной таверне, пьем вино, за которое плачу, кстати, я, и ведем мирную беседу. Мы ведь на одной стороне.

— Да? — Ангадди был ужасно удивлен. — В первый раз такое слышу!

— Да, да, — Форез несколько раз кивнул, стараясь выглядеть как можно более убедительным. — На одной. Я предлагаю тебе заработать.

— Кого убить? — осведомился Ангадди у своего нового друга.

Форез осторожно накрыл его иссеченную шрамами ладонь своей холеной рукой.

— Подожди, не стоит торопиться. Убивать будем не мы. Хотя, обещаю тебе, кровь прольется!

— Это самое главное, — проворчал Ангадди, успокаиваясь.

— Нужно прийти в один дом и сказать, что ты — бывалый солдат, наемник, который пострaнствовал по свету, — продолжал Форез.

— Это сущая правда! — рявкнул Ангадди. — Неужели ты хочешь заплатить мне за то, что я скажу правду?

— Правда иногда обходится очень дорого... Нет, дальше нужно будет сказать что-то не вполне правдивое. Ты спросишь хозяина дома, господина Эмбриако. Господин сей обожает разные заморские диковины. Об этом его пристрастии знают многие странники и бывалые люди, вроде тебя. Ему со всего света приносят безделушки, а он охотно расплачивается за них чистым золотом.

— А! — крякнул Ангадди. — Но при чем тут я?

— Говорю тебе, ты назовешься странником и принесешь ему красивую безделушку. А Эмбриако заплатит тебе за нее золотом.

Ангадди отставил стакан. Разложил на столе несколько кислых ягод, которыми заедал свою выпивку — уж такая у него была привычка, заедать выпивку кислыми ягодами.

— Это я. Это безделушка. Это золото, которое я получу от господина Эмбриако. А это — господин Эмбриако, который заплатит мне за безделушку. Но что-то я не вижу во всей этой комбинации тебя!

— Это очень простая комбинация, — заверил его Форез.

— Она была бы простой, если бы в ней нашлось место для тебя, — упорствовал Ангадди. — Я чую подвох. Какую выгоду ты видишь для себя? Отвечай! — взревел он.

Господин Форез чуть отодвинулся.

— Я открою тебе сердце, как брату, — сказал он разъяренному наемнику. — Моя выгода в том, чтобы господин Эмбриако получил эту безделушку. Полагаю, она... э-э... не вполне то, чем выглядит.

— Подробнее, — потребовал Ангадди.

Форез наконец взорвался. Он понял: еще одна уступка наемнику, и достопочтенный Ангадди сядет ему на голову и вообразит, будто обладает какой-то властью над ним, нобилем Форезом. Нет уж.

— Я сказал тебе достаточно, — отрезал Форез. — Хочешь — берись за работу, хочешь — откажись. Дело твое. Я всегда могу найти другого бывалого человека, который явится к господину Эмбриако за наградой в несколько десятков золотых.

Последний аргумент сразил наемника.

— Так бы сразу и сказал, — пробурчал он, опуская голову и сразу делаясь чрезвычайно приятным в общении.

* * *

Конан навестил своего друга Тьянь-По в резиденции, которую британский король отвел почетному гостю из Кхитая. Резиденция представляла собой крохотный садовый домик, размещенный в самом отдаленном из королевских садов. Киммерийца долго не хотели туда пускать, рассказывали ему о неприкос-

новенности королевских садов и прочую чушь, пока наконец не появился привлеченный шумом и громкими криками Тьянь-По и с улыбкой не попросил стражников впустить этого гостя.

— Ибо он явился ко мне, дабы не прерывать своего обучения, — объявил маленький каллиграф ошеломленным стражникам.

Те проводили взглядами странную парочку: огромного киммерийца и миниатюрного кхитайца. Друзья неторопливо удалились в беседку, где Тьянь-По проводил большую часть своего времени, рисуя тушью схемы расположения различных фонтанчиков, искрометов, плавающих ваз с цветами и прочих элементов предстоящего праздника.

— У господина Эмбриако, по слухам, есть несколько настоящих золотых масок, — сказал Тьянь-По. — Завтра я хотел бы посмотреть их все. Золотые маски могут придать церемонии наиболее эффектный вид.

— А для чего они нужны? — полюбопытствовал Конан.

— Их надевают танцовщицы, когда исполняют Танец Золотых Масок, — объяснил Тьянь-По и удивился: — А для чего еще?

Конан пожал плечами.

— Никогда не знаешь, что скрывается за маской. Не слишком-то мне нравится вся эта затея.

Тьянь-По внимательно посмотрел на своего друга.

— Ты становишься философом, Конан. Действительно, та пустота, что скрывается за маской, всегда таит в себе неизведанное. Но ты ведь пришел говорить со мной не о церемониях, не так ли?

— Да. — Варвар кивнул и огляделся. — Разве ты не предложишь мне рисовой водки или этого твоего чая? Я надеялся, что ты пожелаешь угостить меня и побеседовать о чем-нибудь, вроде бабочек над лотосами.

Тьянь-По шевельнул бровями.

— В такое время суток я не пью водку и тебе тоже не советую. Что до чая, то в Пайрогии он просто ужасен. Пока он добирается из Кхитая до Бритунии, он успевает покрыться плесенью и потерять все свои чудесные ароматы. Так что я довольствуюсь водой.

— Лучше пей здешнее пиво, — посоветовал Конан. — Таков главный закон любого путешественника. Всегда пей то, что и местные жители.

С этими словами киммериец извлек из-под куртки гигантский кувшин с пивом. Как там умещался сей сосуд, осталось загадкой.

— Таково уж мое дао, — сообщил Конан пораженному кхитайцу. — Давай сюда чайные чашки. Будем разговаривать.

Испив первую чашу, маленький кхитаец разрумянился и проговорил:

— Чувствую действие твоего напитка. Слушай же. Я поведаю тебе об апельсиновых деревьях...

Он устроился поудобнее, обложившись со всех сторон микроскопическими шелковыми подушечками, которых в беседке имелось превеликое множество, и заговорил нараспев:

— Жили на свете три брата-колдуна...

— В Кхитае? — уточнил Конан.

Тьянь-По глянул на своего собеседника неодобрительно:

— Разумеется, в Кхитае. Не перебивай. Лучше внимай моей истории и оцени, насколько она изящна. Итак, эти трое братьев занимались своими магическими делами...

— Поджарить бы всех троих! — опять не удержался Конан.

Тьянь-По даже подскочил на подушках:

— Будешь ты слушать или нет?

— Я буду внимать, учитель, — с притворным смирением произнес Конан.

— Старший из братьев занялся работорговлей. Он покупал у бедняков их дочерей и превращал их в девиц для сладких утех. У этого старшего был особенный дар: взглянув на трехлетнюю девочку, он сразу мог сказать, вырастет ли она красивой. И он никогда не ошибался. Скоро о его чудесном умении знали уже все работорговцы округи, и к нему приводили маленький живой товар — для оценки. Таким образом, он богател и богател.

Второй из братьев любил странствия. Его интересовали чужие страны. Он обошел весь Кхитай, побывал и в Вендии и даже добирался, по слухам, до Турана. Он был также очень любопытен, поэтому подслушивал чужие разговоры. А для того, чтобы его не обнаружили и говорили в его присутствии вполне свободно, он превращался в паука. В маленького такого, с виду вполне безобидного паучка, на которого никто и внимания не обращал. Забивался в уголок — и слушал, слушал.

Иногда ему делались известны какие-нибудь тайны, но чаще всего — незначительные обстоятельства чьей-либо жизни. Для него не существовало разницы между важным и неважным. Он просто любил быть в курсе. И потом, вернув себе человеческий облик, он удивлял собеседника редкой проницательностью. Откуда было знать людям, что в обличье паука их теперешний сотрапезник вызнал всю их подноготную и теперь, можно сказать, держит их в кулаке!

Ему иногда удавалось таким образом провернуть забавные делишки. Точнее — делишки, которые сам он находил забавными. Потому что все остальные участники истории так вовсе не считали. Кто-то разорялся, кто-то заканчивал счеты с земной жизнью. Разваливались семьи, уходили из дома оскорбленные сыновья, убегали с первым попавшимся проходимцем дочери...

Колдуна все это чрезвычайно забавляло. Он называл это — «плести паутину».

Третий же брат был самым могущественным из всех. Он умел отделять свой дух от своего тела и воплощаться в разные материальные предметы. Например, в чаши, покрывала, драгоценности. Однажды, по слухам, он оставил свое тело и вошел в виде духа в роскошное ожерелье, которое кхитайский император подарил своей новой наложнице. И что же? Ожерелье удавило бедную девушку в тот же вечер, а казнен был за это злодеяние ни в чем не повинный евнух!

И вот однажды случилось троим братьям-колдунам бродить вместе в поисках приключений. Они оказались в небольшом городке в самом центре Кхитая. Городок этот называется У-Хань, вряд ли ты там побывал, Конан. Он очень маленький. Впрочем, имеется там правитель, которого местные жители — из почтительности к его сану — именуют «государем».

Давным-давно, когда еще царили Лемурия и Атлантида, У-Хань вовсе не был маленьким городком. Это была столица могущественного царства. С тех пор многое изменилось, царство рассыпалось в прах, исчезли с лица земли даже гробницы его великих царей. Что же осталось? Осталась память.

В чем осталась память? Память осталась в слове. В имени.

Поэтому правителей маленькой У-Хани называют государями, а их дочерей — принцессами...

Трое братьев-колдунов остановились возле глухой ограды, за которой начинался сад правителя.

«Кто в этом саду, братья?» — спросил старший из братьев.

Средний тотчас превратился в паучка и вскарабкался на вершину ограды.

«Я вижу трех прекраснейших девушек! — воскликнул он. — Погодите, я должен послушать их разговоры!»

И он быстро побежал вниз, чтобы очутиться в саду, поближе к девушкам. Младший из братьев щелкнул пальцами, и ограда сделалась прозрачной.

Взорам братьев предстали три принцессы, одетые в желтый шелк. Они были тройняшками, рожденными в один час от одной матери. Их длинные волосы были забраны в высокую прическу, и только одна тонкая прядь ниспадала на шею. Эта шея... Вершина изящества! С тонкой ямочкой на затылке, с родинкой. Да-да, у всех трех имелись родинки на одном и том же месте, возле ямочки...

Тьянь-По облизнулся.

— Даже такой философ, погруженный в созерцание дао, как я, не может удержаться от вздоха при мысли об этих девушках-принцессах, Конан! Что уж говорить о колдунах, погрязших в самых ужасных человеческих пороках! Они тотчас захотели завладеть этой красотой. Брат-работорговец сразу же мысленно произвел оценку юных принцесс как если бы уже продавал их на рабском рынке. Вышла огромная сумма. И мысль о невероятно высокой стоимости красавиц только добавила ему вожделения.

Девушки непрерывно щебетали, разговаривая между собой о тысяче изящнейших мелочей, перебирая в словах то ленты, то украшения, то золотое шитье, то серебряные нити, то лепестки цветов, то крохотные чашечки для драгоценных сортов чая... В общем, брат-паук буквально утонул во всех этих прелестных подробностях.

Третий же брат думал о великой власти, которую дает обладание подобной красотой.

Собравшись вместе, братья стали спорить: каким способом захватить принцесс. Сперва они мирно разговаривали, но вскоре алчность и похоть взяли

верх, и они принялись ссориться. Они кричали друг на друга, топали ногами, даже дрались, а затем принялись колдовать.

Они накладывали и снимали чары, бросались друг в друга заклятьями... Чтобы быть кратким, скажу сразу о том, чем все закончилось: все три принцессы были превращены в апельсиновое дерево.

— Одно? — спросил Конан.

— Вот именно, — кивнул кхитаец. — Ведь они родились в один час от единой матери. Когда один из братьев колдовал, другой толкнул его, и заклятье улетело в сад, а там девушки — на свою беду! — как раз стояли обнявшись...

— И что же стало с этим апельсиновым деревом? — спросил Конан.

— Если быть честным... — Тьянь-По отвел глаза.

— Да уж, — настойчиво произнес Конан, — ты уж будь со мной честным, Тьянь-По. Я ведь твой друг, в чем ты не раз имел случай убедиться.

— Надеюсь, — пробормотал Тьянь-По. — Потому что это дерево... Словом... Ладно, расскажу тебе о том, что случилось дальше. Правитель У-Ханя повсюду разыскивал своих дочерей. Он дошел даже до императора и пал ему в ноги. Император обещал помочь. В качестве дара правитель привез императору самое лучшее из всего, что имел.

Лучшим у правителя был сад. А в саду самым прекрасным было апельсиновое дерево. Его-то и преподнес безутешный отец императору в обмен на обещание помощи.

Император, естественно, ничего о происхождении дерева не знал. И когда он пожелал установить добрые отношения с королем Британии, то преподнес дерево ему; а король Британии торжественно вручил злополучное дерево господину Эмбриако, поскольку только тот располагает достаточно просторными оранжереями и достаточно умелыми садовниками, чтобы сохранить сей кхитайский дар для Британии.

— Стало быть, дерево находится в саду у господина Эмбриако? — уточнил Конан.

— Ты, мой друг, всегда улавливаешь суть, — проговорил Тьянь-По со вздохом. — Одна из моих задач — разыскать это деревце и расколдовать его. Предполагается, что я сделаю это во время проведения церемонии. Теперь ты знаешь все, Конан.

— А что же братья-колдуны? — спросил Конан. — Неужели они так и оставили всякую попытку захватить девушек? Или в виде дерева эти красавицы стали им не нужны?

— Вовсе нет, — сказал Тьянь-По. — Ты опять зришь самую сердцевину истории, Конан. Воистину, занятия каллиграфией идут тебе на пользу... Дай мне еще хлебнуть из твоего кувшина. Пить то же, что употребляют и местные жители, — превосходный совет, киммериец...

— Оставим на время каллиграфию, — нетерпеливо сказал Конан, отбирая у Тьянь-По кувшин. Он боялся, как бы маленький кхитаец не набрался преж-

де, чем завершит историю. А история начала казаться Конану все более и более любопытной.

— Братья. Да, братья-колдуны, — задумчиво заговорил Тьянь-По немного заплетающимся языком. — Одно дело — украсть девушек, и совсем другое — утащить целое дерево. Проблема стала казаться им неразрешимой. Кроме того, они рассорились окончательно и разошлись в разные стороны.

Один, по слухам, отправился в очередное странствие...

— Погоди, — перебил Конан, — ты говоришь, паук. Не тот ли это странный кхитаец, что забрался в дом господина Фореза?

— Не исключено... — Глазки Тьянь-По блеснули. — А ведь ты прав! В таком случае, второй брат — содержатель очень плохого борделя...

— Кто же третий? — Конан приподнялся и беспокойно огляделся по сторонам, как будто предполагал заметить третьего колдуна прямо перед собой, в саду.

— Этого мы не знаем... Итак, Конан, наша задача — отыскать дерево в саду у господина Эмбриако и снять заклятие с трех заколдованных принцесс...

— Ужас, — вздохнул киммериец. — Опять полные руки работы. Как я этого не люблю! Тебе налить, дружище?

Закат застал могучего варвара и ученого кхитайца хором распевающими одну из тех песен, что не всякий наемник решится горланить, столько содержалось в ней скабрезностей и непристойных намеков.

* * *

Сад господина Эмбриако представлял собой воистину выдающуюся достопримечательность Пайрогии. Многие любители необычного нарочно стремились свести знакомство с этим дворянином и получить от него приглашение, поскольку это давало им бесценную возможность ознакомиться хотя бы с частью коллекции диковин.

Одним из таких счастливчиков оказался господин Джунийе, купец из Хаурана. Этот коротконогий толстенький человечек с ухоженной, смазанной маслом черной бородой, обрамляющей круглое лицо, был представлен господину Эмбриако во время аукциона, на котором продавали изысканные вина.

Там были вина, заложенные во времена великих побед и плачевных поражений, вина, для которых давили виноград ножки выдающихся красавиц (бутылки были снабжены их портретами кисти известных мастеров), вина, в которые добавляли каплю крови казненного преступника (книжка с перечнем его злодеяний прилагалась к покупке) — и так далее. Все эти удивительные напитки были заключены в соответствующие сосуды, всегда прекрасной формы, поражающей воображение: в бутыли в виде женского тела с отрубленной головой и отсеченными руками, в виде дракона, кусающего себя за хвост, в виде рыбы, обвитой водорослями, в виде капли, в виде цветочного бутона...

Словом, глаза у знатоков изящного так и разбегались. Самыми упорными покупателями оказались Эмбриако и Джунийе. Они по очереди вскакивали и называли все более и более высокие суммы, после чего бросали на соперника взгляды, полные безумной гордости или сумасшедшей ненависти. Страсти вскипали. Большинство из тех, кто пришел на аукцион, больше не дерзали предлагать цену, а вместо этого молча сидели на своих местах и созерцали битву титанов.

Наконец победа была поделена между противниками: часть вин досталась Джунийе, а две наиболее редкие бутыли перешли в собственность Эмбриако. После того, как торг был завершен, оба знатока тотчас перестали воспринимать друг друга как заклятых врагов и заключили вечный мир. В знак этого замечательного события Эмбриако пригласил господина Джунийе к себе в дом.

Сделавшись, таким образом, наилучшими друзьями, они приятно провели вечер, а на следующий день Джунийе вообще перебрался в дом к Эмбриако, чтобы они могли не разлучаться и вести непрерывные беседы за рассматриванием рисованных каталогов и живых экспонатов.

Иногда Эмбриако уходил по делам, и тогда господин Джунийе подолгу гулял в его волшебном саду. Особенно привлекали купца деревья, среди которых имелось немало плодовых.

«Замечательно! — размышлял он, созерцая лиственные и хвойные кроны и украдкой поглаживая стволы — голые, покрытые чешуйками или мхом, похожим на шерсть. — Они и выглядят удивительно, и в то же время приносят пользу. Практический народ эти бритунцы. Надо будет и мне разжиться семенами. Надеюсь, Эмбриако продаст мне пару плодов по сходной цене».

Особенно привлекало его апельсиновое деревце, недавно привезенное из Кхитая. К этому деревцу Эмбриако питал, по его собственному признанию, особенную нежность. Оно представляло собой как бы три сплетенных ствола. Очень молодое, оно совсем недавно начало плодоносить. Уже появилась завязь. Нынешним летом можно ожидать плодов.

Деревце росло в кадке, зарытой в землю, так что казалось, будто оно произросло из бритунской почвы. Что, разумеется, противоречило законам реальности, поскольку в Бритунии апельсины в естественном виде встречаются.

Две изящных беседки обрамляли тонкий ствол, а крона как бы сливалась с кровлями этих хрупких строений. В одной из беседок имелись скамьи и столик для желающих посидеть и выпить, не прерывая созерцания. В другой стояли стеклянные шкафы, сплошь уставленные различными чудесными вещицами.

К этим-то шкафам и направился господин Джунийе. Никто не посмеет заподозрить в достопочтенном купце обычного вора! Нет, он, разумеется, не собирался ничего красть. Этого не позволяли законы чести и гостеприимства. Однако посмотреть некоторые предметы поближе — в этом господин Джунийе отказать себе не мог.

Поэтому он осторожно вошел в беседку и отворил первую из стеклянных дверок.

Тонкое опахало из перьев неведомой птицы, расписное яйцо, из которого через крохотную дырочку было удалено содержимое, так что осталась одна скорлупа, чучело странной ящерицы с шестью парами лап, больше похожих на присоски, — все это было удивительно, и Джунийе долго цокал языком и покачивал головой, рассматривая их и украдкой поглаживая толстым пальцем.

Затем его внимание привлек предмет поразительной красоты. Джунийе даже не понял, как это вышло, что он не заметил эту вещь сразу. В самом углу стеклянной полки стояла кхитайская золотая маска.

Она стояла на тонкой грани, не прикасаясь ни к стенкам шкафчика, ни к дверце. Поначалу Джунийе подумал, что эту маску поддерживают в таком положении тонкие нити, но нет, она попросту висела в воздухе.

— Но такого не может быть! — прошептал Джунийе. — Разве что она... волшебная.

От своего нового друга он никогда прежде не слыхал, чтобы тот имел пристрастие к чародейским вещицам. Напротив. Господин Эмбриако всегда высказывался в том смысле, что наилучшим волшебством он почитает искусность человеческих рук. «Истинная магия — в ремесле, в фантазии художника, в его умении чувствовать материал и работать с ним», — разглагольствовал Эмбриако не далее как вчера.

Неужели этот господин все-таки хранит у себя в коллекции чародейские амулеты? Джунийе задумчиво огладил масляную бороду. Но маска уже полностью завладела его мыслями. Он не мог оторвать от нее глаз.

— Что скрывается за этой маской? — шептал купец из Хаурана. — Почему она так притягательна для слабого человеческого сердца?

Он осторожно коснулся металла. Золото оказалось теплым на ощупь и очень гладким, как шелковистая кожа любимой наложницы Джунийе. Он зажмурился, представляя себе эту юную красавицу, готовую принять его в свои объятия.

— Боги! Что за дивная вещь! — пролепетал Джунийе.

Он даже не понял, каким образом маска оказалась у него в руках. Она, точно податливая женщина, прильнула к его ладоням, и вот уже купец рассматривает ее, близко поднеся к глазам.

Слепые глаза маски, красивого разреза, чуть раскосо посаженные, засматривали в самые глубины души Джунийе. Он застонал сквозь зубы. Из уголка его рта вытекла тонкая струйка слюны и сгинула в душистых курчавых зарослях умащенной бороды.

— Что там, за маской? — снова шепнул он. А затем, держа маску обеими руками, медленно поднес к своему лицу и приложил.

* * *

— Где господин Джунийе? — снова и снова спрашивал Эмбриако у слуг, однако те ничего не могли ему рассказать.

Вроде бы, Джунийе видели, когда он гулял по саду. Да, точно. Гулял по саду. Это подтвердила и служанка, которая занималась уборкой и на короткое время подошла к окну. Господин Эмбриако не стал выяснять, как долго сидела на подоконнике нерадивая служанка. Он выслушал ее рассказ и нахмурился.

Садовник тоже не мог поведать ничего толкового. Господин Джунийе изумлялся апельсиновому дереву, привезенному из Кхитая. Этому господину настолько понравилось деревце, что он спрашивал, нельзя ли будет потом попросить у хозяина несколько семечек. Он, Джунийе, неплохо заплатил бы за них. Его очень интересовала возможность вырастить подобное деревце у себя, в Хауране. Садовник на это отвечал, что следует спросить у господина.

— Он пошел в беседку, хотел полюбоваться диковинами, — добавил слуга. — Я не думаю, чтобы такой важный господин что-нибудь спер.

Это он добавил, сам от себя не ожидая подобной дерзости, и втянул голову в плечи. Но ожидаемой оплеухи не последовало. Господин Эмбриако был слишком обеспокоен происшествием. Он даже сказал:

— Да, я тоже подумывал о такой возможности... Многие знатные господа не могут устоять перед соблазном и делают попытки украсть у меня тот или иной поразительный предмет. Но вынести вещь из сада им не удается. Здесь ведь наложены чары, если ты не знал...

Чары были слабенькие. Ими пользовались некоторые богачи, которые слишком дорожили своими магическими предметами. Стоили эти заклинания очень дорого, поэтому прибегали к ним редко. Только в тех случаях, когда тот или иной предмет был дороже хозяину, чем деньги.

При попытке унести заколдованную вещь из сада поднимался страшный шум, на который сбегались слуги. Предмет изымали у провинившегося, мягко журили его и... как ни в чем не бывало принимали в гостях снова. Господин Эмбриако признавал за человеческой природой право на слабость и охотно прощал ее.

«Друг мой, — говорил он, как правило, багровому от смущения неудачнику-вору из высшего света, — что поделаешь! Была бы моя воля, я и сам украл бы у вас или у господина такого-то пару вещичек... Забудем же об этом досадном происшествии. Прошу вас, будьте моим гостем, как всегда!»

Но факт оставался фактом: господин Джунийе пропал из сада господина Эмбриако. Пропал бесследно.

А все вещи из коллекции оставались на местах.

Некоторое время Эмбриако ломал себе голову над этим непонятным происшествием, но затем его отвлекли новые заботы: слуги доложили о прибытии кхитайского мастера церемоний Тьянь-По.

Маленький кхитаец вырядился очень торжественно, в белый шелковый халат, расписанный цветами и птицами. Господин Эмбриако встретил его по

возможности вежливо, усадил за столик в беседке, откуда открывался вид на деревце и вторую беседку, где хранилась золотая маска. Принесли чай. Тьянь-По, человек вежливый, пил британский чай не морщась и даже несколько раз похвалил напиток. Эмбриако был на седьмом небе. Он считал себя истинным знатоком восточных обычаев.

— Я должен осмотреть сад вашей светлости, — пояснил Тьянь-По. — Мне нужно точно представлять себе, где и как будет проходить наша церемония. Прошу вас, покажите мне ваши достопримечательности. Какие вещи должен увидеть король?

— В каком смысле? — уточнил Эмбриако.

Тьянь-По улыбнулся.

— Я плохо выразил свою мысль! Прошу тысячу раз извинить меня.

— И одного раза будет довольно, но поясните, пожалуйста, что вы имели в виду.

— У вас есть наиболее драгоценные предметы, которые составляют гордость — вашу и Британии, не так ли? — проговорил Тьянь-По. — Во время визита короля Аквилонии эти предметы должны изящно и неназойливо попадаться ему на глаза. Не так ли? Я должен знать, какие экспонаты вашей коллекции избраны для этого. Мы расставим их по пути следования процессии, так что королей будет сопровождать непрерывное удивление.

— Вот оно что! — протянул Эмбриако. — Надо же! Я прочитал много книг, посвященных далеким странам, не говоря уж о том, что провел немало поворотов клепсидры в разговорах с путешественниками, и ни один из них не обмолвился и словом...

— Ничего удивительного, — перебил Тьянь-По, вежливо улыбаясь. — Ведь все путешественники — известные лгуны. Большинство из них не бывает дальше портового борделя и местного рынка, где и закупают все те диковины, которые потом привозят в страны заката и продают знатокам за большие деньги. Процессия, которую я хочу организовать, имеет очень древнее происхождение. Такие шествия раньше возглавляли владыки древнего, давно погибшего царства У-Хань. Они называются Шествиями Непрестанного Удивления.

— Что ж, — сказал Эмбриако, — в таком случае, я должен показать вам мою коллекцию. Полностью доверяюсь вашему вкусу. Боюсь, я — из тех невежественных британцев, которые покупают все подряд и могут счесть за драгоценность какую-нибудь глупую, банальную вещь. Вроде золотой маски.

Он произнес это, руководствуясь тщеславием, поскольку намеревался не словами, но поступками доказать кхитайцу, что тот ошибается, считая людей из закатных стран полными невеждами в экзотическом искусстве.

Тьянь-По насторожился, но постарался скрыть свои чувства.

— У вас есть золотые маски? — спросил он.

— Разумеется! Разве наш праздник не будет называться Праздником Золотых Масок? — напомнил Эмбриако. — Неужели британский король затеял бы подобное торжество, не имея золотых масок!

— И они у вас настоящие? — продолжал настаивать Тьянь-По.

— Не знаю, не знаю, — Эмбриако пожал плечами с притворным смирением. — Я покупал их у людей, побывавших и в Кхитае, и в Вендии. Маски — самые различные. Моя последняя покупка, например, довольно забавна. Принес один забулдыга, наемник или что-то в этом роде. Потребовал два десятка золотых монет, но в конце концов мои охранники его избили, и мы сошлись на семи.

— О! — вежливо округлил рот Тьянь-По. — И я могу увидеть эту маску тоже?

— Все, что захотите! — Эмбриако сделал широкий жест.

Тьянь-По поднялся на ноги и проследовал за хозяином в беседку, где на него уставилась золотая маска. Она стояла в шкафу точно так же, как и вчера, то есть на самом ребре, не прикасаясь к стенкам.

— Изумительно! — воскликнул кхитаец, приближая лицо к маске. — Я должен рассмотреть ее поближе.

Он наклонился над стеклом и начал водить над маской глазами, избегая, однако, прикасаться к ней. Неожиданно в прорезях маски мелькнули чьи-то глаза. Тьянь-По замер. Он подумал было, что ему почудилось, но нет — кто-то потаенно взирал на него с той стороны маски.

«Кто там, за маской? — подумал Тьянь-По. — Действительно! Вот загадка, разрешить которую под силу только мудрому в союзе с сильным».

Странное ощущение длилось всего лишь миг, а затем пропало. Но Тьянь-По был уверен: маска заколдована, и за нею прячется некто. Некто очень недобрый, любопытный и алчный.

— Скажите, господин Эмбриако, — обратился Тьянь-По к хозяину дома, — вы держите у себя в коллекции магические предметы?

— Нет, — отрезал хозяин. — Это исключено. Все вещи, которые собраны у меня, имеют только естественное происхождение. В этом смысл коллекции. Торжество мастерства человеческих рук.

— Понятно, — пробормотал Тьянь-По. — Что ж, продолжим наш осмотр...

* * *

— Говорю тебе, неладно что-то у него с этой маской! — шептал Тьянь-По Конану, когда друзья встретились в таверне.

Они сидели внизу, склонившись над кувшином вина, и разговаривали — то о деле, то о разных пустяках. Фореза нигде не было видно — пропадал в городе, искал, где заработать или украсть. Конан не сомневался в том, что обнищавший нобиль закончит свои дни наемным убийцей. Самая подходящая работа для такого бездельника и негодяя, утверждал киммериец. Впрочем, Тьянь-По был другого мнения. «Даже безнадежный человек может исправиться и в следующем воплощении оказаться превосходной лошадью или честной жабой, — заверял кхитаец своего друга. — Все зависит от правильного взгляда на вещи».

Конан даже спорить не пытался. Он знал, что в некоторых случаях Тьянь-По лучше не возражать.

О своем походе в сад Эмбриако Тьянь-По рассказывал киммерийцу с множеством утомительных подробностей. Поведал и о том, что видел то самое деревце. Для того, чтобы составить заклинание снятия заклинания кхитайцу требовалось время.

— Я ведь не колдун, ты понимаешь, — говорил он Конану. — Я разбираюсь в каллиграфии. Каллиграфия учит человека сопрягать смыслы.

— Что делать? — не понял Конан.

— Объясняю... Положим есть некая вещь. Кусок мяса. — Тьянь-По взял из своей плошки кусок мяса на кости и потряс им в воздухе, после чего опустил обратно в плошку. — Есть слово, обозначающее эту вещь. И есть рисунок, обозначающий это слово. Связь между рисунком и вещью — таинственна и сродни заклинанию...

— Ясно, — проворчал Конан, которому ничего не было ясно. Он вытащил мясо из плошки своего друга и принялся грызть. — Все равно ты не ешь мяса, — пояснил киммериец. — Зачем пропадать вкусной еде! Ты можешь довольствоваться парочкой иероглифов.

— Ты быстро учишься, киммериец, — сказал Тьянь-По, улыбаясь. — Схватываешь все на лету.

— Таково мое дао, — сказал Конан, с хрустом разгрызая кость. — Вернемся к золотой маске.

— Из-за маски кто-то смотрел на меня. Кто-то очень злобный. И бесплотный. Но он желает воплотиться, я уверен, — сказал кхитаец.

— Любая бесплотная сволочь хочет воплотиться, — сказал Конан, гора красивой молодой плоти. Он вытянул под столом ноги, сыто рыгнул и погладил себя по животу. — Лично я ни за что не хотел бы стать бесплотным духом и сидеть, спрятавшись за маской...

— Точно! — прошептал Тьянь-По.

— Что? — удивился Конан. — Ты о чем?

— О бесплотном духе... Если апельсиновое дерево находится в саду Эмбриако, — а оно там, и я его видел! — то и колдуны-братья должны находиться неподалеку. Одного ты видел, он превратился в паука и умер. А другой, развоплощенный дух... Тот, младший, самый сильный из колдунов...

— Думаешь, это он прячется за маской? — Конан сразу подобрался. Блаженная расслабленность покинула варвара, он был готов действовать в любое мгновение.

— А кто же еще? — шепнул Тьянь-По. Он огляделся по сторонам и опасливо вжал голову в плечи, как будто боялся, что дух окажется где-нибудь поблизости.

— Ну, мало ли на свете бродячих духов...

— Давай предполагать, что это он.

— Давай, — согласился Конан, опять расслабляясь и принимаясь ковырять в зубах огромным ножом.

— Положим, дух живет в маске...

— Положим.

— И сторожит апельсиновое деревце, в ожидании, когда он сможет воплотиться и расколдовать принцесс.

— Положим.

— Ведь если ему это удастся, то он завладеет сразу тремя сестрами...

— Ну.

— Слушая тебя, Конан, можно подумать, что тебе неинтересно! — рассердился наконец кхитаец.

Конан, который только этого и добивался своими нарочито лаконичными и равнодушными ответами, хмыкнул.

— Да ладно тебе злиться, Тьянь-По. Конечно, мне интересно. Сразу три принцессы! С ума сойти.

— Продолжаю, — успокоился кхитаец. У него был легкий характер, и это как ничто другое помогало ему уживаться с киммерийцем. — Развоплощенный дух прячется в маске.

— Ты это уже говорил.

— Сторожит дерево.

— И это ты уже...

— Если ты будешь меня отвлекать, я скажу это и в третий раз! А теперь — задача для истинного ученика каллиграфа. Что нужно духу для того, чтобы воплотиться?

Конан напрягся, выпучил глаза, надул на шее жилы, побагровел и выговорил натужным голосом:

— Чтобы... воплотиться... духу требуется... живая человеческая кровь, господин учитель!

— Молодец! — улыбнулся Тьянь-По.

Шумно выдохнув, Конан улыбнулся в ответ.

— Я понял, к чему ты клонишь, Тьянь-По. Сегодня же попробую узнать, не пропадал ли кто-нибудь в Пайрогии. Бесследно. И, желательно, в саду Золотых Масок.

* * *

Еще один человек в Пайрогии хотел бы это знать. Звали этого человека — Форез. И интересовало его то же, что и Конана с другом: не было ли таинственных исчезновений в доме господина Эмбриако? Точнее: не пропал ли загадочным образом сам господин Эмбриако?

Поэтому как только стемнело, Форез пробрался к саду и очутился возле старого лаза, через который он вылезал на волю еще в давние времена, когда был подростком. Проникнуть в сад для него не составило никакого труда. Он

пробежал по знакомым дорожкам, миновал несколько беседок и пышно разросшихся кустов, подстриженных в форме шаров, конусов и кубов, и остановился возле входа на кухню. Неожиданно Форез ощутил печаль. Он понял, как соскучился по этому дому, по обширному саду, по всем этим таинственным тенистым закоулкам, даже по дядиной коллекции, которой здесь было подчинено все, включая распорядок дня.

— Не раскисать! — приказал он себе. — Еще не хватало, чтобы я тут распустил сопли! Я пришел убить. Я — наемник. Я — убийца. Я проделал долгий путь... И теперь я желаю завладеть моим наследством.

Он обошел дом кругом. В комнатах господина Эмбриака горел свет. Затем в окне мелькнул силуэт самого хозяина. Форез прикусил губу, чтобы не вскрикнуть от разочарования: итак, дядя жив-здоров!

Он скользнул в кусты и спрятался в глубокой тени. По дорожке сада, смеясь, прошла горничная. Сын садовника, негодный мальчишка, обнимал ее за талию, а она заливисто хохотала. При виде забав лакейской любви Форез почувствовал приступ дурноты. Его всегда раздражали слуги. Вечно крутятся под ногами, мешают, во все лезут, все запрещают и шпионят для дяди. Обо всем ему докладывают.

А сами... И как все это вульгарно, как неизысканно! Вот дочка графа Сабрана... Но о ней лучше не думать. Вычурная, холодная, глупая. И все же — сколько аристократизма! С каким достоинством она разделась, легла и закрыла глаза, предоставив Форезу свое прохладное белое тело!

Да. Лучше не вспоминать.

Дело превыше всего.

Форез дождался, чтобы шаги горничной и ее ухажера стихли, и прокрался в беседку, где хранилась золотая маска. Маска была на месте.

Несколько мгновений Форез разглядывал ее, и разочарование захлестывало его. Затем он резко распахнул дверцы шкафчика и схватил маску. Глядя в ее пустые глаза, он закричал:

— Кто ты? Почему ты ничего не делаешь?

Естественно, он не ожидал ответа. Но спустя миг в его голове прозвучал хриплый голос:

— Ты ошибаешься, смертный.

Форез едва не выронил маску.

— О чем ты говоришь? Кто ты?

— Я должен воплотиться...

— Мне все равно, что ты там должен! — рассердился Форез. На самом деле он не верил в то, что разговаривает с маской, и полагал, что происходящее — лишь плод его больного воображения.

— Я должен воплотиться, — повторил голос.

Затем Форез почувствовал, как чьи-то глаза смотрят на него с той стороны маски. Он перевернул ее. Пусто. Естественно, пусто. Что там может быть!

Но взгляд не исчезал. Голос молчал, однако чужое присутствие становилось все более ощутимым.

Неожиданно голос прошептал, мягко и вкрадчиво:

— Неужели ты не хочешь увидеть мир моими глазами? Надень маску! Взгляни на этот сад сквозь прорези... Стань МНОЮ!

Форез напряг мышцы, отчаянно отодвигая от лица золотую маску. Силы оказались слишком неравны. Локти Фореза сгибались сами собой, словно они вдруг размягчились и отказывались подчиняться. Он стиснул зубы, так что они заскрипели и начали крошиться. Маска неуклонно приближалась. С громким стоном Форез сдался, и маска упала на его лицо. Она приросла к коже.

И... ничего не произошло. Сперва Форез ощущал легкое покалывание, оно было даже приятным — вроде освежающего дуновения морского ветерка. Затем пришло состояние полного покоя. Форез глянул на свои руки и не увидел их.

— Где я? — спросил он мысленно.

Голос в его голове засмеялся.

— Ты теперь — это я. И еще один человек — тоже я. Понял? Скоро я сумею поглотить достаточно людей, чтобы воплотиться, и тогда...

— Идиот! — закричал Форез. — Ты развоплотил меня? Я теперь дух?

— Дух? Ты? — невидимого собеседника, казалось, страшно забавляло отчаяние молодого нобиля. — Великие боги, какой дух может быть у такого ничтожества, как ты! Нет, конечно. Ты теперь — никто. А вот я скоро обрету плоть, и тогда...

— Это я привез тебя в Бритунию. Ты должен был уничтожить совершенно другого человека, — заклинал Форез. — Прошу тебя, отпусти меня. Я покажу тебе твою истинную жертву. Ту самую, которая была предназначена для тебя изначально. Ты не должен был... ЗАБИРАТЬ меня!

Форез все еще надеялся найти с духом маски общий язык и потому подобрал достаточно обтекаемое слово, но у духа имелось на сей счет совершенно иное мнение.

— Ты так до сих пор ничего и не понял, червяк? — прогремел голос. — МНЕ ВСЕ РАВНО, КОГО ПОЖИРАТЬ! Все вы для меня — просто корм! Ты, тот человек, или этот алчный купчишка из Хаурана, кто-нибудь еще...

— Отпусти меня... — жалобно повторил Форез.

Голос замолчал. Дух, заключенный в маске, явно не желал продолжения разговора.

* * *

Исчезновение Фореза не слишком обеспокоило Конана. А вот судьбой Джунийе, слуги которого несколько раз спрашивали о своем господине у слуг господина Эмбриако, решил заняться всерьез.

— Говорю тебе, дурья башка, — твердил привратник господина Эмбриако прислужнику господина Джунийе, — они с моим господином уже несколько

дней только тем и заняты, что бродят по саду, кушают-выпивают, и говорят, говорят...

— Ты его видел? — напирал прислужник. Это был рослый тощий мужчина с растрепанной черной бородой, с нечистой тряпкой на голове, больше похожий на разбойника, чем на лакея. Джунийе ценил его за звериную преданность.

— Видел! — сказал привратник. — Вчера. Кажется.

— Господин всегда заходит домой после полудня, чтобы переменить одежду, — сокрушался прислужник. — Уверяю тебя, с ним что-то случилось. Он не мог изменить своей привычке.

Конан, слушавший этот разговор, подошел поближе. Оба слуги тотчас замолчали и уставились на верзилу варвара.

— Что тебе? — спросил привратник. — Шел бы ты своей дорогой!

— Ну вот еще! — возразил Конан. — Эта улица, на которой я стою, не принадлежит твоему господину, так что не распоряжайся там, где не смеешь.

— Что значит — «не смеешь»? — возмутился привратник. — Какой-то варвар будет мне указывать, что я смею, а чего не смею!

Конан решил не обращать на него внимания и заговорил с прислужником господина Джунийе:

— Говоришь, не вернулся вчера домой?

— Кто? — Прислужник выпучил черные глаза.

— Ну, этот твой хозяин, — пояснил Конан.

— Не твое дело... — Он пристальнее посмотрел на Конана и внезапно переменил свое мнение о верзиле киммерийце. — Да. Господин Джунийе, купец из Хаурана, великий знаток редкостей и ценностей, щедрый и милостивый...

— Понятно, — Конан безжалостно оборвал поток красноречия. — Он ушел сюда и не вернулся?

— Именно.

— А сам господин Эмбриако — он дома?

— Во всяком случае, господин Эмбриако не покидал своих владений, — заявил привратник с горделивым видом.

— Пожалуй, я с ним побеседую, — объявил Конан.

— Стой! — всполошился привратник. — Ты никуда не пойдешь.

— В каком смысле? — варвар прищурился. Его синие глаза полыхнули веселым огнем. — Почему это я никуда не пойду?

— Потому что я запрещаю...

Привратник не закончил фразы. Конан взял его за локти и аккуратно переставил на другое место, освобождая проход. Прислужник Джунийе разинул рот от удивления — привратник был мужчиной довольно крупным.

Киммериец вошел в сад. Слуги, переглянувшись, благоразумно решили предоставить ему полную свободу.

Конан двинулся между стволами деревьев, скользя беззвучно и все время пропадая в тени, как будто был охотником и выслеживал пугливую дичь.

В саду было тихо. Ни людей, ни птиц. Только листья шелестели в вышине. Обманчивое спокойствие сада настораживало киммерийца еще больше. Обостренным варварским чутьем он улавливал присутствие магии, и это беспокоило его. Конан осторожно вытащил меч из ножен. Прикосновение доброй стали успокаивало.

Он обошел уже почти весь сад. «Может быть, стоит посидеть здесь и понаблюдать? — подумал он. — Ничего подозрительного на первый взгляд не попадается. Но это-то и подозрительно! Уверен, что Джунийе пропал в этом саду не просто так. Была у бедняги очень важная причина, чтобы пропасть. И для господина Эмбриако будет лучше, если он не имеет к этой причине никакого отношения».

Конан уселся под деревом, откуда хорошо видны были две беседки. «Если хозяин сада устроил здесь эти беседки, — рассудил сам с собой варвар, — стало быть, рано или поздно он явится сюда отдыхать, пить вино и беседовать...»

Дерево давало приятную тень. Сквозь узорные листья на лицо варвара попадали теплые лучики света. Пахло чем-то пряным. Подняв голову, Конан увидел, что на ветках уже созрели плоды. Он сорвал один из них, до какого дотянулся. Повертел в руках. Круглый, желтый, с резким ароматом.

Конан задумчиво очистил его и начал жевать. Сочная мякоть плода была сладкой и великолепно утоляла жажду. Конан похлопал дерево по стволу:

— Молодец, — похвалил киммериец, — отличная работа.

И снова начал следить.

В доме ожили и загалдели слуги. Конан напрягся, вытягивая шею: кажется, там что-то случилось! Но спустя несколько мгновений даже плюнул от жгучей досады. Случилось, как же! Горничную застали в объятиях какого-то лоботряса. Прямо в господских комнатах. Ах, какой ужас! Тьфу!

Шум скандала постепенно утих. Рыдания горничной удалились. Снова воцарилась сонная тишина. Легкий ветерок раздвинул листья, и перед глазами Конана появился второй плод, такой же золотистый и сочный, как и первый. Конан потянулся было и за ним, но тут же замер: в беседку направлялся господин Эмбриако.

— Господин Джунийе, вы здесь? — звал он своего гостя.

Вот как! Стало быть, Эмбриако ничего не знает о том, что Джунийе пропал. Не перед соглядатаем же разыгрывает он комедию поисков гостя! Конан был уверен в том, что господину Эмбриако ничего не известно о присутствии в саду некоего киммерийца.

— Господин Джунийе! — еще раз повторил Эмбриако и вошел в беседку.

Конан подобрался поближе, чтобы лучше видеть.

Эмбриако остановился посреди беседки и, внезапно забыв о цели своих поисков, уставился на стеклянные шкафы. На губах хозяина поместья появилась довольная улыбка. Он разглядывал свою коллекцию. Ну конечно! Все коллекционеры — сумасшедший народ. Конан слыхал об этом и теперь получил отменную возможность убедиться во всем собственными глазами.

Эмбриако открыл дверцу шкафа и вытащил оттуда золотую маску. Уставился на нее влюбленно. Боги, какой болван!

Неожиданно выражение лица Эмбриако сделалось другим. Самодовольство сменилось недоумением, а затем проступил страх. Несколько раз Эмбриако вздрогнул, как будто боролся с кем-то невидимым, а затем, словно бы против собственной воли, начал приближать золотую маску к своему лицу с явным намерением надеть.

Конан выскочил и метнулся к хозяину дома. Нельзя было терять ни мига. Киммериец не сомневался теперь в зловещем предназначении маски. Как дикий зверь, набросился он на Эмбриако и, ломая его сопротивление, вырвал маску из его рук. Маска откатилась в сторону и замерла на траве.

Эмбриако тяжело дышал. Его била крупная дрожь, он весь был покрыт испариной, рот его безвольно распахнулся, из глаз градом текли слезы.

— Кто вы? — спросил он киммерийца. Слышно было, как стучат зубы Эмбриако.

— Кто я — неважно, а вот кто он? — Конан показал на маску.

— Не трогайте ее! — в ужасе вскрикнул Эмбриако. — Там... там такой страх! Там — смерть! Я видел ее глаза, и она хотела забрать меня!

Конан положил ручищи на плечи перепуганного дворянина.

— Сядьте. Я принесу вам плод. Тут у вас поблизости растет изумительное дерево, очень вкусные плоды. Сочные. Лучше винограда.

Эмбриако послушно уселся на траву, вытянув ноги и прислонившись спиной к резной деревянной колонне беседки.

Одним прыжком Конан подскочил к деревцу, сорвал второй плод и поднес его своему подопечному. Эмбриако жадно проглотил сладкие дольки и ощутил прилив сил.

— Мне гораздо лучше, — проговорил он. — Спасибо. Расскажите мне, кто вы.

— Друг кхитайского каллиграфа. Его спутник... э... телохранитель, — сказал киммериец.

Эмбриако успокоенно кивнул. События начали приобретать для него понятные очертания.

— Что вы увидели в маске? — настойчиво спросил Конан. — Ну, помимо своей смерти и прочих глупостей.

— Мне показалось... Нет, я не могу этого сказать! Вы сочтете меня сумасшедшим и не будете после этого серьезно относиться к моим словам.

— Не сочту. Говорите!

— У меня есть племянник, некто Форез, который почти наверняка пытается найти способ свести меня в могилу. Меня и еще нескольких нобилей, которые мешают ему получить наследство... Мне почудилось, будто я вижу в маске его глаза. Но это, конечно, абсурд! Там ничего нет, кроме пустых прорезей...

— Никогда не знаешь, кто скрывается за маской...

— Ты прав, смертный! — прогремел чей-то голос.

Конан резко развернулся и увидел, что золотая маска больше не лежит на траве — она парит в воздухе, никем не поддерживаемая. Эмбриако взвизгнул и исключительно быстро заполз в беседку.

Выставив перед собой меч и широко улыбаясь, Конан шагнул навстречу духу.

— Прочь с дороги! — рявкнул дух.

Конан не ответил. Он пытался понять, велик ли дух и насколько он силен. Размахнувшись, киммериец нанес первый удар. Послышался скрежет, как будто меч соприкоснулся с камнем. Меч отскочил, а правую руку варвара пронзила острая боль.

Оскалив зубы, Конан ринулся в атаку. Он кружил вокруг духа, изматывая его ударами. Дух пока что ничего не предпринимал, золотая маска плавала перед лицом киммерийца и скалилась мертвым ртом.

Конан лихорадочно соображал, где же у духа может быть уязвимое место. Пока что его главной задачей было не позволить духу атаковать его самого. И все же, когда дух решил броситься на противника, ставшего слишком назойливым, киммериец не успел отбить нападение. Невидимая рука крепко схватила его за горло. Конан упал. Теперь маска плясала в воздухе прямо над ним.

Пустые глазницы жадно шарили по могучему телу варвара. Конан отбивался, как мог, лягался с риском сломать ногу о невероятно твердое невидимое тело духа. Голос внутри маски опять ожил.

— Что, жалкий человечишка? Борешься за свою ничтожную жизнь? Какой в ней смысл, если она так коротка?

Тяжелая, как колонна, нога призрака наступила на руку Конана, и киммериец выронил меч. Но левой рукой он нащупывал у себя на поясе кинжал. Дух смотрел ему в глаза, и Конан видел, что господину Эмбриако не почудилось: в пустых глазницах появились глаза Фореза. Они пылали нечеловеческой злобой.

Извернувшись, Конан вонзил в них кинжал.

На сей раз клинок встретил податливую плоть. Раздался оглушительный, скрежещущий крик. Каменная хватка ослабла, дух выпустил Конана. Теперь маска металась, как обезумевшая пчела. Она носилась и подскакивала, несколько раз ударилась о колонну и о ствол апельсинового дерева. И все время сад содрогался от пронзительного вопля, проникавшего, казалось, в самый мозг. Конан тяжело переводил дыхание. Оглядевшись, он увидел, что Эмбриако потерял сознание, и из ушей его вытекла струйка крови. Даже могучему киммерийцу было дурно от криков заключенного в маске духа, так что говорить об изнеженном аристократе!

С трудом поднявшись, Конан приблизился к трясущейся маске. Киммериец оскалил зубы.

— Я догадался, кто ты! — прошептал он. — Ты — третий брат! Ты — один из тех колдунов, которые заколдовали принцесс У-Ханя!

Маска не отвечала. Конан схватил ее за край, прижал к апельсиновому дереву и вогнал свой кинжал во вторую глазницу, пригвоздив маску к стволу.

Хлынула черная, зловонная кровь. Конан едва успел отскочить. Воздух под маской сгустился, а затем появилось тело. Оно извивалось и кричало — но кричало уже не дьявольским, а вполне человеческим голосом. За первым телом показалось и второе... Всего двое. Они как будто выпали из пустого пространства под маской. В одном Конан сразу узнал Фореза. А второй, должно быть, Джунийе.

Конан осторожно приблизился к жертвам духа. Мертвы — оба. Крик, который они издавали, звучал не из их уст — то кричала, прощаясь с миром, освобожденная от проклятия душа.

Маска содрогнулась в последний раз и затихла. Теперь это была просто золотая вещица, изготовленная с большим искусством.

Неожиданно с дерева упал плод. Видимо, его сшибло с ветки одним из тех сильных толчков, которые сотрясали дерево. Плод ударился о землю, покатился под горку, стукнулся о колонну беседки и лопнул. Конан смотрел на это с сожалением: больно уж вкусный!

И тут дольки плода начали раскрываться сами собой, точно лепестки цветка, и в самой его сердцевине появилась крохотная женская фигурка. Она вся была окутана прозрачным золотистым светом. На глазах Конана фигурка стала увеличиваться. Вот она уже Конану по колено, вот — по пояс... К тому моменту, когда господин Эмбриако застонал и начал приходить в себя, девушка достигла уже изначального своего роста.

Она оказалась хрупкой и тонкой, с фарфоровым личиком, раскосыми глазами. Тонкие пряди черных волос падали на ее узенькие плечи, а над ушами ее прическу придерживали зажимы в форме шарообразных соцветий. Она осторожно шагнула вперед, пробуя землю босой узкой ножкой, такой крохотной, что это выглядело невероятно. Желтый шелковый халат, в который была облачена девушка, потащился за ней шлейфом. Эмбриако открыл глаза. Принцесса растерянно улыбалась, разглядывая мир, внезапно распахнувшийся перед ее взором.

Конан вдруг похолодел.

Он понял, что за дерево дарило ему тень и прохладу, пока он наблюдал за садом господина Эмбриако. Он понял также, чем были те плоды, которые они с Эмбриако слопали.

— Госпожа, — обратился Конан к девушке, старательно выговаривая кхитайские слова, — вот человек, который освободил вас от чар. — Он указал на Эмбриако, со стонами копошащегося на земле. — Отдайте ему свою любовь! Он этого достоин.

— А дух? — спросила девушка. — Он держал в плену меня и сестер...

— Ну, дух мертв, я полагаю. Во всяком случае, он не воплотился, — сказал Конан. — Так что об этом мерзавце можно забыть.

Он приосанился и с лязгом вложил меч в ножны.

— Мои сестры... — Принцесса огляделась по сторонам, явно растерянная. — Мы всегда были вместе. Где мои сестры, господин?

— Они... Мое сердце кровоточит, потому что они погибли из-за козней проклятого духа, — промолвил Конан, отводя глаза от прекрасного лица девушки. И тут же добавил: — Но вы, моя госпожа, уцелели, и это — величайшее счастье.

Слезы быстрыми потоками побежали по щекам девушки, однако она нашла в себе силы, чтобы улыбнуться. Осторожно скользя по земле, девушка приблизилась к Эмбриако. Желтые шелковые рукава ласково коснулись щек британского нобиля.

— Меня зовут принцесса Лу, — прошептала она.

«В конце концов, — сказал сам себе Конан, — что бы он делал сразу с тремя? В Британии многоженство не поощряется!»

И тем не менее чувство вины не покидало Конана до самого вечера.

КОНАН И НЕУНЫВАЮЩАЯ ВОРОВКА

Женщины всегда играли заметную роль в жизни и приключениях Конана-киммерийца. Героический варвар не оставался равнодушным к прекрасному полу. Можно с уверенностью сказать, что ни одна из встреченных им красавиц не осталась обиженной: одних он защищал, вполне беспорыстно, с другими заводил короткие, необременительные и весьма приятные романы.

Но имелась еще одна категория женщин, достаточно важных для Конана: бесстрашные авантюристки, путешественницы с мечом на бедре и луком за спиной.

Одной такой особой стала Зонара - девушка, воспитанная акробатами, воровка, танцовщица, притворщица, алчная и неунывающая, из тех, кто «в воде не горит и в огне не тонет». Сколько раз власти самых различных городов пытались казнить ее! Сколько раз ее бросали в тюрьму! Но ни одна тюрьма не удержит Зонару - и даже Конану-киммерийцу не удастся отделаться от нее, если ей взбредет на ум встать у него на пути.

Впрочем, Конан далеко не всегда стремился расстаться с Зонарой - невзирая на ее взбалмошность и отчаянные выходки...

Голодный золотой божок

Несколько часов кряду шел моросящий дождь. Было еще холодно, но ветер нес с собой совершенно весенние запахи, а грязный снег на обочинах раскис и потек. Город утопал в грязи. Гостиница называлась «Ключ и меч». Прежде Конану не раз случалось останавливаться в ней, и порядки были хорошо ему знакомы. Не дожидаясь появления приказчика и вечно заспанного конюха, варвар сам провел свою лошадь в конюшню, стукнувшись, как обычно, о потолочную балку и ругнувшись.

— С постояльцами не густо, — отметил он себе под нос. Кроме хозяйской пузатой лошадки, в конюшне находился всего один жеребец — правда, дорогой, очень породистый, гладко-серой масти. В его яслях лежало не сено и даже не ячмень — первосортная пшеница, вымоченная в вине. Рядом, на загородке висело богатое рыцарское седло, сушился потник из чистейшего хлопка, а чепрак вообще был шелковый, двухцветный, с гербом. На гербе значился изумрудно-зеленый барс, как бы прыгающий на смотрящего с золотого поля.

— Ясно, — пробормотал Конан. — Какая-то важная птица возжелала одиночества и распугала остальных посетителей. Скверно! А я рассчитывал узнать свежие новости и, может быть, разжиться парой монет, обыграв кого-нибудь в кости.

По соседству с рыцарским конем стоял задумчивый мул, холеный и гладкий. По всему было видно, что это животное принадлежало оруженосцу, тоже холеному и гладкому.

Расседлав своего коня и отсыпав ему две полновесных мерки овса, Конан закинул на плечо седельную сумку и вышел из конюшни. Обойдя крыло гостиницы, он поднялся на крыльцо и толкнул дверь. Однако та оказалась запертой.

К двери был приклеен клочок грубо выделанного пергамента. Даже если бы варвар умел читать, он не сумел бы разобрать написанного на нем — значки расплылись от воды.

Конан постучался, и тотчас за дверью кто-то закопошился. Засов звякнул, загремела цепочка, послышалось также сопение и тихая брань. Наконец дверь открылась, и из проема на Конана уставился ладный коротышка, смуглый, со

шрамом на подбродке и яростными зелеными глазами. На коротышке была двухцветная шелковая туника и двухцветные же штаны. Он вздернул голову, стриженную под горшок, оглядел варвара высокомерно и вопросил:

— Ты пришел по объявлению?

— Что? — не понял Конан.

— Ты — следопыт?

— Конечно, — ответил варвар, теряя терпение. — При этом я — мокрый, усталый и голодный следопыт. Опытный глаз подсказывает мне, что здесь — трактир...

— Ты совсем не похож на следопыта, — объявил коротышка и попытался захлопнуть дверь, но Конан успел придержать ее ногой.

— Я могу доказать, что я следопыт, — сказал он. — Ты оруженосец не из знатных. Твое имя оканчивается на «-мунд». Служишь своему рыцарю больше десяти зим. Ходил с ним на Запорожку усмирять козаков. Час назад ты вернулся сюда из борделя , где провел время с девкой по имени Аманта.

Коротышка побагровел и напыжился, но Конан решил не тратить на него времени. Он отодвинул оруженосца в сторону и вошел в зал. Там он уселся на лавку спиной к жаркому очагу, бросил мокрый плащ на стол, стряхнул дождевые капли с волос и сладчайше зевнул. Ему очень хотелось спать.

Прямо перед ним, в глубине зала, сидел за столом человек средних зим, сухощавый, бледный и прямой, как палка. Он поглядывал на варвара с умеренным любопытством, какое только может позволить себе отпрыск аристократического рода.

— Что это за странная гостиница, куда пускают только следопытов? — развязно осведомился Конан. — Трактирщика вы тоже выставили? Здесь подают вино? Может быть, вы — новые хозяева?

Сухощавый кисло улыбнулся и приподнял бровь. Коротышка же подскочил, как ужаленный, и заверещал:

— Ты разговариваешь с герцогом Мировалем, мужлан! Встать! Или я разделаю тебя под орех, верзила!

— Давай пожалеем хозяйское добро, — миролюбиво предложил Конан, а названный герцогом негромко сказал:

— Помолчи, Гизмунд. Если этот человек действительно такой хороший следопыт, имеет смысл дать ему согреться и отдохнуть. — Помолчав секунду, он добавил, адресуясь к варвару: — Я хочу предложить тебе работу.

Конан зевнул еще шире.

— Вообще-то я наврал. Я не следопыт. Я — вор.

Герцог Мироваль снова вздернул бровь.

— Интересный поворот событий, — молвил он. — Впрочем, украденное одним вором можно найти при помощи другого вора. А как ты узнал имя моего оруженосца? Балуешься магией?

— Тьфу! — Конан фыркнул. — Вот еще. Это было совсем просто. У него на запястье висит амулет в виде мужского органа. На языке многих народов эта

штука называется «мунд». Носят такой талисман, как правило, мужчины, чье имя оканчивается на «мунд».

— А про запорожцев как догадался?

— Видишь шрам на его подбородке? Такой остается только после удара кистенем особой формы. Его используют козаки.

— Он называется «охлопец», — мрачно добавил оруженосец, поглаживая подбородок.

— А про... дом свиданий? — поинтересовался герцог.

— Про бордель? — Варвар ухмыльнулся. — Гизмунд запачкал себе щеку жемчужными белилами. Эти белила использует только Аманта. я не большой знаток всех этих женских игрушек, по мне — проку от них нет. Красивой девке они ни к чему, а уродливой не помогут. К тому же вечно вымажешься...

Герцог Мироваль коротко хохотнул, что обозначало у него степень крайней веселости.

— Разбуди кухарку, Гизмунд, и вели приготовить ужин этому молодцу, — приказал он.

— Начало мне нравится. — Конан устроился поудобнее. — Перейдем пока к делу. Как я понял, у вас что-то украли. Что именно?

Усмешка застыла на лице герцога, и варвар неожиданно понял, что этот человек очень страдает.

— У меня украли женщину, — сказал он. — И я сделаю все, чтобы ее вернуть.

Неторопливо он выпил полный кубок вина, деликатно промокнул губы краем скатерти и придирчиво осмотрел кружевной манжет на своем правом рукаве. Движения его были спокойны и даже ленивы, только в глазах то и дело вспыхивали огоньки гнева и страсти.

— Две зимы назад, — начал он, — я охотился на вепря в лесах неподалеку отсюда. Хозяин тех земель пригласил меня в гости, но в его замке меня настигла непроходимая скука. Он — мой родственник, и я не могу обсуждать его при посторонних. Скажу только, что женился он на сестре богатого негоцианта, которая вместе с грандиозным приданым втащила в родовой замок затхлый душок меняльной лавки. Словом, я оставался в гостях только ради того, чтобы не обидеть троюродного кузена. Охота была моим единственным утешением.

В то утро доезжачие подняли прекрасного зверя, но он, в отличие от меня, был старожилом этих лесов и отлично знал все его тропинки и чащобы. Я гнался за ним, оставив свиту далеко позади — и заблудился. Давно перевалило за полдень, и мой верный Снежок нуждался в отдыхе. Поводив его кругом поляны, чтобы он остыл, я ослабил подпругу и пустил коня попастись, а сам улегся на плащ и под тихое журчание ручья задремал.

Меня разбудил Снежок — он храпел и обеспокоенно бил передними копытами. Что-то испугало его, и это что-то следило за мной из чащи. Я кожей почувствовал изучающий и грозный взгляд.

Я далеко не трус, господин вор, но в тот миг и мне сделалось страшно. Схватив копье, я поднялся, чтобы встретить опасность стоя. И тогда гуща ветвей

раздвинулась, и на поляну вышел скавр — человекоподобное существо с гривой льва.

Он недолго выбирал между двумя жертвами: конь быстрее человека, его тяжелее поймать. Поэтому он решил полакомиться мною. Когда скавр бросился на меня, я успел нанести ему рану копьем в плечо. От боли и ярости человекозверь обезумел, и это решило исход битвы. Копье он сломал, словно тростинку, и слепо кинулся в атаку. Меча со мною не было, но я ухитрился всадить ему под лопатку охотничий кинжал. Испустив громкий рев, чудовище вытянулось в агонии и скоро утихло навсегда.

Я был очень горд собой. Но моя победа грозила обернуться поражением — скавр своими страшными когтями разорвал мне бедро. Кровь лилась рекой, и остановить ьее я не мог. Вместе с кровью я лишался и сил. Кое-как я сумел взобраться на коня. Перед глазами все плыло, а в ушах раздавался назойливый гул. Я потерял сознание.

В зыбком, колыхающемся бреду передо мной возникало очаровательное девичье лицо, иногда даже я слышал голос — удивительный, нежный голос... Виденье было так прекрасно, что я решил, будто умираю. Это сложно понять, но... Впрочем, неважно.

Лесник нашел меня вовремя. Еще немного — и спасти мою жизнь не удалось бы. А видением оказалась Ремина — племянница лесника, сирота. Она ухаживала за мной четырнадцать дней. Ее бессонные заботы, здоровая пища, свежий лесной воздух и доброе аквилонское вино поставили меня на ноги.

Кузену доложили обо мне, и он прислал за мной крытые носилки, чтобы доставить меня в замок. К ужасу лесника, я притворился умирающим и внушил всем, что переносить меня опасно. Как только присланные удалились восвояси, я чудесным образом выздоровел. Лесник разгадал мою хитрость и пришел в беспокойство, но золотая застежка с моего плаща примирила его с действительностью.

Прекрасная Ремина была рада, что я остался. Несмотря на простое происхождение, она каким-то чудом усвоила природное, скромное благородство, словно к нему обязывала ее красота. Грязь житейская и внутренняя, присущая мужланскому роду, не пачкала ее, так же, как и земля не пачкала ее босых ног, когда Ремина гуляла со мною по лесу или собирала хворост. Ей скучно и пусто было среди людей, составлявших ее окружение. Разве можно с мужланом, озабоченным только вопросами пропитания, разговаривать о звездах или полевых цветах? Со мною ей было хорошо, а я забывал, что передо мной — босоногая крестьянка. Душою она была мне ровней.

Видишь ли, господин вор, я женат. Супруга моя — одного со мною происхождения, и мы уважаем друг друга, как хорошие приятели. Она родила мне наследника, за что я ей очень признателен. Но меж нами никогда не было любви. Разводиться с нею я не собираюсь и позволяю ей держать подле себя одного-двух трубадуров из небогатого рыцарства. Она, в свою очередь, также

не стесняет моих свобод. Я вполне мог бы поселить Ремину в своем замке на правах служанки, и мы были бы счастливы. Почему я не сделал этого сразу?

— В самом деле, почему? — высказался Конан. — Мужчина должен решать, а женщина — покоряться. Вряд ли она нашла бы лучшую долю.

Герцог помрачнел еще больше. На щеках его пылал румянец лихорадочного возбуждения.

— Я свалял дурака и первый признаю это, — продолжал он. — Да что толку? Итак, мы полюбили друг друга. Я зачастил в гости к своему кузену, мерзкая жена которого прознала, в чем дело. Ее насмешки были грязны и совершенно неостроумны... Я все терпел и ни разу не ответил ей грубостью — меня переполняло счастье, которого никогда не понять торгашескому отродью. Во время последнего нашего с Реминой свидания я подарил моей возлюбленной платок из редкого ванахеймского кружева, выдав его за простую ремесленную поделку, — она не принимала дорогих подарков, хотя мы были достаточно близки... Как любили мы друг друга в ту ночь...

Вернувшись домой, я принял окончательное решение и даже обсудил его с женой. Она дала полное согласие, оговорив только одно: Ремина должна знать свое место и не покушаться на звание госпожи замка. Я уже отдал распоряжение приготовить ей комнату, как вдруг на следующий же день один из моих соседей захотел пересмотреть границы своих земель. Словом, началась война. Глупая, длинная и кровопролитная. Сначала сосед осадил меня, потом у него кончился провиант, и я осадил его. Поливая мое войско кипятком со стены, он так увлекся, что не успел увернуться от стрелы.

На том дело и кончилось.

Наскоро поправив свои обстоятельства, я прискакал во владения кузена. Что же я обнаружил? Пустую лачугу лесника и свежую могилу на задах его убогого двора! Лесник помер. Стены и кровля ничего не могли поведать о судьбе моей Ремины. Пришлось мне объявляться у кузена. Сам он ничего не знал, а его законная гадюка, приторно улыбаясь, рассказала мне о своем человеколюбии. Исключительно из заботы об осиротевшей девушке, она продала ее своему жирному братцу, который обитает в этом городе. «Ничего, — проквакала эта мерзкая жаба, — мой великодушный брат даст этой дикой красотке хорошее воспитание и устроит на хорошее место». Я был в ярости.

Великодушного брата зовут Дорсети. У него огромный дом, выстроенный без всякого вкуса, куча денег и манеры лошадиного барышника, хоть он и рядится в парчу и бархат. Сынок его, Дорсети-младший, — похотливый гаденыш, нечистый на руку. К тому же о нем ходят жуткие слухи. Деньги и связи позволили этим людям развернуться во всей красе. Если бы они жили на моей земле, их давно бы повесили. Но увы — они свободолюбивые горожане, опора общества, гордость цеха растовщиков. Я и пальцем не могу их тронуть. К тому же Дорсети держат в доме целую армию наемных головорезов, а я не имею права ввести в этот городишко своей дружины. У Дорсети, как я уже говорил, очень серьезные связи, а я не могу воевать против всего королевства.

У меня оставалась надежда решить дело «цивилизованным образом». Собрав хорошую сумму, я приезжаю сюда, без свиты и лишнего шума. Гизмунд не захотел отпускать меня одного и увязался следом. Два дня назад мы прибыли сюда и сразу же явились в дом Дорсети. При входе меня заставили разоружиться... Какая низость! Но я и это стерпел.

Оба Дорсети встретили меня недоумевающими взглядами.

— О какой рабыне он говорит, папа? — спросил сынок.

Дорсети старший воздел руки к небу.

— Здесь недоразумение, — пропищал он. — Я точно переправлял пятнадцать золотых за рабыню, но увы — так ее и не получил. Моя дражайшая сестра не позаботилась отослать ее с обозом. Вероятно, снабдила ее провожатым из приказчиков. Скорее всего, обоих схватили разбойники. Какая жалость! Она правда была красавица, эта Ремина?

Мне оставалось только плюнуть и откланяться. Какое-то время я стоял под стеной их дома и предавался размышлениям. А если быть до конца честным, то попросту проклинал себя за глупую свою нерешительность. Как вдруг из окна угловой башни медленно падает к моим ногам свернутый платок из ванахеймских кружев! Конечно, я узнал его — другого такого не существует на свете. Узоры кружева неповторимы. Именно этот платок я подарил племяннице лесника.

Кровь вскипела в моей голове. Человек благородного воспитания не должен позволять себе так явно обнаруживать свою ярость, ругаясь с торгашом. Однако я ворвался в дом Дорсети, по дороге отдубасив пару-тройку его телохранителей.

— Она здесь! — вскричал я, размахивая уликой перед глазами ростовщика. — Она в угловой башне! Ты смел мне соврать, хамская морда?

Тут наемники, числом не менее десятка, обступили меня.

— Нарушение границ частной собственности, — перечислял Дорсети-младший. — Оскорбление достоинства, угрозы... Вяжите его. Мы на веревке отведем этого зазнайку в городской магистрат.

— Не нужно, мальчик мой. — Дорсети-старший поморщился. — Давай простим его на первый раз. Все-таки он нам — хе-хе — родственник...

Тут уж я просто света не взвидел, потянул меч из ножен, но меня сбили с ног и выбросили за ворота.

Ценою нечеловеческих усилий я смирил уязвленную гордость и обратился в магистрат с жалобой. Чиновник, принявший меня, пожал плечами.

— Для обыска особняка Дорсети у властей нет основания, — изрек он. — Если Дорсети не желает продавать вам свою рабыню — так это его дело, и помочь вам я ничем не могу. Она является его полной собственностью. Если же вы попытаетесь силой ворваться в дом, вас просто убьют или посадят в тюрьму. Возвращайтесь-ка вы, откуда приехали.

Вот и вся история. Остается добавить, что я заплатил за объявление, в котором говорится о работе для опытного следопыта. Но за два дня ты — первый,

кто пришел. Если у тебя получится выследить, где Дорсети прячет Ремину, я дам тебе двести золотых. А если ты украдешь ее для меня — получишь тысячу.

Конан присвистнул.

— Даже не знаю, — произнес он задумчиво. — Дельце не из простых. Что ж, завтра посмотрим, что я смогу сделать. Но есть одна заминка...

Герцог и его оруженосец с удивлением посмотрели на варвара, который продолжал говорить ничего не значащую чепуху и при этом знаками приказывал молчать. Поднявшись, он на цыпочках прошел через зал и очутился возле окна, закрытого деревянными ставнями. Затаившись, как барс перед прыжком, Конан внимательно вслушался в шум дождя, а затем неуловимым глазу движением распахнул ставни и обеими руками ухватил за горло человека, стоявшего за окном.

Тот попытался разжать его хватку, но глаза его выкатились, язык высунулся и язык свесился набок.

— Готов! — воскликнул Гизмунд.

Конан втащил убитого через окно в зал и бросил на пол.

— Разумеется, за вами следили, — сказал он.

— Ты услышал его дыхание? — удивился герцог.

— Нет. Я услышал, как он перестал дышать, когда ты назначил цену, — усмехнулся варвар. — Все-таки это большие деньги.

Носком сапога Конан поддел неподвижное тело и перевернул его лицом вверх.

— Держу пари, что этого парня вы не видели в доме Дорсети, — сказал он.

— Ты его знаешь? — поинтересовался Мироваль, брезгливо морщась.

— Я знаю десятки таких, как он. Это — грязные людишки. У них грязные руки, грязная совесть и грязные мысли в головах. — Конан сплюнул. — Таких — целая орава в любом крупном городе. Лично они никогда не встречаются с тем, кто нуждается в грязных услугах, — обычно их опекает владелец какого-либо борделя. Заказчик платит хозяину, а тот, в свою очередь, направляет на дело подобную дешевку. Они готовы на все что угодно — соглядатайство, убийство под видом грабежа...

— Неужели ты осуждаешь убийство? — с усмешкой проговорил Гизмунд. — Никогда бы не подумал.

— Когда мне нужно убить — я убиваю, — мрачно ответил варвар. — В честном бою и без всяких фокусов. Тем более, не использую таких гнусных штуковин!

С этими словами он вынул из-под одежды мертвеца короткую, полую тростинку, вставил в зубы ее кончик, повернул голову к стене и коротко дунул.

Таракан, бежавший по своим тараканьим делам, застыл, пришпиленный к стене маленьким дротиком, оперением которому служил пучок разноцветной щетины.

— Знатное оружие, — рассмеялся Гизмунд. — А как оно супротив крыс? Действует?

— Такой колючки достаточно, чтобы убить быка, — сказал Конан. — Почти мгновенно. Очень сильный яд. Этот тип мог перебить нас так, что мы бы и не почувствовали.

Герцог Мироваль поднялся из-за стола.

— Я полагаю, вы советуете нам держаться поосторожнее? — спросил он.

— Еще бы! — воскликнул Конан. — Было бы глупо выполнить работу, но лишиться работодателя.

Пристав Гаттерн был в крайнем раздражении. Волосы на его черепе росли редкими клочьями, причем разной длины и цвета — одна прядь успела поседеть целиком, другая — только наполовину, а третья все еще оставалась медно-рыжей, и так — по всей голове! По этой причине пристав редко снимал свою кожаную шапку с наушниками, усыпанную стальными бляхами. Теперь он все-таки сдернул ее и отирал вспотевший лоб застиранным полотняным платком, а это служило верным признаком его скверного настроения.

Труп, пролежавший в зале до утра, двое солдат сволокли во двор и бросили на телегу.

Конан завтракал.

— По правилам хорошего тона свинину с капустой запивать следует непременно пивом! — изрек он, обращаясь к приставу. — А у вас в Аквилонии даже мамалыгу запивают вином. Брось дуться, Гаттерн, — ты не можешь задержать меня по обвинению в убийстве. Это была самозащита.

— В прошлой зиме у меня уже были из-за тебя большие неприятности, — напомнил Гаттерн. — Уезжай.

— На этот раз все обойдется, — заверил его киммериец.

— Не верю. Ты не умеешь жить в городах. Как вышло, что этот парень напал на тебя? Он ведь не из этого района. Он — один из людей Сохо. Вывод — твой труп нужен Сохо. А это значит, что по моему участку начнут шляться чужие головорезы. Пойми, северянин, я этого не хочу.

— Я не ссорился с Сохо, — солгал Конан.

— Значит, кто-то другой заплатил ему за твою голову.

— Чушь! — Варвар разыграл благородное негодование. — Твой долг — защитить меня силой закона, а ты гонишь меня из города.

— Я все равно найду повод вышвырнуть тебя! — упрямо гнул свое пристав.

Конан не боялся его ничуть, но все же питал к Гаттерну искреннее уважение. Гаттерн был, что называется, честным стражником. Конечно, он не мог искоренить в Галпаране преступность и оказался вынужден уживаться с существующим положением вещей. Однако Гаттерн редко отступал от своих принципов и всегда держал слово.

— Ладно! — сказал Конан. — Дай мне два дня, потом я уеду.

Поразмыслив несколько мгновений, пристав кивнул.

— Кстати, — произнес он, — до вчерашнего дня здесь проживал некий герцог Мироваль. Не ведомо ли тебе, куда он исчез?

Варвар рассеянно пожал плечами и сосредоточился на свинине с капустой.

Герцог и его оруженосец покинули Галпаран еще затемно. Они будут ждать Конана в заброшенной корчме без названия на восточной дороге. Мужланы там смирные и приветливые, разбойников почти не водится. Да если и найдутся таковые — для бывалого рыцаря вместе с оруженосцем они не составят серьезной угрозы. Другое дело — бледные городские наемники, бьющие исподтишка, шныряющие, подобно крысам, по подворотням и запутанным переулкам. Перед отъездом коротышка Гизмунд с великой неохотой отвязал от пояса кошель .

— Это на расходы, — сказал герцог. — Если нужно больше — скажите.

Конан решил, что этого хватит, и Снежок унес Мироваля в черноту городских улиц. Мул, пыхтя и подбрасывая Гизмунда на своей широкой спине, затрусил следом. Хозяин трактира, хоронившийся где-то в потайной комнатке, явился и очень распереживался по поводу мертвого тела. Он и вызвал стражу.

Визит пристава позволил Конану выяснить, кто из крупных городских подонков является «подрядчиком» Дорсети. Аарон Сохо начинал свою карьеру обыкновенным уличным воришкой. Было это в незапамятные времена, задолго до рождения Конана на свет. Потом юного карманника нанял для мелких услуг один чародей, деятельность которого противоречила закону. Чародей этот умел превращать любой съедобный предмет в сильнейшее «снадобье грез», причем внешне предмет оставался таким же, каким был до превращения. У чародея собралась обширная клиентура, а также образовались и конкуренты. Ночная война длилась почти зиму — неприметные, серые люди выскакивали из темноты и плевались друг в друга отравленными иглами. Так вышло, что Аарон Сохо победил. Конкуренты чародея либо погибли жутким образом, либо поспешно сменили род занятий.

— Я вполне могу заняться самостоятельным делом, — сказал Сохо чародею. Тот согласился. А что ему оставалось делать? Полая камышинка смотрела ему в лицо. Сохо основал «Вагруну» — самый большой дом увеселений в городе. В «Вагруне» работали самые аппетитные крошки, шла самая крупная игра, а к столу подавались изысканнейшие вина и многое другое. Теперь об этом смешно вспоминать, но некогда Конан и сам подрабатывал там в качестве наемного гладиатора. Благопристойные господа горожане очень любили смотреть на гладиаторские бои. Одно время варвар был доволен местом и весьма — популярность приносила хороший доход.

Но однажды четверо хорошо одетых господ с грязными лицами вошли в раздевалку и от имени самого Сохо выразили полную уверенность в том, что он, Конан, сегодняшний бой проиграет. Варвар счел себя оскорбленным и удалился, оставив четверых плавать в мраморном бассейне вместе с живыми миногами.

Теперь существовала большая вероятность, что Сохо лично заинтересуется этим делом. Если вчерашний шпион был не один, владелец «Вагруны» уже знает, кто представляет интересы Мироваля.

Но Конан меньше всего думал об этом.

Столовым ножом он соскреб засохшую грязь со своих сапог и штанов, встряхнул высохший плащ и решил, что его внешний вид вполне сойдет для городской прогулки. Час был еще ранний, солнце светило свежо и ярко, и Галпаран тщательно прятал в темных закоулках свою мрачную изнанку. Подмастерья и молодые мастера давно уже были за работой, мастера постарше только-только появлялись на улицах — шагали степенно и чинно. Отворялись лавки, с первым визитом спешил медик, торопясь уморить очередную жертву. На рынках между прилавков уже мелькали широкие зады кухарок. Труп молодого ювелира, заколотого своим нервным конкурентом, уже убрали с площади, а место, где он лежал, давно присыпали чистым речным песком.

Дом Дорсети запирал собою улицу Менял. Он и в самом деле был аляповат и напоминал примятый торт с подтаявшей глазурью. Конану показалось даже, что он слышит назойливое жужжание мух, облепивших фасад.

Ворота и решетка ограды вызвали у варвара усмешку.

— Через это уродливое нагромождение глупого железа перелезет даже увечный, — пробормотал он себе под нос. — А вот и угловая башня... На стене столько выступов, завитушек и дурацких украшений, что я без труда заберусь по ней хоть до самой крыши. Да я просто обязан навестить этот милый особнячок. Устраивать дом таким образом — значит вешать на нем табличку: «Дорогие воры, заходите пожалуйста!» Хм... Уж там есть чем поживиться. Само собой, прихватив пару безделушек на память, я не забуду и о зазнобе герцога...

Увлеченный этими мыслями, варвар обошел дом кругом, наметил себе удобный маршрут для ночного визита и направился отыскивать какое-нибудь питейное заведение. Обычно он всегда действовал так: в день серьезного предприятия застревал в кабаке, где преувеличенно пил, щипал служанок и затевал потасовки. К вечеру он надоедал всем безмерно. Потом, погрузившись в опьянение, затихал, а прислуга с облегчением вздыхала. Убедившись, что за ним не следят, лже-пьяный потихоньку покидал заведение, более или менее удачно присваивал чужую собственность, потом так же незаметно возвращался обратно, где просыпался и вновь начинал буянить и пить, уже по-настоящему. Таким образом и прислуга, и собутыльники оставались в непоколебимой уверенности, что несносный варвар торчал в кабаке безвылазно и, следовательно, не мог совершить ничего предосудительного за его порогом.

Сегодня Конан решил воспользоваться гостеприимством «Седой Совы» — кабачка уютного, не слишком дорогого и известного тем, что вино в нем не очень разбавлено. Выбрав себе наиболее удобный стол — и от входа недалеко, и до стойки рукой подать — Конан изгнал из-за него взъерошенного школяра с подбитым глазом и заказал себе первый кувшин вина.

— Здесь занято! — зарычал он, не поднимая головы, когда увидел перед собой ноги в ботфортах и края дорожной одежды.

Пришелец не испугался, сел как ни в чем не бывало, напротив Конана, звякнул кольцами на ножнах узкого клинка и произнес женским голосом:

— Я рада, что ты занял этот столик для нас двоих.

— Зонара! — воскликнул Конан, вскинув голову. — Кром великий! Тебя же казнили в Луксуре!

— Жаль тебя разочаровывать, — промурлыкала женщина в мужском дорожном костюме. — Но я успела уйти, обчистив пирамиду. Казнили другую, менее удачливую. Это скучно. Скажи лучше, что ты делал сегодня возле дома Дорсети?

— Гулял, — отрезал Конан мрачно.

— Собираешься пошуровать там? Забудь, это слишком опасно.

— Опаснее, чем в пирамидах?

— В какой-то степени. — Зонара потянулась, как пантера.

Варвар не доверял ей, однако грациозное и сильное тело этой женщины, готовое выскочить из одежды, волновало его. Еще он недолюбливал таких женщин за то, что они знают о своих почти колдовских способностях и широко пользуются ими.

— Хорошо, что ты еще не пьян, — сказала она, и в ее карих глазах запрыгали огненные змейки.

— Скоро буду, — пообещал Конан.

— Мне тебя не отговорить?

— В смысле выпивки?

— В смысле Дорсети, глупый.

— А что тебе за интерес? — прямо спросил он. — Сама присмотрела себе этот домик? Скажи честно!

— Честно? — Зонара улыбнулась, показав остренькие зубы. — Там нет ничего интересного. Побрякушек мало, столовые приборы скучные, статуэтки пошлые. А деньги они хранят у менялы. Давай лучше ограбим менялу.

— В другой раз. — Конан допил вино и жестом велел принести еще.

Поглядев на него серьезно, Зонара вдруг сказала:

— Я ведь знаю, что тебе нужна Ремина, рабыня Дорсети. Ты работаешь на одного сумасшедшего герцога. Он ничего, но скорбен главой, по-моему.

— Откуда тебе известно?

— Я обратила внимание на его объявление. Но его слуга не принял меня всерьез. «Дамочка-следопыт! Умора!» — так сказал этот мерзкий недомерок. Тогда я стала за герцогом следить... и не я одна, но ты об этом уже знаешь. Я слышала ваш разговор этой ночью. Послушай, мне большая нужда в деньгах... Давай сделаем все вдвоем? Один ты не справишься.

— Почему ты так считаешь?

— Ты ведь не знаешь, в чем там дело.

— А в чем может быть дело? — не понял ее Конан.

Зонара поглядела на него с сомнением.

— Все-таки ты дубина, — заявила она. — Пораскинь умишком! Почему Дорсети не продал Ремину герцогу? Ведь титулованный сумасброд мог заплатить хорошую сумму, совершенно не торгуясь.

— Может быть, — предположил варвар, смущаясь, — он тоже... того... влюбился...

Зонара вскинула голову и рассмеялась так громко, что на нее обернулись остальные посетители.

— Для того, чтобы влюбиться, надобно сердце, глупый мой северянин, — сказала она. — А у Дорсети нет сердца, причем — у обоих, и у папаши, и у сыночка. Это у них фамильное. Ты пьешь красное? Спроси мне мускатного и фруктов. Выпью с тобой за старые денечки...

В «Седую Сову» вошли двое — старик с разбитой, неладно склеенной виолой и девчушка зим семнадцати. Одеты они были чудно — в пеструю живописную рванину, тщательно выстиранную. Косматая седая шевелюра старика была чисто вымыта и пахла душистым мылом. Даже его подбородок, покрытый серебристой щетиной, обладал неким горделивым достоинством.

Девочка быстро расстелила на полу лоскутный коврик, освободилась от тяжелых деревянных башмаков и легко вскочила на мозаичный мягкий квадрат. Смычком, похожим на лук кочевника, старик провел по струнам виолы, родив неожиданно сильный и чистый звук, и заиграл быструю плясовую мелодию. В такт он притоптывал правой ногой, и привязанные к ней круглые бубенцы переговаривались озорными голосами. Лицом музыкант оставался серьезен, только пышные его брови шевелились, словно тоже плясали. Танцорка исполняла свой номер очень старательно — она была тонка, жилиста и слишком точна в движениях. У посетителей она вызвала интерес, но не похотливый, а напротив — даже трогательный. Ей сопереживали и хотели, чтобы она нигде не ошиблась. Подавали, впрочем, немного.

Выпив, Зонара смотрела на танцорку с грустной задумчивой улыбкой. Не то чтобы Конан хорошо разбирался в женщинах, но с ней он был давно знаком и знал, чем вызвана эта улыбка. Десять зим назад Зонара такой же тонкой и жилистой девочкой танцевала в недорогих тавернах. Другой судьбы она себе не представляла — с трех зим ее готовили к этой участи, причем учили не только танцам, но и ремеслу акробата. У дяди Гинко была особого рода частная школа, куда приводили своих детей уставшие от нищеты родители. Приводили и оставляли навсегда, чтобы не думать о прокорме лишнего рта.

По-своему очень неплохой человек, дядя Гинко был суровый учитель. Прежде всего он калечил некрепкое детское тело — растягивал мышцы, вывихивал суставы и жестокими упражнениями приучал воспитанников к выносливости. Затем растянутые мышцы наливались силой, суставы приобретали невероятную гибкость, а все тело становилось эластичным, ловким и очень послушным. Под присмотром дяди Гинко выросло четыре или пять поколений танцоров и акробатов, многие из которых не только имели верный кусок хлеба, но и сделались очень богаты.

Зонара выдержала эту многолетнюю пытку, к тому же, как она сама уверяла, у нее был талант. Но дядя Гинко не успел выпустить ее в жизнь. Однажды он поскользнулся на мокрой мостовой, упал и разбился насмерть.

Его подопечные разошлись, кто куда. Зонара примкнула к одному бродячему театрику, который был очень плох — состоял из спившихся жалких неудачников обоего пола. Кто-то из них, на постоялом дворе, где давали представление, стянул у горожанина кошелек. Горожанин поднял шум. У него были лоснящиеся висящие щеки и косое пузо. Актеров, конечно, заподозрили сразу. Вор, чтобы не быть уличенным, подбросил кошелек в сумку Зонары. Когда похищенное обнаружилось, Зонару схватили.

Главный неудачник, он же хозяин театрика, уговаривал горожанина:

— Зачем арестовывать бедняжку, губить ей жизнь? Если она виновата, отведи ее в комнату и потешься часок-другой. А так ее повесят, и у нее не будет возможности исправиться.

Но горожанин тряс щеками:

— Я почтенный человек, глава семьи! — кричал он. — Как вы смеете предлагать мне разврат! Воровка должна отвечать по закону, на то он и есть закон.

Пьяная актерка — вероятно, истинная воровка, — механически гладила Зонару по волосам и ревела:

— Он — не человек! Он не человек!

Зонара несколько раз повторила:

— Это не я!

Но ее не слушали, и она поняла, что доказывать что-либо бесполезно.

В виду юного возраста ей сохранили жизнь — только высекли под виселицей на глазах у утренней площадной рвани, а затем заперли в исправительный дом. Исправление заключалось в глупом бессмысленном занятии — трепле пеньки. Это было гораздо хуже порки — ее Зонара вынесла почти без слез после уроков дяди Гинко. Тупея от тоски и скуки, Зонара играла в свободные часы в воровские игры и слушала байки о ловких и хитрых людях, никогда не попадающихся, изобретательных, словом — удачливых и потому достойных восхищения. Таким образом исправительный дом сделал из танцорки воровку. А потом она убежала.

Горожанин с отвисшими щеками однажды нанял себе в дом молоденькую служанку. Он был очень рачителен и осторожен, перед выходом слуг из дома всегда лично обыскивал их на предмет серебряных ложек, а по ночам запирал всех домочадцев в их спальнях, размещенных по верхним этажам. Но вскоре после появления новой горничной его стали обкрадывать — нагло, методично, и на солидные суммы. Горожанин потихоньку сходил с ума.

Сторожа и днем и ночью ходили с дозором вокруг дома, всякий раз проверяя окна первого этажа и входные двери. Прислуга теперь не просто запиралась в комнате, а еще и приковывалась цепью к ножке кровати. Но кражи не прекращались. Все тайники, все уловки домовладельца оказывались раскрыты. В конце концов, доведенный до безумия, горожанин удавился.

Горничная была Зонарой. С ловкостью акробатки — спасибо дяде Гинко — она выбиралась из своего окна и по карнизу попадала в любое другое, по своему желанию. Снять с ноги кованый обруч, соединенный с цепью, тоже не

составляло труда. Украденное Зонара прятала на чердаке, проникая в него через крышу.

После похорон жена домовладельца, похожая на яблоко, высушенное в темной каморке, сказала слугам:

— Я нищая и платить вам мне нечем. Те, кому некуда идти, могут остаться, пока дом еще не продали за долги.

Зонара не осталась, но, тронутая словами вдовы, подбросила почти все похищенное к дверям ее спальни.

Неизвестно, был ли у нее на самом деле талант к актерству, а вот к воровству — определенно был, и немалый. Слухи о нем скоро распространились далеко за пределы Аквилонии. Зонара путешествовала под видом скучающей молодой аристократки. Попадая в новый город, она в считаные дни обзаводилась поклонниками, входила в общество, присматривалась, а затем совершала дерзкую кражу, выполненную с эффектом.

Несколько раз ее ловили, но смерти Зонара всегда благополучно избегала. В целом новая жизнь ей нравилась, и она принимала ее целиком. Правда, изредка на нее накатывала тоска, ей становилось жаль себя почти до слез. От этого помогало только одно лекарство.

— Пойдем, снимем здесь комнату часа на три, — обратилась она к Конану. — Все равно до вечера нужно чем-то себя занять.

— В прошлый раз это закончилось ссорой, — напомнил варвар. — Ты разбила об меня табурет, помнишь?

— Это потому, что мы слишком затянули отношения, — ответила Зонара без тени смущения. — Сейчас мы только побудем вместе и все. Мне это очень нужно. Пойдем же! Последним мужчиной, перед которым я раздевалась, был палач в Кордаве. Он — миляга, но слишком увлекается своей работой.

Конан ухмыльнулся, покачал головой, поднялся и подал ей руку.

— От тебя откажется только евнух, — произнес он, и вдвоем они поднялись из залы. Старик-виольщик даже не покосился им вслед.

Комната оказалась маленькой — кровать занимала ее более чем на три четверти. Резные деревянные ставни, сработанные не слишком аккуратным подмастерьем, были прикрыты — из-за этого солнечные пятна и тени лежали поперек покрывала причудливым узором.

— Не угодно ли господам любовной серенады за отдельную плату? — спросил приказчик из-за двери.

— Проваливай в преисподнюю! — рявкнул варвар. Зонара рассмеялась. Она мгновенно избавилась от одежды и легла, глядя на мускулистую фигуру Конана, разоблаченную еще только до половины. Солнечный узор покрыл ее кожу.

— Сначала — поцелуй по-аквилонски, — требовательно сказала она, когда варвар подошел к кровати, и горячими губами приняла его плоть.

В искусстве телесной любви Зонара также была талантлива. К тому же ее тело, гибкое и сильное — спасибо дяде Гинко — словно само изобретало прихотливые позы, усиливающие страсть и наслаждение.

Кровать, как Конан и опасался, немилосердно скрипела и, подпрыгивая, стучала об пол толстыми ножками. Скоро, не выдержав яростного напора, она и вовсе развалилась, и любовники, громко смеясь, забарахтались в покрывалах уже на полу.

Через три часа оба утомились. Обернувшись покрывалом, Конан высунулся за дверь и громовым голосом потребовал холодного вина. Вероятно, грохот, учиненный любовниками, был слышен и в зале, во всяком случае слуга, принесший кувшин и чаши, поглядел на варвара с большим уважением.

— Значит, мы договорились? — спросила Зонара мурлыкающим голосом, проводя шелковистой подошвой по ноге Конана.

— О чем? — удивился варвар, блаженно щурясь.

— Идем на дело вместе. Деньги пополам.

— Очень этого не люблю, — произнес он, мрачнея.

— Чего — «этого»?

— Сначала ты отдаешься мне, потому что тебе это «необходимо», а потом оказывается, что за эту услугу я должен чем-то платить. Может, сразу возьмешь деньги? У меня есть десять серебряных монет — более чем щедрая плата за ласку.

Зонара вскинулась и хлестнула Конана по щеке, отбив ладонь.

— Скотина! — закричала она. — Принимаешь меня за шлюху? Мне нужно пятьсот золотых, а свое серебро можешь смело...

— Особа с такими аппетитами, конечно, не шлюха, а деловая женщина, — перебил ее варвар, широко ухмыляясь. — Мне ведь денег не жалко. Я, если ты хочешь, и так с тобой поделюсь. Просто я привык работать один. Мне нет охоты отвечать за подручного.

— Отвечать? Перед кем? Мне не нужно, чтобы кто-то за меня отвечал, — злилась Зонара. — Если я вляпаюсь, отвечу за все сама. Опыт у меня есть. Боишься, что я тебя выдам?

— А если тебя убьют?

— Рано или поздно это произойдет. — Она пожала плечами. — К такому исходу я давно уже готова. Возьми меня в сообщницы, Конан. Клянусь поцелуем, я очень тебе пригожусь. Ты ведь не знаешь того, что знаю я.

— Долго думать — не в моих привычках, — объявил варвар, надевая рубаху. — Хорошо. Только прежде скажи, что же тебе известно.

— Не обманешь?

— Когда я тебя обманывал?

— Дважды обманул. Один раз — с рыжей Анной, а другой...

— Ладно, неважно. Даю слово!

Зонара довольно потянулась.

Процесс одевания занимал у нее считаные мгновения, но она никогда с

этим не спешила — ей нравилось состояние наготы, нравилось, что на нее смотрят.

— Слушай же, мой неотесанный друг, — начала она. — Но сначала ответь: что ты знаешь о Дорсети?

— Он — богатый меняла, ростовщик и негоциант, — сказал Конан. — С ним все ясно.

Зонара усмехнулась.

— Отец нынешнего Дорсети-старшего был золотарь.

— Ювелир?

— Нет, дерьмовоз. Он разбогател только под конец жизни.

— Нашел клад в дерьме?

— Не думаю. В любом случае, богатство свалилось на него вдруг. Он купил дом, перестроил его по собственному желанию и завел себе слуг. С большим успехом участвовал в нескольких торговых сделках и за зиму обогатился более чем в пять раз. Об этом есть сведения в архиве городского магистрата.

— Что ты делала в архиве?

— Наводила справки. Там есть много интересного про достопочтенных жителей этого города. Ну так вот, в этом же году без вести пропала молодая женщина, сирота по имени Амбрис. Она находилась на попечении городского совета, который прикарманил деньги ее умерших родителей. Я видела ее портрет — так себе, ничего особенного: зеленые глаза, темные волосы, родинка на шее.

— При чем здесь это? — снова перебил ее Конан.

— Следствие решило, что ни при чем. Слушай дальше. Разбогатевший золотарь умер. Его сын долго пытался продолжить обогащение фамилии. В этом ему помогала сестра, впоследствии вышедшая замуж за одного провинциального графа, что тебе уже известно со слов герцога Мироваля. По первости Дорсети терпел большие убытки. Но вот однажды удача вернулась в их дом. Бывший уже на грани разорения, он не только вернул отцовские денежки, но и приумножил их в пять раз. Это было пятнадцать зим назад. Той же зимой в Галпаране исчезла без следа юная Домина, дочь ювелира, погибшего за три зимы перед тем. По описаниям, у нее были зеленые глаза и маленькая родинка на шее.

— Пустое совпадение, — сказал Конан.

— Как бы не так! С тех пор трижды, по одной в пять зим, пропадали девушки или женщины-сироты, и у каждой были глаза зеленого цвета и темные волосы. И родинка. И каждый раз, в зиму исчезновения, Дорсети обогащался...

— Позволь-ка догадаюсь... в пять раз, правильно?

— Да! Это совпадение? Ты веришь, что это случайность?

Конан потер кулаком лоб.

— Или ты больна на голову, или здесь пахнет магией, — процедил он. — А может, и хуже.

— Гораздо хуже! Сестра Дорсети послала Ремину к нему в лапы. И это тоже не случайно.

Зонара ликовала, видя недоумевающую физиономию северянина.

— Проклятье, почему я не догадался узнать у герцога внешность Ремины? — прорычал он.

— Потому что ты осел, — улыбнулась его сообщница. — Смотри-ка!

С этими словами она протянула ему небольшой медальон, оправленный в черненое серебро. Внутри него помещался овальный миниатюрный портрет — женская головка на синей эмали.

— Кром! — вскричал варвар. — Глаза зеленые, родинка на месте... Это Ремина!

— Ну конечно, на нем же написано.

— Да? Интересно. Откуда он у тебя?

— Вчера, в толчее, я украла его с герцогской шеи.

— Ловко! — восхитился Конан. — Мне бы и в голову не пришло красть такую мелочь.

— В нашем деле мелочей не бывает.

— Но зачем Дорсети женщины с одинаковыми приметами? Он приносит их в жертву?

— Ты догадлив, — кивнула Зонара. — Да. Это цена обогащения. У него договор с кем-то из низших божеств. Судя по тому, что я знаю об их вкусах, бедняжки погибали ужасной и долгой смертью. Ремине угрожает та же участь.

— Как бы не так! — варвар оскалил зубы и потряс кулаками. — Дому Дорсети конец! Хорошо, что мы встретились вовремя!

— И я так думаю, котеночек.

В обычном состоянии Конана бы передернуло от этого «котеночка», но сейчас он пропустил его мимо ушей.

Дорсети-старший и Дорсети-младший нервничали. Они не были похожи внешне, особенно на первый взгляд. Сын обладал острыми чертами бледного лица, пружинистой походкой фехтовальщика и странной манерой речи, свойственной потребителям «снадобья грез». А у отца был бабий румянец, расплывчатая физиономия, вялый взгляд и писклявый голос скопца.

Оба нервничали по-разному, на свой лад каждый. Старший, апатично моргая, зевал, и в горле его при этом что-то хрипело и булькало. Младший поглядывал на него с омерзением, лихорадочно и без цели дефилировал по кабинету, сплетал и расплетал пальцы рук и время от времени, вздернув кверху узкий, скошенный подбородок, визгливо хохотал. Глаза у него то подергивались дымкой какого-то отупения, то вдруг вспыхивали остро и яростно.

Между ними находился шахматный столик, инкрустированный малахитом. Фигуры на доске пребывали в патовой ситуации — платиновый султан с изумрудом в тюрбане запутался в собственных янычарах. Магистр в золотых

доспехах запер его, а с боков два золотых же рыцаря-конника не оставляли возможности пройти.

— Я ненавижу юношей, — вдруг проговорил Дорсети-старший. — Ненавижу их петушьи голоса, их глупую дерзость, развинченные телодвижения, прыщи, их пустые головы, болтающиеся взад-вперед на верблюжьих шеях...

Дорсети-младший, по своему обыкновению, захохотал.

— Как хорошо, что в Галпаране разрешены поединки, — продолжал отец. — Как хорошо, что подростки могут вволю тыкать друг в друга своими железяками. За седмицу один-два погибают. Это прекрасно! Я бы даже велел им драться, в приказном порядке. Хорошо бы еще завести в город постыдную смертельную болезнь. Тогда молокососы перемрут почти все.

Отсмеявшись, его сын вдруг резким, порывистым движением уселся на стул напротив, смахнув локтем с доски несколько фигур — те упали с тяжелым стуком, калеча лакировку красного паркета. Он вперил горящие глаза прямо в обрюзгшее лицо своего родителя и сказал:

— Если бы ты послушал меня, старый дурень, Мироваль давно был бы мертв. Я не верю, что он отступился и уехал!

— Ты закажешь перстень у сапожника? Или новую тунику у пекаря? — возразил Дорсети-старший с ленивым брюзжанием. — Ведь нет? Каждый должен заниматься своим ремеслом, сообразно цеховой принадлежности. На этом стоит опора благопристойности, и...

— «Стоит опора», — передразнил отца молодой негодяй. — Изящный оборотец! Ты полагаешь, этот Сохо удовлетворился твоими объяснениями?

— Я ничего ему не объяснял. Просто сказал, что мне нужно знать о каждом шаге герцога, и заплатил. В этом — основное достоинство ремесленного подхода к делу. Ты же не объясняешь сапожнику, к чему тебе новые сапоги.

— А вдруг он случайно пронюхает о... — Дорсети-младший осекся и вдруг, качнув головой, вонзил пальцы в свою причесанную шевелюру, словно пытался остудить жжение, поселившееся под черепной коробкой. — Почему он опаздывает? Почему люди все делают медленно — медленно ходят, медленно говорят, медленно думают? Это мучительно. Я приставил бы к каждому конюха с розгой, чтобы тот его подгонял.

С этим он вскочил и метнулся было к окну, покрытому фисташковым бархатным пологом, однако по пути остановился, развернулся на каблуках и застыл, склонив голову на сторону.

— «Пронюхает, пронюхает»... Ты похож на новейшую гадательную книгу, — фыркнул отец. — Ну и что, если пронюхает? Он не станет болтать.

— Зато станет шантажировать, — угрюмо высказал сын.

— Шантажируют родовитые шлюхи и торговцы зельем. Такие, как Сохо, берут под опеку.

— Его опека будет дорого стоить.

— Мне она ничего не будет стоить. Я заключу с ним соглашение. Пусть он находит подходящих девок и жертвует их от своего имени. Пусть богатеет.

— Но ведь тогда он рано или поздно станет богаче нас! — мысль об этом показалась Дорсети-младшему невыносимой.

— Ради Маммония! — оттопыренные сизые губы Дорсети-старшего сложились в улыбку, похожую на болотную орхидею. — Всех денег не получить.

— Ты не понимаешь, — со злобой прошипел его сын. — Не понимаешь! Ты, зачатый под бочкой с дерьмом! Для тебя то, что мы делаем, — пустяк, обыкновенная процедура. Ты затыкаешь уши ватными тампонами, чтобы не слышать вопли этих глупых тварей, когда они варятся заживо. Ты деловито хлопочешь, совершая ритуал. А ведь это — вершина человеческого могущества...

— О чем ты говоришь?

— О величии избранных! О нашем величии. Мы — необычные люди, мы сами — почти боги. Крик жертвы должен быть для нас музыкой. И этим ты собираешься поделиться с каким-то подонком, содержателем дорогого борделя! Я поимел в его заведении почти всех девок и мальчиков! Его прислуга, давясь, собирала золото, подброшенное мною к потолку. Его приказчик за десять монет вымазался острым соусом для моей забавы... С ничтожеством, с продажным убожеством ты хочешь разделить блаженство сверх-личности!

— А ведь ты болен, мой бедный мальчик, — молвил Дорсети-старший почти злорадно. — Скоро лихоманка сожжет твой мозг, ты будешь гнить заживо, бормотать безумные речи, пускать слюни и пачкать под себя. Какой конец для сверх-личности!

Сын опять вздернул подбородок и рассмеялся. Глядя на него, Дорсети-старший неожиданно повторил его жест и сначала негромко пискнул горлом, потом закудахтал, а после — густо, утробно заржал, трясясь рыхлым туловищем. По щекам его побежали крупные, в три карата, слезы. Он хлопал себя по животу левой рукой, а ноги, обтянутые черными рейтузами, выбивали дробь по паркету.

Дорсети-младший оборвал свой смех, на цыпочках шагнул к отцу, взял со стола фигуру — золотого магистра — и ею ударил сидящего в висок. Сразу после этого наступила тишина. Отцеубийца поставил магистра точно на место, а платинового султана положил набок. Тот откатился чуть в сторону и застрял под копытами конника.

— Это — мат, — послышался отчетливый голос от входной двери.

Дорсети-младший подпрыгнул, словно на пружине, повернувшись в воздухе.

В дверях стоял невысокий лысоватый мужчина с аккуратной бородкой, одетый в жемчужно-серую городскую одежду из плотного бархата. Такой носят прижимистые рачительные люди, потому что ему не бывает сноса.

— А? — спросил Дорсети-младший.

— Насколько я понимаю, твой отец только что скончался, — проговорил мужчина вкрадчивым голосом. — Мои соболезнования. Ему нездоровилось?

— Да, да... — глухо сказал Дорсети-младший и отныне — единсвтенный. — Хм, он умер, видишь ли... Опочил. А ты кто?

— Вопрос резонный. — Мужчина прищурился и крайне сдержанно поклонился. — Я зовусь Аарон Сохо. У меня были дела с усопшим. Теперь, мне кажется, ты занимаешься семейными делами?

— С этого мгновения. — Дорсети кисло улыбнулся взъерошил челку и, стараясь не глядеть на мертвого, повернул свободный стул к посетителю, чтобы усесться на него. Ноги были как ватные.

— Мне жаль беспокоить тебя пустяками в час тяжелой утраты, — молвил Сохо и ханжески закатил глаза, — но впереди — похороны. Лучше не мешкая покончить с более мелкими вопросами.

— Что ты узнал о герцоге Мировале?

— Он искал следопыта, уж зачем — не ведаю. Нашел или нет — тоже неясно. Мой агент погиб. Теперь герцог уехал.

Повисла пауза. Дорсети выждал несколько мучительных мгновений и посмотрел на Сохо непонимающим взором.

— Герцог уехал, — повторил визитер.

— Ну и славно. Ты тоже можешь идти, — выдавил Дорсети.

— А гонорар? — Сохо поднял брови.

— Отец заплатил тебе, я знаю.

— Заплатил отец, заплатит и сын, — сказал Сохо и подошел к нему вплотную.

— За что?

— За апоплексический удар. У твоего отца был удар, он упал и ударился головой о тумбу. Я сам видел. Никто не бил его шахматными фигурами.

Дорсети покачнулся на стуле.

— Сколько? — спросил он.

— Две тысячи тысяч золотом. С-спокойно! — зашипел Сохо, когда его собеседник потянулся к поясному кинжалу. Пальцы хозяина «Вагруны» сомкнулись на правом запястьи Дорсети, и тот охнул.

— Ты меня не понял, — Сохо по-прежнему говорил мягко и тихо, при этом все сильнее сжимая свою хватку. — Я — Аарон Сохо, и если я лично прихожу за деньгами, то уж получаю их сполна, будь уверен.

— В доме нет наличных, — обморочным голосом произнес Дорести.

— Я знаю, идиот. Ты напишешь расписку. для менялы Веди меня в кабинет... папы.

Потирая запястье и поскуливая, Дорсети на негнущихся ногах подошел к двери кабинета. До этого ему пришлось касаться мертвого — ключи висели связкой у того на поясе.

Невзрачный, серенький Аарон Сохо, едва доходивший ему до плеча, совершенно парализовал Дорсети. От страха перед ним его стошнило.

В кабинете, едва были зажжены свечи и тени запрыгали по стенам, Сохо сел в кресло и велел:

— Возьми бланк в столе. Но прежде найди завещание старшего.

— Зачем?

— Чтобы не тратить зря чернила. Убедимся, что ты — наследник.

— А кто же еще? — взвизгнул Дорсети. — Больше некому.

— Никогда не пренебрегай заверенными бумагами, — ухмыльнулся Сохо. — Особенно если сам нечист на руку. Ищи завещание, олух.

Через какое-то время, довольно продолжительное, Дорсети наконец увидел свиток особого, синеватого пергамента с характерной «приказной» печатью. Свиток лежал на самом видном месте.

Аарон Сохо выхватил документ из его рук, аккуратно снял печать, развернул свиток, надел на нос маленькие круглые очки зеленоватого стекла и присвистнул, пробежав глазами содержание.

— Да ты, оказывается, голодранец! — сказал он насмешливо. — Понимаешь, что это значит?

Дорсети облился ледяным потом.

— Как? — спросил он. — Кто?..

— Твоя тетя. От родственников — одни неприятности! Ее ты тоже убьешь шахматами? Или на сей раз выберешь игру попроще? К примеру, кегли...

— Подожди, подожди... — сбиваясь, забормотал Дорсети, шаря глазами вокруг себя. — Я умею подделывать его подпись. Труп мы спрячем. Ты получишь свои деньги.

— Как бы не так! Твой отец был хитер. У него, кроме векселя, спросят еще и пароль, который покойник менял раз в три дня.

— Я знаю, знаю пароль! «Мандрагора».

— «Мандрагора» была три дня назад. Все, мне пора. — Сохо поднялся. — Тебя четвертуют, я думаю. Прощай.

Дорсети догнал его в коридоре.

— Зачем тебе доносить на меня? Какая выгода?

Сохо с нескрываемой скукой оглядел его с ног до головы.

— Все знают, что я — преступник, — проговорил он. — Но в глазах закона я — добропорядочный предприниматель. Такова моя официальная репутация. Время от времени ее нужно поддерживать. Если я выдам коварного отцеубийцу, мне простится зима беспошлинной торговли рабынями, например. И потом — ты мне неприятен. Твой папаша был делец, а ты — душевнобольной.

Вызвав удивление Аарона Сохо, Дорсети хохотнул.

— Почему, ну почему вы все мне об этом говорите? — спросил он.

Кинжал с его пояса еще в кабинете перекочевал в рукав туники. Сохо слишком поздно заметил пустые ножны — холодная сталь уже перерезала ему глотку. Угасающим взором он видел, как его убийца прохаживается возле, жестикулируя, словно актер перед публикой, и слышал сквозь шум приближающейся смерти следующий короткий монолог:

— Судьба непредсказуема! Только что ты был страшным, почти всесильным и крайне самоуверенным — и вот лежишь на полу, хрипишь, из тебя те-

чет кровь на дорогой ковер, а через минуту ты вообще превратишься в кусок падали. Не правда ли, странно устроена наша жизнь?..

Потом Дорсети выронил кинжал, нашарил под туникой серебряный свисток, висевший на цепочке через шею, и пронзительно засвистел. Личная гвардия дома сбежалась, бряцая оружием. Увидев зарезанного, наемники переглянулись в немом изумлении.

— Этот человек убил моего отца! — произнес Дорсети. — Я настиг его и отомстил своею рукой.

— Послать за городской стражей? — спросил старший охранник.

— Утром. Пока перенесите мерзавца в комнату для игры в шахматы. Там — отец... Я хочу, чтобы он знал — я отомстил.

Старший охранник поклонился с глубоким почтением. Аарона Сохо уволокли за ноги. В блеске масляных ламп кровавые следы были похожи на капли сургуча.

— А ведь я нищий! — объявил себе Дорсети. — Не значит ли это, что мне пора действовать? Право, это так непривычно, так неожиданно... Тетка тоже не вечная, рано или поздно я верну отцовские деньги. А до тех пор обзаведусь своими. Тра-ла-ла! — запел он и, приплясывая, направился к винтовой лестнице.

Спустившись по ней в подвал, Дорсети отпер отцовскими ключами толстую свинцовую дверь, поменял лампу на яркий факел и шагнул в темную духоту.

— Ремина, пора вставать! — заорал он. — Тра-ла-ла! Пришел конец твоему заточению. Что есть жизнь, как не заточение в убогой клетке тела?

Девушка в одной рубахе из мешковины, спавшая в колодках у стены, проснулась. Испуг и недоумение отражались в ее лице, она всхлипывала, глядя, как Дорсети пляшет с факелом в руке и зажигает большие настенные светильники. Огонь больно ранил ее глаза, привыкшие к темноте.

В центре подвала возвышался алтарь, грубо вылепленный из глины-сырца, весь усыпанный золотыми слитками и драгоценными камнями. На нем стояла необыкновенно уродливая статуя, изображавшая толстого гладкого карлика, сидящего, скрестив вывернутые ноги. Статуя была золотая, но благородный металл весь покрылся черной липкой грязью. Только глаза и пасть блестели, отчего карлик вглядел еще гаже. В стороне от него стояла огромная печь с трубой, уходящей в потолок подвала. В печь был встроен большой котел, наполненный зеленоватой жидкостью. К его краям были припаяны два раздвижных кольца с зажимами.

Дорсети, весело ругаясь и бормоча, растапливал печь. Когда в трубе загудело, он выпрямился, вытер сажу на лице и подошел к пленнице. Сняв колодки с ее ног, он рывком поднял Ремину и, держа ее за руки, повел к печи.

— Ничего не говори! — шептал он ей в ухо. — Береги силы.

Она ничего не понимала, только страх все сильнее сжимал ее сердце. К котлу вели каменные ступени. Ноги не слушались Ремину, и Дорсети втащил

ее наверх почти волоком, заставил сесть внутри котла, погрузившись в зеленую жидкость по плечи. Жидкость оказалась тягучей и остро пахла.

Ремина сидела на самом дне, упираясь пятками в противоположную стенку. Дорсети зажал кисти ее рук в кольца, соскочил вниз и проговорил, кривляясь:

— Подожди чуть-чуть. Сейчас начнется самое интересное.

Жидкость была еще очень холодной, но стенки и дно котла быстро нагрелись и задрожали. Ремина вскрикнула и рванулась, но не смогла даже вскинуться.

— За что? Что я сделала! — простонала она.

— Ты виновата только в том, что у Маммония всегда хороший аппетит, — сказал Дорсети. — Кричи, если хочешь. Говорят, это облегчает страдания.

И Ремина закричала — но не от боли, а от ужаса. Она увидела статуэтку, которая больше не сидела на алтаре, а приплясывала вокруг котла, то и дело заглядывая внутрь.

Зонара прижалась к стене и затаила дыхание. Тень полностью скрывала ее.

Дом Дорсети, ярко освещенный со стороны фасада, остальными тремя сторонами вдавался в непроглядный мрак. Сразу за ним заканчивалась улица Менял и начинался пустырь Проклятых Судей. Прежде там была рыночная площадь, на которой время от времени сжигали магов, уличенных в преступлениях. Такой способ казни по применению к колдунам и колдуньям считался самым эффективным. Однажды, по приговору магистрата, там сожгли некую Эльзу Блез, которая, как говорили, никогда не занималась колдовством. На свое горе она понравилась человеку, служившему в городском суде, но отказала его притязаниям. Судейский не оставил ее в покое, всячески преследовал, предлагал дорогие подарки, а то ипросто запугивал. Жених Эльзы, тележный мастер, имени которого народная память не сохранила, здорово отдубасил назойливого ухажера. На следующий день Эльзу Блез схватили. Ее обвинили в наведении на город ядовитых блох и после долгих пыток сожгли. А через седмицу после казни, в куче гнилых овощей нашли судейского. Он был на последнем издыхании, его распоротое брюхо неизвестный мститель набил червивой брюковй. По одному все члены судейской коллегии, причастные к смерти Эльзы, погибли сами. Всех их — каждого в свое время — обнаружили поутру на площади. Умерли они разнообразно: кто был зарезан, кто удавлен, кто выжжен изнутри посредством раскаленного железного лома... Тележного мастера, конечно, приволокли в суд.

— Я этого не делал, — сказал обвиняемый. — Вы, разумеется, уверены в обратном, господа. Что ж, казните меня. Но если прав я, а не вы, то вас постигнет участь ваших предшественников, участь проклятых судей. Подумайте об этом.

Тележного мастера отпустили, и он уехал из Галпарана. Вероятно, мстителем был все-таки он, потому что судейских больше не находили на площади, хоть последние и не всегда выносили справедливые приговоры.

Эту историю Зонара слышала в исправительном доме, и теперь с любопытством пялилась в темноту пустыря. С тех пор рынок перенесли, а пустырь почему-то пока не застроили. Он весь порос бурьяном.

По пустырю перемещались три человеческие тени, словно прохаживались, ожидая кого-то. Зонара решила подобраться поближе к ним.

Сама неслышная и легкая, как тень, она приблизилась настолько, чтобы слышать их голоса. Трое на пустыре шепотом переругивались.

— Здесь сквозняк, как в преисподней, — сказал один.

— Откуда ты знаешь, какая там погода? — спросил другой.

— Я родился в преисподней. Думаешь, это где-то далеко? Это здесь, в Галпаране, в пяти кварталах отсюда...

Третий захихикал.

— Долго он еще там? — опять подал голос второй, но ему не ответили.

Зонара под прикрытием темноты скользнула обратно. Одетую в черное трико, ее мудрено было заметить.

У стены уже ждал Конан. Меч он перевесил с пояса за спину, чтобы тот не мешал двигаться, а волосы стянул на затылке в пучок узким ремешком. На этом его приготовления к делу и закончились. Он не взял с собой ни веревки с «кошкой», ни отмычек, полагаясь только на свою ловкость и силу.

— Прекрати улыбаться, — шепнула Зонара. — Твои зубы видны в темноте. На пустыре — люди Сохо. Что им тут понадобилось?

— Не имею понятия, — буркнул варвар.

— Пойди и убей их! Они меня раздражают.

— Давай договоримся раз и навсегда, — в голосе Конана послышались жесткие ноты, отрицающие всякого возражение. — Деньги мы делим пополам, но решаю, что делать, — я. Один.

Зонара разозлилась.

— Не дави на меня, — зашипела она. — Я этого не люблю! Зачем я вообще связалась с тобой?

— В самом деле, зачем? — Варвар спокойно обошел ее и всмотрелся в стену дома. Огни горели только на первом этаже, где, очевидно, размещались прислуга и охрана. За забором прошли часовые, вооруженные алебардами. У одного из них качался в руках большой масляный фонарь.

— Эти дураки всегда ходят с огнем, чтобы воры заранее знали об их приближении, — усмехнулся Конан. — Я заметил время обхода сторожей. Мужчине моих зим нужно в пять раз меньше времени, чтобы отдышаться между двумя любовными атаками.

— Но это все равно — очень мало! — подсчитала в уме Зонара.

— Пустяки. Мы успеем добраться по стене до балкона на третьем этаже.

— Влезем через балкон?

— Нет. Там, скорее всего, спальни. На балконе мы затаимся и переждем следующий обход, а потом поднимемся выше — под самую крышу. Окошки там узкие, но ты сможешь пройти и откроешь мне чердачный люк.

— А почему нам сразу не попасть в башню? — с сомнением спросила Зонара.

— Пленницы там нет, — уверенно возразил варвар. — Это яснее ясного. После того, как она привлекла внимание герцога, выбросив платок, ее, я думаю, перевели в другое место. Помнишь, ты говорила, что Дорсети перестроил дом по своему вкусу? Если он действительно пклоняется одному из низших божеств, ему нужно было устроить где-то домашнее капище. Удобнее подвала места не найти.

Зонара поморщилась.

— Подвал — это слишком вульгарно.

— Что?

— Слишком... обычно. Нет, я думаю, что у них в самом центре дома есть потайной зал.

— Эти Дорсети — обычные гнусные скоты, значит, и делишки свои они обстряпывают обычным способом... вруль... гарным, — произнес Конан, раздражаясь. — По-моему, все-таки это подвал.

— Ты удивительно действуешь мне на нервы. — Зонара решила не уступать. — У тебя — каменный лоб! Неудивительно, что об него ломаются табуретки.

— Давай поссоримся потом, — предложил варвар примирительно. — После того, как получим награду.

— Если мы сделаем по-твоему, мы не получим и трех медных грошей! У меня другая идея.

— Какая? — насторожился Конан.

— Мы с тобой оба — мастера своего дела. Давай устроим состязание. Влезем, как условились, — вместе, помогая друг другу. А потом будем искать Ремину по отдельности, каждый — своим методом. Кто найдет ее первым — тот и получает весь герцогский приз целиком. Идет?

— Мне это не нравится, — произнес Конан, хмурясь. — Но ты мне тоже надоела. Ладно. Т-сс... Вот идет дозор. Начинаем, как только стражники завернут за угол.

Едва лишь только шаги сторожей стихли в отдалении, оба мгновенно преодолели кованую решетку забора. Двор был засыпан колючим, розоватым гравием, который буквально визжал под ногами. Сообщники разулись и бесшумно подбежали к стене дома. Обувь, чтобы не мешала, перебросили через забор.

Зонара полезла первой. Для того, чтобы удержаться на стене, ей требовались почти неприметные выступы. Конану помогала сила — он мог подтягиваться на одной руке, пока другая искала опору.

На балкон они попали как раз вовремя — гравий захрустел под сапогами наемников. Зонара стояла, прислонившись спиной к стене, а Конан, пользуясь своим умением видеть в темноте, с любопытством заглядывал в окно. Оно было завешено плотной тканью. но оставалась довольно широкая щель.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы человек играл сам с собою в шахматы, сидя в кромешной тьме? — спросил он.

— Может, он спит?

— Да, спит. Сном глубоким и вечным.

— Ты хочешь сказать... в комнате мертвец?

Конан кивнул.

— У него разбита голова, он весь в крови.

— Лезем отсюда, — сказала Зонара. — Дозор прошел.

— Подожди... В доме происходит неладное. Это может иметь отношение к нашему делу.

С этими словами Конан извлек меч из ножен, вогнал его острие между дверью и боковой филенкой, после чего слегка нажал. С тихим скрежетом щеколда отошла. Дверь немного перекосило, и оконное стекло в свинцовом переплете треснуло в четырех местах.

— Грубо, — поморщилась Зонара.

— Но быстро, — ответил варвар и вошел первым.

— Да это не комната, а склад мертвецом, — усмехнулся он. — Гляди, вот еще один. Ого! Я его знаю.

Глаза Зонары немного привыкли к потемкам. Она шагнула вперед, сразу наступив во что-то липкое, выругалась и подошла ближе к варвару.

Рассмотрев искаженные смертью черты второго покойника, она вздохнула.

— Это... Аарон Сохо! Теперь понятно — на пустыре его телохранители ждут, когда он выйдет, — шепнула она.

— Ждать им придется долго. — Конан осмотрелся. — Кто же его зарезал? И кто этот шахматист?

— Дорсети-старший. Может, они убили друг друга?

— Непохоже. Сохо принесли сюда уже мертвым. Вон, возле двери — пятна крови. Идем дальше, делать тут нечего.

Конан отворил дверь в коридор. Зонара вышла за ним.

— Тут наши пути расходятся, — проговорила она. — Я уже почти у цели, а тебе еще нужно искать вход в подвал. Только зачем? Там никого не окажется.

Конан повел плечом.

— По северной дороге есть заброшенная корчма. Там дожидается Мироваль. Если ты права, направляйся вместе с Реминой прямо туда, меня не дожидайся. Промедление может все погубить.

И он ушел, ступая неслышно. Зонара фыркнула ему вслед.

Ей совсем не хотелось ссориться с ним — это вышло как-то само собой. Но теперь уже поздно было мириться.

Она пошла по коридору, считая повороты. О существовании потайной комнаты ей было известно наверняка, как и о том, что комната эта находится на третьем этаже. Дело в том, что план перестройки дома, которую, кстати сказать, осуществил племянник бургомистра, пылился в архиве городского

магистрата. Конечно, тайник не был на нем обозначен прямо — на то он и тайник — но по странному расположению комнат на третьем этаже Зонара легко сделала нужный вывод.

Оставалось найти вход. Он явно замаскирован дубовой панелью, которыми обшиты стены коридора. Как же отыскать нужную панель?

Зонара соображала быстро. для страшного ритуала жертвоприношения почти всегда необходим огонь. Но разводить огонь в глухой комнате — значит, задохнуться в дыму. Следовательно, нужна вентиляция, что-то вроде трубы очага. Если есть очаг, значит, есть и сквозняк. Пальцами босых ног Зонара принялась ощупывать стыки панелей с полом, пока не почувствовала легкое дуновение холодного воздуха.

— Есть! — Теперь осталось только отворить дверь.

В это время Конан боролся на лестнице со старшим охранником. Тот наткнулся на варвара случайно, и Конану ничего не оставалось, кроме как ухватить его за горло.

Наемник был крепкий и отбивался отчаянно, пока варвар с легким сожалением не сломал ему шею.

Нужно было спешить — убитого быстро хватятся. Конан сел на перила винтовой лестницы и съехал по ним до самого подвального этажа.

Тяжелая толстая дверь оказалась запертой на засов изнутри. Значит, за ней кто-то прячется. Но как сломать крепкий засов, не наделав много шуму? Хорошо Зонаре — она мастерица на всякие выдумки... Убедившись в том, что ничего изобрести он не в состоянии, Конан проворчал под нос:

— Придется ломать. А охрану перебить, если сунется. Им за это деньги платят!

Сказав так, варвар ухватился обеими руками за дверную ручку, уперся плечом и рванул на себя. Дверь даже не шелохнулась.

— Попробуем в другую сторону, — хмыкнул Конан, отошел на несколько шагов, разбежался с неожиданным ревом и ударил в дверь плечом. Та загудела и медленно отворилась.

Сломался не толстый засов из мореного дуба — скоба, державшая его у стены, оторвалась и отлетела.

Из-за раскрытой двери сразу послышался женский крик, протяжный, захлебывающийся. А по лестнице уже топотала охрана.

Конан вбежал в потайное капище, на ходу обнажая клинок, который сразу засверкал при свете факелов.

Жидкость, в которой оказалась Ремина, стала теперь теплой, но стенки и дно котла уже обжигали. Дорсети, остолбеневший от неожиданности, уронил факел. А маленький лоснящийся уродец, бегавший вокруг котла, заверещал и принялся подпрыгивать на одном месте.

— Чужой! Чужой! Чужой! — выкрикивал он. — Чужой хочет съесть мою еду!

— Стой! — вскричал Дорсети. — Я закрою дверь и все объясню. Стражники не должны видеть его!

Он обежал варвара, высунулся за дверь и заорал:

— Все в порядке! Идите спать! Убирайтесь, кому говорю!

Конан, которому некогда было размышлять о сути происходящего, взбежал по ступеням, чтобы освободить пленницу.

— Чужой! Чужой! — продолжал надрываться уродец. — Мое! Мое!

— Брысь! — прикрикнул на уродца Конан ипнул его ногой, после чего сам взвыл от неожиданной боли. Уродец оказался твердый и удивительно тяжелый.

— Ты ударил маленького хорошего меня? — заголосил он. — Такого сладкого, такого золотого?

— Он — статуя! — крикнула Ремина. — Золотая статуя!

Уродец, подтверждая ее слова, вскочил на алтарь, закряхтел, усаживаясь, и застыл.

— Статуя! — произнес Дорсети презрительно. — Это — кумир! Это — бог!

Конан разжал кольца, освободив руки Ремины, и вытащил ее из котла. Несчастную всю трясло, зеленоватая жидкость медленно стекала, образуя лужу вокруг ее ног.

— Не спеши... — Дорсети взял себя в руки и теперь вернулся к своей странной манере разговаривать. — Не спеши. Эту печку не так легко развести, поэтому я быстро все сейчас объясню, и мы продолжим. Мне очень нужны деньги, понимаешь? Но Маммоний не дает их просто так. Его нужно кормить. Эта дуреха — кто она тебе? Сестра? Невеста? Или ты служишь герцогу? Да ну его, он дурак. Понимаешь, если сварить девку заживо в специальном масле, то он ее обязательно съест. И косточек не оставит. Меня это нисколько не смущает. Пусть себе кушает. Мне — плевать, поскольку я — сверхличность.

— Ты? — удивился варвар. — У тебя даже меча при себе нет.

Он свел Ремину вниз по ступеням, едва не поскользнувшись в масляной луже.

— Ей нужна одежда, — сказал Конан, обращаясь к Дорсети. — Снимай свою.

— Это как-то странно, — пробормотал тот, скосив глаза на кончик меча, блестевший у самого его носа. — А как же стража?

— Ты жив до сих пор только потому, что безоружен, — ледяное бешенство варвара постепенно раскалялось. — Не искушай меня.

Пока Ремина, дрожа от озноба, одевалась в мужское платье, Конан разрушал алтарь. Глина крошилась и превращалась в пыль. Дорсети сидел в колодках и следил за этим выпученными глазами. Рот его был заткнут замасленной рубашкой из мешковины, которая прежде была на Ремине. С глухим стуком золотой уродец рухнул на обломки алтаря. Чтобы поднять его, Конану пришлось напрячь все силы — даже для золотого кумир был слишком тяжел.

Варвар подтащил статую к печной дверце, отворил ее и кинул истукана прямо в бушующее ревущее пламя. Дорсети в отчаянии застонал.

— Я люблю золото, — сказал ему Конан. — Я очень люблю золото. На него можно купить хороший меч, коня, вино, женщину... Впервые я вижу человека, который любит золото больше, чем я. И этот человек мне не нравится. Ремина, нам пора идти.

Освобожденная заглянула в ледяные синие глаза варвара.

— Тебя послал Мироваль? — спросила она. — Он не забыл обо мне?

В верхнем краю панели, как раз на уровне вытянутой руки, Зонара нащупала выпуклую рельефную шляпку «обойного» гвоздя. Воровка нажала на нее пальцами, и панель совершенно бесшумно поднялась вверх.

Зонара уже была знакома с некоторыми механизмами, созданными для защиты тайников. Некоторые из них приводились в действие простыми силами, вроде скрытых пружин и рычагов, а некоторые работали при помощи магии. И те, и другие мало помогали от воров. Чем сложнее, хитроумнее и дороже было приспособление, тем проще и легче оказывалось его открыть. Старые добрые навесные замки доставляли больше хлопот — приходилось перепиливать дужку.

Зонара беззвучно хохотнула и ступила в проем.

Она полагала, что уже привыкла к темноте, но мрак потайной комнаты был гуще, плотнее. Зонара не увидела собственных пальцев, поднесенных к самым глазам.

— Эй! — позвала она. — Ремина! Ты здесь?

Потайная комната была, судя по всему, совершенно пуста — эхо отразилось от голых стен и звонко загудело.

— Что же я кричу? — сказала себе Зонара и сделала еще один шаг вперед.

Двигалась она очень осторожно, но все же задела ногой за веревку, протянутую на уровне щиколотки над полом, потеряла равновесие и упала. Даже в темноте, рефлекторно, Зонара успела сгруппировать тело и не ушиблась об пол. Но она была в ярости.

Опытная взломщица, о ловкости которой ходят мифы, попалась на детской шутке с натянутой веревкой! Ругаясь вполголоса, она поднялась. Темнота перед глазами как будто сгустилась.

— Очевидно, варвар оказался прав, — сказала Зонара. — Хорошо, что его нет рядом, а то я бы наговорила ему гадостей.

Воровка двинулась назад, пытаясь ногой нащупать коварную веревку, а та куда-то подевалась, потому что Зонара скоро уперлась в стену.

«Хорошо, — подумала она. — Паниковать не надо. Я просто потеряла ориентацию».

Пройдя в другую сторону, до противоположной стены и нащупав перед собой гладко отполированное дерево обшивки, Зонара разразилась проклятием.

— Нужно же быть такой дурой! — произнесла она в сердцах через мгновение. — Зачем я бегаю от стенки к стенке? Можно просто идти вдоль стены, тогда дверь неизбежно отыщется.

Но споткнувшись о веревку, Зонара, очевидно, привела в действие запирающий механизм, и панель опустилась на место. Во всяком случае, повернув пять раз, то есть — совершив полный круговой обход комнаты, выхода она не нашла.

Медленно досчитав до пятнадцати, Зонара сказала:

— Если дверь закрылась, ее можно открыть.

Подняв руку, она принялась обходить комнату вновь, пытаясь при этом обнаружить хитроумный запор.

Почувствовав ногами легкий сквозняк, воровка обрадовалась:

— Это где-то здесь. Сейчас я его найду... Вот он!

Под ее пальцами оказалась шляпка гвоздя, на ощупь — совершенно такая же, как и снаружи.

Зонара вздохнула, улыбнулась с видом победительницы и надавила на нее. Но панель осталась на месте, а с потолка на Зонару мягко упала густа, тяжелая и липкая сеть.

Зонара попыталась освободиться, но чем больше старалась выпутаться, тем больше запутывалась. Сеть обмотала ее, как кокон.

Обессилев, Зонара села на пол и, удивляясь своему спокойствию, сказала:

— Вероятно, я вляпалась. Значит, нужно выспаться, пока есть возможность.

Факелы в подвале давно погасли, только раскаленная печная дверца светилась неприятным желтоватым светом. Масло в котле бесполезно кипело уже несколько часов и при этом ужасно шипело и издавало мерзкую вонь.

Вонь эта сгущалась, и Дорсети начал задыхаться. В какой-то момент он закашлялся так сильно, что кляп выпал у него изо рта.

— Роковая глупость моего отца имеет силу даже после его смерти, — изрек он. — А я обречен выкручиваться. Всю свою жизнь я выкручиваюсь... Отчего? Дурное расположение звезд? Несчастье характера?

Дорсети вскинул голову, чтобы расхохотаться, ударился затылком о каменную кладку, взвыл и отдался очередному приступу кашля.

Зеленоватый дым слоился перед пылающим квадратом печной дверцы. Вдруг дверца задрожала — что-то живое билось в нее с другой стороны. Дорсети умолк.

Потом дверца распахнулась и, рассыпая искры, ослепительно-золотой уродец выскочил из нее.

— Жарко! Жарко! — верещал он и бегал по кругу, оставляя дымные следы.

— Выпусти меня, Маммоний! — взмолился Дорсети. — Выпусти, и я сварю тебе разом двух, а то и трех девок. И у каждой будет родинка. Обещаю...

Но уродец не слышал его и продолжал бегать и вопить, охлопывая себя по округлым бокам коротенькими ручками.

— Остыть! Надобно остыть! — причитал он. — Я слишком горяч. Жарко, жарко!

Он подбежал к Дорсети, обдав его волной невыносимого жара, и ткнул пальцем в ногу, зажатую колодкой.

— На помощь! Спасите! Охрана! — заорал Дорсети. Волосы на его голове поднялись дыбом и стали скручиваться. Крохотный палец идола с шипением погрузился в мякоть ноги.

— Уйди! Убирайся! — визжал Дорсети. — Я не твой!

— Мой! Мой! — в тон ему прокричал уродец и, словно кошка, прыгнул на живот скованного.

Рев умирающего Дорсети достиг ушей часового. Семеро охранников ссыпались по лестнице и навалились на свинцовую дверь, думая, что она заперта. Но дверь отворилась сразу. Наемники немедленно закашлялись и стали тереть слезящиеся глаза. Вдруг один закричал и замахнулся алебардой.

Маммоний приплясывал, верещал и подпрыгивал, размахивая руками. Теперь он снова был покрыт липкой черной жижей.

— Есть хочу! Есть хочу! — выкрикивал он.

Охранник с алебардой примерился и ударил уродца по голове. Размягченный паром металл брызнул во все стороны, тело статуи превратилось в клубок белого пламени, клубок этот подскочил, расширился и в беззвучном взрыве заполнил собою первые два этажа дома Дорсети, уничтожив там все живое.

Городская стража, обратившая внимание на яркую беззвучную вспышку, подняла тревогу. Солнце едва успело взойти, когда главный городской обвинитель Маркус уже прохаживался перед злополучным особняком, помахивая тростью. Это было его первое дело. Магистрат выбрал его позавчера, а до тех пор Маркус занимался переплетным ремеслом. У него было четыре мастерских и влиятельные заказчики. Маркус считал себя человеком книжным, хотя настоящую бумажную книгу — большую редкость! — рассматривал только как объект приложения труда. Чаще его мастерам и подмастерьям приходилось изготавливать рамки для любительских картин или чехлы для пергаментных свитков. Но все же он чувствовал, как мудрость, содержащаяся в текстах, оседает на нем. Тяга к размышлениям в духе философов далекого прошлого часто оказывалась сильнее делового расчета. Свои мыслительные упражнения Маркус от чистого сердца считал логикой и рассчитывал теперь отыскать ей применение.

Он не спешил сразу войти в дом. Для начала ему захотелось обойти кругом ограды.

— Обыщите все окрестности, — велел он солдатам. — Докладывайте обо всем необычном, что найдете.

Ничего необычного солдаты не нашли, за исключением пары дамских башмачков, надетых на чугунные завитки, украшавшие решетку.

— Дорогие, очень мало ношеные, — отметил Маркус, осмотрев их. — Превосходный сафьян, тонкая выделка. Эта обувь для танцев. В ней теперь холодно... Зачем же их сняли?

Советник Шпигель, практикующий маг, пожал плечами и ничего не сказал.

Войдя в ворота, Маркус снова обошел кругом дома.

— Я волнуюсь, — признался он Шпигелю. — Пора уже осмотреть все внутри, а?

Тут подошли солдаты, отправленные прочесывать кусты.

— Там — три мертвых тела, — доложил стражник. — Зарублены мечом. Это головорезы Сохо.

— Так-так-так! — произнес Маркус глубокомысленно. — Сохо доигрался. Я как-то сразу почувствовал, что за этим безобразием стоит он, хоть это и не его стиль. Но теперь ему не отвертеться. Я подведу его под статью, как вы думаете, Шпигель?

Советник спал на ходу и скрывал это обстоятельство, придавая своему лицу важный вид. Войдя в дом, он несколько оживился.

— Куча обгоревших трупов. Пахнет, как в колбасной лавке, — поморщился обвинитель. — Странно, что пожар не охватил весь дом. Что это было?

— Огромное выделение тепла, — произнес Шпигель, крутя носом. — Его источник — небывалой мощности. А загореться не успело, потому что тепло сожрало весь воздух. Потом оно прекратилось.

— Такое можно устроить при помощи магии?

— При помощи магии можно все, господин обвинитель. Но есть и алхимические средства, очень действенные. Например, гремучая амальгама или семя саламандры.

Маркус завел глаза к потолку.

— А внизу, в подвале, тоже трупы? — спросил он у старшины городской стражи.

— В подвале один, а у входа — целая гора. Не разобрать сколько. И на втором этаже — человек десять.

— А на третьем?

— Еще не смотрели.

— Это хорошо, — сказал Маркус. — Вот мы сейчас и посмотрим.

Когда в комнате для игры в шахматы обнаружилось еще два тела, Маркус досадливо взмахнул руками.

— Сохо мертв, — произнес он. — И арестовать его не удастся. Дорсети-старший — налицо. А где его сыночек? Сгорел с остальными?

Шпигель опять погрузился в дремоту, однако ликующий возглас обвинителя пробудил его.

— Смотрите! — восклицал Маркус. — Следы! Убийца оставил следы!

На паркете действительно отчетливо виднелись следы босых ног, наступивших в кровавую лужу.

— Любопытные следы, — Маркус осторожно потрогал один из них. — Ступня чуть длиннее моей ладони и такая узенькая... Это женщина. Женская обувь на воротах, женские следы в доме... Чувствуете, куда я клоню? Но зачем она разулась?

— Есть такие способы левитации, при которых это обязательно, — сказал Шпигель.

— Идем по следам! — Сгорая от возбуждения, обвинитель ухватил советника за край мантии и потащил в коридор. Довольно долго они брели, высматривая следы на ковре, пока те не оборвались, развернувшись носками к стене.

— Она ушла в стену! — прошептал Шпигель. — Это очень сильная мага. Нам ее не схватить.

Маркус потянул себя за нижнюю губу.

— Непонятно, — пробормотал он. — Здесь должна быть комната, а ее нет. Куда ушла преступница? Просто замуровалась в стену?

И он постучал в дубовую обшивку набалдашником трости.

— Там — пустота! — победоносно сказал обвинитель. — Эй! Солдаты! Сюда! Ломайте стену в этом месте.

Зонару разбудил грохот. Открыв глаза, она увидела дневной свет, ворвавшийся в пролом, и группу людей, смотрящих на нее с удивлением.

— Это не мага, — сказал Маркус. — Это — обычная воровка. Она убила хозяина, Сохо, взорвала охрану, но попалась в тайник-ловушку.

— Следует понимать, что я задержана? — спросила Зонара ледяным голосом.

— Скорее, арестована, — улыбнулся обвинитель.

Солдаты выпутали ее из сети и увели.

— А она хорошенькая, — заметил Шпигель. — Неужели ты ее приговоришь?

— Обязательно! Голос закона, как говорится... Не закусить ли нам? Время к обеду. У меня сегодня свинина в винном соусе и спаржа. Вы любите спаржу?

Очаг в заброшенной таверне оказался исправным, хотя и «застоялся» — его долго не растапливали, и Гизмунд здорово намучился первой ночью. Но к полудню следующего дня пламя в очаге горело ровно и весело. Герцог Мировальский смотрел на огонь и слушал рассказ Конана. Ремина, свернувшись на теплом плаще, спала и только вздыхала во сне. Гизмунд, бегая глазами, доедал куриную ножку — порцию своего господина. Герцог пребывал в сильном волнении и отказался от еды. Волнение было радостным. Блеск удачи превратил убогую, покосившуюся халупу в уютнейшее место на земле.

— Люди Сохо наткнулись на меня в темноте, — повествовал варвар, размахивая кособокой, щербатой кружкой. — Они тут же узнали меня — меж нами случались разногласия — и потянулись за своими проклятыми колючками.

Одного я разрубил сразу, как мясник разрубает окорок. Второй успел плюнуть в меня из камышинки, но я, хвала Крому, увернулся и рассек ему брюшину. Кишки так и вывалились на землю. А третий выхватил свой клинок, и мы подрались немного. Ему не следовало этого делать...

В «Ключе и мече» мы дождались утра. Городские ворота открылись, но нас задержал пристав Гаттери. Он стражник, что с него взять, мы по разные стороны судьбы, но человек он недурной.

— Что-то ты рано уезжаешь, — сказал он. — Просил два дня, а еще и суток не прошло. Кто это с тобой?

Ремина, хоть я и просил ее помалкивать, назвала себя. Женщине трудно удержать язык.

— Постой-ка! — обрадовался он. — Уж не тебя ли некий приезжий герцог пытался отобрать у Дорсети?

Я спешился, подошел к нему вплотную и сказал:

— У тебя есть выбор. Либо ты выслушаешь правду, либо я тебя убью. Решай скорее.

Гаттери рассмеялся.

— Очевидно, я буду первым в истории приставом стражи, которому любопытство спасло жизнь.

Мы отошли чуть в сторонку, и я вкратце рассказал ему о гнусностях, творимых Дорсети. Он выслушал. Известие о смерти Сохо пришлось ему по душе.

— Жил, как таракан, и подох как таракан, — хмыкнул он. — Ладно, что с вами делать? За такую хорошую новость придется выпустить вас обоих.

Тут к нему подбежал запыхавшийся солдат и зашептал что-то на ухо. Пристав помрачнел. Отослав солдата, он сказал:

— Только что в доме Дорсети произошел взрыв. Дело вышло громкое. Что ты натворил, варвар! Но, раз уж я пообещал вас выпустить, уезжайте, да побыстрее. Однако помни: если в ближайшую зиму ты появишься в Галпаране, я тебя схвачу, даже если для этого придется угробить целый отряд стражи. Ты понял?

Я сказал, что понял, и мы уехали. Вот и все.

— А что стало с твоей сообщницей? — спросил герцог.

— Да что с ней станется? Это же Зонара! Она убедилась, что я был прав, обругала меня за это и удалилась. Правда, ее башмаки все еще лежали в кустах, когда мы покинули дом. Я повесил их на забор, на видное место...

Варвар с усилием задумался. Неожиданно у него испортилось настроение.

— Несмотря на то, что эта женщина — простолюдинка и воровка к тому же, я от души желаю ей удачи и надеюсь, что с ней все в порядке, — сказал Мироваль. — Мне, видишь ли, мой добрый варвар, так хорошо сейчас, что не будь я знатным человеком, плясал бы от счастья. Это счастье доставил мне ты...

— Я — не твой варвар, — буркнул Конан. — Я — свой собственный варвар. Мило с твоей стороны, что ты пожалел простолюдинку и воровку. Конечно,

Зонара взялась не за свое дело — ей бы любить мужчину да рожать детей. Но она понимала, на что идет, и была готова.

— Несмотря на это, ты сам жалеешь ее. Уж не влюблен ли ты? — улыбнулся герцог.

Конан помрачнел еще больше.

— Любовь могут позволить себе только те, у кого есть замок. Или хотя бы хижина. Она — мой товарищ, не более.

— Не сердись. Лучше выпьем. Гизмунд, сколько у нас еще вина?

— Целый бурдюк, — отозвался оруженосец, облизывая жирные пальцы. — Эх, жаль, с нами нет нашей собачки, нашего Хватая!

— На что он тебе? — Герцог насмешливо изобразил удивление.

— Дома я всегда вытираю об него руки после обеда, — важно отвечал Гизмунд.

— А? Каков! — усмехнулся Мироваль. — Хватит сидеть сиднем. Неси вино! О чем думаешь, господин вор? — спросил он у варвара.

— О том, куда мне теперь податься, — отвечал тот. — Не сидеть же в этом сарае всю жизнь.

— Наймись ко мне. Будешь начальником дружины.

— А с кем у тебя война?

— Ни с кем, — пожал плечами герцог. — И еще долго не будет никакой войны.

Конан широко зевнул, мотая головой.

— Такая жизнь не по мне, — сказал он. — Хорошая война меня бы здорово развлекла.

— Не понимаю, — сухо произнес герцог. — Война портит нравы, пожирает жизни, уничтожает плоды мирного труда. Чего же в ней хорошего?

— На свете войны шли, идут и будут идти, хочешь ты этого или нет. Не мне судить, хорошо это или плохо. Я — воин, вором стал только со скуки и не занимаюсь этим постоянно. Умереть вором — малопочтенно. Хватит болтать, лучше выпьем.

Герцог пил вино из маленького медного чайничка с погнутым носиком. Гизмунд использовал в качестве чаши глубокую миску. В нее помещалось очень много вина, и скоро оруженосец отполз на четвереньках в угол, упал там и сначала шепотом, чтобы не потревожить спящую, пропел два куплета походной песни, а после и вовсе захрапел.

— Мы останемся тут еще дня на два, — сообщил Мироваль. — Ремина должна прийти в себя. А когда уедешь ты?

Конан сообразил, что герцог в тактичной, цивилизованной форме пытается отделаться от него. Что ж, деньги он заплатил сполна, и больше их ничего не связывает.

— Прямо сейчас, — сказал он, заметив с удивлением, что язык худо его слушается. Тем более, нужно проветриться, решил Конан, поднялся нан оги, но вдруг пол уплыл у него из-под ног. Варвар рухнул всей тяжестью своего мощ-

ного тела. Ремина проснулась и приподнялась на своем ложе. А из соседней комнаты, темной и захламленной, вышел человек в сером форменном плаще и кожаной шапке с наушниками.

— А теперь, любезный пристав, объясни мне, в чем дело, — велел ему герцог. — А то я чувствую себя отравителем, что крайне неприятно.

— Конечно, я все объясню твоей светлости, — Гаттери перешагнул через спящего варвара, потер руки над огнем очага и произнес: — Весть о том, что Зонара схвачена и завтрашним вечером будет казнена, донеслась бы до Конана в любой действующей таверне. Уж не знаю как, но подобные сведения распространяются молниеносно. Наш варвар — уж я-то его знаю — обязательно кинется ее спасать, и тогда я был бы обязан его арестовать. Я всегда держу слово. А теперь он проспит двое суток, не меньше. Сонное снадобье очень сильное. Когда он проснется, все будет позади.

— А что будет с этой несчастной? — взволнованно спросила Ремина. — Неужели она погибнет?

— Не волнуйся, девочка, — сказал Гаттери. — Я попробую выручить ее. Мне известно, что она невиновна в убийствах, а взлом и проникновение в чужой дом лично я оправдываю смягчающими обстоятельствами.

— А как же ваш закон? Ведь ты — горожанин и подчиняешься закону! — поднял брови Мироваль.

— Не только подчиняюсь, но и стараюсь защищать его. Однако закон — не только строчка в пергаменте, — спокойно ответил честный стражник.

— Твой ответ мне понравился. Но разве ты справишься один?

— Одному будет тяжеловато, — признался Гаттери.

Ремина снова заговорила, и голос ее звучал убежденно и страстно:

— Не унывай, стражник. Мой возлюбленный — благородный и храбрый человек. Он — настоящий рыцарь. Он обязательно поможет тебе. Не правда ли, мой господин?

Герцог усмехнулся.

— Похоже, что так, любовь моя. Похоже, что так...

Магистрат утвердил смертный приговор по делу Зонары, даже не рассматривая его. Все необходимые улики были налицо, хотя обвиняемая и не призналась во многих пунктах. Но Маркусу этого показалось мало.

— Из улик явствует, что у преступницы был сообщник, — настаивал он. — Арестованная ничего не понимает в магии, на ее одежде не обнаружилось следов от алхимических препаратов. Кто же устроил взрыв?

— А что если алхимией занимались сами Дорсети? — предположил Шпигель.

Маркус яростно замотал головой.

— Ни одна алхимическая лавка в городе не поставляла им ни порошков, ни специальной посуды, — сказал он.

— Разрушенная печь в подвале, потеки золота на стенах... — с сомнением произнес маг-советник. — Очень похоже, что Дорсети были те еще господа. Они добывали золото путем трансформации... Ты же проверял их счета! Раз в несколько зим они получали невесть откуда целые горы денег.

— Все равно, сообщник был. — Маркус победоносно улыбнулся. — Припомни, каким образом оказалась взломана балконная дверь. Там орудовали широким мечом. А у преступницы вообще не было оружия, не так ли? Идем-ка в «тайную» комнату. Бедняжка уже приговорена, но я велел продолжить допрос. Мне нужен этот проклятый сообщник.

«Тайная» комната, иначе говоря — пыточный застенок — располагалась в подвальном этаже тюрьмы, примыкавшей к башне ратуши. Невыспавшийся дознаватель клевал носом. С преступницей работал подмастерье палача — угрявый, бледный юноша с морщинистым личиком. Мэтру предстояло потрудиться завтра вечером.

Главный обвинитель вошел первым, советник Шпигель нехотя — за ним. Ему было скучно.

Обнаженное вытянутое тело Зонары слегка раскачивалось, подвешенное на дыбе. Она была в сознании и время от времени вскрикивала. Вывернутые суставы рук не причиняли ей страданий, но пламя, которого она касалась босыми подошвами, заставляло пытаемую судорожно дергаться.

— Упорствуешь? — мягко спросил Маркус. — Зачем?

— Скажи палачу, что он болван, — прошипела Зонара. — Чересчур высоко поднял жаровню. Пятки слишком быстро обуглятся и перестанут чувствовать боль.

Палач смутился и взялся опускать жаровню, обжегся, выругался шепотом и устало посмотрел на Маркуса.

— Не действует, господин обвинитель, — пожаловался он. — На ведьмином стуле она только смеялась. На острых козлах просидела больше часу. Может, подвесить ее за груди?

— Прекрати этот балаган! — рявкнул Маркус. — Дознаватель, ты разве не видишь, что она издевается над тобой?

Дознаватель выпучил глаза и потряс протокольным свитком.

— Безнадежно, — сказал он. — Зря только время тратим.

Палач опустил Зонару, освободил от веревки, и та со стоном облегчения растянулась на холодном полу.

Маркус прогнал палача и чиновника в выражениях довольно резких. Он был очень мягкосердечен и вид страдающего женского тела нагнал на него какой-то ужас. Шпигель заметил это и ухмыльнулся, подумав: «Ничего, привыкнешь».

— Послушай, — обратился обвинитель к воровке, — если ты назовешь сообщника, тебя только повесят. Я добьюсь этого, можешь мне верить. Это почти не больно, не успеешь сосчитать до двадцати — и будешь мертва. Но если ты продолжить выгораживать человека, который, кстати, бросил тебя на про-

извол судьбы, — будешь четвертована. Очень болезненная смерть. Тебя выволокут на помост, разденут перед толпой, разорвут бедра и ягодицы раскаленными щипцами, отрезут груди, потом отсекут руки и ноги...

— Я знаю, как выглядит четвертование, — зевнув, сказала Зонара. — Разве это казнь? В Стигии воровку сажают на кол. В Зингаре — ставят клистир с кипящим уксусом. В Султанапуре отдают на случку со взбесившимся слоном. Вот это — казнь. А ты пугаешь меня детской забавой.

— Но ради кого ты идешь на это? Он — твой возлюбленный?

— Еще чего!

Маркус всплеснул руками.

— Как мало у меня опыта! — сокрушенно произнес он. — Многому придется учиться.

— Учись, учись, — проговорила Зонара, насмехаясь. — Нужно охранять таких, как Дорсети, от таких, как я.

— Дело не в Дорсети. Я охраняю не их, а священные принципы, которые делают нашу жизнь достойной. Перед ними все равны. Если бы я уличил Дорсети в преступлениях, судили бы их.

— Скорее всего, их бы оправдали.

— Это неизвестно. Пойми, покушаясь на Дорсети, ты покушаешься на закон. А Дорсети лично мне безразличен.

— Вы считаете вашу жизнь достойной? — презрительно улыбнулась узница.

— У нее много недостаттков, но она гораздо лучше произвола спесивых аристократов, а тем более — безвластия. Свободный горожанин — почетное звание. Торговцы торгуют, мастера создают шедевры, солдаты стражи следят за порядком...

— Бедняки дохнут с голода, воры воруют, а палачи — казнят. Все идет своим чередом, — продолжила Зонара. — Знаешь что, убирайся-ка ты отсюда. Дай мне отдохнуть.

Маркус и Шпигель переглянулись и пошли к выходу из «процедурной». Когда они были уже у самой двери, Зонара окликнула Маркуса. Тот остановился, незаметно подмигнув советнику.

— Передумала? — спросил он Зонару.

— Нет. Хочу спросить, как, по-твоему, — я не простужусь, если буду лежать на полу?

Обвинитель вылетел из застенка, словно пробка.

— Ядовитая баба! — сказал ему Шпигель.

Герцог Мироваль горячил своего Снежка — ему не терпелось поскорее попасть в город. Но чалая кобылка пристава еще не успела оправиться после безумной скачки — Гаттери гнал ее окружным путем, чтобы попасть в заброшенную таверну раньше Конана. Ему удалось опередить лошадь варвара, несшую двойной груз, всего на несколько мгновений. Теперь пристав то и дело отста-

вал, и герцог вынужден был натягивать поводья, отчего его благородный скакун обиженно фыркал и приплясывал на месте, поднимая тучи грязных брызг.

— К чему такая спешка? — улыбнулся Гаттерн. — Пусти своего жеребца шагом. Или тебе неприятно, что простолюдин поедет с тобой стремя в стремя? Я обещаю выдерживать дистанцию.

— В случае военного положения некоторые условности этикета отменяются, — сдержанно ответил Мироваль. — Дело не во мне. Снежок почуял битву и рвется вперед.

— Он будет разочарован. Мы не станем осаждать тюрьму, — покачал головой стражник. — Это, во-первых, противозаконно, во-вторых — верный способ схлопотать стрелу. К тому же, твоя светлость без доспехов.

— Уж не заставишь ли ты меня взять лопату и рыть подкоп? — с наигранным подозрением осведомился Мироваль.

— Один скандально известный ювелир и механик, — вместо ответа поведал пристав, — был схвачен и уличен в убийстве своего заказчика. Тот тянул с гонораром, и золотых дел мастер сгоряча взялся за кинжал. Его посадили в тюрьму, где в виде особой милости позволили развлекаться в ожидании казни изобретательством всяких механических безделок. А ювелир, не будь дурак, изладил из реек, шпагата и кхитайской бумаги дракона и, перелетев на нем через тюремную стену, был таков. Морали в этой истории искать не надо, я рассказал ее только для развлечения твоей светлости.

Мироваль пожал плечами, коротко фыркнул и покачал головой.

Компаньоны добрались до городской заставы глубоким вечером. Стражник, узнавший Гаттерна, пропустил их без всяких вопросов.

— Что теперь? — вопросил Мироваль.

— Теперь твоя милость под чужим именем снимет комнату на ночь в какой-нибудь корчме, а я отправлюсь на разведку. Нужно узнать маршрут, по которому Зонару повезут на казнь. Где ты остановишься?

— Мне понравилось в «Ключе и мече».

— Но ведь там твоя милость уже известна под настоящим именем!

Герцог зевнул в манжету.

— Пара золотых иногда освежает память, а иногда — погружает ее во мрак, — сказал он.

Так и случилось. Трактирщик скрыл свое изумление и очень ловко избавился от остальных постояльцев, как и в прошлый раз. Этот опытный плут, похожий лицом на сдобный пирог с мясом, смекнул, конечно, что дело тут нечисто, но также понял, что он лично ничем не рискует. Он так хорошо сервировал ужин, подал к столу такое отменное вино и вообще хлопотал столь усердно, что Мироваль подарил ему третий золотой.

Ужиная в одиночестве, герцог про себя удивлялся. Совсем еще недавно его волновали только собственные чувства и любимая женщина. Все остальное либо досадливо мешало, либо представлялось отдаленным и не имеющим никакого значения. И вот теперь он, родовитый и титулованный, собирается спа-

сать воровку, подругу варвара. Про себя герцог то и дело усмехался. Все это, чума разбери, конечно, нелепо, в духе дурацких романов, но Мироваль доведет дело до конца, только потому, что Ремина посмотрела на него с любовью и надеждой. Женщине, даже очень умной, трудно расстаться со своими предубеждениями. Ей очень важно, чтобы ее возлюбленный был отважным, сильным и непременно кого-нибудь победил. «Быть посему!» — окончательно решил Мироваль и вонзил в кусок телятины двузубую вилку.

Пристав явился, когда герцог, не спеша, пил крепленое вино, глядя на угли в очаге.

— Я узнал все, что нам нужно, — объявил он. — Завтра, как только прозвонят вечернюю стражу, преступницу повезут по городу на площадь Примирения. Возок в том числе проедет и по улице Зеленщиков, а это — мой участок. Я устрою так, что поперек улицы встанет длинная телега, груженная бочками. Она уже вторую седмицу стоит на задах масляной лавки в Ворванном переулке, это рядом. Еще я устрою так, что патруль опоздает, когда выйдет потасовка. Охранять осужденную будут трое — ты справишься с тремя?

— Это же простая солдатня! Я справлюсь с десятком, — ответил герцог.

— Рад это слышать, поскольку помочь не смогу. Я не должен поднимать оружия на своих, — сказал Гаттерн.

— А тебя не печалит, что трое стражников погибнут?

— Если трое солдат будут побеждены одним рыцарем, причем — бездоспешным, то туда им и дорога.

— А если они убьют меня? — спросил Мироваль, блаженно потягиваясь у огня.

— Пущу в ход другой план, — отвечал пристав как ни в чем не бывало.

— В чем он заключается, позволь полюбопытствовать?

— Какая разница? Ты ведь будешь уже мертв.

Услышав такой ответ, герцог не смог сдержать улыбки.

— Просто, доходчиво и с достоинством, — сказал он. — Мне это нравится, клянусь своей шпорой! А потом?

— Если твоя светлость устранит охрану, я обеспечу безопасную улицу, по которой вы с Зонарой уйдете из города.

— Лучшего нельзя и желать, — произнес Мироваль. — А теперь я пойду спать.

Для него было в новинку нападать на вооруженных стражников в центре чужого города, но он совершенно не волновался и заснул спокойным сном человека, у которого прекрасный аппетит и чистая совесть.

Утром оруженосец Гизмунд, оставленный при Ремине, поднялся, вылил себе на голову ковш холодной воды, вытер лицо краем туники, молодецки крякнул и выскочил на двор.

Ему не раз приходилось ночевать в походных условиях, иногда — совершенно неудобных, но утренний его моцион оставался неизменным.

Накормив и напоив своего холеного мула, Гизмунд обтер его бока особой фланелевой тряпочкой, проверил состояние подков, не удержался и поцеловал животное в теплый бархатистый нос. Потом он подбросил охапку сена лошади Конана, но приблизиться к ней побоялся — та косила глазом, мотала головой, словом, являла нрав тяжелый и подозрительный.

Ремина дремала вполглаза, а Конан, разметав руки и ноги, смачно храпел. Он занимал собой половину трактирной залы.

Гизмунд развел оживленную деятельность: принес Ремине воды для умывания, растопил очаг и даже подмел пол метлой, изготовленной тут же из веток ракиты, росшей неподалеку.

— Славненько, — молвил он. — Пора озаботиться завтраком. Припасы мы подъели... Придется мне сходить на хуток и купить у мужланов хлеба и молока.

Сам он тоже был природный мужлан, но так давно ходил в оруженосцах, что не удивился бы, если бы его произвели в рыцари.

— С тобой ничего не случится, пока меня нет? — спросил он у Ремины.

— Со мной останется варвар, — отвечала она. — Он такой большой, что даже спящий испугает кого угодно.

— А то — сходила бы со мной, — предложил оруженосец. — Это недалеко. Чего сидеть тут, с этой колодой? Эвон, храпит-то как. И это — лежа на брюхе. А если б упал на спину, как бы храпел? Из чего, и главное — как делают таких людей?

— Так же, как и всех остальных, — сказала Ремина, слегка покраснев. — Пожалуй, ты прав. Пойду с тобой — слушать его храп я устала. К тому же я так давно не гуляла. У Дорсети меня все время держали взаперти. Только надо будет поскорее вернуться — нехорошо бросать его надолго.

Босая, в дорогом мужском платье, она представляла собой странное зрелище, но это нимало ее не заботило. Она шла следом за Гизмундом по весенней грязи и вдыхала прохладный, сладковатый воздух, какой возможен только вне городских стен. Невдалеке, как и сказал Гизмунд, находился небольшой хуторок с крошечным виноградником, выпасом и огородами. В это время года лоза укрыта соломой — отдыхает, наливается соком в ожидании щедрого аквилонского солнца, а на огороде земля только-только распахана. Мужланы-собственники и наемные батраки, не спеша, готовятся ко дням, полным тепла и труда.

Во дворе беленого аккуратного домика, на лавочке грелся старичок. У ног его, обутых в деревянные башмаки, возились два чумазых ребятенка и с десяток таких же чумазых поросят. И те, и другие пихались и визжали. Старик, поглядывая на них, хихикал и слегка поддавал кому-нибудь из них башмаком под зад. Он был глуховат, и Гизмунду пришлось кричать ему прямо в мохнатое коричневое ухо.

На крик выскочила из дома хозяйская жена, вытирая руки о полосатый фартук. Гизмунд сторговал у нее большой кувшин молока, два каравая и крупный кусок сала.

— К вечеру колбасы будут, — сообщила она. — Муж делает.

— Колбаса — это хорошо! — обрадовался оруженосец. — А нельзя ли вечерком прислать пару-тройку колбас? Я заплачу теперь же.

— Куда послать? Я старшему велю, он принесет.

— Мы в трактире, что у дороги. Туда, стало быть, — ответил Гизмунд.

Хозяйка всплеснула руками и убежала в дом.

Оруженосец запрыгнул на крыльцо и два раза стукнул кулаком в дверь.

— Женщина, в чем дело? — прокричал он. — Я же сказал, что заплачу.

За дверью подумали немного и задвинули засов.

— Глупая тетка! Я же тебя не съем!

— Меня, может, и не съешь, а сыночка моего бедного сожрешь, упырь проклятый, — послышался голос мужланки.

— Какого сыночка?

— Который в трактир колбасу понесет. О-о! — заплакала она и тут же, храбрясь, завизжала: — Убирайтесь оба, а то у меня здесь омела, целый пучок. Вот я вас омелой!

— Какая омела? — Оруженосец растерялся. — Она не в себе, это точно.

— Ты ее испугал, — сказала Ремина. — Пойдем отсюда.

— Она подумала, что вы — упыри! — заорал глухой старик. — Почто вы в трактире-то встали? Нешто можно?

— Почему нельзя? — удивился Гизмунд еще больше. — Он же ничей!

— Не знаю никаких вещей, — старик затряс головой. — А только бывают в том трактире упыри. Раз Котта, сосед наш, видел в окошке — сидел упырь и грыз человечью ногу. Нельзя там вставать на постой и все тут. Место проклятое. Раз купец, сказывают, остановился — пропал. Может, купец, может — подрядчик, не помню...

— Тьфу, вздор какой! — не выдержал оруженосец, подхватил сумку с купленным и пошел со двора.

Ремина направилась следом.

— А вдруг это правда? — спросила она, когда они шли через поле к дороге. — Разве не бывает на свете всякой нечисти? Почему трактир бросили? Почему его никто не занял? Должна же быть причина!

Гизмунд пожал плечами.

— Дорога не слишком оживлена. Трактирщик мог разориться или перебраться в другое место, — сказал он. — Лично я провел в этой конуре две ночи и не заметил там ничего, что бы могло навести на мысль об упырях. Просто мужланы, сидя на печах долгими зимними ночами, развлекают друг друга баснями и страшными историями.

— А почему там не поселились какие-нибудь бродяги? — не унималась Ремина.

— А мы? Чем не бродяги! — рассмеялся Гизмунд.

Они вернулись в трактир, где по-прежнему неудержимо храпел варвар. Там позавтракали, Гизмунд взялся чистить запасное герцогское платье и сер-

дито ворчал, обнаруживая свежие прорехи на старом дорожном плаще. Ремине стало скучно, поэтому она даже обрадовалась, когда на пороге возник высокий худощавый человек, одетый для долгого путешествия. Поклажи при нем был только маленький узелок. Меч без ножен он нес на плече, как заправский наемник. У него было улыбчивое лицо и насмешливые морщинки возле глаз.

— Мир этой дырявой кровле! — возвестил он, кланяясь. — Но собирается дождь, и по мне — худая крыша лучше, чем ничего.

— Здесь занято! — буркнул оруженосец.

— Да я всего ненадолго! Пережду ливень и пойду себе дальше, — сказал человек и с нахальным изяществом прошел к самому огню.

Гизмунд готов был покляться, что никакого ливня нет и в помине. Когда он выглядывал мельком в окно, небо оставалось ясным. Но только он об этом подумал, как дневной свет в окне померк, и хлынул дождь, такой сильный, что шум его заглушал голос пришельца.

— Я — Гранель, — представился тот. — Собиратель историй. Ими же и кормлюсь. Рассказываю их за деньги. Кусок хлеба с салом — тоже сойдет.

Оруженосец открыл рот, чтобы адресовать незваного гостя куда-нибудь с глаз долой, но Ремина остановила его.

— Истории — это очень интересно, — молвила она. — Присаживайтесь поближе к очагу, угощайтесь всем, что найдете.

Гранель благодарно улыбнулся, открыв желтоватые зубы, вонзил свой меч прямо в половицу, повесил на его перекрестье, как на вешалку, куцый плащ и, показав на спящего варвара, спросил:

— Кто этот счастливец, что объят сном, словно безгрешное дитя?

— Это наш друг. Он очень устал и отдыхает, — отвечала Ремина.

— Должно быть, этот великан ворочал горами, — предположил собиратель историй. — Простая работа его бы не утомила. А мы не разбудим его случайно?

— Он спит крепко, — успокоила его женщина.

— Это хорошо. Говорить с набитым ртом неприлично, к тому же можно поперхнуться. Посему, я надеюсь, господа подождут некоторое время.

Гизмунд крякнул, увидев, как Гранель отхватил ножом половину каравая, основательный кус бекона, сложил все это вместе, уселся на пол и начал есть. Челюсти его распахнулись широко, как у змеи, и хлеб с салом уместились во рту наемного рассказчика почти целиком.

Люди с похожими свойствами всегда вызывали у оруженосца неприятные подозрения. Но что-то еще в облике Гранеля настораживало, неприятно беспокоило, словно заноза в ноге. Словом — в нем или рядом с ним было нечто непонятное, почти пугающее. Что именно, Гизмунд пока не разобрал.

Сыто причмокивая, Гранель стряхнул крошки с узкого подбородка, вытер молочные «усы» из-под носа и вопросил:

— Какого рода историю желает госпожа? Наверное, что-нибудь про любовь? Истории про любовь делятся на грустные и неприличные, — и он хихикнул, скорчив смешную гримасу.

— А разве не бывает других? — неприятно удивилась Ремина. Гранель перестал ее забавлять, она тоже почувствовала неладное, но стеснялась разглядывать его в упор.

— Специально для госпожи я только что отыскал в недрах своей памяти историю о любви, которую можно счесть и забавной, но без явного неприличия — так, пара пикантностей.

— После сала тебя, видимо, тянет на сальности, — заметил Гизмунд. — Воображаю, какого сорта диковины ты рассказываешь после соленых блюд.

Гранель с готовностью рассмеялся и даже хлопнул себя рукой по мосластой ноге.

— Господин пошутил, — сказал он. — Что может быть лучше доброй шутки?

Гизмунд подумал, что его шутка доброй как раз и не была. Но он ничего не произнес вслух, потому что долговязый прислонился спиной к бревенчатой стене, откашлялся и, лукаво поглядывая то на Ремину, то на оруженосца, начал:

— Почти все истории начинаются одинаково: «Давным-давно, в далекой стране...» Я обошел весь свет, и зачастую в каждом его уголке мне рассказывали похожие друг на друга случаи, причем вступление было именно таким. Сложилось у меня впечатление, что все подобные истории случались в Атлантиде и уже оттуда разнеслись по населенной вселенной. А может быть, если вдруг Атлантида всплывет из пучин, населенная, как и прежде, там тоже станут предварять рассказы вечной этой присказкой.

Однако моя повесть начнется иначе. Случилось это недавно, всего несколько дней тому, и вовсе недалеко. Жил да был один человек по имени Ренельт. Не бедный, не богатый, по привычкам своим был он благородный господин, однако домишко его стоял на краю деревеньки в двух милях отсюда, и с благородными господами — здешними помещиками — он не водился, а все больше с простым людом. Наилучший друг его был кузнец по прозвищу Черный Нос. Силища в этом кузнеце пребывала необычайная, и походил он на вашего спящего товарища, да и во сне, говорят, храпел таким же манером. Из-за последней оказии он не был женат. А нос его и в самом деле всегда был черный и блестел, как сажа.

Был еще друг — ночной сторож, того кликали Филином. По ночам он совершенно не спал — ходил себе по огородам да распугивал воришек. Глаза у него были, как блюдца, и горели желтым огнем, а волосы на голове напоминали совиные перья.

Ренельт зарабатывал тем, что рисовал карты. Соберется какой купец поехать, скажем, в Ванахейм или, напротив, в Стигию, как Ренельт в два дня нарисует ему на длинном пергаменте весь путь, от самого порога. Знатно рисовал — со всеми подробностями. Указывал колодцы, места для привала безопасные и даже разбойничьи засады отмечал, и все приметное, что встретится в

пути, — какое-нибудь дерево неожиданной формы или валун у дороги. Все сходилось в точности, путнику оставалось только пергамент разматывать.

Все очень удивлялись, поскольку никогда Ренельт надолго дома не покидал, а все жил себе в деревушке. Откуда он знал другие страны, как собственные сени?

Раз Черный Нос прямо спросил у него: «Уж не колдун ли ты, братец? И если колдун, отчего ты не богат, не возведешь себе большого замка или хоть дома получше твоего?»

«Клянусь кувшином молодого вина, я не колдун, — отвечал Ренельт. — А знаю все про другие страны и города, потому что бываю там каждую ночь. Едва лишь засыпаю, как моя душа оставляет тело и летает, все видит, все примечает. Да я не один таков — ты, к примеру, тоже. И все, кто спит. Не единожды встречалась моя душа с душами других спящих».

Кузнец поскреб кудрявый затылок.

«Если так, почему же я ничего не знаю, кроме нашего села да двух соседних, да еще хутора, где прошлой зимой на свадьбе жениху глаз подбили?»

«А это оттого, — сказал Ренельт, — что у твоей души короткая память».

Черному Носу сделалось обидно, и обида засела в его голове, как топор в колоде. Посидели они втроем — еще и Филин с ними был, — да дело к ночи. Ренельт спать лег, а Филин и кузнец брели по деревне.

«Не дает мне покоя эта штука, — пожаловался сторожу Черный Нос. — Раньше я знал, что есть у меня жизнь, о которой все известно. С утра — работа, так, чтобы руки гудели, потом — обед славный, потом — друзья да вино. Прочие живут так же, все идет своим чередом. Постарею, ослабну, помру— как все. Спокойно. А оказывается, совсем рядом жизнь удивительная, полная диковин, чудес, и эта жизнь — тоже моя, но я ничего о ней не ведаю».

«Подумаешь, — молвил Филин. — Я вот не сплю и существую половину жизни на границе между сном и явью и тоже повидал немало. Как-то прямо передо мной выскочил из-под земли огромный заяц в шапочке с пером и при шляпе и сказал мне человеческим голосом: «Дай-ка мне, дядя, адрес ближайшей сапожной лавки». Уж я и испугался! А другой раз прямо из облака посыпались на баштан к старой Марте крошечные мужички и стали дыни воровать — сорвут и ну катить в сторону. Я их пугнул уж сам — из облака вы или еще откуда, а воровать не смей!»

— Все это, братец, не то, — вздохнул кузнец, посмеявшись. — А я непременно хочу увидеть и запомнить другие края, и как подумаю, что где-то далеко, быть может, ждет меня судьба, а я, будто дурак, торчу здесь...

— Брось! — отмахнулся Филин. — На весь свет только и есть, что наше село да два соседних, да хутор, где жених с битой рожей. Все остальное — выдумки Ренельта и басни мимохожих коробейников. Но если тебе и впрямь так невмоготу — собери котомку сухарей, возьми палку да сапоги покрепче — и иди себе, глазей по сторонам.

— Э! — возразил Черный Нос. — Душа — летает, а тело ходит пешком.

Пешком я мало чего успею обойти. Вот если б у души моей проснулась память...

— Тьфу на тебя, совсем замаял! — в сердцах сказал сторож. — Сходи, что ли, к бабке Сычихе, старой повитухе. Она мне родня, и слышал я от деда, что умеет она разные штуки. Вот и хата ее — видишь, не спит Сычиха. В окне лучина так и пляшет.

Сказал так сторож Филин и ушел огород охранять. Черный Нос постоял у Сычихиной околицы, подумал да и зашел на двор. Во дворе на цепи держала повитуха огромную свинью — чуть кто зайдет без спросу, свинья визжит, из конуры выскакивает и все норовит за ногу ухватить. Злая была свинья.

Кузнец о нраве ее хорошо знал и держался осторожно, но на сей раз свинья не визжала и не бросалась кусаться — сидела в будке и тихонько хрюкала. Черному Носу даже померещилось, будто свинья плачет.

Постучал он в дверь, Сычиха ему отворила, в дом пустила, усадила, поднесла медовухи, а сама ждет, что кузнец первым заговорит, и поглядывает на него вопросительно. Кузнец ей о своей тоске рассказал. Сычиха в ответ:

— И только-то! Вот тебе полотняный мешочек с сухою травой. Трава самая обычная — собачья петрушка, паслен, гусиный лук и чертополох. Ты положь мешочек под подушку да спи. Будет тебе сниться всякое, но ты ухвати то, что тебе понравится, руками и не отпускай. Проснешься, как обычно, увидишь, что из сна вытащил — тут все и вспомнишь.

Кузнец так и сделал. Приснилось ему, что он попал на царский двор, где-то — неизвестно где. Палаты вокруг величайшей красоты, в горшках растут невиданные деревья, сплошь усыпанные сладкими плодами. Ходят прямо по полу птицы с расписными хвостами, черные невольники их кормят. Пошел кузнец по коридору и вдруг оказался в купальне, где резвились в хрустальном бассейне две юных прелестницы, две сестры. Старшая очень глянулась Черному Носу, и он, помня завет Сычихи, прыгнул в воду и схватил ее в объятия...

Утром пришел заказчик, а кузня оказалась пуста. И дома не было Черного Носа. Вся его одежда оказалась налицо, а сам он пропал.

Филин-сторож про это узнал и пришел к Сычихе.

— Признавайся, что сталось с Черным Носом? — потребовал он. — Это ведь ты спровадила его невесть куда.

Сычиха рассмеялась мерзким скрипучим смехом и ответила:

— Да будет тебе! Я травки ему дала в мешочке, чтобы он крепче спал да другим не мешал. А то, что это за обычай — по ночам шляться и в гости ходить? Да я и тебе дам, если хочешь, бессонная ты неясыть.

Сторож ушел ни с чем, а ближе к ночи заглянул к Ренельту. Тот сидел за обеденным столом и тонкими костяными палочками чертил карту, обмакивая их в красную и черную кхитайскую тушь.

— Это все твои россказни! — заявил Филин. — Кузнец-то наш или голым из дома ушел, или его демоны утащили. Что делать? Пропадет дружок.

Ренельт отмахнулся от него.

— Мне нынче недосуг, приходи завтра.

Филин рассердился и пошел село караулить. Лезли ему в голову всякие мысли, и не нашел он ничего умнее, как воровским способом проникнуть в дом кузнеца.

Пошарил он у него под подушкой и нашел полотняный мешочек. Развязал, понюхал — трава и трава. Положил, задумавшись, его в карман, из дома вышел и дальше идет. Вдруг видит — прямо посреди деревни раскинулись прекрасные чертоги, а в них Черный Нос сидит и пирует. Рядом с ним — две красавицы.

Кузнец сторожа признал и говорит:

— Как ты кстати! Вот — жена моя молодая, а вот — сестрица ее, незамужняя. Садись-ка ты с нами пировать.

Сел Филин рядом с сестрицей, беседует с ней, та из его кубка вино пьет, любезно с ним разговаривает.

Девица эта взволновала сердце старого холостяка, да и он ей, как видно, понравился. Посудите сами, если б он был ей противен — разве взяла бы она его за руку, разве привела бы в опочивальню, разве сняла бы с себя покров целомудрия? Филин голову потерял от счастья.

А в деревне хватились его с утра — нет сторожа. Исчез. Люди не знали, что и подумать. У дома дубильщика, на дороге, отыскался мешочек с травами. Кто его оборонил? Никому это не было известно, кроме Сычихи, а та, понятно, об этом молчала. Ренельту совестно стало, что не выслушал он друга. Забеспокоился он, а где искать пропавших — не знает. Во сне он их не встречал. Два дня ломал себе голову Ренельт, а на третий, в ночь, подлетает к его душе душа красивой юной девы и шепчет:

— Я знаю, где искать твоих друзей. Они попали в ловушку к колдунье, та держит их в зачарованном замке, а замок этот прячется в ущелье, далеко в горах. В том же замке, как в золотой темнице, заточены мои сестры. Если хочешь друзей выручить, поклянись, что и их освободишь. Забери у дубильщика мешочек с травами и на ночь возьми его в изголовье.

— Клянусь охотно, — отвечала душа Ренельта, — но скажи мне, откуда ты меня знаешь? Я прежде никогда тебя не видел.

— Видел, Ренельт, да только тебе бы и в голову не пришло, что я — это я. А ты мне уж давно люб. Живем мы с тобой в одном селении.

— Быть не может! — возразила душа Ренельта. — Я там всех знаю.

— Всех знаешь, да не всех примечаешь, — расплакалась душа красивой девы и отлетела прочь.

Кинулся Ренельт за нею в погоню, да и упал со своей кровати, конечно, проснувшись при этом.

«Что за притча! — подумал картограф. — Может, кто-то подшутил надо мною?»

Однако же выпросил он у дубильщика мешочек, который, по счастью, тот не выкинул, а повесил на крючок в чулане, где хранилось много разного хлама.

Еле дождался Ренельт ночи, да еще и уснуть долго не мог — волновался. Но сон помалу сморил его, и едва глаза чудака-картографа сомкнулись, как очутился он в зачарованном дворце.

— Долго же ты нас искал! — сказали ему друзья. — Три зимы прошло.

— Ну уж не три зимы, а разве — три дня, — отвечал Ренельт в удивлении.

Усадили его за стол, попотчевали едой и питьем. Жены восхитительной красоты и пригожести и были, как он догадался, сестрами той, что подсказала ему дорогу. Услышав рассказ о вещем сновидении, обе расплакались.

— Несчастная наша сестрица, — сказали они. — Нас проклятая старуха лишь только взаперти держит, но мы живем в холе, тепле и богатстве. А ее, бедняжку, колдунья истязает, держит в тесной, вонючей будке и кормит отбросами, из-за того, что она осмелилась посмеяться над старой каргой.

— Неужели не можете вы уйти отсюда? — спросил Ренельт. — Дворец не заперт, дорога открыта...

Кузнец ответил мрачно:

— Дорога эта никуда не ведет. Петляет меж гор, как змея, свивается кольцами, а то и разбегается на четыре стороны. Пытались мы уйти, но ничего у нас не вышло. Всякий раз обратно возвращались.

Ренельт подумал, хлопнул в ладоши и говорит:

— Подайте-ка мне пергамент, две костяные палочки и кхитайскую тушь, черную да красную.

Жены-красавицы слугам велели, те и принесли все мигом. Ренельт приказал его не беспокоить, заперся в палатах и два дня, не разгибаясь, рисовал карту.

— Готово дело! — объявил он, когда карта была готова. — Собирайтесь в поход. Идти придется долго, но домой мы попадем. Душа знает дорогу в родные места!

Сказано — сделано. Собрали в дорогу всякой снеди, прихватили украшений самоцветных вместо приданого и вышли рано поутру. Ренельт первым идет и путь сверяет с картой. А ущелье между тем делается все глубже, и из-за скал солнца над головою не видно. Однако Ренельт спокоен, да и остальные тоже не боятся. Как вдруг опускается в ущелье тьма — глухая, беспроглядная. Путникам друг друга не видать и дороги не видно. У них с собою, как нарочно, ни факела нет, ни свечки маленькой. Заплакали сестры: «Это происки ведьмы! Она темень напустила, чтобы мы с пути сбились и погибли!»

Филин-сторож усмехнулся и сказал:

— Меня темнота не пугает. Я и ночью, даже самой темной, что без звезд и луны, вижу лучше, чем днем. Перекликнитесь-ка вы, все ли тут, да беритесь друг за дружку. А тот, кто впереди, пусть положит руку мне на плечо. Я всех выведу.

И десяти шагов не прошли, как темнота вдруг собралась в одну тугую, как подушка, тучу, и туча эта унеслась с воем. Как видно, колдунья обнаружила, что ее уловка не удалась.

Все обрадовались, кроме Ренельта. Он сказал:

— Так легко ведьма нас не выпустит — придумает другую пакость, вот увидите. Надо ухо держать востро.

Что ж, идут дальше, а в пути кузнец Черный Нос у своей жены спрашивает:

— Как вышло, что проклятая ведьма посадила вас под арест? Вы заключили с ней какой-нибудь постыдный договор? Или, может, вас обещали ей еще до вашего рождения в силу каких-то причин?

— О, нет, — отвечала ему молодая супруга. — Совсем не то ты говоришь. Случилось это давным-давно, в далекой стране. Наш отец был великим правителем этой страны. Народ его любил, а придворные боялись. Пошел на него войной ближайший сосед, но отец, ко всему, был и полководец мудрый. Удалось ему соседа замирить. А чтобы он и впредь с ним не воевал, сказал отец соседу, что возьмет в жены одну из двух его дочерей.

Тому ничего не оставалось. «Бери на выбор, — отвечал он. — Вот старшая, красавица и умница, обучалась колдовству, знает все звезды наперечет и умеет чары наводить. А вот младшая — не слишком красива, не слишком умна, зато ласковая и нежная. Которую хочешь?» Отец был умный человек. «Конечно, младшую!» — воскликнул он. То была наша матушка. Жили они вместе долго и в счастии, родила она ему трех дочерей и, казалось бы, ничто не должно омрачать счастья. Но старшая сестра затаила злобу на нашего отца — зачем он не ее предпочел? Ведь она младшую сестрицу не любила и презирала, всегда смеялась над ее кротостью и покорностью.

Стала старшая сестра строить всякие козни. Прежде всего соблазнить нашего отца пыталась, чтобы он с нею супружеское ложе осквернил. Для того прилетала она к нему по ночам в естественном виде, то есть без всякой одежды, и являла перед ним сладострастие. Отец озлился и велел стражникам схватить ее.

«Выдрать на площади эту кошку похотливую, и пусть она домой возвращается, как ей вздумается, — хоть пешком, хоть по воздуху!» — приказал он, что и было исполнено. Колдунья пришла в ярость и измыслила нас похитить и тем самым поразить отца и матушку.

Так она и сделала.

Вышли мы погулять, смотрим: стоит у ворот возок расписной, усыпанный яхонтами, лалами и крупными жемчугами. А вокруг — никого. Мы весьма удивились красоте возка и тут же сели в него. А он, не запряженный и даже без кучера, вдруг сам собою взлетел под небеса и помчался, так что только ветер засвистел. Уж мы и плакали и молили всех богов — ничто не спасло нас от горькой участи. Возок доставил нас в хоромы, которые вы видели собственными глазами. С тех пор прошло больше трех сотен зим, и ни с кем мы за это время не говорили, никого не видели, кроме немой прислуги.

«Ого! — подумал кузнец. — Я взял в жены древнюю старуху!». Это открытие сильно его смутило, но так как внешне прожитые зимы никак на царевне не отразились, Черный Нос успокоился и забыл об этом думать.

Дорога привела их к выходу из ущелья. Только собрались путники обрадоваться, как вдруг выходит к ним из пещеры великан — в нем три человеческих роста, весь он покрыт бурою шерстью и запах от него, как от зверя.

— Возвращайтесь назад! — закричал он ужасным голосом. — А не то я мужчин сразу убью, а женщин перед тем утешу по-свойски!

Путники заробели — что же делать? Против такого великана воевать страшно. Но кузнец вышел вперед и сказал:

— Если ты с дороги не уберешься, то я тебя уберу.

Великан заревел, так что камни посыпались, и бросился на кузнеца. Стали сражаться. Сначала великан одолевал, но Черный Нос собрался с духом — а силища у него была необычайная! — и, обхватив великана поперек туловища, оторвал от земли и на землю же бросил. Великан от того пополам переломился.

— Тьфу! — сказал Черный Нос. — Лопнул, как скверная наковальня!

Тут ущелье все затряслось, заходило ходуном. Путники еле успели из него выскочить, как горы сомкнулись, и ущелья не стало.

Много дней шли они, однако ничто не длится без конца. Дорога, отмеченная на карте, привела их прямо к селу.

Соседи их очень удивились и толпой вывалили встречать.

— Ишь, — говорили, — нет чтобы поближе посвататься сторожу да кузнецу, привели они жен издалека.

А старуха Сычиха как их увидела, так затряслась вся, упала в корчах, изошла пеной и издохла. Все замолчали от страха и удивления и видят — с визгом бежит старухина свинья и бросается в ноги Ренельту. Стала она кататься по траве, а потом закричала женским голосом и обернулась... девицею! Притом — пригожей. Правда, была она нагой и довольно грязной, но Ренельт взял ее за руки, отвел в баню, там отмыл, нарядил ее с ног до головы — и вышла она первой красавицей по округе. Тем же вечером и свадьбу сыграли.

А мертвая Сычиха недолго на земле пролежала. Превратилась она в дохлую ворону. Как настала ночь, выпрыгнул из-под земли огромный заяц в шапочке с пером и при шпаге, взял ворону за крыло, положил в переметную суму и ушел...

Вот и истории конец.

•

Закончив рассказ, Гранель бегло оглядел трактирную залу. Гизмунд спал, уткнувшись носом в колени и тихо посапывая. Ремина, охваченная дремой, клевала носом — голос собирателя историй убаюкал ее. Перед глазами вставали, как живые, все действующие лица этой повести, и каждая подробность, отмеченная Гранелем лишь мельком, сама собою расцветала, становилась объемной и яркой. Несколько мгновений Ремина молчала, и было ясно, что сейчас она уснет накрепко. Но неожиданно громкая раскатистая рулада, которую носом вывел спящий на полу варвар, разбудила ее.

— Удивительная история, — сказала она. — Ты — мастер своего дела.

Казалось, Гранель огорчился, но сразу изобразил на лице веселое оживление.

— Многолетняя практика, душечка моя, — проговорил он.

Этой этой «душечки» Ремине стало как-то не по себе. Она всмотрелась в собирателя историй и вдруг заметила то, чего никак не мог углядеть оруженосец.

Тень Гранеля вместо того, чтобы лечь на пол — он сидел перед горящим огнем — занимала собою стену над очагом. Оказаться там она никак не могла. Ремина решила, что это мерещится ей. Она потихоньку ущипнула себя за ногу, но странное поведение тени не изменилось. Тень от меча, вонзенного в пол, была самой обычной и перечеркивала тень от молочного кувшина там, где и должно. Но тень его хозяина вызывала испуг, смешанный с неприятным удивлением.

Ремине не хотелось обнаруживать своего открытия. Глядя прямо в бегающие глаза Гранеля, она проговорила спокойным голосом:

— А известна ли тебе, любезный рассказчик, история этой заброшенной корчмы? Местные очень боятся каких-то упырей, якобы живущих в ней. Хотелось бы узнать, что послужило причиной для возникновения этого страха.

Гранель застыл на мгновение, и это мгновение лицо его ничего не выражало, словно на него нацепили алебастровую маску. Потом в глазах рассказчика заблестели лукавые огоньки, он склонил голову набок и сразу стал похож на ученого ворона.

— Конечно, я знаю эту историю, — молвил он. — Это занятная и крайне поучительная история. Только рассказывать ее лучше тихим голосом, чтобы никого ненароком не разбудить. Поэтому я сяду поближе к тебе, моя маленькая курочка...

Ремину опять покоробило, она хотела возразить против соблюдения этого условия, но Гранель уже опустил свой сухопарый зад на пол вплотную рядом с ней, обхватив ее за талию костлявой, жилистой, очень сильной рукой, сжал покрепче и выразительно улыбнулся. От неожиданности и ужаса Ремина чуть не потеряла сознание.

— Слушай же, крошка, — зашептал он ей в самое ухо. — Пятнадцать зим назад здесь остановились на постой два брата. Была буря, дождь лил, как сейчас... Корчма тогда была действующая, в этой самой зале сидели люди, пили пиво и вино, играли в кости или просто грелись у огня.

Братья не очень-то ладили между собой, и будь у них возможность, они уселись бы за разные столы, чтобы не видеть друг друга. Скажу больше, они так враждовали, что даже редко смотрелись в зеркало, поскольку были близнецами. Вот как иногда бывает.

Ехали оба из Галпарана в имение своего родителя, который несколько дней тому как помер. Братьям предстояло делить наследство.

Свободным оказались только один стол и только одна комната. Один сказал другому:

— Ну тебя в преисподнюю! Оставайся тут, а я поеду дальше.

А другой отвечал:

— Езжай. Авось твой конь оскользнется в грязи и ты свернешь себе шею, или еще лучше — промокнешь, простынешь и умрешь от чахотки. Это было бы славно!

Первый брат выругался и раздумал ехать, а вместо этого сел за стол и начал пить. Второй от него не отставал.

— Как жаль, что мы не встретились по дороге, — сказал первый. — Я изрубил бы тебя в куски своим мечом.

— Какое горе, что я не знал, где ты проедешь, — отвечал второй. — Я сел бы в засаду с арбалетом и вбил бы стрелу в твою поганую глотку!

— Если б я мог предвидеть, что ты всю жизнь будешь путаться у меня под ногами, я бы в детстве спихнул тебя в глубокую выгребную яму или накормил бы волчьим лыком, — произнес первый.

— Мне бы чуть-чуть мудрости, я бы в юности оделся бы в твой камзол и изнасиловал какую-нибудь женщину у всех на виду, чтобы тебя за это казнили, — молвил второй.

Таким образом они беседовали, выпивая, и так увлеклись, что не заметили, как наступила глубокая ночь. Все прочие постояльцы давно разбрелись по своим полатям, а братья все сидели, пили вперемешку пиво, вино и самогон, от чего делались все злее и злее. Хозяин махнул на них рукой, выкатил три объемных бочонка и ушел спать, а служанка давно уже млела в объятиях конюха.

Первый брат со зла и спьяну проговорился:

— Не хотел тебя огорчать раньше времени. Мне, видишь ли, мечталось посмотреть, какая у тебя будет рожа при оглашении завещания. Ну да ладно: и земля, и деньги, и дом — все мое. Старик меня любил, а тебя презирал и всегда называл тебя безмозглым олухом, сволочью и бестолочью.

— Врешь! — сказал второй, однако сразу поверил и даже протрезвел от злости. Он выждал момент и, когда первого брата сморил наконец сон и тот уткнулся носом в корявые доски стола, взял острый железный пробойник для откупоривания бочек и вонзил спящему в самое сердце. Потекла густая кровь, и убийца, рыча от ярости, приник к трубке пробойника губами. Он выпил всю кровь, всю без остатка. Мертвый стал белее полотна.

— Проклятье! — воскликнул второй брат. — Нужно что-то делать с этой тушей!

Пользуясь глубоким сном хозяина и постояльцев, он отнес тело на кухню, раздел и, орудуя мясницким ножом, разделал брата, словно свинью. Голову ему пришлось бросить в отхожее место, а самые, на его взгляд, аппетитные части он зажарил на огне и съел. Прочие останки положил в погреб, в ледник.

Переодевшись в дорожный костюм брата, убийца чуть свет поехал к отчему дому, где назвался его же именем. Слуги давно не видели обоих и не догада-

лись, в чем дело. Душеприказчик прочел завещание... Увы! Убийца и был наследник, верный и единственный. Теперь же он ничего не мог получить.

— Почему? — удивилась Ремина. — Он же мог уехать, а после вернуться уже под своим именем.

Гранель рассмеялся:

— В том-то и дело, что не мог. У него на лбу был шрам приметной формы, в виде зубца молнии. Пришлось бы объяснять, почему у обоих братьев одинаковые шрамы, его сразу бы заподозрили...

Ремина искоса взглянула на рассказчика и чуть не закричала — на лбу у Гранеля, при таком освещении почти незаметный, находился зигзагообразный рубец. Увидев ее расширенные глаза, Гранель потер свободной рукой обезображенный лоб, усмехнулся и стиснул Ремину так крепко, что у нее перехватило дух.

— После того, как ничего не подозревавший хозяин накормил клиентов человечиной, в трактире стали происходить удивительные вещи. К примеру, ножи начинали вдруг сами по себе летать по залу и в конце концов втыкались кому-нибудь в бок. Некая дама, укрываясь тут со своим воздыхателем, кушала персик, поперхнулась косточкой, да так сильно закашлялась, что косточка вылетела изо рта и убила любовника наповал. Двоих нашли в комнатах задушенными... Словом, это не способствовало процветанию гостиницы, и ее пришлось закрыть. Редко кто заглядывает сюда теперь. Правда, братоубийца, повредившись в уме, иногда заманивает сюда кого-нибудь или неожиданно обнаруживает беззаботных путников, вроде вас. Тогда он усыпляет их и убивает спящих пробойником...

Ремина рванулась изо всех сил, и ей удалось избавиться от цепкой руки Гранеля. Тот поднялся не спеша и проговорил:

— А если кто не засыпает, тем он отрубает головы. Вот так.

Он взмахнул рукою, и вдруг плащ соскочил с гарды меча, а меч задрожал с тихим визгом, вышел из доски и прыгнул Гранелю в руки. Плащ тем временем, стелясь по полу, подобрался к ногам Ремины, облепил их — он оказался противно-теплым на ощупь — и она, споткнувшись, упала на колени.

Гранель одним прыжком оказался у нее за спиной и взмахнул клинком.

Конану снилось, что он попал в ледяные чертоги Крома. Там шел нескончаемый пир, гремела воинственная музыка, девы с крепкими грудями разносили пирующим хмельной мед и пиво. Завидев Конана, гости стали шептаться между собой. Огромный, могучий, страшный и прекрасный бог поднялся со своего трона, оглядел вошедшего и загремел голосом непереносимой силы:

— Что ты здесь делаешь, мальчишка? Тебе еще не время околачиваться среди взрослых! Убирайся обратно, щенок!

Конана охватил такой трепет, что сонное зелье испарилось из его крови. Он проснулся. То, что открылось его взору, заставило варвара окончательно

прийти в себя. Неизвестный совершенно явственно собирался ударить Ремину мечом, а та, парализованная страхом, даже не кричала.

Размышлять было некогда. Конан покатился по полу, вытаскивая при этом свой меч из ножен. Он успел как раз вовремя и рубанул незнакомца прямо по ногам. С воплем тот подломился и рухнул, Ремина наконец завизжала и побежала на четвереньках, пытаясь содрать плащ, спутавший ее ноги.

— Что же я буду делать без ног? Будь ты проклят! — скрежетал поверженный, извиваясь на полу.

Меч, который он выронил, поднялся и повис в воздухе без посторонней помощи, затем острием нацелился Конану в живот и полетел быстрее стрелы.

Но варвар парировал его на лету столь сильным ударом, что он вошел в пол под углом, погрузившись в дерево более чем на половину клинка. Немедленно колдовской меч стал дрожать — пытался вырваться, но безуспешно.

Плащ освободил ноги Ремины и, взмахнув полами, словно летучая мышь, метнулся, чтобы накрыть голову Конана. Варвар уклонился. Плащ ударился о стену, отскочил, вновь подпрыгнул и был рассечен надвое острым, как бритва, мечом Конана. Обе половины принялись скакать по полу, при этом из них брызгала кровь. Двумя отчаянными пинками варвар отправил их в пламя очага. Там они зашипели, и едкое зловоние распространилось по зале.

— Тебе конец! — вскричал Конан, и его клинок пригвоздил залитого кровью противника к полу. Гранель зашипел, скорчился, и на глазах у своего победителя превратился в скелет, покрытый кое-где ошметками сгнившей плоти.

— Интересные у тебя знакомые, — сострил Конан. — А почему карликовый оруженосец дрыхнет, пока тебя пытаются убить?

Не дожидаясь ответа, он схватил спящего Гизмунда за ноги и рывком поднял над полом. Гизмунд пробудился и мгновенно заверещал.

— Отпусти! Что ты себе позволяешь? Я тебе все кости переломаю! — вопил он, размахивая руками.

— Его околдовали, — сказала Ремина, придя в себя. — Как вовремя ты проснулся!

— Вовремя? — заорал оруженосец. — Он должен был храпеть до завтрашнего вечера!

— Почему? — осведомился Конан.

Гизмунд сразу замолчал.

— Где герцог? — продолжал спрашивать варвар, сердясь не на шутку. — Если ты не скажешь, я буду бить тебя головой об пол, и ты станешь от этого еще короче. Ну?

— Не надо! — вмешалась Ремина. — Тебя усыпили, чтобы спасти. Пристав из города был здесь. Он сказал, что твоя подруга схвачена, и сегодня, после вечерней стражи, ее четвертуют. Герцог из благодарности к тебе решил сам спасти ее, а тебя опоили зельем, чтобы ты не появлялся в Галпаране.

— Со стороны герцога это очень любезно, — молвил варвар, поставив Гиз-

мунда на голову. — Но он не учел одного обстоятельства. Если меня куда-либо не пускают, я делаю все, чтобы туда попасть.

Оруженосец, кувыркнувшись, ловко встал на ноги.

— Что тут произошло? — спросил он, оглядев залу.

Меч Гранеля, торчащий в полу, дернулся еще пару раз и вдруг мгновенно растекся лужицей грязной воды.

Конан освободил свой клинок, без всякого почтения пнул оскаленный череп упыря-братоубийцы, поднял с пола свой плащ и набросил на плечи.

— Я знаю не больше твоего, — ответил он. — Пусть Ремина расскажет тебе. А мне пора.

— До вечерней стражи не так много времени, — заметила Ремина. — Ты не успеешь.

— Ха! — сказал варвар и вышел.

Скоро женщина и оруженосец услышали нервное ржание его лошади и удаляющийся стук копыт.

— Может быть, и успеет, — хмыкнул Гизмунд. — Прости, что я настаиваю, но все-таки что случилось, когда я уснул? Герцог снимет с меня голову, если узнает, что ты была в опасности, пока я спал.

— Герцог не узнает, — ответила Ремина. — Только нужно прибраться здесь немного...

После обеда время тянулось медленно. Герцог Мироваль пошел прогуляться. но улицы, запруженные людьми, раздражали его. Мастеровщина толпилась, купцы громко разговаривали противными голосами, будто у каждого в глотке застряла жирная котлета. Покупатели, слонявшиеся из лавки в лавку, были не лучше — они то и дело останавливались посреди улицы и вдумчиво начинали созерцать вывеску или образец товара, выставленный на обозрение. Горожане представлялись герцогу единым живым существом, бесформенным, безмозглым, но удивительно кипучим по натуре своей. Люди, живущие в городах, обладают потребностью чувствовать локоть соседа — поэтому они охотно образуют толпы, очереди и вечную, бессмысленную давку.

На площади Примирения артель городских дворников готовила дощатый помост для казни. Они скоблили потемневшее дерево, мыли его до блеска и украшали черными креповыми гирляндами. От их деловитости Мироваля затошнило, и он направился обратно в гостиницу.

Скоро туда же явился Гаттерн.

— Как настроение твоей светлости? — осведомился он.

— До чего противный ваш городишко, — скривился герцог. — Если бы весенняя, разжиженная земля вдруг поглотила бы его без остатка вместе со всеми торгашами, палачами и отвратительными нищими, сама природа вздохнула бы с облегчением.

Пристав обиделся.

— Это, знаешь ли, кому что нравится. Я бы не смог жить в какой-нибудь дыре, откуда нужно две зимы ехать за новыми башмаками и где самому приходится делать колбасу, сыр и вино. Галпаран — обычный город. Не лучше, но и не хуже многих других.

— Не обращай внимания, — сухо извинился Мироваль. — Мне не по себе. Города подавляют меня. Сегодня, слава богам, я покину Галпаран и долго еще буду объезжать городские стены стороной.

Со двора гостиницы послышался громкий шум. Голос хозяина, дребезжащий, но настойчивый, тонул в женском сердитом крике.

Мироваль насторожился.

— Знакомые интонации, — произнес он.

Пристав пошел посмотреть, в чем дело. Четверо дюжих носильщиков с городскими бляхами на груди стояли подле огромного, роскошно сработанного паланкина, украшенного графской короной и гербом. Полог со стороны, обращенной к трактирщику, был распахнут. В паланкине, обложенная парчовыми подушками, восседала дама зим тридцати. Лицо ее слишком было ухожено, чтобы оставаться красивым. А визгливый голос, от которого чесалось все внутри, никак не вязался с короной и гербом — он больше подошел бы испитой торговке селедками на задах большого рынка.

— Это невыносимо! — кричала женщина. — Я ничего не желаю слушать. Ты знаешь, к кому я приехала, голодранец? Я приехала навестить брата! Ему стоит щелкнуть пальцами, как твой хлев и ты вместе с ним исчезнете, даже пылинки не останется.

— Отчего бы тебе, уважаемая, сразу не поехать к брату? — гнул свое хозяин. — Гостиница занята.

— Осел! Я должна привести себя в порядок или нет?

— Не могу это знать, не моего ума дело.

— Животное!

Мироваль выглянул из-за плеча пристава и присвистнул.

— Боги на нашей стороне, — шепнул он. — Знаете, кто это? Графиня Этер, урожденная Дорсети. Соучастница злодеяний, лавочница, купившая титул, жена моего бедного кузена. У меня есть одно желание, и я его исполню...

— Кажется, я все понял, — ответил Гаттерн. — Хорошо. Ваш ход.

— Эй, милейший! — крикнул герцог. — Впусти эту почтенную и знатную особу.

— Дорогой родственник! — воскликнула особа. — Какое счастье, что ты здесь!

Она выскользнула из паланкина и приблизилась. Ее фигура правильной полноты и очертаний все же не была привлекательной. Она казалась заемной, чужой, будто ее купили у какой-нибудь бедной красавицы. Двигалась графиня Этер очень неестественно, потому что тщательно изображала женственность.

— Вообрази, в городе новые порядки! — жаловалась она. — Меня заставили отпустить своих носильщиков и нанять этих, из здешнего цеха. А они такие

нерасторопные! У брата в доме, говорят, был пожар. Я не могу его нигде отыскать. И племянник тоже пропал. Со мною приехала большая бочка с особым травяным маслом, он им приторговывает — а девать ее некуда. Я и оставила прямо у городских ворот. Ах, что я тебе говорю! Тебя, герцог, не волнует какое-то масло!

— Почему же, это интересно, — тихо произнес Мироваль.

Пристав заметил, что герцог бледен от бешенства.

— Я тебе подыграю, — шепнул Гаттерн и обратился к «графине»: — Входи и располагайся, уважаемая. Я — пристав городской стражи и беру тебя под охрану. Твой брат и его сын зверски убиты. Та же участь постигнет и тебя, если ты не будешь осторожна.

Женщина вдруг покачнулась и в обмороке упала на руки стражника. Ее втащили наверх, в свободную комнату, и уложили на кровать.

Спустившись в залу, герцог и пристав нервно вздохнули почти одновременно.

— Близится время второго обеда, — сказал Гаттерн. — Сейчас главный обвинитель и его советник Шпигель сидят за столом в особнячке на улице Роз и ждут жаркого.

— Ну и что? — спросил Мироваль, недоумевая.

— Они не должны присутствовать на казни, — ухмыльнулся стражник. — Иначе все сорвется.

— Неужели мы подумали об одном и том же? — поразился герцог.

— Так бывает среди преступников. Хорошие сообщники действуют, не сговариваясь. Почему бы не перенять их приемы?

— И ты согласен пойти на это?

— Графиня, насколько я понял, — соучастница чудовищного зверства. По отношению к ней это будет только справедливо, — молвил Гаттерн, улыбаясь одними глазами. — Действуй, твоя светлость.

Конан оказался у стен Галпарана точно к вечерней страже. По пути он придумал, как попасть в город, минуя ворота. Попадаться стражникам варвару вовсе не хотелось.

Под городом протекала небольшая подземная речка. Когда-то она была многоводной, и русло ее представляло собой порядочный тоннель. Однако речка захирела, и жалкий ручеек теперь еле сочился по дну этого тоннеля.

Тоннель имел несколько выходов на поверхность, один из которых был в самом центре города. Туда сваливали всякие отбросы. Оставив взмыленную лошадь на попечение кладбищенского сторожа, варвар обошел большую мусорную свалку, спустился в овраг и вошел в подземелье.

Когда-то в этой клоаке обитало целое племя отчаявшихся подонков. Отбросы человечества жили среди бытовых отбросов. Тут были свой король, свои законы, своя мораль... Они редко бывали на поверхности, но одним своим су-

ществованием очень мешали жившим наверху. Обитателей подземелья пытались стребить силами городской стражи, но ничего путного из этого не вышло. Тогда бургомистр заключил договор с неким колдуном, который приманил в подземелье миллионную армию крыс. Крысы съели всех дочиста, а потом пожрали сами себя. С тех пор тоннель был необитаем.

Конану случалось тут бывать, и он ориентировался в подземелье так же свободно, как и на поверхности. Довольно скоро он был у нужного выхода. Сверху доносился шум голосов и шарканье тысяч ног, что говорило о близости площади Примирения. Заметив решетку, запертую висячим замком, варвар выругался. Но отступать было нельзя. Внимательно оглядев решетку, Конан заметил, что она просто врыта в землю. Ухватившись за осклизлые прутья, варвар рванул их посильнее, и спустя мгновение выход был открыт.

— Как хорошо, что все подрядчики — жулики, — пробормотал Конан себе под нос. — Честный подрядчик укрепил бы решетку камнями и возиться пришлось бы долго.

Толпа у помоста собралась значительная. Конан распихивал ее локтями и подбирался поближе к месту казни. Четкого плана у него не было. Если герцог не смог освободить Зонару, то ему придется в одиночку нападать на целый отряд стражи, а потом еще и спасаться. Толпа тогда послужит хорошим прикрытием — в ней можно легко затеряться. Но сейчас она очень мешала.

Впрочем, Конан протискивался сквозь нее столь бесцеремонно и яростно, что ему скоро стали уступать дорогу. К тому же после пребывания в городской клоаке одежда варвара источала тяжелые запахи, и горожане стремились отойти от него подальше.

Выбрав место, откуда удобнее будет броситься в атаку, Конан стал ждать. За его спиной оказался громоздкий паланкин, весь увешанный разноцветными гербами.

На помосте тем временем палач в блестящем черном фартуке и маске демонстрировал публике свои зловещие приспособления — клещи, уже раскалившиеся на угольях, нож с волнистым лезвием и тяжелый, остро отточенный топор.

Распорядитель казни с озабоченным видом бегал через оцепленный, свободный от толпы участок между помостом и трибуной городского магистрата. Во-первых, почему-то задерживалась повозка с приговоренной, во-вторых — опаздывали главный обвинитель и его советник.

Послышался нарастающий гул толпы, и распорядитель вздохнул с облегчением — везли преступницу.

Очевидно, страх приближающейся смерти заставил ее сопротивляться — она была связана по рукам и ногам. На голове у нее был плотный серый мешок. На помост осужденную буквально внесли на руках.

Бургомистр махнул распорядителю рукой — пора начинать. А главный обвинитель завтра получит строгий выговор. Распорядитель торжественно вскрыл свиток с приговором и, надсаживаясь, стал читать:

— «С поличным пойманная воровка Зонара признана виновной в убийстве Дорсети, отца и сына, а также солдат охраны, числом семнадцать, и предается казни!»

Осужденная завизжала очень громко и забилась в руках палача, который собирался снять с нее веревки.

— Я не Зонара! — кричала она. — Я никого не убивала! Отпустите меня!

Конан остолбенел: даже когда Зонара очень сердилась, ее голос был не так противен.

Палач выдал ей затрещину, и она перестала кричать и дергаться, только глухо скулила. Развязанные руки бессильно повисли вдоль тела. Заплечных дел мастер сдернул мешок с головы жертвы, показалось ее лицо, опухшее, заплаканное, расплывшееся.

— Я — сестра Дорсети, — сказала она плачущим шепотом.

— Конечно, золотко мое! — ответил палач и сорвал с нее рубашку.

— Кром! — не удержался Конан. — Это не она!

— Ну конечно, котеночек, — послышался из паланкина знакомый голос. — Полезай ко мне, я соскучилась. И лучше бы тебе не высовываться наружу.

Варвару пришлось сложиться втрое, чтобы поместиться в недрах паланкина, не придавив своей сообщницы.

— Герцог — ловкий малый, — сообщила Зонара с восхищением в голосе. — Он блестяще все обстряпал! Когда меня повезли какими-то переулками, возок попал в затор. В мешке-то была дырка, и я все видела. Валялись какие-то бочки, ящики, кругом стояли телеги, кареты — все кричали, словом, столпотворение! Герцог с видом чрезвычайно важным высунулся из паланкина и наорал на солдат — те бросились растаскивать бочки... А сам он мигом отвязал меня, велел прыгнуть в паланкин, а оттуда выволок эту гадину, сестрицу Дорсети, уже связанную и в такой же рубахе, как и я, и усадил ее вместо меня. Никто ничего не заметил, даже носильщики, потому что паланкин встал к возу впритык. Теперь он ждет меня у северных ворот, и нам, кажется, пора.

— Эй, слуги! К воротам! — прикрикнула Зонара.

Носилки оторвались от земли и поплыли, раздвигая плотную толпу.

Тем временем последние приготовления к казни были завершены. Поставленная на колени, привязанная к толстым деревянным опорам, урожденная Дорсети расширенными глазами смотрела на палача, повернув голову, — тот зашел ей за спину, вынул из жаровни добела раскаленные щипцы, клацнул ими в воздухе. Лже-Зонара зажмурилась и набрала в грудь побольше воздуха. Через миг отчаянный вопль пронесся над толпой. Паланкин, покачиваясь, удалялся с площади.

— Любопытно, — произнес Гаттерн, — почему четверо дюжих молодцов еле-еле тащат паланкин, в котором сидит одна далеко не толстая женщина?

Это было перед самыми северными воротами.

Герцог держал Снежка в поводу и поглаживал его по морде. Он догадался, в чем дело, и ему было смешно.

Пристав подошел к паланкину и рывком распахнул занавес. Увидев варвара, он отступил на шаг, ощерился и сердито зарычал:

— Конан, ты же знаешь, что я всегда держу слово!

— Господин стражник, прости его пожалуйста! — затараторила воровка. — А я тебя отблагодарю...

— Сам сдашься, или позвать солдат? — продолжал Гаттерн. — Думай быстрее!

— Мне не хочется убивать тебя, но я это сделаю, — в ответ оскалился Конан. — Я не давал тебе слова больше не приезжать, Кром свидетель.

— Прекратите, господа! — поморщился герцог. — Это все бессмысленно. Пристав, ты не можешь арестовать варвара, пока он сидите в паланкине.

— Это почему?

— Видишь, на нем герб графа Этер, моего кузена.

— Ну и что?

— Паланкин — его собственность, кусочек его суверенной территории, — пояснил Мироваль. — Территория эта неподвластна городу Галпаран.

Гаттерн, красный и взмокший, выдохнул через силу.

— Будем прощаться, — продолжал герцог. — И не сердись. Уж я-то еще долго не попадусь тебе на глаза.

Покачав головой, пристав махнул рукой караульному. Ворота раскрылись. Носильщики оставили паланкин за воротами и вернулись в город.

Конан выбрался из паланкина и протянул руку, чтобы помочь Зонаре.

— Знаешь, Гаттерн, когда-нибудь я буду королем всех этих мест, — произнес он. — И жизнь здорово изменится. Многие потеряют свои должности. Но не ты.

— Чего только не услышишь в час ночной стражи, — ухмыльнулся пристав и направился к себе в караульное помещение.

— Прощай, господин вор! — Герцог вскочил в седло, и Снежок унес его на встречу с любимой женщиной.

— Моя лошадь — у кладбищенского сторожа, — сказал варвар, обращаясь к Зонаре. — Пойдем. Деньгами поделюсь, как и обещал. Попробуем раздобыть тебе одежду и обувь, а то в тюремной рубашке ты будешь привлекать внимание.

Ночь стояла свежая, но Зонаре было жарко от пережитых волнений. Она прижалась щекой к плечу варвара, и ей казалось, что после долгих зим пути она наконец дома. Зонара знала, что чувство это скоро пройдет, но горечи не было.

— Знаешь, — произнесла она, — я брошу ремесло воровки. Иначе когда-нибудь мне не повезет с сообщником.

Конан одобрительно заворчал.

— Открою школу для детей, как дядя Гинко. Буду растить гимнастов, танцоров... А ты куда подашься? — спросила Зонара, останавливаясь.

— Не знаю пока, — отвечал он. — Ближайшую ночь или две проведу с тобой, а там видно будет.

— Идет! — Зонара хлопнула его по плечу.

В это самое время городской обвинитель Маркус и маг-советник Шпигель сидели в обеденном зале в полной темноте, связанные спина к спине. Шпигель жалобно вздыхал и сопел, а Маркус отчаянно пытался почесать нос собственным коленом.

— Кто же это был? — спросил он.

— Грабитель, я думаю, — Шпигель снова вздохнул.

— А почему он ничего не взял? Это странно, очень странно...

— Экий у тебя беспокойный нрав, — пробормотал Шпигель.

— А ты не вздыхай так сильно — мне веревка в живот врезается! Почему бы тебе не избавить нас от пут магическим способом?

— Каким? — Шпигель подумал мгновение. — Может, огненным шаром? Веревку он испепелит мигом, но и нас поджарит изрядно.

— Тогда не надо. — Маркус снова попытался почесаться. — Все не так плохо, коллега, — просиял он внезапно. — Мы не пошли на эту ужасную казнь. По уважительной причине! А утром горничная нас освободит.

— Жаркое до этого времени совсем закоченеет, — мрачно произнес маг-советник.

— Зато с холодной телятиной ничего не сделается! — убежденно проговорил городской обвинитель Маркус и принялся весело насвистывать «Балладу о стройной деве». Слуха у него не было совершенно.

Потерянный город

Нет конца и края этим джунглям. Сквозь бесконечное их зеленое море уж который день пробирается молодой человек. Черные Королевства только называются «королевствами» — человечьи поселения встречаются здесь не чаще, чем острова в открытом океане. Боги, должно быть, веселятся сейчас, поглядывая сверху на человека — им-то хорошо видно, как долго еще брести ему, выпутываясь из цепких объятий лиан, прорубая себе путь сквозь сплошные заросли, то проваливаясь по пояс в трясину, то сбивая себе ноги о каменистую почву. И все же деревня небольшого черного племени неуклонно приближается.

Молодой человек не принадлежит ни к одному из чернокожих народов, что населяют эти земли. Он не похож ни на кого из местных: рослый, мускулистый, синеглазый, огромного роста. Он массивен, хоть ни капли жира нет в его крепком теле. Загорелая кожа так обветрилась, что выглядит почти черной. И все же с первого взгляда понятно, что он — белой расы, пришелец с далекого севера.

— Кром! — бормотал он. — Полдня назад я видел след человеческой ноги. Не может быть, чтобы мне показалось. Здесь поблизости есть люди. Какой-то человек выходил на охоту. А! — Он остановился, прищурился, откинул со лба спутанные черные волосы. — Вон обломок копья, клянусь богами!

Он подошел ближе, поднял то, что показалось ему обломком копья. Это была простая палка, однако отполированная прикосновением человеческой руки и оструганная на конце.

— Здесь крепился наконечник, — сказал себе молодой человек. — Он сломал копье и снял наконечник, или мое имя не Конан!

Ободренный новой находкой, он зашагал увереннее.

Конану было необходимо найти жилище и людей, потому что день назад в схватке с леопардом он получил довольно серьезную рану. И хоть он перевязал ее, как умел, остатками своей одежды, без заботливого ухода ему долго не протянуть в этих джунглях. Так уж заведено, что здесь, на Черных землях, раны белых людей быстро начинают гноиться, и белый погибает — тогда как черный

человек в состоянии выжить. Здесь сама земля знает, кого ей беречь, а кого принять в свое влажное, всепоглощающее лоно.

Конан заскрежетал зубами, чувствуя, как струйка крови вновь побежала по ноге. Разорванный бок горел, как в огне. Он сорвал несколько листьев, пожевал их и приложил к ране зеленую кашицу, чтобы остановить кровь, но это больше не помогало.

Собрав все свои силы, молодой человек побрел дальше.

Лес расступился перед ним, словно признав, наконец, превосходство человека над стихией деревьев и трав. Конан, конечно, знал, что это не так. Человек вынужден побеждать стихию всю жизнь, до самой смерти, пока стихия в конце концов не одолеет его. Ни море, ни лес, ни горы не сдадутся; они старше, они более могущественны и боги зачастую на их стороне. И если хрупкая, такая ранимая человеческая плоть иногда одерживает верх, то только благодаря несокрушимой силе духа, заключенной в телесную оболочку, которую так просто разрушить.

Улыбка медленно проступила на загорелом лице киммерийца, сверкнули зубы, загорелись синие глаза. На поляне, вырубленной в сердце огромного леса, стояло два десятка круглых хижин. Листья, небрежно набросанные на крышу, чуть шевелились под слабым ветерком. Посреди поляны горел огромный костер, там хлопотали женщины, почти совершенно обнаженные, если не считать юбок из сухих листьев. Многие из «цивилизованных людей» сочли бы такой наряд дикарским и уродливым, но Конан — сам такой же варвар, как и эти люди, — умел видеть в нем своеобразную красоту. Эти юбки подчеркивали женственность негритянок, широту их бедер, плавность их походки — походки женщин, привыкших носить на голове огромные корзины с фруктами и кувшины с водой.

Поначалу появление незнакомца оставалось в деревне незамеченным. Женщины продолжали свою работу: одни били деревянными колотушками по корням каких-то растений, чтобы расщепить их и превратить в нити, из которых потом можно ткать; другие растирали зерно маленькими каменными жерновами; третьи скребли острыми камнями снятые с животных шкуры. Мужчины, человек пять, сидели отдельно на земле и болтали между собой, то и дело посматривая в сторону женщин. Это были охотники, недавно вернувшиеся после удачного промысла; они были голодны и ждали, пока будет готово мясо. Несколько девушек нарезали сырое мясо ломтями, чтобы завялить; остальное варилось в котле, и оттуда на всю округу распространялись манящие ароматы.

Несколько тощих полудиких собак, похожих на шакалов, вертелось поблизости, и женщины, смеясь, бросали в них комьями земли и камнями. Псы, поджав хвосты, отбегали и жалобно скулили, поглядывая издалека на котел и жестокосердых хозяек. Совершенно голые дети также разгуливали неподалеку, выпячивая круглые животы с выпирающим пупком. Один раз Конан приметил поразительную красавицу — огромные черные глаза, курчавые волосы,

схваченные ниткой на затылке, гибкое черное, блестящее тело. Девушка зим тринадцати выглядывала из хижины, не решаясь выйти. Она была не то наказана за что-то, не то просто пряталась, чтобы ее не заставили выполнять какую-нибудь тяжелую работу, которую женщины-матери обычно перекладывали на своих подросших дочерей. Просто удивительно, как из маленьких карапузов вырастают такие красотки, подумал Конан. Эта загадка никогда не переставала его удивлять.

Он так загляделся на красавицу, угадывая ее фигуру в полумраке хижины за откинутым пологом, что выступил из чащи и на некоторое время утратил бдительность. Его заметили.

Мужчины прекратили беспечную болтовню и вскочили на ноги, хватаясь за копья. Женщины тоже прекратили работу, но убегать не спешили. Они находились у себя дома, под защитой охотников, а незнакомец, судя по всему, пришел один.

Конан крикнул несколько слов на языках известных ему черных племен, а потом развел руки в стороны и показал, что безоружен. Открылась рана на боку. Конан сорвал повязку и показал также рану.

— Леопард! — воскликнул один из охотников. Он бесстрашно подошел к гиганту-киммерийцу, который был выше его на две с половиной головы и шире по крайней мере в полтора раза. — Ты сражался с леопардом и остался жив! Смотри!

И он указал на длинный кривой шрам, ползущий вверх по тощему бедру.

— Я тоже бился с леопардом! Я победил леопарда!

— Не хвастайся, Ньяса! — крикнула одна из женщин и залилась веселым смехом. — Я знаю, как это было! Детеныш леопарда оцарапал тебя лапой, и ты удрал, пока не появилась его мать!

— Возможно, так и было, — не утратил достоинства Ньяса и повернулся к женщине. Он потряс жилистым кулаком. — Зато я до сих пор жив и могу кормить тебя мясом. А тот, кто дождался бы самки леопарда, вряд ли был бы полезен своему народу! Он стал бы молоком самки и питанием для ее детеныша!

— Довольно почтенная судьба, — заметил Конан и пропел: — О, смерть, ступающая на мягких лапах, таящаяся в темноте! Когда нанесешь ты удар? Прекрасная смерть, крадущаяся на мягких лапах!

— Ты знаешь! — восхитился Ньяса. — Ты видел прекрасную смерть на мягких лапах!

— И убил ее, — сказал Конан. — Если вы поспешите, то, возможно, отыщете мертвого леопарда в дне пути отсюда.

— Почему же ты не взял его с собой?

— Потому что едва унес оттуда ноги. У меня не было сил, — признался Конан. — По правде сказать, если вы мне не поможете, я истеку кровью. Вы легко отыщете дорогу, если пойдете по кровавым следам.

Несколько охотников, ни слова не говоря, тотчас засобирались в путь. Бросать такую драгоценную вещь, как шкура леопарда, им не хотелось. Конечно,

она принадлежит этому незнакомцу. Но ведь незнакомец просит у них убежища и помощи. Возможно, он согласится заплатить шкурой.

Так и вышло.

— Если вы поможете мне, то возьмите шкуру себе, — сказал Конан.

— Они и так забрали бы шкуру, — понизив голос, заметил ему Ньяса. Он приплясывал на месте от возбуждения, и его широкие плоские ступни хлопали по утрамбованной земле, как лапки лягушки. Вообще в своей деревне он слыл врагом, неудачником и пересмешником — словом, пустым человеком. Может быть, поэтому он так потянулся к пришельцу: Конан, по крайней мере, еще не знает о его репутации.

— Ты сильно ошибаешься, друг, — сказал Конан, — никто не взял бы шкуру моего леопарда без моего разрешения.

Ньяса окинул его взглядом. Пришелец едва держался на ногах, так он ослабел от голода и потери крови. И все-таки угрожающее выражение еще не исчезло из его синих глаз. И Ньяса вдруг понял, что этот человек — и сам прекрасная смерть на мягких лапах. Если его обидеть, он вернется и отомстит за себя.

Охотник чуть отступил.

— Назови свое имя старейшинам и оставайся, — сказал он. — Женщины помогут тебе.

Он высоко поднял голову и с достоинством отступил в тень, туда, где бездельничали прочие мужчины — за исключением троих, ушедших в джунгли за конановой добычей.

Старейшин оказалось двое: один, совсем немощный старец, лежал на соломенных циновках и дремал, полузакрыв глаза. На его морщинистых веках сидели мухи, одна его щека все время подергивалась. Рядом вертелся мальчик зим десяти с опахалом из пальмовых листьев. Он должен был отгонять мух от почтенного старика, однако частенько пренебрегал своими обязанностями ради того, чтобы поковырять в носу или погрызть орехи. Еще у него был приятель в лице маленькой землеройки, которую он то и дело ловил и угощал маленькими черными тараканчиками — их он выискивал тут же, причем в больших количествах.

Этот старейшина слабо махнул рукой, не желая разбираться в новом деле, возникшем в шумном, бестолковом мире живых. Он уже несколько зим был почти полностью погружен в мир духов, где находились все его друзья и подруги. Вместе с ними он, полный сил и здоровья, ходил на охоту, ловил обезьян, птиц с красивыми перьями, загонял антилоп, которые падали от усталости и глядели в лицо своему убийце прекрасными очами развратных женщин. Вместе с давно ушедшими красавицами он плясал вокруг шеста, увешанного перьями и шкурами, и любовался их сверкающими бедрами, выкрашенными красной краской и обмазанными маслом. В этот танец вмешивались духи, безобразные и прекрасные одновременно, с вечно изменяющимся обликом; от

присутствия потусторонних сил делалось радостно, и все тело наполнялось мощью.

Простертый на циновках старик вздрагивал, выгибался, мелко тряс высохшей рукой, а мальчишка скучно глядел на него из угла хижины и зевал во весь рот.

Второй старейшина представлял собой полную противоположность первому: это был довольно бодрый старикан, плотный, прожорливый. У него имелись две жены, и обе не выглядели недовольными. Дети старейшины бродили по деревне. Их было не менее десятка, как уверял самодовольный дед. Первая его супруга давно скончалась, и дети от нее выросли. Некоторые из них погибли в схватках с лесными зверями, а двое здравствуют до сих пор.

Этот старикан осмотрел раненого пришельца с головы до ног, а после, не сказав Конану ни слова, пронзительно закричал:

— Женщины! Бестолковые коровы! Глупые вертихвостки! Почему он истекает кровью? Почему не лежит под крышей? Такой воин! Нам нужен такой воин! Он заплатит нам охотой и подвигами! Он голоден! Он желает женщину!

Он махнул толстой рукой, приказывая Конану удалиться, и откинулся на постель из мягких шкур, где нежился весь день. Этот старейшина считался в деревне воплощением житейской мудрости — в противоположность первому, являвшему собой образ мудрости мистической.

Конана разместили в хижине, стоявшей ближе всех к лесу. Две старухи принялись ухаживать за ним, и одна застенчивая красавица приносила ему еду и питье. Перевязанный листьями, накормленный лепешками, размоченными слюной, Конан чувствовал себя вполне довольным. Любой другой белый на его месте был бы несчастен — если бы вообще остался в живых, но только не киммериец. Вот преимущество «варварского происхождения», которым так любят попрекать его утонченные господа из «цивилизованного» мира. Конан ухмылялся, думая о них. Кое-кого неплохо бы отправить на луну-другую в джунгли, а потом спросить у того, что останется от них после такого путешествия: «Ну как, приятель? Помогли тебе хорошие манеры? Пригодились прочитанные книги? Использовал ли ты свои философские премудрости, прорубаясь сквозь чащу и сражаясь с дикими зверями?»

Прохладные розовые ладошки гладили его лицо, влажные темные губы ласкали его щеки. Конан в полусне отвечал на эти ласки. Его могучие ручищи хватали мягкое, податливое женское тело, и кто-то гортанно смеялся ему в ухо. Этот смех, похожий на голос влюбленной птицы, оставался с Конаном даже во сне. Наутро, проснувшись почти здоровым, он проникся уверенностью в том, что исцелила его именно любовь черной красавицы — и ничто иное. Хотя старухи с их отвратительными припарками утверждали, естественно, совсем иное.

Как многие дикарки, они были любопытны, смешливы и добродушны. Конан сдружился с одной по имени Мамаса. По ее словам, она произвела на свет восемнадцать детей, и все они достигли взрослого возраста. Этому легко было

поверить, глядя на ее высохшие груди, висящие почти до пупа. Мамаса носила жидкую юбку из листьев, подобно всем женщинам своего племени. Ее кривые ноги уверенно топтали родную землю, ее зоркие маленькие глаза цепко озирали окрестности. За свою долгую жизнь Мамаса никогда не бывала дальше мили от родной деревни, но уж свою-то территорию она знала как собственную руку.

Старуха прикладывала к ранам Конана — которые действительно загноились, как и предполагал киммериец! — коротких толстых белых червей. Точнее, то были не черви, а личинки каких-то жуков. Эти отвратительные с виду существа, как пояснила Мамаса, питаются разлагающейся плотью, поэтому они отлично отсасывают гной и очищают рану так, как никогда не сможет омыть ее вода. Конан полностью доверял ей в этом.

Она изучила свойства всех трав, растущих на этом клочке земли. Она знала голос каждой птицы, что пели на здешних деревьях. Ни один чужак не прошел бы мимо ее внимания — будь то леопард, сменивший место охоты, будь то антилопа, заблудившаяся в поисках сочной травы, или залетная птица, которая вплела свою песнь в общий хор.

— До чего же ты ладный мужчина, — приговаривала Мамаса, меняя повязку и мимоходом оглаживая мускулистый живот варвара. — Попался бы ты мне в руки урожаев десять назад...

— Так уж десять? — спрашивал Конан, стараясь не смеяться. От смеха у него снова начинала болеть рана на боку.

Мамаса задумывалась ненадолго, а после, махнув рукой, соглашалась:

— Ну, две руки и одна... вот столько урожаев назад!

— Так уж две и одна? — хохотал Конан. — Так недавно?

— Ты грубиян! Как ты смеешь дерзить старой женщине! — притворно возмущалась Мамаса. — Хорошо! Два раза по полной руке урожаев! — Она дважды выбрасывала все десять пальцев, показывая «двадцать».

— Ох, мать, ты была молода в те годы, когда мой дед едва только обрюхатил мою бабку, да и то не моим отцом, а его старшим братом, — стонал от смеха Конан.

— Но уж если бы мы с тобой повстречались тогда, — не моргнув глазом, отвечала Мамаса, — я бы точно не оплошала!

Она рассказывала киммерийцу сказки, которых знала великое множество, и все они были непристойного содержания. Конан слушал, как ребенок. Подобно всем дикарям, он страшно любил истории.

— Вот кушай да слушай, — сказала как-то раз Мамаса, — жил один слепой. Мало что слепой — он был полный дурак и любил все необыкновенное. И все рассказывали ему небылицы, а он верил.

— Прямо как я, — вставил Конан, чуть приподнимаясь на локте, чтобы старухе было удобнее всовывать ему в рот кашу из зерен.

Ее черные сморщенные пальцы хватали кашу из плоской миски и щепотью втискивались между губ варвара. Такой способ кормить больных считался

в деревне самым верным — вместе с пищей раненый получал частицу силы мудрой женщины.

— И вот как-то раз, — продолжала Мамаса, — один парень, которому порядком надоел этот слепой, сказал ему: «Я видел, как в лесу, в полудне перехода отсюда, земля провалилась. Стоишь на краю и слышишь, как живут подземные люди. Там птицы кричат, женщины мелют зерно, поют песни. Лично я как раз оттуда иду!»

— Знаешь, Мамаса, бывал я и в подобных местах, — перебил Конан. — Это не сказка. Это быль. Это со мной случалось и не раз.

— А, ты болтун, как все мужчины! — Мамаса помахала в воздухе костлявой рукой. — Лучше молчи!

— Ладно, не обижайся. Что сказал на это слепой?

— Слепой? Тебе в самом деле интересно, что он сказал? — Мамаса хитро прищурилась, отчего ее лицо все пошло множеством морщин. — Он сказал: «Мне хотелось бы подойти к краю той трещины да послушать звуки, которые доносятся из подземной страны!» Целый день таскал хитрый парень слепого по лесу, делая вид, что провожает его до расщелины. А потом привел к собственной его хижине. «Мы пришли. Вот здесь начинается подземная страна!» — так объявил хитрый парень.

Слепой прислушался. Кругом кричали птицы, женщины перетирали зерно. «Ой, как интересно!» — закричал глупый слепец и захлопал в ладоши, и закружился на месте, танцуя. Тут парень стукнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали другие жители той деревни и спросили, что же случилось, он пал перед ними ниц и закричал: «Я прошел к вам, в подземный город! Дозвольте мне жить среди вас!» И вдруг...

Старуха остановилась, пожевала губами, словно вспоминая что-то.

— Не мучай меня! — вскричал Конан и поперхнулся кашей.

Старуха отдернула руку.

— Шальной! Ты мне чуть пальцы не откусил!

— Я тебе голову откушу! — пригрозил киммериец. — Заканчивай историю.

— А! Вдруг слепец услышал, как хохочет его жена, которую он считал недостойной дурой, и спросил: «Жена! А ты-то как здесь оказалась?»

Конан фыркнул. Старуха смотрела на него, очень довольная.

Другие ее истории тоже по большей части касались приключений различных слепцов и калек. Здесь, в джунглях, где потерять глаза или конечности было проще простого, к увечьям относились просто. И сами калеки, забросив копья и луки со стрелами, становились рассказчиками и певцами. Их любили слушать и хорошо угощали.

— Кто из твоей родни был слеп, Мамаса? — спросил Конан, которому хорошо был известен этот обычай черных племен.

— А, ты и об этом догадался! Ты умный мальчик. Может быть, ты — мой сын? — Мамаса прищурилась. — Я родила так много детей, что не всех помню. Может быть, кто-то из них и был таким белым...

— Ты не могла быть моей матерью, — сказал Конан. — Ты была уже старухой, когда моя мать только входила в возраст и начала носить золотые украшения.

— А! Глупый белый дурак! — притворно обижалась Мамаса. — Та красивая черная девочка, что приходила к тебе ночью, — она тоже вышла из моих чресел...

— Скорее, из чресел твоей внучки, — сказал Конан. — Ну так кто из твоей родни был слеп?

Мамаса поглядела на киммерийца хитро, а потом дала ехидный ответ:

— Все!

Так Конан и не узнал этого.

Первые признаки беды явились в деревню, когда Конан уже начал вставать на ноги и набираться сил. Он становился крепче день ото дня, однако покидать своих гостеприимных хозяев не собирался. Старейшины не возражали: дети, рожденные от такого мощного мужчины, будут отличными охотниками, а сам он принесет деревне немалую пользу, выходя в джунгли вместе с прочими мужчинами племени.

Шкуру убитого Конаном леопарда повесили в хижине младшего из старейшин. Впрочем, киммериец не интересовался ее судьбой. Главное — его собственная шкура заживала и рана на боку больше не беспокоила его.

Он весело болтал с женщинами, валяясь на траве рядом с ними, пока они занимались обычной домашней работой. Быстро мелькали округлые черные руки, поблескивали белки больших влажных глаз, посверкивали улыбки. Конан тянул слова, подражая Мамасе:

— Один слепец решил провести ночь с шаманкой. Ему сказали, что приведут к нему прекрасную шаманку, облаченную в шкуры и перья, которая своей любовью дарит неслыханную мужскую силу. И вот слепец украл из дома большую ляжку антилопы и печень зебры, которую его жена хотела приготовить на большой праздник, и отправился в лес, где, как ему сказали, ждет его шаманка.

А жена слепца узнала об этом и пошла по следам мужа, повесив себе на бедра перья петуха. Когда слепец забрел в лес достаточно далеко, женщина вдруг выступила перед ним и схватила его за руку. Слепец ощупал ее и заметил перья. Он решил, что перед ним и впрямь шаманка...

Женщины смеялись, не переставая вертеть жернова.

И вдруг все замерло. Конан увидел, как его слушательницы разом повернули головы в сторону джунглей. На мгновение они молча разглядывали то, что выступило из гущи леса, а затем с визгом разбежались, побросав на земле и зерно, и зернотерки, и глиняные плошки. Конан медленно поднялся на ноги и обернулся.

Из леса вышел рослый черный человек с раскрашенным лицом. Образина, которую представляло собой его лицо, выглядела страшно: огромный оскален-

ный рот, вытаращенные красные глаза, синие зигзаги на выбеленных щеках. На голове у него была корона из перьев и костей, на шее — ожерелье из черепов мелких животных, бедра опоясывала волчья шкура.

В руке он держал шест, опоясанный лентами, перьями и бубенцами. Все это было выкрашено побуревшей кровью.

Подняв шест, он несколько раз сильно тряхнул им в воздухе и закричал. Звук этот, гортанный, сдавленный, вырывался, казалось, не из человеческого горла, а откуда-то из утробы, где рождаются самые страшные и низменные чувства.

— Манури! Манури! — кричали повсюду.

Конан озирался по сторонам, быстро соображая, как же ему быть. Затем увидел Ньясу, который делал киммерийцу отчаянные знаки. Одним прыжком Конан подскочил к нему.

— Манури! — зашептал Ньяса. — Берегись!

— Кто это?

— Шаман. Время от времени он приходит к нам и забирает еду и девушек.

— Почему?

— Бойся его! Его все боятся!

— Только не я! — сказал Конан. — Я достаточно оправился, чтобы свернуть ему шею!

И киммериец сделал движение, намереваясь выйти вперед и расправиться с этим Манури по-своему. Ньяса повис у него на локте, болтая в воздухе ногами.

— Нет! Нет! Когда ему противоречат, он насылает на деревню злого духа. Злой дух прилетает из ночи и пожирает нас.

— Всех? — иронически поинтересовался Конан.

— Не смейся! Не надо шутить! Он хватает первого попавшегося, и нет спасения от этого злого духа!

— Не можем же мы отдать ему урожай и красивую девушку? — продолжал упорствовать Конан. Эти смешливые люди нравились ему, и он не собирался допустить, чтобы какой-то размалеванный урод отбирал у них с таким трудом выращенный хлеб. А мысль о судьбе девушки наполняла киммерийца гневом. Эти ласковые красавицы прочно заняли место в большом сердце Конана.

— Молчи! Молчи! — умоляюще бормотал Ньяса.

Но Конан уже освободился от его хватки и широкими шагами направился в сторону шамана.

— Эй, ты! — вызывающе крикнул Конан. — Я — Конан-киммериец! А ты кто такой?

— Манури! — громогласно проревел шаман. — Меня послал дух! Дух голоден! Дух желает лепешек, мяса и женщину!

— Один слепец тоже хотел мяса и женщину, — начал Конан. — Вот как-то

раз отправился он на рыночную площадь, решив выдать себя за духа, но одна ловкая женщина, которой глянулись золотые украшения на шее слепца...

— Мне нужны мясо и женщина! — закричал Манури и сильно затряс своим шестом. — Через шесть дней три убитых антилопы и две молодых красавицы должны ждать здесь, иначе дух будет прогневан!

Он шагнул назад и растворился в чаще леса. Конан помчался за ним следом. Поначалу он еще различал шаги шамана — то примятая трава, то разорванные лианы, но затем всякие следы зловещей фигуры исчезли, словно их никогда и не было.

Конан огляделся по сторонам. Он не собирался возвращаться в деревню ни с чем. Не было еще такого случая, чтобы какой-нибудь злой дух одерживал над киммерийцем верх. На всякого злыдня найдется управа — так полагал варвар. Пусть надеяться ему не на кого — из чернокожих подмога плохая, слишком уж они напуганы! — он этого дела просто так не оставит.

Шаг за шагом углублялся Конан в джунгли, которые с такой неохотой выпустили его из своих смертоносных объятий. Киммериец чувствовал себя достаточно здоровым и сильным, чтобы пуститься в новое путешествие.

Снова и снова осматривался он вокруг в поисках малейшего намека на следы. Не мог же шаман провалиться сквозь землю! Подземные города существуют только в сказках старухи Мамасы... Впрочем, Конан и сам повидал на своем веку разные дива. Может быть, не все россказни — пустые. Куда-то Манури должен был провалиться. В том, что шаман — не дух, а самый настоящий человек, пусть и предавшийся злому духу, у Конана сомнений не было. А люди, хоть добрые, хоть злые, ходят по земле и оставляют следы.

— И даже если они летают по воздуху, — пробормотал киммериец, с улыбкой разглядывая измятую лиану, свисающую со ствола ближайшего дерева, — то все равно следы остаются.

Он ухватился за лиану, оттолкнулся от ствола и полетел вперед.

— А здесь он приземлился, — добавил Конан, увидев в мягкой почве глубокие отпечатки. — Отлично! Теперь я знаю, куда он пошел...

— Я тоже, — раздался голос почти над самым его ухом.

Конан подпрыгнул так, словно его в пятку ужалила ядовитая земляная оса. Голос был женский. Он выговаривал слова со странно-знакомой интонацией. И на британском. Словом, это было то, что Конан не ожидал здесь услышать ни в коем случае. Рык пантеры, гул барабанов войны, яростные вопли дикарей, завывание злого духа — что угодно, только не женский голос и не британский язык. Несколько мгновений варвар хватал ртом воздух. Из чащи леса выступила... Зонара. Старая знакомая Конана по нескольким приключениям, неунывающая воровка, которую несколько раз едва не казнили на эшафоте, а уж сколько раз она избегала смерти во время своих головокружительных похождений в погоне за ускользающим богатством!

Зонара была одета в коротенькую тунику из мягкой коричневой ткани, голову ее охватывал блестящий платок, из-за плеча высовывалась рукоять меча,

который был явно великоват для девушки. На поясе ловко сидели в ножнах три кинжала.

— Зонара! — прошептал Конан, не веря собственным глазам.

— Ох, Конан, Конан! — Зонара пустилась в пляс, исполнив вокруг пораженного киммерийца боевой танец собственного изобретения. — Конан!

Она повисла у него на шее, извиваясь и обхватывая бедра киммерийца ногами. Когда-то Зонара была цирковой акробаткой и время от времени обожала упражняться, избрав партнера в качестве гимнастического снаряда.

— Пусти! — отбивался Конан. — Отстань, змея!

— В каком смысле — змея? — притворно возмущалась Зонара, обвивая шею Конана горячими руками и засматривая ему в лицо. — Ты хочешь сказать, что я коварна?

— Дорогая Зонара, ты коварна и гибка. Если бы не руки-ноги, я бы сказал, что ты — небольшая рогатая гадюка.

— Ну уж и гадюка! Конан!.. — капризно тянула Зонара. По всему было видно, что она вне себя от радости от встречи с киммерийцем.

— Смертоносна и прекрасна, — сказал киммериец, доказывая, что и он умеет быть любезным.

Зонара смирилась с комплиментом.

— Ладно, — смилостивилась она и разжала объятия. — Так и быть, расскажу, что я здесь делаю. Ты ведь жаждешь это услышать?

Конан неопределенно пожал плечами. На самом деле от Зонары можно было ожидать чего угодно, и «жаждать» каких-либо объяснений от взбалмошной авантюристки ему не приходилось. К тому же он знал, что она не утерпит — расскажет ему все сама, без лишних просьб с его стороны.

— Слушай, — заговорила Зонара уже серьезно. — Здесь, в джунглях, находится Зевгма — заброшенный город. Говорят, его основали лемурийцы...

— Лемурийцы? — Конан скептически нахмурился. — Ты ничего не перепутала, Зонара? Лемурия слишком далеко отсюда.

— Говорят, — с нажимом повторила Зонара. — Ты меня слушаешь? В точности я ничего пока не знаю. Но ГОВОРЯТ, что без лемурийцев здесь не обошлось. Кстати, представь себе ситуацию. Ты, друг Конан, бродишь по этим джунглям — и вдруг тебе в голову ударяет фантазия основать здесь, среди непроходимых чащоб, симпатичный городок. Наполнить его сокровищами, нагнать сюда красивых танцовщиц, устроить тут роскошную жизнь... Понимаешь? Потом ты умрешь, все здесь зарастет травой и сорняками, а спустя много зим какие-нибудь искатели, вроде нас с тобой, наткнутся на него и будут рассуждать: «Здесь? В Черных Королевствах? Город, основанный киммерийцами? Но это невозможно!»

— Хватит, Зонара! — не выдержал варвар. — Я больше не могу слушать твою болтовню. Переходи сразу к делу или убирайся. Джунгли большие, мы в состоянии разойтись так, чтобы больше не встречаться. По крайней мере, здесь. До встречи в Бритунии. Или в Офире.

И он повернулся, делая вид, что сейчас же уходит.

Зонара взвизгнула и схватила его за руку.

— Нет, подожди! Я серьезно! Тут большое дело, Конан!

Он нехотя остановился.

— Говори, только быстро! — угрожающим тоном велел он.

— Зевгма — древний город, потерянный в этих джунглях. Кто основал его на самом деле — конечно, неизвестно. Насчет лемурийцев — это моя догадка...

Конан тихо, сквозь зубы, зарычал, и Зонара поспешно оставила опасную тему.

— Сокровища! — выпалила она. — Развалины, почти совершенно поглощенные джунглями, а в них, под колоннами, в руинах дворцов, — бесчисленные сокровища!

Конан стал серьезен. Он видел, что Зонара действительно где-то добыла важные сведения.

— Рассказывай, — велел он. — Я помогу тебе. Точнее, я обещаю, что когда разделаюсь с моим делом, то помогу тебе.

— Тебе — одну треть! — обещала она и облизала губы.

— Разумеется, я оставлю тебе половину, — добавил киммериец небрежно.

Зонара тихо зашипела.

— Там столько, что хватит осчастливить всю Киммерию и еще останется парочке офирцев, — сказала она, махнув рукой. — Бери себе половину.

— Где ты слышала о Зевгме? — требовательно спросил Конан.

— В Офире. У меня там были дела. Нет, не то, что ты подумал, — быстро добавила она. — Я выступала на местном празднике. Танцевала с лентами — это очень красивый номер. К несчастью, один человек меня узнал... К сожалению, он довольно уважаемый гражданин... И богатый... И влиятельный... Словом, мне пришлось спешно уносить ноги вместе с моими лентами. Я нашла убежище у местной воровской гильдии. Эти добрые люди всегда готовы помочь женщине. Кроме меня, там гостил еще один человек. Он выглядел оборванным и совершенно безумным. Они не столько слушали его рассказы, сколько потешались над ним. Ради того и кормили, и оберегали, однако новую одежду ему не давали — их изрядно веселил его внешний вид. Часть его одежды была сплетена из засохших лиан, часть представляла рванину, а на голове он носил кусок коры. Представляешь?

— Представляю, — сухо сказал Конан. — Дальше, дальше!

— Этот человек — его звали Гиспал — рассказывал, что за ничтожную провинность был продан на галеры, откуда сумел бежать. Их корабль потерпел крушение, и некоторым рабам удалось спастись. Он долго скитался по Черным землям, пока не вышел к разрушенному городу. Там он видел сокровища. Бесчетное число сокровищ. Он взял только одно кольцо.

— Он показывал это кольцо? — спросил Конан.

— Да, да! — воскликнула Зонара. — Вот оно!

И она протянула вперед руку.

На ее пальце сверкнуло золотое кольцо. По всему пальцу тянулись изогнутые золотые проволочки, усыпанные драгоценными камнями, зелеными и красными, а в самом центре кольца, оплетенный этими проволочками, сверкал гигантский изумруд.

— Ты украла у безумца его достояние? — опасным тоном осведомился Конан. Если посмеиваться над уродами и сумасшедшими варвар не находил зазорным, то обкрадывать их и лишать пищи было в его глазах великим преступлением.

— Да нет же! — Зонара топнула ногой. — Если ты дослушаешь мой рассказ до конца, ты будешь думать обо мне не так плохо, как обычно!

Конан кивнул. В конце концов, он действительно сделал преждевременный вывод.

— Гиспал твердил и твердил про заброшенный город, про развалины, лианы, джунгли, лихорадку, змей, обезьян...

— Да, да, Зонара. Все это мы в изобилии видим вокруг.

— Он рассказывал о Зевгме с большими подробностями. У меня не осталось никаких сомнений в том, что он на самом деле побывал в странном месте. Что это не бред сумасшедшего. Я проверяла много раз. Он никогда не сбивался.

— Бред иногда бывает убедительным, — вставил Конан.

Зонара махнула рукой.

— В общем, я вошла с ним в долю, и мы отправились вдвоем сюда — разыскивать Зевгму, — заключила она, явно упуская целый ряд подробностей, которые сама акробатка находила весьма важными.

— Зонара, у меня есть несколько вопросов к тебе, — сказал Конан.

— Валяй, — отозвалась она.

— Почему он взял в развалинах только одно кольцо?

— Потому что его спугнул живущий там ужас. Вот почему! — ответила Зонара, явно торжествуя.

— Как выглядел этот ужас?

— Нечто. Большое, черное, с горящими глазами. Это дух, как утверждал Гиспал. Он вылетел из руин и принялся кружить над спящими камнями. И еще он испускал странный звук, от которого кровь стынет в жилах.

— Рычание?

— Тихий, тонкий писк. Проникающий в мозг, как игла, — так говорил Гиспал.

— Понятно, — пробормотал Конан.

— А, теперь ты мне веришь! — возликовала Зонара.

— Я с самого начала не сомневался в том, что твой рассказ — не выдумка, и что Гиспал не сошел с ума... Кстати, где он?

— Погиб, — сказала Зонара с видимым равнодушием. — Он был верный и добрый спутник, и не думай, Конан, что я не оплакивала его. По-своему я его любила.

— Уверен, — сказал Конан. — Ты всех любишь.

— Да! — с вызовом ответила она. — Мы нашли Зевгму. Точнее, мы видели ее издалека, но тут случилось непредвиденное. Из развалин при свете дня вышел не злой дух... Точнее, не тот злой дух, которого видел Гиспал в свое первое появление. Какой-то другой. Обычно злые духи по ночам почивают — так я думала. Но этот преспокойно разгуливал. Он был черный, рослый, с ужасным лицом и короной из костей и перьев на голове...

— Это не дух, — сказал Конан. — Я видел его.

— Ты? — Зонара округлила брови. — О, Конан! Ты бесценный человек!

И она прижалась всем своим горячим, трепещущим телом к широкой груди киммерийца.

— Чему ты радуешься? — спросил Конан, слегка отстраняя ее от себя.

— Ну, это же очевидно! Ни один служитель зла не уходит живым после встречи с тобой! Надеюсь, ты убил его?

— Нет, — признался Конан. — Сейчас я бежал по его следу. Меньше всего я ожидал, что встречу вместо этой образины — тебя.

— Мог бы сказать — твое хорошенькое личико, — надула губы Зонара.

— Трудно встретить личико в отрыве от всего остального туловища, — задумчиво проговорил киммериец. — Впрочем, мне доводилось видеть и такое...

Зонара хлопнула его по руке.

— Все-таки ты грубиян, — вздохнула она. — Но я люблю тебя. Ты великолепен, Конан!

— Рассказывай лучше о шамане, — велел он.

— О шамане? В общем, он выскочил из руин и, завидев нас, метнул копье. Это вышло совершенно неожиданно. Он не сказал ни слова, не сделал ни одного угрожающего жеста. Просто сразу взмахнул рукой, и копье полетело в бедного Гиспала. А я убежала. И вот я здесь, совершенно одна — белая женщина, потерянная в джунглях...

— Ужасная ситуация! — поддакнул Конан, однако в его синих глазах уже прыгали искры. — Почему-то мне не хочется тебя жалеть, Зонара!

— Это потому, что я — везучая, — сказала она, снова ласкаясь к киммерийцу. — Давай сделаем небольшую остановку и отдохнем. Честное слово, мы заслужили немного приятных мгновений.

— Нам некогда, Зонара, — предупредил Конан. — Шаман уже побывал в селении, где я живу.

— О! Ты живешь теперь с неграми? Поздравляю! — Зонара фыркнула. — Надеюсь, ты обрел свой постоянный дом и счастье, к которому так стремился?

— Не надо шутить, Зонара. Естественно, я живу здесь временно. Но это добрые люди, и они помогли мне. Шаман зашел туда сегодня утром и потребовал дани для своего духа. Он служит, я думаю, тому самому духу, которого бедняга Гиспал видел в первый раз, ночью.

— Ну так пусть заплатят! — сказала Зонара. — Нам-то что.

— Он потребовал девушек для духа, — пояснил Конан. — Я не могу допустить, чтобы эти женщины расстались с жизнью таким ужасным образом.

— Это ведь происходит уже не в первый раз, — заметила Зонара. — Они, наверное, привыкли.

— Дорогая Зонара, я понимаю, что ты успела привыкнуть к тому, что тебя время от времени осуждают на смертную казнь или подвергают пыткам за твои проделки, но к смерти привыкнуть нельзя.

Она покривила хорошенькие губки.

— Ладно, будь по-твоему, Конан, — согласилась она со вздохом. — Все равно этот дух не даст нам покоя. Невозможно вынести сокровища из города, где гнездится эдакое чудище.

— Идем, — сказал Конан, хватая ее за руку. — Покажешь, где эти развалины.

Везде, где человек был вынужден отступать перед натиском дикой природы, корни деревьев и трава поглощали всякий след присутствия чужака. Но далеко не всегда это происходило с такой глубинной яростью, как здесь, в потерянном городе Зевгма. Неизвестно, кто основал его много тысячелетий назад. Возможно, Зонара права, и это действительно сделали лемурийцы — какие-нибудь странники, заблудившиеся в джунглях и отчаявшиеся когда-либо вернуться на родину. Оставалось в любом случае загадкой — откуда взялись у них те самые сокровища, которые таились в руинах. Гадать об этом Конану представлялось пустой тратой времени. Главное — сокровища здесь и до них можно добраться.

А заодно уничтожить и злого духа и шамана, выполняющего его волю.

Густые заросли почти совершенно скрыли город от человеческих глаз. С того места, где притаились Конан и Зонара, видны были только сплетения зеленых трав, однако опытный глаз киммерийца то и дело выхватывал многозначительные детали: тут — странный камень с острыми гранями, который явно подвергался когда-то обработке; там — обломок резьбы по кости, в незапамятные времена украшавшей стены дворца...

— Это здесь, — прошептала Зонара. — Теперь ты убедился?

Конан безмолвно кивнул. Он раздумывал — как лучше поступить? Зонара опять заговорила, решив все первой за них обоих:

— Я пойду туда на разведку. Тебя шаман видел, меня — нет. Если он меня и заметит, то не догадается, что мы связаны.

— Конечно, — проворчал Конан. — Двое белых в стране черных совершенно случайно оказались в одном и том же месте. Разумеется, они никак не связаны между собой.

— А ведь это на самом деле так! — хихикнула Зонара.

— Жизнь порой корчит весьма странные гримасы, — согласился Конан. — И все же вряд ли он поверит в то, что мы с тобой не сообщники. Берегись, Зонара! Этот человек служит злу и он очень опасен.

— Мне не впервой, — самоуверенно заявила женщина. — Я ловчее тебя, Конан. Уж прости, что говорю тебе это. Но я — гибкая, шустрая... А ты — громила.

Это было несправедливо: Конан, несмотря на массивное сложение, умел двигаться бесшумно, с грацией дикой кошки.

Тем не менее он уступил. Он не любил спорить с Зонарой — всегда выходило себе дороже. Пусть сама в очередной раз убедится в том, что без поддержки Конана способна на немногое.

Киммериец махнул рукой:

— Иди. Надеюсь, на этот раз тебе повезет больше, чем обычно.

Зонара зашипела и исчезла в зарослях. Конан покачал головой, глядя, как шевелится трава там, где только что стояла гимнастка:

— Рогатая гадюка. Как есть!

Хотелось ему, чтобы так оно и было на самом деле. К сожалению, Зонара была всего лишь человеком из плоти и крови, женщиной, пусть даже очень тренированной и гибкой. В довершение всего она была довольно невезучей.

Поначалу Зонара только посмеивалась про себя, вспоминая скептические взгляды киммерийца и его иронические замечания в ее адрес. В конце концов, у нее хватило проницательности поверить бедному Гиспалу и отправиться с ним в это опасное путешествие! Не ее вина, что шаман первым поразил Гиспала. Не такая уж она бедняжка, как это воображает Конан. И на этот раз ей непременно повезет.

Она глянула на кольцо, горевшее у нее на пальце ярко и... немного зловеще, как почудилось вдруг Зонаре. Однако она немедленно отогнала эту мысль как пустую. Кольцо — самое обыкновенное, не магическое. Оно не может обладать собственной волей и уж тем более — навязывать свою волю носителю. Насчет кольца Зонара нарочно советовалась с одним знающим человеком в Офире. Он определенно сказал: вещь дорогая, убить за нее вполне могут, но никакой магии.

И все же луч солнца, пробившийся сквозь густую листву, упал на изумруд и зажег в его гранях пламя. Зонаре это не понравилось, и она перевернула кольцо камнем к ладони.

Она осторожно кралась среди деревьев, стараясь ступать так тихо, словно пробралась в чужой дворец, где намерена поживиться. Собственно говоря, так оно и было на самом деле. Только дворец этот лежал в развалинах. Время почти сравняло его с землей.

Внезапно Зонара увидела впереди какую-то фигуру, похожую на человеческую, и замерла. Фигура также не двигалась. Стояла и смотрела на женщину в упор неподвижными, мертвыми глазами. Холодок пробежал по спине у Зонары, несмотря на то, что день был жарким — даже здесь, в тени густого леса.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Зонара решилась сделать еще несколько шагов. Фигура не пошевелилась. Зонара осторожно продвинулась ближе. Никакой реакции. Неожиданно женщина поняла, в чем дело: перед

ней была статуя. Она тихонько рассмеялась и подбежала к скульптуре вплотную, чтобы хорошенько рассмотреть ее.

Статуя, изваянная из серого пористого камня, много зим подвергалась воздействию дождя и ветра — она должна была рассыпаться в прах сто зим назад и все же еще держалась.

Она изображала женскую фигуру с нарушенными пропорциями — вытянутыми и слишком пышными бедрами, огромными свисающими грудями, грубым лицом, которое, тем не менее, обладало странной притягательностью. Пустые глаза лишенные зрачков следили ни за кем в отдельности — и сразу за всеми. Из пупка каменной женщины рос живой цветок. Что-то в этом показалось Зонаре странным. Она долго разглядывала статую, пытаясь понять, почему она вызывает у нее трепет, граничащий со страхом. И вдруг осознала: живой цветок был здесь совершенно неуместен. Это был речной цветок, лотос или лилия, странной тигровой окраски. Цветок-хищник. Почему он вырос из статуи? Что питает его?

Зонара осторожно приложила ухо к груди статуи. Внутри она расслышала журчание воды. Невероятно! Там, прямо в статуе, бил родник. Но это ведь невозможно... Камень давно бы размыло...

Все-таки это место сохраняется благодаря какому-то чародейству. Зонара ощущала это всем своим естеством. Каждый волосок на ее теле поднялся дыбом, как у кошки, которая увидела призрака. Она послала мысленное проклятие «знающему человеку» из Офира. Он ничего не понимает в древних чарах! Даром ест свой хлеб. Только на то и годен, чтобы предсказывать богатых мужей глупым толстым вдовушкам.

Зонара поцеловала статую в щеку — она не знала, как еще выразить почтение богине (теперь девушка не сомневалась в том, что перед ней не просто изображение, но некое материальное воплощение божества древних лемурийцев).

Затем она отступила на шаг, и в этот миг чьи-то руки грубо схватили ее. Один из нападавших зажал ей рот, другой скрутил запястья, третий сильно ударил под колени. Зонара упала, отбиваясь яростно и молча. Она укусила за ладонь того, кто пытался заставить ее молчать, и сдавленно крикнула несколько раз, чтобы предупредить Конана. Гортанно ругаясь, невидимый нападавший впился пальцами ей в горло.

Она захрипела и вдруг обмякла. У нее не осталось сил сопротивляться.

Ей заткнули рот кляпом из горькой травы, отчего у Зонары сразу потекла слюна, пачкающая одежду. Защипало кожу на подбородке. Зуд становился все более невыносимым, однако поднять руку и почесаться она не могла — ей связали за спиной локти, а ноги спутали и так потащили за собой куда-то в глубину потерянного города Зевгма.

Зонара отчаянно пыталась дотянуться до кольца, чтобы снять его с пальца. Если эти люди — служители древней богини, они сочтут святотатством желание чужеземки носить кольцо, принадлежащее этому месту.

«О Бэлит, кто же они такие? — мысленно взывала Зонара к богине-воительнице, которую иногда вспоминала в особо тяжелые моменты своей жизни. — Гиспал, бедняга, не упоминал ни о каких служителях! Он и о богине не упоминал. Наверное, не видел ее. Заметил в развалинах кольцо, схватил — и бежать! Да, он же был здесь ночью. Наверное, на кольцо упал лунный луч».

Зонара замычала и замотала головой, всем своим видом показывая — она надеялась, убедительно, — что желает поговорить с этими людьми, убедить их в том, что не желала дурного... Возможно, они согласятся выслушать ее, поймут, что в ее намерениях нет ничего предосудительного (мысленно она уже считала себя поклонницей великой лемурийской богини, которая прослышала о святыне еще в Офире и с великими трудностями добралась до места, дабы воздать ей почести!). Однако стражи Зонары не проявляли к ней ни малейшего интереса. Они волокли ее за собой, как козу на убой.

Она исподтишка разглядывала их. Это были черные, очень рослые люди с морщинистой кожей, которая, казалось, была с трудом натянута на широкие мослы. Живые скелеты, подумала Зонара. Прикосновение их рук было неприятным — шероховатым, горячим. В нем не ощущалось обычного человеческого тепла. Их черные глаза выглядели так, словно были лишены белка. Они смотрели слепо, без выражения, совершенно равнодушно — как будто эти люди находились далеко за гранью обычного земного бытия. Их зубы были выкрашены красным. Они непрерывно жевали, и Зонара подумала, что это — особый наркотик, слабодействующий, но при постоянном употреблении приводящий к полному изменению человеческой личности. Чтловек начинает жить в ином мире и видит духов — тех, кого желает видеть. Если лишить его зелья, он попросту погибнет, растерзанный своими вышедшими из-под контроля видениями.

Что говорить, Зонаре опять не повезло! Нет проку в том, чтобы умолять безумцев. Они попросту не замечают ее. Она — какая-то часть их видений, а какая — этого ей никогда не узнать. Ей оставалось только надеяться на то, что Конан слышал ее призывы.

Черные морщинистые люди притащили ее на край поляны. Здесь громоздились кучи камней, вывороченных из земли. На некоторых еще заметна была резьба: сплетающиеся клубки змей, образующие странные узоры; солнечный круг, превращающийся в змею, кусающую себя за хвост; искаженные лица людей с распахнутыми ртами, откуда выползают целые пучки извивающихся рептилий... Под ногами Зонары распахнулась пропасть. Она увидела яму, дно которой, казалось, соприкасалось с преисподней. Там жила чернота. Сплошной мрак, откуда нет выхода.

Зонара съежилась и забилась в руках стражей.

Она мотала головой и взглядами умоляла не бросать ее в эту земную пропасть. Однако они, судя по всему, и не собирались этого делать. Они остановились на краю и принялись бить в тамтамы. Звук этот разнесся по всему поте-

рянному городу и долго еще носился среди деревьев, отражаясь от камней и далеких скал. В ответ на призыв из чащи леса выступил шаман.

Теперь Зонара получила «счастливую» возможность рассмотреть вблизи жуткую образину, облаченную в зловещий наряд. Она увидела и черепа животных — один, свисающий низко, чуть разинул пасть, как будто и после смерти пытался укусить висящий складками тощий живот своего убийцы! — и кости и перья в короне, и костяные браслеты на высохших руках, и главное — страшные, глядящие как бы из потустороннего мира глаза, глаза человека, живущего в смерти и высматривающего добычу прямо оттуда!

Зонара застонала. Стражи бросили ее к ногам шамана и отступили, продолжая постукивать по туго натянутой коже барабанчиков. Этот звук проникал глубоко в уши, застревал в голове, не давал сосредоточиться. Он не позволял Зонаре думать и трезво оценивать происходящее. Она просто боялась, вот и все. Она, такая хитрая, ловкая и умная, превратилась в комок трепещущей плоти.

Шаман наклонился над ней и выдернул кляп у нее изо рта.

— Кто вы? — пробормотала она. — Клянусь, я пришла поклониться богине...

Шаман проговорил несколько слов на своем языке. Зонара вдруг услышала у себя в сознании тихий голос, произносящий отчетливо, без всякого выражения:

— Ты забралась в потерянный город. Ты будешь пищей для нашего духа. Отвратительная белая женщина! Твою кожу, похожую на кожу червяка, обглодают зубы нашего духа.

— Кто вы? — закричала она хрипло и закашлялась, выплевывая сгустки зеленой травы. — Чем вы здесь занимаетесь? Богиня! Услышь меня, богиня!

Разумеется, никакая богиня ее не слышала — здесь не было никакой богини. Потревоженный тамтамами и криками дух зашевелился в глубине руин — до людей донеслось дуновение потустороннего ледяного ветра, несущего с собой зловоние смерти. От ужаса Зонара едва не обмочилась.

— Мы охраняем духа, — говорил голос у нее в сознании. — Мы его слуги. Мы стережем сокровища. Ты ведь пришла за ними, отвратительная женщина с белой кожей? Ты ведь пришла за ними!

Шаман склонился над Зонарой и, больно дергая ее вывернутую руку, сорвал с ее пальца кольцо. На руке девушки остался длинный кровавый след.

Высоко подняв кольцо и как бы показывая его зеленому своду, шаман прокричал несколько слов, которые вызвали настоящую бурю. Лес взорвался криками и грохотом барабанов. Бесчисленные босые ноги шлепали по земле, руки трясли копья с колокольцами и стучали в тамтамы, глотки исторгали гортанные вопли.

Зонара больше всего на свете хотела бы сейчас зажать уши. Но ее локти стягивала кусачая веревка, и ее сознание мучительно страдало, терзаемое оглушительными звуками.

Тем временем несколько негров бросились на землю перед шаманом. Зонара сперва не поняла, что происходит. А они, повинуясь жесту своего предводителя, стремительно принялись за работу. Зонара никогда прежде не видела, чтобы люди трудились так быстро. Их черные руки мелькали в воздухе с огромной скоростью — Зонаре даже не удавалось толком отследить движения. Все сливалось перед ней в сплошном мелькании. Постепенно она начала понимать, чем они занимаются. Из прутьев и лиан они мастерили клетку. Совсем небольшую — чтобы в ней поместился скорченный человек. У пленницы не было сомнений в том, для кого эта клетка предназначается. Она изогнулась всем телом и отчаянно заверещала, словно пойманная в ловушку росомаха, но на подручных шамана это не произвело ни малейшего впечатления. Они даже не заметили ее крика. Они продолжали работать с нечеловеческой быстротой и полным равнодушием к происходящему вокруг.

И скоро клетка была готова. Шаман схватил Зонару за волосы и втолкнул туда. Ей пришлось поджать ноги и притиснуть их к груди, чтобы поместиться. Иначе — шаман показал ей это с отвратительной ухмылкой — все «лишнее» будет отрезано острым ножом. Руки невыносимо болели. Ныли локти и плечевые суставы. Веревка врезалась в тело все глубже, причиняя страшную боль. Зонара тихонько подвывала и стукалась виском о плетеную решетку. Она подумывала о том, чтобы перегрызть прутья, но когда попыталась сделать это, то обнаружила, что волокна очень плотны. Она едва не сломала зуб.

Однако теперь — в этом не оставалось сомнений — Конан предупрежден об опасности. Если он и не слышал криков Зонары, то гром тамтамов не мог не достичь его слуха. Киммериец начеку. Он придет и выручит ее. Он всегда приходит, думала Зонара. В тоске она погружалась в сон, но по-настоящему заснуть не могла: больное тело всякий раз вырывало ее из небытия и заставляло возвращаться к страшной реальности.

А солнце совершало свой обычный путь по небосводу, чтобы затем внезапно, как это обычно бывает на юге, скрыться за горизонтом и оставить мир во власти глубокой ночной тьмы.

И духа, таящегося в развалинах потерянного города.

Позднее Конан пытался убедить себя в том, что проклятые дикари не нашли бы его, притаившегося в зарослях, если бы он сам того не захотел. Но это была неправда. Они подобрались незаметно — вот в чем дело. И «проклятыми дикарями» киммериец называл их не потому, что они были черными, обнаженными, вымазанными белой глиной и разрисованными соком раздавленных растений. Конан и сам был горазд на подобные вещи. Нет, в самих этих людях он ощущал нечто первобытное, сверхъестественное недоступное даже его варварскому рассудку. Возможно, они находились в полной власти демона. Конан в точности не знал. Он только улавливал мощные эманации зла, исходящие от этих людей.

Нет, он не испугался. Он знал, что злые духи существуют, и не раз одерживал над ними верх. И сейчас неприятным было только одно: они все-таки ухитрились подобраться к нему незамеченными.

Вопли Зонары достигли ушей Конана уже давно, и он таился, обдумывая, как освободить ее. Кроме того, сообщница предупредила его о том, что в развалинах, помимо шамана и духа, обитают какие-то люди.

Они навалились на него целой толпой. В отчаянной схватке Конан успел сломать одному шею, а другому — руку, так что разрисованный дикарь с отчаянными криками покатился по земле, тряся в воздухе конечностями. Остальные, скаля зубы, набросились на варвара и прижали его к траве. Конан тяжело перевел дух. Его могучая грудь вздымалась, как кузнечные мехи. Дикари с устрашающей быстротой связали Конана веревками, сплетенными из лиан, и принялись ходить вокруг поверженного пленника, притоптывая по земле в каком-то ужасном, противоестественном ритме, который — как показалось Конану — сбивал человеку дыхание, заставлял сердце биться с перебоями.

Нет уж, такому не бывать, решил про себя киммериец. Он набрал в грудь побольше воздуха и заорал боевую киммерийскую песнь, взывая к Крому, духам павших предков, к своему мечу, к крови врагов. Это громовое пение заглушало стук тамтамов, доносящийся, как казалось, отовсюду, и сбивало дикарей с ритма.

Вот один из них споткнулся и едва не упал, а второй налетел на танцующего впереди. Строй сломался. Перья, украшающие спутанные курчавые волосы подручных шамана, затряслись, словно в испуге.

Один из дикарей подскочил к простертому на земле киммерийцу и затряс перед его лицом тощим жилистым кулаком. Он что-то кричал, сильно выпячивая губы и скалясь, глаза его быстро вращались в орбитах, изо рта летела пена. Конан продолжал невозмутимо реветь свою песнь, а потом, выждав, когда дикарь наклонится над ним слишком низко, без предупреждения метнулся вперед и впился зубами в его руку. Завывая, точно гиена, дикарь отскочил и бросился бежать. В воздухе мелькали его сморщенные черные ступни. Остальные изумленно смотрели ему вслед. На сочных зеленых листьях оставались густые капли крови.

Конан усмехнулся и облизнул окровавленные губы.

— Что? — закричал он в изумленные раскрашенные лица. — Струсили? Дураки! Вы ни на что не годитесь! Вы решили, будто одолели белого человека? Я — Амра! Я ходил в бой с такими, как вы, и был не хуже в этих джунглях! А, поняли? Поняли?

Они, естественно, ничего не понимали, но смутились и смешались. Конан знал, что некоторые дикие племена в душе невероятно трусливы. Неясно, что было тому причиной, но суеверный ужас перед некоторыми вещами передавался этим людям из поколения в поколение, от прадеда к правнуку. Одни боялись пауков пуще гибели, другие страшились белой кожи, третьи просто при виде непонятной вещи обращались в бегство и не задавали лишних вопросов.

Правда, встречались среди черных люди, совершенно лишенные страха...

Но сейчас Конан столкнулся с совершенно новой «разновидностью» черных племен. Эти, несомненно, боялись всего, что не боялось их, — свойство, присущее животным, охотящимся стаей. Следовало отдать им должное — от страха они не стали более миролюбивыми. Скорее, наоборот. Некоторые уже трясли ножами прямо над лицом Конана, явно предлагая убить то, что их устрашало.

Конан собрался с силами, опять приподнял голову и заорал что есть мочи. Он прокусил себе губу и оплевывал туземцев кровавой слюной. Он ревел и извивался на земле. Несколько раз ему удавалось, изловчившись, боднуть некоторых из наиболее рьяных своих ненавистников.

Те отступили и собрались чуть в стороне, быстро переговариваясь. Конан внимательно наблюдал за ними. Если у них и имелся лидер, то здесь его не было. Они болтали все одновременно, размахивая руками и показывая то на варвара, то на развалины потерянного города, а то куда-то наверх. То и дело кто-нибудь из них вскакивал и принимался трясти ножом, сделанным из острого обломка камня или кости, — Конан знал, что такие ножи, несмотря на всю их примитивность, бывают довольно острыми и наносят ужасные смертельные раны. Потом, так же внезапно, эти успокаивались и усаживались на землю, а возмущенно подпрыгивали другие. Это могло продолжаться очень долго, но тут появление нового персонажа заставило всех замолчать и подняться. Размалеванные лица приняли одинаковое выражение — почтительно-тупое.

«А вот и лидер», — понял Конан и расслабленно замер, готовый в любое мгновение действовать. В воздухе над ним закачалась корона из перьев и возникло знакомое отвратительное лицо шамана — того самого, что приходил в селение. Впрочем, ничего удивительного в этом для Конана не было. Он подозревал нечто подобное.

В пальцах шаман мял комок какого-то зеленовато-белого вещества. Он отдал приказ гортанным грубым голосом, и мгновенно двое дикарей подскочили к Конану и схватили его за уши. Еще один быстро вставил ему между зубов палку. Конан стиснул зубы и едва не перекусил толстую ветку, но ему зажали нос, и в конце концов варвар вынужден был, чтобы не задохнуться, приоткрыть рот. И тотчас между губ ему всунули комок отвратительной на вкус липкой массы.

Конан сразу распознал, что это такое. Наркотик, который некоторые племена добывают из сока определенных тропических растений, смешивают с корой и потом жуют. Мир для них становится странным, из каждого куста начинают выглядывать духи, каждый лист обретает собственное неповторимое лицо. Если жевать наркотик достаточно долго, то «картинка» запоминается, начинает жить сама по себе и развивается. Человек может вступать в разговор с являющимися ему духами, а листья-лица сообщают ему, что по тропе недавно прошел зверь или другой человек. Беда только в том, что все это иллюзорно,

и то, о чем шепчут листья и деревья, зачастую оказывается обыкновенным бредом наркомана. Тем не менее некоторые попадаются на эту ловушку и до конца жизни остаются в плену своих грез, предпочитая иллюзии обыденности. Хотя Конан никогда не видел для себя в этом соблазна. Он любил жизнь такой, как она есть, и находил ее достаточно соблазнительной и интересной без всяких иллюзий и наркотических грез.

И вот ему всунули в рот этот комок. Конан понимал, для чего это сделано. Скоро он потеряет связь с реальностью, и им можно будет управлять.

Ну уж нет! Не бывать такому, чтобы какой-то служитель зла диктовал ему, киммерийцу, как поступать и какие картины видеть! Конан сделал глотательное движение горлом, рыгнул — не без удовольствия — прямо в лицо шамана, а потом закатил глаза и сделал глупую гримасу: по его мнению, именно так должен выглядеть человек, поддавшийся власти наркотика. Конечно, эта пантомима не обманула бы белого, но черный шаман плохо разбирался в мимике и поведении белых, поэтому поддался на уловку. Он громко расхохотался, откинув назад голову, несколько раз подпрыгнул, сильно топнув ногами при приземлении, а потом презрительно плюнул рядом с Конаном на траву и отдал своим людям какие-то новые распоряжения.

Конана подхватили и потащили подальше в развалины. Он нарочно цеплялся ногами за траву и корни, чтобы затрудить дикарям их задачу, и пока они выпутывали его из разных травяных ловушек, потихоньку выплюнул комок жеваной коры, который все это время прятал за щекой. Кроме того, веревки, которыми был связан киммериец, немного ослабли, так трясли и толкали его чернокожие служители духа.

Этим он тоже воспользуется. Ближе к ночи, когда настанет время действовать.

О Зонаре, подвешенной в клетке высоко на дереве, дикари и думать забыли. Они вспомнят о ней, когда из развалин поднимется черный дух и потребует свою добычу. И тогда они принесут ему белую женщину и предложат в пищу и для удовольствия. Дух, как они понимали, одновременно удовлетворял свою потребность в женском естестве и лютый голод своей утробы. Одурманенным дикарям это казалось забавным, и пока несчастная жертва вопила в когтях черного чудовища, они исполняли неистовые пляски и оглашали развалины громкими, оргиастическими песнями.

Зонара преобразилась в мышь: она грызла и перетирала зубами прутья своей клетки. Пока что у нее плохо получалось, но затем, уже в сумерках, у нее появилась неожиданная помощница — маленькая белая обезьянка с грустной, похожей на человеческое личико, мордочкой. Несмотря на печальное выражение «лица», она оказалась довольно веселой и проказливой. Сперва обезьянка скакала по веткам поблизости от Зонары. Затем вдруг одним прыжком

оказалась возле самых прутьев. Зонара, подумав, показала ей язык, чем привела обезьянку в полный восторг и навек завоевала ее сердце.

Маленькая шалунья схватила крошечными ручками прутья и стала трясти их, изогнув спину и озираясь по сторонам блестящими веселыми глазками. Клетка закачалась. Зонара поцокала языком. Это вызвало новый приступ веселья у зверька. Обезьянка оскалила зубы и разразилась целой тирадой — чередой отрывистых, похожих на птичьи выкрики, смешков. Затем длинная лапка просунулась между прутьями и ухватила Зонару за нос.

Зонара зафыркала и тряхнула головой. Обезьянка выпустила ее, снова потрогала прутья и, как будто что-то поняла, вдруг задумалась. «Может быть, она догадалась, что я не могу поиграть с ней по-настоящему, потому что сижу в ловушке? — мелькнуло у Зонары. — Вдруг она знает, что такое ловушки? Ведь здесь живут люди, они охотятся на животных. Обезьянка могла видеть сети, капканы, а может быть, и такие клетки».

— Помоги мне, — заговорила она с обезьянкой ласково. — Нужно перегрызть прутья. Сумеешь?

Обезьянка закивала, как будто поняла человеческую речь, а потом снова протянула ручку и погладила Зонару по щеке. Женщина возликовала: обезьяна поняла, что ее собрат в беде! А в том, что они с обезьянкой могут стать подругами, гимнастка теперь не сомневалась. Это ласковое и доверчивое животное тянулось к человеку. Кто знает — вдруг когда-то она водила знакомство с какой-нибудь девочкой из соседнего селения?

Обезянька приникла мордочкой к решеткам и быстро заработала зубами. Вот подался один прут, затем второй.

Зонара попробовала выбраться, но дыра оказалась слишком маленькой. А обезьянка трудилась вовсю. Вскоре отверстие расширилось настолько, что в него можно было просунуть голову. Зонара понимала, что ей придется пренебречь всеми мерами предосторожности и попросту вывалиться из клетки, как куль. Она была связана таким образом, что по-другому бы не получилось. Кроме того, от долгого сидения в тесноте, в неестественной позе, у нее страшно затекли ноги, а расправить их и восстановить кровообращение возможности не представится.

Она положилась на свой многолетний гимнстический опыт — а падать ее научили в первую очередь — и покинула свою воздушную тюрьму.

Удар о землю был смягчен густой травой, зато боль в затекших ногах показалась почти невыносимой. Зонара стонала и кусала губы, чтобы не закричать, а обезьянка скакала вокруг и сочувственно покрикивала.

Зонара показала ей связанные руки. Маленькие пальчики быстро и ловко распутали все узлы. Теперь настало время игры, по мнению обезьянки. Она забралась Зонаре на плечо и стала покусывать ее за ухо. Зонара подумала и встала на руки. Обезьянка спрыгнула с ее плеча и уселась, засунув кончик белого хвоста в рот, — ни дать ни взять почтеннейшая публика на выступлении гим-

настов. От нелепости происходящего Зонара хотела плакать и смеяться одновременно.

Она — в затерянном городе, где полно сокровищ, вокруг бродят злобные дикари и вот-вот проснется черный дух, пожиратель человечьей плоти, ее спутник, вероятно, попал в плен (до ушей Зонары доносились крики дикарей и громовая песня киммерийца-воина, которую исполнял Конан назло своим поработителям)... а она устроила цирковое представление, чтобы потешить маленькую белую обезьянку!

Но ничего не поделаешь — спасительница требовала зрелищ. Зонара прошлась колесом, потом опять постояла на руках, сделала сальто. Обезьянка весело заверещала, обнажая зубы.

— Ну вот, остальное позже, — сказала ей Зонара и похлопала себя по плечу. — Забирайся. Нам нужно освободить Конана и разделаться со злым духом.

И она двинулась ближе к центру развалин. Обезьянка забеспокоилась, спрыгнула, отбежала в сторону, оглянулась — как бы проверяя, не идет ли за ней Зонара. И, поскольку девушка продолжала шагать в противоположном направлении, зверек подбежал к ней, ухватил за руку и потянул за собой.

Зонара присела на корточки.

— Ты хочешь сказать мне, что туда идти опасно? Ах ты, моя милая! Ты все понимаешь! Да, там опасно, но я должна уничтожить злого духа, чтобы он больше не угрожал твоим родным лесам. Ты меня понимаешь? Мы с Конаном разделаемся со злым духом, и я вернусь к тебе. Подожди меня где-нибудь на краю леса.

Она разговаривала с животным как с разумным существом. Конечно, обезьянка не могла понимать слов, но она улавливала ласковую, успокаивающую интонацию женского голоса. Зонара погладила ее по голове и пушистым плечам и подтолкнула в спину.

— Иди, милая. Подожди меня в безопасном месте. Я вернусь.

И решительно пошла прочь. Обезьянка попрыгала на месте, отталкиваясь от земли ногами и сжатыми в кулачки длинными руками, а потом побежала поскорее прочь от страшных развалин.

— Конан! Это ты? — послышалось из ночного мрака.

Киммериец, связанный, сидел на дне глубокой ямы — или, может быть, правильнее было бы сказать, колодца? Под ногами было сыро, противно хлюпала пропитанная влагой земля. Из того места, где он находился, он мог видеть только маленький кусочек неба, которое постепенно наливался чернотой и заполнялся звездами. Он слышал, как начинают перекликаться ночные звери: просыпались хищники, которые выходили на охоту под покровом темноты. Несколько раз что-то темное, мягко хлопая крыльями, проносилось у него над головой, и во тьме вдруг вспыхивали огромные желтые глаза. Донесся отдаленный рык льва.

Конан заскрежетал зубами. И тут наверху показался какой-то круглый предмет. Несколько мгновений он оставался неподвижным, потом чуть сместился на фоне звезд. Человек, понял Конан. Человеческая голова. В колодец кто-то заглядывает.

Киммериец тихо зарычал, как хищник, угодивший в ловушку, но все еще смертельно опасный для неосторожного охотника.

— Конан! — послышался голос. — Хвала всем богам, ты здесь!

— А где же мне, по-твоему, быть, Зонара? — невозмутимо отозвался киммериец. — Разумеется, я здесь, в яме! Где еще может находиться порядочный человек, если он в логове поклонников злого духа?

— Тьфу! — слышно было, что Зонара сердится. — Некогда заниматься глупыми разговорами! Я брошу тебе веревку!

— Я связан, — сообщил варвар.

— Ну так освободись, — раздраженно приказала Зонара. — При твоей хваленой варварской силе это сделать нетрудно.

Конан пошевелил связанными руками. Он занимался этим уже несколько часов, и теперь с радостью ощутил, что веревка наконец подалась. Сделав последнее усилие, он выдернул одно запястье, немного рассадив себе кожу, после чего принялся растирать затекшие кисти.

Сверху что-то упало, слегка задев его по макушке. Конан поднял голову. Веревка в руках Зонары плясала и извивалась, как живая змея.

— Держи сильнее, — приказал он. — Я тяжелый.

— Да уж знаю, — двусмысленно хихикнула Зонара. — Пробовали. Тяжелый, как мокрое полено.

Конан зашипел и схватил веревку. Она натянулась.

— Я привязала ее к дереву, — сообщила Зонара. — И на всякий случай придерживаю руками.

Конан, пыхтя, полез наверх. Для киммерийца, горца, выросшего среди скал, такой подъем не представлял труда. Лишь бы веревка не оборвалась в самый неподходящий момент. Но веревка, как это ни удивительно, выдержала.

— Здесь кругом люди, — шепотом сказала Зонара, когда варвар плюхнулся на землю рядом с ней.

Конан поцеловал ее в губы.

— Ты умница, — похвалил он. — Осталось убить злого духа. Где возьмем оружие?

— А разорвать его голыми руками не получится? — не выдержала и поддела своего спутника Зонара. — Одним духом мы не отделаемся. Тут целое племя дьяволопоклонников. Они полностью во власти страшных грез, которые дает им наркотик.

— Без своего властелина они долго не проживут, — проворчал Конан. — Сгниют заживо в этих джунглях.

Зонара молча схватила его за руку и показала куда-то за стволы деревьев. Конан подобрался и начал подкрадываться. Он почти сливался с ночной

тьмой, но все же Зонара различала его массивный силуэт — сгусток тьмы в прозрачной темноте южной ночи.

Затем донесся короткий шум борьбы, тихий вскрик, хруст — Конан сломал шею человеку, притаившемуся за деревьями.

— Зонара! — вполголоса позвал киммериец. — Иди сюда! У меня есть идея!

Она подбежала, стараясь двигаться бесшумно, и остановилась. Конан, переводя дыхание, снимал с трупа острый каменный нож.

— Нужно очистить джунгли от этой пакости, — заявил киммериец. — И я теперь знаю, как. Посмотри.

Он снял что-то с коры дерева и, осторожно держа пальцами какое-то крошечное существо, поднес к полосе лунного света.

Зонара увидела, что между двух пальцев извивается, яростно пытаясь ужалить, большой рыжий муравей.

— Что это? — удивилась она. — Муравей?

— Именно. Исключительно свирепая и прожорливая тварь. Страшнее зверя нет — будь он только в сотню раз побольше, одолел бы и льва, и тигра... Но у муравьев другое преимущество, Зонара. Их очень много. И если приманить сюда муравьев, здешним негодяям смерть покажется лучшим избавлением.

— Как ты собираешься это сделать? — не уставала удивляться Зонара.

Конан блеснул в темноте белозубой улыбкой.

— Не забывай, Зонара, что в этих краях когда-то меня называли Амра — Лев. Я возглавлял отряды черных воинов, и мы наводили страх на окрестности. Я хорошо знаю здешние обычаи. Мои негры научили меня множеству полезных вещей.

— Но ведь ты — белый, — возразила Зонара. — И как всякий белый, ты подвергаешься в этих джунглях большей опасности, нежели любой из черных. Я знаю, что многие насекомые впиваются белым людям между пальцами ног и проникают в их тело, отчего плоть сгнивает заживо. В то время как черный человек может ходить здесь босиком и не бояться ничего подобного.

— Да, мы разные, — согласился Конан. — Но человек, Зонара, везде остается человеком. И я легко нашел общий язык с моими черными собратьями, воинами и бродягами, вроде меня самого. А теперь — хватит болтать. Один из них научил меня отличной штуке. Из трупа этого бедного мерзавца я сделаю превосходную ловушку для муравьев. Скоро их здесь будут полчища.

— А мы с тобой? — ужаснулась Зонара. — Как ты справедливо заметил, Конан, меня не раз приговаривали к смерти, но то была смерть от честной стали или от не менее честной петли. Ну, один разок меня приговорили к четвертованию... но это было всего один раз! А тут — быть съеденной... И добро бы львом или тигром. Все-таки благородные животные. Но оказаться в желудках тысяч, миллионов насекомых! Как я предстану на суд богов? С отрубленной головой в руках — это я понимаю. С отрубленными конечностями? Ну, их можно держать в зубах, на худой конец. Но растащенная на мириады крошечных

кусочков... Я погибну окончательно и никогда не смогу обитать в загробном царстве!

— Я что-то не понял, — удивился Конан, — ты собралась в загробное царство?

— Мы все не бессмертны, — рассудительно молвила Зонара. — За долгие зимы скитаний и неудач я прочувствовала это сотню раз. Поэтому я в свободное время предавалась благочестивым размышлениям о возможной посмертной участи таких, как я...

— Не желаю слушать! — оборвал ее Конан. — Смерть — это смерть, и нечего о ней думать. Когда придет — тогда и придет. Что будет — то и будет. Кром свидетель, я ее не боюсь! А теперь слушай меня, трусишка. Мы не пострадаем. Когда муравьи придут, мы будем далеко отсюда. На каком-нибудь удобном раскидистом дереве.

— Разве муравьи не умеют лазить по деревьям?

— Им будет чем заняться внизу, обещаю, — сказал Конан и принялся за дело.

Он разрезал живот убитого и разложил его внутренности по траве. Зонару затошнило от их вида, хотя в сероватом свете луны они выглядели еще не так омерзительно — жутко представить себе, как это смотрелось бы при свете яркого солнца! Затем Конан сорвал несколько цветков с ночной лианы — из тех, что раскрываются только после заката — и выдавил густой сок из цветка на разверстую рану. По земле распространился сладковатый гнилостный аромат.

— Скоро они почуят и прибегут, — прошептал Конан. — А нам с тобой пора уносить отсюда ноги.

И они быстро двинулись сквозь развалины и заросли деревьев и кустов. Откуда-то сверху спрыгнула обезьянка. Она обхватила шею Зонары цепкими ручками и прижалась мордочкой к ее щеке.

— Твоя подруга? — спросил Конан, мельком глянув на зверька.

— Ты прав, — не позволила себя смутить Зонара. — Благодаря ей я освободилась и сумела вытащить тебя. Так что свои насмешки можешь оставить при себе. Это отличный зверек! И я с ней не расстанусь, если только она сама не захочет меня покинуть.

Конан проворчал что-то себе под нос, однако от дальнейших высказываний воздержался.

Они покинули руины потерянного города и углубились в чащу леса.

— Ждать будем здесь, — предложил киммериец, устраиваясь на небольшой поляне. — Я посторожу. Впрочем, тебе тоже советую не спать.

— Обезьянка может предупредить нас об опасности, — сказала Зонара.

Конан поднял брови.

— Да?

— Да, — упрямо повторила Зонара. — Если она почувствует приближение чужаков, она заверещит.

— Ты уверена? В первый раз слышу о сторожевых обезьянках!

— Я не уверена, — рассердилась Зонара. — Но предполагаю, что это случится.

— Скорее всего, нашим размалеванным друзьям сегодня будет не до нас, — Конан широко зевнул. — Скоро мы услышим их вопли. Можешь мне поверить.

Зонара неопределенно пожала плечами. Варвар довольно часто оказывался прав, но это, как полагала женщина, еще не повод соглашаться с ним и признавать его правоту.

Прошло несколько часов, прежде чем до слуха обоих беглецов донеслись жуткие вопли. Так кричали бы демоны, если бы повстречали других демонов, еще более страшных, чем они сами. Затем возгласы стали тоньше, тише, жалобней. Одни звучали довольно близко, другие — совсем далеко, некоторые метались по лесу. И все время стучали тамтамы, сперва равномерно, сводящим с ума тревожным стуком, затем — в бешеном ритме, а после и вовсе без всякого ритма. Наконец настала полная тишина. Ни барабанов, ни человеческих голосов, ни демонского завывания.

— Кончено, — сказал Конан и плюнул. — Так им и нужно. Как подумаю, что они хотели принести в жертву своему поганому духу наших девчонок...

— Наших? — иронически переспросила Зонара.

— Ну да, наших, — подтвердил Конан. — Наших, человечьих девчонок. Там, в селении, очень хорошие девушки. Добрые.

— Не в пример мне, — горько добавила Зонара.

— Ты — совсем другое дело, — сказал Конан, обнимая ее за плечи, но она высвободилась.

— Ты меня совсем не любишь.

— Боги, Зонара! Кто говорил о любви? Может быть, ты? Ты всегда находишь себе мужчину в постель, если хочешь, но когда и в кого ты влюблялась?

— Ну, никогда... ни в кого... — В темноте было слышно, что Зонара вдруг всхлипнула. — Но мне бы хотелось... И чтобы кто-нибудь вот так тепло говорил обо мне. Что я добрая. Что я хорошая девчонка.

— Ну, ты ведь действительно хорошая девчонка, — попробовал утешить ее Конан, совершенно сбитый с толку. То она изображает из себя независимую женщину, эдакую амазонку, которой никто не нужен, а теперь проливает слезы оттого, что приятель, с которым она обтяпала не одно воровское дельце, не считает ее достаточно добродетельной.

— Да... и никто не захочет на мне жениться, — продолжала Зонара.

— У тебя слишком разноречивые потребности, Зонара. Чего ты хочешь, в конце концов? Выйти замуж и провести всю жизнь на одном месте, в каком-нибудь городе или селении? Или бродить по свету в поисках сокровищ и приключений?

— Не знаю, — вздохнула Зонара и погладила обезьянку, которая прижималась к ней щечкой и, очевидно, пыталась утешить. — Ладно, оставим это.

— Давно пора, — пробурчал Конан. — Идем, посмотрим, как там дела в развалинах.

Небо над ними посветлело. Спустя миг взошло солнце, и сразу вокруг все заиграло невероятно яркими красками, которые в первое мгновение после полумрака предрассветных сумерек казались неестественными.

Зонара содрогнулась при мысли о том, что сейчас предстанет ее взору. Она помнила, что проделал Конан с трупом одного из дьяволопоклонников, и была уверена в том, что картина, которая их ожидает, не менее ужасна и отвратительна.

Муравьи ушли в поисках новой добычи. Ни одного из них не было видно в траве и на обнаженных участках почвы, сколько Конан и Зонара ни вглядывались. И все же они ступали очень осторожно, внимательно высматривая возможную опасность.

А затем Конан вдруг остановился и схватил свою спутницу за руку.

— Смотри!

Оба застыли, невольно прижавшись друг к другу. Повсюду были служители черного духа зла. Они стояли, сидели, лежали — неподвижные, сморщенные, нелепо разрисованные. Пестрые утренние джунгли как будто готовились поглотить их, вобрать в себя невероятно яркие краски их тел и сделать их частью общего многоцветного облачения. И все же пока что черные тела выделялись — Конан сразу понял, чем: посреди буйного бурления тропической жизни, которая властно заявляла о себе в каждом листке, в каждой травинке или ниточке паутины, мертвецы казались чем-то лишним. Скоро тление коснется их, и они снова будут приняты в лоно породивших их джунглей, станут пищей для новых поколений.

Конан приблизился к одной из неподвижных фигур и дотронулся до нее пальцем. Неожиданно человек покачнулся, смялся, как тряпка, и упал к ногам киммерийца бесформенной грудой. Конан взял его за плечо пальцами. Пустая оболочка повисла, драпируясь складками морщинистой кожи.

Зонара вскрикнула и зажала рот руками. Муравьи сожрали все, даже кости. Они выели человека изнутри, проникнув в его тело через глаза, уши, рот, ноздри. И произошло это в считаные мгновения. Их было так много, что одновременно погибло не менее двух десятков человек. И вряд ли кто-нибудь из них спасся в эту ночь.

Конан окинул взглядом страшную поляну.

— Они даже не успели ничего понять, — сказал он Зонаре. — Они ведь постоянно жевали этот наркотик. Просто их грезы взбунтовались и сделались ужасными, а потом все оборвалось.

— Я не испытываю к ним сострадания, — заявила Зонара, тем не менее содрогаясь всем телом. — Они заслужили свою участь. Ох, не знаю, Конан! — сдалась она и заплакала. — Мне так страшно!

— Муравьи ушли, — заверил киммериец.

— Откуда ты знал, как это сделать? — спросила женщина, обнимая свою обезьянку так, словно зверек мог ее утешить.

— Мне рассказывали о подобном способе казни друзья-туземцы, — ответил Конан-Амра и оскалил зубы. — Как тебе?

— Они не вернутся? — еще раз спросила Зонара.

— Нет. Поверь мне. Они приходят и уходят, как морской отлив. Они ушли искать себе другую добычу. Здешние туземцы рассказывали мне, что у них есть общая мать, и если уметь разговаривать с нею, то можно управлять целыми мириадами муравьев.

— И ты... говорил с этой их матерью?

Конан засмеялся, видя, как недоверчиво покачивает головой его спутница.

— Нет, конечно! Я просто сделал для них лакомую приманку. Ты же все видела своими глазами, Зонара. Нельзя быть такой доверчивой. Знаешь, один слепец мечтал стать зрячим и перепробовал множество различных средств. Наконец он пришел к старухе, которая уверяла, будто может сделать слепого человека зрячим — ну, хотя бы немножко. Так, чтобы различать, где свет, а где тьма.

— И что?

— В конце концов, слепец отказался от этой затеи. «Вы, люди, слишком доверяете своим глазам, — сказал он, — а я доверяю слуху, запаху и предчувствиям. Поэтому я всегда распознаю ложь, а вы отдаете себя во власть очевидности»... Там была длинная история, которая подтверждала его правоту, да только я позабыл подробности.

— Ты просто кладезь премудрости, Конан, — съязвила Зонара. — Откуда ты набрался всех этих историй о слепцах?

— Рассказала одна замечательная женщина. Если бы я был ровесником собственного прадеда, то непременно завел бы с нею большую любовь. Во всяком случае, так она утверждает.

— Смотри! — оборвала болтовню развеселившегося киммерийца Зонара и дернула его за руку.

Конан поднял голову и взглянул туда, куда указывала Зонара. В небе кружили два странных существа: одно — черное, похожее на летучую мышь, только огромную, с выставленными клыками, вроде клыков саблезубого тигра, другое — пестрое, гораздо меньшее размерами...

— Человек! — воскликнул Конан. — Это же шаман! Он парит в воздухе, раскинув руки!

— И с ним дух! — добавила Зонара.

— Стань на открытом месте, — быстро приказал ей Конан. — Кричи, умоляй, простирай руки! Я хочу, чтобы дух опустился к тебе.

— Ты с ума сошел? — возмутилась женщина.

— Вовсе нет. Мне нужно подманить его, чтобы я мог убить его ножом. У меня, как ты, вероятно, заметила, нет лука со стрелами. Торопись, Зонара! Иначе они улетят к селению — и тогда...

Зонара опустила обезьянку на землю и побежала на поляну. Обезьянка горестно заверещала и поскакала было следом, но затем вернулась и закрыла личико белыми лапками. Конан фыркнул:

— Все будет хорошо, маленькая сестра, вот увидишь.

Обезьянка тихо цвиркнула, как будто сомневаясь в словах киммерийца. Конан быстро зашагал по развалинам брошенного города, направляясь к Зонаре. Он хотел подкрасться и нанести удар духу из засады.

Завывания Зонары разносились далеко по джунглям. Она призывала богов спасти «беззащитную девушку», кляла «гнусного киммерийца», заклинала «добродетельного духа», чтобы тот «снизошел к мольбам добродетельной красавицы» — словом, несла полную чушь. Конан даже подивился изобретательности своей подруги. Впрочем, чему тут удивляться — за зимы выступлений на улицах и площадях она научилась многому.

Дух уже был близко. Шумно хлопая кожистыми крыльями, он завис в воздухе прямо перед Зонарой. Она видела его маленькую морду, похожую на сильно искаженное человеческое лицо, гротескное, дьявольское. Крошечные глазки горели, с клыков срывались клочья желтоватой пены. Дух облизнулся длинным узким языком. Зонара ощутила, как по ее ногам течет горячее, — от ужаса она обмочилась. Такого с ней не случалось уже очень много зим. От стыда и страха она взвыла.

Внезапно выражение «лица» злого духа изменилось. Язык снова высунулся и задрожал в воздухе, мелко и быстро. Огонь в глазах погас, а из пасти вырвалось тихое шипение. Затем крылья отчаянно захлопали, и чудовище принялось метаться из стороны в сторону. Зонара бросилась на землю — иначе когти монстра зацепили бы ее и изувечили. Теперь дух не шипел, а тонко, пронзительно кричал.

Наконец Зонара разглядела, что в спине чудовища торчит кинжал. Это был кривой кинжал, изготовленный, видимо, каким-то местным умельцем. Вокруг кинжала голая плоть духа вздулась, как будто от воспаления. А Конан стоял чуть в стороне и глядел на небо.

Наконец, испустив последний вопль, такой высокий, что у Зонары заложило уши, дух повалился набок и затих. И в тот же миг с небес низвергся шаман. В последнем полете он размахивал руками, точно птица с перебитыми крыльями, в тщетной попытке снова взлететь. Разрисованный, украшенный перьями и зловещими «трофеями», шаман просвистел по воздуху и с силой грянулся о землю, причем упал так неудачно, что острый сук прошил его насквозь.

— Чем ты убил духа? — спросила Зонара, потрепав по шее свою обезьянку, которая вновь сидела у нее на плече. — Я уверена, что это был необыкновенный кинжал.

Конан любовно огладил мешок, набитый драгоценными камнями, резной костью и женскими украшениями — браслетами, кольцами, ожерельями.

— Я нашел это оружие в развалинах, — сказал он. — На нем были письмена. А уж если видишь письмена, Зонара, — поверь моему опыту! — добра не жди. Я и разбираться не стал, тем более, что этот язык мне незнаком.

— Тебе даже родной язык в письменном виде незнаком! — засмеялась Зонара.

— В Киммерии письменность почти не развита, — с достоинством возразил Конан. — А для того, чтобы воткнуть нож в спину злого духа, грамота не требуется. Один слепец, например, не умел читать...

-... что естественно в его положении... — вставила Зонара.

-... однако стал отцом семнадцати детей. И когда ему говорили, что лишь немногие похожи на него лицом, слепец неизменно отвечал: «Внешность не главное».

Зонара расхохоталась, а затем вновь стала серьезной.

— Но почему ты был так уверен, что шаман упадет с небес?

— Шамана удерживал в воздухе злой дух силой своих чар. Ты ведь не веришь, что человек в состоянии летать без посторонней помощи? А это был человек злой и горделивый. Разумеется, он наслаждался полетом, сколько мог, и не думал помогать своему благодетелю. Он был уверен, что дух справится с такими ничтожными людишками, как ты да я. И поплатился.

— Ох, Конан! — Зонара вдруг остановилась и повисла на шее у киммерийца. — До чего же я рада, что все кончилось!

Конан предложил:

— Давай разделим добычу сейчас. Я не хочу показывать в селении, что именно мы нашли в развалинах.

Зонара согласно кивнула и с жадностью уставилась на мешок.

Конан уселся поудобнее на земле, скрестив ноги, и развязал тесемки. Сперва он бережно вынул некий круглый предмет, завернутый в парчовую ткань.

— Что это? — спросила Зонара, алчно облизывая губы кончиком языка.

— Голова духа, — невозмутимо объяснил Конан. — А это — голова шамана.

— Тьфу! Какая гадость!

— Я должен показать их в селении, — сказал Конан. — А потом унесу обратно и закопаю в руинах. Надо же успокоить этих милых людей, которые были ко мне добры и исцелили мои раны.

Зато прочее содержимое мешка вполне удовлетворило Зонару.

Спустя несколько лун Конану рассказывали в порту о прекрасной офирской госпоже. Она, мол, была щедра и капризна, однако при случае — время от времени — не гнушалась ласками простых моряков, которых потом богато одаряла. Она сыпала деньгами и в конце концов отправилась на корабле... кажется, в Аквилонию... При ней была обезьянка, которая смешила всех своими веселыми проделками. Да и госпожа, честно сказать, тоже была веселая. Жаль, что уехала.

Конан во дворце наслаждений

Новоприбывшему может показаться, что Ианта — самый унылый город на свете. Небо над ним всегда подернуто тучами, из которых сеет вечный дождь — монотонный, холодный. Улицы грязны. Стены домов облуплены. Сквозняк хлопает покосившимися ставнями. По грязным улицам торопливо проскальзывают тени, укутанные бесцветными лохмотьями.

Если новоприбывший никого в Ианте не знает и не имеет рекомендательного письма, он поселится в скверной корчме, где с него втридорога слупят за несъедобный ужин и ночлег в сырой кровати, в душной комнате, загаженной крысами. И наутро новоприбывший уедет, дав себе зарок — никогда не возвращаться в этот город.

У Конана было рекомендательное письмо, написанное ловкой рукой несравненной Зонары.

— В этом городе меня знают как виконтессу Ревиньон, — сказала она. — И маркиз Каркаду, бесспорно, — один из учтивейших кавалеров, примет тебя благосклонно...

— Нужна мне его благосклонность! — насупился северянин.

— Не перебивай, — Зонара была настроена очень серьезно. — Если ты действительно вознамерился стать королем, то тебе придется слегка отшлифовать свои манеры.

— Разве мои манеры так уж плохи? — усмехнулся Конан.

— Особенно когда ты ешь. Король, мой милый варвар, — это не только мощь и мужество. Это еще и обхождение, повадки и образцовое поведение.

Северянин почесал затылок.

Незадолго до этого они вместе с Зонарой успешно выбрались из очень опасной переделки. Им удалось не только сохранить свои жизни, но и захватить солидный куш. Даже поделенный надвое, он смотрелся весьма прилично.

— Будет глупо просто взять и просадить такую кучу денег, — заявила Зонара. — Ее надо истратить с шиком.

И беспокойной авантюристке пришла в голову мысль: раскрыть перед варваром двери в высший свет.

— Аристократы, особенно молодые и красивые, живут очень интересной жизнью, — щебетала она. — Любовные похождения, турниры, дуэли, яства и питие в любом количестве! Кроме того, всегда можно ввязаться в какое-нибудь приключение.

Последний аргумент Конана убедил. Впрочем, поразмыслив, он пожал плечами.

— Получается, что я живу, словно аристократ. Стоит ли ради этого ехать в Ианту?

Но спорить было уже поздно, Рекомендательное письмо было готово и запечатано. Зонара не собиралась выслушивать возражения. Они провели на постоялом дворе еще одну ночь, а наутро разъехались в разные стороны. У Зонары имелись какие-то чрезвычайно важные дела в Бритунии.

И вот Конан в Ианте. Уличная грязь чавкает под сапогами. Стройная, сильная фигура варвара скрыта, искажена бесформенной хламидой, скверно сшитой и скверной ткани. Но под ней — богатый наряд. Перевязь — немного неудобная с непривычки, но расшитая каменьями и золотыми нитями. Неудобство можно перетерпеть. Верный меч обзавелся нарядными ножнами, но ведь сталь не перестала от этого быть сталью!

Маркиз Каркаду прочитал письмо и долго смеялся, вспоминая проделки Зонары. Он был молод, горбонос и улыбчив. По сравнению с могучим рослым северянином, маркиз выглядел сущим хлюпиком, но когда было нужно, его изнеженные руки наливались крепостью, и легкий «городской» меч в этих руках не ведал усталости.

Одевался он с изысканной небрежностью. Четыре камердинера помогали ему облачаться перед выходом в свет, но к утру маркиз возвращался домой в виде весьма легкомысленном. Вечером Каркаду появлялся на балах, ближе к ночи — на каком-нибудь пиру, а самые упоительные ночные часы проводил в бесшабашном разгуле. И вот сама судьба предоставляет ему спутника и товарища. Радости маркиза не было предела.

— Остановитесь вы, конечно, у меня, любезный князь, — сказал он, прочитав письмо Зонары и складывая его пополам. — Кстати, как здоровье виконтессы?

— Здорова, — буркнул Конан в ответ. Он, бесстрашный воин, сражавшийся с людьми и нелюдьми, глядевший в лицо опасности без тени робости, испытал нечто, отдаленно похожее на смущение. И чувство это ему не понравилось. «Какой очаровательный провинциал! — подумал маркиз. — Сущий лесной медведь. Ничего, я его цивилизую!»

«Ну и франт! — подумал Конан. — Кром! Зачем я здесь? Что я здесь делаю? Он ведь смеется надо мной!»

Жареная дичь и вино несколько развлекли варвара и изрядно подняли ему настроение. К тому же, за столом прислуживали четыре хорошеньких служан-

ки, одетые по вкусу маркиза, — то есть, не полностью. Конан щурился на их прелести, и чувство смущения постепенно проходило.

Каркаду не переставая говорил:

— Из развлечений на сегодняшний вечер могу предложить танцы у графа Эркона, дружеский поединок фехтовальщиков во дворце герцога Мармадьюка, танцы четырех прекрасных дев и парад карликов... Нет нужды выбирать что-нибудь одно — мы успеем побывать всюду. У Эркона будет несравненная баронесса Марика и ее сестра-близняшка, не помню точно, как зовут. Обе — прехорошенькие. А на турнире я дерусь с посланником из Ванахейма. Он страшно рычит, но слаб в обороне...

Варвар только моргал, оглушенный этим водопадом имен и предложений. Однако скоро маркиз позвонил в колокольчик. Явились уже известные камердинеры и принялись облачать Каркаду в выходной наряд. Маркиз продолжал разглагольствовать и при этом столь живо жестикулировал, что затруднял работу слуг. Впрочем, у них имелись сноровка и хватка — они вертели своего господина, словно куклу, застегивая на нем крючки, завязывая банты, поправляя воротничок и манжеты.

— Как, князь, у вас всего один костюм? — изумлялся Каркаду. — Не беда! Завтра же я позову лучших портных. Не пройдет и седмицы, как у вас будет самый выдающийся гардероб в Ианте!

Конан, не вполне понимавший, для чего ему нужна другая одежда, когда и эта еще вполне хороша, несколько озадачился. Маркиз же почувствовал, что эта тема не слишком интересна его неожиданному гостю, и принялся с удвоенным усердием расписывать достоинства баронессы Марики.

Танцы Конану не глянулись. То есть, наблюдать за ними было занятно, но варвар отдавал себе отчет в том, что сам бы не смог повторить ни одной фигуры. Это его уязвляло. Зато на турнире он повеселился от души.

Благовоспитанные, чинные аристократы, наблюдавшие за ристалищем, словно заново почувствовали в себе воинственный дух предков. По причине традиционно скверной погоды, поединки проходили в большой зале с высокими, мозаичными потолками. От факелов, зажженных светильников и свечей в помещении было жарко. Зрители разгорячились куда больше дерущихся. Они издавали одобрительные восклицания, а каждый точный удар приветствовали бурными овациями.

Была среди зрителей некая дама, чья странная красота обратила на себя внимание Конана. Дама эта держалась особняком. Ее окружали слуги, одетые в черное, — настоящие великаны, молчаливые, как скалы. Незнакомка полусидела-полулежала на складном кресле.

Она была довольно высокой, утонченно-стройной, одежда не скрывала гибкости ее тела. Наряд, кстати сказать, сильно отличался от платьев прочих женщин высшего света. Он напоминал ритуальное одеяние жрицы. То же касалось и украшений, которые выглядели, скорее, амулетами, нежели простыми безделушками. Приглядевшись, Конан наметанным воровским глазом от-

метил, что все эти золотые побрякушки — работы старинной и очень редкой. Особенно изящны были подвески в виде дельфинов с изумрудными глазами. «Где я уже мог видеть похожие?» — размышлял варвар, но припомнить не смог.

Самым выразительным отличием незнакомки был ее взгляд, которым она следила за ходом поединкво. Взгляд этот, прицениваюшийся, полный холодно любопытства, Конан хорошо знал. Так смотрели на гладиаторов знатные шлюхи из первых рядом амфитеатра.

— Кто она? — спросил варвар у Каркаду.

— Ты о красавице, окруженной немыми титанами? — Маркиз пожал плечами. — Прелюбопытная особа, в самом деле. Госпожа Эвника. Приехала не очень давно. Богата. Не замужем. Любит бывать в обществе, но ходят слухи, что она — бывшая куртизанка. Держится вызывающе. Обожает чувствовать себя в центре всеобщего внимания и, добиваясь этого, не слишком церемонится. Ее не очень жалуют, особенно прекрасная половина Ианты. Однако, мне пора на ристалище.

С этим маркиз юрко устремился к отгороженному ширмами уголку, где на него тотчас надели кирасу и защитную маску.

В бою Каркаду был великолепен. Быстрота и ловкость его движений напоминали танец. Противник маркиза, юный ванахеймский барон, казался рядом с ним нескладным увальнем. Он пытался задавить Каркаду грубой силой, пыхтел и злился. Турнирные мечи звенели, сталкиваясь. Скоро маркиз даже перестал парировать удары барона — просто уворачивался в сторону.

А барон разошелся не на шутку. Это и решило его участь. В очередной раз промахнувшись мимо подвижной цели, он попал в мраморную колонну, отбил от нее порядочный кусок, сломал меч и разрыдался от огорчения. Его увели.

— Проклятие! — воскликнул маркиз, снимая маску. — Если бы я не пригнулся, он проломил бы мне голову! Кстати, князь, не хотите ли вы поразмяться? Следующий боец, рыцарь Маримальт, весьма искусен. Он разделает меня под орех, как уже не раз бывало. Что скажете?

Госпожа Эвника слышала эти слова. Она обернулась, чтобы взглянуть на «князя» и даже поднесла к глазу большой шлифованный изумруд. Внушительная фигура киммерийца произвела на нее известное впечатление — она довольно развязно цокнула языком и подняла бровь, как бы упрашивая Конана выйти на ристалище.

— Кром великий! — негромко прорычал Конан. — Она хочет зрелища? Она его получит!

— Если господин Маримальт не против оказать мне честь, — объявил он зычно, — я вызываю его! Или принимаю вызов... или как угодно! В общем, я с ним дерусь!

С трудом слуги подыскали кирасу, подходящую по размерам. Маску Конан отверг.

— Она мешает смотреть, — пробурчал он.

Увидев это, рыцарь Маримальт тоже снял маску. Оказалось, что у него на удивление мягкое, приятное лицо, улыбчивое, почти детское.

Распорядитель турнира ударил в гонг, и схватка началась. Маримальт бился, сохраняя приветливую улыбку. Он не собирался побеждать любой ценой — для него турнир был просто развлечением, вроде игры в мяч. При этом он не пропустил ни одного удара. Конан знал, что может победить, — для этого ему нужно было разозлиться. Вспомнить гладиаторскую арену, гул кровожадной толпы, запах крови и пота... Внутреннее чутье подсказывало: сейчас не место и не время для этого. Нужно быть добродушным, легкомысленным и улыбаться — как улыбается рыцарь Маримальт.

Долго еще знатные жители Ианты вспоминали этот бой. Ничего красивее, по их словам, они не видели на ристалищах. но самым эффектным оказалось завершение поединка. Внезапно пронзительный женский голос вскричал:

— Убей его!

Зрители затаили дыхание. Повинуясь этому голосу, Конан с неожиданной яростью отразил клинок Маримальта и провел сокрушительный прием. В последнюю долю мгновения, опомнившись, он задержал удар. Меч киммерийца остановился у самого виска Маримальта. Еще чуть-чуть — и рыцарь был бы убит на месте.

Маримальт побледнел, хотя и не перестал улыбаться. Отступив на шаг, с учтивым поклоном, он молвил:

— Поздравляю, победа за вами.

Конан пожал его руку и с чувством великого облегчения вернулся к зрителям.

— А? Что я говорил? — возмущался маркиз. — Разве можно кричать под руку? Это она нарочно, чтобы о ее выходке потом судачили несколько дней.

Госпожа Эвника снова рассматривала киммерийца сквозь изумруд. Конан ожидал, что она будет разочарована, но напротив, теперь в ее взгляде было больше любопытства.

Дальнейшие события этого вечера были шумны, веселы и сопряжены с обильными возлияниями. Далеко за полночь, в таверне на окраине города, новые приятели перешли на «ты».

— Ну, князь, признавайся — хороша жизнь в Ианте? — настойчиво выспрашивал маркиз, лежа головой на коленях хохочущей девицы.

Конан отвечал, что как будто бы хороша. Притягательное надменное лицо Эвники, ее злые глаза и ядовитая улыбка не входили из мыслей киммерийца.

* * *

— Всегда представлял себе северян холодными, даже чуть заторможенными людьми, — удивлялся маркиз. — А в тебе столько темперамента!

— Ванахеймский юнец, который чуть было тебя не укокошил, тоже северянин, — напомнил Конан.

— Он просто буйнопомешанный, — рассмеялся Каркаду. — Другого вряд ли отправили бы к нам с посольской миссией. Вернемся же к теме нашей беседы! Сдержанность, присущая аристократам, — своеобразное представление, которое каждый из нас разыгрывает сам для себя.

— Зачем? — Конан ухмыльнулся. — Не лучше ли посмотреть на настоящего фигляра?

— Фигляры редко бывают настоящими артистами. Они кривляются, потешая чернь. А у черни низкие вкусы. Грубая пантомима, похабные песенки и шутки вокруг детородных органов — вот и все, что нужно толпе. В то время как среди знати есть великолепные музыканты, изумительные чтецы и танцоры. Они не зарабатывают своими талантами, поэтому им нет нужды подлаживаться под чьи-либо вкусы.

— Не понимаю! — варвар развел руками. — Вот, к примеру, от искусства фехтования часто зависит твоя жизнь. Победить врага — это удовольствие!

— Когда совершенствуешься в каком-либо другом, более мирном искусстве, тоже побеждаешь врага, — хмыкнул маркиз и перепрыгнул через большую лужу, пузырящуюся от дождя.

Приятели направлялись в дом госпожи Эвники. Сегодня она демонстрировала избранной публике совершенно особый вид искусства — магию иллюзии.

— Колдовство! — поморщился варвар. — Ты хочешь смотреть на фокусы?

— Здесь говорится об иллюзиях, — возразил маркиз. — Это действительно фокусы, и ничего кроме. Будет забавно.

Киммериец с сомнением покачал головой. Если бы не загадочность Эвники, он остался бы дома, чтобы потом встретиться с маркизом в каком-нибудь питейном заведении, куда молодые аристократы обыкновенно захаживали инкогнито. Но образ этой жестокой, таинственной женщины почему-то не давал Конану покоя.

— Помяни мое слово, маркиз, — с этой госпожой не так все просто, — сказал он.

— Вот и проверим заодно, — беспечно молвил Каркаду.

Они облачились в изысканные наряды, натянули поверх бесформенные, вечно сырые и заляпанные грязью одеяния и вышли из дома.

— Какого врага нужно побеждать, занимаясь музыкой? — насмешливо спросил Конан, возвращаясь к прежней теме. — Слушателя?

— Себя самого, конечно, — отвечал Каркаду. — Человек — ленивое создание. Ему приходит в голову, что он постиг все тайны гармонии, и тогда он перестает совершенствоваться. Разве в искусстве владения мечом дело обстоит иначе?

Киммериец вынужден был согласиться. Спор заглох. Маркиз еще какое-то время ворчал и сердился на глупых зодчих, по причуде которых большинство

городских улиц чрезвычайно узки. Это обстоятельство не позволяло пользоваться носилками, и жители Иантры, даже самые знатные, не говоря о простых горожанах, были обречены месить грязь своими ногами. Существовали, правда, особые лакеи из силачей — они носили своих господ на плечах. Но их услугами преимущественно пользовались дамы.

— Какой странный особняк выбрала себе госпожа Эвника, — заметил Каркаду, когда добрались по адресу. — Это очень старая постройка. Ей больше пяти столетий. Тогда и Иантра еще не была построена. Воображаю, как сыро и холодно внутри!

Варвар промолчал. Его пасмурные предчувствия усиливались.

Особняк и вправду был странен. Солою он представлял круглое строение из камня, окруженное двумя рядами колонн, почерневших от вечной сырости. Резная капитель каждой колонны представляла собою две закругленных раковины, на которых помещалась фигурка дельфина с поднятым хвостом.

— Опять дельфин! — отметил Конан. — Вряд ли это случайно.

Слуга-великан отворил им двери, принял вымокшие хламиды и с поклоном препроводил в залу, где ожидали начала представления гости, числом около тридцати. Большие жаровни на высоких треножниках источали свет багрового оттенка. По потолку скакали тени. Гости слушали арфу — на ней играла миниатюрная девушка в прозрачном хитоне. Голвоу арфистки венчало странное украшение, напоминающее большую спиралевидную раковину. Вроде тех, что были на колоннах.

— Красотка, — сказал маркиз негромко и тут же добавил: — О, боги! Ты заметил? Эта штука просто растет из ее головы! Честное слов! Кто ее парикмахер?

Инструмент, послушный пальцам арфистки, рассыпал чарующие звуки, то серебристые, то жемчужные... В музыке слышались то журчание ручья, то ревущие волны штормящего моря. Потом девушка слегка откинула голову назад и, не прекращая играть, запела. Но песня ее непривычной оказалась для человеческого слуха. Состояла она из мелодичного пощелкивания и переливчатых, чрезвычайно высоких нот.

— Интересно, на каком это языке? — шепотом спросил Каркаду. — Мне кажется, я слыхал что-то подобное, но где? Когда?

— Мне тоже так кажется, — кивнул варвар. — Будь очень внимателен. Все запоминай.

Маркиз удивился, но ни о чем не спросил — на приятелей зашикали из соседнего ряда.

Конан пристально разглядывал каждую деталь убранства залы, каждое лицо, обозначенное тенью в багровом мраке. Все приглашенные были мужчины. Знатные холостяки. Молодые и не слишком. Как правило, с безупречной родословной. Рыцарь Маримальт тоже оказался здесь. Он сидел на одном из лучших мест. Лицо его хранило выражение светской непринужденности, однако в глазах иногда мелькало недоумение.

— Пора бы уж госпоже Эвнике начинать, — проговорил маркиз. — Музыка, конечно, чудесна, но...

Он не успел договорить. Арфа смолкла. Яркая вспышка света ослепила всех, а когда к присутствующим вернулось зрение, удивительной арфистки и ее инструмента уже не было в зале.

— Дешевый прием! — фыркнул Каркаду.

Конан сохранял молчание.

Неожиданно прямой луч света, упавший прямо с потолка, осветил пространство, предназначенное для выступления. В луче этом заблистали мириады разноцветных блесток. Послышалась негромкая музыка, и все завертели головами в попытке разглядеть, где же спрятаны музыканты.

А блестки кружились все быстрее и быстрее, переливаясь и сталкиваясь в воздухе. Это было похоже на метель и на брызги прибоя, подсвеченные радугой, и на вихри пузырьков в бокале игристого молодого вина.

И прямо из этого вихря возникла высокая женская фигура, едва задрапированная текучей шелковой тканью.

— Приветствую вас в моем доме! — произнесла Эвника (то была она). — Очень рада, что столь высокое общество, искушенное в зрелищах, снизошло до встречи со мной. Но клянусь забытыми богами древности, ни один из вас не будет разочарован!

Итак, вы пришли насладиться иллюзиями. Что же есть иллюзия? То, чего нет? То, что могло бы быть?

— Невероятно! — шепнул маркиз, толкнув Конана локтем. — Сейчас нас угостят заумными рассуждениями!

Варвар с некоторым недоумением покосился на своего спутника. Маркиз Каркаду говорил о госпоже Эвнике много нелестных слов, как и о ее представлении. Он заранее был уверен в том, что представление окажется скверным, он знал цену бывшей куртизанке и неоднократно становился свидетелем ее скандальных выходок в свете. И все же маркиз пошел сюда. Мало того — он искренне обрадовался, получив приглашение. Неужели ему нравится зубоскалить, сидя в заднем ряду? А может быть, ему нравится сама госпожа Эвника? Чужие пороки часто притягивают.

Между тем Эвника продолжала:

— Но разве самому степенному из вас не кажется иногда, что его собственная жизнь — только мираж?

Кто знает?

Может быть, в эти мгновения на него находит озарение. Так или иначе, смотрите, восхищайтесь и размышляйте. Сначала мои помощники продемонстрируют вам свои скромные умения. Нибилла, чье пение и игру вы уже слышали, — моя воспитанница. Я нашла ее много зим назад на берегу моря. Она была почти ребенком тогда, беспомощным, испуганным... Я приютила сироту и лично занималась ее воспитанием. Она поет песни на языке своего народа...

Многие из зрителей хотели бы спросить, что это за народ, но правила этикета не позволяли прерывать представление. Тем временем появилась и Нибилла.

На сей раз она играла на небольшой виоле, резонатор которой был сделан из панциря морской черепахи. Вновь зазвучала песня, состоящая из звуков странных и таинственных. Нибилла пританцовывала. Серебряные бубенчики на ее лодыжках отзванивали ритмический рисунок. А в световом луче за ее спиной проступила отчетливая картина — морской берег, нагромождение далеких скал, пенные буруны и далекий парус у самого горизонта.

— Мне кажется, я узнаю это место, — пробормотал Каркаду в растерянности.

— А я узнал, на каком языке она поет, — ответил киммериец. — Кром всесильный! Мне следовало сразу догадаться!

— И что же это за язык?

— Это язык китов и дельфинов. Язык жителей моря, — Конан наморщил лоб. — Говорят еще, что разговаривать их научили лемурийцы. А там, где пахнет лемурийцами, там обязательно случаются занятные штуки...

— Но ведь этот народ погиб весь целиком! — поразился маркиз.

— Народ не может погибнуть целиком, поверь мне, — возразил варвар. — Мне уже доводилось сталкиваться кое с кем из них.

Нибилла закончила песню на необыкновенно высокой ноте, перевела дыхание и сразу начала вторую. В этой девушке, кроме раковин, росших из головы, была еще одна странность: во время пения она словно впадала в транс. Казалось, окружающее перестает существовать для нее.

Изображение за ее спиной померкло и сменилось другим. Теперь зрители наблюдали чудеса подводного мира. Одна за другой проплывали яркие рыбы с разноцветными плавниками, хищно моргал спрут, затаившийся за коралловой порослью. Зрелище постоянно изменялось.

Вот виден песок на дне, из которого торчит костяк затонувшего корабля. Раскрытый сундук, полный тусклых золотых слитков и драгоценных камней. У подножия сундука скалится жутко череп бывшего владельца этих сокровищ. Теперь он спокоен за их сохранность!

Снова меняется картина, будто взгляд поднимается к далекой поверхности — там пустота, зеленая прозрачная вода и ничего больше. Но колеблющийся силуэт появляется перед взором.

Это молодая утопленница. Она, похоже, висит в пустоте. Волнуются над головой длинные русые волосы, руки невесомо и плавно движутся в страшном, медленно танце. Лицо отчужденное, спокойное... Что за жизнь была у этой бедняжки на суше? Теперь неважно. Море приняло ее и избавило от земных страданий. Теперь будет только прохладная зелень воды, тишина и хороводы пестрых рыбок вокруг.

— Бр-р-р! — маркиз стряхнул наваждение. — Мне показалось, что я тоже утопленник, — признался он. — Забавное ощущение.

— Ты полагаешь? — процедил Конан сквозь зубы. — Мне так не кажется.

Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

Выступление Нибиллы закончилось. С поклоном она отступила в луч света, который внезапно погас, чтобы через мгновение вспыхнуть вновь. Теперь в нем стояла другая девушка. Совершенно обнаженная, она держала в руках бубен. Ее тело было необычайно соблазнительным, пышным, но в меру. Узкая талия подчеркивалась приятной округлостью бедер, высокая крепкая грудь дразнила взгляд. У этой на голове тоже были раковины, еще более причудливой формы.

— Ликея, моя вторая приемная дочь! — проговорила госпожа Эвника, не показываясь перед зрителями. — Ее настоящие родители погибли случайно, во время одной из глупых и ненужных человеческих войн. Может быть, по этой причине Лике нравится играть с холодной сталью. Орудия убийства превращаются ею в декорацию, она попирает их и затмевает блеск мечей красотой своего тела.

С легким скрежетом каменный пол вокруг Ликеи весь ощетинился клинками и лезвиями. Мечи, кинжалы и ножи, устремленные остриями вверх, мерцали в луче. Ликея танцевала между ними, кружась и изгибаясь. Единственным аккомпанементом танцу служили мерные удары бубна.

Все быстрее и быстрее плясала Ликея, ритм бубна учащал сердцебиение зрителей. Казалось, еще немного — и танцовщица оступится, тело ее будет искромсано клинками...

— Вздор, — говорил Каркаду, — мечи наверняка иллюзорные...

При этом маркиз нервничал и терзал пальцами кружева манжет.

Следующим выступал Нагир — невероятно уродливый карлик с лицом грустного, красивого юноши. Росли ли раковины из его черепа, разглядеть было невозможно из-за парчового пышного тюрбана, усыпанного крупным жемчугом. Свои короткие, искривленные ручки Нагир держал скрещенными на груди. Между пальцами рук у него были прозрачные перепонки.

— Не думайте, господа, что мой воспитанник обижен судьбой, — произнес из темноты голос Эвники, — не смейтесь над его внешностью. Если бы вы знали, сколько красивых женщин дарили ему свою любовь, вы понял и бы, что облик человека — тоже иллюзия. Причем — самая пустяковая. Нагир одарен природой как никто другой. С самого своего рождения он умеет читать чужие мысли...

— Но позвольте! — не выдержал граф Борко, известный путешественник, повидавший немало. — Какое отношение имеет чтение мыслей к иллюзиям? Скорее, это эмпатика...

— О, вы знаток! — рассмеялась невидимая Эвника. — Дело в том, мой милый граф, что мысль, бесспорно, — тоже иллюзия. Вернее сказать, нам только кажется, что мы о чем-то думаем. Возможно, думают за нас другие существа из других миров, а может быть — сочетание звезд на небе управляет нашим рассудком.

— По-моему, это немного... унизительно, — пожал плечами граф Борко и опустился на свое кресло.

— Подумаешь! — хмыкнул развеселившийся маркиз. — Я иногда вообще не думаю.

— Мне ведомы помыслы любого из вас, — глухим голосом произнес Нагир. — Но приличия не позволяют высказывать мысли вслух без ведома их хозяина. Есть ли желающие?

— Я, к примеру, — поднял руку какой-то вельможа в черном камзоле.

— Мгновение назад вы думали о разорении, которое грозит вам, если ваша супруга не ограничит своих трат, — сказал Нагир бесстрастно.

Вельможа хлопнул себя рукой по колену и стушевался.

— Скажите мои мысли, — попросил юноша с бледным лицом и горящими глазами.

— Только что вы мечтали о герцогской короне. Перебирали родственников, которые должны умереть, чтобы расчистить вам дорогу к титулу. О, не стесняйтесь — мысли не наказуемы. Иногда такое лезет людям в голову...

— Чепуха! — брякнул юноша. Бледность на его щеках сменилась рдеющим румянцем.

— А мои? — послышался голос другого молодого человека.

— Вы мечтаете о Ликее. Обратитесь позже к моей госпоже. У вас печально с деньгами, но цена, право, вас устроит.

— Фу! — поморщился Каркаду. — Эмпатический сводник!

— А я о чем думаю? — спросил рыцарь Маримальт, поигрывая нагрудной цепью.

— Вы влюблены, — отвечал Нагир. — Мысли ваши ясны и просты. Примите совет — будьте осмотрительнее.

— В советах не нуждаюсь, — проворал Маримальт и отвернулся.

— Ставлю десять золотых, что моих мыслей ты не прочтешь! — вдруг воскликнул Конан.

Маркиз вздрогнул от неожиданности. Нагир наклонил слегка голову и исподлобья посмотрел на киммерийца. Вдруг черты его лица искривились. Карлик засучил ногами, взвизгнул и, уронив тюрбан, исчез в темноте.

— Что это было? — спросил маркиз среди общих возгласов удивления. — Ты тоже эмпатик?

— Как бы не так, — ухмыльнулся варвар. — Все проще. Никто не смеет читать мои мысли без моего разрешения.

Такое объяснение ничего маркизу не объяснило, но он решил поверить своему новому другу на слово.

В горящем луче появилась госпожа Эвника.

— Это — недоразумение, — произнесла она ледяным голосом. — Впрочем, любезный князь-северянин может позже зайти ко мне за выигрышем. Это долг чести. Но настало время моего выступления! Оно и завершит сегодняшний вечер.

Эвника хлопнула в ладоши. Под пугающе-торжественную музыку слуги-великаны внесли в залу большой ящик, напоминающий шкаф или гроб, поставленный вертикально. Хозяйка дома открыла дверцу и продемонстрировала зрителям, что ящик пуст.

— Любой желающий может войти сюда, — сказала она. — И перенестись в удивительный мир грез и наслаждений, в котором исполняются все мечты, даже самые смелые. Ну, храбрее, господа! Исполнение сокровенных желаний — совсем не страшное событие.

Гости молчали. Большинство из них испытывало неловкость.

— Неужели никто? — деланно изумлялась госпожа Эвника. — Даже странно!

— Я готов, — сказал Маримальт, поднимаясь. Он подошел к ней и заглянул прямо в глаза. — Надеюсь, вы не обманете. Это было бы слишком жестоко.

— В подобных случаях я никого не обманываю, — улыбнулась Эвника. — Пожалуйте сюда, рыцарь.

— Он войдет! — разволновался Каркаду. — Чтоб мне полгода ходить в тесной обуви, он войдет!

Маркиз нисколько не ошибся. Рыцарь Маримальт вошел в ящик и встал неподвижно. Он казался спокойным и безмятежным, только грудь его вздымалась от волнения. Госпожа Эвника закрыла ящик.

— Подождем немного, — молвила она. — Я не буду читать заклинаний и заламывать рук в нелепых пассах. Просто сосчитаю до трех. Раз. Два. Три!

Ящик открылся. Он был пуст.

— Вот и все! — объявила Эвника. — Представление окончено. Не смею никого задерживать.

— Однако! — вновь поднялся граф Борко. — Разве вы не возвратите Маримальта обратно?

Хозяйка дома рассмеялась ему в лицо.

— Во-первых, это не входит в мои планы, — заявила она. — Во-вторых, он и сам был бы против этого. А в-третьих, ваши рожи мне изрядно надоели! Убирайтесь вон, дураки!

С этими словами госпожа Эвника сама запрыгнула в колдовской ящик и закрыла за собой дверь. Потрясенный граф Борко кинулся за ней, рывком распахнул створку и тут же отступил. Эвника исчезла.

Маркиз Каркаду тоненько прыснул в рукав. Потом, не удержавшись, рассмеялся во весь голос.

— Это... восхитительно... — с трудом проговорил он, утирая слезы на раскрасневшемся лице. — Нас оставили в дураках... Пойдемте, отпразднуем это событие!

— Но где же Маримальт? — не унимался граф.

— Разве вы не поняли? Ох, умора! — Каркаду прямо-таки трясся от смеха. — Полагаю, что рыцарь Маримальт прекрасно проводит время в каком-нибудь укромном алькове. Не один, естественно... Какая женщина!

Великосветские господа в недоумении разошлись. Далеко не все умеют посмеяться над собой, подобно маркизу Каркаду. Вдвоем с киммерийцем они дошли до заболоченной, донельзя грязной площади и размышляли, в какой из трех окрестных трактиров направить свои стопы. Маркиз продолжал посмеиваться.

— А ты чего хмуришься? — спросил он у своего товарища.

— Сдается мне, что дела у Маримальта далеко не так хороши, как ты думаешь, — мрачно произнес Конан.

— Почему? Все же яснее ясного!

— Никогда не доверяй колдуньям! — сказал варвар. — Особенно — лемурийкам!

— Разве лемурийки такие злобные? — удивился Каркаду.

— Они устроены не так, как мы, — пояснил киммериец. — Совсем по-другому. Зло для них — просто слово, понимаешь?

— Нет, — маркиз покачал головой. — Да пускай они все провалятся в преисподнюю! Ты беспокоишься за Маримальта? Он — молодой, сильный мужчина. Рыцарь, бывший на войне. Как-нибудь уж он-то позаботиться о себе.

— Лично я предпочел бы иметь в одиночку дело с целой вражеской армией, чем со злой женщиной, — промолвил Конан серьезно. — Слушай меня. Маримальт в беде. Если мы не поможем ему, он погибнет. Сейчас мы пойдем в «Хромого оленя», выпьем горячего вина и подумаем, что следует предпринять.

* * *

Липкая, промозглая сырость охватила друзей, выбравшихся на улицу. Вследствии выпитого грома маркиз Каркаду ощущал раздвоение своей личности. Одна половина маркиза была не прочь позабавиться незаконным проникновением в чужое жилье. Эта половина вообще в любом обстоятельстве подмечала только смешные стороны. Вторая, сомлевшая от трактирного тепла, склонялась к недовольству, брюзжанию и желала во что бы то ни стало очутиться дома, в уютном кресле, перед пылающим очагом. Но она была ленива, проявляла себя крайне вяло, и первая половина маркиза, более энергичная, одержала над соперницей сокрушительную победу.

Конан откровенно наслаждался, чувствуя знакомое возбуждение. Мышцы его могучего тела играли, предвкушая борьбу.

— Опасность — что может быть прекраснее? — произнес он почти торжественно.

Маркиз рассмеялся и тут же проворчал:

— Ужин и теплая постель — вот что!

Киммериец пропустил эту реплику мимо ушей.

Скоро сообщники очутились возле дверей загадочного особняка Эвники. Двери были мраморные, втесанные из сплошных глыб, и затворялись так плотно, что в щель между ними нельзя было просунуть и лезвия ножа.

— Здесь нет замочной скважины, отметил Каркаду и фыркнул: — Как же они попадают в дом? По подземному ходу?

— Такие двери запираются особыми механизмами, — сказал варвар. — Где-то здесь есть тайный рычаг.

Он принялся ощупывать стену и кладку дверной ниши.

— Нужно было взять фонарь, — брюзгливо заявил маркиз. — Темно, как в кармане у ростовщика!

— Мне фонарь ни к чему, — отозвался киммериец. Он никуда не спешил, действовал спокойно и уверенно. Рычаг, однако, не отыскивался. Конан еще раз осмотрелся с повышенным вниманием. Взгляд его зацепился за фигурку дельфина, лежащего на брюхе слева от дверей, там, где обычно восседает каменный лев или грифон.

— Сдается мне, — произнес киммериец, — когда мы были здесь в прошлый раз, хвост этого дельфина был поднят.

— Это как? — поинтересовался маркиз.

— Примерно вот так, — Конан ухватил обеими руками металлический хвост фигурки и с небольшим усилием поднял его.

Раздался отчетливый скрежет. Каркаду рассмеялся, подумав, что эксцентричный варварский князь сломал бронзовую статую. Но он ошибся.

Мраморные двери двери вздрогнули и стали открываться. Они не успели распахнуться полностью, когда варвар уже вбежал в дом, втащив за собой растерянного сообщника.

Взломщики юркнули в небольшую нишу, имевшуюся в стене коридора, и затаились там. Мимо них тяжело протопали слуги-великаны. Их было всего двое, они не успели вооружиться и даже толком одеться, но и при таких обстоятельствах Конан не решился бы напасть на обоих сразу. Они были огромны. Их тела бугрились чудовищными по величине мускулами. Между собой слуги переговаривались на «дельфиньем» языке, правда, в это мгновение отрывистые звуки, клекот и щелканье никому не показалось бы музыкальными.

От нервного напряжения брюзжащая половина маркиза упала в обморок. В связи с этим Каркаду почти протрезвел. По крайней мере, к нему явилась ясность соображения.

«Ну и ну! — подумал он. — Перебудили весь дом! Сейчас сбегутся остальные громилы, нас найдут отличнейшим образом — и...»

Но этого не произошло. Прибежавшие на шум великаны застали только открывающиеся мраморные двери. Им не хватило ума сообразить, что непрошенные гости успели протиснуться в узкую щель. Слуги выскочили наружу, немного покричали там сердитыми голосами, затем вернулись, закрыли двери изнутри другим замаскированным рычагом.

Оба были рассержены, но так как врага извне они не обнаружили, то принялись ругаться между собой. Пощелкивания, взвизги и прочие звуки, которыми они обменивались, носили явно оскорбительный характер. Бранясь на сокровенном языке морских глубин, слуги удалились в свои комнаты, которые

располагались весьма кстати на первом этаже. Это означало, что на втором взломщики, скорее всего, на великана не наткнутся.

— Пошли, — уверенно молвил Конан.

Маркиз шествовал за ним следом и только диву давался — не далее, чем нынче вечером его приятель брел по этому коридору с видом скучающего бездельника, пресыщенного жизнью. Теперь же Конан ступал мягко, как барс. Движения его были точны, спокойны, и в то же время делалось ясно — в случае опасности он атакует стремительно и смертоносно.

«Впрочем, — размышлял Каркаду, — у них, на севере, принято воровать друг у друга скот и похищать женщин. Ему, наверное, не впервой забираться в чужой дом. Любопытные обычаи встречаются у некоторых народов».

Растущие из стен каменные цветы с резными лепестками — в прошлый раз маркиз принял их за старомодные архитектурные изыски — оказались светильниками. Они источали приглушенный зеленоватый свет без всякого явного присутствия огня.

— Проклятие! — сказал Каркаду вслух. — Эти штуки светятся, точно светляки, сами по себе!

— Некоторые глубинные твари тоже умеют светиться, — отвечал варвар. — В открытом море, когда вода спокойна и прозрачна, достаточно перегнуться через борт и посмотреть вниз. Не такое увидишь! Ты бывал в море?

— Только в бухте. И то чуть не погиб, — без удовольствия вспомнил Каркаду.

— Пираты? Морские чудовища?

— Хуже, друг мой. Меня укачало.

Киммериец пожал плечами. Его тоже удивляли повадки и особенности здешних аристократов. Не моргнув глазом, они могут ввязываться в опасные приключения, храбро сражаются — и могут упасть в обморок, если кто-нибудь поскребет ножом по тарелке. Эти люди напоминали ему дорогостоящих зингарских скакунов, которые дома в конюшне едят только пшеницу, сваренную в вине, а в походных условиях могут не есть вообще и пьют соленую воду из луж.

Друзья добрались до винтовой лестнице, ведущей на второй этаж, и стали подниматься по ней. Сердце в груди маркиза колотилось яростно и весело. Чтобы облегчить себе подъем, он захотел опереться о перила. Однако рука Каркаду взмахнула в пустоте. Маркиз потерял равновесие и, без сомнения, полетел бы вниз, если бы Конан не поймал его за пояс.

— Что ты делаешь? — прошептал варвар.

— Иллюзорные перила! — маркиз развел руками. — Вот это да!

— Сегодня вечером на этой лестнице вообще не было перил, — сказал Конан. — Разве ты не заметил?

— Заметил ли я перила? Ну, ты даешь... — Каркаду не знал, обидеться ему или рассмеяться.

Конан с неодобрением покачал головой.

Довольно скоро сообщники оказались в уже знакомой зале. Кресла, в которых сидели зрители удивительного представления, исчезли. Только волшебный ящик оставался на месте, тускло поблескивая полированной крышкой-дверью.

— Что дальше? — осведомился Каркаду.

— Мы зайдем в него, — Конан решительно направился к ящику.

— Вместе?

— Конечно, по очереди! — киммериец решил не раздражаться на приятеля, и это, признаться, давалось ему с трудом.

— Какое странное дерево, — проговорил маркиз, погладив пальцами гладкую боковую стенку. — Похоже на мореный дуб...

— Это и есть мореный дуб. Ящик поднят со дна моря, где пролежал не одну сотню зим, — сказал варвар.

— И при этом не сгнил?

— Обычный ящик, может, и сгнил бы. Но от этого просто разит колдовством, — нахмурившись, молвил киммериец. — Вообще-то я предпочитаю не связываться со всеми этими магическими штучками. Вреда от них куда больше, чем пользы. Но этот предмет, похоже, — единственная наша лазейка.

— Куда?

— Сейчас и узнаем, — невозмутимо ответил Конан и уже протянул руку, чтобы открыть ящик...

В это самое мгновение с потолка упал луч света. Маркизу показалось, что этот луч обладает тяжестью, — его ошарашило, будто ударом по голове.

Нибилла и Ликея приближались к ним с двух сторон. Глаза обеих воспитанниц госпожи Эвники мерцали, как звезды, отраженные в морских волнах. Нибилла поигрывала длинным хлыстом — он извивался в ее руках, словно хвост живой змеи. А Ликея чертила в воздухе замысловатые узоры клинками двух мечей странной формы — в виде акульих плавников. Обе были обнажены, но их тела сейчас не показались бы соблазнительными даже самому распутному мужчине. Чешуя покрывала их с головы до пят. А между чешуйками то и дело высовывались тонкие, гибкие отростки, словно ощупывающие пространство вокруг.

— С нами дамы? — произнес маркиз. — Как мило!

Он побледнел. Тщательно причесанные и уложенные волосы на его голове встали дыбом от ужаса, но, как и подобает истинному аристократу, Каркаду пересиливал свой страх и издевался над опасностью.

— Лично я ничего не имею против некоторой легкомысленности ваших вечерних туалетов, сударыни, но здесь адский сквозняк. Как бы вы не простыли, — продолжал он.

— Замолчи, человечишка, — прошипела Нибилла.

— Вы успели выучить наш язык? — притворно изумился Каркаду.

Нибилла взмахнула кнутом. Между ней и маркизом еще оставалось значи-

тельное расстояние, но гибкое жало хлыста неожиданно вытянулось и обожгло нежную щеку маркиза.

Тот и глазом не моргнул.

— Сколько темперамента! — высказался он, трогая свою щеку кончиками пальцев. — Не каждому мужчине это нравится, милочка.

Следующий удар был нацелен ему прямо по глазам, но Каркаду уже успел приготовиться и увернулся с необычайной легкостью. Узкий клинок его меча мгновенно покинул ножны и блеснул в луче. Хлыст намотался на оружие маркиза. Каркаду дернул. Нибилла завизжала от ярости — хлыст был вырван из ее руки. Маркиз ловко перехватил его за рукоять в воздухе.

— Некоторые считают, что бить женщин нехорошо, — сказал он. — Но что делать? Иногда приходится. К тому же, милочка, сдается мне, что вы не вполне женщина. Что же вы такое?

Нибилла закатила глаза и испустила пронзительный визг, причем он становился все тоньше и тоньше, пока совсем не пропал из слуха. Но в голове Каркаду вспыхнул ослепительный фейерверк боли. Собравшись с силами, он хлестнул Нибиллу кнутом, причем кнут вновь вытянулся и обмотал лемурийку вокруг бедер. И сразу она исчезла.

Каркаду покачнулся, но устоял на ногах.

Тем временем Ликея, продолжая размахивать мечами, приближалась к Конану. Движения ее напоминали танец, который она демонстрировала гостям. Неожиданно внизу что-то заскрежетало, и из пола показались мерцающие клинки. Маркиз, стоявший за спиной варвара, оступился и вскрикнул:

— Проклятье! Это не иллюзия! Они настоящие! Я разорвал себе штаны! Они стоили кучу денег!

При этом из раны на ноге у него обильно текла кровь.

Конан внимательно следил за танцем Ликеи. В какой-то момент он осознал, что совершает ошибку. Плавность движений лемурийки, призрачный блеск ее глаз и отсветы на ее клинках погружали его в транс. Он словно впадал в оцепенение. Когда Ликея атакует, он не успеет отреагировать. А она тем временем выбирала удобный момент, проскальзывая мимо клинков и лезвий, торчащих вокруг.

Сделав вид, что он по-прежнему поглощен ее танцем, варвар осторожно разглядывал пол. Он ухитрился рассчитать собственные движения так, чтобы пройти между оружия, и неожиданно для Ликеи атаковал ее сам. Удар его меча был столь стремителен, что, казалось, по залу пронесся ветер. Ликея должна была упасть от этого удара замертво, разрубленная от плеча до пояса. Но упали, тускло звякнув, только ее мечи. Сама она исчезла бесследно.

Прыгая на одной ноге, маркиз доковылял до своего сообщника и ухватил его за руку, чтобы не упасть.

— Они не убиты, — сказал он. — Они просто сбежали. И могут явиться в любой момент, чтобы напасть на нас снова. Если ты не передумал забираться в этот демонский ящик, то теперь самое время.

— Ты прав, — согласился Конан.

Он вернулся к ящику, а в это самое мгновение мечи и ножи, возникшие из пола, стали прозрачными и спустя миг и вовсе растворились. Каркаду издал возглас удивления, после чего разразился проклятьями.

— Если это все-таки иллюзия, то кто объяснит моему камердинеру, отчего мои панталоны постигла столь плачевная судьба? — восклицал он. — Разве об иллюзию можно порвать штаны?

— Как видишь, — отозвался Конан. Его рука уже лежала на дверце ящика. Рывком распахнув ее, киммериец громко скрипнул зубами.

Скрестив на груди руки с перепонками между пальцев, внутри ящика стоял Нагир.

— Пришли за выигрышем? — бесстрастно осведомился он.

— Если ты умеешь читать мысли, то без труда узнаешь, для чего мы здесь, — грубо ответил варвар.

— Твоих мыслей, северянин, я читать не могу. Понимаешь ли, это ведь просто фокус. На самом деле я их не читаю, а внушаю. Моя хозяйка намекала об этом достаточно прозрачно. Но тебе я ничего не могу внушить. Наверное, потому, что у тебя слишком крепкий лоб.

— А мне — можешь? — спросил Каркаду неприятным тоном.

Нагир презрительно усмехнулся:

— Тебе — тоже не могу. У тебя мозг как у канарейки...

— Выметайся оттуда, — оборвал его Конан. — Дай дорогу.

Нагир покачал головой.

— Для чего ты лезешь не в свое дело? — произнес он. — Тебе больше нечем заняться? Хозяйке ты не понравился. Сначала она обратила внимание на твою стать, но ты слишком уж норовистый. Сам все испортил. Если бы ты проломил на турнире череп этому мальчишке, был бы сейчас на его месте. А он хорош! Потерял голову совершенно и будет служить госпоже до конца дней своих. Жаль, что люди так быстро умирают. Никто не может выдержать наслаждений. Люди странно устроены. Способны терпеть голод, холод, пытки, даже унижение... Но неумеренное блаженство их губит.

— Хватит болтать! — Конан начинал сердиться уже не на шутку. — Проваливай, иначе содержимое твоей головы будет очевидно любому желающему!

— Не горячись, — Нагир медленно моргнул. — Ты хоть знаешь, куда собираешься ворваться? Знаешь, что тебя ожидает?

— Тебе лучше посторониться, — сказал Каркаду.

Его томили скверные предчувствия. Мгновение назад он подумал: почему слуги-великаны до сих пор не сбежались на шум? И, словно в ответ на его мысли, с первого этажа донеслись низкие, угрожающие голоса.

Предоставив киммерийцу разбираться с не в меру болтливым чтецом чужих мыслей, маркиз доковылял до тяжелых дубовых дверей залы, закрыл их и запер изнутри на засов. Длительного штурма со стороны могучих слуг Эвники эти двери, конечно, не выдержат, но помогут выиграть время.

Тем временем варвар, потеряв остатки терпения, выругался и схватил Нагира за руку. На ощупь пальцы карлика оказались неприятно холодными и податливыми, словно принадлежали мертвецу. Конан потянул Нагира на себя, но тот, ухмыльнувшись узким ртом, рванулся назад и... пропал. Конан выругался еще громче — его правая рука, по локоть исчезнувшая в черной пустоте, продолжала сжимать холодное, вырывающееся запястье Нагира, но варвар не видел этого.

Голоса слуг отчетливо раздавались уже прямо из-за дверей. Один из них даже попытался войти в залу и рассерженно затрещал на своем дельфиньем наречии.

Каркаду поспешил обратно к ящику. Рана на его ноге оказалась неглубокой, и кровотечение уже почти унялось. Опасность — и по всему судя, нешуточная — освежила его.

Он успел увидеть, как его приятель буквально запрыгнул внутрь ящика. Когда же маркиз подошел совсем близко, то обнаружил, что Конан и противный уродец — оба пропали. Каркаду немного помешкал, наблюдая, как сотрясаются от могучих ударов дубовые двери.

— Теперь-то уж поздно размышлять! — весело произнес маркиз и шагнул в ящик.

Темнота охватила его со всех сторон. Впереди, там, где должно было находиться деревянное дно ящика, шевелилось что-то живое и слышался шум, похожий на приглушенное завывание ветра. Каркаду шагнул вперед и вскрикнул от неожиданности. Под его ногами разверзлась пустота. Быстрый поток воздуха, поднимавшийся снизу, а также ощущение пугающей легкости подсказали ему, что он падает — проваливается на дно чрезвычайно глубокого колодца. «Проклятье! — подумал он. — Меня опять укачивает!» Действительно, голова его закружилась, и он потерял сознание.

Когда Каркаду пришел в себя и открыл глаза, вокруг было светло и тихо. Высоко над ним шевелились ветви какого-то цветущего дерева.

— Чудно, — пробормотал маркиз. — Когда мы заходили в дом Эвники, была холодная дождливая ночь, а теперь — теплый, ясный день... Кажется, пташки поют...

Действительно, где-то неподалеку щебетали птицы.

— Вставай, — послышался ворчливый голос Конана, неприятно перебивая райскую симфонию птичьего пения. — Пропустишь самое интересное.

Слабо постанывая, Каркаду поднялся и принялся отряхивать свою щегольскую одежду.

— Удивительно! — бормотал он при этом. — Я вышел из дома во всем новом! Что я скажу моему камердинеру?

Неизвестно каким образом изящный наряд маркиза, сшитый у лучших портных Ианты, превратился в лохмотья, словно его обладателя волоком протащили через преисподнюю. Одеяния варвара выглядели не лучшим образом. Впрочем, киммериец, в отличие от своего новоявленного друга, не склонен

был переживать по подобному поводу. Он ждал, пока его товарищ окончательно не придет в себя.

Каркаду огляделся по сторонам.

— Занятное местечко, — молвил он. — Ума не приложу, где мы теперь находимся! Я не видел ничего похожего поблизости от Ианты.

— Потому что мы сейчас далеко от Ианты, — кивнул Конан. — Очень далеко.

— Стало быть, госпожа Эвника все-таки настоящая колдунья! — Маркиз в восторге хлопнул себя по бедру. — Вот ведь демоница!

— Нет, — варвар покачал головой. — Она лемурийка. Ее волшебные умения сродни возможностям сильных жрецов. Не это сейчас интересно. Места, где мы сейчас находимся, нет ни на одной карте — в этом я убежден. Здесь ее настоящее обиталище, и оно как следует скрыто от нашего мира. Это и понятно — лемурийцы слишком отличаются от нас, чтобы жить рядом с нами. Неясно другое — для чего Эвника похищает людей?

Рассеянно слушая, Каркаду продолжал вертеть головой.

— Какое странное небо! — удивился он, взглянув наверх. — Посмотри! Оно не плоское, как у нас, а похоже на дно перевернутой чашки. И цвет...

В самом деле, небо напоминало купол, поднимающийся от непривычно близкого горизонта и смыкающийся в зените. Цвет его, поразивший впечатлительного маркиза, не очень подходил небесам.

— Это — море, — сказал Конан. — Над нами действительно перевернутая чаша. Очень большая. А над ней и вокруг нее — море.

— Слишком много для одного вечера, — прошептал Каркаду и потер виски.

Конан решил запастись терпением. Он не был до конца уверен в своем спутнике и, конечно, считал его слишком изнеженным для опасных приключений.

Но маркиз Каркаду доблестно защитил достоинство своего аристократического сословия. Внезапно он усмехнулся и произнес легкомысленно-светским тоном:

— Ну что ж, по-моему, прогулка выйдет занимательной. И никто не упрекнет меня в том, что я не выезжаю дальше пригородов. В какую сторону мы идем?

Конан указал перед собой.

— Я вижу дорогу, мощеную камнем, — сказал он. — Она-то уж точно выведет нас куда-нибудь.

— А в какую сторону направимся?

— Бросим монетку, — предложил варвар. — если упадет гербом, пойдем вправо. У тебя есть деньги?

— Ты хочешь, чтобы маркиз Каркаду носил при себе наличные? — хихикнул его товарищ. — Аристократы так не поступают!

— Кром великий! — проворчал варвар. — У меня тоже ни гроша. Ну и пес с ним. Пойдем направо!

Приятели так и поступили. То, что они видели по обе стороны дороги, напоминало тщательно ухоженный парк при дворце. Деревья экзотических пород почти все были подстрижены необычным образом. Птицы, поразившие своим пением маркиза, превосходили одна другую яркостью оперенья и сладкозвучием голоса. Полуразрушенные колонны, увитые цветущим плющом и бело-розовым вьюном, мраморные беседки, окруженные зарослями роз, статуи в виде юных воинов и обнаженных дев — всего этого, как показалось маркизу, было в избытке. Некоторые куртины были вымощены крупными золотыми слитками, а другие — драгоценными камнями и жемчужинами. На зеленой лужайке, сверкая под лучами таинственного светила, высилась горка, сложенная из алмазов.

— С ума сойти! — сказал маркиз. — Хвастаться своим богатством так навязчиво и безвкусно может только бывшая куртизанка.

— Ничего! — отвечал на это варвар. — Если выпадет случай, мы нескольку поубавим это кичливое самодовольство.

— Уж не собираешься ли ты опуститься до грабежа? — недоуменно осведомился Каркаду.

— Грабеж во время боевых действий не только допустим. Это весьма почтенное занятие, — отрезал киммериец. — Не забывай, что прихвостни Эвники первыми напали на нас с оружием. Но грабежом мы займемся чуть позже. Нужно разведать, что случилось с Маримальтом. Тихо! — вдруг рявкнул он, перебивая сам себя. — К нам кто-то бежит!

Маркиз весь обратился в слух. Спустя мгновение до него донесся легкий топоток. Послышались восклицания. Судя по голосу, женщина, скрытая от глаз густыми зарослями шиповника, приближалась к путникам. Скоро она показалась.

Это была девушка зим девятнадцати, одетая в голубую прозрачную тунику. Она бежала с легкостью лани, напуганной неожиданным появлением охотников. Завидев обоих, девушка испустила крик и замерла, разглядывая приятелей. Каркаду показалось, что она сейчас испугается и умчится прочь, но случилось иначе. Незнакомка бросилась к ним навстречу.

— Откуда вы? Как попали сюда? — спрашивала она и, не веря своим глазам, ощупывала новоприбывших. — Ведь вы... из мира, где обычное небо, обычные деревья... Да? Да?

— Ты — тоже, — перебил ее варвар. — Сначала ответь, ты — пленница Эвники?

Слезы выступили на глазах девушки. Она кивнула и всплеснула руками.

— Да, я пленница, — сказала незнакомка. — Сначала я благословляла госпожу Эвнику, видела в ней свою спасительницу...

— Это интересно, — вставил слово маркиз. — Но прежде давайте присядем на травку. Вы запыхались, к тому же что-то вас сильно взволновало. Мы с

другом никуда особо не спешим и выслушаем ваша рассказ со всем вниманием.

Произнося эту тираду, Каркаду поклонился вежливо и непринужденно. Его благородные манеры и произношение оказали на девушку успокаивающее действие. Она улыбнулась и взяла себя в руки. Они с маркизом опустились прямо на обочину, поросшую шелковистой травой. Конан остался стоять. Глубокая заинтересованность проснулась в его синих, ледяных глазах.

— Я — Тана, — представилась девушка, — дочь барона Артегу из Аквилонии. Мой несчастный отец, я думаю, погиб во время этой ужасной бури. Она застала наш корабль в открытом море и превратила его в свою игрушку. Команда корабля много дней сражалась со штормом, который то обманчиво затихал, то вдруг принимался свирепствовать с новой силой. Многие моряки погибли, но с каждым днем, что нам удавалось удержаться на плаву, росла надежда на избавление от неминуемой смерти. Ведь не может же буря продолжаться бесконечно! Капитана смыло волной за борт, матросы растерялись... Кроме того, никто не знал, где мы находимся. Возможно, свирепый ураган унес нас туда, где еще никогда не ходили корабли.

И вот однажды кто-то из моряков закричал, что полоска неба над горизонтом очистилась от туч. Это означало, что буря близится к концу. Мы уже не сомневались в своем спасении, но неожиданно корабль налетел на скалу. Днище его лопнуло, он стал тонуть — стремительно, неудержимо... Я оказалась в холодной воде. Слабые крики отчаяния раздавались вокруг, но быстро затихали. Меня захватило водоворотом, и скоро я была уже в самом центре ужасной воронки. У меня не оказалось сил, чтобы кричать... Да и зачем? Все равно никто не пришел бы на помощь. Холод пробирал до костей, страх сковал мое тело, и я решила покориться судьбе. Последнее, что я помню, — как вода сомкнулась над моей головой.

Я стала проваливаться в самую толщу, задерживая дыхание и страдая от удушья. На глубине вода сдавила меня со всех сторон. От боли и страха я закричала, выпустив воздух из груди, и потеряла сознание.

А когда пришла в себя, то увидела, что надо мной склонилась красивая женщина. Она пытливо разглядывала меня. Оказалось, что я лежу на постели, в светлой хорошо убранной комнате, а за окном колышутся ветви дерева и щебечут птицы.

— Ты не умерла, глупышка, — сказала женщина. — Тебе удалось спастись. Богиня удачи любит тебя. Если бы поблизости от места крушения не оказалось никого из моих слуг, твое тело постепенно стало бы морской водой...

Ее голос звучал тепло, обволакивающе, но вот глаза... В них дремал холод, колючий и злой. В то мгновение я уговорила себя думать иначе. Мало ли что может показаться в полубреду.

Женщина назвалась госпожой Эвникой.

— Где я нахожусь? — спросила я.

— В моем доме, — отвечала она.

— А где находится ваш дом?

— Ты задаешь слишком много вопросов для девушки, которая побывала в объятиях самой смерти, — сказала госпожа Эвника. — Название местности ни о чем тебе не напомнит. Ты никогда раньше не слыхала его, глупышка.

Может, я чересчур горда, но мне не нравится, когда меня называют «глупышкой». От женщины пожилой я бы вынесла подобное обращение, но Эвника казалась не сильно старше меня.

— Скажите, госпожа, — обратилась я к ней твердо, — могу ли я надеяться когда-нибудь вернуться домой? Я безмерно благодарна вам за спасение, но мне бы не хотелось злоупотреблять вашим гостеприимством.

Госпожа Эвника рассмеялась.

— Во-первых, ты еще слишком слаба, — сказала она сквозь смех. — Во-вторых, у меня нет корабля, чтобы отправить тебя на родину. Так что тебе довольно долго придется жить здесь. А что до злоупотребления гостеприимством — так об этом не беспокойся. Я беру тебя под опеку. Ты не будешь нуждаться в пище и крове, у тебя будет красивая одежда и дорогие украшения. А за это ты будешь служить мне и развлекать меня. Не волнуйся, глупышка, я гораздо знатнее тебя. В должности фрейлины нет ничего зазорного.

«Что ж, — подумала я, — в конце концов, я ведь обязана ей жизнью».

Меня действительно снабдили одеждой и поселили в роскошно убранном помещении, в котором, кроме меня, обитали еще четырнадцать девушек. Все они оказались из разных частей света, и все давно смирились со своей участью. Так же, как и я, они в свое время едва не погибли в море и таинственным образом очутились здесь. Иные еще скучали по дому и просыпались в слезах — ускользающие видения родных мест посещали их во сне.

В чем же состояла наша общая участь? Естественная стыдливость с трудом позволяет мне говорить об этом. Время от времени некоторых из нас приглашают в опочивальню Эвники. Там нам приказывают обнажиться. Точно наложницы из сераля, мы должны исполнять все прихоти этой женщины. Иногда она принуждает нас ласкать ее постыдным образом, иногда же сама ласкает приглянувшуюся ей пленницу. Если несчастная протестует, Эвника зовет своих слуг — безжалостных великанов, послушных ей во всем. Провинившуюся наказывают без пощады. Она может считать, что ей повезло, если ее просто высекут, привязав к колонне. Обычно бедняжку подвергают куда более мучительному истязанию. Бывает, что кого-нибудь из нас секут просто так, без вины. Эвнике нравится наблюдать за этим. Она страшно распаляется, становится просто ненасытной. Мне довелось дважды испытать на себе ее жестокие склонности. Не знаю, как я осталась в живых. Жгучий стыд и унижение ломают гораздо сильнее боли...

Позднее я узнала, что во владениях Эвники есть еще несколько таких же сералей. В одном из них живут несчастные, чья участь целиком сводится к боли. По капризу Эвники их мучают, часто — до смерти. В другом заключены пленницы, ублажающие слуг Эвники. Их судьба также плачевна. Грубая,

слишком мощная плоть этих великанов причиняет им невероятные страдания. Они скоро умирают.

Так что мне еще повезло. А есть особый сераль — в нем содержатся девушки, предназначенные для гостей Эвники. Несколько раз в зиму она исчезает, иногда — надолго, и возвращается не одна. Возможно, она околдовывает мужчин. Ее пленники так и не понимают, что они в плену. Остаток своей жизни они проводят, наслаждаясь яствами, питьем, ласками рабынь и самой госпожи Эвники... Их глаза делаются пустыми, тела истончаются, словно тени. Проходит десять-двенадцать дней — и вот уже из опочивальни выносят мертвое тело.

— Так быстро? — усмехнулся Конан. — Неужели Эвника выбирает одних только хлюпиков?

— О нет, господин. Избранники Эвники вовсе не таковы. Дело в другом. Она потчует их особым напитком. Я много раз видела его действие... Отведав напитка, который цветом похож на молодое вино, обреченный чувствует в себе прилив мужских сил. Страстное желание охватывает его. Он приходит в исступление. Только в этом состоянии мужчина может доставить наслаждение госпоже Эвнике. Вожделение пленника нарастает с каждым часом. Через два дня он уже не покидает ложа, причем Эвника, отрываясь от его ласк, заменяет себя свежей наложницей из сераля на время, потребное ей самой для отдыха. Ненасытная похоть между тем пожирает мужчину изнутри.

— А откуда Эвника берет столь дивный напиток? — поинтересовался маркиз.

Тана побледнела. Его голос задрожал.

— Неподалеку отсюда находится капище, посвященное демонице по имени Атротида. Там стоит ее изваяние. Вряд ли человек мог изваять эту статую. Она прекрасна, но если долго смотреть на нее, Атротида становится пугающей. Лицо безупречной красоты словно искажается гримасой, слепые глаза статуи делаются злыми и страшными... Однажды Эвника велела мне сопровождать ее в это капище. Я должна была нести на подносе золоченый сосуд, накрытый куском парчовой ткани. Госпожа приказала мне стоять у входа в капище, а сама принялась один за другим зажигать светильники, окружавшие статую. После этого она разделась и приготовилась к исполнению какого-то обряда. Я успела разглядеть изваяние как следует. От страха меня трясло.

— Госпожа! — взмолилась я. — Вели наказать меня по своему усмотрению, только позволь уйти отсюда!

— Глупая девчонка! — рассердилась Эвника. — Тебе дадут триста розог, вымоченных в уксусе, раз тебе этого хочется. Но это случится попозже. А сейчас ты замолчишь и будешь делать все, что я прикажу. Иначе тобой позабавятся мои слуги, все по очереди. Они будут брать тебя как женщину и как мальчика, пока твое тело не лопнет. А после этого они же сварят тебя заживо и насытят свои утробы!

От ужаса я едва не лишилась сознания. Пока госпожа Эвника произносила свои страшные угрозы, Атротида изменила выражение лица. Прежде оно бы-

ло бесстрастным, теперь же стало похоже на лицо самой Эвники, такое же жестокое и сладострастное.

Госпожа Эвника отвернулась от меня и хлопнула в ладоши. Из полумрака выступила Нибилла — одна из ее воспитанниц, не принадлежащих к людскому роду. Это странное существо, как и мерзкие слуги Эвники, во всем послушно ее воле. Если бы не обожающий взгляд, устремленный на хозяйку, Нибиллу можно было принять за куклу, управляемую рычагами.

Нибилла заиграла на арфе. В любое другое время ее музыка показалась бы мне чарующе-прекрасной. Но в стенах капища, перед изваянием Атротиды, она довела меня до судорог.

Эвника затрепетала с головы до ног, словно ее пронзили насквозь, и стала танцевать. Она прижималась к статуе грудью, ласкала ее ноги, покрывала холодный камень поцелуями... Продолжалось это долго. Я думала, что никогда не закончится танец обезумевшей Эвники. И вдруг белый мрамор изваяния окрасился кровью. Алая полоса начиналась от уст Атротиды и бежала к ее ногам. Затем появилась другая — от каменного лона демоницы. Густая кровь закапала с мраморных сосков... Эвника подхватила сосуд с подноса и принялась собирать в него багряные капли. Когда сосуд заполнился доверху, госпожа запечатала его. Но статуя продолжала сочиться кровью. Тогда Эвника стала слизывать эту кровь языком. Нибилла присоединилась к ней. От этого зрелища меня затошнило, и я не сразу расслышала слова Эвники.

— Глухая дрянь! — рассердилась она. — Немедленно помоги нам. Не должно пропасть ни единой капли! Да не бойся, ничтожная девка, кровь Атротиды действует только на самцов.

Ослушаться Эвники было страшно, но еще страшнее оказалось подойти к изваянию и исполнить этот приказ... Эвника зарычала, как взбешенная тигрица:

— Ты получишь не триста, а шестьсот розог! — крикнула она. — Тысячу двести!

Понимая, что ей ничего не стоит увеличивать число ударов, сломленная страхом, я подчинилась... После этого меня секли три дня кряду, я теряла сознания от невыносимой боли, но слизывать кровь с изваяния оказалось куда более ужасно!..

Тана не выдержала и разрыдалась. Конан ощущал, как гнев заполняет все его существо. Давно он не испытывал подобного чувства. Тем временем Каркаду утешал девушку. Выплакавшись, она продолжала свой рассказ.

— Сегодня я решила бежать. Дело в том, что у Эвники — новый гость. Юноша редкой красоты, бесспорно — благородного происхождения. Сегодня Эвника направится в капище за новой порцией кровавого снадобья. И именно сегодня я должна буду прислуживать ей...

Здесь девушка глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Это превыше моих сил, — молвила она. — Я не смогу... Я совершу проступок, равный самоубийству, только чтобы не принимать участия в этом ужасном обряде.

— Ты сказала, что пыталась бежать, — перебил ее варвар.

— Да, господин, — отвечала Тана. — Нынче утром. Воспользовавшись временем, отпущенным на прогулку среди этого сада, я потихоньку ускользнула от взглядов наших сторожей и бросилась куда глаза глядели... Я полагала, что набреду на побережье, отыщу там временное пристанище и смогу дождаться проходящего мимо корабля, который бы подобрал меня и доставил поближе к дому. Клянусь, я была готова к самому худшему... Наверняка команда корабля захотела бы видеть меня общей игрушкой, безотказной наложницей...

— Полно вам! — Каркаду, покрасневший от смущения, нежно пожал ее руку. — Проклятая ведьма успела внушить вам неправильное отношение к мужчинам! Мир не состоит из грязных, похотливых самцов. Многие были бы рады помочь вам просто так, без стремления к непременному вознаграждению. Вот, к примеру, мы с моим другом, беремся вызволить вас из этого заколдованного места...

— Если бы это было возможно! — воскликнула Тана. — Но, увы! Я бежала без оглядки, спотыкалась, спешила, торопилась из последних сил... И — вот... — Тана откинула челку со лба и показала небольшую, но довольно заметную ссадину.

— Что это значит? — удивился маркиз.

— Она наткнулась на стену. Правильно? — Варвар усмехнулся.

— Да. Это была стена. Невидимая, твердая, крепкая стена, в ней, словно в зеркале, отражалась дорога, по которой я пыталась убежать на побережье... — Девушка была потрясена случившимся. Она не верила, что двое незнакомцев, возникших из ниоткуда, помогут ей вырваться из кошмарного сна, в который превратилась ее жизнь.

— Что же мы предпримем? — поинтересовался Каркаду, успевший, напротив, совершенно успокоиться и довериться судьбе.

— Меня беспокоит этот уродливый гаденыш Нагир, — киммериец брезгливо поморщился. — Я уж было совсем свернул ему шею, но в последний момент он вывернулся и исчез. Конечно, Эвника давно знает о нашем появлении и где-то впереди нас ожидает засада.

— Хорошо бы ее обойти, — здраво рассудил Каркаду. — Но где бы она могла быть? Эвника, конечно, догадывается, что Тана пыталась бежать. Но может ли лемурийка знать, что мы повстречались с беглянкой? Если да, то, скорее всего, засада ждет нас у капища. Ведь Тана знает туда дорогу.

— Вы думаете, мне велели заманить вас в ловушку? — девушка едва снова не расплакалась. — Клянусь, такого нет в моих мыслях! Я не обманываю вас.

— В этом мы совершенно уверены, — успокоил ее маркиз. Это несчастное, напуганное существо вызвало в беспутном и крайне легкомысленном молодом человеке добрые чувства. Может быть, впервые за свою жизнь Каркаду захотел взять на себя ответственность за кого-то другого. К тому же, что немаловажно, пленница Эвники была молода и красива чистой, незамутненной красотой.

«С ней Эвника промахнулась, как и с Конаном, — подумалось маркизу. — Какая же она рабыня? Тану можно замучить до смерти, но не сломать. Таких чистых созданий ничто не пачкает...»

Конан прервал его размышления:

— Но мы ведь должны еще и выручить Маримальта. Об этом Эвника догадывается наверняка. Ты знаешь, где его держат? — спросил киммериец у Таны.

— Да, господин, — отвечала она. — Сейчас он должен находиться в купальне. Это недалеко отсюда. — Тана махнула рукой, показывая направление.

— Мы разделимся, — решил варвар. — Я пойду искать рыцаря, а вы вдвоем найдете способ выбраться отсюда. В покоях Эвники должна быть особая комната, через которую она попадает в наш мир. Припомни, Тана, попадалось ли тебе что-либо в таком роде?

— В покоях Эвники много комнат, куда запрещают заглядывать пленницам, — отвечала Тана. — К тому же, они заперты на ключ.

— Тебе придется побыть взломщиком, — хмыкнул Конан, обращаясь к маркизу. — Не возражаешь?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Каркаду. — Никогда ведь не знаешь, какие умения могут пригодиться в высшем обществе.

Рыцарь Маримальт недоумевал. Госпожа Эвника, подобная ускользающему видению, показалась перед ним всего на несколько мгновений. Она была прекрасна, как ожившая статуя работы древнего скульптора, и даже еще прекраснее.

— Потерпи, — сказала ему Эвника. — Потерпи еще немного. Сегодня — слышишь? — я буду твоей, а ты моим. Никто и ничто нам не помешает. Это случится совсем скоро.

— Что это за райский сад? — спросил Маримальт. — Это — твое обиталище? Кто ты, в таком случае? Гурия запада? Богиня востока? Крылатая дева из поднебесных сфер?

— Я — только лишь одинокая женщина, которая хочет любви, — отвечала Эвника. — Этот сад — уголок моей души, и только ты видишь сон обо мне, а я вижу сон о тебе. Все в мире — только сон...

Сказав так, Эвника удалилась.

Служанки избавили рыцаря от одежды, пришедшей в негодность, и отвели в купальню. В бассейне ключом плескала прохладная, чистая вода. Веяло свежестью и негой. Маримальт совершил омовение, переоделся в принесенный хитон из мягкой, шелковистой шерсти. Ему подали вино и фрукты — он никогда не пробовал таких.

«Милые служанки у Эвники, — подумал он, разглядывая девушек, которые ухаживали за ним. — Красивые и хорошо вышколены. Сразу видно, что их хозяйка — женщина. Если бы эти рабыни принадлежали мужчине, то привыкли бы пользоваться своими прелестями, забывая об обязанностях...»

Мысли Маримальта делались все более и более рассеянными. Он возлежал на мягкой тахте, слушал журчание воды и негромкую, плавную музыку, лившуюся, как казалось, прямо с небес.

— Хочет ли господин усладить свой взор танцем? — спросила одна из служанок. Она смотрела в пол, голос ее был тихим и безжизненным.

— Не бойся меня, — сказал Маримальт, взяв ее за подбородок. — Я — добрый господин. Ты очень мне нравишься. И твои подруги хороши.

Служанка отступила на шаг и повторила:

— Не желает ли господин, чтобы мы танцевали для него?

— Что ж, танцуйте, — кивнул рыцарь. — Я посмотрю.

И служанки танцевали под призрачную музыку. Их тела постепенно обнажались, дразня мужское естество. Фигуры были безупречны, движения — легки... но чего-то не хватало Маримальту для полноты удовольствия. В робости и покорной вежливости рабынь сквозило что-то, что настораживало и даже удручало.

Маримальт был воспитан в духе подлинного аристократизма. Он не мог позволить, чтобы из-за его недовольства пострадали слуги, особенно — чужие, и поэтому старательно делал вид, что танец очень его занимает. Но в глубине души он оставался разочарованным.

«Может быть, — думал Маримальт, — я попросту привык, что все женщины от меня без ума? И в самом деле, герцогини и камеристки, жены сановных вельмож и простые рабыни в моем присутствии улыбаются и стреляют глазками совершенно одинаковым образом. А эти служанки, похоже, слишком сильно боятся своей хозяйки...»

В общем-то рыцарь был даже уязвлен этим обстоятельством. Счастливая внешность, знатный род, воинская доблесть и богатство, а самое главное — молодость — все это сделало его дамским любимцем. Немудрено, что он избаловался и чувствовал себя неуютно, если вместо женского обожания встречал холодную отстраненность.

Однако вскорости он перестал думать об этом. Странные вещи происходили с ним. Маримальт словно погружался в сон, все его ощущения обволакивало ленивым покоем, близким к безразличию, в то время как внешне он продолжал бодрствовать. Ему показалось, что вокруг него колышутся зеленоватые морские волны, и далеко вверху пробегают солнечные блики...

Приблизительно в это самое время Конан сражался со слугой-великаном. Киммериец незамеченным прокрался почти к самой купальне и увидел Эвнику. Лемурийка беседовала с Нагиром. Уродец с виноватым видом стоял перед ней. Хозяйка подводного обиталища сердито выговаривала ему на языке глубин. Ее руки нервно теребили золотую цепочку, на которой покачивался шлифованный изумруд — тот самый, сквозь который она наблюдала за турниром.

Нагир, судя по всему, осмелился возразить своей госпоже, вставив в ее гневную речь короткое замечание, состоянее из щелканья и тоненького визга. Эвника пришла в ярость и залепила уродцу звонкую пощечину. Она дважды

топнула ногой, а после запустила ему в голову изумрудом и ушла. Нагир, на глазах которого проступили слезы, поклонился ей вслед и удалился в другую сторону. Изумруд остался лежать на траве.

Упускать такую возможность варвар не собирался. Конечно, по сравнению с тем, что можно было выкрасть из обиталища Эвники, особой ценности этот изумруд не представлял. Но особое чутье, развившееся у киммерийца за зимы странствий и приключений, подсказывало: камень достоин внимания.

Выскользнув из-за колонны, варвар нагнулся, чтобы поднять изумруд, как вдруг... Из ниоткуда возникший слуга-великан обхватил Конана стальными ручищами и сжал, как удав сжимает свою добычу.

Он не спешил поднимать тревогу. Великан был абсолютно уверен, что справится с незваным гостем сам, без посторонней помощи. У него были все основания так полагать. Нечасто киммерийцу выпадала схватка с противником, превосходящим его по силе, — разве что это был какой-нибудь монстр или могущественный колдун.

Великан держал руки Конана так крепко, что у варвара не было возможности дотянуться до собственного меча. Конан напряг мышцы в попытке вырваться. На это его противник искривил усмешкой свое уродливое лицо и только усилил хватку. Варвару показалось, что он услышал, как затрещали его ребра. Зарычав от ярости, Конан собрался с силами и воззвал к своему богу, великому Крому. В то же мгновение на киммерийца снизошло вдохновение. Он использовал короткий миг, когда великан слегка наклонился к нему и со всей мощи ударил противника головой в лицо.

Тот пошатнулся и от неожиданности разжал руки. Освободившись от смертельных объятий врага, Конан не мешкая выхватил меч и, подпрыгнув, снес великану голову.

— Как я мог не заметить этого верзилу? — недоумевал варвар, переводя дыхание. — Неужели великосветская жизнь так меня ослабила? Да уж, она явно не для меня!

Конан поднял изумруд и подбросил его на ладони.

— Сотня золотых, не больше, — оценил он. — Безделушка! Но мне приходилось рисковать собой и за меньшую сумму!

Варвар собирался уже спрятать камень за пазуху, но острое любопытство заставило киммерийца поднести изумруд к глазу и глянуть сквозь него на убитого великана.

— Кром! — воскликнул он. — Я и раньше мог догадаться!

— Опочивальня Эвники здесь, — Тана показала на полукруглый грот, вход в который был украшен огромными переливающимися раковинами.

— Не укладывается в голове, — маркиз оглядывался по сторонам. — Здесь так красиво... и происходят такие гнусные вещи! Скажи мне, Тана, почему сре-

ди прочих пленниц ты не нашла себе подруги? Почему ты пыталась бежать одна?

Этот вопрос занимал его уже довольно давно, но он все никак не мог подобрать правильного момента, чтобы задать его.

Тана смутилась.

— Я пыталась, господин мой, но другие девушки были либо слишком сильно запуганы, либо вконец отчаялись. Если бы не эта страшная статуя в капище, возможно, и я не решилась бы на побег. Здесь плохое творится с людьми. Разум погружается в грезы, душа цепенеет... Неужели мы никогда не выберемся отсюда?

— Я думаю, мы непременно спасемся, — сказал ей Каркаду. — Но для этого нам придется кое-что разузнать. Ты готова вторгнуться в покои Эвники?

Девушка колебалась. Пробираться в опочивальню таинственной и всесильной колдуньи — дело нешуточное. Но Тана впервые за много дней была не одинока. Рядом с ней оказался живой человек и к тому же — храбрый и приятный собой. Мысль о том, что маркиз пойдет в грот без нее и она останется ждать в одиночестве, показалась ей страшнее всего. Без лишних колебаний Тана кивнула и решительно приблизилась к дверям, запертым на ключ.

Маркиз попытался взломать замок, орудуя в скважине острием меча. Усилия его успехом не увенчались.

— Вот что значит отсутствие опыта! — бормотал он. — Интересно, можно ли брать платные уроки воровского мастерства, и если да, то у кого?

Тана с тревогой наблюдала за ним.

— Не получается! — признался он наконец. — Скверно, что у опочивальни нет окон. А как насчет дымохода? В спальне есть очаг?

— Нет, — уверенно произнесла Тана. — Да и зачем? Здесь всегда тепло. Я не помню ни одного прохладного дня. Ой! — вдруг вскрикнула она шепотом. — Сюда идут! Прячемся, или мы погибли!

Вдвоем они скрылись за густым кустарником, образующим живую зеленую изгородь вокруг грота, и затаились. Коралловый песок, которым была присыпана тропинка, заскрипел под чьими-то ногами. Скоро Каркаду увидел Нагира. Уродец с лицом прекрасного юноши явно был озабочен чем-то и бормотал про себя на лемурийском наречии.

Подойдя к дверям вплотную, Нагир просто прикоснулся к замку скрюченной лягушачьей лапкой. Замок лязгнул, открываясь без посторонней помощи. Двери отворились.

Маркиз не стал терять времени. Бесшумно он выскочил из своего укрытия и на цыпочках вбежал в грот следом за Нагиром. От неожиданности Тана только и успела, что ахнуть. Послышался звук крепкого удара и шум, произведенный рухнувшим телом. Миг спустя Каркаду показался из дверей. Он приглашающе махнул рукой. Зажмурившись от страха, девушка бросилась к нему.

Опочивальня представляла собой две комнаты, в одной имели место огромная кровать под шелковым балдахином, изящный туалетный столик,

инкрустированный перламутром, многочисленные зеркала и хрустальный светильник, выполненный в виде плавающей под потолком медузы. Как и лампы в особняке Эвники, этот светился без огня — излучал голубоватое мерцание, не слишком яркое, как раз для спальни.

Вторая комната была сильно поменьше. Она предваряла собой собственно спальню и играла роль гардеробной или приемной. Там стояли красивая ширма старинной работы, два кресла и бронзовая курильница. Между креслами на полу лежал Нагир.

— Он мертв? — побелев, прошептала Тана.

— Не думаю, — маркиз пожал плечами. — Я только оглушил его рукояткой меча. По-моему, он дышит...

— Я его боюсь, — сказала девушка.

— Я тоже, — улыбнулся Каркаду в ответ. — Он же не человек. Он — лемур или лемуриец, как тебе угодно. Никто толком не знает, что он может вытворить. Но ближайшее время этот говорящий тритон не сможет нам помешать. Мы должны обыскать комнату... Знать бы еще, как выглядит то, что мы ищем! — добавил он про себя.

В спальне Эвники не было ничего, напоминавшего колдовской шкаф, при помощи которого маркиз попал в подводные сады.

— Может быть, дело не в шкафу? — размышлял Каркаду, заглядывая под кровать. — Может быть, это как-то по-другому действует? Невероятно, чем приходится заниматься!

Испуганный вскрик Таны заставил его повернуться. Девушка показывала трясущейся рукой на Нагира, а тот, придя в себя, сидел на полу и... хихикал.

— Что это значит? — гневно вопросил Каркаду. — Ты смеешься над дворянином? Может быть, мне пустить в дело клинок?

— Я смеюсь, когда мне смешно, — молвил Нагир. — Я понял, что вы пытаетесь отыскать, и больше не смог притворяться оглушенным. Неужели все представители вашей расы так глупы?

— Я прекрасно могу обойтись и чужим умом! — маркиз подошел к Нагиру вплотную. — Сейчас я начну кромсать тебя на куски, и ты сам расскажешь, как нам выбраться отсюда!

— Остынь, юноша, — Нагир сохранял надменное спокойствие. — Можно обойтись и без глупых угроз. Я могу в любое мгновение позвать слуг, а ты даже не услышишь этого. В языке лемуров много звуков, недоступных человеческому слуху. Они сбегутся сюда раньше, чем ты успеешь причинить мне вред.

— Ты лжешь! — усмехнулся Каркаду. — Почему же ты до сих пор этого не сделал? У тебя было время.

— Может быть, я не хочу ваших смертей? Может быть, я заинтересован в том, чтобы вы сами, без лишнего шума, убрались отсюда? — проговорил уродец, повышая голос. В глазах его вспыхнули огоньки, а в нелепой, исковерканной фигурке появилось необыкновенное достоинство.

— Откуда бы такая сердобольность? — язвительно осведомился Каркаду.

ду. — То ты вместе со своей хозяйкой похищаете людей и губите их жизни, то вдруг готовы отпустить на все четыре стороны?

— Что ты знаешь о моей хозяйке? Что ты знаешь о моем народе? — с горечью сказал Нагир. — Мы все обречены и в то же время живем здесь, на морском дне, вопреки стихии и всему сущему. Вопреки столетиям, которые превращают в пыль человеческие тела. Мудрость великой расы, все прекрасное, что было в ней, воплотилось сейчас в госпоже Эвнике. Она живет не для себя, поверь. На ней тяжкое бремя — ответственность. Ей выпало на долю сохранить себя во что бы то ни стало, сберечь от смерти. Пока жива она — жива и надежда возродить Лемурию из небытия.

— О какой мудрости ты говоришь? — изумился маркиз. — Об умении устраивать кровавые оргии? О сладострастном наблюдении за пытками рабынь?

— Разве в твоем мире, юнец, это не практикуется? — Нагир перешел на крик. — Молчи и слушай, не раздражай меня глупыми речами! Эвника вынуждена похищать мужчин и упиваться их силой — в этом залог ее бессмертия. Неужели ты думаешь, что ради пустого удовольствия она бы стала...

— Да, как раз так я и думаю, — перебил его маркиз. — Именно. Я понял, почему ты хочешь избавиться от нас. Эвника не знает о нашем присутствии, так? Ты наврал ей, сказал, что убил нас там, в особняке, верно? Она положила глаз не только на Маримальта, но и на моего друга-северянина. Более чем уверен в этом. Однако тебе, верному рабу и тайному обожателю, больно даже думать об этом. Эвнике нужно насладиться Маримальтом? Что ж, это необходимое зло. Это ты вытерпишь. Но Конан надобен ей только как игрушка. Он возбуждает ее желание — в отличие от тебя...

— Замолчи! — Нагир сделался страшен. Еще немного — и он бросился бы на маркиза с голыми руками против меча, так велика была его ярость. — Замолчи! Ни слова больше! Я уже сказал, что выведу вас. Где твой приятель-варвар? Он тоже должен убираться, и чем скорее, тем лучше.

* * *

— Князь? — Маримальт, завидев варвара, так удивился, что сонное оцепенение покинуло его. Поразился он также и тому обстоятельству, что рабыни ни на мгновение не прервали своего танца. Они продолжали двигаться, как куклы-марионетки, и это вдруг стало раздражать рыцаря.

— Боги! В каком вы виде, князь! — светским тоном произнес Маримальт, разглядывая неожиданного визитера. — Можно подумать, что вы сражались с десятком разбойников. Вы не ранены?

— Разбойник был всего один, — отозвался киммериец. — Но клянусь ледяной бородой Крома, он стоил сотни других. Я, как видите, прогуливаюсь в

этих краях... и хочу спросить: не желаете ли составить мне компанию по пути домой?

— Вы полагаете, мне пора? — рыцарь нахмурился.

— Полагаю, да!

— А я полагаю, что могу решать за себя сам! — Маримальт по-прежнему произносил слова очень вежливым и даже доброжелательным тоном, но смысл этих слов оставался предельно ясен и нелицеприятен.

Конан не выдержал.

— Хватит! — оборвал он учтивую беседу. — Тебе угрожает смерть. Нужно уносить отсюда ноги подобру-поздорову! Ты угодил в ловушку. Тебя используют, как призового жеребца, а то, что от тебя останется, скормят рыбам.

Маримальт недоверчиво покачал головой.

— Почему я должен этому верить? — спросил он. — Если ты, северянин, ревнуешь к Эвнике, то к чему эти уловки, эта явная ложь? Вызови меня на поединок, как и подобает благородному человеку. Незачем оскорблять женщину столь отвратительными подозрениями...

— Довольно, — Конан протянул рыцарю изумруд на цепочке. — Посмотри на танцовщиц сквозь этот камень. Увиденное убедит тебя лучше любых слов.

Маримальт не был в восторге от того, что какой-то слабоцивилизованный дикарский князек с севера дает ему советы. Но правила хорошего тона взяли свое. Рыцарь приложил изумруд к правому глазу и взглянул на служанок, кружащихся в бесконечном танце. Хриплый стон вырвался из его груди. Маримальт побелел, как полотно, и пошатнулся.

Утопленницы, полуистлевшие, объеденные рыбами, плясали перед ним. Обнаженные кости торчали из разложившейся плоти. Мертвые пустые глазницы сочились морской водой.

— Это колдовство! — простонал Маримальт. — Твой камень врет. Я не могу поверить...

— Посмотри на меня. Посмотри на себя. Если бы это была только уловка, изумруд искажал бы все без разбора. Ну? Взгляни же на меня через него! Что ты видишь?

— Где Эвника? — с болью в голосе спросил рыцарь.

— В капище Атротиды. Собирает ядовитое зелье для тебя, — ответил Конан, яростно щерясь. — Ну? Что ты скажешь теперь?

— Надо избавить мир от этой... гадины, — выговорил Маримальт. — Идем!

Перед тем, как маленький отряд разделился, киммериец подробно расспросил Тану о расположении строений в подводном саду чудес. Благодаря этой предусмотрительности он неплохо ориентировался во владениях Эвники. Вдвоем с рыцарем они передвигались тихо и быстро. До самого капища им никто не попался на глаза.

«Верный признак близкой засады!» — отметил про себя Конан. И он не ошибся.

У самого капища — приземистой округлой постройки, утонувшей в густых зарослях цветущего шиповника, — на них напали. Словно из воздуха материализовались двое слуг-великанов. Оба были вооружены длинными мечами с пилообразными клинками. Конан уже знал секрет их невидимости. Истинная наружность великанов, различимая сквозь изумруд, оказалась далека от человеческого образа. То были глубинные твари, поросшие колючими плавниками, с толстыми щупальцами и острыми тонкими зубами. Как и многие жители моря, эти чудовища умели искусно менять цвет и сливаться с окружающим.

Маримальт, оказавшийся без оружия, не колебался ни мгновения. Он бросился в бой, располагая только бесстрашием. Как ни странно, чудовища растерялись от такого натиска. Но, к несчастью, они быстро пришли в себя. Конан не успел еще вмешаться в битву, как рыцарь получил уже серьезную рану — меч великана пропорол ему бок. В следующее мгновение Конан успел вонзить свой клинок в грудь одного из отвратительных созданий. Черная кровь хлынула фонтаном.

Маримальт, зажимая левой рукой рану, другой прихватил меч убитого великана, и миг спустя они уже вдвоем атаковали оставшегося. Тот сражался отчаянно. Сила его ударов нарастала, словно он не ведал усталости. Испустив воинственное рычание, киммериец сделал глубокий выпад, но великан отразил его и сбил варвара с ног. Еще мгновение — и Конан был бы пригвожден к земле. Маримальт, движимый наитием, метнул лемурийский меч, будто копье. Пронзенный насквозь, обитатель черной глубины рухнул навзничь.

Шатаясь от потери крови, Маримальт вошел под своды капища. Эвника, увидев его, закричала от ужаса и гнева.

— Кто звал тебя сюда, глупец! Ты все испортил! — визжала она.

Нибилла, сжимая арфу, отступила в тень и затаилась.

— Ты права, я глупец! — горько молвил рыцарь. — Как я мог поверить тебе? Меня ослепила твоя красота. Я добровольно расстался бы с жизнью, если бы ты только попросила.

— Что же изменилось? — Эвника высокомерно посмотрела на юношу, истекающего кровью. — Моя красота осталась при мне. Я прошу тебя пожертвовать собой во имя этой красоты. Что же ты? Не хочешь?

— Ты невысокого мнения о людях, лемурийка, — произнес Конан, входя в капище. — В этом твоя главная ошибка. Люди несовершенны, неумны, испорчены всяческими пороками... Но самый слабый из них — сильнее тебя, пока у него осталось желание бороться.

Нибилла первой поняла, что задумал киммериец. С воплем она бросилась на него. Упавшая арфа зазвенела лопнувшими струнами. Невесть откуда показались в руках Нибиллы смертоносные бичи. Еще мгновение — и они оплелись бы вокруг ноги варвара. Но тот не терял времени. Подскочив к изваянию Атротиды, Конан рывком сбросил его с пьедестала. Статуя обрушилась на Нибиллу, раздавив ее, и лопнула, раскололась на части. Обломки стали сочиться

кровью. Эвника пала на колени перед поверженным идолом и принялась жадно, торопливо слизывать эту кровь. На обоих мужчин она даже не смотрела.

* * *

Силы оставили Маримальта, и Конану пришлось нести его на руках. Варвар чувствовал: необходимо торопиться. Что-то нарушилось в подводных владениях Эвники. Почва под ногами то и дело начинала ходить ходуном, а прозрачный купол, заменяющий небо, отчетливо содрогался.

Киммериец не имел ни малейшего представления о том, куда идти и где искать Каркаду с девушкой. За это время многое могло уже измениться. На всякий случай он со своим раненым спутником поспешил в сторону хозяйкиной опочивальни. Если Каркаду и ушел оттуда, то вряд ли успел отойти далеко.

К великому счастью, маркиз и Тана быстро их нашли.

— Пора, князь! — заявил маркиз. — В двух шагах отсюда есть беседка, из которой мы перенесемся обратно в особняк.

— Как вы догадались о ее свойствах? — спросил Конан.

— Помог Нагир. О, тут целая драма! Я расскажу в подробностях, но не теперь. Вот, кстати, и он.

Уродец отнюдь не пришел в восторг, увидев бесчувственного рыцаря на руках у Конана.

— Этот должен остаться! — объявил он. — Иначе я позову стражу, и вы все погибнете!

— Он больше не нужен твоей хозяйке, — сообщил варвар не без злорадства. — Ей не до него. И тебе скоро, очень скоро, тоже будет не до нас.

— Что все это значит? — Нагир оскалился. — Госпожа жива? Вы ничего ей не сделали?

— Ее никто и пальцем не тронул.

— Пропадите вы пропадом! — Нагир в нетерпении махнул рукой. — Становитесь в беседку, в самый центр, и возьмитесь за руки. Больше ничего делать не нужно. А знаете... если когда-нибудь у меня появится такая возможность, я убью вас. Всех, по очереди. Убирайтесь!

Уродец бросился бежать по направлению к капищу. Подземный толчок едва не сбил его с ног. Прозрачный купол явственно потрескивал, словно устал сдерживать тяжесть невероятной толщи морской воды.

— Пожалуй, он действительно любит свою госпожу, — задумчиво молвил Каркаду, глядя ему вслед. — Ах, какая трогательная и ужасная драма!

— Прежде чем мы вернемся обратно, нужно рассеять последние сомнения, — тяжко уронил Конан, поглядывая на Тану.

Девушка, не понимая ничего, смущенно улыбалась.

— Ты о чем? — не понял маркиз.

— Тана нравится тебе? Ты ведь увлечен ею как женщиной? — прямо спросил варвар.

— Ну, у нас не принято обсуждать подобные вопросы столь откровенно, однако признаюсь — ты прав, — ответил Каркаду и взял девушку за руку. — Если бы она согласилась, я женился бы на ней. Тана красива, отважна, умна, аристократична и будет благодарна мне — своему изысканному спасителю. Ведь правда, Тана?

— Значит, ты и должен это сделать, — оборвал его Конан.

— Что именно?

— Посмотри на нее сквозь этот камень. Быстро. Что ты видишь?

— Красивую, отважную, аристократичную... э... умную девушку, — ответил Каркаду. — Можешь посмотреть сам. Эта девушка, честное слово, просто очаровательна. Но зеленое ей не слишком идет. Думаю, мой портной в Ианте смог бы...

— Вот и прекрасно, — оборвал Конан и вздохнул с нескрываемым облегчением.

* * *

После того, как все четверо исчезли из беседки, тяжкий удар сотряс подводные сады госпожи Эвники и прокатился по всему дворцу наслаждений. Купол покрылся сетью извилистых трещин, и соленая морская вода хлынула со всех сторон, уничтожая призрачное великолепие. Все погибло без следа. Что стало с Эвникой, Нагиром, с бессчетными сокровищами Лемурии — об этом знают только зеленые морские волны и глубоководные рыбы. Но рыбы молчаливы, а язык волн понимают только менестрели. Кто станет прислушиваться к ним, кто примет всерьез их поэтические россказни? Они вечно все приукрашают.

Маримальт оправился от раны. Он по-прежнему самый красивый рыцарь в Ианте, но после случившегося уже не злоупотребляет вниманием со стороны дам. Теперь он тих, задумчив и, поговаривают, дал обет целомудрия. Каркаду никаких обетов не давал. Он и вправду женился на Тане и теперь редко по вечерам выходит из дома, предпочитая развлечениям семейный очаг и трех маленьких, чрезвычайно шумных и бойких Каркаду.

А Конан? Конан-варвар покинул Ианту и устремился навстречу новым приключениям. Придет время — и вы узнаете о них.

* * *

— Изумруд, который показывает истинную природу людей и предметов? — недоверчиво проговорила Зонара, вертя в быстрых загорелых пальцах добычу Конана. — И это все? Боги, как же ты глуп, киммериец!

И уставилась на него сквозь камень большим, любопытным, ярко-зеленым глазом.

Китайская печатка

Эту женщину Конан заметил сразу. Во-первых, она путешествовала одна. В Вендии такое встретишь нечасто. Разумеется, у нее имелись слуги: какие-нибудь конюхи, носильщики паланкинов, личные повара и все такое — все, что полагается знатной госпоже, которая зачем-то отправилась в путь. Все эти люди «не считались». Кто они такие, в конце концов, чтобы обращать на них внимание? Просто «говорящие предметы обстановки». Одного можно заменить другим, и никто не заметит разницы.

Она путешествовала одна в том смысле, что при ней не было спутника-мужчины, равного ей по положению. Ни отца, ни мужа, ни брата, ни опекуна.

Закутанная в плотное темно-зеленое покрывало с золотым волнообразным узором, она вошла в придорожную таверну как раз в тот момент, когда Конан расправился с первым кувшином вина и потребовал второй. При виде этой фигуры, угадывавшейся под тканью, киммериец отставил кувшин и уселся поудобнее, желая понаблюдать за женщиной. Наверное, это было невежливо. То есть, это наверняка было верхом нахальства — развалиться на скамье, заложив руки за голову, и уставиться на вошедшую откровенным, раздевающим взглядом. Но, в конце концов, рассудил про себя Конан, они не в королевском дворце и не при королевском дворе, поэтому некоторые правила «цивилизованных людей» здесь могут быть отменены. Придорожные таверны принадлежат таким, как он, Конан-варвар, а если разным странствующим без спутников красоткам это не по нраву — что ж, никто не заставлял их отправляться в дорогу.

Завершив это раздумье вполне логичным и удовлетворительным выводом, Конан преспокойно взялся за кувшин и налил себе в кружку. Обглоданные кости лежали рядом с ним на блюде — варвар только что неплохо закусил бараньей ляжкой и теперь отдыхал. Деньги у него водились. Может быть, это были не вполне его собственные деньги, но владелец их остался далеко и вряд ли смог бы заявить претензии на туго набитый кошелек, расшитый бисером и золотыми бусинами.

Что касается Конана, то он давно забыл об этом неудачнике. По правде говоря, они даже знакомы не были. Так, случайная встреча в толпе. Такими делами Конан промышлял время от времени, когда подворачивался случай.

Тем временем закутанная в покрывало женщина уселась за дальний столик у стены. Конан оценил плавный изгиб ее бедер, изящество жеста белой руки, которым она подозвала к себе хозяина. Тот подбежал очень быстро и наклонился над ее плечом — воплощенная услужливость. Она что-то проговорила тихим голосом, и хозяин, кивнув, тотчас поскакал выполнять заказ.

«Интересно, что она потребовала? — лениво гадал Конан, прихлебывая из кружки. — Наверняка какой-нибудь нектар для деликатного горлышка. Сладеньких маленьких булок, которые так любят здешние женщины».

Тут ему в голову пришло воспоминание о некоторых из здешних женщин. В Вендии Конан был недавно, но знакомство с прекрасным полом свести успел. Несколько мгновений Конан предавался грезам. Затем он снова обратил взор в сторону незнакомки.

Хозяин уже принес ей заказ. Вовсе не маленькие сладкие лепешки, как предполагал Конан, и отнюдь не нектар в узеньком кувшинчике. На подносе стояла кружка, полная густого темно-красного вина, и в глиняной плошке — копченый свиной пятачок с печеными фруктами. Это насмешило Конана и вместе с тем заинтересовало его. Либо красавица очень уверена в себе, если заказывает такое (и в таких количествах!), либо она — женщина-воин, либо...

«Либо она вовсе не красавица, и ей нечего опасаться назойливых ухажеров, которые, конечно, не преминут воспользоваться ее несколько расслабленным состоянием, — подытожил про себя Конан. — Потому что проглотив такое количество горячительного напитка, она, несомненно, почувствует себя довольно свободной. Да, свободной. От уз этой их так называемой цивилизации».

Он хмыкнул себе под нос, но тут же подавился смешком. Женщина поблагодарила хозяина кивком головы, придвинула к себе поднос и слегка отвела от лица покрывало.

Взору любопытного варвара предстало ее лицо. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что Конан облился вином — кружка сама собою подпрыгнула у него в руке. Пока он, ругаясь, обтирался ладонью, женщина, по-видимому, совершенно невозмутимая, приступила к трапезе.

У нее оказались ослепительные светлые волосы, заплетенные в тугую прическу. Сначала Конан подумал было, что красотка носит на голове золотую сетку — так поступают некоторые вендийские модницы — но нет, светились именно волосы. И глаза тоже оказались светлыми. Вендийки темноглазы — о влажном блеске их очей, подобных ночи, немало написано стихотворных строф. Даже Конан слышал одну-две от подвыпивших поэтов, забредавших в таверны и зарабатывавших себе на выпивку сочинительством и чтением стихов. А эта — зеленоглазая. И кожа у нее белая, как атлас. В Бритунии такая девушка не вызвала бы особого интереса. Впрочем, она была довольно хороша собой. И все-таки, ничего выдающегося в ее красоте не было.

Но встретить эдакое чудо в Вендии! В вендийских одеждах! Без спутника!

Почти невозможно.

Почти. Для случайности всегда остается лазейка. Это Конан уже усвоил за зимы, проведенные в странствиях по самым разным землям Хайбореи.

Хрящи так и трещали на зубах у красотки. Конан с деланным равнодушием глотал вино, разглядывал потолок и чесался. Он находился в пути уже несколько дней. Пыльные, спутанные черные волосы, о которые варвар имел обыкновение вытирать сальные пальцы, имели совершенно дикий вид. Синие глаза киммерийца смотрели сонно. Со стороны он выглядел человеком, который устал, сытно поел и теперь дремлет над кружкой.

Удивительная блондинка трудилась над мясом с усердием поденщика, который надеется на премиальные выплаты от хозяина. Ее белые зубки так и точили нежное, копченое мясо. Яркие глаза поблескивали в тусклом свете факелов. Она, казалось, немного забавлялась происходящим.

Конан почувствовал на себе ее взгляд и слегка передвинулся. Нет сомнений: она рассматривает его. Ну и ну! Киммериец приветливо ухмыльнулся в ответ и махнул рукой, показывая на кувшин с вином — впрочем, опустевший уже более чем наполовину.

Она фыркнула и забрызгала жиром свое роскошное шелковое покрывало. Это насмешило ее еще больше. Она расхохоталась, откинув голову. Конан с легким недоумением смотрел на ее нежное белое горло, похожее на голубиное. Нет, эта женщина — не воин. И не страхолюдина. Нечто другое. И тем не менее она ничего не боится. Может быть, она просто доступная женщина? Куртизанка высокого полета в поисках пикантных приключений? Эти тоже ничего не боятся, даже демонов преисподней.

Но что-то подсказывало киммерийцу: нет, дело совершенно в другом. Незнакомка не выглядела легко доступной. Для того, чтобы ей понравиться, мужчине следует хорошенько постараться. И даже это еще не дает ему уверенности в том, что она пустит его в свою постель.

— Иди сюда! — позвал ее Конан и снова помахал рукой. — Я угощаю!

— Ладно, — легко согласилась она. Незнакомка подхватила правой рукой блюдо с наполовину обглоданным свиным пятачком, а левой подобрала покрывало и мелкими шажками, путаясь в длинном, причудливом одеянии, приблизилась к варвару. Конан любезно подвинулся.

Девушка уселась, заботливо разместила складки мудреной юбки, так чтобы они красиво очерчивали ее колени, струились вдоль стройных лодыжек и полукругом ложились на полу у стоп.

— Сними ты это покрывало, — посоветовал Конан дружеским тоном. — Только испачкаешь напрасно. То есть, мне, конечно, все равно, но женщины обычно огорчаются. Насажают пятен на платье, а потом рыдают и бьют по щекам служанок — зачем не могут отстирать!

— Я своих служанок не бью, — сказала женщина преспокойно.

— Вероятно, ты их ешь, — предположил Конан, покосившись на нее.

— Совершенно верно, — подтвердила она, снова принимаясь за мясо.

— Меня зовут Конан, — снова заговорил варвар, решив быть очаровательным.

Она назвала свое имя — Хлависа.

— Я из Киммерии, — продолжал Конан.

— А я из Вендии, — ответила Хлависа. — Продолжим?

Конан понял, что она втягивает его в какую-то игру, и решил поддержать ее. Не уступать же женщине!

— Я путешествую один, — сказал он.

— Я тоже.

— Я стану королем, — поведал киммериец.

— А я нет, — отозвалась девушка.

— Ты замужем?

— Нечестно! Ты должен был что-то сообщить о себе, а я отвечу тем же, — девушка хлопнула ладонью по столу.

— Ладно. Я не женат.

— Я тоже.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет мужа?

— Я хочу сказать, что у меня тоже нет жены.

— Проклятье! Ты слишком ловко играешь! — возмутился Конан. — Кто устанавливает правила игры?

— Я, — объявила Хлависа.

Конан насупился. Ему показалось вдруг, что его обманули.

— Ты мне нравишься, — пошел он напролом. — То есть, я хочу сказать, что ты меня заинтересовала. Ты красивая и таинственная. Откуда в Вендии могла взяться такая красота?

— Ты неправ, — возразила девушка, — в Вендии немало очень красивых женщин. Просто они кутаются в покрывала — вот ты и не смог их разглядеть как следует.

— Некоторых я уже успел разглядеть, причем именно как следует, — заверил Хлависа варвар. — Можешь мне поверить, я разбираюсь в женщинах. Ты не такая, как они. В Бритунии ты была бы довольно заурядным явлением, но здесь..

— Заурядным? — Лицо Хлависы окаменело, взгляд неожиданно стал опасным.

Конан смутился, и это разозлило его.

— Ты поняла, что я имел в виду.

Но она не поддержала его.

— Нет, не поняла.

— Хлависа, твой тип распространен на севере, но не здесь, не под этим небом. Я это хотел сказать. Ты очень красива.

Она потянулась, зевнула. Это был в высшей степени соблазнительный зевок. Конан даже задохнулся, когда увидел этот розовый язычок и приоткрытые пухлые губы.

— Да ладно, что нам с тобой делить! Конечно, я поняла, что ты хочешь сказать. Да, я красива, но мой тип распространен на севере. И тем не менее я родилась в Вендии и никогда не бывала дальше Султанапура.

— Поразительно! Может быть, твоя мать была из чужой страны? Или я задаю слишком много вопросов?

— Слишком много вопросов, — сказала Хлависа. — На них существует только один ответ. Точнее, ответов два, и оба честные.

— Я удовольствуюсь любым.

— Ладно. Тогда ответ первый: я не знаю.

По лицу Конана она увидела, что ее собеседник разочарован. Хлависа тихонько рассмеялась.

— Ты же обещал, что удовлетворишься.

— Я не думал, что ты ответишь так.

— Но это честный ответ.

— А есть еще один? Еще более честный?

— Возможно. Но ты его не получишь.

Конан нахмурился, однако его плохое настроение быстро развеялось. Красавица взяла его за руку, придвинулась ближе, и он ощутил тепло, исходящее от ее тела. Оно было таким горячим, что Конан вздрогнул от неожиданности.

— Ты не больна?

— Нет. У меня всегда повышенная температура. Нечто вроде постоянной лихорадки.

— Не хочу тебя пугать, Хлависа, но люди с постоянной лихорадкой долго не живут. Когда мы с одним пареньком бежали с галер — это было на севере Стигии... Впрочем, тебя подобные детали не должны занимать. Важно другое. У моего спутника тоже была постоянная лихорадка и, клянусь Кромом, он помер от нее на третий день побега! Правда, помер он свободным человеком, под чистым небом и все такое, но свое дело она сделала. То есть, свела его в могилу. Как есть, свела в могилу.

— Большое спасибо, — ответила Хлависа.

Конан моргнул. Ее это позабавило.

— Да нет, — ее пальцы ласково сжали широкую ладонь варвара, — я действительно благодарна тебе за заботу. Однако я вряд ли умру так, как умер твой бедный приятель. Обещаю, этого не случится.

— Хорошо, — проворчал Конан, смущенный.

Она засмеялась прямо ему в ухо. Он ощущал ее дыхание, улавливал чуткими ноздрями горьковатый, волнующий аромат ее кожи и волос.

— Ты обещал угостить меня выпивкой, — напомнила Хлависа.

Хозяин уже стоял наготове с кувшином. Все это время он поглядывал в сторону парочки, прикидывая, когда настанет удачное время и можно будет всучить им еще вина. Эти двое пили от души и платили щедро, а что еще требуется от постояльцев? Возможно, они даже останутся на ночь. Он отведет их в

лучшие покои. И сдерет за понимание, деликатность и предупредительность по тройной цене. Они могут себе позволить заплатить втрое. Да, несомненно.

— О, да ты читаешь мысли на расстоянии! — воскликнула Хлависа и несколько раз хлопнула в ладоши.

Хозяин поклонился.

— Угадывать мысли клиентов — моя работа.

— Надеюсь, тебе за нее больше никто не платит, — фыркнул варвар.

— Что господин имеет в виду? — повернулся к нему хозяин с крайне оскорбленным видом.

— Господин имеет в виду шпионаж. Подозрительные типы, слишком плохо одетые и слишком щедро расплачивающиеся золотом — например.

— В Вендии ворам отрубают правую руку, — важно молвил хозяин, — однако ни один из моих постояльцев не является вором. Я в этом твердо уверен.

— Я тоже, — проворковала Хлависа и отпустила хозяина величавым взмахом руки.

Когда трактирщик удалился, она повалилась головой Конану на плечо и тихонько, гортанно засмеялась. Варвар ощущал, как вибрирует ее тело. Не в силах больше противиться искушению, он сгреб ее в охапку и нежно поцеловал в смеющийся рот.

Они прикончили один кувшин, затем второй. Хлависа пила сама и подливала Конану. То и дело они отставляли кружки и целовались. Голова у Конана шла кругом. Обычно он не напивался — для того, чтобы уложить под стол могучего варвара-северянина, требовалось куда больше, чем три кувшина доброго вина, выпитого в компании с красавицей. Однако то ли Хлависа подмешала что-то в напиток, пока Конан отворачивался, то ли действовали какие-то таинственные чары — но только вскоре Конан обнаружил, что весь окружающий его мир исчез, и остались только огромные зеленые глаза Хлависы, то расширяющиеся, то сужающиеся, и странный, тревожный зрачок в окружении золотистых точек: вертикальный, как у кошки. Затем этот зрачок начал округляться, и наконец тьма поглотила киммерийца с головой, и он исчез, растворившись в ней.

Конан очнулся и медленно приоткрыл глаза. Сквозь ресницы он огляделся. Вокруг покачивался явственный мираж: что-то блестящее, многоцветное. Настолько не похожее на придорожную таверну, где Конан помнил себя в последний раз, что варвар счел все увиденное просто сном. Он опять опустил веки и поразмыслил. Попробовал согнуть руку, ногу. Нигде ничего не болело. Он не был связан или скован. Тело полностью подчинялось ему. И даже голова не болела.

Конан перевернулся на бок. Потом на живот. Подпер подбородок кулаком, снова открыл глаза.

Его окружала сказочная роскошь. Ослепительный свет изумрудов, рубинов, жемчужин брызнул на потрясенного варвара со всех сторон. Стены, мебель переливались изумительными красками, под потолком (как обнаружил Конан, задрав голову) висели гирлянды искусственных цветов. Нефритовые листья, искусно вырезанные, с позолоченными жилками, тихо покачивались на длинной золотой цепочке; цветы с опаловыми лепестками и яшмовыми пестиками свисали между листьями. Настоящие птицы летали среди этой роскоши. Некоторые растения, впрочем, были настоящими. Они распространяли по комнате изумительный аромат.

Конан сел, ощупал голову. Нет, с головой тоже все в порядке. По-прежнему нечесаные волосы свисают на плечи. К нему никто не прикасался.

Если не считать того, что, пока он спал, его перенесли в это райское место.

Впрочем, насколько это место действительно райское, предстояло еще выяснить. Конан осторожно поднялся на ноги и принялся бродить по комнате. На маленьких столиках, инкрустированных перламутром, стояли кувшинчики, полные разных жидкостей (Конан понюхал некоторые из них и остался недоволен, поэтому отставил их в сторону), и шкатулочки самых разных форм и размеров. Некоторые из них были открыты, и там сверкали драгоценности. Ожерелья, диадемы, браслеты, перстни, просто россыпи камней — не счесть всех сокровищ, что предстали здесь взору пораженного варвара.

Он взял в руки крупный рубин. Камень чистейшей воды. На просвет — ни одного изъяна. За такую штучку можно взять в Аренджуне целое состояние. Нужно только найти правильного покупателя. Впрочем, в Аренджуне таковых как раз можно грести лопатой.

Но что-то останавливало Конана от поспешного совершения кражи, хотя пальцы сами собою сомкнулись над камнем и никак не желали освобождать прекрасную добычу.

— Ну-ка, — сказал варвар, обращаясь сам к себе. — Сначала следует выяснить, где я нахожусь. Как я сюда попал. Как отсюда выбраться. И, самое главное, — реальны ли все эти замечательные предметы, или с первым лучом солнца они рассыплются и превратятся в глиняную пыль?

Тем не менее он сунул рубин за пазуху. «Здесь полным-полно побрякушек, — подумал варвар. — Никто и не заметит, если я возьму одну.»

Он перетрогал все, что увидел в комнате.

— Странно, что здесь не накрыто на стол, — проворчал варвар. — Я бы перекусил. Да и выпить бы не отказался. У меня пересохло в горле. Кром! Где же я все-таки оказался? Не нравится мне эта история.

Женщина. В таверне была странная женщина. Она выглядела как бритунийка. И имя у нее нее похоже на вендийское. Хлависа. Золотые волосы и изумрудные глаза. Боги, как она ела! Как она смеялась! Как целовалась!

Конан ощутил жар во всем теле. Хорошо бы сейчас отыскать эту Хлавису и стиснуть ее в объятиях. Кажется, она была не против. А еда и выпивка подождут.

... И куда подевалась прекрасная Хлависа? Не она ли похитила Конана? Он вспомнил, как завораживающе смотрели зеленые глаза. Да, они были последним, что он вспоминал перед тем, как погрузился в забытье.

— Ну, птичка, — фыркнул Конан, — если ты рассчитывала на легкую поживу, то ошиблась. Из меня плохая жертва интриг и колдовства. Надеюсь, ты не имеешь отношения к почтенной гильдии магов. Эту братию я терпеть не могу. Убиваю везде, где встречу, невзирая на лица. Маг всегда опасен, а если колдун — прекрасная с виду женщина, то он опасен вдвойне. То есть, она опасна. Вдвойне и даже втройне.

В глубине души он надеялся, что красавица Хлависа отнюдь не колдунья, а нечто совсем другое.

Может быть, она — отчаявшаяся красотка, которая нуждается в помощи варвара, но не знает, как выразить словами свою нужду? Это было бы лучше всего. Конан не сомневался в том, что в состоянии легко выполнить все, о чем бы его ни попросила такая чудесная девушка.

Он вздохнул, потянулся.

Из комнаты вела резная деревянная дверь, украшенная двумя наборными панелями из разных пород дерева. Узоры изображали сплетение цветов и листьев и птиц, спрятавшихся на ветвях.

Конан толкнул ее плечом. Дверь легко отворилась, и варвар очутился в следующей комнате. Эта отличалась от предыдущей — если не по роскоши убранства, то по стилю. Она вся была задрапирована роскошными тканями. Некоторые были расшиты золотыми и серебряными нитями. Занавес на окне представлял собой длинные нити розовых жемчужин, которые слегка покачивались под легким ветерком, проникавшим из внутреннего садика. Конан выглянул в окно и увидел, что кругом высятся стены, а внизу, среди цветочных куртин и кустов, тихо журчит фонтан. Повсюду среди зелени были расставлены маленькие статуи, вырезанные из редкой, молочно-белой разновидности нефрита. Ласковый свет, струившийся с неба, как бы пронизывал полупрозрачные тела каменных олених, танцующих дриад, изогнутых в прыжке рыб и необыкновенно изящных кхитайских драконов с распростертыми крыльями и извивающимися длинными усами, похожими на усы речного демона. Растения были подобраны так продуманно, что статуи казались естественным их дополнением.

Конан никогда не был сентиментален в том, что касалось красот природы, однако даже он понял, что видит редкое по изяществу произведение садового искусства.

Впрочем, он почти тотчас отшатнулся от окна, поскольку ему показалось, что некто стоит у него за спиной. Резко обернувшись, варвар едва не сбил с ног прехорошенькую девушку, которая испуганно вытаращилась на него и вцепилась что есть силы в большой позолоченный поднос, который держала в руках. На подносе курилось паром глубокое глиняное блюдо, расписанное голубыми зигзагами. Конан мгновенно учуял запах запеченной в углях утки. И не ошиб-

ся. Служаночка принесла варвару, кроме отменно приготовленной птицы, узкогорлый металлический кувшин с изысканным белым вином, корзину фруктов и две лепешки свежего белого хлеба. Все это она протянула киммерийцу и пролепетала что-то на неизвестном языке.

— Спасибо, милая. — Конан взял поднос и едва не выронил его: неожиданно поднос оказался очень тяжелым. Как только хрупкая кроха утащила его в своих тоненьких ручках? Впрочем, в любой женщине может таиться загадка — в этом Конан убедился давно.

Варвар водрузил поднос на один из изящных тонконогих столиков, а сам уселся в мягкое кресло, покрытое шкурой какого-то животного. Шелковистая шерсть приятно щекотала кожу спины.

Девушка продолжала стоять, рассматривая гостя, которому ей приказали прислуживать. Она была настоящая вендийка — смуглая, с ярко выраженной худобой, однако не болезненной, а лишь врожденной. Брови она красила черным, сводя их в единую линию на переносице, а ступни босых ног и ладони краснели охрой. Огромные черные глаза, похожие на оленьи, горели на тонком лице, густые ресницы мерно взмахивали, словно опахала.

На ней было светло-оранжевое платье с желтой полосой по подолу, уложенное в замысловатые складки. Запястья и щиколотки отягощались золотыми браслетами, такими тяжелыми, что они выглядели не столько украшениями, сколько оковами.

— Ты давно здесь служишь, малышка? — поинтересовался Конан.

Девушка медленно покачала головой в знак того, что не понимает. Конан махнул рукой.

— Неважно.

Он взял ее за подбородок и нежно поцеловал. Она вспыхнула румянцем, низко наклонила голову и убежала. Конан послушал, как удаляется тихонький топоток, усмехнулся и принялся за еду.

Насытившись, варвар оставил блюдо, обглоданные кости, поднос и прочее там, где ел, то есть на полу возле окна, выходящего в чудный садик, а сам отправился осматривать дом. Он побывал в ореховой комнате, где все было сделано из различных сортов этого дерева и где стоял удивительный ореховый запах, такой густой, что, казалось, обладал способностью насыщать тех, кто его вдыхает, без всякой пищи. Заглянул в библиотеку, где хранились свитки и поблескивали в полумраке бронзовые статуэтки, изображавшие зверообразных божеств Вендии. «Интересно, — подумал Конан, окидывая пренебрежительным взглядом полуистлевшие папирусы и куски пожелтевшей ткани, исчерченные различными значками, — почему в таких комнатах у цивилизованных людей всегда стоит тьма, словно в спальне у Сета? Мне кажется, разбирать все эти значки и закорючки можно лишь при ярком свете. Охота же им портить себе глаза!»

Статуэтки божеств понравились ему куда больше, хотя вид некоторых вызывал сомнение. Например, трехглавая женщина с ожерельем из человечес-

ких голов не производила впечатление особы, с которой Конан-киммериец охотно провел бы вечерок-другой. Впрочем, богине мнение варвара было глубоко безразлично. Еще бы! Она ведь бронзовая.

Возможно, будь она из плоти и крови, ее мнение оказалось бы иным.

Эти бессвязные соображения навели Конана на другую, более серьезную мысль: что вчера произошло между ним и белокурой незнакомкой из таверны? Ее ли это дом? Или он случайно оказался неизвестно где? В таком случае, где хозяева? Он не сомневался, что находится в Вендии, но на этом его познания касательно собственного положения в мире заканчивались. Они целовались, он помнил вкус ее губ. Они пахли земляничкой.

Конан улыбнулся. Что за странная женщина! Но очень привлекательная — это несомненно.

— Ясно тебе? — сказал он богине, как бы завершая свои раздумья о женщине.

Роскошному дворцу, где очутился варвар, казалось, не будет конца. Шелковая спальня сменилась туалетной комнатой, где Конан немедленно начал задыхаться и чихать от множества расставленных повсюду коробочек с благовониями, притираниями, пудрами, помадами, краской для глаз, волос, сосков, пупка, ладоней, ступней, щек. Здесь были склянки с ароматическими маслами, медные кувшинчики, изящно украшенные эмалями, содержащие какие-то едкие капли — возможно, их втирают в виски, чтобы придать себе бодрости. Пудра, серебряная, синяя, золотая, поднималась облаком над круглыми и овальными коробочками из драгоценных камней, едва только любопытный варвар приподнимал крышки. Он и сам не знал, зачем разглядывает все это. Женские ухищрения оставались для него, как и для большинства мужчин такого склада, чем-то загадочным и, в принципе, не особенно нужным. Конана никогда не интересовало, каким способом женщина делает себя привлекательной.

Возможно, он старался отыскать ответ на свои вопросы. Но их не было и здесь, в святая святых красавицы — ее туалетной комнате. И Конан пошел дальше.

В поисках выхода он переходил из помещения в помещение, но повсюду было одно и то же: роскошь и полное безлюдье. В конце концов, все это начало ему изрядно досаждать. Он несколько раз выглядывал в окна, но все они выходили во внутренний садик. Конан с досады даже плюнул туда пару раз и один раз попал в статую, изображавшую нахального вида девицу, которая, подбоченясь, плясала совершенно голая.

— Так тебе и надо, — мстительно произнес варвар и отошел от окна.

Он двигался спиной и потому случайно налетел на очередной столик, каких немало имелось в комнате. Хрупкая тонконогая мебель зашаталась и повалилась набок, как будто Конан ее убил. Лежащий столик напомнил подстреленную антилопу. Варвар не захотел исправлять содеянное. Он вдруг заметил некий предмет, который привлек его внимание куда больше какого-то жалко-

го столика — будь тот хоть из драгоценнейшего черного дерева, инкрустированного жемчужными и перламутровыми пластинами.

Сундучок.

Маленький, прочно запертый сундучок. Он находился под столиком, накрытый шелковым платком, — как будто его, в отличие от прочих вещей, имевшихся в особняке, тщательно прятали. Блестящий, гладко отполированный, металлический сундучок выглядел довольно тяжелым. На нем почти не было украшений — только три разноцветных драгоценных камня, выложенные треугольником, и гравировка — летящий дракон с распростертыми крыльями. Работа явно принадлежала резцу очень искусного мастера, и Конан ненадолго залюбовался ею.

Затем он решил поднять крышку и исследовать содержимое.

Безрезультатно — крышка не желала подниматься. Конан вертел свою находку и так, и эдак, ругался, скреб его ногтями — все бесполезно. Поскольку вещь оказалась не слишком тяжелой — во всяком случае, не такой тяжелой, какой выглядела, — он прихватил ее с собой. Возможно, удастся продать какому-нибудь любителю тайников. Да и металл, из которого выкован предмет, кажется, не простой. Либо драгоценный, либо магический — к такому выводу пришел Конан.

Но на самом деле — он не желал себе признаваться в этом — его разозлила загадка. Он не любил, когда в уме поселялась некая тайна и начинала там жужжать и биться, словно раздраженная муха. Киммерийцу хотелось, чтобы мир был ясным и чистым, без магии, тайн и прочих глупостей. И это было главной побудительной причиной, заставившей его забрать сундучок.

Он миновал еще две анфилады роскошно убранных комнат и наконец увидел нечто новое — лестницу. Она уводила куда-то вниз, явно ниже первого этажа здания, насколько мог судить варвар. Он выбрался на ступеньки и огляделся. Ничего. Просто пустые стены. Чуть ниже начинались бесконечные тканые ковры с геометрическим узором. Ковры застилали ступени, скрадывая звук шагов, увешивали стены, поглощая звуки, доносящиеся из помещения.

Конана сильно нервировало то обстоятельство, что он безоружен. Тем не менее при нем оставалось довольно грозное оружие — его собственные руки. Киммериец не сомневался в своей способности в случае надобности разорвать какого-нибудь негодяя на части, не прибегая для этого ни к мечу, ни к кинжалу.

Шаг за шагом он спускался все ниже. Постепенно свет факелов становился все более тусклым. Все чаще попадались пустые гнезда. Становилось прохладнее. Конан понимал, что спускается глубоко под землю, но это его не останавливало. Из подвала таинственного здания может вести на волю подземный ход. Это было бы очень кстати. Конан пробыл пленником в золотой клетке почти целый день, и это начало его утомлять.

Еще один виток бесконечной винтовой лестницы. Она как будто буравила землю, упорно вгрызаясь в твердую почву. Неожиданно Конан увидел впереди

темный силуэт и замер. Силуэт сперва стоял неподвижно, потом сделал несколько шагов в сторону и опять остановился. Конан понял, что это человек. Мужчина не особенно высокого роста, худой и жилистый. Несомненно, вендиец. Он то задумчиво расхаживал взад-вперед перед какой-то дверью, то останавливался. Несколько раз он потягивался, выгибаясь всем телом и зевая. Несомненно, это был часовой. Только вот что он сторожит здесь, глубоко под землей, в совершенно пустом здании?

Конан спустился еще на одну ступеньку. Новое открытие! Неизвестно откуда потянуло сквозняком.

Так и есть! Где-то поблизости проходит подземный ход. И он выводит на поверхность земли совсем рядом. Конан отчетливо ощущал, как веет прохладой. На воле уже наступал вечер, дневная жара улеглась, подул освежающий ветерок. Отлично! Осталось миновать часового, убедить его не валять дурака и выпустить пленника (Конан не сомневался, что последнее окажется совершенно пустяковым делом) — и бежать отсюда! Все-таки хорошо он сделал, что доверился инстинкту и утащил рубин. Будет что вспомнить, когда он окажется далеко отсюда.

Слуга, освещенный тусклым светом единственного факела, был хорошо виден с того места, где теперь находился Конан. Он был безоружен! Интересно, что он все-таки охраняет? Кто додумался поставить часового возле выхода и не дать ему в руки оружия?

Неожиданно переменившийся ветерок донес до Конана новый запах. Пахло сытным ужином. Тушеным мясом, сладкими терпкими подливами, которые так мастерски готовят вендийские повара. Вот так дела!

— Привет, — сказал часовому Конан, спрыгивая со ступенек и внезапно вырастая перед ошеломленным вендийцем.

Смуглый худой человек отшатнулся, сложил руки и начал низко кланяться.

— А, боишься! — почему-то обрадовался варвар и поиграл мускулами обнаженных рук. — Правильно делаешь. Впрочем, я тебя не трону. Скажи мне, здесь ли выход из дворца?

Вендиец, не понимая вопроса, продолжал бормотать и бить поклоны.

— Эй! — рассердился Конан. — Почему здесь никто не понимает, о чем его спрашивают? Для кого этот ужин?

Он протянул руку и взял с блюда кусок мяса. Вендиец наблюдал за этим с каким-то священным ужасом. Конан преспокойно обмакнул мясо в соус и отправил в рот.

— Ух ты, как вкусно! — воскликнул он и потянулся за новым куском.

Вендиец, завывая, бросился ему в ноги и принялся шлепать ладонями по каменному полу.

— О чем ты просишь? — Конан отодвинулся, глядя на распростертого перед ним слугу с несколько брезгливым выражением лица. — Чтобы я не брал мяса? Мясо — нет? — Он показал на блюдо и покачал головой. — Я правильно понял?

Вендиец вскочил и замахал руками, как бы ограждая ужин от прожорливого варвара, а затем опять сложил на груди руки и умоляюще посмотрел на огромного варвара.

— Ладно, — великодушно махнул Конан. — Не больно-то и хотелось. Вообще-то я сыт, просто решил попробовать. Здешняя стряпня мне очень по вкусу. Когда стану королем, непременно заведу себе повара-вендийца. Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Слуга не сводил с киммерийца внимательных глаз. Он явно чего-то боялся. Но чего? Кажется, варвар ведет себя вполне дружелюбно: болтает, жует, хлопает собеседника — правда, немого и несчастного, — по плечу. Что же такого страшного таится в этом подвале?

Может быть, слуге-вендийцу строго-настрого велено не выпускать Конана из дворца? Ну тут уж, прости друг, придется нарушить приказание. Не может киммериец провести всю жизнь взаперти, на радость таинственной блондинке, которая одарила его парой поцелуев и скрылась неизвестно куда.

И тут Конан заметил наконец запечатанную дверь, которую слуга, так и мельтешивший перед глазами варвара, всеми силами старался от него скрыть. Дверь была небольшой. Обитая толстыми металлическими листами, она была не просто закрыта на тяжелый засов, выполненный из массивного куска железа в виде ветки фантастического растения с причудливыми резными листьями; сверху висела небольшая печать из красного воска с оттиснутым на ней изображением небольшого крылатого дракона.

— Кхитайская вещичка, — молвил Конан. Некогда он видел нечто подобное на вещах своего приятеля-кхитайца по имени Тьянь-По, каллиграфа. Они познакомились при довольно странных обстоятельствах. Тогда тоже речь шла о женщине, в высшей степени необычной. Странно, что маленький кхитаец пришел Конану на ум. Киммериец давно о нем не вспоминал, путешествуя совсем в других частях света.

Когда пальцы киммерийца коснулись печатки, вендийский слуга взвыл и рухнул лицом вниз. Его тощие плечи затряслись от рыданий, подземелье огласилось тонким отчаянным голосом.

— А, — обрадовался Конан, — значит, ты не хочешь, чтобы я трогал эту штуку. Очень хорошо. Стало быть, в ней все дело.

Он потянул чуть сильнее, и хрупкая печатка сломалась в его руке.

Поначалу не происходило ровным счетом ничего. Конан растирал пальцами воск и нюхал его в ожидании, что оттуда вырвется какой-нибудь особо злокозненный ядовитый дым, несущий с собою колдовские чары. Но воск оставался обычным воском. Только краска размазалась по руке.

Вендиец затих и чуть отполз в сторону. Конан твердо решил разобраться в происходящем. Ему все меньше и меньше нравилось, что от него что-то скрывают. Нечто важное — в этом он был уверен.

Он наклонился над слугой, но тот забился в корчах, и Конан неприязненно отошел подальше. Варвар не любил припадочных и опасался их, считая при-

творцами — в лучшем случае, и вместилищем злобных потусторонних сил — в худшем.

В этот момент что-то зашумело за дверью. Засов начал шевелиться, двигаясь то вверх, то вниз, как будто кто-то изнутри пытался его открыть. Дверь загудела от мощных ударов. Нечто очень тяжелое изо всех сил билось о прочные доски.

— Что за... — начал было Конан.

И тут дверь подалась. Засов с грохотом сорвался с двери и полетел на каменные плиты пола. Поднялся сильный, певучий звон, эхом отдающийся по всему подземелью. У Конана от резкого звука даже заболели уши. Вендиец приподнялся, стоя на коленях. Его лицо выражало предельный ужас: глаза побелели и выпучились, рот распахнут, из горла непрерывно вырывается тонкий, пронзительный крик. Казалось, слуга даже не передводил дыхания — просто кричал, кричал, кричал...

Повиснув на одной петле, дверь распахнулась, и оттуда вырвалось дымное пламя. Оно лизнуло стены, оставляя на них черные следы копоти, затем втянулось внутрь помещения, скрытого за дверью, а после вылетело опять. Как будто некто, прячась в темноте, раздувал невидимые мехи.

Конан отскочил в сторону, страстно желая, чтобы у него было оружие. Эту тварь голыми руками не порвешь. И никакой магической вещицы, как на грех, сейчас нет. Разве что рубин...

Но разглядывать драгоценный камень и решать, насколько он магический, времени не оставалось. Из подземной камеры показалась огромная когтистая лапа, покрытая золотой чешуей. Вендиец застыл, и его крики, как почудилось варвару, застыли у него в горле. Вслед за первой лапой протянулась вторая, а затем на длинной извивающейся шее высунулась морда дракона. Он был точь-в-точь как тот, которого Конан видел в комнатах. Только живой.

Киммериец завороженно глядел на широкую голову с четырьмя небольшими рогами и длинными, извивающимися усами. Изумрудные глаза на золотой морде холодно рассматривали подвал. От чудовища исходило сияние. Оно показалось Конану прекрасным. Смертельно опасным и изумительно красивым. Как меч работы древнего мастера.

Конан замер. Дракон провел когтями по полу, припал подбородком к каменным плитам между лапами и тихо зашипел, раздувая горло. По подвалу пробежала волна жара. Слуга-вендиец вскочил и бросился наутек. Тотчас дракон стремительно выполз из убежища, явив свое великолепное тело целиком, — длинное, больше четырех человеческих ростов, извивающееся, как у ящерицы, заканчивающееся мощным заостренным хвостом. Прижатые к бокам кожистые крылья чуть распустились, когда чудовища оказалось на свободе. Оно пробежало по подвалу, подхватило раскрытой пастью вопящего от ужаса человека и вырвалось из подземелья через широкое отверстие, имевшееся в конце коридора. До Конана донеслись последние крики несчастного вендийца, а затем навстречу варвару повалило яркое пламя. Оно катилось, точно

шар, по подземному ходу, но у самых ног киммерийца рассыпалось на тысячи крошечных золотых монет.

Конан наклонился, потрогал одну из монет и отдернул палец — они были раскаленными.

— Подождем, — сказал киммериец сам себе и уселся на разогревшийся каменный пол.

Из раскрытого помещения несло странным запахом. Пахло как в зверинце и вместе с тем к острой вони животного примешивался тонкий аромат женских духов. Это сильно тревожило варвара, заставляло его ноздри раздуваться, точно он и сам был диким зверем и уловил нечто таящее опасность.

— Или просто загадку, — добавил Конан вслух. — Видимо, моя вчерашняя подруга не так проста, как хочет показаться. То есть, она совершенно не проста, но тут дело осложняется еще и драконом. Кто этот дракон? Ее прежний дружок? Может быть, ее родная мама? Зачем она держит его в подвале? Она здесь была, это ясно. Это ее духи так пахнут. Я перенюхал все коробки у нее в спальне. До сих пор не могу прочихаться — все эти благовония так и застревают в носу.

И он поковырял в носу пальцем, после чего продолжил рассуждать сам с собою:

— А на этих монетках — изображение дракона. На память. Возьму-ка я с десяток... или с два десятка. Или вообще заберу все. Если они заколдованные и превратятся в глину — я ничего не потеряю. А если это настоящее золото...

Он не договорил. Просто наклонился и принялся подбирать деньги. Шаг за шагом Конан продвигался по коридору и наконец оказался у выхода из подземелья. Как он и предполагал, это было довольно широкое отверстие в потолке, обычно забранное решеткой. Сейчас решетка, выломанная и изогнутая по краям, валялась на полу. Конан ловко забрался по стене, которая любому другому человеку могла бы показаться отвесной и совершенно неприступной, и ухватился руками за траву.

На воле пахло гарью. Дракон дохнул еще раз пламенем, прежде чем улететь. Интересно, где он теперь порхает? Хорошо бы не встречаться с ним хотя бы некоторое время.

Конан сел на траву, свесив ноги в отверстие. Он отдыхал.

Подземный ход вывел его далеко за город. Конан и не подозревал, что прошел так много. Но дворец таинственной женщины был выстроен таким образом, что часть его помещений размещалась под землей и тянулась под мостовыми. Садик, который видел Конан из окон, был всего-навсего магической иллюзией, несуществующим видом из окна — чтобы не так тоскливо было смотреть наружу. У Хлависы имелась причина строить себе жилище такого огромного размера. Земля же в городе стоила дорого, поэтому пришлось пойти на ухищрение. Кое о чем Конан догадался сразу. Остальное дополнило первоначальные соображения чуть позднее, а окончательную картину он составил для себя после встречи со старым приятелем каллиграфом Тьянь-По.

Сокровища, вынесенные Конаном из убежища незнакомки, лежали рядом с ним, на траве, и солнце весело играло на блестящих поверхностях сундучка, заставляло гореть и вспыхивать золотые монеты (ни во что они пока не превратились и, похоже, превращаться не собирались). Конан утешал себя мыслью о том, что теперь может вернуться сюда через подземный ход в любое время и прихватить еще что-нибудь ценное. А пока следовало убираться подобру-поздорову.

Так он и поступил.

Лакшми был одним из тех городов Вендии, где человеку легко затеряться. Любой мог найти себе здесь пристанище и слиться с толпой себе подобных. Восточный район Лакшми представлял собою череду великолепных дворцов, где селились аристократы и те богачи, которым посчастливилось породниться со знатью. Здесь строили высокие дома, похожие на конусы, многоярусные, выкрашенные ослепительно-белой краской и украшенные многочисленными лепными узорами, иногда также белоснежными, а иногда — разноцветными. Солнце, в течение дня перемещаясь по небу, посылало лучи под разными углами, и тени изменяли свое расположение — и, как следствие, иначе выглядели выпуклые узоры на фасадах аристократических особняков. Четкие черные тени подчеркивали изящество завитков и розеток — жители Лакшми предпочитали цветочные орнаменты.

На юго-востоке размещались храмы. Храмовый квартал не был огорожен отдельной стеной и тем не менее всякий, кто вступал на его территорию, сразу ощущал разницу. Мостовые здесь были куда чище, чем в городе — включая и аристократические кварталы. Внешний облик зданий был тоже иным: башенки и низкие плоские часовни сменялись маленькими садиками, где тихо журчала вода и поблескивали большие, выше человеческого роста, статуи божеств. Но главным был запах непрерывно сжигаемых благовоний. И еще здесь бегали обезьянки, маленькие, пушистые, белые и пепельно-серые. Они были совершенно ручными и держались как хозяева. Эти животные превосходно были осведомлены о том, что считаются священными и что люди не имеют права поднимать на них руку. Поэтому они частенько безобразничали — отбирали у паломников еду, рвали на них одежду, путали им волосы или забирались людям на плечи и требовали, чтобы их покатали, хлопая человека по макушке маленькой смуглой ладошкой, похожей на ладошку ребенка.

В центре города начинались торговые ряды, а дальше к северу и западу селились простые граждане. Чем дальше к северной окраине, тем беднее были дома и, соответственно, их обитатели. Иногда хижины выглядели просто как куча мусора, случайно вываленного на землю. И все же там жили какие-то бедолаги, и сквозь кривую дверь, которую зачастую даже не задергивали занавеской, можно было видеть, как внутри, в полумраке и вони, копошатся дети и возятся по хозяйству женщины. Мужчины возвращались в такие дома только

ночевать, да и то далеко не всегда, зачастую предпочитая остаться под открытым небом.

Конан вошел в Лакшми незадолго до рассвета и присоединился к тем, кто храпел, вытянувшись на голой земле, неподалеку от пеньковых складов. Варвар проделал немалый путь и решил как следует выспаться, прежде чем приступать к поискам Тьянь-По.

У Конана сложилось стойкое ощущение, что отыскать маленького каллиграфа можно только благодаря везению и случайности. Он никогда толком не знал, был ли кхитаец магом. Скорее всего, нет. Но их встречи всегда происходили неожиданно — по крайней мере, для варвара. А сейчас киммерийцу позарез требовались познания веселого и образованного Тьянь-По. В последний раз, когда они расставались, он упоминал о Лакшми. Мол, хочет потолковать со здешними жрецами. У них, как он выразился, совершенно особенная школа каллиграфического письма. А заодно кхитайцу хотелось бы посмотреть, как они изготавливают бумагу из тины и вымоченных в воде листьев акации. Маленького каллиграфа всегда интересовало все, что имело отношение к письменности и письменным принадлежностям.

Впрочем, добавил Конан, обращаясь к самому себе уже перед самым сном, сойдет и любой другой умник. В Лакшми их должно быть много. При храмах всегда обитает дюжина мудрецов. А мудрецы, будь они хоть трижды отрекшиеся от всего земного, вряд ли устоят перед чудесными золотыми монетками — если не ради золота, то ради редкого изображения дракона.

С этими мыслями Конан погрузился в объятия благодетельного сна.

Пока он спал, его дважды пытались обокрасть. В первый раз Конан даже не соизволил проснуться — просто двинул наугад кулаком, попал и преспокойно перевернулся на другой бок. Грабитель сгинул и больше не появлялся. Второй раз случился уже под утро. Тут Конану пришлось поневоле подрать глаза, поскольку нахальный воришка вытаскивал сундучок прямо из-под живота спящего варвара.

Конан сел и огрел вора по голове. Тот ойкнул, присел и несколько секунд ошеломленно моргал в предрассветном сумраке.

— Брысь! — хмуро проговорил Конан. Воришка растворился в воздухе.

Конан выругался. Его разбудили слишком рано. Он еще не отдохнул как следует. А спать больше не хотелось. Хотелось есть. И таверны в этот час, как на грех, еще закрыты.

— Надо было поймать этого бездельника, изжарить его на костре и съесть, — проворчал киммериец. — Жаль, что я не додумался сделать это сразу.

С этими словами он уложил сундучок в мешочек, из которого вещица вывалилась во время попытки похищения, проверил, целы ли монетки в кошельке и зашагал в сторону городского центра.

Лакшми медленно просыпалась после душной вендийской ночи. Кое-где уже затеплились огни, которые становились все более блеклыми по мере того, как солнце поднималось из-за горизонта. Вот уже вспыхнули золотом и баг-

рянцем вершины башен, и тотчас, словно посылая ответный сигнал, загорелись купола храмов на юго-востоке.

Конан не стал пока заходить в жреческие кварталы. Он искал харчевню и справедливо предполагал, что она отыщется поближе к рынку. Одна действительно уже открыла двери, и заспанный хозяин, зевая, вытаскивал из шкафчика вчерашний хлеб и остатки холодного мяса — все, что оставили на столах купцы, караванщики из Султанапура, которые на радостях после совершения выгодной сделки устроили здесь пирушку. Скромную пирушку, по масштабам богатых купцов, но достаточно приятную для бедного харчевника.

Конан появился на пороге так неожиданно, что «бедный харчевник» выронил блюдо, которое держал в руках, и оно разбилось. Полуобглоданные кости, предназначавшиеся для бедняков, что непременно явятся чуть позже просить милостыню, рассыпались по полу.

Конан усмехнулся.

Его внушительная фигура заполняла весь дверной проем. Ничего удивительного, что хозяин испугался. Вопреки распространенному мнению, ночь — не самое опасное время суток для добропорядочных граждан. Раннее утро, когда одни уже завалились спать, а другие еще не проснулись, — вот глухой час, когда совершается большинство преступлений. А киммериец не выглядел как человек, который остановится перед каким-либо препятствием, если оно стоит между ним и желаемым.

— Уважаемый... — залепетал харчевник.

— У тебя открыто? — осведомился варвар и тотчас уселся за столик.

— Э... Я только что проснулся... и готовился к приему гостей... — забормотал харчевник. — Но если господину угодно...

— Дай мне чего-нибудь, — приветливо молвил Конан и выложил на стол один маленький золотой кругляшок. Хозяин сперва сощурился, а потом широко раскрыл глаза и расплылся в улыбке. Гость не похож на грабителя. То есть, он наверняка грабитель, но сюда он явился просто позавтракать.

Поэтому хозяин сразу пришел в отменное расположение духа. Утро начиналось удачно, клянусь великим Кришной! Он выставил на стол перед варваром фрукты (недоеденные купцами), нарезанное на ломтики мясо (остатки того же пиршества) и два каравая хлеба.

— И выпить, — с набитым ртом потребовал Конан. Рядом с ним тотчас появился кувшин с разбавленным вином. Варвар глотнул, фыркнул.

— С утра лучше слабенькое, — заискивающе сказал хозяин. — Чтобы голова соображала.

— Моя голова всегда соображает, — объявил Конан, превосходно зная, что говорит неправду. Но харчевник спорить не стал — гостю виднее. Тем не менее он не пошел за другим кувшином, а вернулся к шкафам и стал возиться там, краем глаза наблюдая за едоком.

— Скажи, любезный друг, — заговорил Конан, ковыряя в зубах ножом, — не знаешь ли ты, где обитают здешние каллиграфы?

— Все мудрые люди избрали своим жилищем дома богов, — вежливо отозвался харчевник. — Да будет мне позволено спросить — для чего такому человеку, как ты, интересоваться каллиграфией? Ты не похож на каллиграфа.

— Да? А на кого я похож? — осведомился Конан. — На невежду-варвара, который лезет не в свои дела? Это ты хотел сказать?

— Нет, господин. Вовсе не это. Господин похож на воина. Члены воинской касты редко интересуются делами членов жреческой касты, а что до нас, простых работников...

— Ну, хватит! — оборвал его Конан. — Я и забыл, что в Вендии с этим так строго. Хорошо, предположим, я хочу поклониться божествам. Членам воинской касты это не возбраняется?

— Разумеется, нет, господин! Как такое могло прийти в твою голову... кх-х! — Он закашлялся, сообразив, что опять прогневал страшного гостя. Скорей бы уж этот варвар ушел и оставил его в покое! Кроме того, харчевнику очень хотелось спрятать монетку и твердо знать, что никто не потребует ее обратно.

— Ладно. Итак, мне нужен каллиграф, — великодушно проговорил Конан, решив пропустить мимо ушей все те невежливые вещи, что харчевник наговорил со страху или по глупости.

— Все каллиграфы живут возле богов...

— Кхитаец, — продолжал Конан.

— Об этом господину лучше спросить у жрецов, — твердо сказал харчевник и всем своим видом показал, что не намерен больше продолжать разговор, который то и дело принимал чересчур опасный оборот.

Конан одним глотком прикончил прохладное разбавленное вино и вышел, оставив дверь харчевни открытой.

Жреческий квартал показался ему довольно забавным. Здесь уже все были на ногах. Бритоголовые послушники тщательно подметали мостовую и протирали статуи богов, ползая по позолоченным коленям и забираясь на плечи металлических божеств, словно мухи или ящерки. Какой-то мальчик старательно натирал ухо огромного танцующего бога, жуткого на вид, с выкрашенным в синий цвет лицом и высунутым черным языком. Ребенок совершенно не боялся жуткого бога. Не то понимал, что это всего лишь статуя, не то верил, что злое божество не причинит вреда своему служителю.

Конан не был уверен ни в том, ни в другом, но свое мнение придержал при себе.

— Привет! — весело крикнул он.

Мальчишка-послушник вздрогнул и едва не упал со статуи, когда увидел внизу рослого северянина.

— Ой! — выговорил он. — Ой, господин! Ты пришел молиться? Купи благовония вон в той лавке, а потом сними обувь и входи сюда с надлежащим почтением...

— Я пришел не молиться, маленький дурачок! — отозвался Конан. — Я пришел по делу.

— Все приходят по делу. Знаешь, есть такая притча: одна кошка сказала женщине...

— В чем я сейчас не нуждаюсь, так это в притчах! — ответил Конан, заставив мальчика обиженно замолчать. — Скажи-ка мне, нет ли здесь при храмах школы каллиграфии?

Мальчик молча махнул рукой, показывая на широкое плоское здание, крытое черепицей. Черепица была выкрашена в красный и черный цвет, так что крыша казалась полосатой. Деревянные колонны не скрывали от проходящего по улице того, что делалось внутри. А внутри на циновках из рисовой соломки сидели, подобрав под себя ноги, ученики и старательно выводили отточенными бамбуковыми палочками разные значки. Конан ничего не понимал в этих значках. Ему все они казались одинаковыми, однако вот ученик совершил ошибку, загнул загогулину под неправильным углом или сделал ее недостаточно тонкой, и учитель сильно ударил его розгами по бритой голове — да так, что брызнула кровь. Ученик встал, поклонился и вышел куда-то во внутренний дворик.

Конан, пригнувшись, вошел под своды. Он счел момент достаточно удобным, чтобы обратиться к учителю каллиграфии с вопросом. Однако тот уже увлеченно рассказывал притчу о двух воинах, которые решили перед поединком на мечах обменяться каллиграфическими посланиями.

— Один начертил буквы ровно, строго, внимательно следя за тем, чтобы каждая линия имела однозначное начертание. Второй писал иначе — размашисто и грубо. Оба письма оказались в руках правителя. Правитель ознакомился с ними и, призвав к себе соперников, сказал так: «Я запрещаю вам вступать в поединок, ибо это ничем не закончится. Вы слишком отличаетесь друг от друга. Одного из вас я назначаю судьей, а второго — начальником стражи». Как вы думаете, — обратился преподаватель к ученикам, которые внимательно слушали его, — кто из двоих стал судьей?

Конан чуть приподнялся, хотя он и так почти на голову возвышался над остальными.

— Дозволь ответить, — заговорил киммериец, подражая манере здешних жителей. Конан был уверен, что не ошибется в трактовке притчи. Он достаточно таких историй наслушался от своего приятеля-кхитайца.

— Говори, — приветливо улыбнулся учитель.

— Судьей он назначил того, который чертил размашисто и криво, — сказал Конан уверенно.

— Почему ты так решил?

— Потому что такой человек склонен к милосердию. Законы и без того справедливы. Если судья станет следовать одним только законам, то слишком многие лишатся головы, а это будет бесполезной тратой человеческих жизней. Поэтому бесшабашного воина следует назначить распорядителем человеческих судеб. Осуждая виновного, он всегда будет помнить о том, что нередко бывал виноват и сам, и его приговоры будут мягче. Безупречного же каллиграфа

правитель назначит начальником стражи, ибо эта должность требует внимания, четкости и аккуратности. Здесь нужно не столько думать, сколько точно выполнять инструкции.

Учитель вдруг прищурился, и Конан понял, что он плохо видит.

— Кто ты? — спросил он, пытаясь разглядеть киммерийца. — Почему ты стоишь, когда все сидят? Я не помню твоего голоса.

— Я сижу, — заверил его Конан. Когда он поднялся на ноги, ему пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о притолоку.

— Кто ты такой? — снова повторил каллиграф.

— Я киммериец, я пришел с севера.

— Ты хочешь изучать каллиграфию?

— Скажи мне сперва, почтенный, правильным ли был мой ответ!

— Твой ответ совершенно верен, и тебе надлежит заниматься не с начинающими, но с продолжающими учебу. Ты уже близок к просветлению.

Конан поморщился, пользуясь тем, что учитель не видит этой гримасы.

— По правде сказать, почтенный, я пришел сюда не учиться. Я разыскиваю каллиграфа-кхитайца по имени Тьянь-По. Это мой друг.

— Ты действительно друг достопочтеннейшего Тьянь-По? — вскричал педагог. — О, это великая честь! Теперь мне понятно, почему ты так легко разгадал мою притчу!

— Ты прав, — признал Конан. — Этому научил меня Тьянь-По. И судя по твоему возгласу, ты знаешь, где он находится.

— Сейчас он занят в храме, — строго произнес учитель. — Но ты можешь подождать его снаружи. Когда он освободится, он выйдет, и вы встретитесь. Но помни: если ты замыслил недоброе по отношению к учителю По, бойся! Боги здешних храмов хорошо оберегают своих верных слуг.

— Ничего дурного я не замыслил, — твердо произнес Конан. — Благодарю и прощай.

Он покинул класс не без облегчения. Слишком уж низко нависал разрисованный золотыми звездами деревянный потолок. Как будто сидишь в норе.

Зато сады, окружающие храмы, пришлись киммерийцу по душе. Здесь было где укрыться — и от любопытных глаз, и от жары. Густая зелень источала приятный пряный аромат, пестрые цветы прятались среди листьев. Обезьянки верещали где-то наверху, перепрыгивая с ветки на ветку. Несколько раз на голову Конана роняли плоды и сломанные палки. Привыкший бродить по джунглям, киммериец отнесся к этому вполне равнодушно.

Одна из бойких обезьянок заметила нового человека и, ловко перебирая лапами, спустилась вниз. Она бесцеремонно схватила киммерийца за одежду и принялась теребить.

— Уйди, — сердито сказал варвар, отталкивая крошечные цепкие пальчики. — Ах ты, попрошайка! У меня все равно ничего нет. Видишь?

Зверек обиделся. На пушистой мордочке, забавно похожей на человеческую, появилось грустное выражение. Обезьянка отвернулась, вытянула губы

трубочкой и быстро-быстро зашлепала ими, как будто собралась заплакать. Конан протянул руку, чтобы погладить ее, но обезьянка вскочила и быстро запрыгнула на ствол ближайшего дерева. Вскоре оттуда в киммерийца полетели ветки и гроздья сорванных листьев.

— Вот вредина! — Конан погрозил обезьянке кулаком.

— Воюешь со священными животными? — послышался голос за спиной у киммерийца.

Варвар резко обернулся. Тьянь-По, неунывающий, все такой же моложавый, с забавными длинными тонкими усами, свисающими из углов рта, поглядывал на своего знакомца с легкой усмешкой.

— Они тут назойливы, но незлобивы. В других храмах дела обстоят хуже. Например, кое-где поклоняются крокодилам...

— И гигантским змеям, — закончил Конан. — Благодарю за то, что напомнил. Я побывал в тех краях. Вынужден признать, что на моей совести не одно из этих очаровательных и несомненно священных существ.

— Знаю, — вздохнул Тьянь-По. — Мне передавали, что ты меня разыскивал.

— Да? — Конан чуть удивленно приподнял брови. — Быстро же тут разбегаются слухи!

— Они скачут быстрее, чем обезьяны, — с комически-серьезным видом подтвердил кхитаец. — Храмы похожи на рассадники старых дев. Никто так не любит сплетничать, как священнослужители и военные. В Кхитае об этом знают. А в Киммерии, похоже, нет.

— Это потому, что в Киммерии каждый уважающий себя воин одновременно сам себе священнослужитель и главнокомандующий, — проворчал Конан. — Мы не такие цивилизованные, как вы. У нас все просто.

— Ох, Конан! — вздохнул Тьянь-По. — А ведь ты пришел ко мне не просто так.

— Может быть, я собираюсь изучать каллиграфию? — возразил киммериец. Он чувствовал себя довольно глупо, потому что действительно обиделся на обезьянку. Но очень уж этот зверек напоминает человека... по крайней мере, некоторых знакомых Конана — точно.

— Сомневаюсь! — засмеялся Тьянь-По. — Ты ведь не умеешь писать!

— Зато я воин, — заявил Конан. — Знаешь притчу? Два воина соперничали друг с другом и вот они решили перед поединком обменяться письмами...

Тьянь-По с серьезным видом выслушал притчу, покивал.

— Ты делаешь большие успехи. Начальный этап изучения каллиграфии, можно считать, тобою пройден.

— Ладно, не смейся. — Конан снял с плеча мешок. — Я принес кое-какие вещички, а с ними — и любопытную историю. Мне кажется, ты — один из немногих, кто в состоянии разгадать эту загадку.

— В таком случае, нам следует отправиться в Беседку Глубоких Размышлений, — решил кхитаец. — Очаровательное место. Тебе понравится.

Конан выразил гримасой сомнение в этом, однако подчинился и пошел следом за кхитайцем в глубь сада. Беседка Глубоких Размышлений представляла собой павильон, сплетенный из толстой медной проволоки и увитый ползучими растениями. На полу лежали циновки, разрисованные лотосами. Такие же лотосы цвели в маленьком пруду, посреди которого красовались пять или шесть камней. То и дело какая-нибудь бойкая лягушка выскакивала на камень и принималась громко исполнять песнь во славу любви и природы. Не ее вина, если некоторым людям не нравилось ее пение. И поэтому здесь было запрещено швырять в лягушек камнями. «Кто мудр и в состоянии понять сущее, тот оценит радость даже такого ничтожного существа, как лягушка. Кто лишен мудрости, тот должен воспитывать в себе терпение, ибо от терпения произрастает понимание», — гласило Учение. Тьянь-По не преминул предупредить Конана.

Они устроились поудобнее на циновках. Конан скрестил ноги, как привык делать, когда сидеть приходилось на голой земле, и извлек из мешка маленький сундучок.

— Красивая вещь, — одобрил Тьянь-По и чуть поклонился сундучку. — Работа великого мастера.

— Я расскажу тебе, как он достался мне, а потом ты попробуешь понять, что тут к чему, — хмуро начал варвар. Он повел повествование с самого начала — от встречи с блондинкой, которая путешествовала одна и заинтересовалась варваром, до появления дракона, который сожрал несчастного вендийца и улетел неизвестно куда.

— Эти вещи, я так понял, ты забрал из дома таинственной женщины, — кивнул Тьянь-По, когда Конан замолчал.

— Какие вещи? — вскинулся киммериец. — Речь идет только об одном предмете. Вот об этом. О сундучке.

Он несколько раз хлопнул по закрытой и запаянной крышке.

Тьянь-По поглядел на приятеля узкими смеющимися глазами.

— Только не рассказывай мне, дорогой друг, что ты прихватил из особняка — если он действительно такой роскошный, как ты расписывал, — всего лишь один предмет.

— Остальные не имеют отношения к делу, — заявил Конан.

— Позволь об этом судить мне, — решительно сказал Тьянь-По.

Конан нехотя показал несколько одинаковых золотых монеток с изображением дракона — такого же, что и на крышке сундучка. О рубине он говорить не стал. Киммериец, конечно, понимал, что Тьянь-По догадывается о наличии чего-то вроде этого рубина, однако камень *действительно* не имел никакого отношения к делу. А если они разберутся с делами таинственной Хлависы, то всегда могут вернуться в особнячок через подземный ход и обогатиться вдвоем. Конану чужого барахла не жалко.

Тьянь-По подумал немного.

— Здесь должны быть надписи. На таких предметах всегда делают различные надписи.

— Почему?

— Обычай. Каллиграфия служит и для украшения предметов, и для памяти. А этот сундучок действительно очень странный. Не знаю только, почему ты решил, будто он содержит разгадку тайны.

— Потому что она его прятала, — нетерпеливо сказал Конан. — Ничего другого она у себя не прятала. Все остальное стояло раскрытое. Жемчуга, изумруды — всего навалом. Одежда — вся на постелях, на столах и на полу. А эта штука...

— Да, да, — задумчиво пожевал ус кхитаец, — я тебя понял. Она ее прятала, а ты случайно нашел.

— Говорю тебе, случайно! — Конан начал закипать. — Я споткнулся о столик, столик упал, а сундучок стоял внизу...

— Да, да, — повторил кхитаец, явно не слушая, что ему говорят. — Случайно, случайно... Почему же здесь ничего не написано? Должна быть надпись!

— Может, это магическая штука? — предположил Конан.

Кхитаец взял сундучок обеими руками, встряхнул несколько раз.

— Не похоже... Просто металл, без каких-либо следов колдовства. Да и к чему оно? Если я ничего не путаю, сундучок сделан из сплава двух небесных камней — серебрянного и железного. Небесные металлы хороши тем, что искусный мастер может творить с их помощью чудеса, не хуже, а то и гораздо лучше тех, что порождает земная магия.

Тьянь-По пошарил под своими мудреными многослойными одеждами и достал мешочек с кресалом.

— Конан! — окликнул он киммерийца. — Принеси мне несколько веточек.

Конан нехотя подчинился. Ему происходящее начало казаться неимоверно глупым. Про себя он уже проклинал тот час, когда решился идти до Лакшми, разыскивать умника-каллиграфа и беспокоить его своей проблемой.

Тем не менее он не стал спорить, а вместо этого выбрался из беседки и оборвал несколько веток.

Тьянь-По посмотрел на него с укоризной.

— Разве нельзя было подобрать сухие? — спросил он кротким голосом.

— Ты начал разговаривать как здешние жрецы, — возмутился Конан. — Хватит ломать из себя святошу. Зажигай ветки и делай что ты там задумал!

Тьянь-По разложил крошечный костерчик — у него огонь загорелся сразу, послушно, хотя ветки действительно были сырыми и в принципе нуждались в том, чтобы их долго уговаривали дать людям пламя. «Кхитайская хитрость», — подумал Конан.

Тем временем каллиграф поднес к пламени сундучок, и вдруг на нагретой металлической стене проступили иероглифы.

— Держи его! — велел Тьянь-По, выхватывая из прически острую палочку. Глядя на иероглифы, которые то проступали, то исчезали по мере того, как

жар пробегал по металлическому предмету, он принялся быстро чертить на гладкой посыпанной песком дорожке.

— Отлично, — молвил кхитаец, когда эта работа была закончена. — Теперь мы перенесем надпись на лист бумаги и начнем его изучение.

— Я должен сбегать и принести тебе бумагу? — мрачно осведомился Конан.

Тьянь-По тихонько засмеялся. Его длинные усы заколыхались.

— Нет, вовсе нет! У меня все с собой.

С этими словами он поднял руки и поднес их к своим волосам, заплетенным в причудливые косы и уложенным на макушке. В этой прическе помещался тонкий рулончик бумаги и даже небольшая кожаная чернильница с тугой пробкой.

Разложив письменные принадлежности на полу беседки, Тьянь-По принялся срисовывать иероглифы. Затем он явил на свет кисточку и тщательно затер ею первоначальную надпись на песке.

— Незачем этим сплетникам узнавать, чем мы тут занимались, — пояснил он.

— Благоразумно, — проворчал Конан и заглянул каллиграфу через плечо. — Ну, давай, читай. Что тут написано, а?

— Не мешай. — Тьянь-По чуть отмахнулся, показывая, что ему надо сосредоточиться.

— Может быть, мне пойти пообщаться с обезьянами? — спросил Конан.

— Нет, нет, далеко не уходи... Тут что-то интересное... — бубнил кхитаец, рассматривая иероглифы. — Странное начертание. Возможно, более древнее, чем мы привыкли... А что, если это обозначает «человек»? Нет, слишком низко для «человека»...

— Ты о чем?

— Тебе интересно? — Тьянь-По поднял на Конана узкие глаза. Ледяной взгляд варвара натолкнулся на этот доброжелательно-равнодушный взор — свойство, которое всегда смущало киммерийца в соотечественниках Тьянь-По.

— Может быть, и интересно, — фыркнул варвар.

— Тогда смотри. Вот эта фигурка должна, в принципе, обозначать «человека». Что-то происходит с неким человеком. Но она здесь нарисована слишком низко, как бы пригнувшейся.

— А если это пригнувшийся человек? — предположил Конан. — Ну, какие-нибудь обстоятельства вынудили его наклониться.

— Ты прав! — воскликнул кхитаец. — Этот вариант мы сейчас исследуем... Так, следующий иероглиф показывает рыбу, а рядом — птица... Не понимаю. — Он опять нахмурился. — Странно. Впервые в жизни сталкиваюсь с такой странной надписью.

Конан с торжеством посмотрел на своего собеседника.

— Зато я все отлично понимаю! Пригнувшийся человек — он же рыба — он же птица — это дракон!

Тьянь-По глубоко вздохнул и схватился обеими руками за голову.

— Конан, как ты прав! Это какое-то древнее начертание, поэтому я немного запутался... Другая система связей смыслов и иные символы ассоциаций...

— Хватит мудреных слов! Что тут написано?

— Так, смотрим дальше... — Кхитаец некоторое время прикидывал и так, и эдак, шевелил в воздухе пальцами, один раз сильно дернул себя за прическу, отчего оттуда выпала вощеная табличка и маленький кинжальчик для разрезания бумаги.

— У тебя там, часом, нет какой-нибудь медовой лепешки или куска доброй свинины? — спросил Конан, указывая на волосы кхитайца.

— Что? — Рассеянный взгляд ненадолго устремился на варвара, но поскольку ответа не последовало, кхитаец опять уткнулся в надпись. Он совершенно не заметил шутки и не оценил ее. Конан чувствовал себя лишним в этом мире.

Несколько лягушек шумно обменивались впечатлениями, сидя на камнях и раздувая широкое горло. Некоторое время Конан чувствовал растущее раздражение, но потом вдруг понял, что эти лягушки напоминают ему наемников в таверне, когда те похваляются количеством награбленного и наперебой рассказывают о женщинах, которыми они овладели. Это насмешило Конана и отчасти примирило с действительностью.

Тем временем кхитаец испустил вопль, который перепугал лягушек и вызвал шумный переполох в ветвях деревьев. Несколько птиц поднялись в воздух, а обезьянки так и брызнули в разные стороны, и их пушистые хвосты замелькали в просветах между стволами.

— Я понял! Понял! — кричал Тьянь-По.

— Тише, учитель По, — ядовитым тоном заметил Конан. — Столь шумное проявление чувств не подобает тому, кто близок к просветлению.

— Заткнись, глупый варвар! Заткнись и слушай! — ликовал Тьянь-По. — Если тебе ведома радость научных открытий...

— Скажем так — мне ведома радость открытий, — сказала Конан. — Насколько они научны — тут еще можно поспорить. Например, научное открытие надежно запертой двери в доме какого-нибудь подозрительного богатея так веселит мое сердце, что я...

— Смотри! — не слушая, перебил кхитаец. — Тут все рассказано. Хлависа — так ее зовут? Удивительная история! Я расскажу тебе. Садись удобнее.

— Неужели тут так много всего понаписано? — удивился Конан. — Сколько смысла можно вместить в несколько странных закорючек!

— Таково свойство письменности. Она сворачивает время и пространство, делает жизнь компактной, так что результаты многолетних размышлений мудреца можно уместить на крошечном клочке бумаги и унести с собой в изгнание, — назидательно молвил Тьянь-По.

Но на варвара эти слова не произвели должного впечатления. Он только рукой махнул.

— Да брось ты, Тьянь-По! Я знавал немало людей, чью философию без всякой письменности можно уместить в два-три слова. Например: «грабь», или «ври», или «все люди — мерзавцы».

— Я говорю о великой философии, о глубоких и мудрых мыслях, о богатом жизненном опыте, — возразил Тьянь-По.

В синих глазах Конана сверкнули искры.

— Лучше не спорь, кхитаец. У тех ребят тоже богатый жизненный опыт.

— Ты будешь слушать? — рассердился вдруг Тьянь-По.

Конан кивнул молча, чтобы не развязывать нового спора.

И кхитаец начал.

— Хлависа — странное дитя. Она родилась от союза драконицы и смертного человека, вендийского купца, который нашел на берегу моря жемчужину... Точнее, эту жемчужину нашел пловец, искатель жемчуга, а купец заплатил за нее очень большие деньги. Жемчужина была исключительно большой, размером с кулак взрослого человека...

Конан украдкой посмотрел на свой кулак и вздохнул, прикинув, сколько может стоить жемчужина такого размера.

— Она была овальной и по форме напоминала яйцо.

— Позволь, я догадаюсь, — вставил варвар. — Она и оказалась яйцом.

— Да. Оттуда появилась драконица, удивительной красоты золотая змейка с изумрудными глазами. Она выросла в доме купца как родная дочь.

— Как такое возможно? — удивился Конан. — Впервые слышу, чтобы змею растили как родную дочь.

— Она была разумна и обладала речью, — сказал кхитаец. — У купца был также сын. Да, да, ты правильно догадался. В один прекрасный день это случилось. Юноша не устоял перед чарами драконицы.

— Вот объясни, каким образом возникает подобная страсть? — не выдержал Конан. — Ты ученый человек, владелец множества чужих жизненных опытов, записанных на бумагу. Что ты можешь сказать мне об этом?

— Драконы обладают особой магией. Они умеют так воздействовать на человека, что в нем вспыхивает неудержимое желание. Драконы — собственники. Они любят владеть вещами и человеческими душами. Поэтому юная драконица не упустила молодого купца и завлекла его к себе. Вскоре она родила дочь — такую же очаровательную золотую змейку. Но у змейки имелась одна особенность: после десяти зим она начала превращаться в девочку. Поначалу человеческим ребенком маленькая драконица оставалась всего несколько дней, а большую часть времени проводила в обличии дракона. Но затем этот срок начал удлиняться и с наступлением полной половой зрелости драконица превратилась в человека. Лишь на несколько дней, которые совпадают с новолунием, она обретает обличие дракона.

— А где же мать-драконица?

— Живет со своим супругом. Ради нее он накопил несметные сокровища.

Их дом — в Вендии, только не там, где ты был, а в другом городе. Здесь не указано, в каком именно. Хлависа в облике дракона летает навещать родителей.

— Ну надо же! А что ей нужно было от меня? — спросил Конан.

— Тебе видней, чего она хотела, — хитро прищурился Тьянь-По. — Ты помнишь, как вы познакомились?

Конан кивнул. Он вдруг понял, что кхиатец совершенно прав. Его повлекло к этой женщине с первого же мгновения, как только он ее увидел. Она захотела его, захотела обладать им... Как всякий дракон, она ненавидела препятствия. Она не знала слова «невозможно». Изумрудные глаза, в которых утонул варвар, так и стояли теперь перед его внутренним взором.

— Она хотела меня, да, — проговорил он. — И я хотел ее. Но я даже не помню, случилось ли между нами то, к чему мы оба так стремились. Я провалился в небытие.

— Хлависа неправильно рассчитала время. Ее превращение случилось чуть раньше срока. Она едва успела добежать до своего укрытия, я думаю. Слуги знали, что в доме посторонний, поэтому запечатали дверь магической печаткой. Но ты забрался в подземелье и выпустил дракона. Один из слуг поплатился за это жизнью.

— Да, не повезло бедняге, — сказал Конан, без особого, впрочем, раскаяния. Валяющийся в ногах перепуганный вендиец не вызывал у него сочувствия.

— Что теперь? — спросил кхитаец, возвращая Конану ларец.

— Ты разобрался, что это такое?

— Да. Здесь хранится волшебная вещь, которая позволит превратить Хлависа в человека — уже навсегда. Эта вещь очень драгоценна и в то же время исключительно опасна. Девушка, возможно, хотела стать человеком. Не исключено, что она устала от своей двойственной природы.

— А ты как думаешь?

— Не знаю, Конан. Если бы у меня была двойная природа, я не стал бы от нее отказываться. Всегда хорошо быть еще кем-то.

— Например, лягушкой, — сказал Конан, бросая в воду палочку и пугая лягушку, которая возмущенно квакнула и сгинула в черной глубине вод.

— При чем тут лягушка? Разве ты не понял? Она может превращаться в дракона. Это древнее, прекрасное, могущественное существо. Я могу только предполагать, что испытывает дракон во время полета...

— А если ей охота быть обыкновенной женщиной? Чтобы ее любили и все такое — ну, о чем обычно мечтают порядочные женщины?

— Скажи, Конан, откуда тебе известны мечты порядочных женщин?

Конан обиделся.

— По-твоему, со мной только шлюхи путаются? Я несколько раз спасал от смерти и рабства вполне добропорядочных девушек, и впоследствии они находили себе таких же добропорядочных мужей... И теперь у них, наверное, уже народились добропорядочные дети...

— В любом случае, выбирать не нам с тобой, а Хлависе, — подытожил Тьянь-По. — Осталось малое: понять, что хранится в этом ларце и как он открывается.

— Словом, мы на том самом месте, откуда начали, — мрачно проговорил Конан. — Я так и думал.

— Что ты думал? Что от меня не будет пользы? — Тьянь-По сердито щурился и тянул себя за ус. — Так и говори! Между прочим, я прочитал надпись, и теперь мы с тобой знаем, кто эта белокурая незнакомка, которая путешествует одна и знакомится с варварами в придорожных тавернах. — Внезапно кхитаец сменил тему: — Где ты остановился?

— Пока нигде. Пришел в Лакшми и сразу к тебе.

— Поживи пока в монастыре, — предложил Тьянь-По. — Я представлю тебя ученикам. Расскажешь им притчи. У тебя хорошо получается. А я пока подумаю, как нам вскрыть тайник.

Несколько дней приятели почти не виделись. Тьянь-По действительно познакомил Конана со своими учениками — их было человек двадцать, почти все молодые, за исключением двух мужчин в возрасте и одного старика. Все они жаждали просветления и добросовестно старались выполнять все указания своего учителя. Поэтому когда кхитаец, спрятав под тяжелыми веками смешливые искорки в узких глазах, велел им слушаться Конана-Киммерийца, великого учителя, те лишь послушно поклонились.

Великий учитель из Киммерии построил будущих каллиграфов в шеренгу и прошелся перед строем взад-вперед. Он раздумывал. Ученики «ели» его глазами, готовые бежать и выполнять упражнения или садиться на землю и замирать в медитации.

Конан откашлялся.

— Каллиграфия имеет тесную связь с жизнью, — произнес он, стараясь сохранять кислое выражение лица, которое, по мнению киммерийца, должно быть свойственно великому учителю. — Мы рисуем не просто разные закорючки, которые на трезвую голову и не разберешь. Нет, мы создаем целые миры. Долгую жизнь и великую мудрость какого-нибудь философа можно вместить в несколько значков, и только посвященный разберет, что за чушь тут понаписана. Поэтому... — Конан помолчал немного. Что бы еще такого сказать? И что «поэтому»? Он снова откашлялся. — Итак, притча. Жил один воин, который не владел искусством каллиграфии. Однажды ему встретился могучий, злобный... э... другой воин. Но поскольку наш воин хорошо владел мечом, то он превратил второго воина в мертвеца. Он сделал это мечом. Всем понятно?

— Учитель, — робко подал голос один из учеников, молодой, бритоголовый, смуглый человек с выпирающими скулами и торчащими ключицами. На нем была только набедренная повязка.

— Я слушаю тебя, — Конан подбоченился.

— Учитель, но какое отношение эта притча имеет к каллиграфии?

— К каллиграфии? — Конан подумал немного и вдруг его осенило. — А вот какое! Своим мечом он нарисовал на теле убитого иероглиф «мертвый дурак».

— А как пишется этот иероглиф? — снова спросил любознательный ученик.

— По-разному, — многозначительно ответствовал Конан. — А теперь кто-нибудь из вас расскажет притчу, и все мы попробуем истолковать ее.

После того, как притчи закончились — а произошло это гораздо раньше, чем надеялся Конан, — все снова искательно воззрились на него.

Тогда Конан сказал:

— Ладно. Поучимся писать иероглифы собственной судьбы. Найдите себе длинные ровные палки. Я покажу, как фехтовать посохами.

По возвращении Тьянь-По с ужасом увидел, как его ученики лихо лупят друг друга палками, а киммериец расхаживает по краю тренировочной поляны и дает указания, не стесняясь при этом в выражениях.

Кхитаец громко хлопнул в ладоши. Состязание остановилось.

— Кому понравилось? — спросил Конан.

Понравилось всем, даже старику.

Тьянь-По поклонился Конану. Конан в ответ вежливо поклонился Тьянь-По. Ученики благоговейно созерцали этот обмен любезностями.

Потом Тьянь-По велел всем отдыхать, а сам остался с Конаном наедине.

— Я переписал для тебя иероглифы и их истолкование. Возьми. — Он протянул киммерийцу листок. — Но что касается сундучка... По-моему, стоит обратиться за советом к опытному взломщику.

— Я, по-твоему, недостаточно опытен?

— По-моему, недостаточно, раз ты до сих пор не сообразил, как эта вещь открывается.

— Взломщики, в отличие от каллиграфов, — неприятные люди. Они непременно захотят себе долю, а под конец попытаются тебя надуть и захапать все.

— Конан, я не знаю, как открывается драконий сундук. Понимаешь? И ты не знаешь. Нужен взломщик.

— Завтра же найму глашатая. Пусть кричит по улицам Лакшми: «Конану-Варвару, великому учителю из Киммерии, знатоку притч о каллиграфии, требуется квалифицированный взломщик!» Как ты думаешь, поможет?

— Валом повалят.

Конан дружески толкнул Тьянь-По кулаком в бок, от чего кхитаец покачнулся, и отправился восвояси. Маленький кхитаец проводил его глазами и весело покачал головой. Он до смешного напоминал сейчас фарфоровую статуэтку и, конечно, знал об этом.

Лакшми осталась позади. Конан шел на запад. Он миновал несколько селений и оказался в Фарасе — безобразном с виду городке, что раскинул глинобитные плоские хижины в небольшой долине, образованной рекой Запорожкой недалеко от впадения ее в море Вилайет. К югу высились горы — здесь они

казались размазанными по мутному небу. Запорожка, в нижнем течении довольно широкая, сейчас обмелела, и жирная рыжая глина дна бесстыдно выставила себя на обозрение. Фарас очень не нравился Конану, но остановиться было необходимо: припасы заканчивались, и варвар чувствовал себя уставшим. Кроме того, он намеревался купить себе лошадь, а Фарас известен летними лошадиными ярмарками.

Киммериец успел только справиться о времени ближайшей ярмарки, когда на него обрушилась новость: сегодня на главной площади Фараса (по правде сказать — небольшой грязной площадке, окруженной непривлекательными торговыми рядами) будут вешать женщину.

Конокрадов в этих краях, конечно, хоть отбавляй. Кого-то ловили на краже и били тут же, не сходя с места. Кого-то отправляли в большие города под конвоем, где совершалось отсечение руки в торжественной обстановке. Иногда незадачливого вора попросту побивали камнями. Но чтобы в Фарасе публично вешали женщину! Такого не припомнят здешние старожилы.

Конан насторожился. Он знал только одну женщину, которая умела довести оппонентов до подобного желания. И звали эту женщину Зонара. Свой жизненный путь она начинала как акробатка, но довольно быстро сменила специальность и воспользовалась цирковыми навыками для того, чтобы проникать в чужие окна и выносить из чужих домов все более-менее ценное.

У нее был довольно дерзкий нрав. Уж кто-кто, а Зонара умела вывести из себя. И если какая-нибудь другая воровка, попавшись «на горячем», ухитрялась выпутаться из беды, предложив кому нужно свои ласки, то Зонара сочилась таким разъедающим ядом, что стражники торопились избавиться от нее, а палачи плевались и не знали куда деваться.

Поэтому Конан отправился посмотреть на казнь.

Народу собралось тьма-тьмущая — по меркам Фараса, конечно. Киммерийца всегда удивляло: как много женщин приходит полюбоваться на страдания и смерть. Эти нежные существа, добропорядочные домохозяйки, превращались в настоящих фурий, когда речь заходила о проступках женщин другого сорта — проституток, воровок, наемниц. Их ненависть поистине устрашала. И Конан не раз говорил себе, что в тысячу раз лучше жить с какой-нибудь подругой-наемницей, которая свой меч ценит куда больше, нежели своего любовника, чем с «приличной дамой», которая забрасывает гнилыми яблоками какую-нибудь несчастную шлюху, стянувшую чужой кошелек.

— Дураки! Вы думаете, что убьете меня? Кишка тонка! Убери лапы, ты, мерзавец с усами! — донеслось из крытого возка, который притащили на площадь два сонных толстых мула.

Конан улыбнулся. Он узнал этот голос. Зонара!

Двое стражников, красных от натуги, вытащили ее из возка. Она упиралась и билась ногами.

— Отпусти! Дурак! — кричала женщина. — На кого ты поднял руку? Я родственница короля Аквилонии!

— Аквилония далеко, — пыхтел стражник.

— Тебе не поздоровится! — обещала Зонара и, изловчившись, плюнула ему в глаз.

— Ах ты, сучка! — стражник обтер лицо и занес кулак, чтобы ударить пленницу.

Конан еще раз огляделся по сторонам. Две хороших лошади под седлом стояли неподалеку от того места, где лягалась и бранилась Зонара. Они принадлежали, судя по всему, начальнику городской стражи и кому-то из магистратов — возможно, судье. Больно уж хороши лошадки. Здешнюю публику киммериец просто не принимал в расчет. Если удастся добраться до коней, то зрителей можно будет просто смести с дороги.

Конан потихоньку начал пробираться к коням. Он переместился на край площади, где народу было поменьше, и двинулся к возку. Зонара продолжала скандалить. Теперь возле нее копошилось уже пятеро стражников. И лишь один оставался помосте, рядом с палачом, который, несмотря на маску с прорезями для глаз, скрывавшую лицо, имел довольно глупый вид. Свалка возле возка имела тенденцию к расширению, насколько мог оценить Конан. Вот один из стражников случайно попал по ухо зрителю, а тот попытался ответить на несправедливый удар и задел соседа. Конан подлил масла в огонь, нанеся несколько ударов налево и направо. На киммерийца напало разом трое. Взвыв страшным голосом, варвар разметал противников и сделал большой прыжок. До коней теперь рукой подать.

Зонара орала и визжала, не переставая. Ее нежный ротик поливал окружающих мужчин страшной бранью, связанные руки дергались, голова бодала, колени норовили заехать в пах противникам.

— Утихомирьте эту девку! — звучно приказал хорошо одетый мужчина в черном. Надо полагать, судья.

Но выполнить этот приказ оказалось куда труднее, чем отдать его.

Конан продолжал сеять беспорядки. Драка покатилась по площади, как огонь, запалиший край свитка. Истерично вскрикивали женщины. В ход пошли когти и припасенные для Зонары гнилые фрукты.

Одним могучим ударом ноги Конан опрокинул возок и вскочил сверху, прямо на дерущихся людей. Свалка к тому времени уже стала всеобщей. Над головами взлетали кулаки и палки, кого-то тянули за волосы. Несколько человек упало, и их топтали.

— Зонара! — гаркнул киммериец.

Он нашел связанные руки и потянул. Вереща от боли, Зонара выбралась из кучи тел. Один стражник пытался удержать ее, но Конан «приголубил» его кулаком, и человек обмяк, закатив глаза.

Волоча за собой девушку, Конан бросился к лошадям. Он бесцеремонно забросил Зонару в седло одного коня, сам вскочил на другого. Лошади заржали, поднялись на дыбы. Зонара едва не упала — ее руки по-прежнему оставались связанными за спиной.

Конан ударил коня пятками.

— Вперед! — закричал он.

Сметая на своем пути людей, крепкие лошади помчались. Конан быстро свернул в первую же улицу, уводящую с площади. Прошло несколько мгновений, прежде чем горожане поняли, что произошло, и пустились в погоню. Кое-кто был верхом. Копыта стучали в переулках, доносились отовсюду — эхо гуляло среди стен и сбивало с толку.

Конан и Зонара оторвались от преследователей достаточно, чтобы скрыться за углом. Там они спешились, отпустив коней на волю. Конан наконец перерезал веревки и освободил свою приятельницу. Ни слова не говоря, она потащила его за собой. Конан вполне доверял ее чутью. Он не сомневался в том, что она провела в Фарасе всего несколько дней, но успела изучить в этом городишке все входы и выходы.

Они миновали несколько улиц, а затем нырнули в какой-то подвал и скрылись из виду.

— Где мы? — спросил Конан.

— Тише. У друзей.

Конан только головой покачал. У каких друзей? Откуда в таком городишке, как Фарас, могут оказаться друзья у Зонары?

— Я заплатила им, — объяснила девушка. — Точнее, пообещала плату.

— Ты ведь попалась.

— Верно.

— Значит, и денег у тебя нет.

— Зато они есть у тебя! — отрезала Зонара. — Они обещали укрыть меня, пока все не уляжется, а потом вывести из города.

— Местные жулики? — уточнил Конан.

— Именно. Давай деньги.

— Возможно, у меня их нет.

— О боги, только не это! — Зонара схватила себя за волосы в отчаянии. — Конан, они ведь собирались меня повесить!

— Наверное, было за что.

— Нет, клянусь тебе. Ко мне несправедливы.

— Что ты пыталась украсть, Зонара?

— В Фарасе есть богатый лошадник. А у него есть жена. А у жены есть изумрудное ожерелье.

— И еще у жены есть бдительный охранник, не так ли?

— Так, — кисло улыбнулась Зонара. — Клянусь тебе, я была близка к цели. Но теперь нам нужно выбираться отсюда. Я вернусь за ожерельем чуть позже.

— Если мы выберемся отсюда, об ожерелье можешь забыть, — твердо сказал Конан. — Так и быть, я заплачу твоим друзьям.

«Друзья» Зонары, два хмурых типа, заросшие бородой до самых глаз, переодели и загримировали беглецов, причем Зонара превратилась в дряхлого бе-

лобородого старичка, а Конан — в чернокожего телохранителя. Две золотых монетки с изображением дракона удивили фарасских жуликов. Они попробовали деньги на зуб, повертели в пальцах, даже погрели на огне. Но золото оставалось золотом.

— Странные знаки на них, — сказал один. — Где ты нашел эти монеты?

— В одном хорошем месте. Тебе не нравится желтый цвет? — спросил Конан. — В таком случае, я могу дать тебе беленькие. Точнее, серенькие. А то и красненькие. Как насчет медяков?

— Нет, желтый цвет мне по душе, — отозвался жулик. — Дракон... Чья это монета, хотел бы я знать?

— Дракона, — сказал Конан. — Благодарю тебя за помощь. Ты спас жизнь этой женщине, а ей, скажу тебе честно, — тут киммериец низко наклонился над ухом своего собеседника и прошептал, обжигая того дыханием: — ей же цены нет!

И блеснул зубами, которые выглядели особенно жутко на черном лице.

Конан с Зонарой покинули городок пешком, целые и невредимые. Еще одна золотая монета осталась у стражников на воротах. Ученый белобородый старец что-то шамкал о каллиграфии и о необходимости отправиться в Хорезм, на другой берег моря Вилайет, где ныне обитает светило каллиграфии. Чернокожий гигант-охранник свирепо вращал глазами и озирался по сторонам, выискивая возможную опасность.

Странным могло показаться только то, что расплачивался со стражниками именно охранник, а не его ученый господин. Но фарасские стражники были не настолько сообразительны, чтобы заподозрить в этом обстоятельстве нечто неладное.

Вечер под звездами наедине с Зонарой оказался далеко не таким прекрасным, как можно было бы предположить. Оба беглеца были голодны. Конан смастерил ловушку из веревки и поймал утку. Когда приятели насытились, луна давно прошла небесный зенит и медленно сползала к западному горизонту. Звезды безраздельно царили в черноте небес. Горы растворялись в ночной тьме. Маленький грязный городок остался позади. Кругом расстилалась широкая долина. Под ветром шуршала трава, насекомые неумолчно пели, и где-то далеко страдающим голосом кричала ночная птица.

Зонара вытянулась на земле и вдруг заплакала.

— Боги, как я устала! — всхлипывала она. — Кругом только слюнявые пасти, загребущие лапы, только злые глаза! А эти женщины!

— Ты тоже думала о них? — спросил Конан.

Зонара приподнялась на локте.

— Да, а что?

— Они отвратительны, — серьезно произнес варвар. — Ни одна из них мизинца твоего не стоит. Поверь.

— Ох, ты это просто так говоришь, чтобы я не расстраивалась! — Она снова разразилась слезами. — Я ужасна! Жизнь прошла! Я уже старая! Скоро я не смогу воровать, скоро я попадусь, и со мной расправятся!

— Может быть, — невозмутимо произнес Конан, — а может быть, и нет.

— Но ты оказался рядом по чистой случайности.

— На самом деле, это была не случайность. Я искал тебя. Точнее, мне требовался взломщик.

— Только не это! — простонала Зонара. — Я не могу работать. У меня все кости болят. Знаешь, как они меня отделали?

— Им тоже от тебя досталось, — напомнил Конан. — Кроме того, я не хочу, чтобы ты работала. Тебе не придется лазать по стенам, обшаривать чужие комнаты, попадаться в ловушки и бежать с виселицы. Мне нужен совет.

— Очень интересно. И что мне будет за то, что я дам тебе полезный совет?

— Много-много денег. Сможешь купить себе дом и начать разводить яблони.

— Хорошо. Вот тебе совет: оставь меня в покое. — И Зонара демонстративно потянула носом. — Ты даже поплакать мне не даешь вволю.

— Да плачь себе на здоровье. Все равно твой совет ни гроша не стоит.

— Ладно. — Зонара сверкнула в темноте глазами. — Тогда я буду спать.

Она действительно заснула почти сразу после этих слов. А Конан смотрел на нее, спящую, еще некоторое время. Серебристый звездный свет смягчал ее резкие черты, скрывал выражение ожесточенности, таившееся в складке возле рта. Во сне Зонара выглядела просто красивой женщиной, которая устала, ужасно устала сражаться одна против целого мира.

Утром все переменилось. От слабости Зонары не осталось и следа. Теперь это снова была прежняя акробатка с колючим нравом и гибким телом. И она, как и прежде, не ждала ничего доброго ни от мира, ни от людей.

Они позавтракали остатками вчерашней утки. Правда, остатков этих оказалось немного. Зонара жевала, с отрешенным видом разглядывая горы, высившиеся на горизонте.

— Куда ты направляешься? — спросила она наконец у своего спутника.

— У меня дела в Вендии, — немного уклончиво ответил Конан.

Девушка метнула в его сторону насмешливый взгляд.

— Странно. Мне показалось, что ты шел в противоположном направлении.

— Это тебе только показалось.

Зонара пожала плечами.

— Не хочешь говорить — не говори. Мне-то что.

Противореча собственным словам, она протянула руку и коснулась колена Конана. Он покосился на эту руку, а затем, как бы невзначай, обнял девушку за талию.

— Ну и ну! — сказала Зонара. — Кажется, меня обнимает какой-то нахал.

Конан оглянулся.

— Где он? Что-то я не вижу его, Зонара.

С этими словами он повернул ее лицо к себе и поцеловал.

— А теперь он целуется! — воскликнула она, отрываясь от его губ.

— Не может быть!

И они повалились в траву, хохоча и тиская друг друга.

Прошло довольно много времени, прежде чем Конан выпустил Зонару из объятий. Она лежала, раскинув руки и с улыбкой глядя в небо.

— Как хорошо чувствовать себя живой! — проговорила она.

Конан вдруг засмеялся.

— Я почти уверен, что в давке, которую устроили добрые жители Фараса, пострадало несколько человек. И не исключено, что кое-кто из тех, кто пришел поглазеть на твою казнь, сейчас при смерти. Им здорово намяли бока. Я сам видел, как несколько зевак упали, а прочие и не подумали помочь им подняться.

— Так им и надо, — сказала Зонара мстительно. — Ненавижу обывателей. Стоит стащить у них медяк, и сразу воплей на всю Хайборею: «Ах, куда смотрят стражники! Ах, позовите судью! Ах, давайте отрубим негодяям-ворам руки-ноги!» А сами чуть что — ведут себя куда хуже, чем наш брат.

— Ты совершенно права, — серьезно согласился Конан и опять поцеловал ее.

Зонара пробежала пальцами по нечесаной черной гриве варвара.

— Обожаю тебя, — объявила она.

Конан высвободился.

— Если ты меня действительно обожаешь, то помоги в одном дельце. Это доброе жульничество. Гляди.

Он забрался в свой мешок, чтобы вытащить оттуда ларец, и вдруг замер. В мешке ничего не было. Конан несколько раз перетряхнул его — ничего. Поискал в траве — нет. Сундучка, взятого в доме Хлависы, и след простыл.

Некоторое время варвар вертелся на месте, как собака, которая потеряла след и теперь в недоумении ищет его. Затем он поднял голову и вдруг встретился глазами со своей подругой. Выражение ее лица показалось Конану чрезвычайно подозрительным.

Но не могла же Зонара украсть сундучок! Во-первых, когда? Сперва она ела, потом спала, а после занималась с ним любовью. Во-вторых, куда бы она его спрятала? Вещица немаленькая, а Зонара почти раздета. Нет, этого не может быть.

И все же... Странно поблескивают ее глаза. И искры в них бегают дьявольские, а в углах рта дергается улыбка. Вот-вот рассмеется женщина, язвительно и победоносно. Все-таки она его одолела. Все-таки доказала, что и она, Зонара, не лыком шита, хоть и спас ее Конан-варвар, вырвал прямо из лап палача.

— Зонара, это подло! — не выдержал Конан.

— Сдаешься? — осведомилась она и уселась, опираясь на руки и выгибая спину. Конан посмотрел на ее острые груди, которые словно нацелились уколоть утреннее небо, на пышную копну волос, растрепанных и пыльных, на сверкающие глаза в обрамлении густых ресниц. Для этой женщины все в жизни — игра. Даже смерть.

— Говори, где сундук! — заревел Конан, внезапно приходя в ярость. — Иначе я собственными руками сверну твою лилейную шейку!

— И никогда не найдешь свое сокровище! — хихикнула она.

Конан еще раз осмотрел ее с ног до головы. На этом теле негде спрятать сундук. Еще бы под плащом он мог уместиться — будь Зонара более толстой. Но на ней нет никакого плаща.

— Где он? — крикнул Конан и топнул ногой.

Зонара поерзала на земле, дразня киммерийца.

— Ну, угадай, угадай!

Он молчал, медленно краснея. Зонара особым чутьем уловила: хватит, игры кончились. Сейчас варвар рассвирепеет настолько, что его уже будет не остановить. Может и убить в припадке злости. Потом, конечно, пожалеет — но то будет потом... Подбородком она указала на кучу листьев, сваленную под кустом.

— Какой ты ненаблюдательный, Конан! После ужина я отлучалась по нужде — помнишь?

— Мне что, следить за собственной сообщницей, когда она отлучается по нужде? — рявкнул Конан. — Ты с ума сошла! Ты можешь не воровать?

— Не могу, — ответила она вполне искренне. — Я прихватила с собой твою штучку и закопала ее в листьях. Я была уверена, что ты не обратишь на них внимания. Прости, Конан, — добавила она виновато. — Я просто хотела пошутить. Ты не сердишься?

— Сержусь, — буркнул он.

Но он не сердился. Зонара извивалась перед ним и так, и эдак, делала умильные рожицы, кривлялась, а потом опять полезла целоваться.

— Ну Конан... Ты мне нужен, — шептала она жарко. — Мне так нужен такой мужчина, как ты...

— Погоди. — Он стряхнул с себя ее жадные руки. — Да подожди ты! Вот косуля.

— Почему это я косуля? — она надула губы.

— Не знаю. Принеси-ка сюда этот сундук. В нем все дело.

— А откуда у тебя эта штука?

— Тащи сюда! — закричал Конан. — Что за обыкновение — все время тянуть время и болтать? Я тебе все покажу и расскажу.

— Надеюсь, ты хранишь в нем сокровище.

— Десять изумрудных ожерелий. Давай.

Зонара отправилась к куче листьев и действительно вскоре вернулась с сундучком Хлависы. Поставила его на землю и уселась рядом, скрестив ноги.

— Рассказывай, — потребовала она.

— Я познакомился с одной женщиной, — начал Конан.

Зонара фыркнула.

— Обычное начало всех твоих историй. И когда ты только образумишься?

— Когда женюсь на тебе. Итак, я познакомился с женщиной. Ее история записана здесь, на ларце. Она наполовину дракон, если тебе это интересно.

— Еще как интересно! Ты спал с драконом? Новый опыт, не так ли? А у нее нет ли, часом, брата?

— Заткнись. В этом сундуке она хранит нечто очень важное. Нечто, что поможет ей навсегда обрести человеческий облик.

— А при чем тут я, дорогой Конан? Мне абсолютно все равно, в каком облике летает и ползает твоя очередная подруга.

Конану вдруг показалось, что Зонара ревнует. Странно, если учесть количество ее похождений с различными мужчинами. Но женщины — в этом варвар был твердо убежден — вообще народ непредсказуемый.

— Просто покажи мне, как открывается этот сундук, — попросил Конан, стараясь взять себя в руки и не наорать на Зонару в очередной раз.

— Ну ладно, ладно. — Тонкие чувствительные пальцы пробежали по краю крышки в поисках скрытого механизма. Несколько мгновений Зонара сосредоточенно исследовала таинственный сундучок, а затем опустила руки.

— Что там? — нетерпеливо спросил Конан. — Ты поняла, в чем тут секрет?

— Не мешай. Я думаю.

Она действительно размышляла. То и дело ее рука принималась оглаживать выпуклую стенку сундучка, ощупывать иероглифы на кхитайской печатке. Затем вдруг она распахнула глаза и уставилась на Конана.

— Мне кажется, я понимаю, в чем тут дело... Конан, мы с тобой искали не там. У этого сундучка вообще нет крышки. Я слыхала о подобных обманках. С виду — ларец, хорошо закрытый, запечатанный, запаянный, околдованный... Понимай как хочешь. А на самом деле просто цельнолитой кусок металла.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала. Это не ларец. На самом деле это некое произведение искусства, которое не открывается.

Произнеся эти слова, Зонара откровенно наслаждалась произведенным эффектом. Конан сидел напротив нее, таращился на сундучок — который, по словам сообщницы, сундучком вовсе не являлся, — и имел совершенно растерянный вид.

— Но зачем же тогда она его прятала? — выговорил он наконец.

— Кто? Та женщина, с которой ты познакомился в Вендии? Белокурая красавица-дракон?

— Да. Она хранила его так, словно он содержит в себе нечто исключительно драгоценное. Поверь, Зонара, когда я говорю «исключительно», я имею в виду вещь, которую невозможно переоценить. Ты бы видела, какие там у нее груды камней, жемчугов и золота повсюду!

— Просто лежат, кучами? — недоверчиво переспросила Зонара.

— Ты мне не веришь! Погоди, я тебе еще их покажу.

— Знаешь, Конан, мне почему-то боязно.

— Испугалась дракона?

— Нет. Боюсь, как бы мне не умереть от разрыва сердца при виде всех этих чудес и красот.

— Все-таки ты мне не веришь. Очень глупо, Зонара. Потому что у нее там настоящая сокровищница. И вот этот сундучок она прятала. А все остальное — нет.

— Кто поймет логику дракона! Подумай, киммериец. Люди — и те не всегда понимают друг друга, а тут — настоящая рептилия. У нее голова устроена совершенно по-другому. И видит она все не так, как мы.

— Может быть, дело в надписи, — рассуждал Конан.

— Зачем ради какой-то надписи создавать целый сундук! Ты меня смешишь, киммериец. Ха, ха, ха! — деланно рассмеялась Зонара. Затем она снова взяла в руки сундучок, перевернула его и... быстро отвинтила одну из ножек.

Ножка оказалась полой. Зонара просунула туда тонкие пальцы и вытащила нечто, завернутое в тонкую золотую бумагу, пропитанную воском.

— А вот и наш тайник! — торжествующе воскликнула она.

Конан вскочил.

— Ты все это время знала! Ты морочила мне голову разными глупостями про рептилий, чтобы помучить меня!

— Ну, не то чтобы я была так уверена, — протянула Зонара лениво. Теперь ее торжество было полным. — Но подозревала. Мне рассказывали, что эти обманки всегда не то, чем кажутся. Выглядят как ларец, а на самом деле — не ларец. Или эта ножка. Выглядит как ножка, а на самом деле — вместилище секретика.

— Или некоторые женщины, — сказал Конан. — Выглядят как женщины, а на самом деле — ядовитый тарантул.

— Ты преувеличиваешь, — зевнула Зонара и провела языком по губам.

— Да, тарантулы менее опасны.

Зонара бросила сверточек Конану.

— Разверни, дружок. Посмотрим, что она так тщательно запрятала, твоя драконихa. Стоит ли эта вещица таких ухищрений.

Конан осторожно снял бумагу, и на ладонь ему легла небольшая уздечка, сплетенная из женских волос.

— Ну и ну! — Зонара опять улеглась на землю, заложила руки за голову. — Она прятала простую уздечку.

— Тьянь-По говорит, что в ларце должно храниться средство превратить драконицу в женщину — навсегда.

— Тьянь-По?

— Бедный кхитайский каллиграф, — пояснил Конан. — Это он сам себя так называет. На самом деле — продувная бестия, но умник, каких мало. Чертит палочкой по рисовой бумаге разные загогулины, а потом учит разбираться в этих значках. И получает за это почет, уважение и кучу денег.

— Да, странный малый, — согласилась Зонара. — Ну так что ты надумал? Поедешь обратно в Вендию и попытаешься.осчастливить красотку?

— Это уж как она захочет, — отозвался Конан и вдруг замер. Он что-то разглядел впереди. Сколько Зонара ни щурилась, она ничего не видела, но звери-

ное чутье и острое зрение помогло варвару заметить чужаков прежде, чем те обнаружили его.

— Погоня? — спросила Зонара нервно.

— Нет, погоди. Для погони слишком мало пыли. Едет кто-то один. Спокойно едет, не спеша.

— Одинокий путник? — Зонара хищно раздула ноздри.

— Мы никого сейчас не будем грабить, — строго велел Конан. — Просто подождем, пока он подъедет поближе, и поговорим. Узнаем новости, понимаешь? Одинокие путники иногда бывают полезны.

— А иногда — опасны, — подхватила Зонара. — Особенно если это маги или, скажем, киммерийцы в поисках заработка.

Вскоре таинственный всадник был уже довольно близко и можно было рассмотреть красивую белую лошадь, покрытую красной шелковой попоной с золотыми кистями.

На лошади в высоком седле сидела женщина, закутанная в синее покрывало. По посадке головы Конан почти сразу признал Хлавису. Ему не было нужды спрашивать, как ей удалось так быстро оказаться здесь. Если девушка умеет превращаться в дракона, она могла долететь за несколько часов. Видимо, ее привлек запах волосяной уздечки.

Зонара догадалась обо всем почти так же быстро. Метнув на Конана ревнивый взгляд, женщина спросила:

— Это она?

Конан молча кивнул.

Хлависа поравнялась с двумя приятелями и остановила коня. Некоторое время она смотрела на них молча с высоты своего седла. Затем Конан встал и протянул к ней руку.

— Здравствуй, Хлависа, — произнес он как ни в чем не бывало. — Помочь тебе сойти?

— Сними меня, — попросила она спокойно. — Мне трудно в этом платье. Я путаюсь и боюсь упасть.

Конан подхватил ее за талию и осторожно поднял на руки. На мгновение Хлависа обняла его за шею и обожгла щеку пламенным дыханием. Затем Конан поставил ее на землю.

— Это моя подруга Зонара, — представил он девушку.

Гибким изящным движением акробатка вскочила на ноги, медленно изогнулась и коснулась затылком земли, а после так же медленно выпрямилась.

— Рада видеть тебя, Хлависа, — произнесла она с очаровательной улыбкой.

Хлависа чуть опустила покрывало, открывая лицо. Они с Зонарой были совершенно разными, но обе чрезвычайно хороши собой. К счастью, Конану не нужно было выбирать между ними. Он мог владеть обеими, и обе были не против.

— Я знаю, что ты забрал уздечку, — сказала Хлависа, обращаясь к Конану.

— Прости. Мною двигало любопытство. Я с удовольствием верну ее тебе.

— Не нужно. — Хлависа остановила его движением руки. — Это соответствовало моему намерению. Я знала, что ты справишься. Я только ошиблась в расчетах. То ли луна стала прибавлять себе округлостей быстрее, то ли в моем жизненном цикле что-то переменилось, но я превратилась раньше, чем рассчитывала.

— А на что ты рассчитывала? — полюбопытствовал Конан.

— На то, что ты мне поможешь. Видишь ли, Конан, женщины бывают очень раздражительны.

— Да уж! — с сердцем молвил киммериец.

— Но я — это исключение из правил. Я не просто раздражительна — я зверь!

— Я видел тебя. Ты проглотила бедного слугу, словно конфету.

— Мне так жаль! — глаза Хлависы наполнились слезами. — Он был преданным человеком. Он знал, что ему угрожает опасность, и все же согласился постеречь мой покой. Все бы обошлось, если бы я успела рассказать тебе о своих превращениях.

— Я должен был что-то сделать для тебя?

— Набросить эту уздечку на морду дракона. Больше ничего. Это обуздает зверя во мне навсегда.

— Но ведь это опасное дело, не так ли? — промурлыкала Зонара. — Приближаться к разъяренному дракону и надевать на него уздечку?

— Верно, — Хлависа обернулась к акробатке и кивнула. — Поэтому я искала мужчину сильного, смелого и лишенного предрассудков.

— Кстати, о предрассудках, — еще более мягко продолжала Зонара, — он ведь мог убить тебя. У Конана нет предрассудков, поверь мне. Если женщина угрожает его жизни, он в состоянии убить и женщину.

— Это не вполне так, — слабенько возразил Конан, но Зонара его не слушала.

— Он, конечно, мил и добр, но если его разозлить...

— Именно это ты сейчас и делаешь, Зонара! — не выдержал Конан. Затем он снова заговорил с Хлависой: — Мой друг, мудрец из Кхитая, говорит, что лишаться двойственной природы — значит, обеднять себя.

— Не исключено, что он прав. Но я хочу выйти замуж...

— Надеюсь, не за Конана? — снова вмешалась Зонара. — Потому что он никогда не женится.

— Женюсь, когда найду мою королеву, — сердито огрызнулся Конан.

— Ладно, ладно. Ты же у нас король, а я и забыла. — И Зонара принялась разглядывать ногти у себя на руках.

— Я хочу выйти замуж за одного вендийского вельможу, — тихо продолжала Хлависа. — Он не слишком богат, но молод, красив и безумно любит меня.

— Ужас, — демонстративно громким шепотом отреагировала Зонара.

Хлависа сделала вид, что не слышит.

— Мы прожили бы вместе долгую, тихую жизнь. У меня прекрасные сады — Конан, ты их видел. Я собрала богатейшую коллекцию произведений искусства. Как всякий дракон, я обожаю владеть сокровищами. Я хочу жить в любви, среди прекрасных вещей...

— Понятно, понятно. Превращения в дракона никак не входит в число тихих семейных радостей, — перебил Конан. — Хорошо. Я сделаю для тебя то, о чем ты просишь. Только скажи — как.

— Через три седмицы я снова превращусь в дракона. Ты должен находиться поблизости. Когда это случится — набросишь уздечку. Можешь приковать мои руки и ноги к стенам. В подземелье довольно крепкие стены, они могут выдержать.

— Да ладно, — хмыкнул Конан. — Не надо ничего приковывать. Едем. Нам еще предстоит добраться до твоего дома, а путь, как мне представляется, неблизкий.

— А как же я? — возмутилась Зонара. — Вы двое так и бросите меня здесь одну?

— С тобой твоя жизнь, ты не забыла? — обернулся к ней Конан. — Вас по крайней мере двое.

— Неблагодарная свинья! — сказала Зонара.

Конан обернулся и запустил в нее рубином, украденным в доме Хлависы.

— Забери и не плачь, — крикнул он. — Я люблю тебя! Увидимся через пару зим, если твоя жизнь не передумает и не сбежит к кому-нибудь другому, более сговорчивому.

Зонара схватила камень и поднесла его к глазам. Солнечный свет проник сквозь прозрачные грани, и залил весь мир для Зонары густым и терпким красным вином.

— Изумительно, — прошептала она. — Кое в чем Конан не уступает даже дракону.

— Мне жаль дракона, — грустно молвил Тьянь-По, когда спустя луну Конан опять объявился в Лакшми. — Это такое красивое животное! А в сочетании с женской нежностью...

— Знаешь, друг, — перебил его Конан, — она была довольно жуткой. По крайней мере, с виду.

— Но ведь она не слопала тебя! — возразил Тьянь-По. — Подумать только, отказаться от полетов, от второй натуры, от плоти, подобной плоти небожителей! — Он скорбно покачал головой. — Уму непостижимо.

— Она сделала это ради любви, — назидательно произнес Конан, подражая тону здешних учителей.

— Все равно! — не уставал сокрушаться Тьянь-По. — А я, бедный кхитайский каллиграф, так мечтал увидеть летящего дракона! Я нарисовал бы его ту-

шью на рисовой бумаге и создал иероглиф, который рассказал бы всю эту историю единым значком.

Конан сунул руку под плащ и вытащил флягу, полную вина. В монастыре было настрого запрещено употреблять горячительные напитки. Нет, никогда в жизни Конан-киммериец не поймет этих вендийцев и кхитайцев.

Удивительные люди!

Просто поразительные!

Крыланы из Шадизара

Усадьба находилась за городской чертой Ианты и выглядела совершенно заброшенной — как раз то, что требовалось Конану. Он намеревался провести здесь некоторое время вдали от любопытных глаз. Кое-какие богатеи в Ианте, по мнению наблюдательного варвара, были слишком отягощены чрезмерным имуществом, и Конан собирался облегчить им ношу непомерного богатства. Для этого ему необходим был опорный пункт, где можно было спрятаться самому и скрыть награбленное.

Конечно, многого Конан не знал. Например, до поры оставалось для него неведомым то обстоятельство, что в Ианте орудовал он не один. Случай свел в этом городе сразу нескольких опытных мастеров древнего и почтенного ремесла...

* * *

В доме давно не жили. Что случилось с прежним владельцем — Конан, естественно, не знал, однако с присущей ему наблюдательностью сделал несколько выводов. Человек, которому принадлежала усадьба, любил роскошь. Даже сейчас здесь сохранилось немало приятных безделушек — увы, не в том состоянии, чтобы можно было продать их с выгодой. Удобно обставленные мягкой мебелью комнаты — опять же, увы, мебель давно прогнила и испортилась, а покрывала и одеяла истлели. Единственное, что было еще годно к употреблению, — это фаянсовая посуда. Однако она как раз ценности не представляла.

Конан устроился так уютно, как только мог и насколько умел — варвар, привыкший вести кочевую жизнь, обычно довольствовался немногим. Крыша над головой и высокий забор, отгораживающий нового жильца от взгляда случайного прохожего, — вот предел его требований к убежищу.

Впрочем, кое-что не давало киммерийцу покоя. Почему эту усадьбу бросили? Какая судьба постигла ее прежнего владельца? Даже если он умер — почему никто не заявил о правах наследования? Конан сильно сомневался в том, что у богатого человека — а предыдущий хозяин дома и сада, был, несомненно,

весьма состоятельной персоной, — не нашлись бы какие-нибудь «убитые горем» дальние родственники, которые возжелали бы завладеть этой соблазнительной собственностью.

Нельзя сказать, чтобы эта загадка особенно мучила Конана. Просто он имел в виду, что с усадьбой не все чисто и просто.

Следовательно, размышлял варвар, устраиваясь на ночлег в просторной комнате, которая некогда служила гостиной, а теперь превратилась в спальню для могучего киммерийца и заодно в его оружейную, следовательно, в этом доме и саду стоит поискать. Возможно, отыщется нечто совсем неожиданное...

Неожиданное отыскалось. Точнее, оно свалилось Конану на голову — причем, в тот час, когда он ожидал этого меньше всего. Произошло это посреди ночи.

Странный шум разбудил киммерийца. В незнакомом месте он всегда спал очень чутко, держа меч под рукой. Гибкий и осторожный, как кошка, Конан поднялся и подкрался к окну, не зажигая огня. Что-то происходило в саду. Что-то, за чем стоило бы понаблюдать.

Прильнув к окну сбоку, так, чтобы его фигура не бросалась в глаза возможному соглядатаю, Конан жадно смотрел в ночную темноту. Луна ярко освещала сад, заливая его призрачным сероватым светом и превращая все предметы в плоские серые тени. Некоторые из этих теней шевелились.

Сперва одна, потом другая... и третья, одна за другой, три фигуры поднялись над высокой изгородью. Конан и сам мог бы взобраться по стене с легкостью, поскольку вырос в горах и карабкаться по уступам умел не хуже горного барана. Но эти странные персонажи вовсе не лезли по стене. Они как будто взлетели над ней.

Конан прикусил губу, чтобы не ахнуть от удивления — хотя, казалось бы, повидавший на своем недолгом веку варвар мог бы отучиться от привычки изумляться неведомому! Эти неизвестные действительно летали. В прямом смысле слова. Над их узкими плечами медленно расправлялись крылья, похожие по очертаниям на кожистые крылья летучей мыши. «Оборотни?» — подумал Конан и тряхнул головой. Он терпеть не мог подобной нечисти. Меч словно бы собственной волей шевельнулся в его руке, как будто призывал своего хозяина: убей, убей, избавь мир от оборотней!

Конан едва было не поддался первому порыву, но в следующее мгновение остановился и приказал себе наблюдать и делать выводы, а не бросаться в атаку очертя голову. В этом он усмотрел признак собственной зрелости и чуть усмехнулся, довольный. Еще несколько зим назад киммериец напал бы на непонятных существ, не раздумывая, и сперва уложил бы их одного за другим, а уж после решал, кого уничтожил: демонов, оборотней, колдунов-неудачников или вообще некую неведомую тварь, которой все равно не стоило летать по белому свету и пугать людей.

Трое крылатых посидели на стене, как три грифа, разглядывающие дохлую лошадь и предвкушающие пиршество, а затем медленно спустились в сад. Они

парили на широко раскинутых крыльях, как невесомые шелковые платки, раздуваемые ветром. Была в их полете странная, завораживающая грация.

Оказавшись в саду, они сложили крылья, скорчились, превратившись в горбатых, неуклюжих существ, и принялись за дело. Их маленькие сильные руки впились в мягкую садовую землю и принялись разрывать ее. Комья так и летели. Конан смотрел, недоумевая: чем они заняты? Неужели в саду действительно был зарыт клад? Киммериец чувствовал, как в нем закипает бешенство. Не успел! Он непременно нашел бы богатство, спрятанное прежним владельцем, если бы у него было достаточно времени для того, чтобы обшарить весь сад. А теперь явились какие-то странные крыланы и утащили зарытое прямо у него из-под носа.

И второй раз Конан усилием воли удержался, чтобы не наброситься на незваных гостей с мечом.

Как оказалось, решение было совершенно правильным. Трое незнакомцев отнюдь не стали вытаскивать клад. Напротив. Когда яма была готова, они осторожно опустили в нее какой-то сверток, забросали сверху землей, а после утоптали рыхлую почву и бросили на нее несколько сорванных сорняков, чтобы те пустили корни и замаскировали заветное место.

— Ну и ну! — сказал себе Конан. — Они что-то тут спрятали. Вот что значит — воинская зрелость, терпение и тренированный ум! Как там говорил мой друг кхитаец Тьянь-По? Мудрый не спешит, он сядет на берегу реки и будет ждать, пока текучие воды не пронесут мимо созерцателя труп его врага...

Он покачал головой, словно дивясь собственной мудрости. Однако иная мудрость подталкивала его к действию. Нужно было только дождаться, чтобы крыланы покинули сад. Как только это произошло, Конан осторожно выбрался из дома. Он огляделся, по-прежнему держа меч в руке, но в саду было совершенно тихо. Никто не прятался поблизости и не готовился напасть на самозванного хозяина усадьбы.

Конан крался от одного дерева к другому, прячась на всякий случай за стволами. Он хорошо отдавал себе отчет в возможной опасности. В любое мгновение крыланы могли вновь появиться в саду, взлетев над стеной. Однако, по счастью, ничего подобного не произошло. В саду все оставалось спокойно и тихо.

Конан добрался наконец до места, где копались крыланы. Отложив меч в сторону, варвар опустился на колени и принялся разгребать разрыхленную землю. Следы ног крыланов отчетливо отпечатались на ней, и варвар подивился тому, какие узкие и маленькие у них ступни.

Наконец он нащупал сверток и вытащил его. Соблюдая предельную осторожность, Конан опять закопал яму и утоптал ее, как мог, а затем вернулся в дом со своей добычей. Он не стал зажигать свет в большой комнате, а вместо этого направился в кладовую, где вообще не было окон, и затеплил маленькую глиняную лампу, в которой еще сохранилось масло. Как ни странно, это ста-

рое масло горело ровно и ярко. Конан наконец смог развернуть грубую рогожу и взглянуть на то, что крыланы так заботливо схоронили в саду.

При свете лампы блеснули грани драгоценных камней. Тускло засветилось золото, сверкнули алмазы, кровавые отблески пустили по стенам рубины. Несколько широких браслетов, ожерелья, диадема, достойная королевы, металлический пояс с драгоценными камнями — вот что прятали в саду таинственные крыланы.

Конан присвистнул.

— Ну надо же, как мне повезло! — воскликнул он, смеясь от души. — Я полагал, что мне предстоит совершить ряд набегов на местных толстосумов, но вот являются какие-то неведомые существа и приносят мне добычу прямо на дом. Остается только сидеть здесь, бездельничать и ждать, пока меня снабдят достаточным количеством золотых безделушек и, надеюсь, серебряных монет. Надо бы попросить их, чтобы в следующий раз приносили денежки...

Он сложил украденное на полке в кладовой, рядом с треснувшими кувшинами и стопками старых глиняных и медных плошек, выбрался наружу и, загасив лампу, отправился спать. Излишним будет, естественно, говорить, что сон киммерийца был спокоен, как у невинного младенца, и что проснулся он рано в отменном настроении.

* * *

Несмотря на свое заявление насчет намерения сидеть в усадьбе и бездельничать в ожидании добычи, Конан ближе к середине дня навестил рыночную площадь Иантры. Не стоило расчитывать на одну только удачу. В этом городе скопилось, по мнению варвара, слишком много денег, и немало туго набитых кошельков взывали к нему с просьбой о кровопускании.

Поэтому варвар принялся бродить по рыночной площади, высматривая какого-нибудь дворецкого, который, в свою очередь, приглядывает среди пришлого люда человека, готового наняться в охранники.

Вскоре подходящий дворецкий подвернулся. Это был сухощавый пожилой человек с ухоженной бородой и сердитым взглядом бледно-голубых глаз. Конан принял возможно более роскошную позу, выставив на обозрение великолепную мускулатуру торса и видавший виды меч из превосходной стали. Киммериец нарочно купил у уличного разносчика булочку, чтобы был повод задержаться на площади и покрасоваться, вертясь возле колонны крытого рынка.

Дворецкий клюнул на наживку скорее, чем даже надеялся варвар. Вскоре он уже стоял рядом и глазел на киммерийца так, словно был лошадиным барышником и созерцал выставленную на продажу лошадь.

— Эй, любезный! — обратился к нему Конан тоном, исполненным глубочайшего достоинства. — Правильно ли я истолковал твои взоры?

При этом он обнажил свои белоснежные зубы и несколько раз клацнул ими.

Дворецкий чуть отступил и принял оскорбленный вид.

— Прости, добрый варвар, если мой взгляд показался тебе слишком пристальным, — заговорил он примирительно. Однако при этом он выдал себя, боязливо озираясь по сторонам. Киммерийцу удалось нагнать страху на предполагаемого нанимателя, и теперь Конан готов был расхохотаться, такой потешной казалась ему физиономия дворецкого.

— Да ладно, чего там, — протянул Конан и сменил позу, чтобы дворецкий мог оценить мощь его ручищ.

Судя по всему, трюк удался вполне. Дворецкий даже поклонился от почтения.

— Я залюбовался тобой, — сказал он, — потому что моя госпожа... нуждается в телохранителе. Вот я и подумал...

— Что я продам свой меч какой-то избалованной бабенке? — зевнул Конан.

Дворецкий показательно оскорбился.

— Для начала не стоит называть мою госпожу «бабенкой», — произнес он. — Она весьма почтенная дама. Состоятельная и привлекательная.

— А, — неопределенно высказался варвар и откусил сразу половину бу́лочки.

— Просто ее милость обосновалась в Ианте совсем недавно, — продолжал дворецкий, — и сразу начала обзаводиться прислугой. Поэтому у нее до сих пор нет телохранителя. А он необходим, когда речь идет об одинокой молодой женщине.

— Одинокой? — облизнулся варвар и затолкал в рот остатки булочки. — Это интересно.

— Боюсь, добрый мой варвар, что это может заинтересовать также воров, грабителей, насильников и прочую малопочтенную публику. Ты меня понимаешь.

— Естественно, — отозвался Конан с набитым ртом.

— Она богата, говорю тебе. Она хорошо заплатит за собственную безопасность. Если бы ты согласился охранять жизнь моей госпожи...

— Должно быть, она действительно хороша собой и щедра, если ты, прослужив у нее недолго, так ее расхваливаешь, — заметил варвар.

Дворецкий чуть покраснел, и Конан отметил это не без удовольствия. Возможно, почтенный пожилой человек и сам влюбился в эту даму. Такое случается сплошь и рядом. Время от времени она позволяет целовать себе ручку или ножку, а он за это при случае даст за нее содрать с себя кожу. Умно, подумал Конан.

А вслух произнес:

— Я должен посмотреть на твою госпожу. Если это какая-нибудь старая глупая корова, страдающая одышкой и мнительностью, то будь она хоть набита золотыми монетами — я не соглашусь охранять ее.

Дворецкий медленно залился краской.

— Как ты смеешь! — проговорил он. — Моя госпожа — самая прекрасная, умная...

— Понял, понял, — перебил Конан и отошел от колонны. — Ну так веди меня к ней! Если она и впрямь хороша, клянусь, я убью ради нее кого угодно, хоть демонов из преисподней.

Дворецкий посмотрел на варвара так, что стало ясно: он в этом не сомневается.

* * *

Госпожа действительно оказалась очень хороша. Очень умна. И очень одинока.

У нее имелся только один недостаток. Она была воровкой, и Конан очень хорошо знал ее.

— Зонара! — воскликнул он, едва дворецкий торжественно затворил дверь, и они остались наедине.

— Конан! — вскричала она, бросаясь ему в объятия. — Какими судьбами?

— Решил проверить, не скучали ли без меня здешние алмазы, рубины и прочие золотые побрякушки, — ответил Конан. — Я ведь не знал, что их уже развлекаешь ты!

— Ну что ты, — протянула Зонара. — Я здесь на отдыхе. Я не ворую там, где живу, пора бы это запомнить. Мудрое, кстати, правило.

— Наверное, ты вычитала его в какой-нибудь книге, — предположил Конан.

Зонара, смеясь, ударила его по руке.

— В книге моей жизни, Конан. В книге, полной самых невероятных приключений.

— Ну, — усомнился он, — вряд ли она интереснее моей.

— Ты старше, — объявила она, что было неправдой.

Конан тоже засмеялся.

— Я рад тебя видеть богатой и в добром здравии, — сказал он вполне искренне. — Теперь скажи, стоит ли мне наниматься к тебе телохранителем или оставим все как есть.

— Телохранитель мне в любом случае понадобится, — произнесла Зонара, многозначительно щурясь. — Мое тело любит, чтобы его охраняли, если ты это имеешь в виду.

Конан чуть поднял брови.

— Возможно, — сказал он наконец.

— А что ты подразумевал под «оставим как есть»? — осведомилась она. — Что «есть»?

— Есть заброшенная усадьба за городской чертой, — объяснил варвар. — Совершенно пустая. Ее покинули несколько зим назад. Вино там еще не про-

кисло в бочках, но постели сгнили и всю мебель съели древоточцы. Я там обосновался пару дней назад.

— Интересно, — протянула Зонара. — Наверное, будет лучше, если ты переберешься ко мне. Моя постель свежа и мягка, да и я сама — тоже.

Конан чуть вздохнул.

— Может быть, ты и права... — начал он.

При словах «может быть» Зонара негодующе подняла брови.

— У тебя, стало быть, имеются сомнения... — прошипела она, изгибаясь всем телом, как змея, готовая наброситься на жертву. Зонара была некогда акробаткой и до сих пор весьма умело пользовалась навыками, полученными в детстве и ранней юности. Если киммериец был, несомненно, многократно сильнее этой женщины, в ловкости она ему не уступала, а в иных случаях и превосходила его.

Конан, разумеется, не мог не считаться с данным обстоятельством и задумчиво пояснил своей старой сообщнице:

— Понимаешь ли, Зонара, в этом саду я кое за кем наблюдаю.

Зная характер Зонары, Конан не стал объяснять ей многого. Ей наверняка взбредет на ум какая-нибудь головоломная идея, причем реализация мудреного плана будет возложена на Конана, а если он откажется, Зонара изведет его попреками и в конце концов сделает все сама. И тогда киммерийцу придется выручать ее из очередной беды.

Поэтому Конан ограничился намеком на крайне важное дело, имеющееся у него в заброшенной усадьбе.

— Не понимаю! — воскликнула Зонара, не скрывая разочарования. — Почему же ты, в таком случае, решил наняться в телохранители?

— Чтобы получше осмотреться в городе, — невозмутимо ответил варвар. — У богатенькой красотки наверняка есть богатенькие и глупенькие подруги. Ими бы я и занялся в первую очередь. Но, поскольку красоткой оказалась ты, план можно считать провалившимся.

— Я могу завести здесь знакомства, — объявила Зонара, немного задетая. — Или ты считаешь, что со мной никто не захочет водить дружбу?

— Я этого не сказал, — напомнил Конан. — Однако ждать, пока ты сделаешься респектабельной и уважаемой среди местных богачек, придется долго. Так что пока я поживу у себя в усадьбе, а ты поразмысли над тем, как получше устроить собственные дела в Ианте. Я тебя навещу.

Конан поцеловал Зонару и покинул ее дом.

Она бессильно погрозила ему кулаком и повалилась на свою кровать. Однако по-настоящему обижена она не была. В конце концов, они с Конаном прошли вместе через множество испытаний и Зонара научилась доверять киммерийцу. Он, несомненно, поможет ей обстряпать дельце наилучшим образом, когда она найдет подходящий объект для приложения своих сил и дарований. И все же, подумала она со свойственной ей непоследовательностью, стоило бы заняться той таинственной заброшенной усадьбой, где поселился

варвар. Что он нашел в этом обиталище? Что там такого интересного происходит, если он предпочитает обитать среди сгнивших постелей и провалившихся полов — вместо того, чтобы нежиться с красивой женщиной посреди роскоши и уюта?

Зонара вскочила. Решение принято и нечего мешкать! Она не стала тратить время на то, чтобы отыскать наряд, в котором обычно она выходила на улицу, изображая знатную особу. Вместо этого прямо на домашнее платье — легкую тунику, едва прикрывающую роскошное тело, — Зонара набросила длинный плащ с капюшоном, который полностью скрыл ее. Теперь она напоминала не то служанку, отправленную с тайным поручением, не то повитуху, слишком безобразную для того, чтобы показывать свое лицо кому-либо, кроме роженицы, которой уже безразлично, как выглядит ее долгожданная помощница.

— Очень хорошо, — прошептала Зонара, тайком выскальзывая из дома.

Она отправилась бродить по улицам Иантры, выслеживая варвара. Конана, естественно, и след простыл — рослый киммериец умел ходить очень быстро и растворялся в толпе с ловкостью, достойной верткого маленького человечка. Как это Конану удавалось, оставалось для Зонары загадкой.

Скоро она уже вышла за городскую черту и принялась исследовать окрестности Иантры. Лишь ближе к вечеру, когда у Зонары уже болели ноги от непрерывной ходьбы, она обнаружила то, что искала. Заброшенный дом, все еще крепкий и, несомненно, весьма богатый. Что здесь произошло? Что вынудило былых владельцев покинуть здание? И если они умерли, то где наследники? Почему не продали дом и сад?

Теми же вопросами, только чуть раньше, задавался и Конан. Только Конан, по мнению Зонары, был куда ближе к разгадке. Зонара предполагала, что разгадка эта содержит в себе также некоторые способы обогащения. Она прикусила губу. Понятно, почему варвар не стал вдаваться в подробности при разговоре с ней! Если Конан и способен к чему-либо ревновать, так это к хорошо спланированному и тщательно осуществленному делу.

— Ничего, мой милый варвар, — прошептала Зонара, крадясь вдоль высокой каменной стены, ограждающей сад, — ты ведь знаешь, с кем связался! Неужели ты надеешься, что я оставлю тебя наедине с тайной и богатством, которое эта тайна хранит?

Она осторожно коснулась стены. Магическая защита отсутствует. Либо ее изначально здесь не было, либо Конан смел ее, точно паутину. Он это умеет. С магами у Конана разговор короткий: вынул меч — и нет больше мага, как бы тот ни старался, ни пыжился. И с демонами он, в принципе, общается по той же старой схеме.

Зонара принялась карабкаться на стену. Заглянула в сад. Ничего особенного. Фруктовые деревья еще не одичали, скоро персики нальются золотом и будут вкусными и сочными. Она приметила также гранатовое дерево и несколько апельсиновых. Отлично для начала.

Никаких ловушек, капканов или, скажем, окровавленного алтаря, посреди которого бьется девственница с перерезанным горлом, здесь не наблюдалось. Очень, очень хорошо. Зонара спрыгнула со стены в сад и притались у ствола яблони. Все было тихо.

Интересно, где сейчас Конан? Зонара мысленно представила его себе. Сидит где-нибудь на полу и тянет вино из гигантского кубка. Он же сам сказал, что вино в бочках еще не скисло. Наверняка уже проверил и попробовал.

Зонара поморщилась. Ну почему ему всегда так везет! Он не блещет умом, никогда не умеет просчитывать свои действия на пять, десять шагов вперед — вечно действует по обстоятельствам... Возможно, она немного к нему несправедлива... Но только чуть-чуть.

Скользя беззвучно, она двинулась ближе к дому.

Конан тем не менее уже заметил вторжение. Как только Зонара достигла двери в дом, оттуда донесся громкий голос киммерийца:

— Входи, раз пришла. Не стой в саду, не привлекай к себе внимания.

Зонара выругалась про себя и проникла в дом. Здесь все оказалось так, как она и предполагала. И даже огромный кубок с вином стоял наготове.

— Попробуй, — предложил варвар, и Зонара тотчас отхлебнула. Вино действительно было очень хорошим.

— Кто здесь жил? — спросила она, вытирая губы. — Ты это уже выяснил?

— Пока нет, — ответил он. — Расспрашивать в городе опасно. Впрочем, ты можешь задать этот вопрос кому-нибудь из своих новых друзей. Когда обзаведешься таковыми. Но мне почему-то кажется, что самое важное из происходящего здесь — не прежний владелец, а кое-кто другой...

— Кто? — жадно осведомилась она.

— Погоди, увидишь — отозвался Конан таинственно. — А пока взгляни вот на это.

И он протянул ей красивый золотой браслет, украшенный рубинами и изумрудами. Драгоценные камни, превосходно ограненные, отбрасывали на лицо Зонары разноцветные искры. Она даже присвистнула от восхищения.

— Не берусь спрашивать, даришь ли ты мне эту вещицу, — проговорила она наконец.

— Забирай, — махнул рукой Конан. — У меня таких полный мешок.

— Откуда? — Зонара сверкнула глазами.

— Не поверишь... — Конан потянулся, зевнул. — Мне принесли их прямо на дом.

— С нарочным? — Она решила, что он насмехается, и оскалилась.

— Почти... Я говорю тебе чистую правду. Раз уж ты нашла меня, то увидишь и все остальное. Нужно только подождать.

— Сколько?

— Не знаю... Может быть, все случится уже сегодня. А может, завтра. Мне неизвестно, как часто они приносят сюда драгоценности. И, кстати, я не

знаю — может быть, в саду спрятано еще. Поищем, хочешь? Только завтра, после восхода солнца.

— А нас никто не увидит? — спросила она. — Не опасно выходить из дома при свете солнца?

Конан подтащил ее к окну.

— Посмотри! — приказал он. — Много ты видишь поблизости домов?

— Ты прав, — ответила она. — Место совершенно безлюдное. Но случайные путники...

— Случайные путники увидят прежде всего высокую глухую стену. Вряд ли они окажутся так же любопытны, как ты, и полезут наверх. К тому же далеко не все умеют забираться на такие стены.

— Почему ты все время прав! — возмутилась Зонара. — Меня от этого уже тошнит.

— Тебя тошнит? — с притворным страхом переспросил киммериец. — А что ты кушала за обедом? Ты не ела на улице какие-нибудь пирожки? В них часто бывает несвежая начинка.

— Дурак, — обиделась Зонара и вдруг ее разобрал смех. — В самом деле! Что за беда, если ты все время прав? Иногда ты напоминаешь мне старуху, Конан. Дряхлую такую старуху с большим жизненным опытом.

— Мой жизненный опыт куда обширнее, чем у десятка старух, — самодовольно объявил варвар. — К тому же, взгляни на меня, Зонара. Ни у одной старухи нет такой мускулатуры, согласись.

— И кое-чего другого, — добавила она, забрасывая руки ему на шею. — Ну, раз уж мы оба здесь... Конан...

И таково волшебное свойство молодости, что в конце концов им оказалось совершенно безразлично, где сплетать объятия — в роскошном будуаре дома Зонары или на полу заброшенной усадьбы.

* * *

Зонара не стала перебираться в усадьбу насовсем. Во-первых, она не хотела вызывать подозрения у дворецкого своим отсутствием. Еще не хватало, чтобы он начал ее разыскивать! А если он, к тому же, ее отыщет... Нет, нет и еще раз нет. Это совершенно излишнее. А во-вторых, Зонара все-таки любила роскошь. Конечно, заниматься любовью с варваром среди полного разгрома заброшенного дома — очень мило и все такое, но спать, обдумывать планы, примерять новые наряды и вообще жить девушка предпочитала в другой обстановке. И уж коль скоро подобная обстановка у нее имелась, отказываться от приобретенного она не собиралась.

На туалетном столике у нее лежал браслет из массивного золота. Изумительной красоты вещь! Зонара то и дело поглядывала на него, а затем, не выдержав, протягивала к нему руку и надевала за запястье. Украшение это было как будто создано для ее гладкой смуглой кожи, для ее сверкающих глаз, для коп-

ны ее причудливо уложенных роскошных волос. Она то набрасывала себе на плечи различные нарядные платья, то представала перед зеркалом совершенно обнаженной, с одним только браслетом на руке.

Искушение было слишком велико, и Зонара устала с ним бороться. Сегодня ее ждали у госпожи Териваны, супруги местного воротилы, который сделал себе состояние на торговле солью. Соляная королева госпожа Теривана, вместо того, чтобы стыдится столь неаристократического происхождения, напротив, всячески подчеркивала его. Например, у нее имелась диадема, главным украшением которой имелись причудливые кристаллы, выращенные из соли, а в приемной стояло несколько статуй, также вырезанных из цельных соляных кристаллов, причем внутри некоторых имелись настоящие драгоценные камни.

Зонара была уверена, что столь изысканная особа, как Теривана, оценит великолепный браслет. Более того, Зонара чувствовала искреннее уважение по отношению к этой женщине и хотела бы произвести на нее впечатление. И потому она в конце концов поддалась искушению.

Она избрала такой наряд, который подчеркивал бы браслет и ни в коем случае не отвлекал от него внимания. Поэтому Зонара распустила волосы, прихватив их тонким золотым обручем, надела несколько полупрозрачных платьев, одно поверх другого, которые удивительно переливались и колыхались при ходьбе, словно девушка была погружена в морские волны, пронизанные светом. Но главная деталь этого тщательно продуманного в своей изысканной простоте туалета — золотой браслет — должна была оставаться в центре внимания. Это было единственное украшение. Оно отягощало тонкую руку Зонары и удивительно гармонировало со всем ее обликом.

Довольная полученным результатом, Зонара потребовала носилки и отправилась к Териване. Она была уверена в своем сегодняшнем успехе.

* * *

Дом Териваны светился огнями. Супруг ее, соляной торговец, скончался несколько зим назад, и срок траура давно истек. В летние луны Теривана устраивала у себя веселые балы и приемы, карнавалы, роскошные праздники за городом — словом, предавалась всем видам развлечений, какие только доступны богатой женщине, у которой нет любовника. Она родилась в Ианте и была единственным отпрыском трактирной служанки, которая даже не могла назвать отца своей малышки, поскольку этим счастливцем мог оказаться любой из постояльцев. Только исключительная красота и неунывающий нрав помогли ей отыскать дорогу к сердцу немолодого богача, и девушка отплатила ему верностью и даже любовью. Она умела развлечь его. У нее всегда было хорошее настроение. Торговец солью до конца дней своих благодарил себя со сделанным выбором.

Он купил таверну, где родилась его жена, и снес ее, разбив на этом месте красивый парк, который подарил городу. Он добился, чтобы из Иантры выслали, придравшись к пустячному правонарушению, бывшего владельца этой таверны, а также всех его родственников и даже двух старых завсегдатаев.

Обычай устраивать маскарады, заведенный при жизни супруга, Теривана поддерживала и после его смерти. Огромный портрет торговца солью украшал ее бальные комнаты, так что усопший как бы присутствовал при всех увеселениях вдовы.

Попасть в этот дом считалось весьма престижным. И Зонара отлично отдавала себе отчет в том, что удостоилась этой чести не в последнюю очередь благодаря любопытству, которое она сумела возбудить в здешних дамах своей красотой, таинственными недомолвками и умением танцевать никому не известные танцы (это умение она как-то раз удачно показала в закрытой вечеринке).

Когда Зонара прибыла, бал уже был в разгаре. От музыки содрогался большой особняк, слуги сновали взад-вперед, разнося угощение, а в саду кружили пары и вдали, на небольшой сцене, разыгрывалось изящное мимическое представление: некая пастушка вызывала повышенный интерес со стороны роскошно разодетого господина, а юные девушки, изображающие овечек, с бантиками на шее, всячески мешали господину осуществить его намерение, и он то и дело вынужден был ловить их и относить подальше к краю сцены.

Зонара весело смеялась, следя за этим спектаклем. Несколько раз ее толкнули танцующие, и она рассеянно извинялась. Впрочем, на этом балу у всех было хорошее настроение, и никто ни на кого не обижался. Зонара взяла с подноса кубок и поднесла к губам. Она знала, что сегодня произведет сильное впечатление на окружающих.

И даже поняла, как.

Отставив кубок наполовину недопитым, Зонара пробралась к краю сцены и вдруг одним ловким гибким прыжком оказалась среди танцующих артистов. Она решила изобразить соперницу пастушки, и это ей, видят боги, удалось! Танцор, игравший роль соблазнителя, оказался отличным партнером. Он сразу понял, какую роль взяла на себя незнакомка, и подыграл ей. Он внезапно оставил пастушку среди верных овечек и начал кружить вокруг Зонары. А та то простирала к нему руки, то отбегала, а затем проделала несколько акробатических номеров. Когда Зонара медленно становилась на голову, ее ноги обнажились, мелькнули пышные полупрозрачные ткани ее одежд, но длилось это лишь мгновение, и вот уже девушка стоит на коленях, запрокинув голову, так что волна волос лежит на ее спине и пятках. «Соблазнитель» метнулся к ней и встал так, что она оказалась плененной между его расставленных ног. Он взмахнул руками, и оба повалились на сцену, сплетясь в объятиях.

Гром аплодисментов ознаменовал окончание представления. Овечки и немного обиженная пастушка окружили Зонару. Она смеялась и пожимала их пальцы, уверяя, что вовсе не хотела испортить представление.

— Вы его и не испортили, — сказала пастушка. — Напротив, оно стало только лучше.

На щеках танцовщицы горел румянец.

Зонара ласково провела рукой по ее лицу.

— Милая, поверьте, вы так прелестно танцевали, что я вам позавидовала, вот и не удержалась...

— А вы — гимнастка! — сказала девушка, немного успокаиваясь. — Я это сразу поняла, как только вы вскочили на сцену. Обычная танцовщица делает это по-другому.

— Вы правы, только не стоит рассказывать об этом всем и каждому, — кивнула Зонара. — Кто разбирается в таких вещах — сам поймет, а прочим вовсе незачем знать, как я зарабатывала себе на хлеб, когда была помоложе.

— Вы и сейчас молодая, — ревниво сказала танцовщица.

Танцор обнял ее и привлек к себе.

— До свиданья, госпожа, — обратился он к Зонаре. — Нам нужно отдохнуть и переодеться.

Пастушка благодарно прильнула к нему, а Зонара поспешила скрыться. В конце концов, ей совершенно не хотелось расстраивать отношения между этой парой! Танцоры превосходно подходили друг к другу.

Она нашла свой кубок там, где оставила его, — то есть под деревом. Туда успел упасть маленький жучок, и Зонара помогла ему освободиться.

— Лети, пьянчуга, — обратилась она к насекомому, выпуская его на волю.

— Вот вы где, проказница! — послышался женский голос.

Перед Зонарой стояла сама госпожа Теривана.

Это была еще молодая женщина, рослая и статная, в знаменитой соляной диадеме и платье из темного тяжелого шелка, так богато расшитого жемчугами и золотыми бусами, что оно топорщилось, что придавало хозяйке дома некоторую монументальность и немного скрашивало ее молодость. Зонара оценила ее манеру создавать образ. Как истинная артистка, Зонара ценила в других людях чувство стиля.

— Вы очаровательны, — объявила Теривана. И чуть коснулась руки Зонары. — И превосходно разбираетесь в украшениях.

— Благодарю, — Зонара чуть наклонила голову, а когда она выпрямилась, Териваны уже не было.

Не забивая себе голову причудами хозяйки столь богатого и роскошного дома, Зонара принялась веселиться. Она танцевала, кружила головы мужчинам, пила и даже показала маленький танец по просьбе тесного кружка восхищенных ею мужчин и женщин.

И только к самому концу вечера, когда Зонара уже направлялась к своим носилкам, ее остановили два буднично одетых и хмурых человека.

— Этот браслет у вас на руке — украден, — объявил один из них.

— О чем вы говорите! — возмутилась девушка, тщетно выдергивая руку из железной хватки блюстителей закона.

— О краже, — невозмутимо сказал второй. — Вы украли этот браслет у Теривaны. Кража была совершена несколько дней назад. И у вас хватило наглости явиться к ней на бал! Да еще надеть браслет!

— Послушайте, если бы я украла эту вещь, разве стала бы я надевать ее на бал? — возмутилась Зонара. — Подумайте сами!

— Госпожа Теривана опознала свою вещь и вызвала нас, — сказал первый стражник. — Вы пойдете с нами в тюрьму. Впоследствии все разъяснится. Если не вы, то тот, кто с вами общается, — вор. А с ворами в Ианте разговор короткий.

— С ворами везде разговор короткий, — проворчала Зонара, сдаваясь. — Другое дело, что найти их и вступить с ними в этот разговор — дело долгое...

Она крепко надеялась на Конана. Услышав о том, что ее схватили и собираются отрубить ей правую руку, киммериец что-нибудь придумает. Кроме того, оставалось еще уповать на здравый смысл. Она скажет, что получила браслет в подарок от поклонника. В конце концов, воровка действительно не надела бы краденую драгоценность, отправляясь в дом, откуда она была украдена! Уж это-то должны признать местные судьи...

* * *

Когда этой ночью Зонара не появилась в заброшенной усадьбе, Конан не обеспокоился. Он хорошо знал свою подругу. У нее постоянно менялось настроение. К тому же Зонара могла влюбиться и остаться в доме у какого-нибудь местного красавца. А то и пригласить к себе, в роскошную опочивальню, осчастливленного простолюдина.

Зонара считала истинным аристократизмом умение мужчины вести себя в постели и в определенных случаях мало интересовалась происхождением и богатством очередного избранника.

У киммерийца имелись собственные заботы. Он выслеживал крыланов. Конан не сомневался в том, что рано или поздно эти странные летучие существа снова появятся в саду.

Конечно, имелась неприятная возможность, что существа эти бессмертны или, во всяком случае, обладают достаточным долголетием, чтобы отложить свой очередной визит в заброшенную усадьбу на столетие-другое. Но эта возможность, по мнению варвара, была невелика. Скорее всего, крыланы скоро заявятся снова. Либо с новой добычей, либо для того, чтобы забрать украденное.

И вот тогда настанет черед Конана удивлять. И уж он удивит, можно не сомневаться! Он выскочит из засады, схватит за горло хотя бы одного из них и задаст ему несколько вопросов. И пусть только попробует это нелепое создание — будь оно даже демоном из черных глубин преисподней! — не ответить варвару! Однако все случилось далеко не так, как запланировал Конан.

Зонара по-прежнему не давала о себе знать, хотя прошло уже несколько дней с того момента, как они расстались. Что ж, Конан мысленно желал ей удачи с новым любовником.

На четвертый день, соскучившись сидеть в одиночестве, Конан предпринял вылазку в Ианту. Он побродил по городу, заглянул в несколько кабаков, где по случаю раннего времени было еще пусто, а затем приблизился к дому Зонары. Неожиданно парадная дверь распахнулась, и из особняка выскочил дворецкий.

С почтенным пожилым слугой произошли разительные перемены. Его прежде гладко причесанные волосы торчали дыбом, глаза выпучились и бессмысленно вращались в орбитах, а одежда явно позабыла свое былое тесное знакомство с платяной щеткой и влажной губкой.

— Это ты! — гневно выдохнул дворецкий. Он схватил Конана за руку и втащил его в дом.

Конан, наполовину забавляясь, позволил слуге поступать с ним как с провинившимся мальчишкой.

— Ну, я, — протянул он лениво. — Госпожа Зонара позволяет мне гулять по городу, пока у нее другие развлечения...

К глубочайшему изумлению Конана, дворецкий внезапно разразился потоком слез. Он всхлипывал и вытирал лицо рукой, совершенно как женщина. Варвар даже растерялся.

— Что случилось? — спросил он грубовато. — Неужели с госпожой беда?

— Я не виню тебя, — вздохнул дворецкий горестно. — Правильнее всего было бы мне уйти отсюда, поскольку почтенному человеку, даже если он и находится в услужении, не стоит жить рядом с воровкой...

— Госпожа Зонара оказалась воровкой? — потрясенно просил Конан. Сам того не замечая, он сделал ударение на слове «оказалась». В самом деле! Его, естественно, ничуть не удивил сам факт воровства — у Зонары это, можно сказать, в крови. Но — так явно обнаружить свою склонность тянуть в карман золотые безделушки! Неужели она допустила эту ошибку? Сама ведь говорила, что не пакостит там, где собирается отдохнуть некоторое время от тягот кочевой и воровской жизни!

Нет, это решительно не укладывалось у Конана в голове.

— Что случилось? — требовательно спросил он у дворецкого и чуть встряхнул растерянного старика за плечи. — Я понимаю, что ты по-своему, по-стариковски влюбился в госпожу, что ты боготворил ее и потрясен ее поступком... Ну так расскажи мне об этом поступке!

— Не потрясен я... поступком, — вздохнул дворецкий. — Тем, что с ней сделают...

— А, ты начинаешь мне нравиться, бойкий старикан! — обрадовался варвар. — Стало быть, мне не нужно тебе рассказывать о тяжелом детстве госпожи, о ее прекрасном, но несчастном характере... И вообще, тебя можно не успокаивать на сей счет?

Дворецкий молча кивнул.

— Отлично! — вскричал Конан и направился в роскошный будуар госпожи Зонары. — Принеси-ка нам с тобой вина, фруктов и какой-нибудь ветчины... Есть в доме ветчина? И хлеб?

— Свежие лепешки, — вздохнул старик. — Я покупаю их каждый день для госпожи Зонары. Отношу ей в узилище.

— Ими лакомятся стражники, — заявил Конан. — Вот уж в чем я не сомневаюсь. Они считают тебя дураком. И не без оснований. Тащи все сюда и немедленно! Я отказываюсь разговаривать без доброй трапезы.

Старик вздохнул и подчинился. Конан тем временем развалился на мягкой софе Зонары, вдыхая запах ее духов, весьма дорогих и крепких (опытный в подобных делах киммериец сразу определил, что духи привезены из Аренджуна). Он даже попытался подражать расслабленной позе своей подруги, в чем, впрочем, преуспел весьма мало. Слуга поставил на низенький столик из резного орехового дерева несколько блюд и кувшин вина.

— Садись, — кивнул ему Конан, сразу схватив персик и засунув его в рот. Персики были привозные — в Ианте они еще не поспели. Ну, Зонара! Ну, транжира! Где же она так нажилась? Не иначе, обокрала целый караван!

Дворецкий присел на краешек кресла и робко взял лепешку белого хлеба.

— Что случилось? — спросил Конан с набитым ртом. По его подбородку стекал сладкий сок. Конан убрал с лица черные спутанные волосы, чтобы они не испачкались липким соком.

— Госпожа Зонара отправилась на большой бал к госпоже Териване... Госпожу Теривану, если тебе это неизвестно, варвар, недавно обокрали. Кража была дерзкой и очень странной.

— В каком смысле — странной? — не понял Конан. — Обокраденному дурачку любая кража представляется чем-то сверхъестественным, да будет тебе это известно! Вечные причитания: «Ах, я ничего не почувствовал, а кошелек куда-то подевался...»

Дворецкий глянул на Конана с известным подозрением, но варвар ответил невозмутимым взглядом холодных синих глаз.

— Продолжай, — произнес он с глубочайшим достоинством.

Дворецкий поглядел на лепешку, которую держал в руке, с таким видом, будто никак не мог вспомнить, что это за предмет и как он оказался у него на ладони. Затем заставил себя говорить.

— Видишь ли, у госпожи Териваны пропали драгоценности. Они лежали в ее опочивальне, рядом с портретом ее покойного супруга, который и подарил ей все эти безделушки. Она очень дорожила ими. Это и понятно. Госпожа Теривана глубоко чтит память своего мужа. У нее есть для этого, поверь мне, все основания.

— Ничего странного, — снова сказал Конан. — Конечно, немного непривычно, чтобы женщина уважала мужчину за те благодеяния, которые он ей оказал... Я в том смысле, что благодарность вообще не в привычках женщин...

Дворецкий двинул бровями в разных направлениях, как бы показывая, что сильно сомневается в правоте конановых слов, а после продолжил повествование:

— Войти в комнату, где находились сокровища госпожи, так, чтобы миновать стражу, нескольких служанок, доверенную камеристку и саму госпожу — невозможно. Теривана подробно рассказывала об этом городской страже, и теперь об этом известно всему городу.

— Подожди, — перебил Конан, — а как выглядели драгоценности, с которыми поймали Зонару?

— Она имела дерзость явиться на бал к госпоже Териване с украденным браслетом.

— Из массивного золота? С изумрудами и рубинами? — уточнил Конан, внутренне холодея. Он и не догадывался, что Зонара в состоянии явить такую неслыханную глупость! Прийти на бал в браслете, чье происхождение до сих пор оставалось невыясненным! Тщеславная дура и ничего больше! Его уважение к старой своей сообщнице резко упало.

— Откуда тебе известно, как выглядит этот злополучный браслет? — старый дворецкий сощурился.

— Ну, об этом судачит весь город, — уклончиво проговорил Конан, однако дворецкий перебил его:

— Город, может быть, и судачит, но ты даже не знал о том, что госпожу Зонару взяли под стражу!

— Ладно, — сдался Конан, — коль скоро мы оба хотим выручить Зонару из дурацкой переделки, в которую она попала по собственной глупости, расскажу тебе кое-что, старик. Этот браслет подарил ей я.

— Боги! — дворецкий всплеснул руками. — Я так и знал, что ее впутали в грязную историю против ее воли.

— Ну, я бы не сказал, что она так уж сопротивлялась моему подарку, — ухмыльнулся Конан. — Признаюсь тебе честно, я не впихивал ей этот браслет помимо ее воли...

— Ты должен признаться городской страже, что сам украл этот браслет, — объявил старый дворецкий. — Это единственный способ спасти Зонару от увечья.

Конан зевнул, демонстративно обнажив белые, как у хищного зверя, крепкие зубы.

— Что, ей опять хотят отрубить руку? — спросил он. — Это не в первый раз, уж поверь мне. До сих пор все обходилось.

— Иного способа нет, — повторил дворецкий.

— Ну почему, — возразил Конан, — во-первых, устроить побег. Превосходный способ избежать правосудия. Во-вторых, найти настоящего вора...

— Настоящий вор уже найдет, — твердо сказал старик. — Это ты!

— А вот и нет! — ответил Конан. — Потому что я не пробирался в комнату к Териване, чудесным образом миновав стражу, служанок и доверенную ка-

меристку! Даже я на подобные подвиги не способен. Нет, тут орудовал кто-то, у кого есть крылья...

Дворецкий решил, что Конан над ним насмехается. Он сильно покраснел и встал.

— Влюбленный старик — смешное зрелище, — произнес он, удивительным образом сохраняя чувство собственного достоинства. — Но потешаться над искренним чувством, даже если оно неуместно, — подлость, молодой человек.

— Боги, я и не думал потешаться над тобой! — воскликнул Конан. — Я думал совершенно о другом. Я знаю вора. Точнее, воров. И когда я говорил о крыльях, я имел в виду именно крылья и ничто иное. Эти существа уже проникали в... один сад. Там они спрятали украденное. А я нашел и... подарил один браслет Зонаре. Я счел, что она достойна этой вещи.

— Воистину, она была достойна, — пробормотал дворецкий, окончательно сбитый с толку.

— Была бы достойна, — правил его Конан, — если бы не сделала глупость и не явила украденное перед всеми. Ладно, старик. Сиди здесь и ни о чем не беспокойся. Скоро я приведу сюда твою госпожу. У нее доброе сердце — может быть, твоя преданность и будет вознаграждена.

* * *

Крыланы явились в сад в ту же ночь. Конан таился, скрываясь за персиковым деревом, и выслеживал их. Луна уже пошла на ущерб, и серый свет в саду был слабым, однако киммериец хорошо различил три уродливые фигуры, возникшие над краем стены бесшумно и внезапно. Они молча сложили крылья и спрыгнули вниз. Конан задержал дыхание, чтобы никак не выдать себя.

Если они попытаются выкопать то, что спрятали в саду прежде, они поймут: здесь кто-то побывал. И тогда одна надежда — на быстроту реакции и силу киммерийца. Ему придется напасть на троих и схватить хотя бы одного. Трудная задача: удерживать крылана, одновременно отбиваясь от двух его собратьев. Трудная, но не невыполнимая. Конан надеялся, что вынужденный прибегнуть к этому плану, он справится.

Однако, к счастью, пускаться на крайние меры не пришлось. Крыланы опять явились с добычей. Негромко переговариваясь, они выкопали новую яму и опустили туда небольшой окованный серебром сундучок. В лунном свете серебро сияло так, словно радовалось родственным лучам. Затем его забросали землей, и сияние потухло.

Один из крыланов неожиданно проговорил:

— Мы почти закончили, братья. Осталось совсем немного.

Прочие закивали. Их глухие голоса звучали в ночном саду зловеще, точно уханье филина.

Затем второй сказал:

— Я устал.

— Что же мешает нам отдохнуть? — возразил третий: — Я предлагаю навестить госпожу Ганеиду. В ее заведении много покладистых девочек.

— Никаких подарков! — решительно произнес первый крылан. — Если в Ианте узнают, что мы...

— О чем ты? — удивился его собрат. — Естественно! У нас достаточно денег, чтобы заплатить Ганеиде за ее красавиц, и еще хватит на добрую выпивку. Ты прав, нам нужно расслабиться. Я не сплю уже четвертую ночь и днем мне тоже нет покоя.

— Тебе страшно? — тихо спросил первый крылан.

Второй молча кивнул, а третий прошептал:

— Вы правы, вы правы, братья... Но скоро всему этому придет конец.

Они расправили крылья и тихо взлетели над стеной.

Конан, не пропустивший ни слова, пробормотал себе под нос:

— Ганеида... Ну надо же!

* * *

Заведение госпожи Ганеиды размещалось почти в самом центре Ианты. Это был дорогой бордель, который выглядел как вполне респектабельная гостиница для путешествующих купцов и караванщиков. Здесь можно было снять дорогой номер с красивым видом на дворец, заказать изысканное блюдо... а также попросить, чтобы одиночество состоятельного постояльца разделила какая-нибудь ласковая красавица. Желательно, пухлая блондинка. Или крепкая брюнетка. Или рыжеволосая озорница. У Ганеиды был большой выбор.

Именно сюда и направлялись таинственные крыланы. И именно в это заведение держал путь Конан-киммериец. Конечно, выглядел варвар отнюдь не так, как обычно выглядят завсегдатаи заведения госпожи Ганеиды. Ни тебе роскошных одежд, ни изысканных манер. Однако что-то в том, как он держался, заставило стражника у входа впустить странного клиента, а госпожу Ганеиду, сидевшую в гостиной в мягких креслах, — подняться ему навстречу с любезной улыбкой.

Потому что у киммерийца имелась при себе значительная сумма. И опытные в своем деле люди сразу поняли это.

— Чем могу помочь дорогому господину? — заговорила Ганеида, шурша ароматными шелками.

Она была уже не очень молода, но все еще привлекательна, и демонстрировала эти остатки привлекательности с искусством, которое у Конана — ценившего профессионализм в любой области — вызвало глубокое уважение.

— Для начала господин хочет выяснить, насколько он дорогой, — заявил Конан, бесцеремонно плюхаясь в то кресло, где только что нежилась хозяйка заведения.

— Это зависит от истинной стоимости господина, — ответила Ганеида тонко.

— Пять золотых сейчас, пятнадцать — девушке и личный подарок госпоже — от меня, когда я буду уходить, — прямо брякнул Конан.

Ганеида чуть поморщилась.

— Разве так разговаривают в изысканном обществе! — укоризненно молвила она и чуть шлепнула Конана по руке. — Ах вы, неотесанный варвар! Вашим воспитанием займутся мои девушки. Какие вам по душе?

— Все равно, — сказал Конан. Потом подумал и, видя разочарование на лице собеседницы, добавил: — С пышными бедрами.

Ганеида хлопнула в ладоши, и тотчас несколько полуодетых красавиц выбежали на ее призыв. Все они принялись вертеться, демонстрируя свои прелести. Конан глядел на них ледяными глазами и думал о своем. Затем он протянул руку, выбирая первую попавшуюся. Остальные исчезли, как по волшебству.

— Здесь есть другие постояльцы? — спросил он хозяйку.

— Это же гостиница, — удивилась она. — Конечно, в ней живет немало постояльцев.

— Я спрашиваю об особенных, — пояснил варвар и выложил перед Ганеидой десять золотых кружков. Она посмотрела на них с таким видом, словно не вполне соображала, для чего эти странные предметы предназначены. Затем перевела взгляд на странного собеседника.

— Я — особенный клиент, не так ли? — сказал Конан.

— Несомненно! — кивнула Ганеида. — Впрочем, у нас особенных бывает немало... Мое заведение само по себе отличается изысканностью и эксцентричностью, так что среди моих гостей встречается большое количество людей, которые также не вполне подходят под обыденные...

— Хватит, хватит, — поспешно перебил варвар. — Я все равно ничего не понимаю из вашей болтовни, добрая хозяйка, так что не тратьте на меня свое красноречие. В общем, я так понял, особенных гостей много.

— В общем и целом — да, — сказала Ганеида, аккуратно прибирая золотые монеты.

Пышнобедрая девица присела на колено к Конану и обвила руками его могучую шею. Она принялась было нашептывать ему на ухо разные нежности, но он небрежно отмахнулся от нее и продолжил беседу с хозяйкой:

— Будем точны, госпожа Ганеида. Я хотел бы увидеть трех странных невысоких людей. Совсем странных. Они похожи на мужчин, надо полагать, но не вполне мужчины... Проклятье! Не знаю, как сказать. Я видел их только ночью, мельком, но мне просто необходимо разыскать их.

— Так уж необходимо, — протянула Ганеида.

— Иначе пострадает моя подруга, — объяснил Конан. — Согласен, ее моральные устои не так тверды, как хотелось бы. Но что сделать! Она начинала

почти как эти милые девушки, только ей не посчастливилось повстречать столь заботливую хозяйку.

— О, да вы сами горазды расточать перлы красноречия! — засмеялась Ганеида. Но она была польщена и даже не попыталась этого скрыть. — Пожалуй, я помогу вам, — добавила она задумчиво. — Сдается мне, вы и без меня их отыщете, переколотив всю посуду и переломав всю мою прекрасную мебель. Так что лучше уж я покажу вам комнату, которую они сняли. А вы в ответ на мою любезность постарайтесь уж свести разрушения к минимуму.

— Договорились, — сказал Конан и положил ей в руку кошелек, набитый серебром.

* * *

Они были там. Конан увидел их в замочную скважину. Он и сам толком не знал, как должны выглядеть эти странные крыланы. Однако сразу узнал их, едва они предстали его взору.

То были трое горбатых старичков. Их маленькие лица, сморщенные, сплошь покрытые морщинами, озарялись взором больших, широко раскрытых глаз. Эти глаза особенно удивляли — желтоватые, с вертикальным кошачьим зрачком, который в темноте расширялся и позволял видеть в почти непроглядной мгле. Тонкие слабые ручки суетливо ласкали девиц, смеявшихся от щекотки. Волос на их головах почти не было — несколько седых завитков на макушке, и все. Горбатые тела выглядели нелепо и жалко.

Девушек рядом с ними оказалось целых пять — старички не поскупились, договариваясь с госпожой Ганеидой. И, судя по тому, какими довольными выглядели девицы, клиенты не были слишком требовательными и платили щедрой рукой. Одна девушка разливала вино, выплескивая по нескольку капель в широко раскрытые рты клиентов. Те смеялись и кашляли, а красные капли стекали по их подбородкам. Другая красавица танцевала, то закрывая обнаженное тело полупрозрачным красным покрывалом с золотым шитьем, то вдруг сдергивая его и позволяя зрителям любоваться ее наготой.

Остальные три красотки держали старичков у себя на коленях и поглаживали их затылки и плечи.

Конан вдруг почувствовал, что они ему даже нравятся. Несмотря на то, что старички эти были откровенными уродцами, в них не было той скрытой порочности, которая обычно отличает людей, связанных с магией и злом.

Но отступать было уже поздно. Он должен выручить Зонару, иначе ей грозит большая опасность. Конан, конечно, не сомневался в том, что его находчивая подруга выкрутится и на сей раз, однако если варвар не окажет ей всевозможной помощи, у нее будут очень большие жизненные сложности.

Конан ударил в дверь ногой и ворвался в комнату.

Девушки завизжали. Та, что была с покрывалом, закрылась с головой и метнулась к выходу, но налетела на грудь варвара, твердую, как скала, и с визгом

бросилась обратно. Та, что разливала вино, уронила кувшин и забрызгала все вокруг. Старички завертелись на коленях у красавиц, увидели того, кто вторгся в их маленький рай, и решили бежать. Один за другим они с шумом расправили крылья и выпрямили спины. Две девушки упали в обморок при виде этого зрелища. Остальные бросились бежать. Конан позволил им покинуть комнату.

Один из старичков уже вылетел в окно. Он завис в воздухе, ожидая братьев. Второй бился, зажатый в железной хватке Конана, а третий все время нападал на него, пытаясь высвободить брата.

Тщетные усилия. Конан навалился на крылана всем своим массивным телом и сдвинуть его с места не представлялось возможным.

— Тихо! — внезапно гаркнул киммериец. — Ты! — он указал на крылана, парившего возле окна. — Немедленно в комнату! Хочешь, чтобы вся Ианта про вас узнала?

Крылан, чуть помедлив, подчинился. Неизвестно, что оказало на него большее воздействие: решительный тон варвара или правота его слов, но вскоре в комнате собрались уже все трое крыланов.

Второй прекратил бесполезные атаки на варвара и бессильно уселся на полу, раскинув крылья по обе стороны от тщедушного тельца. Конан наконец поднялся, освобождая примятого крылана.

— Поговорим спокойно, — предложил он, закрывая окно. — Жаль, все вино разлили. Ну да ладно, ситуация сама по себе бодрящая и пикантная, не хуже вина.

— Кто ты такой? — сипло спросил помятый крылан.

— Меня зовут Конан, — охотно представился киммериец. — Я родом из Киммерии, хотя давно там не бывал. Путешествую по миру. То тут, то там...

— А чем ты занимаешься, когда вот так путешествуешь?

— Везде что-нибудь да подвернется, — уклончиво ответил киммериец. — В мире много простофиль. Среди богачей их, правда, поменьше, но тоже встречаются...

— Ты вор?

Прямой вопрос второго крылана ничуть не удивил и не обидел Конана.

— Иногда, при случае, — кивнул киммериец. — Я поселился в одной заброшенной усадьбе на краю Ианты...

Старички в ужасе переглянулись.

— В заброшенной усадьбе? — залопотали они. — На краю Ианты? Там такая высокая стена? И есть несколько гранатовых деревьев, которые до сих пор плодоносят?

— Кто показал тебе это место? — наконец спросил его первый крылан.

— Я вас не выдам, — поспешил успокоить их Конан. — Наоборот. Мне нужна ваша помощь. Я просто стараюсь побыстрее рассказать о том, что мне известно.

— Ты нашел наши сокровища? — спросил крылан. Его братья побледнели,

их кожистые крылья повисли — у обычного человека так опускаются плечи, когда он сильно огорчен.

— Именно, — подтвердил Конан. — У вас очень хороший вкус. Только вы не разбираетесь, у кого крадете. Теривана, та дама, которую вы обокрали в последний раз, — очень могущественная и известная в городе личность. Обижать ее не следовало. Я этого, естественно, не знал. Просто увидел красивые побрякушки, дорогие и изящные, и утащил их. Ну, я же вор, как вы помните. А потом еще имел глупость подарить один из браслетов своей подруге. Та — девушка тщеславная.

— Я что-то слышал, — заметил один из крыланов. — Графиня... или баронесса... Какая-то знатная дама!

— Знатная! — фыркнул Конан. — Она такой же жулик, как и я. Ничего не подозревая, нацепила браслет, отправилась на бал к Териване — можно сказать, в самую пасть ко льву полезла. Там она, разумеется, попалась на краже. Результате известен — завтра ей отрубят правую руку за воровство. Ее никто и слушать не желает, хотя все, что она говорит в свою защиту, звучит довольно убедительно.

— Что мы можем сделать для твоей глупой подруги? — спросил тот крылан, что чуть было не скрылся с места происшествия. Он был, как решил про себя Конан, чуть более предприимчивее и сообразительнее остальных.

— Утащить ее из тюрьмы, — ответил Конан. — У меня есть хорошая пилка, чтобы снять решетку. Вы сумеете поднять ее в воздух, все втроем?

— Она тяжелая, эта твоя приятельница?

— Не очень... Хотя в последнее время она неплохо питалась, — добавил Конан, желая быть объективным.

— Попробуем, — заявил крылан. — В самом крайнем случае мы ее уроним.

— Давайте уйдем отсюда, — слабым голосом попросил примятый крылан. — Мне что-то дурно...

— Можно отправиться в усадьбу, — предложил Конан. — Очень уютное место. Вы хорошо там все устроили, — похвалил он крылатых братьев. — Заодно расскажете мне все остальное. Только не улетайте, не бросайте меня. Иначе мне придется устроить на вас охоту и вылавливать сетью по одному, а это может повредить ваши нежные крылья.

* * *

— Этот дом когда-то принадлежал нашей матери, — начали рассказ крыланы. — Ты у нас в гостях, киммериец...

... Девушку звали Клеуфа, и она была молода и хороша собой. Она родилась далеко от Ианты, в Шадизаре, городе, созданном для того, чтобы творить сказки. Ее семья была богата. Родители баловали дочь, как только могли. Она была поздним, долгожданным ребенком — настолько долгожданным, что никто не

был разочарован появлением на свет девочки, хотя, конечно, отец предпочел бы сына. Что ж, дочь — тоже прекрасно. Клеуфа ни в чем не знала отказа. Ее мать умерла вскоре после рождения дочери.

Как выяснилось, причина столь долгого бесплодия заключалась не в матери, а в отце Клеуфы. Женщина так любила своего супруга, что скрывала от него это обстоятельство, и все стало явным только после того, как он взял себе новую жену. Никаких детей на свет больше не рождалось. В конце концов, Клеуфа осталась единственной наследницей огромного состояния.

Избалованная, красивая, богатая — она была лакомым кусочком для многих шадизарских женихов, но отец всех их отвергал, одного за другим, находя неподходящими для своей великолепной дочери. И тут произошло одно событие, которое полностью перевернуло жизнь юной девушки.

Клеуфа узнала некоторые обстоятельства своего рождения.

Как-то раз, поздно вечером, незнакомая служанка доставила ей письмо. Клеуфа, для которой отец не жалел ничего, в том числе и денег на учителей, умела читать и потому никто, кроме самой девушки, не узнал содержания этого письма. Ей назначали свидание в городе, в маленькой таверне на окраине Шадизара, куда она должна явиться поздно вечером, в сопровождении единственного доверенного слуги, если хочет узнать некую важную дял себя тайну.

Любопытная девушка тотчас начала собираться на это свидание. Она взяла с собой немолодого лакея, который знал ее еще с детства, и взяла с него слово, что он ничего никому не скажет. Хорошо изучив нрав юной госпожи, слуга поклялся молчать. Он понимал, что в противном случае она побежит в подозрительную таверну одна, без провожатых, — и тогда только боги могут сказать, что с ней может случиться!

Клеуфа набросила на плечи плащ, скрыла лицо под большим капюшоном, а слуга взял с собой короткий меч и два метательных кинжала. Когда сгустились сумерки, оба выскользнули из дома и по узким запутанным улицам Шадизара отправились в указанную таверну. Клеуфу колотила дрожь, и она все время повторяла: «Это самый важный день в моей жизни...» Напрасно старик пытался успокоить ее, она ничего не слушала. Глаза ее горели, как у одержимой, на щеках проступили пятна лихорадочного румянца.

Вот и таверна.

Это было совсем маленькое, незаметное заведение, как бы стиснутое с двух сторон более крупными строениями. Тусклый фонарь, раскачиваясь на ночном ветру, горел перед входом. Как раз в тот миг, когда Клеуфа со своим спутником подходила к таверне, дверь с грохотом распахнулась, и какой-то малый с окровавленным, обезумевшим лицом вылетел оттуда и рухнул на улицу, забрызгав Клеуфу грязью. Она в ужасе отскочила в сторону, теснее кутаясь в свой плащ.

— Вот видишь, моя госпожа, куда нас завело любопытство, — с укоризной обратился к ней старый слуга. Но девушка решительно тряхнула головой и ступила на порог.

Старику ничего не оставалось, как безропотно последовать за ней.

В таверне было душно и дымно. Странные личности трясли стаканчиками с игральными костями. Здесь собирались нищие, которые проигрывали друг другу подаяние, выпрошенное за день у шадизарской публики; воры, обсуждающие прежние дела и намечающие новые; торговцы живым товаром... Оказавшись в подобном месте, девушка замерла в растерянности. Несколько жутких рож уже обратились к ней, вонючие беззубые рты растянулись в алчных ухмылках. Со всех сторон на Клеуфу пялились вытекшие глаза, шрамы — настоящие и искусственные, хищные пасти; к ней тянулись загребущие лапы...

Она тихо вскрикнула и поднесла ладони к лицу.

— Оставьте ее, — промолвил тихий голос, звучавший откуда-то из самого темного угла таверны. — Первый, кто посмеет к ней прикоснуться, крепко пожалеет об этом!

Клеуфа украдкой взглянула в темный угол, но никого там не заметила. Этот человек либо очень хорошо прятался, либо — от одного только предположения Клеуфа содрогнулась всем телом — вообще был невидим.

У завсегдатаев таверны угроза вызвала общий хохот.

— Ну надо же! — завопил один из них, с разорванной верхней губой и прыщавой физиономией. — Пожалеет! О чем это я пожалею, если приласкаю такую красотку? Хо!

И он схватил Клеуфу за плечо. Прикосновение было настолько грубым и наглым, что девушку пронизала дрожь, и она почувствовала, как подгибаются ее колени. Страх, отвращение, острое сожаление о собственной глупости — все эти чувства смешались в ее душе, лишая Клеуфу последних сил. Она уже не сомневалась в том, что сейчас старый слуга обнажит меч в последней слабой попытке защитить юную госпожу и будет убит этими головорезами, а ее саму украдут и продадут в рабство. И отец никогда не узнает, где искать свою дочь, потому что письмо, которым ее вызвали на свидание, она забрала с собой.

Но тут случилось нечто, напугавшее Клеуфу еще больше, чем перспектива быть проданной в рабство. Неожиданно негодяй закричал от боли и ужаса и выпустил Клеуфу. Его тело охватило пламя. Мгновение еще он корчился, а затем замолчал и упал на пол таверны. Тело его продолжало пылать, пока наконец от негодяя не осталась кучка стремительно остывающего пепла.

Все прочие шарахнулись в стороны и прижались к закопченным стенам таверны. Клеуфа закрыла глаза. Теперь ей уже было все равно. Страх завладел всем ее существом.

Старик-слуга, держась за сердце, медленно опустился на лавку и допил чье-то вино. Никто даже не возражал, до такой степени все были перепуганы.

И вот в этой тишине послышался смех. Некто невидимый, скрывавшийся в углу, радостно хохотал и хлопал в ладоши.

— Я же вас предупреждал, глупцы! — вскричал он и выступил на свет, словно бы появляясь из ниоткуда. — Эта девушка находится под моим покровительством, и я никому не советую тянуть к ней загребущие лапы.

С этими словами он приблизился к Клеуфе и осторожно взял ее за подбородок. На него смотрело девичье лицо, такое чистое и юное, что сердце в груди щемило.

— Открой глаза, дитя мое, — проговорил неизвестный, обращаясь к девушке, и она подчинилась.

Клеуфа увидела незнакомца, смуглого, горбоносого, с пронзительными черными глазами. Он был еще довольно молод и, если отвлечься от странного выражения его глаз, весьма хорош собой. Смущали только эти глаза. Они смотрели цепко и зло, как будто прицеливались: что присвоить, кого убить. Клеуфа вдруг поняла, что перед ней человек, который никогда не останавливается перед препятствиями. Ни человеческие страдания, ни совесть, ни страх перед неизбежным возмездием богов или людского правосудия — ничто не сдерживает его порывов. Он знает, чего хочет, и всегда добивается своего.

Это и пугало, и завораживало, ибо Клеуфа и сама любила получать то, на что положила глаз.

— Меня зовут Динифий, — сказал незнакомец бархатным голосом. — А ты Клеуфа... Этот человек с тобой?

Он указал подбородком на старого слугу.

Клеуфа была так потрясена всем случившимся, что только кивнула в ответ.

— Итак, мы трое отправляемся из этой таверны ко мне домой, чтобы спокойно поговорить, — объявил он. — А то здесь как-то суетливо. — Он огляделся по сторонам, толкнул ногой гостку пепла и рассеял ее по полу. Старый слуга поднялся с лавки и потащился за своей госпожой. Он понимал, что она находится в смертельной опасности, но и сам был настолько перепуган, что никак не мог сообразить: как ему поступать дальше.

Дом, в который Динифий привел своих гостей, находился ближе к центру Шадизара. Возможно, подумала Клеуфа, он нарочно назначил встречу в этой ужасной таверне, чтобы с первого же мгновения поразить своей колдовской мощью, а теперь, когда Клеуфа получила достаточно сильные впечатления от своего нового знакомца, с ней можно разговаривать.

Так оно и было. Внутри дом оказался чистым и даже богатым. Шелковые и бархатные занавеси, резные ларцы и десятки ковров, на которых можно сидеть, украшали комнаты, а в нишах на стенах стояли многочисленные кувшины с причудливыми узорами.

Девушка с облегчением рухнула на ковер и потянулась за бокалом чистой воды. Хозяин дома следил за ней с улыбкой.

— Пей, дитя мое, — молвил он, — ты сегодня достаточно волновалась.

— Прости меня, господин, — заговорила Клеуфа, утолив жажду, — но ты изрядно меня перепугал, и я подозреваю, что сделано это было нарочно.

— Ты права, — сознался Динифий, — я хотел произвести на тебя впечатление. Пусть твой слуга снимет обувь и отдыхает, пока мы разговариваем. — Странный тяжелый взгляд Динифия остановился на старике. — Садись, добрый человек, у входа. Если хочешь, слушай, если не хочешь, спи.

К удивлению Клеуфы, старый слуга, всегда такой бдительный и внимательный, тотчас положил голову на ковер и тихонько захрапел. Возможно, колдун усыпил его магической силой, подумала девушка. Но, с другой стороны, слуга действительно устал за сегодняшний день. Надо было взять с собой кого-нибудь помоложе, мелькнуло в голове у Клеуфы.

Колдун, внимательно наблюдавший за ней, негромко рассмеялся.

— Здесь заснет любой, если я прикажу, — молвил он, и Клеуфа поняла, что он читает ее мысли.

— В таком случае, скажи мне, господин, для чего ты позвал меня в гости, — сказала она. — Видишь, я выполнила все твои условия. Теперь твой черед.

— Я расскажу тебе обстоятельства твоего рождения, — начал Динифий. — Ты думаешь, что я молодой человек, но на самом деле мне уже несколько сотен зим. Колдовская сила не позволяет мне состариться. Я владею многими чарами. И одно из моих великолепных умений связано с чадородием. Я могу давать детей женщинам, чье лоно не может зачать.

— Но дело было не в моей матери, — сказала Клеуфа. — Я узнала это от служанок моей мачехи, новой жены отца. Причина бесплодия заключалась в отце.

— Я знал это с того самого мгновения, как твоя покойная мать явилась ко мне, под покровом ночи, в сопровождении старой кормилицы, — почти как ты сегодня, — продолжал колдун, пристально глядя на девушку. Его голос звучал завораживающе, он, казалось, проникал в самые глубины ее сердца. — Она была безутешна, ибо мечтала подарить своему супругу наследника. И тогда я заключил с ней сделку.

С помощью моих чар я сделаю так, что ее лоно сумеет принять бессильное семя ее господина и наполнит его жизнью. Но дитя, рожденное от этого союза, рано или поздно должно будет связать свою жизнь с магией. Время пришло. Теперь ты здесь, дитя мое, теперь ты пришла ко мне и должна будешь оплатить долги твоей матери.

— Она скончалась вскоре после моего появления на свет, — проговорила девушка, едва сдерживая слезы.

— Естественно! — воскликнул колдун. — А чего она ожидала? Ни одна сделка с колдуном не дается человеку даром. За все приходится платить, моя дорогая, а твоя мать захотела слишком многого и цена оказалась очень дорогой. Скажи мне, она осчастливила твоего отца?

Клеуфа решительно кивнула.

— Да, он обожал меня. Он был так счастлив, что забыл даже свою потерю — смерть моей бедной матери...

— Вот видишь! — колдун широко улыбнулся. — Все-таки я сумел подарить радость этому человеку. Мы оба это сумели, твоя бедная мать и я. А теперь... — Тут он надвинулся на девушку и устремил на нее магнетический взор своих глубоких темных глаз. — Слушай меня, красавица. Теперь ты останешься со мной. Я хочу обучить тебя магии. Ты станешь моей подругой. Я обучу тебя все-

му, что знаю. Хоть я выгляжу молодо, на самом деле я очень стар и дни мои сочтены. Ты станешь моей преемницей. В конце концов, ты — не только дочь своего отца, ты еще и мое творение.

Клеуфа только и могла, что пролепетать:

— Что я должна делать, господин мой?

Вместо ответа он протянул к ней руки и осторожно спустил тунику с ее плеч, обнажая ее до пояса.

Девушка закрыла глаза и запрокинула лицо, подставляя его пламенным поцелуям колдуна.

* * *

Клеуфа не помнила, как очутилась дома.

Ей казалось, что она спала и видела удивительный сон — сон с множеством подробностей. Верный старый слуга не помнил вообще ничего. Поутру он очнулся с сильной головной болью, которая стала началом долгой болезни. Поначалу думали, что старик просто хандрит, но болезнь стала развиваться и скоро он уже не мог подняться с постели.

В предсмертном бреду, плавая в холодном поту и мечась по постели, он, охваченный ужасом, что-то бормотал о демонах из преисподней, о злобном колдуне со сморщенным ужасным лицом, который тянет руки к прекрасной молодой госпоже, о страшной судьбе, которая ждет ее, если она хоть раз, хоть еще один раз выйдет из дома с закрытым лицом и тайком проберется в один жуткий дом, что стоит на окраине Шадизара... Он кричал о человеке, объятом пламенем, о голосе невидимого колдуна, что шептал из угла трактира...

Клеуфа несколько раз приходила проведать больного старика. Служанки уговаривали ее не делать этого, потому что бред умирающего делался все более ужасным, однако молодая госпожа их не слушала. Она усаживалась рядом с его постелью и жадно ловила каждое слово. И Клеуфе казалось, что она понимает, о чем говорит больной, о чем он хочет предостеречь ее.

Старый слуга умер на ее руках. В последние мгновения ясность сознания вернулась к нему. Он узнал юную госпожу и улыбнулся ей — последняя улыбка растянула иссохшие, потрескавшиеся от жара губы.

— Клеуфа, молодая госпожа, берегись магии, — проговорил он. — Я любил твою мать, как собственное дитя, и обожаю тебя. Ты очень красива. Бойся магии. Бойся колдуна, ибо часть его семени — в тебе, моя хорошая...

— Я сделаю все как ты советуешь, — произнесла Клеуфа. — Спи спокойно, старый друг.

И слуга, успокоенный, закрыл глаза и погрузился в вечный сон. И в этом сне он видел светлых богов, прекрасных дев и зеленые деревья, а вдали текла сверкающая река, и он снова был молод и красив. И, улыбаясь нежно и весело, он побежал к этой реке, а молодая госпожа стояла вдали, на темном берегу, и прощально махала ему рукой.

Клеуфа не принимала участия в погребальных обрядах. В конце концов, кем был умерший? Простым слугой. Пусть очень старым, заслуженным и верным, но все же слугой. Все помыслы девушки были заняты другим. Колдун успел отравить ее своим ядом. Она думала о магии, о могуществе, которое дает человеку умение управляться с незримыми духами и волшебными зельями. Если она вернется к Динифию, он обучит ее всему, что знает сам. Он относится к ней как к собственной дочери. Он любит ее. Он откроет ей тайны волшебства, и она познает силу и власть над людьми и демонами.

В один ненастный вечер Клеуфа выбралась из дома, закрыв лицо капюшоном, и таясь побежала к дому Динифия. Она совершенно не помнила дороги, но — вот чудо! — ноги сами принесли ее к заветному порогу. Низенькая резная дверь отворилась прежде, чем девушка успела постучать — как будто Динифий знал о ее приближении и ждал у входа.

— Это ты! — проговорил он, хватая ее за руку и втаскивая внутрь. — Хвала всем богам и демонам, ты пришла! Я ждал тебя, красавица, я ждал тебя днем и ночью, я плакал — смотри, следы слез по-прежнему остались на моем лице...

Клеуфа взглянула и ахнула: по смуглому лицу колдуна пролегли длинные беловато-розовые бороздки. Он действительно плакал, и его ядовитые слезы выжгли на коже неизгладимые следы. Заметив изумление и ужас девушки, Динифий горько усмехнулся:

— Теперь ты мне веришь?

Да, она верила ему.

Она верила ему во всем.

И когда он обнял ее и повел в свою опочивальню, Клеуфа доверилась колдуну так, как не доверялась прежде ни одному человеку на земле. Его ласки смущали и обжигали ее, ей хотелось бежать от него и в то же время она понимала, что никогда этого не сделает: жгучие прикосновения темных ладоней вносили в ее душу смятение и странную сладость. Время сделалось тягучим, неопределенным: оно то неслось вскачь, то вдруг растягивалось и каждое мгновение прилипало к губам, как сладкая жирная халва, которую так любили в женских покоях отцовского дома.

Девушка закрывала глаза, и ей казалось, будто она находится в таинственном саду, где поют птицы. Эти птицы трогали ее своими тонкими разноцветными перьями, щекотали ее бедра, прикасались к самым интимным частям ее тела, а затем огромная птица, похожая на грифа, вонзила огромный стальной клюв в ее естество, и пролила ее кровь.

Клеуфа очнулась, когда день был уже в разгаре. Она не понимала, что с ней произошло. Она находилась в каком-то саду, в окружении толстых каменных стен. Здесь не было ни входа, ни входа. Сплошные стены, поднимающиеся высоко в небо. И там, в мутной небесной синеве, горело далекое солнце. Одна из стен отбрасывала тень, и Клеуфа перебралась туда, однако вскоре солнце поднялось в зенит, и тень совершенно пропала. Жар охватил Клеуфу, он сжигал ее тело, и она поняла, что скоро умрет.

Однако шли часы, ничего не происходило, а затем как-то непонятно перед ней оказалось блюдо с водой. Клеуфа приблизила к нему иссохшие губы, и тут блюдо исчезло. Она целовала песок.

Клеуфа села, выпрямилась, огляделась по сторонам. По-прежнему никого и ничего. Она поняла, что скоро умрет.

Спустя бесконечно долгое время появились птицы. Множество птиц, и среди них — гриф с голой шеей и огромным клювом. Воспоминания минувшей ночи пришли на память Клеуфе, и она заметалась по тесному квадрату двора, стремясь скрыться от птиц. Гриф опустился на траву и превратился в мужчину с горбатым носом и смуглым лицом. Он протянул руки к девушке и улыбнулся ей белозубой, ласковой улыбкой.

— Выпей, — прошептал он, протягивая ей кувшин.

Клеуфа схватила сосуд. Он оказался настоящим, и вода в нем была тоже настоящей. Клеуфа пила долго, обливаясь и захлебываясь, она делала короткие перерывы и снова пила... Солнце тем временем скатилось за край стены, и на садик опустилась благословенная прохлада. Колдун наблюдал за ней, ласково щуря глаза. Когда Клеуфа отставила кувшин в сторону, он обнял ее и принялся осторожно снимать с нее одежду.

— Нет, не надо, — бормотала Клеуфа, но руки колдуна делались все более настойчивыми. Когда девушка оттолкнула его, он вдруг рассердился и несколько раз ударил ее. Она заплакала, сидя на траве. Он опустился рядом, сорвал с нее одежду последним быстрым движением и набросился на нее.

Клеуфа не сопротивлялась больше. Она покорилась своей участи. Она поняла вдруг, что полностью находится во власти колдуна, который может делать с ней все, что только захочет.

А он, казалось, наслаждался своей властью над запуганной молодой девушкой. Он то исчезал на несколько дней, и тогда она, страдая от жажды, приникала к странным сосудам, которые то и дело возникали в глухом дворике неизвестно откуда. Странные жидкости утоляли ее жажду и изменяли ее естество. А то колдун возникал перед ней во всей своей красе и ласкал поникшее тело своей пленницы, чтобы затем вдруг обернуться жестоким грифом и начать терзать ее острым птичьим клювом. Он умел гладить и щипать, он дергал ее за волосы, чтобы тут же нежно поцеловать в губы. И все это время не прекращалось действие таинственных чар, призванных преобразить ее природу.

Клеуфа не помнила больше ни своего имени, ни своего происхождения. Она не могла даже вспомнить своего былого тела — это новое ничуть не напоминало старое. Ее вновь приобретенное обличье мало напоминало человеческое. Гладкие перья покрывали кожу, волосы сделались длинными, жесткими и густыми, каких никогда не бывает у людей, лицо вытянулось и заострилось, а рот сделался совершенно крошечным. Но она по-прежнему находила странное удовольствие от того, что предалась в полную власть колдуна. Острую сладость причиняли ей страдания, которые он умел доставлять ей, и волной накатывало наслаждение от его ласк.

Наконец она ощутила, как в ее чреве бьется странное живое существо. Оно обладало собственным бытием и не желало зависеть от Клеуфы. Оно рвалось наружу. Чуть внимательнее прислушавшись к собственной плоти, Клеуфа поняла, что этих живых существ несколько и что они ссорятся и мирятся в ее чреве — словно некие постояльцы, снявшие номер в гостинице.

Это пугало ее. Она хотела поделиться этими наблюдениями со своим господином. Клеуфа никогда прежде не разговаривала с ним. Ни разу после того единственного раза, когда она пыталась сказать ему «нет». Тогда он, кажется, наказал ее. Она не помнила. Но теперь она вдруг поняла, что не может произнести ни слова. Она больше не могла разговаривать. Ее преображенный рот не в силах был исторгнуть ни единого членораздельного звука.

Но Динифий, казалось, понимал все без слов. Он больше не являлся, чтобы терзать ее. Более того, он перенес ее за стену и разместил в прохладных покоях, где было много скользких шелковых покрывал и тяжелые бархатные занавеси. Она все время ела и пила. Она ничем не занималась — только лежала на подушках и отдыхала, а те посторонние существа, что возникли внутри ее естества, вели собственную жизнь и становились все более агрессивными.

* * *

Отец Клеуфы был безутешен. Он нанял лучших сыщиков в Шадизаре, чтобы отыскать свою пропавшую дочь, однако все их усилия ни к чему не привели. Один за другим они возвращались к своему нанимателю и с сокрушенным видом признавались в провале. Дальше всех зашел один из них, нанятый последним. Его звали Канаон. Он сообщил, что девушку, закутанную в плащ, видели возле одной крайне подозрительной таверны. По описанию она подходила, но отец Клеуфы наотрез отказался верить тому, что его дочь могла оказаться в подобном месте.

— Говорю тебе, господин, либо ее заманили туда и продали в рабство, либо она попала во власть одного из здешних колдунов, — заверял его Канаон. — Я слышал, что в наших краях их несколько, но один из них — самый жуткий. Его увлечение — молодые девушки. Он пользуется ими, чтобы ставить свои чудовищные опыты над людьми. Его страсть — преображение человеческой природы. Он ищет способа завладеть такой силой, чтобы можно было преображать не только жизненные обстоятельства — этим, с помощью демонов, занимаются все колдуны — но саму натуру человека.

— Откуда тебе это знать? — поморщился отец Клеуфы.

— Ну, в моей жизни встречались самые разные случаи, — уклончиво ответил Канаон. — Во всяком случае, я советую начать поиски именно в этом направлении.

Неожиданно лицо старого господина омрачилось. Он вспомнил, что перед тем, как зачать, его покойная супруга говорила о каком-то колдуне... Но он тот-

час отмел эту мысль как вздорную, заплатил Канаону небольшую сумму и велел больше не беспокоить свою персону разными глупостями. Старик смирился с тем, что дочь его пропала навсегда.

Впрочем, если бы Канаон и преуспел, то вряд ли отец узнал бы свою красавицу дочь, а Клеуфа никогда не признала бы в этом человеке своего отца. Потому что она все больше и больше превращалась в птицу.

И наконец в полнолуние прохладной осенней ночи, ровно в полночь, она разродилась тремя мальчиками. Это были крошечные горбатые младенцы, и у каждого за спиной были слабенькие кожистые крылья. Увидев их, мать утомленно прикрыла круглые птичьи глаза, а потом испустила торжествующий клекот, расправила собственные крылья, покрытые сверкающими перьями, и взмыла в воздух. В последний раз ее силуэт видели на фоне полной луны, огромной, испускающей зловещий кровавый свет, а затем она исчезла.

Она направилась к иные края и в конце концов осела в Ианте. Некоторое время гигантскую птицу, расхаживающую по окраинам Ианты, видели местные бродяги, пьяницы и купцы, припозднившиеся и потому не успевшие войти в городские ворота до наступления темноты. Затем в тех же краях появился сыщик Канаон. Он следил за колдуном и видел, как из его дома вылетела птица.

Канаон больше не сомневался в своей правоте. Колдун преобразил природу похищенной девушки, и теперь она превратилась в птицу. Он еще больше утвердился в этом мнении, когда сумел выследить Клеуфу и посмотреть на нее вблизи. Огромная птица с печальным, крошечным девичьим лицом и гигантским клювом.

Канаон нарисовал ее портрет — он был недурным рисовальщиком — и вернулся в Шадизар. Обратно в Ианту он ехал уже с отцом Клеуфы. Старик, несмотря на возраст и недомогания, помчался в Ианту верхом. Он не мог сказать, чего боялся больше — того, что Канаон прав и птица действительно окажется его дочерью, или того, что они не увидят там никакой птицы и поездка окажется напрасной — как оказалось напрасным и многое другое, предпринятое старым господином.

Но птица была на месте. Она сидела на песке и рассеянно озиралась по сторонам. Убитый и расклеванный кролик говорил о том, что она не голодает. Но время от времени какие-то обрывочные мысли приходили ей в голову и смущали ее. Спрыгнув с лошадей, оба мужчины подбежали к преображенной Клеуфе. Отец с рыданьем обхватил ее шею. Птица заморгала, несколько раз хлопнула крыльями, но потом успокоилась и положила маленькую головку старику на плечо.

Канаон поспешил убраться оттуда, как только убитый горем отец рассчитался с ним изрядным количеством золота. А старик выкупил участок земли, приглянувшийся его дочери, и выстроил там дом. Он жил рядом с Клеуфой до самого своего смертного часа. Клеуфа ненамного пережила своего несчастного отца, ведь птичий век короче человеческого...

* * *

Судьба рожденных ею детей, тройни, оказалась весьма непростой и поначалу едва не обернулась трагедией. Сперва их отец, колдун Динифий, недовольный результатом опыта, хотел утопить их в реке и взяться за дело заново, с новой женщиной, но затем передумал и, выкормив своих странных отпрысков до трехлетнего возраста, продал в бродячий цирк. Там они выступали под именем «мальчиков-мотыльков», изумляя публику и собирая немалые деньги для своих хозяев. Однако настал день, когда мальчики возжелали свободы. Освободиться же для них ничего не стоило. Хоть хозяева и держали своих дорогостоящих пленников в клетках, во время представления их волей-неволей приходилось выпускать. К ним не привязывали веревок, чтобы зрители не могли сказать, будто почтеннейшую публику надувают и попросту таскают мальчишек по воздуху на веревках. И как-то раз трое братьев-близнецов взмахнули крыльями посильнее и улетели прочь. Они так и не вернулись, хотя их звали назад, умоляли, показывали им лакомые куски, соблазняли барышами...

Некоторое время они вели кочевой образ жизни и перебивались мелкими кражами съестного. А затем произошла одна очень важная встреча, которая перевернула для них все.

Они познакомились с Канаоном.

Ловкий и проницательный сыщик, как это часто случается, не сумел заработать своим ремеслом достаточно денег, чтобы обеспечить себе спокойную и благополучную старость. Поэтому он продолжал наниматься к различным людям, которым требовались его услуги. Чаще всего это оказывались ревнивые мужья, подозревающие своих легкомысленных жен. Канаон выслеживал их с любовниками и, в зависимости от обстоятельств, либо предупреждал женщину о грозящей опасности, либо выдавал ее мужу вместе с незадачливым поклонником. Ему даже нравилось вершить судьбы людей, решая, как поступить с неверной супругой: сломать ли ее жизнь или же попытаться спасти.

Иногда он искал потерявшихся детей. Обычно это были девушки, сбежавшие с какими-нибудь неподходящими парнями. Случалось ему и следить за непонятными личностями по непонятной причине. Ему просто говорили: «Ты должен докладывать мне о каждом шаге такого-то человека» — и платили золотом. Канаон никогда не допытывался о причинах. Он был профессионалом.

Однажды ему крупно не повезло. Человек, за которым он следил, обнаружил это. Такого в практике Канаона почти никогда не случалось. Он умел растворяться в темноте, не дышать в полной тишине, он хоронился под кроватями и в углах так, что даже домашние животные, которые чуяли его запах, считали его необходимой принадлежностью комнаты и не поднимали тревоги.

Но тот человек оказался хитрее и, подкравшись к сыщику, схватил его за горло.

Беда случилась в безлюдном месте. Канаон прятался в кустах, рядом с дорогой. Всадник должен был проскакать мимо, не заметив ничего подозрительного. Тогда Канаон вывел бы из-за камней свою лошадку и пустился бы вслед за ним, а дальше... Но никакого «дальше» не произошло. Всадник неожиданно остановился, спрыгнул с лошади и метнулся в кусты.

Если бы дело происходило где-нибудь посреди людного города, Канаон завопил бы, что его убивают, что его грабят, позвал бы на помощь городскую стражу... Но здесь кричать было бесполезно. Он даже не успел вытащить нож.

— Кто тебя послал? — шипел незнакомец сквозь зубы. — Кто ты такой?

— Пус... ти, — сумел выдавить Канаон.

Лицо незнакомца исказилось от злобной ухмылки. Канаон понял, что сейчас умрет, и закрыл глаза. Ему вдруг стало все равно. Всю жизнь он занимался тем, что копался в грязном белье других людей. Сегодня этому наконец будет положен предел. Вот и все. Ни разу Канаон не сделал ничего для себя. Даже денег не заработал. Бесполезный дурак.

И тут в воздухе зашумели крылья. Железная хватка незнакомца ослабла. Он выпустил свою полузадушенную жертву и поднял голову к небу. Там парили трое странных существ. Они кричали, точно птицы, но у них были человеческие лица и фигуры, а широкие кожистые крылья напоминали крылья летучей мыши.

Крыланы спустились ниже. Один из них ударил пятками обращенное к небу лицо и разбил незнакомцу нос. Потекла кровь.

— Проклятье! — вскричал он и вытащил нож. — Кто вы?

— Твоя погибель! — закричал один из крыланов.

Канаон отполз в сторону, подальше от сражающихся. Он еще не знал, радоваться ли ему неожиданным спасителям или бежать от них сломя голову. Впрочем, бежать он не мог и потому скорчился в придорожной пыли, надрывно кашляя.

Незнакомец нанес наугад несколько ударов, но крыланы были быстрее. К тому же, их было трое.

Вскоре все было кончено. Чужак лежал прямо посреди дороги, неподвижный и темный, а под ним расплывалось пятно крови. Крыланы сложили крылья, сгорбились и тихо приблизились к Канаону. Он с опаской поднял на них глаза.

— Кто вы? — прошептал он хрипло.

— Говорят, наш отец колдун, а наша мать — птица, — сказал один из них.

— Я знал вашу мать, — сказал Канаон и заплакал. Крыланы молча топтались возле него, давая человеку успокоиться. Наконец Канаон обтер лицо ладонями и нашел в себе силы улыбнуться.

— Я расскажу вам все, — сказал он. — Хоть кому-то я смогу принести пользу...

— Погоди, — остановил его один из братьев, — кто был тот человек, что хотел убить тебя?

— Вы не поверите, — сказал Канаон, — но я этого не знаю. Мне заплатили за слежку, но не назвали ни имени, ни рода занятий. Наверное, он был колдуном, если сумел учуять меня в этих кустах.

— Кем бы он ни был, для него все кончено, — молвил другой брат.

Все трое крыланов уселись в пыль рядом с Канаоном. Один предложил ему воды, другой протянул кусок черствой лепешки, третий ободряюще похлопал по спине.

— Мы все понимаем, — заверили они едва ли не хором. — Ведь мы — воры, бродяги, беглые циркачи. Будь нашим другом, шпион.

И Канаон, подкрепив силы скудной трапезой, поведал им все...

Крыланы нашли дом в Ианте и застали свою мать еще живой. Она не узнавала их, все бродила по роскошно убранным комнатам, высоко поднимая птичьи ноги и водя клювом по стенам и занавескам, тихонько клекотала и вскрикивала, внезапно принимаясь хлопать крыльями. Затем однажды утром братья нашли ее окоченевшей и похоронили в саду, под гранатовым деревом.

Канаон назвал им имя их отца, и братья решили отыскать его. Они были уверены в том, что Динифий еще живет в Шадизаре. Поэтому они оставили дом своей матери и направились в Шадизар.

Найти колдуна оказалось очень непросто. Он изменил имя и внешность, купил себе новый дом и перебрался в самый центр Шадизара. Но слухи продолжали ходить по городу. Братья сняли комнаты в разных частях Шадизара и везде заводили знакомства. Выглядели они старообразно, к тому же горбились, а с маленьким горбатым старичком, знающим ворох забавных цирковых историй, всякий становится болтливым. От служанок и конюхов, от пухленьких домохозяек на рынках и уличных разносчиков «старички» узнавали последние слухи и новости. Пропала девушка несколько зим назад — ее так и не нашли. Домашний учитель вдруг исчез. Обучал одну вдову астрономии. Ну вот подумайте — к чему вдове астрономия! Кто их поймет, этих женщин, что у них на уме! Благообразный такой старец, с длинной седой бородой. Вышел из дома и растворился в воздухе. По слухам, растворился он вместе с алмазной диадемой, которую вдове преподнес ее покойный супруг ко дню свадьбы... Впрочем, сама вдова недолго горевала — спустя несколько дней ее нашли мертвой.

Слухов в Шадизаре было множество, но постепенно братья начали выделять главное. Во многих историях речь заходила о благообразном старце с седой бородой, который нанимался учителем к одиноким женщинам. Иногда этот старец приходил в дом как искусный врач. Пару раз — как торговец редкими тканями и пряностями. И еще случалось ему заманивать в свои сети простаков, падких до зыбкого наслаждения, даруемого черным лотосом.

Где он жил — этого не знал никто. Братья решили действовать напролом и пустили слух о том, что они-де сказочно богаты и желают приобрести запас порошка черного лотоса, а также двух-трех рабынь, желательно диковинного вида. «Из какой-нибудь далекой страны, — поясняли они налево и направо. —

А еще лучше — нечеловеческой расы... Должны же были где-то сохраниться потомки лемурийцев!»

При этом они сорили деньгами и вели себя крайне легкомысленно.

Уловка сработала. В один прекрасный день, когда они шли на рынок, прямо из воздуха перед ними возник высокий старик с пронзительным взглядом и большим горбатым носом, похожим на клюв.

— Я слышал, вы интересуетесь черным лотосом и диковинными рабынями, — проговорил он тяжелым, низким голосом.

Братья переглянулись и дружно закивали, постаравшись придать своим лицам возможно более глупое выражение.

Колдун двинул густыми бровями.

— Хорошо, — сказал он. — Это будет стоить тысячу золотых.

— У нас есть тысяча золотых, — сказал один из братьев поспешно. — Но хорош ли твой товар?

— Где вы живете? — спросил колдун.

Братья назвали таверну в центре города.

— Ждите, — молвил старец и исчез.

К вечеру они были наготове. Везде горели лампы, на низеньком столике посреди комнаты стояло угощение, в металлические кувшины с длинным горлышком налили свежую воду. Колдун явился внезапно, сразу перед дверью. С ним была женщина, закутанная в покрывало.

Братья засуетились, устраивая гостей на коврах. Колдун величественно сел и простер руку по направлению к женщине. Она медленно сняла покрывало, и перед изумленными братьями предстало удивительное существо, прекрасное и отталкивающее одновременно. Оно было тонким, как хлыст, с очень пышными грудями, но с хилыми ручками и тощими ножками. На узком лице горели зеленым светом гигантские глаза. Крохотный носик торчал, как остренькое лезвие, а рот казался безгубой щелью, в которой явственно были заметны клыки.

— Что это? — спросили братья.

— Рабыня, которая может стать вашей, если вы захотите, — ответил колдун невозмутимо, однако заметно было, что он наслаждается произведенным эффектом.

— Ну, не знаю, — протянул один из братьев. — Нравится ли она нам?

Крыланы начали обмениваться взглядами. Колдун настороженно наблюдал за ними.

— Знаете ли, господин, ваше предложение очень заманчиво, — сказал наконец крылан. — Можно коснуться этой женщины?

— Нет, пока вы ее не купили, — ответил колдун.

— А вдруг она на ощупь окажется противной? — возразил крылан. — Вы должны позволить нам, господин, потрогать ее!

— Нет, — повторил колдун. Он как будто стал больше ростом, глаза его засверкали. — Вы, кажется, решили посмеяться надо мной!

— Вовсе нет, — притворно испугались крыланы. — Мы... Знаете ли, господин, мы разыскиваем... своего отца.

— А при чем тут рабыня диковинной расы? — нахмурился колдун.

— Мы хотели... преподнести ее в подарок, — выпалил другой крылан.

Теперь они заговорили наперебой, попеременно подскакивая и шевеля сложенными крыльями.

— Наш отец — сластолюбец!

— Он похищает женщин!

— Он очаровывает их!

— Он превращает их в ничто!

— Например, в птиц!

— А они рождают ему детей!

— Странных!

— Он любит странное!

— Остановитесь! — заревел колдун. — О ком вы говорите?

Он щелкнул пальцами, и таинственная рабыня исчезла, растворившись в воздухе.

— Я так и думал, что это иллюзия, — с облегчением вздохнул один из крыланов. — Да вы просто фокусник, господин! Разве можно так дурачить людей? Впрочем, неплохое представление. Да только ни один цирковой фокус не стоит тысячи золотых, уж поверьте старым циркачам!

Смуглое лицо Динифия сделалось пепельно-серым.

— Вы? — молвил он, чуть отшатнувшись. — Вы мои сыновья?

— Похоже, так, — согласились братья. — Если ваше имя Динифий, если вы похитили девушку по имени Клеуфа и превратили ее в печальное безумное чудовище, которое совсем недавно мы похоронили в саду возле нашего дома.

— О! — выговорил Динифий. — Клеуфа скончалась? Очень интересно!

— У магов своя жизнь, — заговорил крылан, который, как видно, имел обыкновение выступать от лица всех троих, — и мы не осуждаем вас, господин. В конце концов, наша бедная мать сама бросилась вам в объятия, и любопытство погубило ее. Вы сохранили нам жизнь, поэтому мы не держим на вас большого зла. Но мы смиренно умоляем вас вернуть нам обычное человеческое обличье. Слишком трудно оставаться уродцами. Мы ведь еще молоды и хотели бы быть счастливыми! Какая женщина полюбит горбатого старичка? Какая женщина согласится разделить свою жизнь с крыланом?

— Чего вы хотите? — медленно спросил колдун. — Я не могу дать вам этого счастья. Я могу наделить вас толикой магии, чтобы женщины не замечали вашего уродства.

— Нет, вы должны изменить саму нашу природу, — твердо заявил крылан. — Преобразовать нас с помощью магии. Мы не желаем иллюзий. Мы хотим быть настоящими.

— Сколько вы готовы заплатить мне за эту работу? — осведомился колдун.

— Тысячу золотых, — ответили крыланы. — Как мы и договаривались.

Динифий вздохнул и поднялся.

— Вы будете доставлять мне золото, монеты и драгоценности, пока я не скажу «довольно», — велел он. — И тогда я возьмусь за дело. Не пройдет и зимы, как вы превратитесь в самых обыкновенных людей. Не уверен, что это лучше для вас самих, но... Мне-то какое дело!

Он захохотал, взмахнул руками и исчез.

Оставшись наедине, братья некоторое время молчали.

— Ты ему веришь? — спросил наконец один.

Остальные как по команде закачали головами.

— Он всегда лгал, — заговорили они. — Он не умеет говорить правду. Но золота и драгоценностей ему хочется. В этой правде сомневаться не приходится.

— А когда настанет время платить по счетам — не обманет ли он нас?

Воцарилось молчание. Каждый из крыланов обдумывал эту возможность, сопоставляя все то, что было известно о личности их отца.

— Может быть, — помолчав некоторое время вымолвил тот, что всегда говорил за остальных. — Но он любопытен и интересуется новшествами. Возможно, он захочет поглядеть — что получится, если опробовать на нас, его добровольных жертвах, какое-нибудь новое заклинание.

И таким образом крыланы вернулись в Ианту и начали промышлять настоящими грабежами. Они пользовались своим умением летать и проникали в богатые дома, откуда забирали самые лучшие украшения, которые и прятали в доме своей матери. Скоро, очень скоро им предстояло собрать всю свою добычу и доставить ее в Шадизар, к колдуну Динифию, дабы тот исполнил свое обещание и превратил отпрысков Клеуфы в нормальных, самых обыкновенных молодых людей.

* * *

Конан выслушал эту историю, не перебивая. Поначалу братья немного смущались, опасаясь, что варвар им не поверит. Слишком уж невероятным могло показаться постороннему человеку то, о чем они рассказывали.

Но киммериец не усомнился ни в едином слове. Когда братья закончили рассказ, он задал несколько вопросов, уточняя детали, а затем запустил пальцы в густую гриву своих черных спутанных волос и глубоко задумался.

Братья робко переглянулись, а затем один из них заговорил, тронув варвара за плечо тонкой ручкой:

— Ты полагаешь, колдун не выполнит обещания?

Конан поднял голову, сверкнул синими глазами.

— Ни мгновения не сомневаюсь, что обманет! Вся их порода такова — прогнившие, лживые, гнусные создания, служители зла! Надеюсь, какой-ни-

будь демон, которого он не сумеет удержать в узде, сожрет его кишки и закусит печенью!

Тут киммериец сообразил, что говорит об отце своих собеседников, и его загорелое лицо чуть покраснело. Но крыланы не обратили на эту тираду особенного внимания. Они искренне огорчились и залопотали:

— Но что же нам делать! Мы зашли уже достаточно далеко! Мы так надеялись...

— Он не задумываясь погубил вашу мать ради собственного праздного любопытства. Неужели вы думаете, что этот негодяй захочет помочь собственным детям?

И пока крыланы переглядывались и огорченно бормотали, киммериец добавил более мягким тоном:

— У вас тут запасы отменного вина. Думаю, нам стоит выпить и немного отдохнуть. Я помогу вам, как сумею, но вы должны вытащить из тюрьмы мою подругу. Ее обвиняют в краже, которую совершили вы, и если завтра она не будет на свободе, то в полдень ей отрубят руку на городской площади.

Киммериец сам не мог понять, почему эти грустные уродцы вызвали у него такое чувство. Обычно Конан терпеть не мог всяких полудемонов, родственников и потомков змей, лемуров и бесноватых шаманов. При встрече с пособниками тьмы киммериец даже не начинал беседы — просто вынимал из ножен меч и решал все недоразумения при помощи доброго холодного железа.

Но в этом случае все обстояло иначе. Крыланы, хоть и были порождением искаженной человеческой природы, которую испортило злое волшебство, сохранили в себе много добрых качеств. Они всего-навсего стремились обрести то, чем всякий человек обладал с рождения: истинную, неиспорченную природу. Не власть, не богатство, не тайную мощь, не союз с черными силами привлекал их, но самая простая людская жизнь. И это вызывало у Конана несомненное уважение. Сам он тоже не сильно разбирался в средствах, если кто-то пытался покуситься на его свободу или навязывал ему собственную волю. Поэтому побег крыланов из цирка и их кражи киммериец воспринял совершенно легко, как нечто само собой разумеющееся. Гораздо труднее было решить, что делать с колдуном.

Для начала, подумал Конан, пусть вытащат Зонару. А там разберемся.

К этому делу они приступили, опорожнив несколько кувшинов весьма забористого вина. Крыланы от души веселились. Давно им не было так хорошо. С тех самых времен, как они общались со старым ищейкой, Канаоном, у них не было приятелей среди людей. Конан не видел в крыланах уродцев, он не рассматривал их как опасное явление или возможный источник обогащения. Они были для него товарищами по приключению. И, соответственно, Конан относился к братьям как к равным.

Изрядно поднабравшись, они выбрались из усадьбы и, переправившись через городскую стену, двинулись по ночной Ианте. Крыланы посмеивались, семеня по мостовой рядом с огромным варваром:

— Мы-то думали, что тебя придется тащить на себе! А ты, оказывается, карабкаешься по отвесным стенам, как кошка!

— Это так, — признался киммериец. — Но на стену тюрьмы мне не забраться. Ее недавно оштукатурили. Она гладкая, как фаянс. Ноги скользят. Да и лезть слишком высоко. Камера Зонары — под самой крышей.

— Ловкач! — веселились крыланы. — Ладно, мы, возможно, долетим... А какая она из себя, эта Зонара? Красивая?

— Очень, — хмуро ответил киммериец. — Только нрав у нее тяжелый, учтите.

— Ничего, главное, чтобы зад был легкий, — хихикнул один из братьев, а остальные затряслись от беззвучного смеха. — А нрав как-нибудь дотащим.

— Зад у нее тоже ого-го, — сообщил Конан и задумался. — Вообще, раньше она была гимнасткой. Выступала в цирке. В бродячем.

— Вот это да! — присвистнули братья. — Стало быть, она одна из нас!

— Да, с детства этим занималась, а потом хозяева стали злыми или еще что... На краже попалась... В общем, она сбежала. И с тех пор бродит по свету, попадая в самые разные дурацкие истории. Иногда наши с ней пути сходятся, иногда расходятся, — разоткровенничался Конан.

Крыланы уловили главное — пленница, как и она, с детства росла при цирке. И сразу же после этого признания Конана Зонара стала им как будто родной.

— Мы ее вытащим, — заверили они киммерийца.

Тюрьма находилась ближе к центру города. Высокая, одиноко стоящая башня с гладкими стенами и толстыми решетками на окнах. Двери заперты — тяжелые, металлические. Несколько стражников ходили по плоской крыше башни, еще трое совершали обход внизу.

Четверо заговорщиков притаились в темном переулке, наблюдая за охранниками. Конан считал: «раз, два...», чтобы получить точное представление о том, через какие временные интервалы стражники появляются над окном Зонары.

— У вас будет всего пятнадцать счетов, — сообщил он своим крылатым приятелям. — Я попробую отвлечь их, иначе вы попросту не успеете улететь.

— Сперва нужно передать ей пилку, — прошипел один из стражей. — Прутья очень толстые.

— Ей достаточно перепилить одно наверху, — возразил Конан.

— Не пролезет, — авторитетно заявили братья и закачали головами.

— Вы не знаете Зонару, — сказал Конан. — Много зим она занималась тем, что забиралась в чужие окна. Она умеет становиться плоской, как змея, если нужно проползти. Как-то раз, клянусь, я видел, как Зонара просочилась в щель под закрытой дверью.

Один из крыланов схватил пилку и поднялся в воздух, стараясь держаться как можно ближе к стене. «Десять, одиннадцать... — шептал Конан, а сам думал: — Только бы успел!»

— Зонара! — шепнул крылан, бросая пилку между прутьями.

Спавшая на охапке соломы пленница приподняла голову. Несомненно, она решила, что собственное имя, произнесенное сиплым шепотом, почудилось ей.

— Кто здесь? — на всякий случай спросила она.

— Друг! — ответил крылан.

Зонара вскочила и подбежала к окну.

— Кто ты? — вскрикнула она в ужасе, увидев крылатую тень, и тут же зажала себе рот ладонями.

— Меня прислал Конан! — ответил крылан. — Сейчас я исчезну. Подбери пилку и попробуй избавиться от решетки.

— Будет слышно, — усомнилась Зонара.

— Делай, что тебе говорят! — сказал крылан и исчез, быстро взмахнув крыльями.

Зонара наклонилась и действительно отыскала на полу тоненькую пилку, остро заточенную и предназначенную для того, чтобы перегрызать металл. «Чудеса!» — подумала она и, привстав на цыпочки, принялась за дело.

Как только первый звук пилки, шаркающей по металлу, донесся до слуха Конана, он подтолкнул своих сообщников.

— Пора!

— Помогите! — тонким голосом завопил один из них, а Конан, выскочив на площадь перед тюрьмой, принял несколько угрожающих поз и снова скрылся.

Стражники, вытянув шеи, принялись наблюдать за происходящим. Им строго-настрого было запрещено покидать пост, поэтому крылан мог сколько угодно звать на помощь и проклинать городские власти — никто и пальцем бы не пошевелил. В Ианте хорошо знали, что воры способны на самые разнообразные уловки, лишь бы вызволить из тюрьмы своих приятелей.

Поэтому Конан и трое братьев-крыланов буянили вовсю. Они то выскакивали на свет, под фонарь, то исчезали, и самозабвенно орали во все горло. Начали просыпаться обыватели. Из соседнего дома вышел рослый мужчина с дубинкой в руке и, ни слова не говоря, набросился на Конана. Киммериец радостно взвыл и кинулся в атаку. Крыланы тем временем завывали и стенали, проносясь по воздуху.

— Летучие мыши! — завизжала какая-то женщина, разбуженная шумом драки и высунувшаяся из окна.

— Спасите! — вторила ей другая, живущая в доме напротив.

— Убивают! — верещали крыланы.

Зонара продолжала пилить. Когда она увидела летающую тварь, она усомнилась было в том, из какого источника исходит неожиданная помощь. Но всеобщая ночная свалка в качестве отвлекающего маневра не оставила никаких сомнений: чувствовалась неповторимая рука Конана-киммерийца.

Наконец Зонара завершила работу и испустила пронзительный свист. Как

ни странно, крыланы расслышали его во всеобщей какофонии и подлетели к окну пленницы. Конан уносил ноги, а разозленные жители Ианты долго еще молотили друг друга, не в силах разобраться, кто первым затеял свалку.

Зонара протянула руки на волю, высунула голову, затем протиснула тело. Крыланы, зависая в воздухе возле нее, тащили девушку наружу. Их крылья с усилием били по воздуху.

Наконец Зонара вылетела из тесного отверстия, как пробка из бутылки, и повисла на слабых руках своих спасителей.

— Вниз! — сказала она. — Долго вы мнея не удержите.

— Тебя поймают! — возразил один из братьев.

— Летим до переулка, а там я побегу сама! — велела Зонара. — Не перечьте! Я не хочу разбиться насмерть. Встретимся возле городской стены. Вам еще придется перетаскивать меня наружу.

Так они и поступили, и скоро вся компания собралась в заброшенной усадьбе.

— Я так и знала, что это ты, — заявила Зонара с таким видом, как будто оказывала великую честь варвару, позволив спасти себя от палачей.

— Отлично! — фыркнул он. — В таком случае, позволь представить тебе моих новых друзей. Это крыланы. Они никак не называют себя — видимо, потому, что при рождении имен им не дали, а впоследствии, в силу замкнутого образа их жизни, надобность в этом так и не возникла.

— Ну и ну! — Зонара покачала головой и чуть покровительственно заметила: — Если вы хотите стать достойными членами общества, вам необходимы хорошие имена. А лучше — титул.

— Посмотрите на нее! — фыркнул Конан. — Тоже мне, достойный член общества, графиня Зонара, леди Запусти-Ручку-в-Чужой-Сундук, наследная принцесса Кутузка!

— Сам хорош! — огрызнулась Зонара. — Будущий король. А сам медяки таскаешь.

— Во-первых, не медяки, — начал Конан запальчиво, но тотчас остыл и махнул рукой. — Ладно, ты права. Им нужны достойные имена. Все остальное у них уже есть: деньги, собственный дом и даже немного ума. А главное — они хорошие люди, Зонара. Присмотрись к ним повнимательнее.

— Смотрю и вижу, — объявила Зонара, пристально вглядываясь в каждого из братьев, — их заколдовали.

— Причем при рождении, — добавил Конан. — И теперь они нашли того, кто это сделал. Хотят вручить ему кучу денег, чтобы он вернул им человеческое обличье.

Конан и его подруга говорили о братьях так, словно тех и не было в комнате. Но почему-то крыланы не чувствовали себя обиженными. Может быть, потому, что прежде никто и никогда так искренне не интересовался их судьбой. К тому же, в тоне обоих жуликов не было ни снисходительности, ни презрения, ни чувства превосходства.

— По мне так, колдунам верить не стоит ни в каком случае, — сказала Зонара, задумчиво жуя длинный локон. — Поэтому сделаем так. Заберем все ваше барахло, что вы тут ухитрились награбить, и отправимся к нашему магу немедленно.

— Немедленно не получится, — тотчас перебил Конан. — Наш маг в Шадизаре.

— Проклятье! Ну так поедем в Шадизар. Только немедленно.

— Мы спать хотим, — пожаловались вдруг крыланы. — Мы устали.

— Завтра нас начнут искать, — терпеливо объяснил варвар. — И чем дальше мы окажемся от Ианты, тем безопаснее.

— Возьмем телегу и лошадей, — предложила Зонара. — Крыланы пусть себе спят, а мы будем править.

— Еще одна кража! — возмутился Конан. — Для приличных членов общества это чересчур, ты не находишь, дорогая?

«Дорогая» скривила отвратительную гримасу.

— Я куплю телегу и лошадь, только дай мне денег, — сказала она.

— Ты?

— Меня все равно ищут. Ну, объявится к полудню какой-нибудь крестьянин и скажет, что продал посреди ночи беглой воровке лошадь и телегу за бешеные деньги. Мол, соблазнился прибылью. Опишет, как я выглядела. Будто они и сами не знают — как! А может, он и вовсе не объявится. Побоится, что его привлекут к ответу за пособничество беглой воровке.

— Умно, — одобрил Конан. — Только вот не знаю, как вручу тебе эти самые бешеные деньги. Ты ведь с ними смоешься, только тебя и видели.

— Придется поверить мне на слово, — сказала Зонара капризно. — Не такая уж я плохая. Я еще помню, кто меня спас. И буду помнить дней пять. Пользуйся!

И Конан дал ей кошелек с золотыми монетами.

Деньги совершили свое привычное маленькое чудо: телега и лошадь явились еще до того, как луна коснулась горизонта. Крыланы уже заснули, повалившись друг на друга, кто где сидел. Конан и Зонара бережно перенесли их на телегу и прикрыли одеялами, взятыми из комнат. Затем поставили рядом со спящими мешок, набитый драгоценностями и золотом, насыпали туда сена — на корм лошади — и медленно выехали из сада.

Дорога лежала перед беглецами, ровная, залитая тихим светом угасающих звезд. На востоке уже слегка посветлело небо — начинался новый день, сулящий новые заботы, тревоги и радости.

* * *

Дорога до Шадизара была долгой. Приходилось скрываться от погони, поэтому в первый день путники проделали совсем небольшое расстояние. Когда крыланы отдохнули и проснулись, дело пошло быстрее.

Летучие братья очнулись и поначалу не могли понять, где находятся. Над головой у них покачивался полотняный полог, свежий ветер задувал в «спальню», отчетливо слышался запах конского пота. Наконец один из них высунулся наружу и с изумлением обнаружил, что они — в телеге, которая движется по дороге в неизвестном направлении. Крылан слабо махнул крыльями, забрался на крышу повозки и увидел впереди Конана с Зонарой. Зонара болтала ногами, а Конан держал в могучей руке поводья. Лошадка бежала вперед, помахивая хвостом. У нее было, судя по всему, хорошее настроение.

— Где мы? — спросил крылан.

Конан обернулся, приветливо ухмыльнулся.

— Мы направляемся в Шадизар. Предлагаю в ближайшей же деревне продать телегу и лошадь, прикупить верховых коней и дальше двинуться быстрее.

Так они и поступили.

Погоня тем временем отстала. Не такая важная птица — какая-то воровка, чтобы преследовать ее через всю страну. Доложили о том, что нашли в реке платье беглянки — мол, скорее всего, утонула. Даже предъявили какие-то тряпки, и городские власти этим удовлетворились. Госпожа Теривана получила назад похищенный браслет; что до прочих украденных вещей, то она с легкостью забыла о них.

Конан наслаждался. Он находился в дороге, ему предстояла схватка с колдуном — представителем поистине ненавистного племени. Убивая колдунов, Конан никогда не испытывал ни сомнений, ни угрызений совести. Он не считал, сколько магов и чародеев разных мастей отправил в преисподнюю, ибо варвар был выше подобной мелочности. Но больше десятка — это точно.

На пятый день пути они повстречали бродячий цирк, и братья-крыланы вдруг разволновались.

— В чем дело? — осведомилась Зонара, которая более тонко воспринимала чувства своих спутников. — Что вас беспокоит?

— Там... наши бывшие хозяева, — пояснили братья. — От которых мы бежали зим десять назад.

— О! — возликовала Зонара. — В таком случае, давайте им покажем! Как они с вами обращались, мальчики? Не обижали?

Крыланы переглянулись, а потом один из них сказал:

— Они нас хорошо кормили, когда было чем, но вообще...

Второй подхватил:

— Они держали нас взаперти, Зонара. Как это называется? Хорошо они с нами обращались или плохо?

— Ну, они нас не били, — сказал третий. — Боялись повредить крылья. Мы же приносили им кучу денег, если были зрители.

— Понятно, — подытожил Конан, который внимательно слушал их разговор. — Обычные рабовладельцы. Знаю я эту породу.

— Конан все знает, — пояснила братьям Зонара. — Он был гладиатором. А я тоже выросла при цирке.

— Иными словами, мы с вами родственные души, — подытожил Конан. — Давайте что-нибудь устроим... УЖАСНОЕ! — Последнее слово он проревел.

Они посовещались, и в конце концов устроили настоящее представление. Бывшие хозяева «летающих мальчиков» получили огромное впечатление, от которого не оправились до конца дней своих.

Сперва на их медленно ползущий караван, состоящий из двух телег и вагончика с дрессированными животными, налетели разбойники. Впереди мчалась обнаженная женщина с закутанным лицом. Она размахивала огромным мечом и выкрикивала какие-то дикие угрозы. За ней скакал полуголый варвар, устрашающе мускулистый и разрисованный темной глиной. Его глаза сверкали, а глотка исторгала боевой клич, от которого, казалось, содрогались горы.

Дрессированные животные завыли и забились в своих клетках, лошади, обычно смирные, пожилые создания, взвились на дыбы и принялись бить копытами. Цирковые артисты соскочили с телег и бросились врассыпную.

И тогда на них с небес обрушились черные демоны. Их огромные крылья развевались, а морды роняли кровавую слюну. Они гонялись за убегающими людьми и ревели на все лады.

Наконец это прекратилось. Демоны куда-то улетели, а дикари ускакали прочь. Ничего не понимающие, сбитые с толку, перепуганные артисты собрались возле своих телег. Ничто не пропало, ничто не было сломано. Остался только ужас.

И тогда один из них, самый старый, который давно уже не выступал, а только следил за реквизитом, сказал:

— Это нам наказание за то, что мы держали в клетке летающих мальчишек.

Но с ним никто не согласился.

А крыланы сбросили с себя черные плащи и хохотали до слез. И давняя обида, которая не давала им покоя все эти зимы, вдруг ушла из их сердец — испарилась, как будто ее и не было.

* * *

Динифий явился на свидание, едва лишь получил записку о том, что его ждут в маленькой таверне на краю города. Это была та самая таверна, где много зим назад он соблазнил Клеуфу. Некоторые злачные места оказываются долговечнее дворцов и замков. Казалось бы, стены, сложенные из ломаных досок, грубых булыжников, не скрепленных раствором, и разного мусора, должны были рассыпаться спустя пару лет, — а вот гляди ты, латаная-перелатаная, как рубаха нищего, стоит таверна неколебимо и по-прежнему поглощает своих постояльцев, точно людоед. Сколько человек исчезло в ее чреве бесследно — никто не считал. Сколько страшных, отвратительных дел здесь обсуждалось, сколько сделок совершилось, сколько судеб было разрушено!

Конан вошел в вонючее, полутемное помещение и сразу принялся хищно тянуть носом, точно зверь в чужой берлоге. В подобных местах киммерийцу доводилось бывать не раз, и он хорошо знал, как себя вести. Вышвырнув из-за удобного столика пару чванливых жуликов и переломав ноги тому из них, кто протестовал громче, варвар развалился поудобнее и кивнул своим спутникам, чтобы те заняли место рядом.

Он велел принести ему дощечку и палочку для письма, а когда это было исполнено, поручил одному из крыланов нацарапать записку. Затем был найден мальчишка-прислужник, которому вручили записку вкупе с медной монетой и указали адрес.

И вскоре в таверне возникла величественная фигура Динифия.

Никто не видел, как вошел маг. Он просто возник посреди комнаты, полной народу.

— Садись, — сказал ему киммериец без всякого почтения.

Динифий опустился на скамью и устремил на варвара тяжелый взгляд своих темных глаз. Огромный нос, похожий на клюв грифа, уставился на киммерийца.

— Будешь пить? — фамильярно осведомился Конан и, не дожидаясь ответа, рявкнул: — Хозяин, еще вина!

— Кто ты? — прошипел колдун. — Почему вмешиваешься в мое дело?

— О, а это твое дело? — изумился Конан. — А я и не знал! Я — Конан, если тебе это интересно. Эти ребята, твои сыновья, — мои приятели. У нас с ними было общее дельце. Хорошие ребята, кстати. Ты молодец. Отменно воспитал их. Ведь это ты научил их хорошо себя вести, не так ли? Привил им манеры. Как они держатся за столом, как чудно орудуют всеми этими маленькими ножичками и вилочками — ну просто хоть сейчас ко двору какого-нибудь монарха...

Конан болтал и болтал, наблюдая за Динифием ледяными синими глазами. Зонара с деланным безразличием разглядывала то колдуна, то интерьер таверны. Время от времени она опускала глаза и принималась вертеть на пальце перстень. Динифий относился к этому перстню как-то нервно — видимо, опасался, что кольцо может оказаться магическим. На самом деле кольцо было совершенно обычным, но Зонаре нравилось изображать многозначительность.

Крыланы, похожие на горбатеньких старичков, одинаково моргали, поглядывая на своего могущественного и страшного отца. Динифий наконец заговорил снова, перебивая Конана:

— Зачем ты пришел?

— Обсудить с тобой участь твоих сыновей.

— Какое тебе дело до них? Спрашиваю в последний раз!

— Они мои сообщники. Мы вместе воровали, — сказал варвар.

— Предположим, — презрительно молвил колдун. — Что ты хотел узнать?

— Ты намерен превратить их в обычных людей?

— На это уйдет довольно много времени, — отозвался Динифий. — Я уже рассказывал... этим уродам, что процедура трудоемкая и длительная.

— В общем, ты им наврал, — сказал Конан и поднялся. — Ничего ты не можешь! Тебе просто хотелось заграбастать побольше сокровищ, а потом еще и использовать ребят для своих колдовских опытов! Что, я неправ?

Динифий тоже медленно встал и навис над киммерийцем, хотя тот был и немаленького роста.

— А если и так? — в упор осведомился колдун. — Что тебе до них? Они — неполноценные уродцы, результат неудачного эксперимента! Я создал их, я их и уничтожу! Незачем таким, как они, шляться по земле!

Конан раздул ноздри от гнева.

— Это тебе незачем шляться по земле, отребье! — заревел он, выхватывая меч.

Колдун поднял руку, и молния слетела с его пальцев. Неуловимым, стремительным движением Конан уклонился, и огненный заряд — вот жалость-то! — угодил прямо в голову одному ничего не подозревающему сутенеру. И в чем бы ни был виновен этот торговец женским телом, но только не в том, за что был испепелен на месте.

Колдун стиснул зубы и вновь метнул в Конана молнию. На сей раз пострадали двое шулеров — и опять безвинно. Конан замахнулся мечом. Жертвой пал дубовый стол. Опрокинув скамью, Конан выскочил на середину зала.

— Разойдись! — заревел он.

Посетители таверны брызнули со всех сторон и стеснились возле выхода. Зонара усмехнулась. Она и не подозревала, что в этом небольшом, с виду полупустом заведении скрывается столько народу.

Крыланы сбились в кучу, наблюдая за поединком. Слова Динифия потрясли их. Они, конечно, знали, что отец их — негодяй, но почему-то верили, что он выполнит обещание. Возможно, потому, что им хотелось в это верить.

Что касается Конана, то он никогда не питал иллюзий по отношению к колдунам. И теперь киммериец, радостно рыча, размахивал мечом, намереваясь поразить своего противника. Динифий пользовался только магическим оружием — молниями и огненными стрелами. Кроме того, его защищал невидимый купол силы. Однако Конан продолжал свои атаки. Он знал, что рано или поздно колдун устанет. Разве что воспользуется магической мощью для того, чтобы сбежать.

Зонара также обнажила небольшой кривой меч и вступила в схватку. Вдвоем они набрасывались на Динифия спереди и сзади, ломились сквозь его защиту с обеих сторон, проклинали, высмеивали, отвлекали. И в конце концов защита Динифия начала ослабевать.

Он не мог сбежать с места поединка, как опасался Конан, потому что для мгновенного перемещения колдуну потребовалось бы уничтожить свою защиту. А Динифий уже успел оценить силу и стремительность Конана и понял,

что киммериец сразит его мечом в то же самое мгновение, как защита упадет. Неважно, сколь короткое время это продлится.

Зонара внезапно ощутила, как ее рука с мечом почти коснулась колдуна — Динифий успел отпрянуть в последний миг.

— Он начинает уставать! — крикнула она торжествующе. — Еще немного, и силы магии ослабнут! Будь наготове, киммериец!

Динифий испустил тихое, злобное шипение. Он видел, что варвар не отступится. Киммериец принадлежал к наиболее ненавистному для Динифия типу людей: упрямый, абсолютно неспособный к магии, живущий в мире ясных, однозначных вещей. Такого не сбить с толку магическим трюком, не совратить с пути посулами таинственной власти над людьми. С таким вообще ничего нельзя сделать — только убить, но это как раз самое сложное!

А силы колдуна действительно были на исходе. Ему приходилось держать защиту и следить сразу за несколькими врагами. И еще, как это ни удивительно, странным образом действовало на Динифия присутствие его сыновей. Печальных, бессильных уродцев, которые были зачаты обманом, рождены глупой матерью, которая к тому времени уже почти не была человеком. Неудачников, которых ничего не стоило обмануть и убить. И вот, надо же, они нашли себе защитников и друзей и теперь стоят и моргают с невинным видом! Это раздражало Динифия и каким-то образом взывало к его несуществующей совести.

Да, он несколько раз обманул их. Обманул в самом важном, в том, что было, собственно говоря, их жизнью. Он никогда не жалел о содеянном — это тоже правда. Но отсутствие совести, которая могла бы откликнуться на взгляд крыланьих глаз, тревожило, говорило о некоей ущербности.

Мне все равно, думал колдун. Это обстоятельство всегда делало меня сильным. Почему же теперь оно меня ослабляет?

Он не успел довести эту мысль до конца. Конан испустил оглушительный боевой клич, очертил длинным мечом сверкающую дугу и снес голову своему врагу с такой смертоносной точностью, что любой палач позавидовал бы ему.

Безголовое тело постояло еще немного, словно не доверяя случившемуся, а затем рухнуло, и из перерубленной шеи хлынула кровь.

Крыланы завизжали и выбежали вон из таверны. Зонара и Конан последовали за ними. Из раскрытой двери повалил дым, тяжелый, зловонный, зеленовато-желтого цвета.

— Сдох, — удовлетворенно произнес Конан и вытер меч о свою одежду.

Крыланы переглянулись и дружно заплакали.

— Теперь мы навсегда останемся уродами, — прошептал один из них, вытирая слезы с маленького сморщенного личика.

— Во-первых, никакие вы не уроды, — рассердился Конан. — Вполне нормальные люди, только с крыльями.

— Во-вторых, он не собирался вас расколдовывать, вы разве не слышали? — вступила Зонара. Она тяжело переводила дыхание, но Конан подозре-

вал, что Зонара делает это нарочно — чтобы у ее спутников был повод полюбоваться ее роскошной колышащейся грудью. — Он намеревался использовать вас и убить.

— У меня есть предложение, — сказал Конан. — В Кхитае у меня есть один добрый приятель, Тьянь-По. Он мудрец. Живет в горах, в тихом красивом саду. Изучает там какую-то мудрость или что-то в этом же роде. Там полно чудаков. Можете прихватить ваши денежки и отправляться к нему... Я... — Он быстро глянул на Зонару. — Я, пожалуй, провожу вас к нему. А то — мало ли что. Путь неблизкий...

— Но что мы будем там делать? — спросил один из крыланов.

— И нужны ли мы там? — добавил второй.

— Если так рассуждать, так никто никому не нужен, — сказал Конан с важным видом. Он вспомнил, как преподавал ученикам Тьянь-По премудрости и даже немного преуспел в этом. — Но говорю вам, в Кхитае полно странных личностей, так что вы там будете совершенно в своей тарелке. Построите себе дворец и будете наслаждаться жизнью. И девушки там ласковые. Они любят мужчин не за внешность, а за душевную красоту. Уж вы мне поверьте.

— Конан пользовался там успехом, — ядовитым тоном вставила Зонара. — Разве непонятно?

Крыланы переглянулись. Слезы высохли на их глазах, они даже начали улыбаться.

— Но сперва передохнем в Шадизаре, — добавила Зонара.

— Нет уж, — возразил Конан. — Мы выходим немедленно.

— Ну хоть денег мне оставьте! — взмолилась девушка. — Я же бросила все свои сокровища в Ианте!

— Бедняжка, — притворно посочувствовал Конан.

Спустя несколько часов четверо путников на хороших лошадях уже вышли из Шадизара, направляясь на восток. А разочарованная в мужчинах, но очень красивая женщина выложила пару золотых монет перед содержателем очень дорогой гостиницы и потребовала всего самого лучшего: ванны с розовыми лепестками, жасминового масла для умащения тела, трех служанок, сладкого вина, вишен, орехов в меду и немного порошка черного лотоса.

— Хочу забыться, — сообщила она интимным тоном. — Все мужчины — такие ужасные негодяи!

КОНАН И ДВОЕ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

В своих странствиях Конан нередко встречал необычных людей, но эти двое оказались едва ли не самыми удивительными. Молодые супруги, Югонна и Далесари, волей злого мага были заброшены в чуждый им мир. Они бы погибли, если бы на их пути не возник Конан-варвар. С заблудившейся парочкой киммериец пережил увлекательные и отчасти забавные приключения.

Пленники песчаных вихрей

Глава первая

Одиночество в пустыне

От горизонта до горизонта, куда ни брось взгляд, везде одно и то же: бесконечные волны песка. Конан находился в самом сердце пустыни. Солнце сияло прямо у него над головой. Безжалостные лучи дневного светила выискивали свою жертву и, казалось, в считанные мгновения выпивали из него всю влагу.

Но киммерийцу не привыкать было к подобным путешествиям. И хотя родился он на далеком севере, многочисленные жизненные испытания приучили его без особого труда переносить самые разные условия. Он мог выжить и посреди моря, на утлом суденышке, и в душных вендийских джунглях, и в обществе кхитайских философов, и — наверное, это было самым трудным, — среди утонченной аристократии, при дворах цивилизованных владык, которые самого Конана именовали не иначе, как дикарем и варваром.

Конан намеревался пересечь пустыню за несколько дней. Путь был ему хорошо знаком, так что он без страха пустился в дорогу один, не взяв с собой проводника.

Киммериец не нуждался в чьем-либо обществе. У него было скверное настроение, и самая мрачная меланхолия одолевала его. Ему хотелось побыть в одиночестве. Для подобного состояния духа не требовался спутник. Пустыня — самое лучшее, что можно было измыслить.

Конан огляделся по сторонам, и хмурая улыбка появилась на его загорелом лице. Никого и ничего. Его окружали пески и смертоносный солнечный свет. Достойный противник! Конан оскалился, словно желая бросить пустыне вызов.

Она ответила еле слышным шорохом песков. Где-то вдали ветер перемещал песчаные массы, но там, где находился киммериец, не было ни малейшего дуновения. Солнце, казалось, застыло на небе, в самом зените.

На Конане был наряд кочевника — широкий белый плащ, покрывало на голове. Но даже издали киммерийца невозможно было принять за обыкновенного жителя пустыни. Северянин был выше ростом любого из них, гораздо шире в плечах, да и держался иначе. Говорят, будто каждый кочевник обладает

царственной осанкой; но любому, даже самому спесивому из них, далеко было до Конана-варвара.

Киммериец не сомневался в том, что рано или поздно он сделается королем. Завоюет себе королевство, какое глянется, и сядет там на трон. Человек, который не побоялся бросить вызов всему миру, вполне способен и на такое.

До него донесся пронзительный крик орла. Величавая птица кружила в вышине, и казалось, будто солнце и жаркий воздух породили ее. Кого высматривал орел? В других областях пустыни имелась хоть какая-то растительность. Там обитали разные мелкие существа, тушканчики и прочие, которые обычно служили добычей орлу. Но кого он высматривает сейчас? Не самого ли Конана?

Конан засмеялся и погрозил орлу:

— Хочешь побороться?

Как будто услыхав человека, орел взмыл еще выше и словно бы растворился в ослепительном солнечном свете.

Конан удовлетворенно кивнул.

Конь ступал по песку уверенно: ему передавалось настроение хозяина. Всадник не сомневался в том, что к вечеру они доберутся до оазиса и смогут отдохнуть и утолить жажду. К тому же у них имелась при себе вода — бурдюк опустел лишь наполовину.

Киммериец еще раз огляделся по сторонам и удовлетворенно хмыкнул. Ни одного человеческого лица вокруг! Вчера он тоже был один и ночевал прямо на остывающем песке, под звездами, которых здесь великое множество. Рассвет нагрянул на пустыню, словно неприятель из засады, из-за горизонта выскочило гигантское красное солнце, и казалось, будто до него можно дотянуться рукой, а затем почти сразу же снова началась изнуряющая жара.

Пустыня. Пустая земля.

Неожиданно киммерийцу показалось, будто он замечает среди золотых песков нечто темное. Он приподнялся на стременах, всматриваясь в *это*.

Наверное, лучше было бы просто отвести взгляд и проехать мимо, подумалось ему. Но это «нечто» своей неуместностью и очевидным безобразием настойчиво лезло в глаза, так что Конан поневоле направил коня в ту сторону. Лучше бы сразу разрешить загадку — и выбросить ее из головы.

Конан почти не сомневался в том, что увидит сейчас плащ какого-нибудь незадачливого бедолаги, а может быть, и труп, иссохший и почерневший. Должно быть, пески сместились и обнажили то, что было много зим погребено под ними.

Он приблизился и остановил коня. Так и есть! Одежда. Только какая-то странная. Расписной шелк, к тому же очень яркий. Если бы эти вещи пролежали под солнцем хотя бы несколько дней, они утратили бы краски — солнце выжгло бы их, сделало бы гораздо более тусклыми. Стало быть, эти тряпки попали сюда совсем недавно. Что ж, люди погибают в пустыне постоянно. И века назад, и день назад, и час назад... Всегда одно и то же.

Конан хотел было повернуть коня и двинуться дальше, как вдруг тряпки зашевелились, и слабый голос простонал:

— Помогите...

* * *

Киммериец резко остановил коня. Удивленный подобным обращением, конь взвился на дыбы и громко заржал, но Конан быстро усмирил его. Звук лошадиного ржания возымел почти магическое действие на незнакомца, лежавшего посреди пустыни. Он проявил еще более очевидные признаки жизни, из-под горы тряпок показались довольно пухлые белые руки с накрашенными ногтями. Человек закопошился, пытаясь подняться.

— Лежи, не трать силы, — буркнул киммериец.

— Здесь человек... — прошептал незнакомец и вдруг сухо, без слез, зарыдал.

— Ты почти угадал, — сказал Конан ровным, равнодушным тоном. — Здесь варвар, который совершенно не рад нашей встрече. Учти это на будущее и не будь многословен.

Он соскочил на землю и с бурдюком в руках подошел к незнакомцу. Присев рядом на корточки, Конан плеснул водой ему на голову.

— Выпей воды, — сказал киммериец.

— Вода... — простонал неизвестный.

Холеные руки с красными ногтями вцепились в бурдюк. Показалось лицо, обожженное солнцем, с багровыми пятнами, шелушащееся. Черты этого лица, впрочем, были довольно правильными и даже приятными: широко расставленные темные глаза, прямой нос, твердый подбородок.

Незнакомец принялся жадно глотать воду. Он оживал прямо на глазах. Конан смотрел на него с хмурой усмешкой. Вот и закончилось блаженное одиночество. Придется теперь терпеть рядом с собой какого-то незадачливого бедолагу. Тот, несомненно, начнет сейчас изливать благодарность, и на голову киммерийца обрушатся мутные словесные потоки.

А потом, что еще хуже, поведает ему свою историю. Какую-нибудь длинную, полную ненужных подробностей повесть о том, как он отправился за какой-нибудь нелепой надобностью в путь, как его предали и бросили здесь на смерть, предварительно обобрав до нитки.

Когда эти темные глаза начнут хорошо видеть — а такое случится очень скоро, едва лишь тело напитается водой в должной мере, — незнакомец быстро разглядит своего спасителя и поймет, кто перед ним. Человек, способный браться за любое дело. Наемник, если угодно. Бродяга — в любом случае.

И тогда начнется вторая часть их «знакомства»: незнакомец вцепится в Конана мертвой хваткой и будет предлагать ему любые деньги, лишь бы он, Конан, отыскал негодяев, покарал их и отобрал у них похищенное. А судя по тому, что незнакомец довольно молод, сравнительно крепок и наверняка обладает волей — иначе он не отправился бы в опасный путь и вообще не пошел

бы на риск, — велика вероятность того, что он предложит свое общество спасителю. «Ты спас меня, теперь найди тех, кто меня предал. Я пойду с тобой. Можешь рассчитывать на меня...»

И, поскольку он предложит киммерийцу хорошие деньги за работу, у Конана не хватит духу отказаться. Нужда в деньгах была у него всегда — и сейчас, возможно, еще больше, чем зиму назад. Конан морщился, предвидя обычное развитие событий. Незнакомец, как ни был он измучен пережитым, заметил, какое выражение лица у его спасителя.

— Что? — настороженно спросил он. — Я сделал что-то, что оказалось тебе не по душе? В таком случае, прошу меня простить.

— Нет, — сказал Конан. — Ты пока еще ничего не сделал. Просто я подумал о том, как противно предвидеть наперед...

— О чем ты говоришь?

— Да о том, что произойдет дальше! — с досадой воскликнул Конан. — Боги, должно быть, я сильно прогневал вас! — Он глянул на солнце с таким негодованием, как будто рассчитывал узреть у себя над головой какого-нибудь прогневанного бога, с которым можно было бы поспорить, а то и подраться.

— Я не понимаю... — пробормотал спасенный.

— Да? — Конан издевательски засмеялся. — Хорошо, я объясню, чтобы ты потом не говорил, будто не знал... Я уехал в пустыню с единственной целью: избавить себя от лицезрения людей. Мне неприятны человеческие лица. Мне отвратительна суета так называемых «цивилизованных» господ. Меня тошнит от ваших забот, от ваших разговоров, от вашей мелочности... Я избрал самый опасный путь и отправился в одиночку. Знаешь почему? Просто потому, что это был единственный способ побыть в полном и совершенном одиночестве. И что же? Прошло всего три дня — и я встречаю тебя! Теперь ты понял?

— Ты мог проехать мимо, — заметил незнакомец.

Конану показалось, что в его тоне прозвучала легкая ирония. Но, быть может, это была лишь иллюзия... Или нет? Киммериец, насупившись, глянул на незнакомца.

— Мое проклятое любопытство! — бросил варвар. — Вот что стало причиной. Кроме того, пустыня часто обнажает то, что было погребено в ней веками — и иногда это оказываются сокровища какого-нибудь давным-давно погибшего каравана. Я не мог упустить такой возможности.

— Понятно, — сказал незнакомец. — Итак, ты спас меня, сам того не желая, и теперь я — досадная помеха для тебя.

— Что-то в таком роде, — признал Конан.

— Ты ведь не оставишь меня здесь умирать? — осведомился незнакомец.

— Проклятье! — зарычал Конан.

— Вот и хорошо.

Спасенный поднялся на ноги, и Конан с удивлением уставился на него.

Обожженное лицо этого человека говорило о том, что он долго находился под палящим солнцем, не имея надлежащего головного убора и вообще слабо

понимая, как следует защищать нежную белую кожу от смертоносных лучей пустынного светила. Ухоженные руки с крашеными ногтями — свидетельство того, что чужак прежде жил в богатстве и роскоши и никогда не занимался физическим трудом. Одно с другим сочеталось неплохо.

Но одежда! Митра, разве *это* одежда? На чужаке было шелковое одеяние: очень широкие штаны, схваченные под коленом лентами. По форме верхняя часть этих штанов напоминала два кхитайских фонарика, что раскачиваются обычно возле входа в зажиточный дом. Нижняя часть штанов, напротив, была узкой и облегала икры. Отправляясь в путешествие, никаких сапог незнакомец не надел, предпочтя им туфли на каблуке с пряжкой в виде бабочки. Конан был потрясен, заметив, что бабочка сделана из накрахмаленного шелка и усыпана крошечными драгоценными камушками.

И это — обувь, которую надевают в дорогу? Боги, должно быть, вы и впрямь лишили этого парня остатков рассудка!

Рубаха незнакомца была под стать штанам: расписной шелк. Очень широкие рукава, расшитые бусинами и украшенные бахромой. Рубаха запахивалась на груди и стягивалась тонким поясом.

Ни оружия, ни кошеля с деньгами у незнакомца при себе не было. Темные волосы, полные песка, слиплись от пота; он не захватил с собой даже шляпу!

— Может быть, тебя бросили умирать, отобрав у тебя дорожную одежду и соломенную шляпу? — вырвалось у Конана.

— Что? — Чужак заморгал, удивленный вопросом.

Конан с досадой прикусил губу. Он поклялся себе, что не станет любопытствовать касательно приключений незнакомца. Доставит его в оазис — и избавится от него навсегда. Но увиденное оказалось чересчур диковинным даже для Конана, так что удивление оказалось сильнее желания побыть в одиночестве и не связываться с очередным спутником.

— Меня зовут Югонна, — сказал незнакомец.

— Конан, — буркнул в ответ варвар.

— Конан? Это, кажется, аквилонское имя?

— Я киммериец, и закончим на том все разговоры обо мне, — отозвался Конан. — Полагаю, ты успел понять, с кем имеешь дело.

— Возможно. — Югонна вздохнул.

— Держись за стремя, — сказал Конан. — Пока мы тут стоим и болтаем, время идет, а мы ни на шаг не приближаемся к оазису.

Югонна не спросил, далеко ли оазис, и Конан против воли почувствовал к нему легкую симпатию.

— Протяни руку, — приказал Конан.

Югонна молча повиновался. Киммериец отхватил ножом кусок длинного рукава от шелковой рубахи.

— Обвяжи себе голову и закрой лицо, — сказал он. — Иначе солнце убьет тебя.

Киммериец сел в седло, и они вдвоем двинулись в путь.

* * *

Югонна шел рядом с конем Конана, пошатываясь, но не произнося ни слова жалобы. Несколько раз киммериец останавливался и давал ему воды из бурдюка. Драгоценные бабочки отвалились от туфель Югонны и остались где-то в песках. Затем развалились и сами туфли. Пустыня уничтожила их прежде, чем солнце заметно переместилось на небе.

Теперь Югонна шел по песку босой. Конан увидел, что на пальцах ног он носит перстни. Это было уже чересчур. Конан натянул поводья.

— Садись на коня позади меня, — распорядился варвар. — Ты сожжешь ноги...

Югонна безмолвно забрался на коня. Животное протестующе заржало: было очевидно, что конь не желает нести двойную ношу. Конан потрепал его по гриве. Происходящее все больше и больше раздражало киммерийца. Он хорошо понимал возмущение своего коня. Путешествие начиналось так хорошо! Даже слишком хорошо. В караван-сарае на варвара, желавшего пересечь пустыню в одиночку, посмотрели как на безумца и в долгие беседы с ним вступать не стали. Конь, которого Конан купил незадолго до этого, оказался выносливым и понятливым.

И вот теперь...

... Да еще эти перстни на пальцах ног! Последнее обстоятельство особенно угнетало Конана.

Наконец киммериец не выдержал. Обернувшись к своему спутнику, он спросил:

— Что такой неженка, как ты, делает в пустыне?

— Не знаю, — ответил Югонна.

— Что?

— Я не знаю, — повторил Югонна. — Не понимаю, как здесь очутился.

— Ты утратил память? — уточнил Конан на всякий случай. Он испытал облегчение: итак, никаких коварных спутников, никаких ушедших прочь караванов, никаких просьб догнать и покарать предателей.

— Нет, памяти я не терял, — отозвался Югонна. — Я хорошо помню, как ложился в постель в своем доме в Авенвересе...

— Это где? — перебил Конан.

— Далеко отсюда, это уж точно. Как ты, наверное, догадался, я принадлежу к богатой и знатной семье.

— Угу, — буркнул Конан.

— Я дремал, — продолжал Югонна, — а потом решил спуститься вниз, в комнаты моей матери, и поговорить с ней о... об одном семейном деле.

— Это важно? — спросил Конан.

— Для моей истории? Понятия не имею. В любом случае, я хотел поговорить с ней о моей женитьбе. Я надел туфли и потерял сознание. Когда я очнулся, кругом была пустыня — и никакой надежды на помощь. Вот и все.

— Может быть, тебя усыпили и доставили сюда так, что ты и не знал об этом? — предположил Конан. — Ты не знаешь, существуют ли враги у вашей семьи?

Югонна покачал головой.

— У каждой знатной семьи есть враги, такое в порядке вещей. Но я не думаю, чтобы наши враги прибегли к столь изощренному и трудоемкому способу мести. От меня можно было избавиться куда более простыми средствами. Видишь ли, у меня есть любовница и...

— Это точно не имеет отношения к делу! — оборвал Конан.

— Любой человек, имеющий любовницу, уязвим, — спокойно заключил Югонна. — В ее доме, а также по пути к ее дому его легко убить.

— Знаю, — сказал Конан мрачно.

— Ты, наверное, и сам проделывал подобные штуки, — добавил Югонна.

— Тебя это не касается.

— Хорошо.

И Югонна замолчал.

Неожиданно варвар напрягся. Ему показалось, будто некто следил за ним из укрытия. Он огляделся по сторонам, однако никого не увидел. Кругом по-прежнему расстилалась пустыня, плоская, как блин. Видно было на много полетов стрелы. Никого — ни коня, ни человека, ни демона. Даже орел, круживший в небесах, исчез.

И тем не менее Конан явственно чувствовал чье-то присутствие. Он слишком хорошо знал, как опасно бывает пренебрегать дикарскими инстинктами, особенно когда эти инстинкты предупреждают его о приближении неведомого врага.

В пустыне, помимо врагов, обладающих зримой плотью, водятся враги незримые, вроде духов-ифритов, обитающих в глубине песков.

Но чутье говорило Конану о том, что неведомый наблюдатель — отнюдь не ифрит. Нечто иное.

Мгновение спустя ощущение пропало. Кем бы ни был этот наблюдатель, он скрылся.

Югонна заметил состояние своего спутника и осторожно осведомился:

— Что-то случилось?

— Мне показалось, — буркнул киммериец.

— Что тебе показалось? — уточнил Югонна. Теперь его голос звучал настойчиво.

— Что за нами следят, — ответил варвар. — Разумеется, это невозможно. Мне показалось.

И тут наблюдатель, кем бы он ни был, вернулся. Снова чей-то холодный, недоброжелательный взор устремился на киммерийца. Конан невольно потянулся к своему мечу, но рука его застыла на полпути.

Конан криво усмехнулся. Будь он один, поехал бы с оружием наготове. Но этот Югонна, будь он проклят!

Неожиданно Конану пришло в голову странное соображение. А что, если Югонна знает больше, чем говорит? Что, если сей затерянный в песках аристократ каким-то образом связан с невидимкой? Лучше ему не знать о том, что Конан подозревает.

Конан громко, гортанно вскрикнул и погнал коня вперед. Он торопился добраться до оазиса, но куда важнее было понять, не следует ли за ними некто незримый.

Поэтому киммериец незаметно для Югонны заставил коня описать широкий полукруг, сильно отклонившись от первоначальной цели. Если бы спасенный следил за положением солнца, он догадался бы о маневре варвара. Но Югонна скоро утратил всю свою изначальную боевитость и, казалось, жил от глотка до глотка — он подавал признаки жизни только в тех случаях, когда киммериец протягивал ему бурдюк с водой, а затем вновь впадал в полубессознательное состояние.

«Должно быть, солнце выжгло его рассудок, — размышлял Конан. — Он ничего не рассказывает о подлых предателях только потому, что не может о них вспомнить. Ложился в постель у себя дома? Надел туфли с бабочками, чтобы побеседовать со своей матерью касательно женитьбы? И вдруг очнулся посреди пустыни? Целый кусок жизни выпал из его памяти. Такие вещи бесследно не проходят... Что-то нехорошее здесь творится».

В отличие от своего измученного спутника, Конан хорошо ориентировался по солнцу. Он видел, как петля, которую он описывает, скоро приведет их к тому месту, откуда они начали путь. Здесь он найдет разгадку кое-каким странностям, которые с некоторых пор не дают ему покоя.

* * *

Конан натянул поводья, и конь остановился. Киммериец слез с седла. Югонна заставил себя открыть глаза — в последние часы он не то спал, не то впал в бессознательное состояние.

— Конан...

— Сиди спокойно, — приказал ему киммериец. — Я не собираюсь бросать тебя в пустыне, если ты об этом.

Югонна не стал возражать — то ли от слабости, то ли оттого, что Конан правильно угадал его подозрение. Разумеется, такое поведение варвара не противоречило бы в воспаленном сознании Югонны всему прочему, что произошло с беднягой аристократом. Сперва его бросают в пустыне, оставив ему лишь домашние туфли да нелепую в своей роскоши одежду. Затем спасают. А после опять бросают на прежнем месте. Абсурд тоже может быть последовательным.

Конан присел на корточки, рассматривая песок. То, что он увидел, подтвердило его первоначальную догадку. За ними действительно следили. Некто про-

шел здесь совсем недавно, отпечатки на песке были еще свежими. В пустыне следы сохраняются недолго.

Но это не были следы копыт верблюда или коня. Не похожи они были и на человеческие. Это был отпечаток когтистой лапы какого-то неведомого чудовища.

* * *

Вскочив в седло, Конан направил коня прямо к оазису. Больше никаких уловок, никаких кружных путей. Киммериец спешил. Тревога всадника как будто передалась животному: конь мчался изо всех сил. Югонна не задавал ни одного вопроса. Кажется, он вообще плохо понимал, что происходит вокруг.

Неожиданно перед глазами киммерийца рассыпались искры. Это были бледные, слабо светящиеся искры, как бы растворенный в воздухе блестящий перламутр. Видение длилось недолго; затем свечение сделалось почти совсем незаметным, зато воздух впереди сгустился и стал вязким. Конь испуганно заржал и прянул назад, приседая на задние ноги. Югонна не удержался в седле и свалился на песок. Конан натянул поводья, стараясь успокоить коня.

Но животное обезумевшими от ужаса глазами косило в сторону стеклистого марева. Несколько раз конь взвивался на дыбы и бил в воздухе копытами. Наконец Конан усмирил его и спешился. Конь подталкивал своего хозяина мордой и шумно фыркал.

— Мне и самому все это не нравится, — пробормотал Конан. — Но пустыня порой проделывает странные штуки. Как и море, она любит порой поиздеваться над человеком, и с этим ничего не поделаешь.

Он наклонился к Югонне, который скорчился на песке. Спутник Конана подтянул колени к подбородку и трясся, то ли от озноба, то ли от страха.

— Эй, ты! Отпрыск знатного рода! Вставай!

Югонна, казалось, не слышал его. Зубы бедняги постукивали, выбивая причудливую дробь. Конан хотел было вздернуть его на ноги, но тут странное свечение внутри густого воздуха привлекло внимание киммерийца.

— Кром!

Конан схватился за меч. На сей раз ничто не могло удержать его от порыва взяться за оружие. Что бы там ни думал о нем этот Югонна, Конан намерен встретить неведомое с мечом в руке. Говорят, будто призраков невозможно одолеть доброй сталью. Говорят, будто меч бессилен перед тьмой. Но киммериец не раз убеждался в обратном.

Добрая сталь обладает собственной магией, и магия эта — доблесть. И какие бы ужасы не появились сейчас из глубины перламутрового свечения посреди пустыни, Конан-варвар готов ко встрече с ними.

Сияние делалось все ярче, и скоро до слуха Конана донесся звук: как будто очень крупная птица хлопала крыльями перед тем, как взлететь. Злой орлиный клекот сопровождал это хлопанье.

Орел? Этого не может быть!

Конан на миг глянул на небо. Солнце заметно передвинулось к горизонту, но никаких птиц в небесах не было видно.

Киммериец снова перевел взгляд на сияние. И вовремя! Стеклистая вязкая масса, в которую превратился воздух, расступилась, и, облитые перламутровым сиянием, точно водой, на песок перед киммерийцем выскочили два монстра.

Они были совершенно одинаковы, если не считать того, что один был немного темнее другого. Два огромных льва, в полтора раза больше самого крупного хищника, с гигантскими торчащими из пасти клыками, похожими на кривые туранские сабли.

Вместо обычных львиных лап у них были когтистые ноги, похожие на птичьи, и когда один из них в ярости ударил себя хвостом по ребрам, Конан увидел на кончике хвоста — там, где у обычного льва была бы кисточка, — змеиную голову с разинутой в бешенстве пастью.

Чудовища присели на песке, готовясь к прыжку. Конан зарычал так, словно сам был злобным хищником, и поднял меч. В воздух взвилось могучее львиное тело. В прыжке монстр растопырил когти. Но целил он не в киммерийца, а в Югонну. Конан понял это еще прежде, чем лапы зверя коснулись песка.

С громким боевым кличем Конан набросился на зверя, оттесняя его от своего спутника. Меч с силой опустился на длинный извивающийся хвост. Острый клинок без труда перерубил позвонки, и отсеченная от тела чудовища змея с шипеньем поползла по песку, роняя яд с клыков. Она успела отползти на половину полета стрелы, когда жизнь покинула ее.

Раненый зверь зарычал в ярости и повернулся к киммерийцу. Второй хищник присел и тоже уставился на варвара желтыми глазами, в глубине которых светился нечеловеческий злобный разум.

— Кром! — взревел Конан, набрасываясь на чудовище.

Он нанес рубящий удар, целясь зверю между глаз. Быстрый, как молния, монстр отпрянул и в свою очередь махнул когтистой лапой. Два когтя задели киммерийца по бедру, и он ощутил, как горячая кровь бежит вниз по ноге: эти когти были не только длинными, но и острыми, точно бритва.

Второй монстр подкрадывался к Югонне. Он явно решил не вмешиваться в схватку. Пока его собрат пытается уничтожить Конана — неожиданную помеху на их пути — он сам намерен схватить заранее намеченную жертву.

Югонна со стоном зашевелился на земле. Конан не обращал на него внимания. Он сразу понял, что в битве с жуткими тварями от аристократа толку будет немного и даже испытывал подобие благодарности к Югонне за то, что тот не пытается геройствовать. Неподвижную жертву гораздо легче спасать. Бывают такие «герои», которые решают принять участие в сражении — и потом другие вынуждены рисковать жизнью, чтобы выручить безрассудных храбрецов из беды. Многих неприятностей удалось бы избежать, если бы люди умели оставаться пассивными в тех случаях, когда это необходимо.

Между тем Югонна с трудом поднялся на колени. Он сорвал с головы повязку, которую соорудил было из отрезанного рукава, и снял с мизинца перстень с большим гладко отполированным прозрачным камнем. Не обращая внимания на кипящую возле него битву, Югонна бросил тряпицу на песок и поднес к ней перстень.

Солнечный луч, пойманный прозрачным камнем, упал на тряпицу, и она вдруг задымилась. Югонна засмеялся сквозь зубы. Еще немного — и тряпица вспыхнула.

Между тем Конан успел отсечь первому монстру одну лапу. Зверь, отчаянно завывая, откатился прочь. На песке остались ярко-красные следы звериной крови. Кровь хлестала из разрубленной лапы так обильно, что это казалось чудом.

Второй монстр пришел на помощь собрату. С утробным рычанием он прыгнул на варвара. Конан был готов к этой атаке и встретил чудище ударом меча. Клинок рассек гриву монстра, не причинив самому зверю никакого вреда. Пока Конан разворачивался для нового удара, зверь уже нацелил на него змею, и киммерийцу пришлось спешно отступать. Он не слишком боялся когтистых лап и зубастых пастей, но змеиный яд — другое дело. Оказаться отравленным посреди пустыни, где нет никаких противоядий, означало бы верную смерть.

Змея пролетела совсем близко, не задев щеки киммерийца лишь чудом. Конан ощущал ее зловонное дыхание, слышал разочарованное шипение. Зверь подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе, приземлился на все четыре лапы. Его пылающие глаза смотрели прямо на киммерийца. Глухое рычание зародилось в брюхе существа, и оно разинуло пасть.

Конан отчетливо видел клыки-сабли и застрявшие между зубами зверя кусочки полусгнившей плоти.

Киммериец видел, куда вонзил меч. Он смотрел на обнажившееся фиолетовое нёбо зверя и знал, что клинок, войдя прямо туда, воткнется в мозг чудища.

Но зверь как будто читал мысли своего врага. Он с лязгом захлопнул пасть и в последний миг снова нанес удар лапой.

Конан выбросил вперед руку с мечом, и когти заскрежетали по стали. Один коготь был перерублен, зато удар звериной лапы оказался настолько мощным, что киммериец выронил меч.

Варвар тотчас бросился на песок ничком и откатился в сторону. Следующий удар пришелся на пустое место. Смертоносные когти взрыли песок, взметнули вверх целую тучу пыли.

От разочарования зверь зарычал, широко разевая пасть. Раненое чудовище между тем зализало обрубок, оставшийся на месте отсеченной лапы. Культя перестала кровоточить, и там, где зияло обнаженное мясо, уже появилась тонкая серая кожица. Рана зарастала прямо на глазах, хотя новая лапа у монстра, кажется, пока не появлялась.

Конан быстро оглянулся на второго монстра. Если так будет продолжаться, то долго он не продержится. Между тем безлапый, хромая, направился к Югонне. Он не отступился от своей изначальной цели.

Киммериец больше не сомневался в том, каковы истинные намерения обоих зверей. Они охотились на его спутника. Они охотились на него с самого начала. И, кем бы они ни были и кому бы они ни служили, они каким-то образом связаны с тем, как Югонна очутился посреди пустыни.

Все эти мысли пролетели в голове у варвара, когда он начал подбираться к своему мечу, выпавшему у него из руки. Однако чудища недаром были наделены рассудком. Одно из них сразу же догадалось о намерении своего врага и встало так, чтобы киммерийцу было не схватить меч. Прежде чем Конан сумеет взять оружие, ему придется разорвать монстра голыми руками.

Киммериец вскочил на ноги и яростно взревел:

— Кром!

В это мгновение он ощущал себя не менее диким, чем напавшие на него существа.

Монстр присел. В желтых глазах чудовища вспыхнула радость. Он предвкушал последнюю схватку, в которой у человека будет очень мало шансов.

Но прыгнуть на своего врага чудовище не успело. Безмолвно, как атакующая змея, Югонна метнулся к жуткому зверю. В руке у аристократа дымилась подожженная им тряпица. Выкрикивая какие-то странные ругательства, Югонна взмахнул тряпицей, точно знаменем, и все вокруг заволокло едким дымом. Конан тряхнул головой, как недовольный пес, и заворчал, но тут же замолк, когда увидел, какое впечатление произвел этот маневр на обоих монстров.

Они отступили и, улегшись на песке, принялись жалобно скулить и мотать головами. Из их широко раскрытых желтых глаз потекли обильные слезы.

— Бей их сейчас! — отрывисто бросил Конану Югонна. — Бей их, пока они слепы!

Он снова махнул тряпкой.

— Я сам сейчас ослепну! — рявкнул варвар, бросаясь к своему мечу.

Югонна шел за ним следом, не переставая водить по воздуху тряпкой. Сам аристократ отчаянно закашлялся, когда случайно глотнул дыма, но своего «оружия» из руки не выпустил.

— Проклятье! — закричал Конан. — Ну что, твари, берегитесь!

Первым ударом он добил изувеченного, а затем взялся за второго и для начала избавился от змеи на его хвосте. Обезумевший от страха и внезапно объявшей его темноты зверь, метался по песку взад-вперед, проделывая не более десяти шагов в обе стороны и не решаясь вслепую броситься наутек.

Конан преследовал его молча. Югонна с дымящейся тряпкой в руке смотрел на своего спасителя. Движения варвара были такими же точными и полными грации, как движения любого дикого зверя, хищника, привыкшего убивать добычу. В них угадывалось врожденное благородство.

В несколько прыжков киммериец настиг монстра. Зверь еще пытался обороняться и рычал, оскалившись, но Конан одним мощным ударом отрубил ему голову. Затем выпрямился, обтер лицо краем одежды и сильно пнул гривастую голову зверя. Она откатилась далеко от туловища и пропала за барханом.

Конан перевел дыхание. Он постоял немного над обезглавленным туловищем, а затем широким шагом направился ко второму трупу. Этот зверь больше не двигался, его глаза уже остекленели, а вокруг натекла лужа крови. Но Конан решил не рисковать и тоже отсек ему голову. Варвар наклонился и схватил отрубленную голову за гриву.

— Зачем? — хрипло спросил Югонна.

— Они выскочили ниоткуда, — ответил Конан. — Ты видел, как они появились?

— Кажется... нет.

Югонна бросил тряпицу на песок и затоптал ее, а потом и засыпал песком, чтобы избавиться от удушливого дыма.

— Ты уверен, что не видел их появления? — настойчиво повторил варвар.

— Уверен. Я был без сознания, — сказал Югонна.

— Ладно, тогда я расскажу тебе. — Варвар огляделся по сторонам в поисках своего коня, но животное, напуганное схваткой с монстрами, убежало. Конан несколько раз пронзительно свистнул и криво улыбнулся: — Будем надеяться, что глупая тварь услышит мой призыв и вернется. Не то его ждет бессмысленная гибель в песках. Ладно, слушай, Югонна. Мы с тобой ехали по направлению к оазису, а за нами кто-то наблюдал. Я знаю это точно, потому что всегда чувствую подобные вещи.

— Понимаю, — кивнул Югонна.

Невозмутимый и отчасти важный вид аристократа взбесил киммерийца.

— Понимаешь? — переспросил он издевательским тоном. — Вот и хорошо, что понимаешь. Не знаю уж, кто там за нами следил, но охотился он за тобой. Надеюсь, ЭТО ты понимаешь тоже.

— Ну... да, — сказал Югонна.

— А потом воздух превратился в кисель, и твари вылезли оттуда, как по волшебству, — с кислой миной продолжил Конан. — У тебя есть какие-нибудь объяснения, коль скоро ты все понимаешь?

— Нет, — промолвил Югонна. — Я не в состоянии растолковать случившееся. Пока.

— Пока? Стало быть, потом ответы у тебя появятся? Хорошо бы это случилось поскорее...

— Я тоже этого хотел бы, поверь, — сказал Югонна.

— Они охотились за тобой.

— Я не стал бы утверждать это наверняка. Но... нам стоит поторопиться.

— Сперва подождем, не вернется ли конь. Пешком мы далеко не уйдем.

Югонна пожал плечами.

Он изо всех сил старался держать себя в руках, но Конан видел: спокойствие аристократа напускное. Он то и дело озирался по сторонам, прислушивался, нервно потирал руки.

— За тобой кто-то гонится? — спросил Конан.

— Нет... почему ты так решил?

— Потому что ты испуган.

— Конан, я испуган потому, что видел этих монстров. Они пытались убить нас... не говоря уж о том, что я понятия не имею о причинах своего появления в этой пустыне. Неужели этого недостаточно?

Киммериец не ответил. Он подождал немного, а затем резко хлопнул в ладоши. Югонна так и подскочил. Конан невесело засмеялся.

— Все-таки ты боишься.

— Я этого, кажется, не отрицал, — сердито проговорил Югонна. — Хватит потешаться надо мной.

— Нет ничего смешнее разодетого франта посреди пустыни, — заявил Конан. Он размахнулся и бросил гривастую голову далеко прочь.

— Давай пойдем. Чем дольше мы стоим, тем больше времени потеряем.

— Подождем еще немного. Конь мог убежать достаточно далеко.

Югонна сделал шаг, словно намеревался пойти дальше один, но затем замер на месте и прислушался. Слабая улыбка показалась на его лице.

Конан тоже услышал ржание коня и оглянулся. Умное животное вернулось. Конан подбежал к нему, погладил по морде.

— Молодец.

Он снял притороченный к седлу бурдюк — изрядно похудевший за последние несколько часов — и отпил сам, после чего позволил напиться своему спутнику.

— Солнце скоро сядет, и в воде уже не будет такой надобности, а к середине ночи мы будем в оазисе, — пояснил киммериец. — Так что не считай глотки. Просто взбодрись, нам еще ехать и ехать.

Югонна так и поступил. Когда Конан забрал у него бурдюк, вода булькала только на дне.

Оба путника уселись в седло и двинулись дальше. Как и говорил Конан, до оазиса еще оставалось значительное расстояние.

* * *

Скоро Югонна вновь впал в полузабытье. Тяжелые мысли ворочались в голове у Конана. Ему все меньше и меньше нравилась история, в которую он против своей воли ввязался. В том, что Югонна отчасти говорит правду, Конан не сомневался. Вероятно, аристократ действительно в последний раз помнил себя в собственном доме, в спальне, а переезд в пустыню остался для него загадкой. Здесь он не лжет. Ни один, даже самый изощренный лжец, не наденет такую обувь для путешествия по пустынной местности.

Вспомнив злосчастных бабочек на туфлях своего спутника, киммериец не смог сдержаться и насмешливо фыркнул. Да уж! Выдумают же такое!..

А вот появление жутких тварей из пустоты... здесь Югонна явно что-то недоговаривал. Он несомненно встречался с подобными существами и прежде. В противном случае откуда бы Югонне знать, что от дыма монстры задыхаются, слепнут и становятся на какое-то время совершенно беспомощными?

Кто он такой, этот Югонна? Почему за ним охотятся? Что им нужно от этого человека? И кто такие эти непонятные «они»?

Опять загадка — и Конан в самом ее центре.

Глава вторая
Вести о странной женщине

Рогатый месяц показался на черном небосклоне и увенчал собою ночь. Стало прохладно. Раскаленные пески пустыни нехотя отдавали свой жар. Усталый конь взбодрился и пошел быстрее. Даже Югонна очнулся от своего полузабытья и уселся за спиной Конана прямо — в последние несколько колоколов чужак бессильно наваливался на своего спутника, как будто жизнь окончательно оставила его.

Оазис появился перед путешественниками среди ночи. В первые мгновение, как всегда, он предстал почти невозможным видением. Казалось невероятным, чтобы после бесконечных песков вдруг перед глазами вырос настоящий город. И тем не менее все это существовало в действительности: и обильная роща финиковых пальм, и десятки домов, белеющих в ночном мраке, и приветливые огни караван-сарая, и рослые стражники в тяжелых халатах, с саблями за поясом, охраняющие водопой.

Почуяв близость воды, конь заржал и помчался во весь опор, больше не чувствуя на себе тяжести двойной ноши.

Югонна встрепенулся.

— Это мне не чудится? — спросил он хрипло.

— Нет, — ответил киммериец. — Мы прибыли. Это оазис Шахба. Здесь можно передохнуть, пополнить запасы, а потом отправляться дальше в путь... Надеюсь, — прибавил он, — у тебя водятся деньги, потому что хозяева оазиса — люди жадные и требуют платы решительно за все, даже за клочок неба над головой, ведь это их собственный клочок неба.

— Их можно понять, — мягко промолвил Югонна. — Ведь здешняя вода — единственный источник их богатства.

— Не спеши оправдывать этих акул, — возразил Конан. — Они способны дать умереть тебе от жажды прямо возле их ног, если ты не в состоянии заплатить за глоток воды.

— Неужели это правда? — удивился Югонна.

— Да. Хотя обычно у человека всегда что-нибудь да находится. Близость смерти обостряет сообразительность... Но мне бы не хотелось платить за тебя, вот что я хотел, собственно, сказать, Югонна.

— Не беспокойся, — по голосу Югонны Конан понял, что тот улыбается. — Тебе не придется выкладывать ни монеты. У меня есть деньги.

Ночная тьма придавала пейзажу какую-то эпическую торжественность. Финики свисали большими гроздьями. В просторных вольерах, разбуженные чужаками, завопили обезьяны, привезенные сюда специально для сбора урожая: в здешнем оазисе традиционно использовали для подобных работ животных. И хотя обезьяны съедали часть собранного, все же их хозяева оставались не в накладе. Найм работников обошелся бы куда дороже.

Для Югонны все это было в новинку. Он молчал, озираясь по сторонам и жадно впитывая новые впечатления. Конан мимоходом отметил про себя: какие бы испытания ни пережил этот человек, он все же не утратил способности интересоваться окружающим и даже удивляться. Признак сильного характера.

Конан подошел к источнику. Стражи повернулись к нему. Это были рабы откуда-то из Южных Королевств, чернокожие, огромного роста, неподкупные, неспособные внимать ни уговорам, ни лести, ни слезам. Они знали лишь один язык — язык денег, как и предупреждал Конан.

Длинные копья в их руках шевельнулись, готовые направиться в грудь незнакомцам.

Конан протянул одному из стражей пару монет, а его спутник снял с мизинца ноги перстень и добавил свою лепту. Стражники переглянулись, в лунном свете белки их глаз блеснули. Не сговариваясь, молча, они расступились, пропуская путников к воде.

Конан дал напиться коню, после чего пополнил запас в бурдюке и только затем выпил сам. Югонна терпеливо ожидал, пока настанет его очередь, хотя и дрожал всем телом в нетерпении. И снова Конан поразился его выдержке. Югонна не проронил ни слова. И хотя каждая частица естества незнакомца рвалась к воде, он продолжал сохранять невозмутимость.

— Здесь есть постоялый двор, — обратился к нему Конан. — Можно заночевать там. Немного шумно, когда там останавливается караван, но в целом сносно. И можно поесть и купить в дорогу лепешек и сушеного мяса. Кстати, постоялые дворы здесь называются «сарай», имей в виду.

— Хорошо, — кивнул Югонна.

— Я рассказываю тебе все это потому, что намерен здесь с тобой распрощаться, — объяснил киммериец, пока они шагали по направлению к караван-сараю.

Найти это здание оказалось совсем просто: оно единственное было построено из камня, а не из пальмовых листьев и комьев глины, и к тому же ярко освещено, несмотря на поздний колокол.

Югонна почти не слушал. Он смотрел на длинный дом с множеством кро-

хотных прорезей-окон на фасаде, как будто пытался вопрошать его: какая здесь ожидает его судьба?

Идти босиком по прохладному песку было приятно. Но что ждет Югонну утром, когда солнце раскалит пески? Нежные ступни растрескаются, начнут кровоточить, и это убьет его вернее, чем вражеская стрела.

— Кстати, купи себе сапоги, — прибавил Конан хмуро. — Спроси харчевника, он присоветует, как это сделать.

— Так и сделаю.

Они вошли в широко раскрытые ворота и очутились во дворе. Здесь все кишело: верблюды, кони, ослы, наваленные горой тюки с товаром, сундуки, носилки, которые обычно возят на двух верблюдах, повозки и телеги — все это загромождало двор. Некоторые животные флегматично жевали, поглядывая по сторонам, иные беспокойно трясли головами и принимались кричать при первом же случае.

На кучах тюков полулежали стражники с обнаженными саблями. Они болтали, жевали какую-то одурманивающую жвачку и тупо смотрели на проходящих мимо путников. Впрочем, насколько знал Конан, при первом же признаке опасности они хватались за оружие и разили подозрительного человека с безрассудной отвагой.

— Не смотри на них, — прошептал киммериец своему спутнику. — Иначе они решат, что ты оцениваешь их товар и пытаешься что-то украсть. А если им придет такое в голову, они не станут ни о чем спрашивать и просто-напросто убьют тебя.

— Но я ведь даже не приближаюсь к ним, — шепнул в ответ Югонна. — Зачем же им убивать меня?

— Посмотри на их глаза. Они одурманены своим зельем, для них доводы рассудка — ничто, и страха для них тоже не существует. Имей это в виду, когда будешь странствовать по здешним краям.

— Хорошо, — кивнул Югонна и больше не проронил ни слова.

Они пробрались ко входу в само здание. Оно было одноэтажным и не имело обычного для постоялых дворов разделения на общий зал и отдельные комнаты для постояльцев. Единственное помещение представляло собой и общий зал, и место для ночлега. Дальше от очага спали более богатые путешественники — их не тревожили бесконечные хождения взад-вперед других постояльцев и ночные трапезы. Бедняки лежали вповалку ближе к проходу.

Конан привязал коня у пустой коновязи и засыпал ему зерна в кормушку. Югонна покосился на Конана, и киммериец объяснил:

— Хочешь спросить, почему эти рвачи не взяли с меня деньги за зерно?

Югонна улыбнулся.

— Ты читаешь мои мысли, киммериец.

— Когда я говорил, что здесь позволят человеку умереть от голода и жажды, я имел в виду именно это, — сказал Конан. — Человек стоит в пустыне недорого, и его жизнью действительно не дорожат. Другое дело — лошадь. Коню

позволят напиться даже без денег, и накормить его можно тоже бесплатно. А вот если бы я взял горсть зерна для себя самого — тут, поверь мне, тотчас набежали бы блюстители и начали бы выворачивать мой кошелек.

— В каждой стране свои обычаи, — произнес Югонна. Конан понял, что с помощью этой фразы его новый знакомец удержался от осуждающих замечаний в адрес обитателей оазиса.

Хозяин заведения не спал. Если бы его постояльцы были более внимательны к людям, они непременно задались бы вопросом: а когда он вообще спит? В любое время суток его можно было застать бодрствующим.

Объяснение этому имелось, и очень простое. Много зим назад хозяин приучил себя спать урывками, в любой момент, когда удается прикорнуть.

Кроме того, он пользовался различными снадобьями для бодрости духа.

Оглядев Конана и его спутника, хозяин удовлетворенно хмыкнул.

— Все лучшие места уже заняты, так что придется вам ночевать возле самого очага, — предупредил он. — Зато я могу хорошо накормить вас. Кажется, деньги при вас водятся. Знаете, — словоохотливо добавил хозяин, — всегда ведь заметно, при деньгах человек или с дырой в кошельке. Осанка другая...

Конан протянул ему три серебряных монеты.

— Это за меня, — сказал киммериец в ответ на вопросительный взор хозяина. — Подай мне мяса и, если найдешь, вина. Кроме того, я хочу купить кое-чего в дорогу.

— Здесь мало для оплаты за двоих, — взор хозяина прояснился. — Но если у второго господина есть чем оплатить свое содержание...

Югонна ловко распахнул шелковую рубаху и открыл пояс, туго схватывающий его талию.

— Здесь у меня кое-что сохранилось, — сказал он. — Я хочу побыть в одиночестве, поэтому подай мне, что найдешь съестного на своей кухне, вон в тот угол. А я тем временем достану монеты.

— Понимаю, — кивнул хозяин. — Иной раз на то, чтобы вытащить деньги, требуется время. Но если ты обманул и денег у тебя нет...

— То ты продашь меня в рабство, — заключил Югонна, улыбаясь уверенно.

— Нет, просто убью, — ответил хозяин так спокойно, что у Югонны мороз пробежал по коже.

Конан оценил деликатность случайного знакомца. В разговорах киммериец не раз упоминал при нем о том, что избрал путь через пустыню именно для того, чтобы избавиться от всякой компании. И теперь, едва только они добрались до оазиса, Югонна спешил освободить Конана от своего общества.

Киммериец уселся возле очага, скрестив ноги, и скоро ему подали большой кусок плохо прожаренной баранины и кувшин с разбавленным вином. Конан принялся за позднюю трапезу.

Он уже совсем было выкинул из головы Югонну со всеми его загадками, как вдруг хозяин подсел к киммерийцу и доверительно проговорил:

— А знаете, господин варвар, что я вам скажу...

Конан поднял на хозяина убийственный взор. Более догадливый человек давно бы убрался прочь, встретившись с таким взглядом, но хозяин был не из таковских. У него имелось, что сообщить киммерийцу, и он не уйдет, не выполнив задуманного. Как все трактирщики, он был любопытен.

— Чудно одет ваш приятель, — продолжал хозяин.

— Да, одежка странная, — согласился Конан с набитым ртом.

— Совсем не для пустыни, верно?

— В самую точку.

— И босой. У него была хоть какая-то обувь?

— С бабочками, — лаконически ответил Конан.

— И что с нею стало?

— Улетела.

— Понятно... — Хозяин вздохнул, оглянулся на Югонну. Тот пил кислое молоко и жевал лепешки, обмакивая их в чашку с молоком, и явно не подозревал о том, что харчевник с киммерийцем обсуждают его.

— Что-то с ним не так? — спросил Конан.

— Просто не возьму в толк, как такой человек, как вы, оказались в столь странной и неподходящей компании.

— Это уж не твое дело, — сказал киммериец.

— Как знать, — ответил хозяин, поднимаясь. — А только тут была пару дней назад женщина.

— О! — вымолвил Конан. — Странно!

— Она путешествовала одна.

— Действительно странно. Хотя и такое случается.

— И одета была похоже.

— С бабочками?

— Вы мне не верите, — зашептал хозяин, то и дело косясь в сторону Югонны, — а ведь я правду говорю. Чудная была, вроде этого, который с вами приехал. Глазищи на пол-лица, темные, а сама бледная, как молоко. Платье — как у него рубаха, пояс под грудью, а когда ходит — видны штаны, и тоже с пузырями сверху, как бы подвязанные... Вот в точности как у него.

— Может быть, сейчас такое в моде где-нибудь в Аквилонии, среди тамошних аристократов, а мы здесь сидим посреди пустыни и ничего такого не знаем, — возразил Конан.

Харчевник с хитрой улыбкой покачал головой.

— За кого вы меня принимаете, господин варвар? Уж я-то хорошо знаю, что и где нынче в моде. Через мой караван-сарай проходят сотни торговцев, каждый со своим товаром. Они везут шелка и пряности, и готовое платье, и украшения... И все любят поговорить. Такой уж народ — болтливый. Рассказывают, что выгодно продавать, а что не окупится, будь товар хоть трижды хорош. Нет такой моды — штаны с пузырями и рубаха с прорезями почти до пят. Нигде нет. И ни один торговец такой одежды не везет. Да и сам этот шелк... Вы к нему хоть приглядывались?

— Не было времени, — отрезал киммериец.

— И напрасно! Роспись ручная, я такой не видывал. Без трафаретов, понимаете? Как будто художник рисовал. Или каллиграф.

— Не вижу в этом ничего особенного. Кхитайские богачи любят такие вещи.

— Любят! Но роспись не кхитайская. Уж это-то вы могли бы заметить. И шелк слишком плотной выделки. Такого тоже сейчас не делают. Во всяком случае, я не встречал.

— Мало ли чего ты не встречал, — проворчал Конан. — У меня была любовница, воровка и акробатка, женщина всяческих достоинств, — ее ты тоже, полагаю, не встречал.

— Зонара? — улыбнулся караванщик. — Нет, ошибаетесь, любезный: ее я встречал пару раз...

Конан только развел руками.

Хозяин, довольный тем, что последнее слово осталось за ним, отошел от киммерийца, предоставив тому в одиночестве дожевывать мясо, а заодно и осмыслять полученные сведения.

Ничего нового Конан, собственно, о своем спутнике не узнал. Одежда странная? Не заметил бы этого только слепой.

А вот наличие некоей женщины, одетой похожим образом, удивило киммерийца по-настоящему.

И если такой моды действительно нет нигде в Хайборийском мире, значит, эта женщина каким-то образом связана с Югонной...

Конан достал из кошеля монету и положил рядом с кувшином.

Хозяин тотчас появился рядом и услужливо улыбнулся. Он поклонился киммерийцу:

— Что угодно господину?

Когда хозяин выпрямился, монета уже исчезла. Конан восхитился ловкостью, с которой это было проделано.

— Расскажи еще про ту женщину.

— Про какую женщину?

— Не притворяйся! — рыкнул киммериец. — Ты понял, о ком я спрашиваю.

— А, про ту — бледную, в чудном наряде... — Трактирщик задумался. — Ничего особенного. Расплатилась драгоценностями. Отдала кольцо с камнем. Простое колечко, но камень хорош. Денег у нее при себе не было. Впрочем, она бы и телом могла бы расплатиться, охотники бы нашлись... И вот еще что. Конь у нее был такой же чудной, как и она сама. Или верблюд? Тут уж все сбежались поглазеть.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Конан.

— Имею в виду чудного верблюда, — упрямо повторил хозяин. — Размером он точно был с верблюда. Ноги мощные, копыта раздвоенные и лохматые сверху, понимаешь? Вот эдакие. — Он растопырил пальцы руки. — А шея длинная, длинней, чем надо. Раза в полтора длинней, думаю. И голова крупная,

мясистая, а глазки маленькие и почти без ресниц. Мы его хорошенько рассмотрели, этого зверя. Он сперва зерно брать не хотел. Как будто никогда прежде зерна не видел. Потом, правда, распробовал. И даже понравилось ему. Странный, говорю тебе.

— Все это странно, — промолвил Конан.

Хозяин подмигнул ему и отошел.

Киммериец скоро растянулся прямо там же, где сидел, заложил руки за голову и заснул крепким сном без сновидений.

* * *

Между тем Югонна все не знал, на что ему решиться. Он покончил с трапезой и наконец снял пояс. Как он и говорил Конану, прежде чем очутиться в пустыне, он находился у себя дома, в спальне. В поясе этом он носил несколько монет на счастье, согласно обычаю, принятому в семье. Когда мать преподносила Югонне пояс, она объяснила:

— Ты никогда не должен расставаться с этой вещью. В пояс зашито десять монет. Таков обычай. И хотя мы давно уже утратили нужду в том, чтобы постоянно иметь под рукой деньги, память об этом не умрет. Наши предки построили благосостояние семьи благодаря тому, что всегда могли расплатиться за услуги. И пояс — напоминание об этом.

— Я понял, — кивнул Югонна.

Странно, что слова матери сбылись буквально. Югонне никогда и в голову не приходило, что пояс с монетами может стать чем-то большим, нежели просто символ.

Он вытащил золотую монету и положил ее на ладонь. Она была красива, в своем роде совершенна: треугольная, исписанная знаками на одной стороне и украшенная изображением сидящей богини — на другой.

Эта монета поможет ему расплатиться за ночлег и еду. А что ожидает его дальше? Куда ему отправиться? Где его дом? Югонна даже приблизительно не представлял себе, в какую сторону ему направиться...

Краем уха он уловил обрывок разговора Конана с хозяином. Те, очевидно, считали Югонну чем-то вроде слабоумного, потому что обсуждали его самого в его же присутствии и даже не считали нужным понизить голос.

Он услышал: «... чудная одежда... женщина, одетая так же... и верблюд странный, с длинной шеей...»

Югонна поднял руку, подзывая хозяина. Тот приблизился, встал рядом, всем своим видом выражая готовность услужить.

— О чем вы только что говорили с киммерийцем? — требовательно спросил Югонна.

— Но, господин, вряд ли тема нашего разговора может заинтересовать вас, — харчевник отвел взгляд.

— Если я спрашиваю, значит, меня это интересует, — возразил Югонна.

— Господин, — твердо произнес харчевник, — я не могу пересказывать вам то, что говорил другому постояльцу. Это невежливо по отношению к нему.

— Да? — Югонна прищурился. — А обсуждать мой внешний вид и мои манеры в моем же присутствии — это, по-вашему, вежливо?

— Если мы и делали это, то без всякого недоброжелательства.

— Вот как? Коли вы оба такие мои доброжелатели, то и скрывать вам нечего, так что выкладывай правду.

Югонна раздвинул пальцы, и в просвет мелькнул золотой отблеск монеты, которую он накрыл ладонью при приближении хозяина.

Глаза у харчевника загорелись ответным блеском. Он опять поклонился своему гостю.

— Кажется, я увидел что-то блестящее.

— Точно.

— Возможно, я могу рассказать кусочек нашей беседы. Так, самый незначительный и невинный. Ничего особенного и уж конечно никакого недоброжелательства.

— Сделай милость.

— Я говорил, что видел женщину, одетую похожим образом. Мода, видите ли, весьма странная. Обращает на себя внимание. И женщина эта ехала на верблюде со слишком длинной шеей и, что странно, с маленькими глазками. У верблюдов, если вы имели удовольствие наблюдать их, глаза обычно большие, как у красивой женщины.

— Выпученные, ты хотел сказать?

— Выпученные? Я хотел сказать — большие, — харчевник выглядел оскорбленным, как будто замечание касательно глаз верблюдов чем-то его задело. — Словом, вот такой странный был у нее скакун. А одежда точно как у вас, только женская — рубаха длинная.

— Куда она направлялась? — спросил Югонна.

— В сторону караванной тропы на Кхитай.

— Благодарю. — Югонна сжал пальцы, поднял руку с монетой и повернул ее ладонью вверх. — Надеюсь, золотого хватит для того, чтобы окупить все расходы на мою персону и беспокойство, мною причиненное.

— И заботы о вашей безопасности, — подхватил харчевник. Но когда Югонна подал ему монету, харчевник отшатнулся в ужасе, словно увидел гремучую змею.

— Что это?

— Ты о чем? — Югонна удивленно уставился на хозяина. — Что тебя так испугало?

— Это. — Хозяин показал на монету. — Что это такое?

— Деньги.

— Это что угодно, только не деньги! — выкрикнул хозяин, дрожа. — Уберите эту отвратительную штуку!

— Ты с ума сошел, любезный! — Югонна повысил голос и теперь разгова-

ривал с харчевником так, словно тот был его слугой, в чем-то провинившимся. — Что ты называешь «отвратительной штукой»? Это ведь золотой!

— Да пусть он хоть из чистого алмаза, — пробормотал хозяин. — Треугольник. Проклятый символ. Кто ты такой? Кто ты, а? Ты, с твоими штанами жуткого вида, с твоей странной рубахой без рукава — это такая мода, да?

— Нет, рубаха пострадала во время путешествия, — криво усмехнулся Югонна.

Но трактирщик продолжал смотреть на него с ужасом и отвращением.

— Кто ты такой? — повторил он шепотом. — Почему твои деньги треугольные?

— Объясни для начала, что дурного в треугольной монете, — попросил Югонна.

— Я поклоняюсь солнцу, — ответил хозяин и нарисовал круг в воздухе. — Митра — мой бог, тот, кому я возношу мои молитвы, кому вверяю мою судьбу. Здесь, в пустыне, солнце — жестокий и требовательный бог. Это не такое божество, к которому можно относиться легкомысленно. Солнце в состоянии убить тебя одним лучом. Ни один человек в здравом уме, обитая посреди пустыни, не станет оскорблять такого бога. Если солнцу станет неугодно мое поклонение, оно выпьет наш источник вод, и мы погибнем. Мы все погибнем! А ты предлагаешь мне монету в форме треугольника! Да это же кощунство!

Плюясь и делая пальцами знаки для отвращения беды, хозяин отошел от Югонны. Отступая, он пятился спиной вперед в опасении — как бы опасный незнакомец не наслал на него каких-нибудь жутких чар.

И потому не заметил, как очутился возле спящего киммерийца.

Когда о Конана споткнулись, он тотчас пробудился. С проклятьем схватился за оружие и вскочил. При этом хозяин сильно стукнулся лбом и не удержал равновесия, так что они с Конаном, сплетясь, снова рухнули на пол — на сей раз оба. Конан сомкнул ручищи на шее хозяина и прорычал:

— Почему ты напал на меня?

Но полузадушенный хозяин не в состоянии был вымолвить ни слова.

Конан выпустил его. Харчевник закашлялся и не мог прийти в себя довольно долго. Наконец он прохрипел:

— Прости. Я тебя не заметил.

— Меня? Не заметил? — изумился огромный киммериец.

— Да, потому что я шел спиной вперед.

— Он боялся, что я запущу в него чем-нибудь тяжелым, — подал голос Югонна, приближаясь.

Завидев его, хозяин дернулся, как будто хотел бежать, но Конан удержал его на месте.

— В чем дело? — осведомился киммериец. — Коль скоро мне помешали спать, я желаю знать причины. Да говорите поживей, вы оба, иначе я придушу вас по очереди.

Он встряхнул хозяина за плечо. Тот послушно начал:

— У него треугольные деньги. Я таких никогда не видел.

— Покажи, — велел Конан Югонне.

Тот, пожав плечами, протянул киммерийцу монету. Конан взял ее, повертел в руке, попробовал на зуб.

— Золото, — определил киммериец. — Довольно красивая. Работа искусная. Сразу видно, что монета большого достоинства. Интересно, кто такие чеканит?

— Князь Лемуан, — сказал Югонна. — Разве ты не умеешь читать?

Он перевернул монету, лежавшую на широкой ладони Конана, и показал значки.

— Не на всех языках, — буркнул Конан. — Что за князь Лемуан? Впервые слышу такое имя.

— Я же говорил! — вставил хозяин. — Все это весьма подозрительно.

— А? — Конан посмотрел на харчевника так, словно видел его впервые. — Больше тебе нечего сказать? В таком случае, ступай. Ты мне прискучил.

Он отпустил хозяина, и тот почти мгновенно исчез. А Конан уставился на Югонну с интересом.

— Чем же ты так перепугал его?

Югонна уселся рядом с киммерийцем.

— Похоже, не судьба нам с тобой расстаться, Конан, — заговорил он.

Конан нахмурился.

— Почему? Кажется, мы договорились, что начиная с оазиса каждый пойдет своей дорогой.

Югонна как будто не заметил этих слов.

— Скажи, Конан, как тебе понравились мои деньги?

Киммериец поднес к глазам золотой треугольник и долго смотрел на него. Затем перевел взгляд на Югонну:

— Это золото, вот и все, что я могу тебе сказать. Золото очень хорошего качества, добавлю как человек, имевший много дел с этим желтым металлом. Какую форму ему ни придай, оно останется золотом. И наверняка есть место, где эти монеты принимают с большим удовольствием.

— Да, — серьезно подтвердил Югонна. — Там, откуда я родом, на такую монету можно купить очень красивую наложницу, или породистую лошадь, или несколько книг в кожаном переплете, или десять, а то и пятнадцать мешков отборного зерна... Продолжать?

— Я понял, — кивнул Конан. — Осталось только найти то место, откуда ты родом, и предъявить деньги. Впрочем, золото обладает способностью находить себе друзей в любой местности.

— Как выяснилось — нет.

— Наш хозяин поклоняется солнцу, — возразил Конан. — Его религиозные принципы очень сильны и обладают одной неприятной особенностью, кото-

рая вообще свойственная религиозным принципам: они зачастую берут верх над здравым смыслом.

— А у тебя не так?

— Нет, — сказал Конан. — Мой бог — Кром, а Крому нет никакого дела до людей и уж тем более — до того, какую форму они придают своим монетам.

— В таком случае, я хотел бы нанять тебя, — сказал Югонна. — У меня есть еще девять таких монет, и ты получишь по крайней мере половину, если доведешь меня до караванной тропы на Кхитай.

— Зачем тебе туда?

— Если верить нашему хозяину, именно в том направлении ехала женщина, одетая по той же моде, что и я.

Конан вздохнул. В конце концов, все обернулось именно так, как он и предвидел. И даже если Югонна сперва вел себя совершенно неожиданным образом, то в конце концов сделал то, что от него ожидалось с самого начала: попытался нанять Конана в проводники.

И, естественно, Конан не нашел в себе сил отказаться: Югонна предлагал хорошие деньги. А кроме того — киммериец не хотел себе признаваться в этом, но это было именно так, — некая тайна, окружавшая Югонну, становилась все интересней и дикарское любопытство киммерийца с легкостью победило осторожность.

— Ладно, — пробурчал Конан. — Я согласен. В конце концов, до кхитайской караванной тропы не так уж и далеко. Там ты встретишь какой-нибудь большой караван и сможешь присоединиться к нему. Только придется купить тебе лошадь — мой конек явно не в восторге от того, что сегодня мы ехали на нем вдвоем.

Югонна сжал плечо Конана и отошел на свое место возле очага, где и заснул, так безмятежно, словно ночевал не в караван-сарае, среди чужаков, посреди безводной пустыни, а у себя дома, в той самой шелковой постели, где устраивался на ночлег накануне — до того, как начались его приключения.

Глава третья
Похождения разбойника

Разбойник Ширкух не спешил. Он промышлял в этих песках уже второй десяток зим и до сих пор не знал неудачи. Его жертвами становились одиночки, отбившиеся от караванов, гонцы, отчаянные малые, отправившиеся в странствия в поисках счастья... Всех их ожидал один и тот же конец: неожиданно из-за бархана перед ними появлялся Ширкух, красивый, рослый, смуглый, с белозубой улыбкой на лице. Один взмах сабли — и бездыханное тело валится на пески, захлебываясь кровью.

Иногда добыча Ширкуха оказывалась богатой, иногда — ничтожной, но он не пренебрегал ни одним встречным. Это позволяло ему процветать.

О нем ходили самые разные слухи. Никто из встретившихся с Ширкухом не оставался в живых, чтобы рассказать остальным — как выглядит легендарный разбойник, каков его обычай.

У него не было своей шайки. Он охотился как волк-одиночка, чтобы ни с кем не делиться ни опасностями, ни добычей.

А этот путник вообще представлялся Ширкуху недостойным даже того, чтобы всерьез размышлять над тем, как лучше нанести удар. Казалось, нет ничего проще: просто подъезжай к нему и бери голыми руками.

Ширкух заметил его на закате. По пескам шел немолодой мужчина. Все в этом человеке было странным. Возможно, кто-нибудь и насторожился бы, приметив столь необычную фигуру посреди пустыни, но только не Ширкух: знаменитый разбойник считал ниже своего достоинства удивляться чему-либо.

Что с того, что путник немолод? Седые волосы, красиво уложенные локонами, ниспадали на широкие плечи незнакомца. Ясные глаза глядели на луну так, словно ожидали от нее откровения, и луна щедро заливала бледным светом роскошный парчовый халат путника, его нижнюю рубаху, и еще одну рубаху, выглядывающую из-под первой.

Эта трехслойная одежда красиво колыхалась при ходьбе, ее длинные полы собирались в причудливые складки.

На ногах у старика были мягкие сапожки, украшенные драгоценными камнями и вышивками. Если бы он сидел верхом на лошади, это еще можно было бы понять, но он шел в подобной обуви пешком!

Ширкух ухмылялся, наблюдая за своей будущей жертвой. Чего только не встретишь в пустыне! Впрочем, к чему рассуждать о неразумии старого глупца? Чем легче захватить добычу, тем лучше. Ширкух не принадлежал к числу тех дураков, что воображают, будто трудная победа приносит им много чести.

Коль скоро Ширкух всегда был один, некому будет восхититься его храбростью и ловкостью, а потому легкая добыча всегда будет предпочтительней.

Итак, старик был роскошно одет. Первая странность. Вторая — он находился в пустыне один. Его не сопровождали слуги, не было рядом телохранителя — вообще никого. Третья удивительная особенность старца заключалась в том, что он даже не шел по пустыне, а как бы прогуливался. Можно подумать, он совершает приятную прогулку где-нибудь в прохладном саду, среди фонтанов, а не среди барханов.

Последнее обстоятельство взбесило Ширкуха больше всего. Ну надо же! Можно подумать, что в пустыне нет никаких опасностей! Не бывает песчаных бурь, налетающих внезапно и убивающих все живое, нет смертоносных солнечных лучей, не водится хищников... не говоря уж о разбойниках.

Ширкух пришпорил коня и неожиданно предстал перед путником. Широко и приветливо улыбаясь, как он это делал всегда, Ширкух воскликнул:

— Какая удивительная встреча!

— Воистину так, — ответил старик. — Встреча удивительная... Но скажи мне, дитя мое, что ты делаешь посреди этой пустыни один? Разве ты не знаешь, что здесь может быть небезопасно?

— Вот так дела! — вскричал Ширкух. — А я-то думал, что только меня одного беспокоят подобные обстоятельства. Частенько я задаю одиноким путникам этот вопрос... И знаешь что, старик? Ни один из спрошенных мною еще не дал мне внятного ответа.

— Полагаю, все они мертвы, — заметил старик.

— Ты зришь в самую суть вещей, — вежливо ответил Ширкух. — Но я обязан был покарать их за неразумие.

— И кто поставил тебя здесь карателем? — прищурился старик.

— Я сам назначил себя на эту должность, — ответил Ширкух. — И раз до сих пор никто не оспорил этого моего права, я остаюсь при своем.

— А, — промолвил старик и склонил голову набок, рассматривая Ширкуха так, словно тот изрядно его позабавил.

Ширкух вдруг покраснел от гнева.

Он понял, что путник попросту издевается над ним. Испустив яростный боевой клич, он выхватил саблю и помчался прямо на старика. Разбойник замахнулся, намереваясь снести старцу голову и покончить с ним раз и навсегда, но старик ловко отскочил. Казалось, он не перепрыгнул, а перелетел с бархана на бархан. В лунном свете блеснуло лезвие, и маленький метательный кинжал вонзился Ширкуху в щеку.

Разбойник взвыл и развернул коня.

Он снова помчался в атаку на упрямого старика. И снова тот успел увернуться, поднырнув под живот коня и выскочив с другой стороны. Второй крохотный метательный кинжальчик воткнулся в плечо Ширкуха. Третий, брошенный почти мгновенно вслед за вторым, пронзил ладонь разбойника, и тот выронил саблю.

Одним стремительным броском старик метнулся к упавшей сабле и наступил на нее.

— Ты побежден, — обратился он к разбойнику. Тон старика был суровым, взгляд — пронзительным. Теперь Ширкух поразился тому, как мог не замечать властной осанки старца. Совершенно очевидно, этот человек привык повелевать другими.

«Может быть, это маг, — в ужасе подумал разбойник. — Как я мог так ошибиться? Но откуда в нашей пустыне маг? Здесь они не встречаются просто потому, что здесь нет ничего интересного... ничего интересного для магов».

Впрочем, разбойник счел за благо промолчать.

— Так ты признаешь мою победу? — осведомился старик.

— Да, — хрипло кивнул разбойник.

Старик безжалостно выдернул свои кинжалы из тела покорившегося ему

пленника. Тот лишь вскрикивал при каждом новом рывке, а затем обмяк на песке у ног старика.

— Очень разумно, Ширкух, — сказал старик. — Потому что если бы ты не согласился подчиниться мне, пришлось бы убить тебя и искать кого-нибудь другого.

— Да, — тупо повторил разбойник.

Старик ударил его по лицу.

— Приди в себя! Мне не нужны слуги, которые ничего бы не соображали и только твердили «да, господин!» Если бы я захотел завести таких, я купил бы на рынке десяток глупых рабов... Мне нужен хищник, но хищник прирученный, преданный лично мне.

— Я готов, — сказал Ширкух.

— Отлично! — воскликнул старик. — А теперь слушай, что ты должен сделать. Через пару дней на этом самом месте появится одна женщина.

— Женщина?

— Да. Не перебивай. Тебе под силу справиться с женщиной? — презрительно осведомился старик. — Потому что меня ты одолеть не смог. Сумеешь победить хотя бы женщину?

— Полагаю, да... Если только она не пользуется какими-нибудь магическими штучками...

— То, чем пользовался я, тоже не было «магическими штучками», как ты выражаешься, — поморщился старик. — Самые обыкновенные кинжалы, только брошенные умелой рукой и попавшие в цель. Кстати, я один раз промахнулся. Не веришь?

Он наклонился и поднял с земли маленький кинжальчик.

— Хотел отсечь тебе ухо, да промазал. — Старик улыбнулся с обезоруживающей простотой, но Ширкух не ответил на эту улыбку. Он просто ждал, что воспоследует дальше. Из всего, что разбойник успел увидеть, он понял: старик далеко не так стар и слаб, как кажется, и совершенно явно представляет собой не то, чем видится стороннему наблюдателю.

— Слушай меня внимательно, — продолжал старик. — Ты должен находиться на этом самом месте еще два дня. Понятно? Никуда не отлучайся. Надеюсь, воды у тебя довольно. Жди. Через два дня она здесь появится — эта самая женщина. Она будет одета приблизительно так же, как и я. Может быть, вместо нижней рубахи на ней будут штаны — в таком случае, они будут похожи на шаровары, только гораздо короче. Потрогай шелк, из которого сделаны мои рубахи. Потрогай, не бойся.

Разбойник протянул дрожащую руку и осторожно коснулся кончиками пальцев халата своего собеседника. Шелк был на ощупь очень плотным и прохладным. Разбойник быстро отдернул руку, как будто обжегся.

Старик с насмешливым любопытством наблюдал за ним.

— Ну как?

— Никогда такого не видел, — признался Ширкух. — Наверное, этот халат стоит целого состояния. Можно купить целую деревню.

Он даже облизнулся, произнося это. Старик рассмеялся.

— Люблю простые человеческие чувства в их откровенных проявлениях! Даже трясясь от страха за свою никчемную жизнь, ты не перестаешь быть алчным.

— Алчность — моя натура, — не стал спорить Ширкух. — Может быть, я жив до сих пор именно благодаря этому своему качеству.

Старик хмыкнул.

— Что ж, будем надеяться, что ты прав... Теперь запоминай. Через два дня здесь появится дама в шелках. Знаю, у такого негодяя, как ты, сразу возникнет мысль переспать с нею, а потом продать ее в какой-нибудь богатый гарем. Ты сразу оценишь ее красоту: бледное лицо, большие черные глаза... К тому же она очень нежная, и с первого взгляда видно, что она получила отменное воспитание. Все это так, и все же воздержись от искушения. Ты должен убить ее.

— Убить? — вскрикнул Ширкух.

— Именно так... Надеюсь, твоих жалких сил хватит на то, чтобы справиться с женщиной.

— Я не намерен обсуждать такие вещи, — выпрямился Ширкух. Его лицо приняло обиженное выражение.

Старик опять рассмеялся.

— Ты не одолел седого человека, который годится тебе в деды... Возможно, женщина также будет представлять для тебя трудность. Кстати, велика вероятность того, что она будет верхом на одном звере, который покажется тебе диковинным. Этот зверь немного похож на верблюда, хотя на самом деле совершенно верблюдом не является. У него длинная шея... Чрезмерно длинная. Понял?

Ширкух кивнул. Все происходящее вдруг начало казаться ему сном.

Старик как будто читал его мысли.

— Тебе, наверное, думается: уж не сон ли все это? — спросил он. И добавил: — Но это все происходит наяву. И я — тоже реален, а доказательством пусть послужит тебе вот это.

И он, сняв с пояса, бросил Ширкуху кошелек. Разбойник схватил маленький мешочек, поймав его на лету, дернул кожаные завязки и высыпал на ладонь горстку золотых монет странной треугольной формы. Старик наблюдал за ним с насмешливым любопытством.

— Это очень большие деньги, — заметил старик.

Разбойник быстро попробовал монету на зуб и прошептал:

— Золото!

— Чистейшее золото, — подхватил старик. — И я дам тебе в десять раз больше после того, как увижу голову той женщины.

— Хорошо, хорошо... — пробормотал разбойник, пряча кошелек под руба-

ху. — За такие деньги всякая мысль о продаже женщины в богатый гарем испаряется из моей головы... и исчезает в мареве пустынного полудня.

— Молодец, ты быстро учишься, — одобрительно кивнул старик.

— Я хотел спросить только одну вещь, — нерешительно проговорил разбойник.

Старик, который уже собрался было уходить, обернулся.

— Что тебя интересует? — бросил он через плечо. — Я сказал тебе все, что нужно. Ты получил задание и аванс. Остальное — после выполнения поручения. В чем дело?

— Что... что она такого натворила, эта женщина, если тебе нужна только ее голова? — спросил Ширкух, осмелев. — Ибо, могу предположить, в женщине голова — далеко не самое ценное.

Старик рассмеялся.

— Да, ты прав — голова не самая нужная часть тела у женщины, тем более у красивой; но в данном случае голова, отделенная от туловища, будет свидетельствовать о несомненной смерти означенной особы.

— В чем ее вина? — спросил Ширкух напрямую.

— А, тебя беспокоит это... — старик пренебрежительно усмехнулся.

— Да, — твердо ответил разбойник.

— У такого негодяя, как ты, есть принципы?

— Вовсе нет; просто я считаю убийство женщин расточительством.

— Что ж... Она украла у меня одну вещь. Медальон. Это очень ценная вещь. Священная реликвия, если угодно. Утрата подобного предмета является несмываемым позором для меня.

— Ты жрец? — спросил разбойник.

— Это не имеет значения — и в любом случае тебя не касается, — сказал старик. — Я говорю о реликвии. О медальоне. Такой позор, как утрата его, можно смыть только кровью. Мне совершенно не нужно, чтобы та, которая сумела провести меня и выставить на посмешище, оставалась в живых и получила возможность трубить везде и всюду о своем триумфе.

— Что ж, — вымолвил разбойник торжественно, — считай, что мы договорились. Медальон и голова женщины — в обмен на десять таких же кошельков.

Старик кивнул и сделал еще несколько шагов, постепенно удаляясь от Ширкуха. Разбойник вдруг ощутил слабость. Все-таки во время схватки он получил несколько довольно болезненных, хотя и неопасных ран. Он пошатнулся и сел на песок, держась за кровоточащее плечо. На миг он отвел взгляд от своего нанимателя, а когда снова посмотрел в ту сторону, там уже никого не было.

— Неужели я действительно спал? — проворчал он. — Но нет, рука по-прежнему болит, и дырка в ладони осталась, хотя и перестала кровить. А главное — со мной денежки этого старикана. Да будь я проклят, если двинусь с этого места, пока не встречу женщину и не сниму с плеч ее хорошенькую го-

ловку. А с такими денжищами можно будет отойти от дел и прикупить собственный дом — с садом, гаремом и прочими радостями.

Он растянулся на песке и безмятежно заснул.

* * *

Указанный срок близился. Ширкух с тревогой поглядывал по сторонам. Он понятия не имел о том, что должно произойти. Женщина появится здесь, на этом самом месте, сказал старикан с кинжалами. Что, собственно, имел в виду старый хрыч?

За те два дня, что Ширкух провел на одном месте, разбойник успел прийти в себя. От страха перед таинственным старцем не осталось и тени. Теперь в мыслях Ширкуха незнакомец был ничем иным, как «чудаковатым стариком» и «богатым бездельником» — как, собственно, разбойник и привык именовать всех, кого считал своей законной добычей. Ширкух как будто позабыл о той ловкости, с которой «богатый бездельник» ушел от удара саблей и в ответ разделался с самим нападавшим. Теперь, оставшись наедине с пустыней, Ширкух снова был самим собой: сильным, хитрым, безжалостным.

Он вытащил саблю из ножен и положил рядом с собой на песок. До чего же хороша! Как изящны линии, какая сдержанная мощь таится в смертоносном изгибе клинка!

Ширкух вздохнул, потянулся за флягой, сделал глоток воды. Затем задрал голову и посмотрел на солнце. Уже скоро. Если только старик не ошибся.

Золотые треугольники приятно отягощали пояс Ширкуха. Когда ожидание делалось невмоготу, он вынимал монеты и рассматривал их. Он никогда не видел таких денег, но это ничего не значило: в мире много стран, где Ширкух еще не побывал. В одном из цивилизованных государств Хайборийского мира наверняка найдется применение и этим золотым крошкам.

Ширкуха поражало искусство, с которым были выполнены монеты. Обычно он держал в руках медяки с кое-как оттиснутым номиналом и грубым подобием царского изображения, реже — серебро, более ценное по материалу, но такое же грубое по исполнению. Золотые монеты, попадавшие в руки разбойника, были хороши, иногда даже весьма хороши, но и им было далеко до золотых старика.

Каким бы невежественным ни был Ширкух, он недурно разбирался в качестве товара. И сейчас определенно видел, что ничего из попадавшегося ему прежде даже близко не стоит по искусности работы со стариковыми треугольничками. Тонкость исполнения монет в очередной раз убеждала Ширкуха в их высокой номинальной стоимости. Очень хорошо, отлично! Еще пара колоколов — и у него будет целый мешок этого добра.

Неожиданная мысль поразила Ширкуха. Старик велел ему добыть голову женщины и медальон... Старик обещал заплатить... Но как и где они встретятся? Каким образом старец намерен выполнять свою часть уговора?

От этой мысли Ширкуха бросило в жар. Он почувствовал, как пот выступил у него на лбу, заструился между лопаток. Болван! Он бранил самого себя последними словами. Как он мог не договориться о месте и обстоятельствах встречи? А если старик его обманет? Если Ширкух останется посреди пустыни с обезглавленным трупом и мешочком денег — без всякого вознаграждения?

Зачем, в таком случае, все эти труды? Если старик — маг? Что ж, он хорошо посмеется над глупым Ширкухом. В свое магическое зеркало — или в магическом шаре, или что там у него имеется для ясновидения, — старикан полюбуется на то, как разбойник выполняет его задание. Как он старается. А потом, удостоверившись в том, что дело сделано и кощунница наказана, старик попросту выбросит Ширкуха из головы.

Что ж, решил в конце концов Ширкух, в любом случае он не останется внакладе. Аванс сам по себе достаточно велик.

Неожиданно подул ветер. Мысли Ширкуха оборвались: он поднялся на ноги, взял в руки саблю и внимательно всмотрелся туда, откуда летел потревоженный ветром песок.

— Что за ерунда? — прошептал он. — Что происходит?

Если начиналась песчаная буря, то следовало вскакивать на коня и поскорее уходить. Но буря обычно так не начиналась. Сперва небо должно было изменить свой цвет, в воздухе появляется тяжесть... Здесь же все происходило мгновенно, и никакой тяжести в воздухе не ощущалось — напротив, разбойнику дышалось на удивление легко.

Скоро он заметил и источник ветра — небольшой смерч, который не спеша двигался над барханами. Столб из подвижного песка был высотой приблизительно в два человеческих роста и совсем невелик в обхвате. Он был строен, если можно применить такое определение к смерчу, и на ходу извивался. Неожиданно Ширкух понял, что смерч напоминает ему танцовщицу, которая приближается к своему господину, виляя бедрами и поводя плечами, так, чтобы грудь ее была выставлена в наилучшем и самом соблазнительном виде.

И как только эта мысль пришла ему в голову, он мгновенно осознал: вот то, о чем предупреждал старик! Женщина здесь, внутри смерча.

Разбойника опять бросило в холодный пот. Что происходит?

Неужели она — тоже колдунья?

Следует держать с ней ухо востро, иначе она поразит его чарами прежде, чем он успеет отрубить ей голову.

«Да, — решил Ширкух, — я заговорю с ней по-дружески. Пусть считает, что намерения у меня самые добрые. Пусть расслабится и спрячет свои магические молнии подальше. А когда она не будет ни о чем подозревать, снесу ей голову — и покончу на этом».

Смерч добрался до того места, где ожидал Ширкух, и вдруг остановился. Песок начал осыпаться, и скоро перед глазами удивленного разбойника предстала всадница. Она восседала на животном, которое имело отдаленное сходство и с лошадью, и с верблюдом: у зверя были раздвоенные копыта, очень

крупные, мускулистые ноги, мощное туловище, чрезмерно длинная шея, увенчанная мясистой головой с крохотными глазками.

Всадница, в отличие от скакуна, производила весьма приятное впечатление. Ее бледное лицо, казалось, чуть светилось, как будто было изваяно из алебастра.

Большие темные глаза смотрели задумчиво и вместе с тем с испугом: ее явно озадачила встреча с незнакомцем. Крупные нежные губы были перламутрового оттенка.

Дорогой плотный шелк ее одежд украшала роспись, и Ширкух разглядел филигранно изображенные домики, ветви деревьев и таких же верховых животных, как и то, на котором восседала женщина.

А на груди у нее возлежал небольшой круглый медальон без всяких украшений. Медальон был медным и очень старым, о чем свидительствовали зеленоватые пятна.

Ширкух улыбнулся обаятельной улыбкой и протянул к женщине руку.

— Здравствуйте, прекрасная госпожа. Вижу, вы немного заблудились в этой пустыне...

Она продолжала рассматривать его большими влажными глазами. Впрочем, увиденное быстро успокоило ее. Она увидела то, что и должна была: красивого молодого мужчину с открытым лицом, доброжелательного, с учтивым и мягким обхождением. Мужчину, который знал свое место, когда встречал знатную даму.

— Кто вы? — тихо спросила она.

— Мое имя Ширкух, — был ответ. — Я здешний житель.

— Вы живете прямо в песках? — удивилась она. — Разве такое возможно?

— Пустыню напрасно называют пустыней, — возразил Ширкух. — Она вовсе не пуста. Смотрите, — он наклонился, призывая ее рассмотреть какую-то крохотную норку в песке, — видите?

— Нет, — нерешительно отозвалась она.

— Если вы сойдете с вашего... животного, то сможете рассмотреть, — настаивал он.

Она насторожилась.

— Вы хотите, чтобы я спешилась?

— В этом нет никакой нужды, я просто хотел показать вам норку суслика, — быстро сказал Ширкух. Ему вовсе не нужно было пугать женщину раньше времени. Но она должна сойти со своего скакуна, иначе ему трудно будет убить ее.

— Здесь обитают суслики? — улыбнулась она.

— И суслики, и многие другие зверьки, не говоря уж о диких верблюдах... Во время сезона дождей пустыня цветет. Это самое завораживающее зрелище в мире. К сожалению, сезон дождей очень недолог.

— Как интересно! — воскликнула она, оглядываясь по сторонам. — Я подозревала, что рано или поздно сочетание зеркал и формул приведут к подобно-

му результату, однако никогда прежде не видела... — Она осеклась, как будто спохватилась, что наговорила лишнего, и тотчас перевела разговор на другую тему: — Больше всего меня интересуют растения.

— Я могу показать вам целую кучу всяких растений, — заверил ее разбойник. — Если вы проедете со мной несколько миль по пескам, то увидите чудные заросли.

— Заросли? — недоверчиво улыбнулась она, оглядывая песчаные волны.

Разбойник громко расхохотался.

— Так я называю мои любимые пучки верблюжьей колючки. Они растут неподалеку отсюда.

Он сел на своего коня и двинулся вперед. Женщина, явно заинтересованная обещанием, поехала следом. Ширкух лихорадочно соображал: каким образом ему напасть так, чтобы она не успела заколдовать его. Наверное, верблюжья колючка покажется ей интереснее, чем нора суслика, и она все-таки сойдет со своего монстра.

Они проделали несколько миль в полном молчании.

Женщина молчала так естественно и спокойно, что Ширкух еще более утвердился в изначальном мнении: это аристократка, знатная дама, для которой важнее всего ее собственное настроение. Она привыкла не обращать внимания на слуг и не считает нужным развлекать беседой спутников.

Но до чего же хороша! В воображении Ширкуха то и дело возникали то ее светящиеся алебастровые щеки, то стройная шея, то чудная ямка у основания шеи, видная в воротнике одежд. А ее нежные руки! О, если бы эти пальцы приласкали Ширкуха!..

Он мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Он должен убить ее и получить деньги. Наверняка она — жуткая уродина, а ее соблазнительная внешность — лишь маска. Колдуньи часто так поступают. Заманивают в свою постель мужчин, а когда те удовлетворяют их страсть, оборачиваются отвратительными старухами и в довершение всего пожирают своих незадачливых партнеров.

Нет уж. Он, Ширкух, не так прост. Его не проведешь подобными фокусами.

— Вот здесь, — он натянул поводья и остановил коня. — Если угодно, можете посмотреть сами.

Она увидела чахлый блекло-зеленый пучок, выросший среди песков, и радостно засмеялась.

— В самом деле! Я бы, пожалуй, сорвала его.

— Это не так просто, он довольно прочно сидит на своем месте. У него длинные корни, так что лучше его не рвать, а резать, — сказал Ширкух.

Он потянулся за саблей (вот удачный момент!), и в этот миг что-то в его улыбке выдало намерения разбойника. Может быть, он слишком пристально посмотрел на женщину, прицеливаясь заранее к ее шее, а может быть, она правильно истолковала хищную улыбку, появившуюся на его лице.

Как бы там ни было, она испуганно вскрикнула и погнала прочь своего мощного зверя. С громким проклятьем Ширкух погнался за ней. Больше не было нужды притворяться. Он держал саблю наготове и изо всех сил погонял коня.

Всадница явно опережала преследователя. Ее зверь был мощнее любой лошади, к тому же обладал куда более длинными ногами. Следовало отдать женщине должное — она была превосходной наездницей. Уверенно и крепко держалась в седле и направляла своего скакуна твердой рукой.

Но Ширкух недаром провел в пустыне всю свою жизнь. Он знал здесь все тропы и пути. Это только невеждам кажется, будто в пустыне безразлично, какой путь избирать — везде она одинакова. Ничего подобного! Ширкух видел незримые тропы и знал, куда лучше ехать, если хочешь обойти противника.

Скоро появится вади — пересохшее русло древней реки. Женщина потеряет скорость, переправляясь на другую сторону. Там он и перехватит ее. Он знал другой путь, в обход, так что ему не придется спускаться на дно этого оврага.

Вереща, точно демон, Ширкух гнал вперед своего коня.

* * *

До пересохшего русла оставалось совсем немного, когда неожиданный порыв ветра бросил горсть песка прямо в лицо разбойнику. Он зажмурил глаза и сердито затряс головой. Что происходит?

Конь испуганно заржал и поднялся на дыбы. Ширкух не без труда удержался в седле. Он выругался последними словами. Не хватало еще потерять коня в этой пустыне! Никогда прежде с ним не случалось подобного позора — не случится и сейчас.

— Стой спокойно, глупая тварь, — обратился он к коню, — это всего лишь ветер, и...

Он не успел договорить. Прямо перед ним начал сгущаться воздух. Справа и слева все было чисто: все так же светлось небо, и песчаные волны устремлялись к горизонту, в то же время оставаясь неподвижными. А в двух шагах от того места, где в испуге застыл Ширкух, все обстояло совершенно иначе. Все потемнело и утратило ясность, мельчайшие частицы песка и пыли медленно поднимались наверх и закручивались спиралью. Новый смерч, гораздо больше предыдущего, рождался на глазах Ширкуха из ничего, из пустоты. Он не прилетал издалека, не сходил с небес, он формировался, как бы возникая из пустоты.

Постепенно воздух чернел и делался все более плотным. Каждый вдох давался Ширкуху с трудом. В эти мгновения он забыл о женщине, о старике, о медном медальоне и о треугольных золотых монетах. Застыв на месте, он боролся за свою жизнь, за право дышать. Он попытался уйти, но конь отказывался сделать хотя бы шаг. Животное как будто приросло к месту и мелко тряс-

лось всем телом. С губ коня срывалась пена, ноздри дрожали. Затем конь громко захрапел, обнажая зубы.

В этот самый миг смерч закончил формироваться и явился перед Ширкухом во всей своей смертоносной красоте и мощи. Тучи песка закрутились с невероятной быстротой, столб взлетел на высоту в пять человеческих ростов и двинулся прямо на Ширкуха.

Он сделал последнюю попытку сдвинуть коня, но было уже поздно: вращающаяся темнота опустилась на разбойника и накрыла его.

Неодолимая сила подняла его в воздух вместе с конем. Ширкух ощущал, как взлетает все выше. Он стиснул зубы и изо всех сил вцепился в гриву коня. Животное ржало и било копытами, попадая по пустоте. Песок избивал обоих, и коня, и всадника, и Ширкуху казалось, что некто сдирает заживо кожу с его лица и рук.

Они летели в неизвестность, окруженные мраком и ревом колдовской бури.

* * *

Ширкух не мог сказать, как долго продолжался этот полет. Наверное, он потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел своего коня спокойно стоящим неподалеку, а себя — простертым среди барханов. Никаких следов бури не было и в помине.

На миг Ширкуху подумалось: уж не проспал ли он все это время, уж не привиделось ли ему во сне все случившееся — и созданный чародейством смерч, и красивая женщина с медным медальоном на шее?

Но видение — даже если оно и было нереальным — оставалось в памяти слишком ярким, чтобы можно было выбросить его из головы.

Ширкух пошевелился и тотчас застонал: все его тело было избито и болело. Он поднес руку к лицу: на ладони осталась кровь. Нет, смерч ему не привиделся. Все это произошло на самом деле.

А значит... А это значит, что необходимо продолжить погоню! Проклятье, он даже не знает теперь, где находится женщина и в какой стороне ее следует искать. Не говоря уж о том, что Ширкух понятия не имел о том, куда занесло его самого.

Он заставил себя подняться на ноги и забраться в седло. Затем огляделся.

Он узнавал это место. Пустыня охотно открывала ему свои тайны. Да, смерч — не иллюзия: Ширкух и впрямь теперь в тысячах полетов стрелы от того места, где встретился с таинственным стариком.

Что ж, нельзя медлить. Вперед! Он ударил пятками коня и помчался в погоню. Что бы ни происходило, какие бы злокозненные чары ни напускали на него враждебные колдуны, он намерен заработать свой мешок денег, а для этого требуется доставить старцу медальон и голову женщины.

Ширкух не давал отдыха ни себе, ни своему скакуну, пока не очутился возле того самого места, где возник первый смерч, из которого явилась женщина.

Отсюда следует начинать преследование. Нужно только внимательно осмотреться и отыскать следы.

Конечно, пустыня быстро заносит все следы, но от Ширкуха, ее верного сына, у пустыни нет тайн. Он сумеет рассмотреть то, что ускользнет от взора менее опытного следопыта.

Здесь. Он спешился и наклонился над первым отпечатком. Вот в этом самом месте стояло то жуткое животное, на котором она восседала.

Ширкух вдруг услышал слабый стон. Он подскочил, как ужаленный. Это еще что за новость?! Кто здесь может находиться? Неужто она вернулась? Может быть, ее перенесли сюда чары старика? Может быть, старик заранее позаботился о том, чтобы она не могла покинуть определенного для нее места? Это было бы очень кстати и существенно облегчило бы Ширкуху работу.

Он оскалился, предвкушая завершение своих трудов. Но тотчас крик разочарования вырвался из груди разбойника.

Там, где он ожидал увидеть женщину, в неловкой позе лежал какой-то непонятный мужчина.

Несколько мгновений Ширкух рассматривал этого нового незнакомца. Несомненно, тот был богат и знатен — как и красотка на монстре. Таких холеных, белых ручек Ширкух не видывал даже у самых балованных красавиц из гаремов. А крашеные ногти! А туфли — о боги! Его туфли были украшены шелковыми бабочками, усыпанными мельчайшими драгоценными камушками! Ширкух не сдержал смешка. Тяжко придется этому разнаряженному индюку в пустыне, если он вздумает идти по пескам в подобных туфельках!

Шелковая одежда незнакомца была сделана по тому же образцу, что у старика и женщины. Сомнений в этом не оставалось: такой же плотный шелк, такая же искусная яркая роспись.

При виде штанов незнакомца — с большими буфами наверху, с лентами под коленом, — Ширкух громко расхохотался. Если когда-нибудь он, Ширкух, сделается богатеем и сможет содержать собственный двор, он непременно заведет себе шута. И обрядит его сходным образом. То-то будет потеха!

В последний раз оглянувшись на бесполезного разнаряженного чужака, Ширкух равнодушно проехал мимо. О мужчинах старик не говорил ничего. До мужчины Ширкуху не было никакого дела. Ему требовалось только одно: разыскать ту женщину.

Несчастный богатей, волей капризной судьбы и чьих-то непонятных чар заброшенный в пустыню, был обречен на гибель. Наверное, он созерцал это в предсмертном сновидении.

И только случайность привела на это место Конана-киммерийца — несколько колоколов спустя.

Глава четвертая
История Югонны

Превратившись из спасенного и облагодетельствованного чужака без роду и племени в состоятельного нанимателя, Югонна несколько изменил свое обхождение с Конаном. Теперь он держался как человек, который получает некие оплаченные им услуги, — молчаливо, с едва уловимым высокомерием.

Конан решил пока терпеть это обхождение. Киммериец хорошо знал: рано или поздно во время их путешествия случится нечто такое, что быстро собьет спесь с молодого красавчика. Нужно только подождать.

Едва рассвело, они выступили в путь. Югонна отчаянно спешил, это было очевидно. Рассказ о незнакомке верхом на диковинном звере совершенно лишил его сна и покоя. Как только они покинули оазис, Югонна обратился к Конану:

— Умоляю тебя, веди меня самым коротким путем! Мы обязаны отыскать ее как можно быстрее, иначе... иначе может случиться беда, и тогда уже ничего нельзя будет поправить.

Киммериец пожал своими широченными плечами.

— От того, что ты беспокоишься и суетишься в душе, дорога не станет короче, а твоя лошадь не побежит быстрее. Загонять коней — верный путь к погибели. Так что смотри на меня и подражай мне во всем.

Югонна чуть растянул губы в улыбке.

— Стало быть, ты — образец для подражания?

— Именно, — кивнул варвар. — Учти, у меня целых два весомых довода в пользу этого утверждения.

— Интересно.

— Тебе интересно? — Киммериец изобразил удивление. — В таком случае, слушай и запоминай. Во-первых, другого образца для подражания у тебя сейчас нет. А во-вторых, я до сих пор жив.

— Я тоже, — тихонько заметил Югонна.

— Благодаря мне, — напомнил киммериец.

Югонна засмеялся.

— Я надеялся, что ты забудешь об этом. Не будем больше тратить времени на разговоры — в путь! Я должен найти ту женщину как можно скорее, и ты мне в этом поможешь.

Конан только покачал головой.

Чем-то Югонна нравился ему. Возможно, тем, что не сдавался при виде непреодолимых, на первый взгляд, трудностей. Ничто не могло сбить аристократа с избранного им пути. Даже гибель шелковых бабочек он воспринял стоически, а это уже говорит о многом.

Они ехали по пустыне, Конан впереди, Югонна — сразу за-ним, след в след. Солнце старалось убить их, терпеливо, колокол за колоколом, ни на миг не

оставляя своих попыток. Они обмотали головы тряпками, закрыли лица, чтобы уберечься от ожогов. Югонна, которому солнце обожгло щеки и лоб, к тому же смазался маслом, купленным в оазисе специально для этой цели, и теперь, смешанное с потом, это масло пропитывало его повязку и нестерпимо воняло. Однако Югонна стоически переносил это испытание.

То и дело он опускал веки, не в силах выносить яркий свет, но снова и снова поднимал их и всматривался в окружающие его пески: не видно ли женщины.

Но видел он только спину Конана.

Киммериец тоже высматривал впереди незнакомку. Вся эта история не на шутку занимала его теперь. В голове тянулись привычные мысли: если у Югонны имеются при себе девять монет, то у его подруги, возможно, найдется еще... И если они оба жаждут встречи, то, вполне вероятно, их щедрость не будет знать границ. Во всяком случае, Конан позаботится о том, чтобы границы эти расширить как можно больше.

Несколько раз киммериец бросал через плечо взгляд на своего спутника — чтобы проверить, не случилось ли с ним беды. Как бы стойко ни держался Югонна, все же он совершенно не был приспособлен для подобных испытаний. Вдруг солнце все-таки довершило свою смертоносную работу? Вдруг Югонна забыл хлебнуть воды из фляги и потерял сознание? За ним нужно следить.

Конан не принадлежал к числу таких проводников, что только и ждут смерти работодателя, дабы прикарманить денежки, не выполнив поручения, и смыться. Нет уж. Он взялся доставить человека в нужное ему место — и он проследит за тем, чтобы клиент добрался куда ему нужно в целости и сохранности. Киммерийцу не хотелось признаваться себе в том, что Югонна начал вызывать у него подобие симпатии. И это — несмотря на тот легкий налет высокомерия, который появился у Югонны нынче утром.

В очередной раз посмотрев на Югонну, Конан вдруг заметил, что тот как будто начинает растворяться в воздухе. Киммериец придержал коня и оказался вровень со своим спутником. Тот как будто не слишком озаботился происходящим и продолжал тащиться вперед, поглядывая сквозь щелки между покрасневшими, распухшими веками.

— Кром! — пробормотал Конан. — Нет, мне не чудится!

Югонна действительно стал почти прозрачным. Контуры его фигуры размылись, сделались нечеткими и начали сливаться с мутным воздухом. Затем, как будто от толчка, все вернулось, и перед Конаном вновь был прежний Югонна, закутанный в белое покрывало всадник на выносливой и смирной лошадке.

— Кром! Проклятье! Что здесь происходит? — взревел киммериец, хватаясь за оружие и поднося острие меча к горлу своего спутника. — Кто ты такой?

Югонна молча смотрел на него. Оба остановили коней и замерли посреди пустыни. Куда ни кинь взгляд — кругом ни души, и даже орел не кружится над головой, только солнце застыло в точке зенита.

— Ты кто? — повторил киммериец. Голос его зазвучал угрожающе. — Ты только что начал исчезать. Ты колдун?

Югонна не ответил, продолжая взирать на киммерийца мутным взором.

— Отвечай! — заорал Конан.

— Ты хочешь убить меня? — спросил Югонна. Его голос прозвучал до странного спокойно и ровно. Казалось, то говорит человек, сидящий у себя в гостиной, в удобных креслах. Югонна держался так, словно его собеседник вовсе не был разъяренным варваром с мечом в руке, готовым убить его в любое мгновение.

— Клянусь Кромом, я сделаю это! — ответил Конан мрачно. — Ты колдун?

— Нет — в обычном понимании этого слова, — ответил Югонна. — Убери оружие. Я не могу разговаривать таким образом. Ты ведь видишь, я безоружен и полностью в твоих руках.

— Если ты колдун, то вовсе не безоружен, — возразил киммериец, не отводя меча. — Я знаю вашу братию и все ваши уловки. «Я бедный старичок, у меня нет даже ножа, чтобы защитить свою жалкую жизнь», — передразнил киммериец кого-то несуществующего и продолжил своим обычным голосом: — А потом — раз! — заклятие, и сильный, мужественный воин лежит с раздробленной головой, и никто даже не понял, что произошло. Нет, я тебе не верю.

— Тебе придется мне поверить, — сказал Югонна. — Впрочем, если ты оставишь меня в живых, у тебя будет время убедиться в том, что я говорю правду. Я не колдун.

— Я собственными глазами видел, как ты начал становиться прозрачным, а потом опять обрел плоть в этом мире, — сказал Конан, убирая меч. — Учти, я очень быстро могу вытащить меч из ножен. И мне уже доводилось убивать холодной сталью колдунов, даже самых могущественных. Так что не советую лгать мне...

— Я ведь уже сказал, что говорю тебе только правду! — в голосе Югонны послышалась досада. — Все дело в том, что я сейчас существую... в двух мирах... должно быть, это именно так, потому что никакого другого объяснения случившемуся я не нахожу... И чары эти — не мои.

Он произнес слово «чары» с очевидным отвращением. Это было отвращение ученого, вынужденного называть некое явление совершенно неправильным словом, приноравливаясь к низкому умственному уровню слушателя.

— Остановимся на отдых, — предложил Конан. — Ничего не случится, если мы задержимся ненадолго. В пустыне все происходит медленно, даже если ты за кем-то гонишься. Уж поверь мне.

* * *

— Я родился в Авенвересе, — начал свой рассказ Югонна. — Это великолепный город, один из самых примечательных в Атлантиде.

— Атлантида? — перебил Конан. — Так назывался давно погибший мир...

— Тот осколок погибшей Атлантиды, где расположен мой родной город, мы называем именем целого континента, — сказал Югонна. — Он не всегда сообщается с Хайборийским миром. Лишь иногда путь из нашей Атлантиды в ваш мир оказывается доступен, да и то немногим и на очень короткое время. У наших ученых нет объяснений для этого явления. А ваши никогда не задавались подобными вопросами...

— Продолжай, — сказал Конан. — Я тоже нечасто задаюсь подобными вопросами. К тому же я вообще не ученый.

— Хорошо, я расскажу тебе все... Авенверес процветал благодаря науке. Целые дворцы науки были построены на центральных площадях. Ты даже не можешь представить себе, как они выглядели! Это были огромные лабиринты, множество стен, мириады комнат и лабораторий под прозрачными крышами. Можно было зимами находиться внутри такого лабиринта и не выходить наружу. Там устроены и спальни, и кухни, провизию доставляли туда по отдельным ходам, прорубленным так, чтобы простонародье не могло повстречаться с учеными и смутить их чистый разум.

Я знавал старых ученых, которые никогда не бывали за пределами лабиринта. Они даже не знали, откуда берутся все те продукты, которые поддерживали в них жизнь. Зимами они были погружены в изучение небесных светил или различных веществ, из которых они создавали лекарства, яды и всевозможные растворы, необходимые для строительства, очистки материалов или крашения одежды. Другие занимались исследованиями в области шелкопрядства, третьи изучали искусства... Ты даже представить себе не можешь, как разнообразна наука в лабиринтах нашего города!

— Я бывал в Стигии, — скромно заметил Конан.

— Стигия? — удивился Югонна. — Это где?

— Неважно, — отмахнулся Конан. — Продолжай.

— Сам я изучал свойства зеркал и стекол, — вернулся к своему рассказу Югонна. — Зеркала обладают удивительной особенностью превращать самый тонкий лучик света в мощное пламя.

— Это любой ребенок знает, — фыркнул Конан. — Не понимаю, что тут изучать.

— Существуют определенные законы, которые управляют этим превращением, — объяснил Югонна. — Я получал неслыханное наслаждение, рассматривая различные сочетания зеркал и... Впрочем, не буду утомлять тебя описанием моих исследований, — спохватился он. — Я жил не в лабиринте, а в доме моей матери. Точнее, в моем собственном доме. После смерти отца я стал главой семьи. Но я очень люблю и почитаю матушку, поэтому и называю мой дом — ее домом. И по поводу женитьбы я тоже решил с нею посоветоваться. Хотя, конечно, все уже было сговорено между мной и Далесари. Да, мою невесту зовут Далесари, и именно ее мы сейчас пытаемся отыскать...

Югонна вздохнул. Он взялся за флягу, но вода в ней кончилась, и Конан налил туда из бурдюка еще.

— Продолжай.

— Мы с Далесари познакомились в лабиринте. Она занималась исследованием растений. Составляла книгу. Ее работа не имела прикладного характера. Ей просто хотелось описать как можно больше растений. Ее книга — это нечто потрясающее! Огромный том, больше тысячи страниц, и на каждой — описание растения, изображение его и, если есть возможность, засушенный образец. Очень интересно. Она была просто помешана на том, чтобы собрать всеохватывающую коллекцию.

Меня поразила эта девушка своей целеустремленностью. Мы проговорили с ней целый день. Видишь ли, она заблудилась в лабиринте — что немудрено, — и случайно оказалась в моих рабочих комнатах. Я вызвался проводить ее, но по дороге мы заплутали оба. Должно быть, то была воля богов, чтобы мы надолго остались наедине. В конце концов мы очутились на кухне, и нам пришлось выбираться из лабиринта по рабочему ходу, вслед за какими-то вонючими мясниками в забрызганных кровью фартуках! Мы сочли это приключение непристойным и забавным и, оказавшись на улице города, долго смеялись. Ничто так не сближает, как общие испытания и смех.

К концу дня я понял, что влюблен. Это было совершенно новое для меня чувство. Обычно я увлекался только научными достижениями, и из-за них способен был не спать ночами. Однако на сей раз все обстояло иначе. Стоило мне закрыть глаза, как я видел перед собой Далесари... В ней воплотился для меня весь зримый мир.

— Ну, такое бывает, — нехотя признал Конан. — Должно быть, она действительно хороша. Впрочем, как бы хороша ни была женщина, всегда найдется нечто получше...

Югонна бросил на киммерийца уничтожающий взгляд, которого Конан даже не заметил.

— Далесари тоже полюбила меня. Она сказала мне об этом через несколько дней, когда мы снова встретились в лабиринте. Я был счастлив... Мы забросили наши научные занятия и только разговаривали да обнимались, и так проходили целые дни...

— Болтали и обнимались? — Конан презрительно фыркнул. — Да вы просто теряли время, вот что я тебе скажу!

— Нет, мы вовсе не теряли время, — рассердился Югонна. — Ты совершенно не понимаешь, что такое любовь.

— Не понимаю, — не стал отрицать варвар. — По-моему, при встрече с женщиной, которая тебе по сердцу, нужно как можно скорее тащить ее в постель. Разумеется, в том случае, если и ты ей по сердцу и она не возражает против того, чтобы хорошо провести время вдвоем. Вот и все.

— Можно получать наслаждение от легкого прикосновения, от встречи взглядов, от обмена мыслями, — сказал Югонна. — Я не хотел торопиться, да и

она этого избегала. Мы решили вступить в брак и провести вместе остаток жизни. К этому имелось одно-единственное препятствие... Она имела опекуна — дядю, брата отца. Ее родители давно умерли, и дядя — его имя Ронселен — вырастил Далесари как собственную дочь. Здесь нужно упомянуть еще о том, что все семейные средства Далесари, в основном то, что она унаследовала от матери, находились в распоряжении ее дядюшки.

— Позволь, я угадаю, — перебил Конан. — Как только речь от сладких объятий и бессвязных речей перешла к деньгам, я сразу стал догадливым. Этот Ронселен растратил все состояние своей подопечной. Да?

— Именно это я и выяснил, действуя через подставных лиц, — признал Югонна. — Для меня не имело значения то обстоятельство, что Далесари оказалась бедна. Я взял бы ее и без приданого. Но ее дядя продолжал изображать из себя заботливого опекуна. Если бы Далесари вышла замуж, ему пришлось бы выделить ей приданое. А никакого приданого уже не существовало. За растрату денег Ронселену грозила смертная казнь. Таковы наши законы.

— Стало быть, он мог еще долго морочить голову окружающим, если бы только Далесари не вздумала выйти замуж, — заключил Конан. — Поэтому он решительно возражал против вашего брака.

— Да. Сначала я подумал, что не понравился ему — я сам, лично. Но как я мог не понравиться? Я из знатной семьи, наше состояние весьма значительно, намерения мои касательно Далесари абсолютно чисты — да и она меня любила... Почему же Ронселен возражает? Здесь явно скрывалась какая-то тайна, и я приложил некоторые усилия, чтобы раскрыть ее.

— Ясно. Страх разоблачения — вот основная причина.

— Именно. Все это стало мне известно... А спустя какое-то время Ронселен перехватил моего человека и выпытал из него все, что тот успел рассказать мне. И тогда злодей начал действовать.

Пользуясь какими-то своими средствами, он забросил меня сюда. Когда я очнулся посреди пустыни, я сперва подумал, что болен и все это мне чудится в бреду. Но затем я осознал, что все происходящее — вполне реально.

— И самое реальное во всем этом — я, — добавил Конан.

— Возможно, — задумчиво согласился Югонна. — Очень даже возможно... Во всяком случае, довольно скоро мне стало ясно, что Ронселен отправил меня куда-то очень далеко от Авенвереса. Да еще в таком виде... — Он с усмешкой развел руками. — По замыслу Ронселена, я должен был исчезнуть без следа. Однако Далесари недаром провела в лабиринте много времени. Она быстро догадалась о намерениях своего дяди и последовала за мной. Я только надеюсь на то, что она подготовилась к путешествию лучше, чем я. Во всяком случае, в этом меня убеждает то обстоятельство, что ее видели верхом на животном, которое всем здешним очевидцам показалось очень странным.

— Полагаешь, она тебя ищет?

— Да, и по иронии судьбы оказалось так, что это мы преследуем ее, а не она нас. Нам следует поторопиться, Конан, потому что Ронселен не оставит своих

попыток избавиться от нас обоих. И самая большая опасность грозит, пожалуй, Далесари. Ты поможешь мне спасти ее?

Киммериец только усмехнулся и тронул коня.

Глава пятая
В поисках Далесари

Далесари спешила. Медальон на ее груди то разогревался, то остывал, и это сбивало ее с толку. Ей казалось: еще немного, и она догонит своего возлюбленного, но в следующий миг все изменялось. От надежды она переходила к отчаянию, и эта смена настроений совершенно измучила ее.

Верховое животное не знало устали. Оно бежало и бежало, уверенно выбрасывая вперед длинные мощные ноги. Песок взлетал под широкими копытами. В Авенвересе Далесари считалась одной из лучших наездниц. Она даже хотела участвовать в гонках, но дядя-опекун запретил ей и думать об этом.

«Ты — наследница аристократического имени, представительница знатной семьи, ты ни в коем случае не должна делать что-либо на потеху толпы!» — строго внушал он ей.

Далесари криво усмехнулась, вспоминая об этом. Жалкий лицемер! И он еще смел говорить с ней о «наследстве». Кроме имени, ей теперь нечего наследовать. Югонне удалось вскрыть все темные махинации этого человека.

К счастью, Далесари с Югонной оба были достаточно молоды, чтобы не слишком огорчаться из-за потери наследства. Далесари никогда ни в чем не нуждалась: у нее имелись наряды, книги, была возможность заниматься изучением растений в лабиринте... А старый друг ее покойной матери подарил девочке это верховое животное. Ничего больше ей и не требовалось. Она всегда была счастлива тем, что имела, и не стремилась к большему.

Страсть к наживе оставалась для Далесари непонятной. Полностью обеспеченная, она не могла взять в толк, как можно испытывать непреодолимое желание накапливать деньги, владеть ими — просто ради «счастья обладания».

Другое дело — верховая езда. Эти радости были для Далесари близки и понятны, и все-все занимало ее воображение: седла, подпруги, уздечки, подковы разной формы, различные способы выездки, команды, подаваемые голосом или коленями... Она умела устанавливать контакт с этими животными, а это — редкое искусство.

По обычаю Авенвереса, ни одно существо, кроме человека, не имеет права носить имя, поэтому верховое животное Далесари оставалось безымянным. Но она относилась к нему так, словно оно обладало именем.

Это обстоятельство также настораживало дядю-опекуна. Ронселен понимал: его подопечная — не такая, как все остальные. В ее присутствии он всегда напрягался, потому что не понимал, чего от нее ожидать. То, что представлялось

Далесари естественным, для Ронселена оставалось тайной за семью печатями. Так, ему и в голову не приходило, что она может безразлично относиться к потере семейных денег.

Девушка спешила. Сейчас она была уверена: еще несколько переходов — и она настигнет Югонну. Она не могла избавиться от назойливой тревоги: а вдруг с Югонной случилась беда? Вдруг он попал в руки разбойников или, того хуже, застрял посреди пустыни без воды и припасов? Вероятность того, что в такой ситуации он найдет помощь, крайне мала.

Нет, ей следует разыскать его во что бы то ни стало! Мысль о том, что теперь, быть может, уже поздно, была для Далесари невыносимой...

Вот уже несколько колоколов за ней кто-то следил. Сперва она слишком беспокоилась о судьбе Югонны, чтобы обращать внимание еще и на это. Она была достаточно уверена в своем скакуне, чтобы заботиться еще и о погоне. Но затем этот «кто-то» приблизился на достаточно близкое расстояние, и теперь, бросая взгляды через плечо, девушка видела, как по песку пылит всадник.

Проклятье! Он скакал достаточно быстро, чтобы настигнуть беглянку. Скоро она уже различала даже покрывало на его голове, вздувавшееся на ветру пузырем. Пена срывалась с губ разгоряченного коня.

Далесари сжала коленями бока своего скакуна, не приказывая, но прося его бежать быстрее. Однако девушка знала, что это бесполезно. Эти животные умны и довольно своенравны: если они считают, что нет надобности мчаться сломя голову, они будут продолжать идти размеренной ровной рысью, и никакие уговоры, никакие угрозы и даже хлыст не помогут. Другое дело — скачки: здесь они, по крайней мере, видят соперников и понимают, что их нужно обогнать во что бы то ни стало.

А куда торопиться здесь? Следует, напротив, сберегать силы и правильно их рассчитывать, чтобы хватило до цели. Животное чуяло воду, но до нее следовало еще добраться. Если же лететь вихрем, то можно растратить все запасы энергии и сдохнуть, не добравшись до источника жизни.

Поэтому животное никак не реагировало на уговоры всадницы. Она гладила его шею, сжимала бока и даже била его по животу пятками — все бесполезно.

Между тем преследователь приближался неуклонно, как судьба.

Это был красивый мужчина со смуглым лицом и белозубой улыбкой. После того, как внезапно налетевший колдовской смерч отбросил его в сторону и зашвырнул в глубину пустыни, точно нашкодившего котенка, Ширкух чувствовал себя опозоренным. Несомненно, старик был колдуном. И эта женщина с медальоном — тоже колдунья. Они оба напустили на него чары с одной-единственной целью: посмеяться над ним.

И теперь они поплатятся за это. Сперва женщина, потом старик. Никто не посмеет сказать, будто сумел одурачить Ширкуха и выставить его на посмешище! Он широко улыбался, предвкушая месть.

Разбойник уже хорошо различал впереди свою жертву. Молодая женщина

верхом на странной зверюге. Ширкуху доводилось видеть самых разных верховых животных. Одна карлица, к примеру, ездила на леопарде. Ширкух до сих пор содрогался при воспоминании об этом существе. Карлица, очень смуглая, почти черная, покрытая бородавками, сумела при помощи слабой магии приручить леопарда, и тот катал ее на своей спине.

Кажется, закончилось дело тем, что леопард свою наездницу все-таки съел... Ширкух в точности не помнил.

Теперешняя его жертва совершенно очевидно оседлала зверя хоть и странного на вид, но не хищного. Действительно, нечто среднее между верблюдом, лошадью и неизвестно чем. Неопасное. Разве что лягается.

Ширкух знал, что при умелом управлении конь может превратиться в оружие. Но он слишком презирал женщин, чтобы подозревать незнакомку в том, что она сумеет проделать такое со своим нелепым зверем. Нет, всех ее умений хватит лишь на то, чтобы позорно удирать.

Он облизнулся. Скоро, совсем скоро эта хорошенькая хитроумная головка слетит с плеч! Даже если старик и не заплатит обещанного, Ширкух сочтет себя удовлетворенным.

Он с удивлением понял, что ненавидит эту особу. Что ж, тем лучше. Проще будет убить.

Сабля сверкала в его руке. Он держал ее на отлете, готовясь нанести удар. Вот уже его конь почти поравнялся с верховым животным беглянки...

И тут она резко натянула поводья и остановилась, а затем так же резко повернулась к нему.

И он разжал пальцы, так что сабля выпала из его руки.

Женщина была обнажена до пояса. Ее шелковые одежды были распахнуты на груди и спущены до талии, так что все ее гибкое тело было выставлено на обозрение. Маленькие нежные груди округлой формы с удивительно розовыми сосками глядели прямо на Ширкуха. Талия изгибалась, словно в предвкушении ласки, а бедра казались на редкость пышными, и глаза разбойника сами собой так и впились в них.

Медальон, висевший между грудей, больше не казался Ширкуху обычной приметой, по которой он должен узнать свою жертву. Теперь это было украшение, призванное подчеркивать соблазнительность женских форм.

Ширкух направил коня прямо на женщину. Улыбка вновь вернулась на лицо разбойника. Теперь он разве что не облизывался, рассматривая Далесари.

Далесари знала, что мужчины такого рода почти никогда не заглядывают женщинам в лицо. Их не интересует то, что чувствует партнерша на самом деле. Таких занимает лишь одно: их собственное удовольствие. Что ж, сегодня кое-кто поплатится за это невнимание.

Если бы Ширкух дал себе труд поднять взгляд и посмотреть в глаза девушке, он прочел бы в глубине ее зрачков свой смертный приговор. Но он не мог оторваться от ее красивой фигуры.

Жаль было бы превратить в прах это тело, так и не воспользовавшись им!

Что изменится, если Ширкух убьет женщину не прямо сейчас, а спустя некоторое время? Сперва он возьмет свое. Должен же он немного отдохнуть после изнурительной погони! Разве он не заслужил хотя бы небольшого удовлетворения?

Неожиданно он понял, что очень давно не лежал с женщиной. Наверное, в последний раз это случилось больше луны назад. Да и то женщина попалась какая-то неприятная, все время визжала и плакала. Никакого удовольствия.

Эта — другая. Эта не станет плакать. Может быть даже обнимет его своими сильными маленькими руками, примется нашептывать нежности... Ему жаль будет убивать ее, но такова уж их судьба. Это было предопределено еще до их встречи.

Ширкух тяжело перевел дыхание и снова улыбнулся. Она смотрела на него серьезно, уголки ее губ вздрагивали от гадливости, а он даже не замечал этого. Хорошо, очень хорошо.

Далесари никогда еще не убивала людей. И если боги будут милостивы к ней, этот ублюдок окажется первым и последним. Но уничтожив его, она окажет благодеяние всему человечеству.

«Или я, или он, — подумала она. — Колебаться нельзя».

— Иди ко мне, моя красавица, — сказал разбойник, не замечая, что слюна вытекает у него изо рта. Он облизал губы и снова перевел дух. — Иди скорее. Я вижу, ты стосковалась по ласке настоящего мужчины. Иди ко мне. Я приласкаю тебя. Я сумею утолить твою жажду.

Он сошел с коня и приблизился на несколько шагов. Далесари подождала, чтобы он подошел еще немного.

Ширкух вдруг рассердился.

— Что ты застыла? — резко выкрикнул он. — Чего ждешь? Я ведь велел тебе идти ко мне! Или ты хочешь, чтобы я свернул тебе шею, шлюха?

«Пора!» — шепнула себе Далесари. Она сунула руку под одежду. Ширкух с жадность следил за каждым ее движением. «Он решил, что я раздеваюсь», — подумала она.

Быстрым движением она вытащила наружу маленький мешочек, рванула завязки и вытряхнула содержимое мешочка прямо в лицо своему врагу. После чего, подняв зверя на дыбы, развернула его. Умное животное отбежало на несколько шагов и остановилось.

Ощутив в глазах острое жжение, Ширкух выругался. Он потер лицо рукой, чтобы избавиться от неприятного ощущения, но оно не проходило, наоборот — становилось все сильнее.

— Проклятая ведьма! — заорал Ширкух. — Что ты со мной сделала?

Он слепо повел головой и вдруг осознал, что ничего не видит. Он свистнул, пытаясь подозвать своего коня, но скакун убежал, испуганный странным запахом. Скакун Далесари раздувал ноздри и шумно фыркал, и ей стоило больших усилий успокоить его и удержать на месте. Ей хотелось видеть, к чему приведет ее хитрость.

Этот гриб растет только в одном месте — на северной окраине Авенвереса. Далесари вычитала о его свойствах в одной книге. Там же говорилось и о том, что гриб этот давным-давно был уничтожен, и сейчас ни одно живое существо не в состоянии его отыскать и изготовить описанный в книге яд. «Мы потому и дерзаем излагать способ приготовления сего яда и оказываемое им на все живые существа действие, что ныне это совершенно безопасно. Бесполезное сведение не может представлять опасности, однако имеет некоторых теоретический интерес», — говорилось в книге.

А Далесари отыскала этот гриб — может быть, единственный из сохранившихся. Она изготовила яд и носила его при себе.

Когда она только приступала к этой работе, она уверяла себя, что делает это лишь как исследователь. Она обязана попробовать все, о чем пишут в книгах. Просто обязана, иначе какой из нее ученый!

Впоследствии она предполагала испытать яд на каком-нибудь животном. Но выбрать подопытное животное оказалось непросто: у Далесари просто не поднималась рука уничтожить ни в чем не повинное живое существо просто ради эксперимента. Поэтому яд оставался в мешочке.

И вот сейчас ему наконец нашлось достойное применение.

Разбойник, мыча и стеная, метался из стороны в сторону. Он то принимался бежать, то вдруг падал на песок и катался, стуча по земле руками и ногами. Далесари с ужасом видела, как его кожа прямо на глазах становится грубой, зеленеет, покрывается толстым слоем плесени.

Грибок-паразит все сильнее проникал в кровь человека. Размножение спор шло стремительно, быстрота эта казалась неестественной, почти колдовской.

— Это не магия, — сказала Далесари. Голос ее треснул и прозвучал сипло. — Это всего лишь свойство растения. Например, порошок черного лотоса вызывает странные видения. Это тоже не магия...

Но ей удалось убедить себя лишь наполовину, ибо происходившее чересчур напоминало злые чары.

В считанные мгновения разбойник, по-своему привлекательный, сильный мужчина превратился в бесформенный кусок плоти. Завывая, как зверь, он полз по песку на четвереньках. Одежда на нем истлела и превратилась в удобрение для грибка. В крупных грубых складках грязно-зеленого цвета еще угадывались человеческие черты, но скоро и это исчезло. У Ширкуха больше не было лица, глаза его заплыли, пальцы рук и ног превратились в толстые обрубки, шевелящиеся внутри кожистых складок.

С карьерой Ширкуха было покончено.

Далесари поправила свою одежду. Солнце уже начало припекать ее нежную кожу, так что следовало поторопиться. Девушка набросила на плечи рубашку, наслаждаясь прохладным прикосновением шелка, затянула пояс и завязки, тщательно закутала голову. Теперь она готова была продолжать путешествие.

Далесари в последний раз оглянулась на разбойника. Странное существо

копошилось на песке и выло жалобно и вместе с тем озлобленно. Далесари знала, что грибок продолжает размножаться в теле человека, что разрушительная работа не закончена. Грибница будет разрастаться, постепенно она захватит не только кожу, но и все внутренние органы своей жертвы...

«Я убила его, — подумала Далесари. — Я сделала это! Я уничтожила этого мерзавца... У меня хватило смелости. Не знаю только, хватит ли у меня смелости рассказать о моем поступке Югонне...».

Даже подобия жалости не шевельнулось в ее душе при виде отвратительного чудища, в которое она превратила Ширкуха. Развернув скакуна, она помчалась прочь от своей жертвы.

* * *

— Ты уверен в том, что мы ее нагоним? — спросил Югонна у Конана.

Молодой человек задавал своему спутнику этот вопрос уже в тысячный раз. Сперва — в первые сто раз — Конан отвечал положительно и вполне серьезно:

— Следы однозначно говорят о том, что Далесари здесь проезжала. Вот, посмотри.

— Я ничего не вижу, — возражал Югонна.

— Вот здесь и здесь, — показывал Конан на какие-то ямки в песке, вид которых приводил Югонну в отчаяние: городской житель никак не мог взять в толк, чем эта ямка в песке отличается от другой такой же.

— Мне остается лишь одно: довериться твоему мнению, — говорил в конце концов Югонна.

— Это самое разумное из всего, что ты можешь сделать.

На сто первый раз Конан начал разнообразить свои ответы.

— Уверен ли я? В чем вообще может быть уверен смертный человек? — сказал киммериец и с удовольствием увидел, как Югонна побелел.

Иногда Конан отвечал так:

— Мы ее, несомненно, настигнем, вот только вопрос: в каком виде она предстанет перед нами, в живом или мертвом.

Или:

— Ни одна женщина не стоит того, чтобы так за нею гоняться.

Или:

— Знаешь, однажды я заблудился в степи и не мог выбраться к стойбищу целых двенадцать дней. Едва не помер.

Или еще:

— Как-то раз, помнится, преследовали мы двух сбежавших рабынь, а когда нашли — одна угодила в муравейник и ее там съели заживо, а вторая запуталась в лианах и задохнулась, как будто ее повесили... Скелетик, кстати, был весьма симпатичный.

Наконец Югонна не выдержал:

— У меня складывается такое впечатление, что ты надо мной издеваешься, Конан.

— У тебя складывается совершенно правильное впечатление, — не стал отпираться киммериец.

— Почему? — в упор спросил Югонна.

— Потому что я знаю, что делаю, а ты своими вопросами показываешь, что сомневаешься во мне.

— Я в тебе не сомневаюсь, — заверил Югонна и тут же добавил: — Просто я беспокоюсь.

— А ты не беспокойся. Мы идем за ней след в след. Можно сказать, наступаем ей на пятки. Доверься мне.

— Да, конечно, — быстро согласился Югонна. — Но ты уверен, что мы идем правильно?

* * *

Далесари встряхнула флягу, но ожидаемого звука не последовало: вода закончилась. Девушка обтерла лоб и с мукой подняла глаза на небо. До вечера оставалось еще несколько поворотов клепсидры. Она не продержится столько времени без воды. Это жители пустыни в состоянии жить без глотка воды по целым дням — у них как-то особенно устроены тела. Может быть, есть какой-то второй желудок, где они хранят про запас выпитую прежде воду. Далесари читала в книгах о подобных вещах.

Как бы там ни было, она не обольщалась на свой счет: ее колокола отзвонили . Спасти ее может только чудо.

Ее скакун тоже начал испытывать страдания от жажды. Обычно эти звери довольно выносливы и неприхотливы, но всему есть предел, даже их терпению. Животное начало пофыркивать, что говорило о его недовольстве.

— Потерпи, я что-нибудь придумаю, — попыталась успокоить его Далесари. Она старалась сделать так, чтобы голос ее звучал уверенно.

Впрочем, она знала: ее спасет лишь случайность. Счастливая случайность, и ничего больше.

Тот человек, который напал на нее в пустыне... Сперва Далесари полагала, что это было случайностью. Подобные дикие места часто служат убежищем для разного отребья. Встретив беззащитную женщину, разбойник решил, что это самая легкая и удачная добыча, и напал на нее. Но поразмыслив, она пришла к выводу, что ошибалась. Разбойник держался так, словно в точности знал, чего хочет. А хотел он убить ее. Таково было его изначальное намерение.

И это само по себе странно. Как правило, молодых женщин не убивают. Ими пользуются, а потом продают в рабство. Юная красавица всегда и везде будет пользоваться спросом.

Этот же разбойник имел в мыслях лишь убийство. И только увидев Далесари обнаженной, не сумел совладать со своими инстинктами.

И о чем говорит такое поведение? Далесари пыталась рассуждать спокой-

но, отстраненно, как будто речь шла не о ней самой, а о ком-то постороннем, совсем незнакомом.

— Такое поведение свидетельствует лишь об одном, — заключила Далесари. — Его наняли. И наняли именно для того, чтобы меня уничтожить, и ни для чего иного. И не будь он таким похотливым идиотом, я была бы уже мертва...

Она содрогнулась при этой мысли и поехала быстрее. Неожиданно впереди она увидела несколько пальм. Далесари знала о том, что в пустынях бывают миражи. Измученному жаждой путнику видятся деревья, прохладные водные источники... но приблизившись к ним, он падает лицом в песок. Ничего, кроме раскаленного песка и смертоносного одиночества.

Но ее верховой зверь громко закричал и сам прибавил ходу. Значит, вода настоящая! Далесари было известно о том, что животные не подвержены иллюзиям, они лишены воображения и полагаются лишь на собственные зрение, слух и обоняние.

Вот оно, чудо, на которое Далесари не смела надеяться!

Она упала лицом на шею своего скакуна, предоставив тому самому выбирать путь. Зверь бежал легко, унося свою всадницу навстречу спасению.

Должно быть, она впала в забытье, потому что когда зверь остановился, Далесари едва не упала на землю. Да, оазис был настоящий. Совсем небольшой: пять пальм и обнесенный невысокой изгородью источник.

Прохладная вода била из глубины. Камни, ограждавшие колодец, были всегда влажными. По ограде бегали блики, отбрасываемые водой.

Рядом с колодцем лежало кожаное ведро, а для водопоя животных имелась специальная колода. Держась на ногах из последних сил, Далесари оттащила своего скакуна от воды, чтобы он не сунулся туда мордой и не замутил источник, и привязала его к пальме. Зверь возмущенно фыркал и бился.

— Подожди, — сказала Далесари строгим тоном.

Она набрала воды в колоду и подала зверю, после чего напилась сама. Она почувствовала, как воскресает. До сих пор ей казалось, что ее кожа грубеет, делается жесткой и трескается, как у лягушки, вытащенной из болота и оставленной посреди дороги. Теперь все ожило, задышало.

Она наполнила бурдюки, налила воды во флягу.

Пальмы не отбрасывали тени, но у Далесари было покрывало, и она соорудила небольшой навес, натянув ткань между двух стволов.

Конечно, оставаться здесь надолго небезопасно. Кто знает, кто может приехать к этому источнику, чтобы напиться и напоить животных! Если здесь водился один разбойник, может найтись и другой, а то и целая дюжина.

Но Далесари чувствовала, что не в силах больше продолжать путь. Ей следует отдохнуть, выспаться, привести в порядок мысли и чувства. Иначе она попросту свалится посреди пустыни и умрет.

Она отвязала своего зверя, зная, что тот не уйдет далеко от воды и от своей хозяйки, забралась под навес и мгновенно погрузилась в забытье. Усталость и

переживания сделали свое дело — сон сморил Далесари в считаные мгновения.

* * *

Неожиданно Конан остановил коня. Его спутник едва не налетел на киммерийца.

— Смотри, куда едешь! — буркнул Конан. — Кажется, в пустыне достаточно места, чтобы разъехаться двум всадникам... Или у тебя срабатывает привычка горожанина — жаться к соседу и непременно втирать того в стену?

Югонна промолчал. Он уже достаточно долго изучал характер киммерийца, чтобы понять: тот чем-то взволнован, и сейчас его лучше не злить.

— Смотри. — Конан поднял руку, указывая направления.

Югонна повернулся в ту сторону, куда показывал варвар, и увидел далеко впереди слабое мерцание. Воздух как будто дрожал и переливался.

— Что это? — спросил Югонна.

— Там должен быть оазис, — уверенно ответил варвар. — Все приметы на это указывают. Смотри.

— Я ничего не вижу, — признался Югонна.

Киммериец насмешливо фыркнул.

— Разумеется... Знаешь что, Югонна, я, по правде говоря, тоже ничего не вижу, кроме этого мерцания в воздухе. И мерцание это мне не особенно нравится. Когда-то я знавал одного старика — тот угадывал близость воды просто по цвету песка. Наклонялся и нюхал, а если находил среди песчинок красную крапинку, то ликовал и приказывал копать на том месте.

— И находили воду? — спросил Югонна.

— Да.

— И он никогда не ошибался?

— Один раз сочли, что он ошибся. Копали долго, но никакой воды там не обнаружили. Люди это были на расправу скорые, они очень прогневались на старика. Он называл их болванами и не скупился на бранные слова, и ухитрился так разъярить их, что они его убили.

— И что было потом?

— Ты умный, Югонна, если догадался, что история на этой смерти не закончилась. Все эти люди умерли от жажды — кто через день, кто через два. А потом на это место явились другие. Они увидели труп старика и разозлились, потому что во всей пустыне было не сыскать второго такого кудесника по части поисков воды. Они продолжили копать там, где остановились их предшественники, и через колокол упорного труда все-таки нашли воду. Она была там, только следовало потрудиться больше, чем рассчитывалось изначально...

— Печальная история.

— Пустыня полна печальных историй, — сказал Конан. — И наша с тобой задача — не стать героями еще одной. Поэтому будь начеку, Югонна. Здесь не-

хорошее место. И что-то не помню я в этих краях никакого оазиса. Колодец должен находиться вон там, к югу отсюда.

— Но воздух дрожит...

— Да, — резко обрубил Конан. — Сдается мне, нас морочат миражи.

— Подойдем ближе? — спросил Югонна.

— Да, тем более, что следы ведут именно туда.

— Сколько ни смотрю, куда ты показываешь, никаких следов не вижу, — признался Югонна.

— Ты читаешь книги на всяких там древних языках, а я читаю следы на песке, — сказал киммериец. — Пусть каждый занимается собственным делом, хорошо? Я говорю тебе, что твоя подружка проехала здесь и что она направлялась прямехонько туда, где дрожит воздух. Значит, так оно и есть. Не задавай мне больше никаких вопросов, потому что — клянусь Кромом! — я сделаю с тобой то, что глупые землекопатели сделали со стариком, отыскавшим воду.

Югонна счел за лучшее замолчать и отвести глаза, чтобы киммериец не смог догадаться о его мыслях.

Оба путника снова двинулись вперед. Конан то и дело приостанавливал коня и всматривался в странную картину, которая открывалась перед ними. Киммериец отказывался верить в то, что это оазис.

— Ты ведь видишь, там пальмы и огражденный колодец, — сказал Югонна. — Если бы это был мираж, мы с тобой видели бы разное. К примеру, передо мной был бы город с множеством фонтанов, а перед тобой — караван-сарай и большая бочка эля...

— Хорошего ты обо мне мнения! — хмыкнул Конан. — Впрочем, ты прав: мы действительно видим одно и то же. Пять пальм и колодец. Невысокое каменное ограждение, коновязь, колода для скота...

— Ты различаешь даже такие детали? — удивился Югонна.

— А ты разве нет?

Югонна смущенно отвел глаза.

— Я слишком много времени проводил за книгами и опытами с зеркалами и стеклами... Боюсь, это повредило мое зрение. Но пальмы я различаю. А кроме того... Нет, этого не может быть!

Он оборвал сам себя и замолчал, болезненно моргая веками. Но сколько он ни вглядывался, ничего рассмотреть толком не мог.

Конан неожиданно принял решение и погнал коня вперед. Животное и само рвалось туда, раздувало ноздри, ржало — оно чуяло воду. В этом не было ошибки. Югонна, выказав себя недурным наездником, помчался вслед за варваром. Они проскакали несколько десятков полетов стрелы, но оазис не приблизился к ним ни на шаг. Конан натянул поводья и повернулся к Югонне.

— Что скажешь?

— Скажу, что ничего не понимаю... Это действительно оазис?

— Судя по поведению лошадей, да, — хмуро ответил Конан. — Но нам туда

не добраться. Он как будто все время отодвигается. Можно подумать, эта штука дразнит нас, заставляет держаться поодаль.

— Зато теперь я вижу его гораздо лучше, — возразил Югонна. — Возможно, мы все-таки приблизились, только воздух пустыни каким-то образом так преломляет солнечные лучи, что нам кажется, будто оазис стоит на месте...

— Выражайся яснее, — сказал варвар. — А главное — перестань воображать, будто я такой неотесанный невежда, которому можно заморочить голову разной ерундой. Полагаешь, я не разбираюсь в таких штуках? Многие делали подобную ошибку. И поплатились за нее. Иные — очень сурово поплатились.

— Я учту, — сказал Югонна.

— Вот и хорошо. Так что ты хотел мне сообщить, умник?

— Только одно. Если раньше я видел оазис очень плохо, а теперь вижу его лучше, значит, он приблизился. Точнее, мы приблизились к нему, а он дозволил нам это.

— Ясно.

— Я даже могу рассмотреть... — Югонна сощурился и вскрикнул: — Нет, этого не может быть!

— Чего не может быть? — нахмурился Конан.

— Это она!

— Кто?

— Далесари! Моя невеста! Она там, в оазисе! Я вижу ее, она спряталась от солнца под навесом и спит... Мы достигли цели, Конан! Спасибо тебе!

Киммериец поморщился. Неумеренные изъявления восторга со стороны его спутника показались Конану неприятными, а то обстоятельство, что Югонна прослезился, вызвало у киммерийца легкий смешок.

— Ты уверен, что видишь ее? — осведомился Конан.

Югонна повернул к нему раскрасневшееся лицо, покрытое пятнами солнечных ожогов.

— Разумеется, я ее вижу! — воскликнул он. — А ты разве нет?

Киммериец сощурил глаза.

— Возможно... Что-то белое там определенно есть. Между стволами пальм.

— Это навес! А под навесом — Далесари.

— Я ведь не говорю, что это не так, зачем же кипятиться? — фыркнул Конан. — Если Далесари там, значит, скоро вы сольетесь в объятиях.

Югонна посмотрел на варвара с укоризной.

— Почему ты смеешься над нашим чувством?

Киммериец вздохнул.

— Я вовсе не смеюсь. Ха. Ха. Поехали, не будем терять времени. Может быть, ты начнешь видеть этот оазис еще лучше, и это послужит тебе утешением. Потому что, с моей точки зрения, мы не приблизились к нему ни на шаг.

Глава шестая
Пятое зеркало

Далесари видела тревожные сны. Ей снилось, будто она замурована в прозрачном шаре, и эта хрустальная гробница помещена посреди раскаленного мира, и нет надежды на спасение. Она мечется внутри шара, пытаясь найти выход, но везде встречает одно и то же: прозрачную преграду, которую невозможно разбить.

Она начинает звать на помощь, но голос ее вязнет и теряется. Она обречена на вечное одиночество, на бесконечные зимы заточения... Далесари горько заплакала во сне, но не пробудилась.

Она перевернулась на другой бок, и ей снова стали сниться сны, один тревожнее другого. И все эти видения разворачивались внутри непроницаемого для внешнего мира хрустального шара посреди пустыни...

* * *

Конан и его спутник скакали навстречу таинственному оазису уже несколько колоколов. За это время солнце сместилось на небе ближе к краю горизонта. Через колокол оно начнет опускаться, а через два на земле наступит ночь.

Наконец киммериец вынужден был признать, что оазис действительно приблизился. Заколдованное место подпустило к себе настойчивых путников на расстояние в полет стрелы. Югонна ликовал. Он был прав! Этот оазис — реальность, и до него можно добраться. Осталось только пробить магическую защиту, окружавшую клочок земли посреди пустыни, и освободить женщину, спящую под навесом среди пальм.

Пару раз из-за стволов показывалось животное с длинной шеей. Оно выглядело очень довольным: не нужно было никуда скакать, можно полежать возле воды, насладиться прохладой. В конце концов оно улеглось возле своей хозяйки и засунуло голову под навес.

— Они бывают забавными, — сказал Югонна, обращаясь к Конану. — Иногда так привязываются к своим хозяевам, что начинают ласкаться и даже пытаются забраться на колени, как балованные собачки.

— Хороша собачка, — пробурчал Конан. — Мясо у них вкусное?

Югонна содрогнулся.

— Как можно даже думать об этом!

— Едим же мы конину, — ответил варвар, поглаживая своего скакуна по шее.

Югонна вдруг сообразил, что киммериец дразнит его, и надул губы. Опять он попался! Конан расхохотался.

— Ты чрезвычайно легковерен. В ученом человеке это странно.

Югонна не ответил. Он снял с пояса флягу и глотнул воды. И замер, держа флягу на отлете.

— Тише...

Но предостережение оказалось излишним: Конан и сам уже услышал звук. Кто-то быстро приближался к обоим путникам. Кто-то покрытый жесткой чешуей, которая скрежетала при каждом движении.

И бежало это существо с устрашающей скоростью...

Скоро оно показалось из-за барханов. У Югонны душа ушла в пятки. Он никогда прежде не видывал ничего подобного. На них мчалась огромная ящерица. Ее тело извивалось, как у змеи, но поддерживали это тело мощные когтистые лапы. Крохотные желтые глазки рептилии горели дьявольским огнем, из пасти, полной острых зубов, высовывался фиолетовый раздвоенный язык.

Конан выхватил меч.

Ящерица остановилась и испустила громкий скрежещущий звук. Лошади перепугались и поднялись на дыбы. Югонна, менее опытный наездник, сразу же вывалился из седла, а Конан пытался укротить своего коня еще некоторое время, но животное отказывалось слушаться. Коня охватил панический ужас. Очевидно, рептилия умела вызывать это чувство в других животных.

В конце концов Конан спрыгнул на землю, держа меч наготове.

У Югонны был только длинный кинжал, которым снабдил своего спутника киммериец. Сейчас молодой человек вцепился в рукоять этого кинжала с таким видом, словно дал себе торжественную клятву — дорого продать свою жизнь. Будь ситуация менее серьезной, Конан от души посмеялся бы над мрачным выражением лица, с которым Югонна взирал на ящерицу.

Ящерица снова заверещала, а затем выплюнула длинную струю какой-то прозрачной жидкости. Она явно целилась в киммерийца. Конан успел отскочить в сторону, и ядовитая слюна рептилии попала в песок.

Песок начал плавиться, над ним поднялся зловонный дымок.

— Что это? — задыхаясь, крикнул Югонна.

— Просто уворачивайся, — ответил киммериец. — Не позволяй этой штуке попасть тебе на кожу. Остальное я сделаю сам.

— Но что это? — снова повторил Югонна.

— Делай как я сказал! — зарычал Конан. — Не болтай! Не отвлекайся! Когда я добуду тебе труп, ты сможешь изучать его, сколько тебе вздумается, а пока — заткнись!

Ящерица резко развернулась, взметнув хвостом тучу пыли. Следующий плевок был нацелен в Югонну. Предупрежденный Конаном, тот отскочил, и снова по песку пролегла блестящая дорожка оплавленной массы.

Конан между тем приблизился к ящерице и ударил ее по хребту мечом. Сталь заскрежетала по жестким чешуям, не причинив рептилии никакого вреда. Почувствовав удар, ящерица снова метнулась к Конану. И опять плюнула. На сей раз слюна задела чахлый кустик какого-то еле живого растения. Сухие листья вспыхнули.

Конан перекатился по песку и вскочил на ноги.

— Эй, я здесь! — заорал он, направляя меч прямо в глаза рептилии.

Но глаза эти были слишком маленькими, чтобы через них можно было добраться до мозга ящерицы. Меч попросту не прорубит глазницу.

Ящерица зашипела, стуча хвостом по земле. Ее когтистые лапы заскребли песок и прорыли глубокие борозды.

Конан ловко ушел от очередного плевка, а затем ткнул ящерицу мечом в бок. Она не знала, куда прицелиться. Двое мужчин метались перед ней из стороны в сторону. Не реагировать на движение рептилия попросту не могла — инстинкт заставлял ее набрасываться на все живое, ибо любая живая теплокровная тварь воспринималась ею как пища, как ее законная добыча.

Но какую цель поразить первой? Она прицеливалась в Югонну и тут же видела подбегающего Конана, она поворачивалась к варвару, и в результате плевок попадал впустую.

— Скоро ее слюнные железы истощатся, — задыхаясь, сказал Югонна.

Конан только зарычал сквозь зубы. Он предпочитал не задаваться вопросами касательно «слюнных желез», ибо по собственному горькому опыту знал: встречаются монстры, к которым неприменимо знание, вполне приемлемое, когда речь идет об обыкновенных существах.

Ящерица плюнула особенно обильно, как бы желая опровергнуть заявление Югонны, а затем, разворачиваясь, сбила молодого ученого с ног. Он покатился по песку, крича от боли: жесткая чешуя до крови расцарапала его лицо, и без того пострадавшее от солнечных ожогов.

Ящерица плюнула ему вслед, но промахнулась. Конан между тем наконец увидел уязвимое место на теле рептилии: у основания шеи ящерица потеряла одну чешуйку. Киммериец не мог бы определить, как это произошло: вследствие несчастного случая или из-за обычной линьки. Как бы там ни было, но Конан теперь знал, куда вонзить меч.

С громким боевым кличем киммериец прыгнул прямо на спину ящерицы. Она завертелась под ним, желая сбросить дерзкого человека и растоптать его, а затем наконец сожрать. Но Конан крепко держался одной рукой за чешую, другой тем временем вытаскивая из-за пояса один из своих метательных ножей. Меч ему пришлось отбросить. Это было рискованно, потому что в случае неудачи Конан оставался бы один на один с разозленной рептилией — и почти совсем безоружным.

Но дело того стоило. Ящерица вдруг поднялась на задние лапы и встала торчком, приобретя пугающее сходство с человеком. Наблюдавший за схваткой издалека Югонна с ужасом и отвращением подумал, что так выглядел бы великан, покрытый чешуей и отрастивший себе непомерные когти.

Сбросить со спины киммерийца, однако, рептилии не удалось. Конан предвидел нечто подобное и хорошо закрепился среди чешуй ящерицы. Он упирался обеими ногами в зазоры между чешуями, да еще держался рукой. И когда ящерица, постояв и подергав в воздухе передними лапами, снова утвер-

дилась на четырех конечностях, Конан с силой вонзил кинжал в открытое место на спине ящерицы.

Сталь с трудом пропорола жесткую серую кожу и вошла в плоть. Очевидно, она задела позвоночник и причинила рептилии страшную боль.

Ящерица испустила оглушительный вопль. Это было нестерпимо громкое скрежетание — как будто кто-то водил ножом по стеклу, только в десятки раз громче.

Конан кубарем скатился на землю и поспешил убраться подальше от агонизирующей твари. Рептилия билась всем телом о землю. Она подпрыгивала высоко в воздух, извивалась в полете и со всего маху обрушивалась обратно наземь, вздымая при этом тучи песка. Земля гудела от этих ударов.

При каждом толчке она выплевывала яд, и все вокруг покрылось блестящими «блюдечками» оплавленного песка.

Ни один из наблюдателей не смог бы сказать, как долго продолжалась эта агония. Югонне показалось, что ящерица умирает бесконечно, Конану в конце концов сделалось просто скучно. Но вот прыжки ящерицы стали менее яростными, она перестала извиваться и лупить хвостом и лапами, а потом и вовсе затихла.

Конан подождал, пока ее глаза затянутся мутной пленкой, и только после этого приблизился. Югонна с опаской наблюдал за ним.

Конан обернулся и с усмешкой посмотрел на приятеля:

— Не хочешь исследовать эту тварь? Кажется, ты ученый. Тебя должны интересовать такие вещи. Как ты там говорил? Слюнные железы? Можешь теперь посмотреть ее слюнные железы. Можешь их вырезать и носить с собой.

— Конан, о чем ты говоришь?

— Да ни о чем. У меня был знакомый, он носил с собой яйца одного зверо-ящера, которого убил несколько зим назад. Такие сморщенные черные...

— Довольно! Меня сейчас стошнит, — вскрикнул Югонна.

— А, ну это дело хорошее, — равнодушно сказал Конан. — Блюй себе на здоровье. В пустыне места много, не забыл?

Рептилия действительно была мертва. Конан извлек из трупа свой кинжал, подобрал меч и еще раз осмотрел ящерицу. Интересно, чьими чарами создана эдакая тварь?

— Ты думаешь, это колдовство? — спросил Югонна.

Конан резко повернулся к нему.

— С чего ты взял, что я думаю о колдовстве?

— Я не читаю твоих мыслей, если ты этого боишься, — поспешно отозвался Югонна и тотчас прикусил язык: заподозрить Конана в том, что он чего-то «боится»! Только глупец мог брякнуть такое. — Я хочу сказать, не стоит предполагать, будто я колдун. Просто я тоже думал о чарах. Но нет, это никакие не чары. Просто пустыня порождает иногда весьма странных чудищ.

— Ну да, приблизительно так я и думал, — проворчал Конан.

— К тому же, — осмелев, продолжал Югонна, — мне тут пришло в голову...

Киммериец устремил на него пронзительный взгляд. Югонне пришлось собрать все свои силы, чтобы не смутиться и продолжить:

— Я занимался изучением свойств стекла и зеркал, их отношением к свету... Смотри, во что эта тварь превратила песок...

Конан наклонился, потрогал блестящую поверхность оплавленного песка.

— Кажется, я начинаю понимать, — проговорил он.

— У нас теперь есть несколько больших кусков почти прозрачного стекла, — продолжал Югонна, чувствуя небывалый прилив энергии. — Я попробовал бы соорудить из них нечто вроде специального прибора... Сдается мне, этот оазис не просто «заколдован» — в твоем понимании... Здесь работают какие-то странные законы изменения света. И я попробую преобразовать эти законы. Помоги мне выкопать стекло и очистить его.

Югонна указал на полупрозрачную массу, блестевшую под солнцем. Конан пожал плечами. Когда он сталкивался с магами, он не чувствовал себя глупо только в одном случае: если маг пытался его убить, а он, Конан, в свою очередь, разил мага. Все другие способы взаимодействия с подобными людьми вызывали у киммерийца недоумение.

Как будто угадав мысли своего спутника, Югонна улыбнулся:

— Я ведь уже говорил тебе, что я не колдун, а ученый. Я исследовал в лабиринах свойства прозрачных материалов. Далесари попала в хрустальную ловушку. И разрушить эту западню могут такие же зеркала, какие создали ее.

— Думаешь, здесь побывал ее дядюшка?

— Уверен.

Конан наклонился и поднял ближайший к нему кусок стекла. Увы! Киммериец приложил слишком большую силу и действовал чересчур порывисто: стекло сломалось у него в руках.

Югонна не сдержал удивленного восклицания.

— Что такое? — сердито нахмурился Конан.

— Ты очень силен.

— Знаю.

— Следующий раз будь поосторожней.

Конан извлек следующий кусок. Этот оказался поменьше, но тоже достаточно большой. Югонна тотчас схватил стекло и принялся полировать его рукавом своей одежды. Конан не без одобрения подумал о том, что щеголь-аристократ, по крайней мере, не боится испачкать свои драгоценные тряпки, когда доходит до дела.

И снова Югонна угадал мысли киммерийца.

— Такой плотный шелк как нельзя лучше подходит для наведения глянца на поверхность зеркал, — объяснил он. — В лабиринте я пользовался чем-то похожим. Да и рубаха все равно испорчена.

Конан пожал плечами.

— Сдается мне, один рукав такой рубахи стоит приблизительно столько же, сколько коза.

— Коза? Для чего мне коза? — засмеялся Югонна.

— Коза может прокормить небольшое семейство, — ответил киммериец. — В некоторых областях к этой теме не отнеслись бы так легкомысленно.

— Прости, — не прекращая работы, отозвался Югонна. — Я никогда не думал о жизни с этой точки зрения.

— В Авенвересе нет бедняков?

— Есть, наверное... Мы, ученые лабиринта, обитаем в собственном мире, отделенном от всего остального. К тому же, мой дом стоит в аристократическом квартале.

— Здесь тоже есть богатые кварталы в городах, — заметил Конан, трудясь над извлечением следующего куска стекла. — Но совсем неподалеку от дворцов можно увидеть и хижины... Впрочем, какое мне дело! — неожиданно киммериец рассердился. — Я всего хлебнул, и богатства, и нищеты, и свободы, и рабства, и знаешь что я тебе скажу? Из всего, что я пережил, свобода пришлась мне по вкусу больше всего. Так что я, как и ты, не стану на свою долю покупать козу. Эта скотина свяжет по рукам и ногам...

Югонна засмеялся.

— Забавно ты рассуждаешь. Я тоже не стану покупать козу.

— По крайней мере, в этом мы сходны.

Югонна закончил очищать первое стекло и установил его торчком в песке, так, что солнечные лучи, проходя сквозь него, падали на оазис, где находилась Далесари.

Второе стекло заняло место поодаль от первого, третье — точно напротив первого, четвертое — напротив второго. Таким образом, лучи света, проходя сквозь эти стекла, образовывали крест, а сердцевина этого креста приходилась на сам оазис, точнее — на водный источник в центре оазиса.

— Теперь осталось установить самое главное стекло, пятое, — сказал Югонна, созерцая плоды их с Конаном неустанных трудов. — Это стекло — точнее, зеркало — будет самым главным. Оно должно будет поймать солнечный луч, вобрать его в себя и перенаправить в остальные стекла.

— В бубен бить не будем? — осведомился Конан.

— Что? — не понял Югонна.

— Заклинать духов? Плясать? Выкликать заклятья?

— Ничего подобного, даже и не надейся. Какой ты упрямый, Конан! Я ведь уже говорил тебе...

— Да, но звучит все это неправдоподобно, скажу по чести.

— Я догадался, каким способом Ронселен устроил эту ловушку. А если знаешь, как вещь сделана, всегда сообразишь, как можно ее разрушить.

— Согласен, — кивнул Конан и тут же добавил: — Впрочем, я не слишком хорошо знаю устройство человеческого тела, где там у него разные важные потроха расположены, зато разрушить...

— Все, довольно! Ты невыносим.

Киммериец пожал плечами, втайне очень довольный тем, что посадил ученого в лужу и что последнее слово оставил все-таки за собой.

Пятое стекло Югонна полировал с особым старанием. Киммериец отметил про себя, что изнеженный ученый ни разу не пожаловался на голод, хотя оба они не ели уже довольно давно и к тому же растратили много сил на сражение с плюющейся ящерицей. Должно быть, Югонна не лгал, когда говорил о себе как об увлекающейся натуре. Стоило Югонне заняться чем-то, что по-настоящему заполняло его мысли, и он позабыл даже о потребностях своего тела.

Что ж, себя Конан никак увлекающейся натурой не считал. Поэтому он вытащил из-за пазухи сверток, в котором обнаружилась лепешка и кусок чрезвычайно жесткого и почти черного вяленого мяса и принялся жевать.

Югонна же трудился над своим зеркалом и даже не заметил этого. Немало позабавившись такому усердию, Конан решил оставить кусок для труженика-аристократа, хотя первоначально такого намерения не имел.

Наконец Югонна закончил работу и только тогда поднял глаза.

— У тебя есть хлеб, как хорошо! — простодушно воскликнул он. — Очень есть хочется. Только сейчас понял.

Конан молча протянул ему остатки жалкой трапезы, и Югонна сгрыз мясо в считанные мгновения, а лепешку проглотил.

— Теперь я чувствую себя человеком! — потирая от удовольствия руки, объявил он. — Пойдем, посмотрим, где лучше установить зеркало. Солнце уже садится, так что начинать работу будем поутру, с рассветом. Так, солнце садится вон там... — Он с озабоченным видом указал на небо. Можно было подумать, это именно Югонна распоряжался закатами и восходами и сейчас беспокоился о том, чтобы все прошло гладко и без осложнений. — Стало быть, взойдет оно с той стороны... Поправка на время зимы... Так... Луч пройдет сквозь стекла в направлении с юго-востока на северо-запад с небольшим отклонением...

Бормоча все эти малопонятные слова, Югонна двинулся в путь вокруг оазиса. Они уже не в первый раз обходили оазис.

Теперь Конан хорошо видел, что там, возле источника, действительно спит девушка и бродит животное с длинной шеей. Стеклистое мерцание окружало их, вместе с пальмами и колодцем. Далесари была как будто накрыта огромной прозрачной чашей.

После упорных попыток подобраться к ней поближе двое путников все же оказались возле самой стеклистой стенки. Только вот прикоснуться к ней рукой никак не удавалось — стена тотчас отодвигалась вместе с помещенным внутрь нее оазисом. Поэтому приятели решили довольствоваться тем, что они по крайней мере стоят поблизости от таинственного оазиса.

— Не будем ее трогать, иначе она может переместиться за сотни полетов стрелы отсюда, — предложил Югонна. — И нам опять придется гнаться за ней.

Конан молча кивнул.

Югонна разместил пятое зеркало в том месте, которое считал наиболее подходящим, и, полюбовавшись на свою работу, растянулся поблизости на песке.

— Теперь можно и поспать, — объявил он. — Сейчас мы ничего больше сделать не в состоянии. Зато завтра, когда взойдет солнце...

Он не договорил. Сладко зевнув, Югонна тотчас погрузился в крепкий сон.

* * *

Конан, как обычно в подобных ситуациях, спал вполглаза. Звериным чутьем, присущим варвару, он чуял, что злокозненный старик бродит где-то поблизости. Из всего, что Конану удалось узнать о Ронселене, киммериец сделал один вывод: дядюшка Далесари не из тех, кто отступается от своего. Ронселен поставил себе целью разлучить влюбленных и не допустить брака Далесари — и он не остановится, пока не избавится от племянницы, а заодно и от опасности разоблачения.

Поэтому Конан пробудился от еле слышного шороха и сразу же сомкнул пальцы на рукояти меча.

В непроглядной тьме ночи явно кто-то был. Кто-то, кто очень тихо ступал по песку. Несколько мгновений Конан прислушивался, не предпринимая никаких действий. Скорее всего, чужак почти ослеп в кромешной темноте. Очень скоро он выдаст свое присутствие, и тогда Конан легко схватит его.

Сам киммериец, в отличие от большинства «цивилизованных» людей, хорошо видел в темноте, так что сейчас у него было преимущество перед неизвестным. Конан продолжал ждать.

Чужак находился еще довольно далеко от того места, где спали Югонна и его спутник. Он шел очень медленно и то и дело останавливался и прислушивался. Конан улыбнулся. Скоро все сомнения негодяя будет разрешены — раз и навсегда!

И тут произошло нечто неожиданное. Раздался оглушительный звон — разбилось одно из стекол. И почти сразу же после этого быстрые шаги прозвучали по песку и стихли в отдалении.

Ругаясь последними словами, Конан вскочил и бросился в погоню. Тщетно — незнакомец скрылся, как будто растворился в ночи.

От звона пробудился и Югонна.

— Что случилось? — сонно спросил он.

— Здесь был Ронселен, — ответил Конан зло. Больше всего он злился на самого себя за то, что недооценил «дядюшку». Тот оказался ловчее, чем предполагал киммериец! — Разбил зеркало и скрылся.

— Проклятье! — Югонна схватился за голову. — Что же делать? Мы не успеем подготовить новое зеркало до восхода солнца и потеряем еще один день. А за день может произойти слишком многое... Быть может, сон Далесари станет настолько глубоким, что она больше уже никогда не проснется...

Его отчаяние было таким глубоким и всеохватным, что Конан ощутил подобие сострадания.

. — Думаю, мы сумеем достать пятое зеркало гораздо быстрее, чем ты думаешь, — сказал он.

Югонна повернулся к собеседнику, невидимому в черноте ночи.

— Но как? — В голосе говорившего прозвучали слезы.

— С восходом солнца увидишь, — обещал Конан, растягиваясь на песке. — Верь мне, Югонна.

И Югонна, как ни странно, поверил. Он снова улегся и скоро опять заснул. Конан только головой покачал. Как можно быть таким доверчивым! Уму непостижимо. Странный народ эти аристократы: в чем-то горды, как демоны, а в чем-то простодушны — ну совершенно как дети.

* * *

Первый луч солнца показался из-за горизонта, и все небо вспыхнуло ослепительно яркими красками. Югонна вскочил, как будто его толкнули.

Киммериец храпел, разметавшись на песке, и Югонне стоило немалых сил разбудить его. Впрочем, отчасти Конан дразнил своего товарища.

— Конан! Солнце встает! Нам необходимо пятое зеркало.

Конан лениво приоткрыл глаз.

— Кто встает? Что ты кричишь? Где враги?

— Солнце встает, поторопись! Ты говорил, что найдешь зеркало еще до восхода!

— А...

Конан широко зевнул и уселся. Потер глаза и с веселой ухмылкой глянул на взволнованного Югонну.

— Ты помнишь то место, где устанавливал пятое зеркало?

— Конечно... Там, наверное, остались осколки.

— Идем.

Конан вскочил на ноги и зашагал рядом с удивленным Югонной. Когда они очутились возле кучи осколков, солнце как раз поднялось над горизонтом, и куча битого полированного стекла вспыхнула мириадами искр. Конан вынул из ножен меч и с силой вонзил в песок. Лучи солнца отразились от полированной стали.

— Ну что, Югонна, читай свои заклинания!

— Сколько раз тебе говорить, что никаких заклинаний мне не потребуется. Солнечный свет все сделает сам, без особой просьбы.

— Посмотрим...

Собранные на поверхности клинка в пучок лучи внезапно разошлись веером и, увеличенные стеклами, пронзили прозрачные стены незримой ловушки. Купол над Далесари стал золотым, затем золото поблекло, приобрело ржавые оттенки, и вот уже опрокинутая чаша, накрывшая оазис, пылает алым.

Конан наблюдал за этими превращениями света, покусывая нижнюю губу. Даже если это и чары, то очевидно не направленные против него, Конана. Следует подождать и посмотреть, как развернутся события.

Алое горение вдруг прекратилось. «Чаша» снова стала прозрачной.

И тогда Югонна осторожно приблизился к ней и протянул руку. На сей раз рука свободно прошла сквозь незримую стену. Югонна с улыбкой повернулся к Конану.

— Получилось!

— Подожди радоваться, сперва забери оттуда девчонку да разбуди ее, — буркнул киммериец. — Может быть, все гораздо хуже, чем выглядит.

Сегодня он был настроен мрачнее обычного. Не нравились Конану все эти фокусы с зеркалами. Никогда из зеркал ничего хорошего не выходило. Конану на ум приходили разные колдуны, которые ухитрялись создавать двойников при помощи магических зеркал, и каждый из этих двойников был занят только одним делом: пытался угробить киммерийца. А зеркала, помогавшие колдунам следить за другими людьми, даже не выходя из своих башен! Зеркала, выпивавшие из людей души, зеркала-соглядатаи...

Конан покачал головой. Теперь вся эта затея Югонны показалась ему до крайности глупой. И опасной. Но было уже поздно останавливать Югонну. Он вошел под незримый купол и наклонился над спящей Далесари.

Верховое животное девушки узнало молодого человека. Оно выбежало из-за пальм и, наклонив длинную шею, потерлось мордой о плечо Югонны, едва не опрокинув того на землю.

— Пусти, пусти... — Он, смеясь, отталкивал морду зверя, но в ответ слышал лишь пофыркивание. — Пусти же! Я должен вынести ее отсюда.

Слушая знакомый голос, животное успокаивалось. Оно провело беспокойную ночь. Звериный инстинкт говорил ему о том, что они с хозяйкой угодили в какую-то западню и что выбраться отсюда будет непросто. Зверь неустанно бродил по оазису, то и дело натыкаясь на невидимые преграды. Это бесило его, он даже пытался бить копытами по стене, но никогда не попадал в цель.

Появление Югонны оказалось как нельзя более кстати. Зверь сразу же развеселился, начал мотать головой, фыркать, толкаться и проявлять дружелюбие разными другими способами. Например, попытался пожевать на Югонне одежду, а потом наклонился к Далесари и захватил мягкими губами ее волосы.

Югонна взял Далесари на руки и прижал к себе. Голова девушки бессильно мотнулась, руки повисли. Он тихонько похлопал ее по щеке.

— Далесари, это я, Югонна! Проснись!

Она в ответ лишь простонала что-то. Ее ресницы трепетали, глаза под веками перекатывались, тело покрывала холодная испарина. Далесари явно находилась во власти какого-то кошмара, но избавиться от него не могла.

Югонна понял, что должен вынести девушку отсюда, и чем скорее, тем лучше. Не стоит, наверное, даже пользоваться водой из этого источника.

С бесчувственной Далесари на руках он сделал шаг к свободе...

Глава седьмая

Освобождение

И тут Конан услышал за спиной дьявольский смех.

Киммериец резко обернулся.

Наконец-то он встретит врага лицом к лицу!

Только что здесь никого не было, Конан мог бы поклясться в этом, и вот на песке стоит, злобно ухмыляясь, старик в богатой шелковой одежде. Седые волосы старца были завязаны на макушке в хвост, его лоб охватывала широкая ярко-красная лента, украшенная драгоценными камнями. В руке он держал длинный тонкий меч и, судя по тому, как уверенно пальцы сжимали рукоять, обращаться с этим оружием старик умел недурно.

Конан сразу же понял, что не стоит обольщаться и надеяться на то, что почтенный возраст сделает Ронселена неопасным противником. Напротив. Ронселен, хоть и был совершенно сед, находился в том возрасте, когда силы еще не покинули человека, а опыт возрос стократно — по сравнению с более молодыми фехтовальщиками.

Богатые одежды Ронселена были расписаны изображениями устрашающих чудовищ. Одно из них, с длинными усами, хватало щупальцами кричащую красавицу и тащило ее на дно морское; другое — с кожистыми крыльями — опускалось на голову присевшего от ужаса человека с явным намерением разорвать беднягу когтями...

Конан подумал вдруг, что эти изображения, как в зеркале, отражают душу Ронселена. «Что ж, — подумал киммериец, — он играет в злодея и взращивает тьму в своей душе, в то время как я — само зло, если захочу!»

— Кром! — взревел киммериец. — Наконец-то ты осмелился предстать передо мной при ясном свете!

— Да? — насмешливо удивился старик, даже не подумав устрашиться. — А что, ты этого хотел — увидеть меня при ясном свете?

— Обычно ты крадешься в ночи!

— Да, это мое обыкновение, — согласился Ронселен. И заметив, что Конан метнулся к своему мечу, захохотал: — О да, сделай это! Выдерни свой меч из песка и обрушь на мою голову! Тебе ведь этого хочется?

Конан замер.

Внезапная догадка пронзила его: как только он извлечет меч из песка, разрушится сетка из солнечных лучей, сплетенная искусством Югонны, и ловушка опять замкнется.

И теперь внутри миража окажутся не только Далесари и ее зверь, но и Югонна.

Вероятно, проклятый колдун будет только счастлив, увидев, как киммериец собственными руками погубит своего спутника.

Конан выхватил из-за пояса кинжал. Краем глаза он видел, как Югонна, пошатываясь, бредет к границе миража, но граница эта все время отступает. Со стороны казалось, что Югонна с Далесари на руках шагает на месте, бесцельно поднимая и опуская ноги, а за ним так же бессмысленно топчется верховое животное.

Глаза Югонны были мутными. Казалось, он с трудом одолевает сонливость. Более того, обычно хитрый и сообразительный, Югонна утратил весь свой острый ум. Ему даже в голову не приходило сесть верхом на зверя или по крайней мере усадить на него Далесари. Он продолжал брести, не выпуская девушку.

«Наука наукой, — подумал Конан, — но здесь все равно действуют какие-то чары. И разрушить их можно лишь одним способом: отправив назойливого старца в Серые Миры».

С ножом в руках он набросился на Ронселена.

Выказывая ловкость, совершенно не вяжущуюся с обликом пожилого человека, Ронселен легко уклонился от первой атаки киммерийца. Пока Конан пружинисто выпрямлялся, Ронселен, стремительный, как нападающая кобра, нанес ему колющий удар в плечо.

— Кром! — рявкнул Конан. — Ты разозлил меня!

Ронселен лишь усмехнулся. Он не намеревался вступать в диалог. Все эти разговоры во время поединков лишь сбивают дыхание, и хитрые фехтовальщики пользуются этим. И рассердить Ронселена, вывести его из себя киммерийцу тоже не удастся. Ронселен давно вышел из того возраста, когда бесятся в ответ на насмешливое слово.

Конан отскочил и закружил вокруг своего противника, высматривая, как и куда лучше нанести удар.

Но Ронселен сохранял бдительность, и откуда бы ни замышлял атаку киммериец, ему навстречу всегда был устремлен клинок.

В какой-то миг Конан подумал, что никогда не сможет победить в этом сражении. Что ж, его задача — выиграть время. Возможно, он сумеет измотать Ронселена, и тогда... тогда можно будет рискнуть и метнуть нож.

Конан не сомневался в том, что со смертью колдуна пропадет и невидимая преграда. Своими зеркалами Югонна сделал стену проницаемой, но не сумел разрушить магию целиком и полностью.

Краем глаза Конан глянул на своего товарища. Кажется, Югонна немного приблизился к границе. Во всяком случае, теперь он казался чуть ближе, чем прежде. Но сил у него почти не оставалось. Он еле плелся, и только врожденное упрямство позволяло ему еще оставаться на ногах.

Сон упорно гнул Югонну к земле. Ничего на свете ему не хотелось так сильно, как лечь и забыться...

Но он продолжал оставаться на ногах. Он знал, что Конан смотрит на него. Конан сражается за него и Далесари. Как далеко еще идти! Какая утомительная дорога и как ужасно жарит солнце! Югонну ничуть не удивляло то обстоятельство, что его приятель вдруг оказался едва ли ни у самого окоема, в то вре-

мя как еще совсем недавно они стояли рядом и беседовали. Все казалось Югонне в порядке вещей.

Он болезненно щурил глаза, всматриваясь вдаль. Там, у края земли, крохотная фигурка Конана кружила вокруг другой крохотной фигурки — в ней Югонна угадывал Ронселена. И Ронселен, кажется, вооружен, а Конан безоружен. Солнце несколько раз вспыхивало на стали в руке старика.

Что случилось с мечом Конана? Почему киммериец не ударит Ронселена по голове своим замечательным широким прямым клинком и не покончит с врагом одним махом?

Как тяжела дорога!.. И не будет ей конца...

Пот заливал глаза Югонны, но у него не находилось сил даже на то, чтобы обтереть лицо. Он шел к краю света со своей невестой на руках...

Между тем Конан получил еще один укол, на сей раз в грудь, и только природная быстрота спасла киммерийцу жизнь: в последний миг он успел отклониться назад, так что острие меча лишь царапнуло кожу. Тем не менее кровь выступила на одежде. На тонких губах Ронселена показалась улыбка.

— Сдавайся! — сказал старик. — Ты проиграл. Отдай мне этих влюбленных дураков и уходи с миром. Это не твое дело, варвар, это мое дело.

— Нет! — ответил Конан.

Ронселен опустил меч, продолжая, впрочем, оставаться настороже.

— Почему ты защищаешь их? Они ведь тебе противны. Они должны быть тебе неприятны, варвар, потому что они — цивилизованные, изнеженные люди, для которых самое важное в жизни — их глупые, бесполезные книги. Ты знаешь, чем они занимаются? Он исследует свойства стеклышек, она изучает растения... По-твоему, это дело для взрослых людей?

— Мне все равно, чем они занимаются, — сказал Конан. — Да и на них мне наплевать. Но он заплатил мне и обещал отдать остальное после спасения его невесты.

— Так ты рискуешь жизнью из-за денег? — засмеялся старик. — Как глупо! Сколько он обещал тебе? Я дам больше, если ты уберешься отсюда.

Конан широко улыбнулся. Он услышал то, что хотел услышать. Ронселен на самом деле опасается Конана, коль скоро попытался его подкупить. Стало быть, имеется способ покончить с колдуном и его злыми чарами. Осталось только сообразить, в чем этот способ заключается.

С громким боевым кличем Конан набросился на Ронселена, рассчитывая застать того врасплох. Напрасные надежды! Навстречу Конану устремился меч.

— Я же говорил, что тебе не победить меня, — холодно проговорил старик, отгоняя от себя киммерийца.

Конан вновь двинулся по кругу, обходя своего врага в поисках уязвимого места...

И тут он услышал громкий, протяжный вой. Конан подскочил на месте и развернулся в ту сторону, откуда приближалась новая опасность.

По песку катилось чрезвычайно странное и жуткое с виду существо.

Оно представляло собой огромный шар — в обхвате как раз с человеческий рост. Вся поверхность этого шара непрерывно шевелилась и, казалось, увеличивалась в размерах прямо на глазах. Грязно-зеленого цвета складки покрывали весь шар, куда ни глянь, и кожистые образования в некоторых местах шара двигались и корчились. Казалось, эти наросты пытаются вытянуться, стать длиннее и ухватиться за что-то.

Но самым ужасным было то, что шар сохранил кое-какие черты человеческого лица. Так, среди кожистых складок то и дело мелькали широко раскрытые глаза. Два темных глаза человечьей формы, в которых горели ужас и ярость. Этот взгляд был вполне осмысленным. Кто бы ни обрел эту диковинную форму, он обладал развитым разумом.

Неожиданно Ронселен расхохотался. Казалось, он узнал существо.

Миг спустя старик подвердил догадку Конана, ибо Ронселен обратился к шару по имени:

— Ширкух! Как ты удивительно теперь выглядишь! Оделся по последней моде, не так ли? Ха-ха! Должно быть, моя племянница насыпала тебе перцу в глаза!

С громким утробным воем Ширкух (это действительно был незадачливый разбойник) покатился к Ронселену.

Старик ловко увернулся от него и выхватил из-за пояса маленький плоский предмет. На первый взгляд Конану показалось, что это кинжал, только очень короткий и с закругленным концом, но затем киммериец понял свою ошибку. То было еще одно зеркальце.

Ронселен выкрикнул несколько слов на непонятном языке и высоко поднял зеркало над собой. Оно вдруг вспыхнуло, и длинный пылающий луч вырвался из него.

В первое мгновение, как показалось Конану, старик хотел направить луч на киммерийца, однако затем передумал. С Конаном он справится и без магии, одним лишь мечом. Зеркальце обладало небольшой силой, расходовать ее следовало очень осмотрительно. И старик повернул горящую поверхность магического зеркала в сторону катящегося шара.

Луч ударил в бесформенную массу, и шар вспыхнул. Отчаянный крик заставил содрогнуться небеса.

То погибала целая вселенная.

Огромный мир, состоящий из мириадов жизней — колония грибов, наделенных коллективным разумом. Все эти существа, наполовину растения, наполовину животные, обладающие рассудком, погибали сейчас в пламени. И вместе с ними умирал доминирующий разум, который с одной стороны существовал сам по себе — как разум человека Ширкуха, а с другой — вмещал в себе тысячи, сотни тысяч маленьких рассудков, принадлежащих паразитам.

Голос Ширкуха гремел, дрожал, рассыпался на тысячи голосов и снова соединялся в единый вопль. И вместе с тем пылающий одушевленный шар про-

должал катиться, пока не достиг Ронселена. Все произошло в считанные мгновения.

Колдун осознал опасность слишком поздно: пламя сразу же охватило его. Жадные оранжевые языки впились в шелковые одежды, краска, которой щедро была расписана ткань, сразу же вспыхнула. Загорелись волосы и брови старика. Он несколько раз ударил мечом навалившийся на него шар, однако причинить большого вреда тому, что осталось от Ширкуха, уже не смог. Он пронзал и расчленял сотни маленьких существ, но на их место вставали другие, столь же крошечные. Обретя новую плоть, разбойник отчасти обрел вместе с ней и бессмертие.

Конан отбежал как можно дальше от схватки, чтобы его даже краем не задело. Он сразу оценил опасность, которую представлял собой Ширкух. Дело было даже не в пламени. Если хоть одна спора этих грибов попадет на кожу, можно сразу прощаться с жизнью.

Умереть киммериец не боялся. Он прожил славную жизнь воина и не сомневался в том, что Кром, давший ему дыхание, с радостью примет его обратно в свои чертоги.

Но погибнуть, будучи съеденным заживо какой-то плесенью? От одной мысли об этом ледяной пот проступил на лбу киммерийца. Ему уже грозила опасность быть проглоченным огромной змеей или разорванным на части львом, однако подобная участь выглядела желанной по сравнению с той, которая могла ожидать его сейчас.

Магическое зеркальце погасло. Ронселен отчаянно вопил, взывая к милосердию людей и богов и умоляя освободить его. Поздно! Ширкух придавил его к земле всей своей тушей. Пламя охватило обоих с удвоенной яростью. Казалось, огонь только и ждал этого мгновения, чтобы спалить обоих негодяев разом.

Столб пламени поднялся к небу, словно пытаясь соперничать яркостью с раскаленным солнцем. В оранжевой «колонне» огня Конан различал взлетающие вверх и рассыпающиеся на части фигурки: там были и чудища со змеиными телами и длинными усами, и монстры с кожистыми крыльями — кажется, они прежде украшали одежду Ронселена; мелькали и крохотные уродцы с разинутыми в беззвучном вопле острозубыми пастями, и оторванные части человеческих и звериных тел... наконец промелькнули искаженные мукой человеческие лица: одно — молодого мужчины, другое — старика. Все это вихрем уносилось вверх и там исчезало, растворялось в оранжевом жаре пламени.

Огонь погас так же неожиданно, как и разгорелся. На земле осталось лишь черное пятно, посреди которого валялось небольшое закопченное зеркальце.

Все остальное исчезло без следа.

И почти сразу же рядом с Конаном без сил рухнул на песок Югонна, а рядом с молодым человеком повалилась и Далесари. Диковинное верховое животное остановилось, дрожа всем телом, и широко расставило ноги, чтобы не упасть.

Конан тяжело перевел дух. Он огляделся по сторонам в ожидании еще одного подвоха, но все было тихо и спокойно. Конан перевел взгляд туда, где находилась устроенная колдуном ловушка.

Оазис был на месте. Все тот же колодец, огороженный камнями, все те же пальмы. И расстояние, отделявшее путешественников от этого оазиса, измерялось не десятками полетов стрелы, а всего лишь несколькими шагами.

Конан наклонился к Югонне и толкнул его в бок.

— Очнись! Ты победил.

Югонна мучительно зевнул и усилием воли заставил себя открыть глаза. Увидев Конана, он слабо улыбнулся.

— Я все-таки дошел...

— Да нет, ты все время был здесь. Тебя удерживала иллюзия. Сейчас она рассеялась.

Югонна вдруг встрепенулся.

— Ронселен! — вскрикнул он. — Колдун должен быть здесь!

— А, так ты все-таки признаешь, что вы там у себя занимаетесь колдовством? — оскалился Конан.

Югонна смутился.

— Ронселен — во всяком случае...

— Если бы ты видел, во что твоя возлюбленная превратила человека по имени Ширкух, у тебя отпали бы последние сомнения...

Югонна тяжело вздохнул.

— Твоя взяла, Конан. В том, что мы делаем, присутствует частица магии. Но только частица. Ты понимаешь? Мы не маги в полном смысле слова...

— Мне все равно как вы называетесь, — перебил Конан. — Пока вы не проб уете свои колдовские штучки на мне, можете жить спокойно. Давай приведем в чувство эту красавицу, не то она помрет во сне.

Они принялись тормошить Далесари. Скоро она начала шевелиться, бормотать, и Югонна совершенно обезумел от счастья. Недовольный всеми этими причитаниями и восторгами, Конан отошел подальше и освободил наконец из песчаного плена свой меч. Он чувствовал себя обманутым. Итак, он сам, добровольно, участвовал в колдовстве! Да еще позволил использовать для этой цели свое оружие!

Такого с ним, пожалуй, не случалось...

Югонна как будто угадал мысли киммерийца. С сияющим лицом он повернулся к своему спутнику, когда тот подошел и мрачно уставился на парочку спасенных любовников.

— Конан! — воскликнул Югонна. — Мы оба тебе очень признательны. Позволь же отблагодарить тебя...

— Треугольными монетами, которые здешние трактирщики не хотят брать даже ради золота? — проворчал Конан.

— Нет, кое-чем получше...

Югонна кивнул Далесари, и она достала небольшой мешочек с драгоценными камнями.

— Они настоящие? — уточнил Конан. — Не иллюзия?

— Нет... Неужели ты думаешь, что мы посмели бы обманывать тебя? — удивился Югонна.

— Что ж, хорошо, — сказал Конан. — Полагаю, здесь мы и расстанемся.

— Что? — испугалась Далесари. — Ты бросишь нас в пустыне?

— Не вижу в этом никакой беды, — пожал плечами киммериец. — У вас есть вода, кое-какие сбережения, два верховых животных... И кроме того, Югонна теперь опытный путешественник. Он сумеет выжить в пустыне сам и не позволит погибнуть своей спутнице. Не так ли, Югонна?

Молодой человек промолчал.

Конан взял один из драгоценных камней и подбросил его в воздух.

— Посмотрим, может быть, и из меня получится колдун! — сказал киммериец. — Какое бы заклинание применить? Бум-брам-трам! Превратись!

И камень, сверкнув гранями на солнце, вдруг обернулся птицей. С пронзительным криком птица умчалась прочь.

Конан посмотрел на своих знакомцев. Хищная ухмылка растянула губы варвара.

— Как вам понравилась моя магия, друзья мои?

— Конан, это не то, что ты подумал, — заговорил Югонна, но его спутница опередила его:

— Нет, он прав. Мы должны рассказать ему все. Он доказал, что достоин нашего доверия...

— Для начала давайте уточним одну вещь, — сказал Конан. — Я никому ничего не доказывал. Меня наняли для определенной работы, заплатили, кстати, плохо, хотя работа сделана... И теперь, кажется, собираются почтить очередной лживой историей.

— Нет, эта история будет совершенно правдивой, — заверила Далесари. — Кое-что из рассказанного Югонной — правда. Мы договорились, что при общении с людьми будем пользоваться именно таким вариантом нашей истории. Мы действительно живем в Авенвересе, в Аквилонии. Там имеется небольшое сообщество, которое называет себя магическим. На самом деле мы не маги.

— Знакомая песенка, — перебил Конан.

— Все, что мы создаем, — это иллюзии, — продолжала Далесари. — Иллюзия заложена и в драгоценных камнях, и в той птице... Ты правильно угадал: если заговоренный камень подбросить, он обернется птицей. А если бросить его на землю, превратится в змею.

— Ну а можно сделать так, чтобы он оставался драгоценным камнем? — поинтересовался Конан.

— Наверное... Но эта иллюзия, как и любая другая, будет длиться недолго.

— Ронселен — действительно дядя Далесари?

— Да, я рассказал тебе правду в том, что касалось нашей с Далесари любви и в том, что касалось козней ее дядюшки и опекуна, — сказал Югонна. — Пойми, ложь была лишь в том, что мы не... совсем не практикуем магию. Даже лабиринт в нашем городе существует взаправду.

— Но город ваш — вовсе не обломок Атлантиды, не так ли?

— Да, — кивнул Югонна. — Хотя нам, конечно, хотелось бы считать себя потомками атлантов, но... это не так. Мы самые обыкновенные люди.

— Я на самом деле интересуюсь растениями, — вставила Далесари, обольстительно улыбаясь Конану.

На киммерийца эта улыбка не произвела никакого впечатления.

— А монеты?

— Монеты — настоящие. Они имеют хождение только в нашем городе.

— Ясно. А верховое животное?

— Его вывели наши ученые. Здесь тоже нет иллюзии. Очень удобная порода. Вынослив, как верблюд, но умен и обычно добр, в отличие от верблюда.

— Ваша одежда... — начал было Конан.

— Мы украли несколько шелковичных червей у кхитайцев, — с гордостью сообщил Югонна. — Несколько поколений назад наши ученые в лабиринте освоили шелкопрядство, более того — научились делать плотную ткань. Мы добавляем к шелковой нити льняную. Очень интересный способ. Так одеваются только обитатели лабиринта Авенвереса.

— Чего только не узнаешь! — сказал Конан. — Что ж, благодарю вас за поучительную историю. Я рад, что все закончилось благополучно и что вы наконец обрели друг друга. Возвращайтесь в лабиринт и плодите там магических деток, которые подожгут бороду своего отца и превратят в лягушек все украшения своей матери. Желаю вам в этом преуспеть!

С этим Конан уселся на своего коня и вознамерился было уехать.

Но любовники быстро догнали его.

— Ты оставишь нас здесь?

— Я ведь уже сказал, что моим изначальным намерением было побыть в одиночестве. Помнишь, как мы встретились, Югонна? Если у тебя не совсем отшибло память, я тебя предупреждал: я доведу тебя только до караван-сарая. Потом ты нанял меня... Но поскольку заплатить ты мне так и не удосужился, то я считаю мою работу выполненной, а тебя — моим должником. Прощай.

И киммериец ударил коня пятками. Югонна и Далесари провожали его долгим взглядом. Наконец Далесари повернулась к своему возлюбленному.

— Мы ведь не пропадем в пустыне, верно?

— Верно, — сказал Югонна. — Конан был прав: я теперь хорошо умею выживать в любых условиях. У меня был отменный учитель. А кроме того...

Он потянулся рукой к шее возлюбленной и вытащил наружу маленький медный медальон.

— Эта штука все еще с тобой...

— Разумеется, — улыбнулась она.

— Ронселен, надо полагать, охотился именно за этим предметом.

— Разумеется, — повторила Далесари.

— Обними меня. Попробуем вместе прочесть заклинание...

Она потянулась к нему, не слезая с седла, и он коснулся ее руки. Конь пугливо фыркал, обнюхивая странного зверя; животное Далесари, напротив, относилось к новому соседству с полным спокойствием.

Голоса любовников слились. Странная речь полилась из их уст, длинное, ритмическое заклинание, произносимое нараспев.

Спустя несколько мгновений на том месте, где только что находились двое верховых, остался лишь небольшой смерч. Он пробежал по барханам, оставляя заметный след, а затем рассеялся — как не бывало.

Конан помедлил и оглянулся. Он видел смерч, удаляющийся к горизонту, и сомнений в том, откуда взялся здесь этот смерч и куда он мчится, у киммерийца не оставалось.

— Маги! — фыркнул Конан. — Да еще влюбленные друг в друга! С ума можно сойти.

Он сильно ударил коня пятками и помчался прочь.

Красавица в зеркалах

Глава первая
Юный граф между жизнью и смертью

Маленькое графство Бенойк на юге Аргоса, что раскинулось по обоим берегам реки Лида, лихорадило. Несколько седмиц кряду наследник, молодой граф Цинфелин, был опасно болен. Старый граф Гарлот уже отчаялся увидеть своего сына живым.

Ситуация действительно складывалась серьезная. Цинфелин был единственным сыном Гарлота; другой надежды у графства просто не имелось. Если Цинфелин сейчас умрет, то земли Бенойка отойдут короне, и графство навсегда потеряет свою независимость. Многие обитатели этого древнего владения по-настоящему любили правящую династию и были ей преданы. Особенно если учесть, что графы Бенойка всегда оставались щедрыми по отношению к верным людям и охотно наделяли их имуществом.

В давние времена графы Бенойка много воевали, и добыча бывала существенной. Потом настало время для более мирных владык; однако подданные их процветали и продолжали души не чаять в своих повелителях.

Династия оборвется? Неужели такое возможно? Шепоток расползался по графству, и многие скорбно качали головами и возносили молитвы к богам.

Только бы милосердные боги не допустили подобного! Нет, Митра этого не допустит, ведь Митра следит за тем, чтобы все в мире совершалось справедливо, — а графы Бенойка всегда были верными адептами этого бога! Ведь со смертью Цинфелина погибнет и надежда, и кто может предсказать — какой окажется судьба графства под тяжелой рукой короля? Нет и нет! Только не это!

На алтари приносились жертвы, — молили не только Митру, но и шемитского бога Бела, весьма чтимого в Аргосе; читались заклятия, отгоняющие от ложа больного наследника злых духов. На пятый день неустанных молитв и неусыпных трудов со стороны дворцового медика — и еще десятков личных врачей, присланных всеми состоятельными людьми графства, — юный граф наконец открыл глаза. Тяжелое забытье миновало. Холодный пот выступил на лбу молодого человека, и взгляд его глаз, хоть и оставался страдальческим, сделался по крайней мере осмысленным.

Повсюду обнимались и поздравляли друг друга, как будто в графстве наступил праздник.

Но радость оказалась преждевременной. Хоть тело молодого графа и было спасено от неминуемой смерти, некое повреждение было нанесено его духу.

Лихорадка больше не возвращалась, но было совершенно очевидно: душа юноши пребывает в болезненном и печальном мире. Цинфелин забросил все свои прежние занятия. Еще совсем недавно не было для него более приятного дела, чем охота или сумасшедшая скачка верхом; он любил стрелять из лука и рубиться на мечах со своими друзьями из малой дружины, которую содержал для него отец.

Все это осталось в прошлом. Сохраняя облик юноши, душой Цинфелин неожиданно превратился в дряхлого старика. Любому другому делу он предпочитал теперь крепкий сон в мягкой постели. Куда подевался тот Цинфелин, что ночевал на голой земле, а во дворце приказал установить для себя обычную походную кровать, какой пользуются во время войны полководцы, — узкую и жесткую? Теперь его ложем служила широченная постель с пуховой периной и теплым покрывалом, сшитом из мягких беличьих шкур.

Он спал и спал... К нему заглядывали сочувствующие придворные его отца и чмокали губами, недоумевая. Врачи колокола просиживали у его постели, прислушиваясь ко всему, что говорил во сне больной. Они пытались установить причину столь странного состояния Цинфелина. Но хоть юный граф и спал очень беспокойно, никаких связных речей не срывалось с его губ. Он лишь вскрикивал и ворочался, а иногда вдруг вскакивал и широко распахивал глаза, словно всматривался во что-то, видное лишь ему одному. А затем веки его медленно опускались, и он снова укладывался в постель и погружался в забытье.

Бывали у Цинфелина и былые друзья — крепкие молодые люди, от которых сильно пахло потом, выделанной кожей, сталью, лошадьми. Недоумевая, таращились они на своего прежнего предводителя. Лекари обычно спешили выставить их вон, и они уходили с опущенной головой.

Никто ничего не понимал. Магов при дворе Гарлота не привечали, так что снять заклятье — если, конечно, все дело именно в заклятье, — было некому. Разыскивать мага по Хайборее Гарлот пока что не решался. Мало ли кто откликнется на зов! Среди магов много проходимцев. Даже больше, чем среди обыкновенных людей.

Решили пока выжидать.

Иногда, впрочем, юным графом овладевало беспокойство. Тогда он, напротив, не спал по целым дням и бродил по замку, как привидение. Казалось, он не вполне отдает себе отчет в том, куда несут его ноги. Если он случайно оказывался на кухне, то ел, но если бесцельные блуждания не приводили его к съестному, он обходился без еды и даже не вспоминал о том, что надо бы перекусить.

Он худел, скоро от него остались кожа да кости, и на изможденном лице ярко горели воспаленные глаза.

Графство Беноик погрузилось в печаль. Никто не знал, как помочь всеми любимому юному графу. Гарлот сделался раздражительным и сварливым, начал бить слуг и кричать на подчиненных, а одного верного сотоварища, с которым пережил немало испытаний, неожиданно отослал от двора. Вдогонку изгнаннику полетело письмо, в котором Гарлот извинялся за свое решение и добавлял: «Я боюсь, что моя теперешняя несдержанность может окончательно разрушить нашу дружбу, так что тебе лучше побыть вдали от меня».

Юный Цинфелин не был таким предусмотрительным. Разум его затуманился какой-то неведомой печалью. Однажды, когда молодой граф спал, к нему в комнату зашел его самый близкий друг по имени Рихан. Этот Рихан, широкоплечий, белокурый, простодушный парень чаще всех избирался Цинфелином в качестве партнера для фехтовальных упражнений. Вместе они провели немало поворотов клепсидры. А сколько переломали тренировочного оружия! Рихан улыбался, вспоминая, как Цинфелин треснул его по голове деревянным мечом, и меч сломался, а он, Рихан, в ответ ударил Цинфелина щитом и сломал ему зуб. Вот была потеха!

Рихана врачи не допускали до ложа Цинфелина, но юноша рассудил по-своему: «Если ничто больше не радует Цинфелина, то, может быть, я сумею его развеселить? Я напомню ему много забавных историй из нашего прошлого. Неужели он забыл, как нам было весело? А как мы гнались за оленухой и угодили в грязное озеро? Как выбрались оттуда, по уши в тине, и зашли в дом к графине Церниве, а она нас не узнала и велела травить собаками... а собаки даже не хотели к нам подходить, так от нас воняло тиной... Ух! Дух захватывает от всех этих воспоминаний. Неужто он все забыл? Я просто не могу в такое поверить!»

И Рихан решительно вошел в комнату.

Цинфелин спал. Молодой человек наклонился над графом и услышал, как тот тихо шепчет: «Нет, не надо... уйди, исчезни...» В первое мгновение Рихан подумал было, что это «исчезни» относится к нему, что это его юный граф просит уйти; но затем он понял: нет, мольба обращена к какому-то видению, которое мучает Цинфелина.

Рихан больше не колебался. Он встряхнул Цинфелина за плечо.

— Проснитесь, ваша светлость! Проснитесь! Это я, Рихан! Я здесь!

Цинфелин громко, со страданием застонал и открыл глаза. Он увидел Рихана и заморгал, привыкая к этому новому для себя зрелищу. Наконец он пробормотал:

— Рихан?

— Вы узнали меня! — возликовал дружинник. — Я так и думал. Не может мой господин не узнать меня! Не может мне не обрадоваться! Подать вам одеваться?

Цинфелин не ответил, и Рихан, приняв его молчание за знак согласия, на-

пялил на своего господина рубаху, колет и сапоги. Цинфелин молча подчинялся всему, что с ним проделывали. Казалось, ему безразлично все происходящее.

А Рихан даже не замечал этого безразличия. Он все говорил и говорил:

— Вот я и подумал: разве можно такому молодому человеку, как вы, гнить в этой душной комнате? Да эта постель — просто душегубка какая-то! Здесь и здоровый-то умрет, не то что хворый. Болезнь ваша ведь прошла? Лихорадки больше нет? Люди говорят, вы поправились. Я вчера докторишек подслушивал, они точно утверждают: мол, нет больше болезни. Поедемте прокатимся. Звездочка оседлана, и Вихрь тоже бьет копытом. Я так думаю, вам пока лучше на Звездочке, она посмирнее. А?

Юный граф вдруг вырвался из рук Рихана. Он метнулся в сторону и побежал, загребая ногами, куда-то по коридору. Рихан поспешил за ним следом.

— Куда вы? Что случилось? Я обидел вас? Не хотите на Звездочке? Ну конечно, это лошадь больше подходит для женщины, но вы ведь хворали, вот я и подумал...

Не отвечая, Цинфелин спешил по коридору. Он ощупывал стены вокруг себя руками, как слепой, и только качал головой со слабым стоном. Вдруг он остановился, так что Рихан со всего маху налетел на него.

— Оставь меня! — закричал Цинфелин. — Стража! Хватайте его! Он хочет меня убить!

— Что вы такое говорите! — воскликнул Рихан, ужасаясь.

Стражники уже бежали к нему, топоча и бряцая оружием.

— Хватайте! — в исступлении вопил Цинфелин. — Убийца!

— Нет! Нет! — Рихан вытянул перед собой руки, как бы отстраняясь от этого страшного обвинения.

Стражники обступили его и потащили прочь. Рихан не сопротивлялся и только твердил: «Нет, нет!»

Незадачливого дружинника доставили к графу Гарлоту.

Граф сурово уставился на него.

— Ты вошел в комнату моего сына, не так ли?

— Да, ваша светлость, но я...

— Молчи. Будешь говорить только «да» или «нет». Мне не нужны твои глупые оправдания.

— Но ваша светлость! — взмолился Рихан. — У меня и в мыслях не было причинять Цинфелину какой-либо вред. Мы же с ним друзья.

— Я запрещал входить к нему. Ты помнишь об этом? — сурово вопросил Гарлот.

— Да... — пробормотал Рихан.

— Хорошо. Ты нарушил мой запрет?

— Да.

— Он спал, когда ты вошел к нему в комнату? — продолжал граф.

— Да...

— И ты разбудил его?

— Да...

— Ты хотел убить его?

— Нет! — Рихан упал на колени и закричал, отчаянно взывая к рассудку старого графа: — Как вы можете даже предполагать такое! Я не знаю, чем обидел Цинфелина, но все, чего я хотел, — это покататься с ним верхом! Я даже оседлал для него Звездочку.

— Встань и убирайся с моих глаз, пока я не распорядился тебя повесить, — кратко приказал граф Гарлот, и Рихан выбежал из зала.

Тем временем Цинфелин, чье сознание растревожил Рихан, пустился в путь по замку. Его видели то в одном зале, то в другом. Иногда он подходил к окну и подолгу смотрел наружу с таким видом, как будто для него теперь запретны и поля, и реки, и леса — все те места, где он прежде так любил проводить время.

Если он замечал человека, он спешил скрыться или вдруг начинал кричать:

— Оставьте меня! Я хочу умереть! Как вы не понимаете, что я хочу умереть! Только смерть положит предел этой муке!.. Если бы вы знали, как это все мучительно, как больно, вы позволили бы мне умереть!..

Во дворце боялись, как бы юный граф не наложил на себя руки, но затем стало очевидно: Цинфелин все еще оставался прежним Цинфелином настолько, чтобы не помышлять о самоубийстве. Если бы кто-то захотел его убить, он бы, возможно, радостно принял смерть, но прервать свое бытие самостоятельно — нет, на такое он не был пока способен. Более того, когда его горячечный ум вообразил, будто Рихан покушается на его жизнь, Цинфелин позвал на помощь.

И все же смерть представлялась ему желанной...

Один из врачей высказал предположение, что юный граф начал страдать раздвоением личности. Эту тему начали обсуждать сразу пятнадцать ученых мужей. Решили: предположение не лишено оснований, однако посвящать в суть дискуссии старого графа преждевременно. Если Гарлот узнает, что медики считают его сына и наследника безумцем, он, пожалуй, поснимает слишком умные головы с плеч.

Наконец один из врачей, самый пожилой и опытный из всех, решился заговорить с юным графом о его желании умереть. Лучше бы он этого не делал!

С громким криком, в котором слышались отчаяние и ненависть, Цинфелин набросился на ученого старика и принялся его душить. Набежавшая стража едва-едва сумела оттащить Цинфелина от его жертвы. Молодой человек продолжал вырываться из рук удерживавших его стражников и осыпать врача проклятьями.

Пена срывалась с его губ, в горле клокотала ярость.

Цинфелина утащили в комнату и там повалили на кровать, привязав за руки и за ноги. Припадок буйства длился несколько колоколов, после чего юный граф опять погрузился в сон.

Скрыть это происшествие от Гарлота не удалось, и граф Бенойка решил принять собственные меры.

— Если мой сын впадает в детство и постепенно погружается во мрак, буду относиться к нему как к ребенку, — сказал он своим доверенным людям. — Даже если он сделался безумцем, как меня пытаются уверить, он все равно остается моим сыном. Я не откажусь от него так легко. Никому не видать графства Бенойк, пока мы с ним оба живы!

И граф велел повсюду разыскивать странствующих музыкантов, фигляров, рассказчиков, танцоров, певцов — всех, кто мог бы развлечь и развеселить больного.

— В конце концов, сын мой еще очень молод, а в юности у мужчины бывают приступы необоснованной тоски, — добавил граф. — Возможно, все дело именно в том, что Цинфелин взрослеет.

Никто в душе не был согласен с графом, но возражать ему также не осмелились.

И в замок начали прибывать жонглеры и фокусники.

Их набралось так много, что гарнизон пришлось переселить за стены замка в шатры, так что со стороны могло бы теперь показаться, будто замок Бенойк находится в осаде.

Те музыканты и сказители, которым не нашлось места в замке — несмотря на переселенный гарнизон — тоже устроились под стенами. Кто остался жить в своей телеге под навесом, кто разместился на голой земле, кто разбил небольшой шатер... Каждый поступал по своему усмотрению.

И началась совершенно невероятная жизнь. Солдаты гарнизона, горожане и жители замка заводили кратковременные, но очень бурные отношения с пришлыми артистами. Певицы и акробатки охотно проводили время с бывшими товарищами Цинфелина, их товарищи — жонглеры и музыканты — развлекали дворцовых дам. Разумеется, случались всякого рода недоразумения, и не одному музыканту пришлось спешно покидать Бенойк, спасаясь от разъяренного мужа какой-нибудь сугубой любительницы лютневой музыки.

Ежедневно юного графа приводили в большой зал — в былые времена здесь устраивались пиршества.

Цинфелина усаживали на большой трон, стоявший у стены в торце зала, под гигантским изображением родового герба. Справа и слева от трона выстраивалась стража: не столько для того, чтобы охранять самого Цинфелина, сколько для того, чтобы в случае вспышки ярости со стороны юного графа спасти ни в чем не повинных музыкантов.

Пару раз Цинфелин все-таки ухитрялся вывернуться и наброситься на какого-то не угодившего ему бедолагу. Тот еле унес ноги из Бенойка. Гарлот послал ему мешочек с монетами — в знак утешения, подарил подбитый мехом плащ и попросил прощения.

Впрочем, это был единичный случай, ибо скоро Гарлот понял: одаривать всех обиженных Цинфелином — никаких денег не напасешься.

Юному графу не нравилась музыка. Он зевал, когда ему читали поэмы, требовал выпивки и еды, когда прелестные танцовщицы показывали ему самые

соблазнительные танцы. Ни жонглеры, ни дрессировщики зверей, ни акробаты не в силах были вызвать на его лицо улыбку.

Тем не менее праздник продолжался. Странное то было празднество: все веселились насильственно, с большим трудом, в большой пиршественный зал шли как на казнь, с мрачным настроением. Слухи о характере юного графа разошлись среди артистов со скоростью лесного пожара. Артист создан для радости — а какое может быть удовольствие веселить человека, который только о том и мечтает, чтобы тебя удавить!

И только однажды Цинфелин выказал некоторое подобие интереса.

Перед ним выступали два странствующих фокусника, мужчина и женщина. Одеты они были в странную одежду — просторные шелковые рубахи, расписанные изображениями удивительных существ, и штаны с пузырями над коленями. Множество лент, бантов и бусин украшали их наряд.

Оба они по-своему очень красивы, с молочно-белой кожей и темными глазами. Они обладали неуловимым сходством, которое могло быть и родственным, но могло быть связано с глубокой душевной близостью: так муж и жена, прожившие вместе много зим, становятся в конце концов похожи, как брат и сестра.

Цинфелин, впрочем, посмотрел на них без всякого интереса. Его обязали «насладиться» представлением — и он неподвижно сидел на своем троне, безрадостно наблюдая за фокусами.

Прочие артисты, танцовщики и музыканты, стояли поблизости, отдыхая и наблюдая за работой своих сотоварищей.

Молодой мужчина выставил посреди зала большое овальное зеркало и сделал широкий жест.

— Прошу вашу светлость посмотреть в это зеркало!

Цинфелин послушно наклонился вперед и заглянул в зеркало.

— Я ничего не вижу, — удивленно произнес он. И перевел глаза на фокусника: — Ты хочешь сказать, что меня больше не существует в мире живых? Что даже зеркала не отражают моего лица?

— Вовсе не это, — поспешно возразил фокусник. — Я лишь хотел удивить вас. Взгляните же, может быть, теперь вы увидите кое-что...

И снова Цинфелин подчинился и с самым равнодушным видом посмотрел в зеркало. Теперь оттуда выглядывала та женщина, которая была с фокусником.

Цинфелин невольно обернулся, чтобы посмотреть — не стоит ли она за его плечом; но рядом с ним никого не было. Трон, герб на стене — и все. Женщина куда-то скрылась.

— Где она? — спросил Цинфелин. — Это какая-то загадка? Учти, я не люблю загадок!

— Вашей светлости не придется ничего отгадывать — я все расскажу и покажу сам. Но разве вашей светлости не хотелось бы немного удивиться?

Цинфелин задумался, намереваясь как можно более добросовестно ответить на этот вопрос. Потом покачал головой:

— Я вообще не хочу ничего чувствовать. Если я допущу чувства в мою душу, то первым, что в нее войдет, будет боль, а мне бы этого не хотелось...

— Будем рассматривать удивление как явление рассудочное, а не душевное, — предложил фокусник.

— О, ты, кажется, изучал философию? — Цинфелин подался вперед, внимательно всматриваясь в фигляра. — Странно, — пробормотал он. — Сейчас, когда я получше разглядел тебя, мне кажется, будто я вижу человека, получившего хорошее воспитание... И это меня настораживает. Проклятье, кажется, тебе все-таки удалось меня удивить!

— Это не входило в мои планы, — поспешно сказал фокусник. — Моя персона не должна занимать вашу светлость ни в коем случае. Единственная моя цель — развлечь вашу светлость. Прошу, попробуйте еще раз посмотреть в зеркало.

Цинфелин глянул на полированную поверхность стекла и отпрянул: девушка смотрела оттуда и улыбалась. В этот миг фокусник хлопнул в ладоши, и его спутница выскочила из сундука, стоявшего возле стены.

Даже артисты, втайне завидовавшие фокуснику (еще бы! с ним единственным Цинфелин заговорил), разразились восторженными криками. А фокусник взметнул руки и снова указал на зеркало.

— Посмотрите теперь.

Цинфелин наклонился вперед, а затем — о чудо! — встал с трона, приблизился и присел перед зеркалом на корточки, внимательно всматриваясь.

Он видел незнакомый берег. Волны бились о скалы, высоко под самыми тучами виден был замок, а над островерхими башнями замка летали птицы.

Затем картина изменилась: теперь перед глазами молодого графа предстали купающиеся в море девушки с длинными зелеными волосами и прозрачными глазами цвета аквамарина. Вот одна из них нырнула, над волнами мелькнул русалочий хвост...

Сценка исчезла в брызге пены и сменилась видением густого леса. Темно-зеленое кружево папоротников скрывало неподвижную фигуру убитого воина; кровь яркими рубинами алела на траве и листьях. А рядом с воином лежало мертвое чудовище, и прекрасная дева стояла, в печали глядя на погибшего...

Поднялся туман и затянул всю сцену. Когда мгла рассеялась, Цинфелин увидел поединок двух полуобнаженных гладиаторов, вооруженных длинными кинжалами.

И почти сразу же эта картина скрылась, а вместо нее появилось хмурое море. Башня-маяк стояла на берегу узкого пролива, чайка одиноко кричала в вышине, и от этого печального крика местность казалась еще более заброшенной. Цинфелин неожиданно побледнел. Он встал, отошел к окну, как бы не желая больше смотреть в зеркало, но затем вдруг подбежал к стеклу вплотную и

прижался к нему лицом. Спутница фокусника, стоявшая ближе, заметила, что глаза Цинфелина закрыты, и по щекам из-под зажмуренных век катятся слезы.

Фокусник с любопытством наблюдал за молодым графом.

— Кажется, нам удалось вызвать ваш интерес, ваша светлость? — вкрадчиво осведомился он.

Цинфелин открыл глаза и несколько мгновений пристально всматривался в зеркало. Наконец он с трудом оторвался от картины.

— Да, — отрывисто бросил он. — Ваше зеркало... оно ведь магическое?

— Я бы так не сказал, — возразил фокусник. — Это всего лишь наука. Видите ли, ваша светлость, мы с моей подругой родились в городе Авенверес. Этот городок расположен на одном из островов, далеко в море... Считается, что это — уцелевший обломок Атлантиды. Поэтому и внешность наша обладает некоторыми отличительными особенностями — мы не похожи на других обитателей Хайбореи...

Он поклонился и с улыбкой посмотрел на юного графа. Цинфелин выглядел взволнованным.

— Атлантида? — прошептал он.

— Так говорят наши старейшины, и у нас нет оснований им не верить.

Один из музыкантов, вне себя от зависти при виде того, какого успеха добился этот проходимец-фокусник, громко выкрикнул:

— Стало быть, наследники Атлантиды ради пропитания показывают теперь грошовые фокусы!

Кругом засмеялись. Насмешник горделиво огляделся по сторонам.

Цинфелин рассвирепел. Он поднялся с трона и закричал:

— Стража! Всех вон отсюда! Вывести всех вон!

Грохоча доспехами и оружием, в зал вбежали стражники. Они принялись весьма бесцеремонно хватать артистов и выталкивать их из зала. Какая-то арфистка отбивалась с гневным криком:

— Не прикасайся! Убери свои грязные лапы! Я и сама уйду!

Певец, которого любезно подталкивали кулаком в шею, возмущался:

— Как ты смеешь, мужлан! Я выступал перед королями!

— Давай, давай! — посмеиваясь, подбадривал его стражник. — Нам-то какое дело, мы-то не короли!

Визжащую акробатку, миниатюрную девушку с длинными светлыми волосами, дюжий детина ухватил поперек туловища и уволок, как куклу.

Цинфелин даже не смотрел на происходящее, хотя — следует отдать должное стражникам и артистам! — зрелище было весьма любопытное и, можно сказать, забавное.

Фокусник и его подруга от души наслаждались, наблюдая за разгромом. Девушка даже подмигнула своему спутнику, а затем перевела простодушный взгляд на Цинфелина и растянула губы в веселой улыбке.

Наконец в зале остались лишь молодой граф и двое фокусников. Цинфелин показал рукой на стол:

— Здесь, кажется, осталось угощение... Берите, сколько хотите. Кажется, я не предложил вам перекусить.

— Выступать лучше на голодный желудок, — сообщил фокусник. — Лучше думается и сноровка совершенно другая. Сытый артист мечтает только об одном: о мягкой перине. Мы ведь очень ленивые люди, ваша светлость, и если что-то нам и по душе, так это безделье.

Девушка ущипнула его за бок.

— Говори о себе! Мне нравится то, что я делаю.

Он живо повернулся к ней:

— Это потому, что вся твоя работа заключается в сидении в сундуке.

Цинфелин хлопнул в ладоши.

— Довольно! Препираться будете наедине, а сейчас — ешьте и отвечайте на мои вопросы.

Фокусники не заставили просить себя дважды — они быстро устроились за столом и принялись уминать закуски, запивая их вином. Цинфелин смотрел на них с отрешенным видом. Его ничуть не раздражало, что эти бродячие фигляры жуют и чавкают в его присутствии, хотя мало кто из земных владык допустил бы подобную фамильярность.

Наконец Цинфелин сказал:

— Вы утверждаете, что в вашем зеркале нет никакой магии?

— Может быть, самая малость, — ответил мужчина с набитым ртом.

— И вы действительно потомки атлантов?

— Возможно, — сказал мужчина.

А женщина добавила:

— Так иногда говорят. Мы в точности и сами не знаем. Но некоторые признаки позволяют нам соглашаться с этим предположением. А некоторые... — Она пожала плечами.

— Это не важно, — махнул рукой Цинфелин. И глубоко задумался.

Пауза длилась довольно долго, и фокусники уж совсем было решили, что разговор окончен, но молодой граф все не давал им дозволения уйти. Наконец он спросил:

— Вы видели все то, что показывали зеркала?

— Кое-что из этого.

— А другое?

— Кое-что — плод наших измышлений. Но зеркало лишь угадывает нашу фантазию и находит нечто подобное в действительности.

— Иными словами, все, что отражает зеркало, так или иначе существует, и это можно найти?

— Да, ваша светлость. Если постараться, то найти можно все.

— Ясно, — кивнул Цинфелин.

Теперь от полубезумного, измученного болезнью, бессонницей, видениями и приступами бешенства молодого человека ничего не осталось. Перед артистами сидел молодой граф, человек, в точности уверенный в том, чего он

хочет и чего добивается от других. И снова повисла долгая пауза. Закуски на столе закончились. Обтирая губы, артисты молча ждали продолжения разговора — или приказания удалиться.

Цинфелин вдруг встрепенулся и уставился на фокусников так, словно видел их впервые.

— Вы кто такие? — с подозрительностью осматривая их, осведомился он.

— Мы... фокусники, ваша светлость, — ответила женщина.

— Что вы здесь делаете?

— Мы развлекали вашу светлость, а ваша светлость дозволила нам угоститься...

— Я? Дозволил угоститься? Вы что, ели тут у меня на глазах? И в этом заключалось ваше развлечение? Вы умеете как-то особенно чавкать?

Фокусники переглянулись. Гневные пятна поползли по бледному лицу Цинфелина. Он медленно поднялся с трона.

— Да вы знаете, что я сделаю с вами за это!..

И вдруг он обмяк и упал обратно на сиденье.

— Я вспомнил! — проговорил он совершенно другим тоном, в котором прозвучало признание собственной вины. — Вспомнил. Вы показывали мне удивительные картины в зеркале, и я сам дозволил вам подкрепиться. Да, так оно и было. Вот что. Я хочу, чтобы вы пришли ко мне еще раз. Вечером. Нет, лучше ночью. Вы придете? Приходите оба, и возьмите с собой зеркало. Я хочу, чтобы вы снова развлекали меня призрачными картинами. На сей раз нам никто не будет мешать. Никакие посторонние люди. Мне они мешали наслаждаться, поэтому я приказал их выгнать. Да, поэтому...

Он помолчал еще немного и заключил:

— К тому же ночь — верная союзница тех, кто хочет увидеть незримое, не так ли?

Фокусники с поклоном покинули зал и вышли в коридор. Там их сразу окружила стража. Они хотели было направиться к выходу, но начальник стражи махнул своим людям, и те скрестили перед носом у артистов копья.

— Куда?

— Нам нужно выйти, — объяснил мужчина. — Там, снаружи, остались наши вещи.

— Вы никуда не пойдете, — сказал начальник стражи. — Следуйте за мной.

— Но... — начал было мужчина.

Женщина взяла его за руку.

— Нам не причинят вреда, — тихо обратилась она к своему спутнику. — Подчинись ему и не спорь.

Женщина оказалась права. Молчаливый начальник стражи просто доставил обоих фокусников в личные покои графа Гарлота и запер за ними дверь.

Гарлот расхаживал по комнате, заложив руки за спину. При виде фокусников он остановился и резко развернулся.

— Итак, вам это удалось, — проговорил он.

— Что, ваша светлость? — с низким поклоном осведомился мужчина.

Кланялся он почтительно, но с неуловимым оттенком высокомерия: так истинный аристократ приветствует другого аристократа, более могущественного и знатного.

— Не притворяйтесь! — Граф Гарлот сжал кулаки. — Вы хорошо знаете, о чем идет речь. Мой сын опасно болен. Он утратил интерес к жизни. Он перестал улыбаться, ему не нравятся женщины, он позабыл охоту и верховую езду, выбросил из головы военные тренировки... Так не должно быть. Либо он должен умереть — если уж так сулили боги! — либо вернуться к нам. Вам удалось пробудить в нем интерес. Что вы сделали?

— Показали ему фокус, — ответила женщина.

— Покажите и мне, — приказал Гарлот.

— Эти фокусы были предназначены только для него, — возразил мужчина.

Гарлот вытащил кинжал и поднес к горлу мужчины.

— Я перережу тебе глотку, если будешь мне перечить!

— Как я смею возражать! — ответил мужчина спокойно, и тут Гарлот почувствовал, как острие другого кинжала упирается ему в живот.

Неуловимо быстрым движением фокусник извлек собственный кинжал и незаметно приставил его к телу графа. Поступок был дерзкий и мог стоить фокуснику жизни, но Гарлот лишь рассмеялся.

— Я так и понял, что ты — непростая птица! Как тебя зовут?

— Югонна.

— А твою спутницу?

— Далесари. Мы супруги.

— Это можно было предположить, видя ваше единодушие... Итак, вы нашли дорожку к сердцу моего сына. Учтите, у меня нет ничего дороже, чем сын.

— Мы это знаем.

— Не перебивайте! — Гарлот хлопнул ладонью по столу. — Слушайте меня. Я хочу, чтобы вы рассказывали мне обо всем, что происходит с моим сыном. Если он вам откроется, вы обязаны сообщить мне... Я не могу больше жить в неведении. Мне нужно знать, какой тайный недуг подтачивает душу Цинфелина.

Глава вторая

Нападение в темноте

По крайней мере, теперь у нас есть деньги, — заметил Югонна, когда они с Далесари спускались из замка в городок.

Обиталище графов Бенойка — древний родовой замок — был возведен на вершине высокого холма (здесь его называли «горой»). Между замком и горо-

дом было свободное пространство — там устраивались турниры и там же проходили тренировки воинства. Сейчас там пестрели палатки.

Чуть дальше виднелись стены городка. Туда и направлялись Югонна с Далесари. Как только они получили от графа Гарлота кошель, туго набитый монетами, Далесари тотчас объявила:

— Мне надоело глотать пищу, воняющую костром! И кислое вино, которое мы покупаем где попало, тоже стоит в горле колом. В конце концов, я привыкла к хорошо сервированному столу.

— Я тоже, — отозвался Югонна. — Не наша вина, что мы никак не можем добраться до Авенвереса.

После того, как магия дяди Далесари перенесла обоих в безводную пустыню, где оба влюбленных чуть не погибли, прошло больше зимы. Воспользоваться магией вторично они не решились. Сам колдун, желавший их погубить, был мертв, но кто знает, какие опасности таили в себе его чары! Нет уж. После долгих переговоров Югонна и Далесари решили возвращаться домой обычным способом — пешком.

Они добрались почти до границы Кхитая в поисках подходящего каравана, а затем двинулись с этим караваном обратно на запад. По пути им пришлось пережить немало испытаний. Сейчас они были гораздо ближе к цели своего бесконечного путешествия. Мало кто узнал бы в опытных странниках былых изнеженных аристократов. Они умели готовить пищу на костре и привыкли ночевать под открытым небом. Когда у них закончились деньги, они начали выступать, давая представления.

Во многом им помогали знания, полученные в Авенвересе, городе ученых. Там существовал настоящий дворец науки — огромный лабиринт, занимавший половину острова Авенверес. В этом лабиринте зимами жили, не покидая его стен, ученые.

Обитая в лабиринте, Югонна исследовал свойства зеркал и стекол, и сейчас ему очень пригодились эти знания.

«Никогда не предполагал, что превращу свои чисто научные достижения в способ доить кошельки добрых граждан», — признавался он своей подруге.

Та только улыбалась. Областью ее научных интересов были травы. Она знала множество растений — распознавала их виды, помнила сроки их цветения и плодоношения, но главное — хорошо разбиралась в том, какие растения целебны или съедобны, а какие — ядовиты или в лучшем случае бесполезны для человека.

Травница также зарабатывала своими умениями. Все это помогало им существовать безбедно.

Известие о том, что граф Бенойка сулит баснословное вознаграждение тому, кто сумеет развлечь юного Цинфелина и вернуть ему интерес к жизни, всколыхнуло молодых супругов. Югонна сказал: «Это наш шанс! Если мы упустим его, то навсегда застрянем здесь. На такие деньги мы сможем купить корабль и наконец вернуться домой...»

Далесари не нашла, что возразить. За плавание по неведомым морям к острову, о существовании которого не знали даже самые опытные капитаны, в любом случае пришлось бы заплатить баснословные деньги. Да еще поди отыщи отчаянную голову, которая согласится на подобное путешествие. Да, деньги необходимы, и деньги очень большие.

Они вошли в городок и направились к кабачку «Увалень».

— Я попрошу мяса с пряностями, — сказал Югонна мечтательно.

Далесари рассмеялась.

— Мы ведь только что угощались во дворце! Неужели ты еще голоден?

— Угощение скудное, да и есть под взглядом этого сумасшедшего парня было как-то неприятно. Лично у меня кусок в глотку не лез.

— Вот как ты заговорил! — Она все еще улыбалась. — А поглядеть со стороны — так уминал за милую душу.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Как ты изменилась! В прежние времена нам с тобой и в голову бы не пришло обсуждать столь низменные темы.

— Что ж, когда мы будем дома и вернемся к прежнему образу жизни, мы опять перестанем обсуждать низменные вопросы, — сказала Далесари, смеясь и подставляя ему губы для поцелуя.

Они вошли в кабачок и остановились посреди зала.

Первым, кого они увидели там, был Конан-киммериец.

С Конаном они расстались в пустыне зиму назад. Уезжая, киммериец выразил надежду на то, что никогда больше не встретит Югонну с Далесари и не будет вынужден заботиться о том, чтобы они не угробили себя тем или иным нелепым способом.

И хоть Конан действительно спас им жизнь и сумел избавить их от колдуна, к новой встрече с киммерийцем супруги тоже не стремились.

Они переглянулись, и первым их побуждением было бежать. Но было уже поздно.

Конан замахал им полуобглоданной костью — судя по ее размерам, варвар только что умял целого барашка, никак не меньше.

— Югонна! Далесари! Вот это встреча! — взревел он. — Идите-ка сюда! У меня сегодня удача!

Они подошли поближе и уселись на краешек скамьи.

Конан смотрел на них насмешливо.

— Наверное, вы голодны. Пора мне спасать ваши жизни, бедные цыплята. Начну с того, что отгоню от вас костлявый призрак голода, потом мы разделаемся с иссохшим призраком жажды, ну а под конец займемся кровавым призраком нависшей над вами опасности...

Югонна не выдержал и засмеялся.

— Единственная кровавая опасность, которая нам грозила, — это твой гнев, Конан. Но ты, кажется, рад видеть нас снова?

— Ну да, — ответил варвар, обгладывая кость. — А почему бы и нет?

Он повернулся к хозяину и щелкнул пальцами.

— Эй, жирный бездельник! Мои друзья голодны, так что тащи все самое лучшее!

Хозяин, унылый с виду истощенный человек, явился с большим подносом, который он каким-то чудом удерживал на кончиках пальцев.

— А где «жирный бездельник»? — прошептал Югонна.

— Тс-с! — шепнула в ответ Далесари. — Не мешай киммерийцу веселиться! Не видишь, он шутит!

— А-а... — протянул Югонна с крайне озадаченным видом.

От Конана не укрылась эта сценка, и он ухмыльнулся, оценив насмешку.

— Кстати, мы тоже при деньгах, — скромно заметил Югонна.

— Хочешь заплатить за всю компанию? — поинтересовался Конан.

— Просто хочу указать тебе на то, что мы кое-чему научились.

— Это очевидно и без указаний, коль скоро вы еще живы и даже добрались до Аргоса.

Возражать было нечего, и они просто принялись за трапезу. Конан благодушно наблюдал за обоими, ковыряя в зубах кинжалом. Наконец киммериец заговорил:

— А правду ли болтают, будто здешний граф очень болен и едва ли ни при смерти?

— Отчасти это правда, — сказала Далесари.

— Я не люблю уклончивых ответов, — нахмурился киммериец.

— Болен графский сын, — сказал Югонна. — Он утратил интерес к жизни.

— Да, это серьезная хвороба, — с самым озабоченным видом произнес киммериец, после чего расхохотался.

— В тебе нет ни капли сочувствия, — укорила его Далесари.

— Разумеется, нет! — подхватил Конан. — Я считаю его богатым бездельником. Разве не так? Да будь у меня графство, и лошади, и дружина — разве стал бы я зевать и проклинать свою участь? Я бы захватил здешний трон — вот что я бы сделал! Не понимаю, почему такая простая и очевидная мысль не приходит в голову этому... как его зовут?

— Цинфелин, — подсказала Далесари.

— Чем более вычурно имя, тем глупее его обладатель, — отрезал Конан.

— Нет, его что-то действительно гложет, — заметил Югонна. — Он не притворяется. Он и сам не рад, что так вышло.

Конан насторожился.

— Так вы его видели?

— Да, и даже пытались развлечь.

— Судя по тому, как набит ваш кошелек, вам это удалось. — Интерес Конана возрастал с каждым мгновением.

— И да, и нет, — сказала Далесари со вздохом. — Мы показывали фокусы со зрячими зеркалами... Наши зеркала умеют отражать разные воображаемые картины.

— Это магия?

— Очень слабая, — быстро сказал Югонна. — И безвредная. Просто иллюзия.

— Иллюзия может свернуть человеку шею, — пробормотал Конан. — Даже без особого труда...

— Мы вовсе не хотим никому сворачивать шею, — возразил Югонна. — Мы хотим нанять корабль, чтобы вернуться домой, а для этого необходимы деньги. Только по этой и ни по какой другой причине мы взялись развлекать юного графа.

— К тому же нам его жаль, — добавила Далесари. — Он так молод... и довольно симпатичный.

Югонна и Конан уставились на нее с одинаковым изумлением. Девушка покраснела и опустила глаза.

— А что такого?.. — упрямо прошептала она.

В этот момент несколько человек, сидевших возле выхода, поднялись и вышли наружу. Конан проводил их глазами.

— Неприятные малые, — заметил он. — Что ж, друзья мои, приятно было повидаться. Так и быть, заплачу сегодня за всех, но завтра, если ваше дельце выгорит, вы меня угостите.

Конан встал из-за стола и направился к лестнице на второй этаж — он снимал в этом кабачке комнату.

Фокусники попрощались с ним и двинулись к выходу. За разговорами и дружеской трапезой они не заметили, как прошло время. Уже стемнело, наступал вечер — пора было возвращаться во дворец.

Они сделали несколько шагов по улице, завернули за угол, и тут кто-то набросил на голову Далесари мешок из грубой мешковины. Она дернулась, пытаясь бежать, но грубые руки удерживали ее крепко.

— Югонна! — приглушенно вскрикнула девушка, но ничего не услышала в ответ.

Кто-то связывал ей запястья, а когда она попробовала вырваться, ударил ее по голове, так что она на миг потеряла сознание.

Югонна успел заметить карауливших их людей прежде, чем те напали, — но все-таки слишком поздно, чтобы выскочить из ловушки и утащить с собой Далесари. Он ухитрился лишь увернуться, когда на него также пытались накинуть мешок. А затем, выхватив кинжал, храбро набросился на негодяев.

Если бы Югонна действительно был магом или хотя бы могущественным мастером иллюзий, он бы сейчас один расправился с пятью разбойниками, не прилагая даже особого труда. Но, к сожалению, вся магия Югонны заключалась в зеркалах и была бессильна против грубого насилия.

Поэтому ему ничего не оставалось, как попытаться справиться с нападавшими самым обычным способом — ножом и кулаками.

Силы были слишком неравными, и Югонна хорошо отдавал себе в этом отчет. Он знал также, что разбойники сейчас разделятся: один потащит прочь

Далесари, а остальные навалятся на Югонну и задержат его, чтобы он не успел прийти на помощь подруге.

Так и произошло. Как ни старался Югонна обойти своих врагов и броситься вслед за похитителем Далесари, ему не удавалось продвинуться вперед ни на шаг. Разбойники, казалось, были повсюду. В узком темном переулке трудно было надеяться проскочить мимо них.

Югонне разбили губу и рассекли ножом бровь, так что кровь теперь заливала ему глаза и мешала видеть. Острая боль поселилась у него в боку — он даже не понял, когда и как это произошло, и уж тем более не мог решить, насколько опасна его рана. Ему было тошно, и голова кружилась, но Югонна не обращал на это внимания. Снова и снова набрасывался он на похитителей, размахивая кинжалом и даже пару раз попав в цель.

— Кром!

Боевой клич киммерийца разнесся эхом по переулку.

Югонна вздрогнул от радости. Он даже не надеялся на чью-либо помощь: здешние горожане — как, впрочем, и любые почтенные горожане, — предпочитали не вмешиваться в подобные происшествия. Особенно если жертвами нападения становились какие-то чужаки.

Да и совладать с этими бандитами было бы не так-то просто. Но киммериец не раздумывая кинулся в битву.

Для начала могучим ударом кулака он сшиб с ног одного из них и тотчас развернулся всем телом навстречу другому. Тот замахнулся на киммерийца мечом. Конан присел, и клинок просвистел у него над головой. Поднимаясь, Конан нанес разбойнику удар снизу вверх, распоров его живот.

Бандит дико закричал и уставился на собственные кишки, вывалившиеся наружу. Кровь стекала по его ногам, пятная мостовую.

Варвар разразился насмешливым хохотом. Югонна понял, что еще немного — и его вывернет.

Третий разбойник метнул в Конана кинжал. Лезвие пропороло киммерийцу куртку, не причинив ему самому ни малейшего вреда. Конан, не раздумывая, обрушил меч на голову напавшего. Голова разлетелась пополам, белая жидкость вытекла вместе с кровью, а тело повалилось, как мешок, к ногам киммерийца. Руки обезглавленного тела пару раз судорожно сжались и разжались и наконец застыли.

Югонна с отчаянным, сдавленным воплем отпрянул к стене. Его тошнило, он боялся даже шевельнуться — и больше всего на свете он мечтал оказаться где-нибудь очень далеко отсюда.

Последний разбойник бросился бежать. Конан устремился за ним в погоню.

Охваченный ужасом, бандит мчался туда же, куда уже скрылся с похищенной Далесари его сотоварищ. Киммериец неуклонно настигал его. Удирая, разбойник громко стучал сапогами по мостовой; киммериец же, босой, бежал

совершенно бесшумно, как кошка. Он и видел в темноте, как кошка, и движения его были легки, несмотря на массивность сложения.

Вот впереди мелькнула спина убегавшего. Недолго думая, Конан бросил кинжал, выхватив его из-за пояса, и попал бегущему между лопаток. Разбойник дернулся так, словно налетел со всего маху на стену, и повалился лицом вперед. Он был еще жив, когда Конан, перепрыгнув через него, настиг последнего, пятого.

Тот приставил кинжал к горлу связанной девушки.

— Ни с места, негодяй, иначе я убью ее!

— Да? — преспокойно отозвался Конан. Он даже не запыхался. — Ну и убивай. Тебе ведь приказано доставить ее живой, не так ли?

— Я убью ее! — повторил разбойник.

Он прижал лезвие сильнее и разрезал нежную кожу на шее девушки. Потекла кровь. Далесари сдавленно закричала под мешком. Неуловимым для глаза стремительным движением Конан метнулся к разбойнику и ударил его кулаком между глаз. Удар был так силен, что бандит откинулся назад — и приложился затылком к стене здания, возле которого стоял. Кинжал выпал из его ослабевших пальцев. Конан мгновенно схватил его за руку и дернул. Кость хрустнула, и переулок огласился звериным воплем боли. Конан оттолкнул от себя бандита и напоследок презрительно пнул его ногой.

— Это научит тебя вежливому обращению с дамами.

Он взял Далесари за локоть.

— Ты цела?

Девушка кивнула головой в мешке.

— Развяжи меня, — глухо попросила она.

Конан потащил ее за собой. Когда они добрались до разбойника, убитого ножом в спину, Конан наклонился и выдернул из тела свой кинжал. Он разрезал веревки, стягивавшие нежные запястья Далесари, однако мешок снимать не позволил.

— Незачем тебе видеть то, что здесь произошло, — сказал он.

— Но я хочу видеть! — возразила она. — В конце концов, я рисковала жизнью!

— Ты рисковала жизнью? — удивился Конан. — По-моему, тебя просто хотели убить.

— Ну да.

— Это не одно и то же, — заявил варвар. — Рискует жизнью тот, кто дает на это согласие. Кроме того, то зрелище, от которого я хочу тебя избавить, не стоит даже медной монетки!

— Но я хочу... — начала было Далесари снова.

Конан бесцеремонно потащил ее за собой.

Он надеялся, что Югонна уже ушел от трупов и вернулся в кабачок «Увалень». Но Югонна, парализованный ужасом и болью, продолжал оставаться на месте.

Его левый бок был окровавлен, лицо разбито. Он сидел на мостовой рядом с двумя трупами и тупо смотрел в стену.

Завидев киммерийца, возвращавшегося с девушкой, он встрепенулся.

— Далесари!

Она услышала его голос и вдруг, вывернувшись из рук Конана, сдернула с головы мешок.

— Югонна!

И тут Далесари застыла с раскрытым ртом. Она увидела то, о чем предупреждал ее киммериец. Вид человеческих кишок, разбросанных по мостовой и растоптанных, вид разбрызганного с кровью мозга и изуродованной головы потряс ее.

Она несколько раз судорожно зевнула и вдруг ее вытошнило. Конан едва успел отскочить.

— Ну вот, — проворчал он. — Теперь ты поняла, что я был прав.

Югонна зашевелился со стоном.

— Нужно уходить отсюда.

— Как ты догадался? Ты вообще сообразительный малый, — съязвил Конан.

— Я ранен, — сказал Югонна. — Мне не встать без помощи.

Конан перевел взгляд с Югонны на Далесари и обратно.

— Так кого мне тащить на себе? — осведомился киммериец. — Тебя или твою женщину? Или, может быть, вас обоих?

Югонна вместо ответа попробовал подняться на ноги. К его удивлению, это ему удалось.

Конан не без насмешки наблюдал за его усилиями. Опытным взглядом киммериец уже видел, что рана Югонны не опасна — ему просто распороли кожу на боку. Крови много, да и неприятно, но совершенно не смертельно.

— Возьми мою руку. — Конан протянул ему руку, и Югонна вцепился в его локоть мертвой хваткой. — Все, уходим. Скоро сюда придет стража, а я очень не люблю отвечать на вопросы стражников, особенно ночных — эти раздражительны. К тому же у меня совершенно нет ответов. А у вас?

— В каком смысле? — спросила Далесари.

— В том смысле, что это ведь на вас напали. Кто хотел вас угробить? — резковато проговорил Конан.

— Откуда нам знать? — ответил за обоих Югонна. — Мы здесь никогда прежде не были. Возможно, завистники...

— Завистники? — Конан изумленно посмотрел на фокусников. — Кто же может вам завидовать?

— Другие артисты, — с достоинством объяснил Югонна. — Нам ведь удалось то, в чем не преуспел больше никто.

— Нет, — решительно сказал Конан. — Этого не может быть. Для того, чтобы организовать такое покушение, нужно по меньшей мере быть местным жителем. Пять бандитов! Да кто из пришлых знает, где их искать и как нани-

мать? К тому же у артистов не водится столько денег... Если бы это были завистники, они попытались бы убрать вас своими руками.

— В таком случае, у нас вообще нет ни ответов, ни предположений, — сказала Далесари.

— Ну а у меня есть, — проворчал киммериец. — Кому-то из здешних сановников очень не хочется, чтобы Цинфелин пришел в себя и избавился от своей болезни.

— Цинфелин! — встрепенулась Далесари. — Мы должны быть у него в замке и давать еще одно представление!

— Ночью? — удивился Конан.

— Да, он просил нас прийти ночью. Говорит, по ночам у магии появляется дополнительная союзница — тьма. В темноте, по его словам, просыпаются тайные силы...

— Ничего нового, — буркнул Конан. — Я и сам предпочитаю работать по ночам.

— Работать? — с неподдельным ужасом воскликнула Далесари. — Не хочешь же ты сказать, что по ночам забиваешь сваи или возишь камни на строительстве какого-нибудь храма?

Несмотря на жуть, все трое рассмеялись.

— Нет, — сказал Конан, отсмеявшись. — Когда я говорю о «работе», я имею в виду нечто более... прибыльное, чем таскание камней на строительстве храма. Как бы там ни было, но юный граф взял себе в союзники ночь — а значит, и все силы тьмы; стало быть, и меня.

— Ты хочешь отправиться с нами в замок?

— Не вижу другого способа попасть туда, — сказал Конан. — Нет, способы, конечно, есть, но этот самый простой. Я ведь говорил, что должен отогнать от вас кровавых призраков беды... Так что уж не спорьте со мной сейчас.

— Конан, — нерешительно проговорил Югонна, — я буду тебе очень признателен...

— Мы оба будем тебе признательны, — перебила Далесари.

— Мы оба, — подхватил Югонна. — Нам нужен человек, который поберег бы наши жизни. Похоже, здесь нам угрожает нешуточная опасность.

— Ну так бегите! Не задерживайтесь здесь ни мгновения.

— Нет, — хором произнесли супруги.

Югонна объяснил:

— Нам нужны эти деньги, ты же знаешь.

А Далесари добавила:

— Нам жаль молодого графа...

Глава третья

Граф показывает фокусы

Кто этот верзила? — осведомился начальник дворцовой стражи, когда Конан вместе с обоими фокусниками предстал перед ним.

Они успели переодеться в чистое и перевязали рану Югонны. Конан маячил за спинами своих знакомцев, превосходя их в росте по меньшей мере на голову.

— Это? — Югонна повернулся и глянул на Конана. — Наш помощник. Он носит зеркало. И вещи. И иногда — Далесари.

— Он переносит меня через препятствия, — объяснила Далесари. — Через лужи, камни... В общем, там, где трудно пройти.

Конан сильно сопел у нее за спиной.

Начальник стражи махнул рукой.

— Проходите. Граф Цинфелин ждет вас. Я предупрежден насчет двоих фигляров, но коли вас трое...

— Это необходимо для нашего представления, — твердо заявил Югонна.

И они зашагали по коридору. Начальник стражи проводил их глазами и, пожав плечами, отправился спать.

Цинфелин ждал их прибытия с нетерпением. Когда дверь его личных покоев открылась, и показалась Далесари, молодой граф сам бросился к ней навстречу. Он больше не был ни бледным, ни вялым. На его щеках играл лихорадочный румянец, глаза горели, пересохшие губы все время шевелились, как будто Цинфелин вел бесконечный и беззвучный диалог с самим собой.

— Наконец-то! — воскликнул он, хватая Далесари и Югонну за руки и втаскивая их в комнату. Он тут же осекся, заметив Конана: — А это кто?

— Наш помощник.

— А, хорошо...

Цинфелин сразу же перестал обращать на Конана внимание, и киммериец, устроившись в углу, занял удобный наблюдательный пост, как раз рядом с кувшином, полным вина.

Напрасно Югонна боялся, что юный граф обратит внимание на растерзанный вид обоих фокусников. Хотя в комнате и горел факел, воткнутый в стену, Цинфелин совершенно не замечал ссадин и разбитой губы Югонны, красной полоски на шее Далесари. Он целиком и полностью был поглощен своими мыслями.

— Зеркало с вами? — жадно спросил он.

Югонна вынул из мешка зеркало и установил его перед графом.

— Отлично! — воскликнул Цинфелин, потирая руки. — Превосходно! А сейчас покажите мне, пожалуйста, еще раз некоторые картины.

— Что именно хочет увидеть ваша светлость? — вежливо осведомился Югонна.

Конан шумно отхлебнул вина и, заметив, что Далесари с укоризной посмотрела на него, приветливо махнул ей рукой.

И снова Цинфелин явил полное безразличие к происходящему вокруг него.

— Помните ту картину... маяк возле пролива? — быстро проговорил он. Далесари обратила внимание на то, что юный граф чуть задыхается.

— Маяк? — переспросила она. — Но почему вашу светлость так взволновала именно эта картина? По-моему, она самая мирная и успокаивающая.

Югонна покосился на свою подругу. Вечно ей нужно возражать! Всегда и на все у Далесари имеется собственное мнение! Когда-нибудь это здорово их подведет...

— Его светлость хочет увидеть маяк, — мягко заметил Югонна. — Зачем же рассуждать и тем более возражать? Просто покажем еще раз маяк, вот и все... Лично мне тоже нравится эта картина. Хотя большинство мечтательных юношей, разумеется, выбрали бы русалок.

С этими словами он провел рукой над зеркалом, и там снова заклубился туман, а сквозь разводы и пятна тумана проступила белая башня с фонарем наверху. Серые воды пролива тихо плескали у подножия башни, чайка кружила в воздухе.

Цинфелин так и прирос взглядом к этой картине. Конан привстал, чтобы лучше видеть — что именно так поразило юного графа. Пока что ничего особенного не происходило.

— Хорошо, — прошептал наконец Цинфелин. — Очень хорошо... Я видел все, что мне было нужно... И... — Он перевел взгляд на обоих фокусников, а затем посмотрел прямо в синие глаза киммерийца. — И я хочу спросить вас, вас троих: вы будете моими друзьями?

Они молчали, ошеломленные этим неожиданным вопросом.

— Что? — вскрикнула Далесари, не сдержавшись.

— Я хочу знать, согласны ли вы стать моими друзьями, — настойчиво повторил принц. — Потому что никто из моих прежних друзей не поймет... Они просто не в состоянии понять — в отличие от вас... Но мне нужны преданные люди. Люди, которым от меня ничего не нужно.

— Кроме денег, — спокойно произнес Конан.

Юный граф вздрогнул, а затем расслабился.

— Да, я заплачу вам денег за услуги, — согласился он так, словно речь шла о чем-то несущественном. — Но не это важно. Я хочу, чтобы вы не предали меня. И не ради денег, а ради меня самого.

— Хорошо, — все так же спокойно сказал Конан. — Вы рассуждаете как настоящий король. Как король, попавший в беду. Я согласен вам служить.

— Мы согласны, — поправил Югонна, с укоризной глядя на Конана.

— Рад видеть такое единодушие в моих товарищах, — объявил Конан. — Итак, мы готовы. Можете нам довериться.

— Отлично! — Цинфелин встал и развел руки в стороны. — Вы показали мне отменный фокус, а теперь позвольте и мне показать вам свой. Я потому и попросил вас прийти ко мне ночью, что мой фокус происходит только по ночам. Зато ежедневно. Точнее, еженощно. Смотрите...

Он указал на каменную стену, и вдруг Югонна с ужасом понял, что поверхность стены расплывается, становится зыбкой, как будто погружается в туман. Миг — и из этого тумана выступила живая картинка.

В первые мгновения она представлялась чем-то вроде барельефа, но затем фигуры ожили, зашевелились, обрели собственное бытие, и теперь наблюдателям казалось, что они смотрят на некую сцену, разворачивающуюся в невероятной дали. Перед их глазами была темная комната с голыми каменными стенами и единственным узким окном. И к этой стене был прикован человек.

Тяжелые оковы охватывали его запястья и щиколотки, короткие цепи с толстыми звеньями прочно крепились к стене. Грубый железный ошейник смыкался на шее узника, и от ошейника тоже тянулась цепь.

— Смотрите, — прошептал Цинфелин.

Изображение вдруг сделалось еще более отчетливым, и Далесари вскрикнула: узник оказался совсем юной девушкой. Она была тонкой, как тростинка. Долгое мучительное заточение изнурило ее, но она все еще сохраняла следы замечательной красоты. Огромные зеленые глаза девушки были распахнуты. Она явно ощущала присутствие наблюдателей и пыталась отыскать их взглядом. Затем слабая улыбка показалась на ее лице — она заметила Цинфелина.

Пересохшие губы девушки зашевелились. Она что-то говорила.

Цинфелин, не в силах оторвать от нее взгляд, шепнул своим гостям:

— Я научился читать по губам. Теперь я знаю, что она произносит — ночь за ночью, все то время, что мы с ней видимся. Она умоляет спасти ее. Тот, кто держит ее в заточении, каждый день подвергает ее пыткам. Ее морят голодом, ее мучают жаждой, ее запугивают и принуждают к отвратительным вещам. Пока что она не давала своего согласия на эти вещи... Но рано или поздно она не выдержит. Либо жизнь покинет ее, либо она согласится — и тогда потеряет свою душу...

Девушка вдруг широко раскрыла рот, из ее глаз покатились слезы, она дернула прикованной рукой, как будто хотела удержать ускользающее видение... и картина растаяла. Перед зрителями вновь была голая стена.

— Кром! — пробормотал Конан. — Вот это история. Вы верите в ее реальность?

— Да, — сказал Цинфелин. — Она существует. И... я люблю ее. Я полюбил ее с того самого первого раза, как увидел. Она приходит ко мне и просит, умоляет... Сперва она просто пыталась делить со мной одиночество, но потом... Говорю вам, кое-что из того, что она произносит, мне удается разобрать.

— Боги, да разве нужны слова! — прошептал Югонна. — Какие потребны слова, если женщина прикована к стене и измучена голодом и пытками? Но как нам помочь ей?

— Я думаю об этом день и ночь, — признался Цинфелин. — Я никому не мог рассказать об этом. Впервые видение посетило меня во время болезни. Наверное, я умирал и находился уже между мирами, поэтому страдающий дух этой девушки сумел отыскать мою душу и соединиться с ней. Я услышал зов, который больше никто не мог услышать! Выздоровление моего тела сопровождалось таким страданием моей души, что... передать это словами невозможно. — Он говорил очень просто, не рисуясь, не щадя себя, но и не пытаясь представить «обычным делом» то, что таковым не являлось. — Как мне было поступить? Когда я немного овладел собой и начал соображать, я решил посоветоваться с самым мудрым человеком в графстве. С отцовским советником — Кернивом. Это действительно очень мудрый человек. И что же?

— Что? — спросил Югонна вежливо, видя, что граф нарочно держит паузу.

— Кернив сказал мне, что, по всей вероятности, девушка эта давным-давно мертва. Что мне является привидение. Что существуют такие призраки, которые мучают живых людей, умоляют их о помощи, сводят их с ума своими жалобами... это необходимо им для поддержания собственных сил.

— Полагаю, он прав, — заметил Конан. — Мне доводилось иметь дело с призраками. Многие из них создают довольно выразительные картинки, чтобы вызвать в человеке ответное чувство, а потом словно бы высасывают из него живую душу, измученную видениями. Да, такое бывало.

— Я уверен, что она — не призрак! — горячо заверил Цинфелин. Давно он не чувствовал себя таким оживленным и здоровым, как нынешним вечером. Наконец-то он мог свободно говорить о том, что лежит у него на сердце и не дает покоя! Наконец-то его собеседники готовы выслушать его и понять, а главное — не счесть безумцем.

— Она выглядит вполне реально, — согласился Конан.

Далесари переглянулась с Югонной, и муж еле заметно кивнул ей. Молодая женщина тотчас вступила в разговор:

— Почему вы выбрали именно нас, ваша светлость?

— Потому что вы показали мне маяк и пролив, — был ответ. — И я понял, что передо мной люди, которые поймут, о чем я говорю.

— Маяк и пролив? — недоумевающе переспросила Далесари.

Цинфелин кивнул.

— Вы не заметили кое-что, когда рассматривали ожившее видение на моей стене, — объяснил он, — потому что слишком были поражены видом несчастной девушки. Так происходило и со мной в первые дни, когда она только-только начала появляться... Но затем я заставил себя внимательнее присмотреться к тому, что ее окружает. Я подумал: вдруг это важно? Вдруг я сумею определить то место, куда ее заточили, и прийти к ней на помощь?

— Вам это удалось? — тихо спросила Далесари.

Глаза Цинфелина сверкнули, а Конан негромко вставил:

— Да, я тоже обратил внимание на эту деталь.

Цинфелин удивленно повернулся к киммерийцу:

— Какую?

— Из окна темницы видны пролив и маяк, — заявил Конан. И, видя, как вспыхнуло лицо Цинфелина, усмехнулся: — Я ведь правильно разглядел?

— Да, — пробормотал Цинфелин. — Я просто не ожидал...

— Не ожидали, что кто-то не будет настолько захвачен видением прекрасной девушки в цепях, чтобы не обратить внимания на вид из окна ее апартаментов? — подхватил Конан. — Но я всегда сперва смотрю по сторонам, а потом уж предаюсь созерцанию главного. То, что может оказаться главнее главного, всегда прячется где-нибудь в углу. Загадка очень важна, но куда важнее — ключ к ее разгадке.

— Ее башня действительно находится на берегу пролива? — переспросил Югонна.

Цинфелин утвердительно кивнул.

— Да. И когда я увидел в вашем зеркале тот самый вид... Это значит, что вы побывали поблизости и знаете, где эта башня находится.

— Да, — медленно проговорил Югонна. — Мы были там. Это в дне пути отсюда. Та башня показалась нам слишком зловещей, и мы не стали оборачивать к ней зеркало. Но маяк, чайки над ним и волны пролива — это было достаточно живописно, чтобы поместить изображение в зеркало и потом развлекать публику.

— Для контраста, — добавила Далесари. — Разные веселые и живые картины надлежит перемежать видами печальными, зрелищем безлюдия и одиночества. Это заставляет зрителя острее чувствовать радость жизни.

— Все правильно, все правильно... — пробормотал юный граф, явно думая о своем. — Стало быть, Кернив все-таки заблуждается. Эта девушка существует на самом деле и взывает к нам о помощи.

Цинфелин взволнованно прошелся по комнате и вдруг остановился, резко развернувшись к своим собеседникам.

— Что мы будем делать?

— «Мы»? — тихо удивился Югонна. Ему явно не хотелось вмешиваться в эту историю.

— Вам ведь нужны деньги, — сказал Цинфелин, улыбаясь одними уголками губ. — Я заплачу вам столько, сколько захотите, если вы поможете мне. К тому же работая за деньги вы будете знать также о том, что делаете доброе дело, а такое сочетание встречается в нашем мире нечасто!

— Согласен, — быстро произнес Конан прежде, чем Югонна успел обменяться с Далесари одним из тех выразительных взглядов, коими супруги довольствовались в тех случаях, когда переговоры были невозможны.

— Да, мы согласны, — кивнул и Югонна.

— Отлично! — юный граф потер ладони.

Конан спокойно предложил:

— Сделаем так. Цинфелин и я отправимся на берег пролива. Конечно, было бы целесообразнее взять с собой Югонну, коль скоро он там уже побывал, но...

— Нет, я полагаю, мы с Далесари останемся в Бенойке и попробуем выяснить, кто насылает на юного графа все эти видения, — быстро сказал Югонна. Он поймал проницательный взгляд Конана и чуть покраснел.

— Мы артисты, нас никто не заподозрит в том, что мы соображаем немного больше, чем обычно ожидают от жонглера. Знать презирает таких, как мы, и не слишком стесняется... И далеко не всякому придет в голову присмотреться к нам и догадаться о том, что и мы получили недурное воспитание...

— Только не надо снова рассказывать о лабиринте, населенном учеными, о ваших лабораториях и о том, какими важными научными вопросами вы занимались, — перебил Конан.

Он тотчас же пожалел о своих словах. Цинфелин удивленно уставился на фокусников.

— Вы — ученые?

Югонна гордо поднял голову.

— Да, ваша светлость, и у себя на родине мы считались довольно многообещающими учеными... Сфера наших интересов...

Конан простонал сквозь зубы.

Кажется, он сам выпустил демона на волю. Следующую терцию он в который раз уже выслушивал увлекательное повествование о лабиринте в родном Авенвересе, о разных лабораториях, о чудаках, поглощенных своей работой, о разных важных вопросах, которые обсуждаются в лабиринте. А затем Конан переменил мнение о теме разговора. Произошло это в тот момент, когда молодая чета перешла к рассказу о смешных случаях из жизни ученых. Впервые за долгое время Цинфелин смеялся. Он смеялся и чувствовал, что возвращается к жизни!

«Что ж, — сказал себе Конан, — с таким парнем я, пожалуй, сумею добраться до башни и даже освободить красавицу, кем бы она ни была! А то, в самом деле, предстояло работать в паре с унылым и хворым наследником захудалого графства — трудно придумать компанию хуже...»

Память услужливо подбросила ему образы тех, чья компания была ощутимо хуже: демон, суккуб, воровка, все время попадающая в руки стражи и требующая от Конана помощи, избалованная дурочка, сбежавшая от родителей, беременная воительница... В конце концов, Цинфелин начал казаться киммерийцу вполне приятным, а когда молодой граф улыбнулся, Конан окончательно утвердился в своем мнении: да, все получится. Цинфелин, скорее всего, не доставит ему слишком много хлопот, и даже напротив — может оказаться полезным.

— Завтра же и отправляемся! — Цинфелин вернулся к главной теме. — Я прикажу седлать лошадей.

— Нет, — остановил его Конан.

Цинфелин поднял брови.

— А как ты предлагаешь добираться до залива? Пешком? А для пропитания мы будем по дороге показывать фокусы и стоять на голове?

— Мы не станем выезжать из замка открыто, — объяснил Конан. — Если здесь действительно есть враги графа...

— Но это невероятно! — перебил Цинфелин.

Однако остановить Конана оказалось не так-то просто.

— В замке имеется тайный враг графа Гарлота, — повторил он. — Человек, который хочет, чтобы династия прервалась. Он преследует какие-то собственные выгоды... Пока мы не знаем, кто он и для чего ему это надо, но сомневаться в его существовании — значит, совершать большую ошибку и подвергать опасности свою жизнь. Мы не станем совершать такой ошибки. И поэтому уедем так, чтобы это стало заметно лишь спустя некоторое время. Так, чтобы поздно было останавливать нас или отправлять погоню. Разумеется, лошади нам понадобятся. Купим их при первой же возможности...

— Есть другой способ, — перебил граф. — В числе гарнизонных солдат у меня имеются верные друзья.

— Вы уверены в них? — спросил Югонна.

— Это простые солдаты! Разумеется, я в них уверен. Лучшим из всех был всегда Рихан. Кажется, он пренебрег запретом и навещал меня, пока я лежал у себя в спальне, погруженный в болезненный сон... Хотя, возможно, это мне только приснилось.

— Будем надеяться, что нет, — кивнул Конан. — Итак, решено. Отыщем Рихана и попросим его подготовить для нас лошадей так, чтобы этого никто из посторонних не заметил. Пусть ждет нас за стенами замка и за пределами города, где-нибудь на дороге.

— А мы? — спросила Далесари. — Что делать нам?

— Останетесь в апартаментах Цинфелина, — предложил Конан. — Вряд ли вас станут здесь искать.

— В графский покой поутру придут слуги, — возразил Югонна. — Возможно, тебе это неизвестно, Конан, но среди аристократии принято, чтобы слуги...

Конан бесцеремонно перебил его:

— Разумеется, мне хорошо известно, что есть на свете такие господа, которые сами себе пряжку на плече застегнуть не могут. Но я сейчас говорю о другом. Покои графа достаточно просторны, чтобы здесь спрятаться. А когда суматоха, вызванная исчезновением Цинфелина, немного уляжется, настанет самое подходящее время для того, чтобы попробовать выяснить главное: кто же все-таки пользуется здесь злыми чарами.

Глава четвертая
Тайное бегство

То, как просто Цинфелин доверился совершенно незнакомому человеку, утвердило Конана в первоначальном мнении: до болезни юный граф был храбрым воином и добрым товарищем. Только чистосердечный человек способен так легко вручить свою судьбу в руки друга.

Все последующее только укрепляло это впечатление.

Приняв решение, Цинфелин сразу же начал действовать. Он показал Югонне и Далесари небольшую комнатку позади спальни, где хранилась одежда. Длинные сундуки с плоскими крышками могли послужить идеальной постелью для путников; угощение юный граф лично перетащил туда же из своих жилых комнат.

— Пересидите здесь первое время, — сказал он. — Если услышите, что кто-то направляется в эту комнату, прячьтесь в сундуки. Впрочем, маловероятно, чтобы кто-то решил заглянуть сюда. Мои нерадивые слуги не слишком-то любят перетряхивать вещи и чистить их. Предпочитают пить мое вино и бездельничать.

Он коротко посмеялся, а затем пожелал супругам удачи и почти сразу же забыл о них. Это Конан тоже отметил с одобрением. Цинфелин решал вопрос и тотчас переходил к следующему, не позволяя мыслям задерживаться в прошлом.

— В замке есть подземный ход, — сказал Цинфелин. — Мы воспользуемся им. О нем знают очень немногие... Но сперва нужно отыскать Рихана.

— Этим займусь я, — предолжил Конан, но Цинфелин покачал головой:

— У тебя слишком приметная внешность. Рост, ширина плеч... Стражники наверняка запомнили, как выглядел подручный двух фокусников, приглашенных в мои апартаменты для дополнительного представления. Если ты начнешь разгуливать по замку ночью, это неизбежно вызовет вопросы.

— Ты хочешь сказать, — небрежно осведомился Конан, — что на тебя никто не обратит внимания? Ну, подумаешь, молодой граф, наследник здешних земель, шатается по замку ночами...

Цинфелин пропустил эту фамильярность мимо ушей. Коль скоро им с Коналом предстоит небезопасная поездка, обращение на «ты» предпочтительнее. Юный граф засмеялся.

— Да, ты совершенно прав, киммериец. Если я начну бродить по замку, никто и бровью не поведет. В моем характере и поведении давно уже замечались странности. Еще одна ничего не прибавит.

— Ладно, согласен, — нехотя кивнул Конан. — К тому же и этот Рихан охотнее выслушает тебя.

— Договорились. Жди меня здесь! — И Цинфелин вышел из комнаты.

Конан переглянулся со своими спутниками.

— Что будем делать?

— Мы идем спать, — зевая, сообщил Югонна. — Далесари устала, да и я едва держусь на ногах. Слишком много впечатлений. Это вредно для здоровья. Передохнем, а завтра начнем шпионить.

Далесари только слабо улыбнулась и скрылась в комнатушке, которую предложил им граф.

* * *

Рихан спал в общей комнате вместе с другими дружинниками, когда Цинфелин пробрался туда и потряс друга за плечо.

Разбудить Рихана всегда было делом непростым, однако Цинфелин не сдавался: он тряс его, щипал, зажимал ему нос, дергал за волосы. Наконец Рихан недовольно проворчал что-то. Цинфелин зажал ему рот ладонью. Вдруг Рихан приглушенно вскрикнул и открыл глаза.

— Это я, — прошептал Цинфелин. — Иди за мной. Я хочу поговорить.

— Ты очнулся! — голос Рихана звучал невнятно и глухо.

— Именно. — Цинфелин отнял ладонь от лица друга. — Молчи. Не говори больше ни слова, разбудишь других.

Они выскользнули на двор. Яркий лунный свет озарял обоих. Улыбка медленно проступила на простодушной физиономии Рихана.

— Ты действительно пришел в себя! — зашептал он.

— Да. Шепчи потише.

Рихан кивнул, не сводя с друга глаз.

— Они хотели уморить меня, — продолжал Цинфелин, — но по счастью им этого пока не удалось.

— «Они»? — грозно переспросил Рихан, озираясь по сторонам с таким видом, словно ожидал увидеть «их» в любое мгновение. — Кто?

— Пока не знаю. Тише... Слушай. Мне нужно, чтобы ты взял двух лошадей и держал их наготове на дороге, за пределами города. Я хочу выбраться отсюда. Мне совершенно необходимо побывать в одном месте. Возможно, там я найду ответы на все вопросы. И тогда я точно буду знать имя человека, который желает моей смерти.

— Я согласен! — быстро кивнул Рихан.

— Подожди. — Цинфелин остановил его. — Я не сказал, что ты едешь со мной.

— Но... две лошади? — Рихан выглядел теперь крайне удивленным. — Разве вторая — не для меня?

— Нет. Твое отсутствие было бы слишком заметным. Едва только настанет утро, как другие солдаты сразу же обнаружат, что ты исчез. А мне нужно выиграть время. Чем позднее поднимется тревога, тем лучше.

— Кто же, в таком случае, поедет с тобой?

— Один надежный человек.

Рихан нахмурился. Цинфелин положил руку ему на плечо.

— Мы с тобой по-прежнему остаемся друзьями. Тот человек, что будет со мной... Я его нанял. Он достоин моего доверия, силен и неглуп. Этого достаточно.

— Он не предаст тебя?

— Надеюсь, что нет. Ему нет смысла этого делать.

— Разве что его не подослали твои же враги.

— Рихан, я не могу позволить себе быть таким подозрительным. И ты не будь. Просто сделай то, о чем я попросил, хорошо?

Рихан хмуро кивнул и отправился в сторону конюшен. Цинфелин проводил его глазами. Ему было жаль обижать старого друга, но поступить иначе он попросту не мог.

Цинфелин вернулся к себе. Конан встретил его нетерпеливо:

— Ты готов? Я собрал кое-какие припасы и, уж извини, пошарил по твоим шкатулкам. Вот деньги, которые ты держал у себя в комнате. Немного, надо признать.

— Я обычно и не нуждаюсь в больших суммах, — ответил Цинфелин. — У меня все есть. Еда, одежда. Если мне потребуется новая лошадь или охотничья собака, отец достанет мне любую.

— Преимущества титула, — проворчал Конан. — Когда я стану королем, у меня тоже не будет нужды в карманных деньгах. Но пока мы с тобой не короли, а обыкновенные беглецы и искатели приключений, денежки в кошельке нам очень пригодятся.

— Оставь их у себя, — махнул Цинфелин. — Потратишь по собственному усмотрению.

Они вышли из комнаты и тихо двинулись по коридору. Несколько факелов горело в держателях на стене, обычно возле поворотов или около лестниц. Цинфелин хорошо знал замок, в котором прошла вся его жизнь. Он уверенно сворачивал, несколько раз уводил своего спутника в тень, и они пережидали, пока пройдет ночная стража. Затем Цинфелин подвел Конана к лестнице, уводящей куда-то в глубину.

— Это здесь, — промолвил он.

На ступенях лежал густой слой пыли. Было видно, что лестницей не пользовались очень давно.

Конан нахмурился.

— Мы оставим заметные следы.

— Ничего не поделаешь, придется рискнуть, — вздохнул юный граф. — Другого тайного пути из замка нет.

— Надо как-то замаскировать хотя бы то обстоятельство, что нас двое... — Конан задумался на миг, а потом его лицо просияло. — Давай топтаться! На каждой ступени придется оставить десятки отпечатков. Ты понял?

— Да! — весело кивнул Цинфелин. — Пусть решат, будто нас здесь было по меньшей мере человек пятнадцать.

И они начали свой странный спуск в глубину. Со стороны могло показаться, что двое молодых мужчин исполняют какой-то странный танец. Они пере-

ступали с ноги на ногу, подпрыгивали и поворачивались, словом, вели себя, как звери, запутывающие след. Продвижение из-за этого очень замедлилось, зато результат был просто поразительным. Казалось, будто по лестнице спустился целый отряд. Тем, кто попробует разгадать замысел Цинфелина, придется поломать над этим голову!

Когда они проделали уже значительный путь, Цинфелин остановился и вытер пот со лба.

— Может быть, хватит? — предложил он. — Вряд ли они спустятся так далеко — а если и спустятся, то вряд ли...

— Нет, — прервал Конан. — Не забывай о том, что в замке находится твой тайный враг. Человек, который сделает все, лишь бы его замыслы не были разоблачены. Он не поленится проделать весь путь до конца. И если хотя бы на одной ступеньке он обнаружит следы всего двух человек, он поймет, что его обманули.

И они продолжили свой «танец».

Когда наконец оба очутились в тоннеле, где под ногами захлюпала жижа, они вздохнули с облегчением. Первая часть пути осталась позади.

— Тоннель очень длинный, — предупредил Цинфелин. — Тебе придется идти, наклонив голову.

Они двинулись вперед. Больше они ни о чем не разговаривали. Конану не раз доводилось пользоваться подземными ходами, лазами и даже лабиринтами, проложенными глубоко в скальных породах. Он не боялся таких вещей. Сколько раз он оказывался в пещерах — и всегда выбирался наружу! Другое дело — Цинфелин. Такое испытание постигло его впервые. Молодой граф не устрашился бы при виде врага, вооруженного, сидящего верхом на коне. Он не испытывал страха перед свирепыми хищниками, на которых охотился. Он не струсил бы и в море во время бури. Но оказаться запертым в подземную ловушку, очутиться в темноте среди камней и отвратительно воняющей влаги... Это было выше его сил.

Цинфелин вдруг остановился и вскрикнул:

— Нет!

Конан, шедший впереди, обернулся.

— Что случилось?

Он подошел поближе к молодому графу. Цинфелин дрожал всем телом, зубы его постукивали.

— Я больше не могу находиться здесь... Мне страшно! А вон там кто-то следит за нами.

— Здесь никого нет. Бояться нечего. И стыдиться тоже нечего: ни один здоровый, сильный мужчина не в силах долго выдерживать заточение в каменном мешке.

— А ты? Ты, кажется, относишься к этому спокойно!

— Нет, я тоже неспокоен, просто я уже побывал в похожих переделках и помню, как всякий раз мне удавалось выбраться.

Тут Конан прервал свою речь и схватился за оружие.

— Ты был прав, — прошептал киммериец, — там действительно кто-то есть!

* * *

Два горящих желтых глаза мелькнули далеко впереди.

Глаза эти пылали так ярко, что на стенах то и дело появлялись полоски света. Они пробегали по влажному камню, а затем гасли, исчезали во мраке.

— Кто это может быть? — прошептал Цинфелин.

Конан пожал плечами.

— Любое подземелье рождает своих собственных чудовищ. У меня нет даже предположений... Да это и не важно. Кем бы ни было то существо, что поджидает нас впереди, оно наверняка смертно. А у нас есть добрая сталь, чтобы удостовериться в этом.

Глаза приблизились. Теперь беглецы явственно слышали шлепанье лап по разлитой в тоннеле жиже. Неожиданно до них донесся сильный порыв ветра, он принес с собой отвратительное зловоние. На миг Конану подумалось, что они находятся вблизи от выхода, но он тут же отмел эту мысль.

— У этой твари есть крылья, — прошептал он своему спутнику. — Держись позади меня и достань меч. Будь наготове.

Глаза приблизились. Теперь Конан слышал, как тихо скрежещут зубы монстра. Кем бы ни было это чудовище, оно явно предвкушало сытную трапезу.

— Берегись! — крикнул Цинфелин.

Глаза поднялись выше, новый порыв ветра окатил Конана волной отвратительного запаха. Монстр взлетел в воздух и приготовился атаковать.

Конан вскинул меч, держа его над головой. Чудовище, несомненно, хорошо ориентировалось в темноте — в том влажном, беспросветном мраке, который его породил. Оно легко уклонилось от человеческого оружия и, описав в воздухе круг над головой Конана, снова бросилось на человека.

Конан ощутил прикосновение кожистых крыльев. Он едва успел увернуться от когтей, а затем развернулся и набросился на монстра сам. Чудовище было совсем близко. Из его разверстой пасти исходил запах гнили и разложения.

Цинфелин еле слышно всхлипнул. Его охватил постыдный страх — такой сильный, какого юноша не испытывал, наверное, никогда в жизни. Он был готов повернуться к монстру спиной и побежать... И побежал бы, если бы страх утратить честь, да еще прямо на глазах у киммерийца-варвара, не оказался бы сильнее.

И потому Цинфелин остался на месте. «Я — будущий властитель этих земель, — твердил он себе. — Я не имею никакого права бояться здесь кого бы то ни было. Будь то монстр или человек — это существо принадлежит мне, и оно должно мне покориться».

Однако чудовище явно держалось совершенно иного мнения. Оно полагало себя властелином подземелья и очень возмущалось тем невероятным обстояте-

льством, что пища отказывается сдаваться и подчиняться своему предназначению.

Напротив, «пища» атаковала. Раз за разом Конан взмахивал мечом, целясь между двух пылающих глаз. Но монстр всегда оказывался быстрее.

Конан, однако, не чувствовал себя обескураженным. Он внимательно наблюдал за чудовищем. Он знал: любой зверь, даже самый хитрый, все равно глупее человека. У любого противника есть излюбленный набор приемов. Нужно просто знать, каков этот набор, и тогда нетрудно будет предугадать следующий шаг.

Конан заметил, что монстр всегда движется в одном направлении, справа налево. Увернувшись от удара, он наносит собственный удар — неизменно правее места предыдущей схватки. Что ж, киммериец воспользуется этим!

И в следующий же раз он ударил монстра точно в том месте, где тот должен был появиться! На сей раз быстрота не помогла чудовищу — киммериец оказался быстрее. Конан почувствовал, как сталь разрубает кости и вдруг освобождается: меч прошел сквозь тело чудовища. С оглушительным визгом рассеченный надвое монстр упал на дно тоннеля, в жижу. Горящие глаза его погасли.

Внезапно Конан понял, чем была эта жижа. До сих пор киммериец не слишком задумывался над этим, поскольку самым главным было двигаться вперед и поскорее покинуть замок.

Но теперь...

— Конечно! — прошептал Конан, осторожно перешагивая через то место, где, как он знал, лежал труп монстра. — Ведь замок стоит на скале! И подземный ход тоже пробит в камне. Откуда же здесь влага?

— Влага — в скале, — сказал Цинфелин. — Или... что ты имеешь в виду?

— Когда выйдем наружу, увидим.

Они быстро побежали вперед. До освобождения из подземного плена оставалось совсем недолго. Скоро до них долетела первая струя свежего воздуха. Цинфелин жадно задышал. Конан тоже с облегчением перевел дух.

Они находились за пределами городка, возле большой дороги — в лесу. Отсюда виден был просвет, где, собственно, и находилась дорога. Луна светила ярко, озаряя окрестности. Конан потянулся.

— Хорошо под небом! — воскликнул Цинфелин.

— Хорошо выпрямиться, — проворчал варвар, с хрустом расправляя руки.

Они сделали несколько шагов и очутились на дороге.

— А теперь посмотрим, правильной ли была моя догадка, — сказал Конан.

Он посмотрел на свои сапоги. Так и есть! Они почти до самых колен были забрызганы кровью.

— Что это? — пробормотал Цинфелин, рассматривая свои ноги.

При свете луны кровь казалась почти черной.

— Так я и думал, — кивнул Конан. — Ты спрашиваешь, что это? Это кровь. Самая обыкновенная кровь. И ошметки разложившихся трупов. Вот что там, в тоннеле.

— Я не понимаю, — прошептал Цинфелин. Даже в лунном свете было видно, как он побледнел. — Ты хочешь сказать, что мой отец... что мои предки... что я... Ну, что графы Бенойка сбрасывали в этот тоннель всех неугодных и замуровывали их там? Что это на самом деле — застенок, тюрьма?

— Вовсе нет, — возразил Конан. — Если бы это была тюрьма, то там имелись бы по меньшей мере засовы. А мы легко вошли в подземелье, и нам не пришлось даже вышибать дверь. Если туда и сбрасывали какие-то трупы, то это были именно трупы. Никто не погибал там, погребенный заживо. Даже и не думай об этом.

— Но чья же это кровь?

— И к тому же свежая... — добавил Конан.

— Свежая? Она воняет, как... как... — Цинфелин задохнулся.

— Не мучай себя подбором верного выражения, — махнул рукой Конан. — Суть ясна. В подземном тоннеле водятся эти твари. Они питаются кровью и гнилью. Полагаю, та жижа, по которой мы шли, — это сгнившая кровь крыс и прочей отвратительной живности, а также останки тех самых тварей...

— Думаешь, их много?

— Полагаю, их там достаточно.

— Отвратительно! — воскликнул молодой граф. — Я должен позаботиться о том, чтобы уничтожить их! Ведь рано или поздно они размножатся настолько, что вырвутся из подземелья и нападут на обитателей замка!

— Об этом позаботишься потом, а пока следует подумать о наших лошадях. Как полагаешь, Рихан уже добрался до условленного места?

Рихан находился на дороге, сразу за поворотом. При свете луны видно было, что он сидит в седле и держит под уздцы двух прекрасных лошадей.

— Я выбрал лучших, — сообщил Рихан с гордостью.

Конан поморщился.

— Лучших — и самых приметных. О чем ты только думал, Рихан! Да по этим лошадям нас разыщут с легкостью.

— Я думал о том, как бы вам поскорее добраться туда, куда вы собираетесь, — резко возразил Рихан. Он не считал нужным скрывать свое отношение к Конану. И если молодой граф предпочел своему лучшему другу какого-то варвара — что ж, Рихан не намерен изображать восторги по этому поводу.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Цинфелин. — Я очень благодарен тебе, Рихан. Возвращайся домой и ложись спать. Пожалуйста, будь осмотрителен. И еще... — Он помедлил немного, но затем все-таки сказал: — В замке, возможно, ты встретишь двух фокусников. Муж и жена, иноземцы. Их одежда разрисована изображениями всяких диковинных существ. Оба довольно симпатичные на вид. Это мои союзники, ты понял? Если у них возникнут неприятности, помоги им. Их зовут Югонна и Далесари.

— Сделаю все, как ты хочешь, — сказал Рихан. Он развернул коня, свистнул и помчался по дороге, направляясь обратно к замку Бенойк.

Конан проводил его глазами и покачал головой.

— Парень обижен.

— Тут уж ничего не поделаешь! — резко возразил Цинфелин. — Я поступил правильно.

— Да, ты поступил правильно... Но он — человек простодушный и обижен до самых печенок. Конечно, это никак не скажется на его преданности. И все же тебе придется хорошо постараться, чтобы загладить свою вину перед ним.

— Я устрою хорошую охоту, — обещал Цинфелин. — Думаю, этого будет довольно.

Они с Конаном сели на лошадей и помчались прочь от Бенойка — вперед, к морю и двум мрачным башням на обоих берегах пустынного пролива.

Глава пятая
Светящиеся следы

Когда Конан и Цинфелин покинули покои юного графа, Югонна и его подруга некоторое время сидели без движения. Слишком много всего произошло за слишком короткий срок. Сперва — приглашение дать ночное представление, затем — видение прикованной девушки и, наконец, решение Цинфелина во что бы то ни стало разыскать эту неведомую пленницу и спасти ее.

— Ты веришь в то, что она еще жива и существует на самом деле? — заговорила наконец Далесари.

Ее муж пожал плечами.

— В это верит Цинфелин. И, что самое удивительное, Конан не стал его переубеждать, а напротив, взялся помогать ему.

— Что же тут удивительного? Конан — авантюрист, а розыск далекой красавицы — превосходный способ заработать, — едко заметила супруга.

— Конан — очень здравомыслящий человек, — возразил Югонна. — И, насколько я успел его узнать, он не взялся бы за дело, которое ему не по душе, даже если бы ему сулили за это огромное вознаграждение. Как это ни странно, у него есть что-то вроде принципов.

Далесари вздохнула. Она чувствовала себя очень усталой и вместе с тем была слишком возбуждена для того, чтобы сразу заснуть. Ей хотелось узнать все разгадки — немедленно! Похоже, у ее мужа было сходное настроение.

— Ты голодна? — спросил Югонна. — Здесь остались закуски.

Вдвоем они уничтожили все съестное, что находилось в комнате. Затем Далесари вытащила из-за пазухи маленький мешочек. Югонна с любопытством следил за ней.

— Что у тебя здесь?

— Порошок. Помнишь, одно время я разыскивала растения со светящейся пыльцой...

Югонна кивнул. Он с трудом мог припомнить этот эксперимент. Далесари всегда поражала его способностью заниматься несколькими проектами одновременно. И сколько Югонна ни старался, ему не удавалось удержать в памяти все то, о чем рассказывала ему подруга. Это было еще во времена лабиринта; так что же говорить о временах нынешних, когда судьба и злая воля дяди Далесари, наполовину ученого, наполовину колдуна, занесла их в чужие края! Здесь большую часть времени они были поглощены простой борьбой за выживание.

— Почему ты так смотришь на меня? — улыбнулась Далесари.

Югонна встряхнулся, избавляясь от задумчивости.

— Как я на тебя смотрю? — удивился он.

— Как будто впервые меня увидел.

— Это происходит каждый раз, дорогая. Каждый раз, взглянув на тебя, я испытываю восторг и изумление.

— Ты льстишь.

— Самую малость.

— И лжешь. Почему ты выпучил глаза и разинул рот?

— Неужели я так выгляжу? — засмеялся он.

Она торжественно кивнула. Югонна обнял ее и прижал к себе.

— Потому что ты всегда меня поражаешь чем-нибудь новеньким. Что за светящаяся пыльца? О чем ты сейчас говорила?

Пылая гневом, она высвободилась из его объятий.

— Я так и знала, что ты притворяешься! — воскликнула она. — Ты ничего не помнишь! И плевать ты хотел на мою работу! Если тебя что-то во мне и интересует, так это мое тело! В этом ты ничуть не отличаешься от других мужчин... И не нужно было притворяться, будто ты внимательно слушаешь, когда я рассказывала!.. А я еще поверила! Поверила! На самом деле ты только прикидывался, а сам только о том и думал, как бы схватить меня, затащить на постель и...

— Ну все, хватит, — оборвал Югонна.

Далесари застыла с раскрытым ртом, не закончив фразы.

— Да, я думал об этом, и сейчас думаю, — продолжал Югонна. — И тебе это должно быть приятно.

— Мне? Приятно? Ты пренебрегаешь моей работой! Пренебрегаешь мной как ученым!

— Зато не пренебрегаю тобой как женщиной. Ты поразительное существо, Далесари! Давай, рассказывай скорее про твой порошок. Для чего он предназначен?

— Теоретическая часть тебе, стало быть, неинтересна? — прищурилась она.

— Ради всех богов, Далесари! Теоретическую часть ты изложишь мне потом... Что ты намерена делать с этой штукой?

— Кое-что проверить. Мой порошок выявит то, что скрыто. Если здесь имеется некая посторонняя субстанция, порошок начнет светиться.

— Очень умно.

Она сверкнула глазами в его сторону, но промолчала. Далесари подошла к стене, взяла в рот маленькую трубочку и осторожно выдула немного порошка. На стене проступил светящийся круг. С торжествующей улыбкой Далесари повернулась к мужу.

— Ты видел?

Он молча кивнул.

Она опять рассердилась:

— Мог бы что-нибудь сказать!

— Ты — выдающийся ученый, Далесари. А теперь, уважаемый коллега, не могли бы вы пояснить суть вашего эксперимента.

— Я с первого же мгновения не поверила в то, что видение приходит к Цинфелину просто так. Ни с того ни с сего к человеку не то что видения — к нему даже молочница не приходит. Нужен какой-то толчок, повод.

— Цинфелин же объяснял: он был болен, находился между жизнью и смертью... Очевидно, в тот момент и открылись его способности видеть нечто на расстоянии.

Далесари фыркнула, не скрывая презрения.

— Это толкование подходит для кумушки, которая верит в гадание на костях, и для юного профана, который никогда даже близко не стоял возле нашего лабиринта! Но не для меня. Я сразу поняла, что здесь кто-то основательно потрудился.

— Твое предположение, Далесари?

— Это же очевидно. — Она уставилась на мужа с таким видом, что он сразу понял: до него уже давным-давно должно было дойти, в чем суть происходящего, и она, Далесари, невероятно удивлена его недогадливостью. — Этот круг на стене означает, что стену обработали специальным составом. Дерзну предположить, что этот состав близок к тому, который покрывает наше зеркало ясновидения. Только работает эта система сложнее.

— Боги, что может быть сложнее ясновидения! — простонал Югонна.

Далесари подобрала с блюда последнюю ягоду винограда и сунула в рот с победоносным видом.

— Сложнее! — повторила она, выплевывая косточку на пол. — Сам граф никогда не видел ни пролива, ни башни. Но некто — видел и сумел передать это видение зеркалу. Но не тому, которое у Цинфелина на стене, а своему. Зеркалу, которое хранится у него в покоях. Затем, когда он считает, что время подходящее, он попросту передает видение из одного зеркала в другое...

— Магия? — нахмурился Югонна.

Далесари кивнула.

— Как и в случае моего дядюшки... чтоб он сдох!

— Так ведь они и... — начал было Югонна, но вовремя замолчал. Ему вовсе

не хотелось сейчас ворошить прошлое. Слишком неприятные воспоминания. — Что ты предлагаешь? — спросил наконец он.

— Проследить, — быстро ответила она. — Тот, кто наносил на эту стену амальгаму ясновидения, должен был оставить следы. Это неизбежно. Амальгама будет держаться на полу, на стенах много зим — везде, куда упала капелька.

— А если он был осторожен и никаких капель не оставил? — возразил Югонна.

— Я не понимаю, — возмутилась Далесари, — ты хочешь, чтобы у нас ничего не получилось?

— Пытаюсь смотреть на вещи здраво.

— Как твой друг Конан? — съязвила она. — Но ведь Конан-то как раз ввязался в это дело.

— Пойми меня правильно, Далесари, — проговорил Югонна, — я очень хочу, чтобы у нас все получилось. Чтобы мы выследили негодяя. И твоя хитрость кажется мне замечательной. Но что, если у нас ничего не получится?

— Что?

— Я не хотел бы, чтобы ты огорчилась и пала духом. Поэтому и пытаюсь все обсудить заранее.

— Когда у нас ничего не получится, тогда и будем обсуждать.

Далесари взяла еще одну щепотку порошка и распылила вокруг себя. На полу неожиданно вспыхнула маленькая яркая точка.

— Есть! — в восторге прошептала Далесари.

Югонна прикусил язык. Жена в очередной раз оказалась права. Потом она отыграется. Будет напоминать ему, какой он перестраховщик, как он всего боится, как он пытается предвидеть то, чего и не случится... А ведь он всего лишь хотел уберечь ее от лишних огорчений.

Он наклонился над точкой. Никаких сомнений — это был след колдовской амальгамы. Как будто капелька сорвалась с кисти.

— Попробуем найти еще в коридоре, — предложила Далесари.

— По-твоему, он шел с мокрой кистью наготове? — спросил Югонна. — Ведь проще было принести эту штуку в сосуде.

— Амальгаму не выдерживает ни один сосуд. Ее приготавливают и сразу же наносят на кисть. И с кистью наготове бегут туда, где нужно создать магическую поверхность, — авторитетно заявила Далесари.

— Откуда ты это знаешь?

— Мне сказал человек, у которого мы купили зеркало.

— Так вот о чем ты с ним разговаривала, пока я бегал в поисках денег!

— А о чем мне было с ним разговаривать? — удивилась Далесари. — Разумеется, я использовала это время для того, чтобы разузнать о зеркалах как можно больше.

Они выскользнули из покоев юного графа и очутились в длинном коридоре, освещенном лишь несколькими факелами. Далесари наклонилась и подула в свою трубочку. Еще несколько ярких капель проступили в темноте.

— Идем, — прошептала она.

Вместе они двинулись вперед по горящему следу.

* * *

Югонна только поражался неустрашимости своей супруги. Далесари, совершенно забыв о том, что в замке им может грозить опасность, бежала вперед. То и дело она останавливалась, чтобы дунуть и посмотреть, куда поведут их горящие капельки.

Они несколько раз сворачивали за угол и вдруг заметили старую лестницу, уводящую глубоко в подземелье.

Лестница эта никак не охранялась.

— Как ты думаешь, что это? — спросила Далесари, приостановившись возле нее.

Югонна бросил на лестницу мимолетный взгляд.

— Понятия не имею. Вход в подземную тюрьму?

— Почему здесь нет стражи?

— Наверное, стражи есть — внутри. И такие жуткие, что нет никакой надобности в стражах внешних, — предположил Югонна.

— Странно, — добавила Далесари. — Смотри, сколько народу прошло здесь совсем недавно. Что бы это могло означать?

— Что угодно, — сказал Югонна. И взмолился: — Далесари, милая, я не в состоянии решать несколько загадок одновременно! Давай сперва разберемся с зеркалом.

И они снова двинулись по следу.

Им пришлось пройти еще один небольшой коридор, подняться на пару лестничных пролетов — и тут Далесари остановилась возле тяжелой двери, украшенной богатой резьбой.

— Следы ведут сюда, — сказала она уверенно. — Впрочем, можно попробовать еще раз — чтобы убедиться.

Она прошла вперед и дунула из своей трубочки, но темнота осталась темнотой — ни одной горящей капли не проступило.

— Стало быть, тот, кто приходил в комнату Цинфелина, пока он хворал, и нанес амальгаму на стенку, живет здесь, — проговорил Югонна медленно и уставился на резную дверь, как будто она могла поведать ему какую-то тайну. — И что же нам теперь делать?

— Для начала — выяснить, чьи это покои, — предложила Далесари. — И поискать там второе зеркало.

— А потом?

— Потом? Да с такими доказательствами на руках мы живо избавим графа от его тайного врага!

— Далесари, — осторожно напомнил Югонна, — ведь сейчас ночь. Тот человек, которому принадлежат эти покои, уже наверняка там, внутри. Он спит или забавляется с женщиной. В любом случае — он там, и забираться к нему...

— Что? — Она наморщила нос. — Ну, договаривай! Что ты хотел сказать?

— Забираться к нему сейчас по меньшей мере опасно. Ну вот, я выговорил это, — и он улыбнулся.

Далесари сказала:

— Возможно, у нас нет времени. Надо рискнуть. Я попробую проследить, чтобы никто не застал тебя внутри, а ты проберись к нему — только тихо, — и постарайся запомнить, как он выглядит.

— Но если он меня увидит...

— А если не увидит? Придворные негодяи имеют обыкновение спать, как невинные младенцы. Отсутствие совести — большое преимущество.

Югонна вздохнул. Его жена права. Конечно, забираться в комнаты к могущественному вельможе опасно в любом случае. Оставить вторжение до следующего дня? Но днем их ожидают другие опасности. Кто-нибудь может войти туда и увидеть незнакомцев. Ночью, по крайней мере, большинство людей спит.

— Посторожи снаружи, — сказал Югонна. — Я попробую залезть туда.

Он потянул дверь на себя и, к своему удивлению, она легко подалась. Это так ошеломило Югонну, что он едва не отказался от своего изначального намерения проникнуть внутрь. Он оглянулся на жену, и она подбадривающе кивнула. Югонна скользнул в темноту и сразу уловил тяжелый запах благовоний. Кем бы ни был обитатель этой комнаты, он явно злоупотреблял курениями и ароматическими мазями.

В передней комнате спали несколько слуг. Судя по всему, эти бедняги достаточно умаялись, так что тень, прокравшаяся мимо в спальню их господина, даже не потревожила их сон.

Югонна завидовал Конану, который хорошо видел в темноте. Сам молодой человек вынужден был продвигаться очень медленно, осторожно ощупывая вокруг себя предметы. Вот, вроде бы, стойка для факела... А дальше — столик и мягкое кресло. Еще одно. Скамеечка для ног... Ваза. Проклятье, она чуть не упала!

Югонна выбрался во вторую комнату. Здесь было светлее. Он огляделся по сторонам в поисках источника света и вдруг застыл.

В комнате бодрствовал еще один человек. В первое мгновение Югонна испытала дикий ужас. Он так и не понял, каким чудом ему удалось не вскрикнуть. Но приглядевшись внимательнее, он понял: то, что излучало слабое мерцание, не было ни окном, ни свечой, а образ, так напугавший его, представлял собой ничто иное, как иллюзию.

Впрочем... иллюзию ли?

Теперь Югонна больше не сомневался. Возле стены стояло высокое, в рост человека, зеркало, а в нем отражалась все та же тюрьма и прикованная девушка.

Она то говорила что-то, то принималась плакать, то безучастно смотрела перед собой. Иногда она обвисала на цепях, пытаясь заснуть, но ее хрупкое бытие тотчас прерывалось.

Свет, который освещал спальню, падал в окошко тюрьмы. Если приглядеться, можно было различить башню-маяк и залив.

Югонна покачал головой. Каким извращенным умом надо обладать, чтобы поместить это зеркало у себя в спальне и постоянно смотреть на страдания несчастной девушки! Должно быть, обитателя этих покоев возбуждают подобные картины. Что ж, нередкое явление среди господ, которые либо не могут найти удовлетворение у женщины, либо не могут найти женщину, согласную дать им удовлетворение...

Он повернулся к спящему и разглядел в полумраке мясистый орлиный нос, длинные седые волосы.

Это лицо мгновенно врезалось в память Югонны. Он был уверен, что теперь узнает этого человека в любой обстановке и при любых обстоятельствах.

И в этот самый миг большая напольная ваза, которую Югонна приметил еще входя в комнату, покачнулась и с оглушительным звоном разлетелась на куски. Югонна мог бы поклясться, что даже не прикасался к ней. Он помнил о ней, знал, что ее нужно осторожно обойти...

Почти сразу же в комнате все изменилось.

Девушка в зеркале испуганно уставилась на Югонну. Он понял вдруг, что она не только видима для обитателей спальни, но и в состоянии видеть все, что здесь происходит. Наверняка ее мучитель нарочно устраивает здесь, на ее глазах, отвратительные оргии, а у бедняжки даже нет возможности уклониться от невольного соучастия в них.

Как бы там ни было, спящий сразу же проснулся. Маленькие глазки распахнулись и безошибочно устремились на Югонну. Однако лежащий на кровати человек даже не пошевелился. Громовым голосом он закричал:

— Стража!

В передней комнате пробудились и зашумели слуги. Из коридора донесся топот множества ног.

Югонна бросился бежать. В передней на него набросились слуги. Как охотничьи собаки на кабане, повисли они на беглеце. Один пытался добраться до горла Югонны, другой бил его кулаком по спине, третий старался повалить его на пол, четвертый уже бежал за веревкой, чтобы связать пленника.

Югонна отбивался изо всех сил

— Далесари, беги! — сдавленно призывал он.

Единственное, на что он надеялся, так это на здравый ум своей супруги. Наверняка услышав грохот в покоях, она уже сбежала. Кто-то один из двоих должен оставаться на свободе, чтобы вызволить второго.

— Беги! — умолял он, даже не зная, слышит ли его она.

Отчаянным усилием Югонна сбросил с себя нападавших и рванулся к двери. В этот самый миг в комнату влетела Далесари. Вооруженная лишь ма-

ленькой серебряной трубочкой и порошком, она отчаянно бросилась в битву. Набрав полную трубку, она выдохнула порошок прямо в глаза нападавшим. Послышались громкие вопли. Люди кричали от боли, катались по полу, терли глаза.

Югонна с укоризной глянул на Далесари.

— Возможно, ты ослепила их!

— Возможно, — хладнокровно согласилась она и взяла его за руку. — Бежим!

Они бросились бежать по коридору. Задыхаясь, Югонна сказал:

— Они ведь ни в чем не виноваты! Это просто слуги.

— Они хотели убить тебя.

— Это их долг.

— Мой долг — спасать тебя.

— С каких это пор?

— С тех пор, как мы познакомились.

Они свернули за угол и снова увидели лестницу, уводящую в подземелье. И тут навстречу им выбежали стражники. Не менее десятка крепких стражей с мечами наготове мчались на зов о помощи.

— Держи их! — взревел тот, что первым увидел беглецов.

Югонна и Далесари оглянулись в поисках спасения, но сзади тоже надвигались преследователи. Они оказались зажаты между двумя отрядами стражников.

— Сюда! — сказал Югонна и потащил подругу за собой в подземный ход.

Они спустились на несколько ступенек. Стражники тяжело топали следом.

— Не оглядывайся! — пробормотал Югонна, задыхаясь.

Они пробежали по подземелью несколько шагов, и тут раздался тяжелый гул. Казалось, далеко впереди ворочается разозленный великан. Постепенно гул нарастал и приближался.

— Мне страшно, — шепнула Далесари, останавливаясь. — Что здесь происходит?

— Не знаю... Может быть, чудовище. Может, мы разбудили спящее здесь чудовище. Помнишь, я говорил о стражах?..

— Умеешь ты успокоить.

Югонна подумал немного и добавил:

— Если то, о чем я думаю, правда — то лучше бы это было разозленное чудовище...

— А о чем ты думаешь? — спросила Далесари.

Он не успел ответить. С потолка подземного хода посыпались камни. Совсем близко раздался треск, обвалилась тяжелая глыба.

— Обвал! Вот о чем я думаю! — выкрикнул Югонна. — Возвращаемся!

— Впереди стражники.

— Они по крайней мере люди. Захватят нас, сунут в тюрьму... Конан узнает

об этом и как-нибудь вызволит нас, если мы будем еще живы... — Югонна попытался улыбнуться в темноте, но Далесари уже не слушала его.

Охваченная паническим ужасом, она помчалась обратно по тоннелю — туда, где еще виден был просвет. Югонна поспешил за ней.

Далесари была меньше ростом, и ей не приходилось нагибаться, находясь в коридоре. Поэтому она бежала гораздо быстрее. Стражники топтались у входа в тоннель, некоторые заглядывали внутрь, но входить никто не решался.

— Там обвал, — переговаривались они. — Этого давно уж следовало ожидать. Кто-то прошел здесь совсем недавно. Человек десять, не меньше... Они, небось, и обрушили своды. Тут ведь даже говорить нельзя в полный голос...

Еще один камень упал с потолка и больно ударил Далесари в плечо. Она пронзительно вскрикнула и, собрав все свои силы, выскочила наружу.

С добродушным гоготом стражники схватили ее за руки.

— Вот одна пташка и попалась! Воровка! Что ты делала в покоях главного графского советника Кернива?

Далесари молча позволяла им вязать себе руки. Новый взрыв за спиной заставил ее вздрогнуть и обернуться.

Югонны в тоннеле не было. Там, откуда он должен был вот-вот появиться, громоздились завалы камней.

* * *

Далесари провела страшную ночь. Ее отвели в кордегардию и устроили там на лавке, предварительно связав так, чтобы она не могла двинуться. Стражники свое дело сделали, схватили злоумышленницу, и теперь им оставалось лишь стеречь ее до тех пор, пока более важные персоны не займутся арестованной.

Она сидела, съежившись, и смотрела, как они играют в кости, пьют, устраиваются прикорнуть в углу, — словом, ведут себя как самые обычные люди, которым выпал обременительный жребий ночного дозора. Собственная судьба не слишком беспокоила Далесари. Все страхи за себя отошли на второй план. Ее душу разъедала боль за мужа.

Она своими глазами видела обвал на том месте, откуда вот-вот должен был показаться Югонна. Что с ним? Убило ли его камнем при падении потолка? А может быть он, тяжело раненый, лежит под завалом, стонет, ждет, что к нему придут на помощь? Жив ли он? При одной только мысли о том, какая страшная смерть его ожидает, всякая тревога за собственную участь исчезала.

Далесари находилась в руках людей, ее схвативших. Что ж, она по крайней мере жива и здорова и может рассчитывать на человеческую справедливость. Даже если ее бросят в темницу, для нее все равно останется надежда.

Она попробовала разговаривать со стражниками.

— Добрые господа, — подала голос пленница, — там, под завалами камней, остался мой муж.

Никакого ответа. Стражники продолжали бросать кости и переговариваться между собой.

— Выслушайте меня! — умоляла Далесари. — Вы ведь не звери, а люди, у вас должна оставаться хотя бы капля сострадания!

Один из стражников встал, но вместо того, чтобы подойти к Далесари, он отошел к окну, взял из небольшого сундучка еще пару монет и вернулся к играющим.

— Не везет тебе сегодня! — обратился к нему приятель.

— Да уж, ночка не из приятных, — согласился тот.

— Мой муж, — взывала Далесари, — он погибнет... Арестуйте нас вместе, только спасите его!

Наконец начальник стражи уставился прямо на пленницу.

— Если ты не замолчишь, — произнес он с расстановкой, внятно, стараясь сделать так, чтобы до нее дошло каждое ее слово, — то я велю завязать тебе рот, и ты будешь вдобавок мучиться от жажды. Имей это в виду в следующий раз, когда вздумаешь заговорить.

И Далесари замолчала. Слезы катились по ее щекам, но никому из стражников это, похоже, не мешало. Они продолжали игру, обмениваясь безрадостными шуточками.

Поутру в кордегардию явился сам главный графский советник, господин Кернив. Далесари содрогнулась, когда увидела его.

— Так, — вымолвил он, посмотрев на пленницу. — Вот та женщина, которая забралась ко мне в покои. Очень хорошо. А где второй?

— С позволения вашей милости, второй сгинул во время обвала в подземном ходу, — почтительно ответил начальник стражи.

— Еще лучше, — одобрительно кивнул господин Кернив. — Для допроса мне достаточно одной пленницы. Не придется возиться сразу с двумя. Надеюсь, никому из вас не пришло в голову выкапывать ее сообщника?

— Разумеется нет, ваша милость! — воскликнул начальник стражи.

— Превосходно! — И господин Кернив улыбнулся.

Далесари содрогнулась при виде этой улыбки, появившейся на тонких бледных губах, точно бедная родственница в доме, где ей совершенно не рады. Двое стражников подняли молодую женщину со скамьи, где она провела ночь, и повели вслед за господином Кернивом. Далесари мучилась сомнениями: будет ли присутствовать при допросе сам граф Бенойка, или же его главный советник сделает все сам.

Но если граф Гарлот не захочет посмотреть на женщину, пытавшуюся забраться в покои его главного советника, — то почему? Не потому ли, что Кернив забрал слишком много власти в графстве?

Далесари почти не сомневалась в том, что прежде граф Гарлот был достаточно сильным и властным человеком, крепко державшим бразды правления в своих руках. Он начал сдавать после того, как оказалось, что сын его неисце-

лимо болен, что какая-то странная, необъяснимая хвороба разъедает душу наследника.

Вот тогда-то и началось подлинное возвышение Кернива. Граф Гарлот, скорее всего, еще не понял, откуда исходит главная опасность для его династии.

И Далесари не в состоянии открыть ему глаза. Пока не в состоянии...

Ее привели в комнату с очень низкими потолками. Судя по всему, комната эта находилась ниже уровня земли. Окон здесь не было; единственным источником света служила коптящая масляная лампа. В воздухе застоялся запах сырости.

Кернив опустился на каменную скамью, на которую слуги заботливо положили мягкую подушку. Пленницу бросили на пол у его ног.

Главный графский советник милостивым жестом отпустил стражников.

— Мы потолкуем с этой девушкой наедине, — сказал Кернив с усмешкой. — Боюсь, она застенчива и при посторонних не станет говорить, но мне, своему лучшему другу, она откроет душу. — Он наклонился к Далесари и добавил: — Она вывернет наизнанку свою душу перед старым добрым Кернивом, иначе — клянусь всеми демонами преисподней! — старый добрый Кернив вывернет наизнанку ее тело!

Далесари зашевелилась на полу. Она попыталась встать, но Кернив ударил ее ногой в лицо.

— Не вздумай! — прошипел он. — Твое место — на земле! Валяйся на брюхе, змея, и не поднимай головы!

Далесари затихла. Ярость и ужас грызли ее, но сильнее всего оставалась боль по погибшему мужу.

— Что тебе нужно? — глухо спросила она.

— Итак, ты заговорила! — провозгласил Кернив. — Хорошо. Очень хорошо. Это означает, что разум не покинул тебя. Можешь поднять голову и посмотреть налево, на то, что висит на стене. Тебе хорошо видно?

Он встал и с лампой в руке приблизился к стене. Она как завороженная следовала за ним взглядом. Поначалу Далесари не обратила внимания на убранство комнаты, но сейчас перед ней предстали те предметы, что «украшали» стену. То были большие щипцы, железные ошейники с шипами, тиски и прочие приспособления, с помощью которых из упрямцев выбивали «искренние признания».

— Видишь? — продолжал Кернив. — Это именно то, о чем ты подумала. Я буду с тобой честен, девушка. Сперва я расскажу тебе о том, что произойдет с тобой, если ты будешь упорствовать. И клянусь проклятыми богами, я проделаю с тобой все то, о чем ты сейчас услышишь! — Он говорил вполне искренне и даже как будто нехотя, и это пугало Далесари куда больше, чем открытая угроза. — Я надену на тебя этот ошейник и начну завинчивать его все сильнее, пока шипы не вопьются в твою нежную кожу. Если это не развяжет тебе язык, я зажму твои пальцы в тиски... Мне продолжать?

— Не надо, — выдавила Далесари. — Что ты хочешь узнать?

Он быстро вернулся на скамью, поставил лампу на столик и наклонился к пленнице.

— Зачем ты и твой муж забрались ко мне в комнату?

— К тебе вели следы.

— Какие следы?

Далесари замялась, и Кернив наотмашь ударил ее по лицу.

— Говори! Какие следы!

— Светящиеся следы, — сквозь слезы вымолвила Далесари. — Следы волшебной амальгамы. Я знаю, потому что мы тоже пользуемся похожим зеркалом... Только мы никогда не предполагали, что таким зеркалом можно пользоваться — так...

— Как? — Казалось, услышанное вдруг позабавило Кернива.

— Для того, чтобы мучить ни в чем не повинных людей... Мы показывали в этом зеркале красоту. Другие иногда подсматривают за женщинами... Это можно понять. В своем роде это вполне невинно. Но любоваться страданиями нечастной девушки...

— Что такого в том, что я любуюсь страданиями девушки? — удивился Кернив. — Это, в конце концов, приятно. Это возбуждает. Не слишком сильно, но все-таки. Когда мне требуется более резкий раздражитель, я посылаю к ней палача, и он бьет ее на моих глазах. Ты никогда не пробовала? Сочетание боли и похоти рождает ни с чем не сравнимое наслаждение.

— Мерзкий слизняк, — прошептала Далесари.

— Может быть, ты хочешь занять ее место? — продолжал Кернив. — Я подумаю об этом. Как бы мне сделать так, чтобы ты поняла, чтобы ты до глубины души осознала... Может быть, пальцы тебе переломать? Очень сильное ощущение.

— Мой муж убьет тебя, — сказала Далесари. Она вдруг устала от этих бесконечных угроз.

— Твой муж? Тот дурак, которого засыпало камнями в подземном ходу? — с презрением переспросил Кернив. — Что ж, я подожду, пока демоны преисподней отправят его ко мне для дружеской беседы.

— Может быть, кто-то другой... — прошептала Далесари. — Найдется человек, который освободит меня.

Она думала о Конане.

— Никто тебя не освободит! — закричал Кернив. — Ты сгниешь в подземелье, и ни одна живая душа не узнает о том, как ты умерла!

Далесари молчала.

Кернив перевел дыхание и проговорил совершенно другим тоном:

— Сейчас ты предстанешь перед графом Гарлотом. Ты объяснишь ему, что следила за мной, потому что хотела, воспользовавшись приглашением юного Цинфелина, украсть из моих покоев что-нибудь ценное.

— Я должна выставить себя простой воровкой? — недоумевающе произнесла женщина.

— Для тебя это единственный способ остаться в живых!

— Ты знаешь, почему мы забрались к тебе! — вне себя закричала Далесари. — Ты насылал на Цинфелина видения, от которых он терял сон и покой! Ты похитил девушку и издеваешься над нею!

— Ты сама только что подписала себе смертный приговор... — Кернив зевнул. — Впрочем, другого я и не ожидал. Скажу тебе больше, я все равно избавился бы от тебя, независимо от того, что бы ты сказала. Ты немного усложнила мне задачу. Но лишь немного.

Он свистнул в серебряный свисток, и тотчас явился человек, при виде которого Далесари содрогнулась. Никогда прежде она не встречала подобных людей. Этот был коренастым, с шишковатой головой и непомерно широкими плечами. Он был совершенно обнажен, если не считать кожаного фартука, забрызганного темными пятнами. На запястьях он носил широкие медные браслеты.

Он вошел в помещение, приблизился к Керниву и опустился перед ним на колени.

— Хорошо, — сказал Кернив. — Возьми эту женщину и запри ее в подземелье. Ты знаешь, куда.

— Больше ничего? — глухо спросил палач.

— Пока — ничего... — Кернив усмехнулся. — Подождем.

Палач поднялся, схватил Далесари за локоть и потащил из комнаты. В задней стене открывалась еще одна дверь, а за этой дверью начиналась лестница — бесконечный спуск в подземелье. «Сколько же подземелий в этом замке? — смятенно думала Далесари. — И если тот ход, по которому мы пытались выбраться отсюда, обвалился, — не обвалится ли этот потолок?»

Словно угадав ее мысли, палач ударил ее кулаком в шею.

— Поторапливайся, — приказал он. — Хозяин велел мне пока не трогать тебя, но я подожду... Подожду, пока он о тебе не забудет, и тогда жди меня. Я приду. А потом здесь «случайно» обвалится потолок, и ни одна живая душа не отыщет тебя.

Шаг за шагом Далесари спускалась все глубже под землю, и ей казалось, что она сходит в преисподнюю.

* * *

В камере было темно. Далесари осторожно обошла комнату, держась рукой за стену, и убедилась в том, что помещение, где ей предстояло провести остаток жизни, очень невелико. Она ощущала под ногами то голый камень, то сгнившую солому и вдруг наткнулась на нечто живое.

От неожиданности Далесари вскрикнула и, не удержав равновесия, упала. То, что напугало ее, пошевелилось и ухватило Далесари за щиколотку.

— Сядь рядом, — прозвучал тихий голос. — Сядь и успокойся. Тебе ничего не грозит. Не от меня.

Далесари, вся дрожа, повиновалась. Чья-то невесомая рука провела по ее плечу.

— Успокойся, — повторил голос.

Постепенно дрожь затихала. Вслушиваясь в голос, Далесари начала понимать, что с ней разговаривает друг. Голос был дрожащий, старческий и очень ласковый.

— Кто ты? — спросила Далесари.

— Я первая, — прошелестел ответ. — Кто ты?

— Ты женщина?

— Опять вопросы... Отвечай на мои! Кто ты?

— Меня зовут Далесари, я показывала фокусы... фокусы с зеркалами, а потом мы увидели одно зеркало в опочивальне Кернива...

— Понятно, — отозвалась неведомая товарка по несчастью.

— Тебе понятно? — удивилась Далесари. — Даже мне не все здесь понятно! К тому же я рассказывала так путано и сбивчиво...

— Здесь замешаны Кернив и зеркала, — был ответ. — В моем деле все то же самое. Зеркала и Кернив... Он очень умен, очень хитер. Он умеет ждать, и этим опасен.

— Расскажи, — попросила Далесари.

— Я стара, теперь уже очень стара... Не знаю, зачем мне сохраняют жизнь. Наверное, забыли отдать приказ о том, чтобы меня убили. Стражник приносит мне еду — раз в два дня. Очень добрый стражник. Подозреваю, он кормит меня за собственный счет. Что ж, я старуха, мне много не надо. Могу поделиться с тобой. Ты хочешь умереть?

— Нет, — ответила Далесари. — Я ведь еще не знаю, уцелел ли мой муж.

— Всегда нужно надеяться, — произнесла старушка.

— Времени у нас много, — сказала Далесари. — Расскажи мне свою историю...

— Что ж, — промолвила старушка. — Насчет времени — не знаю. Человеку всегда кажется, что у него впереди еще много времени, а потом вдруг происходит нечто, и выясняется, что времени-то у него как раз и нет. Вот и я думала: удачно складываются мои старые годы, доживу век в тепле и неге, буду заниматься тем делом, которое так мне по душе — буду растить мою голубку... А обернулось все иначе!

Я была кормилицей в знатной семье. Вырастила двоюродную сестру нынешнего графа Гарлота. У графа есть двоюродная сестра — ты не знала? Все, что осталось от всей его родни. Муж ее погиб при странных обстоятельствах — свалился в пропасть, когда ехал по горам. Никто так и не вызнал, как такое могло произойти, он ведь всю жизнь в седле и всегда в горах...

Ну да ладно. У моей красавицы осталась дочь, и вот к этой-то девочке я и была приставлена нянькой. До чего хорошая была девочка! После гибели ее отца только на ней одной сосредоточилась вся любовь, вся нежность моей госпожи. Да и я в ней души не чаяла.

И вот однажды случилось нечто ужасное. Я первая заметила... Лучше бы я ничего не замечала. Лучше бы не я обратила на это внимание! Захожу как-то раз в детскую. Боги, это было уж зим десять назад, и моей голубке было зим семь. Как вспомню, все в душе переворачивается!

— Ты сидишь в этой тюрьме уже десять зим? — перебила Далесари, не веря услышанному.

— Наверное... Не знаю. Может быть, меньше. Я давно потеряла счет времени, но, полагаю, что так, — ответила старушка. — Обо мне заботятся. Может быть, тот добрый стражник прислан моей госпожой, которая раскаивается в том, что сделала... Не знаю. Не мучай меня вопросами. Я стараюсь не думать об этом. Слушай лучше о том, что случилось. Вот вошла я в детскую, а моя девочка на меня и не смотрит. Играет с куколкой. И девочка хорошенькая, здоровенькая, на щечках румянец, глазки как звездочки, и куколка чудесная... Но что-то во всем этом, вижу, не так. Пригляделась — и все во мне омертвело. Девочка раз за разом повторяет одни и те же движения. Как автомат. Сперва покачает куклу, потом оглядится по сторонам невидящими глазами, потом сядет на корточки и поводит куклу за ручку, а после опять сначала: покачает, оглядится... Колдовство какое-то! Когда такое бывало, чтобы ребенок одно и то же повторял! Бросилась я к ней, чтобы обнять ее, чтобы колдовство рассеять, схватила ее обеими руками, желая к груди прижать... и только воздух обняла.

Исчезла моя девочка! Наваждение это было!

Я — кричать; сбежались слуги, прибежала и моя госпожа. Вне себя от горя приказала моя госпожа меня допрашивать. Я рассказала сдуру все, что видела, и меня тут же обвинили в том, что я помогала, дескать, в похищении. Допытывались — кто похититель? А откуда мне знать?

Госпожа моя обратилась к графу, своему двоюродному брату. Тот передал дело Керниву как человеку более опытному в обращении с преступниками. Кернив! Я только потом догадалась, кто стоит за этим похищением... А тогда я ни о чем не подозревала. Даже думала, что он поможет разыскать пропавшую девочку. Все ему пересказывала по нескольку раз. Про привычки ее рассказала, про то, что она любит. Уж не знаю, как он потом все это использовал, но уж наверняка так, чтобы мучить ее.

— Да, это на него похоже, — прошептала Далесари.

Старушка всхлипнула.

— Нет и не будет мне покоя, пока она не освободится. Не знаю, где этот злодей ее содержит.

Далесари крепко обняла ее.

— Знай, скоро придет избавление! Цинфелин и еще один верный человек отправились на поиски. Они теперь знают, что произошло с девушкой и где она находится. Даже если мы с тобой умрем в этом проклятом подземелье, она будет освобождена, в этом я не сомневаюсь!

Глава шестая
Возле маяка

Он оглядывался по сторонам и, казалось, не верил собственным глазам. Вот маяк! Тот самый, что виделся в зеркале! Просто удивительно... До последнего Цинфелин боялся ошибки. Ему казалось невероятным, чтобы иллюзия, представленная в магическом зеркале, все-таки оказалась явью.

Казалось, Конан догадывается о мыслях, что теснились в голове его спутника.

— Ты сомневаешься? — спросил киммериец.

Цинфелин чуть виновато кивнул.

— В зеркале все это выглядело немного иначе... Менее реально...

— И все же мы нашли это место, — произнес Конан. — Смотри, вот маяк возле пролива, и даже чайки, что кружат над ним, точно такие же, как были в видении. А вон там — там башня, где заточена твоя красавица.

— Мы освободим ее? — немного неуверенно спросил юный граф.

— Можешь не сомневаться! — рассмеялся Конан. — Много башен повидал я на своем веку, и не было ни одной, которая бы не покорилась мне.

Он осмотрелся по сторонам. Путешественники стояли на холме, что высился над побережьем. Вся картина раскрылась перед ними, словно театральная сцена после того, как поднят занавес. Мрачная башня выглядела совершенно необитаемой. Странное дело — даже чайки, казалось, избегали летать поблизости от нее.

— А что там, внизу, у подножия маяка? — спросил вдруг Цинфелин, указывая на россыпь домиков, видневшихся возле второй башни.

— Наверное, какой-нибудь рыбачий поселок, — предположил Конан. — Для нас это не помеха. Напротив, у этих людей можно будет разжиться рыбой и другими припасами. Обычно рыбаки не слишком-то жалуют чужаков, но если найти к ним подход, расскажут кое-что интересное касательно второй башни. А если подпоить их... то результат может оказаться и вовсе неожиданный. Так что — отринем сомнения, и вперед!

Он пришпорил коня, и путники спустились на побережье.

Скоро они добрались до поселка. Как и предполагал Конан, основным занятием местных жителей была рыбная ловля. Во всяком случае, именно об этом свидетельствовали развешанные повсюду сети и неизбывный запах копченой рыбы, которым, казалось, пропиталось все вокруг. Цинфелин с непривычки морщился, а Конану хоть бы что.

Киммериец оглядывался по сторонам, словно пытаясь запомнить и осознать каждую мелочь из тех, что попадалась ему на глаза. И с каждым мгновением лицо Конана делалось все более хмурым и озабоченным.

— Что с тобой? — спросил Цинфелин шепотом. — Здесь что-то не так?

— Еще не знаю, — ответил киммериец. — На всякий случай помалкивай, а если придется действовать — делай как я. И не задавай вопросов.

Они проехали между домов. Рыбаки постепенно оставляли свои дела и выходили навстречу незнакомцам. Одни бросали сети, которые до этого чинили, другие выбирались из-под лодок, которые конопатили, третьи с ножами для разделки рыбы показывались из коптилен... Все они выстраивались вдоль главной улицы и таращились на чужаков.

Затем они начали сбиваться в небольшие стайки — назвать эти сообщества «компаниями людей» почему-то язык не поворачивался. Это было похоже на то, как дикие псы сходятся в стаи перед тем, как атаковать крупную добычу.

Пришельцы медленно ехали по улице, стараясь не смотреть ни вправо, ни влево. Цинфелин весь сжался. Никогда прежде с ним такого не случалось. Эти молчаливые простолюдины внушали графскому сыну ужас. Обычный животный ужас, какой испытывает олень, когда видит бегущих к нему охотничьих собак и слышит рожок.

Конан, напротив, небрежно развалился в седле. Он даже не вытащил из ножен меча.

Чуткое ухо киммерийца улавливало обрывки фраз, которыми глухо обменивались местные жители.

— Новички?..

— Нет, не годятся...

— Эти не подходят — они пришли посуху...

— Ты уверен?..

— Я их обнюхал... От них не пахнет морем...

— Они еще живы...

— Когда нам это мешало?

— Нет, не годятся, эти не годятся — эти пришли по суше...

Последняя фраза, хоть и звучала так же загадочно, как и все остальные, все же показалась Конану обнадеживающей. «Не годятся»! Интересно, а как выглядят те, которые здешним рыболовам «годятся»?

— Тише, — шепнул, не разжимая губ, Конан своему спутнику. — Ни слова!

Они продолжили путь, не ускоряя шага. Инстинкт подсказывал Конану, что нельзя ни в коем случае бежать от этих людей или показывать свой страх перед ними, какими бы жуткими они ни казались. На краю поселка Конан остановил коня, и его тотчас обступило несколько человек. Цинфелин держался в стороне. Удивительно, но на второго путешественника рыбаки вообще не обратили внимания.

Конан заговорил со старым рыбаком, чья одежда выглядела закопченной и провоняла дымом — даже усы его выглядели так, словно их долго вялили над огнем вместе с рыбой.

— Скажи, друг, где мы находимся?

Рыбак поднял на Конана полусонные глаза и ничего не ответил.

— Кто-нибудь скажет мне, что это за место? — повысил голос киммериец. — Кому принадлежит та башня?

Он указал на мрачную башню. По-прежнему ответом ему было молчание. Несколько человек начали причмокивать, словно предвкушая трапезу, а старый рыбак сунул в рот свой ус и принялся сосать его.

Цинфелин дернулся в седле, словно намереваясь ворваться в гущу толпы и покарать наглецов добрым ударом меча, но Конан вовремя сделал ему предупреждающий жест и остановил его. Цинфелин замер.

И снова Конан уловил невнятное бормотание:

— Нет, эти не подходят... пришли посуху...

Конан развернул коня и двинулся прочь. Цинфелин последовал за ним.

* * *

— Ты понял, что там происходит, в этом поселке? — спросил Цинфелин, догоняя Конана.

Киммериец ехал по берегу, погруженный в свои мысли. Услышав голос юного графа, он обернулся.

— Что? — переспросил он. И тотчас покачал головой: — Нет, это пока осталось загадкой. До поры, разумеется. Нет такой загадки, которая бы мне не открылась. За исключением тех, которые я уничтожаю прежде, чем кто-либо успевает открыть рот. Знаешь, как это бывает забавно! Какой-нибудь глупый колдун встает в позу и начинает: «А теперь я открою тебе величайшую тайну из всех, какие только ведомы человечеству!.. Итак, внемли!» И тут я роняю на его голову тяжелую каменную плиту или попросту отделяю болтливую башку от тела... и никаких тайн, все предельно просто. Я жив, а он — мертв.

Цинфелин поморщился.

— Я надеялся, что ты хотя бы сейчас заговоришь серьезно.

— Я серьезен как никогда, — возразил Конан. — Жизнь и смерть — вот те тайны, которыми следует заниматься, а все прочее — просто мусор. Нам не следует тратить время на разгадку секретов, которые, быть может, вовсе не имеют никакого отношения к нашему делу. Мы не можем позволить себе потерять ни мгновения! Кто знает — быть может, жизнь твоей пленницы прямо сейчас подвергается опасности.

Цинфелин побледнел.

— Ты прав, — признал он. — Возможно, эти рыбаки с их загадками и невнятным бормотанием существуют лишь для того, чтобы отвлечь нас от главной цели.

— Вот видишь, и ты можешь рассуждать здраво, — обрадовался Конан.

Между тем они приблизились к башне и остановили коней. Огромное сооружение высилось над ними. Казалось, оно намерено штурмовать само небо, чтобы там помериться силами с божественной силой.

Стены, сложенные огромными почерневшими от времени булыжниками, казались неприступными. Островерхая крыша царапала облака, распарывая их брюхо. Конан заметил, что поблизости от башни нет никакой растительности. И хотя камни постоянно были влажными — от близости моря, и от частых дождей, на них даже не вырос мох.

Кони обоих всадников начали ржать, вставать на дыбы и мотать головами. Животные явно не желали приближаться к этому зловещему месту.

Конан и Цинфелин с трудом укротили своих животных. Конан спешился.

— Попробую узнать, что здесь творится. Может быть, здесь вообще никого нет.

— Никого нет? — удивился Цинфелин. — Как такое может быть?

— Никого, кроме пленницы, — уточнил Конан.

— А разве такое возможно?

— Почему бы и нет?

— Я думал, пленница слишком важна... Слишком важная для негодяя, чтобы он оставил ее без охраны.

— Ты переоцениваешь некоторых негодяев, — заметил киммериец. — Башня выглядит устрашающе. Здесь действуют древние чары, которые насылают на человека ужас, едва он только видит эту башню. Помнишь, наши странствующие фигляры не захотели поворачивать свое зеркало в сторону этой башни? А ведь вид здесь довольно живописный! Тем не менее они поспешили отсюда убраться. Так что, не исключено, что пленница находится внутри совершенно одна. Ну, с каким-нибудь стражником, который приносит ей еду. Расправиться с одним-единственным стражником не составит большого труда. А магии, даже насылающей чары ужаса, я не боюсь.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — пробормотал Цинфелин, глядя, как киммериец спрыгивает с седла и уверенным шагом направляется к низкой дверце, ведущей в башню.

Однако открыть дверь Конан не успел. Ему оставалось сделать еще шагов пять до башни, когда дверь распахнулась, и навстречу Конану вышел целый отряд. Человек пятьдесят в доспехах, со щитами и копьями, выступили из башни и окружили киммерийца.

Конан, подбоченясь, смотрел на них. Ему казалось, что кое-кого он узнает. Во всяком случае, в их выправке и манере держаться было нечто знакомое.

— Наемники! — пробормотал киммериец. — Наемники из Гандерланда! Так-так, интересно...

Он прищурился, рассматривая своих будущих противников. И тут его окликнули по имени:

— Конан! Я так и подумал почему-то, что только Конан мог решиться на такое. Ну надо же! Явиться сюда!.. Прямо в пасть к дьяволу!

— Гуннар! — обрадовался киммериец, поворачиваясь к здоровенному детине, чей доспех был украшен богаче, чем у остальных. — Это ты, Гуннар? Рад тебя видеть! Я ведь думал, что ты давным-давно погиб...

Гуннар поморщился, как будто киммериец задел какую-то неприятную для него тему.

— Никто не собирался жить вечно, не так ли? — ответил Гуннар киммерийцу. — Ни один наемник, во всяком случае, вступая в отряд, не предполагает, что боги сохранят его для долгой жизни. И довольно об этом!

— Так ты рад меня видеть? — осведомился Конан.

— Да, — ответил Гуннар, но в его тоне прозвучала странная неуверенность. — Я угощу тебя и твоего спутника элем, если хотите. У нас имеются хорошие запасы.

— Что вы здесь делаете целым отрядом? — поинтересовался Конан. — Вот уж не думал, что вас занесет сюда, на край света.

— А ты что здесь делаешь, Конан? — вопросом на вопрос ответил Гуннар.

— У меня здесь дельце, — уклончиво отозвался киммериец.

— Ну а нас наняли для того, чтобы мы охраняли эту башню, — заявил Гуннар.

— Охраняли? Но что здесь такого, что можно охранять? — Конан не слишком удачно изобразил удивление.

Цинфелин подъехал поближе, но Конан сделал ему знак, чтобы юноша не вмешивался.

— Ты знаешь наше правило, Конан, — сказал Гуннар. — Нам платят деньги за работу, а мы не задаем лишних вопросов. Наш наниматель хочет, чтобы мы никого не пропускали в башню, кроме него самого. Вот чем мы занимаемся.

— И что, много было желающих сюда забраться? — прищурился киммериец.

Гуннар оглушительно, но как-то безрадостно расхохотался.

— Сказать по правде, ты — первый, — фыркнул он. — Мы здесь пухнем со скуки, но выбора у нас нет. Тот, кто нас нанял, хорошо знает свое дело. А теперь — убирайся, киммериец, и уводи с собой своего дружка! Убирайся, покуда цел! У нас с тобой нет вражды, и никто из нас не желает тебе зла. Однако если ты попытаешься проникнуть в башню, мы тебя убьем. Мы выполним наш контракт, чего бы нам это ни стоило.

— Почему? — спросил Конан. — Неужели плата так высока?

Цинфелин подъехал еще ближе и решился вмешаться:

— Сколько бы ни заплатил вам ваш наниматель, назовите цену — и я дам вдвое больше.

— Ты? — Гуннар смерил юношу взглядом. — Да кто ты такой?

— Я Цинфелин, наследник графства Бенойк. Поверьте, я хорошо понимаю, о чем говорю. Я не даю обещаний, которые не смогу выполнить.

— Ты не сможешь дать нам вдвое больше того, что нам заплатили, — отрезал Гуннар. — Ты не сможешь дать нам даже ту цену, которую платит наш наниматель. И покончим на этом. Мы не желаем вам зла, поэтому просим по-хорошему: уезжайте.

К удивлению Цинфелина, Конан кивнул.

— Хорошо. Будь по-твоему, Гуннар. Уезжаем.

Он действительно сел на коня и двинулся прочь. Цинфелин, недоумевая, последовал его примеру.

Стражники, помедлив, вернулись в башню.

* * *

Когда Конан и Цинфелин остались наедине, молодой граф не выдержал.

— Как ты мог! — взорвался он. — Ты был в двух шагах от нашей цели и отступился! Почему ты не добился у этого Гуннара — какую цену ему предложили? Ведь вы, кажется, знакомы! Он даже считает себя твоим другом...

— У наемников не бывает друзей, — ответил Конан совершенно спокойно. — Только наниматели и товарищи по оружию. Наемник так же легко простит предательство, как другой человек простит кражу конфеты из золотой вазочки. Наемник доверяет только самому себе. Гуннар мне не друг.

— Стало быть, и ты мне не друг? — спросил Цинфелин.

— Не обольщайся, — хмыкнул Конан. — Ты еще не доказал мне, что можешь быть моим другом. Но я не предам тебя, если ты об этом.

— Да, да, знаю... — пробормотал Цинфелин, думая о своем. — Почему же ты не попытался прорваться в башню?

— Потому что их — пятьдесят человек, — ответил Конан. — Даже я не в состоянии одолеть с наскоку сразу пятьдесят здоровенных воинов, вооруженных, к тому же, до зубов.

— Стало быть, ты — трус! — заявил Цинфелин.

— А ты — белоручка и дурак! — ответил Конан равнодушно. — Хочешь загрести жар моими руками? Ничего не получится. Нужно действовать с умом.

Цинфелин побледнел и закусил губу.

— Ладно, — смягчившись, проговорил Конан, — не кипятись.

— Я убью этого капитана, — прошептал Цинфелин.

— Очень хорошо, — сказал Конан таким тоном, каким кормилица успокаивает капризного ребенка, суля ему луну с неба. — Конечно, убьешь. Нападем на них ночью.

— Ночью? — Цинфелин медленно поднял на Конана глаза. — Но ведь они и будут ожидать ночного нападения!

— Нет, не будут, — Конан покачал головой. — Напротив. Этот капитан меня знает. Он подумает, что я подумаю, что он будет ждать меня ночью...

Конан говорил рассеянно. Было очевидно, что его мысли занимает некое постороннее соображение, не имеющее никакого отношения к планам атаки.

Цинфелин решился нарушить задумчивость своего спутника.

— Скажи, что тебя так беспокоит? Неужели предстоящая стычка с наемниками?

— Стычка? — Конан выглядел удивленным. Несколько мгновений он размышлял, словно пытаясь понять, о чем вообще шла речь, а затем покачал голо-

вой. — Нет, стычка меня совершенно не волнует. Я думал сейчас о другом. Об одной очень странной вещи. Видишь ли, Цинфелин, несколько зим назад я слышал, будто этот капитан, Гуннар, погиб вместе со всем своим отрядом. Я, конечно, очень рад был увидеть, что это не так... И все же не всякий слух следует отметать как несущественный. Наемники бывают очень точны в подобных случаях. Еще одно правило. Всегда хорошо знать, кто жив, а кто мертв. Кого могут нанять, а кого уже никогда нанять не смогут...

* * *

Конан и Цинфелин устроили лагерь на вершине холма, так, чтобы видеть все побережье: обе башни, рыбачий поселок и пролив.

Лошади были рады убраться подальше от этих жутких мест. Сейчас они паслись, пощипывая свежую траву, и выглядели довольными. Чего нельзя сказать об их хозяевах.

— Надвигается буря! — сказал Конан, всматриваясь в горизонт.

Небо было голубым, безмятежным, так что Цинфелин удивленно воззрился на своего спутника.

— С чего ты взял?

— Видишь вон то маленькое облачко на горизонте? — показал Конан. — Скоро оно вырастет так, что закроет все небо, и оттуда вырвутся молнии и громы.

— Откуда ты знаешь подобные вещи? — еще больше удивился Цинфелин.

— Мне доводилось плавать по морю.

Цинфелин только пожал плечами.

— В любом случае, мы мало что можем сделать. Если начнется буря — она начнется. От нас ничего здесь не зависит. Мы ведь не боги, чтобы остановить стихию, — заметил молодой граф.

Конан зловеще ухмыльнулся.

— Поищем какое-нибудь укрытие, — предложил он. — Иначе вымокнем до нитки. Впрочем, хорошо, что мы на суше. Будь мы сейчас на море — тяжко бы нам пришлось.

Цинфелину невольно пришел на ум шепоток рыбаков из поселка: «Они нам не подходят — они пришли посуху»... Молодому человеку показалось, что он вот-вот поймет тайный, страшный смысл этих слов.

Небо постепенно мутнело, наливалось темнотой. Конан не ошибся — облачко, пришедшее с горизонта, разрасталось и чернело. Скоро уже сделалось темно, как ночью, и в этой тьме, прорезаемой безмолвными молниями, стало видно, как вдали появился корабль.

Большое судно, оснащенное парусами и веслами, отчаянно неслось на свет маяка. Цинфелин смотрел на корабль во все глаза.

— Они ведь спасутся? — прошептал он совершенно по-детски. Так ребенку непременно хочется, чтобы у сказки был хороший конец.

Конан не ответил. Неожиданно произошла очень странная вещь: маяк повернул лампу, а после и вовсе погас.

Сквозь рев бури до наблюдателей донеслись треск и скрежет. Корабль налетел на скалы и разбился.

Глава седьмая
Из темноты в темноту

Открыв глаза, Югонна прислушался. Его обступала тьма. Вокруг царила мертвая тишина. В первое мгновение ему подумалось, что он очутился в небытии, завис в безнадежной пустоте между жизнью и смертью... «Неужели так выглядят Серые Миры, о которых столько толкуют люди?» — думал он со странной отрешенностью, как будто речь шла вовсе не о нем, а о каком-то постороннем человеке.

Потом до его слуха донесся еле слышный скрежет. Этот звук едва можно было уловить, и все же он всколыхнул в Югонне надежду. Ничему на свете он, кажется, так не радовался, как этому признаку того, что еще находится в мире живых!

Он попробовал пошевелиться. Очень осторожно. Сперва правая рука. Повреждений нет, и сама рука, кажется, на воле. Затем левая. Эту придавило. Югонна снял, нащупав в темноте несколько камней, и левая рука тоже высвободилась.

Он покрутил головой. В висках ломит, но терпеть можно, а главное — он, кажется, начал соображать, что происходит.

Воспоминания возвращались одно за другим и постепенно становились все более яркими. Они проникли в спальню к вельможе, к главному графскому советнику, увидели там зеркало и отражение в полированной поверхности, покрытом волшебной амальгамой... Женщина. Молодая девушка, прикованная к стене, и мирно спящий на роскошной постели старик.

Кровь вскипела в жилах у Югонны. Пока он тут сидит, заваленный в подземелье, две беспомощные женщины страдают в руках у негодяев! Впрочем, быть может, Далесари все-таки сумела убежать...

Но он никогда не будет спокоен, пока не увидит ее. Ему нужно убедиться в том, что она в безопасности. А потом останется лишь разыскать Конана и открыть ему, кто виновен во всем происходящем.

Так просто... И почти невозможно.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и вдруг Югонна увидел рядом с собой нечто живое. Это живое шевелилось и, более того, отчаянно пыталось дотянуться до него. Югонна видел маленькую мордочку, имеющую странное и отвратительное сходство с человеческим лицом, острые длинные зубы, окру-

женные подобием губ, горящие пронзительным светом глаза... Одна из лап чудовища находилась на свободе, и ее когти тоже изо всех сил тянулись к нему.

Югонна взял камень и изо всех сил ударил по морде чудовища. Раздался визг, похожий на скрежет металла по стеклу, пронзительный и жуткий.

Югонна стиснул зубы и повторил удар. Не хватало еще, чтобы эта тварь добралась до него, пока он лежит тут под завалами камней.

Нужно выбираться как можно скорее. Подземелье кишит чудовищами. Любое из них в состоянии прогрызть ход сквозь камни и вцепиться в жертву, а он, Югонна, не сможет даже пошевелиться.

Он проклял свое слишком живое воображение, когда представил себе, как лежит, придавленный тяжестью, а монстры пожирают его заживо. Он попытался согнуться и снять со своих ног еще один камень. Но отбросить камень было некуда. Туда, где имелся небольшой просвет, руки не дотягивались, и имелся риск ударить самого себя по голове. К тому же глупо и бессмысленно заваливать единственное свободное место — дышать-то он чем будет? Югонна застонал сквозь зубы. Бесславная гибель! Безвестная и бесславная! Не об этом он мечтал, когда был моложе...

Неожиданно он услышал, как кто-то возится с камнями, пытаясь пробиться к нему со стороны коридора. Югонна замер и насторожился.

Может быть, это стражники? Явились выкопать его и докончить начатое? Что ж, в любом случае оказаться в руках людей, пусть даже и враждебно настроенных, предпочтительнее, чем заживо сгнить в завале.

— Я здесь! — повысил голос Югонна.

Тот, кто снимал камни, остановился. Очевидно, прислушивался.

— Я здесь! — снова крикнул пленник.

Работа возобновилась. Кто бы ни пытался освободить попавшего в ловушку Югонну, он обладал значительной силой и, кроме того, был наделен упорством. Спустя какое-то время к Югонне начал пробиваться прохладный воздух. Затем в узкий проход всунулась чья-то рука. Пальцы незнакомца коснулись волос Югонны. Он содрогнулся от прикосновения, которое показалось ему неприятным.

— Ты жив? — спросил низкий голос.

— Да, — помолчав, отозвался Югонна.

— Подожди, сейчас откопаю.

Рука исчезла, работа возобновилась. Югонна хотел было помочь, но голос остановил его:

— Не двигайся и ничего не делай. Ты только мешаешь.

Югонна послушно замер. Ну надо же, им еще и командуют! А он, самое забавное, повинуется, словно мальчишка.

Скоро проход расширился настолько, что незнакомец смог забраться туда.

— Нам повезло, что ты был почти у самого выхода, когда все рухнуло. Если бы тебя завалило глубже в тоннеле, мне пришлось бы провозиться всю ночь, — объявил незнакомец. По его голосу слышно было, что он улыбается.

— «Нам»? — переспросил Югонна.

— Ну да, — подтвердил незнакомец, — ведь мы заодно, не так ли?

— Кто ты?

— Мое имя Рихан. Молодой граф Цинфелин называл меня своим другом, и, смею надеяться, так оно и есть. Я решил присматривать за тобой и твоей подругой.

— Что с Далесари? — вырвалось у Югонны.

Рихан вздохнул.

— Лежи спокойно, иначе камни придавят тебя так, что ты не сможешь потом ходить. А ты нужен мне живой и здоровой, иначе мы не сможем помочь ей.

— Что с ней? — повторил Югонна в ужасе, однако, повинуясь приказу нового друга, остался неподвижным.

— Ее захватили в плен.

— Кто?

— Главный советник графа, разумеется. Он у нас теперь заправляет всеми делами. Очень важная фигура, — с горечью добавил Рихан. — Чем скорее он будет разоблачен, тем лучше для всех нас. Надеюсь, твой друг Конан знает, что делает. Он уехал с молодым графом...

Рихан вздохнул, и Югонна вдруг догадался: молодой человек огорчен тем, что его оставили в замке!

— Хорошо, что хоть ты здесь остался, — сказал Югонна быстро. — Не будь тебя рядом, я бы умер. И некому было бы помочь Далесари. Ты хорошо сделал, что согласился присматривать за нами, Рихан.

— Я не этого хотел, — простодушно буркнул Рихан. Он ухватил Югонну за плечи. — Ты готов? Я попробую вытащить тебя.

Он напрягся и потянул. Югонне показалось, что две равновеликие силы разрывают его на части. Тяжесть, лежавшая на ногах, тянула вглубь тоннеля, как бы засасывала во тьму, а мощь Рихана, напротив, упорно волокла его к свету.

Югонна попытался оттолкнуться ногами от камней.

Еще несколько рывков, и вдруг Югонна ощутил невероятную легкость. Рихану удалось вытащить его наружу.

Они услышали протяжный отдаленный гул. Тоннель продолжал обваливаться. Совсем близко осыпались новые камни. Потревоженные подвижкой, упали большие булыжники и завалили то место, где совсем недавно находился пленник.

Рихан и его новый приятель очутились в коридоре, когда из тоннеля вылетела туча пыли.

— Вот и все, — сказал Рихан. — Подземелья больше нет. Странно, что оно обрушилось именно сейчас.

— Должно быть, оно было очень старым, — возразил Югонна. — Рано или поздно это должно было случиться. Если за подземным ходом не следили, не укрепляли его...

— Нет, все это на самом деле выглядит необычно, — стоял на своем Рихан.

— В этом замке сейчас творится много необычного, — заметил Югонна. — У тебя есть какое-нибудь подходящее укрытие для меня? Я хотел бы рассказать тебе подробнее обо всем, что с нами случилось.

* * *

Югонна был прав, когда говорил о том, что в графстве Бенойк творится немало странного. Но если бы он знал, как разрослась тьма в этих землях, то никогда бы по доброй воле не ступил сюда и не позволил бы Далесари даже входить в замок.

Граф Гарлот даже не подозревал о том, что происходило в его наследственном владении. Гарлот был самым обыкновенным графом: немного войны, немного политики, немного развлечений.

Несколько раз ему приходилось принимать участие в конфликтах, связанных с Аршанским лесом.

Лес этот, традиционно называемый по имени первого его владельца, впоследствии был разделен между двумя соседями: графством Бенойк и графством Аршан. Бенойку принадлежала лучшая часть леса, так что кораблестроители Бенойка не уставали благословлять своего графа за то, что он отвоевал для них это владение.

Граф Аршана вынужден был мириться с этим обстоятельством. И так продолжалось какое-то время, пока наконец не вспыхнула война.

Повод для войны между графами-соседями назревал давно, особенно если учесть, что в жилах графа Аршана текла зингарская кровь — а зингарцы испокон веков оставались заклятыми врагами офирцев.

Предлог же для начала конфликта был пустяковый. На землях Бенойка убили одного зингарца, родом из Аршана, который — по словам убийц — пытался воровать древесину.

Война началась и длилась несколько зим.

Граф Аршана, не располагая достаточной для ведения боевых действий личной армией, вынужден был нанять отряд Гуннара...

С этого все и началось.

... Иногда к Гуннару приходили обрывочные воспоминания, и тогда он впадал в тоску. Бегал по берегу, тянул руки к горизонту, словно пытался ухватить нечто незримое... Но в конце концов все ускользало от него, и воспоминания, и сама жизнь.

Только обрывочные картины вставали в его мыслях и мучили его.

Он помнил, как граф Аршана нанимал их. Помнил деньги в кожаной сумке, переходившие из рук в руки. Помнил и задание: захватить башню возле пролива, принадлежащую графу Бенойка.

Почему-то башня эта была важна. Да, точно. Она позволяла контролировать пролив. Очень важная башня. И маяк. Кто владеет башней, владеет и маяком, а

маяк — это корабли, идущие в твою гавань. Корабли с богатым товаром, с купцами, готовыми платить пошлины. Корабли — смысл жизни и основа процветания Офира.

Должно быть, произошло несколько сражений. Это было весьма обыденным делом и потому не задержалось в памяти капитана. А вот потом... потом случилось нечто странное.

Гуннар помнил этот вечер во всех подробностях. Наверное, потому, что вечер этот стал самым главным в его жизни. Если только то бытие, в которое он был сейчас погружен вместе со своим отрядом, можно было назвать «жизнью».

Гуннар сидел в своей палатке, разбитой прямо на берегу, и играл в кости с друзьями. Им было скучно. Сражения приостановились. Бенойк собирал силы, Аршан, кажется, совершенно истощился в этой войне. Осталось подналожать совсем немного — и война лопнет, как мыльный пузырь. Каждый из соперников останется при своем, наемники покинут графства, унося с собой плату за труды, погибшие будут сожжены и присоединятся к сонму умерших предков... и все забудется до следующего конфликта.

Такое случалось уже не раз. И повторилось бы вновь, если бы не старик, заглянувший в палатку к Гуннару тем вечером.

— Скучаете? — вкрадчивым голосом осведомился он.

Что-то было в облике старика такое, что не позволило солдатам обращаться с ним пренебрежительно. Гуннар встал, чтобы поклониться вошедшему, и прочие последовали примеру капитана.

Старик был высоким, с орлиным носом, яркими глазами. Он смотрел так властно, что людям и в голову не приходило противиться его воле. Было очевидно, что он обладает могучей скрытой силой. И Гуннар, всю жизнь потративший на то, чтобы научиться отличать тех, кого можно убить, от тех, кому следует покориться, сразу распознал в старике опасного человека.

— Мы слушаем тебя, — произнес Гуннар почтительно. — Ты пришел нам с каким-то важным делом?

— Я пришел выиграть войну, — ответил старик. — Будьте внимательны и делайте все в точности как я скажу. Вы уже целую луну пытаетесь штурмовать эту башню. Мне нужно, чтобы вы проникли в нее. Там в подвалах спрятаны сокровища. Я знаю это точно, потому что сам служу графу Бенойка, Гарлоту. Я его главный советник.

Наемники загудели угрожающе, начали обмениваться сердитыми и недоумевающими взглядами, но Гуннар остановил их мановением руки.

— Пусть продолжает. Если у вас будут вопросы, вы зададите их потом.

— Я знаю, какие вопросы вертятся на языке у этих недалеких, но славных парней, — усмехнулся старик. — Они спрашивают себя: почему главный советник графа Гарлота пришел к ним, воюющим на стороне его соперника, графа Аршана. Почему я хочу помочь вам забраться в башню, принадлежащую моему господину? Ведь именно это не дает вам покоя?

— Да, — прямо сказал Гуннар. — Мы чувствуем в этом какой-то подвох. Может быть, это хитрость, направленная на то, чтобы погубить нас?

— Нет, если вы сами себя не погубите, — ответил советник графа Гарлота. — Для вашего же блага я надеюсь, что вы поступите в точности так, как я скажу. Мне нужно кое-что из того, что хранится в этой башне. Мой господин владеет одной удивительной вещью. И как же он пользуется этой вещью? Да никак! Он держит ее запертой в сундуке, погребенной внутри башни. Он не прикасается к ней и запрещает другим даже приближаться к этому сундуку. Сам невежда в этих вопросах, он полагает, что не найдется знающего человека, способного использовать эту вещь во благо. Я намерен изменить такое положение дел. Вам понятно?

— Нам понятно, — кивнул Гуннар. — У твоего господина есть нечто, чем ты хочешь завладеть, а лучший способ осуществить это — воспользоваться нами.

— Что ж, ты схватываешь на лету, наемник, — ответил главный советник графа Гарлота. — Не видишь ли ты для себя в моем предложении чего-либо унизительного?

— Нет, — ответил Гуннар за всех. — Ведь мы работаем за плату. В этом смысл нашего существования. И если ты хорошо заплатишь нам за то, что мы добудем тебе тот сундук, — что ж, мы согласны.

Кругом загудели. Люди ухмылялись, обменивались веселыми взглядами. Как удачно все складывается! Предатель поможет им взять башню, которую они пытались штурмовать несколько раз — и все неудачно; а заодно еще и приплатит за услуги! Эдак они получат свою плату дважды, и от собственного нанимателя, и от врага!

— Да, — медленно промолвил Гуннар, — вот это удача так удача! Какой еще наемник может похвастаться тем, что дважды получал деньги за одну и ту же работу!

— Мне нравится твое здравомыслие, — сказал ему советник графа. — Надеюсь, оно не изменит тебе и впредь.

* * *

Ровно в полночь, когда рогатый месяц выбрался на небо, наемники уже выстроились перед стеной башни. Башня, казалось, спала. Все было глухо. Голые стены, ровные, без окон, уходили высоко в небо. Никаких ворот, чтобы их можно было выбить тараном, никаких ходов. Башня казалась необитаемой, хотя на самом деле там имелся гарнизон. Все окна и воздушные колодцы были проделаны на крыше, а попадали в башню по подземному ходу, ведущему из потайного места.

Сперва Гуннар предполагал, что предатель покажет им, где начинается подземный ход, но у старика и в мыслях такого не было. Он предложил совершенно иной способ.

Гуннар смотрел на месяц. Неожиданно ему подумалось, что черное небо, невидимое в темноте шумное море и этот рогатый месяц будут последним, что запечатлеется в его памяти перед тем, как он умрет. Мысль была глупой, и Гуннар поскорее качнул головой, чтобы отогнать ее.

Увлеченный своими странными предчувствиями, он не сразу расслышал то, что говорил наемникам предатель.

— ... отойдите на десяток шагов. В этой склянке содержится вещество, способное уничтожать даже камни. Оно раскрывает стены. Можете смотреть, но заткните уши.

Наемники зашевелились, отходя как можно дальше от стены. Старик спокойно приблизился к башне и поставил перед ней какой-то запечатанный сосуд. Лунный свет отразился на медном горлышке.

Старик произнес несколько слов на непонятном языке.

— Митра! — прошептал один из наемников. — Я узнаю язык... среди нас был один моряк из Стигии, это их язык. Язык злой магии!

— Можно подумать, все стигийцы — маги, — фыркнул другой солдат, не такой суеверный.

— Не все, но этот — точно.

— Этот — не стигиец. Он офирец и служит офирскому графу.

В этот момент раздался ужасный грохот, и часть стены обвалилась. Поднялась туча пыли, рассыпавшиеся в прах камни взметнулись к небесам, и облако затмило даже луну. На фоне рогатого месяца видно было, как ветер несет тучу пыли вдаль и рассеивает ее над морем.

Наемники зажимали уши, жмурились, трясли головами, оглушенные. А когда они наконец пришли в себя, то увидели, что старик стоит, выпрямившись, среди разбросанных камней, и ни одна пылинка не упала на его одежды. На лице старика играла легкая улыбка, глаза насмешливо осматривали перепуганных солдат. Он выговорил еще одно стигийское слово, а затем повернулся и вошел внутрь башни.

Опомнившись, наемники побежали за ним. Они мчались по винтовой лестнице наверх, туда, где находился немногочисленный гарнизон. Надеясь на неприступные стены башни, граф Гарлот оставил здесь совсем немного солдат.

Наверху закипела битва. Схватка была неравной: пятьдесят наемников против всего десятка людей Гарлота. Впрочем, те дорого продали свою жизнь. Вооруженные короткими мечами и кинжалами, не имевшие времени надеть кольчуги, они разили с яростью хищников, загнанных в ловушку. Один из них прежде чем погибнуть убил ударом в глаз одного из лучших людей Гуннара; другой успел снести полголовы солдату, выбиравшемуся из люка в полу, третий выбросил напавшего на него наемника в окно, прорубленное в верхней части комнаты... Но скоро все они, изрубленные в куски, оказались лежащими на полу, и Гуннар повелел своим солдатам выбросить их вниз, в море.

— Башня наша! — крикнул Гуннар, поворачиваясь к предателю. — Где же наши деньги?

— Идемте за мной, — приказал старик, хладнокровно созерцавший бойню. — То, что мы ищем, находится в подземельях. Возьмите с собой факелы, они нам пригодятся.

Несколько солдат взяли факелы из связки, приготовленной заранее — очевидно, именно для таких случаев, — и наемники побежали вниз по лестнице вслед за своим командиром. Советник графа замыкал шествие. И хотя солдаты шли очень быстро, а старик, казалось, совершенно не торопился, почему-то он от них не отставал ни на шаг.

Наконец они очутились в самом низу, перед тяжелой, окованной железом дверью. Нигде не было видно ни замка, ни засова, и тем не менее дверь не открывалась.

— Проклятье! Здесь какой-то колдовской запор, не иначе! — предположил Гуннар.

— Так и есть, — спокойно сказал советник графа. Он приблизился к двери, отстранил Гуннара и оглянулся на солдат. — Так вы помните, — медленно, отчетливо выговаривая каждое слово, произнес он, — берите любые сокровища, какие найдете в этом подземелье, но не прикасайтесь к сундуку из красного дерева. Сундук этот — мой, я его хочу, и я получу его любой ценой. А спорить со мной бывает небезопасно, даже если вы молоды и вас много. Не обольщайтесь. Не думайте, что несколько десятков здоровенных парней легко одолеет старика, вроде меня.

— Никто и не думает спорить с тобой, — возразил ему Гуннар. — Мы честные наемники и держим слово. Сундук тебе, богатство — нам. И башня нами взята, так что скоро, богатые и свободные, мы уйдем отсюда восвояси. Не так ли, парни?

Дружный веселый рев наемников был ответом на бодрую речь командира.

— Вот и хорошо, — сказал старик и глянул на Гуннара немного странно. — В таком случае, отойдите.

— Опять склянка с зельем и заклинание? — осторожно осведомился Гуннар.

— Нет, — старик качнул головой, — обойдусь одним заклинанием.

Он поднес к двери сжатый кулак, прошептал несколько слов, а затем разжал пальцы. И дверь медленно, сама собой отворилась внутрь, как бы приглашая входить. За дверью разливалась тьма, чернее темноты, что плескала за стенами башни. Даже факелы горели здесь тускло, и их огонь, казалось, не в силах был развеять мрак.

Солдаты замешкались у входа, но Гуннар прикрикнул на них, и они один за другим начали входить в подземелье башни. Под ногами ощущалась гнилая солома, какие-то тряпки, палки — должно быть, когда-то здесь устилали полы камышом. Несколько раз солдаты вспугивали лягушек или крыс, и мелкие существа исчезали с тихим писком в соломе. Затем настал черед большой комнаты с очень затхлым воздухом. Здесь старик пробормотал еще одно заклинание,

и внезапно факелы вспыхнули ослепительным огнем. Все кругом озарил яркий свет.

Глаза у людей стали слезиться, в первые мгновения больно было смотреть, и многие зажмурились. Но когда наемники наконец смогли видеть, перед ними открылось поразительное зрелище.

Вся комната была засыпана драгоценными камнями. Самоцветы лежали на полу горстями, кучами. Свет факелов переливался в гранях алмазов, рубинов, изумрудов, сапфиров. Украшения из яшмы, бирюзы, золота и серебра лежали россыпью, как овощи на прилавке у торговки.

В самом дальнем конце комнаты, у стены, находился сундук из красного дерева. Это был совсем небольшой пузатый сундучок, вроде тех, какие берут с собой состоятельные путешественники. В таких возят разные безделушки, без которых якобы «невозможно обойтись в дороге», — вроде зеркал, пудры, побрякушек, носовых платочков и прочей ерунды.

А на сундуке, подобрав под себя ноги, восседал удивительнейший старикашка. Это был горбатый карлик, невероятно жирный. Жир свисал с его боков, лежал подушками на плечах, от жира набухло его лицо, щеки пытались закрыть глаза, пальцы едва могли шевелиться.

— А! — заверещал он пронзительным голосом, от которого звенело в ушах. — Кого я вижу! Сам Кернив пожаловал! Глупый Кернив! Недоучка Кернив! Кем ты возомнил себя, дурак? Властелином мира? И кого это ты с собой привел? Других дураков? Не слушайте его, ребята! Вот кто обманщик из обманщиков!

— Говорящая обезьяна, — попятился от страха Гуннар.

Другие солдаты, хоть и были неустрашимыми воинами, тоже испугались. Такого они не видывали в своей жизни никогда.

— Я? Обезьяна? — возмутился горбатый карлик. — Я человек, как вы или он, — он снова указал жирным пальцем на старика, которого назвал Кернивом. — Посмотрите, что он со мной сделал!

Карлик запрыгал на сундуке, и наемники увидели, что он прикован к стене цепью. Одним концом цепь крепилась к ошейнику на шее карлика, другим — к большому кольцу высоко в стене, так, что до него не мог дотянуться не только карлик, но даже и рослый мужчина. Впрочем, сама цепь была достаточно длинной, чтобы карлик мог передвигаться на довольно большом пространстве.

— Он сумасшедший, — сказал Кернив, презрительно кривя губы. — Вы что, будете слушать его? Забирайте сокровища, которые видите здесь, берите, сколько хотите, и убирайтесь. Наша сделка выполнена. Уходите, куда хотите, — пока еще у вас есть время сделать это.

Гуннар в нерешительности замешкался. Ему вдруг показалось, что Кернив намерен надуть его. До сих пор предатель держался уверенно и с таким достоинством, что наемнику и в голову не приходило заподозрить его в двойной игре, но теперь... Кернив определенно знался с магией. Гуннар вспомнил киммерийца, с которым некогда сталкивала его судьба.

Конан — так звали того киммерийца — нередко говаривал: «Никогда нельзя верить магу. Все они лжецы и обманщики. Напустят тебе пыли в глаза, обдурят — и хорошо, если в живых останешься. Нет уж. Лично я когда вижу мага, даже не разговариваю с ним. Сразу бью по голове добрым киммерийским мечом. И тебе то же советую».

Гуннар заколебался. А карлик как будто прочел его мысли.

— Этот проклятый старик сперва заточил меня в башню, а теперь явился забрать то, над чем я трудился всю мою жизнь!

— Ты имеешь в виду... — начал было Гуннар.

Кернив прошипел:

— Не смей с ним разговаривать, солдат! Бери сокровища и убирайся отсюда!

— Ты мне не указ! — рявкнул на Кернива Гуннар. — Я буду говорить, с кем захочу!

Кернив насмешливо глянул на него и отвернулся.

А Гуннар снова обратился к карлику:

— Почему же он не забрал твой сундук, когда помещал тебя в эту темницу?

— Тогда он не мог, а теперь может... Время. Прошло много времени, — верещал карлик, крутясь на сундуке. — Вот в чем дело. Прошло немало времени, утекло немало воды! Он стал сильнее, я стал мудрее. И то, что хранится в сундуке, умножилось многократно. Солдаты! — теперь карлик обращался ко всем наемникам. — Ваш наниматель обманывает вас. Он — предатель. Он уже предал своего господина, графа Бенойка, когда привел вас сюда. А теперь предаст и вас. Кого вы слушаете? Лгуна! Что он предлагает вам? Эти сокровища? Они ничего не стоят! Все эти алмазы, драгоценные камни, все это золото — оно ничего не стоит по сравнению с тем, что хранится в сундуке!

Среди наемников поднялся ропот. Некоторые склонны были согласиться с карликом. В самом деле, все это выглядело довольно подозрительно. С чего это человек графа Бенойка вздумал предавать в руки врагов башню на берегу пролива? Неприступную башню, едва ли не ключ ко всей войне?

— Не слушайте его, — повторил Кернив. — Спасайте свои жизни.

Но глаза старика странно поблескивали. Он знал людей. Знал: природа наемников такова, что они ни за что не упустят своей выгоды, едва лишь приметят, как мелькает впереди серебристый плащ плутовки-удачи. Они погонятся за призраком. Так они устроены.

Тем лучше. Ему нужны те, кто придет к нему добровольно...

Но пока еще не время. Он должен молчать. Он ни в коем случае не должен выдавать своих мыслей.

— Солдаты! — подпрыгивая и гремя цепью, вопил карлик. — Да в этом сундуке лежит такое, что сделает вас властелинами всего мира! Неужели вы отдадите это глупому, злобному, ограниченному старику? Человеку, который все равно скоро умрет и не сможет насладиться и сотой частью этой добычи? Возьмите все себе!

Кернив поднял руку и направил палец на карлика. Он произнес несколько стигийских слов, от которых мороз пошел по коже у людей, стоявших поблизости и слышавших все.

Карлик съежился на сундуке и вдруг затих. Цепь со звяканьем упала, ошейник повис в воздухе, слегка покачиваясь. Вместо карлика, только что прыгавшего и размахивавшего руками, на сундуке лежала сморщившаяся шкурка.

Один из солдат вдруг вскрикнул. Он наклонился, поднял с пола горсть золотых монет и сунул в кошель. Затем подобрал десяток драгоценных камней и запихал туда же, еще один браслет он нацепил себе на запястье. Он повернулся к Гуннару.

— Я ухожу, Гуннар. Я поступлю так, как говорит Кернив. Прости меня — и позволь мне уйти.

— Хорошо, — Гуннар безразлично махнул рукой. — Убирайся. Ты предал нас всех. Ты больше не один из нас, и ни один отряд наемников не возьмет тебя к себе. Об этом я позабочусь.

— Если сможешь, — тихо сказал солдат.

Он повернулся и побежал, торопясь скрыться быстрее, чем Гуннар передумает и бросит ему в спину нож. Но Гуннар уже забыл о дезертире. Его интересовал сундук.

— Не приближайся!

Кернив заслонил собой сундук. Однако Гуннар отшвырнул советника в сторону и ударил его кулаком по голове. Удар оказался так силен, что старик рухнул на пол без чувств. Наемников это совершенно не обеспокоило. Старик вообще перестал занимать их мысли. Они больше не думали ни о его магии, ни о его величественной манере держаться, ни о собственных договорах с этим человеком.

Сундук и таинственное содержимое сундука! Скорее, скорее! Забрать как можно больше!

Драгоценности хрустели под сапогами солдат, навалившихся на сундук. Гуннар, рыча, отбрасывал назад своих соратников.

— Я сам! Пустите! Я сам открою!

Наконец ему удалось откинуть крышку. Она даже не была заперта.

И... сперва ничего не произошло.

Сундук был пуст.

Несколько раз солдаты подходили и заглядывали внутрь. Они ничего не понимали. В комнате как будто сделалось темнее, факелы вдруг начали отчаянно коптить. Но в сундуке ничего не появилось. Да и откуда?

Тоска овладела людьми. Они бродили по комнате, не в силах покинуть ее, и все ждали чего-то. Они не могли смириться с разочарованием. Как же так? Почему так получилось? Не потому ли, что они поддались на уговоры обманщика? Или же это вышло из-за того, что они нарушили собственное обещание?

Но Гуннару все время казалось, что дело совершенно не в этом. Здесь таился какой-то подвох... И пока его люди разочарованно подбирали драгоцен-

ные побрякушки и рассматривали их, Гуннар вернулся к сундуку и наклонился над ним. Ему показалось, что на дне сундука что-то шевелится. Он приглядел внимательнее.

Да, там, несомненно, что-то было. Что-то живое и едва различимое. Гуннар засунул руку в сундук и прикоснулся к днищу. Он как будто пронзил пальцами нечто живое — так ощущалась бы медуза или какая-нибудь иная студенистая масса...

И вдруг он почувствовал на коже сильное жжение. Он выдернул руку и затряс кистью в воздухе, пытаясь немного облегчить боль. Вслед за рукой Гуннара из сундука вылетела бесформенная черная тварь.

Она росла прямо на глазах, заполняя собой воздух. Вот из темного облака протянулись два крыла, окруженные хлопьями гари, затем явились два красных глаза. Крылатая тьма заметалась по помещению, преследуя людей.

Солдаты пытались скрыться от нее. Они в панике бегали взад-вперед, искали выход, пытались добежать до двери. Но дверь куда-то исчезла. Они так легко вошли в сокровищницу — и теперь совершенно не представляли себе, как из нее выйти!

Чернота падала на них сверху, выпуская когти, она вцеплялась в волосы, охватывала голову крыльями и приникала к ним ртом. Тот, кого она хватала, медленно опускался на землю. Оставшиеся в живых не понимали, что происходит. Они видели лишь, как тело их товарища с гротескной маской вместо головы сперва дергало руками и ногами, а затем обмякало и мягко опускалось на пол. А крылатая тьма опять взмывала в воздух и кружила под потолком в поисках новой жертвы...

* * *

Солдат-дезертир остановился на берегу, тяжело дыша. С него довольно! Хватит этой войны! Он сыт по горло магами и их уловками! Что это Гуннару взбрело послушать предателя? Если бы тот показал им подземный ход — все было бы в порядке. Но ломать стену с помощью заклинания, а потом еще тащить их в ту сокровищницу... У солдата мурашки бежали по коже, едва он вспоминал карлика, сундук, все эти выкрики и звяканье цепи...

Неожиданно отвратительный запах ударил ему в ноздри. Он повертелся по сторонам, пытаясь определить источник вони. Но поблизости ничего не было. А пахло так, словно где-то совсем близко разлагался труп.

Месяц уже исчез с неба, горизонт начинал розоветь. Солдат обернулся к башне, из которой выбрался — как он считал, чудом. Из верхних окон башни вырывались черные клубы. Огня не было, только дым. Ужасный, темный дым, такой густой, словно горели человеческие тела или какое-то тяжелое масло.

Солдат закашлялся и поднял руку, чтобы обтереть лицо. Нестерпимая вонь ударила ему в ноздри. Он присмотрелся и увидел, что его запястье вымазано нечистотами.

— Проклятье! Откуда здесь это? — проворчал он, обтирая руку о песок.

Но вонь не исчезла. Неожиданная догадка пронзила солдата. Он схватился за свой кошель и развязал его. Оттуда полились жидкие нечистоты. С громкой руганью он выбросил кошель и бросился бежать.

Никаких драгоценностей в башне не было. То, что они принимали за бриллианты и золото, было пометом карлика, заточенного в подземелье.

* * *

Гуннар открыл глаза. Первая мысль, которая пришла к нему в голову, была очень простой и ясной. Они выиграли войну, они захватили башню, и теперь у них новый наниматель, гораздо лучше прежнего. Отряд почти не понес потерь. Один солдат. Один — за всю кампанию! Удачно вышло.

И денег — полные карманы. Они богачи!

Они служили теперь в гарнизоне башни, что охраняла пролив. Гуннара ничуть не удивляло то обстоятельство, что солдаты, погибшие при штурме этой башни, снова находились в строю. Они ведь не покинули отряд! Они ведь не сбежали отсюда, унося в качестве награды лишь дерьмо! Нет, они остались со своими товарищами и теперь опять служат с ними бок о бок. Это справедливо. Так должно быть всегда.

Умирают лишь дезертиры, верно?

* * *

Это помнил Гуннар. Он не знал, что осталось в памяти у других. Наверное, то же самое.

Во всяком случае, каждый наемник в его отряде твердо знал: их хозяин — господин Кернив, их задача — охранять башню возле пролива, их враг — любой, кто попытается в эту башню войти.

Даже если этот «кто-то» — давний знакомец Гуннара, киммериец Конан.

Глава восьмая
Призрачные моряки

Смотри! — крикнул Цинфелин, обращаясь к Конану. Молодой граф указывал на море, туда, где в волнах видны были обломки корабля и головы тонущих моряков. — Что там происходит?

— Они погибли или сейчас погибнут, — ответил Конан. — Корабль затонул, море бурное, волны выше человеческого роста... Лишь немногим удастся спастись.

— И мы не попробуем помочь? — спросил граф.

Конан искоса посмотрел на него.

— А ты не боишься погибнуть сам?

Цинфелин покачал головой.

— Моя смерть будет другой, я уверен.

— Какой?

— Я умру от старости.

— Откуда ты знаешь?

— Видел в волшебном зеркале...

— Никогда не доверяй зеркалам, особенно волшебным, — сказал Конан. — Не доверяй никому. Впрочем, мне можешь верить. Идем.

Они побежали вниз с холма.

Тем временем из поселка вышли рыбаки. Жутко было смотреть, как утлые лодчонки, сражаясь со штормовым ветром и высоченными волнами, что, подобно пастям чудовищ, пытались проглотить людей, бесстрашно плыли навстречу погибающим морякам.

Весла гнулись, люди гребли из последних сил. Моряки хватались за борта лодок, и местные жители втаскивали их на борт. Поднимали они и тех, кто погиб, и скоро их «улов» переполнял лодки.

Тогда они возвращались, сваливали «добычу» на берегу и снова бросались в море.

Одна из лодок, та, что была побольше других, вышла с сетью. Не обращая внимания на шторм, рыбаки забросили сеть и потащили ее. В ней забились, как огромные рыбы, сразу несколько человек, а еще один лежал неподвижно — этот захлебнулся.

Пока киммериец и юный граф приближались к берегу, они успели увидеть, что рыбаки обходят лежащих на песке спасенных людей и над каждым наклоняются.

— Что они делают? — спросил Цинфелин на бегу. — Тебе понятно?

— Слушают дыхание, — ответил Конан. — Проверяют, кто жив, а кто захлебнулся.

Конан был отчасти прав. Отчасти — потому что рыбаки действительно искали живых среди утопленников. Но когда они находили живого, они не пытались сохранить ему жизнь. Напротив, они обрывали эту жизнь.

И когда Конан с Цинфелином очутились на берегу, живых там уже не было. Странная и жуткая картина открылась непрошенным наблюдателям. Они увидели, как рыбаки с горящими от жадности глазами высасывают нечто из раскрытых ртов утопленников. И как только это «нечто» оказывалось внутри рыбака, румянец вспыхивал на бледном лице, жизнь возвращалась в глаза, улыбка показывалась на синюшных губах.

— Души! — закричал Конан. — Они забирают их души!

Не сговариваясь, оба бросились на рыбаков с обнаженными мечами. Они отдавали себе отчет в том, что сейчас столкнутся с нелюдями, но стоять и спо-

койно наблюдать за тем, что вытворяют нежити, у Конана и Цинфелина не было сил.

С громким боевым кличем они набросились на рыбаков. Те сперва как будто удивились такой неожиданности. Конан ударил мечом в спину ближайшего к нему живого мертвеца, который наклонился над умирающим моряком, жадно раскрыв рот в ожидании, пока душа погибающего отлетит и окажется беззащитной. Конану не дано было видеть саму душу, но он заметил ужас в глазах лежащего на песке моряка. Тот находился сейчас между жизнью и смертью, и ему, несомненно, было открыто то, что скрывалось от глаз киммерийца.

Тускнеющие глаза со страхом и неусыпным вниманием следили за нависшей сверху физиономией чужака. Вся поза моряка выражала безнадежность и покорность судьбе.

Когда Конан ударил нежить мечом, киммериец почувствовал, что сталь как будто проходит сквозь густой туман или кисель. Ничего не произошло. Плоть рыбака расступилась перед мечом, а затем сомкнулась вновь как ни в чем не бывало. Пожиратель душ даже не заметил атаки.

Конан выругался. По собственному опыту он знал, что нет такой нежити, которую нельзя было бы успокоить. Нужно только выяснить — как.

Моряк задрожал в последней агонии. Вырвавшийся из рук Конана мародер снова навис над ним. Живой мертвец алчно облизывался, вздыхал и глядел на умирающего с поистине родительской нежностью.

Губы его шевелились. Конан заметил, что рот нежити стал очень красным, как будто тот нахлебался крови, и это яркое пятно еще более резко выделялось на совершенно бледном, землистого цвета лице.

Конан вновь нанес удар, на сей раз целя в голову. Такого нежить, увлекшаяся мечтами о скорой поживе, не ожидала. Со злобным шипением он повернулся к киммерийцу. Бледно-желтая жидкость стекала по виску псевдо-рыбака. Конан оскалился и снова ударил его по голове. Раздался отвратительный звук — как будто разбилась тыква, — и голова нежити развалилась на части. Тело, постояв немного, бессильно рухнуло. Пальцы схватились за песок да так и застыли.

На миг Конану показалось, что он различает какие-то бесплотные тени, что заскользили вокруг него в воздухе. Одна или две даже задели киммерийца — их прикосновение было воздушным и нежным; он уловил слабое благоухание — а затем все исчезло.

Умирающий моряк прошептал:

— Спасибо.

И больше не двигался.

Конан огляделся по сторонам. Везде на побережье происходило одно и то же. Несколько нежитей обступили Цинфелина. Они угрожающе скалились и замахивались на него ножами и кулаками. Юный граф отбивался, как мог, но силы были слишком неравны.

— Кром! — С громким боевым кличем киммериец устремился на помощь своему товарищу.

По пути он сбил с ног нескольких нежитей, бросившихся ему наперерез, и наконец очутился возле Цинфелина.

— Они забирают души! — задыхаясь, кричал Цинфелин. — Митра, они хуже, чем я предполагал! Они хуже убийц!

— Бей их в голову! — крикнул Конан. — Остальное бесполезно!

Спина к спине они начали отбиваться от лже-рыбаков. А тех становилось все больше. Казалось, сама ночная тьма насылает их, порождая в своем зловещем чреве.

Конан без устали бил, повторяя один и тот же прием: он делал вид, будто хочет поразить нежить в плечо, а затем в последний миг поднимал меч и опускал его на голову своей жертвы.

Кругом громоздилась уже гора трупов. В отличие от людских тел, эти не внушали ужаса. Напротив, казалось, будто киммериец и его молодой друг совершают какую-то очень важную и полезную работу, вроде чистки рыбы. Да и трупы нежитей имели что-то рыбье. Холодные и скользкие, бледно-серого цвета, они падали на песок, и волны равнодушно лизали их.

И все больше прозрачных теней летало вокруг Конана и Цинфелина.

Киммериец начал замечать еще кое-что. Эти освобожденные души, несомненно, помогали своим освободителям. Вот одна из них облепила лицо нападавшего, и рыбак остановился, замотал головой, как будто внезапно ослеп. Конан замешкался, боясь повредить бесплотной субстанции чужой души, но она легко и с неслышным смешком вспорхнула в воздух, и последнее, что видел в своей псевдо-жизни «рыбак», была сверкнувшая над его головой киммерийская сталь.

Цинфелин отчаянно сражался сразу с несколькими противниками. Юный граф явно не успевал отражать их атаки. К тому же любой удар врага мог оказаться для Цинфелина если не смертельным, то во всяком случае болезненным и опасным; в то время как сам Цинфелин не мог причинить им вреда, если только не попадал по голове и не наносил рану достаточно серьезную, чтобы голова нежити развалилась.

Цинфелин чувствовал, как немеют руки от усталости. Он не привык к подобным схваткам. Во время тренировочных боев с друзьями он учился хитрым приемам, выпадам, отскокам и стремительным атакам; но сейчас от него требовалась простая физическая сила и механическое повторение одного и того же приема: удара сверху вниз по голове.

— Я не дровосек! — пожаловался Цинфелин, хватая ртом воздух.

— Так стань им! — рявкнул Конан. — Потому что, клянусь Кромом, это единственное, что тебя спасет!

Цинфелин покачнулся и едва не упал. Киммериец подхватил его в последний момент.

— Тебя убьют! — прорычал Конан. — Будь осторожнее! Я не намерен погибать вместе с тобой!

Подражая старшему другу, Цинфелин взревел и бросился в яростную атаку на врагов. Меньше всего ему хотелось, чтобы Конан счел его слабаком.

Неожиданно Цинфелин споткнулся о скользкий ледяной труп лже-рыбака и рухнул на землю. Тотчас над ним нависло сразу два бледных лица. Цинфелин с ужасом смотрел на жадные, ласковые улыбки, медленно расцветающие на этих лицах. Он понял: сейчас его убьют и разделят между собой его душу.

От одной только этой мысли мороз наполнил его сердце. Дрожащей рукой Цинфелин поднял меч и направил его острие между глаз одного из лже-рыбаков. Ни один из нежитей, казалось, даже не обратил на это внимания.

Цинфелин попытался нанести удар, но пальцы его разжались, и меч упал на песок. Все, это конец. Сейчас он умрет, и душа его вечно будет страдать и мучиться здесь, на этом мрачном, безрадостном берегу.

Внезапно до него донесся чей-то голос. Тихий, отдаленный зов. Никогда прежде ему не доводилось слышать этого голоса, и тем не менее Цинфелин сразу узнал его. Это могла быть только она, пленница из башни. Та, которую он видел в колдовском зеркале и которую полюбил, не зная даже, существует ли она на самом деле или же является плодом его пылкого юношеского воображения, чьим-то воспоминанием, созданием чьей-то необузданной фантазии.

Она звала его по имени.

Ощущая в себе удесятеренную силу, Цинфелин схватил свой меч и резко ткнул первого из противников между глаз, так что, словно по волшебству, голова нежити вдруг распалась на половинки. Цинфелин вскочил на ноги и с громким, ликующим хохотом обрушил клинок на затылок второго врага.

Он развернулся, чтобы схватиться с новыми врагами. Конан мельком глянул на юного графа. Киммериец не знал, откуда тот обрел новые силы, но от души приветствовал это.

— Кром! Ты делаешь успехи, друг! — выкрикнул Конан.

Цинфелин ответил злой улыбкой и молча ринулся на врагов.

Внезапно ему показалось, что их стало меньше. Тьма над головой рассеивалась. Туча уползала за горизонт, туда, где зародилась буря, как побежденный противник уходит в свой стан, дабы зализать раны и собраться с новыми силами. Немногие оставшиеся на ногах «рыбаки» бросились бежать к своей деревне. Конан не преследовал их.

Цинфелин, криво усмехнувшись, сделал было пару шагов им вслед, но вдруг споткнулся и плюхнулся на песок. Он совершенно обессилел.

Конан устроился рядом с ним. Пот струился по загорелому лицу киммерийца, синие глаза зло блестели.

— Что скажешь? — спросил Конан.

— Такого со мной еще не случалось, — признался Цинфелин.

— В разгар битвы ты вел себя просто как берсерк, — заметил Конан. — Разил, ничего вокруг себя не замечая, да еще и хохотал при этом.

— Я слышал ее голос, — прошептал Цинфелин, опуская голову. Ему не хотелось рассказывать об этом, и одновременно с тем снедало острое желание только об этом и разговаривать. — Ты понимаешь, что это значит? Это было чудом! Чудом, которое поставило меня на ноги и спасло мне жизнь!

— Ну, прости, — хмыкнул Конан. — Я не мог одновременно сражаться с дюжиной нежитей и еще присматривать за таким большим мальчиком, как ты. В конце концов, ты — граф.

Цинфелин вспыхнул.

— Я не говорю о тебе или о том, что ты должен за мной «присматривать»! Я говорю о том, что она — та, которую я полюбил в моих видениях, — она существует на самом деле! Она рядом и теперь может говорить со мной!

— Ты слышал ее голос? Ты уверен, что это был именно ее голос? — переспросил Конан.

— А чей же еще? — рассердился Цинфелин. — Едва я услышал его, как силы вернулись ко мне. Я сражался ради нее! Я хотел жить ради нее!

— Что ж, в любом случае, это помогло, — согласился Конан.

Цинфелина бесило равнодушное отношение киммерийца к его великой любви и к чуду, которое сотворила эта любовь. Конан, разумеется, все это знал — он читал в душе юноши, как в книге, ибо встречал подобное уже не в первый раз, — и нарочно поддразнивал юного графа. Излишняя патетичность может повредить делу, считал Конан.

— Как ты думаешь, — мирным тоном заговорил Конан с Цинфелином, который сидел теперь молча, отвернувшись, и с подчеркнутым вниманием рассматривал волны, — чем на самом деле промышляет эта нежить?

— Забирает души людей, — сказал Цинфелин, не поворачиваясь.

— Зачем?

— Чтобы продолжать... «жить», — буркнул Цинфелин. — По-моему, это очевидно.

— Нет, это не очевидно, — возразил киммериец. — Может быть, они делали это не для себя.

— А для кого? — Цинфелин наконец заинтересовался новой проблемой и обернулся к киммерийцу.

— Возможно, у них есть хозяин. Некто, кому требуются живые души для исполнения каких-то планов.

— Кем бы он ни был, сейчас он утратил большую часть своей добычи, — хмыкнул Цинфелин.

— Это точно, — подтвердил Конан.

Помолчав, Цинфелин предложил:

— Нужно проверить среди моряков. Вдруг кто-то остался в живых? Нам сейчас не помешал бы союзник.

— Союзник, в котором едва теплится жизнь? Понятия не имею, чем бы он мог быть нам полезен, — проворчал Конан. — Разве что тебе нравится возиться с больными и умирающими...

— Терпеть этого не могу, — поморщился Цинфелин. — Но... разве не нужно посмотреть? Если не ради нас, то ради простого долга?

— Согласен, — сказал Конан.

— Если ты согласен, то зачем все эти рассуждения?

— Чтобы посмотреть, как ты злишься.

Цинфелин покачал головой.

— Наверное, я никогда не пойму тебя, Конан.

Киммериец легко вскочил на ноги.

— Ты и не должен меня понимать. Когда ты станешь графом, тебе придется командовать самыми разными людьми. И большинство из них останутся для тебя загадкой, настолько они не будут похожи на тебя. Привыкай уже сейчас.

Они обошли весь берег, останавливаясь возле каждого погибшего и подолгу осматривая его. Увы, признаки жизни подавал лишь один, но и тот вскоре угас.

Цинфелин выглядел подавленным.

— Я никогда не видел такого количества мертвецов, — признался он. — Это какая-то бойня.

— Попробуем предать их тела огню, — предложил Конан. — Работа долгая и трудная, придется набрать много хвороста и притащить сюда десятка три древесных стволов... Не знаю, как управимся.

— Мы вдвоем не управимся, — ответил Цинфелин.

— А мы постараемся, — сказал Конан. — Поверь, дело того стоит. Нельзя оставлять тела без погребения. Мы спасли их души от пожирания — одним богам известно, какова посмертная участь тех, кого поглотит здешняя нежить! — теперь завершим начатое.

Цинфелин нерешительно огляделся по сторонам.

— Ты боишься мертвецов? — спросил он наконец. — Ты суеверен, Конан?

— Ничуть, но я уважаю тех, кто погиб достойно.

— А что будем делать с этими? — Цинфелин указал на лже-рыбаков, валявшихся повсюду.

— Пусть их сожрет море, — равнодушно ответил Конан. — После прилива здесь не останется ни одного трупа. Рыбе будет чем поживиться. Это будет только справедливо.

Остаток дня они валили деревья и таскали их на берег, складывая большой костер. Погибших уложили в ряд, и Цинфелин поджег костер. Пламя сразу охватило всю поленницу. Костер был сложен искусно, а ветер с моря только раздувал огонь. Скоро все умершие исчезли в ревущем пламени.

— Вот и все, — сказал Конан, вновь и вновь ощущая прикосновение невесомых существ. — Они обрели мир и покой. А ты полагал, что это будет невозможно...

— Кажется, ты не признаешь слова «невозможно», — улыбнулся Цинфелин. Он тоже чувствовал умиротворенность.

— Почему? — возразил Конан. — Когда что-то невыполнимо, я так и говорю. Но сложить погребальный костер под силу двум мужчинам, уж поверь мне.

— Верю, — вздохнул Цинфелин.

Они по-прежнему находились на берегу, и башня, где томилась пленница, до сих пор высилась перед ними, такая же неприступная и мрачная, как и в колокол их прибытия сюда.

* * *

С рассветом Конан и его молодой товарищ попытались проникнуть в башню.

— Возможно, на рассвете силы призраков слабеют, — предположил Конан.

— Ты знал этого капитана, — сказал Цинфелин. — На что он способен?

— Я знал Гуннара в ту пору, когда он был еще жив, — возразил киммериец. — Тогда он был способен на многое. Храбрец, ни во что не ставящий ни свою жизнь, ни чужую. Мне было хорошо сражаться с ним бок о бок — и я не позавидовал бы тому, против кого он поднял меч! Но то было давно. В те зимы, когда он был еще жив. Кто знает, каким он стал теперь, когда его изменили чьи-то злые чары!

— Я всегда полагал, — нерешительно начал Цинфелин, — что человек, даже после смерти, даже после того, как на него окажет воздействие злая магия, все равно сохраняет какие-то свои прежние качества.

— Не стоит обольщаться, — возразил Конан. — Маги частенько пользуются этим человеческим заблуждением. Но самые опасные демоны обычно принимают облик чьего-нибудь давно умершего ребенка или погибшей возлюбленной. Такие демоны страшнее всего. Они заманивают в ловушку ничего не подозревающую жертву... Нет, Цинфелин. Если тебе явится с того света твоя подруга, будь уверен: самое лучшее, что ты можешь сделать, — это поскорее снести ей голову и присыпать ее раны пеплом и солью.

Подумав немного, он добавил:

— Впрочем, Гуннар был достаточно плохим — с обычной точки зрения — человеком, чтобы предположить, что после смерти он не слишком-то изменился. Так что ожидай худшего, Цинфелин, и не надейся ошибиться.

Они подошли к башне и начали обходить ее кругом.

— Где-то здесь должна быть дверь, — бормотал Конан. — Возможно, она прямо у нас перед носом, а мы ее попросту не видим.

— Но как же мы войдем, если двери нет?

— Я попробую забраться по стене. Там, наверху, имеются какие-то окна. Возможно, сумею протиснуться.

— Ты? — Цинфелин с сомнением оглядел могучую фигуру варвара.

— А что? — оскорбился Конан. И рассмеялся: — Наверное, ты полагаешь, что по такой стене невозможно вскарабкаться?

— Если говорить честно, то — да, — кивнул Цинфелин. — Она почти гладкая.

— Почти. — Конан весело фыркнул. — Смотри и запоминай, только не пытайся повторить. На такое способны только киммерийцы.

Он сбросил сапоги, снял с себя тяжелый плащ и остался босой, в штанах и рубахе. Меч был привязан у Конана за спиной.

Ловко, как кошка, он поднялся на уровень первого этажа — точнее, это можно было бы счесть первым этажом, если бы башня имела окна и другие признаки того, что она является человеческим жильем.

Ошеломленный Цинфелин стоял внизу, все выше и выше задирая голову по мере того, как киммериец карабкался по стене. Стена эта была совершенно отвесной и со стороны выглядела гладким, но ловкие пальцы Конана находили здесь опору без особого труда. Он ухитрялся вставлять пальцы ног в крохотные щели и хвататься за совсем незаметные выступы, чтобы подтягиваться все выше и выше.

Вот уже он на высоте трех человеческих ростов...

Цинфелин начал было верить в успех их безумного предприятия, но тут башня ожила. Дверь не появилась там, где она, в принципе, должна была быть; и окон в стене по-прежнему не было. Но призрачные наемники возникли как будто из ничего. Они проступали сквозь стены, спускались с крыши по несуществующим ступеням, которые как будто имелись в воздухе.

Цинфелин с ужасом увидел, как прямо перед ним стена вдруг начала бугриться, на ней появилось нечто вроде барельефа. Барельеф этот изображал двух вооруженных воинов с грубо высеченными лицами и бородами. Мгновение барельеф оставался неподвижным, а затем он зашевелился, и вот уже воины высвободились из каменного плена и предстали перед Цинфелином во плоти.

Молодой граф поднял меч, готовясь сразиться с ними. Не сговариваясь и даже не обменявшись взглядами, воины-призраки набросились на него.

Зазвенела сталь. Цинфелину не приходилось даже мечтать о том, чтобы перейти в наступление; он едва успевал отбивать удары, которые сыпались на него справа и слева.

С диким криком киммериец спрыгнул со стены. На миг Цинфелину показалось, что Конан переломает себе все кости, но ловкий и гибкий киммериец приземлился довольно удачно, на мягкий песок, перекатился и, быстро придя в себя после падения, вскочил на ноги.

К нему устремилось сразу несколько призрачных воинов.

Конан, оскалившись, как зверь, бросился в атаку. Казалось, он угадывает каждое намерение своих врагов, и опережает их по меньшей мере на шаг. Звон стали был оглушительным.

Победить призрачных наемников казалось делом совершенно невозможным: никакой удар не мог оказаться для них смертельным. Сталь не в силах была ни отсечь им голову, ни перерубить конечности. Они не знали усталости.

Конан отражал атаку за атакой, теснил своих врагов и все ближе подбирался к Цинфелину. Молодой граф едва держался на ногах. В самом начале схватки он получил глубокую рану на бедре, и теперь все силы уходили на то, чтобы не упасть. Цинфелин знал, что если он поддастся слабости и опустится на песок, наемники без всякой жалости добьют его.

Конан крикнул:

— Отходи!

Цинфелин подставил меч, встречая очередной выпад врага.

— Беги, Цинфелин! — повторил Конан. — Я задержу их!

Забыв о гордости, раненый молодой человек повернулся к врагам спиной и помчался из последних сил наверх, на заросший травой холм. За ним гнались, но недолго. Тяжелые воины увязали в песке все глубже и наконец застряли. Конан в два прыжка догнал их и мощными ударами одного разрубил почти пополам, опустив меч на основание шеи врага, а другого обезглавил. Здесь, на холме, тела наемников обрели телесность. Призраки вновь стали людьми — они истекали кровью и умирали, как самые обычные люди.

Прочие устремились прочь, и скоро башня поглотила их всех.

Цинфелин лежал на траве и тяжело переводил дыхание. Конан уселся рядом с ним и принялся вытирать меч.

— Я забыл сапоги возле башни, — заметил киммериец, мельком глянув туда, откуда они только что спаслись.

— Я ранен, — сказал Цинфелин.

Конан повернулся к нему.

— Сильно?

— Не знаю... Ты не мог бы посмотреть?

Он отнял руку от бедра и показал кровавое пятно, расплывшееся по одежде и ладони.

— Сними штаны, — фыркнул Конан. — Я вижу только гору тряпок и что-то неопрятное под ними.

Вместе они стянули с молодого графа штаны. Конан плеснул на рану водой из фляги.

— Порез, довольно глубокий, но страшного я ничего не вижу, — заявил варвар. — Вашу нежную кожу несколько повредили, ваша светлость, но, полагаю, скоро все заживет. Останется шрам, которым будут любоваться лишь избранные женщины. Счастливицы, которых вы допустите на свое шелковое ложе.

— Не надо так разговаривать со мной, — попросил Цинфелин, морщась. — Может быть, я не слишком опытный воин, но, видят боги, я делаю все, на что способен.

— Ты неплохой воин, — неожиданно согласился Конан. — Мне жаль, если моя грубость тебя задела. Я хотел лишь подбодрить тебя.

— На мое ложе будет допущена только одна женщина, — сказал Цинфелин, и видно было, что именно это беспокоит его больше всего. — Та, которую я люблю. Та, что томится в башне.

— Проклятье, я не меньше твоего хочу освободить ее! — рявкнул Конан. — Перестань ныть! Сейчас я перевяжу эту царапину, потом мы отдохнем и поразмыслим, как нам быть. Кое-что показалось мне довольно обнадеживающим.

Он разорвал свою рубаху и перевязал рану Цинфелина, остановив кровь.

— Ненавижу, когда маги издеваются над беззащитными людьми, — проворчал киммериец, зло посматривая на башню. — Есть множество способов доставлять себе удовольствие, к чему избирать столь извращенные?.. Впрочем, мне никогда их не понять. Сумасшедшие люди. Бешеных животных уничтожают, не так ли?

— Я вот о чем думаю, — сказал Цинфелин. — Те наемники... Их невозможно убить, когда они возле башни, но если они отходят от башни хотя бы на полет стрелы, то становятся уязвимыми.

— Те двое бедняг увлеклись в своем желании отправить меня в Серые Миры, — хмыкнул Конан. — И поплатились. Не думаю, чтобы и прочие люди Гуннара оказались такими же идиотами. Нет, дважды этот фокус у нас не пройдет.

* * *

Незаметно приближался вечер. Из припасов, взятых с собой из замка, у двоих приятелей оставалось лишь немного черствого хлеба и пара полосок вяленого мяса. С точки зрения Конана, преступно мало, особенно если учесть, что им предстояла битва.

— Мы должна закончить дело сегодня к ночи и завтра уже отправиться в обратный путь, — объявил Конан. — Я не намерен пускать корни на этом берегу. Это, в конце концов, скучно! Здесь нечем заняться, здесь нечего есть, а до ближайшего кабака еще скакать и скакать...

Цинфелин слабо улыбнулся.

— Мне тоже кажется, что я умру, если задержусь здесь дольше. Здесь даже раны не заживают. Я потеряю все мои силы и в одно прекрасное утро попросту не проснусь.

— Что ж, я рад, что мы с тобой мыслим одинаково, — объявил киммериец.

— Но как нам пробраться в башню? — вздохнул Цинфелин. — Как одолеть призраков?

— С помощью других призраков... — Конан вскочил на ноги и уставился куда-то вниз, на берег. — Ты глянь только, что творится!

Цинфелин с трудом поднялся и посмотрел туда, куда показывал киммериец. Из наползающих на берег темных морских вод медленно выходили люди в рваной матросской одежде. Один за другим показывались они на берегу и все поворачивались в ту сторону, где находились Конан и Цинфелин.

— Это те моряки, которых мы освободили, — сказал Конан, щурясь. — Говорил я тебе, что следует предать их тела достойному погребению! А ты, по-

мнится, еще называл меня суеверным. Как будто воздать человеку последнюю почесть означает проявить суеверие!

— Прости, — Цинфелин вздохнул. — Я ничего дурного в виду не имел. И... хорошо, ты был прав, Конан! Я признаю это. И готов признать еще тысячу раз.

— К сожалению, у нас нет на это времени, — хмыкнул Конан. — Разумеется, в другой раз я прослушал бы тысячекратные извинения. Впрочем, ты вполне можешь заменить их деньгами. Я беру монетами любой страны, где только обитают люди, достаточно цивилизованные, чтобы возвести на своей земле пару хороших таверн.

Он схватил Цинфелина за руку и помог ему спуститься с крутого обрыва на берег.

Призрачные моряки обступили их. Странно, но Цинфелин не испытывал никакого страха при виде этих полупрозрачных фигур. Предостережение Конана насчет того, что самые опасные демоны зачастую принимают облик дружелюбных и дорогих нам людей, почему-то вылетело у Цинфелина из головы. Может быть, потому, что сам Конан смотрел на этих призраков совершенно спокойно.

От толпы отделился капитан. Он низко поклонился Конану и Цинфелину и произнес еле слышно:

— Вы спасли нас, вы оба. Мы благодарны вам. Мы готовы служить вам, пока вы не отпустите нас... Таково было условие нашего окончательного освобождения.

— Что ж, — медленно проговорил Конан, — мы с радостью принимаем вашу помощь. Видите эту башню? Ее охраняют люди, охваченные злыми чарами. Полагаю, эти люди давным-давно погибли. Они мертвы, но продолжают подчиняться чьим-то злым чарам. Они стерегут вход в башню.

— Для чего вы хотите войти? — спросил капитан.

Цинфелин хотел было рассказать о несчастной пленнице, но Конан сделал ему знак молчать и сурово обратился к спасенным душам:

— Как вы смеете задавать нам вопросы! Разве это ваше дело? Вы обязаны помочь нам! Неужели ваша благодарность так ничтожна, что вам непременно нужно знать все подробности?

Капитан замер, а затем низко склонился перед Конаном:

— Нет, господин. Нам довольно и того, что мы знаем о тебе. Ты избавил нас от ужасной участи. Твои намерения в любом случае благородны. Мы с радостью поможем тебе. Говори, что мы должны делать!

— Так-то лучше, — буркнул Конан. — Видите эти стены? Здесь нет никакой двери, а между тем нам необходимо очутиться внутри.

— Здесь есть дверь, — ответил капитан, — и если вы ее не видите, то лишь потому, что еще живы. Многое в этой башне находится не в этом мире, а в потустороннем.

— Вы должны открыть эту дверь, чтобы мы могли войти, — продолжал Конан. — Башню охраняют призрачные воины. Сразитесь с ними. Наше оружие

не может нанести им поражение, но ваше в состоянии сделать это. Вы находитесь в одном и том же мире.

— К тому же, — прибавил Цинфелин, — такая смерть поможет этим наемникам избавиться от чар, которые удерживают их между мирами, не живыми и не мертвыми.

«А может быть, наемникам как раз и нравится подобное существование? — подумал Конан. — Впрочем, я не намерен пускаться в долгие рассуждения по этому поводу. Они стоят у меня на пути, и я сделаю все, чтобы избавиться от нежелательного препятствия».

Призрачные моряки дружно выхватили оружие и бросились к башне. Прямо на глазах у Конана и его спутника, они вошли в стену и скрылись внутри строения. Конан сделал Цинфелину знак подойти поближе. Они остановились перед самой стеной и прислушались, но изнутри не доносилось ни звука. Башня поглотила второй призрачный отряд, как и первый, и двоим приятелям оставалось лишь гадать о том, что может происходить за стеной.

Внезапно в стене распахнулся проход. Только что Конан видел лишь гладкую кирпичную кладку — и вот уже перед ним зияли, словно зев чудовища, раскрытые ворота. Они были такими большими, что в них могла бы пройти телега, запряженная лошадьми. В черном проеме виднелись человеческие фигуры. Они странно светились в темноте.

— Вперед! — крикнул Конан и устремился туда.

Цинфелин бросился за ним следом, хромая и изо всех сил стараясь сохранять на лице решительное выражение.

На самом деле он был растерян. Что им предстояло делать? Участвовать в битве призраков? Эдак они сами потеряют жизнь и ничего не добьются. Цинфелину не хотелось признаваться самому себе, что он попросту боится входить в заколдованную башню, которая столько времени будоражила его воображение и едва не довела его до смертельной болезни.

Вокруг действительно кипела битва. Наемники Гуннара пытались остановить входящих людей, но призрачные моряки набрасывались на солдат и разили их мечами и ножами. Крови не было, крики были едва слышны, однако от всего происходящего мурашки бежали по коже и волоски на загривке вставали у Конана дыбом, как у зверя, почуявшего опасность.

— Скорей! — торопил Конан своего спутника.

— Не могу, — прохрипел Цинфелин. — Нога плохо слушается.

Неожиданно кто-то схватил Цинфелина за одежду и дернул. Юный граф скатился на несколько ступенек вниз.

— Конан, помоги! — выкрикнул он.

Киммериец спустился ниже и поднял меч.

— Кто здесь?

Ответа не последовало. Цинфелин ощущал, как чьи-то ледяные пальцы хватают его за горло. Граф несколько раз ударил кинжалом туда, где должен был находиться его противник, но лезвие пронзало пустоту.

Конан наклонился и схватил напавшего на Цинфелина за волосы. Если нож проходил сквозь призрак, как сквозь туман, то живая человеческая рука почувствовала нечто скользкое и холодное, но вполне плотское.

Конан впился пальцами туда, где, по его расчету, должны быть глаза нападавшего. Киммериец не прогадал. Раздался едва слышный, но воспринимаемый всем естеством вопль, от которого закладывало уши и дикий ужас зарождался в душе, существо забилось в руках у Конана. Затем киммериец выпустил его, и оно, завывая, скатилось вниз по ступенькам.

— Что ты с ним сделал? — пробормотал Цинфелин.

— Порвал голыми руками, — ответил Конан. — Это единственный способ задержать их, если они набрасываются. Наши моряки добьют их. И впредь не пугайся так. Они не в силах повредить тебе больше, чем это может сделать любое другое существо.

Он ухватил Цинфелина за локоть и потащил за собой наверх.

Казалось, этой винтовой лестнице не будет конца.

Они сбились со счета и уже не могли сказать, сколько раз обернулись вокруг своей оси, а ступеньки уводили их все выше и выше...

Глава девятая
Последняя схватка

Пленницу, захваченную при попытке проникнуть в покои главного графского советника господина Кернива, решено было судить открыто. Граф Гарлот желал показать всем своим подданным, что творит правосудие, не боясь огласки. Что бы ни произошло в его дворце, какой бы приговор он ни был вынужден вынести преступнику, — господин Бенойка не намерен делать из этого тайну. Ему нечего скрывать от своего доброго народа!

Поэтому Далесари была доставлена на Поля Правосудия. Так назывался большой луг, где в добрые времена проходили праздники, а в том случае, когда требовалось судебное разбирательство, устраивались публичные слушания.

Просторная площадка была огорожена, так, чтобы ближе к графу могли разместиться наиболее уважаемые отцы семейств Бенойка. Прочие любопытствующие имели право находиться за оградой и наблюдать за происходящим в свое удовольствие. Обычно граф позволял народу громкими выкриками выражать свои чувства касательно приговора. Считалось, что граф не обращает внимание на вопли толпы и принимает решения по каждому делу вполне самостоятельно, но люди хорошо знали: все их пожелания учитываются, и с их настроениями граф неизменно считается. И в самом деле, не было случая, чтобы Гарлот помиловал того, кому толпа требовала смертной казни, или приговорил человека, достойного, по мнению людей, милосердия.

Рихан привел Югонну на судилище загодя, чтобы им занять места побли же к ограждению.

— Не стоит стоять так, чтобы нас могли увидеть с помоста, — говорил Ри хан, — но и совсем удаляться тоже не стоит. Заберемся во второй ряд и будем держаться за чужими спинами. Постарайся не кричать, не падать в обмо рок — вообще веди себя потише, иначе на тебя обратят внимание, а это уже лишнее.

Под раскидистыми ветвями одиноко растущего посреди луга дерева граф ские слуги уже собрали помост. Плотники работали вовсю, устанавливая бал дахин над троном, где будет восседать граф Гарлот. Трудились они быстро и слаженно, и было очевидно, что это дело для них не в новинку. Все детали по моста, балдахина и трона хранились во дворце, их осталось только принести и собрать, придав «сцене» надлежащий вид.

Придворные начали съезжаться. Появился и сам «пострадавший» — гос подин Кернив. На нем было тяжелое роскошное одеяние, в котором он, не смотря на жару, чувствовал себя вполне комфортно.

Некоторые господа явились с супругами, хотя в основном всем пригла шенным и почетным гостям вменялось в обязанность приходить на судилища без членов семьи. Женщины допускались на подобные собрания только в ка честве зрительниц, их места были за ограждением. Исключения делались лишь для очень немногих — наиболее знатных и влиятельных.

Наконец на помост взошел и сам граф Гарлот. Он выглядел бледным и ис худавшим. Сказывалась тревога, которую Гарлот испытывал за своего сына: сперва непонятная болезнь, потом еще более странное душевное расстрой ство... а теперь, по слухам, юный Цинфелин и вовсе куда-то исчез.

Тем не менее никакие личные беды не помешали графу Гарлоту исполнять свой долг перед народом. Он поднялся к трону и вскинул руки, призывая к ти шине.

Как по колдовству, луг, заполненный народом, затих. Стало слышно, как вдали гудит шмель, — такая воцарилась тишина.

— Люди Бенойка! — раздался голос графа Гарлота. — Сегодня мне предсто ит судить женщину, которую обвиняют в том, что она проникла в покои на шего главного советника — господина Кернива, чьи заботы о графстве не устанны, чьи заслуги перед графством бесспорны! Она пыталась обокрасть его, а может быть, и покушалась на его жизнь! Я позволил присутствовать на этом суде женам многих моих сановников и верных подданных, и сделал это созна тельно, в нарушение давнего обычая. Как правило, мы считаем правосудие де лом чисто мужским, ибо оно подчас требует от нас твердости и беспристра стности, а зачастую и жестокости. Как известно, сердце женщины мягко и склонно прощать. Женщине трудно заставить себя быть беспристрастной и тем более — быть жестокой.

«Боги! — подумал Югонна в смятении. — Граф Бенойка — идеалист, если он действительно думает то, что говорит!»

Рихан слушал Гарлота, полуоткрыв рот и глядя на него с откровенным обожанием. За такого вождя радостно отдать жизнь! А сын графа — еще лучше, еще благородней и отважней!

Между тем Гарлот продолжал:

— Но наш преступник — женщина, и я подумал, что наши благородные женщины лучше поймут ее. Поэтому им дозволено находиться здесь и выступать в защиту или в обвинение.

Граф сделал знак страже, и на помост подняли Далесари. Югонна весь напрягся и подался вперед, желая лучше рассмотреть свою возлюбленную. Несколько дней заточения в подземелье сделали свое дело. Далесари утратила свежие краски лица, она сильно исхудала, под глазами у нее появились темные круги, рот печально обвис. Югонна никогда прежде не видел ее такой.

— Она больна? — спросил он Рихана, подергав того за рукав. — Как, по-твоему, она больна? Или голодна? Что они с ней делали? Ее пытали?

Рихан покачал головой.

— Мне доводилось видеть такие лица, — тихо ответил он. — Она попросту смертельно напугана. Этот негодяй запугивал ее все то время, что она находилась у него в подвалах. Кроме того, полагаю, она до сих пор не знает, что ты жив...

Тем временем заговорил господин Кернив. Он подробно описал все случившееся в его спальне, заранее попросив прощения у присутствующих женщин за то, что вынужден говорить о столь интимных вещах.

— Если бы не обстоятельства дела, я не стал бы касаться таких тем, как постель, покрывало, да и я сам, коль скоро я не одет надлежащим образом, — галантно заметил он, кланяясь.

Эти слова произвели благоприятное впечатление на слушательниц, многие улыбнулись. Югонна заскрежетал зубами.

Лицо Далесари осталось неподвижным. Она как будто смотрела на что-то, находящееся очень далеко отсюда, и пыталась разобрать детали неуловимой картины.

— Эта женщина — хотя едва ли существо, подобное ей, имеет право носить столь высокое имя, — продолжал Кернив возмущенным тоном, — забралась ко мне, когда я спал и был совершенно беспомощен перед любым злоумышленником. Она намеревалась убить меня и лишить нашего доброго графа, — поклон в сторону Гарлота, — одного из самых верных его слуг!

Югонна вздрогнул, явно желая броситься вперед и осуществить намерение, приписанное Далесари обвинителем, но Рихан удержал его за руку.

— Подожди, еще не время, — прошептал он. — Ты ведь не хочешь все испортить?

Он показал на большой, закрытый куском ткани предмет, который висел у него на плече, прикрепленный за лямку. Со стороны этот предмет можно было принять за обычный щит. Югонна вздохнул:

— Так тяжело оставаться сторонним наблюдателем, когда видишь такое!

Один из стоявших поблизости, упитанный человек с блестящей лысиной, воззрился на Югонну с негодованием.

— У меня складывается ощущение, будто вы оба сочувствуете этой негодяйке!

На сей раз Рихан опередил Югонну.

— Возможно, обстоятельства этого дела не вполне соответствуют рассказу господина Кернива.

— Этого не может быть! — отрезал толстяк и возмущенно отвернулся. Он уставился на Кернива с обожанием.

— Он околдовал их всех! — тихо обратился Югонна к своему товарищу. — Иначе чем объяснить эту всеобщую любовь?

— Погоди, скоро дело изменится... — Рихан усмехнулся. — Спроси лучше, как я вытащил эту штуку из дворца?

Югонна посмотрел на солдата и увидел, что тот просто сияет от самодовольства. И тотчас же фокуснику стало стыдно. С точки зрения Югонны, не было ничего особенного в том, чтобы пробраться во дворце, уболтать стражу, отвести глаза двум-трем случайно встреченным в коридорах слугам, проникнуть в комнату юного Цинфелина, где до сих пор оставалось магическое зеркало Югонны и Далесари, и утащить его. Подумаешь!

Однако поразмыслив, Югонна понял, что для солдата это было настоящим подвигом. Рихан не умел скрываться, ловчить и, будучи захваченным врасплох, говорить первую пришедшую в голову чушь. Так что для него это похищение превратилось в настоящий подвиг.

Чтобы сделать Рихану приятно, Югонна спросил:

— Как тебе это удалось? Я думал, такое невозможно!

Улыбка на лице Рихана сделалась еще более лучистой.

— Ну, пришлось проломить голову одному не в меру любознательному охраннику... Но в общем и целом прошло без шума.

— Ты устроил драку? — ужаснулся Югонна.

— Только в самих покоях юного графа, — успокоил его Рихан. — К тому же, трудно назвать это дракой. Тот парень даже кулак сжать не успел. Он просто поинтересовался, зачем я забрался в апартаменты Цинфелина, а я спросил, что он тут делает. Он сказал, что ему приказано охранять имущество юного графа, а я сказал, что во дворце воров нет и быть не может. Тогда он сказал, что из-за болезни Цинфелина здесь развелось много разной сволочи, вроде той, что должны судить завтра — то есть, уже сегодня...

Югонна скрипнул зубами, но Рихан этого не заметил и продолжал:

— Тогда я дал ему по голове стулом, забрал зеркало, сунул его в чехол от щита и вышел. Меня даже не пробовали остановить, все ведь знают, что я служу в гарнизоне — ну а коли комнаты графа велено охранять, то и...

Он развел руками и ухмыльнулся.

— Так что все просто. Напрасно ты считал, будто мне это не под силу.

— Да, — произнес Югонна, — ты не перестаешь удивлять меня.

Тем временем бесконечная речь господина Кернива — поток жалоб, перемежаемых напоминанием о его, Кернива, заслугах перед графством, — наконец иссякла. Поднялся граф Гарлот. Он обвел глазами собравшихся и остановил взор на Далесари.

— Может быть, ты хочешь что-то сказать в свое оправдание? — осведомился он у обвиняемой весьма суровым тоном.

Молодая женщина не ответила. Она держалась так, словно заранее знала, каким будет приговор, и не старалась сделать ничего, чтобы смягчить свою грядущую участь.

— Она считает меня мертвым, — прошептал Югонна, внимательно следивший за своей женой. — Все остальное ей сейчас безразлично.

— Ей не будет безразлично, когда они потащат ее на виселицу, — возразил Рихан. — Но только тогда поздно будет кричать и оправдываться.

— Жаль, что с нами сейчас нет Конана! — сказал Югонна и тотчас прикусил язык. Похоже, в трудных ситуациях он слишком привык полагаться на киммерийца. Как такое вышло? Когда они только-только встретились с Конаном, то сочли его самым обыкновенным варваром, громилой, в то время как они с Далесари относились к миру ученой элиты. Однако никакая книжная ученость не могла вызволить их из беды.

Гарлот между тем произнес:

— Мне отвратительна сама мысль о том, что женщина может быть подвергнута смертной казни, но я не вижу оправданий для этой злодейки. Нет такого преступления, которое она бы не совершила! Она воспользовалась болезнью моего сына, злоупотребила его доверием, пыталась убить беспомощного во сне человека, а затем бежала от правосудия... Мое сердце болит при мысли о том, что она будет повешена, но кто приведет мне доводы против такого приговора?

— Пора! — шепнул Рихан.

И в тот же миг Югонна бросился вперед.

— Я! — закричал он.

— Что?! — Граф Гарлот грозно воззрился на него, словно готовясь и Югонну приговорить к смерти за то, что он пытается помешать правосудию. — Ты смеешь возражать мне?

— Простите, ваша милость, — ответил Югонна, — но я слышал вопрос, исходящий от вашей милости, и решился дать на него ответ.

— Что? — еще более грозно нахмурился граф. — Какой вопрос?

— Ваша милость спрашивали, кто возразит против смертного приговора для этой женщины, — громким голосом напомнил Югонна. — И я дал вашей милости ответ: «Я»!

— Ты? Ты готов возразить мне?

— Да.

— Полагаю, у тебя есть основания?

— Да, — снова ответил Югонна.

— Что ж, — граф с видимым усилием взял себя в руки и даже заставил себя улыбнуться, — послушаем. Время у нас еще есть. — И тут тень снова набежала на лицо Гарлота. — Погоди-ка... Не тот ли ты фокусник, что выступал вместе с этой потаскухой? Хоть ты и переоделся, и смыл с лица дурацкий грим, я узнал тебя! Это — второй преступник, сообщник! Человек, за которым гналась моя стража! Он здесь, и готов выступать!

— Ну так позвольте же мне говорить, — не растерялся Югонна. — Вот я в ваших руках, отлично. Я ведь никуда не убегу. Вы хотели схватить меня — я пришел сам и лично сдался на ваше правосудие. И теперь я прошу только об одном: дайте же мне наконец высказаться!

Под громкие выкрики: «Стой! Куда?» Рихан выбрался из толпы и предстал перед судилищем.

— А это кто? — спросил Гарлот.

Рихан молча поклонился.

Югонна усмехнулся:

— Это мой страж. Солдат, который схватил меня и привел сюда. Так что ваша милость может наградить его за расторопность и бдительность.

Гарлот прищурился, глядя на обоих, а затем перевел взгляд на Далесари. Женщина была очень бледна и казалась близкой к обмороку. Что касается Кернива, тот выглядел так, словно ничуть не сомневался в исходе дела. Легкая улыбка порхала на губах графского советника.

— Я знаю, — начал Югонна, — никто из вас не поверит мне, если я буду утверждать, что невиновен, и что эта женщина, моя жена, — тоже не совершила ничего, что было бы направлено против графа и графства. И уж конечно вы будете смеяться, если услышите, что наши действия служили лишь ко благу вашей земли. И тем не менее это так.

— Сказать что угодно можно! — донесся выкрик из толпы.

Югонна даже не повернул головы, чтобы посмотреть на кричавшего. Он заранее знал, что подобные вопли будут непременно.

— Это точно, — согласился Югонна. — Вот и господин Кернив об этом знает и потому болтает все подряд, что только ему в голову взбредет. Удивляюсь, что вы слушаете его, точно пророка. А вдруг он лжет?

— Не забывайся, фигляр, — предупредил граф Гарлот. — Я могу распорядиться казнить тебя и твою шлюху в любой момент.

— Моя жена не шлюха, хотя все остальное абсолютно точно, — сказал Югонна не моргнув глазом. — Но мое время еще не истекло, и я хотел бы продолжить.

— Оправдание стоит того, — кивнул Гарлот. — Хоть вы оба и внушаете мне сильное подозрение, скажу по правде.

— Я готов представить свидетеля, который не лжет и которого нельзя подкупить, — объявил Югонна.

— Таких свидетелей не существует, — презрительно сплюнул Кернив.

— А вот и нет!

И Югонна сделал знак Рихану. Тот сдернул чехол с того, что все считали щитом, и перед собранием предстало магическое зеркало. Кернив рванулся было к зеркалу, но в последний миг усилием воли удержался на месте и только растянул губы в насмешливой улыбке.

— Это украденное у меня зеркало, — объявил он. — У них хватает наглости похваляться своей воровской добычей.

— Никто не похваляется, — возразил Югонна, — разве что ты, почтенный Кернив. Это зеркало вовсе не принадлежит тебе. Оно — мое. Мое и этой женщины, моей жены. Многие из приближенных графа Гарлота могли видеть наше зеркало на представлениях.

— Магическое зеркало! — вспомнил Гарлот и внимательно посмотрел на Югонну. — Но если это так, то почему я должен верить тебе?

— Потому что зеркало не лжет. Оно отражает только то, что видит, — был ответ.

— Ты сам признал, чужестранец, что оно магическое, — продолжал настаивать граф. — А магия всегда сопряжена с обманом и иллюзией.

— Это так, — кивнул Югонна. — Но если наше зеркало обладает кое-какими магическими свойствами, то мы — моя жена и я — отнюдь не маги, поэтому не в нашей власти управлять этим зеркалом. Говорю же, оно отражает лишь то, что перед ним было. Я могу вызвать отражение, но не могу создать его.

— В твоих словах есть резон, — признал Гралот. — Что ж, дозволим тебе выступить! В конце концов, ты защищаешь свою жизнь и жизнь своей подруги, а такое дело требует времени и поддержки. Смерть необратима. Я могу освободить человека из заключения, если получу новые сведения касательно его невиновности, но я не в силах никого воскресить. Поэтому потратим время и выслушаем этого проходимца. Даже проходимцы иногда говорят дело.

— Не говоря уж о том, что они не заслуживают несправедливой казни, — спокойно добавил Югонна, и граф опять нахмурился: ему не нравилось то, с каким достоинством и как спокойно держится этот бродячий фокусник! Можно подумать, он считает себя, безродного фигляра, едва ли не ровней ему, графу Бенойка!

Югонна развернул зеркало так, чтобы граф мог видеть в нем отражение, и провел рукой над мутной поверхностью стекла. Туман тотчас рассеялся, и перед графом предстало отражение комнаты Цинфелина.

— Это спальня юного графа, — громко говорил Югонна, поворачивая зеркало попеременно во все стороны, дабы и прочие собравшиеся могли рассмотреть его. — Здесь, по словам самого Цинфелина, ему являлось видение прекрасной девушки, заключенной в узы. Ночь за ночью представала перед ним дивная пленница. Она плакала и умоляла спасти ее. Наш юный граф обладает добрым сердцем и пылким нравом. Он не мог спокойно созерцать эти картины. Но он не знал ни имени этой девушки, ни того, где разыскивать ее. И поэтому тоска поселилась в его душе и начала медленно убивать его...

— Поэтому он и заболел, — медленно проговорил Гарлот. Сейчас граф выглядел как человек, который только что очнулся от долгого забытья. — Поэтому он и выглядел безумцем. Ему не давала покоя эта картина...

— Совершенно верно, — кивнул Югонна.

Он протянул руку, делая знак своей жене, и Далесари повиновалась: она медленно приблизилась к мужу и прижалась к нему. Он обнял ее и продолжал говорить, сжимая плечо Далесари.

— Цинфелин тосковал и в то же время ни с кем не мог поделиться причиной своей тоски. Ему бы просто никто не поверил. Какая-то пленница? Ночное видение? Должно быть, обыкновенный сон, и все дело в том, что юному графу пора жениться. Вот и все, что мог он услышать от своих близких.

Рихан покраснел: Югонна попал в точку. Если бы Цинфелин раскрыл ему душу, Рихан именно это и посоветовал бы своему другу. «Пора тебе, дружище, перестать спать одному и взять в постель какую-нибудь добрую женщину. Глядишь — и девки мерещиться перестанут».

— Но откуда в комнате моего сына могло взяться это видение? — спросил Гарлот.

Югонна живо повернулся к нему и поклонился.

— Вот именно! — вскричал фокусник. — Откуда? Мы знаем, что такие зеркала, как наше, покрыты амальгамой, обладающей колдовским свойством запоминать и воспроизводить отражение. Но наше зеркало находилось при нас. Стало быть, в замке имеется еще одно, а кроме того, у кого-то была амальгама, которую он наносил на стену в комнате Цинфелина. И когда мы нашли следы этой амальгамы, полагаю, истинный преступник пробрался в покои Цинфелина и попытался вытереть стену. Иначе все стало бы слишком очевидно.

— Неправда! — сказал Кернив. — Такого не может быть!

— Но зеркало не в состоянии лгать, — возразил Югонна. — Оно, в отличие от человека, не может меняться. Оно таково, каким было создано изначально, и его природа неизменна. Оно отражает лишь то, что существует или существовало на самом деле.

— Подожди, — остановил Югонну граф Гарлот, — если верить твоим словам, то... То тогда получается, что и та прекрасная пленница, которая завладела сердцем моего сына, — она тоже существует в действительности?

Югонна кивнул.

— Именно так. И, полагаю, Цинфелин сейчас разыскивает ее.

— Митра! — простонал граф.

Тем временем Югонна снова провел рукой над зеркалом, и изображение в стекле изменилось: в спальне Цинфелина появился некий человек. Озираясь по сторонам, он начал водить кистью по стене, а затем растирать нечто ладонями. Приглядевшись, Гарлот узнал в этом человеке самого Кернива.

Изумленный, граф уставился на своего советника.

— Как вы объясните это?

— Ложь! — взвизгнул Кернив. — Неужели вы поверили этим негодяям? Они — воры и убийцы, и самое мудрое было бы отправить их на виселицу!

— Я уже сказал, что не сделаю этого, не разобравшись во всех хитросплетениях дела, — ответил граф, повышая голос. — Помните свое место, советник! Вы можете лишь давать мне рекомендации — и многие из них действительно были мудры и к месту, — но не имеете никакого права мне приказывать!

— Я настоятельно рекомендую вашему сиятельству казнить этих двух негодяев, — повторил Кернив.

Он закусил губу и отвернулся.

Второй «Кернив» — тот, что в зеркале, — продолжал повторять одни и те же движения, размазывая колдовскую амальгаму по стене в спальне наследника графства.

Собравшиеся, как завороженные, смотрели то на зеркало, то на самого Кернива. Многих поражал контраст между гордым лицом Кернива «во плоти» и вороватым выражением, которое это лицо вдруг обретало в отражении в колдовском зеркале.

И в этот самый миг на краю луга послышался громкий стук копыт, и пронзительный женский голос закричал:

— Это он!

* * *

Когда Конан и Цинфелин очутились в заколдованной башне, на винтовой лестнице, их окружила тьма. Киммериец хорошо видел в темноте и уверенно поднимался все выше и выше, а Цинфелин последовал за ним, ориентируясь по звуку шагов своего спутника, и старался не отставать. Призрачные воины остались внизу — они сражались с призрачными моряками.

— Сюда! — крикнул Конан. Он увидел наверху полоску света и устремился к ней.

Киммериец не сомневался в том, что пленница содержится в помещении, где должно быть достаточно светло. Ведь если она будет находиться в полной темноте, то ее отражение останется неразличимым для Цинфелина и будет попросту бесполезно.

Он увидел тяжелую дверь из массивного дерева, окованную железном. Дверь эта закрывалась на простой засов — не было даже замка.

А зачем здесь, в этой башне, какие-то замки? Никто посторонний не мог бы проникнуть сюда.

Конан радостно вскрикнул и устремился к двери. Цинфелин, задыхаясь и хватаясь за раненый бок, побежал за своим товарищем.

— Мы нашли ее! — вскрикнул юный граф.

Внезапно Конан остановился. Цинфелин налетел на него и едва не упал.

— Что с тобой? — спросил юноша. — Мы преодолели столько препятствий, и вдруг перед самой целью ты замираешь... Можно подумать, это ты взволнован предстоящей встречей, а не я...

— Здесь что-то не так, — прошептал Конан. — Я это чувствую. Какая-то ловушка.

— Брось! — возмутился граф. — Какая здесь может быть ловушка? Да будь у меня такая башня, в которую никто чужой не в состоянии войти, не стал бы я устраивать ловушки...

— Нет, подожди. Обидно погибнуть на пороге...

Конан оказался прав. Только сообразительность и стремительность варвара, да еще его привычка доверять своим диким инстинктам спасла ему жизнь. Откуда-то сверху на плечи Конана спрыгнуло огромное лохматое существо. Оно выпустило когти и вцепилось в руки Конана, а зубастой пастью нависло над его шеей.

— Кром! — взревел киммериец. — Цинфелин, сними с меня эту гадину!

Юный граф взмахнул мечом, стараясь нанести удар так, чтобы не повредить своему товарищу. Но это оказалось не так-то просто: Конан вместе с наседающей на него тварью все время вертелся и метался из стороны в сторону. Наконец киммериец с силой ударился о стену, и чудовище выпустило его из своей хватки. Оно упало на пол и откатилось в угол, но затем тотчас же вскочило на ноги, распрямившись, как пружина.

Цинфелин с ужасом увидел человекоподобную тварь с огромными круглыми глазами желтого цвета. Существо было покрыто бурой шерстью, его длинные руки свисали ниже колен. Негромко ворча, оно двинулось к киммерийцу. К ужасу Цинфелина, Конан рассмеялся и, отбросив меч, шагнул навстречу монстру.

Юный граф отошел в сторону. Он совершенно перестал понимать смысл происходящего. Только что, буквально на его глазах, киммериец окончательно расстался с «оболочкой» цивилизации и превратился в настоящего дикаря, совершенно под стать тому монстру, который оказался его противником.

Но как такое возможно? Ведь Конан только что держался как умный человек, хорошо разбирающийся в тонкостях человеческих взаимоотношений и даже как будто не чуждый придворных условностей. И вот перед потрясенным Цинфелином — два диких существа, готовых схлестнуться в битве не на жизнь, а на смерть.

Из горла киммерийца вырвалось рычание. Шерсть на загривке монстра поднялась дыбом. Конан чуть присел и бросился на лохматую тварь. Они вцепились друг другу в глотки и покатились по полу. Они бились молча, как два хищника за добычу.

Несколько раз Цинфелину хотелось вмешаться и покончить с лохматой тварью одним ударом. Ему казалось — вот самый удачный момент, чтобы вонзить меч в косматую спину между лопатками. Но мгновение — и там, где извивался и норовил загрызть соперника монстр, оказывался киммериец.

Конан вывернулся из железной хватки монстра и отбежал к стене. Двигаясь боком и подпрыгивая, монстр приблизился к киммерийцу и протянул длинные лапы, норовя снова ухватить противника.

Конан присел, и удар когтистых пальцев пришелся у киммерийца над головой.

Метнувшись вперед, Конан ударил врага головой в живот. Тот согнулся пополам, и тут Цинфелин наконец изловчился и вонзил кинжал, который сжимал в левой руке, чудищу в основание шеи.

Получеловек захрипел. Конан оттолкнул его от себя и швырнул на пол. Истекая кровью, монстр забился на холодных камнях. Конан перевел взгляд на Цинфелина, и молодой человек с удивлением понял, что киммериец улыбается.

Поначалу лицо варвара было искажено дикой ухмылкой, но чем дольше Цинфелин смотрел на своего товарища, тем более человеческой становилась его улыбка.

Наконец Конан тяжело перевел дыхание.

— Долго же ты решался сделать это, Цинфелин!

— Мне показалось, ты хочешь расправиться с ним сам и голыми руками, — возразил Цинфелин, поглядывая на Конана с легкой опаской.

Киммериец расхохотался и подобрал свой меч.

— Честный бой — это прекрасно, Цинфелин, но не в том случае, когда из-за нашего благородства страдает беззащитный человек. Ты еще не забыл о том, кто находится за этой дверью?

Цинфелин побледнел.

— Не слишком ли ты быстро меняешь настроение? Я не успеваю за тобой!

— Я всего лишь хотел убедиться в том, что эту дверь действительно никто не охраняет, — возразил киммериец. — И теперь, когда это действительно так, — он глянул на косматое тело, скорчившееся в луже крови на полу, — нам остается лишь отодвинуть засов.

Цинфелин, не веря, протянул руку к задвижке. Она отодвинулась со скрежетом, дверь медленно отворилась, и молодой человек очутился в комнате, которую так часто видел, находясь в горячечном бреду у себя в спальне, в замке, за день пути отсюда.

Свет попадал в комнату из узкого окна, прорезанного над потолком. Юная девушка с темно-каштановыми волосами — в видениях они казались немного другого оттенка, — стояла возле стены и расширенными глазами смотрела на вошедших. Она показалась Цинфелину тысячекратно прекрасней того явления, что не давало ему покоя столько времени. И тем страшнее выглядели тяжелая ржавая цепь и обручи, что охватывали ее шею, запястья и щиколотки.

Цинфелин бросился к ней и схватил ее за руку. Она закрыла глаза и прижалась к стене.

— Ты боишься? — тихо спросил Цинфелин. — Но чего? Я с тобой! Я здесь, я пришел, чтобы спасти тебя!

Она тихо покачала головой.

— Исчезни... Он нашел новый способ мучить меня. Я не знаю, как он это сделал... и никогда не узнаю. Но у него ничего не получится. Я не стану радос-

тно бросаться тебе на шею только ради того, чтобы ты растаял в полумраке и оказался иллюзией... как многое другое до тебя.

— Нет, нет! — в отчаянии закричал Цинфелин. — Нет, я настоящий! Я пришел освободить тебя!

— Я не верю, — сказала пленница.

— Ну вот что, — вмешался Конан, — нежности, благодарности, поцелуи и прочие приятные штуки — это потом, а пока, Цинфелин, отойди от нее. Как бы мне вас обоих не покалечить.

Он показал тяжелый молот, который неведомо как очутился у него в руках. Заметив удивленный взгляд Цинфелина, киммериец хмыкнул:

— Лежал у входа. А ты, конечно, не заметил. Что ты вообще можешь заметить, когда здесь — она...

Цинфелин повиновался своему старшему другу и отошел в сторону. Конан оглядел девушку с головы до ног.

— Он тебя совсем не кормил, — проворчал киммериец. — Кожа да кости. Не понимаю, что нашел в тебе Цинфелин. Наверное, он провидец и может угадать, какой ты станешь, если тебя хорошенько откормить. Полагаю, ты любишь свинину, нашпигованную чесноком... впрочем, это не мое дело. Держи руки неподвижно. Подними их над головой, прижми к стене и не шевелись, даже если тебе покажется, что я вот-вот разможжу тебе голову. Ты все поняла?

— Я привыкла повиноваться, — тихо отозвалась пленница.

— Заметь, Цинфелин, — обратился Конан к юноше, — меня она иллюзией не считает.

— Ты слишком похож на палача, чтобы казаться иллюзией, — огрызнулся Цинфелин.

— Неблагодарный, как, впрочем, и все знатные юнцы, — вздохнул Конан и принялся сбивать железные «браслеты» с рук пленницы. Затем настал черед ее щиколоток, а после — и ошейника. Наконец, освобожденная, она рухнула в объятия киммерийца, и он обхватил ее своими могучими ручищами.

— Так это все происходит на самом деле! — заплакала она.

— Ну конечно на самом деле, — утешительно произнес Конан и положил ладонь ей на голову. — Надеюсь, сейчас за нами никто не следит.

— Нет, — отозвалась девушка. — В комнате никого нет. Я всегда чувствую, когда ОН смотрит в зеркало.

— ОН? — нахмурился Конан.

— Мой мучитель...

— Кто ты? — спросил Конан. — Ты помнишь свое имя?

— Лизерана... Так называла меня мать. И еще кормилица. У меня была добрая кормилица... Наверное, она сейчас уже умерла.

Цинфелин решительно отстранил Конана от девушки и заговорил с ней сам.

— Ты можешь идти?

— Идти? — вмешался Конан. — Нам придется скакать верхом!

— Она такая легкая! — откликнулся Цинфелин. — Я возьму ее в седло, конь даже не заметит, что всадников двое.

— Я бы на твоем месте не строил иллюзий, — проворчал Конан. — Некоторые дамы только выглядят хрупкими, а как усадишь их на лошадь — бедная скотина аж приседает от тяжести.

Цинфелин не без удивления понял, что киммериец немало растроган случившимся и под напускной грубостью пытается скрыть свои чувства. Что ж, еще один признак цивилизованного человека. О чем самому Конану, разумеется, лучше не говорить.

Цинфелин взял девушку за руку и повел из комнаты, где она провела столько горьких зим.

— Как я выгляжу? — шепнула она на ухо своему спасителю.

— Ты прекрасна, — ответил он.

«Стало быть, с нею все в порядке, — отметил Конан, слышавший этот краткий диалог. — Только умирающая женщина не интересуется своей внешностью... Впрочем, знавал я и нескольких, которые беспокоились об этом даже на краю могилы...»

— Я не видела своего отражения с детских зим, — призналась Лизерана. — Все, что показывали мне зеркала, были другие люди. И... и еще ты. Я видела, как ты хворал, как ты был болен, как ты умирал... Всеми силами я пыталась помочь тебе.

— Помочь? О великий Митра! — удивленно воскликнул Цинфелин. — Ты, беспомощная, измученная пленница — пыталась помочь мне, избалованному графскому сынку?

Они начали медленно спускаться по лестнице. Лизерана спотыкалась на каждой ступеньке.

Цинфелин боялся даже думать о том, что может ожидать их внизу. Однако весь путь они проделали, не встретив никаких препятствий. Башня была пуста.

Они выбрались наружу и оглянулись. Ничего зловещего теперь не ощущалось в этой местности. Просто пролив, чайки в небесах, серые волны — и пустая башня с зияющим входом на том месте, где когда-то стояли ворота.

Кони паслись над обрывом, пощипывая траву, что росла на склоне холма.

— Едем, — бросил киммериец, устремляясь туда...

* * *

— Это он, он! — вне себя кричала Лизерана. Она сидела на коне в седле перед Цинфелином. Ее длинное платье развевалось, ветер трепал ее волосы. Цинфелин крепко удерживал ее за талию, а девушка протягивала руку к Керниву в обвиняющем жесте.

Всадники ворвались на Поля Правосудия и двинулись прямо к заграждению. Граф Гарлот повернулся к ним и застыл, неподвижно глядя на своего сына, на незнакомую девушку в седле и на рослого варвара с мечом за плечами.

— Расступитесь! Дорогу Цинфелину! — кричал Конан, орудуя кулаками чтобы вразумить наименее сообразительных.

Люди шарахались в стороны, позволяя всадникам проехать. Гарлот не проронил ни слова, не сделал ни жеста. Он просто позволил своему сыну действовать — и молча ждал, желая увидеть, что же тот намерен предпринять.

Возле заграждения всадники спешились, и Цинфелин вместе с девушкой перебрался внутрь, туда, куда допускались только избранные. Конан следовал за ним шаг в шаг. Он ни на мгновение не отрывал глаз от Кернива.

«Хвала всем богам! — подумал Югонна. — Но как же вовремя они приехали! Можно подумать, они нарочно подгадали миг своего появления!»

Лизерана остановилась перед Кернивом и еще раз указала на него рукой, а затем повернулась к Гарлоту и громко, отчетливо произнесла:

— Это он! Он — тот человек, который похитил меня, который держал меня в плену, мучил ради собственных низких прихотей — человек, который задумал погубить вашего сына!

— Это правда, отец, — вмешался Цинфелин.

— Но каким образом? — спросил граф.

— Я видел ее в зеркалах... в тех самых зеркалах, которые держит у себя Кернив. Вот зачем эти двое фокусников забрались в спальню к вашему советнику, отец! Они искали доказательства — и они нашли его!

— Да! — вдруг «ожила» Далесари. — Все было именно так, как говорит графский сын! Мы видели следы амальгамы, которую Кернив наносил на стены спальни Цинфелина, мы видели, куда ведет этот след, мы нашли второе волшебное зеркало. Все именно так! Вот почему Кернив так яростно добивается нашей смерти!

— Нет! — вскричал Кернив. — Умри, проклятая ведьма!

Он выхватил из своего широкого рукава кинжал и набросился на Далесари. Все произошло в считаные мгновения. Никто из собравшихся не успел ни удержать Кернива, ни оттолкнуть Далесари в сторону, ни даже просто вскрикнуть от ужаса. Нож вонзился в ямку у основания шеи молодой женщины.

И... ничего не произошло. Далесари продолжала стоять и уверенно улыбаться. Кернив отдернул руку и огляделся по сторонам с таким вороватым видом, что Гарлот внезапно понял: граф Бенойка никогда по-настоящему не знал своего главного советника. Человек с подобным выражением лица не может быть никем, кроме низкого интригана и предателя.

Вокруг зашумели.

— Что это значит? — вопросил Гарлот, сурово глядя на съежившегося советника. — Кажется, вы пытались убить эту женщину? Кто дал вам право выносить ей смертный приговор и приводить этот приговор в исполнение — да еще у меня на глазах?

Кернив молчал. Его игра была окончена. То, что он принял за Далесари, исчезло, растворилось в воздухе, а настоящая Далесари выступила из-за широкой спины Конана, куда спряталась за мгновение перед тем.

— Вы видели, как создаются иллюзии, — громким голосом произнес Югонна. — Это произошло у вас на глазах. Зеркало отразило и повторило то, что уже существовало на самом деле, — в данном случае образ моей жены. Кернив показывал графу Цинфелину другую женщину... Женщину, которая страдала по его вине!

Лизерана преклонила перед Гарлотом колени.

— Я обвиняю этого человека в том, что он украл... украл мое детство! Он держал меня в заточении, он пользовался мною для того, чтобы терзать душу Цинфелина! По его вине в слезах зачахли мои родители, и одним только богам известно, что сталось с моей доброй няней.

— Я знаю, где она, — подала голос Далесари. — Она жива, и в нашей власти ее освободить... Ее осудили за участие в похищении этой юной девушки, — обратилась Далесари к графу. — Но теперь, когда все разрешилось...

Гарлот поднял руку.

— Мне отвратительно слушать все эти подробности, — проговорил он так, чтобы его голос гремел на все Поля Правосудия. — И я прекращаю суд. Все ясно, и все решено. Преступник сам изобличил себя. Я сожалею лишь об одном: о том, что допустил сюда женщин. Все случившееся — не для их нежных глаз и ушей.

«Да, он мечтатель, — опять подумал Югонна, с восторгом глядя на графа. — А это означает, что скоро здесь будут устроены грандиозные празднества по случаю свадьбы Цинфелина. И нам с Далесари не худо бы задержаться. Может быть, осчастливленный юноша вспомнит о тех, кто ему помог, и в свою очередь поможет нам достать хороший корабль...»

КОНАН И ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Дочь песочного царя

Тем летом в Хоршемише было много приезжих: изящные аквилонцы, высокомерные и подтянутые бритунцы, молчаливые и загадочные жители Кхитая, дикие наездники гирканских степей... Приезжие образовали на улицах города особую расу, удивительную своим внешним разнообразием и некоей внутренней общностью, особенно в глазах коренных обитателей Хоршемиша.

Пестрая толпа день деньской кипела на площадях, несмотря на жару. Торговцы водой сбивались с ног. Хозяева постоялых дворов стонали и рвали волосы на головах своих, коря себя за то, что не выстроили огромных, многоэтажных гостиниц — то-то велика была бы теперь выручка! Увы, свободных мест давно не осталось, а приезжие все прибывали и прибывали.

Лошади, мулы, двугорбые бактрианы и дромадеры, отличавшиеся злобным нравом, шершавые от линьки ослы и лоснящиеся верховые буйволы — все это ржало, мычало, орало, требовало корма и производило страшное количество навоза.

Оруженосцы, наемные слуги, телохранители и рабы осаждали продовольственные лавки, с утра раскупая весь дневной запас фруктов, сладостей и вина. Их хозяева просыпались около полудня и покидали странноприимные дома в самое жаркое время дня, чтобы толкаться на ярмарочных площадях, глазеть на прилавки, торговаться и спорить.

Здесь были деловые люди всех возможных видов: негоцианты, купцы, барышники и попросту торгаши. Были и вельможи — послы от различных, больших и малых, дворов. К таковым причислял себя даже сын гирканского князька, весьма колоритный молодой человек, небольшого роста, кривоногий, ладно сбитый, с горящими глазами, крючковатым носом, серьгой в ухе и копной сальных волос. С какой миссией он прибыл в Хореазм, так никто и не узнал, но держался гирканец гордо, заносчиво, поигрывал нагайкой и сверлил всех вокруг орлиным взором.

Встречались в изобилии и просто знатные господа неопределенных занятий. Эти хоть и отличались между собой оттенком кожи или покроем одежды,

но все же походили друг на друга до черезвычайности — рассеянным видом, отрешенным выражением лица и холодной учтивостью манер.

Впрочем, среди них попадались совсем молодые люди, которые непрочь были и победокурить. Они владели городом по ночам.

Прежде — благопристойный и сонный, как и положено городу после первой ночной стражи, Хоршемиш теперь гудел до утра. В тавернах, где еще совсем недавно степенные мужи вдумчиво курили кальяны и созерцали плавные движения танцовщиц, теперь до самого рассвета звучал хохот, звон стаканов и кубков. Музыканты словно сошли с ума — их флейты надрывно визжали, захлебывались барабаны, домбры звенели лопнувшими струнами. Танцовщицы плясали нечто оргиастическое, обнажаясь свыше приличий, и распаленные гуляки осыпали их золотом.

Рыцарь Бернегард принадлежал к последней категории приезжих. Зим ему было едва ли двадцать, сам он был высок ростом, а лицом — пригож. Такие лица к тридцати зимам утрачивают смазливость, делаются либо скучными и обрюзгшими, либо задумчивыми. Но в двадцать они привлекают женщин, если не правильностью черт, то чистотой и свежестью.

Отец его, в ту пору еще здравствовавший, владел крупными поместьями, десятком замков в Аквилонии, серебряными шахтами и лесными угодьями, простиравшимися чуть не за край вселенной. Богатство семьи было настолько велико, что Бернегард никогда не брал с собой в путешествия больших денег — в любом угодке мира находился ростовщик, и не один, готовый услужить за проценты столь перспективному наследнику. Таким образом он не нуждался ни в чем, кроме увеселений и развлечений. Именно эта нужда и влекла его в странствия.

Впрочем, он обладал счастливым складом души — его развлекали не только плясуньи и кулачные бои. Юный Бернегард с любопытством разглядывал незнакомые лица, чужие города, горные вершины, уходящие в небо, и морские волны, облизывающие побережье. В Хореазм он приехал из-за ярмарки, славящейся обилием редких товаров, иной раз даже волшебных.

Ярмарка случалась ежегодно, но последние пятьдесят зим непрерывной чередой шли войны, отчего нравы людей портились, торговля хирела, а дороги и проезжие тракты кишели разбойниками и мародерами. В силу этих причин ярмарки проходили скромно, во всяком случае, по сравнению с нынешней. Но войны иссякли, и люди вздохнули с облегчением. Самые умные из них понимали, конечно, что любому перемирию наступает конец, и вечного мира быть не может на земле, но время затишья воспринималось всеми, как дар богов.

Бернегард неспешно прогуливался по рядам, где были выставлены товары, связанные с колдовством. Настоящей магии, с ее зловещими секретами, интересущими лишь посвященных, практически не было. То есть, конечно она имелась, но не напоказ, как водится, а в укромных шатрах, или в тайных жилищах колдунов, куда находили дорогу только проверенные клиенты.

Здесь же, на ярмарке, пользовались интересом товары более широкого спроса: составы для фейерверков, бумажные кхитайские птицы, умеющие летать, говорящие куклы из дерева и фарфора, волшебные духи и прочие снадобья, до которых весьма охоч прекрасный пол.

Целый ряд был отдан торговцам амулетами: от сглаза и порчи, для усиления мужской силы, для удачи при игре в кости... Некоторые амулеты представляли собой настоящие произведения искуства, и Бернегард удивлялся, почему они выставлены тут, а не в ювелирных рядах. А иные — напротив, поражали грубостью работы, словно неумелый дикарь мастерил их своими заскорузлыми ручищами, более привычными к каменному топору и суковатой дубине.

Забавно, но именно эти неказистые творения пользовались наибольшим спросом. В вопросах волшбы люди склонны доверять исконному, древнему, бесхитростному... Бернегард догадывался, что умельцы из народа давно умеют подделывать «древние» амулеты, и самому старому из лежащих теперь на прилавке — зима, от силы две.

Забавно было смотреть на торговцев, наблюдать за их повадками. Попадались, конечно, и скучные, из тех, кто не любит своего товара, а на покупателей взирает с брезгливым негодованием. Такие встречаются на любом рынке, и не важно чем они торгуют. Вне зависимости от рода, происхождения и качества товара, у купца — неизменно тухлое выражение лица. Он воистину способен продать прекрасную наложницу так, словно она — мешок окаменевшей репы.

А встречались Бернегарду и другие, влюбленные в ремесло торговца. Эти напротив, мешок репы продадут так, словно в нем не овощи, а красавица-полонянка. Такие всегда действуют с выдумкой, с огоньком, и всякий — по своему. Один изображает рубаху-парня, балагурит, заразительно смеется и жестикулирует так, словно от природы владеет языком глухих. Другой развернет перед покупателем штуку материи и погладит ткань расопыренными пальцами, а покупатель видит, будто под тканью не плоский прилавок, а женское бедро самых сообразительных очертаний.

Третий — любимец женщин. Он стоит за прилавком так изящно, взгляд у него такой томный, что сам он выглядит собственным товаром. Покупательницы млеют. Единственный способ задержаться рядом с этаким красавцем — купить это, и то, и вон то впридачу, а можно посмотреть другое, ах, какая прелесть, заверните за отдельную плату, можно — в три слоя...

Торговец, привлекший внимание Бернегарда, принадлежал к самой любопытной категории. Он весь состоял из таинственности. Загадка пряталась в складках его длинного серого плаща, слишком теплого для этого климата, она таилась под капюшоном, покрывавшем голову... Из длинных, широких рукавов высовывались только кончики пальцев, смуглых и проворных.

Таинственный тороговец не зазывал любопытных к своему прилавку, не вступал в разговоры. Он стоял и ждал, словно ему было известно, что самый

главный и важный его клиент вот-вот появится из толпы и сам подойдет к нему.

Кому-то молчаливая фигура, закутаная в серый плащ, да еще и с закрытым лицом, показалась бы мрачной и даже отталкивающей. Но Бернегард, как большинство здоровых молодых людей, обладал крепкими нервами и не боялся тайн и загадок. Напротив, они сулили ему приключения, то есть самый действенный способ развлечься. Поэтому, разглядев как следует необычного торговца, юноша подошел к нему вплотную и с живым любопытством стал изучать содержимое его прилавка.

Это были карты. Пергаментные, папирусные, и даже нарисованные на кхитайской прозрачной бумаге. Новые, еще пахнущие красками, и старые, основательно вытертые. Ярко раскрашенные во множество цветов и оттенков, каждый из которых имеет отдельное значение, и монотонные, начертанные некогда черной тушью, каковая давно успела выгореть до неопределенного буроватого колора.

При виде заинтересованного покупателя, явно способного выложить кучу денег, торговец не выказал никаких чувств. В первое мгновение это задело юного Беренгарда, но почти сразу он почувствовал, что загадочный незнакомец пристально вглядывается в него из-под своего капюшона.

Бернегард не был большим мудрецом, но в свои невеликие годы обладал достаточной интуицией, чтобы понять: следует принять правила игры, не пытаясь постичь их смысла. Иначе странный торговец останется только торговцем, а карты на его прилавке — только картами, и приключение пройдет стороной.

Он продолжил рассматривать товар. Большие карты лежали на прилавке в виде плотных свитков, и их нужно было развернуть, чтобы перед глазами возникли другие земли, и пахнуло ароматом странствий. А между ними располагались маленькие, не шире ладони; эти были уже развернуты. Одна из таких карт представляла собой совершенно явный фрагмент, неровно вырезанный из середины целого.

— Забавно, — сказал Беренгард, дотрагиваясь до него пальцем.

Торговец продолжал молчать, даже плечами не пожал.

— Интересно, где и у кого остальные кусочки этой карты, — продолжил юноша. — Дорого бы я дал, чтобы узнать это.

— И прогадали бы, — наконец подал голос неизвестный. — Это можно узнать и бесплатно. Прямо здесь.

— Так у кого же они? — продолжил настаивать Бернегард .

— У меня, — отвечал торговец и совершенно неожиданно разразился смехом. Смех был ему под стать — глухой, хрипловатый, доносящийся словно из сырого подвала, запертого на тяжелый замок.

— Какой смысл продавать карту по частям? — удивился молодой человек. — Разве только для привлечения глупцов, способных поверить в байку о кладе, зарытом невесть где.

Торговец рассмеялся снова.

— В таких глупцах не бывает недостатка, — заметил он. — Однако причина не в этом.

— Так в чем же она? — Бернегард начал уже проявлять признаки нетерпения.

На его взгляд, игра подзатянулась. Если загадочному незнакомцу неинтересен он, как таковой, то почему торговец не даст понять это в ясных выражениях? А если напротив, то пора бы уже перейти к делу!

Человек в капюшоне не спеша огляделся по сторонам. Близился вечер, постепенно толпа расточалась, торговля сворачивалась. Пестрые навесы над прилавками, устроенные на манер кочевых шатров, разбирались, столы пустели. К площади стекались побирушки, за «законной» долей мирских радостей.

— Я объясню тебе, рыцарь, — произнес наконец неизвестный. — Только не думаю, что наша встреча принесет тебе удачу.

— Об этом наверняка никто знать не может, — сказал Бернегард. — Своей удачей распоряжаюсь я сам. Так что выкладывай, в чем тут дело, а там уж посмотрим.

Торговец приглашающе махнул своим широким рукавом и отступил в глубь своего навеса. Там обнаружились плетеные кресла, на одно их которых Бернегард уселся с видом хозяина положения, и приготовился слушать.

* * *

Приблизительно в это самое время Конан из Киммерии проснулся в комнате девицы по имени Айгуль.

Он прибыл в Хоршемиш, когда свободных мест на постоялых дворах уже не было. Даже в самых просторных гостиницах постояльцы занимали впятером комнаты, предназначенные для одного жильца, а те, что попроще спали на крышах, в кухнях и угольных ямах.

Киммериец привык заботиться о ночлеге только в походных условиях. «В городе, — рассуждал он, — даже в самом паршивом, всегда найдется койка для такого славного парня, как я!»

Из личного опыта неунывающий варавар хорошо знал, что такая койка редко бывает пустой — в ней, как правило, обнаруживается еще и женщина, готовая согреть и приютить «славного парня». А при всех недостатках своего варварского воспитания, Конан относился к женщинам с должным вниманием и не любил их разочаровывать.

Верный себе и своим привычкам, по приезде в Хоршемиш киммериец не стал обивать пороги гостиниц. Целый день и добрую половину ночи он слонялся по городу, являя собой законченый портрет провинциального зеваки. Несмотря на суровый образ жизни, в глубине души он и был провинциальным зевакой, охочим до зрелищ и всяких удивительных вещей. Трудно предполо-

жить такое, но тем не менее — могучее тело воина, закаленного в боях, облекало душу ребенка, не успевшего повзрослеть.

А зрелищ в городе было предостаточно. К примеру, кулачные бои. Варвар понимал в этом толк. Выступления профессиональных бойцов привели его в восторг. Конечно, он знал, как никто другой — в настоящей рукопашной схватке люди дерутся совсем не так... Но красота и точность поставленных движений и тренированная пластика тел заслужили его одобрение, которое он выражал весьма шумно.

Потом выступали любители, то есть те, кто из азарта или желания подзаработать способны лупцевать ближнего своего и получать от него сдачу той же монетой. Это было менее интересно.

Бои должны были продожаться еще четыре дня, и Конан решил: если не подвернется ничего более интересного, он и сам тряхнет стариной.

После кулачного боя варвар созерцал выступления гимнастов и акробатов. Было на что посмотреть.

Между двумя высокими башнями, стоявшими на площади Трех Фонтанов, протянули канат, казавшийся снизу не толще нитки. А когда солнце чуть опустилось в сторону горизонта, канат и вовсе пропал из вида.

Акробаты выступали в одежде, расшитой блестками и крупными побрякушками. Закатные лучи ярко вспыхивали на украшениях, и казалось, фигурки канатоходцев, как бы парящие в воздухе, принадлежат сказочным существам из мира снов и видений.

А внизу, под барабанный бой и скрипящие виолы, гимнасты ходили колесом, перебрасывались булавами, жонглировали факелами... Глотатели мечей, впрочем, Конану не понравились. В этом была какая-то насмешка над благородной холодной сталью. «К тому же, если каждый вздумает поедать оружие, в мире настанут тяжелые времена» — так думал киммериец со всей искренностью.

Конану стоило больших трудов постоянно напоминать себе, что он в Хоршемише по делу. По какому именно — варвар и сам пока сказать не мог. Но одно он знал точно — следует держать ухо востро, а нос — по ветру, иначе приключение выпадет на долю кого-нибудь другого, более внимательного и удачливого.

Любовь Конана к приключениям имела весьма простое объяснение. Приключения кормили его и составляли смысл его существования. Если бы ему просто нужны были бы деньги, он давно воспользовался бы толчеей и посрезал кошельки у всех ротозеев на расстоянии вытянутой руки. А руки у варвара были длинные.

Нет, требовалось нечто такое, о чем потом говорили бы во всех тавернах, нечто дерзкое и грандиозное по замыслу и фейеричное по исполнению.

Глядя на акробатов, Конан вспомнил Зонару — давнюю свою подругу и великолепного товарища. Она была воровкой высочайшего класса, и при этом — акробаткой, что облегчало ей доступ в дома с высокими стенами. Время от вре-

мени до Конана добирались слухи о том, что Зонару поймали с поличным и казнили каким нибудь ужасным способом. Если верить молве, ее многократно сажали на кол, четвертовали, сжигали на костре, и несчетное количество раз обезглавливали. Но леденящие душу подробности оказывались досужим вымыслом. Зонаре неизменно удавалось выкрутиться из самых опасных ситуаций. А такие мелочи, как публичная порка за мелкое мошенничество, были настолько заурядным событием, что Зонара даже и не думала роптать на свою судьбу.

Она-то хорошо знала секрет удачи. Уж ей то не пришлось бы ломать голову, в попытке измыслить очередное грандиозное предприятие. Конан был бы рад встретить ее на улицах Хоршемиша. К тому же, Зонара — привлекательная женщина, многоопытная и неутомимая во всем, что так или иначе касается телесной любви...

Размышляя об этом, Конан ощутил голод. Ему хотелось мяса, вина и женщины.

Но в городе было слишком много народа. Из-за этого казалось, что все вокруг происходит быстрее, чем обычно бывает, лица мелькали перед глазами, мысли путались в голове.

В конце концов варвар и сам не заметил, как оказался в глухом проулке из тех, что считаются «нехорошими» и обходятся стороной добропорядочными людьми.

Было уже заполночь. В животе у Конана урчало. Другой на его месте уже отчаялся бы, но в киммериец чувствовал, что не зря ноги сами привели его в это мрачноватое место.

И в самом деле: не успел варвар сделать несколько шагов, как до его слуха донеслись женские крики.

Только опытный слух может различить истинную причину женского крика. Женщина кричит от злости, когда подозревает мужчину в неверности. Кричит она и от наслаждения, да так, что в пору подумать, будто ее режут.

Эта женщина кричала от страха. Ей требовалась помощь. В этом Конан убедился, когда приблизился к подворотне.

Грабителей было трое. Двое пытались сорвать со своей жертвы халат и покрывало, а третий, справедливо рассудив, что его помощь ни к чему, стоял у самого входа в подворотню, посматривая, не идет ли стража.

У нападавших имелись ножи, но они только размахивали ими, опасаясь испортить одежду женщины. Это снизило бы ее цену.

Женщина боялась ножей и вопила во все горло, но при этом не выпускала из рук своего покрывала, не желая расставаться с ним ни за что на свете. Она была молода — это Конан разглядел хорошо, — и стройна, как большинство женщин Хоршемиша. А судя по выражениям, которые она отпускала в адрес грабителей, родиться ей довелось где нибудь в окрестных трущобах.

Когда третий грабитель, стоявший на посту, заметил Конана, было уже поздно — он ничего не успел предпринять. Тяжелый кулак киммерийца опус-

тился ему на макушку, и разбойник, крякнув от неожиданности, рухнул, где стоял.

Двое его сообщников отпустили женщину, и та, не успев восстановить равновесие, отлетела в сторону и ударилась о стену.

— Кто ты такой? — спросил один из них, поигрывая ножом. Он был трус, и столкнувшись с сильным мужчиной, пытался выиграть время и избежать рукопашной.

— Я — разбойник, — сказал Конан, ухмыляясь. — Давайте сюда ваши кошельки и идите себе с миром, добрые люди.

Видя, что грозный варвар не обнажает меча, но при этом продолжает наступать, лениво поигрывая мышцами, грабители решили действовать. Они бросились на Конана, стремясь обойти его с двух сторон.

Для того, чтобы орудовать ножом без риска, нужно находиться вплотную к противнику, не позволяя ему сохранять дистанцию.

Конан и сам пользовался подобной тактикой и посему знал, как следует поступить. Вместо того, чтобы попятиться, варвар рванулся вперед, проскочил мимо нападавших и, ухватив одного из них за руку, вывернул ее из сустава. Грабитель взвыл, уронил нож, и когда Конан разжал хватку, сразу повалился наземь.

— Сдаюсь, ты — сильнее, — признал третий, бросил свое оружие и мгновенно исчез в темноте, предоставив своим сообщникам вкусить всю горечь поражения.

В тощих кошельках поверженных нашлось четыре серебрянных монеты, старых и истертых.

Женщина стояла у стены и, васхлипывая, смотрела на своего избавителя.

— Ты не убежала, — заметил киммериец. — Это хорошо.

Таким вот незамысловатым образом Конан и нашел себе ночлег. Айгуль обитала в полуразвалившемся доме, занятом несколькими семьями. Жители его подразделялись на несколько категорий. Во-первых — мужчины, лентяи, неудачники и мечтатели. Во-вторых — их жены, особы сварливые, решительные и сильные духом. В-третьих — девицы неопределенных занятий и свободной морали, к которым относилась и Айгуль. А в-четвертых — огромная армия сорванцов, славных потомков первых двух категорий.

Конечно, Айгуль не колебалась ни мгновения. Мужчина, спасший ее от грабителей, производил впечатление. Такого рослого и сильного приятеля у девушки еще не было.

Комната Айгуль, бедно обставленная, но чистенькая, показалась киммерийцу уютной. К тому же, многодневная усталость взяла свое. После скромного ужина и любовных утех, скорее — простодушных, чем изощренных, варвар уснул, и его громовой храп прокатился по всему дому.

Когда он проснулся, а было это только на следующий вечер, Айгуль в комнате не оказалось. На столе Конан нашел свежую лепешку, несколько кусков

мяса, завернутого в виноградные листья, и полкувшина светлого пива. Многоопытная Айгуль знала, что нужно мужчине.

Чобы расправиться с закуской, Конану не потребовалось много времени. Потом он присел на подоконник с кувшином в руке, и собрался насладиться напитком, как вдруг нечто в глубине сада привлекло его внимание.

Сад был запущен и дик. Между деревьями, по большей части — яблоневыми, тянулись веревки для сушки неказистого белья. Кустарник разросся так пышно, что дети обычно играли в нем, воображая себя в джунглях.

Но сейчас там прятались не дети. Двое мужчин, вполне взрослых, расчитывая на то, что их не видно со стороны улицы, вели там беседу. Одному из них приходилось, из соображений предосторожности, все время умерять силу своего голоса. Тем не менее, то что он говорил, долетало до ушей варвара так же просто, как почтовый голубь долетает до родной голубятни.

— Сейчас еще рано, — горячился этот человек. — Не беспокойся. Я знаю, как нужно убивать. Этот человек постоянно окружен знакомыми, а то и просто пребывает у всех на виду. Нам ни к чему свидетели.

Его собеседник проговорил что-то свистящим шепотом.

— Или я работаю, как считаю нужным, или ты ищешь себе другого исполнителя, — сказал первый. — Только не расчитывай на мою совесть. Аванса я не верну.

«Это любопытно, — подумал Конан. — Интересно, что за бедолага, судьбу которого уже решили эти негодяи?»

Убийство в честном бою представлялось киммерийцу обычнейшим делом. Ничто так не забавляет, как сама смерть, пляшущая на остриях клинков. Но к наемным убийцам варвар испытывал глубочайшее омерзение, потому что главным оружием этих людей является не клинок, а подлость. Убийцами по найму обычно становятся люди, обделенные доблестью, но жаждущие чужой крови. Такие почитают себя отчаянными малыми, но чтобы подкрасться к человеку, не ожидающему удара, и пырнуть его в спину, не нужно ни смелости, ни силы.

— Пойми, если его зарежут, как барана, то рано или поздно люди подумают: а кому это было выгодно? Может, тебе и удастся откупиться от судей, но какой ценой? — снова заговорил неизвестный. — Не окажется ли она слишком высока для тебя?

— Это верно, — пробормотал Конан, — продажные судьи обходятся дороже убийц.

— Я знаю, о чем ты подумал, — убийца хмыкнул и похлопал своего собеседника по плечу. — Боишься, что я стану вымогать у тебя деньги, пользуясь тем, что мне известно. Спешу уверить тебя, ты ошибаешься. Нужно быть глупцом, чтобы идти в суд и говорить там: « Я убил за деньги, по просьбе господина такого-то.» Мне никто не поверит, и я окажусь на виселице, в совершенном одиночестве. Кроме того, способ, которым я собираюсь выполнить твой заказ, делает такое признание бессмысленным. Твой знакомый исчезнет без вести.

Никто и никогда не найдет его тела. Спустя небольшое время ты сможешь распоряжаться его деньгами, как своими, но доказательств, что он умер, ни у кого не будет. Я называю это чистой работой.

Налетел прохладный ветерок, и шуршание листвы поглотило слова, сказанные в ответ. Двое стали выбираться из сада. Когда они оказались у изгороди, Корнан ясно разглядел их обоих.

Особенно любопытным ему показалось то обстоятельство, что оба не являлись коренными жителями Хоршемиша. Наемный убийца, впрочем, носил местный наряд, состоящий из длинного халата, расшитого посекшимися серебряными нитями, линялых шальвар, туфлей с загнутыми кверху носами и чалмы, скрученной с фатоватой небрежностью. Но он явно происходил из Аквилонии, как и его собеседник.

Последний был одет скромно и просто, на манер слуги из свободных, но осанка отличала в нем человека благородных кровей. У него было бледное лицо, словно иссушенное страстью, нос напоминал клюв птицы-падальщика, а глубоко запавшие глаза горели столь яростно, что варвар заметил это даже издали. Впоследствии, вспоминая об этой истории, Конан удивлялся: он никак не мог понять, почему ввязался в нее. Прямой выгоды она не сулила, а неизвестный, о котором говорили те двое, явно был взрослым мужчиной, которому не нужна нянька.

Однако в тот самый момент он не стал раздумывать ни мгновения. Наспех одевшись, киммериец покинул жилище гостеприимной Айгуль и выскользнул на улицу.

Наемный убийца успел за это время скрыться в неясном направлении, а его наниматель отошел достаточно далеко, чтобы Конан сумел разглядеть только его спину.

Это было на руку любопытному варвару. Конан мог идти следом, не опасаясь, что на него обратят внимание. Нужно было только не терять из виду странного человека, одетого слугой.

Довольно долго тот шел прямо по улице, каковая вывела его в богатую часть города. Там он помедлил немного у таверны под названием «Дикая Косуля», быстро огляделся и вошел в нее.

Подойдя к самым дверям заведения, Конан прикинул в уме, надолго ли хватит его вчерашней добычи — четырех серебряных монет, если тратить их в «Косуле». Потом он решил, что на первое время этого вполнее достаточно.

* * *

— Сегодня я услышал самую интересную сказку в моей жизни, — произнес Бернегард .

— Здешние шлюхи — мастерицы рассказывать байки, — отозвался Закир, гирканский княжич, и хрипло расхохотался. Он был пьян.

— Мне рассказала ее вовсе не шлюха, — возразил Бернегард .

— Кто же? — поинтересовался Аддо, молодой воин из Султанапура, смуглый, изящный и очень деликатный.

— Торговец картами. Скорее всего, он — продувная бестия и мошенник, как и положено представителям его сословия. Но даже мошенник должен стремиться к высотам мастерства. Иначе — какой смысл?

— Когда ты начинаешь рассуждать о высоких материях, мне кажется, что у тебя несварение желудка, — вставил Сигур, дальний родственник и старый приятель Бернегард а. Обычно он сидел молча, и только хмурился, когда прочие веселились и разглагольствовали, но иногда принимался натужно острить. Аддо, отличавшийся природной добротой, предполагал, что у Сигура постоянно болят зубы, или что-нибудь еще, и в силу этих причин он и держится так за приятельским столом.

— Я не стану утомлять вас долгими рассуждениями, господа, — продолжал Бернегард . — Вы и сами бываете достаточно занудны...

Закир снова рассмеялся и взмахнул рукой, опрокинув на пол винный кувшин с высоким, узким горлышком. Кувшин раскололся со звоном, как и положено изделию из хорошей глины.

— Начало этой истории произрастает из глубины веков. Некогда жил да был царь племени кочевников. Звали его Уграл. В те далекие времена почти каждый царь или вождь происходил от того или иного божества. В крайнем случае, от демона. А иные из демонов были необычайно сильны, и не уступали богам, во всяком случае в том, что касается могущества на земле. Поэтому нет великой разницы, от кого именно происходил царь Уграл.

Известно то, что у него имелась сокровенная сила, с помощью которой он мог вызвать на поверхность мертвой пустыни глубинный источник, и напоить свой скот и своих людей. Если на его племя нападали другие племена, Уграл собирал в небе косматое воинство, такое большое, что оно застило свет. Это воинство осыпало врагов Уграла золотыми стелами, жалящими сквозь любую броню.

— Речь идет о грозовых тучах? — уточнил Аддо.

— Похоже на то. Это неважно. Даже если Уграл попросту вызывал грозу на голову неприятелю, то много ли вы знаете людей, подобных ему?

— Любой гирканский колдун умеет это, — объявил Закир. — Да что колдуны? Любая гирканская старуха...

— Дело происходило не в Гиркании, — пояснил Бернегард , — а в этих краях. Здесь никто не видел гирканских старух. Этим беднягам не с чем было сравнивать, и они почитали Уграла за могущественного царя.

Закир с усилием задумался, но так и не сумел понять, смеются ли над ним, или Бернегард говорит всерьез. На всякий случай, гирканец бешено сверкнул глазами и ощерился. На большее его не хватило.

— Однажды Уграл встретил в песках повозку, запряженную странными крылатыми существами...

Бернегард рассказывал терпеливо, как будто сам для себя. Уж он-то получал удовольствие от своей повести, а остальным все равно нечем было заняться.

— Существа эти походили скорее на львов, чем на тягловых животных. В пустыне им пришлось несладко. Они еле тащились, увязая в песке, а крылья их волочились, оставляя борозды. Когда Уграл приблизился к повозке на своем верблюде, существа зарычали, и даже попытались напасть на него. Но они были истощены, измучены жаждой, и к тому же — впряжены в повозку, что не позволило им растерзать царя и его верблюда. Крылатые львы рычали в отчаянии, и в глазах их светилась скорбь. Из последних сил они пытались выполнить свой долг пред тем, кто находился внутри повозки, кого им следовало защищать и оберегать.

Уграл проникся жалостью к этим существам. Он приказал воде пробиться из глубин земли, и у ног крылатых львов забил источник. Львы припали к живительной влаге. Их худые бока вздымались и опадали, как кузнечные меха...

— Откуда ты знаешь, как ведут себя кузнечные меха? — не удержался Ситур. — Ты отроду не был в кузне!

— Я верю на слово торговцу, — не моргнув глазом ответил Бернегард. — Итак, львы напились. Вода подействовала на них волшебным образом: они буквально воскресли на глазах у Уграла. Силой и мощью налились их тела, Крылья расправились, а отчаяние в глазах сменилось покоем. Львы легли на песок и замерли. Уграл подъехал ближе. Они не шелохнулись.

Тогда Уграл спешился и подошел к самой повозке. Она была крытой. Из-за полога, пропитанного пылью, но богато расшитого, слышался чей-то стон.

Убрав полог, царь увидел в повозке женщину удивительной красоты. Она лежала на подушках без сознания и чуть шевелила запекшимися губами.

Уграл снял с пояса серебрянный ковш, зачерпнул им из источника и поднес ко рту обессиленной путницы. Она напилась, постепенно приходя в сознание.

В пустыне произрастают во множестве странные цветы. Если увидишь их среди засухи, то поневоле ужаснешся: столь уродливыми они покажутся тебе. Из коричневого песка торчат перекрученные стебли, покрытые острыми, как кинжалы, колючками. Листья сморщенные, в волдырях, словно солнце покрыло их ожегами. А лепестки напоминают черные крылья летучих мышей, разодранные в клочья.

Но если твои запасы воды позволят тебе такую расточительность, и ты прольешь несколько капель в расаленный песок, то через миг цветок преобразится. Лопнет бурая короста, покрывавшая стебель, листья нальются изумрудной зеленью, а лепестки станут розовыми, нежными, как щека красавицы. Цветок испустит сказочный аромат, и ты никогда не забудешь его, даже если попадешь в королевскую цветочную оранжарею.

Похожим образом преобразилась и женщина, лежавшая в повозке. Глаза ее раскрылись, и Уграл едва не утонул в этих изумрудных озерах.

Он хотел назваться, как подобает учтивому воину, но женщина опередила его.

— Я знаю тебя, ты — великий царь Уграл, — сказала она. — Твой народ богат, твои жены всегда в тягости, твой скот тучен и обилен приплодом. Но главное сокровище твое еще не найдено тобой.

— Кто ты? — вопросил Уграл, потрясенный чарующими звуками ее голоса.

— Я — дочь Песочного Короля. Не в обиду будь тебе сказано, он могущественнее тебя. Земные богатства проскользывают у него между пальцами вместо с песком времени...

— Воистину, он — могущественнее меня, — признал Уграл. — Его дочь прекраснее всего на земле. Мои дети тоже красивы, но ни одна из дочерей Уграла не может сравниться с тобой. Что ты делаешь тут, среди пустыни?

— Ищу тебя, — сказала дочь Песочного Короля, и протянула к Угралу зовущие руки.

Уграл возлег с ней, и пока они лежали, львы сторожили их покой.

В объятиях прекрасной женщины Уграл заснул. А когда проснулся, обнаружил, что нет ни ее, ни повозки, ни крылатых львов. Он лежал на песке в одиночестве, и только его верблюд бродил рядом, жуя колючку.

— Странные сны снятся человеку в пустыне — сказал Уграл и поднялся. А поднявшись, увидел, что перед ним, прямо из песка, вырос дворец. Он сиял белоснежными стенами в лучах солнца, и от этого сияния исходила прохлада.

Думая, что пустыня дразнит его миражами, Уграл дотронулся до стены. Но она была настоящей. Пальцами Уграл ощутил шероховатость алебастра, покрытого искусной резьбой.

Во дворце играла музыка. Царь ступил за ворота, и два гиганта, стоящих на страже, пали пред ним ниц.

Навстречу царю вышел павлин, чьи перья увешаны драгоценными камнями. Птица качнула хвостом, как бы приглашая следовать за ней. Уграл рассмеялся — павлин позабавил его.

Во дворце нашлось много чудесного.

Во внутренних двориках били фонтаны, в водоемах играли рыбки с расписной чешуей. Угралу никогда прежде не доводилось видеть рыбу, и он подумал, что это — дети дракона.

На галереях, в особых кадках, росли деревья с золотистыми плодами. Разноцветные птицы порхали по ветвям и пели.

Повсюду были комнаты, наполненные сокровищами. В одной грудами лежало золото, в другой — сапфиры, в третьей — яхонты и лалы. Стены украшались драгоценностями на любой вкус. А в оссбых комнатах хранились пряности и благовония.

Перед дверями каждой из комнат стояли гиганты, по двадцать локтей ростом. Они оказывали Угралу почести, будто знали, что должны служить ему, и именно ему.

А в верхних покоях царя ождало самое удивительное — прекрасная статуя, вырезанная из белого камня. В ней Уграл узнал дочь Песочного Короля.

Как потом выяснилось, статуя было волшебной. Раз в зиму она оживала, и царь проводил с ней ночь, как с настоящей женщиной.

Теперь он жил в этом дворце, забыв про кочевой шатер. Его народ сделался еще богаче, но Уграл больше не интересовался его делами. Он забыл своих жен и наложниц, забыл ратные подвиги и охоту. Бледный и печальный, бродил он по своему дворцу, ожидая того дня, когда статуя вновь оживет.

В конце концов его народ ушел. «Царю нет до нас дела, — сказали люди, — а нам нет дела до его каменной любовницы. Пусть остается с ней, если ему так хочется!»

Они выбрали себе другого царя и отправились кочевать. Царь наблюдал их исход из окна дворца. Слезы катились по его лицу, но он не остановил своих людей.

Больше они никогда туда не вернулись. О дальнейшей судьбе Уграла никто не знает...

— По-видимому, он помер, — высказался Закир. Все думали, что он давно уснул, лежа щекой на столе, но гирканец сопротивлялся опьянению с мужеством истинного сына степей.

— Так или иначе, но его дворец по прежнему стоит где-то посреди пустыни, — закончил Бернегард. — Торговец, с которым я беседовал, утверждает, что с ним ничего не произошло. Сокровищ, конечно, уже нет. Их расхитили за много веков, случайные охотники за богатством. Погибли деревья в кадках, погибли птицы, пересохли фонтаны... Однако, статуя из белого камня до сих пор там.

— Она все еще превращается в женщину? — поинтересовался Аддо. Бернегард только пожал плечами в ответ.

— Я не понимаю, что в этой истории так тебя заняло, что ты утомлял нас ее пересказом? — Сигурд произнес эти слова насмешливо и ядовито. — Если обшарить пустыню, в ней наверняка сыщется не один заброшеный дворец. В старину все эти царьки только и занимались тем, что строили дворцы, а потом бросали их. Можно добраться туда, отколупать кусок от алебастровой резьбы, и продать ее на ярмарке в Хоршемише. Если удастся найти лопуха-покупателя. Только прилично ли нам заниматься этим?

Бернегард выложил на стол купленную им карту. В неверном свете масляных ламп она казалась еще более старинной и таинственной.

— Я предлагаю следующее, — сказал он. — Мы срисуем эту карту, чтобы у каждого была своя копия. А потом заключим пари. Кто первый доберется до дворца, тот и победил.

Нам все равно нечем заняться. Ярмарку мы осмотрели, город обошли вдоль и поперек. Свободного времени у нас предостаточно. Конечно, можно продолжать торчать тут, в тщетной попытке развеять скуку, но подумайте, сколько удовольствия может доставить настоящее приключение!

Его приятели некоторое время осмысляли услышанное.

— А что будет призом? — наконец спросил Закир, оживляясь.

Он воображал себя большим знатоком широких пространств. Ему, привычному к степи, и впрямь проще будет ориентироваться в пустыне, чем остальным, природным жителям лесных областей и зеленых долин.

— Я готов поставить тысячу золотых, — сказал Аддо. Он грезил о прекрасной статуе.

— А я — не готов, — усмехнулся Сигур. — У меня отродясь не было таких денег.

— Я поставлю за тебя, — пожал плечами Бернегард. — Мы ведь родственники. Если тебе повезет, выигрыш твой.

— О, великодушный! Пусть бог щедрости позолотит твой бритый подбородок! — Сигур кривлялся так, что Бернегарду стало неловко.

— В этом нет никакого особенного великодушия, — сказал он. — Поиск волшебного дворца — настолько нелепое предприятие, что участие в нем — уже само по себе — достойно только благородного человека.

— Да, в этом безумии много поэзии, — согласился Аддо.

Закир, которому отец никогда бы не доверил тысячу золотых, сверкнул глазами и произнес:

— Я согласен с вашими условиями, господа. Когда мы начинаем путь?

— Послезавтра, на рассвете, — ответил Бернегард. — А завтра каждый займется приготовлениями. Поскольку пустыня — место опасное, каждый из нас может нанять себе телохранителя, который будет выполнять так же роль носильщика и, по возможности, проводника. Средство передвижения каждый выберет себе сам. Любое верховое животное, включая крылатых львов, если их можно купить на ярмарке.

— Я возьму своего слугу, — сказал Аддо. — Он — мой испытанный товарищ. Местность ему неизвестна, но зато он хорошо знает меня. Это важнее.

— А мне не нужен телохранитель, — заносчиво объявил гирканец. — Мои сабли оберегут меня лучше любого из них.

— На том и порешим, — сказал Сигур. — Я лично соглашаюсь, поскольку могу выиграть три тысячи, и при этом не рискую ни единой монетой. Нам, бедным дворянам, можно быть беспринципными.

Допив вино, приятели разошлись. Бернегард задержался — на дне его кубка еще оставалось вино. Он попивал его рассеянно. Очарование рассказанной сказки еще имело над ним власть. Голос таинственного торговца по прежнему звучал его ушах.

Особым чутьем, выработанным в поисках интересной жизни, Бернегард понимал — день не завершен. Должно случиться еще что-то, в духе последних событий. И он не ошибался. Перед ним возник высокий, широкоплечий мужчина, одетый с варварской роскошью. Синие глаза внимательно мотрели из-под прищуренных век. Мужчина ловко присел за стол и негромко сказал:

— Я слышал, тебе нужен проводник?

* * *

В назначенный день, на рассвете, Бернегард и его спутник покинули город через восточные ворота.

Карта, имевшаяся теперь у каждого участника пари, обозначала особое место — две скалы из песчаника. Одна напоминала драконий зуб, слегка раскрошенный, словно дракон в приступе ярости грыз каменную твердь. Вторая больше походила на кормовую башню грузовой каравеллы, подхваченной вихрем далеко в море и заброшенной в самое сердце пустыни.

— Интересно, можно ли доверять этому изображению? — размышлял вслух киммериец. — Карта уж больно древняя, рисовали тогда, кто во что горазд... Кстати, совершенно неясно, какое расстояние между этими скалами. Посмотри, рыцарь, дворец рядом с ними кажется огромным. Значит ли это, что он в самом деле огромен?

— Это не так уж важно, — отвечал Бернегард. — Главное, мы направляемся в нужную сторону, если конечно ты ничего не напутал.

— На карте точно обозначено движение пыльных смерчей, — сказал Конан, указывая ногтем на рисунок. — Такие смерчи возникают только при юго-западном ветре. Они идут наискосок, значит нам нужно держаться заката, и мы не промахнемся. К северо-востоку от Хоршемиша точно нет никаких заброшеных дворцов.

— Ты хорошо знаешь эти места, Конан-киммериец? А каким ветром тебя занесло так далеко от родных ледяных скал? — поинтересовался Бернегард, расслабленно держась в седле.

— Долго рассказывать, я на это не мастер, — отвечал Конан. — Мне больше нравится слушать.

Перед отправлением он сменил свой городской наряд на походную одежду, состоящую из кожаных штанов, просторной рубахи плотного сукна, сапог на прочной подметке, но с мягким верхом, и широкого плаща. Плащу предназначалась роль одеяла — ночи в пустыне холодные.

Конан без сожаления покидал Хоршемиш. Задаток, данный ему Бернегардом, он отдал Айгуль, и посоветовал обзавестись хорошим приданым. На ярмарку он посмотрит в другой раз.

Слушая рассказ Бернегарда в «Косули», варвар догадался, что перед ним — тот самый человек, которого хотят устранить. Теперь он знал, каким именно образом.

Наниматель убийцы, которого звали Сигур, наврядли вообще покинул город. А убийца... Теперь Конан должен был признать, что это не просто головорез, услуги которого стоят недорого. Нет, он спланировал все с невероятной хитростью. Заманить наивного и доверчивого человека в пустыню, да еще так, чтобы всем казалось, будто он сам этого пожелал! Глупец никогда не додумался бы до такого.

Обычный убийца-наемник всегда действует просто. Он примитивен, его методы основаны на подлости и элементарном расчете. Ему не придет в голову сочинять сложную, многоходовую комбинацию. Дело тут в том, что наемными убийцами становятся подонки из подонков, люди, неспособные учиться чему бы то ни было и стремиться к большой цели.

А здесь действовал не только знаток человеческой прроды и людских слабостей, но и опытный делец, сумевший подчинить интересы другого человека своим интересам. Тьянь-По, мудрец и каллиграф, давний друг варвара, говаривал: «Человека легко узнать по тому, как он играет в гхо.»

То, что происходило теперь, больше напоминало шахматы. Конан уважал эту игру, как занятие, дисциплинирующее мысль и волю. Но и в шахматах есть разные стили. Кто-то выстраивает свою тактику и держится ее до конца, не позволяя сбить себя с толку. А другой пользуется ошибками противника, извлекая выгоду единственно из них. Третий постарается обмануть неприятеля, внушив ему ложное представление о своих намерениях.

А что, если хитрец из Хоршемиша использует и Сигура в своих целях, о которых тот и не догадывается? Что, если он затеял куда более сложную игру?

Оставалось только терпеливо ждать дальнейшего развития событий.

Путь перед ними еще даже не напоминал настоящую пустыню. Поднимающееся солнце заливало зноем крестьянские поселения, возникшие по берегам прорытых каналов. Жители деревень, не смотря на ранний колокол, уже были в полях — только тяжелым, рабским трудом можно заставит эту каменистую, песчаную почву приносить плоды. Каждую пядь этой земли следует полить не только водой, драгоценной, как сама жизнь,: но и крепким крестьянским потом.

Конан никогда не смог бы стать крестьянином. Для труда на земле, считал он, требуется особое мужество, доступное только особым людям. При этом, крестьянин обделен всяким другим мужеством, и гнет спину перед любым, кто держит оружие...

Бернегард с интересом поглядывал на своего проводника. Мысли о природе крестьянина никогда не посещали молодого рыцаря. Для него было в порядке вещей, что кто-то должен работать, питая и одевая феодала. Люди свободного ремесла казались ему более любопытными.

Сын ремесленника или того же крестьянина может отречься от предопределенной доли и стать воином, стяжать себе славу и честь, или постигнуть ученую премудрость и сделаться важным чиновником, советовать королям... В свою очередь, сын знатного сеньора может преступить обязательства перед предками и превратиться в бродягу, чтобы стяжать себе свободу и в полной мере быть господином самому себе.

Конан представлялся ему типичным представителем «свободного племени», но нечто, составляющее натуру варвара, отличало его от остальных «охотников за удачей». Вот он едет сейчас на своем выносливом коне, явно не избалованном хорошими дорогами. Осанка и посадка выдают в киммерийце хо-

рошего наездника, но при этом — обладателя чувства высокого достоинства, невозможного в простолюдине. Даже аристократы, ставшие бродягами, охотно начинают подражать людям низкого сословия, причем делают это не без вызова. Дескать, происхождения у меня никому не отнять, стало быть, я буду вести себя так, как захочу.

Конан-киммериец держался с истинно царским достоинством. В нем не было кичливости и спеси, только осознание своего положения и силы.

Бернегард улыбнулся своим мыслям.

— Скажи, в твоих жилах не течет королевской крови? — спросил он.

— Это не важно теперь, — просто отвечал его спутник. — Когда-нибудь я стану королем.

И взглянул на собеседника так серьезно, что у Бернегарда пропала всякая охота шутить над честолюбием молодого варвара.

— Судьба иногда устраивает сюрпризы, — пробормотал он. — Может, ты и в правду станешь королем.

— Моя судьба — здесь, — заявил Конан и продемонстрировал рыцарю свою огромную, сильную ладонь, а потом сжал ее в крепкий кулак.

— Это — веский аргумент, — согласился Бернегард.

Карта, купленная на ярмарке, при всех своих недостатках обладала еще одним, самым критичным: по ней нельзя было догадаться, как далеко придется ехать по пустыне. Седмицу? Две? Луну? Для того, чтобы везти запас воды на одну луну, нужен целый караван, не говоря уже о съестном.

Однако, Конан был уверен, что отыщет по пути источники воды, а пищу добудет охотой. Неподалеку от оазисов обязательно будут пастись сайгаки — пустынные антилопы. Их мясо жестковато, но некоторые причудливые богатеи, охочие до диковинок, подают его к столу в качестве редкого деликатеса. Об этом Бернегард знал из личного опыта. Теперь он веселился, пердвкушая, что будет рассказывать в Аквилорнии, как питался исключительно деликатесами, скитаясь по пескам.

Они проехали неторопливой рысцой весь день, лишь дважды давая роздых лошадям. На ночлег остановились в поле, принадлежащем последнему, окраинному поселению. Вода в канале уже была неприятной на вкус, желтоватой из-за песчаных примесей, но Бернегард пил ее с благодарностью к тем, кто прорыл эти каналы.

Он спал в легком шатре, а варвар устроился на ночлег под открытым небом.

— Это — последняя ночь, когда можно спать так, — сказал он. — В пустыне я тоже стану ложиться на ночлег в шатер, приняв некоторые меры предосторожности. Ты боишься пауков, рыцарь?

— Маленьких восьминогих созданий? Ничуть не боюсь. Они мирные и нападают только на мух.

— Здесь пауки бывают размерами с мой кулак, а то и побольше, — проведал Конан, ухмыляясь. — Они ядовиты и кусают все, что им не нравится. Пус-

тыня учит: нападение — лучшая защита. Маленькие восьминогие созданья увидев тебя спящим, подумают, что проснувшись, ты станешь опасен. И постараются устроить так, чтобы ты не проснулся. Их яд убивает верблюда за несколько мгновений...

— Я — не верблюд, — сухо возразил Бернегард. — Впрочем, спасибо за предупреждение.

Ему не хотелось думать об опасностях. Юный рыцарь вполне отдавал себе отчет в том, что тревог и препятствий их ждет много, и был готов справляться с ними по мере их возникновения. Пауки, змеи, скорпионы, разбойники – какая разница? Он должен добраться до потерянного дворца и прикоснуться к тайне царя Уграла. Ну и конечно, неплохо было бы добраться туда раньше остальных. С такими мыслями рыцарь уснул, а варвар еще долго сидел у небольшого костерка, и смотрел на небо, полное ярких звезд.

На следующее утро они тронулись в путь.

Пустыня обступила их со всех сторон. Песок, только что совсем холодный, нагрелся в считанные мгновения и источал жар. Воздух напоминал мутноватое стекло и дрожал перед глазами.

К седлам путников крепились особые, полотняные зонты, призванные оберегать их от прямых солнечных лучей. На покупке зонтов настоял варвар.

— Я могу обойтись и без них. Да и ты — тоже, — сказал он. — Но зачем переносить лишние тяготы? Будут и другие, в достаточном количестве.

Теперь Бернегард был рад, что согласился с Конаном.

Рыцарь решил не терять своего достоинства, что бы ни происходило. Путешествие было вызовом его изнеженной натуре, но признаваться в слабости перед киммерийцем Бернегарду не хотелось. К чести юноши, жару он терпел без особого труда. Тяжелее было переносить жажду.

Рыцарь уговаривал себя: «Ты пил совсем недавно, и смерть от обезвоживания тебе не грозит. Это только кажется, что хочется пить. Только кажется...»

— Ты прав, — сказал Конан, словно подслушавший его мысли. — Пустыня охраняет себя от людей. Она внушает мысли о жажде, чтобы человек поскорее опустошил свои фляги. Тогда его ждет гибель. Но мы знаем уловки пустыни и не поддадимся ей. Человек — сильнее!

Глядя на могучую фигуру киммерийца, охотно верилось, что человек действительно сильнее. Бернегард позабавился этим, и ему стало намного легче.

Начались участки барханов — удлиненых песчаных холмов, осыпающихся под копытами и подвижных, как змеи. Ветер перегонял пески с места на место, словно добивался от них правильного расположения, пытаясь устроить пустыню по своему прихотливому вкусу.

Когда путники поднимались на бархан, их взору открывался удивительный пейзаж: пески были похожи на море, застывшее, или, вернее — замедлившее движение своих волн. А над этими волнами колыхалось марево и вставали видения, одно прекраснее другого. Здесь были и дворцы, окруженные островками зелени, и водопады, низвергающиеся с изумрудных скал, и реки, текущие

по долинам... Видения держались какое-то время, а после распадались, и перед глазами оставался только песок...

— Мне говорили об одном человеке, — поведал Конан. — Тот долго шел по пустыне, и миражи одолевали его. Он держался из последних сил, у него была могучая воля, но нетвердый разум... Человек приучился обходиться в день двумя каплями воды и крошечным кусочком хлеба. Он высох, как палка, но все шел вперед. Не боялся ядовитых тварей, и однажды сам съел скорпиона... В конце концов, рассудок его повредился. Он добрался до города, однако не вошел в него, а направился далее, думая, что перед ним — мираж.

— Поучительно, — сказал Бернегард. — Значит, и мы рискуем промахнуться мимо цели? Ты умеешь отличать мираж от действительности?

— Здесь нельзя полагаться только на умение, — пожал плечами киммериец. — Тот тоже думал, что умеет.

К концу второго дня пути Бернегард обнаружил в себе ценное свойство: он мог засыпать в седле, погружаясь при этом в мир сновидений, полных прохлады и покоя. Но по пробуждении у него болела голова.

— Это опасно, — предупредил его варвар. — Могут лопнуть жилы в голове. Череп заполнится кровью, и придется сверлить в нем дыру.

— Ты сможешь сделать это, если понадобится?

— У меня есть подходящий нож, — подумав, кивнул Конан. — Так что дырку в твоей голове я сделать смогу. Но что потом? Так и будешь ходить, с дыркой? Она тебя не украсит.

Чтобы кони не страдали от жажды, на ночь варвар обернул их морды тряпицами, смоченными в воде.

— Завтра все равно нужно будет их напоить, иначе они падут, — сказал Бернегард.

— Завтра мы выйдем к источнику, — уверенно произнес Конан. — Для этого нам потребуется сделать небольшой крюк, но мы быстро вернемся на прежний путь. Я знаю эту породу лошадей. Их невозможно перепоить, они легко переносят голод и идут быстрее верблюдов.

— Аддо пошел на верблюдах, — припомнил Бернегард. — Каковы его шансы по сравнению с нашими?

— Ему не нужно будет петлять в поисках источников так часто, — отвечал киммериец. — Но и двигаться он будет медленнее. Так что шансы примерно равные.

— А Закир отправился на своей страшной кобыле, похожей больше на борзую собаку.

— Это серьезный конкурент, — признал варвар. — Его лошадь, хоть и неказиста, но в пустыне — как дома. Ее вообще можно не поить. Она довольствуется ничтожной влагой, что втягивает в свои стебли полусухая колючка. Но сам Закир может не выдержать...

— Главное, чтобы он разозлился как следует, — рассмеялся рыцарь. — Разозленный, гирканец преодолеет все, что угодно.

— Гнев — не лучший помощник в песках, — возразил Конан. — Тут выживает терпеливый. Сухая трава быстро вспыхивает, и быстро выгорает — так говорят люди в этих краях. И они правы. По своей природе ты лучше приспособлен для жизни в пустыне. Жидкости твоего тела ничем не возмущены, и черная желчь не преобладает над остальными соками.

— Откуда ты все это знаешь?

— Странствуя по свету, я не закрываю глаз, — отвечал варвар с достоинством.

На самом деле он вспоминал, очень приблизительно, поучительные лекции своего друга Тьянь-По. Сам он почти ничего в этом не понимал, но на людей обрывочные сведения производили сильное впечатление. Следовало только произносить их с мудрым видом, и тогда любая чепуха казалась значимой и полной смысла.

Конан окружил стреноженных лошадей кольцом из волосяной веревки, а второе, такое же, уложил и вокруг шатра.

— Это от пауков? — спросил Бернегард.

— Да, от всякой ползучей сволочи.

— И как, помогает?

— Полной защиты, конечно, веревка не дает. Некоторые пауки ее перепрыгивают. Но только некоторые.

Бернегард подумал, засыпая, что его бывалый проводник потешается над ним, или испытывает, нарочно рассказывая всякие ужасы. И подумав так, решил проявлять особое хладнокровие.

Третий день пути принес неожиданности.

Сначала путешественники обнаружили следы.

— Это гирканец, — определил Конан. — Его лошадь все еще в хорошей форме. Он опережает нас почти на день. Но у него почти не осталось воды. Смотри, рыцарь, следы не глубоки. Значит, поклажа легкая, почти не превышает веса всадника. Закир не взял с собой бурдюка. Надолго ли ему хватит фляги?

— У меня сложилось впечатление, что Закир вовсе не пьет воды, — сказал Бернегард. — В городе он употреблял, в основном, вино.

— Надеюсь, в пустыне он изменил своим привычкам, — произнес киммериец. — Вино выводит влагу из тела. Кроме того, на солнце оно быстро портится, и крепче ударяет в голову. Ну ладно, пора заботиться о себе. Мы возьмем к северу, и через треть дня пути выйдем к оазису.

Как не была искусна пустыня в создании лживых видений, узрев настоящий оазис, Бернегард сразу отличил его от миража. Может, потому, что краски казались не такими яркими?

Поразмыслив и прислушавшись к своим ощущениям, юноша понял, что истинный оазис, в отличии от ложного, имеет запах. Пахнет вода, пахнут растения, и совершенно особый запах имеет сырая почва. В пустыне, где нет по-

чти никаких запахов, этот — способен разноситься на большое расстояние и сводить с ума...

Бернегард испытал сильнейшую радость и волнение. Он привстал в стременах и уже собрался пустить своего коня галопом к заветному островку прохлады и тени, но варвар, ехавший вплотную к нему, ухватил рыцаря за локоть и крепко сжал его.

— В чем дело? — удивился Бернегард, но его проводник вместо ответа скроил зверскую рожу и жестом приказал молчать. Потом он сложил солнцезащитный зонт и внимательно всмотрелся в песок под копытами своей лошади, а затем, сохраняя безмолвие, направил ее в сторону от оазиса.

Бернегард последовал его примеру. Сам он не чувствовал никакой опасности, но поведение Конана изумило его. Только что этот странный киммериец держался спокойно и уверенно, как у себя дома, и вдруг преобразился в дикое, хищное животное, почуявшее охотников. Инстинктам варвара стоило доверять. Так Бернегард и поступил, в чем потом не раскаивался.

Спутники не успели отъехать и десятка шагов, как из зарослей вьющихся растений, словно из сундука фокусника, с яростным визгом выскочили всадники. Они были одеты в черные, развевающиеся одежды, а лица прятали за масками, скрывавшими все, кроме глаз. Но не это ужасало в них, не это повергало в смятение. Верховые животные разбойников — вот, что внушало оторопь. Это были огромные вараны, длинною в два человеческих роста от носа до кончика хвоста. Светло-серые, с полосами на спине, они почти сливались с песком. Рептилии бежали с удивительной легкостью, изгибая хищные, стремительные тела. Их наездники продолжали издавать хриплые и визгливые крики.

— Их — восемь. Они быстрее нас, так что убегать нет смысла, — быстро сказал Конан. — Но мы сделаем вид, что пытаемся удрать от них, а потом, по моему сигналу, развернемся и ударим. Только бы они не стреляли!

Наездники варанов неслись сзади, постепенно настигая путников. Бернегард уже слышал леденящий душу шелест, с которым лапы рептилий отталкивались от песка.

— Кром! — вскричал Конан, на скаку разворачивая коня и ставя его на дыбы. В его руке сверкнул меч, и голова ближайшего преследователя отскочила в сторону, как мяч.

Огромная ящерица под поверженным врагом извернулась и сбросила безголовое тело, чтобы тут же начать страшную трапезу. Варан пожирал своего наездника! Он шипел и бил хвостом, поднимая тучи песка, терзал мертвеца страшными когтистыми лапами... Это было ужасное зрелище.

К счастью, у Бернегарда не оставалось времени разглядывать подробности. Прямо на него летел второй всадник. Сабля в его руке вращалась, как стальной смерч.

Рыцарь был вооружен длинным, тонким клинком. Против легкой сабли это оружие имеет несколько преимуществ, если успеть ими воспользоваться.

Зная, что вступать в ближний бой ни в коем случае нельзя, Бернегард изловчился и привел рубящий удар так, чтобы задеть врага самым кончиком острия. Это удалось только со второй попытки, но результат оказался свыше его ожиданий. Черный всадник взвизгнул еще громче, выронил саблю и ухватился за распоротый бок.

Варан под ним почуял запах крови. Он смотрел в лицо юноше яростными глазами и шипел. Его горло пульсировало, словно ящер предвкушал трапезу. Длинный, раздвоенный язык ощупывал воздух.

Бернегард направил коня прямо на рептилию, взмахивая мечом. Варан повернулся к нему боком, и вдруг сильнейший удар выбил Бернегарда из седла. Его лошадь панически заржала и ускакала, мотая пустыми стременами.

Оглушенный, Бернегард попытался встать, но варан опять развернулся, и рыцарь успел заметить, как хвост ящера изгибается кнутом и разворачивается в воздухе.

Второй удар отбросил юношу на три шага. Бернегард задыхался от боли.

К счастью, раненый им разбойник не усидел в седле и повалился на песок, пятная его кровью. Ящер повернул к упавшему свою морду. Черный всадник испустил вопль, полный смертного ужаса, и попытался убежать на четвереньках. Однако варан настиг его и растерзал лапами, чтобы полакомиться свежим мясом...

Тем временем Конан сеял смерть в рядах нападавших. Из преследуемой добычи он превратился в беспощадного преследователя. Варвар пускал своего коня вскачь, то вдруг останавливался, направлял его совсем в другую сторону, заставлял разворачиваться, петлял, как заяц, чтобы, возникнув в неожиданном месте, нанести смертельный удар.

Разбойники никогда прежде не сталкивались с подобной тактикой. Обычные их жертвы — купцы, идущие с караванами, охранялись обычными наемниками, предпочитавшими лобовые атаки, или дальний бой с участием луков и арбалетов. А этот велика, казалось бы — идеальная мишень, большая и неповоротливая, метался по песку, как безумец. Его огромный меч, вместо того, чтобы наносить тяжелые удары впустую, сверкал, как молния.

Скоро четверо из восьми уже лежали на песке, превратившись в пищу для своих ящеров. Остальные благоразумно удалились на пол-полета стрелы, и наблюдали за путниками. Впрочем, они не спешили исчезать совсем. По видимому, разбойники решали, обстрелять ли путников из луков, или вновь попытаться напасть на них с наскока.

Варан, оглушивший Бернегарда, закончил доедать своего седока, и теперь пристально смотрел на рыцаря, медленно приходящего в себя. От ящера исходил отвратительный запах смерти и разложения.

Бернегард осторожно дотянулся до своего меча и стиснул пальцами рукоятку. Варан злобно зашипел, и то же мгновение кинулся на поверженного рыцаря.

«Сейчас он ударит хвостом!» — промелькнуло в голове у Бернегарда, и он распластался по песку, инстинктивно угадав правильную тактику защиты.

Удар хвоста пришелся мимо. Тогда, не мешкая ни мгшновения, Бернегард вскочил на ноги и прыгнув, вонзил меч прямо в пульсирующее горло рептилии. Брызнула черная кровь. Горло оказалось противно-мягким. Бернегарда едва не стошнило.

— Хорошо! — крикнул Конан, наблюдавший за этим. — А теперь, скорее — под укрытие, в заросли!

Они успели в самый последний момент. Вокруг них, в песок, вонзались стрелы с черным оперением.

Внутри оазиса царила прохладная духота. Шуршали заросли, и где-то неподалеку булькал родник.

— Проклятье, моя лошадь! — простонал Бернегард. — Жалко скотину, и потом — без нее мы вряд ли выиграем пари!

— Не волнуйся о ней, — сказал варвар. — Если ее не поймают вараны, она не потеряется. Она же не дура, чтобы добровольно уходить от источника воды. К тому же, она хочет пить. Вот увидишь, скоро твоя лошадь вернется.

Оазис действительно напоминал островок среди моря пустыни. У него были четко очерченные границы, проходили они там, где живительная сила воды уже не могла напитать мертвый песок.

Сквозь заросли Конан наблюдал за действиями разбойников и их верховых животных. Вараны сильно нервничали. Им явно хотелось посбрасывать седоков и присоединиться к своим, более удачливым, сообратьям, заставить их поделиться добычей.

— Кто эти люди? — спросил Бернегард.

— Илльруахирримы. Волки песков, — отвечал киммериец. — Презренное племя, поклоняющееся воплощению Сета. Они жестоки и коварны, но это еще бы ничего. Вараны для них — не домашний скот, а высшие существа, которым надо приносить жертвы. Обычных, ездовых ящеров они кормят мясом убитых врагов, а для верховного варана, живущего в их племени на правах вождя, они преподносят особое кушанье — пленника, замученого до смерти ужасными пытками. впрочем, он предпочитает женщин, посему нас просто убили бы прямо тут.

Мы столкнулись с их разъездным отрядом. Они прячутся в оазисах и дожидаются путников, вроде нас, потому что живут грабежом и никакого другого ремесла не знают. Но повторю, в этом я не вижу ничего особенно мерзкого. Многие племена выживают только за счет разбоя. Хуже, что их покровитель — творец зла и жестокости. После смерти илльруахирримы обречены быть кормом своему божеству. это — проклятое племя, — повторил он и замолчал.

Пустынные разбойники скрылись из вида.

— Если их становище далеко, то бояться нам нечего. Мы успеем отдохнуть и удалиться достаточно далеко, чтобы им не было смысла нас преследовать. Однако, усиленный разъезд может наткнуться на других участников па-

ри. Положим, гирканец сумеет скрыться от них на своей тощей лошади. Но Аддо придется несладко. Он опытный воин? — поинтересовался варвар у Бернегарда.

Лежа на сырой траве, рыцарь отвечал:

— Я не знаю этого. Мы встречались только во время мирных попоек и кутежей.

— Во время кутежей случаются и потасовки, — заметил Конан.

— Только не в хорошем обществе, — отрезал Бернегард.

Конан понимал, что в последнем пункте рыцарь лукавит или, по крайней мере, добросовестно заблуждается. Киммерийцу и самому не раз случалось кутить в хорошем обществе, с представителями рыцарской знати, и уж он-то знал, что потасовки происходят решительно везде.

Как и предсказывал киммериец, лошадь Бернегарда вернулась, как только черные наездники убрались подальше. Седельные сумки остались в неприкосновенности, но солнцезащитный зонт был сломан, по видимому — ударом вараньего хвоста. Чинить его не имело смысла.

Путники наполнили водой два небольших бурдюка, позволили коням поесть вволю свежей травы, и покинули оазис.

Конан размышлял — случайной ли была встреча с разбойниками? Скорее всего — случайной. Чтобы договориться с илльруахирримами, нужно обладать не только знаниями их обычаев и повадок, но еще и обширными сведениями в области магии мертвых, главным адептом которой является их верховное божество. Только в этом случае волки песков прислушаются к словам чужака. В любом другом — его ждет смерть.

Вскорости путники вернулись к нужному направлению и продолжили путь. Ослепительное солнце постепенно клонилось к закату.

* * *

Аддо и его наперсник, пожилой сигх Алибасур, двигались без остановок. Даже ночью их верблюды продолжали размеренно шагать по пустыне. Седоки спали в седлах, убаюканные плавным покачиванием их спин.

Утром товарищи завтракали, потом Аддо курил походный кальян, а Алибасур негромко напевал песнь-поэму, совершенно бесконечную, полную цветистых подробностей, следить за которыми у Аддо не оставалось сил.

Поэму Алибасур сочинил сам, и считал ее образцом высокого вкуса. Аддо никогда не спорил с ним по этому поводу, опасаясь обидеть верного старого слугу.

— И сказал Ниару: «Твоя грудь — как бутоны в садах Хатшепсура,
Твое лоно — как устье реки наслаждений, реки полноводной...
Твои бедра — белее, чем мрамор с волшебного острова Гупту!
Я хотел бы прильнуть к ним, и ноги твои лобызая,
Стать твоим недостойным рабом, о прекрасная Нура!»

«Ну и фантазии были у этого Ниару, — сонно подумал Аддо. — Это же надо придумать: лоно, как устье реки... Да еще и полноводной!»

Еще он пытался представить, как к подобным комплиментам отнеслась бы его последняя подруга, милая дочь советника... Девушка современная, хорошо знающая трактат о любви, но увы — только с практической стороны.

Однако, Нура, героиня поэмы, принадлежала к другому поколению.

— «А она отвечала герою, потупясь в смущеньи великом:

— «О, Ниару, прекрасный, как бык из священного стада!

Твои руки сильнее, чем ветер, нежнее, чем море.

Твои чресла могучи, под стать Арпехси-великану!

Но не нужен мне раб, и тем более — раб недостойный.

Нужен мне господин, чтоб сама я рабою была бы!»

— Все они так говорят, — пробормотал Аддо и улыбнулся.

Он был благодарен Алибасуру. Пожилой воин, повидавший всякого, не размышляя и не распрашивая согласился сопровождать своего подопечного в путешествии бессмысленном и опасном. Опасности сикха не страшили, а само путешествие старый слуга вовсе не считал таким уж бессмысленным. Напротив, он полагал, что подобными деяниями и прославляются все великие герои. Алибасур отказывался видеть в Аддо обычного, пресыщенного жизнью юнца, и убил бы всякого, кто оскорбил бы молодого господина подобным предположением.

Ветра почти не было, и течение песка замедлилось. Следы в нем сохранялись дольше обычного. Благодаря этому обстоятельству, Аддо знал — прочие участники спора давно обошли его. Но не поворачивать же назад из-за этого!

На следующий день они встретили Закира. Казалось, гирканец беспечно спал на песке, прячась от солнца под брюхом своей тощей лошади.

Завидев приближающихся путников, лошадь скосила глаза и заржала злым голосом. Закир проснулся, мгновение вглядывался в силуэты, возникшие перед ним, потом узнал, ощерился и расхохотался, по своему обыкновению.

— С тобой все в порядке? — спросил Аддо.

— Конечно! — весело отвечал гирканец.

— Он ранен, господин, — тихо сказал сикх. — Мы должны оказать ему помощь.

Действительно, левая рука у самого плеча Закира была перехвачена неумелой повязкой.

— Что с рукой? — поинтересовался Аддо.

— Пустяки. Стрела.

— Ты достал наконечник?

— Нет. Больно же!

И Закир снова рассмеялся.

— У него лихорадка, господин, — так же тихо проговорил Алибасур. — Он умрет, если ему не помочь.

— Что говорит твой раб? — каркающим голосом спросил Закир и сверкнул глазами.

— Он говорит, что тебе — конец.

— Проклятье! Распроклятое проклятье да падет на головы ему и тебе, да и мне за одно!

— Что же случилось? — Аддо спешился и неловко ступая затекшими ногами, приблизился к раненному.

— На меня напали мерзкие людишки, из тех, что разъезжают по пустыне на противных ящерицах, и думают этим кого-то удивить! — поведал гирканец, рыча и отплевываясь. — Я сражался с ними и убил не меньше десятка, пока у меня не устала рука...

На самом деле он убил всего двоих, но небольшие преувеличения в устных рассказах о подобных делах счситаются обязательными у славных гирканских воинов.

— А они все появлялись и появлялись, со всех сторон, — продолжал Закир. — Когда эти мерзавцы поняли, что так им меня не взять, они принялись кружить вокруг меня и стрелять из луков. Вот ведь подлость!

— Постой, разве не так делают гирканцы, когда нападают в степи на караваны? — спросил Аддо с невинным видом.

Закир разразился новой чередой проклятий.

— Значит, тебя ранили стрелой. Хорошо, что ты все-таки удрал от них, — Аддо сел на песок рядом с ним.

— Удрал! — в глазах гирканца показались слезы. — Это они удрали от меня... А впрочем — неважно. Твой раб не врет? Мне крышка?

— Нет, если ты примешь нашу помощь.

Закир застонал от бессильной ярости. Его самолюбию был нанесен сильнейший удар, и следовало не сразу согласиться на предложение приятеля, а немного посопротивляться, и этим поддержать славу гордого воина степей. Но сил у Закира недоставало даже на это.

Сикх приготовил воду, чистое тряпье для перевязки, разжег небольшой костерок из колючих, насквозь сухих веток мертвого кустарника, и раскалил на огне лезвие ножа. Тем временем Аддо снял заскорузлую повязку и осмотрел рану на плече гирканца.

— Сильно нагноилось, — заметил он. — Но с другой стороны, это к лучшему. Ты почти не почувствуешь боли...

— У тебя руки, как у женщины, — язвительно произнес Закир. — Я не боюсь боли... Я не неженка.

— У вендийцев высокого происхождения руки и должны быть нежными, — терпеливым голосом проговорил Алибасур. — Ты должен радоваться этому. Искусство целительства доступно только некотроым кастам. А врачевание ран — превелегия самых благородных. В отличии от, скажем, зубодеров, чей труд презрененен и жалок.

— У меня отродясь не болели зубы, — сообщил гирканец.

Пока они разговаривали подобным образом, Аддо извлек наконечник и вычистил рану от поверхностного гноя. Потом он тщательно разжевал комок кальянного зелья и сделал из него примочку.

— Теперь дело за временем, — сказал он. — Когда мы вернемся в Хоршемиш, пригласим к тебе самого искусного лекаря из возможных. Два дня ты всяко протянешь. Если тебе станет худо, мы усадим тебя на верблюда. Вернее — уложим ему на спину.

— Причем здесь верблюд? — спросил Закир. — Мы никуда не возвращаемся. То есть, вы, если желаете, можете и повернуть, но я еду дальше.

— Бернегард и Сигур нас обошли, — пожал плечами Аддо. — Нет большого смысла гнаться за ними.

— Одного из них я должен догнать, — срачно сказал гирканец и скривился. — Д аже убивать не буду эту тварь, только хочу, чтобы он видел, что я выжил...

— О чем ты говоришь? — удивился вендиец.

— Не о чем, а о ком, — процедил сквозь зубы Закир. — О Сигуре, да пожрут его печень стервятники!

— Конечно, ты не должен ничего объяснять, но если тебе не трудно... — Аддо старался проявить деликатность. Однако гирканец перебил его.

— Когда эти черные, на ящерицах, пропали, я добрался сюда и упал с коня. Едва из раны перестала течь кровь, как появился Сигур со своим проводником... Прегнусный тип, настоящий конокрад и вор. Он смотрел на меня и ухмылялся.

Я не просил помощи у Сигура, как не просил ее у вас. Он сам завел об этом разговор. Сказал, что ему очень жаль, но он не повезет меня, не станет возиться и даже воды не оставит, потому что умирающему она ни к чему.

«Эй, разве я похож на умирающего?» — спрсил я.

«Завтра станешь похож, это уж точно,» — ответил он.

«Ну и проваливай! — сказал я. — желаю тебе выиграть пари и удавиться на собственных кишках!»

«Пари? — он расхохотался мне в лицо. — Глупый гирканец! Я выиграю в любом случае, и никого не останется на свете, кто бы мог оспорить мою победу!»

«Может, добьем его?» — спросил проводник.

«Охота тебе марать руки об эту падаль!» — отвечал ему Сигур.

Потом они ускакали. У них были слишком свежие лошади... Я не знаю, как это объяснить, да и нужно ли объяснять... От злости я едва не повредился в уме. Но теперь мне лучше, и я... благодарен тебе, Аддо.

Последние слова дались гирканцу нелегко, но он справился с этим. Алибасар впоследствии говорил, что на его глазах свершилось превращение незрелого юноши в настоящего воина, отец которого может гордиться им.

— Сдается мне, Сигур замыслил недоброе, — сказал Аддо, когда они продолжили путь.

Закир наотрез отказался сесть на верблюда, и продолжал ехать на своей тощей лошади, действительно похожей на борзую собаку, причем не только статью, но и злобным норовом. Она то и дело пыталась укусить за ногу верблюда Алибасура, вынуждая его брыкаться.

— Гнусная мокрица, — с большими чувством молвил Закир. — Что бы он не задумал, вряд ли это достойно и хорошо.

— Если господа позволят, я поделюсь с ними своими мыслями, — важно произнес Алибасур.

— Чего там, делись, — развязно кивнул гирканец.

Сикх дождался кивка своего молодого господина и продолжил:

— Господин Сигур — великий завистник. Он принадлежит к тому же роду, что и господин Бернегард. Однако богиня удачи не жаловала эту ветвь их родового древа, как порой и садовник иные ветви яблони украшает яркими лентами, а иные — оставляет в пренебрежении...

— Ух ты! Он всегда так говорит? — изумился гирканец. — Тебе бы на курултае выступать! На совете племен!

— У нас это называется диваном, — с достоинством отвечал сикх. — Но речь не обо мне, господин. Речь о Сигуре, равно как и о его родственнике, юном Бернегарде. Недостойному слуге кажется, что основные опасности, связанные с нашим путешествием, угрожают ему, а не нам.

— Что из этого следует? — спросил Аддо.

— Как что? — вместо слуги отвечал гирканец. — Нам стоит поторопиться.

* * *

Был пятый день пути. Бернегард прокалился насквозь ослепительно белым солнцем. Голову но прятал под складками головного убора, состоящего из длинного, перекрученного куска ткани. Но ресницы его выгорели, а лицо сделалось смуглым, как у коренного жителя этих мест.

Вся лишняя влага выпарилась из тела аквилонского рыцаря, и он ощущал странную, приятную легкость.

От жажды, впрочем, путники не умирали. Едва подходила к концу вода в их бурдюках, Конан безошибочно находил новый оазис, а если не оазис — так колодец, если же не колодец, то особое место прямо посреди пустыни. В этом особом месте киммериец рыл яму два локтя глубиной, и на дне ее в скором времени появлалась вода, на удивление свежая и прозрачная.

Конан объяснял Бернегарду, по каком признакам можно отыскать подобное место, но рыцарь слушал невнимательно. Происходящее казалось ему сказкой, а сказочные герои не погибают от обезвожживания. У них всегда под рукой оказывается спутник, обладающий редкостными умениями.

Таким образом, путешествие по раскаленному песку превратилось для Бернегарда в приключение духа. В то время, как Конан не отделял внутренних переживаний от состояния плоти.

Для северянина он слишком любил солнце. Многие жители севера заявляют вслух, что солнечный свет для них — радость жизни, счастье и утеха. Но они имеют ввиду жалкое подобие гордого светила, что плывет низко в мутном небе, над самым горизонтом, и едва в состоянии растопить снег. Настоящего солнца северянин не может вынести, его светлая кожа покрывается волдырями, мозг плавится в перегретой голове, а глаза поражает грызущая боль.

Конан-киммериец наслаждался. Горячие лучи ласкали его тело, похожее на статую древнего героя. Казалось, он может обходиться и без воды, и без еды, черпая необходимую для жизни энергию в солнечных лучах. Тем не менее, он ловко отыскивал воду, а когда запас пищи подошел к концу, выследил у одного из оазисов пустынную антилопу и добыл ее, настигнув на лошади одним стремительным броском.

Он сам приготовил мясо на угольях, благо подходящей у костра древесины было в избытке.

— Надо съесть все, — сказал он Бернегарду. — Мы не сможем сохранять мясо долго. Оно испортится уже завтра.

— А если его завялить? — предложил рыцарь.

Варвар фыркнул.

— На это уйдет полдня, да и к тому же, вяленое мясо вызывает жажду. Нам это ни к чему.

Осознав справедливость этих слов, Бернегард больше ни разу не спорил со своим проводником.

Он сам иногда думал, почему бывалый воин, опытный путешественник, не лишенный к тому же честолюбия, возится с ним, человеком малосведующим, чьи достоинства достались ему по наследству и ничем не подтверждены?

Задай он этот вопрос киммерийцу прямо, и то не получил бы внятного ответа. Возможно, благодаря жизненному опыту, варвар видел в юноше хорошие задатки, которые позволят и ему в последствии стать славным воином, достойным славы предков. Может быть, Конан радовался случаю расстроить планы хитрого негодяя. Не без корыстных соображений, в том числе. Там, где хитрый негодяй строит сложные планы, наверняка есть чем поживиться и честному человеку. Достаточно этого негодяя устранить.

Нужно заметить, что Конан представлял себе подробности предстоящего весьма туманно, рассудив — не без остроумия — что это и не важно. Главное, оказаться в нужном месте в нужное время, а там посмотрим. Этим правилом варвар руководствовался всю свою жизнь и не разу еще не пожалел об этом.

* * *

Таинственного человека, помощника Сигура, звали Сквирр. Он не являлся в прямом смысле слова наемным убийцей, хотя, если за это платили, убивал без колебания. Это обстоятельство малоинтересно само по себе. Гораздо интереснее способы, которыми Сквирр осуществлял разного рода грязные дела.

Несколько зим назад к нему обратился некий юноша, которому позарез требовалось избавиться от власти опекуна, человека старого и крайне рассудительного. Такой человек никогда бы не вник в проблемы молодости, ибо его собственная молодость миновала так давно, что подробностей просто не сохранила бы человеческая память.

Существовало одно осложнение. Проклятый старец, как уже говорилось, был крайне рассудителен. И конечно, он рассудил, что прыткий племянник попытается добраться до завещаных ему денег, переступив через остывающий труп дяди. Страрый пройдоха написал завещание, в котором содержалось прямое указание: в случае смерти его при подозрительных обстоятельствах, начать следствие с допроса племянника и держать его под подозрением, пока тот не сознается.

Проклиная мнительность стариков вообще, и своего дяди в частности, племянник впал в отчаяние. Когда Сквирр предложил ему отделаться от старого дурня за жалкую тысячу золотых, юноша счел эту сумму заниженной.

А через три дня после заключения договора между ними, дядя сошел с ума. Он разгуливал по улицам Хоршемиша в неподобающе-легкомысленном виде, произносил путанные речи, то хохотал во все горло, то вдруг старался спрятаться от невидимого окружающим врага.

Несчастного безумца взяли под стражу, дабы он не натворил бед. В его покоях нашли особое курительное зелье, пристрастившись к которому, человек теряет себя в лабиринтах ярких видений...

Племянника даже не заподозрили в том, что он сам подбросил зелье в покои дядюшки. Тут имело место одно обстоятельство, сыгравшее решающую роль в признании полнейшей его невиновности. Дело в том, что покои дяди запирались на ключ, существовавший в единственном экземпляре. Ключ дядя всегда носил с собой, на цепочке, и не снимал даже в серных банях, которыми славен Хоршемиш.

Итак, все решили, что старик употребил слишком большую дозу зелья и повредился в уме. Может быть, в последствии его рассудок и прояснился, но кто поверит безумцу, уверяющему, что он здоров?

Племянника, проявившего себя в качестве любящего и почтительного родственника, назначили опекуном несчастного. В этом очевидна жестокая насмешка судьбы. Дальнейшая судьба старика никому не известна. Возможно, он жив и по сию пору, и влачит горькое существование в доме скорби, никому не нужный и забытый всеми. А судьба племянника, напротив, ясна. Но богатство, которого он так ждал, не принесло ему счастья.

Сквирр, отличавшийся практическим умом, не сомневался — молодой глупец очень быстро пустит деньги по ветру.

Он явился в богатый дом, сменивший хозяина, и потребовал приплаты за молчание.

— Спору нет, ты ловко провернул это дело, — сказал ему племянник, — но кто поверит тебе? Ты подбросил зелье, и все теперь думают, что старик пал

жертвой собственной неаккуратности. Но ты, Сквирр, слишком хорошо замел следы. Иди, рассказывай, про тебя тоже решат, что ты обкурился зелья.

Сквирр рассмеялся.

— Ты умнее, чем я думал, но всего на один ход.

— Что тебе за дело? Я не собираюсь играть с тобой в шахматы, -= ответил один негодяй другому.

— Некоторые люди воображают себя хозяевами своей судьбы, в то время, как на самом деле — они лишь фигуры на доске, — возразил на это Сквирр. — Хорошо. Не плати за молчание. Плати за право остаться в живых. Только учти, это стоит дороже.

Племянник не стал платить вовсе. Сквирр, похожий на дешевого прощелыгу, хмыкнул, завернулся в свой засаленный халат и ушел.

А ближайшей же ночью окрестности богатого дома огласились душераздирающими криками.

Племянника посетило видение. То был призрак, совершенно бесплотный, за исключением одной лишь правой руки. Рука оказалась твердой, костлявой и холодной.

Лицо призрака принимало очертания самых жутких чудовищ, но не это свело наследника с ума. Именно костлявая рука, которой призрак хватал молодого человека за горло и душил его, оказалась страшнее всего.

Слуги заметили на горле новоявленного безумца отпечатки узких пальцев, но решили, что юноша оставил их сам, собственной рукой. Сумашедший успел выброситься из высокого окна на каменную мостовую прежде, чем его осмотрели лекари. Так, в страхе и тоске, он и окончил свою жалкую жизнь.

Если бы мудрый кхитаец Тьянь-По, давний приятель Конана, из изречений которого киммериец почерпнул немалую толику своих премудростей, знал эту историю в подробностях, он бы непременно сказал Конану:

— Важно уметь довольствоваться тем, что у тебя есть. Призрачные мечты толкают человека в руки к призракам.

На это Конан, по своему обыкновению спорить, возразил бы кхитайцу: если человек не умеет справиться с жалким призраком, ему и мечтать-то не имеет смысла.

Так бы они и остались, каждый при своем мнении, неизменно довольные друг другом и самими собой.

Однако Тьянь-По не знал этой истории, да и варвар проведал о ней много времени спустя.

Сквирр долго еще пребывал в ярости.

— Люди — страшные дураки, — сказал он себе. — С ними очень трудно иметь дела. Попробуем добиться от них хотя бы уважения. А там и платить начнут.

Следующее дело, за которое взялся Сквирр, оставило по себе жуткую память. Некий богатый господин воспылал страстью к дочери другого богатого господина. Казалось бы, отчего этим господам не решить дела полюбовно? Но

интересы обеих сторон пересекались еще в одном пункте, а именно — оба богатых господина являлись друг другу заклятыми врагами.

В ту пору принц Хорешмиша был еще очень молод, и держался на троне благодаря опыту и верности своих советников. Однако при дворе принца сложилась партия, желавшая низложения законного правителя, или хотя бы жесткого регенства, при котором принц скорее всего не дожил бы до совершеннолетия. Отец девушки принадлежал именно к этой партии, в то время, как жаждущий ее человек поддерживал интересы юного наследника трона.

Если бы он носил бы в сердце своем подлинную любовь, то все случилось бы по иному. Путей, по которым он пришел бы к возлюбленной, очень много. Придворный мог бы предать трон, или переманить на свою сторону отца девушки, или пуститься на хитрости и заключить с ним ложное перемирие, чтобы, получив желаемое, тут же расторгнуть его...

В конце концов, он мог бы отказаться от своих притязаний, не желая навредить красавице и ее близким. Как знать, может именно эта жертва умилостивила бы судьбу, и она помогла бы влюбленному. Но любви не было. Придворный испытывал страсть, сродни той, что горит в глазах барышника, или собирателя диковин. Страсть обладания. Девушка оставалась для него неодушевленной вещью, которою можно купить или украсть, если обстоятельства склоняют к подобному решению.

Как придворный узнал о Сквирре — можно только гадать. По-видимому, худая слава колдуна, устраивающего темные дела за мзду, уже ходила по злачным местам Хоршемиша.

— Ты — колдун? — спросил его вельможа при первой встрече.

— О, нет, — отвечал Сквирр. — Колдуны читают заклинания, собирают их в особые книги, изготовляют препараты из сушеных нетопырей и прочей гнуси. Колдуны повелевают силами стихий, или думают, что повелевают. Я же не имею дерзновения так считать.

— Кто же ты такой? — продолжал настаивать придворный, привыкший, чтобы ему отвечали прямо.

— Недостойный твой слуга, — сказал на это Сквирр и склонился в поклоне. — Пусть твоя милость не ломает над этим голову. Пусть твоя милость заплатит золотом и избавится от всяких забот. И нынче же ночью станет возможной радость плотского соития с девой, чьей красотой ты пленен.

— Пленен... Экой вздор! Просто хочу ее, — сказал вельможа и стиснул зубы от яростного вожделения.

Они сговорились.

Этим же вечером в доме отца девушки случился переполох.

Девушку тщательно охраняли, поскольку отец подозревал своего противника в способности нанести ей бесчестие. Не смыкая глаз, по всюду за ней ходили трое воинов, которых сменяли каждую стражу. Ночью они стояли у изголовья ее ложа. Это были молодые, сильные люди, с живой плотью и кипящей кровью. Странно, что от них отец девушки не ждал никакого бесчестия.

Едва девушка легла спать, как в комнату влетел крылатый змей. Он был похож на рыбу со множеством плавников. Змей обвил кольцами своего тела горло одного из стражников, И тот упал замертво. Второй выхватил меч, но благородный клинок не причинил змею вреда, проходя сквозь чешуйчатое тело так же свободно, как луч света — сквозь темноту. Змей поразил этого воина жалом, спрятанным в кончике хвоста, и несчастный скончался в жутких конвульсиях.

Третий воин заглянул в глаза змея и уснул. Именно из его уст изошли подробности страшной ночи. Большего он не мог поведать, но уж было ясно, что именно змей и унес девушку.

В такой ситуации самое ужасное — что невозможно даже предположить, где искать пропавшую красавицу.

— Если бы вельможа стоял за этим, то нанял бы какого-нибудь ловкого вора. Крылатый змей наводит на мысль о маге, или могущественном жреце. Вельможа, насколько было известно, магией не занимался. Стало быть колдун или жрец положил на несчастную красавицу глаз и выкрал ее, как только ему представился удобный случай, — так сказал капитан городской стражи убитому горем отцу.

А вельможа тем временем успел насладиться своей пленницей. Он взял ее силой, и это разожгло огонь его страсти еще сильнее. Но даже самый жаркий огонь гаснет со временем. К началу следующего дня он уже не мог смотреть на похищенную без отвращения. Она непрерывно плакала, чем раздражала его безмерно.

— Во всяком случае, свое ты получил, — сказал ему Сквирр.

Он оставался в доме вельможи все это время и распоряжался там, как хозяин. Слуги царедворца недоумевали и даже роптали. Им неприлично было прислуживать такому грязному оборванцу, к тому же — с отвратительными манерами.

Странно, но получив деньги от первого клиента, Сквирр не потратил ни одной монеты на новую одежду. Халат на нем был все тот же, засаленный донельзя. Сквирр получал удовольствие от своего внешнего вида. Ему нравилось, как богатые господа, одетые в парчу и дорогой бархат, делают над собой усилие, чтобы не морщиться, находясь рядом с ним, человеком нужным. Нравилось хватать грязными руками лучшие куски с золотого блюда, вытирать эти руки о драгоценный шелк обивки...

— Да, ты получил свое... — повторил он, ухмыляясь.

— Ты — тоже, — напомнил ему вельможа. — Я рассчитался с тобой полностью.

— Ты намекаешь, что я злоупотребляю твоим гостеприимством? — Сквирр усмехнулся еще шире. — Думаешь, что мне еще чего-то от тебя надо? Не-ет, это тебе, уважаемый, скоро опять потребуется моя помощь. Поэтому я и не ухожу. Что ты станешь делать с этой девкой? Намерен ли ты и впредь держать ее в своем доме?

— Еще чего! — сказал царедворец. — На что мне она? Я вышвырну ее немедленно.

— Это глупо, — возразил ему Сквирр.

Вельможа вспыхнул. Он не привык, чтобы с ним разговаривали подобным образом.

— Повторяю тебе, это глупо, — настаивал Сквирр. — Она прибежит к своему отцу и укажет на тебя.

— Они не станут поднимать шум, захотят уберечься от позора, — пожал плечами царедворец.

— Учитывая способ, которым девушка была опозорена — станут. И это будет громкий шум.

— О каком способе ты говоришь? Разве не ты привел ее ко мне, как уличную девку?

— Ее похитил змей, — сказал Сквирр, щурясь от удовольствия. — В тебе заподозрят колдуна. Конец твой будет ужасен.

Вельможа скрипнул зубами.

— Проклятье! Ты уверял меня, что не пользуешься колдовством!

— А я и не пользуюсь. Объяснить тебе суть моего метода не получится. Вряд ли ты поймешь. А тупоумные судьи — тем более.

— Про какого змея ты толкуешь?

— Это — удивительный змей, — почти восторгаясь, произнес Сквирр. — Одно из самых прекрасных созданий на земле.

— Где же он?

— Везде. И здесь — в том числе.

Вельможа не выдержал и рассмеялся.

— Я думал, — выдавил он, — что большего вздора, чем на совете во дворце, я не услышу нигде. Но ты меня удивил. Воистину, ярморочные прощелыги горазды на выдумки. Не сойти мне с этого места, если я вижу здесь твоего змея!

Не успел царедворец произнести эти слова, как из под столика, украшенного затейливой резьбой, появилась змеиная голова. Она была огромная, золотого цвета, с глазами, полными холодной злости.

Вельможа застыл. Язык его прилип к небу. Он попытался броситься к своей сабле, висевшей на стене в богатых ножнах, но не смог — ноги его отказывались двигаться. Вельможа словно прирос к полу.

Тем временем змей появился полностью. Он плыл в воздухе, окружая царедворца просторными петлями, и тот в ужасе понял, что не в силах будет помешать змею, если он вздумает сжать кольца.

— Ну, видишь теперь? — осведомился Сквирр. — Я не лгал тебе. И это не колдовство, в том смысле, как понимают его люди.

— Откуда он взялся? — пролепетал вельможа.

— Отовсюду. Я же сказал, что он — везде. И не он один. Мир полон странных существ, которых мы не замечаем. Для нас они прозрачны и бесплотны.

Люди не только живут с ними бок о бок, но и ходят сквозь них, спят на одном ложе с ними... Если бы почтенные горожане только знали об этом соседстве!

Сквирр разразился счастливым смехом. Он любовался переливами света на змеиной коже и наслаждался волнами страха, что исходили от вельможи, гордого и могущественного. Что теперь его гордость и его могущество, перед лицом подлинной мощи! Думая об этом, Сквирр отшел к столику, налил себе вина из бронзового кувшина, и принялся смаковать благородный напиток, какой не купишь в лавке за медные деньги.

— Несведущему может показаться, что я имею над этими существами власть, — продолжал он. — Это не так. Я могу призвать этого красавца-змея — не правда ли, он красив? — но не в моих силах заставить его исчезнуть. Ему нужно мясо, господин. В нашем мире, мире плотских существ, жители эфира потребляют слишком много жизненных сил. К тому же, они в праве требовать от меня угощения...

— Я дам тебе все, что ты попросишь, — взмолился вельможа. — Сколько угодно денег... А хочешь — у тебя будет дом, прекрасный загородный дворец, со слугами и мебелью... Только избавь меня от этой твари... Она слишком пристально на меня смотрит...

— Мне не нужно загороднего дворца, господин. Что я там буду делать? — рассудительно произнес Сквирр. — Такому оборванцу, как я, самое место в грязной ночлежке. А вот деньги всегда приятно иметь. Сто тысяч золотом — это не слишком много в такой ситуации?

В знак согласия царедворец кивнул.

— Кстати, — заметил негодяй, — змей поможет нам избежать неприятностей при расследовании. Ему ведь все равно, кого пожрать. Нежное мясо молодой красавицы даже предпочтительнее...

Так и случилось, что девушку больше никогда никто не увидел, а вельможа раскошелился на сотню тысяч.

Сквирр не стал больше его донимать. Вид золотого змея, пожирающего женщину, потряс даже похитителя красавицы, хоть он и был бездушным мерзавцем. Этому царедворцу доводилось и прежде наблюдать жестокие казни и присутствовать при пытках, и ни разу его сон не обратился в кошмар.

Однако с тех пор, как погибла несчастная жертва его похоти, царедворец не ведал покоя. Он совершенно поседел, вздрагивал от каждого шороха, и поскольку силы оставляли его с каждым днем, вельможа принялся судорожно творить добрые дела. Так он надеялся умилостивить богов и собственную совесть. Помогло это ему, или после смерти вельможу ожидала смрадная яма, полная голодных демонов — этого никто не скажет наверняка.

А о Сквирре пошла слава, как о человеке воистину всемогущем, который поможет в любом деле, но и плату потребует огромную, и лучше бы с ним не торговаться. Летом он жил под старым мостом, в компании безобразных нищих и воров. Зимой перебирался в халупу, из которой сбежали даже пауки.

Денег он брал за свои услуги крайне много, но куда прятал их, на что тратил – того никто не ведал.

Прошло несколько десятилетий, и люди наблюдательные заметили бы неладное. Сквирр не старел. Только кожа на его лице все сильнее покрывалась отвратительной на вид коростой. А еще от него исходил сильный жар, словно его тело было куском раскаленного металла.

Этому его свойству Сигур поражался больше всего, до тех пор, пока они вместе не выехали за ворота Хоршемиша.

— Я не уразумел до конца, — сказал аквилонец, — за каким демоном мы пускаемся в путь? Если Бернегард сгинет в песках, как ты мне обещал, я не вижу смысла в соблюдении правил этого дурацкого пари.

— Не такое уж оно и дурацкое, — ухмыльнулся в ответ Сквирр. — Если бы я прожил другую жизнь, и был бы не тем, кто я есть, то непременно бы принял участие в чем-нибудь подобном. Я удивляюсь тебе, рыцарь. Неужели в твоей душе не осталось места для благородных чувств?

— Если бы осталось, вряд ли я обратился бы к тебе, — процедил сквозь зубы Сигур. — Ты не ответил мне.

— Если ты до сих пор ждешь ответа, то слушай. Я хочу, чтобы ты воочию убедился, что с наследником покончено. Тогда ты не сможешь вилять.

— Но ведь я окажусь под подозрением! Подумай, мы оба были в пустыне, я вернулся, а Бернегард пропал. Люди подумают, что я убил его.

— Об этом тебе нечего волноваться, — сказал Сквирр. — Мы вернемся слишком рано, чтобы кто-нибудь смог предположить, что ты ездил в пустыню. Никого из участников пари не останется в живых.

— Слишком рано? То есть, Бернегард будет убит поблизости от города? Но ведь тогда его скоро найдут, и начнется следствие...

— Нет. Все случится далеко от Хоршемиша. Покинутый дворец находится в десяти днях пути, если менять лошадей.

— Он на самом деле существует?

— Конечно! — Сквирр осклабился. — Я стараюсь не лгать. Есть и дворец, и статуя, все чин-чином.

Какое-то время они ехали молча. Конь под Сквирром приплясывал. Это был беспородный жеребец, плохо ухоженный и злой. Пару раз он попробовал сбросить седока, но Сквирр прошептал ему что-то на ухо, и животное оставило свои попытки, однако нервничать не перестало.

— Постой-ка, — спохватился Сигур. — Десять дней пути... Как же я окажусь в городе слишком рано? Десять дней туда, десять — обратно... Мое отсутствие заметят, и трудно будет объяснить его.

— Ты все еще мне не доверяешь? — притворно изумился Сквирр.

— А ты стал бы доверять на моем месте?

Сквирр рассмеялся.

— Конечно, нет. Но призадумался бы, после того, что сейчас произойдет.

— А что произойдет?

Вместо ответа Сквирр вытянул вперед правую руку и подвигал растопыренными пальцами. Там, куда падала тень от его руки, пыль вдруг ожила, взметнулась сначала небольшим фонтанчиком, потом собралась в маленький, упругий столбик смерча.

Смерч приплясывал и рос на глазах. Пыль скрипнула на зубах у Сигура, запорошила ноздри лошадей, и те протестующе заржали. Бешено вращающаяся воронка издавала резкий звук, довольно громкий. Потом он сделался еще громче, послышался хлопок, и конь Сигура присел, мотая головой.

После хлопка звук пропал. Сигуру показалось, что он внезапно оглох. Пыль стояла стеной вокруг них, и сквозь эту стену ничего не было видно.

— Что происходит? — проорал Сигур, боясь, что звук его собственного голоса окажется не громче комариного писка.

— Мы летим над землей, — спокойным тоном отвечал Сквирр. — Я рекомендовал бы тебе крепко держать поводья. Если твоя лошадь выйдет за пределы смерча, вы сразу рухнете вниз, к радости песчаных шакалов.

Сигур посмотрел под копыта своего коня. Внизу, сквозь горловину воронки, виднелись волнистые дюны. Они проносились мимо, появлялись следующие, и так — до бесконечности. Высота была большая, тысячи две локтей.

— Это какой-то морок, — сказал Сигур. — Ты дурачишь меня!

— Вот как? — Сквирр нахмурился. — Ну что ж, попробуй развеять иллюзию. Не хочешь? Тогда держи за зубами свой язык!

Сигур возмутился:

— Как ты смеешь разговаривать со мной подобным образом? — крикнул он. — Ты, мелкий жулик, прощелыга, хам...

— Да, я хам, — согласился Сквирр. — Но не трус. Если мне понадобится убить кого нибудь, я не стану нанимать для этого постороннего человека.

Сигур подавленно замолчал.

Их кони, напуганные состоянием невесомости, даже не старались вырваться из объятий смерча, только мелко дрожали и жалобно ржали. Пустыня плыла под ногами. Продолжалось это довольно долго, и Сигур впал в сонное оцепенение. Случившееся с ним и в самом деле напоминало ночной кошмар, но пробуждения не было.

Наконец лошади коснулись копытами песка. Они пошатывались, как пьяные, и сообщники спешились. Солнце клонилось уже к горизонту.

— Мы преодолели трехдневный переход, — сообщил Сквирр. — А теперь мне нужен отдых.

Он расстелил прямо на песке одеяло и повалился на него. Сигур бродил вокруг, как потерянный, пока не решил последовать примеру своего проводника. Однако ему не спалось. Оцепенение, охватившее Сигура в воздухе, прошло, и он бодрствовал. Мысли его были горьки.

Стремительно стемнело и похолодало. Сигур изнывал от тоски, страха и усталости. Когда его взгляд упал на спящую фигуру Сквирра, он чуть не вскрикнул. Ужас сковал его.

Над спящим клубился белесый туман, заметный на фоне ночной черноты. Он вел себя, как живое существо, обладающее волей. Казалось, в нем шевелится нечто злобное и упрямое, обладающее огромной силой.

Светила луна, и в ее лучах сгусток тумана выглядел еще более страшным. Потом из самой его толщи высунулась рука — костлявая, с длинными когтистыми пальцами, и тотчас убралась обратно. Следом показалось крыло, кожистое, с длинными крючьями по краям. Оно всколыхнуло воздух и погрузилось обратно. Но из тумана уже выглядывала жуткая морда, с круглыми рыбьими глазами и пастью, ощеренной тонкими, острыми зубьями.

Завороженный этим представлением, Сигур не отрываясь смотрел на странный туман, а Сквирр, прямо над головой у которого появлялись чудовища, продолжал спать.

Сигур пригляделся повнимательнее и едва сумел удержать крик: Загадочный и зловещий бродяга не дышал. В лунном свете его лицо, обезображенное экземой, выглядело маской.

— Мертв! — подумал Сигур. — Что же будет со мной?

Из тумана явилась змеиная голова. Чешуя на ней отливала металлом.

Змеиные глаза вдруг приблизились, и в вертикальных зрачках Сигур не увидел ничего, кроме ледяной ярости. Он потерял сознание.

Утром его разбудил Сквирр.

Разбитый и оглушенный, Сигур нашел в себе силы рассмеяться, но смех его был жалок.

— Мне приснилось, будто ты умер, — сказал он.

— Иногда сны бывают правдивы, — ответил Сквирр.

— Но ведь ты жив, не так ли?

— Мы мало знаем о жизни и смерти. Преступно мало. Что считать жизнью? Чувство голода, физические страдания, жажду власти и богатства? Или еще грубее — способность сердца гонять кровь по жилам?

— А что считать смертью? — спросил Сигур, испытывая раздражение.

Сквирр не ответил ему.

Следующий перелет закончился там, где царь Уграл увидел, пробудившись, свой дворец...

Сигур сидел на ступенях, странно холодных, словно над куполами дворца не сияло палящее солнце. Отчуждение и глухая тоска охватили аквилонца, и резной алебастр, и мозаика потолков не восхищали его. Он понимал отчетливо только одно — Его занесло невесть куда, и теперь он в полной власти загадочного существа, назвать которого человеком можно только с большой натяжкой.

Сквирр, напротив, был весел. Он передвигался по дворцу энергичными пробежками, восклицал и смеялся. Полы его халата развевались, словно крылья аиста-падальщика. Сигур не удивился бы, если б его проводник вдруг упал бы на мозаичный пол и забился бы в припадке. Так ведут себя дервиши и бесноватые на рынке Хоршемиша.

— Она там, наверху, — ликуя, оповестил его Сквирр. — Неужели ты даже не захочешь взглянуть на нее?

— Я думал, все это выдумки, — вяло отвечал аквилонец. — Впрочем, что мне за дело? Я не хочу на нее смотреть.

Но Сквирр ухватил его за локоть и силой повлек наверх.

Сигур пробовал сопротивляться, однако Сквирр обладал нечеловеческой силой. Вырваться из его хватки оказалось невозможно.

В пустой, большой зале действительно находилась статуя. Прошедшие века никак не сказались на белизне мрамора и его гладкости. Даже пыль не ложилась на каменную женщину, что было в высшей степени странно.

— Правда, она прекрасна? — Спросил Сквирр.

— Зачем ты привел меня сюда? — удивился Сигур. — Я не интересуюсь древностями. Может, ты забыл наш уговор?

— Нет, аквилонец, уговор я помню. Можешь не переживать, я всегда выполняю обещанное. Иначе моя сила покинет меня. Таковы правила. Но приятно иногда совместить приятное с полезным. Приятным я называю созерцание этой прекрасной статуи...

— Я не вижу в ней ничего исключительного, — оборвал его Сигур. — Работа довольно груба, нарушены пропорции, искажены линии...

— Глупец! Она же живая! То, что ты считаешь пропорциями и линиями, лишь жалкая пародия на жизнь, нелепые потуги ваятелей сравняться с природой...

— Хорошо. Она живая. Мы притащились в самое сердце пустыни, дабы полюбоваться на нее. Тем временем мой родственник еще далеко отсюда, и неизвестно, не повернул ли он назад. Ты мог убить его много раз, а я до сих пор не вижу его головы. Ты — колдун, может быть даже — демон. По ночам ты не дышишь. Это — твое дело. Я хочу видеть Бернегарда мертвым, а не созерцать живые статуи!

Сквирр расхохотался ему в лицо.

— Ты так и не понял, ничтожество, во что ввязался? Ты нужен мне, как материал для опытов. Мне плевать на твои желания. Тебе не уйти отсюда. Но, как я уже сказал, свое обещание я выполню. Бернегард будет мертв.

Сигур бросился на него с кулаками, но Сквирр, отделившись от пола без всякого видимого усилия, перекувыркнулся в воздухе и ударил Сигура в грудь ногами.

Упав, аквилонец ударился головой о стену и потерял сознание.

Потом, спустя время, когда он открыл глаза, сознание все еще не вернулось к нему. Он двигался, говорил, испытывал чувства, но все это было чужое, ибо нечто вселилось в тело аквилонца и сделало его своим. Сигура не стало.

Если это кому-нибудь интересно, то душа его угодила в смрадную, душную темноту, где живут мерзкие чудовища — Зависть и Отчаяние.

Спустя несколько дней Закир повстречал при уже известных нам обстоятельствах уже не прежнего Сигура, а того, кто поселился в его теле.

* * *

Прошло одиннадцать дней.

Когда Бернегард увидел вдали купола, пылающие на солнце, он остановил своего коня, спешился и опустился на песок. Юный рыцарь млел от радости. То, что казалось ему недостижимой мечтой, грезой, чарующим сном, теперь показалось наяву.

— Это ведь не мираж? — спросил он у своего проводника.

— Посмотри сам, — отозвался Конан. — Вот приметные скалы, все сходится. Мираж не повторил бы рисунка карты. И потом, разве ты не видишь, как волнуются лошади? Они чуют воду. Их миражами не обмануть.

Варвар тоже испытывал радость, но не выражал ее столь открыто. Приключение близилось к концу. Правда, самая опасная его часть еще впереди, но зато обратная дорога всегда легче — это он знал на личном опыте.

Конан внимательно изучал песок под копытами своего коня. Ветер изрядно потрудился, заметая следы, но кое-что осталось для глаз бывалого следопыта. Множество отметин, тонких, будто царапины. И оставлены эти следы недавно, совсем недавно...

— Поблизости ильруахирримы, — сказал киммериец. — Я понял, почему они не напали на нас раньше.

— Почему? — поинтересовался Бернегард.

— Им нужно было, чтобы мы очутились здесь. Все это время волки песков провожали нас, пасли, как баранов. Если бы мы сбились с пути, они атаковали бы, но не всерьез, а так, чтобы мы вернулись на нужное направление.

— Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? — Бернегард поднялся на ноги и инстинктивно ухватился за рукоять меча.

— Т-с-с! Не делай резких движений! — остановил его варвар. — Пусть они думают, что мы ни о чем не подозреваем. Тогда на нашей стороне окажется небольшое, но все-таки преимущество.

— Распоряжайся, — кивнул ему Бернегард. — Я надеюсь, ты понимаешь, что твой гонорар зависит от того, останусь я в живых, или нет.

— Если я буду мертв, какой мне прок в деньгах? — весело отозвался Конан. — Теперь садись в седло и неспешно следуй за мной. Под укрытием стен нам не страшны стрелы, а огромные вараны не решатся лезть в человеческое жилье, даже заброшенное.

Путники миновали парадный вход, у самого порога которого намело целый бархан песка. Но за порог пустыня не переступила, словно дворец охраняло сильное заклятие.

Источенные временем ворота вели во внутренний двор. Там друзья обнаружили поилку для лошадей, полную свежей воды, и свежее сено в кормушках. Сено источало одуряющий аромат, совершенно немыслимый среди песков.

— Чудеса! — воскликнул рыцарь.

— Попахивает колдовством, — хмуро отозвался Конан, однако, ослабив подпругу своего коня, позволил ему напиться и припасть к кормушке.

— Хорошо, что это местная порода лошадей, — сказал он. — Рыцарский конь из Аквилонии не выжил бы.

— Посмотрим, не найдется ли внутри чего-нибудь для людей, — произнес Бернегард. — Насчет аквилонских лошадей — не знаю, а вот аквилонский рыцарь выжил, и очень хочет есть.

Юноша вел себя с веселой беспечностью победителя. Наездники на варанах, оставшиеся снаружи, уже не страшили его.

Первый этаж дворца напоминал рисунок к рассказу о царе Уграле. Все было точно так, как расписывал торговец картами, только в фонтиане не было рыбок, а на деревьях не пели птицы.

Исполинские черные статуи у входа в каждый зал тоже соответствовали легенде. Правда, в ней великаны были живыми...

— Может, они и не умирали, — сказал Конан, когда Бернегард указал ему на статуи. — Не советую дразнить их, или как-то выказывать свое пренебрежение. Я, конечно, их не боюсь, но все же, мы — непрошенные гости.

— О чем ты говоришь? — изумился юноша. — Это — каменные истуканы, и ничего больше.

И тут же осекся. Ему показалось, что один из гигантов изменил выражение лица. Только что оно хранило каменную невозмутимость, а теперь его черты исказила мука...

— Следуй за мной, — проговорил Конан, сделав вид, будто ничего не заметил.

Да, статуя была тут. Женщина, изваянная в натуральную величину,, застыла в ожидании бесконечности. Вся ее фигура выражала покой и отрешенность.

— Тебе не нравится? — спросил Бернегард у варвара.

Тот покачал головой:

— Она похожа на хищницу. Притаилась в засаде, и ждет. Только кого? Нас?

— Ты прав, — раздался голос откуда-то сверху, и человек в черных одеждах опустился перед попутчиками.

— Сигур? — Удивился Бернегард. — Ты добрался сюда раньше нас? Поздравляю тебя, старина. Приз твой.

— Мое имя — Уграл. Запомни его, презренный, — произнес человек и скрестил руки на груди. Этот жест, полный надменности и гордыни, столь не подходит Сигуру, каким его знал Бернегард, что юный рыцарь подумал, будто обознался. Но вглядевшись пристальнее, он отказался от сомнений. Бесспорно, перед ним стоял его двоюродный брат.

— Опомнись, дружище, — миролюбиво сказал ему Бернегард. — Ты перегрелся на солнце и устал. Я тебя понимаю. Путь был не из легких. Но все позади. Теперь ты богач. Денег хватит на хорошее имение...

— О каких деньгах ты толкуешь, презренный? Что для меня деньги? Я — царь Уграл, владыка пустыни... Ты будешь наказан за свою дерзость.

И снова рыцарю показалось, что сходство странного пришельца с Сигуром только поверхностное. Сигур иначе говорил, иначе звучал его голос, иными были жесты манера держаться. А еще Бернегард заметил, что незнакомцу, именующему себя Угралом, тяжело и тесно внутри собственной кожи, словно он надел на себя слишком узкую рубаху.

Тем временем человек в черном приблизился к статуе и обнял мраморные ноги изваяния.

— Уже скоро, — прошептал он со страстью. — Скоро я дам тебе теплой крови, и твоя плоть станет, как прежде, живой и горячей.

Бернегард оглянулся в поисках Конана, но киммериец куда-то пропал.

Конечно, он и не думал бежать, просто рассудил, что Бернегард сам справится со своим родственником. Варвар хотел отыскать второго, и самым решительным образом потребовать от него объяснений.

Сквирр не заставил его долго рыскать по дворцу.

На верхней галерее Конан заметил его фигуру. Негодяй не пытался спрятаться, напротив, он ожидал приближения варвара и посмеивался. Его уродливое лицо от злобы и насмешки сделалось ещеь отвратительнее.

— Волки песков говорили о тебе, — произнес он. — Я знаю таких, как ты. Думаешь, что твоей силы будет достаточно, чтобы справиться со мной?

Не отвечая ему, Конан извлек меч из ножен и устремился на галерею.

Но едва он преодолел первый лестничный пролет, как черная тень обрушилась на него. Поначалу бесформенная, она обрела очертания черезвычайно высокого, костлявого старика. Старик вытянул вперед свою длинную руку и попытался ухватить ею Конана за горло.

Взмахнув мечом, варвар попытался перерубить зловещую руку, но клинок не встретил сопротивления плоти, а прошел сквозь воздух. Тень развоплотилась на мгновение, но почти сразу вернулась в прежний вид.

Могильным холодом несло от призрака, и это был совсем не тот холод, о котором мечтает путник среди раскаленной пустыни.

— Кром! — вскричал варвар и принялся яростно размахиваать мечом, не позволяя тени обретать форму. Старик обратился в огромное серое пятно тумана. Конан прошел сквозь него и устремился дальше.

Вдруг что-то тяжелое ударило его по ногам, так что Конан едва не потерял равновесия. Это крылатый змей возник из пустоты и атаковал киммерийца.

Теперь Конан столкнулся с более серьезным противником. Змей не развоплощался, когда сквозь него проходил клинок. При этом, все его длинное тело оставалось средоточием мощи. Змей витал в воздухе вокруг киммерийца, захлестывал его кольцами и сдавливал, при этом оставаясь неуязвимым. Варвар изворачивался, как борец на ковре. У него не оставалось времени, чтобы поразмыслить, где у этой гадины уязвимое место. К счастью, удача не отвернулась от Конана. Приготовившись для решительного удара, змей изогнул хвост,

и киммериец увидел на самом его кончике острое жало, загнутое, как у скорпиона.

Не раздумывая, Конан нанес удар по кончику хвоста. Неожиданно на стену брызнула черная кровь. Змей зашипел, задергался, широко раскрыл свою пасть, в которую уместился бы взрослый человек, и пропал, оставив в воздухе тяжелое зловоние.

— Не может быть! — кричал Сквирр в ужасе. — Они непобедимы! Ты не сумел бы одолеть их!

— Как видишь, у меня это получилось, — ответил ему Конан, криво усмехаясь. — Теперь твоя очередь.

С этими словами он погрузил клинок в грудь негодяя.

Тем временем в зале возле статуи шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Уграл, чей дух завладел телом аквилонца, одолевал. Он старался подтащить Бернегарда к самому подножию статуи, чтобы там пронзить его грудь особым кинжалом, предназначенным для жертвоприношений.

Меч рыцаря, сломанный, лежал на полу. Он сломался, когда Бернегард попытался атаковать противника.

До последнего мгновения Бернегард не верил в то, что перед ним не Сигур. Он слышал, что безумцы обладают страшной физической силой, что бесноватые часто неуязвимы для оружия, и все старался заглянуть Сигуру в глаза. Юноша надеялся, что это отрезвит помешанного. Но глаза Сигура были мертвы. Казалось, он сам превратился в изваяние.

Теперь, у подножия статуи, Бернегард слабел с каждым мигом и готовился к смерти. Еще немного — и холодная сталь вонзится в его сердце, его кровь омоет ноги дочери песочного царя, а что произойдет дальше — рыцарь уже никогда не узнает...

В том состоянии, в котором пребывал Бернегард, только сугубое любопытство может спасти жизнь. Юноше стало обидно не за жуткий конец, уготованный ему судьбой, а именно за эту неизвестность, что начнется сразу после удара кинжалом. Собрав волю в кулак, Бернегард ухватил руку с кинжалом за запястье, вывернул ее и с силой оттолкнул от себя.

Его противник захрипел, отшатнулся и медленно осел на пол. Костяная рукоятка кинжала торчала из его груди.

В то же мгновение статуя покрылась частой сетью трещин, покачнулась и рассыпалась в прах.

Конан нашел его и привел в чувство.

— Я, кажется, понял, что тут происходило, — сообщил он. — Твой родственник обратился не к тому человеку. Он хотел убрать тебя, и думал, что всесильный негодяй из Хоршемиша — лучший исполнитель. Однако, у Сквирра оказалась собственная цель. Я не знаю точно, каким образом, но этот бродяга умел ловить человека на его собственные пороки. К жадине он посылал демона алчности, к похотливцу — демона сладострастия. А твой кузен, по всему су-

дя, являлся гнездилищем гордыни. Тебя, кстати, он поймал на любопытстве. Однако власти над тобой у него не было.

— Я нахожу, что это весьма кстати, — вставил Бернегард.

Мертвое тело, лежащее в комнате, среди осколков статуи, без всякого сомнения принадлежало Сигуру. Дух Уграла покинул его, и остался один только труп, пронзенный кинжалом.

— Духи требовали от Сквирра пищи, — продолжал Конан. — По сути он был их игрушкой, хоть и извлекал из этого свою выгоду. Но зло никогда не играет честно. Не стоит даже и пытаться вести с ними дела.

Дочь песочного царя жаждала жизни. У нее был слуга — дух царя Уграла. А тот, в свою очередь, действовал через Сквирра. Неизвестно, много ли путников, попавших сюда случайно, погибли бесславным образом.

— Получается, ты все время знал, что нас подстерегает опасность в этом дворце? Почему тогда ты не остановил меня, и даже пошел вместе со мною? — спросил юноша растерянно.

— Потому что всякая история должна закончиться. И тем более — такая. Б-р-р, мерзость! Однако, нам надо придумать, как выбраться отсюда. Ильроахирримы кружат вокруг дворца. Они поклоняются статуе, и прийдут в ярость, узнав, что мы превратили ее в груду обломков.

Пошатываясь, Бернегард подошел к окну. Действительно, всадники на варанах показывались то здесь, то там. Отвратительные рептилии разгребали лапами песок и били хвостами.

— Их десятка два, — определил Конан. — Об открытом бое и думать нечего. Остается только ждать, когда у них иссякнет терпение, и они пойдут на приступ. Жаль, что у нас нет лука. Я бы прямо сейчас снял одного-двух...

— В это самое мгновение один их волков пустыни пошатнулся в седле и упал со спины варана. В спине его торчала стрела. Ящер накинулся на него, и тучи песка скрыли его участь от посторонних глаз. Впрочем, и так было ясно, что участь эта ужасна.

— Что происходит? — недоумевающим тоном осведомился Бенегард.

И тут же увидел ответ на свой вопрос.

Его приятели, о которых он уже и думать забыл, шли на выручку. Аддо и Алибасур мчались, понукая своих верблюдов, прямо на врага, а Закир, быстрый, как молния, атаковал с фланга.

Вместо того, чтобы разбежаться в стороны, ильруахирримы метнулись, подобные черным теням, прямо к стенам дворца.

Не сговариваясь, Конан и аквилонский рыцарь спустились во внутренний двор, оседлали своих коней, и кинулись в бой.

Схватка была короткой. Почти все черные наездники были убиты. Ильроахирримы не умеют сражаться, как принято у воинов, их удел — нападения из засады. Впрочем, их стрелы принесли много неприятностей Бернегарду и его друзьям: почти все были ранены. Больше всех досталось Закиру. Гирканец ругался, на чем свет стоит, когда терпеливый Аддо перевязывал его раны.

Некоторые из стрел оказались отравленными, и предусмотрительный Алибасур, захвативший целую бутыль целебного бальзама, заслужил много горячих благодарностей. Другой на его месте возгордился бы, но сикх знал о своем предопределении, не желая ничьего другого.

— Жаль, что прекрасная сказка оказалась только приманкой, — с грустью молвил Аддо. — Вот и верь после этого старинным легендам.

— Мы никому не расскажем правды, — отозвался Бернегард. — Легенды творятся ежеминутно, но редко заканчиваются. Добавим свои штрихи к этому рисунку, чтобы было что вспоминать другим.

— Устами юноши говорит мудрость, — сказал на это Алибасур, а Закир, в знак согласия, ощерился и расхохотался по своему обыкновению.

Конан пожал плечами. Он не понимал этих странных господ. Для него не было особой разницы между легендой и настоящей жизнью, и он лучше других понимал, что правда интереснее всякого вымысла.

И если мы слышали эту историю так, как она разворачивалась на самом деле, то значит Конан поведал о ней кому-то из своих знакомых, те передали ее своим знакомым, и так далее. Вполне возможно, что повесть изменилась до неузнаваемости, и подлинная судьба мраморной статуи и Сквирра, одержимого духами, сложилась немного иначе. Кто знает, кто знает...

Стигийские маги

Рядом с границей Кешана и Стигии, у отрогов гор, что скрывают в своем сердце большой город Алкменон, стоит маленький городок — Курганак. Больше половины жителей в нем — стигийцы, хотя считается, что он расположен на территории Кешана. Городок этот торговый, но какой-то невеселый; не бывает там ни разудалых ярмарок, ни праздников, ни особенно оживленного обмена товарами. Купцы проезжают его быстро — торопятся попасть в Птейон или Сухмет. Но все же чужаки здесь не редкость, и в городе имеются целых два постоялых двора.

На одном из них, том, что похуже и поближе к окраине города, сидели тем вечером сразу двое постояльцев: огромного роста варвар со смоляными волосами и синими глазами и невысокий, верткий, смуглый человечек, который даже в помещении не стал снимать с себя доспеха.

Варвар больше слушал, время от времени вставляя «хм!», а человечек говорил без умолку. Видимо, о чем-то любопытном для своего собеседника болтал он, потому что киммериец ни разу не прерывал его, не заревел «клянусь Кромом, ты меня утомил!» — или что-то в этом роде. Хотя трактирщик поначалу ожидал именно этого.

С облегчением убедившись в том, что оба его постояльца, несмотря на полную противоположность характеров, сошлись вполне по-дружески и что вина им хватит еще на половину ночи, когда их, вероятно, сморит сон, трактирщик удалился на покой. А собеседники остались возле очага и продолжили свою беседу. Второй путешественник был стигиец. Поначалу, когда они с киммерийцем только-только встретились на этом постоялом дворе, они страшно не понравились друг другу.

— Стигиец? — проворчал варвар, трогая меч, рукоять которого высовывалась из-за могучего плеча.

— Варвар? — прищурился стигиец, поводя плечами особым образом, так что все пластины, нашитые на его кожаный доспех, угрожающе зазвякали, а различные амулеты и подвески на поясе забренчали, точно ковши в посудной лавке во время сильного ветра.

— Лучше уж быть варваром, чем жить в Стигии, среди «цивилизованных» людей, — фыркнул киммериец. — Не будь я Конан-Амра, если мне захочется осесть в этой отвратительной стране!

— Говори почтительнее о моей родине! — разозлился маленький стигиец и повыше задрал нос. Черты его смуглого лица были приятные, правильные и тонкие, большие темные глаза влажно блестели, широкие гладкие брови выглядели так, словно их специально смазывали маслом.

— Еще чего! — заявил Конан. — Всем известно, что Стигия — берлога злобных колдунов и обиталище отвратительных демонов. Ничего хорошего не может быть родом из Стигии.

— Да, в Стигии много магов, — отозвался молодой стигиец. — Но не одни только маги населяют эту землю, можешь мне поверить! Кто, по-твоему, возделывает стигийские поля? Кто ловит рыбу? Кто производит тонкие стигийские ткани, режет по кости и дереву, создает изящные украшения?

— Кто? — заинтересовался Конан. И тут же ответил сам себе: — Вероятно, какие-нибудь несчастные рабы, которых вы вывозите из Черных Королевств или пригоняете с севера.

— Можно подумать, в других странах нет рабов! — задиристо возразил стигиец. — Нет, в нашей стране, поверь мне на слово, много достойных людей. Другое дело, что наши маги действительно преуспели в черных науках и иногда от них нет никакого житья...

— Ладно, — вдруг согласился Конан. — Ты мне нравишься. Странный ты тип.

— Мое имя — Гирадо, — представился стигиец. — Я родился в Луксуре и с детства люблю его башни и таинственные улицы. Знаешь, приятель, там ведь очень красиво.

— Да. А еще — жутко, так мне говорили ребята, которым удалось унести оттуда ноги, — сказал Конан.

— Иногда «жутко» — часть понятия «красиво», — задумчиво отозвался Гирадо.

— Слишком сложно для меня, — проворчал Конан. — Давай лучше ужинать.

За ужином они подружились окончательно. Гирадо оказался замечательным собеседником. Он очень много знал, побывал в десятках городов, проник — как казалось, слушая его рассказы, — в сотни тайн, и обо всем имел собственное мнение.

Он был воином. Конан впервые видел воина-стигийца и не уставал дивиться этому зрелищу.

Гирадо был вооружен с головы до ног: на нем был доспех из очень плотной кожи, с нашитыми медными пластинами, во многих местах помятыми и пробитыми, — очевидно, этот доспех не раз побывал в бою; на левой руке стигиец носил маленький круглый щит, за спиной у него висел лук, на бедре — колчан, за поясом — шесть кинжалов в ножнах, а чуть ниже — короткий и широкий

меч, какими пользуются пехотинцы. Имелся еще длинный меч, но он остался лежать в комнате, где остановился путник, вместе с остальными его нехитрыми пожитками — колючим одеялом из верблюжьей шерсти, котелком, связкой черного вяленого конского мяса и седлом с уздечкой. От своего оружия стигиец даже не подумал избавиться, когда спускался вниз, к очагу, где намеревался перекусить перед сном.

Конан исподтишка разглядывал многочисленные амулеты, которыми стигиец был увешан. По мнению варвара, выглядело это крайне глупо. С другой стороны, низкорослый воин происходил из Стигии, а там знают толк в колдовстве. Возможно, этот парень понимает, для чего ему быть, точно красавица из гарема, с головы до ног в побрякушках.

Они ужинали и разговаривали, а потом, когда с мясом и хлебом было покончено, принялись за вино и уничтожили немалое его количество. Гирадо рассказывал о своих подвигах. Несколько раз ему удавалось уничтожить монстра. В Стигии, по его словам, полным-полно монстров, и он, Гирадо, взялся их изводить.

— Сейчас у меня охота на дичь покрупнее, — признался он наконец, после шестого или седьмого увесистого бокала местного хмельного напитка.

Конан вопросительно поднял бровь.

По другую сторону границы, в Стигии, в сумрачном лесу Вио шла тайная и страшная жизнь, о которой до поры никому не было известно. Там сохранилось в неприкосновенности племя человекозмей, которых называли с'тарра. Они умели передвигаться с огромной скоростью, подобно своим прародителям-змеям, когда те неслись прямо на добычу, но, в отличие от предков, не ползали на брюхе, но ходили прямо, высоко подняв маленькую узкую голову. Их тела, тонкие и гибкие, чуть извивались при ходьбе — это помогало им удерживать равновесие. Маленькие красные глазки злобно блестели из-под капюшонов. С'тарра носили широкую одежду без рукавов с низко опущенными капюшонами — это позволяло им скрывать свой истинный облик и чувствовать себя уверенными.

Даже в своем лесу они не любили обнажать головы. Между собой они разговаривали, быстро шипя и высовывая дрожащие раздвоенные языки. Их речь была примитивной, но хорошо служила им. Эти существа были созданы в незапамятные времена одним могущественным магом. Давно уже погиб этот маг и забылись его имя и деяния, но зловещее племя змеелюдей продолжало населять лес Вио. С'тарра почти не размножались; если случалось самке отложить яйца, то их берегли как зеницу ока. Половина змеенышей так и не вылуплялась — они были мертвы изначально, и яйца постепенно протухали. Из оставшихся многие погибали, едва разорвав кожистую скорлупу — их убивали солнце, влажность, ветер. Но десяток явившихся на свет развивался и вскоре вырастал в холодных, сильных, беспощадных магических воинов. С'тарра бы-

ли созданы идеальными слугами волшебника. Утратив господина, они тосковали, смутно осознавая причину своей тоски. Жизнь их не имела смысла. Они поддерживали ее лишь потому, что это также было заложено в их природе.

Наконец кое-что переменилось.

На окраине леса Вио четверо магов выстроили четыре башни. Об этом мало кому было известно. Здешние края почти необитаемы. Земля неплодородна, поэтому крестьяне не приходят сюда со своими быками и плугами. Среди местных растений нет ни шелковицы для того, кто умеет выделывать тонкие шелковые ткани; ни папируса — для умеющих творить письменные принадлежности. Ничего такого, что привлекло бы сюда посторонних людей.

Идеальное место для уединенных занятий магией. Именно так решили четверо братьев-магов, сыновей Мутэмэнет.

— Ты не знаешь о Мутэмэнет? — блестя глазами, торопливо шептал молодой стигиец, в то время как Конан неспешно поглощал вино, бокал за бокалом, и с удовольствием слушал. — Это была исключительная женщина. Мага. Она знала заклинания из десятков магических книг. Никто даже не подозревал, сколько ей зим. Говорят, больше тысячи... Во всяком случае, не меньше пятисот. Как она была красива! Длинные черные волосы. Она разбирала их на сотни прядей и кончик каждой пряди помещала в длинную золотую колбочку, а саму прядь перевивала жемчужными нитками. Глаза она красила темно-синей краской, брови покрывала перламутром, на щеках рисовала красные спирали, а губы...

— Погоди, — перебил вдруг Конан. — Ты описываешь не женщину, а настоящую ювелирную и косметическую лавку. И еще говоришь, что она была красива. Не вижу я что-то красоты.

— Понимаешь, она ослепляла...

— Ты видел ее?

— Нет, но мне рассказывали... Кроме того, мне показывали ее портреты...

— Где? В магической академии?

— Можешь смеяться надо мной, сколько тебе влезет, — надулся молодой стигиец. — Нет, я видел ее портреты на рынке в Луксуре.

— По медяку за штуку? — фыркнул варвар.

— По три... Какая разница! Будешь перебивать и насмешничать — вообще ничего больше тебе не скажу.

— Сдается мне, речь сейчас пойдет о сокровищах, — сказал варвар проницательно. — Поэтому не буду я больше перебивать тебя. И смеяться не стану. Прости, братец.

— То-то же, — примирительно улыбнулся стигиец. — Ладно, я буду тебе рассказывать так, как рассказывали эту историю мне, а ты слушай и помалкивай. Скоро начнется самое интересное.

Мутэмэнет породила на свет четверых сыновей. Никто не знает, кем был отец этих отпрысков. Поговаривали, будто бог Сет или бог Апоп. Во всяком

случае, кто-то очень неприятный. Но она умела обольстить могущественное существо мужского пола, раздразнить его естество и получить желаемое.

Знаешь, Конан, — добавил стигийский воин, — на том же луксурском рынке до меня доходили совсем другие слухи... Будто бы отцом всех этих великих сыновей великой маги Мутэмэнет был какой-то безвестный конюх. Красивый малый и совсем безродный, но храбрец и великий охотник до женщин. Будто бы прекрасная мага увидела его, выглянув в щель между занавесями своих носилок, когда тот оглаживал лошадь, и сказала сама себе: хотела бы я быть этой лошадкой! А парень услышал, как знатная дама высказывает такое пожелание... Результат тебе понятен. Четверо сыновей.

Она родила их одного за другим. Они — четверня. Можешь себе представить? Говорят, Мутэмэнет не захотела тратить лишнего времени на вынашивание каждого ребенка по очереди и магическим способом сделала так, чтобы все ее дети родились, так сказать, в один присест.

Разумеется, она применила могущественную магию. Не знаю уж, в какой книге она это нашла. И не могу тебе точно сказать, что это было: напиток, заклинание, волшебный предмет... В общем, укладываясь на ложе любви с бравым конюхом, мага применила свои чары, и семя зачатия разделилось на четыре части. Такая ей пришла фантазия.

— А куда потом делся конюх? — заинтересовался Конан.

— Неизвестно. Может быть, она его съела. Был такой слух, что Мутэмэнет умеет превращаться в змею. Одни говорили — в крылатую, другие — в огненную. Во всяком случае, в одной своей ипостаси эта женщина — монстр.

— Такая женщина в любой ипостаси — монстр, — проворчал Конан. — Я бы ее зарубил, не раздумывая.

— Кожа у нее медная, — сказал Гирадо. — Это точно. Общепризнанный факт. Впрочем, поговаривают, что конюх, отягощенный дарами, уехал из Стигии и теперь процветает не то в Офире, не то в Зингаре. Повезло парню.

— Наверное, до сих пор плюется и на женщин смотреть не может, — предположил Конан.

Гирадо пожал плечами.

— Вот уж это — точно не наша с тобой забота. Итак, предприимчивая мага родила сразу четверых сыновей. Но то ли она ошиблась в расчетах, когда применяла во время зачатия свою магию, то ли это входило в правила игры — не знаю уж, да только каждый из ее сыновей принадлежал только одной стихии: старший — земле, второй — воде, третий — воздуху, четвертый — огню. Вся магия, которая была им подвластна, имела отношение только к одной из стихий; да и характер, телосложение, способности — словом, все было несколько однобоким. Один был плотный, черноволосый, туповатый и упрямый. Второй — синюшный, отечный, с выпученными голубыми глазами, неопределенный, со странными приступами гнева, которые сменялись глубокой меланхолией. Третий — совершенно белый, как червяк, с длинными истонченными конечностями, с хрупкими костями, огромным ртом и раздутым животом.

Этот обладал, кроме всего прочего, неприятной особенностью испускать газы. Противный тип, ничего не скажешь. Погодой повелевал, как божество, но во всем остальном... И капризный.

— А огненный? — заинтересовался Конан.

— Чернокожий и огненно-рыжий, как ты понимаешь, всегда кипящий злобой и яростью, любитель уничтожать, ломать, крушить. Всегда шел напролом.

Эти четверо деток доставляли своей матери немало трудных мгновений, но она умела с ними справляться. Потому что, в отличие от них, Мутэмэнет была цельной личностью.

Не думаю, чтобы она много времени потратила на обучение их магическим искусствам, потому что они сами по себе были произведениями магического искусства. Она использовала их в собственных целях. Только не спрашивай меня, каковы эти цели были. Я не умею проникать в тайные мысли людей, даже если это великие маги, о которых судачит вся Стигия. Но уверяю тебя, Мутэмэнет ничего не делала просто так.

На краю леса Вио, который они выбрали ради уединенности, эти существа по приказу своей матери возвели четыре башни и стали учиться там повелевать стихиями. Прошло немало зим, прежде чем с'тарра, обитавшие в глубине леса, прослышали о новых соседях и начали задумываться о том, нужно ли им подобное соседство.

С одной стороны, людям-змеям требовался властелин, истинный маг, который направил бы их темные силы в нужную сторону. Они желали подчиняться. С другой... С другой стороны, слишком долго они прожили, не зная над собой никакой власти, совершенно свободными, сами себе господа и повелители. Они отвыкли подчиняться. Единственный господин, чью волю они выполняли охотно — так сказать, в силу своей естественной природы, — давно уже умер. А чего ожидать от новых магов? Не будут ли распоряжения этих неизвестных новых господ глубоко противны всей сущности с'тарра?

Ответов на свои вопросы они не получили. И затаили глубокую темную злобу. Нет, им не нужны по соседству маги с их башнями. Они не желают служить каким-то непонятным магам четырех стихий. Маги, насколько было известно с'тарра — а этим существам, несмотря на всю их примитивную, полуживотную природу, о магии и чарах известно, поверь мне, очень многое! — имеют обыкновение вторгаться в природу магических, искусственно созданных существ и изменять их по собственному усмотрению. История о том, как были изменены змеи, осталась в памяти с'тарра как нечто удивительное, страшное и болезненное. Им не хотелось повторения.

Им хотелось тихо жить в своем уединенном лесу, вдали от всех, и выводить немногочисленное потомство. От магов слишком много шума и беспокойства.

А затем им на ум пришла еще одна мысль. Надо тебе сказать, что мысли у с'тарра всегда простые, но сильные и определенные. Так мыслят все животные. Сначала они видят добычу, потом выискивают способ напасть на нее, а

когда определено и то, и другое — нападают, больше ни на что не отвлекаясь. Так же поступили и с'тарра. Они пожелали возвести вокруг своего леса большую стену и наложить на нее заклятие, чтобы никто не осмеливался пересечь эту границу. Для чего им необходимо было изгнать магов и завладеть теми волшебными предметами, которые наверняка имеются в четырех башнях.

И в одно страшное утро все четверо сыновей Мутэмэнет вместе с их прекрасной и ужасной матерью проснулись от странного звука. Все кругом шипело и шелестело, как будто вся листва опала со всех деревьев, какие только растут в Стигии, и прилетела шуршать под стены башен. Ради этой битвы все с'тарра расстались со своими плащами и явили солнечному свету свои тела, покрытые грубой сероватой чешуей. Они неустанно подкапывали башни, некоторые лезли наверх, вооруженные кинжалами и собственными острыми зубами.

— Как ты думаешь, они ядовитые? — спросил Конан, задумчиво ковыряя ножом в зубах.

— Зубы с'тарра? Почти наверняка! — убежденно отозвался молодой стигиец. — В общем, не стану тебе пересказывать все мысли, которые посетили в эти часы головы нападающих, равно как и мозги пяти магов, засевших в башне.

— Да уж, избавь меня, пожалуйста, от этих рассуждений, — согласился Конан. — Что меня интересовало меньше всего, так это сложные соображения, которые терзают извращенный ум какого-нибудь колдуна. По мне так, всем им место в преисподней. Лично я так и поступаю.

— Как? — не понял Гирадо.

— Отправляю их в преисподнюю, — объяснил Конан. — Говорю тебе, это самое лучшее местечко для всякого мага.

— Ну, я как человек, который видит свой долг в уничтожении разного рода монстров... — начал стигийский воин, однако киммериец перебил его:

— Я уже понял, что ты победил парочку монстров. Продолжай рассказ. Когда ты наконец перейдешь к самому главному?

— А что, по-твоему, самое главное?

— Сокровища, разумеется! Ты ведь собираешься наложить лапу на какой-нибудь крупный красивый камень? Или они закопали там монеты?

— Знаешь что, давай-ка все по порядку. Сперва я расскажу тебе все, что знаю, а потом уже будем решать, стоит ли вообще ввязываться в это дело, — рассудительно проговорил Гирадо.

— Сдается мне, ты уже в него ввязался, — заметил Конан.

— Может быть... Но у меня, возможно, есть на то свои причины, — не стал отпираться Гирадо.

— У меня тоже есть причины, — сказал Конан. — И главная из этих причин — я очень люблю деньги.

— А для чего тебе деньги? — полюбопытствовал молодой стигиец.

— Для всего! — отрезал киммериец. — Я люблю красивых женщин, люблю, чтобы они были красиво одеты, чтобы от них хорошо пахло, чтобы на паль-

цах у них блестели побрякушки и чтобы эти красивые женщины меня ласкали! Я люблю хорошую еду, добрых лошадей, мне нравится оружие... Да мало ли для чего могут потребоваться деньги! — рассердился он вдруг, сообразив, что стигиец, слушая его, улыбается все шире. — Ты вздумал надо мной насмехаться, а? Ты полагаешь, что ты, такой цивилизованный, сумел бы распорядиться деньгами лучше?

— Возможно, — сказал Гирадо. — Но у меня другая причина. В этом рубине...

— Ага! — хищно возликовал Конан. — Итак, речь идет о рубине. Большом?

— Очень. В этом рубине Мутэмэнет прячет душу моего брата.

— Ну надо же! А с рубином ничего не случится после того, как мы извлечем эту душу? — забеспокоился Конан. — Может быть, освободив душу твоего брата из заточения, мы испортим камень, и он не будет больше стоить ни гроша? — Однако увидев, какое лицо сделалось у его собеседника, Конан перестал смеяться. — Я тебя понял, — сказал он серьезно. — Тебе нужен рубин. Мне он тоже нужен. Когда мы покончим с Мутэмэнет, ее змеенышами и этими зверолюдьми, то заберем камень и поделим его поровну. Тебе — душу, мне — все остальное.

— Я расскажу тебе все по порядку, — опять проговорил стигиец. — И тогда уже будем решать, кому что достанется. Дело куда сложнее, чем тебе кажется.

С'тарра были повсюду. Когда маги поняли, что дело плохо, было уже поздно. Кругом они видели оскаленные пасти и обнаженные кинжалы. Башни дрожали и шатались. С'тарра в силу своей полузмеиной природы отлично умеют копать норы. Они вгрызались в землю, прорывали в ней сотни ходов. Все кругом тряслось и дребезжало. Не было никакого смысла сражаться с врагом магическими средствами — это только ускорило бы падение башен. Поэтому маги поступили иначе.

Они заперлись каждый у себя и принялись призывать к себе на помощь духов своей стихии. Все вокруг башен пришло в движение — облака, деревья, поднятые в воздух ветки, огненные смерчи... Нам с тобой даже трудно себе представить, что там началось.

Из Башни Воды под огромным напором вылетели, разламывая стены, водные духи. Мощные струи разрывали кладку, скреплявшую камни, как будто это была бумага, и устремлялись ввысь. На гребне этих фонтанов восседали странные полупрозрачные существа с перепончатыми лапами и выпученными глазами. Каждое из них вооружено трезубцем. Из их груди вырывалось странное, утробное пение, от которого — можешь мне поверить! — стынет кровь в жилах любого живого существа.

Башню Огня охватил столб пламени. Сперва он устремился ввысь, к небу, но затем изогнулся и опустился к подножию башни. Точно согнутый указательный палец, он преследовал и придавливал к земле расползающихся с'тарра. Там, где он прикасался к их плоти, оставалась только лужица черной дымя-

щейся жидкости. Вся трава вокруг была выжжена, а среди облаков быстро понесся густой темный дым.

— Представляю себе, как там воняло! — сморщился Конан. — Ненавижу змей и всех их змеиных божков!

— Я бы на твоем месте не радовался, — остановил его стигиец. — Расправляясь с человекозмеями, маги вызвали сюда, в наш мир, куда более отвратительных существ. Лучше бы уж все оставалось как есть. По крайней мере, тогда каждый сидел в своем лесу или замке и никого не трогал, а теперь все они свободно разгуливают по юго-восточной Стигии, и нет от них спасения.

Из Башни Воздуха с бешеной скоростью начали вылетать различные предметы. Как будто из огромной невидимой пращи кто-то запускал в нападающих подсвечниками, креслами, ложами для отдыха, табуретами, подголовниками, статуями — словом, всеми предметами обстановки, какие только попадались. Так сражались духи воздуха. Что касается Башни Земли, то здесь тоже было на что посмотреть. Из-под невысокой скалы, на которой она стояла, вдруг послышался низкий угрожающий гул.

Сразу вслед за тем в воздух взметнулись большие камни, куски слежавшейся земли и обломки скалы. Они поднялись наверх и начали кружиться, медленно складываясь в огромных великанов. Эти великаны были медлительны и не слишком умны, но там, где их гигантская стопа опускалась на землю, оставалась глубокая вмятина, и немалое число нападающих размазаны были по траве.

— И снова — жуткая вонища! — хмыкнул Конан. — Твой рассказ, дружище, явно нуждается в том, чтобы его спрыснули благовониями. Как насчет красавицы Мутэмэнет, от которой, судя по твоему описанию, так чудесно пахло притираниями и душистыми мазями? Чем она занималась, пока ее глупые сынки крушили все вокруг, призывая на помощь духов подвластных им стихий?

— Ты прав, древняя, но вечно юная мага не теряла времени даром. Хорошо зная нрав и способности своих сыновей, она заранее покинула башни. Естественно, прихватив с собой несколько важных предметов. Подозреваю, что рубин также до сих пор хранится у нее.

— Стоп, — сказал Конан. — Не так быстро. Давай-ка зайдем немного с другого бока. Кем был твой брат и каким образом его душа оказалась в рубине?

Молодой стигиец замолчал, прикусив губу. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. И Конан не ошибся, предположив, что главной темой раздумий его собеседника был он сам, киммериец. Стоит ли доверять случайному спутнику, с которым недурно было провести вечерок на постоялом дворе? То есть, конечно, Гирадо уже доверился ему — но не до конца... не до самого конца.

Однако теперь, похоже, придется выкладывать ему все.

— Мой отец был женат несколько раз, — нехотя начал молодой охотник за монстрами. — Понимаешь, о чем я говорю?

— О женитьбе. Старик был охоч до хорошеньких девах, — сказал Конан и рыгнул.

— В принципе, ты прав... Я — самый младший сын его самой последней жены, — сказал Гирадо.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! — рассердился стигиец. — Что ты все время поддакиваешь?

— А разве не так принято у цивилизованных людей? — удивился Конан. — Ну хорошо, я буду молчать.

— Ты же видишь, что мне трудно рассказывать! — проговорил Гирадо. — История... не из самых красивых. Ты кажешься мне человеком надежным... если только ты не монстр, который прикидывается человеком ради того, чтобы выведать все мои тайны...

Тут лицо стигийца изменилось. Брови сдвинулись, глаза сощурились, губы сжались в тонкую линию. Он лихорадочно пробежался пальцами по своему поясу и наконец нащупал нужный амулет.

— Ну-ка, — пробормотал молодой человек. — Сейчас, сейчас...

— Что там у тебя? — удивился Конан. Поведение стигийца так его насмешило, что он даже не стал ничего говорить насчет «монстра».

— Знаешь, монстры бывают очень коварны. У меня уже был опыт общения с ними. Один из них обладал магической силой и умел отводить глаза. Притворится благожелательным человеком, женщиной или стариком, к которому ты чувствуешь расположение, выведает все твои тайны, а потом...

— Но ведь ты одолел его? — фыркнул киммериец. — Чего же тебе бояться?

— Я и не боюсь! — Гирадо показал Конану странный предмет, оправленный в серебро. — Это магический зуб дракона. Если бы ты не был тем, кем выглядишь, он засветился бы красным...

— Но я — тот, кем выгляжу? — поинтересовался киммериец. — Дело в том, что я давно не смотрелся в зеркало. Сам-то себе я кажусь довольно привлекательным. Добавлю, что несколько симпатичных женщин вполне разделяли мое мнение, но ты можешь с ними не согласиться.

— Ты — тот, кем выглядишь, — твердо сказал стигиец и убрал магический зуб (если только этот предмет действительно обладал магической силой). — То есть бродягой-варваром, любопытным, жадным и незлым.

Услышав эту характеристику из уст уроженца Стигии, Конан сжал зубы.

— Насчет «незлого» я бы не спешил, — предупредил он.

— Мой отец имел старшего сына от старшей жены, — вернувшись к прежнему повествовательному тону, заговорил опять Гирадо. — Этот брат старше меня почти на тридцать зим. Понимаешь?

— Такое случается, — сказал Конан. — Там, где я родился, жил один старик, и вот однажды ему взбрело в голову жениться на старости зим... — Он засмеял-

ся. — В общем, не помню, что там вышло у него с женой, но история получилась забавная.

— Помнишь, я говорил тебе о конюхе? О том бравом парне, который сделал маге ее сыновей, а потом куда-то исчез?

— Да. Отчаянный человек этот конюх.

— Это и был мой старший брат, Гамбоа. Я знаю, куда он делся. Его тело лежит в подземелье, под Башней Огня, а душа заключена в большом рубине. Я должен вызволить моего брата! Должен любой ценой!

— Насколько я понимаю, — медленно произнес Конан, — вы с ним даже не были знакомы.

— Это неважно. Он мой брат, в наших жилах течет одна кровь... И через него мага может завладеть и мной, если пожелает, — упавшим голосом произнес стигиец.

Конан двинул бровями, пошевелил губами, заглянул в кувшин — вина там больше не оставалось, — и наконец сказал:

— Понятно. Что ж, решение принято. Я буду тебе помогать. А у тебя нет больше никаких тайн, которые имеют отношение к этому приключению?

— Нет, это последняя. Рассказывать дальше?

— Валяй.

Конан откинулся к стене, вытянул ноги к угасающему очагу и приготовился слушать дальше.

— Как ты понимаешь, наделать ошибок в состоянии решительно все, даже могущественные и хитрые маги. Что уж говорить о Мутэмэнет, которая была всего-навсего женщиной, подверженной смене настроений и к тому же отчасти зависящей от сыновей? Она торопилась и впопыхах совершила немало промахов. Среди них были и очень существенные.

В результате активности магов четырех стихий на землю вырвалось множество монстров. Среди них — адские псы и саламандры, которые пожгли все деревни и леса на много миль вокруг. Я был там, на том самом месте, где стояли Башни стихий. Ничего. Выжженная голая земля. И лес Вио погиб. Не знаю, сохранились ли с'тарра — может быть, некоторые из них сумели уползти и скрыться; но старое их убежище уничтожено до последнего кустика, до самой малой травинки.

Останки четверых сыновей Мутэмэнет были найдены и погребены в хрустальном саркофаге. Его отвезли в Луксур — стараниями их матери. Красавица-мага даже не пыталась сделать вид, что сильно скорбит. Надо полагать, она считала своих сыновей не слишком удачным экспериментом. Поспешность, как известно, часто вредит. Так что теперь она намерена рожать себе новых детей, одного за другим, не дробя их натуру. Более тщательно, так сказать.

Я подозреваю, что для этого ей опять понадобится мой брат, ее спящий супруг, чьей душой она владеет безраздельно.

— Как ты думаешь, — спросил вдруг Конан, задумчиво покусывая лезвие кинжала, — какие сны снятся ему в этом магическом забытьи?

Его собеседник содрогнулся.

— Мне даже страшно представить себе это, — сознался он.

— А мне нет, — сказал варвар. — Если эта женщина, эта мага, такая красивая и сладострастная, хочет использовать его в качестве отца для своих детей, то наверняка она насылает ему приятные, сладостные сны, в которых является ему как желанная супруга.

— Может быть. Все может быть, — нервно согласился стигиец. — Меня это сейчас мало занимает. Стигия охвачена бедствием. Местные землевладельцы воюют друг с другом из-за жалких клочков земли, мелкие маги повынимали из сундуков волшебные предметы и принимают сторону то одного, то другого соперника. Адские духи бродят по земле. Сет ликует — кровь льется ручьями, жертвы ему так и падают в пасть. Стигия — такая земля, где исстари прославляется зло, поэтому остановить войну здесь труднее, чем где бы то ни было. Но поверь мне, в Стигии живут не одни только маги!

— Да верю, верю, — согласился Конан. — Глядя на тебя, дружище, я готов поверить во что угодно.

Стигийский воин вопросительно поднял бровь, не зная, как относиться к этой фразе. Во всяком случае, Конан явно не хотел его обидеть. В глубине души киммериец немного потешался над этим низкорослым и довольно щуплым человечком, который считал себя настоящим воином, чье призвание — сражаться против монстров. Как истинный стигиец, Гирадо был суеверен и ничто не могло поколебать его твердой веры в действенность различных талисманов и амулетов. И все же было в нем что-то симпатичное.

Конан сказал:

— Будет тебе обижаться и подозревать меня. Рассказывай дальше.

— По ночам толпы злобных существ бродит по земле. Полупрозрачные убийцы проникают в дома. Везде царит страх. Этих существ выпустили на волю злополучные маги, мои... мои племянники. — Последнее слово он выговорил не без труда.

Конан хлопнул его по плечу.

— Да, друг, тебе не позавидуешь.

— Существует способ загнать всех этих монстров обратно, туда, откуда они явились. Об этом позаботилась Мутэмэнет. Мне понадобилось немало времени и денег, чтобы выведать это у разных магов. Слухи, сплетни, кто-то что-то видел... В основном, конечно, слуги — эти знают куда больше, чем принято думать. Некоторые из прислужников в Луксуре вполне могут преподавать в магической академии — если бы таковая существовала, так много известно им об искусстве повелевать стихиями, силами тьмы и света.

— Я тоже умею повелевать разными силами, — сказал Конан. От съеденного и выпитого, от теплого очага и покоя его постепенно начало развозить. — Например, силой моего меча, силой кулака... или силой... чего-нибудь еще.

— Идем спать, — с досадой проговорил Гирадо. — Ты уже не слушаешь. Завтра — в путь, если ты согласен.

— Конечно, я согласен, — пробормотал Конан, устраиваясь прямо на полу возле очага. — А куда мы отправляемся? Ты так и не сказал мне этого, маленький стигиец...

Спустя мгновение он уже храпел во всю мощь своей богатырской глотки.

В своем луксурском дворце расхаживала взад-вперед мага Мутэмэнет. Мрачные мысли не давали ей заснуть. Старый замысел рушился на глазах. Несколько сотен зим она потратила на изучение заклинаний, искусства составления зелий, способов заключения сущностей в непроницаемую оболочку – своего рода тюрьму, откуда они не в силах вырваться. Трудность состояла еще в том, что большинство формул были созданы магами-мужчинами и использовали при своей реализации мужское естество; маге Мутэмэнет предстояло проделать немалую работу по переводу этих заклинаний в женскую ипостась. Она совершила немало пробных работ и наделала кучу ошибок. Искалеченные, ни на что уже не годные духи, которых она вызывала из небытия, навеки были заключены ею в различные темницы — для этого использовались полудрагоценные камни. Из прозрачных граней хрусталя глядели на магу ненавидящие глаза пленников. Однако она обращала на них мало внимания.

Несколько десятков зим из трущоб Луксура пропадали люди. Обычно это были нищие, бродяжки, попрошайки или дамы весьма легкого поведения. Никто их не разыскивал, никто не интересовался их судьбой. А напрасно. Если бы стала известна участь хотя бы одного из этих несчастных, многие в Луксуре содрогнулись бы и, возможно, приняли меры — пока не стало поздно.

Тела этих людей так и не нашли. Мудрено — мага самолично грузила их на телегу и увозила к реке, где благодарные крокодилы уже заранее разевали зубастые пасти. А души, извлеченные из тел при помощи дьявольских заклинаний, помещались в особые темницы.

Если для духов достаточно было обыкновенного хрусталя, то человеческая душа оказалась куда более сложной и сильной вещью. Хрусталь не мог удержать ее; лопалось и стекло. И даже железо и медь гнулись под ее напором. Для Мутэмэнет это было открытием, и она не преминула записать его в колдовскую книгу, где всегда оставалось несколько чистых страниц, чтобы каждый новый маг, ею владеющий, мог продолжать труды своих предшественников.

Даже души слабосильных калек, что выпрашивают монетку возле храмов Сета. Даже эти душонки оказались достаточно сильными, чтобы разорвать хрустальные путы и доставить пленившей их маге много неприятных мгновений. Поэтому она прибегла к драгоценным камням.

«За что ценят драгоценности? — размышляла она в те дни, выводя изящные письмена на чистых папирусных страницах, плотных и шероховатых, приятных для прикосновения пера. — За красоту? Но это смешно! Что есть красота вне власти? Одно лишь дуновение ветра! Достаточно небольшого де-

фекта, чтобы погубить ее, настолько она мимолетна. Один крохотный скол на отшлифованной грани — и все, красота погублена. Нет, драгоценные камни ценны именно тем, что они дают власть. Власть над людьми, которые превыше всего ставят деньги. Власть над душами, ибо только драгоценный камень достаточно прочен, чтобы удержать внутри себя человеческую душу, изъятую из тела и не убитую, не отпущенную к богам на их вечное судилище...»

Первым по-настоящему удачным опытом стал для Мутэмэнет верзила-конюх, сильный и красивый мужчина, которому она доверила свое тело. Соблазнить его было легко.

Прекрасная таинственная женщина, закутанная в черное покрывало, несколько раз прошлась мимо лошадей, которых чистил этот мощный человек, полюбовалась статями животных, а затем приподняла край покрывала и устремила на мужчину долгий взгляд больших, подведенных синей краской глаз.

— Какие изумительные кони! — проговорила она медовым голосом. — Хотела бы я покататься верхом на одном из них!

— Это кони моего отца, — похвастался конюх.

— Ты служишь своему отцу? — удивилась женщина. — Разве нет у него слуг?

— Слуг у него достаточно, моя госпожа, но этих лошадей он может доверить только своей плоти и крови, — отвечал мужчина.

— У меня тоже есть одна лошадка, которую я могу доверить лишь близкому человеку, — проговорила женщина. — Не хочешь ли взглянуть на нее?

И он оставил все — и отцовский дом, и отцовских лошадей, и пошел за нею следом, чтобы взглянуть на эту лошадку.

И пропал навсегда.

Много потребовалось времени и сил, чтобы узнать, что с ним сталось. Расспрашивали на рынках и на улицах; подкупали стражников, давали деньги перепуганным нищим, которые старались обходить квартал, где стоял дворец Мутэмэнет, стороной. Прибегали даже к помощи ясновидцев. И лишь спустя много зим, когда стал взрослым последний из сыновей старика, семье стала известна участь старшего сына.

Он провел с красавицей немало времени. Они не покидали ее шелкового ароматного ложа ни днем, ни ночью.

А потом однажды он пробудился и обнаружил, что не может пошевелиться. Вокруг колыхалась красноватая мгла. Время от времени ее пронизывали тонкие золотые лучи света. Если они попадали в глаза, то ослепляли его, и он жмурился, но отвести взгляда не мог.

Искаженная гранями, мелькала иной раз сама Мутэмэнет, но чаще всего он видел вазу с изображенным на ней змеем, пожирающим женщину, и край большого ложа с изголовьем в виде совокупляющихся грифонов.

Он был в плену. Мутэмэнет ничего не стала ему объяснять. Он не знал, куда она спрятала его тело. Тела у него больше не было. Только душа, бессонная и

страдающая. Ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть полную грудь весеннего воздуха, полного запахов — пыли, жареного мяса, зацветающих деревьев, гниловатой воды из старого пруда... Хотелось обхватить руками полный стан торговки овощами, которая всегда смеялась и отмахивалась, называя его проказником. Хотелось услышать голос отца, прикоснуться к лошадиной гриве. Но ничего этого больше не существовало для пленника. Он заточен в рубине. Сама мысль об этом казалась дикой и странной.

Мутэмэнет не разговаривала с ним, когда заходила в эту комнату. Он перестал для нее существовать.

Он забыл свое имя. Постепенно он забыл все.

Когда духи стихий вырвались на свободу, Мутэмэнет поняла, что ее дело плохо. Она готовила этот переворот не одно столетие. Она родила сыновей, обучила их власти над стихиями. Она собиралась захватить храм Сета и сделаться первой и единственной жрицей темного бога, чтобы вместе с ним установить господство над Стигией, а затем распространить его далее, на территории сопредельных государств. Давно следовало заставить черных людей чтить крокодила и змея так, как чтут этих зверобогов стигийцы.

А теперь...

Она металась по комнатам. Из рубина наблюдал за ней пленник. У него был бесстрастный вид, и неожиданно это рассердило Мутэмэнет. Приблизившись к рубину, она — впервые за все эти зимы — заговорила с ним.

— Кажется, тебе все равно! — закричала мага. — Кажется, ты так и не узнал, какую роль сыграл в приближающейся гибели королевства!

Пленник молчал.

— Ты хоть помнишь, кто ты? Ты помнишь свое имя? Тебя зовут Уррутиа! Помнишь? Помнишь, как называла тебя этим именем твоя мать, Уррутиа? Она мертва! Твой отец взял себе другую жену, Уррутиа! Ты слышишь меня?

Он ее слышал. Он молча смотрел на нее немигающими глазами и думал о чем-то своем, а вокруг колыхалась рубиновая мгла, где изредка вспыхивали золотистые искорки. Таким было небытие для любовника Мутэмэнет. Все, что происходило снаружи, не имело смысла.

А она кричала, топая ногами, так что полупрозрачные разноцветные одеяния развевались вокруг нее, как будто вся она была объята пестрым пламенем:

— У тебя было четверо сыновей, Уррутиа! Я родила их от тебя, ты слышишь меня, ничтожный дурак? Я родила от тебя четверых прекрасных сыновей, и все они были магами, умевшими повелевать каждый своей стихией! Они мертвы, я потеряла их, мы потеряли их! Ты нужен мне, дурак, мне нужны новые сыновья. Теперь я не совершу ошибки и произведу их на свет, как положено, одного за другим, а не всех разом.

Уррутиа почти не слышал ее. Она говорила о каких-то сыновьях, но он ничего не знал об этом. Он их никогда не видел. Если они и существовали, то никогда не заходили в комнату, где Мутэмэнет прятала свой рубин.

В ярости мага плюнула на драгоценный камень. Уррутиа чуть поднял взгляд и молча смотрел, как она выбегает вон. Плевок расползался по граням, мешая пленнику видеть.

— Откуда ты все это знаешь — про четвертинки медальона, про то, о чем думала мага, когда разделяла их и раздавала на сохранение разным существам? — недовольно ворчал Конан, седлая коня.

Его спутник невозмутимо развешивал по сбруе своей лошадки всевозможные амулеты и обереги.

— Если бы ты родился в Луксуре, — начал Гирадо торжественным тоном.

— Хвала Крому, моя родина находится вдали от этого гнезда демонов! — взревел Конан, пугая лошадь.

— Не следует так кричать и горячиться, — поморщился Гирадо. Втайне он завидовал огромному киммерийцу. После вчерашней выпивки у маленького стигийца побаливала голова, а вот северянин-варвар выглядел так, словно никакой попойки вчера и в помине не было.

— Ладно тебе, — сказал ему Конан примирительно. — Рассказывай. Это я так — просто дивлюсь, как много может знать человек, с виду самый обыкновенный.

— Я ведь не просто воин, — пояснил Гирадо. — Я потратил почти всю жизнь на то, чтобы научиться понимать магов и монстров. Только так можно уничтожать их.

— А можно просто уничтожать, — себе под нос проговорил Конан. — Бац — и уничтожать. Без всякого там изучения.

Он уселся в седло, поправил меч за спиной.

— Ты готов ехать, Гирадо? Остальное расскажешь по дороге.

— Остальное? Да я даже не начал, — возмутился Гирадо, также садясь в седло. Они выехали с постоялого двора бок о бок, и трактирщик долго качал головой, глядя им вслед: больно уж непохожими казались эти два спутника, огромный северянин и маленький верткий южанин. И куда только они направляются?

— Сначала стоит посетить озеро Тоа, — говорил стигиец. — Поверь мне. Оно расположено в горах. Вода там ослепительно синяя. Очень красивое место. И немного зловещее.

— Хм, — произнес Конан.

— Да, да, — горячился Гирадо. — Мага с самого начала знала, что сыновья ее ущербны. Она пошла на это, потому что утратила терпение. Терпение — главная добродетель всякого мага.

— У магов не бывает добродетелей, — проворчал Конан.

— Ты понимаешь, что я хотел сказать! — укоризненно молвил Гирадо. — Слушай и не перебивай. Мутэмэнет завладела одним могущественным талисманом. Не знаю, где она его взяла.

— Хоть чего-то ты не знаешь.

— Ну ладно, открою тебе еще один секрет.

— А говорил, что больше секретов нет, — укорил приятеля Конан.

— Важных — нет. Этот — неважный... Я несколько зим обучался магии. Специально, чтобы лучше понимать магов.

— И монстров, — вставил Конан.

— Амулет, — повторил Гирадо, — обладает большим могуществом. В незапамятные времена его изготовили жрецы. Говорят, им помогал сам змей Апоп. Этот амулет позволяет своему обладателю повелевать духами четырех стихий. Мутэмэнет разделила его на четыре части и каждую из них спрятала в надежное место. Думаю, она опасалась, что если ее сыновья завладеют — каждый своей частью амулета, — то сладу с ними уже не будет. Маги никому не доверяют, когда речь заходит о сохранении их могущества и власти.

— И правильно делают.

— Теперь сыновья Мутэмэнет мертвы, а духи свободно гуляют по стране и творят свои бесчинства. Сам Сет, как поговаривают, недоволен. Жрецы непрестанно приносят ему кровавые жертвы. Страна трясется от ужаса.

— Ты знаешь, дружище Гирадо, — задумчиво молвил Конан, — мне почему-то кажется, что Стигия постоянно трясется от ужаса. Как можно жить в стране, где поклоняются Злу?

— Я уже говорил тебе, что в Стигии живут не одни только злые маги, но и самые обыкновенные люди. Они родились на этой земле и принадлежат ей плотью и душой, — обидчиво возразил Гирадо. — Одна часть амулета находится в Луксуре — подозреваю, та, которая повелевает стихией земли. Она самая медлительная и с виду мирная, но когда разбушуется, то становится самой опасной. Поэтому Мутэмэнет не выпускала ее из рук. Воздушная часть хранится у Мемфиса.

— Это еще кто? — нахмурился Конан.

— Серебряный дракон, — невозмутимо ответствовал Гирадо. — Огненная часть — под землей, у маленького горного народа магмонов.

— Впервые слышу о таких.

— И не услышал бы, если бы мы не повстречались, — заверил Конана Гирадо. — Предками магмонов были лемурийцы. Когда в мире произошли перемены, магмоны отделились от основной части своего народа и отправились сюда, в эти земли. Спустя сотни зим здесь образовалось королевство Стигия, а прежде земля была пуста. Магмоны невзлюбили все новое, что начало образовываться вокруг них после гибели Атлантиды и Лемурии и, чтобы не видеть света нового солнца, навсегда скрылись под землей. Сейчас это низкорослые смуглые люди, рудокопы. Они почти никогда не выходят на поверхность, и найти их селение почти невозможно.

— Но ты, конечно, знаешь, где оно, — предположил Конан.

— Во всяком случае, я — единственный, кто сумел бы отыскать к ним дорогу, — не стал спорить Гирадо. — Кроме Мутэмэнет, конечно.

— Ну ладно, — сказал Конан, — говори лучше, с чего мы начнем?

Озеро они увидели издалека. Оно лежало в ладонях гор, как драгоценный голубой камень. Свет переливался на его гранях, небо над ним казалось более синим, чем над горными пиками.

— Если поехать отсюда дальше на восток, то будет город Алкменон, — объяснил Гирадо. — А наш путь — дальше на север и на запад, к Луксуру.

Они повернули коней и начали подниматься по горной тропе.

Местность нравилась Конану. Серо-коричневые скалы, овеваемые ветрами, были почти лишены растительности, лишь низкие кусты с причудливо изогнутыми ветвями, да скудные пучки травы выживали здесь, под ветром и палящим солнцем. На некоторых кустах Конан заметил ягоды, но рвать их поостерегся: в Стигии, как не без основания полагал киммериец, почти всякий плод может оказаться ядовитым.

Озеро то мелькало перед ними, яркое и желанное, то исчезало, скрытое за кулисами гор. Наконец тропа расширилась и вывела их на самый верх. Отсюда, с перевала, открывался величественный вид на горы и бескрайнее небо, усеянное облаками, такими густыми и плотными на вид, что они казались островами, плывущими над землей. Прищурив зоркие глаза, Конан высматривал между высокими пиками город Алкменон, последний большой город Кешана перед границей со Стигией. Иногда луч солнца падал так, что киммерийцу казалось, будто он различает — там, далеко впереди, — славные башни и купола над дворцами... Но потом солнце скрывалось за мимолетно пролетающим облаком, и видение пропадало.

— Нам сюда, — сказал Гирадо, указывая на озеро.

— Мы пришли, — отозвался киммериец, спешиваясь. — Где он живет, этот твой маг, у которого находится водная часть амулета?

— Не амулета, а талисмана, — поправил Гирадо.

— Не вижу большой разницы! — фыркнул Конан.

— Поверь мне, разница есть, и существенная, — пустился было в объяснения Гирадо, но киммериец прервал его:

— Избавь меня от лекций по колдовству и волхованию, дружище! Ты убиваешь монстров по науке, а я разделываюсь с ними по-свойски.

— В данном случае тебе придется положиться на мои знания, — возразил Гирадо и, порывшись в сумочках, висевших у него на поясе, извлек оттуда маленький пузырек. — Здесь содержится очень полезное зелье. Оно поможет нам с тобой дышать под водой. Нужно будет, правда, поторопиться, потому что действие зелья ограничено. Если мы не успеем выбраться на поверхность до того, как оно закончится, мы с тобой оба утонем.

— Мы? — спросил Конан. — Ты хочешь сказать, что мы сейчас наглотаемся этой штуки, а потом нырнем под воду и будем там дышать, как две проклятые акулы?

— Приблизительно так, — улыбнулся Гирадо. — Поверь мне, я знаю, что делаю. Эта штука опробована.

— Именно эта или подобная? — уточнил Конан.

— Клянусь тебе, я плавал под водой и дышал. Нас учили этому в стигийской академии магии при святилище... — Гирадо запнулся.

— При каком святилище? — нахмурил брови киммериец.

— При святилище Сета! — с вызовом ответил маленький стигиец. — Насколько тебе известно, в Стигии нет другого святилища. А у твоего Крома вообще нет святилища.

— Ему и не нужно, — важно возразил киммериец. — Каждый уроженец Киммерии сам по себе святилище Крома. И если он умирает с оружием в руках, посреди славной битвы...

— Хватит! — оборвал Гирадо. — Я знаю основы твоей веры.

— Откуда? — поразился Конан.

— От тебя! — ответил молодой стигийский воин. — Хлебнув вчера доброго вина, ты довольно долго ревел боевые песни своего народа.

— Что-то я этого не помню, — с подозрением сказал Конан.

— Зато я помню. На вот, глотни. Только оставь мне, иначе я не смогу отправиться на дно вместе с тобой. Глотай осторожно.

Конан лизнул несколько раз горлышко пузырька, потом сморщился и сделал два маленьких глоточка.

— Гадость, — сказал он.

— Никто не говорил, что будет легко и приятно, — отозвался Гирадо и быстро допил зелье. — Теперь — за мной. Под воду. И дыши, не бойся. У тебя будет время привыкнуть. Нам нужно опуститься на самое дно и отыскать подводный город Оссу.

Поначалу Конан не мог даже заставить себя открыть глаза. Ему, конечно, доводилось плавать, но чтобы вот так, как рыба...

Наконец он решился и приподнял веки. Сквозь ресницы он видел рядом с собой извивающуюся темную тень — Гирадо. Стигиец плыл быстро и уверенно. Под водой, где было мало света, он напоминал змею. На мгновение Конан усомнился в своем новообретенном приятеле. Все-таки он родился в Стигии. Мало ли что он говорит о себе — воин, победитель монстров... Это любой может сказать. А сам учился магии. И в амулетах разбирается, и в зельях... Может быть, убить его, пока еще не поздно...

Но тут легкие Конана начали гореть, требуя кислорода. Несколько мгновений он еще терпел, боясь наполнить их водой и погибнуть, а затем не выдержал и сделал первый вдох. И... ничего. Зелье сработало. Кислород, содержащийся в воде, наполнил легкие, а смертоносная влага сама собою вышла через нос и рот. Конан увидел пузырьки, поднимающиеся энергичным столбом над его головой. «Чудеса!» — подумал киммериец. Ему понравилось плыть под водой и дышать. Пузырьки смешно щекотали его уши и шею, когда он кувыркался.

— Не потеряй меч, — пробулькал рядом голос Гирадо.

Конан схватился за ножны рукой — и вовремя. Под водой все было не так. Ножны едва не соскочили с плеча. То, что на земле было тяжелым и надежным, здесь неожиданно обрело зыбкость.

— Туда, — Гирадо указал рукой на темную громаду, которая постепенно стала вырисовываться под ними на дне озера. Тонкие солнечные лучи, пронзая водную толщу, добирались даже досюда. В их золотистых лезвиях можно было видеть, как танцует взвесь, как плавают маленькие водоросли, а то вдруг мелькала стайка потревоженных пестрых рыбок. Интересно, водятся ли здесь хищники — морские змеи или акулы, подумал Конан. Как будто прочитав мысли своего спутника, Гирадо булькнул над ухом Конана:

— Будь осторожен. Здесь есть змеи.

— Большие? — широко разевая рот и испуская гигантские пузыри, осведомился киммериец.

Гирадо развел руками, показывая что-то чудовищное.

— Тело? — спросил Конан.

Гирадо помотал головой. Его волосы извивались в воде.

— Пасть! — ответил он.

Как будто услышав, что говорят именно о нем, какое-то громадное существо закопошилось среди водорослей. Вскоре Конан заметил два светящихся глаза, которые пристально наблюдали за плывущими. Кто-то явно готовился к атаке. Хотелось бы знать, чем питается эта громадина? Неужели маленькими рыбками, вроде тех, что только что проплыли мимо? В таком случае, сколько же рыбок оно съедает в день?

На дальнейшие раздумья отвлеченного характера времени уже не осталось: чудовище испустило глухой вой, странно отозвавшийся в водной толще, и бросилось в атаку. Вода тотчас помутнела, ил, взбитый могучим хвостом чудища, поднялся и завертелся вокруг сражающихся. Почти в полной темноте Конан наносил мечом ответные удары. Зубы лязгали, как казалось, сразу отовсюду. Смертельная опасность грозила со всех сторон.

Гирадо, плавая вокруг, произносил какие-то невнятные заклинания и сыпал порошки. Постепенно илистую мглу заволокло разноцветными нитями растворяющихся зелий. То зеленое, то красное, то желтое проплывало мимо, свиваясь в кольца и постепенно расходясь среди мельчайших частиц ила.

Несколько раз Конан чувствовал, как его меч задевает живую плоть, и молился богине-воительнице Бэлит, которая столько раз помогала ему и его пиратам в морских сражениях, чтобы сейчас она уберегла Конана-Амру от неприятности убить по ошибке не монстра, а Гирадо. А это вполне могло произойти. Ослепленный, с замедленными движениями, Конан наносил удары наугад. Гирадо вертелся где-то совсем близко. И если под меч попадет он, то несладко ему придется. Конан разил со всей силы, надеясь покончить с монстром побыстрее — во всяком случае, прежде, чем закончится действие зелья, позволяющего ему дышать под водой.

Третий удар.

Четвертый. Что-то острое царапнуло по руке, но боли Конан не почувствовал. Поднялась страшная вонь, и все заволокло бурым. Кровь, понял киммериец. А воняет потому, что рассечен кишечник.

Варвар испустил победный вопль и тотчас пожалел об этом — его рот заполнился отвратительной жидкостью. Отплевываясь и откашливаясь, он поскорее поплыл прочь. Вскоре вода вокруг снова стала прозрачной. Оглянувшись, Конан увидел, как вдали клубится что-то темное, неприятное. То и дело из этой бесформенной массы показывалось нечто длинное. Конан не мог разобрать, что это было, — хвост или лапы, а может быть, усы? Во всяком случае, там бился в агонии огромный морской монстр. Теперь, по крайней мере, рыбки вздохнут спокойно, подумал Конан и сам улыбнулся этой неуместной шутке.

Гирадо оказался цел и невредим. Он невозмутимо плыл рядом с варваром. На лице молодого стигийца бродила улыбка. Конан вдруг понял, что этот паренек на полном серьезе считает победителем морской твари себя. Что ж, оставим его в этом убеждении, подумал Конан. Какая разница! Когда их пути разойдутся, каждый будет рассказывать свою версию этой истории, и никто не будет внакладе.

Подводный город открылся им вскоре. Это было совсем небольшое поселение, но каждое здание в нем представляло собой истинное произведение искусства. Возведенные из тонких полупрозрачных камней разного цвета, — красных, синих, желтых, фиолетовых, — они обладали причудливой формой, какую можно иногда видеть у коралловых зарослей. Одни здания были похожи на актиний, цилиндрические, с тонкими башенками на крыше. Другие напоминали кораллы — круглые или древовидные. Комнаты-сферы крепились к «веткам» этих подводных «деревьев», точно плоды, и внутри можно было разглядеть миниатюрную мебель, картины, светильники — эти были живыми и медленно плавали по всему помещению.

Обитатели подводного города, крошечные тритоны с человеческими личиками, даже не заметили пришельцев.

Те были слишком велики для них, так что тритоны замечали только руку или прядь волос, но никак не целую фигуру проплывающих мимо Конана и Гирадо.

— Они не нападут? — спросил Конан, стараясь булькать потише. Ему не хотелось убивать этих крошек. Одно дело — свирепый морской змей с пастью, которая была больше размаха рук, совсем другое — малютки-тритоны, которых он мог передушить двумя пальцами.

— Нет, — ответил Гирадо. — Они нас даже не заметят. Если, конечно, мы не начнем крушить их дома. А нам придется это сделать.

Он показал на одно здание, которое было крупнее остальных. По форме оно напоминало многогранник. Внутри его что-то светилось голубым светом.

— Это их хранилище. Не знаю, много ли их живет здесь, но водная часть талисмана хранится именно здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Смотри. Она светится. Разве это непонятно? — Гирадо повернул к Конану лицо, и киммериец увидел, что его спутник улыбается.

— Что тут смешного? — буркнул варвар.

— Я не смеюсь, — ответил Гирадо. — Я улыбаюсь. Здесь очень красиво. С тех пор, как я узнал о существовании Оссы, я мечтал побывать здесь и увидеть ее собственными глазами.

— Как будем добывать эту стекляшку? — грубо спросил варвар. — Своротим дом?

— Может быть, попробуем его приподнять? — предложил Гирадо. — Мне не хотелось бы разрушать здесь ничего.

— Мне тоже, — проворчал Конан. — Я приподниму дом, а ты бери талисман. Раз, два... Начали!

Они спустились еще ниже, и Конан почувствовал под ногами дно. Снова поднялся ил. Дно было мягким, упираться в него оказалось неудобно. Тем не менее Конан наклонился, обхватил обеими руками сферу и понял, что ранит ладони об острые края, хотя боли опять не почувствовал. Под водой все было иначе, чем на воздухе, и это сбивало с толку.

— Давай! — выдохнул Конан. Огромный воздушный пузырь вздулся у него над головой и лопнул.

Он приподнял здание. Но талисман поднялся вместе со сферой. Он находился внутри. Здание было цельным и замкнутым.

— Что будем делать? — спросил Конан.

— Заберем его наверх, — сказал Гирадо. — Разобьем на берегу. Ничего не попишешь. Они рисковали, когда брали на хранение этот талисман. Теперь кое-какие из их опасней сбудутся. Такие вот дела.

— Плывем, — сказал Конан. — Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Надо бы нам поскорее выбираться отсюда.

Гирадо принял сферу из рук Конана — под водой она казалась совсем легкой. А киммериец обнажил меч и, озираясь по сторонам, поплыл сбоку. Ему постоянно казалось теперь, когда они прикоснулись к сфере с заточенным внутри талисманом, что за ними наблюдают. Он не мог бы сказать определенно, откуда взялось это чувство. Кто-нибудь более «цивилизованный» отнес бы его на счет варварского инстинкта и пустился бы в рассуждения о том, что северянин в своем развитии недалеко ушел от дикого животного. Что ж, возможно, он был бы прав, этот умник. Хорошо только, что его не было рядом с Конаном в этот миг.

Потому что почти сразу худшие опасения киммерийца оправдались. Сильный всплеск послышался у них за спиной, едва оба спутника покинули подводный город Оссу.

— Плыви! — крикнул Конан стигийцу. — Я разберусь с ними. Не вырони сферу, понял? Не вздумай тут колдовать. Мне кажется, скоро закончится воздух...

С этими словами он повернулся навстречу всплеску.

Несколько морских змеев, чуть меньше того, что до сих пор бился в агонии в клубке крови, ила и разлитых магических зелий, настигали похитителей сфе-

ры. Конан сделал вдох поглубже, и тут его легкие наполнились водой. Он закашлялся и понял, что задыхается.

Гирадо неловко дернулся, как будто кто-то схватил его за горло. С выпученными глазами, уже теряя сознание, он сдавил пальцами какой-то пузырек, болтавшийся у него на поясе... И тут произошло нечто неожиданное. Вода с громом расступилась. Образовалась большая сфера, полная воздуха. На дне этой сферы извивались и стучали хвостами морские змеи — они задыхались, оказавшись в чуждой им воздушной стихии. А Конан и Гирадо с трудом переводили дыхание. За шаткими стенами воздушной сферы было видно, как проплывают мимо водоросли и изумленные рыбки. Внизу, под полом, исчезал подводный город. Над головой сияло солнце. Оно становилось все ближе. Внутри делалось все жарче и светлее.

— Мы поднимаемся! — хрипло крикнул Гирадо. — Держись, сейчас нас выбросит на поверхность!

Но сфера лопнула прежде, чем они оказались над водой. Впрочем, сейчас это не имело никакого значения: Конан и Гирадо с хрустальным шаром в руках доплыли без труда до берега и вывалились на песок, глотая воздух. Трупы морских змеев, вяло извиваясь, ушли на глубину.

— Что это было? — спросил Конан.

— Видимо, у сферы имелось несколько охранников. Самого большого ты зарубил мечом, но прочие, поняв, что враг проник в Оссу и завладел талисманом, решили подкараулить нас на обратном пути, — пустился в объяснения Гирадо, но Конан прервал его, махнув рукой:

— Я не об этом. Что это была за воздушная сфера? Откуда она взялась?

— Это... — Гирадо помрачнел. — Это было мое заклинание для левитации.

— Левитации? — Конан нахмурился. — Боги, сколько же у тебя заклинаний?

— Много, — скромно отозвался молодой стигиец. — Впрочем, я никогда не пробовал левитировать. Купил эту штуку у странствующего мага в одном маленьком стигийском городке. Хотелось полетать, но вот все как-то не приводилось...

— Ловко ты придумал воспользоваться этой штукой под водой! — не мог не восхититься киммериец. — Откуда ты узнал, что левитация создает дополнительный воздух? Клянусь грудями Бэлит, иногда от твоей глупой площадной магии бывает толк.

Гирадо потупился и покраснел.

— На самом деле я понятия не имел, что все получится именно так, — признался он. — Я раздавил этот пузырек случайно. Когда уже задыхался под водой. Но все получилось как нельзя более удачно.

И Конан не мог с ним не согласиться.

Некоторое время они просто лежали на берегу и переводили дыхание. Их лошади спокойно паслись, выщипывая остатки травы с лужка. Небо над головой казалось особенно ярким и веселым, а облака, пронизанные светом, выглядели приветливыми, словно подушки.

— Человек не создан для подводной жизни, — изрек Конан. — Человек создан для твердой земли, доброй женщины, звонкой стали и хмельного вина.

— И сытного хлеба, — добавил Гирадо. — У меня в суме лежит краюха... Только встать не могу. Ноги болят.

Они стали осматривать себя и обнаружили немало ран и ушибов, которых не почувствовали под водой. Кое-как перевязав ладонь, чтобы не кровоточила, Конан отправился к седельным сумкам. С фляжкой и краюхой он вернулся к своему спутнику. Они перекусили. И хлеб, и вода показались им особенно вкусными.

— Хорошо жить и дышать, — не уставал радоваться Гирадо.

— Гляжу я на тебя, Гирадо, — сказал киммериец, — и начинаю верить в твои слова.

— Какие? — Гирадо блаженно вытянулся на берегу, подставляя солнцу смуглое лицо.

— Насчет того, что в Стигии живут не одни только зловредные маги. Ты — совсем нормальный человек. Если не считать того, что свихнулся на заклинаниях и зельях.

— Мы сражаемся с монстрами, — строго молвил Гирадо. — Нам не обойтись без заклинаний. Давай попробуем вскрыть сферу.

На воздухе сфера сверкала и переливалась всеми цветами, от желтого до фиолетового. Она выглядела такой красивой, что Конан невольно прикинул ее цену на рынках Аренджуна или Ианты и даже застонал сквозь зубы.

Водный талисман болтался внутри. Там булькала вода и видно было перепуганное лицо маленького тритона, который, видимо, охранял талисман — а может быть, пришел ему помолиться.

Конан поднял хрустальную сферу над головой и с силой ударил ее о камень. Раздался звон, осколки разлетелись во все стороны. Тритон выпал вместе с талисманом на песок и отчаянно забился там. Конан подхватил его в прыжке и положил на ладонь. Существо смотрело на него страдающими глазами. Расширив рот, оно глотало воздух. Конан осторожно положил его в воду. Несколько мгновений тритон лежал неподвижно, а потом вдруг забил перепончатыми лапами, испустил странный горловой звук и исчез в глубине.

Хмыкнув, Конан повернулся к талисману. Это был обломок широкого кольца с неровными краями, довольно безобразный, на взгляд киммерийца. У талисмана имелось только одно достоинство, он был совсем маленьким. Гирадо положил его в одну из своих многочисленных сумочек и подвесил к поясу.

— Давай проведем здесь остаток дня и переночуем, — предложил Конан. — Я чувствую себя усталым. Наверное, ты тоже.

Стигиец не стал ему возражать.

Дорога вела под уклон, но от этого не была более легкой. Кони то и дело оступались. В конце концов оба путника спешились и повели лошадей в поводу, опасаясь, как бы те не повредили себе ноги. Оба молчали. Смуглый стигиец посерел и осунулся. Конан, отличавшийся железным здоровьем, но никогда не любивший болтать по пусту, не нарушал безмолвия.

Окружающие горы мало напоминали ему родную Киммерию, но все же были хороши — высокие, с острыми пиками. Кое-где вдалеке даже виден был вечный снег. Над головами, пронзительно и зловеще крича, кружил ястреб.

В конце концов Гирадо заговорил:

— Честно сказать, не знаю я, где обитает Мемфис. Я читал о нем в одной книге в Академии, но там не говорилось ничего конкретного.

— Иными словами, мы заблудились? — уточнил варвар.

— Не совсем, — возразил Гирадо. — Дракон где-то поблизости. Только непонятно, здесь или там.

— Я не верю в драконов, — сказал Конан. — Бывают, конечно, разные отвратительные твари, но чтобы дракон, да еще серебряный...

— Написано, что он приветливый и в принципе любит людей, — добавил Гирадо.

— Да. И поэтому хоронится от них в непроходимых горах, так, чтобы никто не мог его отыскать при всем желании.

— Может быть, он предпочитает одиночество. Многие мудрецы любят людей, но предпочитают одиночество, — заявил Гирадо.

Конан не нашел, что возразить.

После долгого дня утомительного пути они остановились было на ночлег под открытым небом, прямо на камнях, — ничего другого негостеприимные горы предоставить путникам не могли. И вдруг Гирадо, поднявшийся на гору чуть выше, чтобы собрать там хворост для костра, воскликнул:

— Смотри, Конан!

— Что там? — Конан выронил охапку сухих веток, которую только что принес к месту стоянки, и выпрямился во весь свой внушительный рост. — Дракона увидел?

— Там кто-то есть, — сказал Гирадо. — Гляди, горит огонь.

Конан пригляделся. Действительно, впереди мелькал огонек. Точнее, огонек стоял на месте — шевелилась под ветром ветка дерева, перегораживающая маленькое желтое пятнышко света.

— Похоже на окно, — сказал Конан. — Пойдем. Наверное, там дом. Живет там какой-нибудь мудрец, из тех, кому нравится сидеть сычом в одиночестве и размышлять о том, как бы сделать человечество счастливее.

— Стоит ли беспокоить его, в таком случае? — засомневался Гирадо.

— Если его не беспокоить, на нем вырастут бледные грибы, — сказал Конан. — Я одного такого видел. Кстати, в Стигии.

Гирадо сжал губы и промолчал. Иногда шутки варвара казались ему излишне грубыми, хотя сам Конан находил их добродушными и забавными.

Домик оказался ближе, чем они думали. Перед единственным его окном действительно росло дерево с длинными тонкими мягкими колючками вместо листьев. Ветра и непогода как будто нарочно навязали узлов на длинных ветках, которые изгибались под самыми неожиданными углами, создавая причудливый узор. Гирадо предположил, что это дерево служит одинокому мудрецу собеседником и предметом для размышлений.

Однако молодой стигиец ошибся. Обитателей уединенного домика в горах оказалось двое, причем оба они мало походили на мудрецов-созерцателей: один — черноволосый, загорелый, вечно всклокоченный, с выпученными глазами; второй — сонный с виду, бледный и рыхлый, однако добросердечный и всегда готовый услужить. Черноволосый назвал свое имя — Бульнес; на сонного он только махнул рукой и сказал, чтобы не обращали на того много внимания.

Путники привязали лошадей и последовали приглашению хозяина разделить с ним небогатый ужин, состоявший из тушеных овощей и очень тощего копченого зайца. Сонный прислуживал за столом, но видно было, что куда охотнее он свалился бы под лавку и там задремал.

За трапезой Гирадо завязал вежливую беседу с гостеприимным хозяином. Конан чувствовал себя усталым. Ему неинтересно было слушать, как Бульнес рассказывает о зимах учебы в магических академиях и еще о зимах, проведенных в качестве подмастерья при видных магах Стигии. Этого мага — точнее, «недомага» — убивать не следовало; а любой маг — если он не являлся предполагаемой жертвой киммерийца, — был для Конана попросту скучен.

Между тем послушать рассказы Бульнеса стоило, и Гирадо, никогда не упускавший возможности поучиться чему-либо новому, жадно внимал каждому слову хозяина. А тот, горестно ероша волосы и то и дело дергая их обеими руками от избытка чувств, повествовал о своей странной жизни, полной неудач.

— Я хотел стать некромантом, — рассказывал Бульнес. — Многие мои приятели по Академии мечтали обрести власть над давно умершими людьми, чтобы те помогли им стать могущественными в нынешнем мире. Заклинания некромантии выглядят очень несложными, но пользоваться ими следует с очень большой осторожностью. Никогда не знаешь, кого вызовешь к жизни. Если это окажется, предположим, великий владыка былых времен или опытный жрец Сета, — все, можешь распрощаться со свободой. Вернувшись из небытия, такой сильный дух запросто завладеет тобой.

Словом, пока все наперебой экспериментировали, издеваясь над душами покойных своих родственников (один, я помню, пытался отомстить тетушке, которая при жизни страшно мучила его поцелуями, нотациями и нравоучительными примерами), я готовился к серьезному делу. Мне нужен был не слуга, не раб из потустороннего мира, но друг, союзник и помощник. Следовало очень тщательно обдумывать кандидатуру на оживление. Чем я и занимался.

— Поведай, Бульнес, — обратился к некроманту Гирадо с видом крайнего почтения, — каковы были твои конечные цели при оживлении мертвеца?

— Самые скромные, — твердо ответил Бульнес. — Ни завоевания царства, ни обретение власти над умами — ничего такого. Это было бы слишком опасно. Нет, я желал при помощи потустороннего помощника предсказывать будущее, открывать прошлое и объяснять настоящее. Слушай же, насколько мне это удалось.

Многие мои приятели, недоучившиеся маги, сделались тем временем шарлатанами. Они бойко предсказывали то, что произойдет через двести, триста зим, а также вещали о событиях тысячезимней давности. Естественно, никто не мог уличить их в обмане. Легковерные люди давали им деньги. Какая жалкая профанация магического искусства! Я и помыслить не мог, чтобы заняться чем-либо подобным.

Нет, я вознамерился завладеть телом одного из усопших мудрецов древности и вернуть его на землю. Большинство таких усопших в Стигии, как известно, служили в свое время Сету, божеству свирепому и любящему кровь. Не было смысла возвращать их на землю. Поэтому я обратился к усопшим мудрецам Дарфара. Мне пришлось потратить немало средств и времени, чтобы свести знакомство с нужными людьми. Наконец несколько жуликоватых персон взялись выполнить мое опасное поручение.

Я продал дом, который достался мне от родителей, и расстался с большинством моих книг, чтобы оплатить услуги грабителей гробниц. В убогой лачуге, перебиваясь только водой и заплесневелым хлебом, я ждал... Прошло не менее луны, когда оба негодяя вернулись из Дарфара и привезли мне желаемое в длинном грубом мешке. Они не пожелали даже взглянуть вместе со мной на мумию, такой ужас наводили на них древние гробницы. Не знаю, что они пережили там. Сами они ни словом об этом не обмолвились.

Я же, оставшись в одиночестве, снял мешок с мертвого тела и начал его разглядывать. Я знал, конечно, что некоторые дарфарские владыки, намереваясь воскреснуть в некоем отдаленном будущем для новой жизни, повелевали свои тела после смерти вымачивать в щелоках, потрошить, набивать смесью опилок и благовоний, — все это служило к сохранности их бренных оболочек. Одно такое тело лежало сейчас передо мной.

Мне предстояло еще немало трудов, чтобы заставить мумию разговаривать и сделать ее своим другом. В одной из моих книг я читал о том, что древние жители Дарфара говорили языком, ныне смолкнувшим, да еще при том не так, как мы, — сперва первое слово, потом второе и так далее, до конца всей речи, — а наоборот: с конца, то есть сперва последнее слово, потом предпоследнее — и так до самого начала. Кроме того, они и писали в этом противоположном направлении. Скажу даже больше. Самую жизнь свою они проживали с конца до начала, определяя при самом рождении весь будущий срок этой жизни. Таким образом, они говорили о младенце, что ему, к примеру, семьдесят восемь зим, разумея, что семьдесят восемь зим ему жить осталось; а о стар-

це — что он достиг возраста одного года... Все это до крайней степени умудряло древних жителей Дарфара и делало их чрезвычайно ценными союзниками для умелого некроманта.

Моя мумия была велика ростом, бела — следовательно, хорошо вымочена в щелоке, — и почти без блеска на коже, что ясно указывало на высокое качество бальзамирования. Я приступил к заклинаниям. У меня были заготовлены различные снадобья, среди которых самыми простыми были мышиная моча, разведенная в уксусе, и кошачье сало, смешанное с амброй и толченой стружкой красного дерева. Я произнес положенные заклинания на семи мертвых языках.

И вот мои труды увенчались блистательным результатом. Скажу тебе правду, я едва не умер, когда увидел, как моя мумия зашевелилась, разлепила губы и медленно открыла глаза. Наконец я собрался с духом и обратился к мертвецу на его родном языке, произнося слова от конца речи к ее началу:

— !Мире нашем в сна вечного из восставшего тебя приветствовать я рад безмерно.

Услышав это, мумия некоторое время рассматривала меня как бы в изумлении. А затем спросила, так хрипло и невнятно, что я едва мог разобрать:

— Что тебе нужно?

От радости я не сразу осознал, что мумия разговаривает со мной на грубом, но вполне обыденном наречии.

Однако это была настоящая мумия, пустое тело, чей мозг, желудок и прочие внутренности помещались отдельно, в алебастровых сосудах, и за ненадобностью хранились у меня в кладовой вместе с сухарями.

Я поблагодарил мумию за то, что она соблаговолила ожить, и принялся задавать ей различные вопросы — о Дарфаре, о Стигии, о королях, ценах на рынке, о недавнем прошлом и о возможном будущем. На все это мумия давала вполне приемлемые и разумные ответы.

А я умащал ее тело, читал ей заклинания и рассказывал различные истории. Надо сознаться, что больше всего моя мумия полюбила скабрезные анекдоты, так что я, к великому удивлению соседей, зачастил в веселое заведение одной госпожи, где этими историями меня потчевали весь вечер и добрую половину ночи.

Тем временем оживший мертвец вещал и прорицал. Многое из сказанного им сбывалось до мельчайших подробностей. Ко мне начали ходить люди — за советом, за информацией. Я не открывал им лица волшебного моего помощника, сохраняя его за занавесом, но несмотря на эту меру предосторожности, вскоре уже весь город знал, что я завладел мумией и сумел заручиться дружбой давно умершего человека.

Окончилась моя нищета. Я выкупил проданный было родительский дом, начал баловать себя яствами, а для мумии приобретал ценные благовония, которые она охотно обоняла. В конце концов мои бывшие товарищи, привыкшие презирать и жалеть меня как неудачника, преисполнились великой за-

висти и предприняли попытку ввергнуть меня в прежнее мое плачевное состояние. Особенно один из них выказывал сугубое упорство.

Однажды он проник в мой дом, пока меня не было, и завел с мумией долгую беседу. Поначалу малословная, мумия отвечала назойливому гостю неохотно, но тот сумел ее раззадорить. Он курил для нее благовонные палочки, подносил к носу умершего бокал с вином, льстил, забыв о совести, и в конце концов моя мумия разговорилась и проболталась.

Никогда при жизни своей не был мудрец-вещун владыкой, ученым или жрецом какого-либо божества. Более того, эта мумия представляла собой настоящую фальшивку. Предприимчивые торговцы, взявшие с меня такие большие деньги, подобрали по дороге в Дарфар труп умершего раба, сварили его в битуме, затем выбелили в щелоке и продали как нечто древнее.

Это разоблачение могло бы окончательно погубить меня, если бы не одно обстоятельство: все прорицания фальшивой мумии были абсолютно истинными. Бывший раб слишком хорошо знал людей, их слабости и побудительные мотивы, чтобы ошибаться, предрекая им то одно, то другое. Кроме того, он обладал завидным здравым смыслом и не утратил этого свойства и после своей смерти.

И все же оставаться в городе после этого разоблачения было для меня немыслимо. Поэтому я забрал с собой мумию, несколько книг, кое-какие инструменты для наблюдения за звездами и поселился здесь, в тиши и уединении.

— Кстати, меня звали Грес, — подал голос мертвец, заснувший было под лавкой.

Конан брезгливо подобрал ноги.

— Мне это все не нравится, — пробормотал он. — Пойду-ка я спать на свежий воздух. Благодарю тебя, Бульнес, за гостеприимство, но ночевать под одной крышей с разговаривающим мертвецом мне почему-то не хочется.

С этими словами он забрал одеяло из верблюжьей шерсти, принадлежавшее Гирадо, и выбрался из хижины. Бульнес проводил его глазами.

— Видишь, — обратился он к Гирадо, — как относятся ко мне все обыкновенные люди!

— Конан — не вполне обыкновенный человек, — возразил Гирадо. — Он великий воин и великий простец. Он из тех, кто разит, не раздумывая, и так же не раздумывая приходит на помощь. Но больше всего, как мне кажется, он любит свободу и деньги.

— Что ж, таких людей я тоже встречал, — задумчиво молвил Бульнес.

— Этот парень завоюет королевство, — подала голос мумия бывшего раба.

— Что? — в голос повернулись к Гресу Бульнес и Гирадо.

— То, что я сказал. — Оживший мертвец зевнул и сел на полу, потирая глаза. — От него пахнет королевской властью. Он случайно не рожден королями?

— По-моему, нет, — сказал Гирадо. — В противном случае он бы об этом обмолвился.

— Говорю вам, этот парень еще станет владыкой, — упрямо повторила мумия. — Таково мое предсказание. Я редко ошибаюсь.

— Что ж, я передам ему твое мнение, — обещал Гирадо. И снова заговорил с Бульнесом: — В Стигии, пока ты пребывал в уединении, случилась беда. Точнее, она случится, если мы не остановим могущественную магу по имени Мутэмэнет. Не встречалась ли тебе эта женщина в ту пору, когда ты изучал искусство некромантии?

— Лично я с ней никогда не виделся, — ответил Бульнес. — Но того, что я о ней слышал, оказалось довольно, чтобы отбить всякую охоту иметь с нею дело.

— Я не стану рассказывать тебе всего, — проговорил Гирадо. — Это долго и опасно. Возможно, у нее везде есть невидимые соглядатаи. Когда имеешь дело с магой, никогда не знаешь, чего ожидать.

— Говори основное, — сказал Бульнес. — Я постараюсь помочь тебе.

— Где-то здесь, в горах, обитает второй отшельник — дракон Мемфис.

— Я знаю его, — просто отозвался Бульнес.

Мумия со вздохом растянулась на полу. Слышно было, как хрустят ее суставы.

— Чаще всего он бродит по горам, обернувшись дряхленьким старичком, — продолжал Бульнес. — Если ты не обладаешь магическим зрением, тебе ни за что не угадать в этом немощном старце могучего дракона с серебряным телом и сверкающими клыками. Он умен, очень умен и обладает своеобразным чувством юмора.

— Совсем как Конан, — хмыкнул Гирадо. — Вот уж у кого крайне своеобразное представление о смешном.

Бульнес попытался пригладить непослушные вихры у себя на голове, однако это ему не удалось. Оставив всякую попытку привести в порядок волосы, он принялся теребить мочку уха.

— Если тебе повезет, ты встретишь его завтра. Недавно мы видели его гуляющим возле пещеры Хрустального бога.

— Это еще что? — нахмурился Гирадо.

— Одна пещера, — туманно пояснил Бульнес. — Идите дальше на север, до дерева, разбитого молнией. Вы увидите его издалека. Это огромный ствол, перекрученный и черный от давнего удара. Говорят, что на самом деле это вовсе не дерево, а древний великан, который повздорил с громовержцем и за это был им наказан... Справа от убитого дерева будет вход в эту пещеру...

Голос Бульнеса звучал все тише и тише, и Гирадо почувствовал, как его клонит в сон. Не договорив фразу до середины, некромант задремал, свесив голову на грудь. Заснул и Гирадо. Тишина повисла над убогой хижиной, где долго еще мерцала одинокая лампада. Но наконец погасла и она.

Когда Конан проснулся, то не обнаружил ни хижины, ни стигийского некроманта, ни ожившей мумии, ни своего спутника. Оба коня, привязанные неподалеку к кустам, спокойно паслись и только время от времени дергали ушами. Небо над головой было ясным, коршун продолжал кружить и покрикивать тонким, тревожным голосом, но больше ничего живого поблизости не наблюдалось.

Конан сел, потер виски. Прокашлялся. Ничего. Вчера он совершенно не пил ничего спиртного, поэтому вряд ли ему почудился ночлег в странной хижине. Нет, хижина была. Киммериец считал себя человеком здравомыслящим, и сбить его с толку было не так-то просто.

— Магия, — прошипел он так, словно это слово было ругательством.

Он чувствовал себя отвратительно. Вчера следовало хватать Гирадо в охапку и бежать прочь из этого проклятого дома. Сразу, как только хозяин проговорился о том, что владеет ожившей мумией. С самого начала не понравился Конану этот Бульнес — если только того действительно так зовут. Но ведь Гирадо мнит себя цивилизованным человеком! Как он мог обидеть гостеприимного хозяина, да еще стигийского мудреца?

К тому же тот предлагал интересную беседу о магии, некромантии, предсказаниях и прочей чепухе, от которой только одно лекарство — добрый удар дубиной по голове. Сердясь на себя, как на лютого врага, Конан взял обеих лошадей и двинулся вперед. Может быть, Гирадо обнаружится вскоре — висящим на дереве, пришпиленным к скале или еще в каком-нибудь неудобном и глупом положении, — и тогда его придется спасать.

Впереди показалось высокое дерево, давным-давно расщепленное молнией. Конан посмотрел на него, нахмурясь: что-то в этом дереве показалось ему подозрительным. Впрочем, в то утро любая вещь выглядела в его глазах гнусной и не заслуживающей доверия. Тем не менее в пещеру, вход в которую находился рядом с корнями погибшего дерева, варвар все-таки заглянул.

Маги обожают подобные местечки, как он знал по своему опыту. Может быть, и здесь он отыщет какого-нибудь худосочного чародея, из которого можно будет вытрясти два-три полезных заклинания прежде, чем отрезать ему голову.

В пещере оказалось, противу ожидания, светло. Стены ее были сложены полупрозрачным камнем сероватого оттенка, и солнечные лучи, рассеиваясь, проникали в подземелье. Казалось, здесь постоянно висит серебристая пыль. Тонкий звон сопровождал каждый шаг киммерийца — это отзывались на прикосновения подошв певучие камни. Впереди тихо капала вода.

По мере того, как Конан углублялся в пещеру, звук падения капель становился все звонче, все отчетливее. Наконец перед варваром открылся большой подземный зал. Конан остановился, изумленный представшим ему зрелищем.

Под тонким, почти совершенно прозрачным каменным куполом, находилось небольшое озерцо, заполненное черной водой. Из этой воды поднимался постамент в виде лотоса, а на постаменте находилась большая, выше челове-

ческого роста, статуя какого-то божества. Этот бог, с огромными удлиненными ушами, полузакрытыми глазами и сложенными на груди руками, тихо дремал, скрестив ноги посреди большого каменного цветка. Из потолка на темя статуе медленно падала вода. Каждая капля стекала по туловищу и омывала его. Божество зеркально отражалось в черной неподвижной воде озера.

А на другом берегу, в точно такой же позе, сидел маленький дряхлый старичок и задумчиво созерцал статую. При виде Конана он поднял голову и замотал длинными седыми усами.

— Человек! — прошамкал старик. — Зачем ты пришел в эту пещеру? Чего ты здесь ищешь? Ничего, кроме вечного покоя, тебе здесь не откроется, а ты не из тех, кому требуется покой.

— Ты прав, почтенный, — отозвался Конан. — Со мной случилась беда, вот я и пошел куда глаза глядят в поисках человека, который мне бы помог.

— Беда? — удивился старикашка и затрясся от смеха. Его усы извивались, как живые. — Какая беда может случиться с таким, как ты? Ты молод, полон сил и шума! С такими никогда ничего не случается! У тебя нет дома, чтобы он сгорел! У тебя нет жены, чтобы она тебе изменила! У тебя нет детей, которые могли бы умереть! У тебя ничего нет, голодранец, кроме отменного здоровья и глупой башки!

— Ты прав, почтенный, — еще более вежливо ответил Конан бесноватому старцу. — Но у меня был спутник — и вот он-то пропал.

— Не очень похоже, чтобы ты страдал оттого, что пропал какой-то безмозглый дурак, с которым ты пустился в странствия! — заметил старичок и встал.

На нем были очень дорогие и чрезвычайно истрепанные одежды. Халат из золотой парчи — порван в клочья, наборный пояс, украшенный бирюзой и рубинами, потерт и покрыт трещинами, обувь, сшитая из хорошо выделанной кожи, висела лохмотьями на тощих ногах. В таком же ужасном состоянии находились грязные всклокоченные волосы старика, его тощая бородка и длинные, очень жидкие и неопрятные усы. Но небольшие темные глаза излучали мощную энергию, а беззубый рот шамкал властно.

— Тебе повезло, дурачина, — говорил старичок, показывая Конану на статую божества, — ты притащился сюда как раз в полнолуние, когда Амида достигает своего наибольшего роста.

— Как это? — не понял Конан.

— Эта статуя сформирована камнем и падающей водой, которая просачивается сюда сквозь трещины в потолке пещеры. Она прибывает и убывает вместе с луной. В полнолуние это природное изваяние достигает потолка пещеры, а к новолунию от него почти ничего не остается.

— Как это может быть? — поразился Конан.

Старик затрясся от смеха.

— Этого никто не знает, сынок! Мы ведь имеем дело с божеством! Оно захотело быть таким, оно стало таким, каким захотело, — вот и все, что мы можем знать об этом!

— Слишком сложно для меня, — проворчал варвар. — Могу я узнать твое имя, почтенный, или ты предпочтешь, чтобы я терпел твои грубости, именуя тебе в ответ почтенным и не более того?

— Ах ты, маленький хитрец! — старичок погрозил ему узловатым пальцем с длинным желтым ногтем. — Ах, плутишка!

Прошло очень много зим с тех пор, как Конана называли «маленьким хитрецом». Разве что какая-нибудь девица, прикорнувшая на его груди... Но уж никак не взрослый мужчина. Тем не менее Конан повторил свой вопрос:

— Меня зовут Конан, назови же теперь свое имя.

— Мемфис, — быстро ответил старикашка. — Мое имя — Мемфис. Можешь называть меня также Большой Мемфис или Серебряный Мемфис. Понял, малыш?

Конан ничего не понял.

— Мемфис — это дракон, — сказал он. — Или глупый Гирадо опять все перепутал? Ты ведь старый человек, не так ли? Человек, а не дракон?

— Возможно, — смутно ответил старикашка. — А возможно, и не совсем. Каждое полнолуние я прихожу сюда, чтобы полюбоваться на статую, которая возрастает до потолка пещеры. Дракону не проникнуть в это отверстие, не так ли? Приходится принимать меры. Да, приходится кое-что менять. Иначе я не могу увидеть статую. А мне хочется ее видеть. Понимаешь ли ты, малыш, что значит — хочется?

— Еще бы! — сказал Конан. — Например, мне хочется увидеть моего приятеля Гирадо.

— Неужели тебе дорог какой-то человечек? Судя по имени, он родом из Стигии, а ты не похож на стигийца. Стало быть, вы не родственники, — начал рассуждать старичок, назвавшийся Мемфисом. — А как тебя зовут, а?

— Меня зовут Конан, и этот стигиец мне вовсе не дорог. И уж тем более мы не родственники, — рассердился Конан. — Но мы вместе пустились в путь, и я хотел бы, чтобы этот путь мы и закончили вдвоем. Не привык я к такому, чтобы устроиться на ночлег вдвоем, проснуться в одиночку да и уехать ни с чем.

— Погоди-ка, погоди-ка... — Мемфис призадумался, закусив ус. — Где это вы заночевали вдвоем? Не у Бульнеса ли, этого пройдохи-некроманта?

— Да, кажется, такое имя назвал хозяин довольно мерзкой хижины.

— Теперь понятно... — Мемфис хихикнул, поперхнулся собственным усом и принялся кашлять, содрогаясь всем телом. — Понятно, совершенно все понятно... Ты, наверное, ушел ночевать на двор, а твой дружок расположился под крышей.

— Да.

— Каждое полнолуние Бульнес со своей болтливой мумией проваливается под землю.

— Так принято? — уточнил Конан. — Или это какое-то проклятие?

— Откуда мне знать? — Мемфис выплюнул ус и громко фыркнул, почти как лошадь. — Мало ли что придет в голову этому человечьему отродью. Пой-

ная луна плохо действует на мумию. Она начинает зевать, говорить разную чушь, а иногда делается злобной и кидается на своего спасителя. А чего он хотел, когда завладел трупом раба и превратил его в прорицателя? Окружил почетом, курит ему благовония — тьфу! Меня тошнит от всей этой глупости.

Старичок энергично плюнул себе под ноги и попал в черные воды озера.

По глади побежали круги, возле каменного лотоса заколебались маленькие волны. По статуе пронесся долгий протяжный вздох, который зародился как будто в самых ее глубинах.

— Ой-ой, — сказал старичок. — Бежим-ка отсюда, малыш. Я случайно прогневал нашего бога, и он может пробудиться.

— И что тогда? — спросил Конан, не двигаясь с места.

— Если он никого не увидит, то заснет снова. А если заметит нас с тобой, то... мало ли что придет ему в голову спросонок! Этих богов разве разберешь!

И Мемфис мелко засеменил вокруг озера. Конан подхватил старичка на руки — тот оказался невероятно тяжелым — и бросился с ним бежать прочь из пещеры. И вовремя — каменная статуя как раз начала приподнимать веки.

— Уф! — выговорил Мемфис, когда Конан поставил его на ноги. Они снова были возле входа в пещеру, рядом с разбитым деревом. — Быстро же ты умеешь скакать, малыш. Как тебя зовут, говоришь?

— Конан.

— Забавное имя. Ты ведь северянин, а? Черный, как кушит, а глаза голубые. Пф! — Он снова фыркнул, так что усы испуганно разлетелись от его рта. — Где это тебя так сожгло солнцем? — Он поднял палец. — Только на море бывает такой загар! Только на море! Ты был гребцом на галере, а? Сознавайся, мерзавец, ведь ты бывший гребец на галере!

— Может быть, — сказал Конан. — Тебе-то какое дело, почтенный Мемфис, Серебряный и Большой, был я гребцом или не был?

— Да никакой, — сказал старичок. — От тебя воняет королями, а ты тратишь время, размахивая веслами на какой-то галере.

— Какими еще королями? — смутился Конан.

Наслаждаясь тем, что гигант-северянин наконец-то чувствует себя не в своей тарелке, старичок захохотал, широко разевая беззубый рот.

— Ты будешь королем или был им когда-то! — заявил он.

— Эка новость! — нашелся Конан. — Конечно, когда-нибудь я завоюю себе королевство.

Мемфис закивал головой, размахивая длинными серо-седыми волосами.

— Похвально, малыш, похвально. Ну что, летим?

— Куда? — не понял Конан.

— Ты хочешь тащиться к хижине Бульнеса пешком? — поинтересовался старик ехидно. — Неужели не надоело бегать туда-сюда, туда-сюда? Летим! — прогремел его голос совершенно по-иному, и вдруг перед Конаном возник огромный змей с получеловеческим лицом на морде. Усы, каждый размером с большую змею, шевелились на камнях. На голове красовались острые загиба-

ющиеся рога. Тяжелый хвост расслабленно лежал среди кустов и булыжников. Серебряная чешуя сверкала на бледном солнце, и дракон казался металлическим.

И только темные глаза глядели по-прежнему, ехидно и весело. Это существо так и дышало жаром, жизненными силами, мощью.

— Садись между рогами, — прогремел голос, и усы расползлись в стороны, как бы в приглашающем жесте. — Полетим низко, но очень быстро.

Конан осторожно приблизился к голове дракона.

— Мемфис, — сказал он, и в его голосе невольно прозвучало благоговение. — Как ты красив!

— А... — вздохнул дракон. — Я всегда это знал!

Конан устроился на голове змея. Прикосновение чешуи оказалось прохладным и приятным. Почти мгновенно змей чуть-чуть приподнялся над землей и заскользил, извиваясь, по воздуху. Мимо проносились, мелькая, кусты, низкие деревца, обломки скал. Прошло совсем немного времени, и дракон плавно опустился на землю.

— Здесь, кажется, стояла хижина этого дурака Бульнеса, — ворчливо прогремел он. — Ну-ка, слезай с моей головы. Будем копать.

Конан спустился на землю и отошел чуть в сторону. Дракон сложил свое длинное тело кольцами и уставился на него.

— Ну? — сказало древнее существо.

— Что? — не понял Конан.

— Будем копать! — сказал дракон.

— Хорошо, — согласился Конан.

— Что ты стоишь? — прогневался дракон. Он взмахнул усами, как бичами, и хлопнул хвостом по земле, отчего опавшие листья, хворост и несколько неудачливых ящериц взлетели в воздух.

— Копай!

— Я? — переспросил Конан.

Дракон склонил голову набок, как удивленная собака.

— А что, я, по-твоему? Это твой приятель! Копай! Я буду помогать тебе песней.

И он действительно завел монотонную песню, от которой неудержимо клонило в сон. Конан опустился на колени и принялся ладонями разгребать землю на том месте, где, как он помнил, была злополучная хижина.

Вскоре он увидел лицо, засыпанное землей. Это был Бульнес. Он спал мертвым сном и чуть похрапывал. На его бледных губах вздувались пузыри.

— Оставь его, — прервал на миг свое пение дракон. — Займись другим. Этот уже привык к погружениям, а вот твой приятель мог и задохнуться.

Конан послушно бросил Бульнеса (надо признать, сделал он это весьма охотно) и принялся копать дальше. Вскоре он отыскал Гирадо. Стигиец спал мучительным сном, он позеленел, губы его ввалились и стали почти черными, веки

изо всех сил жмурились, как будто пытались избавить взор от страшных видений.

Конан вытащил его и уложил на траву.

— Хорошо, — сказал дракон, продолжая тянуть бесконечную мелодию. — Буди его, пока он не привык к этому сну. Пока что ему снятся отвратительные вещи — видишь, как хмурится? — но когда он попривыкнет и втянется, видения станут более спокойными, а потом и приятными... В конце концов он не захочет просыпаться.

— Но почему Бульнес не предупредил его, что останавливаться на ночлег под крышей его дома опасно? — спросил Конан, хлопая Гирадо по щекам и тряся его за плечи.

— Потому что ему дела нет до пришлых остолопов, которые забрели к нему под кров, — промурлыкал дракон.

Гирадо со стоном распахнул глаза. Конан увидел ужас, мелькнувший во взгляде стигийца.

— Кто? Что? — выдохнул Гирадо.

— Это я, — сказал киммериец.

— Конан! — Гирадо с глубоким вздохом опустился на траву. — Мне показалось, что я умер, что меня опускают в чан с кипящей смолой и хотят сделать из меня мумию...

— Ну, что я говорил? — раздался громовой голос дракона. — Все это из-за некромантии. Возня с трупами никого еще не доводила до добра.

Гирадо подскочил, как ужаленный, и встретился взглядом с Мемфисом. Серебряный дракон щурился, словно кошка, и откровенно потешался над перепуганным и растерянным человеком.

— Ты... ты... о, великий, почтенный, о могущественный... — залепетал стигиец, хватаясь то за один, то за другой амулет.

— Это я, — важно подтвердил дракон. — Я познакомился с твоим спутником, с этим верзилой, который был вежлив с хилым стариком и бесстрашен с могучим драконом. Хо, хо. Куда это вы, малыши, направляетесь? Здесь не очень приветливые края, как вы успели убедиться.

— Мы ищем... нам нужно найти... — начал стигиец, но махнул рукой и вдруг заплакал. — Мне трудно говорить, — сквозь слезы вымолвил он. — Столько всего произошло! Живая мумия, некромант, подводный город, а теперь еще ты — такой огромный, такой...

— Прекрасный, — самодовольным тоном подсказал дракон. — Ладно, пускай отвечает северянин. Как тебя, кстати, зовут, северянин? Кажется, в голове у тебя не совсем пусто.

— Нам нужна часть амулета, — сказал Конан, решив на этот раз не называть своего имени дракону. Будет с него.

— Талисмана, — поправил Гирадо.

Конан махнул рукой.

— Ну, талисмана. Такой кругляшок, разбитый на четыре части. По нашим сведениям, у тебя хранится та часть, что позволяет повелевать духами воздуха.

— Что, очень надо? — спросил дракон еще более насмешливо.

— Без этого не остановить Мутэмэнет, если ее имя тебе что-нибудь говорит.

— Помню такую женщину, — задумчиво протянул Мемфис. — Красивая, но очень злая. Она приносила мне воздушный талисман. Говорила что-то об опасностях, о магии, да я ничего не понял. — Он потянулся, развернув и снова свернув кольца своего огромного серебряного тела. — Я слишком стар, слишком могуч, слишком далек от мира людей... Если бы вы только знали, какими жалкими кажетесь вы с той высоты, на которую я летаю! Вы живете так мало, что я не успеваю замечать, как сменяются поколения. Вы ходите так медленно, что я обгоняю вас, едва начав движение. Вы ничтожны... и все же есть что-то непобедимое в вашем неустанном продвижении вперед. Чего вы достигнете когда-нибудь? Я это увижу, я увижу... я доживу до этого времени...

Дракон зевнул, ослепив двоих спутников блеском своих белоснежных клыков, в которых, казалось, отражались, искаженные, оба лица, Конана и Гирадо.

— Забирайте эту безделку, — сказал дракон, и из-под его перепончатой лапы выпал неровный кусочек металла. Гирадо схватил талисман так быстро, что Конан едва успел проследить за ним глазами. — И уходите... уходите, пока не случилось еще чего-нибудь.

— Погоди, — остановил дракона Конан. — Ты был так добр, так снисходителен... Окажи нам еще одну услугу.

Дракон широко раскрыл темные глаза, в которых так и плясали усмешливые огоньки.

— Я слушаю тебя, малыш.

— Нам нужно попасть в подземный город магминов.

— Сколько всего вам нужно, малыш! У меня просто голова идет кругом! — громовые раскаты драконьего смеха разнеслись среди скал. — Идите в ту пещеру, где мы встретились. Лошадей тебе придется отпустить... Они, по-моему, убежали, едва я принял истинный облик. Впрочем, я не уверен. Проверь. В любом случае, в подземелье их не бери. Там они не пройдут. Вход — там, мимо статуи Амиды. Дождитесь, пока минет полнолуние. Нехорошее это время для вас, людей, — полнолуние...

Дракон чуть приподнялся над землей. Кончик его хвоста задрожал — древний зверь предвкушал предстоящий стремительный полет.

— Прощайте, малыши, — зазвенел, запел медный голос Мемфиса. — Прощайте!

Серебряная стрела чиркнула воздух, и спустя миг в ослепительно-синих небесах уже извивалось огромное, сияющее тело гигантского древнего змея.

Гирадо изо всех сил старался сохранять невозмутимый вид, но это у него не очень-то получалось. В подземелье он ежился и все время оглядывался по сто-

ронам, как будто ожидал нападения страшного чудовища. Ничего не происходило, и это, как с насмешкой подумал Конан, еще больше пугало маленького стигийца. Смуглые тонкие пальцы постоянно перебирали амулеты, ощупывали то один, то другой мешочек с колдовскими зельями. Губы то и дело принимались шевелиться, бормоча заклинания, но ни одно из них стигиец не договорил до конца.

— А что, — обратился к нему Конан, — душно было тебе спать под землей?

Гирадо посмотрел на своего спутника большими темными глазами, расширенными от ужаса.

— Поначалу я вообще ничего не понял, — признался он. — Просто заснул. Земля забила мне рот и нос, но я не умирал. Тяжело и мучительно спал. Такое иногда случается, когда тебя давит тяжелое одеяло...

— Давит одеяло! — фыркнул Конан. — Чего только не услышишь, общаясь с цивилизованными людьми!

— Легко тебе говорить, верзила, — обиделся стигиец.

При виде могучей, бугрящейся мышцами фигуры варвара трудно себе было представить, что его могло «давить» одеяло. Однако хрупкий стигиец — другое дело. Какая-нибудь баранья шкура или набитый войлоком матрас вполне могли сжать его грудную клетку и вызвать кошмары.

— Ладно, не обижайся, — миролюбиво отозвался Конан. — Лучше продолжай. Интересно.

— Мне снились страшные вещи. Отрубленная голова моего брата, превращенная в рубин...

— А разве твоему брату отрубили голову? — удивился Конан.

— Это же сновидение! — объяснил стигиец.

— А разве оно не пророческое или что-то в этом роде?

— Нет, просто сновидение. Только страшное.

— Нет ничего страшного в отрубленной голове, — заявил Конан авторитетным тоном. — Я самолично отрубал головы и могу тебя заверить, что нет ничего более мирного, молчаливого и безопасного, чем...

— О боги! Я говорю о своем брате! — возопил стигиец.

— Ты ведь его даже ни разу не видел, насколько я понимаю.

— Неважно. Мы с ним одной плоти. Словом, я не буду тебе больше ничего рассказывать... — Чуть помолчав, Гирадо добавил: — И эта красная, полупрозрачная голова имела мое лицо. И она пыталась мне что-то сказать, но ее губы были скованы рубином.

— Как это? — заинтересовался Конан.

— Я хотел сказать: она была рубиновая и потому не могла шевелить губами.

— Красивый сон, — помолчав, оценил Конан. — А потом?

— Потом ты начал меня трясти. Рубиновые грезы рассыпались, я увидел серенький свет и твою физиономию. Но этот дракон! Как ты сумел завоевать его уважение?

— Что-то я не заметил, чтобы старый Мемфис проявлял ко мне уважение! Просто мы с ним поболтали. Точнее, я поболтал с неким сварливым старикашкой, который бродил по этой пещере и случайно плюнул в изображение бога... или в самого бога. А вот и он!

Они вошли в подземный зал с озером, посреди которого на каменном лотосе восседала прозрачная статуя божества. Теперь, когда полнолуние миновало, капли с потолка падали реже, и статуя сделалась меньше. Конан предположил, что к новолунию изображение божества (или же само божество — этого он так до конца и не понял) становится совсем маленьким. Тем не менее глазам путников предстала довольно внушительная картина: почти совершенно прозрачный бог, застывший в спокойной, отрешенной позе, глядел на них из-под полуопущенных век равнодушно и слепо; на холодных, выпяченных губах застыла полуулыбка, которая в любое мгновение, казалось, может обернуться злобным оскалом или приветливым смешком.

Отраженная в черной водной глади, статуя казалась двуглавой.

— Клянусь Бэлит! — шепнул стигиец. — Здесь жутко!

— Пока он не шевелится, все в порядке, — отозвался варвар, пожимая плечами. — По мне так, все статуи богов ничего не стоят, пока они остаются статуями.

В это мгновение прозрачный бог открыл глаза и осторожно шевельнул рукой. По озеру пробежали круги.

— Ты касался воды? — спросил киммериец у своего спутника.

— Нет... Тебе тоже показалось?

— Кром! Проклятье! Ничего не показалось! Он оживает, и одному только аду известно, почему!

— Люди... — пронеслось эхом по подземной пещере, и это простое слово отзывалось от стен много раз, то глухо, то гулко, пока наконец не начало звучать зловеще, словно представляло собой какое-то древнее могущественное заклинание. — Люди...

— Да, мы люди! — выкрикнул Конан, желая разрушить очарование страха. — А ты — всего лишь ледяная статуя!

— Я бог... — загремело вокруг. — Я бог... Ничтожные, жалкие люди!

— Мы друзья Мемфиса, — бойко проговорил стигиец, размахивая амулетом причудливой формы. На коротком жезле сидело изображение дракона, раскрашенного красными и золотыми полосами. Чуть ниже дракона имелось синее кольцо, с которого свешивались цепочки, кисточки, причудливо завязанные узелками шелковые шнуры и колокольчики. Все это брякало и развевалось, однако на ожившего ледяного бога не производило ни малейшего впечатления.

— Я Амида, спящий здесь, во тьме, тысячи зим! — сказал он. — Дракон Мемфис превратил меня в крошечного карлу и оледенил мои члены. Много тысяч зим длилось наше противостояние. Мы видели, как пала Атлантида, но и это не остановило нашей вражды. Нам не было дела до страданий людишек,

ведь мы были равными противниками и стоили друг друга. Только это нас и занимало. Но вот Мемфис заручился помощью людей, этих ничтожных созданий... Я ненавижу людей! — взревел вдруг Амида, и по его телу побежали струйки оттаявшей воды. — Это дьявольское отродье! Их жизнь коротка, но за эти считаные мгновения, что они проводят на земле, они успевают совершить столько добра и зла! Богам потребовались бы столетия, чтобы сравняться в счете с человеком.

Люди стали союзниками Мемфиса. Он научился принимать их облик. Этот облик был, с их точки зрения, весьма несовершенным и даже смешным, и поэтому они полюбили его. Вот загадка человека! Человек может полюбить уродливое и смешное. Человек может полюбить отталкивающего старикашку, который забывает половину из того, что ему только что рассказали. Мемфис понял это и научился этим пользоваться.

А я никогда не снисходил до людей. Меня не интересовали их убогие тайны. Мне не хотелось заключать с ними союз. Я предпочел бы, чтобы их никогда не было! И однажды я поплатился за свою гордость. Мемфис со своими отвратительными союзниками подстерег меня и набросил на меня сеть из своих чар. Спустя короткое время я, побежденный, поверженный, униженный, был превращен им в крошечную уродливую статуэтку и помещен здесь, в этой пещере, посреди озера. Мемфис приковал меня к каменному лотосу, так что он стал моей тюрьмой. Но день и ночь сверху падают на меня благодетельные капли воды. Чем полнее луна, тем гуще и чаще эти капли, тем быстрее расту я. Ледяной покров в точности повторяет форму статуэтки, только увеличивает ее в размерах. Но увы, каждую луну ночное светило начинает убывать, и лед тает, а прозрачная статуя делается все меньше...

Конан присмотрелся и увидел, что внутри ледяной глыбы мерцает что-то темное. И это что-то было статуэткой, как и говорил Амида. Статуэткой, полной жизни и ненависти. Но она не могла двинуться с места и только пыталась прожечь своих собеседников яростным взглядом больших, узких глаз.

А лед статуи все плавился. Озеро, окружающее пленного Амиду, вскипало, по черной воде плыли пузыри, в которых причудливо отражалось пламя свечей. От лотоса, волнуясь, разбегались круги.

— Я могу разрубить его мечом, — сказал Конан своему спутнику. — Но не знаю, стоит ли это делать. Если дух Амиды заточен внутри этой статуэтки, то неразумно будет выпускать его на свободу.

— Ты делаешь большие успехи в деле изучения природы духов, — похвалил его стигиец.

Конан поглядел на Гирадо искоса, но ничего не ответил. Вместо этого он обратился к божеству:

— Дракон Мемфис умен и добр, насколько я успел заметить.

— Как ты можешь судить, кто умен и кто добр! — заревела статуя. Теперь лед трясся, как желе, наполовину расплавленный, и золотой свет внутри глыбы разгорался все ярче. — Ты ничтожный, жалкий...

— Дракон Мемфис поступил правильно! — крикнул Конан. — Ты останешься здесь, в темноте и безвестности, Амида, и не сможешь помешать нам продолжить наш путь!

Со страшным грохотом лед обвалился в озеро. Обезображенные куски статуи закачались на черных волнах. «Скорлупа», одевавшая изящные руки и толстые скрещенные ноги, обломки «маски», покрывавшей лицо, проплывали мимо Конана и Гирадо. Странно было видеть бесстрастный прозрачный лик, оторванный от головы и подпрыгивающий в воде. Как будто там тонул человек, равнодушный к собственной судьбе. А на лотосе осталась только маленькая золотая статуэтка, раскаленная теперь докрасна. Она тщетно пыталась приподняться, взмахнуть руками. Только шипение слышалось теперь, многократно усиленное эхом, и в этом шипении спутники разобрали:

— Мемфис... проклятый дракон Мемфис...

Не сказав больше ни слова, они припустились бежать и скоро скрылись в темных подземных переходах.

Поначалу ничего нового они не видели. Только низкие ходы, как будто прорытые огромными муравьями, обнаженные скальные породы, иногда сырость под ногами. Затем впереди мелькнул свет. Конан остановился.

— Ты это видишь? — спросил он своего спутника.

Гирадо замер рядом с могучим киммерийцем.

— О чем ты? О том огоньке?

— Да. Это не просто светляк... Мне кажется, там есть кто-то живой, — сказал Конан.

— Ну да, — отозвался Гирадо, стараясь выглядеть уверенным, — светляк ведь живой.

— Я хотел сказать, там существа... Ну, какие-то разумные существа! — рассердился Конан. — Ты ведь прекрасно понял, что я имею в виду! Зачем прикидываться?

— Я понял тебя, — кивнул Гирадо, — только мне кажется, что там обыкновенные колонии светляков.

— Что светлякам делать под землей?

— Мы очень мало знаем о живых существах, которые обитают под землей, — нравоучительным тоном проговорил Гирадо. — Например, некоторые змеи, лишенные глаз...

— Только избавь меня от разговорах о змеях, ты, уроженец земли Сета! — взревел киммериец. — Ненавижу змей!

— К ним стоит относиться с уважением, — заметил Гирадо. — Я тоже не большой поклонник Сета, но по крайней мере жизнь в Стигии приучила меня внимательно следить за змеями.

— Хвала богам, я не знаток жизни в Стигии! — разбушевался Конан. — И если я говорю, что впереди кто-то живой, то я говорю то, что говорю! То есть, что впереди кто-то живой! Опасный! Враг! Ты понял, что я говорю?

— Я понял, что ты злишься и немного напуган, — сказал Гирадо спокойно, что еще больше вывело Конана из себя. В наступившей тишине было слышно, как киммериец скрипит зубами. От этого звука у Гирадо мурашки побежали по коже. К тому же он уже сообразил, что киммериец прав: свет впереди означал, скорее всего, селение магминов.

Подземные жители, маленького роста, скорченные, с уродливыми лицами, были потомками лемурийцев, и в их сознании до сих пор жил образ их предков, красивых, с прямыми спинами и ясными глазами.

У лемурийцев не было расширенных зрачков, приспособленных к тому, чтобы видеть в темноте. Они не напоминали горбатых карликов. Их руки не были мускулисты и узловаты.

Магмины тесно сроднились со стихиями подземного мира — прежде всего земли и огня. Огонь, который пылал в недрах земли, согревал их сердца, и каждый из них представлял собой как бы крошечный сгусток почвы с одушевленным пламенем в середине.

Они заметили пришельцев раньше, чем Конан углядел пламя их факелов. И скоро над головами путников начал сыпаться песок. Поначалу с потолка пещеры тихо струились песок и мелкие камешки. Но скоро это грозило превратиться в настоящий обвал.

Конан остановился.

— Эй! — крикнул он. — Мы никому не желаем зла!

Он прислушался. Гирадо так разволновался, что сам не заметил, как прижался боком к могучему боку киммерийца. Конан слышал его дыхание и чувствовал, как дрожит маленький стигиец.

Поначалу никакого ответа не последовало. Только в темноте вдруг протопали крошечные ножки. Затем издалека донесся звон кирки. А после совсем рядом зазвучал голос. Говорил некто, с трудом выговаривая человеческие слова:

— Что вам надо?

— Мы пришли в страну магминов, — начал Гирадо, — с миром и нижайшей просьбой.

— Кто вы? — последовал вопрос.

— Два человека сверху.

— Мы знаем страны, которые лежат сверху, — высокомерно произнес голос. Он звучал так, словно исходил из автомата, хотя на самом деле говорило живое существо. Конан даже различал его дыхание, немного хриплое, как будто в легких у него осела каменная пыль. — Назовите эти страны.

— Стигия, — сказал Гирадо.

— Киммерия, — произнес Конан.

— Знаете ли вы Лемурию? — спросил голос.

— Она исчезла много тысячелетий назад, — отозвался Конан. — Но лемурийцы оставили на земле немало полезного...

— Вы уважаете Лемурию?

— Хоть эта страна и исчезла, она до сих пор заставляет с собой считаться, — быстро ответил Гирадо. — Трудно не уважать такую страну, почтенный.

Послышалось удовлетворенное шипение. Затем тот же голос заговорил опять:

— Кто ваши друзья?

— Дракон Мемфис, — назвал Конан и внутренне сжался, готовясь отразить атаку, с какой стороны бы она ни последовала. Он понятия не имел, кого поддерживали магмины в долгом противостоянии Мемфиса и Амиды. Вряд ли маленькие подземные человечки оставались в стороне, когда рядом кипела такая схватка: ведь они, считающие себя потомками славной Лемурии, полагали своим долгом вмешиваться в любые значительные конфликты, о каких только им удавалось узнать.

И если только Конан назвал неправильное имя...

Гирадо нащупал несколько амулетов и одну бутылочку с порошком. Он не знал, какой это был порошок, ослепляющий или усыпляющий, но если придется действовать, он метнет зелье, не раздумывая, — а там уж как получится.

Но оказалось, что Конан не ошибся.

— Мемфис — наш друг, — сказал магмин и выступил на свет.

Это был крошечный согбенный старичок с длинной бородой, длинными редкими волосами серого цвета и уродливым личиком мандрагоры. Его руки почти касались земли, а глазки-бусинки, состоявшие, казалось, из одного зрачка, глядели проницательно.

Он смотрел на стоявших перед ним людей со странной смесью зависти и презрения.

— Мемфис никогда не презирал ни одно живое существо, — сказал магмин. — Он не презирал и нас. Он наблюдал за нами на всем протяжении нашей истории. Он видел, какими мы пришли из Лемурии. Он знал и о падении нашей страны, о погружении в волны материка... Он летал над тем местом, где некогда была Атлантида. Он рассказывал нам об этом. Он никогда не пренебрегал нами. А Амида был другим. Он презирал живые существа, если те были слабее его. Он совершал ошибки. Он попал в ловушку. Мы помогли Мемфису одержать верх. Вы видели Мемфиса?

— Да. Он показал нам дорогу сюда, — сказал Гирадо и вежливо поклонился карлику. — У нас очень важное дело, почтенный. Если ты поверишь нам, то поможешь спасти царство от страшных чар.

— Колдовство людей! — карлик плюнул себе под ноги. — Как это глупо! Ничтожные создания куют ничтожные заклинания ради ничтожных целей! В этом нет никакого сострадания к живым существам. Это непочтенно, это очень глупо. Это портит карму. Нельзя так поступать.

— Мы не хотим ковать заклинания, — быстро проговорил Гирадо, чтобы не дать Конану вступить в беседу и присоединить свой могучий глас к мнению карлика о заклинаниях. Гирадо достаточно уже наслушался рассуждений киммерийца на тему «хороший колдун — мертвый колдун» и не хотел, чтобы

эту арию Конан с карликом исполнили дуэтом. Он справедливо опасался, что подобное исполнение займет не один поворот клепсидры.

— Не заклинания ваша цель? — повторил магмин.

— Ни в коем случае! — заверил Гирадо.

— Разве не амулеты у тебя на поясе, человек? — в третий раз вопросил карлик.

Смутившись, Гирадо прикрыл пояс ладонью.

— Да, амулеты, но совсем слабенькие... Скорее, сувениры. Напоминания о некоторых... вещах. О встречах и странствиях. О том, что я должен почитать богов и духов. Не более того. Ну и пара сонных зелий — если вдруг не смогу заснуть. Иногда у меня бывают тревожные мысли, и я долго ворочаюсь без сна...

— Смешно! — Магмин затрясся от смеха. Смеялся он странно: втянув голову в плечи и чуть согнув в локтях руки, подпрыгивал на месте, испуская глухой звук: «ух, ух, ух!».

— Мне тоже, — встрял Конан. — Мне тоже смешно все это слушать. Вот что я расскажу тебе. Там, наверху, есть одна вздорная бабенка, колдунья, которая хочет соединить все четыре стихии и таким образом завладеть душами всех живых существ, до каких только дотянется. Она попортит им карму, можешь мне поверить! В ней нет никакого... э... сострадания к живым существам. И карма у ней — хуже некуда, а будет — совсем кошмарная, уж ты мне поверь! Я в этом деле знаток, мне сам Мемфис рассказывал.

Карлик зашевелил сморщенным личиком, задвигал длинным извилистым носом, скривил рот сперва на одну сторону, потом на другую.

— Да? — проговорил он наконец. — Интересно то, что ты тут рассказывал. Какая это колдунья?

— Ее зовут Мутэмэнет, — опять вступил в разговор Гирадо. — Это могущественная стигийская заклинательница. Ей уже много зим, не одна сотня — точно. Она выглядит как юная красавица...

— Красавица? — Брови магмина полезли вверх. — О ком это ты говоришь? О долговязой бледнорожей уродине с синей краской на лягушачьих веках, которая пролезла к нам в подземелье и отдала на хранение часть талисмана?

— Огненную, — быстро сказал Гирадо.

— Огненную... — повторил магмин задумчиво и с испытующим видом глянул на молодого стигийца. — Да, эта колдунья настоящая уродка. Гладкая кожа, как будто смазанная слизью. Мясные красные губы. Отвратительно короткие руки. Да? Это она?

— Да, да. Она считает себя красавицей, но на самом деле — жаба жабой, — сказал Конан. — Уверен, что ты не ошибся, прозрев ее истинную сущность.

Магмин снова довольно закудахтал и наконец сказал:

— Идемте. Я проведу вас в наше селение и представлю старейшинам. Думаю, мы сможем доверить вам огненную часть талисмана, но только в том случае, если вы подробно расскажете нам свой план действий.

— А для чего вам знать наш план действий? — осведомился Конан, кото-

рый и сам имел весьма смутные представления о том, в чем этот план может заключаться.

— Мы должны убедиться, что вы не намерены повредить ни одному живому существу, — объяснил карлик. — Если вы забудете о сострадании и нанесете ущерб созданиям мирового разума, то ухудшите тем самым нашу карму, поскольку мы стали вашими сообщниками.

— Странное у вас представление о карме, — брякнул Конан. Гирадо предостерегающе взглянул на своего восхитительно невежественного в религиозных вопросах спутника, и Конан догадливо замолчал. К счастью, магмин был увлечен своими мыслями.

Поселение магминов находилось глубоко под землей. В глубоком мраке то и дело появлялся дрожащий огонек, спрятанный внутри лампы со стенками из полупрозрачного камня — слюды или дымчатого хрусталя. Но эти лампы не столько разгоняли вечный сумрак, сколько подчеркивали его. Казалось, ничто не в состоянии залить эти подземные помещения торжествующим солнечным светом.

Но здешние обитатели в этом и не нуждались. Они давно привыкли к темноте и находили ее успокаивающей, способствующей глубоким раздумьям и погружению в самопознание. Их дома напоминали что угодно, только не человеческие жилища. В скалах, образующих стены бесчисленных коридоров и переходов, были вырезаны причудливые узоры. Тонкое каменное кружево переплеталось и, казалось, не ломалось только чудом. Здесь были и розы, и клубок змей, и сломанные ветки, перевязанные лентой, и фантастические существа, которые, возможно, обитают на дне самого глубокого из морей — того моря, что простерлось над землями погибшей Лемурии...

Посреди этой резьбы то и дело мелькали глаза. Огонь факела, который нес варвар, отражался в расширенных зрачках, и тогда вспыхивало желтоватое или красноватое пламя. Множество подземных жителей следили за шествием, предпочитая, однако, оставаться у себя дома и не присоединяться к чужакам.

За этими ажурными «ставнями» или, лучше сказать, «воротами» находились сами жилища. Конан не мог разглядеть, имелась ли там какая-то мебель, но подозревал, что она тоже из камня. Одежда на магминах была кожаная, из выделанных шкурок каких-то существ, которые также обитали под землей. Про себя Конан надеялся, что это не крысы.

— Крысы? — переспросил Гирадо, и тут киммериец понял, что последнюю мысль высказал вслух. Он шепотом выругался: нельзя слишком погружаться в самопознание, иначе это выльется в процесс познания твоих мыслей посторонними — что, в свою очередь, плохо скажется на карме. Потому что если посторонние узнают что-либо лишнее, Конану придется отправить их в мир иной. А это плохо скажется на карме... И вообще, слишком много вещей плохо сказываются на карме!

Конан плюнул себе под ноги, решив больше даже в шутку не думать в подобных выражениях. Киммериец не верил ни в какую карму. Человек рождается

на земле и живет один раз. И если он достойно прожил и (что еще более важно) достойно умер, то свирепый бог Кром весело примет его в своих гостеприимных холодных чертогах, где идет богатырский пир. Вот и все. Вот и все.

— Какие крысы? — настойчиво повторил Гирадо, дернув Конана за рукав. — Почему ты говоришь о крысах?

— Я не говорю о крысах, — сказал Конан хмуро. — Мне просто интересно, из чьих шкурок они шьют себе одежду.

— Есть такие существа — подземные копатели, — сказал магмин. — Мы никогда не причиняем им вред. Мы не причиняем вреда живым существам...

— Шьете из дохлых? — спросил Конан вежливо.

— О, да! — охотно подтвердил магмин. — Когда мы находим умершего копателя, мы совершаем над ним погребальный ритуал, надеясь улучшить его и свою карму.

(Конан отчетливо скрипнул зубами).

— А затем мы снимаем с него его кожаную одежду, которая больше ему не нужна, и относим ее нашим дубильщикам. Тело же предаем тлению.

— В смысле?

— Обливаем его горячей водой, чтобы ускорить процессы разложения, а когда оно окончательно сливается с землей, которая его породила... — пустился в объяснения магмин.

Конан страшно сморщился в приступе брезгливости. Его красивое, хотя и грубоватое лицо превратилось на миг в отвратительную маску.

Гирадо поспешил перевести разговор на другую тему:

— Как ты думаешь, почтенный, хорошо ли отнесутся ваши старейшины к нашей просьбе?

— То, что вы хотите забрать, не принадлежит нам, — бесстрастно сказал магмин. — То, что вы хотите забрать, может ухудшить нашу карму. Думаю, старейшины отнесутся к вашей просьбе благосклонно.

Так и случилось. Большой зал совета, куда магмин доставил пришельцев, представлял собой еще одну просторную подземную пещеру с небольшим озером посередине. Но здесь не было ни каменного лотоса, ни ледяной статуи. Одна стена пещеры была полностью изрезана все теми же причудливыми узорами. На сей раз они представляли собой переплетающиеся листья, длинные и узкие. Конан никогда не видел растения с такими листьями, однако подозревал, что подобные росли некогда в Лемурии.

Среди этих каменных листьев восседали магмины. Их было великое множество. Повсюду к узорным решеткам приникали их сморщенные, коричневые личики, отовсюду свешивались разлохмаченные бороды и длинные, тонкие серые пряди нечесаных волос.

Конан и Гирадо остановились на берегу озера, оглядываясь по сторонам. Они так и не поняли, являются ли все собравшиеся здесь магмины старейшинами или же решение принимают лишь немногие, а большинство — только зрители.

Подземный город не слишком нравился Конану. Здесь было тесно — не развернуться, не взмахнуть мечом. И темно — отовсюду мог напасть невидимый враг. Да и вообще, киммериец любил яркий свет, открытое пространство, свежий воздух. В его жизни нередко выпадали моменты, когда он был лишен всего этого, и Конан всегда неудержимо стремился к свободе, к простору.

А вот Гирадо, кажется, был потрясен представшей ему картиной. Как истинный сын Стигии — то, что Конан не без презрения именовал «цивилизованным человеком», — он чрезвычайно высоко ценил произведения искусства. Резьба по камню, в которой магмины достигли такого совершенства, принадлежала, несомненно, к числу тех искусств, что завораживали ценителя.

— Итак, — зазвучал голос, многократно усиленный эхом, — перед нами два чужака. Говорите!

Гирадо не сразу понял, что обращаются к ним. Выждав немного — не желают ли заговорить магмины, — он выступил вперед и начал:

— Мага из Стигии, Мутэмэнет, отдала вам на сохранение огненный талисман. Мы пришли за ним.

— По поручению маги? — спросил гулкий голос.

— Нет. Мы — ее враги.

Гирадо отвечал определенно, без околичностей, поскольку успел немного изучить магминов по разговору с их провожатым. Здесь не требовалось лукавить, прибегая к пышным витиеватым оборотам речи. У магминов были союзники и соперники. Точнее, магмины воображали, что имели таковых. На самом деле почти никто на земной поверхности не имел об этом маленьком вымирающем народце никакого представления.

— Хорошо. Мага не понравилась народу магминов, — произнес голос с удовлетворением. — Ее поручение охранять огненный талисман было принято нашим народом только потому, что мы боялись отказом ухудшить нашу карму. Но если мы отдадим талисман пришельцам, то мы, несомненно, еще больше улучшим нашу карму. Вы можете забрать его.

Послышался мелодичный звон, как будто ветер осторожно ласкал десяток колокольчиков самых разных размеров, от толстого крепыша до тоненького малыша. Откуда-то сверху медленно начала спускаться цепочка. Вероятно, действовали некие скрытые в толщах скал механизмы, разработанные магминами, — но ни Конан, ни Гирадо наверняка ничего сказать не могли. Цепочка повисла перед резными листьями, на уровне верхнего яруса, и остановилась. На нижнем ее конце находился небольшой предмет, плоский и бесформенный, — обломок талисмана, как справедливо предположил Конан.

Этот предмет тихо мерцал в полумраке.

— Надеюсь, он не горячий, — прошептал Конан на ухо своему спутнику.

— У меня есть каменный футляр, — ответил Гирадо очень тихо. — Я предвидел такую вероятность.

Он приблизился к талисману и протянул к нему руку.

— Будь осторожен! — вскрикнул один из магминов. — Эта вещь раскалена! Мы время от времени опускали ее в холодные воды нашего священного озера...

Остановленный вовремя, Гирадо принялся копаться в своем поясе и наконец вытащил небольшую каменную коробочку. Талисман был помещен туда с великими предосторожностями. Затем его обернули несколькими слоями выделанной замши (Гирадо предпочел не думать о том, кому прежде принадлежала эта «кожаная одежда» и каким образом с нею расстались прежние владельцы).

— Вы должны теперь покинуть наши владения, — торжественно молвил голос. — Идите вперед и вперед. Скоро дорога поведет вас наверх. Вы окажетесь на поверхности, под этими страшными, отвратительными, обжигающими лучами, которые могут расплавить глаза, если их вовремя не закрыть. Прощайте.

— Прощайте! — закричал вдруг Конан во всю мощь своих легких и с удовольствием услышал, как где-то очень далеко отозвались ему потревоженные колокольчики.

Луксур открылся двум путникам великолепием пестрых витых башен, мощью ослепительно белых стен, скупой зеленью садов, стиснутых оградами... и, конечно, стражей. Стражники у ворот без интереса смотрели на странную пару путешественников, которых роднило, пожалуй, только одно: оба были пыльными, оборванными и уставшими. Во всем остальном эти двое разнились. Один — рослый мускулистый северянин, вооруженный только мечом, рукоять которого выглядывала из-за могучего загорелого плеча. Второй — маленький верткий стигиец, с головы до ног увешанный амулетами, талисманами и разными мешочками, где хранились снадобья, порошки, коренья и прочее.

Отобрав у путников последние несколько монет, стражники равнодушно пропустили их в город. Конан хмуро поглядел на алчных блюстителей закона, но счел за благо промолчать. Его занимало другое: как попасть во дворец Мутэмэнет и как вынести оттуда сокровища. Нетрудно догадаться, что пленный брат стигийца беспокоил его мало. Нет, иная дума точила киммерийца. По своему опыту общения с магами и их сокровищницами он хорошо знал: далеко не все, что выглядит драгоценными камнями и золотом в подвалах какого-нибудь чудодея, является таковым на самом деле. Тратишь колоссальные усилия, сражаешься с демонами, побеждаешь, в конце концов, самого мага — и в результате становишься счастливым обладателем кучи сырой глины или... того хуже. У колдунов специфическое и довольно злобное чувство юмора.

Нет, нужно сперва хорошенько приглядеться...

Когда узкие, извилистые улицы Луксура поглотили их, Гирадо тихонько хмыкнул и вытащил откуда-то из своего богатого арсенала мешочков и потайных кармашков несколько серебряных монет. Конан присвистнул.

— Похоже, ты задался целью перещеголять меня, стигиец.

— Просто я предусмотрителен, — скромно отозвался Гирадо. Он был польщен похвалой киммерийца.

Недолго думая, оба приятеля завернули в ближайшую таверну. Она называлась «Разбитая ваза». В полном соответствии с этим названием все кувшины и вазы, стоявшие в нишах стен и служившие для украшения помещения, были разбиты или со щербиной. Странно, но это выглядело даже красиво. Все целые кувшины, с точки зрения варвара, были на одно «лицо»; а вот разбитые представляли довольно живописную картинку. А что бесполезны... Что ж, были ведь другие кувшины, совершенно целые, и в них хозяин подавал гостям вино и воду.

Путники остановились у прилавка. Это был широкий массивный прилавок, сделанный из кирпича-сырца. Прямо в него был вмонтирован большой котел, а внизу, в широком очаге, горел огонь. В котле что-то булькало. Чадный дым полз по улице, однако в самой таверне было прохладно и довольно свежо. Конан уже встречался с подобными тавернами. Это было типично южное изобретение, характерное для тех мест, где дорожили тенью и прохладой. На севере все обстояло наоборот: очаг помещался в глубине помещения, чтобы согревать его, а запахи съестного заполняли весь дом и сладко щекотали ноздри. Что ни страна, то свой обычай, философски подумал Конан.

Хозяин таверны, малопримечательный смуглый тип, предложил гостям по плошке отварного пшена (надо отдать ему должное, он не поскупился и положил с «горкой») и по кувшину кислого, сильно разбавленного вина. Нагруженные плошками и выпивкой, приятели зашли внутрь и заняли место на вытертом ковре, среди разбитых сосудов, перед низким, сильно запачканным столом.

— Местечко не ахти, — признал Гирадо. — Когда я был помладше, здесь было почище.

— С тех пор прошло некоторое время, — сказал Конан, — и столы успели засалиться. Просто тогда они были новыми.

Гирадо фыркнул.

— На все у тебя найдется ответ, Конан.

Конан промолчал. Он прислушивался к разговорам, которые велись в тавернах. А послушать стоило. Здесь только о том и говорили, что Стигию захлестывает нашествие невиданных злобных тварей. Конечно, темному королевству не впервой было встречаться с демонами во плоти. Слишком много магов здесь жили, и среди этих магов всегда находился такой, который мечтал о господстве если не над всем обитаемым миром, то по крайней мере над Стигией и соседними царствами. А подземное божество мрака, Сет, которому поклонялись в этой стране, всегда был на стороне черной магии и усиливал любое заклинание.

Но то, что творилось сейчас, пугало даже привычных ко всему стигийцев. Поля опустошены. Стаи странных птиц с узким телом и железными клювами вытаскивают из земли любое зерно, любую травинку, а крестьян, которые пы-

таются этому помешать, бьют по голове, по лицу, по рукам своими страшными крепкими клювами, пока люди не падают замертво, обливаясь кровью.

Реки кишат змеями. Сколько раз уже случалось, что человек пытается постирать одежду или набрать воды, а на него набрасывается целый клубок извивающихся холодных тварей. Они жалят человека, обвивают его длинными телами и утаскивают на дно, чтобы проглотить.

Нигде нет спасения от разбушевавшихся стихий. Реки выходят из берегов, то и дело начинаются ураганы или неведомо откуда прилетают смерчи. Потоки взбесившегося воздуха выдергивают из земли целые деревья или дома, а потом с силой бросают их вниз, с большой высоты. Число жертв все растет, и нет конца бедствию. Причину называли шепотом: магия. Подозревали то одного, то другого известного мага, однако уверенности ни у кого не было. Да и потом, даже если бы обитатели Стигии узнали доподлинно, кто из великих мастеров Черного Искусства стал причиной нового бедствия, — разве посмели бы обыкновенные люди поднять руку на могущественного чародея? Им оставалось только страдать, тайно роптать — и погибать в катаклизмах...

Конан слушал очень внимательно. Его интересовали подробности. Пока что подтверждалось все, о чем говорил ему Гирадо, — четыре стихии вышли из-под контроля богов. Они вырвались на волю благодаря заклинаниям маги Мутэмэнет и ее беспутных сыновей. Гирадо прав: долго так продолжаться не может. Мага предпримет свои меры. Вероятнее всего, она попытается остановить стихии, а затем возьмется за создание новых сыновей. Для чего ей понадобится новый супруг, потому что старый... кстати, может быть, она решит воспользоваться и прежним. Если только она сохранила его тело.

Здесь Конан вступил на зыбкую почву предположений и потому прекратил всякие раздумья на эту тему.

Доев кашу, он обратился к своему спутнику:

— Что теперь?

— Я бы поспал... — признался Гирадо.

— Нет уж! Лично я не намерен оставаться в этом осином гнезде дольше, чем это необходимо! Пойдем к логову колдуньи, осмотримся, а потом...

— Я хочу спать! — почти капризным тоном произнес Гирадо, и Конан вдруг вспомнил о том, что его приятель — младший сын от последнего брака. Конечно, едва оказавшись в родном городе, он снова почувствовал себя баловнем, которому все уступают просто потому, что он «маленький».

— Слушай, Гирадо, я ведь не твой папочка, — зашипел Конан. — Говорю тебе, спать будешь потом, когда свернем шею этой ядовитой гадюке, Мут...

— Тс-с! — испуганно вскрикнул Гирадо. — Не называй ее имени! Зови лучше «гадюкой», если тебе нравится такое прозвище. Или гадиной. Как угодно, только не по имени, иначе она может нас услышать.

— Ой, ой, ой. Я испуган, — фыркнул Конан. — Ладно, будь по-твоему. Сперва покажи мне ее особняк, а потом, так и быть, ступай отдыхать. А я хочу осмотреться.

В таверне нашлась свободная каморка прямо под крышей.

Она стоила дешево, потому что ночью там было холодно, а днем — невыносимо жарко, но приятели согласились на эти условия. Выбирать им было некогда, да и денег, припрятанных Гирадо, хватит ненадолго.

Оставив там свои вещи, Гирадо спустился вниз, в общий зал, где Конан изумленно рассматривал разбитый им кувшин.

— Только что был целый... — пробормотал киммериец. — Случайно упал на пол. Не знаю сам, как это получилось...

— Наверное, он был с трещиной, — утешил Гирадо. — Поставь его в нишу, хозяин ничего не заметит.

Так Конан и поступил. Хозяин таверны действительно ничего не заметил.

Шагая по луксурским улицам, Гирадо оживленно вертел головой, и было заметно, что он рад вернуться домой. Конан не понимал, как можно считать этот вонючий городишко «домом». Здесь на улицах полно ослов и верблюдов, люди одеты по большей части в лохмотья, о мостовых, как правило, нет и речи — хотя центральная часть города все-таки вымощена деревянными брусками. Зато дворцы великолепны и зловещая красота храма Сета завораживает. Впрочем, для Конана это не имело значения. Его витыми башенками и острыми шпилями не проймешь. Он побывал уже во многих славных городах Хайбореи, например, в Аренджуне, и навидался разных чудес.

Нет, киммериец по своей натуре — практик. Ему покажи горсть настоящих золотых монет или веселую красавицу — вот это производит впечатление. А все эти ухищрения, за которыми прячется зло, коварное и таинственное... Это не для Конана из Киммерии!

Дворец Мутэмэнет находился чуть в стороне от святилища, однако в опасной близости к нему. Это было большое здание, щедро украшенное башенками и причудливыми окнами. Конан презрительно присвистнул, прикинув, как просто опытному скалолазу взобраться по этому фасаду, однако Гирадо поспешил остудить его пыл:

— Рано радуешься. То, что выглядит снаружи как окна, на самом деле — глухая стена. Окна находятся совсем в другом месте, и ты их не найдешь, разве что случайно. Мага заколдовала свой дом. Внешне он один, а на самом деле — абсолютно другой. И расположение комнат не такое, как представляется при первом взгляде. Более того, комнаты иногда меняются местами. Не знаю, как она это делает.

— Наверное, переставляет мебель, — предположил Конан.

— Нет, — Гирадо не поддержал шутку, — тут все гораздо серьезнее...

Они несколько раз обошли особняк кругом. Затем Конан отпустил своего приятеля отдыхать. Усталый Гирадо мог и в самом деле наломать дров. Пусть лучше выспится и хорошо соображает. Терпеть его зевания над ухом Конан не желал.

А Конан остался. Закутавшись в плащ, он уселся прямо на мостовую и задумался. По Стигии гуляют демоны, повелевающие стихиями. Это плохо, пото-

му что демоны обычно не останавливаются в границах одного королевства и пытаются распространить свои безобразия на сопредельные страны. Мутэмэнет лелеет новые замыслы относительно новых сыновей, которые помогут ей захватить власть. Еще одна головная боль. Гирадо хочет освободить душу своего брата, которого никогда не видел. Очень похвально и благородно. А чего добивается Конан?

Ответ очевиден, сказал варвар сам себе. У чертовки наверняка имеется сокровищница. Добраться до золота и самоцветов, а потом уехать куда-нибудь в Аренджун и там пожить широко и весело.

Но как проникнуть в особняк, если он — мало того, что заколдован и наверняка хорошо охраняется, — да еще и не то, чем кажется?

Поразмыслив, Конан изобрел довольно дерзкий план.

— Нет! — закричал Гирадо, едва киммериец поделился с ним своей задумкой. — Нет, нет и нет! Ты сошел с ума! Ты еще не знаешь, на что она способна!

— А ты, похоже, не знаешь, на что способен я! — заявил северянин. — Иначе не стал бы так переживать. Я хочу познакомиться с этой бабой. Кто лучше меня подходит на роль отца ее будущих ублюдков? Посмотри на меня, Гирадо! Взгляни на это роскошное тело ты, жалкий стигийский заморыш!

Гирадо медленно краснел, а Конан тем временем скинул плащ и вертелся перед своим собеседником, точно красующаяся модница.

— Оцени крепость этих мышц, статность этого торса, привлекательность этого честного лица!

Тут он скорчил такую ужасную рожу, что Гирадо не выдержал и расхохотался.

— Кто наговорил тебе этих красивых слов о тебе самом, киммериец? Вряд ли ты додумался до этого сам!

— Мне говорили об этом разные женщины, — важно ответил Конан. — Женщины, которые понимают толк в мужской красоте. Говорю тебе, ведьма не устоит передо мной. Она захочет заполучить Конана-киммерийца и нарожать от него красивых, крепких и умных сыновей. Я, конечно, мог бы дать ей их, но...

— Но? — переспросил Гирадо.

— Но ненавижу ведьм! — быстро ответил Конан. — Поэтому она будет ужасно разочарована, можешь мне поверить! Как ты считаешь, сумею я свернуть ей шею?

— Она заколдована с головы до ног, — сказал Гирадо. — Заклятьями можно одеться не хуже, чем броней.

— У нее должно быть уязвимое место, — проговорил Конан. — Это закон. Ни один маг не может практиковать свое черное искусство, если у него нет уязвимого места. Иначе он превратился бы в бога, а боги такого не потерпят.

— Откуда ты все это знаешь? — поразился Гирадо. — Ты ведь не обучался магии.

— А, — небрежно отмахнулся Конан, — я разве тебе не говорил? Многие колдуны перед смертью становятся дьявольски разговорчивыми. Рассказывают разную ерунду. А вот видишь — пригодилась и ерунда...

— Кто знает, — проговорил Гирадо задумчиво, — может, у тебя и получится.

И Конан отправился «ловить» Мутэмэнет. Плащ он оставил приятелю. Полуобнаженный, он небрежно прогуливался по улице перед домом маги. В руке — кувшин с вином, за поясом — стаканчик для игры в кости. Гуляка, который обдумывает, как бы получше провести время.

Мага наблюдала за ним из скрытого окна. Этот великолепный образчик мужской породы — как и предсказывал Конан — не оставил ее равнодушной. Обычно она мало интересовалась мужчинами. Разве что они требовались ей для магических опытов. И вот теперь как раз настало такое время — и боги послали ей этого пьяного северянина. Стоит залучить его в дом и посмотреть, на что он способен. Мага не сомневалась, что в случае необходимости она легко сумеет избавиться от нежелательного партнера. В конце концов, он всего лишь глупый мужчина, варвар, у которого в голове винный туман и смутные образы восточных красавиц.

Закутавшись в темно-синее покрывало, расписанное звездами и астрологическими знаками, мага выскользнула из своего особняка. Конан заметил ее почти сразу и радостно вздрогнул: попалась! Он намеренно широко зевнул и замурлыкал трактирную песню про пташку и кота. Женщина приближалась к нему соблазнительной походкой, плавно покачивая бедрами. В который раз уже Конан поражался тому, как умеют соблазнять здешние красотки: ни лица, ни фигуры не видно под просторным покрывалом, однако движения говорят порой красноречивей взглядов и жестов.

Оказавшись рядом с варваром, красавица чуть сдвинула покрывало с лица и одарила Конана долгим взглядом прекрасных глаз.

— Здравствуй, — прошептали невидимые губы. — Кто ты, удивительный мужчина, взволновавший мое сердце?

— Ух ты! — вымолвил варвар и рыгнул. — Ну да! Вот это номер!

И выпучил глаза, чтобы казаться еще глупее. Она снисходительно улыбнулась — он понял это по тому, как сощурились глаза.

— Как твое имя, красавец-мужчина? — повторила она свой вопрос.

— Ну, это... меня звать Конан, — сказал Конан. — А ты?

— Зови меня Мут, — произнесла женщина волшебным голосом, прозвеневшим, как горный ручей.

— Ух ты! — сказал варвар. — Мут. Ну ты и красотка! А все остальное, что у тебя под покрывалом, ты мне покажешь?

Женщина засмеялась.

— Какой ты быстрый!

— А чего ждать? — поразился варвар. — Давай уж сразу. Ежели я тебе глянулся, так и ты, того... раздевайся и показывай, чего там у тебя. Глазки-то как горят! Глазки красивые.

— Все остальное — тоже, — сказала Мут. — А теперь сделай мне одолжение: помолчи. С виду ты хорош, а вот говоришь отвратительно.

И Конан вдруг понял, что действительно не может произнести ни звука. На мгновение страшная злоба захлестнула его. Вот так дела! Едва он познакомился с проклятой ведьмой, как она сразу же его заколдовала. Но потом он подумал о другом. Как только он дознается, где у нее уязвимое место и убьет ее, заклятие будет снято. Так что и переживать особо не из-за чего.

Он глупо улыбнулся и позволил ей увести себя за собой.

Дворец действительно оказался совершенно не таким, каким выглядел снаружи. С улицы был виден приятный, немного легкомысленный особнячок, вычурный, выкрашенный в веселые цвета — розовый, голубой и желтый. Но стоило зайти за ограду, как все разительно менялось. Башенки превращались в остроконечные металлические штыри, нависавшие по всему фасаду и делавшие невозможным попадание на крышу. Крыша щетинилась колючками и острыми шипами — пройти по ней было также немыслимо. Окна, расположенные совершенно не там, где представлялось поначалу, были мутными, закрытыми каким-то странным стеклом, отражавшим все что угодно, кроме реального мира. Конан видел, как в темных стеклах мелькали демонические лица, искаженные оскалом рожи, перепончатые крылья, когтистые лапы... иногда разверзалась пропасть, которая проглатывала эти образы, но тотчас извергала наружу другие, еще более жуткие. Варвар не мог понять, была ли то иллюзия, или же эти окна глядели в какой-то другой, демонический мир. Возможно, последнее ближе к истине, если учесть, какого рода магию практикует хозяйка особняка.

Невысокая дверь, обитая железом, отворилась бесшумно, едва только мага показала на нее пальцем. За дверью никого не оказалось, однако этому Конан как раз не удивился. Он не раз уже видал подобные штучки в обиталищах других волшебников.

Однако «простак»-Конан, которым прикидывался варвар, просто обязан был удивиться этому нехитрому трюку. Поэтому он немо промычал что-то, что долженствовало выразить изумление. Мага метнула на своего добровольного пленника взгляд, в котором Конан прочитал недоверие и вместе с тем удовольствие. Про себя варвар хмыкнул: какой бы изощренной и древней ни была эта волшебница, ей не чуждо самое обыкновенное женское кокетство и желание нравиться. Она, небось, уж решила, будто насмерть поразила примитивное воображение незадачливого обожателя!

Внутри дворец был поистине огромным. Снаружи он казался довольно маленьким, но чары исказили пространство, замкнутое между этими стенами. Бесконечно тянулись анфилады роскошно убранных комнат, сменяясь извилистыми коридорами, переходами с лесенками, ведущими то вверх, то вниз, и прозрачными крытыми мостами, откуда можно было видеть внутренние дворики со статуями, деревцами и фонтанами. Однако ничто не остается безнаказанным, даже в мире магии. Искривленное пространство «мстило» за себя:

многие вещи казались здесь искаженными, как будто смазанными или растянутыми. Стулья и столы с нарушенными пропорциями, позолоченные львиные головы и тела леопардов и пантер из эбенового дерева, инкрустированного слоновой костью, — в такой форме была создана здесь почти вся мебель, — казались изуродованными. Их как будто долго вытягивали на дыбе, прежде чем поставить здесь, в покоях маги, для ее услаждения. Морды животных из алебастра, резной кости, драгоценных пород деревьев навеки застыли в страдальческих оскалах. Лапы их в смертельной муке скребли мраморные полы и драгоценные пушистые ковры.

Хрустальные шары, служившие здесь для отражения и рассеивания света, горевшего внутри, — Конан так и не понял, каким образом устроены эти лампы, — выглядели приплюснутыми, хотя наощупь они оказались идеально круглой формы. Варвар неустанно вертел головой, делая вид, что восхищается открывшейся ему роскошью, — в каждом покое был свой особенный стиль, не повторяющийся больше нигде. На самом деле он изучал характер маги. И чем больше он смотрел на вещи, которыми окружала себя Мутэмэнет, тем лучше понимал эту женщину.

Мутэмэнет любила, чтобы все вокруг служило ее удовольствию. Ради этого она не останавливалась ни перед чем. Она была готова перекроить весь мир по собственной мерке, лишь бы ей, колдунье, было здесь удобно. Комфорт — вот ее божество. И ради этого она много столетий изучала черные искусства, предала свою душу Сету, научилась управлять пространством и временем, завоевала себе бессмертное, прекрасное тело... Ради комфорта!

Конан едва сдержался, чтобы не плюнуть на изумительные узорные полы. Комната, в которой они сейчас находились, представляла собой модель вселенной. Потолок ее был расписан звездами и знаками зодиака — совершенно такими же, что и на плаще хозяйки особняка. Темно-синее небо с золотыми звездами и серебряными планетами и потоками космических энергий как будто накрывало присутствующих куполом.

Все четыре стены — окна здесь не было — расписаны пальмами, кустами, различными растениями из далеких стран, от самых северных, где могут выжить только коренастые низкорослые кустарники, причудливо изогнутые в бесконечной борьбе против злых ледяных ветров, до самых южных, с мясистыми листьями и сочными водянистыми плодами, с ароматической смолой, от которой люди дуреют и впадают в странное полузабытье, полное волшебных и ужасающих грез.

А под ногами искусная инкрустация из различных пород дерева изображала саму землю и прежде всего населявших ее гадов — самых разных змей, скорпионов, пауков, ядовитых тарантулов. Конан поражался тому, насколько тщательно изобразили неведомые мастера этих отвратительных ядовитых созданий. Казалось, будто ступаешь по кишащим внизу смертельно опасным тварям. Вот такой должна быть вселенная, которой жаждет управлять Мутэмэнет, понял внезапно Конан. И еще эта вселенная будет искаженной — как

искажен мир, втиснутый в стены ее особняка. Этой же цели служат отвратительные демоны, вырвавшиеся на волю из неведомых пространств и миров вследствие оплошности, допущенной сыновьями маги. Мутэмэнет, поразмыслив, решила оставить их действовать на свободе. Ей необходимо внести хаос в упорядоченный мир людей.

У одной из стен находился хрустальный гроб. Конану не потребовалось заглядывать туда, чтобы знать, кто там похоронен: незадачливые сыновья Мут. Племянники Гирадо, подумал он со внезапным злорадством. Да, вот это родственнички!

А Мут улыбалась ему таинственно и призывно. Конана едва не стошнило от этой улыбки. «Вот ведь чертовка, — подумал он, — считает себя неотразимой. Тьфу! Обыкновенная ядовитая гадина... Интересно, умеет ли она читать чужие мысли? Дай-ка попробую... Дура! Нет, не реагирует. Надо подумать что-нибудь такое, на что среагирует любая женщина, даже самая умная. Баба — она и есть баба, что ей всего дороже, будь она хоть царица, хоть богиня, хоть шлюха из придорожной харчевни? На свою драгоценную рожицу. У Мут — отвратная рожа. Вся раскрашенная. А вот если краску-то поскрести — что под ней? Небось, дряблая кожа. И глаза припухшие. И бородавки... И прыщи... И старческие пятна... Нет, не реагирует. Ага, мысли читать не умеет. Очень хорошо».

Чрезвычайно довольный собой и результатами проведенного исследования, Конан послушно пошел за Мутэмэнет дальше, углубляясь в недра ее заколдованного дворца.

Тем временем Гирадо уже проснулся и занимался своим делом. Он не стал в свое время посвящать Конана в то, насколько глубоко он проник в тайны магии, когда изучал некоторые ее дисциплины. Незачем варвару, который совершенно искренне считает, что «хороший маг — мертвый маг», знать некоторые вещи.

Например, то, что Гирадо умеет гораздо больше, чем может представить себе воин. Большинство его порошков, снадобий и чар — тьфу, ерунда, чтобы морочить голову легковерным крестьянам и путникам. Кое-что может отпугнуть разбойников, если те окажутся достаточно суеверными (а жизненный опыт научил Гирадо тому, что наиболее свирепые и жестокие грабители обычно больше всех подвержены самым грубым и примитивным суевериям и зачастую боятся обыкновенных призраков). Но имелись в его арсенале и настоящие чары. И среди них — чары прозрачности стен.

Подобравшись поближе к особняку Мут, Гирадо осторожно насыпал вдоль улицы тонкой струйкой песок. Песок был самый обычный — дело в том, какие слова при этом произносились. Каждое слово давалось молодому стигийцу с невероятным трудом. Оно словно оказывалось больше его рта, и выталкивать его наружу приходилось с усилием. К концу чтения заклятия губы

Гирадо треснули, из угла рта текла струйка крови. Он посерел, покрылся каплями пота, но не мог даже поднять руки, чтобы вытереть его, и соленые струйки попадали ему в глаза.

Зато теперь он мог видеть. Пространство расступилось перед открывшимся внутренним взором Гирадо. Находясь на улице, он не мог попасть в само искаженное пространство дома Мутэмэнет, поэтому внутренний вид помещений открылся ему стиснутым, как бы сплюснутым, и все фигуры и предметы, находящиеся внутри, были искажены почти до неузнаваемости. Гирадо нашел Конана и хозяйку дома — тонких, как спицы, и сильно вытянутых вверх, словно в искажающем зеркале.

Мут что-то говорила варвару, а он кивал безмолвно, точно болванчик. «Или Конан действительно умеет ловко притворяться, — подумал Гирадо, — или она его заколдовала, и тогда дело плохо». Он лихорадочно обшаривал взглядом покой за покоем в поисках крупного рубина. Однако обнаружить камень среди такого множества вещей, да еще сильно измененных магией, оказалось делом очень непростым.

«Прекрасная и грозная Бэлит! — взмолился про себя стигиец. — Помоги мне! Пусть Мутэмэнет сделает что-нибудь такое, что откроет мне ее тайну!»

Но Бэлит, если и слышала эту горячую мольбу, не спешила прийти на помощь Гирадо, так что в конце концов молодому стигийцу пришлось полагаться только на свою смекалку и магические умения.

Тем временем Мут усадила Конана на мягкое ложе и принялась угощать разными напитками и фруктами. Он послушно ел и пил, а сам все оглядывался по сторонам, размышляя, как бы ему ловчее одолеть колдунью. Пока что ничто не подсказывало ему ответа. Кругом висели драпировки, такие тонкие, что поначалу они показались Конану просто паутиной. Многие имели прорехи, и Конан так и не понял, что это было — настоящие дыры, следы времени, или же какая-то особенная мода, установленная чародейской для самой себя. Судя по всему, Мутэмэнет любила тлен и разложение. Ей нравилась пыль, скопившаяся на тонких тканях, повсюду свисавших с потолка в комнате, которую она избрала для наслаждений. Широкое ложе было застлано шкурами диких животных. Мутэмэнет сохранила морды убитых зверей, и все они скалились в предсмертной агонии. Клыки их блестели в свете масляных ламп, сделанных в виде скорпионов, терзающих собственную плоть высоко задранными ядовитыми хвостами.

Конан лениво растянулся на шкурах. Он и сам казался диким зверем, пойманным в ловушку и все же смертельно опасным. Мутэмэнет улеглась рядом с ним, поигрывая длинной черной прядью спутанных волос варвара. Внутренне Конан ухмылялся. Кем она себя воображает, эта заколдованная старуха? Неотразимой чаровницей? Ни на мгновение Конан не поддался чарам ее красоты... Ну, разве что на одно мгновение — когда она взглянула на него поверх

покрывала там, на улице. А потом — все. Киммерийца так запросто не проведешь. Он ведь знает, кто она такая.

Мут потянулась, выгибая тело. Конан не мог не отметить, какой красивой формы была ее полная белая грудь. Покрывало в виде звездного неба, скомканное, валялось в ногах женщины. Мут как будто попирает небосвод, подумалось Конану. В этом вся ее сущность.

Завладеть и растоптать. Завладеть...

Он протянул загорелую крепкую руку и погладил прохладное тело Мутэмэнет. На ощупь оно было шелковистым и податливым. Бедра так и льнули к мужской ладони. Мут откинула назад голову, открывая белое нежное горло, и затрепетала. Давно уже Конан не видел рядом с собой в постели женщину, которая так трепетала бы в его объятиях.

Зарычав, точно дикий зверь, он стиснул Мут и прижал ее к себе.

— Что ты делаешь? — безмолвно кричал Гирадо, беснуясь по другую сторону прозрачной стены. — Конан! Опомнись! Конан! Приди в себя! Ты поддался ее чарам! О, боги! О, Бэлит! Образумьте этого варвара! Пошлите хотя бы немного здравого ума в его тупую голову! Конан! Ты погубишь себя и всех нас!

Конан, естественно, его не слышал. Он ласкал Мут и наслаждался запахом ее волос. Это был сладковатый запах, немного похожий на наркотический, и точно так же он дурманил, погружая в волшебные сны.

В рубиновой темнице бесстрастно наблюдала за любовниками душа пленного Уррутиа. В нем пробуждались смутные воспоминания. Воспоминания о том, как некогда он сам — в те далекие времена, когда еще обладал плотью, крепким мужским телом, пахнущим потом и лошадьми, — ласкал эту красивую женщину. Как она извивалась в его объятиях, как... танцевала — другого слова он не мог подобрать, — когда они занимались любовью. Она была восхитительна. Она была лучше всех других. Ни одна женщина не могла сравниться с Мут на ложе утех. Наверное, стоило отдать свое тело на растерзание крокодилам, а душу — на вечное пленение в рубиновой темнице. Цена немалая, но купленное этой ценой стоило затрат.

Любовь Мутэмэнет.

Любовь? Разве мага знает, что такое любовь? Нет, страсть, плотская, низменная, но такая пылкая, такая... волшебная. Да, волшебная.

Душа Уррутиа шелохнулась внутри рубина, и вокруг нее опять заколыхалась красноватая тьма, пронизанная золотыми искорками.

Интересно, какая судьба ждет нового возлюбленного Мут, неистового варвара?

«Интересно», — подумал Уррутиа. Но на самом деле ему было совершенно неинтересно. Он дремал внутри своей вечной тюрьмы.

Он старался забыть о боли — и он забыл о ней. И теперь, когда боль грозила вот-вот пробудиться и вновь начать терзать свою жертву, он пытался подавить ее.

Сделанное — сделано. Прошлого не вернуть. Цена заплачена. Дело стоит того. Дремать. Спать. Небытие. Рубиновая мгла...

Пронзительный вопль Мутэмэнет разнесся по покоям. Вопль торжества боли, ликования, счастья. Вслед за тем раздалось победоносное рычание варвара. Они разомкнули объятия и, тяжело дыша, раскинулись на звериных шкурах, лоснящихся от пота. Мут хватала воздух ртом.

— Негодяй, — нежным голосом произнесла она, — ты едва меня не раздавил!

Ответом ей было невнятное урчание, похожее на те звуки, которые издает насытившийся леопард.

— Я же заколдовала тебя, глупенький! — тихонько засмеялась Мут. — Ах, дурочка! И забыла об этом. Ты не можешь мне ничего сказать. Ну, бедняжка, бедняжка. Ничего, я тебя приласкаю...

Конан фыркнул, как конь, и замотал длинными черными волосами.

— Ах ты мой хороший! — продолжала сюсюкать Мут. — Ну ладно, ладно.

Она задумчиво водила ладонью по его крепкому телу, но глядела теперь в другую сторону. Казалось, удалец-варвар совершенно покинул ее мысли, блуждавшие теперь совсем далеко. На самом деле Мут размышляла о том, как ей поступить с пленником. Для того, чтобы родить новых сыновей, ей понадобится держать Конана у себя почти четыре зимы. Сумеет ли она укротить его настолько, чтобы он не поднял бунт и не попытался сбежать за такой долгий срок? Мут сомневалась. Заколдовать его, превратить в полоумного идиота? Но захочется ли ей, маге, отдавать свое тело безмозглому куску мяса?

Проблемы, одни проблемы...

Она вздохнула.

— Одни проблемы с вами, мужчинами, — проговорила она вслух.

Конан радостно замычал, соглашаясь с ее словами.

Мут снова потянулась и перевернулась на живот. Взяла со столика несколько виноградин, вложила в рот себе и Конану. Одна из ламп-скорпионов вдруг ярко вспыхнула, выбросила в воздух дымное облачко и погасла. Мут настороженно подняла голову.

— Это еще что такое? — произнесла она. — Почему?..

Но тут послышался громкий хлопок, и в воздухе, разрывая пространство, появилась человеческая фигура. Она вся была покрыта красными каплями. Конан присмотрелся, и когда колыхания мути рассеялись и воздух вновь стал прозрачным, разглядел своего спутника — Гирадо. Одежда молодого стигийца была порвана в мелкие клочки и держалась на теле каким-то чудом. Множество крошечных, но глубоких ранок покрывало его кожу. Из этих ранок непрерывно текла кровь. Лицо, залитое кровью и распухшее, превратилось в страшную маску.

Гирадо скалился, и его красные зубы неприятно сверкали в свете оставшихся масляных ламп. Одной рукой он размахивал перед собой, другой не-

прерывно сыпал какие-то разноцветные порошки. Пол под ним то и дело взрывался пестрыми огоньками, и тогда Гирадо подскакивал в воздухе.

Пылая яростью, Мут поднялась на ложе и простерла руки навстречу незваному гостю. Губы ее исказились, она изогнулась всем телом, готовясь произнести заклятие, но тут Конан схватил ее поперек живота и опрокинул обратно на ложе. Весело мыча, он раздвинул ее ноги и навалился сверху.

— Отпусти меня! Животное! — зашипела Мут. Конан чувствовал, как она бьется об его поистине железный живот, но вырваться не может. Как муха, накрытая ладонью на столе, подумал варвар и хмыкнул.

— Я больше не хочу тебя! — визжала Мут. Злые слезы брызгали из ее глаз, смывая синюю и золотую краску. По щекам поползли некрасивые потеки. Мага плакала от бессилия и ярости. Она пыталась произносить заклинания, но Конан закрывал ее рот поцелуем.

А когда она начала двигать пальцами, чтобы вызвать себе на помощь невидимых слуг, Конан схватил ее за руки и с силой прижал к подушкам. Мут зарычала не хуже киммерийца, однако было поздно: варвар навалился сверху всей тяжестью и снова овладел ею.

И теперь, подчиненная воле мужчины, мага ничего не могла поделать. Она даже дышала с трудом — об этом Конан позаботился тоже.

— Быстрее! — крикнул варвар своему сообщнику, и тут с удивлением и радостью понял, что дар речи к нему вернулся. Видимо, мага ослабела. — Я не смогу делать это слишком долго!

— Понял! — откликнулся Гирадо.

Он попытался опуститься на пол, но заклинание левитации оказалось слишком сильным, поэтому молодой стигиец продолжал плавать по воздуху, время от времени выбрасывая вспышки пламени. Наконец он завопил:

— Нашел!

И схватил большой красный рубин. Душа Уррутиа посмотрела на него изнутри.

— Брат! — надрывался Гирадо, в то время как Конан начал уже рычать и вскрикивать, лежа на распятой маге. — Брат, ты меня слышишь? Я освобожу тебя!

— У меня... нет... тела, — донеслось из кристалла. Голос звучал глухо, но отчетливо. — Я... только... душа.

В панике Гирадо начал оглядываться по сторонам, и неожиданная мысль осенила его.

— У тебя нет тела? — закричал он. — Оч-чень хорошо! А кое у кого совсем нет души! Я изгоню эту душу! Я заточу ее в кристалл! А тебя освобожу, брат!

— Быстрее! — надрывался Конан. — Я больше не могу!

И он закричал так, как кричат в чаще дикие звери по весне.

Гирадо схватил рубин и изо всех сил ударил его об пол. Одновременно с этим он вывернул несколько мешочков, висевших у него на поясе, и их содержимое просыпалось на пол. Гирадо принадлежал к той школе магов, которая

называется «интуитивной». Эти маги, как считалось, знали свое ремесло настолько хорошо, что могли действовать интуитивно. Рука сама нащупывала нужные снадобья, на ум сами собой приходили нужные заклинания. На самом деле истинных мастеров «интуитивной» магии почти не существовало.

Большинство «интуитивистов» были попросту недоучками, а свое невежество они прятали за научными терминами.

И Гирадо, конечно же, принадлежал к их числу. Поэтому он и сыпанул то, что подвернулось ему под руку, а после зажмурился и стал ждать результатов.

И результаты превзошли все его ожидания!

Раздался страшный взрыв. С грохотом разлетелись в стороны камни. Обвалился — как почудилось магу-неудачнику — не потолок, а само небо. Пространство, доселе стиснутое и укрощенное, освободилось и расширилось во все стороны.

Поднялся страшный ветер. Он подхватил людей и предметы. В последний момент Гирадо успел ухватиться за какое-то дерево, а Конан и Мут, вцепившись друг в друга, полетели прочь и сильно ударились о железную ограду. Мут вдруг обмякла, как будто жизнь покинула ее. Конан с отвращением оттолкнул ее от себя. Мягко, как тряпка, мага повалилась на траву.

А вокруг бушевала настоящая буря. Небо над головами потемнело. Жители Луксура в панике бежали по улицам. Ветром срывало черепицу и бросало ее на мостовую. Один человек был уже ранен — он проскакал мимо Конана, держась за рану на голове и явно никого не замечая. Из улиц и переулков доносились треск, стук, жалобные крики, мольбы о помощи.

Над храмом Сета гуще заклубился дым, как будто жрецы, перепуганные невиданным явлением, решили удвоить рвение и начали приносить жертвы раньше установленного времени. «Вряд ли Сет будет настолько любезен и поможет своим приверженцам», — подумал Конан. Сет никогда не славился любовью к людям. Он рассматривал их, скорее, как пищу.

Облака, густые и черные, низко неслись над городом, задевая башни и шпили.

В общем грохоте и крике слышался протяжный тонкий вой, как будто рыдал кто-то запертый в другом мире.

— Талисманы! — над ухом Конана задыхался знакомый голос Гирадо. — Давай!

— Они у тебя, — напомнил варвар, сам удивляясь собственному спокойствию. — Что ты наворотил, Гирадо?

— А? — переспросил стигиец, нащупывая на поясе мешочки с талисманами. — Сам не знаю... Как-то само собой вышло... интуитивно...

— Хотел бы я знать, что там у тебя вышло, — проворчал Конан. — Давай, работай дальше. Будь что будет. В крайнем случае просто унесем отсюда ноги. А эта Мут — знаешь, она очень хороша... Даже если она ведьма и старуха.

— Ты — жуткий тип, — сказал Гирадо, лихорадочно вытряхивая на землю обломки талисмана. — Так, вода, воздух... огонь... А где же земля?

— Ты же сам говорил, что земная часть талисмана хранится в Луксуре. И что она, вероятно, в особняке Мут. Мол, она самая сильная и все такое... Забыл?

— Может быть, это рубин? — предположил Гирадо.

— А может быть, это сам особняк? — в тон ему ответил Конан. — Простофиля! Что мы теперь будем делать? И что с магой? Она умерла?

— Нет, просто ее душа покинула тело, — сказал Гирадо, приложив на несколько мгновений ухо к груди Мутэмэнет.

— А разве это не одно и то же? — фыркнул Конан.

— Для магов — нет, — ответил Гирадо твердо. И насторожился: — А что, тебя тревожит ее участь?

— Она могущественна и сильна. Еще бы меня не тревожило, на что она еще способна! — ответил Конан. — По-моему, мы сильно ее разозлили.

Тут тело Мут зашевелилось на земле. Губы с трудом разлепились, глаза распахнулись, и мгновение в них читался панический ужас. Деревья гнулись на ураганном ветру, тучи проносились теперь так низко, что грозили зацепить лежащего на земле за нос.

— Боги! — хрипло произнесла Мут. — Где рубин?

— Здесь, — ответил Гирадо и подтолкнул ногой камень.

— А я где?

— Ты в саду, мага.

— Мага? Мага? — Мут засмеялась еще более хрипло и безумно.

Конан и Гирадо переглянулись. Потом безумная мысль посетила Гирадо, и он вкрадчиво спросил:

— Как тебя зовут?

— Уррутиа... Она сказала, что мое имя — Уррутиа... Что она скормила мое тело крокодилам...

— Вероятно, так она и поступила, — кивнул Гирадо.

Уррутиа провел руками по бокам, затем вдруг замер и в ужасе схватил себя за грудь.

— Что это? — вскрикнул он и зарыдал.

— Это — тело Мут, — сказал Гирадо. — Добро пожаловать обратно, в мир людей, дорогой брат. То есть, сестра.

— Я теперь женщина? — изумлялся Уррутиа. — Что ты со мной сделал, брат?

— Освободил тебя из рубиновой темницы. Я сделал это, как умел, уж прости меня. Ты теперь — очень красивая женщина. Будущее покажет — может быть, ты еще и бессмертная женщина.

— А как же мои мечты... — забормотал Уррутиа невнятно. — Выпивка, лошади, бабы... Все это потеряно, потеряно безвозвратно!

И он отчаянно, в голос зарыдал.

Конан смотрел на эту сцену, широко открыв глаза от изумления. Затем он сделал над собой усилие и взял себя в руки. Прежде всего — не думать о том,

что произошло, когда он сжимал Мутэмэнет в объятиях. Слишком уж противно. Брат, сестра... Ерунда какая-то!

Потом. Куда подевалась душа Мут? И где этот проклятый талисман земли?

Катаклизм приближался. В темном воздухе видны были уже кожистые крылья и оскаленные пасти. Конан узнал этих демонов — их он видел в окнах особняка Мут. Теперь они летали над Луксуром, свободные, жаждущие крови, яростные.

Конан схватил рубин и тотчас встретился взглядом с ненавидящими глазами Мут. Душа маги оказалась там, в темнице, и не узнать ее взгляда Конан не мог. Уррутиа, унаследовав тело маги, не унаследовал ее жизненной силы.

— Земной талисман — это ты сама, Мут! — сказал Конан. — Теперь я знаю твое уязвимое место.

Он схватил рассыпанные по земле обломки талисмана и бросил их на рубин. Раздалось странное шипение. Рубин как будто расплавился от прикосновения частей талисмана, а затем поглотил их. Мгновение еще Конан слышал пронзительный, отчаянный, полный неизбывной злобы крик женщины, заточенной в рубине, а затем все стихло.

Конан взял камень в руки и наклонился над ним. В темно-красной мгле он увидел, как демоны обступили магу и терзают ее когтистыми лапами, а она обороняется от них заклинаниями. Что ж, Мутэмэнет обрела свою собственную вселенную. И что за беда, если эта вселенная, полная злых, темных сил, вселенная, где Мут является единственной и полновластной госпожой, так мала, что помещается внутри одного рубина!

Таинственный ип-туип

Хотите представить себе, как выглядит край света? Довольно уныло, особенно с непривычки. На берегу широкой реки, вода в которой мутна и зелена, стоит негритянская деревня. Не очень большая, хижин на тридцать. Хижины все как на подбор кособокие, словно переболели некоей местной хворобой, от которой больной искривляется самым жалким образом. Крыши у хижины из подгнивших пальмовых листьев и сгорбившейся коры... Это не вполне понятно — материал для ремонта растет вокруг в неограниченном количестве. Но старейшина деревни ленив, а прочие мужчины стремятся подражать ему — из мужской солидарности и тщеславия.

Посреди деревни, в луже пузырящейся грязи дремлет свинья. Она принадлежит старейшине, посему никто ее не беспокоит.

Под худыми навесами хрипло посмеиваются женщины. Они только что закончили перетирать плоды эккеле в клейкую кашицу. Блюдо, скажем прямо, на любителя. Но с вяленой рыбой есть можно. Женщины некрасивы и весьма сварливы, что можно определить по их голосам. Дети, как и везде, проказники и шалуны. Правда, выглядят они не блестящим образом — худосочные, с выпяченными животами, с болячками на коже... Но жизнерадостны.

На краю поселения имеется бревенчатый сруб. В нем живет белый человек. Зовут его — мастер Берт. Он уже не молод. В его глазах, за красными прожилками, прячется тоска. У него шишковатый, лилового цвета нос, редкие волосы и борода, похожая на пучок колкой соломы. Два раза в зиму он сбривает ее начисто. Один раз — на день рождения британской королевы, второй — на собственный день рождения.

Он — лекарь, лавочник и спившийся неудачник одновременно. Двадцать зим назад он пришел на край света на волне наступающей цивилизации. Но с цивилизацией что-то случилось — она ушла в отлив, а Берт остался в своем срубе, как выброшенная на берег медуза.

Единственный товар, который пользовался спросом у негров, — рыболовные снасти. Не нужны были им ни отрезы цветастой материи, ни медные пуговицы... Даже стальные ножи и блестящие железные шарики не интересова-

ли их. Все это гниет, плесневеет и ржавеет попусту. А что касается врачевания, то запасы шипучего порошка давно иссякли. Он, якобы, помогает от кашля. Мастер Берт лечил им все, что угодно, вовсе не потому, что был шарлатаном. Просто прочие снадобья доверия у местных жителей не вызывали.

К чести черномазых, они спокойно отнеслись к появлению белого соседа, а потом и вовсе привыкли к нему. С ним делятся едой, а пальмовую водку он всегда может выменять на пестрые поплавки из перьев. Берт делает их сам. Перья собирают детишки, в обмен на свистульки из палимовых листьев.

В тот вечер он, по своему обыкновению, сидел на крыльце сруба под дырявым навесом. Лил затяжной дождь. Берт совершенно точно знал, что он будет лить еще десять дней, а потом над рекой поднимается влажная, удушающая дымка. В это время потеют даже стены сруба. Дышать тяжело, двигаться невыносимо. Пропадает всякий аппетит, даже водки не хочется. Остается только лежать день-деньской в гамаке и, истекая потом, жевать кору хинного дерева. Но покуда это собачье время не наступило, можно о нем не думать.

Итак, Берт сидел на крыльце. Он еще не был сильно пьян — ему предстояло постепенно дойти до состояния сонного оцепенения. Для этого требовалось не спеша прикончить содержимое двух объемистых фляг. Пальмовая водка по крепости значительно уступает старой доброй пшеничной.

Серебристые струи дождя плясали перед мастером Бертом, морщинили поверхность реки и звенели, стуча по кожистым листьям пальм. Время от времени поодаль начинали реветь огромные лягушки — им хотелось любви. Изредка крокодил стучал челюстями, словно кто-то в сердцах захлопывал шахматную доску. Вероятно, крокодилу не везло — всякий раз над его очередным промахом начинали смеяться красномордые косматые обезьяны, живущие в зарослях на другом берегу.

— В следующий раз я уеду отсюда, — сказал себе Берт, тщательно выговаривая слова, когда дождевая струя отыскала щель в навесе прямо у него над головой. — В следующий раз...

Две зимы назад здесь проходил караван. Купцы заблудились и, что называется, сделали крюк. Они отдохнули в деревне два дня, а на третий продолжили путь. Берт не осуждал их за поспешность. А за зиму до купцов через деревню прошел отряд стрелков — лучников из колониальной армии ее величества. Капитан отряда был сдержан и молчалив.

— Мне нужны проводники за реку, — сказал он коротко.

— Здесь ты не найдешь проводников, — ответил ему Берт. — Местные не ходят далеко.

— Даже за деньги? — немного удивился капитан.

— К чему им деньги? Эти черномазые хорошо живут и без денег, — ухмыльнулся Берт.

Бравый лучник задумчиво почесал переносицу. Действительно, проводников не нашлось. Тогда лучники забрали лодки у негров, долго их чинили и на лодках этих переправились на другой берег. Куда шли они? Что понадобилось

им за краем света? Сдержанный капитан ничего на эти вопросы не отвечал, только позволил себе намекнуть об интересах короны и сугубой секретности. Берт был немного уязвлен. Он-то считал себя чем-то вроде ключевой фигуры и полагал, что держит на краю света форпост великой белой цивилизации. Думы о том, что его прозябание в этой дыре еще оценят по заслугам, помогали Берту коротать все эти долгие годы... Британский капитан разрушил последние иллюзии.

Лучники скрылись за рекой, и дальнейшую их судьбу заволокло душным туманом, пропитанным лихорадкой. Берт проклинал себя за то, что не ушел с торговым караваном. Что его удержало? Собственная глупость. Не следовало напиваться.

Берт грустно качает головой. Капли падают ему за шиворот. Хрипло ревут лягушки. У них чудовищные голоса. Кажется, что лягушка должна быть размером с корову, чтобы издавать звук такой силы...

Неожиданный новый звук, донесшийся с реки, заставил сторожа цивилизации вздрогнуть. Это был плеск весел. Потом послышалась и человеческая речь. По реке шли лодки. Гребцы перекликались на языке племени лапегу. Расслышав это, Берт удивленно пожал плечами. Лапегу живут далеко отсюда, там, где белые уже построили целые города. Возможно, поэтому среди черных лапегу считают себя почти белыми. Здешние негры из племени покко даже внешне отличаются от лапегу. И, в отличие от покко, лапегу знают цену деньгам белых. Среди них распространилось воровство — явный признак культуры. А еще они часто нанимаются к белым в качестве слуг, носильщиков и гребцов.

Берт взял из сруба масляный светильник с прозрачным колпачком, накрыл голову капюшоном и вышел под дождь. На берегу он встал и принялся размахивать светильником. Это был единственный способ привлечь внимание плывущих по реке. В деревне не горело ни огонька, жители спали. В пасмурную ночь все эти покосившиеся хижины смотрелись с реки как нагромождение поваленных, оплетенных лианами деревьев.

Скоро лодки стали различимы на фоне ленивой речной воды.

— Эге-гей! — закричал Берт. — Сюда!

— Да! Га! Га! — отозвалось эхо, и тут же с головной лодки кто-то окликнул Берта по-британски.

— Сюда! — снова закричал Берт и запрыгал, отчаянно крутя светильником в воздухе.

Лодки повернули к берегу. Их оказалось три. На одной из них кто-то тренькал на лютне и дурным голосом пел о пастушке Мэг.

«А что я так радуюсь? — вдруг подумал Берт. — Этим, наверное, тоже нет до меня дела».

Он поставил светильник прямо на землю. Довольно скоро лодки причалили к берегу. Белых оказалось только четверо. Трое британцев и мрачного вида черноволосый северянин с огромным мечом на спине. Пока британцы суши-

лись у очага в срубе, северянин распоряжался гребцами. Те очень быстро установили походные шатры, натянули между деревьями кусок парусины, каким-то немыслимым образом разожгли костер из отсыревших бревен и что-то принялись варить в котлах.

Британцы оказались не больше не меньше лордами. Во всяком случае, так они представились. Лорд Чапинг, лорд Дейл и лорд Эйворс. Последнему принадлежали лютня и дурной голос. Выпив водки, он почти сразу уснул. Дейл и Чапинг, похожие, словно родные братья, вели непринужденную беседу с гостеприимным хозяином. Гостеприимство сводилось все к той же пальмовой водке и к огромному куску жареной свинины.

— Мы собираемся спуститься чуть ниже по реке, — рассказывал Чапинг, — и сойти на том берегу. Видишь ли, любезный друг, на нас возложена особая миссия.

— И очень важная, — подтвердил лорд Дейл, поворачиваясь спиной к огню.

— Понимаю, — кивнул Берт. — Интересы короны. Особая секретность. А как же? Я тоже, знаете, тут... Что-то вроде уполномоченного посла... Форпост цивилизации...

Лорд Дейл старательно замаскировал улыбку, прикрыв лицо ладонью. Лорд Чапинг пожал плечами. Берт ощутил жгучую зависть к этим людям. Смотрите-ка, франты какие! На одежде — ни пятнышка. Лица умытые. Под ногтями нет грязи. А ведь в пути они не меньше тридцати дней! Вот это — настоящие белые люди, не то что он, неудачник, опустившийся пьяница...

— По поводу интересов короны — это ты верно догадался, — вежливым голосом произнес Дейл. — Но секретность нам не нужна. Напротив, о цели нашего путешествия мы рассказываем всем и каждому. Нам может понадобиться помощь.

— Дело в том, мастер Берт, что мы ловим животных, — сказала Чапинг так, словно речь шла о каком-то солидном предприятии, вроде пикника на свежем воздухе.

— Мясо? Шкуры? Чучела? — спросил Берт, недоумевая.

— Ни в коем случае, — Чапинг слабо зевнул. — Нам нужны живые звери. Для королевского зверинца.

— Нам нужны редкие звери, — добавил Дейл. — Которых почти никто не видел.

— За это платят деньги? — недоумение Берта выросло до такой степени, что в голове его развеялся сладкий туман опьянения.

— Мое поместье приносит почти тысячу тысяч годового дохода, — светским тоном промолвил лорд Чапинг. — А мои спутники не беднее меня. Мы занимаемся этим из других побуждений.

— Во-первых, мы любим путешествовать, — вставил Дейл.

— Во-вторых, — перебил его Чапинг, — эти зверушки очень занятные. А в-третьих...

— В-третьих, королева от них в восторге, — закончил лорд Дейл.

— Ага, — протянул мастер Берт. — Да-да... Разумеется...

Была у Берта вполне простительная человеческая слабость. Он не любил, когда его выставляли глупцом. В данной же ситуации, как ему показалось, происходило именно это.

Чтобы трое расфуфыренных британских нобилей шлялись по диким местам, среди смертельных болезней, незнакомых племен и свирепых хищников ради каких-то зверушек?

Королева, видите ли, в восторге!

Нет, тут что-то другое. Берт чувствовал себя оскорбленным. Капитан лучников поступил более честно. Военная тайна — и все тебе. Выспрашивать бесполезно. А эти... Да за кого они его принимают?

— Какие же звери вас интересуют? — осведомился он. — Я давно здесь живу и кое-что видел, будьте уверены. Свирепые ящеры? Водяные лошади или же речные свиньи, как их еще именуют? Змеи длиной в тридцать и более шагов? Трехрогие буйволы? Крылатые обезьяны?

— Ящеров и змей при дворе королевы предостаточно, — сказал Чапинг. — Кроме того, ее величество не слишком жалует гадов.

— А что до речных свиней, то они здесь не водятся, — добавил Дейл. — Нам нужен ип-туип. Слыхал о таком?

— Разумеется, — солгал Берт. — О нем многие говорят. Но сам — не видел. Вот что, вам ведь пригодился бы проводник, не так ли?

— О, у нас есть проводник, — Чапинг боролся со сном из последних сил.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из лапегу знал эти места, — возразил Берт. — Да и здешние негры тоже не очень любят переправляться через реку. Они боятся Капа-Бепе, свирепого ящера. Он огромный, на спине у него кроваво-красный гребень, а зубы острее ножей. Одним укусом он убивает быка. Черные никогда на него не охотятся, а при встрече так пугаются, что даже не убегают. Падают на землю и закрывают глаза.

— Именно по этой причине наш проводник — белый, — сказал лорд Дейл.

— Мало того, он вообще не из этих мест! — добавил лорд Чапинг. — Он киммериец. Самый настоящий варвар. Прирожденный воин-одиночка. Знает, как обращаться с черными. Читает следы. И совершенно ничего не боится.

— Правда, говорят, в Британии его приговорили к каторге за воровство, а он бежал, — Дейл легкомысленно махнул рукой. — Но что значит приговор суда по сравнению с удовольствием, которые мы доставим ее величеству, изловив ип-туипа!

— Возможно, господа, я неверно вас понял, — смущенно высказался Берт, — но, по моему разумению, проводник — это человек, знающий дорогу. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

— В том случае, уважаемый, если ведомые представляют себе хотя бы приблизительно, куда они хотят попасть. А мы не имеем такого представления, — сказал Дейл и мгновенно заснул.

— Поэтому проводник в обычном понимании этого слова нам без надобности, — закончил его мысль Чапинг, лунатически расстелил на полу свой плащ, повалился на него и тоже погрузился в сон.

— Они ненормальные! — сказал мастер Берт. — Их всех покусала муха Тек-Тек, и они сбрендили.

Допив оставшуюся водку, хранитель цивилизации не без труда забрался в свой гамак.

Конан скитался по Черным Королевствам, выслеживая Красную Гиену. Так звали одну женщину. Очевидцы, вернее — счастливцы, наблюдавшие ее воочию и оставшиеся при этом в живых, уверяли, что она красива нечеловеческой красотой. Кроме того, она была белой. Настоящего ее имени никто не знал. Тем не менее, за голову этой белой красавицы британский протекторат обещал невероятное по сумме вознаграждение.

Конан неохотно брался за подобные дела. Кроме того, речь шла о женщине... Услышав в таверне про награду, варвар только посмеялся. Однако случилось ему после того проезжать через негритянский поселок в княжестве Убе-Бо. Увиденное там заставило киммерийца пересмотреть свое мнение по поводу Красной Гиены. Два десятка женщин, выпотрошенных живьем. Молоденькие девушки, распиленные от промежности до груди тупыми деревянными пилами. Старики, разорванные лианами. Дети с выеденными глазами... А на шесте в центре поселка — голова гиены, оскаленная в беззвучном хохоте.

Да, несомненно, это сделала она. Но зачем? За что погибли эти люди? За дырявый мешок червивого толокна? За связку вяленой козлятины?

Стоя у шеста, облепленного гудящими мухами, Конан вдруг почувствовал, как его могучие мышцы свело напряжением. Послышались крики умирающих, запахло горячей кровью... «Ей просто нравится убивать, — понял киммериец, — она сходит с ума от этого...».

Именно так оно и было. И это знали все, кому хоть раз приходилось сталкиваться на жизненном пути с Красной Гиеной. А еще было известно, что в распоряжении у Гиены целая армия, набранная из отвратительных двуногих существ, которых назвать людьми не поворачивается язык. То были севап-севапы — черные великаны, вооруженные палицами и длинными копьями. И удусы — коричневые карлики, убивающие ядовитыми дротиками, изощренные палачи и хитрые лазутчики. Наполнили ее армию и мбебе, люди-леопарды, пожирающие убитых врагов, ступающие неслышно и видящие в темноте.

Странных богов чтили эти племена — богов, покровительствующих убийцам, насильникам и мародерам. Жуткие, жестокие боги полностью подчинили себе души своих почитателей, наполняли их ядовитыми испарениями джунглей. В языках этих племен не найти слов «любовь», «дружба», «добро». Испокон веку они донимали своих соседей кровопролитными грабительскими войнами, пока однажды остальные черные племена не объединились против них.

Почти все севап-севапы, удусы и мбебе были истреблены, а немногие уцелевшие скрылись в непроходимых джунглях. Много зим считалось, что все они сгинули там без следа, ибо выжить за пределами мира невозможно. Но, как выяснилось, мир гораздо шире, чем предполагали мудрые старейшины маленьких черных племен. Далеко за рекой обитают не только паскудные обезьяны и гигантские пожиратели речных свиней. Где-то там затаилось и живое зло, ожидая удобного случая появиться во всей красе. Еще живы были старики, помнящие великую битву племен, а тайное зло уже возобновило свое победное шествие по землям Черных Королевств.

Кона-варвар не стал раздумывать долго. Уважения ко злу, сколь бы ни было оно велико, он никогда не испытывал. Возможно даже, что в глубине души Конан боялся зла, как и любой простой смертный. Но этот страх, если он и был, лишь укреплял его волю. К тому-же в подобных делах Конан всегда был непоколебимо уверен в своей правоте. А без полной уверенности в правоте свершаемого не делается никакое дело — так он полагал. Усомнись разок — и ты пропал.

Много дней киммериец в одиночку странствовал по джунглям. Дважды ему удалось столкнуться с небольшими отрядами мбембе и даже выпало уложить пятерых людей-леопардов. Но искал он не случайных стычек — ему необходимо было найти логово Красной Гиены, ее истинный дом. Ее воины почти не оставляли следов. А те, что все же обнаружились, ясно говорили одно: искать Гиену следует далеко вниз по течению дикой реки, за краем света.

Городок Атикунапа вырос, как плесень в сезон дождей, вокруг британского военного поселения. Он стоял как раз на реке. Варвар решил передохнуть там денек, а заодно и найти лодку для долгого путешествия. Он не расчитывал найти себе спутников, поскольку привык полагаться сам на себя. Но вышло так, что товарищи по путешествию сами нашли его.

Конан отдыхал в заведении, являвшем собою нечто среднее между таверной, цирюльней и приютом для убогих. В духоте, насыщенной различными, далеко не всегда приятными запахами, жужжали вездесущие мухи, среди которых могли попадаться и разносчики опасных болезней — посетители предпочитали не задумываться об этом. Горбун-цирюльник, представлявшийся всем и каждому в качестве не столь отдаленного потомка великого черного вождя, обслуживал трех клиентов разом: один страдал от мыльной пены в глазах, другой подвывал, весь обвешанный шевелящимися пиявками, а у третьего на голове имелся горшок, надетый на макушку. Тупым ржавым ножом цирюльник обкромсывал клочья волос, выглядывающие из-под горшка. Тут же рядом двое престарелых лапегу попивали мутное сладковатое пойло, именуемое здесь в силу какого-то недоразумения пивом.

У входа обосновались попрошайки. Слепой был настоящим, судя по огромным бельмам на глазах. А вот хромоножка был поддельный — он очень ловко подворачивал ногу, так что она казалась изувеченной. Время от времени эта нога у него затекала, тогда он выпрямлял ее и подворачивал другую. Киммериец постепенно мрачнел и наливался злобой. У него имелись для этого все

основания. Во-первых, от здешней выпивки першило в горле. Во-вторых, киммерийца решительно не удовлетворяла стряпня. Даже для такого непредвзятого едока, каким считал себя Конан, блюда, предоставляемые кухней цирюльника-вождя, были абсолютно несъедобными.

И все это — в дополнение к тому, что Атикунапа кишела отвратительными насекомыми на любой вкус. Кроме уже упомянутых мух, в славном этом городке водились мокрицы, брызгающие едкой слизью, летающие тараканы устрашающей величины, больно жалящие москиты, кусачие жуки и мелкие, не больше песчинки, но крайне кровожадные твари, укусы которых могут свести с ума самого толстокожего и выносливого зверя. А уж человека — и подавно.

Самым же неприятным обстоятельством оставалась перспектива провести в этом милом местечке не один, не два, а целых десять дней! При одной только мысли об этом варвар начинал глухо рычать. А все потому, что в городе не нашлось ни одной свободной лодки.

Конан готов был заплатить хорошие деньги за самую утлую посудину. В конце концов, он не остановился бы и перед обыкновеннейшим воровством, лишь бы только поскорее убраться отсюда. Но — увы! Сезон рыбной ловли вошел в самый разгар. Все местные лапегу, да и многие белые ставили на реке переметные сети, забрасывали донные удочки или же добывали рыбу с острогой в руках. Последние три лодки, остававшиеся в Атикунапе, прямо перед носом у варвара были куплены некими британцами из нездешних. Будь они неладны.

«Поскольку идти в этом городишке все равно некуда, они, британцы эти, рано или поздно окажутся здесь перед своим отплытием, — размышлял киммериец. — Может быть, мне удастся убедить их уступить мне одну из своих лодок? Или подпоить местной дрянью и обыграть в кости? А то просто подкараулить в переулке и...»

Кром свидетель, последняя кровожадная мысль посетила варвара, когда он уже начал впадать в мрачное исступление. И один только Кром знает, до чего бы еще додумался Конан, если бы судьба не решила все самым благоприятным образом.

Неразлучная троица путешественников действительно ближе к вечеру оказалась в заведении. Несмотря на изысканность дорожных костюмов и отсутствие загара на лицах, оберегаемых к тому же от обветривания платками и широкополыми шляпами, британцы отнюдь не производили впечатления изнеженных новичков. Тем более не было похоже, что этих людей можно провести вокруг пальца за здорово живешь. Они принесли с собой прекраснейший ячменный самогон и косулю, зажаренную на вертеле. Это обличало в них людей бывалых и многоопытных. Конан сразу почувствовал к ним уважение.

Вид британцы имели озабоченный и усталый. Слуги-лапегу втащили за ними в залу огромное количество дорожных сумок и мешков всевозможных размеров и очертаний. Все это было немедленно свалено на пол. Высокий худощавый британец, по-видимому — старший из них, извлек из кармана предлин-

ный свиток пергамента. Это был список того, что требовалось в дорогу господам.

Двое других — забавный розоволицый толстячок и юноша, искренне опечаленный состоянием собственных манжет, — принялись извлекать из мешков содержимое, ворошить его, спотыкаться обо все эти предметы...

— Требовалось приобрести сорок пять локтей веревки средней толщины, — перечислял тот, что со списком. — А я вижу только пятнадцать локтей. Где же остальные тридцать? Кто нибудь из многоуважаемых лордов ответит на этот вопрос?

— Я ясно помню, что речь шла о пятнадцати локтях, — с невозмутимым видом парировал толстячок.

Юноша, поразмыслив, добавил:

— И я помню. Именно о пятнадцати.

— По-озвольте, господа, у меня все записано, — возмущенно произнес худощавый. — А сеть? Ради всего святого, лорды, где сеть?

— Лорд Эйворс сделал из нее гамак на прошлой ночевке, — сообщил юноша, потупив глаза.

— Не может быть!

— По-вашему, лорд Чапинг, я должен был спать на голой земле? — с негодованием в голосе молвил толстячок, он же — лорд Эйворс. — Ну уж извините.

Чапинг саркастически улыбнулся, после чего изготовил из своего списка длинную мухобойку и одним ударом ловко прикончил семь или восемь мух.

— А гвозди? — вопросил он устало. — Гвозди вы не забыли?

— Мы? — его спутники переглянулись. — *Мы* — не забыли. Гвозди забыли *Вы!*

«Зачем им гвозди?» — удивлялся Конан про себя. Загадочные бритунцы интересовали его все больше и больше. Несмотря на весь свой обширный и разнообразный жизненный опыт, киммериец никак не мог определить, кем являются эти люди и для чего они отправляются в столь дальний путь. Они напоминали ему тех молодчиков, что купили у плутоватого забулдыги-старателя сведения о богатом месторождении и теперь спешат застолбить участок. Но в их снаряжении не было ни одного инструмента, годного для такого дела.

Конан изучал их довольно долго, но к определенному выводу так и не пришел. Кто же они? Вооружены плохо — на троих всего два меча. Деньгами явно располагают без ограничений — заплатили за лодки не торгуясь. Может, это просто скитающиеся бездельники? Да уж, пользы от таких попутчиков никакой, за исключением их лодок! Однако, как здраво рассудил варвар, в сложившейся ситуации требовать большего — понапрасну гневить судьбу. Подумав так, Конан приблизился к странным путешественникам и обратился к ним по-бритунски:

— Вероятно, вам нужен проводник?

Лорд Чапинг немедленно пришел в восторг.

— Да! — воскликнул он горячо. — Нам нужен проводник в Неведомое.

— Я часто там бывал, — кивнул варвар, ничуть не смутившись.

— И каково там? — осторожно полюбопытствовал лорд Эйворс. — Очень опасно?

На это Конан ничего не ответил, только пожал плечами.

— Мой друг интересуется этим вовсе не из страха за свою жизнь, — пояснил юноша, скорбящий по манжетам. — Дело в том, что добыча ип-туипа, по преданию, сопряжена с немыслимыми опасностями.

— Ты когда нибудь ловил ип-туипа? — с подозрением осведомился лорд Чапинг.

— Это действительно непростое предприятие, — отвечал варвар, дивясь собственной находчивости.

Чапинг кивнул.

— Его трудность усугубляется еще и тем, что ип-туипа наебходимо доставить в Британию живым и здоровым. А это, знаете ли, черезвычайно хлопотно.

— Для начала его следует поймать, — объявил киммериец мрачно и решительно.

— Совершенно очевидно, что этот проводник нам полностью подходит, — заключил юноша, которого Конан впоследствии знал под именем лорда Дейла.

На следующий день, едва только оранжевое солнце показалось краем из-за реки, лодки покинули Атикунапу. Здесь река была узкой и изобиловала порогами и перекатами. Вода бежала быстро, шумя и пенясь на коварных камнях. Но опытные гребцы легко справились со своей непростой задачей — эта местность была им хорошо знакома.

Ночевали на берегу, распугивая птиц. Лапегу держались особняком. В маленьком сообществе путешественников мгновенно образовались своя иерархия и свой уклад. Обеспечив хозяев-нанимателей горячей пищей, туземцы тотчас исключали их из своей жизни. Расположившись вокруг своего, отдельного костра, лапегу рассказывали друг другу всякие небылицы, а иногда — пели. Их старшина, крепкий парень по имени Нгора, время от времени начинал присматриваться к киммерийцу. Делал он это исподтишка, что Конану очень не нравилось. Если чернокожий отводит взгляд, значит замыслил нечто тайное. Эти люди не умеют лгать и скрытничать, подобно белым, глядя прямо в глаза предполагаемой жертве. Конан решил присматривать за Нгорой повнимательнее.

В одно прекрасное утро река, словно по волшебству, изменилась. Она разлилась от горизонта до горизонта. Течение стало тихим, почти незаметным. То и дело прямо посреди медленного потока возникали островки, поросшие густым тростником. На островках гнездились длинноногие, остроклювые птицы. Они следили за лодками, почти незаметно поворачивая головы. Время от времени то одна, то другая стремительным движением фехтовальщика погружала клюв в зеленую воду и извлекала на поверхность крупную рыбину, чтобы проглотить ее.

Однажды гребцы закричали, что видят огромную змею. И змея действительно была огромна — ее голова возвышалась над поверхностью у головной лодки, а хвост извивался под водой далеко позади замыкающей. Лица лапегу посерели от страха. Они вытащили весла из воды и боялись даже посмотреть за борт.

— Она не нападет, — уверенно заявил лорд Дейл, как выяснилось — знаток гадов и их повадок. — Разве вы не замечаете, как раздуто ее туловище посередине, чуть ближе к голове? Это означает, что совсем недавно она уже закусила кем-то и теперь ищет местечко по уютнее, что бы вздремнуть.

Но негры не слишком поверили белому, они сидели в оцепенении, пока змея не скрылась в прибрежных зарослях.

— Вам не стыдно? — язвительно обратился к ним варвар. — Это всего-навсего змея и притом не самая большая. Я видывал и побольше. Вы, сильные, рослые воины, шутя справились бы с нею.

Гребцы-лапегу недоверчиво цокали языком.

— Белые говорят хвастливые речи, а отдуваться приходится нам, — сказал, усмехаясь, Нгора на своем наречии, думая, что Конан его не поймет.

— Да брось ты, — молвил Дейл, обращаясь к варвару. — Черных не переделать. Тут дело вот в чем — и у белых, и у черных людей восприятие мира, в принципе, похоже, но... Белые иногда начинают мнить себя богами, соперничая с богами истинными. А черные, напротив, склонны обожествлять вокруг себя почти все, что видят. Отсюда и их страхи.

— То, что у нас в Британии называют предрассудками, — добавил Чапинг. — А помните, лорды, как жители острова Мадаго боятся безобиднейших ящериц, считая их ядовитыми?

— Еще бы! — отозвался лорд Эйворс. — Тамошние негры живут бок о бок с этими тварями не одну сотню зим и все еще думают, будто те смертельно опасны. Впрочем, нам это даже пошло на пользу. Мы наловили с десяток ящериц и пустили их бегать по хижине. Воры обходили ее стороной...

Несмотря на благодушный оптимизм своих спутников, Конан из личного опыта знал, что дикая природа не любит незваных гостей и у нее всегда найдется, чем навредить и напугать. В этот же день отряд потерял одного из гребцов. Когда лодки причаливали на ночлег к берегу, один из лапегу вошел в воду по пояс. Он собирался привязать к дереву причальный конец. Едва гребец сделал два шага по направлению к твердой земле, как вода вокруг него забурлила, вспенилась, и лапегу вдруг пропал, словно его и не было.

Испустив охотничий клич, Конан схватил острогу и бросился туда, где только что стоял несчастный. Тем временем вода у берега окрасилась кровью. Большое, плоское тело показалось на поверхности.

— Это черепаха! — вскричал лорд Чапинг — Хватайте ее!

Но гребцы явно не желели выходить из лодок. Тогда британец, словно обезумев, самолично устремился на помощь киммерийцу. Прежде, в морях, Конану доводилось встречать огромных черепах. Среди них попадались и такие,

что запросто могли бы тянуть на буксире большой тяжелый корабль. Эта же уступала им в размерах, но явно превосходила свирепостью. К тому же у морских черепах панцирь кожистый, мягкий. А это чудище вырастило на себе настоящую броню. Варвар с трех ударов погнул о нее острогу.

Безобразная голова черепахи вся была покрыта роговыми наростами, а панцирь и лапы — развевающейся в воде бахромой. Огромная пасть, в которой только что сгинул человек, была готова поглотить следующую добычу. Беззубые челюсти, снабженные острыми пластинами, свирепо щелкали в воздухе.

На суше нет создания медлительнее и неповоротливее черепахи, особенно если эта черепаха — водяная. Но в своей родной стихии ее движения почти молниеносны. Ее шея вытягивалась из-под панциря на добрых четыре локтя и двигалась со змеиной ловкостью. Пасть захлопывалась то справа, то слева от Конана, и каждый раз все ближе и ближе.

Лорд Чапинг ухватил черепаху за заднюю лапу. Это едва не стоило ему руки. Чудовище моментально развернулось, и если бы Чапинг не отпрянул вовремя, ему пришлось бы худо. К счастью, черепаха не ожидала нападения сзади и поэтому не рассчитала смертоносного броска.

Воспользовавшись ситуацией, киммериец запрыгнул черепахе на спину и с силой вонзил погнутую острогу в морщинистую шею, не защищенную броней.

Черепаха зашипела, широко распахнув пасть, и вслед за этим стремительно поплыла на самую середину реки. Конан соскользнул с ее спины. Черная полоса крови медленно расползалась по поверхности воды. Древко остроги какое-то время виднелось над поверхностью, а потом скрылось из вида, погрузившись на дно реки вместе с умирающей черепахой.

Гребцы понуро сидели в лодках. Конечно, гибель товарища опечалила их, но и собственная участь представлялась им отныне в самых мрачных красках.

— Теперь здесь безопасно! — крикнул им варвар. — Вылезайте, трусы.

— Мы не трусить, — Нгора сплюнул за борт. — Речная дух гневаться на нас, а твоя прогневать его сильно-сильно. Что теперь быть? Твоя знать?

— Теперь быть ужин, — передразнил его Конан. — И много-много спать.

— Надеюсь, с вами все в порядке, лорд Чапинг? — поинтересовался Эйворс, а Дейл, строго нахмурившись, произнес тоном весьма назидательным:

— Имейте в виду, лорд Чапинг, вы обязаны подавать нам пример солидности. Быть съеденным черепахой для британского лорда — недопустимое легкомыслие.

— Проклятье! — выругался Чапинг. — Кажется, у меня нет сухого белья!

В этот вечер заведенный порядок был нарушен. Сразу после ужина от костра лапегу отделилась небольшая группа. Разумеется, Нгора возглавлял ее.

— Дело попахивает бунтом, — шепнул лорд Дейл, ничуть, впрочем, не встревоженный.

— Нет, — возразил Конан, который на сей раз остался рядом с белыми. — Бунтуют они по-другому.

— А как, если не секрет? — спросил лорд Эйворс с острым интересом.

— Устраивают ночное нападение, а перед этим несколько дней ведут себя сущими паиньками, — ответил киммериец.

— Уэпе умирать, — деловито, но мрачно изрек Нгора, когда делегация достигла господского костра.

— Нам всем очень жаль погибшего Уэпе, — заверил его Чапинг. — Но он был мужчиной и знал, что наше путешествие может оказаться опасным. Я предупреждал вас всех. Погибнуть может любой из нас. По условиям нашего договора, семье погибшего будет выплачена большая сумма. Конечно, на эти деньги не купить нового Уэпе. Но у меня, к примеру, тоже есть семья. Если бы проклятая тварь полакомилась мною, моя родня была бы в точно таком же положении.

— О, белые всегда красиво-красиво говорить! — произнес Нгора с некоторым надрывом в голосе. — А погибать всегда-всегда черные! Так — справедливость?

— Что ты, собственно, имеешь в виду? — недоумевая, спросил Эйворс

— Почему белая лорда Чапинга не погибать? Почему белая Конана не погибать? Почему погибать черная Уэпе?

В глазах Нгоры горел огонь, а позой своей этот лапегу напоминал обвинителя, выступающего в суде по делу о краже скота.

— Говори, что тебе нужно, и проваливай! — прорычал Конан.

— Моя хотеть, чтобы мы, черные, получать не десять-десять золотых, а десять-десять и еще два золотых, — быстро выпалил Нгора и посмотрел на сидящих у костра исподлобья, как будто ожидал взрыва.

— Только и всего? — усмехнулся лорд Чапинг. — Да на здоровье.

Конан пытался остановить его, но не успел. Нгора заметил эту бесплодную попытку и нагнал на себя преувеличенно-постный вид.

— Лорда — великая господина! — объявил он так, будто с ним хотели поспорить на эту тему. С этим высказыванием старшина черных гребцов удалился. Его молчаливая свита изо всех сил сдерживала ликование. Лапегу вели себя совершенно как школяры, околпачившие близорукого учителя.

— Ну и свалял же ты дурака, лорд! — не вытерпел варвар. — Теперь они начнут требовать прибавки по любому поводу. Вот увидишь.

— Станут, — Чапинг выразил согласие кивком. — И по-своему будут совершенно правы. Когда-то это был очень честный народ. Но кто превратил их в сброд, в шайку бессовестных вымогателей? Мы. Гордые носители цивилизации. Кто унижал их, да так, что теперь это для них естественно? Мы, опять же мы, белые люди. Так что теперь мы всего лишь пожинаем плоды трудов своих.

Он зевнул и добавил:

— Даже если каждый из этих лапегу вытребует себе по тысяче монет прибавки, в чем я лично сомневаюсь, ибо они с трудом досчитывают до ста, я все равно не понесу крупных потерь. На глупый ежегодный бал в моем поместье

тратится во много раз больше. Наше же предприятие я глупым не назову – вполне может статься, что мы поймаем ип-туипа. А это будет славно.

И лорд Чапинг удалился в шатер с тем, чтобы уснуть. Дейл скоро последовал его примеру, а Эйворс, выспавшийся в лодке, еще долго сидел у затухающего костра и тихонько напевал «Пастушку Мэг», пытаясь подобрать ее на лютне.

* * *

Двенадцать дней спустя отряд достиг деревушки, забытой всеми богами, на отшибе которой обитал уже знакомый нам мастер Берт.

Утром следующего дня лапегу развели лихорадочную деятельность. Старейшина деревни долго не мог понято, чего от него добиваются бесноватые белые, прибывшие неизвестно откуда, а когда понял — рассмеялся и махнул рукой. Тотчас наемные гребцы превратились в плотников — принялись сооружать клетки из прутьев и загончики.

— Мы встанем лагерем здесь, — объяснил Берту лорд Чапинг. — Это гораздо удобнее. Будем устраивать за реку вылазки и возвращаться с уловом сюда. Эта дыра как-нибудь называется?

— Бреккекуле, — смущенно хихикнул похмельный мастер Берт. — Что в переводе означает «лягушка, которая поет и пляшет после летнего дождя».

— Очень выразительный язык, — одобрительно кивнул Дейл. — И о дожде крайне верно подмечено. Если он когда-нибудь кончится, я тоже спою и спляшу.

— Если наша экспедиция увенчается лаврами успеха, — молвил лорд Эйворс, — ваша Бреккекуле появится на всех картах британских колоний. О вас узнает человечество, мой друг!

Мастер Берт недоверчиво хмыкнул.

Некоторое время спустя к нему подошел Конан. От близкого присутствия столь могучего, пышущего здоровьем молодого человека Берту сделалось еще хуже. Киммериец буквально нависал над ним, а его зычный голос бил по барабанным перепонкам.

— Надо потолковать, — заявил варвар и вытеснил хозяина сруба из-под навеса. Дождь накрыл обоих мокрым покрывалом.

— Что тебе нужно? — слабым голосом осведомился мастер Берт. — Еще веревки? Она вся сгнила. Можно выменять у негров...

— Там, за рекой, живут люди, — перебил его Конан. — Сколько их?

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, — ответил Берт.

Конан уставил на него тяжелый, мрачный взгляд.

— На другом берегу реки живут люди, — повторил он. — Я знаю, что они там. Они ходят по реке взад-вперед у тебя перед носом. Ты не мог их не заметить. Сколько их? Сотня? Две сотни?

Мастер Берт нервно сглотнул, несмотря на то, что во рту у него было сухо.

— Я никого не видел, — выдавил он с усилием. — Я ведь не сижу день-деньской на берегу и не пялюсь на реку. У меня много других забот.

— Например, пьянство, — ухмыльнулся варвар.

— Пьянство тоже отнимает время и силы, — проговорил Берт с усталостью и тоской. — Ты уж мне поверь. Может статься, там действительно кто-то живет, но у них в этом случае наверняка есть причины скрывать свое присутствие. Может, они переправляются ночью, в кромешной темноте. А может, они вообще делают это в другом месте. Если они, конечно, существуют.

Варвар помрачнел еще больше.

— На берегу, совсем рядом, я нашел вот это, — сказал он и протянул Берту на ладони кусочек пожелтевшей трубчатой кости, украшенной тонкой резьбой. — Это сломанная рукоятка ножа, — пояснил киммериец. — Знаешь, из чего она? Это человеческая берцовая кость.

— Да ей, наверное, сто зим, — отмахнулся Берт. — Мало ли что валяется в джунглях!

— Это свежая кость, — уверенно молвил Конан. — Зиму назад она еще была окружена живой плотью. Да и ты прекрасно знаешь, что в здешней слякоти, на земле, она быстро бы сгнила. Здесь все гниет, — продолжил он. — И живые люди — тоже. Ты, например, протух основательно. Ты мне врешь. Я мог бы раздавить тебя двумя пальцами, но мои наниматели неверно это истолкуют. Если же я найду доказательства более убедительные, чем эта костяшка, они сами повесят тебя на ближайшей пальме.

Варвар повернулся и пошел в сторону шатров, подле которых кипела работа. Мастер Берт остался стоять, вжав голову в плечи. По его лицу текла дождевая вода.

* * *

— Вот мы и за краем света! — провозгласил лорд Чапинг, выпрыгивая из лодки на сырой песчаный берег. Эйворс и Дейл последовали за ним. Варвар не спеша осматривал береговую полосу. Его цепкий взгляд стремился обнаружить хотя бы малейший след присутствия Красной Гиены и ее армии. Но многодневный дождь превратил песок в раскисшую кашу. Если следы и были, то сама природа этих мест позаботилась об их уничтожении.

Только двое гребцов согласились сопровождать звероловов — Нгора и его ближайший подручный Мкубе. Алчность этих молодчиков пересилила страх. Прочие лапегу заявили, что очень устали после возведения клеток. Они стенали так надрывно, что можно было подумать, будто их заставили строить многоэтажный дворец с колоннами. Даже щедрые премиальные не заставили их воспрять духом.

«Интересно, какой фокус в запасе у этого проныры?» — думал Конан, поглядывая на Нгору. А тот инстинктивно старался держаться подальше от сердитого белого великана. Мкубе, желая явить свою полезность, страшно суетился, перетаскивая из лодки снаряжение. Он умудрился запутаться в сети и превратил клубок тонкой веревки в подобие дохлой медузы. Наконец с приготов-

лениями было покончено, и звероловы шагнули прямо в стену джунглей, которые высились сразу за береговой полосой.

— Занятно, — обратил внимание Эйворс, — здесь проход, прорубленный совсем недавно.

— Самое большее — два дня назад, — подтвердил лорд Дейл.

Конан внимательно осмотрел переплетения лиан и ломкие ветки кустарника.

— Это сделал не человек, — сказал он. — Это зверь. Очень крупный. Он продирался к воде.

— Капа-бепе? — предположил Чапинг.

— Возможно, — Конан ничего не знал о названном чудовище, но ему не хотелось распространяться об этом.

— Кто бы он ни был, он славно потрудился для нас. И при этом совершенно бесплатно, — усмехнулся лорд Эйворс.

Поскольку охотникам было все равно, куда направляться, они двинулись по звериной тропе. Под густым пологом леса дождя не ощущалось, но воздух был настолько насыщен влагой, что она висела в нем крошечными капельками. Мясистые резные листья растений, покрытые блестящей кожицей, плавно покачивались над головами путешественников. Крупная яркая птица с развевающимся хвостом, словно сшитым из пучка разноцветных ленточек, выпорхнула прямо из-под ног Чапинга и тотчас исчезла в зарослях.

— Ты видел? — спросил Чапинг у Эйворса.

— Видел, — ответил тот. — Аракуалурия пятицветная, очень редкий вид. С восемью хвостовыми перьями.

Конан редко удивлялся, но британский титулованный зверолов изумил его. Неужели он и вправду успел пересчитать хвостовые перья у этой пичуги? А может быть, лорд попросту произносит первое, что пришло на ум? Впрочем, знавал киммериец одного лучника, который мог с первого взгляда определить количество заклепок на доспехе врага с расстояния в пятьсот шагов. Этот лучник говаривал: «Все, мол, достигается упражнениями...»

Лорд Чапинг, шедший впереди остальных, рассуждал вслух:

— Животные и растения, а также представители царства пернатых и рыбы, живущие в сходных условиях, но в разных частях света, одновременно похожи друг на друга и имеют явные различия. Возьмем, к примеру, обычных виноградных улиток, обитающих в Аквилонии, и сравним их с моллюсками острова Пигу-Пигу. У одних — две пары усиков, а у других — только одна пара. При этом форма и цвет раковин абсолютно одинаковы. Да и вкус, особенно в вареном виде... Ой!

Последний возглас разглагольствовавшего зверолова был вызван непредвиденным обстоятельством. Лорд Чапинг, неожиданно для себя и окружающих, упал на спину и сразу же взмыл вверх ногами. Его правая лодыжка накрепко была схвачена петлей из лианы. Он раскачивался из стороны в сторону, сохраняя, впрочем, невозмутимое выражение лица.

— Вы снова показываете пример удивительного легкомыслия, — осуждающе произнес лорд Дейл. — Что бы сказала об этом ваша тетушка?

— А ведь это силок, — авторитено заявил лорд Эйворс. — Неужели нас кто-то опередил?

— Это — силок, — подтвердил варвар. — Причем, на крупного зверя. Из семейства двуногих.

— Нет такого семейства, — горячо возразил лорд Чапинг. — Я не стал бы противиться, если бы меня сняли отсюда.

Нгора, стиснув зубами лезвие огромного тесака, полез на дерево. Конан ругался сквозь зубы. Такого рода ловушки ставят на людей людоеды мбембе. Но они не ограничиваются простыми силками, всегда подстраховываясь еще чем-либо. У западни, поставленной этими дикарями, простая задача — обездвижить жертву, сохранив ее живой, чтобы мбембе могли полакомиться свеженьким... Из всего этого следовало, что головорезы Красной Гиены неподалеку и что они знают об их приближении заранее. Может быть, и сейчас один из них сидит в засаде, ухмыляясь кровожадной улыбкой.

Без всякого предупреждения Нгора обрубил лиану, и лорд Чапинг грянулся оземь. Если бы не мягкая, разжиженная влагой почва, он бы здорово расшибся.

— Все демоны преисподней! — сказал Чапинг преувеличенно-спокойным голосом. — Если бы кто-нибудь объяснил мне...

Громкий вопль Нгоры заглушил его слова.

— Лорда! Лорда! — кричал лапегу. — Моя — конец!

Кроме завываний чернокожего, из кроны дерева доносилось также отчетливое, заунывное гудение. В нем безотчетно угадывалось что-то знакомое.

— Что случилось? — проорал варвар громовым голосом. — Отвечай немедленно!

— Ой-ой! Москита! Большая-большая! Много-много!

— Слезай оттуда, дурья башка! — воскликнул Эйворс. — Пока тебя не покусали!

Но от страха Нгора потерял рассудок. Вместо того, чтобы слезть сдерева или спрыгнуть, на худой конец, он судорожно обхватил ветку руками и отпускать ее не собирался.

— Его надо спасать, — решил Чапинг, высвобождая ногу из петли-ловушки. — Мы не можем оставить его там. Что вы делаете, Дейл?

— Ищу камень. Может, удастся сбить его оттуда.

Эйворс собрался лезть на выручку к Нгоре, но варвар опередил всех. Он взялся за ствол дерева обеими руками и принялся трясти его. Ослабевший от ужаса Нгора не удержался и рухнул вниз.

— Тебя ужалили? Отвечай! — Конан склонился над упавшим.

Нгора, выпучив глаза, тыкал пальцем в свое левое колено.

— А вот и москиты! — воскликнул лорд Дейл. — Нам лучше убраться отсюда.

Никто не назвал бы его решение чересчур поспешным. Рассерженно гудящие москиты, приплясывая в воздухе, спустились на высоту человеческого лица. Конана передернуло от омерзения. Он и так не жаловал кровососущих летунов, но эти... Эти были величиной с крупную собаку.

— Моя не мочь бежать-бежать, — хрипло произнес Нгора.

Конан заметил, что у лапегу запали глаза, а в конечностях начались судороги — пока еще легкие. Ужаленное колено распухало на глазах.

— Это разведчики, — определил Эйворс, разглядывая москитов с живым любопытством. — Их было четыре, а один только что улетел. Он приведет сюда целую стаю.

— Разве москиты охотятся стаями? — удивился Чапинг. — Это что-то новенькое. Но наш юный друг совершенно прав. Надо убираться отсюда.

— Где Мкубе? - — вскричал Дейл. — Он побросал поклажу и смылся! Вот мерзавец!

Конна приподнял Нгору, чтобы взвалить его себе на плечи. Москиты, заметив его движение, кинулись к нему, устрашающе жужжа. Пришлось снова опустить укушенного.

Тщательно рассчитав расстояние, варвар неспешно потянулся рукой за мечом, нащупал рукоять и одним молниеносным движением рассек в воздухе сразу двух чудовищных москитов. Брызнула черная кровь.

Третий москит нацелил свой заостренный хоботок в грудь киммерийца, но атаковать не спешил. В фасеточных глазах кровососа горела почти человеческая злость.

— Слышите? — Эйворс поднял палец кверху. — Они приближаются!

Гул и жужжание нарастали со всех всех сторон. Иногда из общего хора прорезывался отдельный голос, выводил пронзительно несколько коленец изощренной мелодии и смолкал, точно повинуясь знаку регента.

Выхватив из ножен короткий и узкий клинок, лорд Дейл замахнулся на москита, висевшего во влажной духоте перед варваром. Москит свечой взлетел кверху. Конан подхватил бесчувственное тело Нгоры и двинулся по направлению к берегу. Его спутники поспешили следом.

Все ближе и ближе звучал неистовый хорал. Звероловы озирались, разглядывая мелькающие в зарослях раскоряченные тени. Вот показался берег. Путешественники с облегчением вырвались из негостеприимного царства лиан и... замерли на мокром песке, как будто пораженные громом.

Лодки не было.

— Твой помощник — большая скотина, — сказал Чапинг, адресуясь к Нгоре, но тот не отвечал. Жизнь еле теплилась в нем.

— На открытое пространство они не вылетают, — произнес Эйворс. — Во всяком случае, пока идет дождь.

— Черный умрет? — спросил лорд Дейл у Конана.

— Нет, — ответил киммериец, — но в ближайшее время он не сможет шевелиться. У этих москитов особенный яд...

— У москитов нет никакого яда, — сухо вымолвил Эвйворс. — Они впрыскивают под кожу укушенному особое вещество, которое разжижает кровь и облегчает ее высасывание при помощи тонкого хоботка...

— Я мало понимаю в подобных вещах, — сказал варвар, — но зню наверняка, что эти летающие твари были там неспроста.

— То есть они караулили нас? — изумился Чапинг.

— Именно так.

— Откуда у тебя уверенность в этом?

— Я немного знаю о приемах и уловках племени мбембе, — пояснил Конан. — И этого немногого довольно, чтобы понять: мы основательно влипли.

— Племени мбембе больше не существует, — возразил ему Эйворс.

— А кто поставил силок, в который угодил лорд Чапинг? — осведомился Дейл. — Тоже мбембе?

— Ты знаешь больше, чем говоришь, Конан, — сказал Чапинг. — Не пора ли объясниться?

— Хорошо, — Конан пожал плечами. — Слушайте...

* * *

Мастер Берт испытывал острый приступ тоски. Настолько сильной, что пальмовая водка мгновенно выкипала из крови. Он пил ее долго, давясь, поперхиваясь и икая, но голова оставалась ясной. Черные мысли уже не пугали Берта — тоска вытеснила даже страх. Ему отчетливо стало ясно, что в любом случае его скоро убьют. Неважно, кто это сделает — мрачный киммериец, приезжие британцы или головорезы проклятой бешеной шлюхи. А может, даже она сама, и на губах ее при этом будет играть улыбка... Последнее, что мастер Берт увидит в своей жизни. В лучшем случае.

А в худшем это будет убогая негритянская деревня и зубчатые пальмовые листья, блестящие под дождем. Вот что нагоняло на него тоску.

— Подумать только, — произнес он в сердцах, — я ведь мог ее остановить! Я, один во всем свете, мог избавить мир от этой ядовитой твари...

О ком он говорит? Неужели о Красной Гиене? Может быть, от тоски и многолетнего пьянства мастер Берт повредился в уме? Невозможно поверить, чтобы ничтожный и жалкий неудачник имел когда-либо возможность уничтожить ту, что выстояла против британской колониальной армии. Ту, при одном упоминании о которой люди спешат спрятаться или сбежать подальше.

Поверить в такое невозможно, но это было чистой правдой.

Двадцать зим назад мастер Берт был настоящим красавцем. Помимо прочего, он сочетал в себе многие привлекательные качества, присущие авантюристам. Смелость, граничащая с безрассудством, душевная щедрость, легкость характера, веселая беззаботность — всего этого в нем было в избытке. Трижды ему приходилось отстаивать свою честь с оружием в руках и трижды он одержал победу в честных поединках. Это обстоятельство, конечно, прият-

но щекотало возбужденные нервы женщин, уделявших Берту сердечное внимание.

Конечно, у столь блестящего молодого человека имелись враги, но были и настоящие друзья. А ближайшим другом его много зим оставался знатный британский дворянин из рода Кьюссак. Вместе они пережили опасные и удивительные приключения, выстояли плечом к плечу против множества бедствий и, помогая друг другу, выбрались невредимыми из невероятных передряг.

Мастер Берт первым приехал в Бреккекуле. Поскольку в те времена цивилизация еще пыталась закрепиться на краю света, жизнь в этом местечке была веселой и интересной. Белые люди, осваивающие чужие земли, тянулись друг к другу. В Бреккекуле образовалось общество, с одной стороны весьма разношерстное, с другой — претендующее на светский тон. Забавно было видеть слугу в пышном камзоле с гербом среди коренных местных жителей, едва одетых. Еще забавнее выглядели убранства хижин, в которых поселились колонизаторы, — роскошная мебель под крышами из пальмовых листьев, драгоценные гобелены на тростниковых стенах, изысканная посуда из дорогого кхитайского фарфора, которую кухарки полоскали в мутной воде, кишащей крокодилами...

Разведчики-первопроходцы, обнаружившие это местечко, заподозрили неподалеку наличие золотоносной руды. Они не писали об этом в своих донесениях, но по секрету поделились подозрениями со своими знакомыми. Именно благодаря этим подозрениям и нашлось так много желающих обосноваться в Бреккекуле. Каждый занял себе участок земли по вкусу и не спеша копался там в надежде отыскать целое состояние.

«Золота здесь нет и никогда не будет, разве что к нам переедет жить какой-нибудь меняла или ростовщик, — писал мастер Берт лорду Кьюссаку. — А во всем остальном — презанятное место. Как раз для тех, кому нравится быть первым в деревне, а не вторым в королевстве. Приезжай, если хочешь».

И Кьюссак приехал. Причем, не один. За время разлуки с закадычным другом молодой лорд женился. Молодую супругу Кьюссака звали Камиллой. Ей было шестнадцать зим.

Избранному обществу Бреккекуле как раз не хватало новых впечатлений. Их покой охраняли лучники колониальных войск, да так старательно, что даже кровожадный Капа-бепе остерегался нападать на белых поселенцев, закусывая, как и прежде, исключительно коренными жителями. Посему прибытие молодоженов — событие само по себе не слишком значительное — было раздуто до масштабов государственного переворота. Общество разделилось на два лагеря, на мужчин и женщин. Дамы сообща принялись вздыхать по юному лорду, а мужчины провозгласили Камиллу драгоценным украшением Бреккекуле. Объяснить последнее можно двумя обстоятельствами. Во-первых, в поведении и облике Камиллы было много загадочного, что делает привлекательной даже некрасивую по обычным меркам женщину. А во-вторых, она все-таки была по-настоящему красивой...

Нравы в колониях отличались простотой и наивностью. Любовные приключения всякого рода не считались преступными и даже поощрялись легким одобрительным интересом. Ревнивые мужья или жены высмеивались безжалостно. Мастер Берт счел нужным предупредить об этом друга.

— Вздор, — отвечал на это лорд Кьюссак. — Моя жена сохранит мне верность не из страха передо мной. Она останется образцовой супругой просто потому, что любит меня.

Мастер Берт, услышав такое, лишь пожал плечами. Он знал о жизни больше своего друга, потому что вышел из низов, пробивая себе дорогу самостоятельно. «Нет уж, приятель, верные жены получаются только из женщин опытных и в прошлом весьма доступных, — думал он про себя, язвительно хихикая. — А девчонка, еще вчера игравшая в куклы, существо ненадежное. В этом возрасте они еще очень любопытны и капризничают время от времени. Что ж, посмотрим, как тебя украсят рогами!»

Берт ошибался. Он знавал много женщин и, казалось, хорошо их изучил. Но то были женщины одной породы — жадные до ласк, нечистые изнутри и исковерканные пороком. Общаясь с ними, Берт сделал вывод весьма скоропалительный. Он решил, что женщины таковы вообще все. Теперь, коротая время в ожидании судьбоносной удачи, мастер Берт наблюдал за женой друга, заранее готовый злорадно посмеяться.

Однако Камилла оказалась сделана из совершенно иного теста. Испытанные сердцееды Бреккекуле отступились, почувствовав с ее стороны ледяное равнодушие. Никому из них не удалось совратить супругу лорда Кьюссака. Мастер Берт сначала удивлялся, а потом начал раздражаться. «Врет, притворяется, — говорил он себе. — Выжидает момент. Осторожничает...»

Скоро выражение лица лорда Кьюссака уже вызывало у его лучшего друга лютую злобу. Ему казалось, что Кьюссак насмехается над ним, распираемый самодовольством.

Почему мастер Берт злился на друга, женившегося удачно и при том по любви? Потому что мастер Берт был страшно одинок, несмотря на свой оглушительный успех у женщин.

Загадочность Камиллы, странная, притягательная красота ее лица, привычка к одиноким прогулкам и задумчивому молчанию, а более всего — магнетический, чуть приглушенный блеск ее глаз делали ее непохожей на прочих женщин.

— Можно подумать, что ты женился на фее, — с нервным смешком сказал Берт Кьюссаку однажды.

— Ты недалек от истины, — отвечал лорд Кьюссак. — Прабабка Камиллы действительно была феей. Согласно семейному преданию, ее выкрали из лесных чертогов разбойники, а некий странствующий рыцарь отбил несчастную у негодяев и взял себе в жены.

— А колдовать она случайно не умеет? — спросил Берт. — Вот выйдет штука, если ты ее случайно рассердишь, а она превратит тебя, скажем, в осла.

Кьюссак смутился и решил переменить тему разговора. Мастер Берт искренне удивился.

«А что, если она и впрямь унаследовала большую часть крови своей прабабки? — думал он, возвращаясь домой под проливным дождем. — Действительно, лакомый кусочек эта Камилла».

Для мужчин определенного склада соблазнение замужней красавицы — удовольствие чрезвычайно сильное. А возможность, даже умозрительная, осквернить блудом прекрасную фею, в одночасье свела Берта с ума. Ночами он не спал — погружался в сладострастные грезы, как в одурманивающий дым.

Могущество феи имеет оборотную сторону. В отличие от людей эти дивные существа вынуждены подчиняться особым законам. Именно из-за этих законов, древних и нерушимых, человек иногда получает над феей полную власть. Мастер Берт слышал об этом еще в детстве. Какое-то время остатки человеческой порядочности сопротивлялись в нем всепожирающей похоти.

Но похоть оказалась сильнее. Однажды Берт ушел вверх по реке, в местечко Л'баса, где жил шаман Куле-Куле, весьма авторитетный среди многих племен. Куле-Куле был стар. Волосы на голове он красил красной глиной, а лицо мазал желтой, рисуя на щеках волнистые линии и круги. В тот день у него было скверное настроение. Он лепил из пчелиного воска фигурки людей и бросал их в огонь. Фигурки корчились и исчезали.

— Что ты делаешь? — спросил шамана изумленный Берт.

— Убиваю тех, кто мне не нравится. Таких много, — мрачно отвечал Куле-Куле.

— Послушай, старик, — сказал мастер Берт, — это, конечно, важное занятие, но не мог бы ты отвлечься от него на некоторое время?

Куле-Куле замычал, забормотал, покряхтывая и качая головой. Его узловатые пальцы терзали комочек воска, вылепляя очередную фигурку. Берт взглянул на нее и похолодел — фигурка была вылитый он.

— Я тебе тоже не нравлюсь? — храбрясь, спросил мастер Берт.

Старик не отвечал. Он поднес фигурку к огню. Берт едва не вскрикнул от накатившего ужаса. У него закружилась голова. Но шаман не собирался убивать Берта. Он попросту наслаждался его страхом.

— Хватит, — взмолился Берт. — Я уйду и больше не потревожу тебя.

— Не бойся, — сказал старик. — Говори, что тебе нужно.

Берт только собрался открыть рот, как из лесных зарослей, кружась в воздухе, вылетело отвратительное на вид существо с перепончатыми кожистыми крыльями и длинной пастью, из которой торчали тонкие, устрашающе острые зубы. Размерами оно не превышало обычную ворону.

Существо опустилось прямо на голое коричневое плечо колдуна, сжав его крючковатыми когтями. Склонив голову набок, оно посмотрело на мастера Берта без особого интереса. Потом глаза страшилища затянуло мутной пленкой. Существо завернулось в крылья и застыло, сделалось похоже на уродливый древесный нарост. От него пахло гнилым мясом.

— Мне нужна власть над одной женщиной, — давясь словами, проговорил Берт.

Старик неожиданно хихикнул.

— Это необычная женщина, — торопясь, пояснил Берт. — Она — потомок фей. Ты знаешь о феях?

Шаман молчал. Его лицо ничего не выражало.

— Это древняя раса. Они были раньше, чем люди. И даже раньше, чем многие духи...

— Зачем тебе фея? — перебил его старик. — Хочешь делать с ней буки-пуки?

— Это касается одного меня, — сказал мастер Берт. Восковая фигурка была далеко от огня, и он чувствовал в себе достаточно храбрости, чтобы рассердиться.

— Ты готов заплатить? — спросил шаман.

— Все, что угодно. Но ведь ты, как и люди твоего племени, не ценишь золота. Чего тебе нужно? Моя душа?

— Проку мне от твоей души, — закряхтел, поднимаясь, старик. — Приведи мне толстую, большую свинью.

Через два дня мастер Берт привел на веревке свинью. Шаман Куле-Куле сидел на прежнем месте. Кожистокрылое страшилище по-прежнему сидело на его плече — возможно, оно и не покидало его все это время. Лоснящаяся спина старика была изукрашена зеленоватыми потеками помета.

— Привяжи свинью к дереву, — распорядился Куле-Куле. В руках его опять находилась восковая фигурка, в которой Берт узнал себя с прежним ужасом. Но на этот раз старик не приближал фигурку к огню — он оглаживал, ощупывал ее пальцами, словно слепой.

Мастер Берт исполнил его приказание и, подавляя страх и отвращение, присел рядом на корточки.

— Разгреби угли, — велел шаман. — Голыми руками.

Помедлив немного, Берт зашипел сквозь зубы, предвосхищая боль, зажмурился и погрузил ладони в рдеющее кострище. К его удивлению, он не почувствоваал жара, напротив — ему показалось, что он шарит в ледяной воде. Его пальцы натолкнулись на что-то твердое, на ощупь металлическое. Берт схватил этот предмет и вытащил его рывком.

— Он не укусит, — сказал старик, насмешливо сморщившись, отчего глина на его лице вся пошла трещинами.

На ладонях Берта лежал плоский прямоугольный слиток серебра, в центре которого был виден вплавленный кусок бирюзы неправильной формы.

— Что это? — спросил Берт.

— Я не помню, как это называется, — отвечал Куле-Куле. — Какая разница? Белые любят названия. Но если я назову эту свинью крокодилом, а потом съем ее — на вкус она все равно останется как свинья.

— Что с этим делать?

— Носить при себе. Даже когда будешь делать буки-пуки с этой твоей... это должно быть рядом.

— И все? — Берт почувствовал себя обманутым.

— Если не поможет, заходи снова, — старик зевнул и потерял к беседе всякий интерес.

Берт встал и отошел на два шага. Куле-Куле вызывал в нем острейшее омерзение. К тому же он вдруг ощутил, как по его телу шарят скрюченные пальцы шамана, липкие и противно-теплые.

«Он опасен, — подумал Берт. — Он может разболтать. Или начнет вымогать у меня еду. Знаю я этих чернозадых... Болтает по-британски свободно, без акцента. Вот и разболтает. Кто его знает?»

Неожиданно для самого себя мастер Берт выхватил короткий легкий меч, подошел к шаману и вонзил клинок в блестящую спину, измазанную пометом.

Куле-Куле умер без звука. Он только скрючился, подобрал под себя ноги и упал набок. Крылатая тварь, сидевшая у него на плече, испустила тоскливый вопль, соскочилан а землю, а затем схватила зубастой пастью восковую фигурку, выпавшую из дергающихся пальцев. Она расправила крылья, оттолкнулась ими от земли и, прежде чем Берт успел что-либо предпринять, улетела прочь.

От сильного приступа ужаса Берт похолодел и повалился рядом со своей жертвой. Сердце неистово колотилось в его груди. Но ничего не произошло. Возможно, только убитый Куле-Куле имел власть над восковыми фигурками, а может, все это вообще только шаманские фокусы, рассчитанные на слабонервных белых и трусливых черномазых...

Вернувшись в Бреккекуле, Берт решил ничего не предпринимать. Он трусил. Кроме того, ему было тошно. Раньше он никогда не убивал ударом в спину. Мысль о прекрасной Камилле больше не занимали его ума. Берт словно оцепенел. Именно тогда он и напился до бесчувственного состояния первый раз в жизни. Это принесло облегчение до следующего утра.

Несколько дней он никуда не выходил, отклоняя все приглашения. Как раз начинался сезон дождей, так что слякотно было не только у него на душе. И вот в ненастный, насквозь мокрый вечер молодой лорд Кьюссак буквально ворвался к нему в сруб. Он был бледен, руки его тряслись.

— Камилла исчезла! — сказал Кьюссак. — Ушла вчера побродить по округе и пропала! О боги! Что мне делать?

— Надо собирать людей для поисков, — произнес мастер Берт. — Прочесать джунгли... Она могла просто-напросто заблудиться.

— Нет, здесь не то, — пробормотал лорд Кьюссак. — Поверь мне. Последние дни она была сама не своя. Плакала без всякой причины, не сказала со мной и двух слов. Почти не ела... Вдруг я обидел ее чем-то?

Берт выглянул за дверь. Ветер заставлял дождевые струи изгибаться и нес повсюду холодную мокрую пыльцу.

— Я не выдержу, я сойду с ума, — сказал Кьюссак и уснул, сидя за столом.

Конечно, мастер Берт сделал все возможное, чтобы помочь другу. Он собрал людей и повел их на поиски, оставив Кьюссака в горячке на руках у туземных слуг. Поисковый отряд, состоящий из людей, втайне довольных хоть каким-то приключением, воодушевленно месил грязь. В конце концов на берегу реки была обнаружена одежда, опознанная как платье Кммиллы. Посетовав для приличия, все разошлись по домам.

Камилла ожидала Берта в его срубе. Во дворе под дождем, лежали тела убитых слуг. Лорд Кьюссак с перекушенным горлом давно уже окоченел в гамаке.

— Боги милосердия! — выдохнул Берт. — Что это значит?

— Я пришла к тебе, повелитель, — сказала Камилла, проводя рукой по своему обнаженному бедру. — Я могу принадлежать только тебе.

— Ты убила своего мужа!

— Он — просто смертный, — Камилла улыбнулась. На ее губах была корка из засохшей крови. — Он все равно бы умер. Так или иначе.

— Но ведь и я — простой смертный, — сказал мастер Берт, стараясь говорить спокойным голосом, однако волосы на его голове стояли дыбом.

— У тебя амулет, — молвила Камилла. — Ты владеешь мной. Это сильнее всего. А этот бедняга хотел мне помешать.

— Уходи! — воскликнул Берт. — Убирайся, пока я не сдал тебя властям!

— Далеко я не уйду, — проговорила Камилла, облизнув губы. — Все равно буду рядом.

— Тебя повесят!

— Кто? Эти трусы? О нет, мой повелитель! Они не осилят меня. Лучше им и не пробовать. А вот ты можешь только приказать мне, и я сама полезу в петлю...

Произнося эти слова, Камилла приближалась к Берту, незаметно, неуловимо... В ее движениях ощущалась гибкая пластика хищного зверя, а глаза источали серебристый свет с голубоватым отливом, словно в них отражалась луна.

— Ну? Прикажи! — Она рассмеялась, заглядывая ему в глаза. Потом положила руку ему на грудь, и Берт вскрикнул, обожженный холодом.

— Ты — сумасшедшая! — восклицал он, отстраняясь. — Я не хочу!.. Уходи!

При этом он пятился, пытаясь забиться в угол комнаты. Теперь его страх перешел в категорию самых постыдных — остро болел живот, и хотелось выбежать во двор.

— Ты действительно хочешь, чтобы я ушла? — удивленно произнесла Камилла. — После того, что мы оба сделали?

— «Мы»? — взвизгнул Берт. — Я ничего не делал! Это ты, ты одна...

Камилла внезапно ощерилась. Черты ее прекрасного лица преобразились. Теперь уже не фея, а демоница из преисподней стояла перед Бертом.

— Дважды подлец, дважды предатель! — завыла она. — Отдай талисман! Ты недостоин владеть такой вещью.

Мастер Берт едва не сделал самую большую глупость в своей жизни. Он потянулся рукой к потайному карману, в котором хранился серебряный талисман. «Пусть подавится им!» — подумал он. Но в то же мгновение ему вспомнились слова Куле-Куле о том, что талисман всегда должен оставаться при нем. И он отдернул руку.

Камилла затряслась от ярости. Она клацала зубами и скалилась, ее красивое тело, лишенное покровов, изгибалось, словно в конвульсиях. Сердце мастера Берта готово было разорваться в любое мгновение. Кто знает, если бы соседи не увидели перед домом убитых слуг и не захотел бы узнать, в чем дело, — пережил бы он это зрелище?

Входная дверь оставалась открытой. Когда в проеме показались мокрые от дождя человеческие фигуры, преображенная Камилла подскочила на месте, как испуганный леопард. Она бросилась прямо на вошедших, сбила их с ног, не останавливаясь, пробежала через двор, легко перепрыгнула покосившийся частокол и сиганула в реку.

— Что это было, мастер Берт? — спросил один из соседей. — Какое-то животное?

Берт не ответил. Сознание покинуло его.

Долго, очень долго не было о Камилле никаких известий. Мастер Берт от души надеялся, что она погибла в реке, утащенная на дно крокодилом... За минувшие зимы он очень постарел. Впрочем, время никого и ничего не щадит. Бреккекуле опустел. Белые колонисты разъехались кто куда. Кто отправился домой, сытый чужбиной по горло, кто перебрался поближе к крупным городам переселенцев. Почему же остался Берт? Он и сам этого точно не знал. Сначала его удерживала какая-то неопределенная сила, а потом он погрузился в пьянство и равнодушие.

Конечно, он знал, кто такая Красная Гиена на самом деле. Конечно, он видел и не раз, как ее безжалостные воины вместе с нею отправлялись на грабеж и убийства. И еще он знал, что между ней и им сохранилась прочная связь... Каждое новолуние, когда тоска доводила его до умоисступления, он пробирался на берег реки. А на противоположном берегу, еле видная, возникала ее фигура. Каким-то образом Берт чувствовал, что зимы не покусились на красоту этого обезумевшего создания. Он жадно высматривал ее силуэт, скользивший между стеблями тростника, трясся и плакал. А она начинала выть страшным, звериным голосом...

* * *

— Это растение называется «зонтоцветный репеевидный укроп»! — произнес лорд Чапинг и показал своим спутникам мокрый пучок травы.

— Ну и что? — мрачно спросил Конан. — Его едят? Все равно я не согласен питаться этим укропом... Попробую лучше наловить рыбы. Правда, есть ее придется сырой. Моя трутница осырела совершенно.

— У этого растения особый, терпкий запах, — продолжал лорд Чапинг не моргнув глазом. — В обычной ситуации он показался бы мне чересчур резким. Но сейчас в нем — спасение нашей экспедиции. Дело в том, что москиты совершенно не выносят этого запаха. Если мы вооружимся связками зонтоцветного репеевидного, то сможем пробраться глубже в джунгли. Иначе мы не сумеем поймать ип-туипа.

Конан ухмыльнулся. Определенно, ему нравились эти люди. Другие на их месте по-другому бы трактовали «спасение экспедиции», то есть постарались бы как можно скорее вернуться в лагерь, подальше от опасностей.

— А что мы будем делать с черномазым? — поинтересовался лорд Эйворс. — Не можем же мы попросту бросить его здесь. По реке уже довольно давно фланирует взад-вперед здоровенный крокодил и косится на глупого негра с большим аппетитом.

— Да уж, британский лорд никогда не оставит своего наемного рабочего на съедение гаду, будь то крокодил или податной чиновник, — сказал Дейл. — Он предпочтет съесть его сам... Но тащить его на себе тоже не годится. Придется мне остаться с ним.

— А если на вас наткнутся люди Красной Гиены? — варвар покачал головой. — Не будет ни единого шанса спастись. Надо переправить его за реку.

— И я даже догадываюсь — как, — веско произнес Чапинг. — Следите за моей мыслью, друзья. Совершенно ясно, что головорезы, живущие в джунглях, пользуются лодками для того, чтобы форсировать реку. Сомнительной кажется мысль, что они уносят эти лодки в свое логово. Вывод — лодки спрятаны где-то на берегу.

— Блестяще! — высказался Эйворс. — Как же мы их отыщем? Эти разбойники невероятно хитры.

— То, что тщательно спрятано, всегда можно отыскать, — изрек киммериец. Он сидел на стволе поваленной пальцы, погрузившись в раздумья, но слова лорда Чапинга неожиданно натолкнули его на остроумную мысль. — Гораздо сложнее отыскать то, что лежит прямо под носом. А ну-ка, пособите мне! Нужно перевернуть это бревно.

— Зачем? — удивился лорд Дейл.

Вместо ответа Конан стукнул кулаком по шершавой древесной поверхности. Ствол дерева неожиданно загудел, как пустая бочка. Больше ни у кого вопросов не возникало. Толстое бревно освободили из песка, в котором оно крепко увязло, перевернули и... обнаружили, что это самая настоящая лодка-долбенка, сделанная без особого искусства, но надежно и добротно. Нашлись также и весла. Конан осмотрелся по сторонам. На песчаной косе подобных «бревен» обнаружилось еще шесть. Целая флотилия. И это наверняка не единственная. Где-то спрятаны еще.

— А почему Красная Гиена до сих пор не стерла Бреккекуле с лица земли? — Этот вопрос не давал лорду Дейлу покоя уже полдня. — Не значит ли это, что тот пьяница из сруба — ее сообщник?

— Я бы не удивился, узнав, что это так, — мрачно произнес варвар и сплюнул на песок. — Кто поплывет через реку?

— Течение слабое, — молвил Эйворс. — Справится и один гребец.

Все посмотрели на него.

— Ну, я поплыву, — согласился он. — Поскольку я самый младший и все такое. Ладно. Попробую исцелить эту человеческую развалину.

«Развалина» тихонько застонала. Конан уже успел заметить, что Нгора пришел в себя, только не подает вида. Да и опухоль на его колене заметно спала. Когда Нгору перекладывали в лодку, спущенную на воду, он стонал и двигал бровями. Эйворс оттолкнулся веслом от берега, и лодка тихо заскользила по реке, вздувшейся от дождя.

Лорд Чапинг нарезал ножом огромные пучки зонтоцветного укропа, звероловы обвешались ими и ступили под густой полог леса.

Москиты все еще караулили их, но, как и предсказывал лорд Чапинг, запах растения укротил ярость этих кровососов. Некоторое время они летели вслед за путниками, противно гундося, а потом отстали совсем.

Теперь звероловы проявляли чудеса осторожности, внимательно смотрели по сторонам и себе под ноги. Миновав место, в котором ранее лорд Чапинг попался в ловушку, они подобрали кое-что из брошенного снаряжения и пошли еще медленнее.

— Ого! — воскликнул Дейл, остановившись вдруг. — Вы только посмотрите!

Над поляной покачивался огромный цветок размером с одноместный шатер. Он висел на толстом упругом стебле чашечкой вниз. Его пунцовые лепестки были покрыты длинными волосками, на которых каплями блестела влага. Под ними, на сырой лесной подстилке белели кости какого-то животного.

— Что это? — спросил Конан. — Тюльпан-переросток?

— Гораздо интереснее! — усмехнулся лорд Дейл. — Позволь-ка взять твой плащ ненадолго. Я кое-что покажу.

Недоумевая, варвар расстегнул пряжку и протянул свой видавший виды плащ зверолову. Тот скатал его в колобок и недолго думая запустил им, целясь в нижние края лепестков. В тот же миг цветок будто ожил. Тугие лепестки сомкнулись, поймав плащ в воздухе, и втянули его внутрь чашки цветка. Огромный бутон еще какое-то время подрагивал, а потом затих.

— Очень интересно, — фыркнул киммериец. — Это живой капкан!

— Совершенно верно! — просиял Дейл. — Точно такие цветы, только во много раз меньше, произрастают здесь во множестве. Питаются они разными насекомыми. А этот великан совсем недавно сожрал, как мы видим, целого кабана.

— Судя по костям, — вставил Чапинг.

Внезапно цветок раскрылся, и плащ выпал из него, словно его выплюнула чья-то разочарованая пасть. После этого хищный цветок неожиданно поднялся высоко вверх — стебель вытянул его, сокращаясь и подрагивая.

— Следует посматривать, что у нас над головами, — заметил лорд Дейл. — В любой миг можно ждать атаки плотоядного растения.

— Пакость какая! — поморщился варвар. — А почему эти цветочки кормятся мясом?

Продолжая прерванный было путь, Дейл пояснял:

— Растения питаются тем, что находится в земле. В том числе и плотью, каковая плоть, разложившись, превращается в удобрение. Но здесь от сугубой влажности все разлагается слишком быстро. Почва бедна. Вот растения и ищут, чем бы поживиться. В общем-то их можно понять...

Звероловы углубились в джунгли. Тропа, протоптанная Капа-бепе, привела их к логовищу этого чудовища. К счастью, оно пустовало. Это была глубокая яма, наполовину наполненная дождевой водой.

— Интересно, скоро эта тварь вернется домой? — поинтересовался варвар. — Смотрите-ка, а вот и его последний ужин... — С этими словами Конан поднял с земли человеческую голову, откушенную от остального тела, которого, кстати сказать, нигде поблизости не обнаружилось.

— Любопытно, кто был этот бедняга? — произнес Чапинг, осматривая страшную находку. — Он не похож на здешних негров.

— Это воин из племени севап-севапов, — сказал Конан. — Видите татуировку на лбу? Круг с точкой — знак луны. Они считают себя потомками лунных жителей.

— А что ты еще можешь сказать? — удивленно спросил лорд Дейл.

— Зверь схватил его, когда тот спал. Утром севапы наносят на щеки раскраску — пасту из листьев молочая. Смывают ее только на ночь. У этого лицо чистое, — пояснил киммериец и бросил голову обратно, на лесную подстилку.

— Ну и что? — флегматично пожал плечами Чапинг.

— Отсюда в глубь леса ведет еще одна тропа, — сказал Конан. — Ее также протоптал Капа-бепе, когда ходил на охоту. Она приведет нас к лагерю Красной Гиены.

— Пойми нас правильно, — молвил Чапинг, — мы вовсе не трусы, но схватка с разбойниками совершенно нам ни к чему. Мы должны найти ип-туипа, а также и еще каких-нибудь представителей здешнего животного мира.

— Дай мне арбалет, — тихо сказал варвар.

Британец сделал удивленное лицо.

— Медленно и осторожно заряди его стрелой и дай мне, — не повышая голоса, повторил Конан. — Головами не вертите, все равно не увидите ничего.

Чапинг снова пожал плечами, но подчинился. Взяв из его рук арбалет, киммериец сделал два шага в сторону, всматриваясь в заросли перед собой, а потом неожиданно и быстро повернулся в другую сторону и выстрелил. Стрела исчезла где-то в сплошном сплетении лиан на высоте десяти локтей. Вдруг оттуда послышался сдавленный крик, и маленькое тельце выпало из ветвей, стукнувшись оземь.

— Зачем ты убил обезьянку? — лорд Дейл вздернул бровь, выражая глубокое осуждение бессмысленного убийства бессловесной твари.

— Затем, что это человек, — отрезал варвар. — Посмотри и убедишься сам.

— Наш импульсивный друг прав, — вмешался лорд Чапинг, осматривая убитое существо. — Это карлик. На нем набедренная повязка, а в кулаке три маленьких дротика. Обезьяны не носят набедренных повязок и не пользуются дротиками.

— Нам повезло, — бросил Конан. — Вообще-то я паршиво стреляю. Ну, теперь вам ясно, почему я хочу подобраться ко гнездилищу этого зла?

— Нет! — в один голос отвечали титулованные звероловы.

— Тогда я объясню, — Конан решил запастись терпением. — Весь лес кишит лазутчиками, разведчиками и дозорными Красной Гиены. Дважды мы избежали гибели. В следующий раз нам не повезет, если мы не предпримем ответных действий. Пока разбойники хозяйничают здесь, вам просто не позволят заниматься вашим делом. Теперь ясно?

Британцы переглянулись.

— Я всегда говорил, что ловля ип-туипа сопряжена с опасностями, — сказал лорд Чапинг после короткого раздумья. — Ну что ж... Если мы отступим, то это будет как-то не по-британски.

— Интересуюсь из чистого любопытства, — произнес Дейл, — каким именно образом мы победим целую армию?

— Для начала нужно из добычи превратиться в охотников, — решительно заявил Конан. — Вам же приходилось выслеживать крупных и опасных животных? С людьми получается точно так же...

* * *

Подручный Нгоры, Мкубе, с упоением рассказывал повесть о гибели белых господ. Таланта ему было не занимать — он извивался водяной змеей, весьма правдоподобно изображал Капа-бепе, потом к поеданию господ присоединились гривастые носороги, шипохвостые муравьеды и, конечно, москиты размером со слона каждый. Его слушали не только лапегу-наемники, но и жители деревни. Мастера Берта эта история не слишком занимала. Он полностью отдавал себе отчет в том, что черномазый сильно приукрашивает события — таковы уж у них обычаи. Если храбрый воин, убивший в последней схватке троих врагов, не расскажет, что убил три десятка и попутно раздавил босой ногой плюющуюся кобру, над ним будут смеяться.

Однако когда спасшийся лапегу произнес: «... и огромная крокодила хватать лорду Чапингу за живот...» — Берт навострил уши.

— Эй, эй! — воскликнул он. — Чапинга живьем проглотила змея, ты что, забыл?

Негры посмотрели на глупого белого с досадой. Влез, когда его не просили, испортил рассказ! Что взять с дурачка. Берт подергал себя за бороду. Он давно

уже догадался, что черномазый не просто приукрашивает — он безбожно лжет.

«Они живы-живехоньки, — подумал он. — Но с какой-то целью хотят убедить меня в обратном. Неужели варвар что-то раскопал против меня? Проклятье! А эти бритунцы, если останутся в живых, растрезвонят по всему свету... Донесут властям... И тогда меня точно повесят за пособничество Красной Гиене».

В воображении мастера Берта мигом нарисовался отряд колониальных стрелков, обступивший его сруб. Он даже представил весьма точно, на какой именно пальме будет веревка с петлей. Потом ему вспомнился другой отряд и хмурый юноша во главе его... Они ведь все погибли. По его, Берта, вине. Он предупредил Красную Гиену. Тогда он думал, что та уйдет, спрячется... Он не подозревал, что ее воины настолько искусны и победят целый отряд королевских колониальных войск.

Стараясь никому не попадаться на глаза, мастер Берт пробрался на берег, отвязал свою лодку и переплыл реку. Он знал короткую дорогу и все ловушки на ней. Так вышло, что ему удалось разминуться с лодкой, на которой переправлялись лорд эйворс и занемогший Нгора. К середине реки бритунцу надоело грести одному. Посмотрев на лапегу, тихо стонущего на дне лодки, Эйворс ощутил некое вдохновение и вскричал:

— О боги! За нами гонится водяная змея! Если бы здесь был еще один гребец, мы бы спаслись, но так — увы! — боюсь, один я не успею... Мы обречены!

Нгора ожил мгновенно.

— Давай моя весло, лорда! — сказал он. — Я тебе помогать-помогать, и мы спастись!

И негр заработал веслом, как сумасшедший, из-за чего лодка стала крутиться на месте — поскольку молодой лорд явно не успевал за своим новым напарником. Эйворсу пришлось поднажать, и он тихо ругал себя за не к месту проявленную изобретательность.

Тем временем в лагере царило нездоровое возбуждение.

— А кто нам платить! — кричали негры, обступая Мкубе. — Это твоя виноватая! Надо было спасать-спасать хоть бы одну лорду, у которой кошелек с деньги! Твоя растяпа, и мы будем тебя за это бить-бить.

Так они и поступили. Лорд Эйворс подоспел к самому разгару этого увлекательного действа. Каково же было удивление бритунского зверолова, когда, завидев его, негры с криками неподдельного ужаса разбежались в разные стороны! Даже побитый Мкубе, точно знавший, что не было никаких водяных змей, крокодилов и носорогов, тоже удрал, завывая от мистического страха.

— Проклятые дураки! — вскричал лорд Эйворс. — Что прикажешь с ними делать?

Он уложил Нгору в шатре, сделал ему компресс на ногу и плечо и выделил несколько глотков спиртного из своей фляги. Потом пошел в сруб, улегся в гамак и заснул крепким сном благополучного человека.

* * *

Перекрученные стволы деревьев, обвитые лианами и увешанные цветами кровавого цвета изображали собой колоннаду, обступившую обиталище Красной Гиены со всех сторон. Когда-то, очень давно, здесь был дворец. Что за царь обитал в нем? Каким народом он правил? Теперь этого никто и никогда не узнает. От дворца остались только стены, да и тех не было видно из-за густой вьющейся растительности.

Вокруг дворца витала особая тишина, возможная только в глухом лесу, – наполненная жизнью деревьев, их листвы и корней.

Воины Красной Гиены, ходившие дозором, скользили между деревьев бесшумными, причудливо окрашенными тенями. Изредка резким пронзительным голосом вскрикивала ночная птица. Мириады светляков источали призрачное зеленоватое мерцание. Здесь дождь совсем не ощущался, только еще гуще была влажная духота — она облепляла тело, подобно мокрой простыне.

Истерзанный страхами, исцарапанный колючими ветвями, заляпанный грязью, мастер Берт стоял на коленях перед входом во дворец. В этой духоте ему трудно было дышать.

От дворца исходил свет, но, увидев его во тьме чащобы, случайный путник не испытал бы радости. Напротив, он постарался бы убраться как можно дальше. Свет этот наводил на мысль о блуждающих огнях далекого севера, что заводят путешественника в самое сердце болота и предательски гаснут, оставляя несчастного в полном мраке и безысходности.

Берт, ощущая кожей лица мертвенные, бледно-синие лучи, чувствовал, как они высасывают из него жизненные силы. От ядовитых испарений, наполнявших воздух, у него кружилась голова.

Время от времени он как будто прозревал — ему становилось ясно, что от сонмища мелких, сомнительных страхов, порожденных его собственным воображением, он сам, добровольно, бежал в гнездилище страха огромного, воплощенного, всепожирающего... В эти мгновения ему хотелось вскочить на ноги и мчаться прочь без оглядки. Неминуемая смерть в глухом лесу казалась чем-то желанным и простым.

Но уйти он не мог. Талисман в кармане его куртки подрагивал, как живой. Невидимая нить, связавшая Берта с чудовищем в обличьи прекрасной женщины, натянулась, словно тетива тугого лука. Почему-то вставал перед глазами убитый Куле-Куле, чьи кости давно уже истлели.

Даже само время тянулось здесь мучительно вяло, словно и оно отсырело, превратившись в тягучую массу. Но мастер Берт точно знал — Камилла выйдет к нему. У нее просто нет способа избежать этого. Она не сможет приказать своим людям убить его, пока при нем талисман. И сама Камилла тоже понимает это. Ух, и злится же она сейчас! Корчится на своем ложе, оплетенном лианами, от ярости...

В недрах дворца произошло какое-то движение. Затем послышались легкие шелестящие шаги... Красная Гиена, повелительница душной ночи, предстала перед мастером Бертом.

«Все-таки она давно уже не человек», — подумал он, вглядевшись в черты ее лица. То была безжизненная маска безупречной красоты, от которой делалось страшно.

Голубое синяие окутывало ее фигуру. На Камилле была прозрачная накидка, ниспадавшая до самой земли. Светящиеся насекомые шевелились в складках ее одеяния. В волосах Камиллы трепетали лепестки живых цветов, точно женские губы, алчущие поцелуя, цена которому — смерть.

— Что тебе нужно? — спросила она, и голос ее прозвучал неожиданно глухо. — Спустя столько зим ты захотел моей любви? Жалкий смертный...

— Когда-то ты назвала меня своим повелителем, — произнес Берт. Он почувствовал, что Красная Гиена — безжалостное, смертоносное существо, наводящее ужас на людей, странным образом уязвима. Еще он почувствовал, что она страдает. И это придало ему храбрости.

— Повелителем? — пробормотала Камилла, словно вспоминая о чем-то. — Это было так давно...

— Ты врешь, — сказал Берт. — Время не имеет для тебя никакого значения. Ты же фея.

— Я была феей, — ответила она с болью в голосе. — Пока ты не обзавелся этим проклятым амулетом.

— Вот как? — Берт ухмыльнулся. — Его власть над тобой, кажется, все еще достаточно велика.

— Ты втянул меня во тьму, — сказала Камилла. — А потом побоялся совершить поступок... Почему?

— Почему я не приказал тебе удавиться над телом убитого тобой лорда Кьюссака? — Берт пожал плечами. — Какое это имеет значение теперь?

— В тот вечер я еще оставалась собой. Но после...

— Что ты несешь? — Мастер Берт храбрел все больше. У него появилась возможность отомстить Красной Гиене за все перенесенные им страхи. Еще он удивлялся, почему не сделал этого раньше. Да ведь он, пьяница-неудачник, может управлять целой армией беспощадных разбойников, не ведающих страха, богатеть от их кровавого ремесла и при этом вечно оставаться в тени!

— В ту ночь я умерла, — тихо молвила камилла. — Мое тело стало землей и водой. А моя душа тонула все глубже в кипящей, огненной трясине... Потом я возродилась. Теперь моя плоть — стебли лиан, моя кровь — зеленый сок... Я ненавижу вас всех, люди! Что вы сделали со мной?

— Я все-то хотел переспать с тобой и натянуть нос твоему муженьку, — ответил Берт. — Ладно. Вечер воспоминаний закончен. Слушай — по округе шляются белые люди. Сделай так, чтобы они погибли.

— Опять колониальные стрелки? — спросила Гиена, и глаза ее вспыхнули жаждой убийства.

— На этот раз — нет, — Берт презрительно поморщился. — Какие-то бестолковатые звероловы, а с ними — дылда северянин. Он что-то заподозрил. Он опасен. Очень опасен. У него лицо... безжалостного убийцы!

Гиена заглянула прямо в глаза мастеру Берту и расхохоталась судорожным злым смехом. Казалось, что ее тело сотрясают предсмертные конвульсии.

— Я приказываю тебе покончить с ними! — рявкнул Берт. — Слышишь? А теперь я уйду, — произнес он севшим голосом. — Талисман у меня, у меня. Вот он...

— Не показывай! — взвизгнула Гиена. В ее позе было что-то от испуганного зверя. — Не надо!

— В самом деле? — Мастер Берт извлек талисман из кармана и несколько раз подбросил его на ладони.

Красная Гиена испустила протяжный вопль и пала на колени. Блеск серебра словно обжигал ее.

Мастер Берт усмехнулся и пошел прочь.

* * *

— Ну, вы все видели? — спросил Конан у своих спутников.

Те ничего не отвечали. Наконец лорд дейл отер лоб и произнес:

— Уф! Но я кое-чего не понимаю! Если этот пьянчуга обладает властью над предводительницей разбойников, почему, в таком случае, он не живет с нею во дворце? Почему не пользуется своим могуществом, а вместо этого прозябает в какой-то дыре?

— Потому что он трус, — молвил варвар. — Причем, из худшей разновидности трусов. Он боится не смерти, а зла, которое сам сотворил когда-то.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался Чапинг.

— Ты слышал то же, что и я, — пожал плечами киммериец.

На тех, кто был с ним знаком лишь поверхностно, Конан производил впечатление тугодума, которому привычнее махать мечом, чем соображать. Справедливости ради надо отметить, что отчасти так оно и было. Но в тех случаях, когда действительно требовалось поразмыслить, ум варвара работал безупречно. К тому же, он никогда не переставал наблюдать за людьми, и это не раз пригождалось ему в жзни, полной невероятных и опасных приключений. А в тех случаях, когда мозг буксовал, Конана выручала дикарская интуиция и природная мудрость. Он четко знал, что есть зло, и не был склонен искать ему оправдания. Это врожденное свойство нередко помогало киммерийцу сделать правильный вывод из увиденного и услышанного.

— Отлично, — произнес Дейл. — Что же мы будем делать дальше? Проникнем в развалины и захватим эту жуткую особу?

— Для этого нас слишком много, — возразил Чапинг. — А для того, чтобы взять ее штурмом, слишком мало. Я предлагаю следующее: давайте догоним негодяя и отберем у него талисман.

— С этим негодяем неплохо бы потолковать по душам, — согласился варвар. — Идем. Он не успел уйти слишком далеко!

Крадучись, друзья направились следом за мастером Бертом.

Они уже успели разведать, что ночью дозор обходит только небольшую территорию вокруг развалин древнего дворца. Кроме того, довольно быстро звероловы научились распознавать хитроумные ловушки, расставленные по всему лесу на много лиг вокруг. Что касается варвара, чье зрение позволяло ему ориентироваться в темноте, то он вполне освоился в ночных джунглях.

Скоро путники добрались до небольшого ручья, который неторопливо струился по направлению к реке, чтобы смешать свои чистые воды с ее мутными. Берт, спотыкаясь и ругаясь вполголоса, брел по берегу.

Страх вернулся к нему. Амулет больше не казался надежной защитой от ужасов, которые несли миру подручные Красной Гиены. Мастер Берт осознал, что, когда придет время, Гиена найдет способ поквитаться с ним. Проклятый Куле-Куле! Чтоб ему вечно гореть в преисподней! Чтоб зловонные демоны вечно рвали его душу своими тупыми клыками! Из-за отвратительного шамана он, Берт, вляпался по самые уши. Если он выбросит талисман, Гиена убьет его. Если оставит при себе — будет вечно прикован незримой цепью к этому кошмарному месту!

Мастер Берт волочил ноги, пробираясь по раскисшему берегу ручья, и не подозревал, что люди, которых он трусливо обрек на смерть, идут за ним след в след. Не знал он также о том, что ждет его впереди.

* * *

Много зим кряду Красная Гиена изобретала наилучший способ избавиться от Берта и заполучить талисман в свои руки. Однажды на крыльцо ее дворца опустился крылатый ящер — их немного водилось в этих краях, и Камилла с интересом рассмотрела нежданного гостя. Ящеры вообще завораживали ее — она находила их совершенными орудиями убийства. Все дикие хищники, покрытые шерстью, с теплой кровью в жилах, слишком близки к людям — из одного мира с ними. А ящеры, выжившие после мировых катаклизмов, ровесники погибших цивилизаций Лемурии и Атлантиды, сохранившиеся с незапамятных времен, — те были совершенно другими. Камилла ощущала свое глубинное родство с ними.

Крылатый ящер немного потоптался по каменному, растрескавшемуся крыльцу, потом посмотрел Камилле в лицо, испустил тоскливый крик и отрыгнул прямо ей под ноги что-то, напоминающее детскую игрушку. После этого ящер спрятал голову под кожистое крыло, повалился набок и издох.

Камилла не верила своим глазам. Перед ней лежала восковая фигурка, изрядно помятая, исковерканная, но тем не менее она сразу догадалась, кого эта фигурка изображает. Узловатые пальцы старого шамана могли творить чудеса даже после смерти. Сходство не было портретным, однако старик уловил об-

личье внутренней сущности мастера Берта и вложил слепок с нее в свое жуткое творение. Поэтому Камилла сразу узнала эту душу — завистливую, мелочную, снедаемую страстным желанием любить и не менее сильным ужасом перед настоящим, глубоким и искренним чувством. Все это она ощущала в самом Берте, но фигурка передавала сходство гораздо ярче.

Красная Гиена не колебалась. Она знала, что силы зла, которым она служила много зим, посылают ей долгожданную помощь. Скоро она будет свободна! Красная Гиена положила фигурку на землю и принялась кружить вокруг нее в странном, завораживающем танце. Ее губы чуть шевелились, а из горла вылетало странное, тягучее пение. Заклинание как будто обволакивало восковой слепок с души поработителя Камиллы.

Затем она остановилась и поманила пальцем одного из своих мбембе, что наблюдал за диковинной пляской госпожи, чуть раскрыв рот и выпучив большие круглые глаза.

— Подойди, — велела раскрашенному воину Красная Гиена. И когда он повиновался, указала пальцем себе под ноги. — Встань на колени.

Молниеносным движением Гиена перерезала ему горло, и кровь хлынула на статуэтку. Против ожидания, кровь не растеклась по гладкому воску и листьям, но впиталась в тело фигурки, и она стала красной, набухшей, точно губка. Громко смеясь, Камилла подняла ее и побежала в чащу.

— Капа-бепе! — кричала она. — Капа-бепе! Смотри, у меня есть для тебя угощение! Капа-бепе! Съешь мое угощение!

Она знала, что чудовище не понимает ее слов, но знала также и другое: с этим монстром, порождением здешних влажных джунглей, родины всех злокачественных лихорадок, у нее есть нечто общее, и он чует ее призыв, точно резкий, заманчивый запах.

И вскоре в джунглях зашумело. Сквозь густые заросли продиралось огромное существо. Оно пыхтело и сопело, а время от времени из его чрева вырывалось громкое рычание.

— Капа-бепе! — заверещала Красная Гиена и высоко подняла над головой статуэтку. — Ешь!

Статуэтка взлетела в воздух. Тотчас из кустов, оплетенных лианами, высунулась гигантская пасть, и фигурка провалилась в нее. Пасть захлопнулась, и утроброе ворчание огласило лес. Красная Гиена пронзительно засмеялась и бросилась бежать. Ее прекрасные длинные ноги легко выбирали путь среди зарослей. Чудовище ворочалось далеко позади нее. Оно осмысляло случившееся — точнее, переваривало его.

Постепенно в крошечном мозгу зверя нарисовался образ его желанной добычи. Тяжело переваливаясь с боку на бок, капа-бепе двинулся к реке. Теперь он точно знал, кого именно хочет сожрать.

Хочет? Жаждет! Он попросту не сможет жить, если не поглотит того, о ком теперь узнал как о чем-то сладком, питательном, мясистом... Образ мастера Берта заполонил все ощущения монстра. Капа-бепе ломился за тем, что было

его собственность по древнему, непреложному праву. Добыча принадлежит хищнику — таков закон, и никто не в силах нарушить этот закон.

Многие считают капа-бепе рептилией, полагая, что все зло мира обычно воплощается в змеях. Однако это мнение глубоко ошибочно, и будь здесь лорд Чапинг, он развил бы сию мысль глубоко, доказательно и остроумно, ссылаясь на наблюдения натуралистов и описания очевидцев. Эта тварь — земноводное, похожее на огромную жабу. Иногда оно плавает в воде, уподобляясь бегемоту, иногда передвигается по суше, подпрыгивая, как это делают все лягушки. Но у него имеются зачатки сознания, и оно в состоянии ходить на двух задних ногах.

Бесшумный и смертоносный, капа-бепе выследил мастера Берта на берегу. Когда тот уже собирался взять лодку, чтобы переправиться на противоположный берег, к своему срубу и гамаку, внезапно перед ним появилась чудовищная голова с двумя выпученными зелеными глазами. Грубая влажная коричневая кожа существа была покрыта жесткими бородавками. Зубастая пасть чуть приоткрылась, из ее вырывалось тяжелое зловонное дыхание.

— Капа-бепе! — вскричал мастер Берт, озираясь по сторонам — как будто рядом мог оказаться кто-то, кто ему бы помог. — Боги, это возмездие!

Сколько зим он жил в этих краях, счастливо избегая встреч с чудовищем, которого боялись все окрестные негры! И вот оно выскочило прямо перед ним. Спасения не было.

Мастер Берт метнулся обратно к джунглям в слабой надежде на то, что густое переплетение ветвей задержит монстра. Но тщетно! Массивное тело капа-бепе крушило любые преграды. Зверь неудержимо ломился за своей добычей. Белый человек обезумел от ужаса. Он метался и скакал из стороны в сторону, как кролик, и непрерывно кричал тонким, пронзительным голосом.

А затем крик оборвался. Капа-бепе схватил человека пастью поперек туловища и перекусил. Сладкая, столь желанная кровь наполнила рот монстра. Гигантские челюсти сделали еще несколько жевательных движений, и то, что осталось от мастера Берта, провалилось в желудок твари. Удовлетворенно рыгнув, капа-бепе углубился в джунгли.

* * *

Невольные зрители этой страшной смерти, Чапинг, Дейл и Конан следили за тем, как удаляется чудовище.

— Ни одно человеческое существо, даже самое падшее, не заслуживает подобной участи! — сказал лорд Дейл.

— Полагаю, ни одно человеческое существо, даже самое падшее, не имеет никакого права подвергать себя такому унижению, — возразил лорд Чапинг. — Это просто неподобающе! В любых обстоятельствах следует помнить о своем человеческом достоинстве! Вот мое мнение, если оно кого-то интересует.

— Гм, — сказал варвар.

Оба бритунца обернулись к нему.

— Если вас интересует мое мнение, — заговорил киммериец, — то нам следует пробраться к логову Красной Гиены и уничтожить наконец эту тварь.

— Кстати, — произнес лорд Чапинг, — верна ли наша догадка о том, что вашей истинной целью, уважаемый Конан, является вовсе не поиски ип-туипа, но охота на Красную Гиену?

— Верна, — буркнул Конан. — Мне обещали хорошо заплатить за ее голову.

— Вы намерены повезти ее голову в Бритунию? — изумился лорд Дейл. — Но как вы это сделаете? Хотя... Возможно, вы обладаете достаточными теоретическими знаниями и практическими навыками, дабы изготовить препарат с помощью алкоголя... Однако транспортировка препарата в сосуде имеет те неудобства, что носильщики норовят выпить вмещающую жидкость. К тому же существует опасность уронить сосуд. В обоих случаях препарат может серьезно пострадать от плесени.

— Я ее высушу, как это делают некоторые дикие племена, — сообщил Конан. — Не знал, что вас интересуют подобные вещи.

— В виде курьезов, — пояснил лорд Дейл.

Они подобрались к самому дворцу, и Конан поднял руку, призывая к молчанию. В темноте оба бритунца видели плохо, они различали лишь силуэты, смутно озаренные призрачным светом, исходящим от развалин.

— На нас охотятся, — прошептал Конан еле слышно. — Замрите.

— Кто? — зашелестел лорд Дейл.

Конан положил ладонь ему на губы.

— Мбембе, люди-леопарды, — ответил варвар. — Молчите. Они видят в темноте и слышат, как кошки.

Несколько мгновений ничего не происходило, лишь ветер шумел в кронах деревьев да очень далеко неустанно кричала на болотах ночная птица. Затем джунгли ожили. Они как будто взорвались мириадами жутких существ, которые выскакивали одновременно отовсюду, вопя и завывая. В призрачном синеватом свете мелькали их страшные разрисованные лица и тела, отвратительные головные уборы и ожерелья из человеческих костей, зубов и засушенных кистей рук.

Люди-леопарды окружили притаившихся белых. Они трясли копьями и ножами и испускали боевые кличи.

Конан медленно выпрямился во весь свой гигантский рост. Он знал, что негры суеверны и боятся белых, считая их за пособников темных сил преисподней, — точно так же, как некоторые невежественные белые полагают, что чернокожие — истинные прислужники смерти. Киммериец не страдал от суеверий, но при случае умело пользовался ими.

Он зарычал, перекрывая своим могучим голосом беспорядочные вопли мбембе, и бросился на них с мечом в руках. Оба бритунца последовали за ним.

Негры отступили, завывая. Конан ломился за ними, убивая каждого, кого настигал. Он шел в темноте, хрустя упавшими ветками, неодолимый, как капа-бепе, и такой же смертоносный. Еще один человек-леопард оступился и упал, и киммериец пронзил его спину мечом. Возможно, в любое другое время он пожалел бы глупых негров, подпавших под власть могущественных чар, но в разгар битвы думать об этом было некогда.

Беспощадные к слабым, воины Красной Гиены отступили перед силой духа, которую проявили британцы и их киммерийский спутник. Впрочем, оба лорда считали это чем-то вполне естественным и ничуть не удивлялись.

— Неплохая работа, — удовлетворенно сказал один из них, вытирая тонкий изящный меч о свою одежду. Он огляделся по сторонам, но их противники исчезли. Те, кто не пал во время кровавой бани, учиненной киммерийцем, бежали прочь без оглядки, и густые влажные джунгли поглотили их навсегда.

— Похоже, мы победи... — начал было лорд Дейл, но договорить он не успел.

В тот же миг в воздухе свистнул дротик и вонзился в ствол дерева рядом с плечом лорда Дейла. Лорд отпрянул и с удивлением посмотрел на дротик.

— Не прикасайтесь! — крикнул Конан. — Он отравлен! Нас окружают карлики.

— Вроде того, что был убит тобой недавно?

— Именно!

— Любопытно, — заговорил лорд Чапинг, — какое из здешних растений дает столь быстродействующий и сильный яд? С одной стороны, есть несколько видов ядовитейших кактусов, однако им требуется куда более сухой климат. Возможно, некоторые разновидности орхидей... Я видел здесь как-то раз орхидею львиномордую, изумительно красивое растение... Кстати, в оранжереях ее величества...

— Нет времени! — рявкнул Конан. — Бежим! Укроемся в развалинах дворца!

— Это же логово Красной Гиены, — удивился Дойл, однако последовал за киммерийцем, который гигантскими прыжками устремился к светящимся колоннам, обвитым лианами.

— Плевать! — на бегу рявкнул Конан. — Хоть полосатого тигра! Нужно уйти из-под обстрела, иначе...

Он не договорил, и без того было вполне очевидно — что «иначе». Особенно если дикари действительно пользовались ядом орхидеи львиномордой, как не без оснований предположил лорд Чапинг.

Возле колонн закипела короткая, но яростная схватка: трое часовых, охранявших покой своей госпожи и готовых умереть по первому ее приказу — как умер их товарищ, напитавший своей кровью восковую фигурку, — набросились на киммерийца. Первому Конан перерубил горло острием меча — это случилось почти сразу. Второй успел нанести копьем удар могучему противнику, и по мускулистому загорелому плечу варвара потекла кровь. Конан заревел,

как разъяренный зверь, которому мешают охотиться. Однако рана, к счастью, оказалась неглубокой. Воин-леопард поплатился за нее собственной жизнью — следующий же удар большого меча впился ему в бок, и мбембе упал к ногам варвара.

Третий оказался самым ловким из всех. Он уклонялся и атаковал, прячась за колоннами и выскакивая в самые неожиданные мгновения. В темноте его черное тело было заметно только благодаря диковинной, жутковатой раскраске, большие глаза сверкали, точно наполненные дьявольским огнем, а белые зубы скалились. Этот воин был ловок и отважен, а такой противник, несомненно, заслуживал уважения. Даже опьяненность чарами Красной Гиены не сделала его безвольным.

Лорд Чапинг пожал плечами, переглянувшись с лордом Дейлом:

— Возможно, это не вполне по-британски, но мы на войне, мой друг, и противник чрезвычайно жесток! Проявим же к нему должное почтение!

С этим словом он метнул кинжал, который воткнулся мбембе между лопаток. Последний противник Конана упал, дернулся несколько раз и застыл в неловкой позе.

Конан обернулся к лордам.

— Я думал, вы никогда не придете мне на помощь.

— Ну, мы немного поразмыслили, — начал лорд Чапинг.

Конан сверкнул белыми зубами — не хуже воина-леопарда — и оборвал его:

— Некогда болтать! Нам нужно проникнуть внутрь, иначе нас перестреляют.

И они побежали, стараясь не спотыкаться о камни, разбросанные повсюду на полу, заросшем травой. Синий свет был здесь гораздо ярче, чем в джунглях, но все предметы выглядели плоскими, бесцветными, словно бы выкрашенными одной серой краской и вырезанными из ткани. Тем не менее, несмотря на спешку, лорд Дейл успел наклониться и поднять один из камней, о который за мгновение перед тем сильно ушиб палец.

— Да это же изумруд! — воскликнул он. — Какой огромный! И смотрите, он совсем чистый, без единой трещины!

Действительно, повсюду в заброшенном дворце, как мусор, валялись бесценные сокровища. Среди них встречались, впрочем, и человеческие кости, и черепа, безмолвно глазевшие пустыми глазницами на захватчиков, и руки, бессильно тянувшиеся за недостижимым богатством...

— Жертвы Красной Гиены, — прошептал лорд Чапинг. — Сколько их здесь!

— Она наслаждалась каждым мгновением их страданий, — сказал киммериец угрюмо. — Я давно разыскиваю это чудовище в обличии прекрасной женщины. Поначалу я вообще не хотел браться за это дело. Я редко убиваю женщин, даже за очень большие деньги. Ну, практически — никогда. А мне предлагали немалую сумму за то, чтобы избавить мир от этой ядовитой гади-

ны. За долгое время, пока я шел по ее кровавым следам, я многое успел узнать о Красной Гиене. Возможно, некогда она и была женщиной, но теперь она больше не женщина. Она даже не человек.

— А кто? — полюбопытствовал лорд Дейл. — Неужели демон? С научной точки зрения, это вполне реально, хотя практически встречается в исключительных случаях.

— Возможно, она и впрямь демон, — сказал Конан. — Я не интересовался. Впрочем, у нас будет случай узнать, кто и зачем выпустил ее из преисподней и натравил на здешний люд.

— Думаете, она или ее хозяин — если таковой имеется — преследуют некую определенную и вполне реальную цель? — заинтересовался лорд Дейл. — Это весьма любопытная гипотеза!

— Там кто-то есть, — вмешался лорд Чапинг. — За той группой колонн. Какое-то странное крупное существо.

Все трое остановились. Луна застыла у них над головой. Ее бледные лучи проникали во дворец, но мертвенная синева заливала все вокруг, и ночь казалась зловещей, как будто путники каким-то таинственным образом перенеслись в преисподнюю.

Из-за колонн действительно слышался неприятный шорох. Кто-то быстро приближался к непрошенным гостям Красной Гиены. Вскоре он выскочил на свет и остановился, вертя лохматыми щупальцами, как бы в попытках нащупать невидимого врага.

— Паук! — воскликнул Конан, чуть отступая. Он не боялся пауков, но — как бы это сказать? — сильно их недолюбливал. Особенно таких — огромных, в человеческий рост, белых, с мощными челюстями, способными раздробить ногу взрослого мужчины.

— Именно, уважаемый киммерийский коллега, — возразил лорд Чапинг, прищурившись и изучая паука с неподдельным интересом. — Именно так! Великолепный экземпляр самца паука черепаховидного, редчайший вид, который водится только в здешних джунглях. Ах, как это прекрасно!

— Что именно прекрасно? — хмуро осведомился варвар. — Что у него панцирь, как у черепахи? Или что у него лапы, как у тигра? Или, возможно, вам по душе его челюсти? Вы будете изумительно хрустеть на них, когда он вздумает закусить вами!

— О, нет! — возразил Чапинг. — Мне кажется, вы невнимательно меня слушали. Я сказал, что это экземпляр самца паука черепаховидного... Кстати, он не ядовит, хотя и очень агрессивен. Он, видите ли, прожорлив, поскольку подвижность предполагает...

— Я понял! — вскричал Дейл. Глаза его сверкали от радости. — Ну конечно! Коллега, вы никогда не теряете остроты ума!

— Благодарю, — чуть поклонился Чапинг.

Конан смотрел на ученых британцев так, словно несчастные лорды окончательно рехнулись, а сам он был инспектором социальной службы при ка-

ком-нибудь министерстве, и теперь ему предстояло решить, куда поместить свихнувшихся бедолаг: в отделение для тихих помешанных или же в клетку для буйных.

— Это самец, — в третий раз повторил Чапинг специально для Конана, который далеко не всегда был силен в биологии. — Самцы пауков до смерти боятся самок того же вида. Поскольку самки их пожирают. У самцов нет ни малейшего шанса выстоять против голодной агрессивной паучихи.

— А как же они, в таком случае, размножаются? — против воли заинтересовался Конан.

Дейл засмеялся.

— Природа влечет их прямо в пасть пожирательницы, — сказал он. — Оплодотворив хищницу, они погибают и служат первой пищей своим будущим потомкам. Увы, такое нередко и среди людей.

— Точно! — подтвердил Конан, всем своим видом давая понять, что с ним-то такого произойти не может.

— Он сейчас нападет, — сообщил Дейл, наблюдая за самцом паука черепаховидного.

Лорд Чапинг выпрямился во весь рост и растопырил руки.

— Становитесь за мою спину, — велел он Дейлу. — Изобразим паучиху.

— Получится? — удивился Конан.

— Просто встаньте сзади и поднимите руки, — сказал Чапинг. — Мы белые, как и он. Мы гораздо крупнее и массивнее.

— Разве он не поймет по запаху, что мы даже не одного с ним вида? — продолжал изумляться Конан, однако подчинился и принял угрожающую позу, выставив руки из-за спины Чапинга. Дейл последовал его примеру.

— У этих пауков нет обоняния, — сказал Чапинг. — Этим-то они и интересны! Они ориентируются с помощью осязания. Щупальцами они проверяют все встреченные предметы. Слух у них имеется — кстати, до сих пор нет точных данных о том, насколько он развит...

— Вот сейчас и проверим, — пробормотал Конан.

И неожиданно взревел во всю мощь своей могучей варварской глотки. Паук на мгновение замер, а затем повернулся и быстро побежал прочь.

— Вы меня оглушили! — недовольно проговорил Дейл, потирая ухо.

Чапинг пожал киммерийцу руку.

— Превосходно! Мы доказали, что белый паук...

— Мы спасены от него, по крайней мере, на время, — прервал Конан. — А теперь нам нужно отыскать Гиену и покончить с ней. Слишком долго эта гадина хозяйничала в здешних краях. Конечно, какие-то там негры, которых она мучила и убивала, могут показаться слишком глупыми и ничтожными...

— Напротив, — возразил Дейл, — у них имеется своеобразная культура.

— И некоторое достоинство, — добавил Чапинг. — Мы должны быть объективными. У каждого народа имеются свои достоинства.

— Они добрые, — сказал Конан. — И простодушные, как дети. Их легко

обмануть. И лично я не желаю, чтобы Красная Гиена продолжала чувствовать себя госпожой этих мест.

— Согласны! — горячо воскликнули британские лорды.

Скрепив договор рукопожатием, они углубились в колоннаду. Дворец казался бесконечным. Горы строительного мусора давно заросли травой, а драгоценные камни лежали повсюду, как мусор.

И вот, медленно ступая босыми ногами по траве и россыпям рубинов, изумрудов и алмазов, из-за колонн и деревьев показалась Красная Гиена. Она была нечеловечески красива. Мертвенность ее правильных, утонченных черт подчеркивалась ярким синим светом. Она была почти обнажена. Ее стройное тело матово поблескивало в синих лучах.

Увидев трех мужчин, Красная Гиена остановилась. В ее глазах мелькнул желтоватый огонек. Ласковая улыбка играла на чувственных губах, выкрашенных розовой краской, приготовленной из лепестков той самой орхидеи, о которой пытался вспомнить лорд Чапинг, когда говорил о ядовитых растениях.

Красная Гиена широко развела руки в стороны. Мужчины почти завороженно смотрели на ее небольшую, упругую грудь. Вокруг сосков Камилла нарисовала белой глиной затейливые узоры, а в сами соски вдела тонкие золотые серьги с бриллиантами. Узкий пояс из золотых пластин, выполненных в виде листьев, охватывал ее бедра, тонкие колокольчики звенели на ее лодыжках. Больше на Красной Гиене ничего не было.

Она подняла руки и бросила что-то себе под ноги. Что-то очень маленькое — такое маленькое, что даже Конан поначалу ничего не заметил. Раздался тихий хрустальный звон — разбился крохотный сосудик, и на волю вырвалось легкое облачко зеленоватого дыма. У всех троих мужчин внезапно закружилась голова. Перед глазами у них все поплыло, и в этих клубящихся голубоватых облаках появилось женское лицо неодолимой притягательности. Казалось, нет в мире ничего, кроме этого лица, и нет в жизни никакой иной цели, кроме единственной: обладать женщиной... той женщиной, что находится рядом... целовать это изумительное лицо, созерцать его в благоговейном восторге... Какая у нее грудь? Они не могли этого вспомнить. Лицо чуть улыбалось, лишь намекая на то, какие формы таит в себе тело красавицы...

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Прекрасное лицо исказилось от страдания. Рот растянулся, сделался огромным, из уголка его вытекла слюна. Подбородок затрясся, утратил нежные очертания и провис. Глаза увеличились и исчезли, вместо дивных манящий очей на британцев таращились мертвые глазницы. Затем порыв ветра развеял лицо, и очнувшиеся мужчины увидели, что Красная Гиена исчезла.

— Где она? — взревел Конан вне себя от ярости, что демонице удалось околдовать его.

Охваченная непонятным порывом, Камилла бежала прочь из своего дворца. Тот, кому она против своей воли принадлежала все эти долгие зимы, звал ее. Он хотел ее. Он нуждался в ней. И он был совсем близко.

— Будь ты проклят! — шептала Красная Гиена искусанными губами. Ее влекло прочь из дворца. Она хваталась руками за деревья, но пальцы ее бессильно скользили по коре, оставляя в ней глубокие, сочащиеся соком бороздки. Она сорвала ногти, и из ее пальцев потекла кровь.

— Нет! — кричала Камилла. — Я не хочу!

Ноги тащили ее навстречу талисману, который требовал к себе свою рабыню.

Капа-бепе был голоден. И у него во чреве имелось средство привлечь к себе питательную добычу. Талисман, который постоянно находился при мастере Берте, теперь лежал в желудке монстра. И когда новый господин Камиллы возжелал ее плоти, у нее не нашлось сил противиться. Простирая к капа-бепе окровавленные руки, Камилла неслась во весь опор.

Огромная пасть распахнулась ей навстречу, и Красная Гиена исчезла в ней.

До Конана и его спутников доносились ее отчаянные вопли, а затем все стихо, как будто обрезанное ножом.

— Что это было? — спросил лорд Чапинг, пожимая плечами.

— Неважно, — ответил Конан. — Главное — что Красной Гиены больше нет.

И тотчас, будто в подтверждение его слов, зловещий синеватый свет, источаемый развалинами дворца, начал медленно гаснуть. С каждым мгновением становилось все темнее. И все громче кричали ночные птицы, а совсем близко послышался рык леопарда, который вышел на охоту. Теперь руины озарялись лишь бледными лучами луны. И этот свет, как ни странно, вносил в душу троих звероловов успокоение. Как будто они уже вернулись из опасного странствия домой и теперь уютно расположились возле очага.

— Колдовство ушло из этих джунглей, — проговорил Конан. — Больше оно не будет тревожить здешний люд и искажать природу обитающих тут существ.

— Интересно, что с ней случилось? — произнес лорд Дейл, рассеянно подбирая с земли колье, где изумруды чередовались с жемчужинами и алмазами.

— А мне неинтересно, — отрезал Конан. — Сдохла!

— Имеем ли мы право взять отсюда некоторое количество ценностей? — задумчиво вопросил лорд Чапинг. — Совместимо ли это с нашим достоинством?

— Все равно это растащат, не негры, так птицы и обезьянки, — решительно заявил варвар. — По мне так, набьем мешки под завязку! Кое-что сможете преподнести королеве вместе со зверюшками — она, небось, обрадуется. Кстати, можете мне не платить. Меня вполне устроит десяток побрякушек и пара диадем.

Оба британца расхохотались.

— Воистину, Конан-варвар — абсолютно цивилизованный человек! — вскричал лорд Дейл.

* * *

Из развалин они выбрались поутру, когда ночные звуки стихли, и солнце залило джунгли ярким праздничным светом. Возле дворца звероловы не нашли ни одного из воинов Красной Гиены — все они разбежались, как только померк колдовской синий свет. Кое-кого, как сильно подозревал киммериец, пожрал капа-бепе: следы этого чудовища явственно отпечатывались на мягкой, раскисшей от дождей почве.

— Солнце! — радостно воскликнул лорд Дейл. — Сезон дождей заканчивается! Наконец-то я смогу как следует просушить все мои носовые платки!

Они добрались до реки и без труда отыскали там лодку мастера Берта.

В Бреккекуле их встретили торжествующий лорд Эйворс и Нгора. С негром произошла разительная перемена. Из трусоватого и жадноватого слуги он превратился в нечто важное, раздутое от ощущения собственной значимости.

При виде дивного преображения Нгоры друзья даже забыли сообщить Эйворсу главное — что Красная Гиена уничтожена, и не без их участия.

— Боги! — вскричал лорд Чапинг. — Что это с нашим Нгорой? Он получил наследство где-нибудь в Шадизаре? Приехал караван на слонах, чтобы сообщить, что он — родственник аренджунского владыки?

— Нет, нет и нет! — ответил Эйворс, улыбаясь во весь рот. Было очевидно, что его распирает радость. Он был счастлив видеть своих спутников целыми и невредимыми, а кроме того его снедало нетерпение: он приготовил им, как подарок на день рождения, некую сногсшибательную новость.

— Говорите! — закричал лорд Дейл, к великому удовольствию Эйворса теряя свое хваленое самообладание.

— Нгора поймал ип-туипа! — выпалил Эйворс, не в силах больше сдерживаться. — Совсем рядом с лагерем! Ему это удалось, господа! Мы сделали то, ради чего выбрались в эти смертоносные джунгли!

Все трое британских лордов дали волю чувствам и хором проорали хвалу королеве.

Конан посматривал на них с усмешкой, как на расшалившихся детей. Правда, он так и не добыл голову Красной Гиены, но теперь ему и не требовалась обещанная за нее награда. Красная Гиена сама с лихвой расплатилась за собственную поимку. Драгоценностей, обнаруженных в развалинах древнего дворца, вполне хватит, чтобы удовлетворить запросы киммерийца. В конце концов, что ему нужно? Добрый конь, хороший меч, кусок мяса побольше да бочонок вина позабористей. Ну, еще королевство. Но об этом он позаботится потом. Все равно собственное королевство за деньги не купишь.

— Какой он, этот ип-туип? — спросил киммериец. — Его хоть можно увидеть?

— Разумеется! — Эйворс энергично закивал головой. — Он сидит в чудесной прочной клетке. Мы завтра же отбываем в Британию. Нужно только за-

пастись для него кормом. Впрочем, местные жители уверяют, что он неприхотлив.

И лорд Эйворс возглавил торжественную процессию желающих взглянуть на таинственного ип-туипа.

Маленькое пушистое существо с коротенькими ножками и забавной тупоносой мордочкой устроилось в клетке на травяной подстилке. Оно было очень занято — вытаскивало из подстилки травинки и деловито жевало их, двигая пухлыми щеками.

— Это? — поразился Конан. — Вот за этим мы охотились?

Эйворс засмеялся и кивнул.

А существо замерло, прислушиваясь к новым звукам, и вдруг громко засвиристело, прижимая к голове кругленькие ушки:

— Ип-туип! Ип-туип! Ип-туип!

— Королева будет в восторге, — сказал лорд Чапинг.

Змея и мумия

Великая жрица Хат хранила спокойствие.

Торжественно ревели длинные, спиралью закрученные трубы. Их медные бока жарко вспыхивали на солнце. Процессия струилась по дороге туда, где перекрещивались тени двух каменных львов. Туда, где на волнах боли жрица Хат доплывет в запредельное жилище Сета.

Целую луну назад она догадалась о своей участи и готовилась к ней. Жрицы и прислужницы Верхнего храма не принадлежат себе. Они окружены почетом и довольством, у них много привилегий и всюду встречают их, угадывая каждое желание. Люди низших сословий не смеют даже наступать на их следы, оставленные в пыли. Но случается так, что приходится им умирать, дабы лично умилостивить разгневанное божество.

Хат и четыре ближайших ее помощницы начнут умирать уже сегодня. Смерть будет долгой.

Редкие пальмы взмахивают над дорогой жесткими листьями. Их резная тень ложится на лицо Хат и тотчас убегает прочь. Помощницы сдерживают слезы, а иногда начинают растерянно улыбаться. Им трудно идти, и временами стражники почтительно поддерживают их под локти. Бедняжки, кажется, не верят в то, что произойдет с ними совсем скоро.

Святилище Верхнего храма было разграблено. Дерзких воров не нашли. Три дня жрицы проводили обряд, не останавливая действо ни на мгновение. Но крокодилы отворачивались от жертвенного мяса. Змеиная голова изваяния Сета почернела от гнева. Если жрицы не умрут, на страну обрушится голод и мор. Смерть опустошит цветущую долину великой реки Стикс. Такое уже случалось раз или два за последние три столетия. Каждая жрица знает, что это может произойти и с ней. Что ж, Хат — не преступница. Лютая мука, ожидающая ее, — не позорное наказание, а обязанность. И Хат исполнит ее с честью. Издали каменные львы кажутся огромными, а вблизи они подавляют. Внутри этих чудовищных сооружений — алтари Среднего храма, сокровищницы и хранилища древних знаний. Жрецы здесь — мужчины. Их положение ниже, чем у жриц. Ритуал очищения болью не коснется служителей Среднего

храма. Если кто-то из жрецов провинится перед божеством, его просто забьют палками, привязав к доске. Даже пустынный шакал не достоин такой жалкой гибели.

Сердце в груди жрицы глухо стукнуло, когда она увидела вблизи место совершения последнего ритуала в ее жизни. А одна из ее помощниц вдруг рванулась в сторону, вскрикнув. Ее удержали. Она тряслась мелкой дрожью и хваталась за горло, словно надеялась задушить себя и избавить от мук. Прочие держались лучше.

Жрица Хат властным жестом подозвала к себе Натхута — служителя Нижнего храма, презренного раба с лицом, изуродованным клеймом. Жрецы этой касты отправляли почти все ритуалы, связанные со смертью. Именно им предстояло сегодня совершать кровавый обряд.

Натхут, как и положено, подошел к ней на три шага, опустился на колени и безмолвно замер.

— Эту уведите назад, — велела Хат, указывая на рыдающую жрицу. — Она не готова сегодня. Ей же хуже. Будет умирать вместе с рабынями.

— Повинуюсь, величайшая, — торопливо отвечал Натхут.

— Пора, — обратилась Хат к остальным прислужницам и первая подошла к палачам.

Пока ей помогали раздеться, она смотрела на медное изваяние, словно ища поддержки. Медь статуи была холодной и влажной. Почерневшая змеиная голова уставилась в пустоту — казалось, глаза ее прикрыты кожистой пленкой. Но внезапно пленка исчезла, и ледяной, царапающий сердце взгляд этих глаз заставил жрицу содрогнуться. От ее величавого спокойствия не осталось и следа. Но руки Хат уже крепко связали за спиной. Палач смазывал блестящим черным жиром поверхность толстого отполированного шеста с заостренным концом. Силы оставили Хат, и она преклонила колени, словно ей подрубили ноги. Потом легла лицом вниз. Трубы загудели с новой силой. Их голоса заглушили вскрик, который испустила жрица, когда острие проникло в ее тело.

Шест установили вертикально. Хат хрипло дышала — боль пожирала ее изнутри. Дерево медленно пронзало плоть, вгрызаясь сзади, расширяясь, раздирая внутренности. Змеиноголовое божество жадно следило за агонией обнаженного тела.

Хат видела, как извиваются и трясутся от боли ее помощницы, так же, как и она, посаженные на колья. И каждая из них избегала смотреть на изваяние, словно это было еще худшей мукой, имя которой — страх. Страх сильнее боли. Хат вдруг отчетливо поняла — когда тело, ослабленное страданием, перестанет удерживать в себе душу, медная статуя оживет. Душа будет проглочена, утонет в зловонной утробе, погрузится в бесконечный и бескрайний океан боли, от которой не будет избавления.

Трубы все пели и пели. Храмовая стража встала в карауле. Солдатам придется смениться пять или шесть раз, прежде чем жрицы испустят дух. Но за

ними настанет черед других. Так хочет Сет змееголовый. Со стоном Хат опустила голову на грудь.

* * *

Рабов, предназначенных для постройки храма, перевозили по реке. С ними обращались бережно, как с дорогим товаром. Прятали от солнца под пальмовыми навесами, давали вдоволь еды. Они должны прибыть в хорошем состоянии. Басру это мало утешало. На ярмарке рабов ему сказали товарищи по несчастью: «Глупец! Чего радуешься? Думаешь, тебе придется подливать масла в светильники и чистить храмовую утварь? Как бы не так! Будешь долбить камень, дышать ядовитой пылью и подыхать от жажды. На строительстве в Стигии раб живет не больше луны, и живет паршиво. Лучше бы тебе умереть по дороге».

Над этим Басра и размышлял. Папирусная лодка бежала по реке. Зеленоватая вода на вид была прохладной и ласковой. Но в ней таилась смерть. Рабов на лодке не охраняли по одной простой причине: мало кто отважился бы спрыгнуть за борт. А если бы такой и нашелся — не доплыл бы до берега. Его сожрут крокодилы.

Прежний хозяин Басры умер. Он был хорошим человеком, редко наказывал рабов, а под старость впал в детство. Его нужно было смешить и развлекать, да время от времени водить в баню — вот и все обязанности. Рабы распоряжались в его доме, словно свободные люди. Это очень не понравилось наследникам, и они решили избавиться от избаловавшихся дармоедов. После сытости и благоденствия очутиться в Стигии, да еще и на самых тяжелых работах — это был удар.

— Посмотри на меня! — кричал Басра перекупщику. — Какой я строитель? Я — нянька! Я — образованный! Я умею подавать лекарства! Я не держал в руках ничего тяжелее метелки для пыли.

Но перекупщик смотрел на Басру пустыми серыми глазами и ухмылялся.

— Я решусь! — сказал себе Басра, когда огромная рептилия показала из воды черную спину в четырех локтях от борта лодки. Он зажмурился и уже хотел кинуться в воду, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Плохой выбор — удел неудачника! — произнес густой низкий голос с сильным северным акцентом.

Басра обернулся. Огромный белокожий мужчина насмешливо смотрел на него сверху вниз. Ветер трепал гриву его черных спутанных волос.

— Отвяжись! — сказал Басра. — Не мешай! Можно подумать, ты с удачей на короткой ноге. Что, в таком случае, ты делаешь здесь, счастливчик? Ты ведь такой же раб, как и я, не так ли?

— Не так, — коротко ответил великан.

— А почему у тебя на шее ошейник?

— Отойди от борта, — сказал незнакомец. — Ты мне нужен живым.

— Я?

— Именно ты. Без темнокожего помощника у меня ничего не выйдет.

Басра задохнулся от возмущения.

— Эй! Эй! — воскликнул он. — Я куплен подрядчиком из Стигии, а к тебе в помощники не нанимался!

— Ладно, прыгай, — пожал плечами длинноволосый великан. — Мне нужен умный чернокожий, а ты, я вижу, — дурачок.

С этим он отошел под навес, занял свободное место и разлегся, подложив под голову огромные кулаки.

Басра постоял, помялся, но прыгать ему расхотелось. Улучив момент, он подобрался к своему странному собеседнику и легонько толкнул его под бок.

— Ну? — белый человек открыл один глаз.

— Не так я и глуп, — сказал Басра. — Ты что-то замыслил, верно, братец? Знаешь, что я тебе скажу? Ты прав. Плохая была идея, да? У тебя есть лучше?

— Есть, — спокойно ответил незнакомец.

Прочие рабы под навесом спали, одуревшие от бесконечного движения по реке. Дремал и надсмотрщик, нахлебавшись рисового пива. По его обрюзгшему лицу ползала большая муха.

— Когда лодка доберется до гавани, я убегу, — сказал незнакомец. — Присоединяйся.

— А почему ты не убежал раньше? — осторожно осведомился Басра.

— У меня есть дельце в Долине Смерти. С этой лодкой мне по пути. Если бы я избрал другой путь, потерял бы много времени.

Басра округлил глаза.

— Ты хочешь сказать... — начал он, но незнакомец перебил его:

— Объясню потом. Слушай главное. Поможешь мне — получишь свободу. Возможно, даже обогатишься.

— Свободу? — переспросил Басра. — Насовсем?

— Открою тебе одну тайну, — с ленцой в голосе произнес белокожий. — Свобода бывает только насовсем. Или никак.

Пораженный этой мыслью, Басра глубоко призадумался.

* * *

Случилось так, что Конан гостил некоторое время у своего друга, знатного вельможи из Султанапура, по имени Али-Бекр. Некогда им довелось пережить вместе опасности и приключения, о которых мы когда-нибудь еще расскажем.

Конан явился к нему в дом, зная, что к его услугам будет все, что только может позволить гостеприимство вельможи. Киммериец нуждался в отдыхе и лечении — сражаясь с наемными убийцами, он получил несколько ран, от которых любой другой не мешкая отправился бы к праотцам. Но могучее здоровье серевянина оказалось сильнее отравленных стрел. Тем не менее, ему следовало набраться сил для новых подвигов, чтобы приблизиться к своей заветной

мечте — королевскому трону. Богатый дом друга, обставленный с изысканнейшей роскошью и комфортом, — что было бы более кстати!

И варвар не обманулся в своих ожиданиях.

Али-Бекр остепенился, погрузнел, но в его сердце по-прежнему жила дружба, и он приветил Конана, словно родного брата.

Четыре дня Конан отсыпался, прохлаждался в тенистом саду, услаждал себя яствами, питьем и ласками хозяйских наложниц. А на пятый заметил, что его друг уже не тот веселый любитель жизни, каким был прежде. Печаль и тоска заставили помутнеть его взор, в бороде показались серебристые нити. Не слышно было его тонких шуток, острых, как хорошая приправа. Теперь он все чаще вздыхал.

— Что с тобой? — спросил варвар напрямик. — Тебя одолевают враги? Пойдем и убьем их. Какая-нибудь красотка пленила твое воображение? Выкрадем ее — уверен, она не будет против, едва лишь взглянет на тебя.

Вельможа смешался.

— Если я расскажу тебе о своем горе, — молвил он, — ты подумаешь, что я прошу тебя о помощи. А это противоречит законам гостеприимства.

— Я знаю, что такое гостеприимство, — оскорбился Конан. — Но если ты и дальше будешь запираться, то я обижусь. А гостей не обижают.

— Ты — друг, — кивнул Али-Бекр. — А от друзей не делают секретов. Знай же, о беспокойнейший из варваров, что моя жизнь пропитана горечью, и подсластить ее не могут даже стихи, не говоря уже о женщинах и вине.

В том, что касалось поэзии, Конан разбирался плохо, однако два последних названных Али-Бекром лекарства всегда ему помогали.

— В чем же дело? — спросил он в недоумении.

— Семнадцать зим назад умерла одна из моих жен, — начал вельможа. — Это грустно, но цветам суждено увянуть. Все умрут, умрем и мы с тобой...

— Ясное дело, — вставил Конан нетерпеливо.

— Она подарила мне дочь. Ребенок рос в моем доме и превратился в прекрасную пэри. Я нарек ее Балзу, что в переводе на твой язык означает «Танец луны».

— Что же с ней стряслось?

Али-Бекр горестно покачал головой.

— При дворе моего государя объявился прошлой зимой один человек. Его звали Патхэб. Он выдавал себя за двоюродного брата принца Стигии, хвастал своим богатством, задаривал всех золотом и драгоценными камнями. Это снискало ему успех при дворе...

— Стигиец! — зарычал варвар, приподняв верхнюю губу, как дикий зверь. — Лучше иметь дело с плюющейся коброй, чем со стигийцем!

— Не могу не согласиться с тобой, мой добрый друг, — подтвердил Али-Бекр. — Многие женщины из знатных домов воспылали к нему страстью. Страсть эта не была похожа на обычное вожделение. Скорее, он околдовывал их... В его присутствии они превращались в кукол, послушных его воле. А по-

том эти женщины стали пропадать. Они исчезали без следа. Конечно, негодяя заподозрили, но Патхэб шутя отвел все обвинения и даже позволил обыскать свой дом. Разумеется, никого из пропавших женщин там не нашли...

Последней исчезла Балзу. Как я, самый жалкий из отцов, не заметил, что бедняжка попала под влияние коварного обольстителя!

А потом сгинул и Патхэб, внезапно, никому ничего не сказав. Угасшие подозрения против него вспыхнули с новой силой. И что же выяснилось? У мерзавца была тайная загородная резиденция, в которой он и держал своих пленниц. Их увезли как невольниц. Последний раз стигийца встречали в Зембуле. Никакой он не родственник принца. Он — охотник за рабами! Вернее — за рабынями из знатных родов. Он снабжает прислужницами все основные храмы и капища от Птейона до Сухмета...

Горе мне, ничтожнейшему из родителей! Бедная Балзу! Ее воля давно сломлена и подчинена змеемордому демону. Возможно, она уже не помнит собственного имени. Я узнал, что ее увезли вниз по реке Стикс. Неподалеку от Кеми есть Долина Смерти, а в ней — три храма, в одном из которых служат только женщины. Чужеземцев туда не пускают...

— Этот запрет, как я понял, не распространяется на рабов, — ухмыльнулся Конан.

— Я пытался отправиться в Стигию, но... — Голос вельможи дрогнул. — Служба при дворе... Я не могу ее оставить. Враги малолетнего принца воспользуются моим отсутствием и отнимут у него трон. Пострадает целая страна...

— Зато я не занят государственными делами, — Конан широко улыбнулся. — Прищемить Сету голый змеиный хвост — что может быть соблазнительней, клянусь Кромом! — воскликнул он. — И не думай меня отговаривать! А лучше отправь со мной своего слугу до границы со Стигией. Он выручит за меня хорошие деньги!

И Конан расхохотался.

* * *

Басра слушал рассказ киммерийца с широко раскрытыми глазами и распахнутым ртом.

— Ты — безумец, — заключил он. — О боги! Не хотят пощадить бедного негра! Что с ним будет?

— А что может с тобой случиться худшего, чем уже случилось? — спокойно осведомился Конан, пожевывая соломинку. — Ты раб и движешься навстречу верной гибели...

— Гибель бывает разная, — поежился Басра. — Можно тихо околеть, надорвав пуп, а можно издохнуть под палками. Лично я выбрал бы первое.

— Жизнь тащит тебя по течению, как эту лодку, — брюзгливо заметил варвар. — Хотя у лодки есть весла, руль и парус. А ты — просто кусок навоза на воде. Тебе не противно?

— А что я могу сделать? Разве я могу сражаться? Меня не спрашивали, кем я хочу быть, когда рождали на свет.

— Видишь, на корме спит надсмотрщик? — перебил его Конан.

— Ну и хорошо, что спит.

— Пойди и укради нож с его пояса.

Басра посерел.

— Он же проснется! — зашипел он, тряся головой. — И спустит с меня шкуру!

— От тебя зависит, проснется он или нет, — киммериец говорил негромко, но очень убедительно. — Брось. Ты же наверняка таскал фрукты и сладости у своего бывшего хозяина. Ну, признавайся, лукавый раб!

— Та... таскал. — Басра клацал зубами и заикался.

— Давай, действуй! — Конан слегка подпихнул негра в плечо. — Это не сложнее, чем обокрасть кухарку.

— Конечно. Какая разница... Все равно — смерть, — горестно прошептал Басра. Он понимал, что белый здоровяк не оставит его в покое, что лучше ему, Басре, подчиниться, а не то его жизнь осложнится еще пуще.

Вечерело. В зарослях папируса на берегу квакали лягушки. Вода плескала за бортом. Басра двигался на четвереньках, переступая через тела спящих рабов. Для того, чтобы его зубы не стучали слишком громко, он размотал свою набедренную повязку и сунул ее край себе в рот.

Надсмотрщик лежал на спине и храпел, словно подпевая лягушкам. Вокруг него распространялся кислый запах пивного перегара — тростниковое пиво в Стигии варят довольно крепкое. Нож висел у него на волосатом круглом животе. Приблизившись к спящему вплотную. Басра замер и огляделся по сторонам.

Команда лодки собралась на носу. Только рулевой гребец стоял возле своего весла, на специальной площадке, прямо над головой Басры.

Гребец смотрел вперед и только изредка переступал ногами. То, что происходило в лодке, мало его интересовало.

Мысленно взывая ко всем известным ему богам, Басра протянул руку к ножу и чуть не вскрикнул от ужаса. Огромная капля пота скатилась по его носу и упала на физиономию надсмотрщика. Тот издал недоумевающий звук, чмокнул губами, но глаз не открыл.

Ощущая страшную слабость во всем трясущемся теле, Басра коснулся пальцем рукоятки ножа. Ощущение неожиданно понравилось ему. Рукоятка была теплая, приятно-гладкая и словно сама просилась в ладонь. В глубине души Басра очень любил хорошенькие вещицы. Ему доставляло удовольствие, когда никто не видит, оглаживать ладонями статуэтки из черного дерева или слоновой кости в доме своего хозяина. Тогда он на мгновение мог представить, что обладает этими предметами, и сладкая истома растекалась по всему его существу. Нечто подобное проснулось в нем и сейчас. Приласкав пальцами рукоятку, Басра потянул нож из ножен. При этом его ладонь притронулась к голо-

му животу надсмотрщика. Тот не просыпаясь хихикнул и сказал: «Отстань, старуха!», перевернувшись при этом на бок.

Басра беззвучно закричал и юрко, как ящерица, скользнул обратно под навес. Сердцебиение так громко отдавалось в его ушах, что от одного этого звука могли поднять тревогу.

— Молодец, — скупо похвалил его варвар. — Я же говорил, что это несложно.

И только тут Басра увидел, что нож остался у него в руке.

— Невероятно! — воскликнул он. — Как это вышло? Рукоятка как будто сама прилипла к пальцам!

— О, да ты прирожденный вор! — Киммериец одобрительно хлопнул Басру по плечу. — А теперь давай спать. Завтра будет долгий день!

— Возьми же нож!

— Мне он не нужен. Ты украл его для себя. Это — твой первый шаг в сторону свободы, — молвил варвар, устраиваясь поудобнее. — Но если ты помешаешь мне выспаться — Кром великий! — крокодилы покажутся тебе любящими братьями.

Почти сразу за этими словами послышался густой храп. Басра изнывал от противоречивых чувств. Страх боролся в нем с какой-то странной радостью. Нож был очень красивый — с выгнутым мерцающим лезвием, с рукояткой из кости... Басра спрятал его между складок набедренной повязки и лег так, чтобы чувствовать его телом. Лодка тихо покачивалась на волнах Стикса.

* * *

Татхэб потирал руки, стоя у подножия каменного льва. Ужасная картина, представшая его взору, доставляла ему острое удовольствие — иначе он давно бы ушел отсюда. Три десятка обнаженных женских тел, пронзенных кольями. Все до единой — жрицы Верхнего храма и кое-то из их помощниц. Последние пять, казнь которых началась нынче утром, еще живы. Их стоны еще похожи на человеческие, в их глазах еще светятся боль и ужас... Глупые коровы! Перед началом казни они храбрятся, напускают на себя важный вид... Да они и впрямь верят, что их муки смягчат божество. Какая самонадеянность!

А между тем из сокровищ Сета ничего не пропало. Ни единой, самой пустяковой безделушки. Украденное просто переместилось из Верхнего храма в Средний. Но эту тайну знают только Сет и Татхэб. А те, кто помог Татхэбу, давно мертвы.

Осталось покончить с рабынями и прислужницами. Когда последняя из них испустит дух на колу, жреческий совет передаст Верхний храм ему, Татхэбу. Конец власти жриц! Храмовых шлюх не упразднят, об этом уж он позаботится. Но уже ни одна женщина не посмотрит на Татхэба с высокомерием. Магнетическая власть, которой Татхэб пользовался, не распространялась на жриц Верхнего храма. Эти надменные шлюхи слишком много времени про-

водили в трансе, читая заклинания и вдыхая наркотик. Даже странно, что они не разучились чувствовать боль.

Жаль, что одна из жриц не дожила до этого дня — умерла естественным путем много зим назад... Как жаль! Татхэб скрипнул зубами. Не вовремя приходят такие мысли, заставляя меркнуть его торжество.

Она была его матерью. Отца своего он не знал — считалось, что сам Сет подарил смертной свое кипящее семя. Но на самом деле она зачала его от какого-нибудь паломника, прибывшего с дарами в Долину Смерти.

Первые восемнадцать зим жизни, проклятых зим, — они не забылись, они живут в нем и требуют мести. Череда кошмаров, тоски, бессильного и беззвучного воя... Бывают же такие счастливцы, кто просто не нужен своим матерям. Живут эти счастливцы, предоставленные сами себе, и не знают того, что испытал Татхэб. Он-то был нужен, правда, только в одном качестве — мальчика для битья. Жрица рассчитывала родить девочку, воспитать из нее подругу, равную себе. А родился презренный щенок-кобеленок.

— Твоя плоть скверна! Твое сердце — порочно! Ты — прах, просеянный на ветру. Ты — ил, вынесенный на берег Стикса! — говорила мать, и страшные сердоликовые глаза ее выжигали в душе Татхэба памятные письмена.

— Я — прах, просеянный на ветру... Я — ил... — повторял он послушно. Ему казалось, что так будет вечно.

Однако в чудесный прохладный день, когда черные цапли выводят птенцов в прибрежных зарослях и крокодилы бьют хвостами по воде, оглушая рыбу, матери не станет. Она подзовет Татхэба к своему ложу и вцепится ему в руку своими длинными острыми ногтями, выкрашенными черным лаком. Из-под ногтей потечет кровь, сердоликовые глаза вспыхнут яростно и вдруг угаснут, и Татхэб увидит, что перед ним — не величественная жрица, перед которой нужно падать в пыль, а обыкновенная больная старуха. От старухи этой скверно пахнет, и слюна течет по ее морщинистому подбородку из безвольно раскрытого рта. А в глазах уже не грозная мощь — клочковатые тени и ужас перед очевидным будущим.

Она разжала пальцы, потом, спохватившись из последних сил попыталась вновь впиться ногтями в его руку, но Татхэб выдернул ее и ударил мать по щеке.

— Вот какая ты на самом деле, — сказал он. — Теперь я это знаю.

Старуха застонала, пена хлынула у нее изо рта. Татхэб плюнул и отошел.

В низшей жреческой школе обучали только читать нараспев, но был один человек, родом из Сухмета, который взялся углубить познания Татхэба. У него была прекрасная профессия — он заклинал змей и знал о них все. Плату за обучение он принимал лягушками и крысами.

— Моим кормильцам тоже нужно есть, — говорил он и посмеивался, а Татхэб жмурился от ужаса, слыша эти кощунственные слова. Змея — одно из воплощений Сета — священная тварь. Однако заклинатель обращался с ползучими гадами без всякого почтения, по крайней мере, вдали от посторонних глаз.

— Они, может быть, и служат Сету, — приговаривал он, — но я — тоже ему служу. Поскольку они подчиняются мне, значит, в глазах бога я выше, чем они.

Был он желтый, как спелый лимон, очень толстый и безволосый. При ходьбе его тело колыхалось, как студень.

— Смотри, — поучал он, — вот три змеи. Огромная, вся в разводах, вторая — черная, в руку толщиной, с двумя точками на голове, и третья, песочного цвета, узкая и плоская, как кожаный ремешок. Какая из них самая опасная?

Татхэб напряженно думал, наблюдая за змеями. Большая лежала, вытянувшись, спокойная, едва шевелящая раздвоенным языком. Вторая яростно шипела, приподняв голову и раздув капюшон. А третья свернулась на тростниковом полу и сделалась похожа на кучку помета.

— Черная! — выпалил Татхэб.

— Почему?

— Она угрожает.

— Глупец! — Заклинатель усмехнулся. — Угрожает тот, кто не уверен в себе. Черная кобра опасна, у нее сильный яд, но она бережет его для охоты. К тому же она видит меня целиком. Она видит мои глаза. Я могу делать с ней все, что захочу. А вот эта крошечная змейка неуправляема. Она может увидеть только палец моей ноги, и то не весь. Но если она ужалит этот палец — мне конец.

— Зачем же ты держишь у себя эту змею? — удивился Татхэб.

— Без нее я бы утратил страх, — молвил заклинатель. — А это обходится дорого. Особенно при моем роде занятий.

Татхэбу совсем не хотелось испытывать страх. Он был сыт этим чувством. Напротив, глядя, как старый заклинатель порабощает волю священных тварей, он мечтал о такой же власти, только над людьми.

Учиться пришлось долго. Кроме практических приемов, Татхэб прилежно изучал старинные магические формулы, умело пользовался талисманами и составлял зелья, вдыхая или принимая которые человек попадал под влияние «змеиного взгляда». В Среднем храме возлагали большие надежды на молодого послушника. Но перед жрицами Верхнего храма он по-прежнему оставался пеплом и илом, выродком, недостойным взгляда.

По приказу Хат Татхэб часто отправлялся за рабынями на рынки сопредельных стран. Рабыни требовались особые — благородной крови. Опытные перекупщики часто жульничали, снабжая самых обыкновенных крестьянок невероятными родословными. Убедившись в подлости торгашей на собственном опыте, Татхэб прибегнул к другому способу добычи живого товара. Уезжая в дальние страны, он выдавал себя за аристократа-путешественника и делался вхож в дома знати. А там уже ждали его податливые дуры, из которых веревки можно было вить. Только однажды досталась ему достойная противница. Татхэб сначала и не подозревал в кроткой деве такой сильной воли.

По пути в Стигию Балзу вышла из-под его влияния. Она отказывалась подчиняться. Пришлось везти ее в колодках и кормить насильно. Верхний храм отказался от строптивой рабыни. Татхэб забрал ее себе.

Под правой передней лапой каменного льва, того, что будет по левую руку, если стоять и смотреть в глаза медному изваянию, находился каземат. Идеальное место для того, чтобы свести человека с ума. Солнечный свет никогда не проникает туда, однако в полной темноте узник может спать, грезить, думать о солнце... Поэтому круглые сутки каземат освещается масляными лампами, снабженными колпачками из разноцветной слюды. То розовые, то зеленоватые, то ярко-желтые, то кроваво-красные отсветы пляшут под сводчатым потолком. Это действует на нервы так сильно, что пленник начинает вскорости шарахаться от каждой тени. Некоторые выдавливают себе глаза, думая избавиться этим от дурманящего наваждения. Напрасно! Даже ослепленный, человек продолжает видеть вокруг назойливые разноцветные пятна и впадает в окончательное безумие.

Вторым жестоким изобретением, придуманным для подавления человеческой воли, были особые трубы, скрытые в толстых каменных стенах. Они наполняются ветром, гуляющим снаружи, и поют каждая на свой лад. Звук негромкий, сперва — еле различимый, но уже через несколько колоколов заключенный начинает затыкать пальцами уши. Тщетные старания — пение труб колеблет воздух в камере, и пленник становится сплошной барабанной перепонкой. Он слышит этот звук ногами, спиной, животом... Звук рождается прямо у него в голове, мешает думать, мешает спать...

Вторую луну Балзу является узницей каземата. Вторую луну она борется за свой рассудок и до сих пор не побеждена!

— Девчонка из Турана интересует меня, как ученого, — заявил Татхэб на жреческом собрании. — Возможно, она — колдунья, а еще возможнее — ученица одной из закрытых кастовых школ. Все мы слышали о туранцах, умеющих глотать горячие угли или задерживать дыхание на два полных дня. Были даже такие, кому удавалось переноситься силой мысли на значительное расстояние без помощи внешних магических средств. И конечно, каждому о грамотному человеку известно о чтении мысли, практикуемом тамошними жрецами. У нас тоже имеется нечто похожее. Изучив технику моей подопечной, мы сможем найти в ней уязвимые места, и тогда, во славу Сета, наше могущество возрастет...

Подобные выступления всегда находили горячий отклик среди служителей Среднего храма. Надменные жрицы Верхнего только поджимали губы, опасаясь открытой конфронтации. А жрецы Нижнего храма боязливо шарили глазами, не зная, к кому примкнуть.

Татхэб все это видел и благодарил заклинателя змей. Именно он научил его управлять мимикой лица, чтобы не обнаружить своих чувств перед леопардовой гадюкой, которая жалит только сомневающихся. Если бы ни уроки заклинателя, ожил бы клубок гадюк из Верхнего храма, и Татхэб не дожил бы до рассвета.

А через три дня после приснопамятного выступления он осуществил свой замысле, который лелеял давно. Расчет был верным. Обычно Сет сам стережет

свои сокровища и помогает отыскать воров. Но в данном случае у божества не могло быть никаких претензий к своим служителям. Татхэб самолично зачернил лик изваяния.

— Ничего, о величайший! Скоро тебя усладят изысканным зрелищем, к тому же грандиозным в исполнении! — нашептывал послушник. — О, мудрый и смертоносный! Оцени мою шутку, ибо, знаю я, ты любишь такие шутки!

Заключив Балзу в каземат, Татхэб спас ее тем самым от жуткой участи и находил в этом немало забавного, так как последующая судьба юной туранки вряд ли была бы лучше смерти на колу.

Она сильно похудела, и бледность покрывала ее кожу, некогда золотисто-смуглую. Пока Балзу оставалась наедине с собой, черные ее глаза роняли слезы почти беспрерывно. Но едва мучитель появлялся на пороге камеры, как в заплаканных глазах проступала твердость.

Мало того, рабыня позволяла себе пренебрежительный тон в своих дерзких речах.

— Глупый, — говорила она, — я могла быть твоей и только твоей. Для этого не нужно было ни цепей, ни замков. А теперь ты мучаешь одну лишь мою оболочку. Ждешь меня там, где меня нет.

— А что будет, если я возьму тебя силой? — злился Татхэб.

— Ты овладеешь одной только плотью. Много радости тебе это не доставит, — спокойно отвечала Балзу.

Он и сам это знал. Но ему не нужна была женщина, по крайней мере, его собственная плоть не тянулась к женской плоти, как это бывает с мужчинами примитивными, неотесанными и несведущими в Великом Искусстве. Татхэб нуждался в торжестве иного рода.

Он стоял и без особого интереса наблюдал за судорогами одной из жриц, той самой, что когда-то велела наказать его палками из-за какого-то пустяка. Теперь она стонет, то сипло, то визгливо, ощущая острие кола в собственном животе.

— Скажи, о почтенная, — обратился к ней Татхэб, — теперь ты ближе к Сету, чем когда-либо?

— Воистину, это так, — хрипло отвечала жрица. Ее лицо искажло страдание, но она сумела улыбнуться презрительно краями в кровь искусанных губ и гордо глянула на вопросившего сверху вниз.

— Заклинаю тебя из праха, — страстно заговорил Татхэб, — спроси у повелителя повелителей, как мне, недостойному, покорить и растоптать гордое сердце негодной туранской рабыни?

Некоторое время жрица молчала, закатив глаза. Татхэб уже было решил, что она потеряла сознание, но неожиданно тело, пронзенное деревом, содрогнулось. Веки жрицы раскрылись, и он поразился новому цвету ее глаз. Только что они были серые, с поволокой боли, а стали ярко-желтыми, с вертикальными зрачками. Голос жрицы потряс его еще больше. То был голос низкий, утробный, голос рассерженного великана.

— Сделаешь, как я говорю. Возьми змею с изумрудным глазом, пусть она три дня пьет молоко с кровью, а на четвертый день пусть трижды ужалит в грудь непокорную рабыню. Это убьет любовь в ее сердце, и она станет послушной...

Татхэб повалился лицом в пыль.

— О, владыка владык! Что мне сделать во имя твое?

Громовой голос рассмеялся в ответ. Жуткий хохот сотрясал тело жрицы, а потом вдруг умолк. Жрица обмякла, кровь хлынула из ее рта. Татхэб решил, что это хороший знак.

* * *

— Что ты знаешь о Стигии? — спросил Конан.

— Ничего, — ответил Басра.

— Где ты жил раньше?

— В Ианте.

— Так ты из Офира? Ни за что бы не подумал, — ухмыльнулся варвар.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ты — черный.

— Там много черных рабов, — Басра неожиданно для себя оскорбился.

— Ладно. А откуда твои родители? Из Зембабве? А может, из Кешана?

— Насколько я знаю, они тоже жили в Ианте.

— А их родители?

— Мне это неведомо.

Киммериец сердито сверкнул глазами.

— Кром крепкорукий! Как же ты можешь жить, не зная о своих предках? Даже бесчувственный и глупый сорняк умирает, оторванный от корней!

— А к чему мне знать лишнее? — удивился Басра, на всякий случай отодвигаясь подальше от своего нового знакомого.

Конан даже зарычал от негодования.

— Тебе не приходило в голову, что ты можешь оказаться потомком царей, и твои славные пращуры плачут от стыда в загробном мире, глядя на то, как их жалкий потомок...

— Не приходило, — перебил его Басра, дивясь собственной храбрости. — И, если честно, плевать я хотел на давно истлевших мертвецов. Почему я должен стыдиться? Разве у меня нет других печалей? Моя шкура и мое брюхо принадлежат тому, кто меня купил. Но ведь больно не ему, а мне, когда по этой шкуре гуляет плетка. И урчание брюха ему не слышно... Вот что должно заботить человека, разве нет? Да и ты, бесноватый верзила, стал бы возиться со мною, если бы тебе не нужна была моя помощь? При чем здесь мои предки?

— Пока ты рассуждаешь, как раб, тебе не стать свободным, — произнес варвар сурово.

— Все это басни, — в тон ему возразил Басра. — Нет никаких свободных людей. Надсмотрщик, которого я обворовал, — разве он свободен? У него есть

невольники, и если рабы разбегутся, начальники измочалят его палками. А команда этой лодки? Лодка — их господин. А мой прежний владелец? Он был рабом лекарей и собственных слуг... Даже ты не свободен, северянин. Ты — раб своего слова, которое дал другу неизвестно для чего. Его дочь, скорее всего, уже мертва. Кстати, как мы ее найдем? Ты знаешь хотя бы, как она выглядит?

— Почему это тебя интересует? — Конан неожиданно хитро улыбнулся. — Ты ведь только что уверял меня, что тебя ничего не заботит, кроме собственной персоны? А? Отвечай.

Басра смутился и задвигал руками, словно пытался нащупать нужное слово в пространстве вокруг себя.

— Мне ее жалко... немного, — наконец признался он. — Жила в богатом доме, была дочерью вельможи и вдруг...

— Тебе ее жалко, — киммериец кивнул. — Что ж, вот ты и сделал второй шаг к свободе. Не так уж и плохо для потомственного раба!

И Конан на некоторое время потерял вкус к беседе. Он молча созерцал берега Стикса. Половодье давно сошло, и в долине, удобренной жирным илом, трудились крестьяне. Ветер шевелил рисовые метелки у самой кромки воды. Над ними плясали крупные стрекозы — иногда солнце вспыхивало сапфиром на их крыльях.

Крокодилов здесь было меньше, но время от времени поверхность воды вдруг шла волнистой рябью, и вытянутая зубастая пасть хищника показывалась то здесь, то там. А еще тут водились кумуди — огромные водяные змеи, способные проглотить целого быка.

Одна из этих тварей вытянулась перерек ленивого течения. Впередсмотрящий принял ее за бревно, поросшее мохнатой водорослью. Он издал предостерегающий крик, и один из членов команды свесился с носа лодки, чтобы оттолкнуть багром неожиданное препятствие. Но едва багор коснулся «бревна», вода вскипела. Несчастный закричал от страха, и в следующее мгновение перед ним оказалась огромная змеиная голова.

Кумуди не стала пожирать этого человека — вероятно, была сыта. Она просто ухватила его зубами за плечо, выдернула из лодки, тряхнула в воздухе и отбросила далеко назад. Должно быть, змея сломала ему хребет — тот камнем пошел ко дну, не издав больше ни звука.

— Почему они не сражаются с ней? — взвизгнул Басра, глядя, как остальная команда пала на колени перед кумуди.

— Потому что змея для них — воплощение божества. Они позволят ей убить их, всех до единого, но не притронутся к оружию, — ответил варвар.

Тем временем кумуди, рассерженная тычком багра, хлестнула в борт лодки своим тяжелым хвостом. Басра едва не улетел в воду — Конан вовремя ухватил его за короткие курчавые волосы на затылке. Остальные рабы ударились в панику. Сначала они бестолково бегали и кричали на нескольких языках сразу, а потом принялись сыпаться за борт, как спелые плоды с дерева. Надсмотрщик не препятствовал им — он спрыгнул в воду первым. С провор-

ством, почти невообразимым для его жирной туши, он поплыл к берегу, когда челюсти крокодила сомкнулись над его ногами, подобно капкану.

Хвост змеи продолжал молотить по бортам лодки. В считаные мгновения кумуди прикончила еще двоих — она сдавливала их кольцами своего тела, пока кости несчастных не превратились в мочало.

— Она уничтожит лодку! — орал Басра, посерев от ужаса. — Что нам делать, о боги!

Вместо ответа Конан подбежал к носу лодки и подхватил упавший багор. Когда кумуди, вставшая над водой в половину своей чудовищной длины, ринулась вниз, варвар размахнулся посильнее и ударил ее по носу.

Змея опешила.

Она никак не ожидала отпора. Ведь люди, плывущие на лодках, были ее законной добычей. И вдруг добыча взбунтовалась!

Она зашипела от ярости, отравляя воздух своим зловонным дыханием. Но нахальное маленькое существо на носу лодки ответило громким воинственным криком. Снова кумуди атаковала, и снова сильный удар по голове заставил ее отступить. На этот раз железный крюк багра повредил ей глаз. Боль вынудила змею прибегнуть к другой тактике. Она нырнула.

Варвар ликующе хохотал, глядя, как исчезает в глубине длинное, сверкающее чешуей тело. Казалось, змее не будет конца.

— Глупый водяной червяк! — кричал Конан. — Трусливая болотная жаба! Покажись, я укорочу тебе хвост!

— Сет покарает нас! Мы погибли! — возопили стигийцы. — Что ты натворил, невольник? Кто просил тебя нарушать волю Сета?

— Давайте схватим его и отдадим кумуди, — предложил старший из них. — Возможно, тогда Сет сжалится над нами!

Матросы вскочили и попытались окружить Конана. Их было четверо, но клинки их ножей оказались слишком коротки. Варвар вращал в воздухе багром с такой легкостью, будто в руках у него была полая тростина. Старшине команды он проломил голову, двоих свалил за борт сильными ударами. Последний, истошно завопив, метнул в Конана свой нож. Киммериец молниеносно взмахнул багром, и нож вонзился в его древко, не причинив варвару никакого вреда. Подвывая от страха, стигиец прыгнул за борт. Дальнейшая его судьба доподлинно не известна, но наверняка печальна.

Курчавые волосы Басры встали дыбом. Могучая фигура Конана в действии испугала его сильнее, чем кумуди. «Таких людей не бывает, — думал он. — Это демон. Теперь я знаю точно». Однако вместе со страхом Басра испытывал невероятный прилив сил и странное опьянение. Его грудь распирал восторг. Сердце стучало, словно боевой барабан.

— Как жаль, что врагов оказалось мало! — крикнул он. — Нет ничего приятнее, чем видеть их поражение!

Киммериец глянул на него и кивнул, одобрительно улыбаясь. Радость битвы еще переполняла его. Но внезапно он округлил глаза и издал предостерега-

ющий возглас. Басра в недоумении оглянулся через плечо и застыл. Страшная голова кумуди, окровавленная, с выбитым глазом, висела прямо перед ним. Басра набрал полные легкие воздуха, чтобы закричать, но вопль застыл в его глотке. Он попробовал отбежать, но ноги приросли к плетеному настилу. Собственное тело отказалось служить негру.

Змея метнулась к нему, обхватила его туловище своей гибкой, холодной шеей и подняла в воздух. Одна рука Басры осталась свободной, вторую прижало к боку.

Боль в стиснутых ребрах неожиданно отрезвила его. Тупой, парализующий страх сменился острым желанием жить. И свободная рука сама собой потянулась к ножу, спрятанному в складках набедренной повязки. Змеиное горло пульсировало прямо над ним, и Басре захотелось впиться в него зубами. Ладонь нащупала рукоятку ножа и словно срослась с нею. Помедлив долю мгновения — она растянулась бесконечно долго, — Басра отдался во власть наитию, с удивлением обнаружив, что его тело знает, что делать. Точно отмеренным движением он вонзил нож прямо в пульсирующее горло под нижней челюстью.

И тотчас змеиные кольца разжались, и Басра упал обратно в лодку, ударившись головой о борт. Кумуди застыла, как столб, и вдруг змеиное тело выгнулось дугой. Она принялась колотить головой о воду, поднимая тучи брызг. Волны, вздыбленные чудовищной агонией, толкали лодку в корму, и она удалялась все дальше и дальше от издыхающей твари.

— Ты сделал третий шаг к своей совбоде, — сказал Конан, когда Басра пришел в себя после падения. — Ты убил врага. Сам, своими руками. Дальше пойдет проще, поверь мне.

Басра пощупал пальцами шишку на гудящей голове, тихонько повыл, а после сказал деланно-равнодушным тоном:

— Жалко ножа. Хороший был нож, красивый.

* * *

— Где же я найду тебе змею с изумрудным глазом? — язвительно спросил старый заклинатель, когда Татхэб пришел к нему на постоялый двор. Впрочем, заведение это больше походило на ночлежку для бродяг. В праздники здесь останавливались те самые нищие из паломников. Бывший учитель Татхэба жил тут по двум причинам: во-первых, на постоялом дворе в изобилии водились крысы, потребные для кормежки его питомцев, а во-вторых, за хорошую плату здесь поселили бы не только змей, но и морских холодных спрутов.

Хутту — так звали заклинателя — к жизненным удобствам относился пренебрежительно. Седмицами он не совершал омовений и нисколько не устрадал из-за этого. Блохи и клопы никогда его не кусали. Единственным, к чему он относился почти благоговейно, являлась его лысина.

Раз в седмицу он скреб ее пемзой, а по прочим дням заботливо смазывал сандаловым маслом.

Татхэб пришел в тот момент, когда Хутту завершал эту процедуру. Масло было дешевым, самого низкого качества. Запах от него в тесной комнатенке стоял такой, что жрец даже прослезился.

— Змея с изумрудным глазом — огромная редкость, — скрипучим голосом начал Хутту свое поучение. — Раз в пятнадцать зим владыка владык рождается на земле в виде меднобокого змея и осчастливливает своим семенем обыкновенных земных гадюк. В положенное время гадюки, обычно живородящие, откладывают яйца. Внутри этих яиц — не змеиные зародыши, а крупные изумруды. Во всех, кроме одного. Из него выводится та самая змейка, чаще всего левый ее глаз — ярко-зеленого цвета, а правый — обыкновенного, желтовато-серого, с черным зрачком. Объясни мне, о непутевейший из учеников, для чего тебе такая змея? Ты хочешь вспомнить ремесло, которому я тебя обучал?

— Теперь я укрощаю людей, о учитель, — усмехнулся Татхэб, потупив глаза. — Люди опаснее змей.

— Согласен с тобой, — заклинатель в последний раз промокнул лысину намасленной губкой и несколько раз щелкнул языком. Из-под тюфяка, шурша чешуеей, вытекла огромная черная кобра. Она подползла к Хутту, застыла на мгновение, приподняв голову, затем, с шипением атаковала губку. Впилась в нее зубами, обвилась вокруг и, вращая длинным телом, точно штопором, потащила губку в угол. Там она опустила ее в горшок, в котором, судя по тихому плеску, содержалось масло. Проделав свой трюк, кобра скользнула обратно под тюфяк.

— Согласен, — повторил заклинатель, обнажая в усмешке подгнившие зубы. — Но это еще не делает их интересными. Они же скучны, мой мальчик.

— Не все, — возразил жрец.

— Неужели ты нашел любопытный экземпляр?

— Похоже, что так.

— А кто она? — Хутту ухмыльнулся еще шире, от чего его физиономия стала похожа на змеиную морду. Если бы он вдруг высунул наружу кончик раздвоенного языка, Татхэб закричал бы от испуга.

— Как ты догадался? — воскликнул он шепотом. — Ты умеешь читать мысли?

— Более скучного чтения нельзя и придумать. Людские мысли — вздор, и твои — не исключение. Зато твои чувства просто кричат, только на тайном языке, — произнес Хутту.

— В моей душе поселилась страсть, — признался Татхэб. — Предмет этой страсти — туранская девка. Забракованная рабыня, дерзкая, гордая...

— О, ты почти восхищаешься ею!

— Именно над ней я хочу властвовать, так же, как ты властвуешь над своими кобрами. Хочу водить ее Садами Боли и ощущать ее трепет... Меня бросает то в жар, то в холод, когда я думаю об этом. Скоро... — Татхэб зашептал торопливо: — Скоро я стану главным жрецом, хозяином Верхнего храма. Мне при жизни построят великолепную гробницу. Я сказочно обогащусь, у

меня будет целая армия рабов. Но счастье мое будет неполным без прекрасной Балзу...

— Попробуй ее высечь, — посоветовал заклинатель, — иногда это здорово действует.

— Нет, учитель! — резко возразил жрец. — Она будет сопротивляться даже под розгой, и это не принесет мне наслаждения. Вот когда она сама начнет искать муки...

— Мои уроки не прошли даром, — улыбнулся заклинатель. Его физиономия светилась, то ли от потеков масла, то ли от безграничного самодовольства. — Бедный мальчик! — продолжал он. — Ты опоздал родиться. Два века назад, когда сила змееголового была в самом расцвете, он лично помог бы тебе. Твои стремления — удел великого человека, а не простого смертного. Что ж, придется мне поддержать тебя, Татхэб. У меня есть для тебя чудесный подарок!

Хутту закряхтел, поднялся с пола и устремился в противоположный угол комнатушки, заваленный ворохами грязного тряпья. Он принялся ворошить его, бормоча себе под нос. Едкое зловоние распространилось вокруг. Наконец с торжествующим криком заклинатель обернулся к ученику. В руках он бережно сжимал небольшую черную коробочку.

— Что это? — спросил Татхэб, недоумевая.

— Открой и посмотри.

Приняв подарок из холодных сморщенных рук, жрец открыл коробочку и скривился от разочарования. На дне ее, похожая на скрюченный засохший сучок, лежала крошечная змейка. Пасть ее была приоткрыта и издавала отвратительный запах. Правый глаз, блеклый и мертвый, походил на горошину черного перца, зато левый даже при свете чахлой лампы искрился зеленым.

— Она же дохлая! — брезгливо сморщившись, проговорил Татхэб.

— Глупец! — вскричал Хутту. — Это мумия!

— Ну и что с того?

— Одно заклинание и несколько капелек крови — и она оживет, — заклинатель заговорил спокойно и негромко. — Только кровь возьми у этой туранки. Ведь змея именно ее должна укусить?

— Тебе и это известно! — поразился жрец.

— Мне известно больше, чем ты можешь вообразить!

Сказав так, Хутту потер руки и рассмеялся.

* * *

— Ну, и что дальше? — спросил Басра.

— Дождемся темноты, — ответил Конан, убивая одним шлепком ладони полдюжины москитов на своем плече. Раны от стрел или доброй стали никогда не причиняли варвару столько неприятностей, сколько доставляли их эти мелкие, подлые твари. Укусы москитов выводили киммерийца из себя. Его

глаза давно налились кровью, как у взбешенного носорога, и сила воли уходила вся без остатка на то, чтобы держать себя в руках.

Друзья ожидали сумерек в густых зарослях папируса. Неподалеку оказался лагерь солдат, встреча с которыми не входила в планы Конана. Хотя, с другой стороны, в лагере можно позаимствовать очень много полезных вещей. Например, оружие и одежду.

— И еду, — добавил Басра, поскольку уязвленный москитами варвар рассуждал вслух.

— Ты же ел сегодня утром! — сердито сказал Конан.

— У меня урчит в животе! — пожаловался Басра.

— Ты все еще раб. Невольник собственного брюха. Стыдись!

— И не подумаю. Разве ты не чуешь запах прекрасной рисовой каши с мясом? — Басра причмокнул. — Я могу назвать каждую приправу, которую солдатский повар положил в котел. А мясо? Это чудесная жирная баранина...

Конан зарычал. Есть ему хотелось не меньше, чем его товарищу. Возможно, даже и больше. В лодке оставался довольно солидный запас вяленой козлятины и съедобных клубней. Но Басра как-то незаметно съел почти все. Удивительно, но живот темнокожего раба так и остался впалым, словно съестное моментально сгорело в прожорливой печке. Конан замечал и раньше, что такие щуплые и низенькие мужчины съедают в два раза больше полнокровных здоровяков.

— В доме моего бывшего господина служили две кухарки, — разглагольствовал Басра, почесывая пузо. — Одна никуда не годилась, но была молодой и хорошенькой. А вторая — толстая, с во-от таким носом и тремя подбородками, готовила, как богиня. Возьмет, бывало, ломоть мяса...

— Слушай меня внимательно, — перебил его варвар. — Сейчас ты подберешься к солдатскому лагерю как можно ближе и узнаешь, сколько там человек. Ты считать умеешь?

— Умею. — Басра растерянно заморгал.

— Посмотришь также, где стоят часовые. Если тебе удастся подобраться к лагерю вплотную, запомни, где именно солдаты сложили оружие.

Басра заморгал.

— А если меня заметят?

— Убьют.

— О боги! — вздохнул Басра. — Но мне, знаешь, что-то не хочется никуда идти. Может, ты сам сходишь? Проклятая змея вывихнула мне ногу...

— Если ты останешься, тебя убью я. — Конан произнес это негромко, но чрезвычайно убедительно.

Басра в очередной раз вздохнул и подчеркнуто прихрамывая направился на запах рисовой каши.

Если вы подумали, что Конан задался целью перевоспитать трусливого раба и сделать из него человека (как это понимают в Киммерии, разумеется), то вы ошиблись. Меньше всего варвару хотелось возиться с неумелым и нена-

дежным спутником. Но Конану действительно требовался темнокожий помощник.

Другие рабы в лодке никогда не сошли бы за стигийцев, среди которых многие имеют красновато-коричневый цвет кожи. Бывают иссиня-черные стигийцы, бывают даже пепельно-серые. Но не белые. За зимы странствий и приключений кожа самого варвара покрылась густым бронзовым загаром, но синие глаза, форма носа и манера двигаться сразу выдавала в нем северянина. Поскольку Конан не мог вызвать на поединок всю Стигию разом, приходилось действовать иначе — без лишнего шума и постороннего внимания. Басра волею судьбы оказался единственной подходящей кандидатурой. Искать другого было некогда и негде.

С другой стороны, при всех своих слабостях и недостатках Басра оставался доверчивым, как младенец, и таким же простодушным. В товарищах такой человек предпочтительнее бывалого, но расчетливого и замкнутого...

Явился свежий боевой отряд москитов, и Конану пришлось вступить с ними в неравный бой, весьма кровопролитный. Варвар предпочел бы иметь дело с голодными крокодилами — они, по крайней мере, не издают таких противных звуков.

Тем временем Басра увидел первого часового. Тот ничего не заметил, да и вообще смотрел в другую сторону, но от испуга у Басры подкосились ноги. Обыкновенный легковооруженный стигийский солдат показался ему страшным великаном.

А запах съестного между тем усиливался. Вдобавок еще и ветер подул со стороны лагеря. «Боги!— подумал Басра, сглатывая слюну. — Это же выше сил человеческих!»

И он пополз дальше, обходя часового по широкой дуге.

Шагах в двадцати влево обнаружились еще двое. Их Басра испугался меньше, чем первого. Пользуясь удаленностью от начальства, стигийцы играли в кости. Один из них жульничал, причем его противник этого не замечал и вблизи, а Басра вот разглядел даже издалека. Солдатские копья с зазубренными серпообразными наконечниками стояли воткнутые в землю тупой стороной древка. Это была типичная солдатская хитрость. Со стороны казалось, будто часовые, как им и положено, замерли неподвижно с поднятыми копьями, просто их скрывают высокие заросли.

Басра ползком обошел лагерь кругом и насчитал восемь солдат на посту. За деревянным частоколом, сооруженным наспех, готовились к ночлегу еще человек сорок. Повар у них никуда не годился — каша начинала подгорать, но все равно запах ее сводил Басру с ума.

Задыхаясь от волнения, Басра выкопал из земли какой-то корешок и сжевал его.

— Ничего, — пробормотал он, — съедобно. Интересно, как он называется?

Второй и третий корешки тоже оказались годными в пищу, но четвертый... Сначала Басре показалось, что во рту у него вспыхнул пожар. Потом этот по-

жар переместился в живот. Басра, никак не ожидавший такого поворота событий, испустил протяжный, леденящий душу крик и, вскочив, забегал по кругу, хлопая себя ладонями по животу.

Часовой, стоявший в пяти шагах от Басры, взвизгнул противно-тонким голосом, бросил копье в сторону и побежал в сторону лагеря.

— Полосатый демон! Тревога! — голосил он.

Вероятно, это был неплохой солдат. Очень возможно, что в битвах с врагами он не ведал страха. Но черное, покрытое белыми полосами существо, выскочившее с воем из-под земли, не могло принадлежать к человеческому роду. А различных духов и демонов стигийцы боятся и чрезвычайно чтут.

Ползая в кустах, Басра испачкался белым илом, который густо покрывал стебли папируса и тростника. В сумерках светлые полосы на его теле действительно производили пугающее впечатление. К тому же из-за жгучего сока корешка глаза Басры вылезли на лоб, волосы встали дыбом, а изо рта пошла белая пена. Солдаты в лагере увидели его. Паника часового передалась им быстрее чумной заразы. Прыжки и страшные гримасы Басры они посчитали магическим танцем.

— Надо умилостивить демона! — кричали они. — Принесем ему жертву!

Командир единственный сохранил ясность ума. Демонов он не боялся. Куда больше его страшила утрата солдатами дисциплины. Он мгновенно сообразил, что следует предпринять, и отдал четкий приказ.

— Строимся и отходим в организованном порядке. Если демону нужно наше подношение, пусть возьмет сам то, что сочтет нужным.

Когда пожар в животе Басры погас, он увидел, что лагерь пуст и между ним и котлом с кашей не осталось больше ни одного часового.

* * *

— Копье, пара ножей и меч. Неплохо, — одобрил Конан.

Басра что-то промычал с набитым ртом.

— Тебе повезло, — заметил варвар. — Корень луксурского перца чрезвычайно жгуч, но не ядовит. Если бы тебе попался местный сорт разрыв-травы, то тебе бы не поздоровилось, ты просто лопнул бы, как кхитайский фейерверк.

— Я уж подумал, мне конец, — признался Басра. — Хвала богам, каша достаточно жирная, и мои кишки больше не полыхают...

Конан не мог представить себе, как его сообщник ухитрился дотащить, кроме оружия, еще и котел, полный до краев. «Должно быть, при виде еды его сила удесятеряется, — подумал он. — Это может пригодиться».

Басра лопал, зачерпывая кашу обеими руками попеременно, но сожрать за один присест то, что приготовлено на сорок человек, даже ему оказалось не под силу. Рыгнув с сожалением, он повалился на спину и блаженно застонал.

— Нам пора идти, — сказал Конан.

Басра притворился спящим.

— Я не собираюсь ночевать в болоте, — заявил варвар. — Если тебе хочется — изволь.

— Яви милосердие, — Басра дважды икнул и поморщился, — не бросай меня.

Конана разбирал смех. Нечеловеческими усилиями он сдерживался, но все-таки не выдержал и захохотал так громко, что дремавшие на отмели крокодилы в панике кинулись в воду и притаились на дне реки.

Этот смех услыхали и разведчики, посланные командиром солдат. Они вернулись и доложили:

— Все в порядке. Демон смеется — он доволен.

* * *

Была у Басры одна неплохая особенность — он не впадал в эйфорию от собственных явно случайных успехов и не задавался. Похититель ножа, победитель кумуди, лазутчик, нагнавший страху на регулярную армию, оставался кроток, как голубь.

Во-первых, подчиняться ему было удобнее, чем решать что-либо самому. Во-вторых, этот синеглазый верзила не требовал мелких услуг, и Басра стал обладателем огромной ценности — личного времени, каковое можно было употреблять на раздумья. В-третьих, Басре было интересно. Впервые за его не слишком долгую жизнь, в которой все было отмерено и учтено, Басра понятия не имел, что с ним произойдет завтра.

Они продвигались вдоль русла реки без особенной спешки, тем не менее с каждым переходом одолевая значительное расстояние. Сначала Басра недоумевал, почему его спутник не захотел плыть на лодке, остававшейся в полном их распоряжении. Но уже на следующий день понял: здесь встречается слишком много торговых и военных кораблей. Почуяв неладное, стигийцы без труда догнали бы их, потому как для такой посудины двух гребцов маловато, а ведь нужен еще и рулевой...

— Мы бы давно вышли в долину, если б нам улыбнулась удача, — мрачно заметил Конан. Москиты одолевали его, а в сочетании с липкой влажной духотой кровососущие твари выведут из себя любого, не только раздражительного варвара.

— Какую именно удачу ты имеешь в виду? — спросил Басра.

— Улыбка судьбы должна иметь наружность небольшого торгового каравана, — ответил варвар. — Желательно, слабоохраняемого.

Торговцев они так и не повстречали, зато наткнулись на небольшой отряд паломников. Они везли богатые подарки и четырех рабов в подношение Среднему храму. Охраняли их очень красивые, гладкие стражники, лоснящиеся от жира, внутреннего и наружного, числом аж двое.

Сперва Басра испугался и уполз на четвереньках, как ящерица. На небольшой поляне, где произошла схватка, стоял крик. Громко бряцало оружие. На

стороне варвара были неожиданность и напор. Стражники не уступали благодаря численному превосходству. К тому же стигийское оружие было им более привычно. Они двигались, словно танцевали, и солнце вспыхивало на широких серповидных клинках. Один из стражников норовил подобраться к киммерийцу сзади и полоснуть мечом под ребра. Волнуясь, обливаясь едким потом и подскакивая, Басра грыз от возбуждения стебли папируса и пытался молиться всевозможным богам. Но в голове у него все прыгало и перемешивалось. В какой-то момент Басра ясно понял — если сейчас этот красивый стражник ударит северянина мечом, его, Басры, приключения закончатся. Причем самым плачевным образом. Как сообщника разбойника его изрубят на месте или, что еще хуже, отвезут в Долину Смерти и принесут в жертву змеемордому жестокому богу. Эта страшная мысль поразила Басру. Страх перед неизбежной участью уничтожил все прочие страхи. Басра выскочил из укрытия, словно камень из пращи, и с копьем наперевес побежал на врагов.

Это случилось очень вовремя. Еще миг, и Конан был бы ранен в спину. Стражник, уже зашедший ему в тыл, услышал вопль Басры и обернулся. Он быстро смекнул, что его новый противник — не воин, потому как Басра держал копье неправильно.

Приняв необычайно эффектную позу, стражник изготовился уйти от копья, направленного неумелой рукой, и распороть врагу живот. Но чудесная, неведомая сила, охранявшая Басру, устроила так, что Басра споткнулся, зацепившись ногой о корень. Негр упал головой вперед, далеко вытянув руки с копьем, и наконечник, миновавший защиту опытного бойца, с хрустом пронзил грудь стражника. Негодующее изумление исказило лицо умирающего, он повалился и замер в неудобной позе.

В следующий миг второй стражник лишился головы. Конан, не переставая скалиться, метнулся в сторону и вытащил за уши из кустов двух богато одетых мужчин.

Басра поднялся и подошел к нему. Голова его кружилось, сердце подпрыгивало, дыхание было чужим — хриплым, клокочущим.

— Ты убьешь их? — спросил он, как мог равнодушно.

— Кром! Я не ем падали и не убиваю безоружных! — проревел варвар, все еще опьяненный схваткой. — Даже если это презренные стигийцы, поклоняющиеся ползучим тварям! Мне не нужна их смерть, мне нужна их одежда и все их добро! Вам понятно, мокрицы?

Стигийцы, к слову сказать, не поняли ни звука, но Конан крайне красноречиво потряс перед их лицами окровавленным оружием. Закатывая глаза от ужаса, паломники принялись раздеваться.

— Ого! Здесь необработанные сапфиры, две золотых лампы, четыре штуки отборного шелка и слоновая кость! — объявил Басра, исследовав тюки и корзины, притороченные к спинам мулов.

Мулы были злые, храпели, толкались и норовили укусить.

— Мы богаты! — ликующе воскликнул Басра и вдруг пустился в пляс.

Никогда раньше с ним не случалось такого. Но радость, вскипевшая в его крови, требовала выхода. И Басра плясал, на ходу изобретая диковинные телодвижения и гортанно вскрикивая при прыжках.

Если Конан устрашил паломников своим грозным видом, то танец разбушевавшегося чернокожего их просто уничтожил. Подвывая от ужаса, голые, они убежали в заросли, прикрывая на ходу срам. Рабы дали стрекача еще раньше, и дальнейшая их участь неизвестна.

— О боги! Я счастлив! Бедный недостойный негр счастлив! — кричал Басра. — Давай уберемся из этих проклятых мест! Вернемся назад, в Ианту!

— А что ты будешь делать со своей долей добычи? — Конан прищурился.

— Открою торговлю.

— Чем же будешь торговать?

Тон этих вопросов смутил Басру, и радость его поутихла.

— Н... наверное, рабами, — выдавил он с сомнением в голосе. Ничего другого просто не пришло ему на ум.

— Разве участь этих людей ничему тебя не научила? — удивился варвар. — Разве тебе хочется быть ограбленным и убитым из-за жалкой выручки, которую можно пропить за один вечер? Разве ты, Басра, хочешь потерять свободу, которую ты только что обрел? Поверь мне, работорговцы — те же рабы. Только они об этом не знают, поэтому их судьба еще хуже. Одумайся, глупый. Сегодня ты стал настоящим воином, и сразу хочешь скатиться до жалкого алчного торгаша.

— Подумаешь! — возразил Басра. — Чего особенного я сделал? Змея была куда опаснее этого наемника.

— Ты одолел кумуди, спасая собственную жизнь. А на охранника бросился, чтобы помочь мне, своему товарищу. Это гораздо почтеннее.

— Да? — Басра вдруг вспомнил, что именно заставило его атаковать стражника, и ему стало стыдно.

— Наверное, ты прав, — пробормотал он. — А глупый негр опять сморозил чепуху. Научи глупого негра. Скажи, как лучше распорядиться добычей.

— Я скажу. Мы отвезем ее в Долину Смерти и отдадим в храм, куда она и должна была попасть.

— Что? — Басра не поверил собственным ушам.

— Очень просто, — Конан ухмыльнулся. — Богатым дарителем будешь ты. А впридачу к подаркам будет невольник. Белый, сильный невольник. То есть — я.

— О боги! Что замыслил этот безумец! — Басра плюхнулся на землю и обхватил голову руками.

— Если мы поступим таким образом, нам будет проще найти туранскую девушку, — пояснил киммериец. — Ты отдашь меня одному из жрецов по имени Татхэб. Понаблюдав за ним, мы узнаем, что случилось с дочерью моего друга.

* * *

— Как случилось, что моя волшба перестала действовать на тебя, Балзу? — спрашивал Татхэб, сидя на трехногом высоком табурете.

— Вряд ли ты поймешь, — отвечала Балзу.

— Если ты постараешься объяснить, то пойму.

— Для тебя жизнь — сплошная цепочка хитростей, заклинаний и жестоких ритуалов. — Балзу на миг закусила губу. — Ты не поймешь, потому что жестокий демон, которому ты служишь, не позволит тебе этого.

Балзу стояла босыми ногами на лущеном крупном горохе. Горошины постепенно впивались ей в ступни, причиняя тупую ноющую боль.

— Это не пытка, — пояснил Татхэб, рассыпая горох по полу, — это способ снять доспехи с твоего сознания. Конечно, ты сама виновата в том, что мне приходится применять подобные меры. Ты неискренна со мною, туранка.

Балзу спокойно разулась и встала на горох. Но это была не покорность, а скорее наоборот, очередная дерзость. Демонстрация превосходства. Женщины любят демонстрировать превосходство. Догадываясь о подобном течении событий, Татхэб выпил двойную дозу так называемого «напитка мудрецов» — особого зелья, создающего иллюзию успокоения и отрешенности. Вскоре он ощутил, что пресловутая «мудрость» — одно из названий сонного отупения. Но не огорчился — из-за действия того же напитка.

— Великий Сет, владыка владык, не хочет, чтобы верный его слуга постигал законы жизни? За одно это утверждение тебя искупали бы в кипящем масле, — проговорил он медленно и усмехнулся.

— Конечно, он этого не хочет, — Балзу переступила на месте, отчего боль на мгновение сделалась резкой. — Ведь в противном случае ты отошел бы от него. Жестокость, без которой не мыслима его власть, — не признак силы. Напротив, это еще одна слабость. У каждого из вас под сердцем спит змея. Когда придет время, змея проснется и укусит. Жертва слаба, но истязатель всегда слабее — он сам несет в себе свою гибель.

— Большей глупости я не слыхал, — Татхэб утер лоб. Паузы между словами в его речи становились все длиннее и длиннее.

— Напри, жестокий тиран, правил моей страной. Это было не так уж давно. Он умер, наблюдая за казнью своей служанки. Казнь была страшной, она состояла из множества различных пыток. Напри упивался зрелищем. Когда мука несчастной достигла наивысшей степени, у него в голове лопнули сосуды. Кровь полилась из его глаз. Он скончался раньше приговоренной, а крик его заглушил ее стоны.

— Должно быть, он был просто слабак, — проговорил Татхэб, еле ворочая языком.

— Он был могучий воин и сильный мужчина, — возразила Балзу. — Но при этом, конечно, он был слабак.

Жрец с усилием мотнул головой.

— Вот пример многозначительной бессмыслицы, — заявил он. — Первая часть твоего утверждения противоречит второй и наоборот. Вернемся к моему вопросу. Как случилось, что ты ушла из-под моей власти? Если это такой важный секрет, может быть, стоит позвать палачей?

— В любом случае этим все закончится, — сказала Балзу без тени страха в голосе. — Но секрета тут нет. Ты помнишь утро накануне твоего отъезда, вернее — бегства из Султанапура?

— Стану я помнить всякий вздор!

— Я попала в плен к тебе почти добровольно. Я была готова петь тебе песнь любви, играть на твоей флейте, обвивать тебя, как лоза обнимает дерево... Я пришла в твой кабинет подарить тебе ласку. Ты сидел за столом и считал что-то, щелкая абаком. В глазах твоих горели золотые монеты. Я хотела коснуться сокровенной части твоего тела, мои губы шептали твое имя... А ты отстранил меня, как назойливую кошку, отодвинул, как предмет без тепла и души. Вот тогда твои чары и прекратили действовать.

Татхэб некоторое время слушал завывание ветра в потайных трубах. Ему хотелось рассмеяться, но нижняя часть его лица сделалась твердой, как каменная маска.

— Не может быть, — хрипло вымолвил он. — Ты все врешь, нарочно, чтобы я сошел с ума от досады... Погоди же. Сегодня ночью с тобой случится кое-что пострашнее, чем обыкновенные пытки. Участь служанки этого глупого Напри покажется тебе сладкой...

Сказав так, Татхэб спустился с табурета. К его горлу подкатилась дурнота, лоб покрылся испариной.

— Стражник проследит, чтобы ты простояла на горохе до вечера, — злобясь, сказал он. — У тебя будет еще время подумать о своем жребии...

— Изнасилование души гораздо болезненнее всяких пыток, — тихо молвила Балзу.

— О, как ты права! — бросил он и вышел, пошатываясь. Покинув каменное сооружение и стремясь поскорее оказаться на воздухе, — то ли от злости, то ли от зелья, — он забыл, что снаружи жарит солнце, а единственное место в тени занято кольями с наскаженными на них жрицами и рабынями. Зрелище казнимых рабынь сперва очень радовало Татхэба — они не умели держаться с достоинством, кричали, вырывались, отдавались агонии, совершенно не сдерживаясь. Но рабыни очень скоро утратили разум. Боль быстро пожрала их ничтожные души. Теперь они возбуждали не больше, чем коровы на бойне.

Рядом со входом дежурил новый раб Татхэба — несуразный верзила с выпуклыми мышцами и длинными волосами. Он был немой и кажется дурачок. Подаривший его паломник уверял, что раб не буйный. В самом деле, он бросался исполнять приказы, понимая их с полуслова. А как великолепно он орудовал плеткой, разгоняя тысячеголовую толпу перед носилками Татхэба!

Телохранитель был нужен жрецу, как никогда. Конечно, его кандидатуру многие поддержат. Но будут и враги. Не для того Татхэб провернул эту слож-

ную интригу, чтобы его зарезали на ступенях храма, который он уже привык считать своим.

Приказав немому следовать за собой, Татхэб пересек алтарь страдания и вошел в дверь, устроенную в задней лапе второго каменного льва. В одном из верхних ярусов этого сооружения находились его личные покои.

Здесь он держал змею, полученную от заклинателя Хутту. Сейчас она уже ничем не напоминала ту жалкую иссохшую мумию, какой предстала перед Татхэбом в первый раз, когда тот получил ее из рук своего учителя. Теперь это был раскормленный гад с лоснящейся желто-черной шкурой. Изумрудный его глаз горел дьявольским огнем и никогда не закрывался. Даже когда змея спала. Татхэб видел в темноте эту пылающую зеленую точку, которая денно и нощно напоминала ему о том, что даже если может утомиться и задремать животное, в чем теле помещается дух божества, само божество остается недреманным и вечно бодрым. Мертвый глазок стал желтым и холодно наблюдал за всем происходящим вокруг.

Завидев Татхэба, змея подползала к нему и принималась, как бы шутя, обвиваться вокруг его тела. Добравшись до головы жреца, она клала плоскую морду ему на плечо и блаженно щурилась. Змее нравилось прикосновение теплого человеческого тела, а дрожь ужаса, которая пробегала по этому телу, когда взгляд Татхэба встречался со взглядом божества, вызывала ответный трепет в длинном теле змеи.

— Скоро, — пробормотал Татхэб, принимая ласки своего страшного питомца, — скоро, дорогой, ты познаешь плоть юной девушки, которая носит в своем сердце умение любить... Скоро ты выпьешь из нее это умение и навсегда наполнишь ее душу мертвящим холодом... Какая чудная жрица для великого Сета получится из этой туранки!

Змея чуть приподняла голову и медленно покачала ею из стороны в сторону, словно хотела выказать одобрение. Татхэб никогда не мог понять, что из произносимого им змея понимает, а что воспринимает просто как некие колебания воздуха, производимые тем, кто дает ей молоко и кровь.

Впрочем, сейчас было не время задаваться подобными вопросами. Близились сроки, исполнения которых Татхэб ожидал с таким жгучим нетерпением.

Пламенное стигийское солнце медленно опускалось в воды Стикса. Становилось темно. Богиня-ночь раскинула над Стигией широкое черное покрывало, усеянное точками звезд. Луна еще не начала своего пути по небосклону — она взойдет позднее. От волнения у Татхэба лязгали зубы, и он невольно потянулся за эликсиром «мудрости». Лишь бы не показать перед божеством и его будущей жрицей (или жертвой?) своей человеческой слабости... Потому что в глубине души — и Татхэб знал об этом — он так и остался нелюбимым сыном властной матери-шлюхи, которая была так щедра на пощечины. Образ старухи, умирающей перед ним в сумерках, сглаживался — оставалось молодое, сильно накрашенное, злое и притягательное женское лицо, лицо богини — служительницы бога.

Нет, Татхэб не покажет женщине своего волнения! Он быстро сделал глоток из маленького флакона и протянул руки к змее. Словно поняв его намерение, змея выбралась из своей корзины и стремительно потекла по полу.

Татхэб поднял ногу, и змея обвилась вокруг нее. Затем поднялась выше. Ее сверкающие золотые кольца, вспыхивающие пламенем при тусклом свете масляной лампы, охватили тело жреца, словно некая волшебная кольчуга.

Немой раб, стоя у выхода, наблюдал это с бесстрастным и тупым видом. Татхэб, впрочем, мало задумывался над тем, какие чувства питает его телохранитель по поводу происходящего. До сих пор немой не давал ни малейшего основания усомниться в его преданности и полезности. И самое главное – этот немой был мужчиной. Не женщиной. Он не мог презирать Татхэба.

Сделав верзиле-телохранителю знак следовать за ним, Татхэб покинул свои покои, унося змею на собственном теле и покрыв ее плащом, чтобы сторонний наблюдатель ничего ненароком не заметил. Незачем. Один из секретов могущества — таинственность. Персона жреца должна быть окружена полной и непроницаемой тайной.

А это, в частности, означает, что когда Татхэб добьется своего и возглавит жречество в Долине Смерти, придется избавиться от Хутту...

Но это все потом, потом. Сейчас первоочередная задача — Балзу. Сломить ее дух. Вот что важно. Иначе Татхэбу не будет покоя до конца дней его.

Девушка встретила его с видимым спокойствием. Татхэб, опытный в созерцании страдающих людей, умел различать деланное спокойствие и истинное, которое встречается крайне редко — по правде говоря, вообще практически никогда. Он умел разбирать в глазах жертвы любое чувство, которое та пытается скрыть или подавить. Татхэб вовсе не хвастался, когда утверждал, что может читать человека, точно книгу. И вот сейчас он при всей своей проницательности не мог усмотреть в глазах своей пленницы ничего, кроме презрения к нему, слабому человеку, который пытается разгадать великую загадку любви, рассекая жертвенным ножом сердце, способное любить и удивляясь тому, что видит только комок плоти и сгустки крови.

Немой привычно занял место у выхода, оглядываясь по сторонам в поисках того, кто мог бы притаиться поблизости и покуситься на жизнь жреца. Татхэб позвал стражу.

— Приковать ее к стене, — распорядился он. — И снимите с нее одежду. Я хочу видеть, как пот покроет это гладкое тело. Впрочем, нет... обнажите грудь и так оставьте.

Стражники схватили девушку и подтащили ее к кольцам, вмонтированным в стену темницы. Один навалился на нее и придавил к стене, а второй грубо схватил тонкую руку пленницы и всунул ее в кольцо. Щелкнул замок — запястье оказалось намертво прикованным к стене. Затем настал черед второй руки. Балзу не сопротивлялась. Стражник, державший ее, едва не задушил девушку своим зловонным дыханием. Втайне он пытался пошарить у нее под одеждой, но времени, к счастью, у негодяя было слишком мало.

— Готово! — крикнул первый стражник.

Татхэб медленно усмехнулся.

— А теперь — ступайте, — сказал он. Стражники нехотя покинули помещение. Между собой они давно спорили, как долго продержится новая пленница Татхэба. Ставки росли, Балзу не сдавалась, и теперь для храмовой стражи стало жизненно важным узнать — что еще намерен предпринять жрец, чтобы подчинить себе жертву.

Но их выставили — и довольно бесцеремонно. Хорошо бы расспросить татхэбова раба, думали, уходя, стражники, но проклятый северянин, как на грех, немой. Или притворяется немым — зато очень успешно. В любом случае он ничего не расскажет.

Широко раскрыв глаза, Балзу смотрела, как ее мучитель распахивает на себе плащ. Татхэб двигался неспешно.

Его движения замедляло действие зелья, но еще больше — желание растянуть наслаждение, упиться ужасом жертвы, который должен расти по мере того, как вся картина предстоящей пытки раскроется перед Балзу во всей полноте.

Змея, обвивавшая тело Татхэба, увидела девушку, шевельнула головой и принялась жадно высовывать из пасти трепещущий язык. Затем она медленно, кольцо за кольцом, покинула тело жреца и подползла к прикованной пленнице. Скользнув по стене, змея поднялась к ней и заглянула ей в глаза своими страшными разноцветными глазами. Балзу до крови закусила губу.

Ей было страшно... и вместе с тем она не боялась. Она никогда не опускалась до внутреннего согласия со своим палачом, поэтому ледяной ужас, который ожидает жертв Сета, миновал ее. Трепетала слабая юная плоть, испытывая естественный человеческий страх перед смертью и болью, но Сет не поглотит ее душу и не будет пожирать ее в вечности, среди тьмы и холода, как это случилось с умершими жрицами.

Змея отползла от стены на несколько шагов, поднялась на хвосте и принялась танцевать. Она то свивалась кольцами, то поднималась до середины туловища и раскачивалась под какую-то одной ей слышную мелодию.

Постепенно жуткая пляска змеи становилась все быстрее, все стремительнее сверкало золото чешуи в полной темноте, все ярче вспыхивал зеленый глаз божества в плоской змеиной голове.

Татхэб почувствовал, как волнение охватывает его. В нем трепетал каждый орган, каждый член. Пляска змеи оказывала на него странное действие. Его сердце начинало гореть и расширяться в груди, живот напрягся так сильно, что мышцы стало сводить, а детородный орган налился кровью и бешено потребовал удовлетворения. Жгучий жар плотского вожделения охватывал все тело жреца, и все же он не мог двинуться, потому что и руки и ноги его выкручивало судорогой при малейшей попытке шевельнуться.

Татхэб застонал сквозь зубы... Внезапно яркая вспышка пронзила его сознание, а сердце с оглушительным звуком, который слышал только один Тат-

хэб, взорвалось в груди. Мощнейшее облегчение сотрясло все тело жреца, и семя его фонтаном излилось на пол.

В то же самое мгновение тьма начала застилать глаза Татхэба, и он повалился на каменные плиты, хрипя и задыхаясь.

Дрожь пробежала по его телу, в памяти мелькнуло непонятное слово: «Напри!» — и все затихло. Татхэб был мертв.

А змея вдруг поднялась на самом кончике хвоста, закружилась и превратилась в человека. Это был толстый лысый человек... и будь Татхэб еще жив, он признал бы в нем своего старого учителя, заклинателя змей Хутту. Но Татхэб лежал на полу мертвее мертвого, и Сет пожирал его душу, погруженную в ужас и леденящий холод. А немой телохранитель расширил синие глаза и неожиданно обрел дар речи, взревев:

— Кром!

Перед ним, поднявшись на кончиках пальцев, с нечеловеческой грацией вращался в танце раздутый, точно демон, великан. Вот он, наклонившись, уставился на тело Татхэба, а затем, невероятно широко разинув пасть, проглотил своего бывшего ученика целиком.

Видно было, как по горлу чудовища проползает туловище человека, — оно на миг вспучилось, а затем снова опало. Конан выхватил серповидный меч и метнулся к монстру.

* * *

Пока «телохранитель» наскакивал на гиганта, нанося ему удар за ударом — впрочем, без ощутимого вреда для последнего, — его сообщник Басра пробрался в апартаменты Татхэба.

Конан велел ему осмотреть там все как следует, чем и занялся негр, дивясь собственной дерзости и предприимчивости.

— А что если покои охраняются вооруженными слугами? — спросил сам себя Басра, прокрадываясь по лестнице наверх. Он старался не думать о том, что находится внутри каменного льва, в самом средоточии жреческой власти Долины Смерти. — Ну и пусть охраняются, — решил он после недолгого раздумья. — Я с ними покончу!

И негр потряс в воздухе кинжалом. Он стал очень храбрым.

В покоях Татхэба поначалу Басра не обнаружил ничего стоящего. Одежда... Но натягивать на себя то, что облекало жреца Сета... Бр-р! От одной мысли об этом негра пробирала холодная дрожь.

Украшений он нашел совсем немного, и все они были довольно дешевыми. В досаде Басра принялся перерывать сундуки и постель и наконец перед ним предстал небольшой сундучок.

— Ага! — воскликнул Басра, сверкая белыми зубами не то в улыбке, не то в хищном оскале. — Кажется, нашел!

Сундучок был заперт на прочный замок. Напрасно Басра озирался по сторонам в поисках ключа. Напрасно тряс сундучок и даже бросал его на пол. За-

мок не поддавался. В конце концов Басра всунул кончик кинжала в щель между крышкой и стенкой сундучка...

Едва не сломав лезвие, протиснул его глубже, надавил... Наконец-то! Послышался треск, и крышка поддалась. Басра сорвал ее с петель и едва не закричал от разочарования.

Сокровища? Монеты? Как бы не так! На дне сундучка лежала маленькая сморщенная змеиная шкурка.

Осыпая проклятьями Сета, его служителей, себя — глупого негра, а заодно и киммерийца, который втравил его в эту историю, Басра схватил шкурку двумя пальцами и швырнул в очаг, где несмотря на жаркий день тлел огонь. Тотчас пламя вспыхнуло невероятно ярко, так что у Басры сразу заболели глаза, и так же внезапно погасло. Басра зажмурился. Белые круги расплывались у него перед глазами, он чувствовал себя ослепленным. В голове что-то стучало.

Басра плюнул на пол и, шатаясь, побрел к выходу. Ничего путного в этой комнате нет. Возможно, Татхэб жил ради ощущения власти над другими людьми и презирал материальные блага. Тем хуже для Басры и Конана. Потому что власть над людьми — это такая проклятая штука, которую не может украсть даже самый ловкий вор.

* * *

Тем временем Конану приходилось туго. Великан наваливался на него своей необъятной тушей, давил животом, пытался наступить на человека ножищей. Конан едва уворачивался от своего противника. Хутту глухо, утробно хохотал, наслаждаясь неравным боем со слабым и маленьким противником. Он оттягивал то сладкое мгновение, когда сможет пожрать варвара живьем. Да, заклинатель не станет убивать этого человека. Мертвец, конечно, — лакомое блюдо, но живая плоть, погружающаяся в бездонное чрево чудовища, еще трепещущая в желудке, доставляет несоизмеримо большее удовольствие.

И вдруг что-то произошло. Хутту испустил отчаянный громкий вопль и скорчился. Он опустился на четвереньки, обхватил себя за плечи руками и затрясся неестественно быстро и крупно. Все его гигантское тело содрогалось, складки жира вздрагивали, как будто по ним хлопала невидимая ладонь. А потом что-то произошло, и вот уже перед Конаном на корточках сидит человек самого обыкновенного роста.

Испустив ликующий боевой клич, варвар взмахнул стигийским мечом и обрушил его на шею своего противника.

Голова Хутту покатилась по полу, губы его все еще двигались, а глаза моргали. И вдруг Конан ясно увидел, что голова — змеиная. А тело, оставшееся биться в корчах на полу, вдруг окаменело — это была пересушенная мумия, давно почерневшая от старости и покрытая жирными темными пятнами прогоркшего масла, которое используется дешевыми мастерами при бальзамирова-

нии. Фонтан горячей крови ударил в стену и залил пленницу. Она не выдержала — забилась о стену, пытаясь высвободить руки.

— Тише ты, — сказал ей варвар, приближаясь. Меч он бросил на пол, и клинок, звякнув, исчез в полутьме. — Ты Балзу, не так ли?

Девушка молча смотрела в надвигающееся на нее лицо. Это было довольно привлекательное мужское лицо с холодными синими глазами, обрамленное копной нечесаных черных волос. Неожиданно варвар усмехнулся, и взгляд его сразу потеплел.

— Хорошая дочка у моего друга, — похвалил он. — Ты довела его до умоисступления. Он ведь помер, ожидая твоей смерти.

Она вдруг захохотала. Она смеялась и смеялась. Слезы текли по ее лицу, смывая со щек кровь Хутту, зубы лязгали, искусанные губы болели — а Балзу все смеялась и не могла остановиться. Конан освободил ее руки и подхватил девушку, которая повалилась ему на грудь.

— Не могу стоять, — призналась она, задыхаясь. — Ох... помер, глядя, как я... Напри... Глупо, глупо, глупо!

— Хватит, — варвар сердито дернул ее за волосы. — Перестань смеяться, иначе у тебя заболит живот.

— Живот... какое слово... смешное... — она застонала.

Конан взвалил ее на руки и понес прочь из темницы. Балзу тихо вздохнула и потеряла сознание.

* * *

— Что за дрянь там у него хранится! — причитал Басра, который столкнулся с киммерийцем у лап каменного льва. — Ничего стоящего. Всякий хлам. А в шкатулке он держал — знаешь что? В жизни не поверишь! Змеиную шкуру! Тьфу!

Негр энергично плюнул и вдруг увидел запрокинутое лицо пленницы. Он так и замер с разинутым ртом.

— Кто это? Та самая? Из-за которой ты...

— Угу, — сказал Конан.

И тут послышался тихий треск. Звук был совсем негромкий, однако чуткое ухо варвара уловило перемену, и Конан быстро повернулся в сторону каменного льва. Гигантское сооружение пошло трещинами и начало петь на ветру.

— Он разваливается! — закричал Конан. — Бежим отсюда!

Басра не заставил себя упрашивать. Он подхватился и побежал что есть силы. Конан с пленницей на руках помчался следом. За их спинами с грохотом, поднимая тучи пыли, валились обломки. С громкими криками к рассыпающимся львам мчались стигийские стражники.

* * *

... У костра сидели трое. Ни ядовитые миазмы стигийских болот, ни москиты, ни предстоящий трудный и долгий путь до Турана — ничто не могло испортить им хорошего настроения.

Басра не сводил глаз с освобожденной пленницы. А она нет-нет да поглядывала в сторону стройного чернокожего парня, который так нелепо разделывал рыбу и так забавно умел болтать.

Конан, конечно, замечал этот обмен взглядами. Что ж, Балзу — красивая девушка, умная и с твердой волей. Для такой трудно подобрать подходящего мужа, размышлял варвар. Считается, что женщине с сильным характером требуется еще более сильный мужчина, но Конан был уверен в том, что это чушь.

Напротив, такую девушку вполне может осчастливить муж-тряпка, лишь бы он любил ее от всей души и позволял вертеть собой, как вздумается обожаемой женушке. Умная женушка лишнего не навертит.

Придя к этому выводу, Конан не стал мешать своим спутникам. Пусть события идут своим чередом, а уж он, Конан, по прибытии в Султанапур переговорит со своим другом Али-Бекром. Расскажет, как много опасностей пришлось им преодолеть для того, чтобы вызволить Балзу из лап служителей змееголового Сета. И представит своего давнего друга, принца из Кешана по имени Басра, который был верным спутником Конана в его путешествии по Стигии и своим последним подвигом оказал неоценимую помощь при освобождении прекрасной Балзу.

А заодно намекнет на то, что принц Басра пленился чудными очами дочери Али-Бекра. Нет-нет, Басра — младший сын, он не может претендовать на престол Кешана.

Разве что внезапно умрут все семнадцать его старших братьев. Да, принц Басра с радостью остался бы в Туране... Естественно, если ему будет предложена должность при дворе... И разумеется, он был бы счастлив попросить руки прекрасной Балзу...

Спустя несколько лун все эти планы были претворены в жизнь — уверенно и ловко. Как и все, что делал Конан.

Глаз Кали

Глава первая
Городок, где царит высокомерие

Название города — Рамбха — Конан выяснил только на третий день своего пребывания в нем. Вендия не слишком нравилась киммерийцу. И дело было не в жаре: несмотря на то, что Конан родился среди ледяных гор Киммерии, и холод навсегда запечатлелся в его ярко-синих, словно бы источающих лед, глазах, он без особенного труда переносил жаркий климат. Черные Королевства, Куш, Кешан хорошо помнили пирата Амру, черноволосого варвара с чертами белого человека под бронзовым загаром, окруженного ордой чернокожих пиратов.

Но в Вендии все обстояло иначе.

Жара усугублялась влагой, постоянно висящей в воздухе. Смуглые гибкие вендийцы с большими, томными глазами вовсе не были дикарями, какими считались обитатели джунглей Черных Королевств. И Конан, соответственно, не являлся для них «высшим существом», человеком с белой кожей, который умел все то же, что умели они, и еще обладал иными умениями, свыше обычного.

Нет, для утонченных вендийцев, взращенных в лоне древней, изысканной цивилизации, Конан был самым обычным варваром-северянином, человеком, не имеющим ни надлежащих познаний, ни соответствующего воспитания. Что с того, что он — непревзойденный воин? Здесь такие имеются! Что с того, что он обошел пешком и на коне весь Хайборийский мир, все изведал, везде побывал? Путешественниками Вендию, страну купцов, не удивишь!

Сказать, что Конан «страдал» от высокомерия вендийцев, было бы неверно. Менее всего суровый киммериец расположен был «страдать» по какому-либо поводу — кроме, разве что, собственных промашек, которые подчас вызывали у него бешеную досаду.

Нет, находясь в Вендии Конан испытывал постоянный щекочущий зуд: ему хотелось взять какого-нибудь высокомерного, задрапированного в цветастые шелка смуглого красавца и как следует отмутузить его. Просто ради того, чтобы испытать удовлетворение при виде того, как он утратит все свое высо-

комерие, забудет и о культуре, и о хороших манерах, и начнет скулить, умолять, пускать юшку из носа и обильные слезы из глаз.

Увы, эти варварские порывы ему приходилось сдерживать и с притворным спокойствием сносить косые, насмешливые взгляды вендийцев, пожимание плечами и неуловимые жесты, которыми те выражали свое недоумение: дескать, что это тут сидит и делает вид, будто имеет на это право?

В больших городах дело обстояло получше: там все-таки привыкли к пришельцам из далеких, не похожих на Вендию стран. Но в этой забытой богами Рамбхе чужаков видели крайне редко, поэтому северянин мгновенно превратился там в диковину.

Дела у Конана шли из рук вон плохо. Караван, в который он нанимался охранником, дошел до Аграпура, и там выяснилось, что у караванщика закончились деньги.

Он даже не расплатился толком со своими охранниками. Если говорить точнее, то попросту в одно прекрасное утро он скрылся с наиболее ценным и наименее громоздким из своего товара. Вскочил на коня и удрал — только его и видели.

Прочие, проклиная хитреца, поделили оставшееся. Конан не стал обременять себя товарами. Даже в кошмарном сне, под воздействием ядовитых паров черного лотоса, Конан не мог бы представить себя продающим на рынке все эти шаровары, женские украшения, покрывала и серебряные колокольчики для верблюдов, несущих на своей спине богатых и знатных господ.

Поэтому варвар взял горсть медяков, излил душу в долгом проклятии, адресованном коварному караванщику, и отправился в путь пешком. Он немного сбился с пути; пару раз пытался заработать — и в результате злой рок занес его в Рамбху.

Это место выглядело как конец любого пути, как воплощенное крушение всякой надежды. Конан не переставал удивляться тому, что здесь живут какие-то люди. Живут долго, поколение за поколением, и даже как будто довольны своим существованием.

Рамбха представляла собой небольшой городок, выросший в окружении влажных джунглей. Здесь даже имелся дворец правителя. Но — какой дворец и какого правителя! Все дело в деталях, как, бывало, говорил Конану один его приятель, кхитаец-философ. Возведенный из белого камня, привезенного издалека специально для этой цели, дворец был весьма высок — его центральная витая башня изначально вздымалась на двадцать человеческих ростов, никак не меньше. Башен было две, центральная и левая, чуть пониже. Правой не возвели вовсе — видимо, не хватило камня.

Стены дворца были украшены богатой резьбой. Вдоль всего фасада тянулся широкий барельеф, изображающий полногрудых полубогинь, убегающих от демонов. Демоны с клыкастыми мордами и вытянутыми вперед руками с когтистыми пальцами, мчались по воздуху следом за пленительными женщинами. Те, с неправдоподобно тонкими талиями, с большими округлыми грудями

и пышными бедрами, стремительно улетали от преследователей. Их тела соблазнительно изгибались, а на губах застыла сладострастная улыбка: казалось, полубогини готовы попасть в руки своих дьявольских поклонников и отдаться им — только прежде, чем позволить себя поймать, этим лицемерным красоткам требовалось соблюсти некоторые приличия.

Вокруг дворца был разбит сад с гранатовыми деревьями; для украшения и оживления пейзажа туда поселили несколько павлиньих и фазаньих семейств. В глубине сада имелась беседка с витыми колоннами, деревянными, но расписанными под золото и лазурь весьма искусно; там, как говорили, обитала священная белая кобра, которую кормили молоком из хрустального блюдца.

Все это выглядело великолепно... много столетий назад.

Теперь и дворец, и сад, и обитатели этого сада пришли в полное запустение и вернулись, кто как мог, к изначальной дикости. Павлины расплодились и с важным видом ходили повсюду по дорожкам, как будто осознавали, что весь этот дворец принадлежит исключительно им. Из-за ограды то и дело доносились пронзительные птичьи крики. Белая кобра не то сдохла, не то пряталась где-то; давным-давно уже перестали приносить ей молоко, хотя хрустальное блюдце все еще существовало. Правда, трудно было разглядеть хрусталь в этой круглой плошке, облепленной глиной после многочисленных дождей.

Правители Рамбхи, впрочем, существовали и обитали они именно в этом полуразвалившемся дворце. Обе его башни были надломлены и раскрошились. Чудесный округлый барельеф с изображением полубогинь и демонов осыпался, и фигуры местами приобрели отталкивающий вид. Тем не менее последние потомки древнего рода повелителей Рамбхи даже и не думали покидать свое обиталище.

С какой стати? Их вовсе не смущало то обстоятельство, что повелевают они не великим и богатым городом, который основали их предки. Они как будто не замечали того несомненного обстоятельства, что караванные пути сместились к югу, и Рамбху начали покидать жители. К тому времени, как неудачи и дурное стечение обстоятельств занесли туда Конана, в городке осталось всего пять улиц, застроенных глинобитными домами. Скорее деревенька, нежели город. Если не считать амбиций, разумеется.

Дворец-то здесь сохранился, династия правителей насчитывала несколько десятков поколений знатных предков, поэтому высокомерие жителей Рамбхи не ведало границ. Еще бы! Они ведь хранили древнейшую традицию и считали себя избранными!

Запущенный сад с его одичавшими обитателями привлекал Конана. Киммерийцу уже на второй день пребывания в Рамбхе начало казаться, что здесь, несомненно, припрятаны несметные богатства. «С этих вендийцев станется, — угрюмо размышлял он, даже не пытаясь пересчитать убогое содержимое своего тощего кошелька, — они ведь будут спать на золотом ложе и мочиться в горшок, вырезанный из цельного изумруда, потому что все это досталось им от предков. Нет чтобы продать всю эту рухлядь и возродить город. Понастроить

здесь кабаков, домов с веселыми девицами, учинить — ну хотя бы ежегодную конскую ярмарку или там рынок рабов на худой конец... До таких низменных идей здешний люд не опускается. Они предпочитают чахнуть среди обветшавшей роскоши и даже не получают удовольствия от предметов, которыми владеют. Надо бы помочь им и хотя бы отчасти рассеять их заблуждения».

Пробраться в сад и пошарить по дворцу, который давно уже никто не охранял, не составляло большого труда. Конан предпринял эту вылазку на вторую ночь, проведенную им в Рамбхе.

Увы, его ожидало сильное разочарование! Большинство залов дворца стояли пустые, здесь не осталось даже крыш. Лианы свободно обвивали колонны и опутывали большие статуи. Конан на всякий случай отодрал пару листьев, рассчитывая увидеть блеск золота. Однако и здесь его надежды не оправдались. Статуи эти, искусной работы древних мастеров, были сделаны из камня или бронзы. Никакого золота не оказалось и в помине.

Полы, некогда украшенные великолепными мозаиками, были густо загажены птицами. Никто не спорит, у павлина роскошный хвост, особенно когда самец этой птицы намерен произвести впечатление на даму своего маленького, быстро колотящегося сердечка... Однако пачкают полы и мебель эти красавцы не хуже, чем любая ворона.

«Таково свойство всего живого, — думал Конан, ухмыляясь. — Увы! Как бы чудно это живое ни выглядело, оно бывает на диво неприглядно. С другой стороны, оно все-таки живое. Что-то есть во всех этих застывших статуях такое, что заставляет меня содрогаться. Магия? Вероятно, магия... Древняя, спящая под листьями... — Он поежился. Конан ненавидел магию во всех ее проявлениях. От нее бесстрашного киммерийца бросало в дрожь. — Нет уж, пусть себе спит. Не буду я тревожить эти статуи...»

Только один раз он встретил во дворце человека. Это был какой-то вендиец в длинном парчовом халате, рваном, но все же сияющем под лучами луны. Путаясь в полах длинного одеяния, человек шел по обваливающимся ступеням. Он поднимался в одну из башен дворца. Вероятно, оттуда намеревался наблюдать за звездами или творить какие-нибудь чары. Конана он не заметил. Ничего удивительного. Все эти люди столетиями привыкли жить среди призраков. Призраков своего прошлого, призраков былых воспоминаний — собственных и чужих. Еще одна тень, встреченная в переходах дворца-руины, ничего не меняла.

Оставшись ни с чем, варвар не мог даже найти себе в Рамбхе подходящего ночлега, не говоря уж о нормальной пище. Не считать же «трактиром» то место, куда обитатели Рамбхи являлись каждый вечер, чтобы поболтать и промочить горло! Это был навес из пальмовых листьев, сооруженный над большим костром — очаг, выложенный закопченными камнями, помещался прямо в земле. Хозяйское место отгораживала «стойка» — небольшое ограждение, сделанное из бамбука. Хозяин, очень смуглый, почти черный человечек с выпирающим над набедренной повязкой животом, выпуклыми черными глазами и

очень кудрявыми волосами, целый вечер суетился и колдовал над своим костром.

Он подавал посетителям напитки, обжигающе-горячие и к тому же сдобренные перцем. Конан так и не понял, имелся ли в составе этого пойла алкоголь: после первого же глотка горло чувствовало себя так, словно злобные палачи содрали с него последнюю кожу. Глаза вылезали на лоб после второго глотка, а третий заставлял даже такого нечувствительного к выпивке человека, как киммериец, ощущать себя близким родственником огнедышащего дракона.

И тем не менее утонченные жители Рамбхи, выродившиеся потомки знатных вендийских родов, последние в череде славных предков, глотали эти напитки кувшин за кувшином, и только чуть смуглее делалась их кожа, чуть более блестящими становились зрачки томных, подернутых влагой глаз, да зубы начинали посверкивать в слишком широких улыбках. И — все!

Удивительно...

Еды там почти не подавали. Когда Конан попросил за свои последние три медяка приготовить ему лепешку, хозяин заведения уставился на чужака как на отвратительного варвара, человека, не получившего никакого воспитания, убогую личность, которая не ведает, что такое хороший тон, манеры и вообще приличия. «Как?!! — было написано на обезьяньей мордочке хозяина. — Вы, кажется, намерены жевать прилюдно?!! Где вас воспитывали, хотелось бы знать? Впрочем, нет, не оскверняйте моего слуха наименованием этого ужасного места, откуда выходят такие кошмарные типы... О! До чего мы дожили, если нам приходится созерцать жующего человека? Воистину, боги отвернулись от Рамбхи!»

Тем не менее внушительная мускулатура варвара, зверская физиономия, которую он скорчил, демонстрируя свое нетерпение, жуткая пантомима, посредством которой изображался «Голод» (палец, энергично тыкающий в разверстую пасть, при вытаращенных глазах), и прочие средства убеждения сделали свое дело. Конану, морщась от отвращения, подали еду. Затем все посетители заведения отвернулись, дабы их не стошнило при виде столь неутонченного зрелища, как киммериец, поглощающий лепешку и наваленную поверх нее снедь — овощи и немного мяса.

Разумеется, на следующий день киммерийца встретили там как весьма нежелательного гостя. Хозяин долго делал вид, будто не замечает этого клиента. Наконец Конан изловчился, поймал его за ухо и подтащил к себе.

— Я голоден, — сообщил киммериец. Он выложил на ладонь последние медяки и поднес их к самому носу хозяина.

Тот отчаянно скосил глаза и жалобно скривился, но вялые жители Рамбхи никак не отреагировали на этот тихий призыв о помощи. И таким образом Конан вытребовал для себя вторую порцию лепешек с мясом и овощами.

Он уже прикидывал, в какую сторону из Рамбхи ему податься, поскольку вести здесь сколько-нибудь приличную жизнь было попросту невозможно, как третий день преподнес Конану настоящий сюрприз. Конан встретил человека одной с ним расы. Здесь, в вендийской глуши, вдали от больших торговых

дорог! Поистине, это было так удивительно, что Конан в первое мгновение не поверил собственным глазам.

Глава вторая
Путешественник из Бритунии

В отличие от варвара, незнакомец, пришедший откуда-то с запада, выглядел совершенно невозмутимо и держался весьма спокойно. При первом же взгляде делалось понятно: вот мужчина, который целиком и полностью отдает себе отчет в каждом своем действии и совершенно явно знает, чего он хочет.

Он пришел утром. С ним была смирная, довольно толстая лошадь, желания которой отличались той же определенностью, что и побуждения ее хозяина. Она никуда не спешила. Добравшись до места, где можно было отдохнуть, она неторопливо попила и принялась щипать траву. Ей не было дела ни до назойливой мошкары, ни до местных жителей. От насекомых она отмахивалась хвостом, на крики обитателей Рамбхи: «Уберите скотину — это священный луг — здесь нельзя пасти лошадей!» — лошадка только двигала ушами, но никак не реагировала.

Владелец лошади отличался довольно высоким ростом, но, в отличие от мускулистого киммерийца, был довольно плотного и рыхлого сложения. Мускулов у него не имелось, кажется, вовсе. Внушительный слой жирка покрывал его тело. Он носил невозможную в вендийском климате одежду: длинные штаны, длинную тунику, сапоги из буйволовой кожи, а на плечах, поверх туники, — плащ. Золотая пряжка скрепляла плащ на плече. Голову венчал туранский убор — шелковый плащ, обмотанный несколько раз вокруг лба. Видимо, последним элементом своего причудливого туалета путешественник обзавелся по дороге в Вендию. Это была единственная разумная деталь его костюма, поскольку она предохраняла его от солнечного удара.

Пот катился градом по красному лицу путника. Светлые жесткие его волосы слиплись и приклеились ко лбу. Губастый рот постоянно был приоткрыт; дышал путник тяжело и явно радовался каждому удачному глотку воздуха.

Маленькие глазки, светлые, почти белые на багровом, сожженным солнцем лице, внимательно глядели по сторонам, как будто намереваясь уловить и запомнить каждую мелочь.

Разумеется, он был голоден — и, разумеется, голод пригнал его под тот же пальмовый навес, куда в полной безнадежности притащился и Конан.

Чужак развалился на лучшем месте, в тени. Когда явились те, кто претендовал на это место (вероятно, самые почтенные из жителей Рамбхи), они были неприятно удивлены появлением чужестранца и его непревзойденной наглостью. Даже черноволосый дикарь с гигантскими ручищами и гневным взором,

этот надоедливый и дурно воспитанный киммериец, не позволял себе подобных выходок.

Конан с любопытством наблюдал за чужаком и местными. Интересно, во что выльется новый конфликт? Прогонят ли здешние чужого — или будут вынуждены принять его правила? В любом случае Конан приготовился поддержать чужого. В конце концов, он был один против всех, а это вызывало у киммерийца самое искренне уважение.

Чужак некоторое время ждал, пока на него обратят внимание и подадут ему еду и питье. Он демонстративно снял с пояса кошелек и положил его перед собой, время от времени позвякивая содержащимися внутри монетами.

Никакого результата. В сторону чужака даже не покосились. Наконец он решил подать голос:

— Эй, вы! Я проделал довольно долгий путь, прежде чем добрался до вашего проклятого богами и людьми городишки! У меня есть деньги, слышите? Или вы уже забыли, что такое деньги и что можно купить на звонкую монету? В таком случае мне вас жаль, жалкие черномазые дикари!

Конан едва не расхохотался, услышав это. Он уже понял, что человек, ведущий себя столь уверенно и развязно в совершенно незнакомом месте, — бритунец. Это явствовало и из внешности чужака, и из его манер, а когда он заговорил — то из его речи.

Назвать вендийцев «жалкими черномазыми дикарями» мог только уроженец Бритунии. Ничего более глупого чужак и придумать не мог. Эти люди страшно кичатся древностью своего происхождения и утонченностью своей культуры. Все прочие достижения цивилизации, кроме своих собственных, они считают за ничто.

Конан едва не вмешался в разговор и удержал себя от слишком активных действий лишь большим усилием воли.

Бритунец между тем продолжал:

— Слышите, вы! У меня есть деньги. Я бы заплатил за миску хорошей похлебки, если вы тут, конечно, варите что-нибудь в таком роде... Ням-ням, ясно вам? Боги, ну и болваны! Я ведь предлагаю вам настоящую звонкую монету в обмен на ваше варево...

Конан фыркнул, не удержавшись: бритунец со своими потугами отыскать путь к сердцу вендийцев выглядел довольно потешно.

Пришелец тотчас обратил внимание на варвара.

— Эй, послушайте, вы!.. Да, вы! Вы ведь человек цивилизованный, хоть и вырядились в варварские одежды!

Конан, который долгое время считал слово «цивилизованный» ругательным, едва сдержал смех.

Бритунец приветливо кивал ему:

— Я понимаю, что заставило вас принять подобный облик. В конце концов, путешествие среди дикарей накладывает свой отпечаток даже на благородную внешность. Однако Фридугис из Бритунии всегда узнает собрата, как

бы он ни вырядился. Могу я, в свою очередь, узнать ваше имя, уважаемый господин?

— Меня зовут Конан из Киммерии, — буркнул варвар. — Я вовсе не господин и уж всяко вами не уважаемый. Вы вот назвали меня варваром — так ведь я варвар и есть, а коли у вас в том возникли сомнения, мой друг Фридугис, то я могу привести вам массу ученых доказательств тому, и при том — не сходя с места.

— О! — сказал Фридугис. — И какие это доказательства?

Конан продемонстрировал ему свой гигантский кулак.

Фридугис оживился.

— Любите борьбу?

— Просто могу расквасить вам нос, если попросите, — сообщил варвар.

Фридугис приветливо кивнул ему.

— Что ж, это почтенно. Если угодно, могу именовать вас варваром...

— Лучше просто Конан, — сказал Конан. — Это избавит вас от множества неприятностей в дальнейшем.

— Идет! — сказал Фридугис. — Итак, любезный Конан, не подскажете ли вы мне способ заставить этих олухов обратить наконец внимание на голодных посетителей?

— Можно, — подумав, ответил Конан. — Например, если помочиться в их костер. Наверняка они подскочат и начнут вопить.

— Превосходная мысль, мой друг! — развеселился Фридугис. И он начал копаться в своей одежде с явным намерением осуществить предложение Конана.

Конан удержал его в самый последний миг.

— Боюсь, дружище Фридугис, что это будет последней шуткой в твоей жизни.

— Да? — Фридугис с презрением осмотрел жителей Рамбхи, глядевших на него, в свою очередь, с нескрываемым подозрением. — Но как же заставить эту глупую обезьяну все-таки принести мне поесть?

Конан встал.

— Я попробую уладить дело.

Он приблизился к хозяину и двумя пальцами зажал его шею в тиски.

— Слушай, ты, — дружелюбно обратился к нему варвар, — подай-ка мне и вон тому господину по куску хорошего жареного мяса. Ты понял? Он платит. Не притворяйся, будто ты ничего не понимаешь.

Хозяин вырвался и потер шею. Он выкрикнул несколько отрывистых фраз, явно бранных, но Конан невзначай коснулся рукояти меча, торчавшей у него из-за плеча (в незнакомом месте, да еще таком недружелюбном, как Рамбха, Конан не решался расстаться с оружием ни на миг). Хозяин сердито буркнул что-то и ушел — видимо, отправился за мясом в ледник.

И действительно, спустя некоторое время оба чужестранца получили по здоровенному куску плохо прожаренного мяса. Конан невозмутимо грыз

свою порцию, впиваясь в жесткое мясо крепкими белыми зубами. Британец пользовался острым ножом, не желая чересчур обременять свои челюсти.

Наконец оба гостя, к великому облегчению завсегдатаев, удалились. Британец ковырял в зубах ножом и вообще был страшно весел.

— О, я демонстрирую отвратительные манеры! — заявил он Конану.

Рыгнув, варвар ухмыльнулся во всю пасть.

— Могу я полюбопытствовать теперь, дружище Фридугис, какая нелегкая занесла тебя в эту дыру? Здесь даже поживиться нечем. Ни один порядочный вор не задержится здесь дольше, чем на один поворот клепсидры.

— Отсюда вывод: либо я непорядочный вор, либо я вообще не вор, — заметил Фридугис. — Что ж, логика железная. Не обучался ли ты философии, мой друг?

— Немного, — скромно ответил Конан. — В Кхитае. Я даже возглавлял одну философскую школу. Правда, недолго.

Подробности своего пребывания в качестве главы философской школы в Кхитае Конан предпочел опустить. Достаточно сказать, что учение варвара сводилось к исключительно простому постулату: всякий враг да будет уничтожен любым доступным способом; а следствием распространения этого нехитрого постулата сделались рост агрессивности и повсеместная порча доселе смиренных кхитайских учеников...

Фридугис испытывал явное удовольствие, видя, что его новый знакомец впал в замешательство. При всей своей проницательности и житейском опыте Конан не мог угадать, кто такой Фридугис и что ему понадобилось в Рамбхе.

Член ученой экспедиции? Конан слыхал о исконно британской придури: отправляться в чужие страны не ради наживы, но ради новых знаний и впечатлений. Некоторые из таких путешественников даже считают своим долгом сочинять книги обо всем увиденном и пережитом. Другие находят какие-нибудь замечательные растения, собирают их клубни или семена, а потом остаток жизни посвящают тому, чтобы вырастить нечто подобное на британской почве. Третьи пытаются ловить чужеземных животных и в клетках везут их на родину, дабы знатные и богатые люди получили возможность любоваться на сии диковины. Впрочем, последнее мероприятие, по крайней мере, сулило хоть какую-то выгоду.

Но путешествия за знаниями? Этого Конан решительно не мог понять. Все в его практической натуре противилось подобному времяпрепровождению.

Британец сказал:

— Я покинул родину исключительно ради того, чтобы испытать свои способности. Я вышел в путь один и до сих пор избегал всяких спутников. О, иногда мне случалось примкнуть к каравану или к какой-нибудь группе воинов или путешественников. Это было захватывающе! Один раз, когда я находился близ моря Вилайет, я даже побывал членом бандитского отряда. Мы совершали набеги! Точнее, это они совершали набеги на мирные караваны, а я только наблюдал и записывал. У меня осталось несколько портретов...

— И где эти портреты? — спросил Конан без особенного интереса. Чего-чего, а разбойников близ моря Вилайет он повидал больше, чем хотел бы. И все они, по мнению Конана, были довольно скучны. Ну, может быть, кроме двух-трех отдельных личностей... Иногда такие банды возглавляет женщина. Тоже забавно. Но в общем и целом — тоска. И дерутся плохо, берут числом, а не уменьем.

— Вообразите себе, дружище, — сказал Фридугис с широченной улыбкой, — мне удалось хорошо заработать на этих портретах, когда я оказался на другой стороне озера Вилайет. Их охотно купили представители закона. Дали немалые деньги! Смешной народ, право...

Конан хмыкнул, как бы разделяя веселье своего собеседника. Впрочем, хмыканье получилось малоубедительным.

— Странный способ зарабатывать на жизнь, — сказал Конан. — Рисовать физиономии грабителей! Твое счастье, приятель, что они не узнали, чем ты промышляешь.

— Но я промышляю отнюдь не этим, — сказал Фридугис, несколько удивленный прямолинейностью варвара. — Отнюдь! Это было побочный эффект от моего путешествия. Далее я шел один довольно долгое время. Миновал Карпашские горы. Совершенно один! О, это было увлекательно! В горах водятся оборотни. Принимают вид красивой женщины, заманивают путников — а затем, после упоительной ночи любви, наступает зловещая развязка. Впрочем, в моем случае до развязки не дошло.

— Вероятно, не дошло и до завязки, — заметил Конан как бы между прочим.

Фридугис сделал вид, что оскорблён.

— Я никогда бы не решился отказать даме, — объявил он. — Даже если у этой дамы изо рта растут клыки. Просто времени не хватило. Поздоровались и разошлись, каждый в свою сторону.

— А, — сказал Конан, — вероятно, это тебя и спасло.

— Вероятно, — подтвердил Фридугис и поджал губы. Следует отдать британцу должное: сердился он недолго и скоро продолжил повествование. — Спустя некоторое время я решил объявить себя гадальщиком и в таком качестве сделался спутником одной богатой старухи. Она нуждалась в предсказаниях на каждый день, а мой предшественник, старик-прорицатель, еще более древний, чем она, взял да и помер посреди дороги! То ли не выдержал тягот пути, то ли попросту... — Тут Фридугис понизил голос, как будто опасался, что его могут услышать посторонние. — У меня после двухдневного общения с этой старухой возникло такое ощущение, что она попросту свернула своему гадальщику шею. Видимо, он напророчил ей какую-нибудь гадость. Однако это не имело никакого отношения к моему делу. Я видел, что заказчику необходим прорицатель. И кстати, я неплохо справлялся! Я говорил ей, какая ожидается погода, и никогда не ошибался.

— Ну, еще бы, — вставил Конан, — ведь вы шли, как я понял, через пустыню.

Британец ухмыльнулся.

— Вот именно! А ей было важно, чтобы кто-нибудь, кому она доверяет, кто-нибудь посторонний и при том чрезвычайно напыщенный, — тут Фридугис надул грудь и расправил плечи, — предсказывал жаркую и сухую погоду в разгар лета посреди пустыни. Чем я и промышлял — по преимуществу. Еще я предсказывал появление кочевников, если замечал вдали пыль, поднятую их лошадьми. Бывало, удачно предрекал у хозяйки приступ меланхолии, — особенно если у нас заканчивалась вода, а до ближайшего колодца оставалось еще полдня пути. В общем и целом, мне было с ней хорошо. Она заплатила не слишком щедро, но этого было довольно, чтобы найти для себя место в караване. Последние несколько седмиц я передвигался один. Радегунда немного скучала без общества себе подобных, но я был доволен. Надоели люди с их глупой болтовней.

— Кто такая Радегунда? — осведомился Конан с недовольным видом. «Не хватало еще выяснить, что с этим британцем путешествует какая-нибудь девица, — подумалось киммерийцу. — Возлюбленная, решившая сбежать с горе-путешественником? Сестра? Или, да спасут меня боги, — незамужняя дочь? Нет ничего ужаснее незамужней дочери, особенно если над нею тяготеет какое-нибудь проклятие...»

Конан подозрительно глянул на британца, словно пытаясь выяснить: нет ли при том какой-нибудь нежелательной и проклятой дочери. И, попутно недурно бы узнать: не лелеет ли означенный британец надежду на то, что Конан-киммериец поможет ему эту самую проклятую дочь избавить от тяготеющего над нею рока?

Фридугис выдержал паузу ровно настолько, чтобы Конан ощутил беспокойство в полной мере, а затем объяснил:

— Радегунда — это моя лошадь. Ты, должно быть ,видел ее. Она мирно паслась на лугу.

— Да, — сказал Конан кисло. — Это их священный луг или что-то в том же роде.

— А, — британец с беспечным видом махнул рукой, — не имеет значения. В Вендии полным-полно священного. Тут все священное. Просто плюнуть некуда. Везде — след от какого-нибудь божества, древняя лежанка какого-нибудь ветхого мудреца, который когда-то и что-то изрек, либо стойбище для их духов, либо место, где витают духи их предков... Нельзя безнаказанно жить на одном месте столько тысячелетий подряд. Накапливаются духи, предки, умершие, боги, полубоги, демоны, проклятые люди...

При последнем слове Конана передернуло: он усмотрел в нем намек на свое изначальное предположение. Но Фридугис выглядел совершенно невинно.

«Нет, — решил в конце концов Конан, — он все же действительно путешествует один. Он ведь британец. Это уроженец Султанапура мог бы сказать — я еду один, — хотя на самом деле он едет не один, а с целым гаремом.

Для такового женщина не является спутником и вообще кем-то, кого следует учитывать. Человек Заката непременно сразу сказал бы, что путешествует вдвоем...»

— Если ты не возражаешь, — сказал Конан вслух, когда все посетившие его мысли пришли в упорядоченное состояние, — я бы присоединился к тебе на некоторое время. Видишь ли, мы с тобой оба по горло завязли в этой Вендии, и выбраться отсюда будет делом весьма нелегким. Мое путешествие не было таким же поучительным, как твое, хотя не могу похвастать тем, что оно было более удобным или полезным.

— В каком смысле? — заинтересовался Фридугис.

Конан поморщился.

— В том смысле, что мне не заплатили за последнюю работу, а здешние жители, канальи, ни за что не захотят расстаться ни с единой монетой, не говоря уж о таких великих ценностях, как хлеб и питье, коль скоро речь заходит о чужестранцах. Словом, ненавижу Вендию! Мечтаю вырваться из ее душных объятий.

Фридугис немного поразмыслил над услышанным и наконец кивнул:

— Ты прав, Конан. Вендия — не лучшее место для тех, кто родился в нормальном месте. Ума не приложу, как мы расстанемся с нею.

— Просто пойдем отсюда вместе, — сказал Конан. — Я что-нибудь придумаю. Но мне хотелось бы иметь рядом с собой верного товарища, по крайней мере, на первое время.

— Согласен! — подхватил Фридугис. — Где ты остановился на ночлег?

Конан показал ему небольшую рощицу за пределами Рамбхи. Деревья росли там достаточно густо, чтобы давать тень днем и защищать от дождя, если таковой пойдет ночью. Ни слова не сказав в осуждение подобной «гостиницы», Фридугис привел в рощу свою флегматичную лошадь Радегунду и показал ей пару симпатичных полянок, где росла сочная трава. Радегунда с энтузиазмом взялась за дело. Она единственная из всех троих выглядела довольной.

Фридугис завалился спать, когда солнце еще не село. Конан бодрствовал некоторое время. Киммериец рассматривал своего нового спутника и раздумывал над всем, что услышал от него. Снова и снова перебирал он в мыслях повествование Фридугиса.

Нет, британец не лгал. Он действительно пустился в путь из родной страны и не взял с собой никого, даже слугу. Не подлежит сомнению и то, что большую часть дороги Фридугис проделал в одиночестве. Разные приключения, которых он коснулся в беседе с Конаном, также имели место быть. Любопытно, что Фридугис даже не хвастал своими удачами и ловкостью, хотя кое в чем он превзошел даже бывалого бродягу киммерийца. Британец не то не подозревал о том, как ему повезло и как ловко он выкрутился из трудной ситуации, не то попросту не считал свою находчивость чем-то из ряда вон выходящим. Как будто так и надо: странствовать в одиночку, обводить вокруг пальца матерых

разбойников с озера Вилайет, наниматься гадальщиком к старухам-сумасбродкам... М-да, презабавный тип.

Но что же ему, в таком случае, потребовалось в Вендии? Ведь что бы там ни наплел о себе Фридугис, у него вид человека, который в точности знает, чего добивается. Он не просто бродит по свету в поисках знаний или новых впечатлений. Не развеяться, не сразиться со скукой выехал он. Нет, у него имеется некая совершенно конкретная цель. Слишком уж уверенно держится британец, слишком мало заботится о неудачах, трудностях и опасностях пути. Такое возможно лишь в одном случае: когда человек твердо убежден в правоте того, что делает.Так вот, об этой-то своей истинной цели Фридугис и умолчал, хотя производил он впечатление человека весьма общительного, непринужденного и даже болтливого.

Конан мрачно хмурился, рассматривая беспечную физиономию спящего Фридугиса. «Какой же секрет ты утаил от меня? — думал киммериец. — Какая же тайна оказалась достаточно важной, чтобы ты предпринял столь долгое и опасное путешествие? И почему ты не решился открыть ее мне, единственному человеку на множество полетов стрелы кругом, способному помочь тебе? Глупый британец! Когда ты погибнешь от собственной предусмотрительности, не вздумай обвинять в этом меня, ибо уж я-то точно мог бы тебе помочь!»

Словно услышав эти мысли киммерийца, Фридугис вдруг всхрапнул и произнес вслух два слова.

Услышав эти слова, Конан напрягся, как старый боевой конь, до которого наконец-то донесся долгожданный зов боевой трубы.

Спящий британец сказал:

— Глаз Кали.

Глава третья
Похищенный алмаз

Нелюбовь — нелюбовью, а о Вендии Конан кое-что знал. Иначе ему бы просто было не выжить в этой стране. И в частности многие познания Конана касательно Вендии касались двух вещей. Первая — дурманящие вещества, которые дарили иллюзорную усладу и иногда выполняли роль отравы в заговорах и дворцовых переворотах. Этот опасный товар Конану доводилось и перевозить, и отыскивать в багаже контрабандистов, и даже определять его наличие в том яде, который убил какого-нибудь влиятельного вельможу или знаменитую куртизанку. Вторая же вещь касательно Вендии, которую Конан худо-бедно знал, представляла собой наиболее распространенные легенды о местных божествах.

Здесь, в Вендии, невозможно было и шагу ступить, чтобы не споткнуться о какую-нибудь статую или памятную стелу. В глухих джунглях, где, казалось бы,

никогда не ступала нога человека, внезапно обнаруживался кусок обрушившейся древней стены, а на нем — недурно сохранившиеся остатки барельефа или надпись, сделанная на забытом языке.

Что до крохотных святилищ — иногда это был просто камень, на который время от времени возлагали цветы, — то им в Вендии не было числа.

Кали была великой богиней. Кое-что в ее культе вызывало у Конана даже нечто вроде почтения. В глубине души он считал ее вендийским — то есть несколько разжиженным — аналогом киммерийского бога Крома. Кали была весьма свирепа, она не ведала снисхождения. Люди поклонялись ей не из любви, а из страха.

В этом, кстати, заключалось отличие Кали от Крома: Кром вообще не требовал поклонения, ибо, дав новорожденному мальчику душу воина, Кром перестал интересоваться дальнейшей его судьбой. По мнению Крома, он сделал для юноши больше, чем достаточно. И уж как будущий воин распорядится своей жизнью, своим мечом и своей душой — его личное дело. По смерти воин встретит Крома лицом и лицу — тогда и состоится их главный разговор. И никакие ритуалы, жертвы, заклинания, молитвы и воздевания рук тут не помогут. Кали же поступала более жестоко. Она требовала жертв, причем жертв кровавых. А если она была не удовлетворена людским поклонением, то насылала на род человеческий всякого рода несчастья: мор, чуму, детскую смертность, безумие...

Ее святилища находились в глухих джунглях. Обезьяны и змеи устраивали себе там жилища. Кали это не беспокоило. Люди приходили туда раз в зиму с подношениями. На талии у Кали висит ожерелье из младенческих черепов, драгоценные камни она попирает ногами, в руках у нее окровавленные ножи.

У нее три глаза: двумя она следит за миром людей, а один смотрит в преисподнюю. При создании статуй эти глаза обычно имитируются драгоценными камнями. Не простыми, каких Конан перевидал множество, но какими-нибудь особенными: исключительной чистоты, красоты и величины.

«Глаз Кали»! Британец выдал себя. Стало быть, вот какова цель его путешествия! Вот зачем его понесло в такую даль! Но что он знает о глазе Кали? И какая из многочисленных здешних Кали имеется в виду?

Конан размышлял над этим довольно долго. Со стороны могло показаться, что варвар впал в каталепсию. Он уселся на землю, скрестив ноги, как часто делают люди, привыкшие жить без мебели, в шатрах, а то и под открытым небом, и, выпрямив спину, замер. Бронзовое от загара лицо киммерийца было совершенно неподвижным. Глаза застыли и казались сделанными из стекла, губы не шевелились, только ноздри чуть трепетали, втягивая душный воздух.

Глаз Кали! Теперь дело за малым. Нужно лишь идти вслед за британцем. И когда он отыщет то, что искал, забрать у него камень. Или, если этот Фридугис покажет себя добрым товарищем и сговорчивым малым, разделить добычу пополам. Конан вовсе не был таким уж кровожадным чудовищем и предпочел бы не убивать вновь обретенного приятеля. В конце концов, половина такой

грандиозной драгоценности, которой, несомненно, является глаз Кали, — это большое состояние. Конану хватит на полгода безбедного существования, а бритунцу, воплощению умеренности и аккуратности, — зим на двадцать счастливой и полноценной жизни.

Фридугис опять повернулся. Кошель, висевший у него на поясе, вдруг выпал и лежал рядом со своим владельцем, крепясь к поясу лишь одним-единственным ремешком.

Все воровские инстинкты разом вскипели в Конане. В ярко-синих глазах киммерийца вспыхнул поистине дьявольский свет. Разве так можно — выставлять напоказ все свои деньги? Конан колебался недолго. В конце концов, он не собирался обворовывать своего возможного спутника. Но проверить — что там у него в кошеле — Конан был просто обязан. Хотя бы в целях безопасности. Вдруг это — никакой не безобидный путешественник-чудак, а, к примеру, глава бритунских стражников? Конан сейчас не мог бы сходу назвать преступление, за которое его могли бы преследовать аж из самой Бритунии. Но, если как следует покопаться в бурной биографии варвара, наверняка что-нибудь да сыщется.

Лучше не рисковать, не так ли?И Конан осторожно запустил пальцы в кошель. И замер... Он нащупал нечто, от чего мороз пробежал по его жилам, а кровь застыла, и душный жаркий воздух вендийского вечера вдруг наполнился живительной прохладой.

Ибо Конан в кошельке спящего бритунца нащупал огромный драгоценный камень. Конан почти не сомневался в том, что представляет собой его добыча. Подцепив его двумя пальцами, Конан извлек камень наружу.

Последние лучи заходящего солнца мазнули по камню, лежащему посреди большой загрубевшей ладони киммерийца, и тысячи граней алмаза заиграли всеми цветами радуги. Отблеск плясал на лице Конана, радужки разбегались по траве, рука киммерийца вся была залита разноцветным сиянием. Такого Конан действительно не видел никогда в жизни. Этому алмазу не было цены.

— Глаз Кали, — прошептал Конан еле слышно.

И камень, словно бы услышав, как благоговейно к нему обращается человек, вспыхнул с новой силой. Еще ярче сделались отблески драгоценных граней, еще быстрее запрыгали искры в глазах Конана. Он зажмурился, спасаясь от нестерпимого сияния, а когда вновь поднял веки, камень уже погас.

Солнце зашло за горизонт, в роще стало очень темно. Ночь наступала в Вендии без всякого перехода. Никаких сумерек, никакого балансирования на грани света и тьмы. Только что весь мир был залит призрачным розоватым сиянием — и вот уже настала непроглядная темень. Нужно подождать, чтобы звезды пришли в себя — равно как и люди, которые, сколько ни жили в Вендии, так и не научились мгновенно переходить от света к темноте. И лишь спустя несколько мгновений после внезапного, точно обрубленного мечом, окончания заката на черном бархатном небе проступают ночные светила.

Чуть позже появится луна, яркий серебряный спутник всех, кто крадется в ночи, — людей и диких зверей.

Конан сомкнул пальцы над алмазом. Некоторое время он рассматривал спящего. Стоит ли разбудить бритунца и предложить ему поделить добычу? Или просто стащить камень и дать деру? И то и другое было бы в порядке вещей. В конце концов алчность взяла верх. Разве Конан не был вором? В этом занятии он не видел ничего для себя постыдного. Он легко приобретал богатства и легко с ними расставался. Если его просили помочь — редко отказывал. Если его самого обворовывали — аплодировал удачливому воришке. Он играл по правилам и никогда не совершал подлостей, а в этом, как считал киммериец, и заключался залог его честности. И, если уж на то пошло, разве сам бритунец не украл этот камень? Он же сам проболтался во сне: «Глаз Кали». Этот камень принадлежал богине Кали, ее святилищу и жрецам, которые за этим святилищем ухаживали. Следовательно...

Конан решительно оборвал свои рассуждения, сочтя их слишком долгими. Если уж действовать, то без промедления.

И, сунув камень в собственный кошель, Конан скользнул в ночную тьму.

Бритунец так и не проснулся.

* * *

Конан быстро шагал по джунглям. В темноте варвар видел почти так же хорошо, как и днем. К тому же вскоре после наступления ночи на небе появилась луна в последней четверти перед полнолунием. Она заливала джунгли ярким серебряным светом, и в ее таинственных лучах Конану отлично виден был каждый лист, каждая ветка, каждая лиана.

Ориентируясь по звездам, он избрал направление на закат. Теперь, когда алмаз был у Конана, он не видел дальнейшего смысла своего пребывания в Вендии. Пора было перебираться поближе к цивилизованному миру. Алмаз легко продать в том же Шадизаре. И хоть за него никто не даст истинной цены, того, что можно выручить за подобный камень в Шадизаре, будет довольно, чтобы забыть о неудачном посещении Вендии.

Постепенно свет изменялся; появились первые предвестники скорого рассвета. Неожиданно — как будто некто подал им сигнал — разом запели птицы. Конан усмехнулся. Человек все-таки существо дневное. Даже вор.

Он прошел еще несколько шагов и вдруг провалился в глубокую яму.

Это произошло так внезапно, что Конан не успел даже прогневаться на собственную неосмотрительность. Гнев пришел потом, когда он огляделся и обнаружил, что действительно угодил в ловушку, из которой не просто выбраться. Яма имела явно рукотворное происхождение. Какие-то неведомые охотники выкопали ее в лесу и чуть присыпали листьями поверх тонкой сетки из лиан, чтобы крупный зверь не заметил подвоха и ступил прямо в ловушку. «Крупный зверь» скрипнул зубами. Отвесные стены высотой в два человечес-

ких роста делали очень затруднительным, если невозможным, любое восхождение наверх. К счастью, на дне ямы не было кольев. Должно быть, зверя хотели захватить живьем.

Прирожденный скалолаз, выросший среди отвесных скал Киммерии, Конан несколько раз пробовал вскарабкаться по гладкой стене, но постоянно срывался и падал. Он не обращал внимания на боль, получаемую при этих падениях; его бесили собственная глупость и бессилие.

Наконец киммериец принял здравое решение. «Если эти охотники действительно желают заполучить свою добычу, то они наверняка придут проверить свою ловушку, если не сегодня, так завтра — точно, — подумал Конан. — Стало быть, и беспокоиться мне не о чем. Нужно поспать, набраться сил. А завтра потолкую с этими звероловами. Для их же блага будет лучше, если они не окажутся людоедами, потому что... — Он скромно посмотрел на свои могучие руки. — Полагаю, я сумею постоять за себя».

И с этим варвар преспокойно растянулся на дне ямы и погрузился в безмятежный сон.

Этот сон был бесцеремонно нарушен. Ближе к полудню, когда солнце пробралось на дно ямы-ловушки, в голову Конана неожиданно полетели листья, комки грязи и скорлупа от орехов. Обстрел был настолько интенсивным, что киммериец даже подскочил. Он задрал голову, чтобы посмотреть на происходящее, и увидел, что сделался объектом пристального внимания огромной обезьяньей стаи.

Целая компания молодых обезьян радовалась неожиданно подвернувшейся потехе. Громко вереща и показывая голые красные зады, эти искаженные подобия человека скакали по деревьям вокруг ямы, размахивали длинными лохматыми руками и, с невероятной ловкостью цепляясь за ветки и лианы ногами и хвостом, с исключительной ловкостью метали свои снаряды в голову Конана.

Он едва успевал закрываться или уворачиваться; но, сидя на дне ямы, он не имел достаточного пространства для маневра. Киммериец скрежетал зубами от ярости. Этого еще не хватало! Он, один из величайших воинов Хайборийского мира (если не самый великий!), сидит в дурацкой яме посреди вендийских джунглей и служит игрушкой для развлечения обезьяньей стаи!

Рассвирепев, Конана зарычал не хуже тигра, и начал хватать комки грязи и скорлупу и метать их обратно в своих мучителей.

Восторгу обезьянок не было предела. Они приняли новую игру с еще большим энтузиазмом, чем первую. Правда, когда Конану удавалось попасть в какую-нибудь из них, раздавался громкий обиженный вопль, похожий на детский плач. Обезьянка как будто верещала: «Мы так не договаривались! Ты сделал мне больно!» — и удирала, задрав хвост и стремительно перебирая руками.

Но прочие продолжали скакать вокруг и верещать. Наконец одна из обезьян сделала неловкое движение и упала в яму. Конан тотчас схватил ее за горло и поднял над головой.

— Видали? — заорал он с торжеством, так, словно другие обезьянки могли его понять. — Если вы не оставите меня в покое, я убью вашего приятеля и съем его в сыром виде!

Пойманная обезьяна пыталась вырваться, а потом вдруг смирилась со своей участью и только жалобно скулила. Конан ослабил хватку. Он вовсе не намеревался убивать животное. К зверям он относился порой гораздо лучше, чем к людям.

«В конце концов, — сказал себе Конан, — еще неизвестно, как бы я повел себя, будь я обезьяной».

Зверьки, едва только их товарищ очутился на свободе, с визгом разбежались. Наполовину придушенная Конаном обезьяна еще некоторое время сидела на краю ямы, но затем, придя наконец в себя, ушла и она.

Конан остался в одиночестве.

Время тянулось медленно. Солнце, проникая сквозь густую листву деревьев, падало на дно ямы, и жаркие его лучи кусали кожу человека. Скрыться было некуда, оставалось только ждать. Конана начала мучить жажда.

Он еще раз обошел свое нежеланное пристанище. Наконец он обнаружил то, что искал все это время. Пока обезьяны забрасывали его разным мусором, они накидали к нему много всяких ценных вещей. И в том числе — обрывки лианы, из которых можно было сделать веревку.

Конан принялся за дело. Он еще не слишком хорошо понимал, как выберется, но веревка для любого узника — начало спасения.

Не обращая внимания на голод и жажду, на палящее солнце и удушливую жару, киммериец трудился над своей веревкой. Ближе к вечеру она была готова. Он начал выбрасывать ее из ямы, метя в заранее облюбованный пень.

Собственно, это было небольшое деревце, сломанное ближе к корню. Если изловчиться и сделать петлю пошире, то, возможно, удастся накинуть веревку на эту слабую опору.

Конан упражнялся в метании петли довольно долгое время, прежде чем ему повезло. Он осторожно натянул веревку и полез из ямы наружу.

Наконец-то! Конан перевалился через край и некоторое время лежал на земле, глядя в небо. Крохотный клочок залитых закатным светом небес проглядывал между листьями. Конан дышал полной грудью.

Затем он поднялся на ноги и вновь зашагал по джунглям.

Наступала ночь — вторая ночь, считая с той, что Конан обокрал спящего Фридугиса. Следовало торопиться. Киммерийца и без того слишком задержала эта глупая история с ловушкой.

Ночные джунгли кишели хищниками, выбравшимися на охоту. Конана окружали таинственные шорохи. Несколько раз он видел, как сверкают в темноте желтые глаза: леопард крался на мягких лапах, высматривая себе добычу на эту ночь. До чуткого слуха варвара доносилось еле слышное мяуканье: должно быть, где-то неподалеку прячутся детеныши леопарда. Опасно, подумал варвар. Если на охоту вышла мать, которой требуется во что бы то ни стало на-

кормить своих детей, она не остановится ни перед чем. Даже перед человеком. Леопард, несомненно, знает, как опасно бывает нападать на человека, и прибегает к этому средству лишь в крайнем случае. Но — кто знает? — быть может, самка леопарда как раз и полагает, что настал этот самый крайний случай.

Конан любил хищных зверей. Его восхищали огромные кошки со сверкающими пятнистыми шкурами. И уж тем более ему не хотелось бы убивать самку леопарда — ведь тогда погибнут и детеныши.

Но превращаться в корм для них Конан не намеревался. Как бы хорошо он ни относился к зверям, собой киммериец дорожил несравненно больше. Поэтому он вытащил из ножен меч и приготовился отражать возможную атаку.

Однако зверь, который напал на него, не был самкой леопарда. Это было огромное животное, похожее на гиену, но размером с тигра. В отличие от прочих гиен, оно охотилось в одиночку, а не стаей. У него были огромные челюсти и гигантские, как плошки, горящие глаза.

Конан почувствовал, как волоски на его загривке поднимаются дыбом. Все его варварские инстинкты вопили о приближающейся опасности.

Он прислушался: в лесу вдруг стало тихо. Мяуканье котят перестало доноситься из логова леопарда. Самка леопарда скрылась; ее бесшумной поступи больше не было слышно — а прежде Конан не то улавливал едва заметное шевеление травы и затаенное дыхание дикого голодного зверя. Даже ночные цикады — и те умолкли.

Приближался некто грозный, кого боялись все.

Этот не боялся издавать звуки. Он ломил через джунгли как хозяин. Ветки трещали под его поступью. Приглушенное рычание вырывалось из его глотки. Конан чувствовал запах, от него исходящий, — запах падали.

Гиена, только очень большая и охотящаяся в одиночку, без стаи.

Конан поднял меч и приготовился защищаться.

Таких животных он прежде никогда не видел. Монстр, вылетевший на него из чащи, был поистине огромен — больше крупного тигра. Челюсти его были распахнуты, лунный свет играл на шкуре: гладкая, ярко-желтого цвета, с длинным лохматым гребнем вдоль всего хребта. Хвост чудища, голый и вытянутый, как палка, дергался в экстазе: монстр предвкушал добычу.

Зверь прыгнул. Конан едва успел отскочить в сторону, таким стремительным оказался этот бросок. Даже удивительно — киммериец не ожидал от ночного противника подобной прыти, особенно если учитывать гигантские размеры его тела.

Озлобленно рыча, зверь повернулся к шустрому сопернику. Теперь хвост сильно бил по земле, поднимая какую-то удивительно едкую пыль.

Должно быть, в опавших листьях веками копились споры какого-то болезнетворного грибка. Конан внезапно начал чихать. Глаза его залило обильными слезами, он едва мог различать чудовище перед собой.

Превозмогая неожиданную коварную болезнь, варвар все же нашел в себе силы обороняться. Зверь припал к земле и испустил долгое глухое рычание. Его

огромные когтистые лапы взрывали листву, оставляя глубокие борозды во влажной мягкой почве.

Прижавшись к земле грудью, зверь рассматривал Конана холодными злыми глазами. Он искал слабое место своей будущей добычи. И совершил новый прыжок.

Конану удалось отклониться в сторону, но на сей раз зверь было осмотрительнее: еще в воздухе он растопырил лапы, так что, падая на землю, он все же успел задеть быстрого человека и повалить его вместе с собой. Конан ощутил резкую боль в плече: коготь вспорол кожу. Зловонная пасть надвинулась на киммерийца. В ярком лунном свете Конану хорошо виден был каждый зуб в чудовищной челюсти.

Но страшнее всего были, пожалуй, не зубы и не когти монстра, а его глаза. В них светился холодный, почти человеческий разум. Вполне осознанная ненависть горела в его взоре, когда он смотрел на человека, которого готовился убить.

Должно быть, множество людей погибло этим жутким образом, в челюстях монстра. И все они перед смертью встречались с его осмысленным взглядом и пугались еще больше. Страх был тем чувством, с которым они уходили из жизни.

Конан ощутил, как в нем вскипает ненависть. Киммериец — вовсе не то, что изнеженный вендиец с древней, многократно разбавленной кровью в жилах. Нет, кровь Конана — это молодое вино, легко ударяющее в голову! Конан был таким же диким и свирепым, как этот огромный зверь, обитающий в глуши вендийских джунглей.

В горле варвара зародилось рычание. Он чуть повернулся, не противясь тяжелой лапе, что придавила его к земле, и направил острие меча так, чтобы оно смотрело прямо зверю в грудь. А затем резко дернулся в сторону.

Зверь рванулся за добычей и лязгнул зубами в воздухе... И в этот миг сам напоролся на острие меча. Испустив громкий торжествующий вопль, Конан выдернул меч из раны зверя и вскочил на ноги. Сталь победно засверкала у киммерийца над головой.

Монстр припал к земле, рыча и готовясь совершить новый прыжок. Казалось, рана в груди совершенно его не беспокоит, но кровь вытекала оттуда широкой темной струей и пятнала листья. Сквозь непрерывное чихание и слезы Конан видел, что противник его серьезно ранен, и это наполняло сердце варвара ликованием.

Наконец-то он нашел достойного врага! Конан вдруг понял, что стосковался по настоящей битве — по такой битве, в которой ему грозила бы серьезная опасность. Это ощущение будоражило его, заставляло чувствовать себя живым. Многочисленные схватки с трусоватыми разбойниками или слабосильными уличными грабителями не шли ни в какое сравнение с этим поединком.

Схлестнулись два мощных дикаря в глухой чаще вендийских джунглей, посреди ночи, полной шорохов и таинственных звуков.

Конан был почти благодарен монстру за то, что тот вылез из своей берлоги и отправился на охоту, избрав своей добычей на сей раз человека.

Второй прыжок зверя стоил ему жизни. Казалось, чудище понимает это, но не может не атаковать. Возможно, у этого животного существует собственное представление о чести. Конан встретил своего врага мощным ударом меча, перерубившим одну из когтистых лап.

Раздался оглушительный вой, от которого содрогнулись джунгли, и Конан подхватил этот клич собственным воплем. Зверь катался по земле. Из обрубка лапы хлестала во все стороны кровь. Конан подскочил к нему и третьим ударом перерубил ему горло. Голова чудища откатилась в сторону, раз лязгнула челюстями и затихла. Желтый свет в глазах погас навсегда.

И тут Конан почувствовал, что вся его кожа горит, точно в огне. Он оглядел: весь он пошел пузырями, как будто и впрямь обварился кипятком или обжегся, упав в середину костра.

Он посмотрел на убитого им зверя. Язык, высунутый между зубами, почернел. Там, где на траву и опавшие листья попали капли звериной крови, уже дымились крохотные огоньки. Как будто из каждой кровавой капли зародился собственный небольшой костер.

Скоро удушливым дымом затянуло всю поляну, где происходила схватка. Огонь разрастался и начал потрескивать.

Этого только не хватало! В джунглях пожар! Если огонь разгорится, спасения не будет никому. Не хватало еще сгинуть здесь бесследно только потому, что какому-то глупому монстру вздумалось перекусить киммерийцем.

Конан бросился к огонькам и принялся яростно их затаптывать. Но чем больше он бил по ним ногами, тем ярче они разгорались.

Конан плевал в них, забрасывал землей, даже пробовал молотить по ним тушей убитого зверя. Все было бесполезно. И кожа киммерийца горела все сильнее.

Наконец он сдался.

Следовало отыскать какой-нибудь ручей или озеро, причем как можно быстрее. Если забраться с головой в воду, то остается вероятность пережить натиск пламени.

Конан побежал сквозь джунгли. Он больше не думал о самке леопарда, которая наверняка охотится неподалеку. Почему-то Конан не сомневался в том, что она не станет есть убитого им монстра и уж тем более не потащит его мясо детенышам. Ей потребуется другая добыча.

Но киммериец ею не станет.

Кожа у него горела все сильнее.

Он отбежал на сотню шагов и остановился, чтобы посмотреть, что происходит на поляне, где он оставил труп.

Киммериец обернулся, ожидая, что увидит разгорающееся пламя. Зловещий багровый свет, ползающий между стволами деревьев и лижущий их корни... Начало гигантского пожара, который пожрет большую часть джунглей...

Но ничего подобного он не увидел. Там, откуда он бежал, не было вообще ничего. Ни света, ни дыма. Как будто ничто там не горело.

Конан вспомнил, как пламя ни за что не хотело гаснуть, хотя его затаптывали и забрасывали землей. И киммериец наконец понял: иллюзия. Последнее оружие чудовищного зверя — иллюзорный огонь. Если бы киммериец задержался на поляне подольше в своих тщетных попытках затушить несуществующий пожар, пламя выжгло бы его изнутри, и он бы попросту умер рядом с трупом убитого им чудовища.

Однако волдыри на теле Конана иллюзорными не были. Он действительно обжегся. И неизвестно еще, не вспыхнет ли колдовской огонь у него внутри, когда пройдет достаточное количество времени. Следовало избавиться от наваждения как можно скорее. Конан вновь побежал сквозь джунгли. В любом случае ему необходимо найти воду. Он умирал от жажды. После битвы со зверем горло у него пересохло, и Конан едва держался на ногах.

Глава четвертая
Монстр в джунглях

Когда впереди блеснула полоска воды, Конан понял, что наступил рассвет: вода была залита ярко-розовым светом. И опять оглушительно запели птицы, все разом. Конан с размаху бросился в воду и долго с наслаждением плескался там, разбрызгивая золотисто-розовые капли. Он то погружался с головой и пил восхитительную прохладную воду, то выныривал на поверхность и любовался розовыми небесами. Рассвет плескался в воздухе — казалось, его можно было поймать рукой и сжать в пальцах.

Прохладная вода принесла облегчение обожженной коже варвара. Когда он выбрался на берег и устроился там, чтобы передохнуть, он еще раз внимательно осмотрел себя. Волдыри никуда не исчезли. Пятна ожогов — тоже. Боль, отпустившая было, пока Конан сидел в воде, начала донимать его с новой силой. Киммериец решил не обращать на нее внимания. Рано или поздно ожоги заживут, и боль пройдет сама собой. Разумеется, если сыщется какое-нибудь средство против случившейся с Конаном неприятности, он не станет пренебрегать этим; но пока средство не найдено — нечего и думать о том, что у него, к примеру, здоровенный ожог на ляжке или что болит вздувшийся пузырь на спине.

Конан вытащил из кошеля алмаз и поднял его перед глазами, держа двумя пальцами. Волшебный свет восходящего солнца заиграл на чудесных гранях, отбрасывая мириады искр. «Вот что извиняет все мои дурацкие похождения, — думал киммериец, любуясь камнем. — Вот мое главное утешение! Ради этой побрякушки я готов перенести и не такие испытания. Она принесет мне

богатство и удачу, а какой-нибудь бездельник в Шадизаре, у которого денег несчитано, заполучит в свои цепкие лапы счастье любоваться этой штукой в любой момент. Повесит ее на смуглую красавицу или вденет в собственную корону...»

Или преподнесет какому-нибудь божеству.

Впрочем, Конану мало дела было до того, как поступит с драгоценностью шадизарский богатей. Пока длится путешествие, Конан имеет возможностью наслаждаться игрой прекрасного камня; после его ждет иное наслаждение – счастье обладания деньгами. Очень большими деньгами.

Предаваясь мечтам, киммериец заснул. Вероятно, он проспал несколько колоколов, потому что когда он открыл глаза, был уже полдень.

Праздник рассвета закончился, начались будни обычного дня в джунглях. Лес жил полной жизнью, самые разнообразные существа — его обитатели – охотились, искали на деревьях плоды, ссорились, совокуплялись, заботились о детенышах, враждовали из-за охотничьей территории.

Конан с трудом встал на ноги и побрел дальше. За время его сна ожоги как будто разрослись и стали донимать его еще сильнее. Ему трудно было переставлять ноги. Хотелось упасть на четвереньки. Почему-то казалось, что таким способом передвигаться будет легче.

Вот еще не хватало! Конан был достаточно горд для того, чтобы не прибегать к подобному образу хождения. Пока он еще в силах, он будет идти, гордо выпрямив спину.

Но какая-то злая сила продолжала упорно гнуть его к земле. Каждый новый шаг давался Конану все с большим трудом. Тем не менее киммериец продержался еще больше одного поворота клепсидры.

Неожиданно впереди между стволами деревьев показался просвет. Конан остановился, не веря собственным глазам. Он вышел к человеческому жилью! Здесь имелась какая-то деревня.

Конан явственно различал хижины, круглые, сплетенные из травы и накрытые соломенными крышами. Ноздри его раздувались, улавливая запах огня и готовящейся на огне пищи. До его слуха начали доноситься и голоса. Звонкие голоса детей, более приглушенные и тихие — голоса женщин. Мужчин в селении не было. Должно быть, ушли на охоту или рыбалку.

«Добыча», — подумал Конан и облизнулся.

И тотчас одернул сам себя. Что с ним происходит? Почему он подумал о людях, живущих в этой деревне, как о добыче? Не превратился же он в людоеда? Хотя в этих ядовитых вендийских джунглях с человеком может произойти все что угодно. Самые невероятные мысли являются без спроса и поселяются в голове.

Конан заметил мальчика, бегущего в его сторону. Это был худенький смуглый ребенок в набедренной повязке. Клочок ткани прикрывал его голову от солнечных лучей. Больше на нем ничего не было. Очень темная кожа блестела от пота, огромные глаза с голубоватыми белками были широко раскрыты, зу-

бы блестели — ребенок смеялся. Он бежал за тряпичным мячиком, который улетел в сторону леса.

Конан видел и игрушку. Но он не мог отвести глаз от мальчика. В мыслях почему-то варвар представлял себе сладкий хруст, который издадут эти тонкие кости на его зубах...

Странно. В самом деле странно.

Конан опустился на четвереньки и услышал приглушенное рычание, в котором звучало торжество и предвкушение трапезы.

Ребенок остановился. Улыбка застыла на его губах. Он повел глазами из стороны в сторону и вдруг, оглушительно завизжав, бросился бежать обратно к домам.

А Конан, не вставая на ноги, как был на четвереньках, устремился в другую сторону.

Теперь он очень хорошо видел. Гораздо лучше, чем прежде, хотя и раньше он не мог пожаловаться на зрение. И очень хорошо чуял все происходящее. Не так, как чуял в былые времена. Запахи рассказывали ему гораздо больше, нежели когда-то. Он чувствовал чужой страх — кисловатый запах пота, проступающий на человеческом теле, говорил ему об этом. Он чувствовал все — вплоть до того, чья плоть будет вкуснее. К примеру, одна из женщин в деревне недавно ела чеснок, а Конану очень не хотелось бы мяса, пахнущего чесноком. Зато другая обожала перец. Чудесный душистый сладкий перец. У нее изумительная плоть. Конан облизнулся, предвкушая, как вонзит в нее зубы.

Он остановился, сел и поднес к глазам руку. Что-то с ним происходило неправильное. Впрочем, рука была замечательная. Огромная, лохматая, покрытая чудесной желтой шерстью. С надлежащими когтями. Конан почесался задней лапой за ухом, стукнул хвостом по земле. Зуд в коже прошел. Ему было хорошо. Он встал на лапы и побежал дальше. Джунгли лежали перед ним и манили его тысячами запахов.

Странно выглядел этот зверь в обрывках человечьей одежды на шкуре, туго перепоясанный кожаным поясом, на котором болтался кошель с бриллиантом, и в ножнах, где еще сохранялся большой прямой меч.

* * *

К ночи Конан успел убить и съесть косулю. Он был сыт и страшно доволен — доволен всем: собой, своей жизнью, развитием событий. Еще бы! Весь мир лежал перед ним, все джунгли, и он мог охотиться, где пожелает. Даже тигр уступит ему свою охотничью территорию, если он явится туда и потребует своего. Даже тигр! Что же говорить о других хищниках, менее крупных и куда менее опасных... Впрочем, самку леопарда Конан не обидит. В глубине своей памяти он хранил воспоминание о том, как трогательно мяукали в ночи маленькие котята. Пусть растут. Пусть вырастут во вкрадчивых хищников,

движущихся сквозь ночь на мягких лапах. Пусть в джунглях появится новая ласковая смерть с чудесной пятнистой шкурой и вспыхивающими во тьме глазами.

Конан ласково зарычал, думая о них.

Ему хотелось самку. Но он знал, что нигде поблизости нет самки его вида. Может быть, и во всем мире не сыщется таковой. Он не знал. Может быть, он один на всем свете.

Что ж, тогда ему остается только одно: сеять смерть. Убивая, он получал удовольствие. Возможно, несопоставимое с наслаждением, которое дарит самцу соитие с самкой и продолжение рода, но все же лучше уж такое, чем никакого. Он жрал, чтобы жить, и убивал, чтобы испытывать радость.

Насытившийся, довольный, Конан растянулся на листьях и заснул. Во сне он видел человека, которого встречал прежде. И даже, кажется, хотел зарезать. Да, он хотел уничтожить этого человека, но что-то остановило Конана. Вероятно, ему подвернулась добыча получше. Он вспомнил об этом во сне и даже засмеялся. Камень. Вот о чем он думал тогда. Драгоценный камень. Бесполезная безделушка, которая до сих пор болтается у него в кошеле.

Странно устроены люди. Для чего им вещь, которую нельзя съесть? Вещь, не нужная при устройстве логова? Впрочем, подумалось Конану в том же сне, этот предмет имеет какое-то значение для самки и, следовательно, может представлять ценность для самца, который желает обзавестись подругой. Но кому нужна самка, если у нее столь нелепые желания? И Конан расхохотался.

Он проснулся от собственного хохота — точнее, от громового рева. Лес содрогался, слыша этот жуткий звук, исторгаемый могучей глоткой монстра.

Конан встал, потянулся... и вдруг зарычал от злобы и обиды. Кто-то подкрался к нему, пока он спал, и выпустил в него стрелу. «Проклятье! — думал Конан, катаясь по земле и вслепую молотя лапами воздух. — Кто же это сделал? Как ему удалось? Проклятье, проклятье! Если я сумею встать на ноги, я разорву его на клочки! О, пусть только покажется, презренный трус, который прячется в кустах с луком, — и он увидит, на кого посмел поднять свою жалкую, мерзкую, голую руку!»

Вслед за первой стрелой вылетела вторая, за нею — третья, и все они угодили в цель. Они пронзили руки и ноги Конана, причем нога — точнее, задняя лапа — оказалась пригвождена к земле. Конан утробно и страшно рычал. От этого звука, казалось, гнулись деревья. Но человек, прятавшийся за кустами с луком, оставался невозмутим и никак не выдавал себя.

Наконец от боли и гнева Конан обессилел. Он упал на бок и, тяжело дыша, стал смотреть перед собой. Верхняя губа его поднималась, обнажая огромные желтоватые клыки, на которых вскипала пена, и глухой рев время от времени вырывался из горла. Но теперь это клокотание звучало негромко и напоминало звук уходящей грозы — буря иссякла, исчерпала себя и теперь бессильно злобилась издалека.

И только тогда из укрытия выбрался человек.

Конан узнал его. В его желтых широко раскрытых глазах мелькнул последний отблеск сознания, а затем они подернулись тусклой пленкой, и Конан погрузился в сон.

* * *

Он пришел в себя и увидел над головой навес из пальмовых листьев. Это киммерийцу не слишком понравилось. Последнее, что он помнил отчетливо, было его стояние над спящим бритунцем: тот, кажется, говорил про «глаз Кали»... Затем киммериец наклонился над Фридугисом и снял кошель с его пояса. Нашел там камень. Алмаз дивной красоты и невероятного размера. После этого Конан ушел, оставив Фридугиса на милость неприветливых жителей Рамбхи.

Что же он делает здесь, под навесом? Почему у него так болят руки? Отчего он не в состоянии пошевелиться? И, главное, кто этот человек, который сидит рядом и тянет из фляги какое-то пойло?

Конан попробовал заговорить. Голос его звучал хрипло, но все же вполне внятно.

— Кто ты? — спросил киммериец.

— Я? — Человек живо обернулся к нему. — А ты меня разве не помнишь?

— Не помню, если спрашиваю, — огрызнулся Конан.

Тот заткнул флягу пробкой, сунул ее за пояс и приблизился к варвару. Навис над ним, широко улыбаясь.

— Мое имя Фридугис. Я бритунец. Мы встретились с тобой в Рамбхе. Ты помнишь свое имя?

— Конан, — буркнул Конан. — Из Киммерии. Ты, никак, за дурака меня держишь, Фридугис из Бритунии? Гляди, я ведь не всегда буду в плену. Когда освобожусь, порву тебя в клочья.

— Это уж как тебе захочется, — неопределенно ответил Фридугис.

— Ты, наверное, хочешь пить.

— Хочу.

Фридугис поднес флягу к его губам. Конан сделал несколько жадных глотков. Дурное местное пальмовое вино, сильно разбавленное к тому же. Но для человека, умирающего от жажды, — в самый раз.

— Ну, что со мной случилось? — осведомился Конан. — И где я нахожусь? Ты ведь, кажется, осведомлен о моих делах лучше моего.

— Наконец-то разумные речи... Начну с конца. Ты находишься в Рамбхе, Конан, в моей хижине.

— Рамбха... — Конан громко застонал, как будто его мучила страшная головная боль.

— Вот именно, — подтвердил бритунец невозмутимо. — Я обосновался в этом городе. Поскольку найти съемное жилье здесь оказалось невозможно — больно уж неприветливы жители, знаешь ли, — я построил собственное. Оно,

правда, находится за городской чертой, так что я, как считается, не посягнул на здешнюю земельную собственность... Они ведь ужасно пекутся о соблюдении законности, знаешь? — Британец хохотнул. — У каждого свои причуды. Если бы я жил посреди диких джунглей, как эти вендийцы, я бы возвел себе огромный дом с гигантским участком, окружил бы все это высоченным забором... и процветал бы там, за забором, как мне вздумается. Но им почему-то охота лепиться друг к другу. Вероятно, чтобы удобнее было сплетничать. У тебя нашлось время заметить, что сплетни — это самое главное их занятие? Во всяком случае у мужчин, особенно у наиболее почтенных...

Конан прошептал:

— А у тебя, видимо, любимое занятие — болтать.

— Я ведь путешественник и собираю впечатления, — возразил британец. — Это то, чему я всегда отдавал предпочтение. Новые лица, новые обычаи, новые странные города — и, разумеется, необычные для меня способы проводить время.

— Ага, — сказал Конан. — И странные методы зарабатывать на жизнь.

— Ты имеешь в виду кражи? — Британец смешливо сморщил нос. — Во-первых, этим меня не удивишь. Видел, и не раз. Во-вторых, не вижу в данном методе ничего странного. Обманчиво простой — и к тому же не требует интеллектуальных затрат. В-третьих, в том, что касается кражи моего алмаза... Ты не первый, кому это удалось. И не первый, кому это принесло сплошные неудобства.

Конан поперхнулся.

— Какой алмаз? О чем ты говоришь?

Он приподнялся на локте и вперил в британца гневный взор.

— Ты обыскал меня, пока я был без сознания?

— Ну, ты ведь поступил так, покуда я спал, — отозвался британец, улыбаясь. Судя по его виду, он совершенно не был рассержен случившимся. — Впрочем, мне и обыскивать тебя не нужно было. Я заметил пропажу алмаза и сразу пошел за тобой следом.

— Ну да, конечно, — Конан скривился. — Можно подумать, у тебя был шанс против меня. Да если бы я захотел, от тебя бы даже мокрого места не осталось!

— Хочешь сказать, что ты попросту пожалел меня и не стал убивать? — Фридугис фыркнул. — Впрочем, не буду спорить. Вероятно, ты испытывал ко мне нечто вроде жалости... Однако дело совершенно в другом. Я пошел за тобой следом потому, что ты понравился мне, киммериец. Да-да, я счел тебя человеком весьма достойным, несмотря на твой способ зарабатывать на жизнь и проводить свое время. Мне было бы жаль, если бы ты погиб глупо и бессмысленно. Еще при первой нашей встрече я счел тебя достойным лучшей жизни, нежели та, которую ты вынужден вести.

— Ты хочешь сказать, что отправился выслеживать меня из жалости ко мне? — медленно проговорил Конан.

Британец кивнул.

— Ты попал точно в цель, любезный варвар. Именно так. Из жалости к тебе. Не к тому тебе, каким ты являешься сейчас, — добавил он туманно, — но к тому, кем ты станешь — быть может — впоследствии. Неважно. В общем, я пошел за тобой. Я видел яму-ловушку, в которую ты попался. О, жители одной соседней деревушки были страшно разгневаны! Они собрались на краю ямы, они вопили, размахивали своими черными костлявыми руками и жутко ругались на десятках языков, из коих я два кое-как понимал. Они посылали тебе самые жгучие проклятия. Впрочем, они полагали, что ты — большая обезьяна.

— Что? — завопил Конан. Раны сразу отозвались болью в его теле, но киммериец не обратил на это внимания.

— Что-о?!! Эти чертовы мартышки сочли меня большой обезьяной?

— У них забавное отношение к обезьянам: одних они едят, других считают за своих родственников и не трогают.

— Это ты тоже выяснил, путешествуя?

— Нет, — признался британец, — об этом я прочитал в манускрипте моего соотечественника, Бридуна Странника. Он много рассказывает любопытного, в том числе о джунглях Вендии...

— К демонам Бридуна Странника! — энергично высказался Конан. — Что было дальше?

— Словом, эти добрые охотники бранили на все лады крупную обезьяну, которая испортила им ловушку. Но я сразу смекнул, что в яме побывал человек. И притом — белый человек, то есть — ты.

— Ага, — сказал Конан. — Конечно.

— Видишь ли, в этой округе белых людей всего двое, ты да я, и поскольку я стоял на краю ямы живой, здоровый и невредимый, то, следовательно, в самой яме побывал второй белый...

— Довольно, — оборвал Конан. — Ты чудовище.

— Не больше, чем ты. Лежи смирно, процесс трансформации еще не закончился, — предупредил британец, поскольку Конан в ярости дернулся на своем ложе и обнаружил, что привязан.

— Как ты понял, что я попался? — смирившись на время со своей участью, спросил Конан.

— Местные знают, где у них ловушки. Кроме того, на мягкой глине остались отпечатки твоих сапог.

— Ага, — сказал Конан.

— Дальше началось самое трудное, — признал британец. — Я набрел на труп чудовища. Выглядел этот зверюга, скажу тебе прямо, неважно. Ты отрубил ему лапу, рассек его шкуру, вонзил меч ему в небо, словом, поработал над ним, как мясник.

— Весьма сожалею, — буркнул Конан. — Вероятно, гуманнее было бы позволить ему убить меня и слопать. Бедная зверюшка!

— Зверюшка? — Фридугис выглядел изумленным. — Ты называешь эту тварь зверюшкой? Да это же кенокефал, песьеголовый людоед! Лишь один человек, встречавшийся с ним, остался в живых и сумел воспроизвести его облик в рукописи *«Все путешествия в колдовские страны, собранные Атезисом Британским»*. Весьма поучительно, кстати. Я нарисовал труп убитого тобой монстра, чтобы вложить его в тот манускрипт о путешествии, которую намерен написать после возвращения.

— Ну, это если ты вообще вернешься домой, — заметил Конан мрачно.

— Пока что обстоятельства складывались удачно, — указал ему британец.

Конан фыркнул.

— Удачнее некуда! Однако говори дальше.

— Я знал об одном свойстве кенокефала. Дело в том, что убитый зверь разбрасывает вместе со своей кровью особые споры, так что убийца или тот, кто случайно оказался поблизости от раненого кенокефала, заражается ими и постепенно также превращается в подобного же зверя. Некоторое время в превращенном еще теплятся воспоминания о прошлой жизни, но если надлежащие меры не будут приняты в течение полутора — двух дней, то последствия приобретают необратимый характер. Я понятно выражаюсь?

— Вполне, — буркнул Конан. — Не надо считать меня глупцом только потому, что у меня развитая грудная клетка и сильные руки и я могу порвать тебя на куски, не прилагая особенных усилий. Если ты не забыл, некогда я возглавлял философическую школу в Кхитае.

Британец выразительно поднял одну бровь и промолчал. Он молчал ровно столько, сколько понадобилось, чтобы Конан осознал: его собеседник... как бы это выразиться?.. немного сомневается в правдивости утверждения касательно этой самой школы.

Привязанный к топчану, сделанному из куска гигантского ствола, Конан бессильно сказал:

— Я бы убил тебя, да ведь это не поможет.

— Не поможет, — согласился британец охотно. — Правда доказуется совершенно иными способами. Впрочем, мы говорили о странности твоих методов...

— Вот видишь! — торжествующе заявил Конан.

— Вернемся к делу, хорошо? Я хотел бы завершить мой рассказ о том, как я, благодаря моим знаниям и навыкам, отчасти почерпнутым из книг, отчасти приобретенным во время моего долгого путешествия, сумел спасти тебя и вернуть в человеческое обличье.

— О! — сказал Конан с неподражаемой интонацией.

Фридугис хмыкнул.

— Недурно, недурно. Ты очень неплохо держишься, если учесть, через какие испытания ты прошел. Итак, я разжился луком и стрелами. Их подарил мне дружественный туземец.

— Боги! Где ты отыскал в этих джунглях дружественного туземца?

— Ну, я поднес к его горлу кинжал, и он сразу сделался исключительно дружественным. Маленький, сморщенный мужчина в набедренной повязке. Охотился на белок.

— На белок?

— Этот зверек похож на белку. Точнее, очертаниями он немного напоминает белку, — добавил бритунец. — Размером он, правда, с кабана... На него-то и охотился маленький сморщенный мужчина в набедренной повязке. Он весьма охотно одолжил мне лук.

Фридугис поднял с пола короткий, сильно изогнутый лук, сделанный из гибкой ветки и укрепленный рогами оленя, и показал киммерийцу.

— Видишь? Стрелы я сделал сам. Просто оструган палочки. Главное — мне понадобился состав из листьев хура. К счастью, у меня есть свиток, где нарисованы эти листья, так что я отыскал их почти безошибочно.

— Почти? — оскалился Конан.

Фридугис признал:

— Был небольшой риск ошибиться. Я все-таки не знаток растений. Но кое-что я знаю. Если бы я ошибся, ты бы всего-навсего остался бы кенокефалом навечно. Ничего особенного. К тому же, как я подозреваю, тебе нравилось быть крупным, хищным и кровожадным.

— Я и без того весьма кровожаден, — сказал Конан.

— Недостаточно, — отмахнулся Фридугис. — Кенокефал гораздо кровожаднее. Дальнейшее тебе известно, Конан. Я подстрелил тебя, сидя в кустах. Я подобрался к тебе, пока ты спал. Храпел ты на всю округу, нимало не заботясь о том, что тебя могут услышать. Сразу видно — царь зверей. Но человек все-таки хитрее любого зверя, даже царственного. Вот довод в пользу того, чтобы оставаться человеком, Конан.

— Ты выпустил в меня отравленные стрелы?

— Лекарственные, — поправил Фридугис. — Да. Теперь ты видишь, как я о тебе забочусь?

— Обо мне? — Конан скривил губы. — Полагаю, ты заботишься о своей побрякушке.

— Увы, — Фридугис развел руками, — эта побрякушка великолепнейшим образом заботится о себе сама. Без всякого, заметь, моего участия.

— Отвяжи меня, — попросил Конан. — Клянусь, я оставлю тебя в живых.

— Не могу, — сказал Фридугис.

— Почему? — оскалился киммериец. — Мало того, что ты меня ранил и притащил сюда волоком, так ты еще и держишь меня в плену! Учти, киммерийцы — народ злопамятный. Я запомню каждое унижение, которому ты меня подверг. Я проживу столько зим, сколько потребуется, чтобы отомстить тебе за все, чему ты меня подверг.

— Кстати, об унижениях, — понизив голос, сказал Фридугис. — Я не хотел бы, чтобы ты счел мои слова за издевательства, но... Ах, Конан, я даже не знаю, как подступиться к этому!

Он всплеснул руками, и киммериец не без удивления увидел, что отчаяние Фридугиса вполне искренне.

— В чем дело? — осведомился Конан грубовато.

— В том, дружище, что... Не сочти меня за негодяя... Прости. У тебя до сих пор не отвалился хвост.

— Что?!! — заорал Конан. Он рванулся так сильно, что лицо его залило темно-багровой краской, а веревки глубоко впились в тело. — Что ты сказал?

— Увы, это правда. Ты с хвостом. Я предлагаю...

— Под лед все твои предложения! — вопил Конан. — Сгори ты со своими предложениями! Пусть демоны Нергала порвут тебя, пусть дикари сожрут твои обнаженные кишки!

— Конан, — попробовал было взывать к рассудку белого человека Фридугис, — послушай меня. Я твой друг, я желаю тебе добра.

— Чтоб ты сдох! — надрывался киммериец. — Ты лжешь!

Он стукнул чем-то о лежанку. Какой-то лишней конечностью. И, сильно скосив глаза, Конан увидел длинный голый, недовольно шевелящийся хвост.

— Руби!!! — гаркнул Конан.

— Ты согласен? — обрадовался Фридугис.

— Да! — крикнул киммериец. — Руби его! И никому ни слова, понял? Можешь рассказывать о том, что Конан из Киммерии по несчастливой случайности превратился в монстра. В очень большого, очень хищного и жутко кровожадного монстра. Можешь написать и о том, как ты перехитрил монстра — в конце концов, ты ведь человек, а я был заколдованным зверем... Хотя и внушающим ужас заколдованным зверем! — добавил Конан быстро. — Но если ты когда-нибудь проболтаешься про хвост, я... я... Я убью твоих детей! — выпалил он.

— Помилуй, Конан! — возмутился британец. — Я дам тебе честное слово, и этого будет довольно.

— Руби, — сквозь зубы произнес варвар и не проронил больше ни звука.

Глава пятая

Младшие сыновья в поисках счастья

Сто зим тому назад началась эта история. В те зимы бравый Хейрик, молодой британский дворянин, отправился на поиски приключений в Вендию. С ним было еще трое таких же как он молодых людей, полных надежды на лучшее будущее. Что ожидало их в Британии? Мало хорошего, сказать по правде. Все они происходили из древних, но обедневших родов, все четверо — млад-

шие сыновья. Так что если и оставались какие-то богатства у их родителей, то денег этих и земель едва-едва хватало на то, чтобы обеспечить старших.

Впрочем, четверо друзей не роптали. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что семейное имя должны обеспечивать старшие. А на их долю выпало нечто совершенно иное: путешествия в поисках богатства. Они начнут собственную жизнь и положат начало новым фамилиям — и знатным, поскольку ведут свое происхождение из древних семейств, и в то же время весьма и весьма состоятельным, поскольку в Вендии будут обретены несметные сокровища.

Идея принадлежала Туронису, самому младшему из четверых. Он же считался самым умным из друзей. Если Туронис и не умел читать (в те зимы чтение было привилегией лишь жрецов), то, во всяком случае, он обладал редким даром находить для себя знающих собеседников.

Одним из таких собеседников стал Гафа, сын вендийской наложницы. Гафа жил в доме отца Тураниса, трудился на конюшне и по большей части помалкивал. Отец Тураниса не был доволен ни вендийской наложницей, ни ее потомством. Поэтому от вендийки он избавился давно, продав ее какому-то другому британскому землевладельцу; что до сына ее, то он был оставлен и вырос в доме — но и этот полувендиец не понравился хозяину. Он был некрасив, с грязновато-серой кожей, угрюм и к тому же проявлял нерадивость в любом деле, за которое брался.

Младший хозяйский сын от законной жены тем не менее выбрал Гафу себе в приятели и наперсники. Оно и неудивительно: к своему меньшому отпрыску отец относился с таким же равнодушием, если не сказать — с отвращением, как и к ребенку от наложницы.

Подростки подружились, и Туронис начал много времени проводить на конюшне в обществе Гафы.

Только со своим приятелем Гафа делался разговорчив. От него-то Туронис и узнал о чудесах Вендии. Гафа мог колоколами рассказывать о том, сколько в Вендии сокровищ, какая там изумительно красивая природа, какой красотой отличаются тамошние женщины и как они ласковы и податливы.

«Сокровища там рассыпаны на каждом шагу, — уверял Гафа. — Мне рассказывала мать, а уж она-то не ошибается. Она ведь была оттуда родом!»

Что ж, источник сведений, по мнению мальчиков, был вполне надежным. Вскоре уже все друзья Тураниса знали о богатой Вендии, где все обездоленные — если у них достанет сил, нахальства, смелости и решимости, — обретут свое счастье.

К путешествию они готовились долго. Обсуждали детали, копили деньги, чтобы добыть верховых лошадей. Придумывали, где и как будут доставать припасы.

Время шло. Решено было дождаться, пока Туронису исполнится шестнадцать — отправляться в путь раньше признали опасным. Вряд ли родители станут слишком уж усердно разыскивать своих отпрысков. Напротив, вероятнее всего, что они будут рады избавиться от обузы в лице младших сыновей. Да и

старшие братья вздохнут с облегчением. Но безопасность — прежде всего. Беззащитные мальчишки в пути подвергают себя риску: дороги, как рассказывал многознающий Гафа, кишат грабителями и работорговцами.

И вот настал день, которого они так ждали. Точнее, настала ночь — решено было выступать ровно в полночь.

Сказано — сделано. Пятеро путников вышли на дорогу. Их долгое странствие началось.

Они благополучно миновали Вилайет и вступили в незнакомые пределы. Та карта, которой обзавелись предусмотрительные подростки, как раз обрывалась на середине моря Вилайет.

Расспрашивая встречных, они нашли дорогу в Вендию. И, едва очутившись в пределах этой страны, которая была родиной его матери, заболел Гафа.

Его подкосила лихорадка. У него поднялся жар, он бредил, выкрикивал разные устрашающие слова.

Поначалу молодые господа принимали эти бессвязные речи за нечто существенное. Едва Гафа принимался бредить, как они обрывали всякие разговоры и начинали прислушиваться. Но стоило ли, право, напрягать слух и рассудок, чтобы в конце концов узнать, что «нерасчесанная грива лохмата», «потные ноги воняют», «конь больно бьет копытом» или еще какую-нибудь «премудрость» в том же роде!

Наконец один из приятелей предложил оставить Гафу в каком-нибудь храме, препоручив его милости здешних богов.

Они всерьез стали обсуждать эту идею.

— С одной стороны, велика вероятность, что он и без того помрет, — сказал один. — С другой стороны, возможно, здешние боги проявят к нему больше милосердия, нежели мы. В конце концов, он ведь здешнее порождение. Даже странно, что он заболел, очутившись на родине своей матери! Мы-то остались здоровы. Это весьма странно.

В таком роде они рассуждали еще довольно долго и в конце концов согласились с идеей оставить Гафу в джунглях.

Они пронесли его на самодельных носилках весьма значительное расстояние, но все имеет предел: Гафа со своими глупостями, со своим тяжелым телом и жуткой прожорливостью (несмотря на болезнь, ел он крайне много), чрезвычайно всех утомил.

Поэтому молодые люди очень обрадовались, когда в густых тропических зарослях они увидели большой вендийский храм.

Это был один из тех грандиозных заброшенных храмов, каких много разбросано по всей Вендии. В этой стране, где растительность поглощает любую постройку в считаные луны, стоит только перестать вырубать деревья и кусты каждый день, трудно было понять: является ли храм и в самом деле заброшенным, или же здесь иногда бывают процессии? Возможно, ради ритуалов перед священными башнями расчищают какое-то пространство, но затем, когда

жертвоприношения заканчиваются, здание опять остается наедине с бесконечно разрастающимися джунглями.

Впрочем, друзья рассуждали недолго. Храм показался им надежным местом. Статуя божества, огромного толстого существа с гигантскими жировыми складками на животе и бедрах, с добродушно усмехающимся лицом и сложной конусовидной прической, выглядела ухоженной. Во всяком случае, у нее было отбито лишь одно ухо; второе, с неестественно длинной мочкой, красовалось на месте. И из непомерно длинных и толстых пальцев на всех шести руках, застывших в странных положениях, лишь два пострадали от времени.

Статуя была обвита лианами, и, судя по следам, не оставалось никаких сомнений в том, что ее облюбовали для своих игрищ местные мартышки. И все же здесь было как-то... уютно, что ли.

Туронис выразил общую мысль:

— Думаю, если мы препоручим Гафу этому добродушному каменному господину, то наша совесть будет совершенно спокойна. В конце концов, Гафа — дома, на родине своей матери. Он мечтал оказаться здесь все то время, что я его знаю, — то есть, практически всю жизнь. Бог выглядит вполне мирным и добродушным. Помолимся ему, как сможем, поднесем ему в дар тот хлеб, что у нас еще остался, и уйдем.

Так они и поступили. Гафа плохо понимал происходящее, он продолжал болтать ерунду, а глаза его подернулись странной пленкой.

Друзья-бритунцы торжественно простились с ним и ушли. Джунгли поглотили их.

И никто из них не видел, как каменный бог медленно повернул голову, и улыбка сошла с толстого каменного лица...

Спустя день или два они вышли к Рамбхе. В те зимы дворец правителей Рамбхи еще сверкал белизной. Десятки слуг мыли белые стены дворца и отчищали барельеф, а также следили за сохранностью каждого украшения на стенах, дабы здание продолжало блистать своей невероятной красотой.

Жители Рамбхи и сто зим назад отличались высокомерием. Пожалуй, оно было даже большим, ибо им в те зимы еще было чем гордиться. Чужестранцы не нашли там ни приюта, ни угощения. Как ни просили они, как ни сулили щедрое вознаграждение — все оставалось втуне. Вендийцы попросту не обращали на них внимания. Как будто еще одна стая обезьянок спустилась с ветвей и с воплями бежит через улицы города, — любопытно, но стоит ли пускаться в долгие содержательные беседы с обезьянками?

— Можно подумать, они нас попросту не видят, — высказался Хейрик, самый старший из четверых.

— Странный народ эти вендийцы! — воскликнул Битуриг, рослый юноша, выглядевший старше своих семнадцати. — Честно говоря, наш Гафа, хоть мы все и знали его с детства, всегда внушал мне нечто вроде ужаса.

— Скажи честно: смесь недоверия и отвращения, — добавил четвертый из путников, Агобард. — Теперь, когда он у себя дома и препоручен милостям

своего же божества, я могу признаться в этом открыто. Вендийцы вызывают у меня странные ощущения. Мне все время кажется, что их не существует.

— Как это? — удивился Хейрик. С воображением у него обстояло хуже, чем у приятеля.

Агобард пожал плечами.

— Я и сам почти не понимаю... Когда я смотрю на вендийца, он представляется мне каким-то ускользающим... Как будто еще немного — и он попросту растворится в этом смуглом, дрожащем воздухе. Станет частью здешней влаги, здешней листвы или пыли... Как будто некая субстанция, из которой состоит вендийская почва, время от времени сгущается и порождает такие вот плотные видения. Прошу простить меня, — окончательно смутился Агобард, — если я изъясняюсь путано.

— Да нет, твоя мысль вполне ясна, — задумчиво проговорил Хейрик. — Я и сам думал нечто в том же роде...

Они покинули негостеприимную Рамбху и углубились в джунгли. Ни один из четверых не сомневался в том, что скоро они увидят сокровища. Недаром ведь мать Гафы сулила сыну богатство! Здесь, в глубине Вендии, стоит лишь хорошенько поискать, и бесценные россыпи окажутся прямо под ногами!

Лишь бы только они не превратились в глину, очутившись в человеческой ладони. На подобные штуки Вендия также была горазда — ведь она родина всяческих иллюзий. Недаром говорят, что чужестранцы страдают в Вендии помутнением рассудка!

— Только не мы, — уверенно произнес Хейрик, когда Битуриг высказал при нем свое подозрение. — Мы настолько здравомыслящие люди, все четверо, что сразу сумеем распознать, где иллюзия, а где реальность. И кроме того, никакое помутнение рассудка нам не грозит, ведь все мы весьма неплохо переносим здешний климат.

Их путешествие по Вендии длилось уже почти луну. Джунгли обступали их со всех сторон. Они облепляли их, как мокрая туника. Первые признаки разочарованности начал выказывать Туронис. Он даже подумывал о том, что их решение оставить Гафу было ошибочным. Казалось, Туронис считал, что только Гафа обладал способностью вывести их к сокровищам.

Впрочем, пока что Туронис помалкивал. Хейрик читал мысли приятеля — что было нетрудно, особенно если учесть, что мысли Тураниса, как правило, ясно отображались на его лбу, в складочке между бровями. Но до тех пор, пока слова не были сказаны, и ни одна из мыслей Хейрика не прозвучала вслух, можно было делать вид, что все остается по-прежнему.

И в конце концов приятелям повезло. В густых зарослях они наткнулись на груду огромных камней. Это были поистине гигантские камни, желтые, наполовину рассыпавшиеся в песок и все же внушительные и поневоле вызывающие почтение. Чтобы увидеть их целиком, человеку приходится отойти на десяток шагов, да еще и задрать голову.

Хейрик первым разглядел на этих камнях остатки резьбы. Некогда неведомые художники работали в джунглях, украшая эти камни барельефами.

Сейчас трудно было понять, какие именно сцены и картины изображались здесь. Но все еще оставались: в одном месте — часть уха и щеки округлого лица, в другом — фрагмент руки с изящно выгнутым мизинцем, в третьем — какая-то деталь украшения с узором в форме листьев...

— Некогда здесь был храм или дворец, — высказался Хейрик.

Остальные молча согласились с ним. Молодые бритунцы переглянулись. Глаза их сверкнули алчным блеском. Наконец-то они нашли то, ради чего предприняли столь долгое и отчаянное путешествие!

Как истинные сыновья Бритунии, они не бросились сразу искать спрятанные здесь сокровища. Нет, они для начала сделали привал и разбили лагерь. Затем перекусили. В последнее время им везло, и они сумели подстрелить несколько птиц, которых и поджарили сейчас на угольях костра, празднуя удачу.

И лишь хорошенько передохнув, друзья принялись за поиски.

Они обошли развалины, рассматривая каждый клочок земли под ногами, поднимая и оглядывая со всех сторон каждый камушек. Ничего похожего на драгоценности им до сих пор не попадалось.

Первый день закончился впустую. Однако это обстоятельство не смогло ввергнуть друзей в отчаяние. Они даже не слишком были обескуражены. В конце концов, никто не ожидал, что сокровища посыплются на них с неба или начнут вываливаться из мягкой вендийской почвы, едва только они ее копнут. Разумеется, нет! Необходимо лишь приложить некоторые усилия, и вот тогда...

Второй день оказался таким же бесплодным, как и первый. Но на третий им повезло. В сотый раз обходя территорию древнего храма, Хейрик неожиданно споткнулся. Он выругался, но тотчас прикусил язык: наклонившись, молодой человек обнаружил, что в густой траве находится ступенька, которую он прежде не заметил. Об нее-то он и запнулся, когда бродил по храму.

Хейрик сел на корточки и руками разгреб траву и землю, очищая ступеньку. Несомненно, этот плоский камень не являлся обычным природным образованием: его отесывали человеческие руки. Хейрик снял слой дерна, навсегда при этом разрушив жизнь мириадов насекомых, которые выстроили под толстым надежным покровом свои таинственные крохотные дворцы и намеревались вывести там потомство. Увы! Жирные личинки, многообещающие куколки, подземные ходы и прочие чудеса архитектуры и фортификации — все погибло при появлении Хейрика. И, что самое ужасное, — великан-сокрушитель даже не подозревал о том, какое злодеяние он совершил.

Ибо Хейрик увидел вторую ступеньку, за ней — третью... Они уводили под землю. Позвав товарищей, молодой бритунец принялся освобождать подземный ход от наносов земли и травы. Работа заняла у друзей целый день, зато к вечеру они уже твердо знали, что отыскали вход в святилище, сокрытое от глаз непосвященных. Они плохо спали эту ночь. Туронису привиделся Гафа. Гафа

обладал шестью руками, он сильно растолстел и изъяснялся теперь важно и многозначительно. Гафа сказал Туронису:

— Моя погибель мне во благо, твоя же погибель — тебе на погибель.

С тем Туронис и пробудился, весь в холодном поту. Он сел, оглядываясь по сторонам. Товарищи его метались в беспокойном сне. Ярко и равнодушно горели в чужом небе чужие звезды. Развалины храма окружали маленький лагерь британцев, где давно уже погас их костер. Джунгли были полны звуков: дикие звери вышли на охоту и оповещали лес о своем приближении.

Туронис обтер лицо ладонью. «Странно, какой яркий сон, — подумал он. — И странно, что прежде мне никогда не снился Гафа. Я вообще, кажется, и думать о нем забыл...»

«А он о тебе помнит», — пришла мысль как будто со стороны.

Туронис содрогнулся. Он не слишком-то верил в магию, да и богам поклонялся не от чистого сердца: за всю свою жизнь Туронис никогда не встречал ни одного чудесного явления и привык считать поклонение богам просто данью традициям.

Но сейчас, после странного сновидения, посреди таинственных джунглей, в затерянном храме, Туронису сделалось крепко не по себе. Тысячи мыслей о богах, о демонах, о призраках проносились у него в голове. Если Гафа действительно умер, и сейчас где-то поблизости бродит его призрак, то каким этот призрак может быть? Неужто враждебным? Да и встречаются ли дружественные призраки? Никогда не следует забывать о том, что призраки — еще большие эгоисты, нежели живые люди, и если призрак о чем-то и заботится, так это лишь о собственном деле. О мести, к примеру. Или о том, чтобы охранять порученные ему сокровища.

Туронис снова улегся возле костра. Он ворочался с боку на бок, но так и не смог сомкнуть глаз до самого рассвета.

Едва только солнце встало над горизонтом, как Хейрик резко сел и объявил:

— Ужасная ночь! Я почти не спал.

Туронис возразил:

— Ты храпел во все горло. Я это знаю точно, потому что на самом деле не спал — я.

Агобард возмущенно фыркнул, не поднимая головы с земли.

— Это вы все не давали мне спать. Особенно Туронис. Все бубнил про каких-то призраков и рассуждал: могут ли призраки быть благосклонны к человеку.

Битуриг сказал:

— Давайте продолжим раскапывать ход. Ночь прошла, слава богине Викане, так забудем же о ней. У нас полным-полно работы.

Прочие согласились с ним и дружно принялись за дело.

К полудню вход в подземелье был уже открыт, и Хейрик первым начал осторожно спускаться по ступенькам. За ним следовали остальные. В руке у

Хейрика горел факел, поэтому им всем хорошо было видно, что происходит под землей.

Помещение сохранилось хорошо — гораздо лучше, чем наземное. Глубоко под землей находился просторный зал. Стены его были выложены камнем. Повсюду, куда ни бросишь взор, была видна искусная резьба. По стилю она напомнила друзьям ту, что украшала стены дворца правителей в Рамбхе. Возможно, и там, и здесь работал один и тот же мастер. Впрочем, так ли это существенно?

Однако бросалось в глаза одно чрезвычайно важное отличие. Если на стенах дворца демоны преследовали прекрасных полубогинь, а те улетали от слишком настойчивых ухажеров, то здесь, в подземном святилище, демоны настигли своих жертв и яростно рвали их когтями. Сцены, представленные на барельефах подземного святилища, были поистине ужасны. Совокупляясь с полубогинями, демоны грызли их клыками, раздирали их на части когтистыми лапами, ломали им хребты, впивались им в горло. Полубогини умирали в страшных мучениях. Умирали — и, видимо, в силу своей полубожественной природы, никак не могли умереть. Смерть избавила бы их от страданий, но она никак не приходила.

И все мольбы жертв были обращены к ней. К смерти.

Ее воплощение находилось в самом центре зала. Это была огромная, в три человеческих роста, медная статуя божества. Божество имело ярко выраженную женскую природу: узкая талия, огромные груди, гигантские бедра весьма откровенно свидетельствовали об этом. Богиня стояла в странной позе. Она танцевала на телах поверженных демона и полубогини, которые, как и на барельефе, совокуплялись и одновременно с тем причиняли друг другу страдание. Одна нога богини упиралась в тела жертв кончиками пальцев и вместе с тем сильно была согнута в колене. Вторая нога, отставленная, опиралась на пятку.

В отличие от многих вендийских божеств, у этой было две руки, зато обе они были вооружены мечами. Глаза божества были сделаны из драгоценных камней: два глаза глядели свирепо, третий, во лбу, вырезанный из алмаза, не имел зрачка и вообще не являлся глазом в полном смысле слова: это был лишь намек на то, что богиня обладала особенным зрением, позволяющим ей проникать в самую глубину человеческого естества.

Вокруг статуи на земле валялось множество самоцветов. Они были насыпаны там так, словно не представляли большой ценности. Не более, чем цветы или фрукты, которых в Вендии имелось изобилие круглый год.

Четверо друзей испустили радостный вопль и бросились к статуе богини.

Но едва Агобард первым подбежал к ней и наклонился, чтобы взять камень, как произошла странная вещь. Статуя покачнулась на своем нетвердом постаменте и упала, причем таким образом, что один из ее мечей перерубил шею Агобарда.

Все произошло очень быстро, почти мгновенно. Хейрик не успел даже понять, что случилось, а Агобард уже лежал на полу подземного святилища. Голо-

ва его валялась в нескольких шагах от туловища. Кровь двумя широкими толчками выплеснулась из тела и иссякла, быстро впитываясь в жирную вендийскую почву.

Статуя лежала на боку, растопырив руки и ноги. Глаза ее злобно рассматривали подбежавшего Хейрика.

— Боги! — вскричал Битуриг. — Никогда не думал, что такое возможно! Ведь он... Он мертв?

— Боюсь, что так, — подтвердил Туронис. Он старался держаться невозмутимо. В конце концов, он обязан был помнить древность своего рода, высоту своего происхождения!.. Но Туронис страшно побледнел и наконец не выдержал: он отбежал в угол, подальше от остальных, и там его вырвало.

Друзья великодушно не обратили на это никакого внимания. Да и до приличий ли им было сейчас, когда их старый приятель лежал с отрубленной головой!

— Проклятая ведьма! — сказал Хейрик, адресуясь к богине. — Я уверен, что это не было случайностью. Она нарочно навредила ему.

— Что будем делать? — спросил Битуриг.

— Отомстим! — сквозь зубы выговорил Туронис, подходя ближе.

— Согласен! — воскликнул Хейрик. Он встал на колени перед статуей и, орудуя острием кинжала, вытащил алмаз из ее лба.

Кровавые капли выступили там, где находился алмаз. Казалось, разверстая рана на лбу богини кровоточит.

Впрочем, Хейрик быстро убедил себя в том, что видит лишь продукты окисления меди. Одним демонам известно, как долго простояла здесь статуя, без доступа свежего воздуха, без всякого движения и света! С металлами и самоцветами происходят в подобных условиях самые неожиданные вещи. Они даже начинают как будто бы жить собственной жизнью.

По всему подземелью пронесся долгий глухой стон. От этого звука приятели содрогнулись всем своим естеством. Стон все не кончался. Он длился и длился, как если бы тот, кто испускал его, обладал поистине безграничными легкими.

— Уйдем отсюда, — шепнул Битуриг. — Мне что-то не по себе.

— Мы должны забрать тело Агобарда и предать земле, — возразил Туронис. — Иначе мы потеряем честь.

— Если мы задержимся здесь дольше, то от нашей чести ничего не останется, даже костей, — сказал Хейрик. — Я согласен с Битуригом. Бежим! От этого стона у меня мурашки по коже.

— От этого стона вся толща подземного хода пришла в содрогание, — добавил Битуриг. — Боюсь, скоро он обрушится.

Они развернулись и бросились бежать по направлению к лестнице.

И в самом деле, теперь они явственно видели, как ступеньки подпрыгивают, и по каменной кладке ползут все новые и новые трещины. Туронис успел еще сунуть в кошель пригоршню самоцветов.

Он задержался всего на несколько секунд. Но этого оказалось достаточно. С оглушительным грохотом рухнули каменные балки, скрытые в земле. Одна из них ударила Тугониса по голове, и он остался в храме, погребенный под толщей земли рядом с трупом своего погибшего товарища. Бесполезные самоцветы так и остались лежать у него в кошеле.

Битуриг и Хейрик с алмазом выбрались на поверхность. Они смотрели, как проседает подземный храм, как наружу проступают сломанные балки и каменные перекрытия, точно ребра погибшего чудовища. Некоторые каменные плиты, выброшенные из-под земли мощным толчком, выскочили на поверхность и упали среди густой травы. Другие, сломанные и разбитые, наполовину выступили наружу, а частично остались под землей.

Подземный ход провалился и рухнул. Статуя и двое бритунцев остались лежать там, в скрытом храме.

По лицам обоих уцелевших катились слезы.

— Чресла Зандры! — воскликнул Битуриг. — Никогда не думал, что увижу вот такое! Мне почему-то казалось, что со мной подобных вещей просто не может случиться...

— Они случились не с тобой, — вздохнул Хейрик, — а с нашими друзьями. Мы-то еще целы.

Битуриг зябко передернул плечами. Несмотря на то, что кругом стояла жара, Битурига сотрясала дрожь, и холодный пот выступил на его лбу.

— Мне кажется, — прошептал он, — что это ненадолго. Богиня будет мстить нам за надругательство над ее статуей. Она доберется до каждого из нас.

Предсказание Битурига сбылось через луну после того, как друзья добыли камень и спаслись из подземного храма.

Они проплутали по Вендии еще две седмицы. Охота больше им не удавалась. Если и случалось подстрелить птицу, то ее мясо оказывалось горьким и жестким. Они питались моллюсками, от которых у них раздувало животы, фруктами, после которых их мучило расстройство желудка, или кореньями, каждый раз рискуя наткнуться на ядовитый.

Не все вендийцы были так недружелюбны и высокомерны, как жители Рамбхи. В конце концов двое оборванных, исхудавших бритунцев выбрались к большим городам. Там их принимали за безумцев и относились с любовью и даже почтением. Они получали горстку крупы — тут, немного сладостей — там, и таким образом перебивались.

А затем погиб Битуриг.

Это случилось на базаре, где оба приятеля ночевали, прижавшись к стене какого-то здания. Вечером их угостили лепешкой, почти целой, если не считать того, что с одного боку она была надкусана и побывала в пыли: какой-то богатый ребенок выронил ее, а кормилица, не желая, чтобы дитя, вверенное ее заботам, кушало грязное, отдала испорченный хлеб нищим. Она поступила ве-

сьма милосердно, и оба бритунца, уже изучившие вендийские обычаи, усердно поблагодарили ее.

Хейрик считал, что они обязаны придерживаться некоторых здешних церемоний, ибо в одних случаях прилично везде насаждать собственные обычаи, а в других — соблюдать чужие. Все зависит от того, водятся ли в кармане монеты местного производства.

Можно сказать, что друзья прожили в Вендии так долго и почти благополучно именно благодаря мудрым взглядам Хейрика.

И вот, когда ужин был завершен, а торговля на площади уже закончилась, и лавки зарылись, там появился безумец.

То был настоящий безумец, не такой, как два голодных чужестранца. Он был одет в набедренную повязку из листьев. Длинные волосы его были растрепаны и свисали почти до колен. В руке он держал длинную кривую саблю.

Безумец пробежал по площади на своих длинных тощих ногах.

Освещенный лунным светом, он был похож на паука. Длинная тень, которую он отбрасывал почти через всю площадь, усугубляла это сходство.

К ужасу наблюдателей, он начал танцевать. Он вскидывал саблю над головой и самозабвенно кружил, а затем вдруг принимался рубить саблей луну и испускать воинственные кличи. Его тень металась вслед за ним так отчаянно, словно боялась не успеть и потеряться.

На площади слышны были лишь звуки сумасшедшего пения, да шлепанье босых ступней о каменные плитки, которыми был вымощен рынок.

Оба приятеля завороженно наблюдали за зрелищем. То, что они видели, притягивало взор, и они следили за безумцем, не в силах оторвать глаз. Он был одновременно и прекрасен, и отвратителен; его пляска выглядела безобразно и вместе с тем обладала исключительной красотой. Так прекрасен водяной ящер, в своей дикой грации.

Внезапно одним прыжком безумец оказался возле друзей. Испустив громкий вопль, он застыл на месте. Сабля, задранная к луне, казалась продолжением тощих, сплетенных между собою рук безумца. Все его тело сотрясала мелкая дрожь. На мгновение он умолк, а затем, возобновив вопль, обрушил оружие прямо на голову Битурига.

Хейрик увидел, как тело его товарища развалилось ровно пополам. Одна половина — полголовы, полтуловища, одна рука и одна нога — упала прямо на Хейрика, вторая — в противоположную сторону. Сердце один раз стукнуло об открытую взору грудную клетку, и это тоже было видно. Трепетание нежных внутренностей тонуло в потоках крови.

Безумец же, грациозно перепрыгнув через лужу крови и труп, вернулся на середину площади и продолжил танец. Он сделал еще несколько причудливых движений — и исчез.

Хейрик остался один с трупом друга.

Лязгая зубами, содрогаясь и тщетно сражаясь с тошнотой, Хейрик отполз подальше. Ноги не слушались его. Ему стоило больших усилий подняться и

отойти в сторону. Затем он перестал сражаться со своей природой, пал на четвереньки и уполз куда-то в темный переулок, где и упал.

Он очнулся в чьем-то доме. О том, что это дом, Хейрик догадался по запаху: там пахло жильем. Слезы выступили у юного бритунца на глазах. Он уже и забыл, как пахнет человеческое жилье, столько времени пришлось ему провести под открытым воздухом, не имея ни крыши над головой, ни домашнего очага!

Он огляделся. Жилье было небогатое. Вход занавешен циновкой, на земляном полу — вытертый коврик. Очаг, сооруженный в центре помещения, был выложен камнями. Несколько лепешек лежали на плоском глиняном блюде, в медном кувшине с длинным горлом имелась, по всей видимости, питьевая вода.

Старик в белых одеждах сидел на корточках возле Хейрика и задумчиво рассматривал его. Затем старик заговорил. К удивлению Хейрика, он говорил на понятном языке.

— Я много странствовал по свету, — сказал старик. — Я не нашел богатства, зато обрел мудрость. Люди допускают, чтобы мудрецы жили в бедности. Бедность — сестра мудрости и верная ее помощница; если бы было иначе, все мудрецы давным-давно обрели бы золотые дворцы. Но люди знают: стоит мудрецу разбогатеть, и он делается очень-очень глупым. Поэтому все мои сокровища у меня давно украли, и я не разыскиваю их...

— Умно, но не вполне понятно, — прошептал Хейрик.

— Ты из Бритунии, не так ли? — продолжал старик и усмехнулся удивлению, которое столь явственно проступило на лице молодого человека. — Не стоит поражаться моим познаниям! Я ведь говорил тебе, что немало странствовал по свету. Только бритунец мог дойти сюда пешком, и только бритунец может продолжать считать себя достаточно умным, чтобы сохранять надежду выбраться...

— Я потерял все, — сказал Хейрик. — И ничего не обрел. Даже мудрости.

— Ты говоришь неправду! — рассердился старик. — Поешь и подумай над своими словами. После этого я позволю тебе еще раз раскрыть рот для разговора.

Хейрик так и поступил. Он сжевал лепешку и запил ее водой. Странным казалось ему, что он, утратив всех своих товарищей, до сих пор жив. И даже может есть и пить.

Наконец старик проницательно глянул на него и заговорил:

— Итак, я жду от тебя правдивого ответа. Что ты потерял?

— Всех моих друзей.

— Что ты нашел?

— Я нашел... — Хейрик порылся в кошеле, который висел у него на поясе под лохмотьями, и извлек оттуда алмаз. — Вот это!

Убогое жилище старика наполнилось волшебным светом. Разноцветные искорки побежали по стенам, торопясь друг за другом и резвясь на воле.

Старик ахнул.

— Это ведь Око Кали! — воскликнул он. — Легендарная драгоценность! Где ты взял ее?

— В подземном святилище.

И Хейрик искренне рассказал своему почтенному собеседнику обо всех приключениях, которые он пережил, и несчастьях, которые его постигли.

— Должно быть, Кали мстит нам, — заключил он. — Она прогневалась за то, что мы отобрали ее глаз. Странно только, что она убивает моих спутников, но не трогает меня.

— Нет ничего странного, — возразил старик. — Ты должен оставаться в живых, чтобы вернуть ей алмаз. Если она убьет тебя, ты потеряешь камень... Камень может достаться кому-то, кто даже не подозревает о его истинном значении. Камень может даже погибнуть. Поэтому Кали никогда не убьет тебя. Она будет хранить твою жизнь, дабы ты имел возможность отыскать обратную дорогу к статуе.

— Но я не смогу сейчас вернуться, — сказал Хейрик и зарыдал. — Я устал, болен, у меня нет спутников... Никого, кому бы я доверял. Я хочу назад, в Британию. Когда я отдохну и наберусь сил, я предприму новое путешествие в Вендию, и Кали получит назад свой алмаз. Клянусь колесницей Митры!

Старик на это не произнес ни слова.

С великими трудами Хейрик добрался до Британии. Там его ждали невеселые вести. За время его отсутствия умерли все его близкие — пока он странствовал, Британию посетил Черный Мор. Так Хейрик сделался хозяином всех отцовских владений. Ему поневоле пришлось отложить свое путешествие.

Камень остался в Британии.

Кали действительно хранила жизнь Хейрика. Как и предсказывал старец, ничто не могло повредить владельцу алмаза. Но несчастья продолжали преследовать его. То и дело он ломал себе руку или ногу, он облысел, он стал плохо видеть, его жена умерла, едва успев подарить ему сына, а ребенок рос больным и капризным.

Земли Хейрика оскудели. Ему приходилось жить очень сдержанно, хотя он и владел большими угодьями. Он даже продавал семейные реликвии, чтобы покупать зерно для своих рабов, иначе они грозили ему бунтом.

В трудах и тяготах прошла его долгая жизнь. Оглядываясь назад, на прожитое, Хейрик не мог найти ни одного дня, когда он бы дышал полной грудью. Никогда в жизни он не испытывал счастья так, чтобы ничто не омрачало его. Даже в день свадьбы он ухитрился заболеть, и в первую брачную ночь ему не удалось лишить невесту девственности, поскольку жениха разбила горячка, и он метался в бреду, пачкая потом и кровавыми плевками кашля шелковые покрывала, купленные специально ради бракосочетания.

Кали отомстила своему «избраннику».

Хейрик решил передать зловещий талисман сыну. Если уж сам Хейрик страдал все эти долгие зимы, то сын его обязан избавить род от проклятия. Но юноша, вечно покрытый болячками и к тому же большой любитель вина и ве-

селых женщин, не внял призывам своего умирающего отца. Он выслушал историю о камне, но не принял ее близко к сердцу.

Когда Хейрик закрыл глаза, молодой наследник подбросил алмаз на ладони и легкомысленно обратился к нему со словами:

— Ты, родовое проклятие, конечно весьма могущественная штуковина, но я попросту продам тебя. Вот что я сделаю! Будешь чьим-нибудь чужим проклятием, а мне принесешь богатство — и я проживу свой век так, как мне хочется.

И он продал камень.

Некоторое время дела его шли весьма недурно. Он исцелился от большей части своих болячек, используя какую-то чудодейственную мазь, которую преподнесла ему в подарок очередная любовница. Он купил большой дом и начал вести жизнь на широкую ногу. Жениться он не хотел, но в подругах недостатка у него не было.

Казалось, везению не будет конца. Когда средства, вырученные за алмаз, уже начали иссякать, он получил наследство от какого-то дальнего родственника. О роковом камне он и думать забыл, а отца искренне считал суеверным глупцом. И тут случилось нечто ужасное. Чудодейственная мазь оказалась ядовитой. На какое-то время она действительно сняла все внешние признаки болезни. Но, постепенно накапливая свое действие, она проникла в кровь и начала там свою потаенную деятельность. И в один ужасный день легкомысленный бражник увидел в зеркале жуткую образину. За ночь его лицо, руки, шея и грудь оказались покрыты многочисленными пузырями. В панике он проткнул один, и наружу вытекла зловонная жидкость, а на месте проткнутого пузыря образовалась язвочка.

Скоро полопались и прочие пузыри. Язвочки разрастались и гноились. Несчастный гнил заживо.

Умирая, он не видел вокруг себя ни одного человека, который пришел бы его утешить. Тогда-то он и решился записать историю, которую поведал ему отец. «Я умираю в страшных муках и в полном одиночестве, — выводил он каракулями, — и все из-за того, что не отнесся с должным вниманием к рассказу о глазе Кали. Умоляю того, кто увидит этот алмаз, вернуть его в Вендию, в подземное святилище...»

Он не закончил писать. Рука его остановилась, глаза закрылись навеки. Наследником был объявлен двоюродный брат покойного. Этот скоро скончался от лихорадки непонятного происхождения, и все имущество перешло к племяннику.

Тот был озабочен только тем, как бы приумножить богатство. Однако через десять зим, почти совершенно разоренный, он умер. Его сын по имени Фридугис решил более вдумчиво изучить все, что унаследовал, и среди вещей обнаружил алмаз дивной красоты. Долгое время он не знал, как поступить с камнем. Фридугис был достаточно умен, чтобы понимать: подобные драгоцен-

ности не могут просто так валяться среди истлевших нарядов и потрескавшейся посуды.

Он решил искать дальше, и наконец среди семейных свитков отыскал один весьма занятный клочок. Кто-то торопился поведать ужасные вещи об этом камне. Фридугис был человеком здравомыслящим. Он привык доверять фактам. А факты подтверждали каждое слово невероятной истории, изложенной умирающим родственником. Следовательно, способ избавиться от этого камня, убивающего всех своих владельцев, только один. Его следует вернуть богине Кали.

Поэтому Фридугис, недолго рассуждая, решил выполнить свое предназначение. Камень вернется к своей истинной владелице — богине Кали. Он знал что богиня будет надежно оберегать его ото всех невзгод. Ведь он, Фридугис — единственный человек в Хайбории, который в состоянии возвратить алмаз статуе.

Глава шестая

Возвращение в джунгли

Конан хмуро выслушал рассказ. После кратковременного пребывания монстром все тело у него болело, как будто вчера его избивали палками.

Кроме того, киммерийца не отпускало стойкое ощущение, что вчера благодаря Фридугису и его проклятому алмазу он попал в глупейшую ситуацию. К счастью (для самого себя, разумеется), бритунец и не думал смеяться над ним. Напротив, Фридугис смотрел на своего невольного приятеля весьма сочувственно.

— Я не решаюсь просить тебя сопровождать меня, — сказал Фридугис киммерийцу, когда тот окончательно пришел в себя. — С одной стороны, мне было бы легче идти по джунглям, имея такого надежного и сильного спутника. Но с другой — опыт прежних зим показывает: Кали охраняет только одного человека, того, который несет алмаз. Свою злобу на похитителей она срывает на всех прочих, кто оказывается поблизости от драгоценного камня.

— Если ты предполагаешь напугать меня этим, — заметил Конан, — то напрасно стараешься. Я хочу посмотреть, чем закончится эта история. Кроме того, если мне не изменяет память, ты рассказывал о самоцветах, что горстями были насыпаны у ног статуи. Вероятнее всего, эти безделушки все еще на месте.

— Разумеется, — кивнул бритунец. — Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь посещал заброшенный храм с той поры, как там побывал мой отдаленный предок. Кроме того, он еще и под землей.

— Ну и такая мелочь, как обрушенный подземный ход, разумеется, — сказал Конан. — Тем не менее я не сомневаюсь в успехе. Отыщем храм, набьем карманы самоцветами — и в Бритунию!

— Положим, — возразил Фридугис, — у меня в Британии дом, друзья, родня... А у тебя?

— Ну и у меня друзья сыщутся, — невозмутимо ответил Конан. — Поверь мне, Фридугис, во всем Хайборийском мире нет такого уголка, где Конан-киммериец не встретил бы какого-нибудь старого приятеля.

Они недолго собирались. Укрытие, которое соорудил себе Фридугис, было неплохим, но расстались оба спутника с ним без всяких сожалений. Прихватили запасы: лепешки, фрукты, тушку птицы. Фридугис скромно сообщил приятелю, что все эти ценности он попросту украл.

— Ну и правильно, — одобрил Конан. — Народ в Рамбхе ничего лучшего и не заслуживает. Обворовать их — самое милое дело. Но как тебе удалось провернуть кражу столь ловко? Я никогда прежде не предполагал, что знатные британцы владеют этим искусством.

— Знатный человек должен уметь делать все, — с достоинством заявил Фридугис.

Конан расхохотался.

* * *

Джунгли встретили их морем света, пробивающегося сквозь зелень, и океаном цветов. Конан не мог поверить собственным глазам. Как же так? Еще несколько дней назад здесь все было зелено, но мрачно и темно; солнце не проникало сквозь плотный полог листьев, а цветов не было и в помине.

— В Вендии все происходит мгновенно, — поведал Фридугис. — Я слышал об этом, но вижу, естественно, впервые. Началось цветение лиан. Оно продлится несколько дней, после чего цветы увянут и опадут. Еще день или два земля под ногами будет напоминать разноцветный ковер, причем изготовленный из самых дорогих и ярких шелковых нитей; а затем все увянет и исчезнет, как не бывало.

В джунгли как будто пришел праздник. Все здесь лучилось приветливым светом. Конан почему-то сердился на британца. Он понимал, конечно, что лианы расцвели только потому, что настала их пора, но в глубине души ему казалось, будто все здесь делается наперекор Конану и в угоду этому самоуверенному Фридугису. Знатный человек, видите ли, все должен уметь делать сам! Впрочем, Конан — следует отдать ему должное — никак не проявлял своего ревнивого недовольства. Весь первый день они шли через заросли. Фридугис имел весьма смутное представление о том, где искать подземный храм Кали, но топал с очень уверенным видом. Устраиваясь на ночлег, он сказал:

— Я просто убежден в том, что мы отыщем его. Невозможно не найти то, что само хочет быть найденным.

В ответ на это глубокомысленное замечание Конан фыркнул. Он вовсе не был уверен в том, что Кали желает именно такого благополучного исхода, однако мысли свои удержал при себе.

Пробуждение приятелей оказалось не вполне обычным. Открыв глаза, Конан сразу понял, что возле костра появился еще один человек. Вероятно, он пришел ночью. Странно только, что ни Фридугис, ни сам Конан не услышали его шагов. Уж киммериец-то спал всегда чутко, и застать его врасплох было мудрено!

Пришелец выглядел довольно странно. То есть, где-нибудь в сельской местности, где много деревень, где в изобилии пасется на лугах скот, а мельницы вовсю трудятся, превращая зерно в муку, таких людей весьма много, но здесь, в глубине джунглей подобный человек представлялся воистину редкостью.

Это был пастух или какой-то другой работник, явно привычный к тяжелому и неблагодарному труду. Быть может, скотник, для которого привычно чистить навоз в стойле. Или поденщик из тех, кто всегда на подхвате: дотащить мешок, разгрузить повозку, выгрести нечистоты, починить крышу...

В Вендии подобные люди обычно принадлежат к низшим кастам. Это заметно и по внешности. Незнакомец был чрезвычайно смугл, почти черен, одет лишь в убогую набедренную повязку и сандалии, собственноручно сплетенные им из травы. Его большие, черные навыкате глаза глядели туповато, как будто принадлежали домашней скотине, а губы постоянно двигались, словно он что-то пережевывал.

— Эй, — грубо окликнул его Конан, — ты кто такой? Откуда ты взялся?

Человек перевел на киммерийца взгляд своих выпученных глаз с синеватыми белками и ничего не ответил.

Конан повторил свой вопрос еще несколько раз, но пришелец упорно молчал. И наконец когда Конан перестал задавать вопросы, тот неожиданно произнес:

— Я Сканда, я шел сюда пешком.

— И далеко ли ты шел? — спросил Конан.

— Порядочно...

Тем временем проснулся и Фридугис. Он увидел чужака, но до времени не стал показывать своего интереса к происходящему. Лежал себе с полузакрытыми глазами и рассматривал незнакомца. Вероятно, желал составить о нем собственное мнение, наблюдая со стороны за чужаком и Конаном.

Конан сказал:

— И куда ты идешь?

— Я с вами, — подумав, ответил Сканда.

— Почему?

Этот вопрос, противу всех ожиданий, не поставил пастуха в тупик. Он широко улыбнулся, показав квадратные желтые зубы, и ответил:

— Ну, потому что мы идем в одно и то же место.

— Ты знаешь, куда мы направляемся?

— О, — сказал Сканда, — не вы. Та вещь, о которой я думаю. Она направляется туда. И я — тоже.

— Почему? — опять спросил Конан.

— Мы все идем к моей матери, — объяснил Сканда, на сей раз словоохотливо. Видно было, что тема разговора весьма его занимает. — Она устала ждать. Я знаю.

— А, — сказал Конан. — И что ты знаешь?

— Ну, ту вещь, которая у вас, — сказал Сканда и пустил слюну. — Она хочет назад. Так?

— Предположим, — не стал отпираться Конан.

Сканда вдруг зарыдал. Это произошло так неожиданно, что Конан даже подскочил на месте.

— Что?! — вскрикнул киммериец. — Что такое?!

— Я тоже... — сквозь слезы произнес Сканда. — Я тоже хочу. Назад, к ней.

— К Кали? Ты был ее жрецом?

— Я не понимаю, — сказал Сканда, всхлипывая. — Я просто хочу к ней. Туда. Туда, где она.

В этот самый момент Фридугис решил наконец принять участие в разговоре. Он приподнялся и вмешался:

— Мы будем рады принять тебя в нашу компанию, Сканда. Особенно если ты знаешь, где находится храм богини Кали. Тот, что обрушился под землей сто зим тому назад. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Ах! — в отчаянии воскликнул Сканда. — Все обвалилось и погребло ее. Она лежит там, заваленная землей, ей нечем дышать, она страдает и зовет, зовет меня... А я не могу ее спасти. Не могу снять с нее всю эту землю.

— Покажи нам, где это место, и мы поможем тебе, — обещал Фридугис.

Сканда просиял, как дитя, которому посулили сладости.

— Если ты обманул меня, человек с белой кожей, — торжественно произнес Сканда и поднял к небу тощую черную руку, — то моя мать отыщет тебя. Она отыщет тебя, где бы ты от нее ни прятался, она сорвет с тебя твою белую гладкую кожу, она сгрызет твое красное мокрое мясо, она вытащит твои кишки... Все это она сделает с тобой, и ты будешь жив и сможешь смотреть на происходящее — и ты все будешь чувствовать, ибо Кали убивает своих врагов мучительно и долго.

— У Кали не будет случая рассердиться на нас, — заверил его Фридугис. — Клянусь тебе, мы не враги той, которую ты называешь матерью.

Конан мрачно посмотрел на темнокожего безумца, но промолчал. Про себя он решил как следует присматривать за незнакомцем. Больно уж необычно тот держался. А Конан при всей своей любви к разного рода приключениям не слишком жаловал то, чего не мог объяснить. И тем более — то, в чем угадывал каким-то потаенным варварским инстинктом демоническую природу.

* * *

Идти вместе со Скандой оказалось и легче, и труднее, чем прежде. Сканда сам вызвался возглавлять шествие. Точнее, он даже ни о чем не спрашивал.

Просто резво побежал впереди. Он не шел, а именно бежал, и когда замечал, что его спутники отстают от него, останавливался и нетерпеливо приплясывал на месте.

— Думаешь, он точно знает дорогу? — спросил Конан у Фридугиса.

Тот пожал плечами.

— Судя по тому, как он держится, — вполне возможно, — ответил британец. — Кроме того, если Кали действительно призывает к себе своих адептов и может притягивать свой любимый драгоценный камень, то на Сканду вполне можно положиться.

— Он не то, чем представляется, — предупредил Конан.

— Да? — Фридугис выглядел озадаченным и вместе с тем совершенно было очевидно, что британец забавляется. С точки зрения Фридугиса, пастушок вряд ли являлся чем-то сверхъестественным. — Полагаю, в Вендии достаточно безумцев. Здесь их любят. В других странах дело обстоит иначе. Например, мы в Британии сумасшедших стесняемся, что ли. Стараемся устроить так, чтобы они не слишком попадались на глаза.

— А в Ванахейме всех детей с помраченным рассудком попросту убивают, — сообщил Конан хмуро. — И я нахожу этот обычай вполне удачным. Во всяком случае, если ванахеймский воин и впадает в безумие, то это безумие вполне разумно: он точно знает, чем оно вызвано, он может прекратить приступ бешенства в любой момент, а кроме того, ванахеймское безумие используется как оружие в битве. И только.

— Ну да, ну да, — подтвердил Фридугис. — И я о том же. А вот в Вендии таковых почитают и позволяют им свободно разгуливать повсюду.

— И в результате один из здешних сумасшедших зарубил британца прямо на рыночной площади, — напомнил Конан. — Помнишь? Ты рассказывал, как твой предок возвращался домой с камнем...

— Ну, он не вполне мой предок, — поправил Фридугис. — То есть, не совсем прямой, но все-таки...

Конан махнул рукой.

— У киммерийцев родня, особенно по материнской линии, считается до семи колен.

— Ты хочешь сказать, что семиюродный брат или шестиюродная тетя будут считаться твоей родней? — поразился Фридугис.

— Вот именно, — кивнул Конан. — Поэтому у нас очень сложная система наследования.

— Да уж, — согласился Фридугис.

Тем временем Сканда посылал им отчаянные сигналы. Он подскакивал на месте, изгибался в прыжке всем телом, как лосось, размахивал руками и корчил жуткие рожи.

— Интересно, что там происходит? — задумчиво вопросил Фридугис. Он задрал голову к небу и повертел ею как бы в поисках ответа.

— Да, неплохо бы выяснить, — согласился Конан.

Оба приятеля томительно-медленно приближались туда, где жестикулировал их спутник.

Когда они подошли совсем близко, Сканда резко присел на корточки, вскинул вверх руки и запел. Точнее, он закричал тонким пронзительным голосом, и Фридугис только спустя несколько мгновений догадался о том, что эти ужасающие звуки означают пение. Конан демонстративно сунул себе в уши пучки травы и отвернулся. Киммерийцу не хотелось признаваться в том, что странный человечек пугает его.

Естественно, могучий варвар не испытывал страха перед настоящим противником: перед вооруженным человеком, воином или крупным хищным зверем.

Даже монстры не вызывали у него ужаса. В конце концов, любой монстр, даже гигантский паук или змея невероятных размеров с ядовитыми зубами (таких он видел в Стигии) — все они лишь живые существа и могут быть уничтожены холодной сталью.

Но некоторые необъяснимые вещи вгоняли варвара в тоску, бороться с которой он был не в состоянии. Демоны всех мастей, призраки, сверхъестественные существа, чья природа оставалось для киммерийца загадочной, — все это страшило его, все это взывало к его варварским, первобытным инстинктам дикаря и требовало одного: «Беги! Спасайся! Тебе не одолеть их!»

И Конану приходилось призывать на помощь всю свою волю, весь свой рассудок человека, много повидавшего и победившего, в конце концов, всех своих врагов, чтобы удерживаться на месте и не поддаваться настойчивым призывам своей натуры.

Сканда явно не был агрессивен. Он не собирался нападать на своих спутников. Он даже не угрожал им, собственно говоря. Но он был чем-то необъяснимым, и то, что оставалось в Конане от дикаря, ощущало это.

Фридугис, напротив, испытывал искренний интерес. Сразу видно, что британец всерьез намеревался написать трактат о своем путешествии по Вендии. И ведь напишет! Интересно, что он там расскажет о своем спутнике, о Конане? Но если он хоть словом намекнет касательно хвоста, киммериец выполнит свою угрозу: доберется до Фридугиса, где бы тот ни жил и как бы тот ни прятался, и оторвет ему голову. В прямом смысле слова.

Сканда начал прыгать, сидя на корточках. Теперь он напоминал своими повадками птицу. И «пение» его немного изменилось, сделалось прерывистым, в нем появились квохтающие звуки. Забавно!

Конан наконец заставил себя повернуться в сторону «певца». Некоторое время он наблюдал за ним, затем медленно вынул из ушей пучки травы. Впрочем, к тому моменту Сканда уже замолчал. Он сидел на земле и смотрел на обоих своих спутников вытаращенными глазами.

— Ну? — осведомился Фридугис. — И что все это обозначало?

У британца был такой вид, словно ему только что показали нечто занимательное, и теперь требовались небольшие пояснения.

Сканда набрал в тощую грудь побольше воздуха и завопил:— Я пел для моей матери!

Затем он вскочил и побежал вперед. Пожав плечами, Фридугис двинулся за ним. Конан замыкал шествие.

В середине дня они сделали остановку для того, чтобы поохотиться. Сканда, правда, пытался остановить их. Он настойчиво совал им какие-то грязные коренья, которые вытаскивал из земли, рвал на голове волосы, беспокойно подпрыгивал и бил себя кулаком в грудь. Но ничто не помогало. Ни киммериец, ни британец не соглашались есть коренья. Конан ушел в джунгли, ступая мягко и вкрадчиво, как камышовый кот, и скоро вернулся с птицей, которую убил самодельным дротиком.

При виде добычи Конана Сканда взвыл и убежал в джунгли. Его не было очень долго. Оба приятеля давно уже поджарили и проглотили вкусное птичье мясо, а сумасшедший «пастушок» (если он только действительно был пастушком!) все еще бегал где-то в лесах.

— Интересно он отреагировал на твое намерение поохотиться, — заметил Фридугис, ковыряя в зубах.

Конан блаженно растянулся возле костра.

— Что ж, у каждого свои обычаи и традиции, — ленивым голосом отозвался он. — Одни традиции я согласен перенимать, другие — нет. Мне доводилось жить среди темнокожих в Черных Королевствах. Я даже добился там некоторого успеха. Что ж! Я принимал участие в их войнах, я даже входил в хороводы их танцующих воинов и не оставался в стороне, когда «мое» племя отправлялось на охоту. Но пусть разразит меня гром, и киммерийский Кром не узнает меня после моей смерти, когда я приду к его стальным чертогам с окровавленным мечом в руке, если я хоть раз делал в угоду дикарям нечто противное моей воле!

— О, — согласился Фридугис, — это чрезвычайно интересно. Можно, я использую твои рассуждения для моего трактата? Клянусь Викканой, я упомяну тебя. Личный опыт — это бесценно.

Конан беспечно махнул рукой.

— Валяй. Когда я завоюю свое собственное королевство, я отправлю к тебе людей. Пусть перепишут твой трактат и доставят копию ко мне. Я заставлю всех при моем дворе прочитать ее! Но она должна быть правдивой.

— Клянусь Подателем Жизни, она будет правдивой... кроме одного-единственного момента, — заверил Конана Фридугис и лукаво подмигнул.

Конан отчетливо скрипнул зубами. Британец проявил благоразумие и вернулся к прежней теме.

— Итак, что ты говорил о чуждых тебе обычаях?

— А, это... — Конан снова сделался мирным. Ни дать ни взять сытый тигр. Но даже сытого тигра лучше не злить, напомнил себе Фридугис. — Например, некоторые из моих чернокожих друзей были людоедами. Этим делом я никог-

да не промышлял. И более того, не позволял другим есть человечину в моем присутствии.

— Мудро, — вставил Фридугис.

— Так и здесь, в Вендии, — продолжал Конан. — Кое-что из местных обычаев я согласен уважать. Я не разбиваю статуи их богов, к примеру. Я даже подносил кое-каким статуям цветы, коль скоро этого требовали традиции. Да, да, не удивляйся, — добавил киммериец, видя, как у Фридугиса брови поползли вверх. — Я знаю, о чем говорю. Вы, так называемые цивилизованные люди, полагаете, будто традиции существуют только у вас, в ваших городах, в ваших сытых, хорошо обустроенных королевствах. Ну так вот, очередное заблуждение! Самые церемонные люди — дикари. Знавал я вождей, которые не носили на своем теле ни единой нитки и были черны, как ночь, а в носу у них торчали костяные палочки, выточенные из берцовой кости их родителей, — так вот, эти-то дикари были опутаны ритуалами с головы до ног. Их обычаи настолько сложны, что в нем не разобрался бы и самый искушенный сенешаль какого-нибудь аквилонского или британского королевского двора. Да что там — британского! В Султанапуре — и то ничего бы не поняли. Уж поверь мне.

— Ты-то как сумел в этом разобраться? — засмеялся Фридугис.

Конан насупился.

— Думаешь, я лгу?

— И в мыслях не было, — заверил Фридугис.

— Я не давал себе большого труда в чем-то там разбираться, — сообщил Конан. — Дело в том, что я на две головы выше ростом, чем этот вождь, и в три раза шире его голого величества. Поэтому я вел себя так, как считал нужным, а если какие-нибудь его подданные были этим недовольны, я просто поднимал их в воздух, держа поперек живота, — вот так, — киммериец тряхнул в воздухе кулачищем, — и они быстро успокаивались. Это было настоящее племя лилипутов. Забавные люди...

Он вздохнул, как будто сожалел о том, что расстался с ними.

Фридугис покачал головой.

— Удивительные вещи я слышу, мой друг.

Конан покосился на него. Обращение «друг», с точки зрения киммерийца, было несколько преждевременным. Однако Конан вполне мирно произнес:

— Словом, если вендийцы предпочитают есть не мясо, а коренья, я не обязан разделять их убеждения...

— Совершенно с тобой согласен, — подхватил Фридугис.

Сканда явился вскоре после этого разговора. Он шел крадучись и оглядываясь по сторонам с явным подозрением. Было очевидно, что он ожидает какого-то подвоха — но какого и с чьей стороны, оставалось неясным.

Увидев, что трапеза его спутников окончена, и от птицы не осталось и следа, Сканда просиял. Очевидно, он боялся заметить очевидные доказательства того, что здесь было убито и съедено живое существо. Но коль скоро нет ника-

ких признаков совершенного преступления — то и преступление можно считать не бывшим.

Логика безумца немало позабавила Фридугиса, когда до британца дошел смысл череды гримас, последовательно сменивших одна другую на подвижной мордочке Сканды (называть его физиономию «лицом» было бы затруднительно, так сильно она напоминала мордочку мартышки).

Сканда махнул рукой в одном направлении несколько раз и подпрыгнул на месте. Видимо, он призывал своих спутников скорее следовать за ним. И они вняли призыву.

На то, чтобы свернуть лагерь, много времени не потребовалось. Костер уже погас. Приятели поднялись с земли и были готовы тронуться в путь.

И снова джунгли обступали их со всех сторон, звери кишели над головами, где-то среди переплетенных ветвей, где, скрытые густой листвой и цветами, они вели какую-то собственную, скрытую от посторонних глаз жизнь, весьма активную.

Птицы свистели повсюду. Иногда птичий хор становился поистине оглушительным. Несколько раз Конан замечал пеструю змею, притаившуюся среди листвы в ожидании добычи. Но киммериец держался начеку, и потому ни он, ни его спутники не пострадали.

Глава седьмая
Медный идол

Внезапно Конан ощутил, как волоски у него на загривке поднимаются дыбом. Это звериное свойство не раз спасало ему жизнь: он почуял близость магии. Не глупой и безобидной, вроде той, что окружала Сканду и напрягала варвара лишь слегка, но истинной, древней и мощной, магии.

Конан обернулся, но ничего не увидел. И, странное дело, Сканда тоже ничего не замечал. Шел себе с самым беспечным видом, вертел головой, время от времени принимался верещать на непонятном языке или «петь». Что касается Фридугиса, то тому вообще не было дела ни до каких предчувствий. Типичный твердолобый британец.

Но нечто существовало в джунглях, и оно наблюдало за людьми. Оно не приближалось к ним — пока, предпочитая держаться на расстоянии. И тем не менее оно не сводило с них пристального взора.

Конан несколько раз останавливался и самым тщательным образом оглядывался по сторонам. Ничего. Листья если и шевелились, то лишь под порывами ветерка, а все звуки, раздававшиеся вокруг, принадлежали джунглям: пение птиц, верещанье мартышек, протяжный зов проснувшегося льва... Путешествие продолжалось. Ближе к вечеру чувство, что за ними наблюдают, охва-

тило Конана с новой силой. Ощущение это было таким сильным, что киммериец решил наконец поделиться с Фридугисом.

— Ты не замечал, что кто-то идет за нами? — спросил его Конан.

Британец удивился.

— Кто бы это мог быть? Впрочем, я ничего такого не приметил. С чего ты взял, будто кто-то здесь шпионит за тремя путешественниками? Вот чудеса!

Он пожимал плечами и совершенно очевидно терялся в догадках.

Конан сказал:

— Дело, за которое мы взялись, весьма необычно. И этот глупый Сканда, что повстречался нам на пути, тоже не принадлежит к числу обыкновенных людей. Я думаю, нам следует готовиться к тому, что будут еще чудеса и странные явления. Это неизбежно в приключениях подобного рода. Следует быть начеку, вот и все, — добавил киммериец, выразительно касаясь рукояти своего меча.

Фридугис охотно с ним согласился. Некоторое время британец выглядел несколько озадаченным, а затем прежняя беспечность вернулась к нему. Возможно, он надеется на помощь богини Кали, думал Конан. Ну конечно! Кали будет охранять человека, несущего алмаз, потому что в противном случае ее истукан не получит желанного камня обратно. Что до спутников главного героя — то с ними богиня церемониться не намерена.

М-да. Стало быть, спутникам придется позаботиться о себе самостоятельно. Что ж, они постараются не ударить лицом в грязь. В конце концов, убить Конана не удалось еще никому, ни духам, ни демонам, ни людям, ни даже мертвому королю, у которого бесстрашный киммериец позаимствовал некогда свой меч.

Ночь прошла спокойно, хотя Конан почти не спал: все время прислушивался и вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть опасность. За время их отдыха некто, следующий по пятам за путниками, приблизился, но по-прежнему держался весьма осторожно и не показывался на глаза.

Он стал заметен только к полудню. Неожиданно Фридугис заметил между деревьями странное свечение. Такого здесь быть не должно было: ни озера, ни реки поблизости они не встречали. И тем не менее блики отраженного света бегали по стволам, по мясистым лепесткам цветов и широким темно-зеленым листьям.

Затем до их слуха донесся гул. Как будто некто колотил в барабан. Очень большой, широкий, туго натянутый барабан. Эти звуки напоминали те, что издают боевые барабаны кочевников перед началом сражения. Они проникают в плоть и кровь, они просачиваются в самый костный мозг и наполняют души и тела воинов поистине звериной яростью.

Тум. Тум. Тум.

Конан не стал тратить время на то, чтобы пожимать плечами, произносить «Я же предупреждал» или торжествовать при виде растерянного лица Фридугиса. Да, киммериец оказался прав. Но от этого никому не было легче.

Конан с тихим шорохом обнажил меч. Фридугис взялся за кинжал. Только Сканда почему-то оставался невозмутимым. Он видел, что его спутники встревожены, но, казалось, не понимал, в чем причина их беспокойства. Сканда вертелся на месте, озирался по сторонам, быстро и мелко пожимал плечами, бил себя руками по бокам и вообще всем своим видом показывал, что оснований для паники нет решительно никаких и что надлежит как можно скорее продолжить путь.

Тум. Тум. Тум.

Вот между стволами появился золотой блеск. Теперь это были уже не отраженные блики, а настоящий металл.

Он сверкал, как будто бы весь был облит льющимся с небес светом.

Путешественники застыли на месте, не в силах оторвать глаз от поразительного зрелища.

Огромный медный идол двигался через джунгли. Это был настоящий вендийский бог, с шестью огромными мясистыми ручищами и толстенными ножищами. Крупные жировые складки покрывали бедра и живот, конусовидная прическа венчала голову. Неестественно длинные мочки ушей свисали почти до самых плеч. Точнее, только одного уха: когда божок повернул голову, стало очевидно, что другого уха у него не имеется.

Статуя была живая. Ее ноги медленно переставлялись одна за другой. Гудящие ступни и издавали этот звук, напоминающий гром барабанов. Земля под ними содрогалась, такой тяжелой была поступь медного бога.

Голова с высокой прической задевала ветви деревьев. Тщательно выполненные из эмали глаза медленно вращались в орбитах, медные ноздри раздувались, словно они и впрямь втягивали в себя воздух, хотя, подумал Конан, скорее всего, это была просто обычная для данного существа мимика.

Шесть рук медного божества были всего занятнее. Они непрерывно двигались и как будто жили собственной жизнью. Одна играла маленьким барабанчиком, вертя его между пальцами, другая непрерывно меняла положение пальцев, как будто хотела таким образом что-то рассказать окружающим, — подобным же способом беседуют глухонемые, — третья все время прикасалась к листьям и пробовала их на ощупь, четвертая ковыряла в ухе, в глазах, ощупывала складки на теле, и создавалось впечатление, будто эта четвертая рука проверяет, все ли части медного тела на месте. Верхняя пара рук тянулась навстречу застывшим людям.

— Бежим! — крикнул Фридугис.

И все трое путников пустились наутек.

Они мчались не разбирая дороги. Идол следовал за ними. Они слышали за спиной его тяжелую поступь. Он не бежал, он даже не прибавил шага. Просто продолжал переставлять свои огромные ножищи.

Тум. Тум. Тум. Непрерывно. Неотступно. Проклятье, это никогда не закончится! Сканда может забраться на дерево — вряд ли чудовище достанет его. Фридугиса защитит Кали. Конан вполне верил в это.

Сражаться с монстром придется киммерийцу.

У Конана еще не сложился отчетливый план предстоящей битвы. Выходить один на один с чудовищем, которое сделано из огромного куска меди, — такого киммерийцу еще не доводилось. Меч здесь бессилен. Нужна какая-нибудь хитрость.

Тем временем медный идол начал уже настигать их. Они не могли бежать достаточно быстро. К тому же густые заросли мешали их продвижению.

Неожиданно впереди разверзлась пропасть.

Джунгли резко обрывались. Дальше была река. Она прогрызла в мягкой вендийской почве глубочайшее ущелье и бежала по ложу, выложенному камнями. Ущелье было в пятнадцать человеческих ростов глубиной и в три полета стрелы шириной. За ущельем начиналось плато, также заросшее лесом.

Путники побежали по краю ущелья, надеясь на чудо. Либо где-нибудь отыщется переправа, либо рано или поздно они найдут способ нырнуть в джунгли и сбить монстра со следа.

И точно. Не успели они пробежать расстояние в несколько полетов стрелы, как Фридугис заметил впереди спасение.

Сплетенный из лиан мост висел над бездной. Он соединял джунгли и плато. Издалека он казался тонкой, ненадежной нитью. Но это была нить к спасению. Конан мгновенно принял решение.

— Мы переберемся на ту сторону. Идол наверняка пойдет за нами. Мост обрушится, и чудовище упадет на острые камни. Почти наверняка он разобьется. И даже если он не погибнет от этого падения, то будет достаточно искалечен для того, чтобы утратить возможность двигаться. Больше он не сможет преследовать нас, и мы будем спасены!

— Отличный план, — одобрил Фридугис.

Сканда посмотрел на Конана со странной ненавистью в глазах, однако промолчал и стремглав побежал к мосту. Двое приятелей последовали за ним.

Для того, чтобы ступить на навесной мост, требовалось немалое мужество. Над пропастью раскачивалась такая хрупкая переправа, что дух захватывало. Первым пошел Сканда. Более тяжелые британец и киммериец следили за ним, оставаясь на берегу.

Тум. Тум. Тум. Чудовище неуклонно приближалось. Следовало торопиться.

Сканда пробежал через мост, точно птица, почти невесомый. Фридугис усмехнулся. Конан видел, что британцу по-настоящему страшно. Выражалось это, правда, лишь в том, что Фридугис сильно побледнел, и на лбу его выступили крупные капли пота.

— Надейся на Кали и ее защиту, — подбодрил его Конан. — Авось мост выдержит. Торопись. Мне идти последним, и я не хочу провалиться в пропасть вместе с монстром.

— Ты прав, — просто отозвался Фридугис и ступил на мост.

Он шел медленнее, чем хотелось бы Конану, тщательно выбирая, куда ставить ногу. На середине моста Фридугиса вдруг охватила крупная неудержи-

мая дрожь. Он вцепился обеими руками в плетеное ограждение и затрясся. Ноги его ходили ходуном, и мост под ним раскачивался все сильнее и сильнее. Конан понимал, что еще немного — и вся конструкция обвалится. Требовалось немедленно вывести Фридугиса из состояния паники.

Киммериец видел, что Фридугис окончательно утратил власть над собой. Его тело больше не повиновалось разуму. И хотя рассудок у Фридугиса был замечательный — тренированный ум, блестящая память, — но сейчас все это не имело ни малейшего значения.

Фридугис превратился в комок дрожащей от смертного ужаса плоти.

Конан подобрал камень, тщательно прицелился и бросил. Удар пришелся Фридугису в плечо. От острой неожиданно боли Фридугис содрогнулся. Дрожь прекратилась, мост начал успокаиваться у него под ногами. Второй пущенный киммерийцем камень угодил британцу в поясницу. Фридугис громко вскрикнул. Конан, однако, не собирался останавливаться. Третий камень просвистел мимо уха Фридугиса, четвертый снова попал в плечо, угодив едва ли не туда же, куда и первый.

Фридугис быстро побежал вперед по мосту, спасаясь от каменного града. Его тело забыло о смертном ужасе, о страхе высоты, о ненадежной опоре под ногами. Его тело желало избавиться от острой жалящей боли. Оно торопилось оказаться там, куда камни не долетят. И в конце концов Фридугис благополучно перебрался на каменное плато. Мост был пуст и свободен. Конан, не медля ни мгновения, ступил на переправу.

Тум. Тум.

Идол был уже совсем близко. Киммериец не шел, а бежал по мосту. Он был тяжелее, чем его предшественники, и понимал, что сильно рискует, но выхода другого не оставалось. Несколько раз Конан оступался, палочки, составлявшие настил моста, осыпались в пропасть. Времени оборачиваться у Конана не было. Он слышал шаги медного монстра у себя за спиной, и это гнало варвара вперед быстрее, чем целый рой злобных жалящих пчел.

Идол остановился на краю пропасти и уставился на мост и бегущего по переправе человека. Фридугис, уже почти совершенно оправившийся после пережитого ужаса, созерцал чудище с каким-то болезненным любопытством.

Выразительные эмалевые глаза идола следили за Конаном. Фридугису, как ни странно, не показалось, что идол выглядит злобно или разглядывает киммерийца с плотоядным интересом. Вовсе нет. Скорее, идол выглядел печальным и чуть заинтересовавшимся. Затем, влекомый мощной силой, которая заставляла его преследовать сквозь джунгли троих людей, идол поставил ногу на мост.

Конан ворвался на плато вихрем. Он тяжело дышал и старался не встречаться глазами с Фридугисом. Варвар и сам перепугался не на шутку, хотя это был не парализующий и не унизительный страх; то было чувство, которое, скорее, можно назвать инстинктом самосохранения. Чувством, которое ни в коем

случае не затмевало способность здраво рассуждать и принимать мгновенные и спасительные решения.

Идол прошел по мосту несколько шагов. Мост скрипел, напрягаясь под тяжестью громадного медного тела.

Фридугис не без стыда понял, что веревки, сплетенные из гибких лиан, гораздо прочнее, чем предполагал британец. Они не порвались даже под тяжестью медного истукана.

Мост прогибался все глубже. Скрип веревок был таким громким, что напоминал человеческий стон. И вдруг все закончилось. С оглушительным грохотом веревки порвались. Мост лопнул, и медное чудовище безмолвно полетело в пропасть.

Огромное сверкающее тело пронеслось по воздуху, и Конану на миг показалось, что это божество упало с небес по собственной воле. Вот сейчас, оттолкнувшись от земли, оно взмоет в воздух и полетит...

Но ничего подобного, разумеется, не произошло. Раздался ужасающий грохот. Вода в далекой реке вскипела мириадами пронизанных золотым светом искр. Монстр упал с высоты и остался лежать неподвижно. Река с громким журчанием бежала по его медному телу.

Все было кончено.

Конан долго еще смотрел на неподвижную медную громадину. Вдруг ему подумалось, что теперь им будет не хватать этого постоянного «тум, тум, тум» за спиной. Как будто медное существо подгоняло путников и помогало им не сбиться с пути. Во всяком случае, их решимость двигаться вперед и только вперед была отчасти спровоцирована именно этим преследователем.

Шесть рук божка были нелепо раскиданы в стороны. Одна серьезно пострадала: от нее отбился указательный палец, и еще два были сильно погнуты. Барабанчик, который одна из рук вертела постоянно между пальцами, отлетел в сторону, и на него тотчас уселась любопытная тонконогая пичуга с длинным изогнутым клювом.

Вода немного успокоилась, взбаламученная падением огромного туловища, и теперь с легкостью преодолевала новую преграду. Она весело взбиралась наверх, на выпученный медный живот, и оттуда низвергалась небольшим водопадиком.

— Ну вот и все, — промолвил Фридугис. — Монстр нам больше не опасен.

Сканда захлопотал, запрыгал, быстро жестикулируя. Казалось, он только теперь понял смысл происходящего. Он подбежал к самому краю обрыва и уставился на упавшего монстра. Затем обернулся к своим товарищам по путешествию и громко заверещал. Безумец терзал свои волосы и вопил что-то непонятное, после чего, так же внезапно, бросился бежать.

— За ним! — скомандовал Конан.

И они с Фридугисом припустили следом за Скандой. Почему-то на душе у Конана было весело. Это веселье он никак не связывал с тем обстоятельством, что им все же удалось перехитрить и вывести из строя медного божка. В конце

концов, это существо, как оказалось, не отличалось большой сообразительностью. Обдурить такого — много ума не требуется. Нет, Конан чувствовал, что их путешествие приближается к концу. А конец подобного странствия — это всегда последнее испытание и финальный триумф!

Киммериец предвкушал, как они отыщут горы самоцветов из числа тех, что не особенно нужны богине Кали. Когда они возвратят этой капризной и грозной даме ее возлюбленный алмаз — третий глаз, — она (как сильно надеялся киммериец) закроет все три своих глаза на невинную кражу. И Конан уйдет из Вендии богатым.

Он выберется в какой-нибудь большой город. Купит там лошадь. И отправится верхом в Шадизар, где к его услугам будут лучшие кабаки, веселые красавицы и все те немыслимые развлечения, какие только доступны в Шадизаре человеку с деньгами...

Стоп. Лошадь.

Конан с подозрением уставился на Фридугиса. После всех треволнений, какие пережил киммериец, превращенный в монстра и затем исцеленный Фридугисом, после долгого рассказа об алмазе, о свойствах богини Кали, о злоключениях всех, кто когда-либо владел чудесным камнем, — после всего этого Конан напрочь забыл об одной детали.

А именно: ведь у Фридугиса прежде была собственная лошадь! Интересно, куда он ее подевал? Когда Конан очнулся в хижине британца — и когда происходила вся эта крайне неприятная история с хвостом, — никакой лошади не было уже и в помине.

Конан вдруг расхохотался. Фридугис уставился на него с подозрением.

— Что это ты так развеселился, киммериец? По-моему, твое веселье имеет весьма неприглядное происхождение.

— Ну, это как посмотреть... — Конан фыркнул. — Значит, те припасы, коими ты поражал мое воображение, когда мы встретились на окраине Рамбхи, ты украл, да, Фридугис?

— Разумеется, — с достоинством отозвался британец. — Я их стырил, как это принято говорить в воровских кругах. Утащил и спер у этих недостойных жителей Рамбхи, которые пренебрегают законами гостеприимства. Точнее, которые простирают эти законы лишь на себе подобных, в то время как достойные чужаки...

— Остановись, — предупредил его Конан. — Я тогда был слишком болен, чтобы догадаться, а ты, вероятно, намеревался произвести на меня впечатление. Так?

— Не возьму в толк, о чем ты говоришь, любезный варвар, — холодно произнес Фридугис. — Все обстояло именно так, как я имел честь тебе рассказывать. Недостойные граждане Рамбхи отказали мне в приюте, поэтому я был вынужден...

— Ты обменял свою лошадь на припасы, — сказал Конан обвиняюще. — Вот как ты поступил. Я должен был догадаться раньше. Но слишком уж мно-

го всего навалилось! И я проглотил твою ложь вместе с твоими лепешками... Глупо.

— Ну, возможно, — не позволил себя смутить Фридугис. — Возможно, я оставил свою добрую лошадку у этих людей. Кто-то же должен был о ней позаботиться! Я нарочно выяснял обычаи этой страны. Здесь никому не придет в голову обидеть лошадь, не говоря уж о том, чтобы съесть ее. В то время как ты, дорогой Конан, вполне в состоянии сожрать даже лошадь, если будешь голоден. Тем более, если учесть некоторые особенности твоего... э... состояния... в тот момент, когда мы снова встретились, к моему великому удовольствию... Словом, я счел, что лошади будет безопаснее в Рамбхе. Подальше от тебя.

— Понятно, — хмуро сказал Конан.

— Ты как-то похвалялся своим умением добывать денежные средства и продукты, — продолжал британец, — вот я и решил, что честная сделка с жителями Рамбхи будет иметь в твоих глазах весьма некрасивый вид, в то время как якобы совершенная мною кража вызовет твое живейшее сочувствие. Я хотел, чтобы ты уважал меня, Конан! Вот чего я добивался своей невинной ложью.

— Ладно, — Конан махнул рукой. — В конце концов, не так уж это важно... Ты правильно поступил, избавившись от лошади. Нам бы пришлось бросить ее в джунглях.

Фридугис вздохнул с явным облегчением.

— Рад, что ты счел меня достойным своей дружбы. И... — Было очевидно, что Фридугису трудно продолжать, однако он через силу все же договорил до конца: — Я признателен тебе, Конан, за то, что ты спас меня там, на мосту. Без тебя я бы до сих пор трясся, глядя вниз, в пропасть.

— А, — отмахнулся Конан с небрежным видом, — ничего особенного.

Фридугис покраснел:

— Моя жизнь — это, по-твоему, «ничего особенного»?

Конан удивленно посмотрел на него.

— Кто говорит о твоей жизни? Я имел в виду свое деяние. Мой друг, один глубокоуважаемый кхитайский философ, говорит: «Один-единственный, даже самый маленький камень способен сдвинуть горы. Нужно только понять, куда его положить или откуда его взять». По этому поводу он рассказывал одну притчу. Предположим, у нас имеется гора камней. Если взять один камешек сверху, то гора останется прежней. Но если вытащить камень снизу, то гора обрушится...

— Да избавят меня Митра от киммерийского горца, рассказывающего кхитайские притчи! — воскликнул Фридугис с дурашливым ужасом.

Конан оглушительно расхохотался, а Фридугис дружески хлопнул его по плечу.

И тут они увидели Сканду. Безумец бежал не с той стороны, куда он удалился, а с противоположной, как если бы он описал круг.

— За ним! — азартно предложил Фридугис.

И приятели рванулись следом за Скандой.

Тот скакал, высоко задирая ноги и размахивая тощими черными руками. Время он времени он задирал голову и оглашал окрестности пронзительным птичьим воплем, а затем вновь принимался бежать.

Он несся, держась края пропасти. Друзья следовали за ним шаг в шаг. И вскоре худшие подозрения Конана подтвердились. Плато, на которое они забрались, убегая от монстра, представляло собой большую скалу, торчащую посреди равнины, точно последний зуб в десне старика. Оно имело вид ступы. Все его стены отвесно обрывались вниз. Река огибала плато со всех сторон. Она обвивала каменное подножие этой скалы, а затем уходила дальше, и ее змеиный хвост терялся в джунглях.

Зеленое море расстилалось вокруг скалы, куда ни бросишь взгляд. Изредка между листьями поблескивала вода — там текла все та же река.

— Странное место, — проговорил Фридугис, оглядываясь вокруг. — Для чего же сюда вел мост? Здесь должно что-то находиться.

Сканда продолжал бегать кругами. Оба приятеля давно уже сидели, пытаясь осмыслить положение, в которое угодили, а Сканда все бегал и бегал. Наконец, совершенно лишившись сил, безумец повалился на землю и уставился на своих спутников умирающими глазами.

— Сплетем веревку из лианы, — предложил Конан. — Этого добра здесь растет предостаточно. Время у нас есть. Сделаем лестницу и спустимся вниз.

— Я был уверен, что какой-нибудь выход обязательно найдется, — сообщил Фридугис. — Передохнем — и за работу.

На том они и порешили.

Глава восьмая
Гибель селения людоедов

Конана не переставал удивлять Фридугис. Таких деятельных людей киммериец встречал довольно редко. Обычно спутники варвара сдавались перед напором жизненных трудностей. Даже самые лихие воины начинали ворчать, все более активно проявляя недовольство. Таким способом они старались скрыть то нехитрое обстоятельство, что ситуация становилась для них невыносимой, и они готовы вот-вот сдаться.

Британец же, хоть и не был воином, а являлся избалованным аристократом, не ворчал и даже не помышлял о сдаче. Еще чего не хватало! Оставаясь бодрым и жизнерадостным, он всем своим видом показывал Конану, что готов переносить тяготы их путешествия наравне с могучим варваром.

Они вместе нарезали гибких лиан и взялись за дело. Конан показал британцу, как сплетать веревку, и тот принялся за работу с таким видом, будто зарабатывал на жизнь подобным ремеслом.

Конана немного позабавило это обстоятельство. «Аристократ должен уметь позаботиться о себе сам, даже в отсутствие рабов» — так, кажется, выразился Фридугис несколько дней назад. Забавное утверждение. Интересно, что сказал бы по этому поводу какой-нибудь изнеженный, разжиревший султанапурский властитель? Ха-ха, забавно будет увидеть его физиономию!

Конан фыркнул, представив себе гримасу, которая появилась бы на пухлом лице подобного аристократа.

Фридугис весело принялся напевать солдатскую песню.

Конан не выдержал:

— Чему ты радуешься?

— А разве у меня есть повод огорчаться? — удивился Фридугис. — Странный ты человек, варвар. Мы спаслись от медного идола, хотя, казалось бы, наша гибель была неизбежна. Мы забрались на это плато, но скоро спустимся вниз и пойдем дальше. Мы избавимся наконец от проклятого алмаза, зато отыщем гору других сокровищ, вполне безопасных. А потом вернемся домой и заживем по-человечески! К тому же я предвкушаю работу над трактатом. О путешествиях зачастую интереснее вспоминать, нежели переживать их.

— А, — сказал Конан, стараясь говорить безразличным тоном.

— Ты разве не знал? — Фридугис хмыкнул. — Большинство людей вообще предпочитает слушать о приключениях, не вставая с собственного ложа. Для того и прикармливают в замках всяких сказителей и бродячих менестрелей.

— Конечно, — отозвался Конан. — Что до меня, то я предпочитаю добрую схватку на мечах бредням о чужих похождениях. Во-первых, терпеть не могу слушать, как другие хвастают. Во-вторых, почти все в этих рассказах вранье. И в-третьих, у сказителей всегда противные голодные глаза: так и шастают по сторонам, прикидывая, что бы украсть. Не замечал? Это оттого, что все кругом жуют, пока они рассказывают свои байки. Ну и, разумеется, такой сказитель разливается о сражениях, красавицах, чудовищах и драгоценностях, а в голове у него одно: «Лишь бы до той оленьей ляжки не дотянулись, проклятые обжоры! Неужто мне ничего не оставят закусить? Не видят разве, человек голоден!»

Фридугис засмеялся.

— Так ведь сказителей сперва кормят, а уж после заставляют рассказывать!

— Ну и что? — Конан выглядел искренне удивленным. — Это же ненасытные утробы! Им бы только жрать да жрать... Уж поверь мне, с таковыми имел дело. Нет, когда я стану королем, никаких сказителей при моем дворе не будет. Без вранья, без краж, без обжорства попусту... Словом, все строго — и одна только правда.

— В таком случае, ты войдешь в историю как самый жестокий тиран из возможных, — заявил Фридугис. — Ты отбираешь у людей возможность мечтать.

Конан поморщился так, словно проглотил нечто тухлое.

— Только не говори мне, что из мечтателей вырастают герои! Из мечтателей вырастают мечтатели, а героям мечтать некогда — они действуют.

— Ты неисправим, — махнул рукой Фридугис, который как раз хотел сказать киммерийцу о том, что мечта порождает героя.

Впрочем, непоколебимый прагматизм варвара менее всего располагал к унынию. Конан был из тех, кто переделывал мир под себя, если его вдруг что-то переставало устраивать.

И вскоре ему пришлось в очередной раз доказывать это на деле.

Лестница была готова уже на треть, когда начались неприятности.

Сперва их приближение ощутил Конан. На сей раз, к счастью, никакой магии поблизости не было: противник, который выслеживал незваных гостей на плато, не принадлежал к потустороннему миру. Это были люди.

Да — но на редкость неприятные люди. И самое в них неприятное заключалось в том, что их было очень много, не менее пятидесяти человек.

Казалось, джунгли внезапно разродились целым роем полуобнаженных темнокожих дикарей. Еще мгновение назад царила полная тишина, птицы мирно чирикали в вышине, и насекомые летали над цветами. И тотчас все изменилось. На поляну выскочила орда размалеванных воинов. Перья торчали в их прическах: их густые черные волосы были вымазаны глиной и уложены в высокий конус на макушке. Истыканный перьями, этот конус был, кроме того, щедро раскрашен красным, белым и синим цветами.

Лица напоминали о смерти: белые линии придавали им сходство с оскаленными черепами. Тело-«скелет» прикрывали расшитые бисером набедренные повязки, под коленями имелись браслеты со свисающими ремнями, перьями, кусочками меха. Ноги воинов были босы.

Эти люди вооружились копьями с острыми и длинными роговыми наконечниками. Обступив чужаков, они угрожающе трясли копьями и что-то выкрикивали.

Фридугис встал и развел в стороны руки, показывая, что он безоружен и что намерения у него самые мирные.

Этот обычный и всем понятный жест почему-то страшно разозлил дикарей. Они разразились воплями на все лады и еще сильнее затрясли оружием.

Внезапно в воздухе свистнуло копье. Конан едва успел толкнуть своего товарища в сторону, иначе копье, брошенное дикарем, пронзило бы грудь британца.

— Проклятье! — вскричал Фридугис. — Кажется, они намерены нас убить!

— Вот именно, — хмуро кивнул варвар, обнажая меч. — Доставай кинжал. Постараемся продать нашу жизнь подороже.

— Постой! — воскликнул Фридугис, тщетно пытаясь задержать варвара. — Не нападай на них! Если ты убьешь хотя бы одного, они нас не пощадят.

— Они не пощадят нас в любом случае, — возразил Конан, вырываясь. — Но если я уничтожу хотя бы парочку этих гадин, они будут, по крайней мере, нас уважать.

— Плевал я на их уважение! — заорал Фридугис. — Может быть, удастся их уговорить!

— Не мешай! — заревел Конан. Он стряхнул с себя руку Фридугиса и бросился в атаку.

Первым же ударом он перерубил ближайшего к нему дикаря пополам. Брызнула кровь. Конан оскалил зубы и, испустив яростный воинственный клич, накинулся на следующего врага.

Копье, нацеленное в живот киммерийца, переломилось, как хворостинка, под ударом мощного меча. Испуганный дикарь отскочил, но было поздно: сверкнув в воздухе, меч описал дугу и опустился на худую черную руку. Отчаянно закричав, дикарь повалился на землю. Фонтаны крови хлестали из его разрубленной конечности.

Конан ревел, как дикий зверь. Никто не смел больше приближаться к нему. Дикари, ошеломленные этим яростным натиском, отступили. Должно быть, Конан показался им демоном, кровожадным чудищем, которое выбралось из самого сердца джунглей, дабы собрать свою ужасную жатву.

Киммериец откинул голову назад и громко расхохотался. Фридугис поежился. Смех этот звучал зловеще.

— Кром! — закричал Конан, обращаясь к дикарям. — Что, не смеете поднять на меня руку? Идите сюда! Идите! Я убью вас всех!

Они топтались теперь на почтительном расстоянии от него, однако не переставали размахивать копьями, подпрыгивать, сильно ударяя босыми плоскими ступнями о землю, и выкрикивать отрывистые угрозы. Конан сделал движение, как будто намеревался снова напасть на них. Они загорланили и отбежали подальше, но затем снова остановились.

Конан повернулся к ним спиной и гордо зашагал прочь. И в этот миг сверху, с деревьев, на него упала сеть. Конан закричал от гнева и попытался вырваться, но сеть оказалась достаточно прочной. Десятки дикарей разом набросились на киммерийца и скрутили его. Они сидели на его ногах, прижимали к земле его руки, голову. Трое были заняты тем, что стягивали веревками щиколотки и запястья.

Фридугис выхватил кинжал. Надежды у него не оставалось никакой. В глубине души он до последнего думал, что Конан одолеет всех, кто напал на путников, или что Сканда неожиданно придет на помощь своим товарищам. Но Сканда прятался где-то в глубине джунглей, а Конана перехитрили.

Что ж, придется воспользоваться советом киммерийца и продать свою жизнь подороже. Если Кали вздумала бросить хранителя своего алмаза, пусть. Вряд ли эти дикари знают, что означает драгоценный камень, который они найдут в кошеле на поясе убитого ими бритунца.

И Фридугис набросился на врагов первым, не дожидаясь, пока они сомнут его и истыкают копьями.

Яростно крича, бритунец ударил ножом ближайшего, затем слепо нанес еще несколько ударов. Он ощутил, как бронза входит в чужую плоть. А затем все померкло: кинжал вывалился из руки Фридугиса, солнце потемнело перед его глазами, и спустя миг он перестал что-либо чувствовать.

Потеряв сознание от сильного удара по голове, Фридугис повалился на землю рядом со связанным Конаном.

* * *

Пленники очнулись, когда день перевалил за середину. Фридугис открыл глаза и увидел, что он находится в круглой хижине. Сквозь солому проникали солнечные лучи. За плетеными стенами хижины кипела какая-то непонятная жизнь. Раздавались человеческие голоса. Разговаривали между собой в основном женщины. Некоторые смеялись. Изредка доносились и окрики мужчин: судя по всему, женщины занимались какой-то важной работой, а несколько мужчин следили, чтобы все совершалось по правилам.

Фридугис попробовал пошевелиться и понял, что он крепко связан. Он повернул голову и увидел Конана. Киммериец, плотно обмотанный веревками, как бы помещенный внутри кокона, лежал на боку и следил за своим товарищем неподвижными, остекленевшими глазами. На миг Фридугису показалось, что Конан умер, таким странным был его взгляд. Но затем он догадался: дикари опоили его каким-то снадобьем, так, что Конан, с одной стороны, жив и невредим, а с другой — не может пошевелить ни единым мускулом.

Интересно, что это за снадобье? Фридугис окликнул своего товарища:

— Конан! Ты слышишь меня? Если да, то попробуй закрыть глаза.

Ресницы киммерийца шевельнулись. Было очевидно: он находится в сознании и понимает все, что происходит вокруг.

— Где мы, ты знаешь?

Конан остался неподвижен. Видимо, он так же далек от понимания ситуации, как и Фридугис.

Неожиданно Фридугис услышал, как трещит хворост. Поблизости разложили большой костер. Под громкое ритуальное пение прокатили по земле тяжелый предмет. Фридугис собрался с силами, подобрался к щели в стене хижины и выглянул наружу. То, что он увидел, потрясло его.Сотни обнаженных дикарей, раскрашенных, одетых в праздничную одежду из перьев, листьев, цветов и кусочков меха, бродили по поляне. Все хижины их поселения были убраны гирляндами, как будто здесь готовились к великому празднеству. В центре поляны пылал гигантский костер. Десятки женщин хлопотали возле него: они приносили дрова, рубили их, подкладывали в огонь. Все они громко распевали. Женщины этого племени показались Фридугису особенно безобразными. Они были толстыми, распухшими, с выпученными животами и длинными, висящими едва ли не до пояса грудями. Их черные волосы были вымазаны салом и скручены в косицы, а плоские лица раскрашены красными полосами. Красным же были обведены и их глаза, в то время как губы имели ярко-синий цвет.

— Глядя на них, и впрямь поверишь в существование демониц, — пробормотал Фридугис. — Для чего же им такой здоровенный костер? Неужто будут

сжигать тела своих убитых? Сколько мы уничтожили их, Конан? Двоих? Троих?

Он помолчал, зная, что киммериец все равно не сможет ему ответить. Затем продолжил рассуждать:

— Не пойму, что за штуку они катят по земле... Скорей бы уж вывернули из-за стволов и выкатили ее на площадь!

И тут наконец Фридугис увидел, что за странный предмет волокли дикари к своему костру. Это был огромный котел, выплавленный из меди. Он был очень старым, позеленевшим от времени. Внешняя его сторона была закопченной, но ушки котла и внутренность его имела зеленый оттенок. Видимо, дикари отыскали этот предмет где-то в заброшенном городе или старинном храме, какие можно случайно найти в вендийских джунглях.

Фридугис ни на мгновение не мог бы поверить в то, что это лютое полуголое племя в состоянии было выплавить подобный котел само. Нет, они его утащили! Котел под громкое ритуальное пение установили на кострище. По цепочке начали передавать воду в кожаных бурдюках. Попадая в котел, вода принималась шипеть. Стенки котла нагрелись быстро.

— Они хотят вскипятить полный котел воды, — сообщил Фридугис Конану.

Конан шевельнул губами. Яд прекращал свое действие. Видимо, дикари плохо рассчитали дозу, поскольку прежде никогда не имели дело со столь могучими воинами, как киммериец.

Фридугис вслушался в шепот Конана, а расслышав, похолодел:

— Это людоеды... Вода — для нас... Вопрос только в том, убьют они нас прежде, чем съесть, или сварят живыми...

— Так вот почему они не убили нас там, в джунглях! — воскликнул Фридугс. — Они намеревались дотащить нас сюда. Погода жаркая — мы бы успели протухнуть до того, как они начнут свою жуткую трапезу.

Конан криво дернул углом рта. Фридугис понял, что это — улыбка. Британцу окончательно стало не по себе. Мгновение он не сомневался в том, что Конан утратил рассудок.

— Что с тобой, киммериец? Чему ты веселишься?

— Фантазия... — сказал Конан. — Неплохо, да?

Фридугис закачался, сидя на земляном полу хижины.

— Ты убиваешь меня, Конан! Разве сейчас время шутить?

— Это не шутки...

Фридугис в отчаянии закричал:

— Кали! Злая мать! Черная богиня! Почему ты оставила меня погибать здесь? Смотри, у меня твой алмаз! Неужели ты думаешь, черная мать, что эти людоеды сумеют возвратить тебе твое достояние? Помоги мне!

— Нам... — вставил Конан.

Фридугис густо покраснел. В своем ужасе он совершенно забыл о том, что в мольбу, обращенную к злой богине, необходимо вставить второе имя.

И британец быстро добавил:

— Помоги мне и Конану, черная богиня, потому что без Конана я не справлюсь с моей задачей! Освободи нас обоих от власти людоедов-дикарей, и мы вернем тебе алмаз, Кали!

— Остается только ждать, — шепнул Конан. — Хотел бы я посмотреть, как она нам поможет.

— Разве твой бог Кром не помогает тебе? — удивился Фридугис. — Лично я не раз видел, как божество снисходит к людям и помогает им.

— Ну да, — сказал Конан, болезненно кривясь. — Но только не Кром. Я уже говорил тебе. Кром дал мне все, что мне потребно, а уж как я справлюсь — дело мое.

— Кстати, раз уж ты заговорил, — произнес Фридугис, — что это был за яд, которым тебя опоили?

— В одной из хижин они держат огромного паука, — сказал Конан. — Он размером с теленка, не меньше. Такие на воле, в лесу, не встречаются. Сперва я решил было, что это магия, но — нет. Это чудовище — естественного происхождения. Просто-напросто они взяли паука из леса и выкормили его особыми травами и мясом. Мне охотно рассказал об этом их жрец.

— Ты понимаешь их язык? — поразился Фридугис.

— Совсем немного... Достаточно, чтобы разобрать кое-какие слова. Остальное они дополнили жестами.

— Странно, — промолвил Фридугис. — Странно, что они снизошли до бесед с пленником.

— Напротив, они были очень довольны, что имеют такую возможность, — возразил Конан. — Я доказал им, что являюсь могучим воином. Они завладели мной. Это стало предметом их гордости. Они готовы были рассказывать мне решительно все, на что я ни показывал пальцем. Из этого паука они добывают яд, чтобы опоить жертву. Нас, полагаю, сварят живьем. И яда не дадут, чтобы мы в полной мере ощутили пытку. Иначе это будет лишено смысла. Мы ведь оба — великие воины, так что нам оказывают особую честь. А меня опоили, чтобы я не сбежал раньше времени. Они очень, очень уважают меня.

Закончив эту тираду, Конан усмехнулся. Улыбка его вышла менее кривой, чем прежде. Яд действительно заканчивал свое действие.

— Попробуем освободиться хотя бы от веревок, — предложил Фридугис.

— Согласен.

Конан начал извиваться, чтобы ослабить путы. Фридугис последовал его примеру, дергая руками и ногами. Затем он почувствовал прикосновение и вздрогнул от неожиданности.

— Сиди тихо, — велел Конан.

Он подобрался к британцу и начал крепкими зубами перетирать веревки, стягивающие запястья пленника. Скоро Фридугис почувствовал, как хватка петли слабеет. Он еще несколько раз дернул руками, веревка поддалась и лопнула.

— Отлично, — прошептал он.

В этот миг в хижину вошла женщина.

Она была еще совсем молода. Ее грудь не обвисла, а горделиво торчала, темные соски глядели прямо на пленников. Живот ее, правда, был выпучен — его раздуло от трав, которыми она питалась постоянно. Плоское лицо этой женщины было размалевано, так же, как и у ее товарок, и выглядело достаточно отталкивающим. Тем не менее по ее манере держаться Конан видел, что эта молодая женщина считается среди своего племени весьма привлекательной.

Что ж, возможно, им удастся воспользоваться этим.

Женщина поставила перед ними кувшин с молоком.

— Вы должны пить, — показала она жестами.

— Ну да, чтобы быть вкуснее, — проворчал Конан. — Я знаю гурманов, которые пускают рыбу плавать в молоке прежде чем зажарить. Очень нежное мясо получается.

Женщина шутливо погрозила Конану пальцем. Затем она повернулась к обоим пленникам спиной и, задрав свою набедренную повязку, продемонстрировала черный блестящий зад. После чего горделиво удалилась.

— Ну? — сказал бритунец. — Какова? Что она хотела этим выразить?

— Полагаю, она заигрывала с нами, — сказал Конан. — Мы ведь не просто пища. Мы — ритуальная пища. Нам будут сейчас показывать женщин, чтобы мы возбудились и чувствовали себя крепкими мужчинами. Нас начнут поить молоком или укрепляющими травами. Иначе наша плоть будет бесполезна для племени.

— Пожирая пленников, они рассчитывают завладеть их силой? — уточнил Фридугис.

Конан насмешливо сощурился.

— Естественно. Ты читал об этом в манускрипте?

— Естественно...

Фридугис вздохнул, очевидно, сожалея о том мире, где существует спокойное чтение, а затем принялся стягивать путы со своих ног.

С веревками, оплетающими могучее тело киммерийца, пришлось повозиться изрядно. Дикари навязали множество узлов, видимо, вкладывая в каждый из этих узлов особенное заклинание, дабы мощный пленник оставался неподвижным до того времени, когда настанет пора совершать ритуал.

Но никакие заклинания не устояли: веревки пали, и киммериец наконец смог расправить руки и ноги. Он яростно растирал их, чтобы восстановить кровообращение, и наконец почувствовал, что силы вернулись к нему вполне.

— Ну вот, теперь пусть только попробуют подойти ко мне! — воскликнул он и захохотал, предвкушая славную битву.

Фридугис понял, что его спутник совершенно не страшится возможной близкой смерти. Что ж, подумал бритунец несколько уныло, вероятно, это единственный способ сразиться с врагом, который превосходит тебя по численности в десятки раз. Забыть не только о том, что ты можешь умереть, — за-

быть даже о том, что ты можешь потерпеть поражение, и просто биться до последнего.

Потому что сдаваться без боя не хотелось ни одному, ни другому.

Когда за пленниками явились, они уже были готовы к битве. Двое воинов, вошедших в хижину в самом начале сумерек, остановились, недоуменно озираясь по сторонам. Они не увидели Конана на том месте, где он должен был находиться. И пока воины оборачивались, дабы выяснить, куда подевался наиболее ценный пленник, Конан бесшумно поднялся с пола (он сидел на корточках возле входа, набросив на себя циновку, которая в сумерках почти совершенно сливалась с плетеной стеной хижины). Не успели воины-дикари понять, что происходит, как Конан уже схватил их за шеи и столкнул лбами.

Раздался ужасный звук — как будто раскололись две тыквы. С разбитыми головами и свернутыми на сторону шеями воины рухнули на земляной пол. Конан отобрал у них копья и безмолвно потряс оружием в воздухе.

Он двигался ловко и грациозно, несмотря на свои огромные размеры. Фридугис невольно залюбовался им.

— Пора! — сказал Конан. И скользнул за дверь.

Фридугис последовал за ним.

Их встретили сумерки. Костер, разложенный посреди поляны, пылал ярко, и ослепительный оранжевый свет пламени контрастировал с синими джунглями, подступившими к деревне людоедов.

Люди с жутко разрисованными лицами толпились возле костра. Все в них выдавало острейшее нетерпение: их позы, отрывистые реплики, которыми обменивались они, громкий нервный смех. Некоторые женщины, не выдерживая напряжения, вдруг принимались визжать и терзать свои груди, одна яростно царапала себе лицо и верещала оглушительно, как разгневанная мартышка. Никто не препятствовал этим проявлениям эмоций: очевидно, подобное считалось среди людоедов в порядке вещей.

Появление пленников вызвало общий рев восторга. Дикари не сразу заметили, что пленники показались из хижины без сопровождения воинов и что они, более того, не связаны, а у Конана в руках копья.

Испустив яростный боевой клич, Конан метнул одно из своих копий в толпу, и человек в короне из перьев беззвучно повалился на спину. Копье пробило его грудь; бросок варвара оказался таким сильным, что труп пригвоздило к земле. Общий вздох прокатился по толпе дикарей, а затем смятение сменилось гневом, и людоеды хлынули вперед, норовя смять свою жертву. Слышно было, как в одной из хижин беспокойно ворочается гигантский паук.

Фридугис не мог бы объяснить, как это вышло, но он действительно отчетливо слышал это — сквозь вопли сотен глоток и топот сотен босых ног. Паук бесился. Он чуял близость добычи. Вероятно, его приучили поедать живое мясо — мошками это гигантское существо явно больше не довольствовалось. Конан отвлек общее внимание на себя. О Фридугисе, как это ни странно, все за-

были. Он стоял как бы в полном одиночестве среди разъяренной, кишащей толпы, и наблюдал за происходящим со стороны.

Эта отстраненность самому Фридугису казалась какой-то неестественной. В самом деле! Ведь решается его судьба, не только судьба варвара-киммерийца, а он созерцает побоище с таким видом, словно рассматривает в замке старинный гобелен с вытканной на нем древней, давно забытой битвой. Кажется, здесь дракон? Очень любопытно. А это кто там, внизу, с пикой? Предок того, кто построил ваш замок? Чрезвычайно интересно... А как его звали? Не помните? Жаль-жаль...

М-да. Что только не лезет в мысли!

Внезапно Фридугис задрал голову к темнеющему небу и закричал:

— Ка-а-ли! Черная мать! Приди!

И вытащив из кошелька алмаз, поднял его вверх, зажав между пальцами.

Красные лучи света вырвались из камня. Они пронзили сумрак, разлились над головами сражающихся. Дикари заверещали от боли. У некоторых начали тлеть, а затем и вспыхнули волосы на голове. Глина, которой дикари обмазывали свою прическу, сыграла с ними дурную шутку: головы людоедов оказались как бы заключенными внутри горшка. Пламя лизало их снаружи и нагревало, так что у некоторых мозги начинали кипеть, и глаза лопались в орбитах, а кожа на лице облезала клочьями.

Зрелище было ужасным. Женщины, не помня себя, набрасывались на упавших и лизали их, торопясь вкусить кровь, которая проступала на телах умирающих. Конан, рыча, как дикий зверь, без устали наносил удары копьем, и каждый новый удар означал смерть новой жертве.

Высоко в небе прокричала птица. Ее пронзительный голос разнесся над плато, как глас надвигающейся смерти: он был одиноким, отчаянным, в нем звучала неотвратимость.

Тум. Тум. Тум.

Приближались знакомые шаги. Они звучали приглушенно, издалека, но с каждым мигом гул делался все более отчетливым. Сомнений не оставалось: медный монстр каким-то образом ожил, сумел подняться и взобрался на плато. Скоро он будет здесь.

— Кали! — снова закричал Фридугис.

Новый сноп лучей вырвался из камня. На сей раз это были синие лучи. Они разлетелись во все стороны, и повсюду, где они проходили, оставались белые следы. Инеем покрылись листья и ветви, ледяная корка запеклась на лицах людей. Они задыхались и кашляли, хватаясь за горло. Их глаза превращались в ледышки, их рты оказывались забиты снегом и льдом. Дикари падали на землю, катались, били вокруг себя руками и ногами и затихали навеки, а лед медленно таял, и из глаз-ледышек вытекали огромные мертвые слезы.

Тем временем между стволами деревьев мелькнуло темно-красное сияние. Медное тело идола отражало яркое пламя костра. Казалось, воплощенный огонь шагает по джунглям. Грозно светясь, чудище появилось на поляне.

В этот самый миг хижина, где бесновался паук, рухнула. Гигантский монстр выскочил оттуда и, приседая на мягких лапах, помчался прямо к месту скопления людей. Из рыхлого брюха, украшенного черным пятном, высовывалось жало. Оно подрагивало на бегу и изгибалось, готовясь нанести первые удары. Жвалы паука шевелились, многочисленные крохотные глазки двигались на маленькой округлой голове. Глазки эти показались Фридугису особенно жуткими. Они глядели по сторонам осмысленно, совершенно по-человечески, и неустанно высматривали себе добычу.

Один из дикарей вдруг закричал отчаянно и громко и подпрыгнул. Жало впилось ему в шею сбоку и приподняло тело несчастного в воздух. Подвешенный на этом гибком «шесте», он несколько раз качнулся, а затем упал и больше не двигался. Паук, не останавливаясь, пронзил жалом следующую жертву.

Дикари собрались в круг, ощетинившись копьями. Теперь у них было два врага: киммериец и огромный паук. И хоть эти противники и не собирались заключать союз, оба представляли практически одинаковую опасность.

Лучше всего было бы натравить паука на Конана, но эта идея требовала бы ясности ума, бесстрашия и, главное, организованности действий, а дикари, сбившиеся в кучу, не обладали ни первым, ни вторым, ни третьим. Они были попросту перепуганы до полусмерти.

Тум. Тум. Тум.

Новая опасность надвинулась на дикарей из джунглей. Теперь уже хорошо видны были медные руки, раздвигающие в стороны ветви деревьев. Без барабанчика, с погнутыми или отломанными пальцами, эти руки тем не менее сохранили и силу свою, и хватку. Идол неуклонно двигался к своей цели.

Несколько женщин бросились навстречу шагающему монстру и метнулись к нему под ноги. Не заметив их, идол попросту наступил на их простертые на земле тела и раздавил. Фридугис услышал жуткий хруст костей, и бритунца передернуло. Многое он готов был вынести, но не это.

Он отступил назад и схватился за горло, чувствуя, что его вот-вот стошнит. И тут острая боль пронзила его ногу. Фридугис сразу очнулся от дурноты. Он увидел рядом с собой ужасную образину одного из людоедов: блестящие глаза смотрели прямо на бритунца, а острие копье было направлено ему в грудь. Приплясывая на месте и напевая сквозь зубы монотонную мелодию, воин вгонял себя в ритуальную ярость. Он явно готовился пронзить свою жертву насквозь. Преодолевая боль от раны в ноге, Фридугис схватился за кинжал и бросился на врага. Людоед явно не ожидал от своей жертвы подобной прыти. Он отскочил, но недостаточно быстро: Фридугис успел полоснуть его по руке.

Как и многие, этот воин был храбр и грозен только перед безоружным противником; получив царапину, он мгновенно утратил все свое мужество и взвыл от боли и обиды. Фридугису почудилось в его вопле что-то детское: так рыдает ребенок, который получил шлепок от своего наставника. Однако, как бы тот ни плакал, а жалеть людоеда Фридугис расположен не был. Следующий

удар кинжала был нацелен дикарю прямо в горло. Ударив, Фридугис отскочил, чтобы его не запачкало кровью.

И тут, подняв голову, он увидел прямо над собой занесенное вверх жало гигантского паука. Монстр избрал бритунца своей следующей жертвой.

Фридугис упал на землю и покатился прочь. Он не успел бы убежать. Тем более, что раненая нога болела нестерпимо. Паук ударил, и жало его вонзилось в землю.

Паук задрал в воздух две передние лапы и сильно ударил ими — так взбрыкнул бы раздраженный или испуганный конь.

Затем чудовище с неестественной быстротой передвинулось и снова занесло жало над Фридугисом. В последний миг бритунец поднял алмаз Кали и воззвал к грозной богине. Желтый луч вышел из камня и разрезал брюхо паука ровно пополам. Прямо на Фридугиса вывалились внутренности чудища, хлынула зеленоватая зловонная жижа, которая, очевидно, заменяла монстру кровь. Захлебываясь, кашляя и тщетно сражаясь с тошнотой, бритунец попытался выбраться из месива, в котором он внезапно очутился.

Липкая масса облепляла его со всех сторон. «Нет ничего глупее, чем захлебнуться во внутренностях этой твари, — подумал Фридугис. — Тьфу! Даже в страшном сне мне не могла присниться подобная смерть. Что за ерунда? Неужели бритунский аристократ допустит, чтобы его постигла подобная кончина? Впрочем, — добавил он, желая быть справедливым, — спасение мое зависит сейчас только от меня... А если я и погибну, то никто не узнает, каким образом это произошло. Что ж, хоть малое, но все же утешение».

И с этим он принялся выбираться из жижи.

Тем временем идол добрался уже до толпы людоедов. Невозмутимо, без злобы, но и без всякого снисхождения, он принялся хватать дикарей поперек живота и бросать их в огонь и в кипящий котел. Ночь наполнилась воплями ужаса и боли. Однако это не могло остановить медное существо. По-видимому, оно не ведало ни сомнений, ни сострадания. Оно знало, что делает, ведь оно — теперь в этом не оставалось никаких сомнений, — служило черной матери, Кали.

Идол действовал сразу шестью руками. Каждая успевала схватить одного или двух человек и метнуть их в костер. Конан успевал уворачиваться, однако в давке ему никак не удавалось выскочить из толпы перепуганных людоедов.

Теперь уж противникам Конана было не до того, чтобы пытаться сокрушить варвара. Каждый стремился спасти собственную жизнь. Но бегство, казалось, было невозможно.

Конан бросился на землю и покатился — как недавно это сделал Фридугис. Медная рука проплыла по воздуху прямо над головой киммерийца, однако схватить его не смогла и подцепила другую жертву. Конан между тем стремительно бежал в темноту.

Фридугис, который хорошо видел киммерийца, озаренного пламенем огромного костра, присоединился к своему товарищу.

Конан отшатнулся.

— Кто здесь? — грозно крикнул он.

Фридугис заметил в руке Конана меч. Должно быть, в пылу схватки киммериец обнаружил свое оружие у кого-то из людоедов и отобрал.

— Это я, — подал голос бритунец. — Я, Фридугис. Не убей меня, Конан, по ошибке.

— Чем ты воняешь?

Слышно было, как фыркает Конан.

— Это паук... Кали действительно помогает нам! Ее алмаз разрезал чудище на части!

— Хвалу доброй Кали воспоем попозже, — сказал Конан. Оставалось только поражаться быстроте, с которой варвар обрел прежнюю невозмутимость. — Нам пора уносить отсюда ноги. Медный монстр пришел в себя и крушит тут все.

— Это очень кстати, — заметил Фридугис. — Без его поддержки мы бы не справились.

— Не уверен, — пробормотал киммериец. — Людоеды довольно легко поддаются панике. Заметил?

Фридугис кивнул.

— Такое случается не только с людоедами, — добавил бритунец. — На свете полным-полно людей, которые храбры только перед слабыми, а при виде сильного противника ударяются в бегство.

— Это тебе сказители напели? — осведомился киммериец.

— Нет, дошел своим умом, — огрызнулся бритунец. — А кроме того, имел возможность наблюдать.

Они бежали прямо в джунгли. Конан выглядел как человек, который точно знает, что делает. Фридугис не уставал удивляться ему. Ведь медный монстр никуда не делся — он будет идти за беглецами по пятам, пока не уничтожит их! И сбежать с этого плато у них не получится. Они в ловушке. Разгром селения людоедов только оттянул неизбежную развязку.

Как будто прочитав мысли своего спутника, Конан повернулся к Фридугису и, широко ухмыляясь, проговорил:

— Каждый колокол, что мы проживем назло врагу, идет нам на пользу. Не торопись умирать. Всегда может оказаться, что есть какой-то выход. Обидно, если тебе не хватило нескольких мгновений, чтобы его найти.

Глава девятая
В поисках исчезнувшего храма

Они шли через густые заросли, не разбирая дороги, всю ночь. Время от времени им начинало казаться, что идол больше не гонится за ними. Глухие тяжелые шаги стихли где-то вдалеке. Вопли людоедов, вонь костра — все это осталось далеко позади.

Конан, равно как и его спутник, отдавал себе отчет в том, что на плато им поневоле придется ходить кругами. Вряд ли преследователь оставит им время на то, чтобы спокойно сесть и сплести веревку.

Наконец они нашли подходящее место для отдыха, забились между корнями приземистой акации с множеством стволов, и заснули ненадолго. Фридугис хоть и старался не показывать виду, однако валился с ног от усталости. Пережитое совершенно выбило его из колеи. Бритунец даже попробовал пошутить над собой:

— Проклятье! — сказал он. — Гигантский паук как способ убедить пленника лежать тихо... Котел для варки людей живьем... До таких ужасов даже моя кормилица бы не додумалась, а уж вот кто была мастерица рассказывать страшные истории!

Конан фыркнул, но никак не прокомментировал сказанное приятелем. Он и сам устал. К тому же Фридугис получил рану в ногу. Не слишком глубокую и уж явно не опасную (если не случится заражения), но все же чувствительную. Так что у бритунца были все основания для того, чтобы упасть без сил и заснуть мертвым сном, едва его голова коснулась земли.

Как только солнце встало, Конан пробудился. В джунглях было очень тихо — если не считать обычного птичьего хора, да отдаленных криков каких-то животных. Ни барабанов, ни людских выкриков, ни грохотанья медного чудовища. Ничего, что, по мнению киммерийца, угрожало бы их жизни.

Как ни странно, это обстоятельство мало обрадовало Конана. Он привык не доверять хорошему. Особенно в тех случаях, когда неприятности не были устранены привычным для киммерийца способом: то есть не плавали в собственной крови. Вот если бы удалось превратить идола в гору расплавленного металла, а всем людоедам, до последнего младенца, выпустить кишки, — тогда другое дело...

Поэтому Конан решил не терять бдительности.

Но сначала следовало понять, в каком состоянии находится его спутник. Фридугис продолжал спать, и сон бритунца был неспокойным. Он метался по мягкому ложу — рыхлой земле между корнями акации, во сне продолжая отбиваться от людоедов и убегать от медного идола. Рана на его ноге, по счастью, не воспалилась. Более того, Конан с удивлением заметил, что она начала затягиваться.

От Фридугиса по-прежнему воняло мертвым пауком. Конан с его привычкой привыкать к обстоятельствам, изменить которые он пока не в силах, притерпелся и к этому запаху. Но стоило киммерийцу отойти в сторонку и глотнуть по-настоящему свежего ароматного запаха утренних джунглей, как паучья вонь стала казаться ему непереносимой.

Но... рана ведь затягивалась. Конан хлопнул себя по лбу. Яд паука не только парализовывал. Он еще и исцелял.

Он прошел десяток шагов, стараясь не выпускать спящего Фридугиса из виду, и обнаружил ручей, где с удовольствием умылся и утолил жажду. Затем вернулся к месту отдыха и беспощадно растолкал своего спутника.

— Избавься от вони и заодно выпей водички, — приказал Конан сонно моргающему Фридугису.

Тот наконец пришел в себя, охнул и захромал к ручью. Хромал он весьма бодро, так что Конан укрепился в своем изначальном впечатлении: рана благополучно заживала и через несколько дней вообще перестанет доставлять неприятности.

— Интересно, — сказал, возвращаясь, умытый Фридугис, — а где же Сканда? Мы расстались с ним, кажется, еще до того, как очутились среди людоедов.

Конан пожал плечами.

— Парень совсем дурачок, — ответил киммериец, — и не всегда отдает себе отчет в собственных поступках. Кто знает, где он прятался все это время? Я не берусь предсказывать его поступки.

— Мне почему-то кажется, — понизив голос, произнес Фридугис, — что он не просто дурачок.

— Да? — Конан равнодушно хмыкнул. — В любом случае, мы не имеем влияния на него. Да и заботиться о нем не обязаны. Он не считает нас своими спутниками в полной мере. Все равно как бездомный пес — прошел с нами часть пути, а затем убежал по собственным делам.

— Я так не думаю, — многозначительно поведал Фридугис.

И тут, словно подслушав их разговор, Сканда появился. Точнее, до приятелей донесся его пронзительный птичий голос, кричавший:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Легок на помине, — сморщился Конан. Но его недовольство сменилось острой тревогой, когда до его слуха донесся знакомый грохот: тум, тум, тум. Идол приближался. Вместе с идолом приближался и непрерывно кричащий Сканда:

— Конан! Фридугис! Конан! Фридугис!

— Подождем его, — сказал Фридугис.

Британец побледнел, однако старался держать себя в руках и выглядел он совершенно спокойным. Если не считать цвета лица, конечно. — Сдается мне, тут не все так, как представлялось вначале.

— Прекрасно, — вздохнул Конан. — Подождем. В крайнем случае залезем на дерево.

— Отличный план, — улыбнулся Фридугис, по-прежнему сохраняя фальшивую бодрость. — Или закопаемся в землю.

— Этот план еще лучше, — сказал Конан.

Идол между тем появился на прогалине, где росла акация. Сперва приятели увидели гигантскую медную ногу с большой вмятиной, полученной при падении со скалы. Затем появились руки, все шесть, одна за другой. И наконец огромное туловище и голова с блестящими глазами и конусовидной прической, чуть погнутой и торчащей немного на сторону, предстали перед приятелями. А на плечах у идола восседал, болтая ногами, Сканда и вопил во всю глотку:

— Конан! Фридугис!

— Что это значит? — гаркнул Конан, задрав голову к Сканде.

Чумазый пастушок весело ответил:

— Это наш друг — Гафа!

— Кто? — вырвалось у Фридугиса. — Как ты его назвал?

— Его имя, — пояснил Сканда. — Я знаю его имя. Он сам мне сказал. А что? Хорошее имя. Здешнее. Здесь так иногда зовут простолюдинов. Вроде меня. Бедный Сканда! Бедный Гафа! Ха-ха!

Он засмеялся и ловко спрыгнул с плеч идола. Идол подставлял ему руки, одну за другой, чтобы Сканда сходил по его ладоням, как по ступеням, а затем наклонился и спустил его на землю.

Сканда подошел к приятелям и покрасовался перед ними.

— Мы насилу вас нашли, — сообщил он. — Вы прятались. Сильно прятались! Ловко. Как люди джунглей. Странно...

Конан решил выяснить дело до конца. Он взял Сканду за плечи и развернул к себе.

— Ты говоришь, этот медный идол зовется Гафа?

Сканда торжественно кивнул.

— Он еще как-то зовется, — добавил пастушок, — но для вас он Гафа.

— Не может быть, — выговорил Фридугис немеющими от ужаса губами. — Но это значит, что... Что Гафа, которого сто зим назад оставили в джунглях на милость здешнего божества не просто умер, но вселился в медное тело! И все это столетие он существовал в джунглях в виде шестирукого вендийского бога!

— Гафа — не бог, — важно возразил Сканда и почему-то указал пальцем на себя, ткнув в середину груди. — Гафа только идол. Живой идол. Глупый идол. С ним надо было говорить. Его не надо было бояться.

Конан нахмурился. Ему не понравилось, что какой-то вендийский замухрышка обвиняет его в трусости. Однако возражать было нечего. С ожившим медным великаном Конан вел себя так, что у постороннего наблюдателя имелись все основания заподозрить киммерийца в... осторожности. Да, «осторожность» — очень хорошее слово. Оно многое объясняет.

Идол стоял молча и таращился на людей немигающими глазами. При ближайшем рассмотрении, решил Фридугис, он выглядит вполне прилично. И да-

же добродушно. А то, что они испугались — что ж, это вполне естественно. Всякий бы испугался на их месте. Эдакая махина, да еще ожившая, да еще неустанно топающая за ними сквозь джунгли!

— Ну что ж, — заявил Конан, — в таком случае я знаю способ выбраться с этого плато.

Фридугис поразился тому, как быстро киммериец изменил свое отношение к событиям. Теперь Конан снова выглядел уверенным в себе и своих решениях. И охотно взял командование на себя.

— Рассказывай, — кивнул Фридугис. Он решил не спорить с киммерийцем и не бороться за первенство. В конце концов, дальнейшие события покажут, кто кому должен подчиняться. Да и не мериться силой они с Конаном отправились в эти джунгли.

— Нас перевезет через пропасть любезный Гафа, — сказал Конан. — Он достаточно высок для этого. Если он будет идти осторожно, то он попросту спустится с плато вниз и перешагнет через реку. А мы проделаем этот путь на его плечах.

— Ловко придумано! — восхитился Фридугис. — Но согласится ли он?

— Мы его попросим, — сказал Конан.

Фридугис прошептал на ухо киммерийцу:

— Ты думаешь, он не понял, что мы нарочно заманили его на подвесной мост, чтобы погубить?

— Не знаю, — так же шепотом отозвался Конан. — Но даже если он это и понял, то явно не держит на нас зла. Посмотри, как он глядит! У него, сдается мне, тоже имеется дело к черной матери Кали.

— Будем считать, что ты прав, — вздохнул Фридугис. — Тем более, что и выхода другого у нас нет.

И он заговорил со Скандой, дабы тот передал их просьбу Гафе.

Сканда слушал долго, вникал в сказанное по нескольку раз, кивал, затем мотал головой, в волнении бегал туда-сюда по поляне. Наконец нехитрая идея Фридугиса обрела надлежащий вид и успокоилась в беспокойной голове Сканды, явно набитой обрывками самых разных и весьма диких представлений о происходящем.

Сканда обратился к идолу:

— Возьми на плечи меня, этого Конана и этого Фридугиса. Хорошо?

Гафа медленно повернул голову и воззрился на Сканду. Тот еще несколько раз повторил эту фразу. Наконец раздался глухой, тягучий голос:

— Хорошо.

Фридугис подскочил на месте, когда его услышал.

— Он еще и говорит?

— Конечно, — прошептал Конан. — Как же иначе Сканда узнал его имя?

— Возможно, Сканда умеет читать мысли...

— Имя плохо передается даже при чтении мыслей, — сказал Конан. — При чтении мыслей хорошо передаются побуждения.

— Это тебя кхитайцы обучили или ты сам додумался?

Конан молча показал Фридугису кулак.

Между тем идол наклонился и протянул приятелям ладони нижней пары рук. Конан забрался на левую ладонь, а Фридугис — на правую. Сканда побежал по телу идола так же легко и свободно, как белка бегает по стволу дерева. Было очевидно, что пастушок уже привык к такому способу путешествий.

Интересно, подумалось Конану, как давно Сканда знает этого Гафу? Если предположить, что пастушку тоже сто зим... Но нет, эту мысль следует отмести сразу. Иначе можно сойти с ума.

Сперва решим одно дело, потом займемся следующим. Нечего забивать голову сразу несколькими вещами.

Сканда что-то верещал, прижав губы к уху идола. Тот слушал, двигая глазами, затем кивнул и зашагал сквозь джунгли.

Он раскачивался на ходу плавно, как слон. Сидя на плече огромной медной фигуры, Конан смотрел, как далеко внизу переставляются толстые ножищи, как перед мощной грудью Гафы расступаются густые заросли.

Затем Гафа приблизился к краю пропасти и начал спуск. Он шел медленно, тщательно выбирая, куда поставить ногу. Сидящим на плечах идола людям пришлось крепко держаться за свою опору, чтобы не свалиться. Фридугис вцепился в руку Гафы изо всех сил, стиснул зубы, закрыл глаза. Бритунец был очень бледен, по его лицу градом катился пот.

— Эй! — окликнул его Конан. — Ведь тебя охраняет алмаз Кали! Или ты больше не надеешься на это?

— Сказать по правде, — прошептал Фридугис, — больше не надеюсь.

— Почему?

— Потому что вы теперь и без меня найдете подземный храм...

— Но алмаз-то у тебя! Неужто Кали не сбережет его?

— Его... а не меня!

— Ладно, — засмеялся Конан, — надейся на меня. Я надежней любой богини. Тут он понял, что изрек двусмысленность, насупился и замолчал. Фридугис, впрочем, был так испуган и подавлен происходящим, что даже не заметил этого.

* * *

И снова они шли через джунгли, на сей раз не своим ходом, а на плечах медного идола. Конана укачало, и он несколько раз засыпал. Фридугис, напротив, не мог спать: он боялся упасть, разбиться или быть растоптанным, и этот страх не позволял ему расслабиться ни на мгновение.

Мимо проплывали зеленые моря. С визгом разбегались обезьянки; сверкая оперением, разлетались перед идолом попугаи и другие птицы. Затем густая растительность закончилась, потянулась полоса выгоревшего леса. Пожар случился здесь не так давно. Жирная земля была покрыта копотью, а стволы дере-

вьев были голыми и обгорели. Почва растрескалась. Лишь несколько травинок успело прорасти наружу, их зелень служила ярким контрастом мертвому запустению.

Идол остановился и опустил руки на землю, помогая людям сойти.

— Неужто это здесь? — с недоумением осведомился Фридугис, озираясь по сторонам.

— Надо спросить, — ответил Конан, зевая. И сам заговорил, обращаясь к медному Гафе: — Мы пришли? Храм Кали — под этой землей?

Он повторял свой вопрос на все лады десятки раз. Первым понял суть дела Сканда. Он подпрыгнул и начал выкрикивать:

— Здесь? Здесь? Мы пришли?

Наконец над выгоревшей пустошью разнесся глубокий глухой голос:

— Это здесь...

Конан уныло огляделся по сторонам. Никаких признаков храма не наблюдалось. Если что-то и сохранялось здесь прежде, сто зим назад, то теперь все окончательно ушло под землю. Одним богам известно, сколько времени уйдет на то, чтобы перевернуть все эти пласты земли и извлечь на свет статую Кали. Что до самоцветов, погребенных вместе с нею, то отыскать их в подобных условиях будет самым настоящим чудом.

Между тем идол наклонился и зачерпнул ладонью землю. Отвалил ее в сторону. Зачерпнул снова.

Сканда бегал вокруг него, махал руками и выкрикивал что-то ободряющее. Идол работал все быстрее. Шесть его рук так и мелькали, гора откинутой земли росла. Конану и Фридугису оставалось только наблюдать за происходящим. Чем они и занялись.

— Очень хочется есть, — сказал Фридугис. — А ты не испытываешь голода, мой варварский друг?

— Испытываю, мой ученый друг, — в тон ему ответил Конан.

Фридугис приподнял одну бровь. Проделывал эту гримасу он просто мастерски.

— В таком случае, почему бы тебе не поохотиться, мой друг?

— Ты полагаешь, в этой пустоши водится какая-нибудь дичь?

— Э-э... — протянул Фридугис. — Может быть, подстрелим птицу?

— Вряд ли Сканда сочтет подобное деяние уместным, — сказал Конан. — В прошлый раз он очень огорчился, когда мы жарили на костре какую-то птицу. Посмотри на его повадки! Он либо считает себя птицей, либо действительно таковой является.

— Что значит — «таковой является»? — удивился Фридугис. — По-моему, обычный полоумный пастушок. Мы уже обсуждали эту тему. В Вендии любят сумасшедших.

— Нет, — Конан медленно покачал головой, — я еще раз все обдумал. Мне кажется, Сканда — не сумасшедший. Напротив, у него вполне ясный рассу-

док. Просто он — не человек. Не человек в том смысле, какой мы вкладываем в это понятие.

— Точнее, пожалуйста, — попросил Фридугис. — Я не успеваю за ходом твоей мысли.

— Ничего особенного. Либо он — человек-птица, либо демон, но не злобный, либо... в общем, что-то в таком роде.

— Может быть, его превратили из птицы в человека? — предположил Фридугис.

— Вот и я говорю: человек-птица, — вздохнул Конан.

Оба уставились на взволнованного Сканду с таким видом, словно тот был призван прояснить для них ситуацию. Впрочем, Сканда совершенно не замечал озадаченности своих спутников. Он тревожно кричал, подскакивал и бегал вокруг работающего идола. Своими повадками он и впрямь напоминал суматошную птицу.

Тем временем идол испустил громкий утробный крик и наклонился над вырытой им ямой. Он пошарил там руками, ухватил что-то и с усилием потащил наверх. Вероятно, добыча была слишком велика и тяжела даже для такого колосса, как Гафа. Он широко расставил свои толстые медные ноги с отчетливо изображенными складками жира, уперся ими покрепче в землю и потянул изо всех сил. Лицо идола оставалось неизменным, все таким же невозмутимым, с блестящими глазами и сжатыми губами. Тяжесть усилия выражала лишь поза. Несколько раз он претерпевал неудачу. Нечто не желало выходить на поверхность. Но Гафа не сдавался. Наконец он громко, отчаянно застонал. Его глухой медный голос разошелся по всей пустоши и отозвался долгим, протяжным эхом. Гафа выпрямился, держа в четырех руках статую богини. Он медленно поднял ее над головой, чтобы подставить солнечным лучам, и статуя засияла ослепительным солнечным блеском.

В отличие от Гафы, статуя вовсе не была живой. Это было именно изображение богини, но не сама богиня. Во всяком случае, пока. И Конан в глубине души надеялся, что так оно и останется. Два оживших вендийских идола на одного киммерийца — это было бы чересчур.

Победно закричав, Гафа со статуей в руках зашагал по пустоши. Он отошел чуть в сторону от ямы и утвердил свою добычу на горе земли, которую набросал, когда откапывал засыпанное подземное святилище. Затем сложил руки в разных молитвенных положениях: прижав ладони одна к другой, особым образом расположив пальцы, переплетя указательные пальцы и отставив мизинцы. И так, в умоляющей позе, чуть наклонив голову и изогнув могучее тело, застыл перед статуей.

Сканда же начал плясать. Из горла пастушка вырывались непроизвольные вскрики, когда он подпрыгивал или выделывал какое-нибудь особенно сложное па. Затем крики эти превратились в пение — пронзительное, немелодичное, терзающее слух пение, в котором, однако, слышалось торжество. Сканда славил грозную богиню с младенческими черепами на поясе.

Солнце ослепительно сверкало на теле статуи, так что смотреть на нее было больно. Тем не менее Фридугис оценил качество работы неизвестного древнего мастера, который создал это изваяние в незапамятные времена. Изящество и четкость линий поражали, точность позы сводила с ума. Казалось немыслимым, чтобы статуя могла замереть в подобном положении и сохранять при том равновесие. И тем не менее это было!

— Давай спустимся под землю, — предложил Конан. — Поищем самоцветы. Вдруг нам повезет?

Его практическое замечание вырвало Фридугиса из мира восторженных грез. Он оторвал взор от статуи и уставился на загорелое лицо киммерийца.

— Разве не стоит сперва покончить с нашим делом? Я думал, мы для начала вернем статуе алмаз, а уж потом...

— Нет, — сказал Конан. — Подумай сам. Пока алмаз у тебя, все будет сохраняться в относительном равновесии. Гафа, наш гигантский медный друг, останется в молитвенной позе перед статуей Кали, Сканда, еще один наш странный друг, будет плясать и петь, а Кали, наша добрая черная мать, в виде золотой статуи будет безмолвно сверкать на солнце. Очень хорошая, мирная картина. Ты можешь предсказать, каким образом она изменится, когда ты вернешь ей алмаз? Не можешь. И я не могу. Я только знаю, что в стране, где оживают статуи, у нас чрезвычайно мало времени на поиск сокровища для себя.

— Убедил! — воскликнул Фридугис.

И оба спустились под землю.

Гафа действительно откопал подземное святилище. То самое, куда сто зим назад пришли четверо британцев, влекомые отчасти алчностью, а отчасти — обычным человеческим любопытством.

Здесь сохранились обломки древних барельефов. Они все еще были раскрашены. Конан споткнулся о человеческий скелет. Несомненно, то были останки Агобарда или Турониса, одного из двоих спутников Хейрика, что погибли в подземном храме. Фридугис тоже заметил белые кости и вздохнул.

— Как бы и нам с тобой здесь не остаться...

— Вот уж о чем я помышляю меньше всего! — огрызнулся варвар. — Смотри хорошенько под ноги. Мы должны отыскать хотя бы горсточку самоцветов.

Конан наклонился. Так и есть! Среди костей лежал туго набитый кожаный кошель. Он был покрыт плесенью, но все же сохранился в целости. Киммериец поднял его, и вещица развалилась прямо у него на ладони. Внутри все еще находились самоцветы. Те самые, которые успел собрать Туронис перед тем, как погибнуть.

— Спасибо, дружище, — обратился к нему Конан. — Надеюсь, твой путь к богам был легким, а то, что ожидало тебя в конце этого пути, — приятным...

Скелет чуть пошевелился... или Конану это только почудилось? В любом случае, череп слегка переменил положение. Конан решил считать подобное

хорошим знаком. Он дружески кивнул скелету и пошел дальше. Найденные самоцветы он крепко сжимал в ладони.

Они с Фридугисом спустились чуть ниже. Здесь сохранилась каменная кладка. И перекрытия еще оставались в целости, хотя задерживаться в этом помещении долго ни у одного из приятелей намерения не было.

— Смотри! — сказал Конан, который хорошо видел в темноте.

Фридугис прищурился, напрягая зрение. Киммериец показывал ему на большую корзину, сплетенную из ивовых прутьев. Там находилось несколько гибких белых тонких веток. И только присмотревшись, Фридугис понял, что это — скелеты издохших здесь змей. Сокровища Кали охраняли кобры!

К счастью, ни одна из них не уцелела после того, как храм обрушился. Зато камни сохранились в неприкосновенности. Сотни изумрудов, рубинов, топазов. Их грани тихо светились даже в подземной тьме.

— Возьмем сколько сможем, — предложил Конан. — Не будем жадничать. Да и времени у нас мало.

Фридугис молча взял корзину и посмотрел на Конана.

— Я готов возвращаться, — объявил он.

Конан засмеялся.

— Если она не прогнила и не рассыплется, то считай, что нам повезло.

Они двинулись обратно. Конан спешил. Нехорошие предчувствия охватили его. Как будто приближалось нечто дурное, отвратительное, с чем придется сражаться. Фридугис, напротив, был весел и бодр.

Добравшись до выхода из подземелья, бритунец первым делом поставил на край ямы свою корзину с драгоценностями. Камней там было достаточно, чтобы обогатить несколько человек и обеспечить им безбедное существование до конца их дней; однако все же не так много, чтобы корзина сделалась неподъемно тяжелой, так что один человек без труда с нею управлялся.

Затем Фридугис выбрался наружу сам. Когда Конан ухватился за край ямы, чтобы выскочить из нее, Фридугис повернулся и с силой ударил своего спутника ногой в лицо.

Конан от неожиданности разжал пальцы и повалился на дно ямы.

— Сиди! — со смехом крикнул ему Фридугис. — Нечего тебе делать среди цивилизованных людей, варвар! Неужто ты рассчитывал выбраться отсюда, да еще с моим богатством? Нет! Я владею им единолично.

Конан молча полез обратно, но Фридугис вынул из кошеля алмаз Кали и показал его медному идолу.

— Гафа! — повелительным тоном произнес Фридугис. — Я желаю, чтобы этот назойливый человек оставался в яме. Можешь убить его, если он окажется чересчур несговорчивым.

Конан заскрежетал зубами. Медный Гафа приблизился к яме и попросту уселся на нее. Стало темно. Никакой надежды сдвинуть медную тушу у киммерийца не было. Он решил поискать другой выход из подземелья, хотя надежда найти таковой была крайне мала.

Драгоценности, которые Конан забрал у Тугониса, по-прежнему оставались у него. Киммериец сунул их в свой кошель и тщательно затянул завязки. Хотя бы малое утешение, подумал он. Впрочем, Туронису они ничуть не помогли. Не хотелось бы разделить участь молодого бритунца, погибшего здесь сто зим назад.

Конан осторожно двинулся по подземному ходу. Он миновал сокровищницу, где больше не оставалось ни кобр, ни корзин с драгоценностями. Тоннель действительно тянулся дальше под землю. И, поскольку выхода другого не оставалось, Конан направился туда.

Дорога постоянно шла под уклон. Киммериец все глубже опускался под землю. Толща почвы давила на него почти физически: он ощущал, как над ним растут деревья, как глина и песок над этими камнями, укрепляющими своды, пропитываются влагой и порождают мириады травинок. И сам Конан превращался в некое одушевленное растение, ведущее под землей свое странное уединенное существование...

Он видел сплетенные над головой корни деревьев. Они проросли даже сквозь каменную кладку и свисали, точно лианы. Да, именно так: лианы подземного царства. Лианы, которые никогда не цветут и не знают солнечного света. Казалось, этому пути не будет конца. Конан вел пальцами по стене и ощущал резьбу: даже здесь неведомые древние мастера украсили камень. Странно — ведь никто бы этой резьбы все равно не увидел!

Впрочем, отчего же так? В незапамятные времена, когда этот храм находился посреди города и был объектом почитания многих верующих, поклонников богини Кали, наверняка имелись и здесь свои источники света. Факелы — быть может. А может быть, и световые колодцы в потолке.

Нужно только отыскать хотя бы один из них.

Недолго думая, Конан вытащил из ножен меч и начал тыкать в потолок. Ему пришлось заниматься этим странным делом довольно долго, но наконец его усилия увенчались успехом. После однообразного звона, который издавал металл, соприкасаясь с камнем, послышался глухой звук: острие меча вошло в мягкую почву. Здесь имелось отверстие. Нужно только убрать наносы земли и песка. И киммериец принялся за дело. Сперва ему требовалось соорудить подставку, чтобы дотянуться до колодца. Чтобы не потерять нужное место, он вонзил в землю над головой меч и оставил его висеть. После чего начал выворачивать из стен камни. Он знал, что это обрушит часть коридора, но не боялся этого. Главное — над головой у него есть выход.

Камень поддался усилиям могучего варвара. Конан слышал, как трещат корешки растений, успевших оплести камень за сотни зим. Но в конце концов мощь человека одолела даже мощь природы. Конан докатил камень до нужного места, поднялся на него и принялся разрывать потолок. Земля сыпалась ему на голову, заставляя кашлять и зажмуривать глаза, но это обстоятельство ни в коей мере не замедлило работы. Варвар копал, как одержимый. Он рвался наверх, к свету и свободе. Фридугис еще заплатит ему за свое вероломство!

Глава десятая
Возвращение Кали

Тем временем Фридугис напрочь забыл о киммерийце, которого он только что обрек на голодную смерть в подземелье. Фридугис вообще не мог припомнить, с кем он пришел сюда. Он знал одно: он доставил алмаз богине Кали и за это получил в награду все ее сокровища. Все, что еще уцелели за века забвения. Это было прекрасно.

Теперь, как понимал Фридугис, он обязан приблизиться к статуе и вставить алмаз в отверстие во лбу богини. В ее прекрасном нахмуренном лбу. Ибо без третьего глаза Кали плохо видит. Ей просто необходим этот алмаз!

Медный идол по имени Гафа и странный человек-птица по имени Сканда наблюдали за тем, как Фридугис медленно приближается к статуе. Ожидание застыло на подвижной мордочке Сканды. Он был похож сейчас на ребенка, которому обещали замечательный подарок. Долго рассказывали, каким чудесным будет этот подарок, долго намекали — чем именно он окажется. И вот желанный, долгожданный миг настал!

Гафа же оставался по-прежнему неподвижным. У него не было мимики. Разве что в глубине его глаз вдруг вспыхнула искорка человечности, но она погасла прежде, чем Фридугис успел ее заметить.

Впрочем, британец сейчас не замечал решительно ничего, кроме манящей золотой статуи.

Богиня перестала казаться ему страшной или грозной. Она призывала его ласковой материнской улыбкой.

Да разве она не была его истинной матерью? Разве она не хранила его во всех испытаниях? Разве не подарила ему полную корзину самоцветов? Так неужто он не сделает для нее такой малости, не отдаст ей алмаз?

Фридугис даже засмеялся при этой мысли. Ему было радостно и легко. Он подбежал к богине и простерся у ее ног. Она взирала на него благосклонно. Она даже чуть наклонила голову, чтобы ему удобнее было вставлять алмаз.

Восхищенный Фридугис вынул алмаз и показал богине. Блики засияли по всему золотому образу Кали, как бы наполняя ее радугой. Она светилась. Медленно Фридугис поднес алмаз ко лбу статуи и вложил его на место.

И статуя поглотила свет. Теперь она вся сверкала нестерпимым белым сиянием, точно была охвачена неземным огнем. У Фридугиса страшно заболели глаза, как будто прямо ему в зрачки ткнули острыми иглами. Он зажмурился и закричал от боли. Кали не слышала его. По джунглям разнесся ее смех. Это был глубокий, гортанный женский голос, в котором звенели серебряные нотки. Удивительный, нечеловеческий голос, пробирающий до самых костей!

Кали выпрямилась, стоя на носках. Затем подняла ногу и согнула ее в колене. Сменила положение рук. Начался поразительный по красоте танец. Бедра

богини извивались, и пояс в виде младенческих черепов колыхался, обвивая ее талию. Она пела самой себе, не разжимая губ, и этот звук заполнял все пространство вокруг богини. Фридугис едва мог дышать, но Кали не замечала его.

Она поднимала над головой руки и тщательно перемещала пальцы, создавая различные их комбинации. Мир вокруг нее изменялся. Выгоревшая пустошь медленно заполнялась растительностью. Из земли ползли извивающиеся, как змеи, гибкие стволы деревьев. Они застывали и делались толстыми, они покрывались корой, из их веток стремительно выходили листья. Затем началась «эпоха цветов». Бесчисленное множество цветов всех оттенков розового, беловато-желтого, голубоватого, фиолетового. Лепестки были повсюду: на листьях, на земле, на голове богини, на ее гладких плечах. Привлеченные ароматом, налетели насекомые, и сразу же вслед за ними — бесчисленные яркие птицы.

В глазах рябило. Впрочем, Фридугис почти ничего не видел — боль по-прежнему не отпускала его. Он услышал громкий крик павлина. Раскрыв хвост и горделиво подняв увенчанную короной голову, огромный павлин важно шагал навстречу Кали. Богиня простерла к нему руки — это движение выглядело как часть ее танца — и павлин взошел на золотую ладонь.

— Сын мой! — громко возгласила богиня. — Сканда! Приди ко мне!

Павлин потоптался на месте, несколько раз открыл и раскрыл великолепный веер хвоста, а затем подпрыгнул и приземлился на ладонь золотой матери в виде стройного мальчика, подростка в золотых доспехах. На нем был шлем с высоким гребнем, сверкающий панцирь с шипами на плечах, на бедре его висел меч, за спиной торчал боевой лук.

Лицо мальчика в точности повторяло черты Кали, оно было таким же воинственным и свирепым.

— О, Сканда! — сказала ему Кали.

Сканда засмеялся, спрыгнул на землю и поклонился своей матери, а затем пустился бежать, испуская на бегу ликующие вопли.

— Кали! Кали вернулась! Кали! Кали вернулась к нам! — слышалось из глубины джунглей.

С медным идолом произошла другая перемена. Когда Кали обратила на него свой третий глаз, из алмаза вышел длинный ярко-синий луч. Этот луч был направлен прямо в середину лба медной фигуры. На миг голубое сияние охватило идола. Он весь был объят пламенем, а когда все погасло, Фридугис сумел разглядеть у толстых медных ног темное человеческое тело. Идол сидел неподвижно в странной позе, сложив искалеченные руки в молитвенном положении. Жизнь больше не присутствовала внутри его мощной медной фигуры.

Зато человек, извлеченный синим лучом третьего глаза Кали, был жив. Он застонал и отполз подальше от идола. Кали, впрочем, не обратила на него внимания. Она продолжила танец, и теперь — Фридугис догадывался об этом каким-то странным чутьем, — этот танец имел самое прямое отношение к бывшему хранителю алмаза.

Фридугис упал на колени и закрыл лицо руками. Вся его поза выражала полную покорность судьбе, что бы ему ни уготовило будущее.

* * *

Конан стремительно бежал через джунгли. Он мчался туда, откуда доносились странные звуки: громкое пение, крики, воинственный звон доспехов.

Именно там сейчас происходило все самое главное — то, ради чего Фридугис проделал столь долгое путешествие. Да и Конан, если признаться, — тоже.

Варваром двигало отнюдь не любопытство. Он желал во что бы то ни стало разобраться с коварным британцем. До последнего Конан считал Фридугиса вполне приличным человеком. То есть таким, который, ограбив чужую сокровищницу, непременно поделится с компаньоном.

Конан мысленно проклинал себя за доверчивость. Следовало уже привыкнуть к тому, что самые благородные с виду люди преображаются, стоит им увидеть золотые монеты или россыпь драгоценных камней.

Фридугиса же соблазнила не только жадность, но и власть: он вообразил, будто может теперь повелевать самой богиней Кали, коль скоро алмаз у него в руках. Что ж. Пора рассеять хотя бы одно из заблуждений этого несчастного. Даже если Кали и повинуется ему, то сказать то же самое о Конане-киммерийце Фридугис никак не сможет.

Конан фыркнул. Забавное же будет лицо у британца, когда тот увидит передо собой мстителя-варвара! Что ж, все имеет свою цену, и коварство не является в данном случае исключением. Фридугис заплатит за все сполна.

Когда Конан выбежал на поляну, он не узнал местность.

Кругом буйно цвела пышная тропическая растительность. Воздух был полон волшебных ароматов, густых и сладких. Кругом гудели деловитые насекомые, заливались райские птички, чьи перья сверкали ярче самоцветов.

А посреди поляны медленно танцевала золотая статуя богини. Алмаз сверкал в ее лбу, и вся фигура гигантской женщины была залита переливающимся светом. Маленький юноша-воин стоял на плече у своей матери; на шлеме его красовался гребень, напоминающий по форме корону, что украшает голову павлина. Доспех его был усыпан круглыми павлиньими «глазками», вроде тех, что сияют на хвосте этой роскошной птицы.

Медный идол валялся в безжизненной позе, и при взгляде на него Конан сразу понял, что это существо — чем бы оно на самом деле ни являлось, — больше никогда не пошевелится: то, что одушевляло массивную фигуру неведомого божества, навсегда покинуло ее.

Фридугис стоял на коленях перед Кали, опустив голову. Богиня приближалась к нему с каждым новым движением своего замедленного танца. Британец как будто не понимал, что сейчас она наступит на него тяжелой ступней и раздавит... Или, того хуже, схватит своими мощными руками и разорвет на части.

Прекрасное гневное лицо богини оставалось неподвижным, но Конан, наблюдавший за ней со стороны, каким-то образом понимал ее намерения. Она предвкушала скорое пролитие крови. Она стосковалась без живой крови, которой, должно быть, в прежние времена щедро кормили ее жрецы.

И Фридугис, который принес зловещей богине ее чудесный алмаз и позволил ей ожить, окажет своей повелительнице эту последнюю услугу.

— Кром! Она полностью подчинила его себе! — прошептал Конан. Он покачал головой: — В любом случае, если даже он предатель, я не позволю какой-то богине расправиться с ним. Это — мое право, и только мое. Я не намерен уступать месть другому!

Фридугис начал раскачиваться, как кобра, зачарованная флейтой факира. Он тянул руки к танцующей Кали.

Сканда, стоя на плече своей матери, весело смеялся. Он вел себя как ребенок или безумец, и в этом радостном смехе Конан вдруг угадал прежнего пастушка, который то бегал по джунглям, то вдруг начинал говорить загадками, а то погружался в безмолвие и держался как умалишенный.

Корзина с драгоценностями так и стояла возле выхода из разрушенного подземного храма. Рядом с безжизненным идолом.

Конан осторожно переместился поближе к ней, стараясь держаться в тени. К счастью, Кали была полностью поглощена своим танцем и не замечала происходящего вокруг. Вероятно, богиня полагала, что врагов у нее быть не может. Не здесь, не возле ее древнего святилища.

Что ж, золотую госпожу с алмазом во лбу ожидает крупное разочарование.

Свет и тени переливались так причудливо, что движущаяся бесшумно фигура варвара, хоть и массивная, была почти совершенно незаметна.

Только очутившись возле корзины, Конан обнаружил рядом с медным идолом человека. Живого человека. Судя по внешности — вендийца. Очень уставшего и какого-то серенького. По прежнему опыту Конан знал, что подобный цвет лица бывает у старых узников, либо у смуглых людей, переживших сильный страх.

— Эй, — шепотом окликнул его Конан.

Вендиец подпрыгнул от неожиданности и посерел совершенно.

— Не бойся, — сказал ему Конан. — Меня зовут Конан. Давно она тут выплясывает?

Кивком головы он указал на Кали.

Вендиец дернул углом рта.

— Я Гафа, — сказал он, невнятно выговаривая звуки. Было ясно, что он отвык разговаривать.

— Гафа? Погоди-ка... — Конан нахмурился. — Ты был с этими... с бритунцами? Сто зим назад? Хейрик, Туронис?.. Как там звали прочих, не помню... Да? Мне об этом рассказывали.

— Да, — сказал Гафа. — Сто зим? Не верится!

— Где же ты провел все это время?

— Я принадлежал идолу.

Конан посмотрел на медный жирный бок. Поморщился.

— Так они оставили тебя на милость этого красавца, а он понял все буквально и забрал тебя к себе? — Киммериец покачал головой. — Воображаю, каково тебе было!

— Не хуже, чем всегда, — выдавил Гафа.

Богиня между тем приблизилась к Фридугису почти вплотную. Конан посмотрел на то, что творилось на поляне. Сейчас или никогда! У него еще оставался шанс дождаться смерти Фридугиса, забрать корзину, навьючить ее на безропотного Гафу и покинуть это место богатым и счастливым.

Но... счастливым ли? Заслужил ли Фридугис того, что с ним сейчас произойдет? Даже если британец на мгновение поддался алчности, не отменяет того обстоятельства, что он спас Конана от ядовитой крови убитого монстра. Да и позже вел себя вполне достойно.

Конан взял из корзины крупный рубин, подбросил его на ладони, а затем метко бросил в Кали. Камень, отскочив от золотого тела статуи, громко зазвенел и упал на землю. Второй камень, поменьше, угодил во Фридугиса. Британец вздрогнул всем телом. Боль привела его в чувство. И не только: она вызвала в нем воспоминание. Точно так же Конан кидался в него камнями на подвесном мосту, когда Фридугисом овладела паника...

Воспоминание пришло очень вовремя. Фридугис поднял голову и увидел над собой занесенную для последнего удара ногу статуи. Свет изливался с нее потоками, он стекал, точно вода. Это было красиво — и страшно.

Британец вскочил и отбежал в сторону, громко крича:

— Нет! Нет!

Конан вылетел из своего укрытия, как разъяренный демон. В его руке сверкал меч.

— Фридугис! — заорал киммериец. — Сюда!

Британец шарахнулся от нового явления: ему почудилось, будто он видит перед собой грозного мстительного духа. Фридугис не помнил, что именно случилось с Конаном, — в подземелье британец действовал, не вполне отдавая себе отчета в своих поступках. Однако остатки воспоминаний настойчиво твердили ему о том, что в последний миг Фридугис, повинуясь приказаниям Кали, предал своего спутника. Рассуждать, впрочем, было некогда. Равно как и гадать. Кем бы ни был этот гигант, выскочивший из джунглей и ревущий яростным голосом, ему следовало повиноваться. И Фридугис бросился в укрытие. Он спрятался за тушу медного идола. Конан между тем вышел вперед и встал перед танцующей богиней.

— Сразимся? — предложил он и поднял меч.

Кали медленно перевела взгляд на дерзкого человека. Голос ее загудел на весь лес:

— Мне? Сражаться с тобой, ничтожный? Отдай мне то, что мое, и уходи!

— А что твое? — спросил Конан.

— Человеческая кровь! — ответила богиня. — Я голодна.

— Я намерен остановить тебя, — сказал Конан.

Сканда спрыгнул с плеча своей матери и встал перед варваром.

— Бейся, — сказал божок.

И Конан сделал первый выпад.

Сканда без труда отразил его. Запрокинув голову, он засмеялся серебристым смехом. Джунгли отозвались птичьим пением. Казалось, все вокруг ликует, глядя на поединок божества, закованного в латы, и полуодетого человека.

Что ж, Конану не впервой было одолевать противника, который не только превосходил его силой или умением, но и обладал магической защитой.

Раз за разом Конан бросался в атаку, и всегда Сканде удавалось отвести меч киммерийца. Божок был невероятно ловок. Он уворачивался, отскакивал, а если уйти от удара не удавалось — смело подставлял свой короткий кривой меч. Щит он отбросил в сторону: массивный и очень красивый, в настоящем сражении этот щит только мешал, затрудняя движения.

Конан начал задыхаться, между тем как Сканда продолжал хохотать и вертеться перед глазами, точно уж. Странным показалось Конану и то обстоятельство, что сам Сканда не атаковал. Очевидно, божок намерен прикончить своего дерзкого соперника одним-единственным последним ударом, дождавшись, пока Конан выдохнется.

А может быть... Конан похолодел. Ну разумеется! Сканда вовсе не собирается его убивать. Он хочет нанести человеку такое увечье, чтобы богиня Кали получила наконец возможность выпить из него, живого, кровь и утолить свою вековую жажду. Вот и причина для столь странного поведения Сканды.

И Конан удвоил усилия. Он метил своему сопернику в глаза. Других уязвимых мест на теле Сканды попросту не было.

А Сканда применил новую хитрость. Теперь он постоянно менял рост. Становился то выше, то ниже; иногда он был не больше карлика, а то вдруг вырастал почти в великана. И все время смеялся. Этот смех утратил прежнюю детскую жизнерадостность, теперь он звучал назойливо и казался совершенно неестественным. Конан вдруг понял, что хохот божка выводит его из себя.

Рыча от ярости, киммериец взмахнул мечом... и голова Сканды покатилась по земле. Конан целил, как и намеревался, в глаза, однако Сканда опять изменил свой рост, и острие варварского меча перерубило шею.

Тело существа в чешуйчатом доспехе застыло на месте. Оно стояло неподвижно в той позе, в какой застигла его смерть: одна рука изогнута в изящном жесте, другая, с мечом, чуть отведена назад для очередного удара. Голова Сканды в шлеме лежала на краю поляны.

Пение Кали сделалось яростным. Богиня шагнула навстречу убийце своего сына. Конан понимал, разумеется, что совершенно убить Сканду ему не удалось. Боги никогда не погибают истинной смертью. Но на время киммериец изгнал дух божества из красивого вместилища, где тот обретался. И этого вре-

мени, как надеялся Конан, будет достаточно, чтобы киммериец и его спутники успели унести из Вендии ноги.

Кали между тем надвигалась на Конана, гневно двигая руками. Ее пальцы сжимались и разжимались, как бы предвкушая, что тело дерзкого человека вот-вот хрустнет в ее кулаке. Киммериец, тяжело дыша, поднял меч. Он готовился дорого продать свою жизнь.

И тут целый град камней обрушился на богиню. Фридугис и Гафа хватали из корзины гигантские изумруды и рубины и бросали их в статую Кали. Разумеется, причинить ей серьезный вред они не могли, но этот град отвлекал ее от главного противника, подобно тому, как жалящие мошки раздражают коня и мешают ему выполнять приказания всадника.

Испустив воинственный клич, Конан кинулся на богиню. Он знал, что ему делать. Теперь знал.

Схватив рукоять меча обеими руками, Конан высоко занес его над головой и, подпрыгнув, ударил прямо по алмазу, пылавшему во лбу Кали.

Если бы Кали не отвлекалась на осыпающий ее град драгоценных камней, она никогда не пропустила бы этого удара. Но Фридугис с Гафой сделали свое дело: они дали Конану шанс, и киммериец не упустил его.

Раздался ужасающий звук.

В нем смешалось все: пение стали и звон разбивающегося камня, вопль отчаяния и яростный боевой клич, в котором звучало обещание мести...

Алмаз изменил цвет. Он покраснел, налился темной кровью. Сияние, исходившее из камня, сделалось багровым, по золотому телу богини потекли кровавые потоки.

Шатаясь, она сделала еще несколько шагов, нагнулась в последней попытке схватить киммерийца — и застыла. Золото начало стремительно тускнеть, покрываться пыльным налетом. Багровый цвет сменился коричневым, алмаз во лбу статуи погас, как гаснет око хищной птицы после того, как в нее вонзится стрела. Голос, выходивший из чрева статуи, сделался глухим, а затем и вовсе замолчал. Еще несколько мгновений — и золотая статуя исчезла. Вместо нее перед Конаном лежала гора сырой бесформенной глины. Где бы ни находилась сейчас сущность богини Кали, на этой поляне, в сердце вендийских джунглей, подле старого заброшенного храма, ее явно больше не было.

Гафа и Фридугис, помедлив, выбрались из своего укрытия и приблизились к киммерийцу. Конан повернулся навстречу им.

— Вот и все, — с нарочитой небрежностью молвил варвар. — А говорят, будто на богов управы нет. Добрая сталь победит все что угодно. Я всегда это утверждал, клянусь Кромом!

Фридугис не знал, смеяться ему или плакать.

— Мы спасены! — проговорил наконец британец. — Конан! — Он с неожиданной опаской посмотрел на киммерийца. — Я не помню... мне кажется сейчас, что я совершил по отношению к тебе предательство... Если это так, то...

Конан пожал плечами.

—. Полагаю, ты сам не понимал, что делаешь. Эти боги бывают на удивление назойливы. Заберутся в твои мысли и начинают помыкать свободным человеком, точно рабом. Забудь.

— Да я еще и не вспомнил — как мне забыть? — засмеялся наконец Фридугис. Усталость навалилась на него, и британец уселся прямо на землю. — Я бы поспал, — сказал он. — Да, кажется, нам лучше поскорее уйти отсюда. Только соберем сокровища.

Конан и Фридугис принялись оглядываться по сторонам. И в самом деле! Ведь здесь должны сверкать изумруды, рубины, топазы, сапфиры, другие чудесные самоцветы, и ограненные, и гладкие, лишь слегка отполированные... Где же они?

— Глянь в корзине, — посоветовал Конан. — У меня почему-то дурное предчувствие.

Гафа, повинуясь жесту британца, принес корзину, где прежде хранилась сокровищница Кали. Точнее — часть ее сокровищницы, ибо основные богатства, вероятно, скрывались в местах, недоступных человеку.

Фридугис схватил корзину и перевернул ее. На траву высыпалась все та же глина... Конан развел руками.

— Что ж, боги на то и боги, чтобы насмехаться над людьми! — философски заметил киммериец. — Я не встречал еще богов, которые играли бы честно с нами, простыми смертными. Будь я богом, я бы, наверное, поступал бы точно так же. Устанавливал бы правила — и изменял бы их по собственному усмотрению.

— В конце концов, — усилием воли справившись с болезненным разочарованием, проговорил Фридугис (голос его звучал на удивление ровно и спокойно!), — богиня Кали ничего мне не обещала. Она лишь требовала назад свое имущество, только и всего.

Конан покосился на Фридугиса, крайне недовольный тем обстоятельством, что британец слишком быстро обрел былую невозмутимость и даже не обратил внимания на скрытую похвальбу варвара: он-де, Конан, не раз общался с богами и изучил их повадки как никто другой!

Зато Гафа отреагировал иначе. Робко коснувшись плеча варвара, он проговорил:

— Ты видел и других богов, господин?

— Видел — и ничего хорошего они собой не представляли, — буркнул Конан. — Кстати, я тебе не господин. Твой хозяин — вот он, Фридугис. А лично я не намерен обременять себя прислугой. Другое дело — британец. Ему, кажется, просто необходим человек, способный починить ему штаны или почистить сапоги.

Фридугис мельком оглядел свою одежду и выразил согласие с предложением Конана.

— А кроме того, я унаследовал тебя вместе с алмазом после бедняги Хейрика, — добавил Фридугис, хлопая бедного Гафу по плечу. Он видел, что вендиец

совершенно растерялся, но что такое огорчения человека, сто зим просидевшего в теле медного идола, по сравнению с расстройством богатого чудака, только что утратившего несметные сокровища Кали!

* * *

Путники расставались спустя луну возле моря Вилайет. Фридугис с Гафой направлялись дальше на запад, в Бритунию. Фридугису не терпелось засесть за работу: план будущего трактата уже полностью сложился у него в голове. По правде говоря, Фридугис успел утомить Конана своими восторженными рассказами о том, как будет в грядущем сочинении подана тема оживающих идолов, и под каким неожиданным углом Фридугис намерен смотреть на проблему неприязни к чужестранцам в маленьких городках Вендии.

Гафа не отходил от Фридугиса ни на шаг: он словно боялся, что его бросят по дороге за ненадобностью. Конан замечал потуги бедного вендийца быть полезным и сообразительным; Фридугис же не обращал на страхи своего нового слуги никакого внимания.

В конце концов при расставании Конан сказал Гафе — уже наедине:

— Перестань бояться. Даже если Фридугис выгонит тебя, ты не пропадешь. Кругом живут люди. Всегда найдется работа, а не сумеешь работать — сумей украсть. Дело нехитрое.

Гафа вздохнул:

— Очень уж кругом все широко и просторно. Да и размер у меня теперь маленький. А я привык быть огромным... Да и вообще... — Он понизил голос, как будто вознамерился выдать какой-то очень важный секрет. — Мир кругом поменялся. Я примечаю. Одежда другая и говорят немного иначе... И обычаи — тоже.

— Да ладно тебе! — Конан махнул рукой. — Люди всегда и везде — просто люди. А деньги, Гафа, всегда и везде — просто деньги. Я тебе одну штуку подарю, только ты ее никому не показывай. Храни при себе на черный день. Конечно, я не думаю, что Фридугис тебя когда-нибудь прогонит, но тебе, я знаю, с этой штукой будет спокойнее.

И Конан сунул ему в руку крупный рубин.

— Это твое. Не продашь — так сбереги на память.

Гафа сунул камень за пазуху и вдруг расцвел широченной улыбкой.

— Прощай, киммериец!

— Прощай, — буркнул Конан.

Фридугис, подойдя, хлопнул киммерийца по плечу.

— Что ты дал моему Гафе, коль скоро он заулыбался? Что-то я прежде не видел его таким радостным.

— Я подарил ему лучшее, что только может дать доброжелатель, — ответил варвар. — Добрый совет.

— Когда ты станешь королем, я постараюсь добиться для себя назначения посланником в твою страну, — сказал Фридугис.

— Польщен, — ответил Конан и расхохотался.

На том они расстались. Фридугис со своим слугой двинулись дальше, а Конан зашагал к известному ему поселку на берегу моря Вилайет. Киммериец намеревался провести там некоторое время. Передохнуть, обзавестись лошадью, обновить сапоги... Он помышлял о предстоящем путешествии — в Стигию или в Черные Королевства, как получится.

Хоть драгоценности, которые хранились в кошеле Туроииса и которые до сих пор в неприкосновенности лежали у Конана за пазухой, и имели большую ценность, киммериец не думал, что их хватит ему надолго. Самое большее — на полгода. Так что на спокойное житье рассчитывать ему не приходится.

Беспокойные мертвецы

Всем известно, что его величество король Аквилонии Конан ненавидит всякого рода магию. Какие-нибудь целительницы-травницы, которые умеют ставить припарки и лечат простуду травяными настоями, — еще куда ни шло, но заклинания, вызывание духов и прочее каралось у него быстро и беспощадно. Поэтому судья Геторикс некоторое время колебался, прежде чем обратиться к королю за советом.

Геторикс, молодой мужчина с густыми светлыми волосами и аккуратно подстриженной бородой, был назначен судьей всего полгода назад и рассматривал это как большую честь для себя. Перед Конаном он робел, что, впрочем, было естественно: король многим внушал трепет своей массивной мускулистой фигурой, копной черных волос и пронзительными синими глазами.

Это был человек, много переживший, многое повидавший, по-своему справедливый и в иных случаях весьма скорый на расправу. Он был гневлив и в гневе необуздан и страшен; однако тот же Конан умел быть внимательным и серьезным. Геторикс вошел в зал приемов и поклонился, не доходя десяти шагов до трона, на котором восседал король.

— Говори, — велел Конан. По голосу его величества Геторикс понял, что король утомлен.

— Я в затруднении, — начал судья, — и боюсь вынести несправедливый приговор. А поскольку все смертные приговоры в Аквилонии выносятся именем вашего величества...

— Я знаю. К делу, — перебил Конан. — Не отнимай у меня лишнего времени.

— Прошу прощения. — Геторикс поклонился и отступил на шаг. — Один человек, подданный вашего величества, житель Тарантии по имени Грумент обвиняет некую женщину по имени Корацезия в том, что она колдовством извела его отца, почтенного жителя Тарантии по имени Грумент-старший.

Геторикс задохнулся и замолчал. Слишком много имен, сведений и эмоций вложил он в эту длинную фразу. Король сдвинул густые брови, обдумывая услышанное. Затем заговорил:

— Грумент говорит, будто Корацезия извела его отца колдовством?

— Именно так, ваше величество, — поклонился Геторикс. — Ваше величество абсолютно правильно понимает суть проблемы.

— Не вижу никакой проблемы, — болезненно поморщился король. — И не вижу, — продолжал он, повышая голос, — причин беспокоить меня подобной ерундой! Если Корацезия — ведьма, то ее нужно сжечь! В Аквилонии все смертные приговоры отдаются от имени моего величества, как ты справедливо заметил, почтенный Геторикс. Пусть твоя совесть будет чиста. От имени моего величества ты можешь сжечь эту Корацезию на костре или утопить ее в мешке с живыми кошками — как тебе захочется. Потому что ведьме нечего делать в Тарантии.

— В том-то и проблема, — Геторикс отступил еще на шаг, опасаясь королевского гнева (и не без оснований, насколько он знал по рассказам других).

— В чем? — Конан чуть приподнялся на троне.

— Корацезия наотрез отказывается признавать свою вину.

— Естественно! — фыркнул Конан. — Она ведь трясется за свою шкуру.

— Нет, господин. Она утверждает, что невиновна. Что ей лучше умереть, чем признаться в преступлении, которое она не совершала.

— Вот как? — Конан поднял брови. — Есть ли причина?

— Да, ваше величество. У Корацезии есть маленькая дочь.

— И нет мужа? — проницательно добавил король.

— Именно! Ваше величество глубоко проникает в суть вопроса.

— Не вижу вопроса, — фыркнул Конан. — Все ведьмы рано или поздно обзаводятся дочками, которые никогда не знают, кто их отец.

— В данном случае все обстоит немного по-другому, ваше величество. У Корацезии был супруг, но он умер прошлой зимой, — возразил Геторикс. — И женщина не хочет, чтобы ее репутация ведьмы погубила жизнь ее маленькой дочери. Понятное дело, если Корацезия будет осуждена как колдунья, то ее дочери в дальнейшем придется очень несладко. Она будет вынуждена либо избрать это предосудительное ремесло и поступить в ученицы к какой-нибудь бабке...

— Сомневаюсь, чтобы ей удалось сделать это в Тарантии, — перебил Конан.

— Именно, ваше величество. В противном случае, девочка-сирота окажется в конце концов на панели. Поэтому ее мать предпочитает не признаваться в наведении злых чар, которые и привели к прискорбной кончине господина Грумента-старшего.

— Гм, — сказал король.

— К ней применяли допрос с пристрастием, — продолжал Геторикс. — Но она продолжает отрицать свое участие в злом деле. Утверждает, что это наговор.

— Что именно она говорит? — поинтересовался король с деланно скучающим видом. История, которую путано, с лишними подробностями излагал

ему недавно назначенный судья, против воли Конана начала его занимать. Ведьмы редко подолгу отрицали свою связь с темными силами. Ведь они, в конце концов, гордятся тем, что злые могущественные духи избрали их, согласились вести с ними разговор и в конце концов начали совместно с ними творить на земле, среди людей свою волю! А не поделиться тем, что составляет гордость всей жизни человека, — практически невозможно. И наступает такой момент, когда схваченный властями колдун начинает похваляться своими преступлениями.

Корацезия же все отрицала. Даже под пытками, как утверждает Геторикс. И это Конан находил весьма странным.

— Корацезия — красивая женщина, — продолжал Геторикс. — Я не исключаю, что Грумент-младший мог заинтересоваться ею. Надо полагать, женщина отвергла притязания богатого наглеца — вот и мотив для оговора.

— Однако полностью отрицать возможность того, что колдовские чары были наведены, нельзя, — сказал Конан. — Я не стану утверждать смертный приговор для Корацезии, пока не будут представлены доказательства ее вины. Кто нанял ее, если только она действительно совершила то, в чем ее обвиняют? Не из любви же к искусству она околдовала Грумента-старшего! Для нее совершенно безразлично, жив этот Грумент или мертв. От смерти старика выигрывал прежде всего его наследник. Не он ли — истинный виновник случившегося? Не он ли заплатил Корацезии, чтобы та применила злые чары?

— Мы проверяли этот вариант, — сказал Геторикс. — Но оба, и Грумент-младший, и Корацезия, дружно отрицают сговор. Вряд ли Корацезия будет жертвовать собой ради Грумента.

— Она вообще отказывается признавать тот факт, что она ведьма, — задумчиво молвил Конан. — Нет, я не стану утверждать смертный приговор. Нужно внимательнее рассмотреть все обстоятельства дела. Пусть женщина пока побудет в тюрьме. А ее дочь доставьте ко мне во дворец. Я не хочу, чтобы с ребенком что-нибудь случилось.

Геторикс поклонился и вышел. Аудиенция была окончена.

Девочку звали Цезония. Когда королевская стража явилась за ней, пятилетний ребенок забился под кровать и наотрез отказывался вылезать наружу, так что Геторикс в конце концов вынужден был встать на четвереньки и вытащить ее оттуда за ногу.

Все то время, пока Корацезия находилась в тюрьме — то есть, шесть дней кряду, — ребенок находился один в маленьком домике, что прятался в глубине переулка, как будто стиснутый с двух сторон более богатыми домами: справа — трехэтажным особняком Грумента, слева — массивным домом, принадлежащим купцу из Коринфии по имени Ильва. Кухарка Ильвы, сердобольная старуха, несколько раз заглядывала к Цезонии и приносила ей

фрукты и лепешки, а больше никто пока не проявлял интереса к судьбе покинутого ребенка.

Водворяя Цезонию в королевском дворце, Геторикс еще раз подивился своему королю. У Конана хватило времени позаботиться о какой-то сироте, мать которой обвиняют в колдовстве! А ведь это должно было прийти в голову самому Гетириксу. Увы, он слишком недолго находился на своем ответственном посту и слишком сосредоточился на самом деле, чтобы обращать внимание на «несущественные» мелочи.

Девочку поручили заботам дворцовых служанок. Те надарили ей глиняных лошадок с гривами из волос, выстриженных из хвостов настоящих лошадей, куколок с соломенными прическами, платьиц; а кроме того, обещали, что с ней повидается сам король. И еще — что мама скоро к ней вернется.

Цезония, разряженная, с липкими от сладостей пальцами, молча играла в свои новые игрушки, а Конан стоял в дверях отведенной ей комнаты и наблюдал. Девочка выглядела совершенно нормальной. Никаких следов дурного обращения или черной магии. Конан знал, что ведьмы часто используют своих детей в магических ритуалах. Дети с их незамутненным, чистым сознанием нередко служат хорошим проводником при разговорах колдуна с подвластным тому духом. Такие дети, если они не находятся под воздействием чар, выглядят тупыми, как бы одурманенными, и почти не интересуются происходящим вокруг. Они пугливы, вздрагивают, если с ними заговорить, у них бледная кожа, черные круги под глазами; они не любят сладкое и вообще почти ничего не едят.

Цезония была другая. Обычный ребенок, любопытный и прожорливый. Конан осторожно вышел из комнаты и прикрыл дверь.

— Следить за ней! — велел он служанке и двум рослым стражам королевского дворца. — Никто не должен пытаться проникнуть к ней! Никто не смеет забирать ее отсюда, даже под предлогом прогулки! Не верить никаким «приказам от короля» — если я захочу видеть ребенка или говорить с ним, я приду лично, а не пришлю посыльного! Ясно?

Безмолвный кивок был ему ответом.

Конан вернулся в свои личные покои и задумался. Что-то в этой истории не давало ему покоя. Что? Неизвестная ему молодая женщина, которая упорно продолжала отрицать свою вину? Брошенная на произвол судьбы пятилетняя девочка?

Нет, другое. Будучи королем, Конан мог исправить положение: он не позволил казнить мать, позаботился о дочери. Но где-то в его столице обитает злой колдун. От одной только мысли о том, что чародейство безнаказанно бродит по Тарантии, у Конана пропадали аппетит и сон.

В конце концов он велел позвать Натизона, своего придворного алхимика. Этот бодрый, довольно ехидный старец занимался преимущественно тем, что разрабатывал различные порошки от блох и тараканов, а также трудился над составами для укладки волос. Конан держал его во дворце уже несколько зим.

Натизон был по-своему предан его величеству. Он явился в Тарантию откуда-то с востока — старик сам не мог в точности назвать свою родину и утверждал, что практиковал в Кхитае, Вендии, Офире и даже Стигии (Конан подозревал, что все это чистейшее вранье). Старик был жалок и нищ; в первый же день попался на мелкой краже и был ввергнут в тюрьму, где долго прикидывался умалишенным. В конце концов, слухи о безумном алхимике дошли до Конана, а король, который время от времени начинал интересоваться разными диковинами, соизволил посетить Натизона.

Старый жулик понравился королю. Конан почувствовал в нем родственную душу. Неунывающий алхимик перестал ломать комедию и сообщил королю, что умеет составлять различные препараты. Например, чесоточный порошок. Если посыпать им человека, тот будет чесаться не переставая, — отличный способ отомстить неприятелю, не подвергая его серьезной беде. Человек, который постоянно скребет ногтями у себя под мышкой, смешон, а репутация его будет навек погублена!

Конан рассмеялся и велел освободить Натизона. С тех пор потешный алхимик и создавал при дворе свои волшебные снадобья.

Но теперь Конану требовалась куда более серьезная консультация.

Натизон явился на зов своего короля так быстро, как только смог. Он приковылял на высохших, похожих на палки кривых ногах, с достоинством расправил широченную бархатную мантию и поклонился, взмахнув в воздухе длинными редкими седыми волосами, которые тщательно расчесывал и украшал лентами и жемчужными нитками.

— Садись, Натизон, — махнул ему Конан. — Скажи, ты настоящий алхимик или просто шарлатан?

Натизон оскорбился. Его борода встала дыбом, бесцветные глаза выпучились, ноздри хрящеватого носа широко раздулись.

— Неужели у вашего величества не было случая убедиться в том, что мое искусство, отточенное многолетней практикой...

— Да, да, — нетерпеливо перебил Конан, — я знаю, что ты способен смешивать порошки и делать мази от чесотки.

— Мой господин король никогда прежде не спрашивал, шарлатан ли я, — продолжал пыхтеть возмущенный старик.

— Просто раньше мне было все равно, — объяснил Конан. — А сейчас я хочу знать: сможешь ли ты определить, был ли данный человек изведен при помощи порчи, или же его кончина последовала от естественных причин? Только не ври. Если не можешь — так и скажи. Клянусь, это никак не отразится на твоем положении при моем дворе.

Старик пошамкал губами:

— Я мог бы попробовать. Если я увижу, что ничего в этом не понимаю, то так и скажу. Но если я разберусь в деле... То что мне за это будет?

— То же, что и всегда, — сказал Конан, забавляясь. — Сытный стол, красивая одежда, прислуга и возможность заниматься любимым делом.

— Ладно, — сдался старик. — Я попробую. Где этот мертвец?

— В семейном склепе, надо полагать. Это Грумент-старший. Не слышал о таком?

Натизон замотал головой.

— Никогда в жизни. Я прихвачу с собой траву-лиходейку. Если взять ее и поднести к трупу человека, изведенного порчей, она даст знать. Она узнает своих собратьев по злому колдовству и подаст голос. Вот так. — И старик несколько раз тонко вскрикнул, как будто его кололи иголкой.

Конан с большим трудом сохранял невозмутимость. Ему хотелось рассмеяться, несмотря на всю серьезность ситуации.

— Ладно, иди готовься, — сказал король. — Я буду ждать тебя в кордегардии. И оденься попроще — в дорожный плащ и сапоги.

Семейный склеп семейства Грументов находился на окраине Тарантии, где погребали самых знатных и богатых граждан города. За пределами города хоронили тех, кому и при жизни не улыбалась удача. Могилы бедняков в конце концов поглощала земля — они зачастую оставались безымянными холмиками, едва различимыми на поверхности. Другое дело — погребения богачей. Грументы возвели для своих мертвецов настоящий дворец — правда, небольшой, но вместительный. Внутри было достаточно места для могил, скамей и столов для поминальных трапез. На стенах даже имелись заранее заготовленные факелы.

— Настоящая крепость! — фыркнул старик-алхимик. — Как мы войдем сюда, ваше величество? Дверь-то заперта?

— А мы попробуем открыть, — ответил Конан и вытащил из-под своего плаща ломик. Являя известную сноровку, он взломал замок и толкнул дверь ногой. Она со скрипом отворилась. — Прошу!

Натизон посмотрел на своего короля с восхищением.

— Стало быть, это правда — то, что про вас говорят, — вымолвил он.

— Про меня много что говорят, — строго ответствовал Конан.

Вдвоем они вошли в склеп, и Конан зажег факелы. Натизон испугался:

— Вдруг нас здесь увидят?

— Пусть видят, — небрежно отмахнулся король. — Я имею право входить куда угодно. Я — король. И если мне захотелось навестить усопшего Грумента — кстати, законопослушного и добропорядочного господина! — то я в своей власти.

— Так-то оно так, но слухи пойдут... — вздохнул старик.

— Приступай к делу, — велел Конан. — Нужно выкапывать труп, или ты обойдешься надгробием?

— Пока обойдусь надгробием, — сказал Натизон, поежившись. — Не люблю я трупы.

— От тебя не требуется, чтобы ты кого-то там любил, — серьезно заявил Конан. — Просто поднеси траву. Давай.

И король решительно скрестил на груди руки.

Натизон пробормотал несколько молитв, обращенных к разным милосердным божествам, после попросил прощения у бедного Грумента, чей прах он намерен потревожить, и вытащил из-за пазухи корень травы-лиходейки. Этот корень представлял собой странную фигурку, похожую на игрушечного человечка, у которого вместо волос растет на голове трава. Ротик человечка был раскрыт, глазки сощурены, ручки растопырены.

— Это трава-мужчина, — объявил Натизон, поднося корешок к глазам Конана и показывая крошечный отросток между «ног» корешка. — Бывают еще женские травки, но они менее сговорчивы. Более лживы.

— Можешь ничего не объяснять, — отмахнулся Конан, отворачиваясь от корешка. — Меня мало занимают подробности алхимических процессов.

— Это не алхимия, — опять надулся старик. — Алхимия есть строгая наука. В алхимии всегда известно, что из чего получится. А это...

Он замолчал, видя, что лицо короля приняло угрожающее выражение, и поднес корешок к свежему надгробию, под которым покоился прах несчастного Грумента-старшего. Поначалу ничего не происходило. А потом из глубины гробницы послышалось тончайшее пение, и фигурка-корешок шевельнулась в руках алхимика. Раздался тот самый тонкий писк, который Натизон пытался изобразить в покоях королевского дворца. Только звук этот был куда более пронзительным. Он проникал в самый мозг и терзал его. Конан зажал ладонями уши.

— Я больше не могу выносить этого! — закричал он. — Уходим отсюда!

— Я не могу оставить корешок, — возразил Натизон.

— Делай, что должен, и убираемся, — повторил Конан. — Я знаю все, что хотел узнать.

Он погасил факел и решительно вышел из склепа.

— Подождите, ваше величество, — старик засеменил следом. — Не бросайте меня здесь одного! Я боюсь!

Конан остановился.

— Закрой дверь, — приказал он, — и иди сюда. Что ты должен сделать с корешком?

— Я верну его в землю, — пробормотал старик. — Прямо здесь, возле склепа. Пусть поет и переговаривается с той лиходейкой, что извела Грумента. Им будет, о чем поболтать, пока не наступит осень и корни не сгниют в земле.

Несколько следующих дней его величество был занят другими делами: прибыли знатные нобили из Киммерии, и Конан приятно провел с ними время на охоте и в пирах. Девочка Цезония по-прежнему жила во дворце и не доставляла никаких неудобств ни нянькам, ни своим охранникам. Это был

кроткий ребенок, рано узнавший горе и умеющий быть благодарным. Две служанки, приставленные к дочке арестованной «ведьмы», не могли нарадоваться на дитя. Если бы Конан спросил их мнение, они захлебывались бы от похвал. Но Конан, как назло, ни о чем не спрашивал.

Больше других страдал от королевского невнимания судья Геторикс. У него появились новые обстоятельства, однако принимать решение без короля — коль скоро тот вмешался в дело — он не осмеливался.

Наконец Геторикс перехватил Конана в коридорах дворца.

Король, навеселе, с оленьей ляжкой в одной руке и кубком в другой, шел с каким-то рослым человеком — судя по всему, одним из киммерийских посланников, — и громко хохотал. Геторикс вырос перед ними, как бледная тень, жаждущая отмщения. Конан остановился.

— Что? — отрывисто спросил король у судьи.

— Прошу прощения, ваше величество, — пролепетал Геторикс, чувствуя себя крайне глупо. Нельзя так робеть перед королем! Тем более перед таким королем, как Конан.

— Ну, — Конан махнул оленьей ляжкой. — Я слушаю! Говори, раз уж подстерег меня здесь.

— В доме Корацезии... Той женщины... Мы еще раз обыскали дом.

— Что вы там нашли? — спросил Конан.

— Одну вещь. Она подтверждает обвинение.

Конан оценил деликатность Геторикса, который продолжал излагать дело иносказаниями.

— Я хочу, чтобы эту вещь принесли в мои покои. Будь там же. И распорядись, чтобы явился Натизон. Ближе к полуночи встретимся там.

Настроение у него было испорчено, хотя он этого и не показывал. Ближе к полуночи король, изрядно пьяный, но все еще с ясной головой, вломился в собственные покои, едва не снеся по дороге двери. Натизон сидел в любимом кресле короля, положив ноги на стол и лениво разглядывая разные безделушки, украшавшие королевскую спальню. Геторикс при виде короля вскочил и поклонился.

Конан небрежно махнул рукой и повалился на свою кровать, которая протестующе скрипнула под тяжестью его тела.

— Что там у вас? — осведомился киммериец. — Показывайте!

— Амулет, ваше величество, — Геторикс протянул королю маленькую золотую вещицу, представлявшую собой несколько переплетенных колец с рубиновым «глазком» в центре.

— Может, это от дурного глаза, — отмахнулся Конан. — Глупость, конечно, но безвредная.

— Нет, это не глупость, а гадость, — заявил Натизон, убирая ноги со стола. — Я посмотрел.

— А, мой знаток черных магических искусств, по совместительству мелкий воришка... — подал голос король, простертый на кровати. — Кстати, любезный

Натизон, у тебя почему-то оттопыривается халат на груди. Что ты сунул за пазуху?

Натизон побагровел.

— Ничего. Неужели ваше величество опустится до того, чтобы подозревать своего верного, преданного...

Конан, захохотав, одним прыжком вскочил с кровати и схватил хрупкого старика в охапку. Никто не успел и слова вымолвить, как король уже перевернул Натизона вниз головой и потряс. На пол посыпались золотые флакончики для духов, браслеты, массивные золотые кольца и вазочки из серебра с эмалью изумительной работы.

Затем король поставил старика на ноги.

— Подбери и поставь на место, — велел он, снова отправляясь к постели. — Глупый старикашка! Вздумал надуть своего короля!

— Это привычка, — забормотал, оправдываясь, старик. — Я не могу иначе. Я ведь никому не приношу вреда.

— Кроме себя самого, — фыркнул Конан и заложил руки за голову. — Рассказывай про амулет.

— Опасная вещица. Ею пользуются для того, чтобы сосредоточиться и войти в мир злых духов.

— Откуда ты знаешь?

— Видел как-то раз. Одного мага. Ах, король, неужели ты не веришь своему верному Натизону? — Старик возмущенно затряс головой. — Я знаю, что говорю. Эта вещь нужна для того, чтобы связываться с миром демонов!

— Верю, — вздохнул Конан. — И все-таки что-то здесь не сходится. Казнить эту Корацезию мы всегда успеем. Никуда она из темницы не денется.

— А если она действительно ведьма? — подал голос Геторикс. — Если она соберется с силами и удерет?

— Ее никто ни разу не навестил. Никто не поинтересовался ее судьбой. И будь она сильна, она давно бы удрала, еще до того, как ее подвергли допросу с пристрастием. Нет, друзья мои, мы не будем выносить поспешных решений. — Произнося сию мудрую фразу, его величество громко рыгнул. — Боги, как я хочу спать... Убирайтесь вон со своими важными проблемами! Убирайтесь, господа! Ваш король будет отдыхать! Никого пока казнить не будем! К амулету приставить охрану... Или знаете что? Поместите амулет в комнату, где содержат девочку... Посмотрим, как они отреагируют друг на друга... И охране скажите...

Затем раздался громкий королевский храп. Судья его величества и придворный алхимик его величества покинули опочивальню.

Господин Грумент-младший, законный наследник Грумента-старшего, вот уже несколько дней испытывал странное беспокойство. Как будто некто не сводит с него пристального взгляда. Кто этот некто? Где он скрывается? Нечто

подобное, насколько слышал Грумент, бывает при магической слежке. Невидимый взор, устремленный на жертву через кристалл ясновидения, вызывает такие ощущения. Грумент лихорадочно соображал: кому из магов он мог насолить в достаточной степени?

На ум ничего толкового не приходило. Да и с магами он в контакт практически не входил. Тот единственный уже стар и немощен. Да и смысла ему никакого нет подглядывать за Грументом. Грумент его всяко не обидел.

Но ощущение всевидящего ока, устремленного на него, не проходило, и наследник покойного Грумента-старшего терял сон и аппетит.

А человек в сером капюшоне сидел на карнизе соседнего дома, заглядывал в окна грументова особняка и ухмылялся сам себе.

Соглядатая Грумент обнаружил к исходу второго дня слежки и похолодел. Кто мог нанять этого широкоплечего гиганта? Кому выгодно? Неужели у глупой Корацезии есть любовник? Нет, это невозможно. Всем известно, что Корацезия добродетельна и до сих пор хранит траур по почившему супругу. Друзей у нее тоже нет — она в Тарантии недавно.

И все-таки некто заподозрил нечто и нанял шпиона.

Грумент усмехнулся, разглядывая себя в зеркало. — Хорошо же! — произнес он вслух, с удовольствием глядя на то, как шевелятся пухлые губы, отраженные в зеркале. — Если он следит за мной, то ему придется за это ответить! Я не стану разбираться, кто нанял шпиона и для какой цели это сделано. Мне недосуг заниматься такими вещами, когда имеются дела поважнее.

Конан ожидал чего-то подобного и потому не удивился, когда в переулке, ведущем к домам Грумента и Корацезии, столкнулся с тремя безмолвными фигурами в черном. Они отделились от стены и молча направились к королю. Естественно, его величество не удосужился сделать свои шпионские приключения достоянием общественности, а убийцам и в голову не пришло, что они имеют дело с королем. Если бы они хотя бы заподозрили, что докучливый соглядатай, не спускающий глаз с их нанимателя, — сам король Конан, они ни за что не взялись бы за эту работу. Более того, они бежали бы из Тарантии и долго не показывались бы в столице из опасения, что король доберется до них и, не снисходя до судебного разбирательства, попросту свернет им шею.

Но ничего этого люди в черных плащах не знали. Уверенные в своем превосходстве, они закружили вокруг жертвы, нащупывая под одеждой длинные кривые кинжалы. Завтра в переулке найдут еще один безымянный труп с перерезанным горлом. Одет этот бродяга так, что сомнений нет: состоятельных друзей или родственников в Тарантии у него не имеется. И руки у него не белые, не гладкие — исчерченные шрамами, мозолистые руки бойца, что также говорит о незнатном происхождении.

Нет, опасаться нечего. Конечно, он окажет сопротивление. Но он один против троих. Никаких сомнений в том, кто победит.

У Конана, впрочем, тоже никаких сомнений на этот счет не водилось.

Первый убийца метнулся вперед. Плащ его взлетел за плечами, как темные крылья летучей мыши. Конан оскалился под серым капюшоном. Он сделал едва заметное движение, переместившись в сторону и выкинув вперед руку с ножом. Никто не успел ничего понять — убийца вдруг резко остановился, как будто налетел на невидимую преграду, громко, гортанно вскрикнул, схватился руками за бок и рухнул на мостовую. Двое остальных отскочили в стороны.

В переулке было тесно, и Конан поспешил воспользоваться этим преимуществом. Он прижался к стене дома Корацезии и несколько раз взмахнул кинжалом так, чтобы отогнать убийц хотя бы на несколько мгновений. И когда они отпрыгнули, киммериец быстро, как кошка, вскарабкался на карниз второго этажа.

Его преследователи переглянулись, очевидно, озадаченные этим маневром своей «жертвы». Затем один из них полез за Конаном. Разумеется, это было ошибкой, в чем не сомневался ни король, ни наемный убийца. Но деньги от заказчика получены, и соглядатай не должен уйти отсюда живым. К тому же смерть одного из троих разъярила убийц. Прежде им не доводилось встречать такого отпора.

Конан с усмешкой наблюдал за неловкими движениями своего соперника. Он не собирался мешать ему — пусть лезет. Здесь, на карнизе, шансов у бедняги попросту не будет. Киммериец прижался спиной к стене, на мгновение как будто растворившись в ней — серый плащ на фоне серого камня — а потом неожиданно нанес нападающему сильный удар ножом по голове.

С пронзительным криком тот повалился на мостовую, и когда сообщник подбежал к нему, его товарищ был уже мертв: при неудачном падении он сломал себе шею.

Последний из троих поднял голову и посмотрел на Конана, стоявшего на карнизе. Конан видел в бледном лице городского убийцы страх и ненависть. Эти два чувства боролись в груди наемника.

— Для тебя было бы лучше сдаться, — сказал ему Конан почти дружески.

— Будь ты проклят! — вскричал наемник, размахивая кинжалом. — Спускайся и покажи на твердой земле, какой ты боец!

— Не пожалей потом! — сказал Конан, спрыгивая с карниза прямо ему на голову.

Они повалились вдвоем на мостовую и покатились по камням, норовя пырнуть друг друга кинжалом. Наконец король, более массивный и сильный, оказался сверху. Он прижал руки своего врага к земле и уселся ему на живот. Наемник захрипел, дергаясь всем телом в бессильной попытке освободиться.

— Тихо, тихо, — сказал ему Конан. — Иначе мне придется перерезать тебе горло.

— Тогда ты... должен будешь... разжать одну руку... — просипел негодяй. — И я освобожусь.

— Я удержу тебя и одной рукой, — заверил его Конан. — Лучше отвечай: кто нанял тебя?

И король улыбнулся. При виде этой улыбки наемник застонал, из глаз его покатились слезы. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким униженным. Ему доводилось и проваливать дело, и бежать с поля боя, и бросать умирающих товарищей. Но никогда еще тот, кто был намечен в жертву, не сидел у него на животе и не улыбался так уверенно и весело.

— Лучше расскажи мне все как есть, дружок, — посоветовал Конан. — Иначе ты горько пожалеешь.

— Я уже... горько жалею... — всхлипнул наемник. Он был сломлен.

— О чувствах — потом. Сперва о деле. Кто?

— Грумент... — выговорил наемный убийца. — Теперь я вне закона... Ты вынудил меня...

— Да ты и без того был вне закона, — «утешил» его Конан.

— Наемник, который выдает своего нанимателя... навек вне закона... среди своих.

— Тебе недолго ходить среди своих, — сказал Конан. — Позволь представиться: я — Конан из Киммерии, король Аквилонский. Моим именем я арестовываю тебя, дружище, и препровождаю в тюрьму. Попробуй только дернуться, и нож будет торчать у тебя в спине. Ты понял?

От ужаса наемный убийца оцепенел. Он не мог произнести ни слова. Сам король Конан! Не королевская власть страшила негодяя — та несокрушимая мощь, которой, по слухам, обладал киммериец. Этот человек сам по себе может один заменить целую армию. И теперь наемник имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре.

— Ну, ты все понял? — нетерпеливо повторил король. — Дай мне знак!

— Я... понял... — прохрипел наконец убийца. — Я... не побегу... подчиняюсь... мой король.

— Вот и хорошо. — Конан вскочил, освобождая наемника и наблюдая за тем, как тот со стонами корчится на земле.

Наконец ему удалось подняться на ноги. Спотыкаясь и постоянно вздрагивая, он побрел вместе с Конаном в сторону королевского дворца, где в подвалах тюрьмы ждала решения своей участи женщина по имени Корацезия.

Нового узника заперли в соседней камере.

Слежка за домом Грумента прекратилась. Правда, наемники почему-то до сих пор не приходили за обещанной второй половиной платы, но Грумента это не особенно беспокоило. Они еще явятся. Возможно, боятся, что их увидит городская стража, и затаились на время в каком-нибудь логове. Главное, исчез

соглядатай в сером капюшоне, а это яснее ясного говорило о том, что поручение выполнено и неведомый шпион убран с дороги.

Оставался еще один свидетель, которому незачем долее испытывать милость Митры. Если под Грумента начинают копать его враги, которые до поры до времени желают оставаться неизвестными, то следует «почистить» за собой. И в сумерках Грумент нанес визит одному убогому старцу, который обитал на окраине Тарантии, рядом с городскими склепами, где богачи хоронили своих умерших.

Глинобитная хижина лепилась прямо к стене кладбища, и в неярком вечернем свете ее нелегко было заметить. Она как будто выросла из стены, точно прыщ на лице. Однако Грумент уже не раз бывал здесь и знал, где вход. Он не утруждал себя и стучать не стал, а просто толкнул покосившуюся дверь, откинул в сторону рваную портьеру и оказался в крошечной комнатке, еле-еле освещенной тусклым огоньком масляной лампы.

Грумент никогда не понимал таких людей, каким был старик Далза. Тот занимался весьма выгодным ремеслом — тайно практиковал магическое искусство. Кто только ни прибегал к помощи Далзы за те долгие зимы, что алчный старик коптил небо Тарантии! В былые времена, возможно, его услуги и стоили не слишком дорого, но затем он набрался опыта и научился делать вещи, которые другим были не под силу. А после того, как к власти в Аквилонии пришел король Конан и магия вообще оказалась под строжайшим запретом, Далза начал брать дополнительную плату за секретность, и доходы его возросли невероятно.

К нему приходили дурнушки, измученные безнадежной страстью, и влюбленные старики. У него побывали многие замужние женщины, которые легкомысленно вели себя в отсутствии мужей и желали избавиться от некоторых последствий таких необдуманных поступков. Его услугами пользовались и те, кому по какой-либо причине требовалось тихо, незаметно и не вызывая подозрений отправить к праотцам в Серые Земли мешающего человека...

К числу последних и принадлежал Грумент-младший. И сумма, которая перекочевала из кошелей Грумента в скорченную ладонь старика, была очень немалой. Далза давно мог жить в богатстве и роскоши, покинув Тарантию и уйдя от дел. Однако он предпочитал заниматься колдовством тайно и никуда из аквилонской столицы не уезжал. Интересно, где он держит свои деньги? Маловероятно, чтобы Далза успевал их тратить.

Старика в хижине Грумент поначалу даже не заметил, настолько тот сливался со своим жилищем. Наконец в углу комнаты ожила и зашевелилась гора грязных, засаленных тряпок, и оттуда неожиданно вынырнуло лицо: грубая, изрезанная морщинами, похожая на кору дерева кожа; между широкими складками утонули крохотные темные глазки без зрачков и белков, огромный нос причудливо изогнутой формы, с глубоко вырезанными ноздрями, из которых торчит серая шерсть, и провал беззубого рта. Все это подрагивало, тряслось и шамкало.

И тем не менее «оно» являлось самым могущественным магом Тарантии и обладало определенной властью над многими знатными и богатыми горожанами.

— Явился! — лязгнул голой челюстью старик. — Зачем явился?

Голос его дребезжал.

Грумент молча смотрел на него.

— Убирайся! — завизжал Дализа. — Мы с тобой в расчете! Дурак! Твой отец помер, как мы и договаривались! У Коравезии нашли все, что должны были найти! Они ничего не поймут! Твой король — такой же глупец, как и ты! Он ничего не поймет!

Грумент, все так же безмолвно, сделал шаг вперед и поднял руки.

Судья Геторикс, не вполне здоровый, был весьма раздражителен и разговаривал со стражником, который топтался на пороге его дома, довольно нелюбезно.

— Ты видишь, я болен? — сипел он, кутаясь в плед. — Ты заметил, что у меня болит горло?

Стражник, который никак этого заметить не мог, моргал и удивлялся.

— Я ведь не лекарь, господин судья, — произнес он наконец и, почувствовав себя совершенным идиотом, замолчал.

— Зачем ты пришел? — рявкнул Геторикс и отчаянно закашлялся. — Ну, что ты молчишь?

— Так ведь господин судья болен... Просто тут ведь убийство... Ну, придушили старичка... — пробормотал стражник. — Может, ничего интересного.

— Богатый старичок? Знатный? Или нищий пьяница утонул в канаве? — сердито наседал на стражника Геторикс. — Говори толком! Если я узнаю, что ты побеспокоил меня напрасно, я тебя... не знаю, что я с тобой сделаю!

Стражник поглядел на судью сочувственно. Несмотря на то, что Геторикс пытался выглядеть грозным и властным, как и подобает настоящему судье, он был человеком довольно кротким и добросердечным. Больше всего он боялся нарушить закон и погрешить против справедливости. Он боялся богов, опасался короля и желал бы прожить свою жизнь честно, не совершая ошибок. Кроме того, ходили слухи, что Геторикс до сих пор находится в полном подчинении у своей властной матушки-вдовы.

Наконец стражник сказал:

— Если господин судья соизволит, мы могли бы пройти вместе к тому месту. Господин судья сам решит, стоящее дело или нет.

Геторикс фыркнул, закутался плотнее в накидку и отправился со стражником к месту преступления.

По дороге оба молчали.

— Это здесь, — заговорил стражник. Он подал голос так внезапно, что Геторикс даже подскочил. Он слишком глубоко ушел в свои мысли.

— Где? — сипло спросил судья и опять закашлялся.

— Да вот, — стражник махнул рукой, указывая на стену кладбища и маленькую хижину возле нее. — Труп там, внутри. Очень интересно.

— Необычайно интересно! — язвительно согласился Геторикс. — Убили нищего? Какая редкость! Он был пьян?

— Он был очень стар, — сказал стражник.

Морщась и зажимая насморочный нос, Геторикс вошел вслед за стражником в хижину.

Там было темно.

— Здесь ничего не видно, — недовольно поморщился Геторикс. — Одни только запахи, а я не пес, чтобы делать выводы на основании... э... ароматов.

— Давайте разломаем дверь, господин судья! — предложил стражник. — Я уж думал над этим.

Геторикс иронически поднял брови. Он и сам не понимал, почему его раздражает этот стражник, неглупый и инициативный. Вероятно, потому, что является сегодня полной противоположностью своему начальству, отупевшему от простуды и ленивому.

— Развали уж сразу стену, — сказал Геторикс. — Я подожду снаружи.

Он вышел и остановился у стены кладбища, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Хижина тряслась, как живая, там ворочался стражник. Он сдернул дверь с петель, сорвал занавес, а потом, пользуясь, как тараном, обломком двери (которая тотчас развалилась в его руках на три части), вышиб кусок глиняной стены.

Из пролома показалась его голова.

— Господин судья! — позвал стражник. — Можно обратно заходить! Теперь тут светло.

Геторикс вздохнул и вернулся в хижину.

На полу лежал труп старика. Более безобразного, отвратительного и гадкого старикашки Геторикс в жизни своей не видывал. Даже бывалый стражник — и тот присвистнул.

— Ну и гадина! — вырвалось у него. Впрочем, он тотчас покосился на начальство и прикусил язык.

Но Геторикс был склонен согласиться с ним.

— Иные говорят, будто по внешности нельзя судить о человеке, но мне кажется, к данному случаю это высказывание не имеет отношения.

— После смерти, господин судья, все, так сказать, у человека наружу. Потому как он прикидываться перестает, — философским тоном рассудил стражник. — Вот, к примеру, живет гадина какая-нибудь, а на лицо очень даже любезно держится. И живет она, живет... А потом, как переселяется на Серые Равнины, — тут вся ее сущность на физиономии и намалевана. Гляди и соображай. Вот так я думаю.

— Вероятно, ты прав, — задумчиво молвил Геторикс, наклоняясь над стариком.

Тот был задушен. Лицо его, и без того жуткое, посинело, толстый язык был вывален изо рта и прикушен голыми деснами, глаза выпучились.

— Но самое любопытное не это, — продолжал стражник. — Это что, просто труп. А вот тут разные документы...

— Где? — судья резко повернулся.

— А везде, — ответствовал стражник. — Я почему вас позвал, господин судья. Старикан, вроде, из простых, из кладбищенских побирушек, но вот ни у кого из нищих, вы уж меня простите, не будет столько исписанного пергамента. И прочего. Он был из ученых. Или ростовщик. Я ведь не разберу, что там написано.

Судья поднял несколько «бумаг» — обрывков пергамента, кусков коры, тряпок и даже оструганных щепочек. Везде одно и то же — имена довольно известных в Тарантии людей и суммы.

— Что это? — проговорил он. — Долговые расписки?

— А здесь! — крикнул стражник, отбрасывая ногой в сторону груду полуистлевших тряпок и открывая яму, выкопанную прямо в полу. — Тут у него тайник был!

— Вероятно, там он хранил деньги. Денег, естественно, нет — их забрал убийца. А вот документы... Почему он оставил документы? Ведь этими долговыми расписками он мог шантажировать по крайней мере три почтенные фамилии... Нет, четыре... пять! — Судья быстро перебрал расписки. — Пять... да, пять. Здесь имена повторяются.

— Он их не заметил, — сказал стражник. — Про деньги он знал, а про расписки — нет. Да и выглядят они... — Он поморщился. — Я бы ни в жизнь не догадался.

— Нет, дружочек, ты-то как раз и догадался, — поправил его Геторикс. — Не надо скромничать. Ты ведь поэтому меня позвал, не так ли?

— Ну... — стражник опустил голову.

— Да, ты прав, ты прав. Тут было темно, убийца задушил старика, забрал деньги... и ушел... Возможно, он — один из этих пятерых... Нет ли здесь имени Грумента, а? Нет, вроде бы нет... Но все равно — крайне любопытно.

Он еще раз посмотрел на то, что держал в руках, а потом улыбнулся.

— Очень, очень интересно. Думаю, стоит доложить об этом королю.

Его величество находился в покоях, отведенных маленькой Цезонии. Девочка привыкла к мощной фигуре короля и перестала его бояться уже давно. Он не приносил ей сладостей или игрушек, но инстинктивно она чувствовала, что этот страшный, гигантский человечище относится к ней с любовью. Не то чтобы король, достигнув зрелого возраста, начал любить детей. Он вообще не разделял людей на детей, взрослых и стариков.

Он разделял людей на тех, кто ему нравится, и тех, кто ему активно не нравится.

Первых он защищал и по-своему баловал, вторых истреблял без всякой пощады. В случаях, подобных делу Корацезии, Конан медлил, решая, к какой категории отнести данного человека.

А вот Цезония нравилась ему безоговорочно. Девочка рассказывала своим куклам бесконечные истории, катала их на деревянных лошадках, угощала сладостями, а потом заботливо вытирала подолом своего платьица их измазанные рожицы. Конан попивал вино из кубка и поглядывал на эти игры.

Что еще было хорошо в Цезонии — она не приставала к другим людям с требованием рассказать ей историю или покатать на спине.

И о матери она тоже не заговаривала. Ждала, пока все решится.

Когда возле дверей покоев возник шум, Конан приподнялся на кресле и крикнул громовым голосом:

— Тихо! Мы отдыхаем!

— Это я, ваше величество, — проговорил Геторикс, всовывая на миг голову и тотчас исчезая. Стражник, получивший от короля четкие указания не пускать никого, даже Крома во плоти, утащил судью подальше от входа.

Конан поднялся и, тяжело ступая, направился в коридор. По дороге он осторожно перешагнул через девочку и тут же чуть не споткнулся о ее мячик. Король фыркнул, как рассерженный конь. Цезония весело помахала ему рукой.

— Что случилось? — осведомился Конан у Геторикса. Тот долго чихал и откашливался, прежде чем заговорить.

— Простите, ваше величество.

— Ну, говори, говори!

— Ваше величество, мы обнаружили убитого кладбищенского нищего.

— Крайне важное сообщение. Надеюсь, государство не пошатнется от этой потери, — сказал Конан.

— Он был задушен, ваше величество. В его хижине обнаружена пустая яма.

— О! — воскликнул Конан, закатывая глаза. — Пустая яма?

— Да, ваше величество, пустая, — не сдавался Геторикс. — Мы предполагаем, что в ней он хранил свои сокровища.

— Кто это — «мы»?

— Один из городских стражей и я.

— А она не была, случайно, отхожим местом?

— Нет, ваше величество. Будь это так, мы установили бы это по запаху, — сказал Геторикс и покраснел. Он вдруг понял, что король насмехается. — Простите, ваше величество! Я не вполне здоров и туго соображаю.

— Ладно, — сжалился Конан. — Рассказывай, как можешь.

— Самое интересное — долговые расписки. Я забрал их.

— У нищего в хижине были долговые расписки?

— Именно. — И Геторикс вручил королю то, что забрал в доме Далзы. Молодой судья с удовольствием наблюдал за тем, как изменяется выражение лица Конана. Наконец король кивнул:

— Поразительно! А теперь, Геторикс, идем ко мне. Я велю Натизону принести тебе какое-нибудь снадобье от боли в горле. Надеюсь, он тебя не отравит. А потом, в тишине и покое, рассмотрим эти документы. Я хочу, чтобы ты прочитал их мне. Стоит обсудить, кто в Тарантии и почему задолжал какому-то кладбищенскому нищему. Так ты говоришь, речь идет о немалых суммах?

События в Тарантии опережали короля, и Конану это не нравилось. Следующая же ночь принесла очередную неожиданность.

Некий пьянчужка, возвращаясь домой и проходя мимо кладбища, увидел странную картину. Настолько странную, что поначалу не поверил своим глазам.

Солидный господин в хорошей одежде... Точнее, эта одежда некогда была хорошей, а теперь пообносилась и выглядела так, словно ее владелец несколько ночей провел в выгребной яме... Так вот, этот господин перелезал через кладбищенскую ограду.

Спрашивается: что делает упитанный, хорошо одетый (хоть и чумазый) человек ночью на кладбище? Обворовывает могилы? Сомнительно.

Пьянчужка ни жив ни мертв прижался к стене, стараясь скрыться в тени. В лунном свете мелькнуло лицо странного человека, и тут уж бедняге соглядатаю пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть от ужаса: он узнал этого ночного гуляку. То был владелец таверны «Колесо и мышь», с которым у пьянчужки случались разнообразные столкновения.

Но не это устрашило его. А то прискорбное обстоятельство, что сей владелец таверны был мертв не менее луны и мирно покоился в своей могиле.

— Ой-ой, — прошептал пьянчужка, не сводя побелевших глаз с мертвеца, который шатающейся походкой удалялся по улице, направляясь в центр города. — Ой, что это делается...

Он задохнулся и приложил ко рту ладони. Потому что над оградой показалась вторая голова. Лицо выглядело ужасно — белое, с отвисшими щеками и провалившимся ртом. Этот, хоть и был пьянчужке незнаком, тоже был мертв. И пролежал он в земле несколько дольше, чем первый. После второй или третьей попытки покойнику удалось забросить ногу на ограду. Он подтянулся на руках, потерял палец (на что не обратил внимания) и неловко свалился на землю по другую сторону кладбища. Он находился в каких-то двадцати шагов от потрясенного наблюдателя.

До пьянчужки доносились запахи раскопанной земли и разложения. Его едва не вырвало — одни боги знают, как ему удалось удержаться и не завопить от страха и отвращения. А кошмар продолжался. Второй покойник вел себя точно так же, как и первый, — он осторожно побрел по улице.

Не желая больше находиться рядом с этим жутким местом, пьяница полетел по переулкам и мчался до тех пор, пока не оказался на площади, где стоял королевский дворец.

Конечно, дворец — не место для загулявших пьяниц. Это он кое-как понимал — краем воспаленного, истерзанного ужасом сознания. Но идти к себе домой он боялся. Мертвецы могут быть везде. Здесь хотя бы стоит стража.

В любое другое время наш пьянчужка избегал бы общества стражников. Потому что он не только любил употреблять горячительные напитки, но и прикладывал время от времени некоторые не вполне законные усилия к тому, чтобы их раздобыть.

Говоря проще, подворовывал на рынке.

Но сейчас стражники показались ему милее родных братьев. Аквилонские гвардейцы, обычно невозмутимые верзилы, которых трудно смутить, — и те вздрогнули и отпрянули, когда из темноты, завывая и захлебываясь слезами, к ним выскочил оборванный человечек и бросился перед ними на колени. Он простирал к ним чумазые руки, весь трясся и бормотал бессвязное.

— Уйди ты, — брезгливо выговорил наконец один из стражников. — Что ты здесь делаешь? Иди, проспись. Здесь тебе не кабак. Ты хоть знаешь, куда прибежал?

— Спасите, — лепетал пьяница. — Они везде...

— Кто? — полюбопытствовал второй стражник, наклоняясь к ползающему по мостовой пьянице и качнув при этом алебардой. — Кого ты увидел?

— Мертвецы...

— Пьяный бред, — сказал один стражник другому.

— Нет, клянусь! Клянусь богами! Почтенные стражники! — взвыл несчастный, видя, что его сейчас прогонят. — Не оставляйте меня одного! Здесь страшно! В Тарантию пришла порча!

Он так умолял, так пресмыкался и плакал, что стражники в конце концов позволили ему провести ночь рядом с ними, поставив единственным условием: замолчать и не двигаться. А утром стало ясно, что все эти ужасы бедолаге не привиделись.

Несколько человек в Тарантии были найдены мертвыми — задушенными, с проломленной головой, зарезанными в собственном доме.

Конан был мрачнее тучи, когда судья докладывал ему о происшествиях в столице.

— Соображения? — спросил наконец киммериец.

Судья молча развел руками.

— Ладно. Кто из погибших числился в расписках, которые ты нашел в хижине кладбищенского нищего?

Таковых оказалось двое. Однако остальные тоже каким-то боком — Конан чуял это! — имели отношение к задушенному старику.

Судья Геторикс наконец решился и высказал свое мнение:

— Ваше величество, между этими людьми есть нечто общее.

Конан взвел левую бровь, показывая, что слушает.

— Все они унаследовали некоторое состояние от своих родителей.

— Это довольно распространенное явление, — сухо заметил король.

— Все они вступили в наследство недавно, — упорно продолжал Геторикс. — Самое раннее — две луны назад. После скоропостижной кончины богатых родственников.

— А это уже интереснее, — сказал король. — И знаешь, что я думаю?

— Вероятно, то же, что и я, — отважился Геторикс.

Король откинулся на спинку кресла и удовлетворенно улыбнулся.

— Говори.

— Я думаю, что все эти мертвецы были изведены колдовством. Что наследники побывали у известного нам кладбищенского нищего и заплатили ему, чтобы тот провел ритуалы черной магии. Что некоторые из них расплатились с колдуном деньгами или драгоценностями, а другие оставили долговые расписки. И что после смерти черного мага сила его чар ослабла, и мертвецы начали выходить из могил, чтобы отомстить тем, кто стал причиной их смерти.

— Молодец! — рявкнул Конан. — Я вижу, что не ошибся, назначив тебя на должность судьи. Отлично, друг мой. Превосходно. Теперь осталось выяснить, где же украденные у кладбищенского нищего драгоценности. Что ты думаешь об этом?

— Я думаю, что один из клиентов колдуна — господин Грумент. Он вызвал гнев черного мага и послужил причиной появления в городе оживших мертвецов. И драгоценности у него.

— Именно. Когда мы их обнаружим, виновник кошмара станет известен всей Тарантии. — Конан вдруг зевнул. Он плохо спал все это время. — И мы сможем его с чистой совестью... а-ах... — Зевая, король едва не вывихнул челюсти. —... четвертовать.

— Есть свидетель, — сказал вдруг Геторикс.

— Какой свидетель? — насторожился Конан.

— Один пьянчужка. Он первым увидел, как мертвецы выбираются из могил. Он был так напуган, что прибежал ко дворцу и умолил стражников оставить его ночевать в казарме.

— Он до сих пор там? — заинтересовался король.

— Да, ваше величество. Наотрез отказывается выходить.

— Я хочу видеть этого отважного пьяницу, — заявил король.

И Конан вместе с Геториксом немедленно отправился в казарму.

Бедный пьянчужка забился в угол помещения и глядел по сторонам ошалевшими выпученными глазами. У него болела голова, но никто из бессердечных стражников не догадался дать ему вина. Он был также голоден, но об этом даже не заикался. Умереть от голода и жажды представлялось ему лучшей участью, нежели погибнуть от лап живого мертвеца.

Конан вошел в казарму и с любопытством посмотрел на «свидетеля».

— Эй, ты, — позвал король. — Иди-ка сюда.

— Я? — ужаснулся чему-то пьянчужка.

— Ну да, ты. Как тебя зовут?

Пьянчужка задумался.

— Ну... Тибур.

— Тибур? Не тот ли Тибур, которого прошлой луной публично высекли на рыночной площади за кражи?

— Нет, нет. Совсем другой. Тот Тибур мне даже не родственник, — быстро сказал пьяница.

— Вина мне и Тибуру! — крикнул Конан громовым голосом.

Один из стражников немедленно подскочил к королю с кувшином. Конан уселся за стол, который действительно был немного сдвинут с места, и поманил Тибура пальцем.

— Иди, иди. Ты ведь хочешь выпить?

— Больше всего на свете, — искренне сказал Тибур.

— Садись и пей. Расскажи мне обо всем, что ты видел.

— Ладно, господин. Все расскажу без утайки... — Тибур выбрался из своего угла, приблизился к Конану и вдруг затрясся всем телом. — Вы ведь... вы ведь король? Конан? Ваше вели...

Он повалился на пол лицом вниз. Конан легонько подтолкнул его ногой.

— Да, я король, а ты сейчас сядешь рядом, выпьешь со мной вина и обо всем расскажешь. А потом, если я решу, что ты достоин награды, я дам тебе пару монет.

— Выпить с королем — вот награда... — пробормотал Тибур. Он осторожно уселся на краешек скамьи.

... И до конца дней своих потом рассказывал по тавернам, как пил с самим Конаном-Киммерийцем, королем Аквилонии. Ему, естественно, не верили, но охотно угощали выпивкой — лишь бы послушать страшную историю о живых мертвецах и королевской награде — двух золотых монетах, которые Тибур носил на веревочке на шее.

Однако не следует так далеко забегать вперед. Отпустив Тибура, пьяного от счастья, Конан вернулся во дворец. Его уже ждала небольшая делегация из двух десятков почтенных граждан, как доложил его величеству дежурный капитан стражи.

— Пустить, — махнул рукой король. — Чем скорее я узнаю все новости, тем лучше. И распорядись, чтобы мне подали завтрак в зал для приемов.

Таким образом, когда делегация была допущена к королю, его величество сидел на троне, держа на коленях большое блюдо с мясом и лепешками, и ел.

— Говорите, — обратился к вошедшим король, жуя.

— Но ваше величество... — попятился один из делегатов, важного вида мужчина в черной бархатной одежде. — Мы не смеем мешать...

— Я же сказал — говорите! — рявкнул король с набитым ртом. — Мне некогда. Я не могу позволить себе сперва позавтракать, а потом выслушать новости. Слишком быстро все происходит.

— Ваше величество прав, — произнес другой посетитель, худощавый человек зим тридцати. — Мы напуганы. Мы, уважаемые жители Тарантии, боимся

живых мертвецов. До вчерашней ночи мы полагали, что, законно вступив в права наследования, мы находимся в полной безопасности. Но случившееся...

Конан впился зубами в кусок мяса.

— Кстати, — сказал его величество спустя несколько мгновений, — а все ли из вас законно вступили в права наследования? Может, кто-нибудь прикончил своего богатого предка?

Грубый тон короля смутил многих. Но по-настоящему обозлились только двое, и Конан тотчас взял их на заметку.

— Нет, ваше величество, — от лица всех присутствующих важно проговорил господин в черном бархате. — Ничего подобного у нас и в мыслях не было.

Конан махнул ему рукой, чтобы замолчал, и обрызгал жиром бархатные одежды собеседника.

— Понятно, понятно, — произнес король. — Можете не продолжать. Что вам угодно от меня?

Заговорил третий посетитель — совсем молодой человек, бледный, востроносый, с темными кругами под глазами.

— Мы все полагаем, что мертвецы оживают, потому что некто осквернил их своим черным колдовством.

— Согласен, — вытер губы король.

— Ваше величество повелел арестовать некую ведьму Корацезию, — продолжал востроносый. — Она совершенно справедливо содержится под стражей. Наши мертвые требуют возмездия. И возмездие возможно лишь одно: виновница их гибели должна быть уничтожена!

— Так вы признаете, что обращались к колдуну с просьбой извести ваших богатых родственников? — язвительно спросил король.

Востроносый отшатнулся, а остальные за его спиной принялись возмущенно перешептываться.

— Ваше величество не понял, — вмешался тот, что в черном бархате. — Мы вовсе не виновны в этом преступлении. Но ожившие мертвецы угрожают всему городу. И в их появлении мы обвиняем Корацезию. Мы требуем ее смерти!

— А, — сказал король и принялся ковырять в зубах. — Теперь понятно. Ступайте, добрые люди! Я сделаю все, чтобы ожившие мертвецы снова стали спокойными мертвецами и заснули вечным сном в глубоких могилах.

И властным жестом он показал, что аудиенция окончена.

Некий человек по имени Гавий не стал тратить времени и ходить к королю с прошениями. Едва прослышав о том, что случилось в столице этой ночью, он мгновенно сделал определенные выводы и принял решение. Он собрал в мешок некоторое количество золотых монет и драгоценных камней, в другой уложил припасы, позвал слугу и велел подготовить двух лошадей и вьючного мула.

— Мы уезжаем из Тарантии, — объявил Гавий. — Ты будешь меня сопровождать.

— Могу я спросить господина, куда мы направляемся? — осторожно осведомился слуга.

— Пока что переправимся за реку Хорот, — нервно ответил Гавий. — Кто знает, может быть, они испугаются воды...

— Кто «они»? — спросил слуга и тут же схлопотал оплеуху.

— Не твое дело! Я же сказал — подготовь двух лошадей и мула. Навьючь на мула вот эти мешки. Встречаемся во дворе. Думаю, за седмицу добраться до Танасула. — Последнюю фразу он пробормотал под нос, явно разговаривая сам с собой. Слуга плюнул и, потирая щеку, на которой отпечаталась красная хозяйская пятерня, отправился в конюшню.

Вскоре они уже мчались, сломя голову, к переправе через реку чуть севернее столицы. Слуга был почти уверен, что дело именно в том странном ночном происшествии. Служанки на базаре (которые всегда и все знают в самых подробных деталях) говорят — мертвецы убивают тех, кто извел их порчей. А старший сводный брат Гавия скончался не так давно — и от очень странной болезни. Самым странным в этой хвори была ее внезапность. Старший Гавий был здоров, как бык, и вдруг начал чахнуть на глазах. И тотчас объявился Гавий-младший и заявил о наследстве.

Прошлое — такая неприятная штука! Особенно если оно подозрительное. И особенно — если оно упорно не желает оставаться в прошлом и все время лезет в настоящее, вмешиваясь в ход событий.

Утро не предвещало никаких бед. Колесница Митры уже показалось из-за окоема. На траве искрилась роса, река медленно несла свои воды на свидание к притокам — Тайбору и Красной, чтобы потом, объединившись, влиться в бескрайнее море возле Мессантии. То и дело по водной глади расходились круги — там плескала рыба.

Переправа была уже видна вдали. Перевозчик, конечно, еще спит — в такое время суток желающих переправиться за реку найдется немного. Но ничего, его разбудят. А золотая монета подбодрит его и заставит хорошенько потрудиться. Так размышлял Гавий, вглядываясь вперед. Слуга угрюмо тащился за ним. Если ожившие мертвецы не успокоятся, пока не прикончат всех, кто свел их в могилу, то ему, Деку, который много зим служит семейству Гавиев, лучше бы держаться подальше от молодого наследника.

Дек поскреб затылок, размышляя о происходящем. Конечно, лучше всего было бы сейчас дать деру. Но у хозяина лошадь лучше — догонит, и тогда... Рука у молодого Гавия тяжелая. И Дек опять потер щеку.

Перевозчик, как ни странно, не спал. Сидел себе на берегу и как будто поджидал пассажиров. Это насторожило Дека, но обрадовало Гавия.

— Смотри! — он подтолкнул слугу в бок. — Кажется, мы оторвались от погони. Если тот, о ком я думаю, и преследует нас, мы будем на противоположном берегу реки прежде, чем он доберется до переправы. Очень хорошо! А я обрублю канат, и паром выйдет из строя до вечера... К вечеру мы будем далеко отсюда.

Дек угрюмо поглядел на хозяина, но промолчал. Ему не хотелось поддерживать разговор.

Тем временем паромщик медленно поднялся и не спеша заковылял навстречу Гавию и его слуге. Он шел вразвалку, как будто ему трудно было волочить по земле ноги. Эта походка заставила Дека насторожиться. Что-то показалось ему подозрительным. Он не мог сказать — что именно. Просто... нехорошо как-то.

Не могли высказать своего мнения и бессловесные твари — лошади и мул, но их поведение говорило само за себя, таким выразительным оно было. Мул, всегда такой смирный и покладистый, вдруг бешено раздул ноздри, заржал и поднялся на дыбы, а потом повернулся и что есть духу галопом припустил прочь от переправы. Не лучше вели себя и верховые лошади. Как ни пытались управлять ими всадники, они бесились, брыкались и в конце концов сбросили на землю седоков, после чего побежали вслед за мулом.

Гавий, сидя на земле и потирая ушибленную спину, глядел, как удирают его животные. Вместе с мулом от него стремительно удалялись немалые сокровища и припасы, столь необходимые в дороге. Однако страх смерти пересилил алчность. Мертвому богатства не нужны, это всякий знает. И Гавий с трудом поднялся на ноги. Теперь и он ковылял не хуже перевозчика. А тот был уже довольно близко.

Дек поскорее отполз в кусты. Самое время бежать! Хозяин слишком занят собой — сейчас он вовсе позабыл о слуге. Но скоро Гавий вспомнит о нем. Вспомнит — да будет поздно! Нет уж. Старый Дек не такой болван, каким кажется. Старый Дек потихоньку покинет его и вернется в Тарантию, в обжитой дом в центре столицы. И будет жить там, сторожить дом и хозяйское имущество, пока не объявится какой-нибудь дальний родственник.

Потому что с теперешним Гавием — и Дек видел это слишком ясно — покончено.

Паромщик приблизился к Гавию вплотную — рыхлая, воняющая землей туша. Почерневший рот раскрылся, пахнуло гнилью.

— Ну что, сводный братец? — низким, рокочущим голосом произнес «перевозчик». — Вот мы с тобой и встретились!

Дикие вопли Гавия долго еще преследовали убегающего Дека, пока тот, не разбирая дороги, несся вдоль реки, обратно в Тарантию.

Грумент, проснувшись в своем особняке, обнаружил — к собственному возмущению — что в доме нет ни одного слуги. Все разбежались кто куда. Поначалу он приписал это какому-то мятежу, который, вероятно, начался в столице. Ничего удивительно — при правлении короля-варвара!

Однако ближе к полудню кое-какие слухи стали доходить и до Грумента, который отважился выйти на улицу и прогуляться. Никаких признаков мятежа он не обнаружил; равно никто из врагов не пытался штурмовать столицу Аквилонии. Ничего такого. И все же прохожие выглядели бледными и взвол-

нованными, и на всех углах, на площадях, возле фонтанов собирались зеваки по двое, по трое, а то и небольшой толпой. Все они переговаривались, взволнованно размахивая руками.

На одном углу Грумент вдруг заметил своего раба и устремился к нему. Однако раб при виде хозяина побелел, как стена, возле которой он околачивался, подскочил на месте — точно узрел призрака — и бросился бежать со всех ног. Толпа сомкнулась, не пропуская Грумента и позволив нерадивому слуге скрыться.

— Что происходит? — выкрикнул Грумент, с ненавистью разглядывая глупые рожи, которые пялились на него со страхом и отвращением. — В чем дело? Куда все разбегаются? В городе моровая язва?

— Хуже, господин, — промямлил один из простолюдинов, которого Грумент ухватил за горло и тискал, не на шутку угрожая придушить. — Ожившие мертвецы! Нападают на богачей!

Грумент отпустил зеваку и широкими шагами удалился. Он возвращался домой. Тарантия охвачена паникой. И Грумент лучше, чем кто бы то ни было, догадывался о причинах этой паники. А это означало...

Это означало, что проклятый король-варвар либо уже все знает, либо скоро пронюхает правду и явится прямиком к Грументу.

Конан ненавидел магию и не делал из этого тайны. И Грументу лучше поостеречься. Покинуть столицу так, чтобы об этом никто не знал, ему уже не удастся — за его домом наверняка следят. И то неслыханное, о чем шепчутся на улицах, то, что восстало из могил, взывая к отмщению и справедливости, тоже стережет Грумента. Оно может оказаться где угодно. Самым безопасным местом является особняк.

Грумент забаррикадировал двери, закрыл окна ставнями, обложился оружием и стал ждать.

Времени прошло совсем немного, когда в дверь постучали. Грумент усмехнулся, но даже не пошевелился. Если им так нужно войти, пусть ломают дверь. Это займет у них немало времени. А к тому моменту, когда стражники будут здесь, они изрядно подустанут, и справиться с ними не составит большого труда.

— Откройте именем короля! — раздался чей-то громовой голос.

Почти сразу внизу что-то рухнуло. Грохот раскатился по дому. Грумент вскочил. Как быстро! Сколько же там народу? Они, похоже, решили штурмовать дом, словно вражескую крепость! Уж не таран ли они с собой прихватили?

Но все оказалось гораздо хуже. Нет, тарана с городскими стражниками не было. Зато с ними был сам король Конан, собственной персоной. В сером плаще с капюшоном, с обнаженным мечом в руке, киммериец ворвался в комнату, где отсиживался Грумент.

Тот вдруг узнал соглядатая, который шпионил за его домом. Так вот кто был тот неведомый человек! Так вот почему наемные убийцы так и не явились

за своей платой! Ничего удивительного — король Конан мог передушить их одной рукой, как слепых щенков.

И теперь этот страшный человек, этот варвар на королевском троне, стоял перед Грументом и весело улыбался — как будто они встретились за кружкой доброго темного эля где-нибудь в таверне.

— Я предлагаю тебе положить оружие и сдаться, — сказал Конан. — Поведаешь обо всех своих преступлениях, и я позабочусь о том, чтобы твое упитанное тело не досталось на завтрак мертвецам.

— Я не совершал никаких преступлений! — выкрикнул Грумент в отчаянии и поднял меч.

— Почему-то я сильно сомневаюсь, — ответил Конан. — Но если ты хочешь — сразимся. Надеюсь, ты умеешь владеть этой железкой, в которую ты вцепился, точно в грудь матери?

Зарычав, Грумент кинулся на короля. Стражники, которые поднялись в комнату вслед за его величеством, столпились у входа. Никому из них не приходило в голову вмешаться в поединок. Они уже знали, что король Конан терпеть такого не мог. После боя виновник получит плетей, а то и вовсе вынужден будет покинуть Тарантию и королевскую службу. Поэтому они просто наблюдали, время от времени разражаясь воплями и издевательским хохотом.

Грумент огромными прыжками скакал по комнате, то и дело налетая на громоздкую мебель. Конан, точно дикая кошка, скользил за ним. И непрерывно улыбался. В полутемной комнате с закрытыми ставнями то и дело вспыхивала белозубая улыбка варвара, ослепительная на загорелом обветренном лице.

Затем последовал выпад. Один-единственный. Меч вылетел из руки Грумента и с низким звоном вонзился в деревянные ставни. Грумент метнулся к своему оружию, но Конан, совершив мгновенный, неуловимый для глаза прыжок, оказался у него на пути. Улыбаясь, король покачал головой.

— Даже не думай об этом, вонючка. Ты арестован. Моим именем ты будешь препровожден к месту казни... Берите его, ребята! — обратился он к стражникам, и они, как спущенные с привязи цепные псы, кинулись на осужденного.

Пока крепкие солдатские руки вязали преступника, король Конан стоял над ним, широко расставив ноги, и перечислял назидательным тоном — как будто делал внушение напроказившему ребенку:

— Ты, дорогой мой, обвиняешься в клевете. Из-за тебя чуть не казнили неповинную женщину. У бедняжки ведь есть ребенок, ты не знал? Девочка. Очаровательная малышка. Не в пример тебе, отродье Зандры. Ты обвиняешься в том, что обратился к тайному магу. Магия в Тарантии запрещена. Забыл? Ты убил родного отца. Очень скверный поступок. А потом убил и тайного мага. Это единственный хороший поступок в твоей жизни. Но вот грабить его не следовало. Следовало отнести все его золото в мою казну, а заодно сдать туда и

долговые расписки... Тащите его, ребята! — последняя фраза была обращена к солдатам.

И Грумента, связанного по рукам и ногам, вытащили из его собственного дома и с шутками и издевательскими воплями потащили по улицам Тарантии.

Герольд в полном официальном облачении ждал Конана внизу. Он возглавил шествие, по дороге выкликая:

— Смотрите, жители Тарантии! Смотрите на человека, из-за которого мертвецы вышли из могил! Смотрите и на нашего доброго короля, который схватил его и сейчас предаст справедливой казни! Смотрите! Смотрите, жители Тарантии!

И жители Тарантии выбегали из домов, останавливаясь на пороге, и выглядывали из окон, они вылезали из сточных канав и выбирались из таверн, они останавливали телеги и лошадей, чтобы увидеть убийцу — сообщника колдуна. Они приветствовали Конана и собирались толпами, чтобы бежать за процессией и собственными глазами увидеть, чем закончится вся эта ужасная история.

Вот уже показалась длинная стена, отгораживающая кладбище от мира живых. Конан велел стражникам внести связанного Грумента на кладбище и там привязать к дереву.

Грумент заговорил, прервав долгое молчание.

— Ты не сделаешь этого, проклятый варвар! — зашипел он, пытаясь плюнуть в Конана. Слюна бессильно текла у него по подбородку.

Конан смотрел на него холодными синими глазами. Ни один мускул не дрогнул на суровом лице короля.

— Я сделаю это, — после короткой паузы ответил король. — И вся Тарантия станет свидетелем твоей позорной смерти.

Он велел стражникам оставить возле осужденного факелы — на тот случай, если ждать придется до темноты, — и убираться из опасного места. То же самое он посоветовал сделать и зевакам. Королю не пришлось прибегать к помощи герольда: когда он хотел, его зычный голос легко раскатывался на большое расстояние, и горожане тогда вспоминали, что их королю доводилось командовать армиями.

— Уходите! — крикнул Конан. — Вы можете смотреть за происходящим издали! Зрелище того стоит, хотя оно опасно!

И сам, подавая пример, вышел с кладбища. Впрочем, короля вскоре увидели на крыше одного из домов. Там он устроился с большим удобством — польщенные хозяева дома, небогатые и совсем незнатные люди, принесли его величеству свой лучший матрас и шелковое покрывало.

Прошло совсем немного времени, и на кладбище началось шевеление. Медленно закачались кусты, потом с громким скрипом отодвинулся в сторону могильный камень... Приподнялся кусок дерна... Отовсюду протянулись полусгнившие руки с отросшими за время лежания в могиле ногтями. Показались мертвецы.

Вперед выступил один из них в хорошо сохранившейся парчовой одежде. Его голос звучал низко и сипло из-за того, что голосовые связки уже тронуло разложение.

— Мой сын! — произнес он медленно, прилагая все усилия к тому, чтобы четко выговаривать слова. — Я любил тебя!

Грумент дрогнул. Веревки, удерживающие его у ствола дерева, натянулись, жилы на шее осужденного напряглись, лицо посинело от тщетного усилия освободиться.

— Нет! — завопил он. — Конан! Освободи меня! Мой король! Спаси меня!

Молчание было ему ответом.

— Тебе нет надобности возвращаться в тот дом, — сказал Конан Корацезии, когда судья Геторикс представил ее королю. Корацезия, в новом красивом платье со шнурованным лифом, застыла в поклоне. Конан с удовольствием рассматривал эту женщину, зрелую, с пышными волосами и мягким взглядом круглых светлых глаз.

— Ваше величество, — пролепетала Корацезия. Она явно не знала, что сказать.

— Я с удовольствием видел бы тебя во дворце, — продолжал король. — Надеюсь, ты хорошо чистишь серебро... Да и твоя дочка, кажется, привыкла к этим покоям.

— Благодарю, — прошептала Корацезия.

— А если тебе захочется снова выйти замуж, — продолжал король, бросая на Геторикса косой, лукавый взгляд, — то, полагаю, препятствий тебе никто чинить не станет. Во всяком случае, ты и твой избранник всегда вправе рассчитывать на поддержку своего короля!

Содержание

КОНАН И КХИТАЙСКИЙ МУДРЕЦ

Тайна замка Амрок 7
Отдай мне свою молодость 65
Иероглиф желаний 84
Смерть в саду золотых масок 133

КОНАН И НЕУНЫВАЮЩАЯ ВОРОВКА

Голодный золотой божок 191
Потерянный город 252
Конан во дворце наслаждений 285
Кхитайская печатка 321
Крыланы из Шадизара 364

КОНАН И ДВОЕ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

Пленники песчаных вихрей 415
Красавица в зеркалах 488

КОНАН И ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Дочь песочного царя 586
Стигийские маги 632
Таинственный ип-туип 695
Змея и мумия 741
Глаз Кали 774
Беспокойные мертвецы 867

Литературно-художественное издание

Дуглас Брайан

ПУТЬ ВОИНА

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Верстка: *Сергей Чесноков*
Корректор *Мария Орлова*

Подписано в печать 18.12.08. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 72,24. Тираж 3 000 экз. Заказ № 659

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, РФ, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати», 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Конан
и кхитайский мудрец

Конан
и неунывающая воровка

Конан
и двое заблудившихся

Конан
и искатели приключений

ISBN 978-5-17-048926-8
9 785170 489268